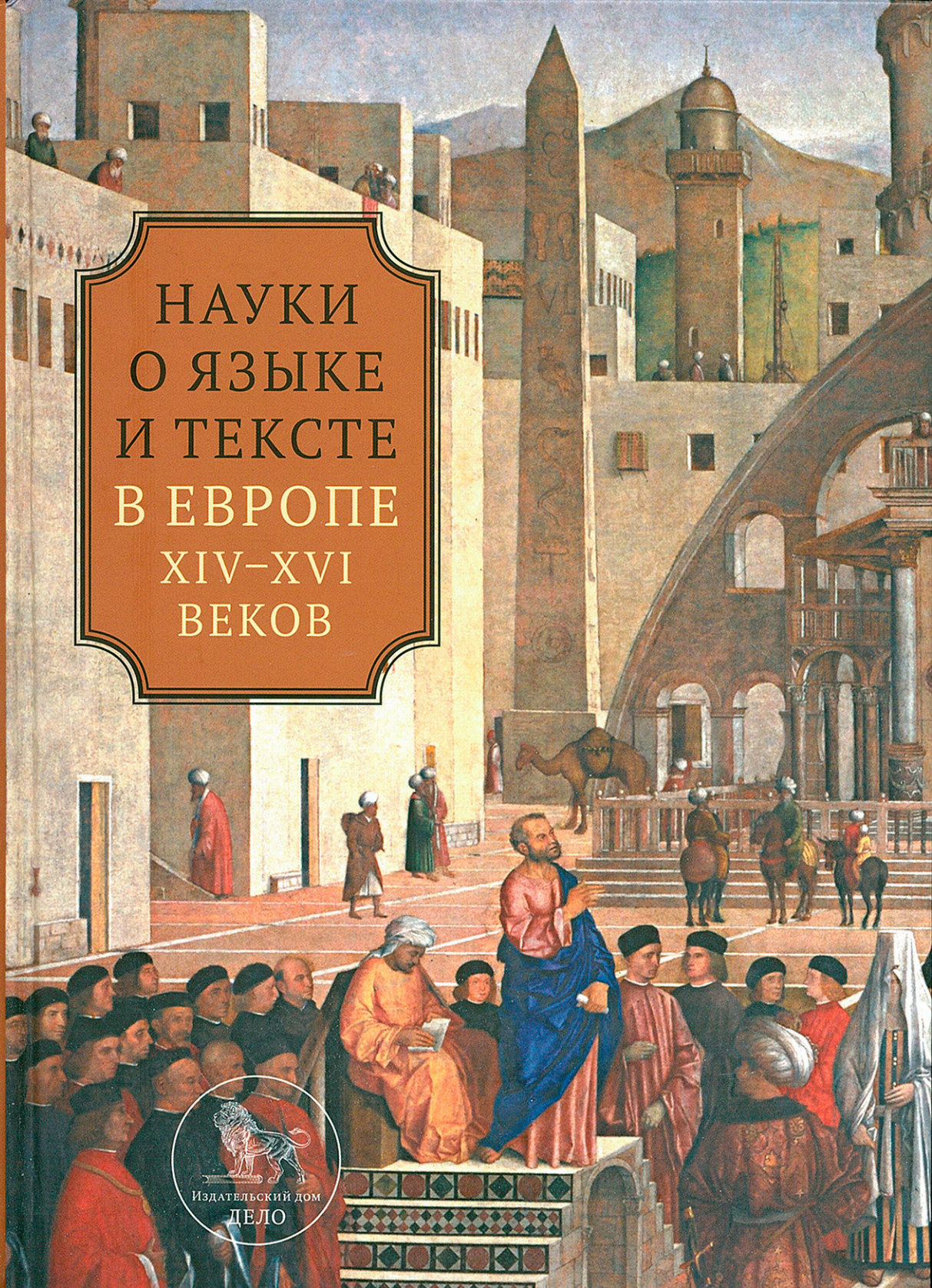

НАУКИ О ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ В ЕВРОПЕ XIV-XVI ВЕКОВ

НАУКИ О ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ В ЕВРОПЕ XIV-XVI ВЕКОВ

**ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI веков

| Издательский дом ДЕЛО |

Москва | 2016

УДК 81
ББК 81
Н34

В оформлении обложки использована работа Джентиле и Джованни Беллини «Проповедь святого Марка в Александрии» из собрания пинакотеки Брера (Милан).

При подготовке издания использованы результаты, полученные в ходе выполнения исследовательских проектов при поддержке РГНФ «Рождение классики: историческое самосознание науки в доклассическую эпоху» и «Объективность, достоверность и факт в гуманитарных науках раннего Нового времени: историческая реконструкция и пути рецепции».

Составители и ответственные редакторы

Ю. В. Иванова, М. В. Шумилин

Н34 Науки о языке и тексте в Европе XIV–XVI веков. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. — 632 с.

ISBN 978-5-7749-0954-4

Создателями монографии реализован принципиально новый подход к написанию истории наук о языке и тексте в позднесредневековой и ренессансной Европе. Читателю предлагается ряд детальных *case studies*, сопровождаемых фрагментами текстов источников, впервые переведенных на русский язык, с подробным комментарием. Данная книга — одновременно и опыт истории европейской гуманитарной науки раннего Нового времени, построенной на конкретном источниковом материале, и учебное пособие (а заодно и справочник) по лингвистике, текстологии, литературоведению и герменевтике Возрождения, и просто увлекательное чтение для всех интересующихся прошлым гуманитаристики. Издание не имеет прецедентов не только в отечественной, но и в мировой науке и будет чрезвычайно полезно историкам Средневековья, Ренессанса и раннего Нового времени, специалистам по истории науки, культуры и филологам самых разных направлений. Издание найдет применение в преподавании соответствующих дисциплин.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-7749-0954-4

© Иванова Ю. В., 2016

© Шумилин М. В., 2016

© Коллектив авторов, 2016

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2016

Оглавление

Введение (М. В. Шумилин)	7
------------------------------------	---

ЧАСТЬ I. ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА

Глава 1. <i>Magna altercatio</i> : диспут о языке древних римлян в «Застольных беседах» Поджо Браччолини (П. В. Соколов)	17
Глава 2. Джованни Понтано: трактат о латинской метрике из диалога «Акций» (М. В. Шумилин)	40
Глава 3. «Об изобилии слов и предметов» Эразма Роттердамского: риторика как наука о языке (С. А. Степанцов)	85
Глава 4. Андреа Гварна: «грамматические войны» в начале XVI века (С. Хаутала)	100
Глава 5. Александр Гегий и латинская грамматика: между Средневековьем и гуманизмом (М. В. Шумилин)	139
Глава 6. «Митридат» Конрада Геснера и «Диатриба о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера: сравнительное языкознание в XVI веке (М. В. Шумилин)	169

ЧАСТЬ II. ТЕКСТОЛОГИЯ

Глава 7. Катулл Антонио да Леньяго: рукопись XIV века как издание текста (М. В. Шумилин)	203
Глава 8. Собрание латинских поэтов Иоанна Кальфурния: судьба классических текстов в первопечатных книгах (М. В. Шумилин)	211
Глава 9. Овидий Андреа Наваджеро: альдинский стандарт научного издания (М. В. Шумилин)	224
Глава 10. Теренций Марка-Антуана Мюре: цицеронианская текстология (М. В. Шумилин)	239
Глава 11. Эсхил Пьера Веттори и Анри Этьенна: издание греческих текстов в XVI веке (М. В. Шумилин)	259
Глава 12. Гораций Дени Ламбена: научная текстология уходит на север (М. В. Шумилин)	297

ЧАСТЬ III. ТОЛКОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ

Глава 13. Никифор Григора: аллегорический Гомер в Византии XIV века (В. Г. Мостовая)	329
Глава 14. Франческо Петрарка и Джованни Боккаччо: теория буколики как аллегорического жанра (М. В. Шумилин)	334

Глава 15. От Дзоно де Маньялиса к Франческо Филельфо: толкование «Энеиды» на исходе Средневековья (М. В. Шумилин, Н. Е. Самохвалова)	368
Глава 16. «Смесь» Анджело Полициано: искусство видеть то, чего не видят другие (М. В. Шумилин)	414

ЧАСТЬ IV. ГЕРМЕНЕВТИКА

Глава 17. «Иероглифика» Пиерио Валериано: египтомания, не ставшая египтологией (М. В. Шумилин)	467
Глава 18. Чезаре Рипа. «Иконология». В поисках универсального языка культуры (Н. Ю. Чамина)	524
Глава 19. Украшения, смыслообразы, поучительные фигуры: немецкая эмблематика XVI–XVII веков в контексте изобразительного искусства, поэтики и благочестия (П. А. Серкова)	541
Указатель имен и произведений	567
Указатель предметов и понятий	624
Сведения об авторах	628

Введение¹

Что представляет себе образованный читатель, когда слышит о науке эпохи Возрождения? Я думаю, преобладать будут два ответа на этот вопрос. Первый подразумевает картину, которую мы найдем в традиционных учебниках по истории любой существовавшей в то время науки: наука Возрождения – это череда портретов великих мужей, сделавших важный вклад в развитие своей области знания². Второй ответ свяжет ученые занятия этой эпохи с причудливыми нелепицами в духе трудов Парацельса и Альдрованди; такой образ науки Ренессанса выстраивает, в частности, Мишель Фуко во второй главе своих «Слов и вещей». «Прежде всего отметим избыточный и одновременно абсолютно убогий характер этого знания», – пишет он об «эпистеме XVI в.»³.

Первый ответ концентрирует внимание на том, в чем старинная наука похожа на путь, ведущий к науке сегодняшней; второй – чем она не похожа на нашу, чем она странна для нас. Однако оба они, я думаю, на самом деле являются двумя сторонами одной медали и в какой-то степени даже подразумевают друг друга: оба они скорее предполагают, что прежние стадии развития науки «отпали», как ступени набирающей скорость ракеты, и теперь интересны только как объект ностальгических или антикварных разысканий о «детстве науки». Мы почтительно склоняем головы перед идолами всяких Поджо Браччолини, Лоренцо Валлы или Иосифа Юста Ска-

¹ Издание подготовлено Школой актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ совместно с Институтом гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Поletaева Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». При подготовке издания использованы результаты, полученные в ходе выполнения исследовательских проектов «Рождение классики: историческое самосознание науки в доклассическую эпоху» (РГНФ 08–03–00407а, 2008–2010) и «Объективность, достоверность и факт в гуманитарных науках раннего Нового времени: историческая реконструкция и пути рецепции» (РГНФ 12–03–00482а, 2012–2014).

² В качестве примера можно вспомнить книгу: *Sandys J. E. A History of Classical Scholarship. Vol. II.* Cambridge, 1908.

³ Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / пер. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб., 1994. С. 67.

лигера, иногда пересказываем анекдоты из их биографий, повторяем чужие описания их заслуг или даже вставляем случайно подвернувшуюся ссылку на отдельное мнение кого-то из гуманистов в работы по какой-нибудь актуальной гуманитарной науке, но обычно не вникаем глубоко в детали их научных идей, в творческое наследие каждого, не затрудняем себя тем, чтобы увидеть в нем систему. И правда — кто знает, вдруг мы сотрем пыль с имени, перед которым столько раз расписывались в почтении, а там окажется пустота или, хуже того, какая-нибудь смешная и постыдная глупость?

Создатели настоящей монографии исходят из предположения, что такой подход как раз очень вреден и что он мешает выстроить по-настоящему продуктивный диалог с учеными прошлого, мешает использовать сегодня те положительные результаты, которыми, конечно, ренессансная наука на самом деле совсем не была обделена. Мы полагаем, что важнейшее требование к работе с ренессансной наукой — отбросив лень и страх того, что встретим что-то нелепое и разочаровывающее, открывать и честно читать сами научные тексты эпохи Возрождения, какие они есть, не обходя вниманием их сильные стороны и не закрывая глаза на слабые⁴.

Слово «читать» употреблено здесь не в том смысле, что известные другим тексты остаются не прочитаны каким-то отдельным читателем, «лично мной»: множество ренессансных текстов действительно не только не видело научных издания, но и практически буквально не прочитано вообще никем. Об этой особенности ренессансистики, возможно, не всегда догадываются ученые, занимающиеся более ранними эпохами: если взять любой античный текст, то можно не сомневаться, что он уже был много раз до тебя прочитан, опубликован, обсужден в печати; к Средним векам это относится не всегда, но тоже очень часто, все-таки основная часть важнейших средневековых текстов точно опубликована и введена в научный оборот. Ситуация с ренессансными текстами отличается разительно: удостоилась научных публикаций и учитывается при рассуждениях о Ренессансе на самом деле обычно только очень малая часть дошедших до нас текстов (преимущественно те, которые написаны на народных языках). Поэтому, как указывает Кристофер Челенца, та картина эпохи Возрождения, к которой мы привыкли, в целом основывается примерно на том же узком круге источников, какой некогда использовал для

⁴ Стоит вспомнить слова Арнальдо Момильяно, неустанно критиковавшего «порочную привычку смотреть на историю исторической науки как на воскресное времяпровождение, когда устал от настоящей исторической работы и читать книги сил не хватает, а хватает только на пролистывание» (*Momigliano A. Recensione di Berve H. Storia greca. Bari, 1959 // Momigliano A. Terzo contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico. T. II. Roma, 1966. 708*): «В наше время есть большая опасность, что те, кто особенно охотно говорит об историках и ученых, могут знать не особенно много о самих истории и науке. Гомосексуализм Хаусмена или эксцентричное поведение Виламовица по отношению к своему тестю Моммзену обсуждать проще, чем достижения Хаусмена в качестве издателя Манилия или понимание Эсхила Виламовицем» (*Momigliano A. New Paths of Classicism in the Nineteenth Century // Momigliano A. Studies on Modern Scholarship / ed. by G. W. Bowersock, T. J. Cornell. Berkeley; Los Angeles; London, 1994. P. 223; cp.: Bowersock G. W., Cornell T. J. Introduction // Ibid. P. XIII*).

своих построений Якоб Буркхардт — тот самый, который ставил тексты на вольгаре настолько выше латинских сочинений ренессансных авторов, что иногда, «как кажется, чуть ли не жалеет, что итальянские гуманисты предпочли написать большинство своих произведений на латыни, а не на итальянском»⁵ и тем самым ограничили своей склонностью к подражанию свободу творческого народного духа⁶.

Есть какая-то ирония судьбы в том, что применительно к Ренессансу — эпохе, которая, собственно, и заложила фундамент для той работы по публикации и многократному вычитыванию любого древнего текста, что сделала античность сверхпрочитанной и сверхпрокомментированной областью, — такая работа еще только предстоит. Книга Челенцы называется «Потерянное итальянское Возрождение» (я полагаю, ее тезисы применимы не только к Италии), но это та потеря, которую мы всё еще можем восполнить, если будем, опять же, брать и читать ренессансные тексты, причем не только давно известные и знаменитые, но и не откомментированные, не удостоившиеся академических изданий, вроде бы второстепенные тексты, от которых непонятно чего ожидать. В каком-то смысле они даже важнее, поскольку именно они служат самым лучшим тестом на правдивость всевозможных теоретических спекуляций об эпохе Возрождения.

Мы старались применять этот принцип к отбору текстов для настоящей монографии. Каждая глава в ней — это обсуждение какого-то конкретного текста (или нескольких текстов), комментированный перевод которого прилагается в конце соответствующей главы. Во многих главах переводятся и комментируются (пусть иногда в отрывках) тексты, для которых и в мировой науке до сих пор не существует комментированных⁷ или даже вообще хоть каких-нибудь современных изданий⁸.

Такой подход, конечно, не позволяет нам создать «Историю гуманитарных наук Возрождения», показывающую все важнейшие события этой эпохи в соответствующей области. Однако мы полагаем, что в нашем случае это скорее преимущество,

⁵ *Celenza C. S. The Lost Italian Renaissance: Humanists, Historians, and Latin's Legacy. Baltimore, 2004. P. 1.*

⁶ См., напр.: *Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии* / пер. Н. Н. Балашова, И. И. Маханькова. М., 1996. С. 110, 160–161.

⁷ Это «Акций» Джованни Понтано (глава 2), предисловие и комментарий Марка-Антуана Мюре к Теренцию (глава 10), предисловия Пьера Веттори и Анри Этьенна к Эсхилу (глава 11), предисловие и комментарий Дени Ламбена к Горацию (глава 12), аллегореза «Одиссеи» Никифора Григоры (глава 13), письмо Джованни Боккаччо к фра Мартину да Синья (глава 14). Практически недоступно единственное существующее научное издание первой центурии «Смеси» Анджело Полициано, отрывки из которой переведены в главе 16 (*Poliziano A. Miscellaneorum centuria prima* / ed. by H. Katayama. Tokyo, 1989).

⁸ Это комментарий Александра Гегия к «Доктриналу» Александра из Вильдьё (глава 5), «Диатриба о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера (глава 6), часть предисловия Иоанна Кальфурния к собранию латинских поэтов (глава 8), комментарий Анри Этьенна к Эсхилу (глава 11), большая часть *accessus'a* Дзано де Маньялиса к «Энеиде» (глава 15 — перевод осуществлен по рукописи), «Предисловие к Эмблематическому катехизису» Иоганна Людвиги Праша (глава 19). Только репринтные воспроизведения старинных изданий существуют для «Иероглифики» Пиерио Валериано (глава 17) и «Бесед-игр дам» Георга Филиппа Харсдерфера (глава 19).

чем недостаток. Ведь он позволяет нам углубиться в конкретные *case studies*, подробно разобраться в устройстве, идеологии и логике отдельных научных произведений, их культурно-историческом и научном контексте, фактической, институциональной и религиозной подоплеке, не беря на себя обязательств рассказать сразу про все важные события ренессансной гуманитарной науки, пусть и поверхностно. Тем не менее достаточно большая подборка разных фактов истории гуманитарной науки Возрождения, вероятно, в любом случае будет обладать определенной репрезентативностью. Хотелось бы надеяться, что проведенная нами селекция текстов и их фрагментов сама по себе тоже поспособствует тому, чтобы наша книга, в состав которой вошли в основном малоизвестные источники, позволяла читателю тем не менее делать довольно широкие историко-научные обобщения и, возможно, формировала у него взгляд на судьбы ренессансной науки, отличный от канонического и/или расхожего. То, что многие переводимые и комментируемые здесь тексты не входят в канон источников, на которых обычно основывается история ренессансной культуры, не значит, что выбранные нами источники не важны: во многих случаях именно они и позволяют видеть специфику самых разных явлений науки Возрождения. Впрочем, среди выбранных нами текстов есть и такие, что в названный канон входят и только в России до сих пор не переводились (например, «Смесь» Анджело Полициано, третья книга «Застольных бесед» Поджо Браччолини)⁹. И, как нам представляется, соседство этих групп источников — широко известных, пусть даже узкому кругу специалистов, и неизвестных вовсе, — создавая особые отношения и связи между текстами в пространстве нашей книги, само по себе тоже станет немаловажным фактором в деле выстраивания нового образа истории гуманитарных наук.

Каждая глава — это своего рода случайная встреча ренессансного автора с современным читателем, отличающаяся от запланированной лекции как раз возможностью познакомиться поближе, заглянуть за ту занавеску, которую обычно не отодвигают, посмотреть, как же устроены изнутри те «заслуги» и «вклады», что патетично описываются в старых историях науки и сборниках биографий. Но в этой встрече на самом деле участвуют не двое, а трое: за каждой такой встречей стоит фигура переводчика и комментатора. И в этой области принцип случайной встречи с индивидуальностью переводчика-комментатора тоже казался нам продуктивным: каждый автор настоящего издания работает по-своему, однако мы не пытались специально унифицировать стиль работы авторов нашей книги, кроме, конечно, того, что всякий автор работал в соответствии с общими принципами монографии (построение глав как *case studies* вокруг одного или нескольких впервые переводимых на русский текстов, сопровождаемых комментарием и статьей, вписывающей эти тексты в контекст истории науки). В одном из текстов, ключевых для данного издания (да, пожалуй, и в целом для ренессансной, а то и вообще всей новоевропейской, науки), во введении к уже

⁹ См. соответственно главы 16 и 1.

упомянутой «Смеси» (*Miscellanea*, 1489), Анджело Полициано писал, что, подражая неупорядоченности своей учительницы природы, объявляет «законом нового сочинения», «чтобы ничего в этом сочинении не было симметричного, чтобы нигде оно само на себя похоже не было, чтобы все время казалось кособоким от разномастности и соблюдало только одно правило – ничего не делать по правилам, ничего не выстраивать по отвесу и по уровню»¹⁰. Конечно, наша монография не имеет таких претензий на художественную ценность, как «Смесь», но тем не менее нам кажется, что принцип неупорядоченной свободы полезен и для самого описания гуманистической Возрождения, для того, чтобы оживить и саму историю ренессансной науки, чтобы прикоснуться к ней (как и к ее изучению) «во плоти».

Предлагаемая читателю книга, таким образом, может выполнять сразу несколько функций. С одной стороны, ее, конечно, можно использовать как просто собрание исследований о ренессансной науке, которые могут быть интересны специалистам и более широкому читателю: в основе предлагаемых нами комментирующих текстов лежат оригинальные исследования, представляющие и чисто научный интерес. С другой стороны, нашу книгу можно использовать как своего рода замену для учебника, как введение для студентов, изучающих самые разные курсы: историю лингвистических учений, историю антиковедения и классической филологии, историю герменевтики, историю текстологии, историю гуманитарных наук в целом. В отличие от традиционных учебников, это введение будет построено как что-то вроде книжного шкафа, наполненного комментированными источниками, из которых читатель может наугад вытащить любой. Книга окажется полезным пособием и в таких курсах, как история литературы, история риторики, история издательского дела и история книги. Наконец, с третьей стороны, хороший указатель к достаточно большому набору прокомментированных, разобранных и вписанных в исторический контекст источников может служить, конечно, неполным, но все же достаточно репрезентативным справочником по ренессансной науке; с его помощью можно будет узнать, в каких контекстах и в связи с чем преимущественно упоминался такой-то ученый, такой-то античный автор, как и кем употреблялся такой-то термин. Поэтому мы постарались приложить к монографии подробные именной и тематический указатели: книгу можно читать не только подряд по тематическим разделам или наугад по случайным главам, но и по указателю. Кроме того, именной указатель должен помочь сориентироваться в латинских вариантах имен гуманистов, которые часто бывает не так просто соотнести с их же народными именами (эта проблема особенно актуальна при чтении текстов, написанных на латыни).

¹⁰ Credamus hanc quoque esse legem novi operis, ut aequale habeat nihil, nusquam sit sibi par, semper dissimilitudine claudicat, unamque istam regulam tueatur, ne quid ad regulam, ne quid ad perpendicularum, libellamque revocet (*Omnia opera Angeli Politiani, et alia quaedam lectu digna, quorum nomina in sequenti indice videre licet*. Venetiis, 1498. Fol. A i v–A ii r); см. главы 16.

Книга состоит из четырех тематических частей. Главы внутри каждой части расположены по хронологическому принципу, насколько это было возможно.

Первая часть посвящена разным аспектам изучения языка в эпоху Возрождения: знаменитому «спору о языке» (его ранний этап представлен обсуждением текста Поджо Браччолини в главе 1), изучению латинской метрики (глава 2), тому, как по сути лингвистические вопросы затрагивались в ренессансных риторических пособиях (глава 3), культурной и образовательной роли нарративной «Грамматической войны», написанной Андреа Гварной (глава 4), критике средневековых подходов к грамматике, совмещавшейся с зависимостью от них же (глава 5), традициям описания и сопоставления разных иностранных языков (глава 6).

Во второй части речь пойдет о ренессансной текстологии. Эта область, резко поднимавшаяся и ставшая одной из центральных для гуманистов после появления книгопечатания, выделяется среди других сфер науки Возрождения удивительной степенью актуальности, которую она сохраняет до сих пор. О методе текстологии с тех пор много спорили, но критические аппараты изданий античных классиков и сегодня пестрят именами ренессансных ученых – в чем еще ренессансная наука может похвастаться такой вневременной ценностью своих результатов? Поэтому данная часть нашей книги отличается тем, что по ней можно знакомиться не только с историей науки, но в какой-то степени и с техникой текстологии классических текстов самой по себе. Глава 7 призвана очертить средневековый фон работы с античными текстами, глава 8 – изменения и новые проблемы, созданные появлением печати; в главе 9 мы поговорим о текстологической деятельности, связанной с венецианским издательством Альда Мануция, и конкретно о специфике подхода к работе с древним текстом Андреа Наваджеро, одной из звезд издательства Альда. Далее разбор особенностей отдельных изданий XVI в. позволит нам взглянуть на специфику издания античных текстов в цистеронианской Италии (глава 10), на особенности текстологической работы гуманистов с древнегреческими текстами (глава 11) и на изменения в текстологии конца столетия (глава 12).

Третья часть посвящена толкованию литературных текстов. Поскольку традиция толкующего комментирования была значительно сильнее развита в Европе в XIV в., чем в XVI в., в этом разделе обсуждаются преимущественно тексты, относящиеся к началу охватываемого монографией периода. Глава 13 призвана представить византийскую традицию аллегорезы¹¹ в той форме, которую она приняла в XIV столетии. В главе 14 речь пойдет о том, как Франческо Петрарка и Джованни Боккаччо сами осмыслили и комментировали собственные аллегорические буколики, написанные, в свою очередь, под влиянием позднесредневековой традиции комментариев к буколикам Вергилия. В главе 15 разбираются два примера толкования вергилиевской «Энеиды» в XIV–XV вв.: один пример, относящийся к традиции

¹¹ Мы употребляем термины «аллегория», «аллегорический», «аллегореза» так, как их употребляли сами ученые описываемой нами эпохи: см. главу 14.

средневекового комментария, а другой – к аллегорическим толкованиям гуманистов. Наконец, в главе 16 рассматриваются новаторские черты подхода к толкованию поэзии в уже упоминавшейся «Смеси» Анджело Полициано. Поскольку Полициано одновременно является ключевой фигурой в развитии текстологического метода эпохи Возрождения, то при отдельном чтении второй части монографии мы рекомендуем прочесть и главу 16.

В четвертой части книги представлены пути изучения природы знака в XVI–XVII вв. Главу 17 мы посвятили ренессансным штудиям в области египетской иероглифики, повлиявшим на такое важное для последующей эпохи явление, как эмблема. В главе 18 речь пойдет об описании символических образов в одной из созданных в XVI в. энциклопедий символических изображений, а в главе 19 – о теоретическом осмыслении эмблемы в Германии XVI–XVII вв. (культурно-исторический ритм развития Центрально-Европейского региона заставляет нас в случае Германии несколько нарушить нами же установленные хронологические рамки нашего проекта).

Совсем неохваченной остается экзегетическая деятельность рассматриваемой эпохи, о которой мы надеемся опубликовать отдельную книгу.

Создатели книги благодарят за помощь в работе над ней и в получении необходимой литературы М. Л. Андреева, Л. Бьянки, Н. П. Гринцера, Г. М. Дашевского†, И. А. Держанского, С. А. Иванова, Б. А. Каячева, С. Н. Лебедева, Е. Д. Матусову, Г. Мурадян, Д. С. Николаева, Б. М. Никольского, И. И. Челышеву.

М. В. Шумилин

Часть I

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА

Глава 1

Magna altercatio: диспут о языке древних римлян в «Застольных беседах» Поджо Браччолини

(П. В. Соколов)

Третья книга «Застольных бесед» (*Historia disceptativa convivialis*, 1450) Поджо Браччолини (1380–1459) подводит итог длительной полемики о языке древних римлян, известной в гуманистической среде под названием «великие прения» — *magna altercatio*. Первый акт «прений» состоялся в марте 1435 г. во Флоренции при дворе (точнее — «при дверях опочивальни»)¹ папы Евгения IV: описание событий «из первых рук» мы можем почерпнуть из сочинения Флавио Бьондо «О глаголах наречия римского». В XVI столетии «вопрос о языке» станет одним из центральных; однако кватрочентистский пролог *questione della lingua* мог бы скорее показаться очередным пароксизмом эрудитских забав, *nugae eruditorum*, наподобие дискуссий Поджо Браччолини и Лоренцо Валлы о *gratias habere/gratias agere*. Впрочем, современники смотрели на дело иначе: в развернувшихся весной 1435 г. дебатах приняли участие ведущие представители гуманистического цеха: Антонио Лоски, Ченчо де Рустичи, Андреа да Фиренце и, одним из последних, Поджо Браччолини. Лоски и де Рустичи приняли сторону Бруни; именно против этой триады выступил со своей написанной чрезвычайно тяжелым и витиеватым слогом «книжицей» (*libellus*) Флавио Бьондо. Как следует из текста Бьондо, начало дискуссии положили Лоски и Андреа да Фиренце; Бруни выразил им свое одобрение, как выражается Бьондо, «руками и ногами». Леонардо Бруни, гуманист родом из Ареццо, историограф и канцлер² Флорентийской республики, в письме к Флавио Бьондо описал суть этой ученой полемики так: «Предмет нашего спора заключается в следующем: ты думаешь, будто у древних в ходу был один язык, а не два — народный и литературный; я же полагаю, что дело тогда обстояло так же, как и теперь, то есть народный язык и литературный были различны между собой. Кроме того, я считаю, что необходимо подойти к предмету с большим вниманием к обстоятельствам, принимая в рас-

¹ *Biondo F.* De verbis romanae locutionis. II. <http://ww2.bibliotecaitaliana.it/xtf/view?docId=bibit000585/bibit000585.xml&chunk.id=d4450e120&toc.id=d4450e120&brand=bibit>.

² Бруни занимал эту должность дважды — с 1410 по 1411 г. и с 1427 до смерти в 1444 г.

чет различие времени и места»³. Гипотеза Бруни, которую Ремиджо Саббадини назвал «знаменитым и легкомысленным суждением» (*il suo famoso e frivolo giudizio*)⁴, вызвала у современников не меньшее недоумение, чем у позднейших исследователей. Это недоумение породило различные попытки, порой также весьма «легкомысленные», найти объяснение позиции Бруни: так, по мнению Гуго Шухардта, концепция «билингвизма» и непонимание природы классической латыни у Бруни были обусловлены его приверженностью номиналистической интерпретации лингвистических феноменов⁵. Эта интерпретация не может не вызвать ассоциаций с некогда весьма распространенными попытками сближения номиналистической программы и диалектики Лоренцо Валлы и, на наш взгляд, имеет под собой еще меньше оснований⁶. Вышеупомянутый Саббадини и вовсе предположил, что в письме к Бьондо Бруни «не рассуждает, а дает волю впечатлениям» (*il Bruni non ragiona, ma parla per impressione*)⁷.

Как и подобает гуманистической полемике, дискуссия о языке древних римлян имеет вид «войны цитат»: основной арсенал аргументов — прихотливо подобранных эксцерптов из авторитетных источников — мы можем обнаружить уже в «книжице» Бьондо и в ответном письме Бруни. Подбор *loci classici* и вариация их от одного сочинения к другому вовсе не случайны: перед нами своего рода выставка архивных сокровищ, текстов античных авторов, которые энтузиасты гуманистических студий первой половины XV столетия во множестве находили в монастырских библиотеках, частных собраниях и даже в крепостных донжонах. Так, основной корпус цитат — как за, так и против Бруниевой гипотезы — был почерпнут из двух диалогов Цицерона: «Об ораторе» и «Брут». Нельзя не увидеть в этом эхо такого знаменательного для гуманистического цеха события, как открытие «Лодийской рукописи»: в 1421 г. епископ города Лоди Джерардо Ландриани обнаружил рукописи пяти риторических сочинений, принадлежащих Цицерону и приписываемых ему: «О нахождении», «Риторика к Гереннию», «Брут», «Оратор» и «Об ораторе». Транскрипцию этих текстов выполнил крупнейший специалист того времени по Цицероновой риторике Гаспарино Барцицца. Такой ревностный (он объехал в поисках рукописей пол-Европы, от Бадена до Парижа) и удачливый исследователь архивов, как Поджо Браччолини, — наиболее, пожалуй, известной его находкой была единственная со-

³ *Leonardus Flavio Forolinskiensis* [sic!] *S. Quaestionem, an vulgus & literati eodem modo et idiomate Romae locuti sint, discutit* // *Leonardi Bruni Aretini Epistolarum libri VIII...* / curante I. A. Fabricio. Hamburgi, 1724. P. 221 (Liber VI. Epist. VIII).

⁴ *Epistolario di Guarino Veronese* / raccolto ordinato illustrato da R. Sabbadini. Vol. III: *Commento*. Venezia, 1919. P. 408.

⁵ *Mazzocco A. Linguistic Theories in Dante and the Humanists: Studies of Language and Intellectual History in Late Medieval and Early Modern Italy*. Leiden, 1993. P. 30.

⁶ Анализ этой дискуссии в исследовательской литературе см. в: *Nauta L. William of Ockham and Lorenzo Valla: False Friends. Semantics and Ontological Reduction* // *Renaissance Quarterly*. 2003. Vol. 56. P. 613–651.

⁷ *Epistolario di Guarino Veronese*. P. 409.

хранившаяся рукопись «О природе вещей» Лукреция⁸, — не мог остаться в стороне от этого соревнования. Его личным вкладом в реконструкцию античной риторической традиции стало открытие полного текста «Наставлений для оратора» Квинтилиана — этот текст он обнаружил в 1416 г. во время своего пребывания в монастыре Санкт-Галлен и собственноручно выполнил (за 54 дня!) полную его транскрипцию. Зная это, не следует удивляться, что изобильные цитаты из Квинтилиана украшают начало третьей книги «Застольных бесед». Усилиями Барциццы и Браччолини было осуществлено «великое восстановление» античной риторической традиции *ex integro* в противоположность средневековой усеченной и «технизированной» ее версии, основанной на «Риторике к Гереннию» и «О нахождении»⁹. Переоткрытие Цицерона и Квинтилиана стало своего рода водоразделом в истории гуманистического движения: не случайно Флавио Бьондо в своей «Прославленной Италии» отказывался считать риторически совершенным слог самого Петрарки именно потому, что «воклюзский отшельник» не имел в своем распоряжении полного свода риторических сочинений патриархов латинского красноречия.

Освоение рафинированной риторической теории Цицерона и Квинтилиана сделало еще более явным искусственный характер латинского языка классического периода, *latinitas grammatica*, и спровоцировало тем самым новый виток споров о существовании его простонародного извода, древнеримского *volgare*. Относительно происхождения, природы *volgare* и его тождественности народному итальянскому языку существовали разные точки зрения. Так, Данте рассматривал *volgare* как язык естественный и выводил его происхождение от вавилонского смешения, положившего начало всем народным языкам вообще, а «грамматическую латынь» — как язык искусственный, «вечный и нетленный» (*lo latino è perpetuo e non corruttibile*), разработанный римскими интеллектуалами для того, чтобы исправить последствия *peccatum Babel*. Главное отличие *volgare* от латыни — отсутствие устойчивой грамматической структуры и «лексического богатства», *coria*. Блестящая карьера последней категории в гуманистической теории стиля хорошо известна: помимо знаменитого сочинения Эразма Роттердамского «О двойном изобилии слов и вещей»¹⁰ в гуманистической среде был создан целый ряд словарей, призванных восстановить *coria* благородного латинского наречия: *Vocabularium* Гаспарино Барциццы, *Grammaticon* Пьера Кандидо Дечембрио, *De Significatione Verborum* Маффео Веджо, *Imitationes Latinae Linguae* Антонио да Ро.

Возвращаясь к проблеме языка древних римлян на новом этапе, Леонардо Бруни формулирует элитистскую концепцию «грамматической латыни»: по его мнению,

⁸ Об этой истории см.: *Greenblatt S.* Il manoscritto: Come la riscoperta di un libro perduto cambiò la storia della cultura europea. Milano, 2012.

⁹ *Murphy J. J.* Rhetoric in the Middle Ages: A History of Rhetorical Theory from Saint Augustine to the Renaissance. Berkeley; Los Angeles; London, 1974. P. 360.

¹⁰ См. перевод отрывков из этого сочинения Эразма в гл. 3 настоящей монографии.

в Древнем Риме существовали два обособленных языковых сообщества, *vulgus* и *litterati*. Латынь была искусственным языком профессиональной касты: Бруни систематически противопоставляет друг другу толпу, или чернь (*turba, vulgus*), представленную в массе своей «мельниками и наставниками гладиаторов» (*pistores et lanistae*), а в самой невежественной своей части — «няньками и ничтожными девицами» (*nutrices et mulierculae*), «нам, людям ученым» (*nos litterati*). Кстати, не стоит видеть в словах Бруни о «девицах» какой-то особенной мизогинии: далее в этом же письме он отзывается о лингвистических способностях женщин весьма лестным образом: «Ведь и ныне жены римские, насколько я могу судить, говорят языком в высшей степени изысканным и уж точно более чистым, чем мужи». Характерно отождествление древних властителей форума и современных гуманистических эрудитов: Бруни стремится легитимировать ссылкой на авторитетную древность ту стратегию «замыкания элит», которую стремится реализовать сам. Весьма категорично аретинец отказывает простолюдинам в способности усвоить сложнейшую грамматическую структуру латинского языка; он считает невозможным наличие в народном языке устойчивой падежной системы и глагольных парадигм. Народный язык отличается от латыни «окончаниями, склонениями, значением слов, строением фраз, ударениями, блеском и богатством стиля, весомостью суждений» (*terminatione, inflexione, significatione, constructione, & accentu, splendore et copia, nitore, gravitate sententiae*)¹¹. Впрочем, есть у *volgare* и собственный шарм, *vernacula suavitas*¹². Арсенал аргументов, которые Бруни приводит в подкрепление своей позиции, весьма разнообразен: здесь и ссылки на зафиксированные античными авторами (Цицероном, Варроном) простонародные варианты литературных латинских лексем: *vella/villa, vectura/vellatura*, и оригинальная интерпретация прологов к комедиям Теренция и Плавта, позволившая Бруни сделать вывод о том, что даже римские актеры не понимали значения тех слов, которые произносили со сцены, и указание на тонкости грамматики и словоупотребления, недоступные для разумения простолюдинов (долгий гласный в середине слова *sinapis* и краткий — в слове *polixena*; разница в значении глаголов *absum* и *desum* и т.д.). У Бруни Дантова оппозиция *sermo naturalis / sermo artificialis* уступает место противопоставлению *sermo vulgi / sermo litteratorum*. Однако и в том и в другом случае между языковыми регистрами воздвигается непреодолимый барьер: «очевидно, что <знающий> латынь не знает народного языка» (*onde è manifesto che lo latino non è cognoscente de lo volgare*), пишет Данте; «латинский язык отличался от народного во многих отношениях» (*atque latina lingua a vulgari in multis differt*), вторит ему Бруни. Римское *volgare* у Бруни мыслилось как своего рода архетипический народный язык, транслировавшийся из поколения в поколение и доживший до современной ему эпохи (*vulgare quoddam et plebeium, ut posteriora habuerunt saecula*).

¹¹ *Leonardus Flavio Foroliniensi S. Quaestionem...* P. 226.

¹² *Ibid.* P. 230.

Тезис о существовании в древности народного языка наряду с «грамматической» латынью важен для всей Бруниевой программы *studia humanitatis*: как явствует из его программно-сочинения «О науках и изящной словесности» (*De studiis et litteris*), главной целью гуманистического образования, *litterae*, должно стать конструирование на основе корпуса текстов лучших из классических авторов некоего «идеального» латинского языка¹³, создание которого стало бы решающим вкладом в возрождение античных политических институтов. Философия в проекте *studia humanitatis* оказалась интегрирована в *litterae* — именно в этом следует видеть смысл предпринятых гуманистами переводов из Аристотеля (сам Бруни, к примеру, перевел в 1417–1418 гг. на латынь «Никомахову этику»), а также апроприации ими традиционных схоластических жанров (показательный пример — «Комментарии к “Сентенциям” Петра Ломбардского» Паоло Кортези).

Одним из центральных аргументов Бруни и Антонио Лоски в пользу невозможности единства латинского языка является положение, согласно которому знание грамматики может приобретаться лишь в результате длительного процесса обучения; выступивший с критикой этого мнения Флавио Бьондо выдвинул тезис о существовании «грамматики, заложенной от природы» (*natura insitum*). Бьондо, опираясь на диалог Цицерона «Об ораторе», полагал, что в латинском языке существовали различные коммуникативные регистры, однако дистанция между ними не была столь же велика, как дистанция между латынью и народными языками. В своем диалоге Поджо Браччолини воспроизводит весь набор аргументов, выдвинутых Бьондо: история Корнелии и Гракхов, разношерстность аудитории, перед которой риторы произносили речи, тот факт, что слушатели понимали содержание разыгрываемых перед ними представлений, и указание на то, что люди, формально не имеющие школьной выучки, могли тем не менее быть превосходными ораторами, и т. д. Однако основной вклад Браччолини в полемику заключался, на наш взгляд, в том, что он ввел в оборот категорию «обычая» (*usus*) — ту самую, которая уже в форме *consuetudo* займет столь важное место в диалектике его непримиримого оппонента Лоренцо Валлы. Последним участником дискуссии о языке древних римлян стал Франческо Филельфо, написавший об этом предмете два письма (первое — от 1451-го, второе — от 1473 г.). В письме к Федерико Сфорца Филельфо предложил компромиссную формулу: по его мнению, весь римский народ пользовался тем видом речи (*oratio*), который Цицерон называл публичным или народным (*forensem, popularem*).

Некогда, в «седые веки» ренессансистики, Ганс Барон увидел в исходе «споров о языке» — победе вольгаре над латынью — эффект торжества «гражданского гуманизма» над «воинствующим классицизмом»¹⁴. В действительности, однако, «воин-

¹³ Cranz F. E. The *Studia Humanitatis* and *Litterae* in Cicero and Leonardo Bruni // Perspectives on Early Modern and Modern Intellectual History: Essays in Honor of Nancy S. Struever / ed. by J. Marino and M. W. Schlitt. Rochester, 2001. P. 3–26.

¹⁴ Gravelle S. S. The Latin-Vernacular Question and Humanist Theory of Language and Culture // Journal of the History of Ideas. 1988. Vol. 49. P. 368.

ствующий классицизм» вскоре заговорил на *volgare* без каких-либо сложностей, а в полемике Джанджорджо Триссино и Бальдассаре Кастильоне о превосходстве тосканского *volgare illustre* над «языком страны *Cortigia*» мы увидим весь набор общих мест дискуссий вокруг цicerонианства. Однако отказ от рассмотрения «вопроса о языке» в контексте «гражданского гуманизма» никак не умаляет значения этого вопроса. Прежде всего, дискуссия о языке древних римлян сделала явным фундаментальный дефект ранних гуманистических теорий языка: отсутствие критерия, позволяющего отличить социолекты от национальных языков. Кроме того, вопрос о языке был органически связан с явлением, которое можно условно называть ранним цicerонианством, чтобы отличать его от зрелого цicerонианства второй половины XV – XVI в. Леонардо Бруни одним из первых приобрел устойчивую репутацию «цicerонианца»: «новым Цицероном» назвал аретинского гуманиста Эразм Роттердамский в своем знаменитом пародийном диалоге *Ciceronianus*. Верным учеником Цицерона считал себя и Поджо Браччолини. Это явление достаточно быстро обрело и политическое измерение: начиная с 1450-х гг., с понтификата Николая V (1447–1455), папский двор начинает все последовательнее апроприировать и развивать цicerонианский культурно-политический проект, блистательная история которого столь бесславно завершилась после *sacco di Roma* 1527 г.¹⁵

Перевод диалога Браччолини был выполнен по изданию: <Poggio Bracciolini G. F.> *Terciae convivialis historiae disceptatio // Poggii Florentini Oratoris clarissimi: ac secretarii apostolici historiae convivales disceptativae orationes invectivae epistolae descriptiones quaedam: et facciarum liber*. Argentine: Per honestum virum Ioannem Koblouchum, 1510. Fol. XXr–XXIIIv, сверен с изданиями: <Poggio Bracciolini G. F.> *Tertiae convivalis historiae discepta // Poggii Florentini Oratoris clarissimi, ac sedis apo. secretarii Operum...* Argentinae: Impensis providi Ioannis Knoblauch, litterario praelo Ioannis Schot, 1513. Fol. 20v–24v; <Poggio Bracciolini G. F.> *Utrum priscis Romanis Latina lingua omnibus communis fuerit, an alia quaedam doctorum virorum, alia plebis et vulgi, tertiae convivalis historiae disceptativa // Poggii Florentini Oratoris et Philosophi Opera...* Basileae: Apud Henricum Petrum, 1538. P. 52–63, а также с электронным изданием www.interbooks.eu/poesia/quattrocento/poggiobracciolini/historiadisceptativaconvivialis.html.

¹⁵ Celenza C. S. End Game: Humanist Latin in the Late Fifteenth Century // *Latinitas perennis*. Vol. II. Appropriation and Latin Literature / ed. by Y. Maes, J. Papy and W. Verbaal. Leiden, 2009. P. 203. Из новейших обобщающих работ, посвященных гуманистическому цicerонианству, см.: Cicero Refused to Die: Ciceronian Influence through the Centuries / ed. by N. Van Deusen. Leiden, 2013; Scott I. Controversies over the Imitation of Cicero in the Renaissance. New York, 2009. О культурно-политических импликациях цicerонианства см.: Иванова Ю. В. Гуманистическая традиция на рубеже веков // История литературы Италии / под общ. ред. М. Л. Андреева. Т. 2: Возрождение. Кн. 2: Чинквеченто. М., 2010. С. 22–55.

Поджо Браччолини

ЗАСТОЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ, ЧАСТЬ III

Была ли латынь общим языком древних римлян, или же ученые мужи говорили на одном языке, а чернь и простонародье на другом? Последование третьей застольной беседы.

Тогда Бенедетто, в котором соединялось глубокое знание законов с любовью к изящной словесности и истории, сказал: «Прошу вас, присядем здесь ненадолго. Позволь, о Карло, узнать твое мнение о предмете, который уже давно не дает мне покоя. Кроме того, представляется мне, что предмет сей не вовсе безразличен и вашей учености. Преследует меня неотступное сомнение: была ли латынь, которую мы называем также Грамматикой, общим языком всех древних римлян, или же ученые мужи говорили на одном языке, а чернь и простонародье — на другом? Выражаясь более ясно: правда ли, что ученые люди наравне с невеждами сей латинский язык с молоком матери впитывали и в беседах с домашними усваивали? Или же, как это принято у нас, одним языком говорили ученые, а другой был в ходу у черни? Ведь мне известно, что даже мудрейшие в этом вопросе не согласны друг с другом. Так, Леонардо Аретинский в письме своем к Флавио Форливианскому силится доказать, что не было общего для всех языка, но образованные люди говорили на одном наречии, а народ на другом. Того же мнения придерживается славнейший муж Антонио Лоски: он говорил, что не может допустить и никогда не поверит, будто латинским языком изъяснялись поденщики, сапожники, повара и прочее мужицкое отребье. На это Поджо имел обыкновение отвечать, что усвоить латинский язык не сложнее, чем любой другой, если учить его с детства. Ведь дети варваров впитывают родной язык с молоком матери, хотя он такой грубый, резкий, неблагозвучный и варварский, что даже ученые нашего времени с трудом могут его разобрать. Отчего же то, что ныне постигается научением, не могло в древности усваиваться ежедневным упражнением? Кроме того, мы знаем в Римской Курии немало людей, которые славились непроходимым невежеством, однако, беседуя между собой или внимая речам других, благодаря постоянно поддерживаемой привычке научились понимать латинскую речь и даже весьма сносно изъясняться на латыни. Мне говорили, что и ты, и ученейший муж Франческо Барбаро, а равно и другие многие, держатся того же мнения, полагая, что все древние римляне говорили по-латински. Пусть же не затруднит тебя, о Карло, вынести твое суждение по этому делу».

Тогда тот говорит: «Предоставлю дело опровержения Поджо, ибо я слышал, что он выдвинул против Леонардо многочисленные доводы и суждения. Хотя этот предмет, признаться, никогда не вызывал у меня любопытства, однако я разделяю мнение Поджо и считаю его более достоверным».

На это я: «Должен сказать, о Карло, что мне и раньше неоднократно приходилось спорить об этом с Леонардо и Антонио, а после письма Леонардо я отыскал в сочинениях различных авторов множество высказываний, которые с очевидностью доказывают ошибочность его мнения. Ведь Леонардо, помнится, сам говорил, что то письмо адресовано также и мне, чтобы и меня тоже вызвать на ответ. Поэтому постоянным моим намерением было написать нечто в опровержение его мнения, однако до сего дня обилие дел препятствовало осуществлению этого замысла. Ныне же и досуга у нас предостаточно, и Бенедетто просит о том же. Задаться этим вопросом меня некогда заставил Карло, и вот я представляю на ваш суд мои мнения и прежде всего намереваюсь изложить те из них, достоверность которых, как я полагаю, будет признана всеми. Затем я дам ответ на письмо Леонардо. Хотя искусство составления речей (*ars dicendi*) требует вначале привести доводы противников и только затем наши собственные аргументы, я, пренебрегая этим порядком, изложу лишь то, что напрямую относится к вопросу. Однако прежде надлежит сделать некоторые вводные замечания, от которых можно было бы перейти к дальнейшему рассуждению. Спрашиваю вас: какой язык именуете вы латинским — тот ли, который у нас зовется Грамматикой, — и кто положил ему начало? Надо полагать, вы называете латинским язык, которым пользовались люди, именуемые латинянами, — ведь от них язык сей и получил свое название — и который был во всеобщем употреблении у римлян, живших в Лации среди латинских племен. Ведь как мы называем галльским, испанским, германским, италийским те языки, на которых говорят галлы, испанцы, германцы и италийцы, и то же относится к греческому языку и прочим, так же, следовательно, надлежит считать латинским языком именно тот, который был во всеобщем употреблении среди латинян. Тем самым доказывается единственность этого языка. Ведь если бы существовал еще один язык (*sermo*), отличный от этого, он получил бы иное название. Именно так обстоит дело у нас самих, когда мы Грамматику, т. е. латынь, отделяем от народного языка (*vulgari*): мы ведь не говорим, что наш родной язык и Грамматика — это одно и то же. Следовательно, у людей, именовавшихся латинянами, был только один язык (*loquela*) и никакой другой не может быть к нему присоединен. Кроме того, латинский язык образован из слов, которые составляли речь латинян. Значит, именно слова латинского языка были тогда во всеобщем употреблении. Ведь люди эти не пользовались неизвестными им словами, но перенимали те, которые впитывали с молоком кормилицы. Так что, если бы в ходу тогда был еще другой язык, он назывался бы по-своему. Однако мы читаем, что существовал только один родной для них язык (*vernaculum sermone*). Итак, латинский язык называется так от латинян, которые говорили только на этом языке, а не на другом, и я немало удивляюсь тем, кто утверждает, будто древнеримские простолюдины говорили на каком-то особом наречии. Даже в наши дни найдется немало людей, особенно среди римских женщин,

кто в своей повседневной речи (*loquendi consuetudo*) сохранил такие черты, которые роднят ее с латынью. Не чудо ли, что в столь многолюдном городе, полном пришлых иноземцев и заселенном варварами, в народе доселе не исчез остаток латинского языка? Слишком долго было бы перечислять латинские слова, которыми по сей день изобилует народная речь. Скажу только, что мне встречалось в разговорах римских жителей множество таких слов, которые до той поры были мне неизвестны. Даже наш Никколо, преданный своему делу исследователь латинских слов, не знал, какой вид рыбы называется тибрским волком (*lupum Tyberinum*). Я же выведал у торговца рыбой, что этот вид в народе зовется осетром (*storionem*), а превосходные его образцы можно выловить и в наши дни между двух мостов. Меньшего же собрата этой рыбы простой люд называет «волчком» (*lupatum*). Еще пример: я не знал, как по-латыни называется та вещица, которую женщины насаживают на конец веретена, чтобы способнее было прясть. И вот от некоей жены я услышал, что этот предмет именуется пряслищем (*vorticulum*). От таких же простолудинов я узнал латинские названия кастрюли (*sartaginem*) и сковороды (*frixorium*). Однако не будем сверх меры умножать образчики подобных остатков древнего языка, удержанных народной речью. Что же сказать об испанцах, чья земля весьма далеко отстоит от Города, но чей язык сохранил наибольшее число латинских слов, заимствованных у римских поселенцев? Ибо в их речи встречается множество латинских слов, которые я впоследствии с немалым удивлением слышал в Курии от ученых людей, с коими имею обыкновение беседовать. Так, в моем присутствии некий старик говорил: *habeo capillos canos, aio comedendo aviculas, in malas horas cremare* и многое другое, что моя память не сохранила. Достойно всяческого удивления, как в Испании, которой столько лет владели сменявшие друг друга варварские народы, сохранилось в употреблении хотя бы одно латинское слово. Однако в речи ее жителей так много этих слов, что возникает впечатление, будто все они выучились говорить на латинском языке путем длительных упражнений. Эти слова они почерпнули или от римских колонистов, селившихся в Испании, или от тех римлян, которые приезжали туда ради торговых или военных предприятий. Благодаря тем и другим латинский язык распространился так широко, что следы его можно обнаружить и в наши дни. В Верхней Сарматии есть колония— ее, по преданию, основал Траян,— где посреди всеобщего варварства сохранились остатки латинской речи, которые отмечают итальянские путешественники, побывавшие в этих местах. Так, жители этой колонии используют слова *oculus, digitus, manus, panis* и многие другие, свидетельствующие о том, что эти люди происходят от оставшихся в колонии латинян, пользовавшихся латинской речью. Однако то, что мы вкратце изложили выше, опираясь на заслуживающие доверия источники (*autoritate*), надлежит теперь подкрепить примерами. А именно я утверждаю, что римляне говорили по-латински в Сенате, на Форуме, в суде; ораторы обращались на этом

языке к своим слушателям, а полководцы — к воинам. Наконец, и простой народ в обиходе (*privato sermone*) пользовался тем же самым латинским языком. Кроме того, не следует, как кажется, пренебрегать тем, что сообщает Квинтилиан во введении к своему труду <Наставления для оратора 1.1.4>, где повествует об обучении юношей искусству красноречия. Он считает необходимым, чтобы кормилица ребенка и другие люди, которым поручено его воспитание, говорили на правильной латыни, дабы этот ребенок с молоком кормилицы впитал чистую и изысканную латинскую речь. Иными словами, с младенческих лет ребенок должен быть окружен людьми, от которых он мог бы воспринять образец хорошего языка. Однако этот совет был бы неуместен, если бы латынь звучала в то время только на школьных уроках из уст преподавателей, а не была для всех родным языком, усвоенным с самого детства. Какой же прок мог быть от научения красноречию, если язык кормилиц и латынь отличались друг от друга? Разве только понимать этот совет Квинтилиана так, что, по его мнению, юноши, не знающие латыни, могут преуспеть в ином роде красноречия. Однако в наставлении Квинтилиана речь идет не о таких юношах, но о тех, кто готовит себя к углубленному изучению латинского красноречия. Итак, чтобы нам, будущим риторам, не пришлось, как это часто бывает, отвыкать от слов, усвоенных в незрелом возрасте, он последовательным изложением правил латинского языка наставляет юношей на единственно верный и удобный путь, ведущий к овладению ораторским искусством.

Кроме того, он сообщает, что римляне обучали искусству красноречия и своих домашних. Так, рассказывают, что мать Гракхов весьма способствовала развитию этой способности в своих сыновьях. Однако очевидно, что речь здесь идет именно о латинском красноречии, а не о каком-либо ином. Следовательно, латинская речь была во всеобщем употреблении как среди кормилиц, так и среди других домохозяев. Он же <Квинтилиан>, рассуждая в первой книге своего сочинения о Грамматике, недоуменно вопрошает: «Что говорить о прочих случаях, если не определено, склоняется ли *senatus* как *senatus*, *senatus*, *senatui* или как *senatus*, *senati*, *senato*? Поэтому мне кажется, что удачно сказано, будто говорить по-латински — это одно, а говорить по-грамматически — это другое» <Наставления для оратора 1.6.27>. Из приведенных слов очевидно, что все говорили по-латински, но не все по-грамматически, поскольку владение латинским языком он приписывает всем, в то время как владение Грамматикой, то есть наукой правильной речи, — лишь немногим преуспевшим. Итак, по-латыни говорили все, но язык людей ученых был совершеннее, ведь они, как утверждает Квинтилиан, изменяли слово *senatus* по четвертому склонению, а простецы — по второму. Ведь в том, в чем прочие следовали обычаю (*usu*), не задумываясь над правильностью собственной речи, ученые мужи выносили суждение на основании мысли (*ratione*).

И в шестой книге своего сочинения <на самом деле Наставления для оратора 5.14.29> Квинтилиан пишет: «Оратор должен в речи своей сообразоваться с понятиями и вкусом слушателей иного рода; часто надлежит ему говорить пред людьми

ми самыми простыми, малосмысленными, или, по крайней мере, неучеными». Из чего ясно, что даже невежды и необразованные люди разумели латинскую речь, поскольку именно с их мнением должен был считаться оратор. В двенадцатой же книге, рассуждая о способах построения речи, он говорит: «Кажется, что простонародная речь имеет иную природу, чем речь оратора: если бы последней было достаточно просто судить о вещах, то ничего, кроме соответствия слов смыслу, ее бы не беспокоило» <Наставления для оратора 12.10.43>. Из этих слов очевидно, что в речи как раторов, так и невежд слова обладали одинаковыми свойствами, однако различались изяществом и литературной обработкой. Теперь же приведем и другие свидетельства — без всякой последовательности, в том порядке, как они приходят на ум, — которые подтверждают, что и народ весь, и все без изъятия жители Города, а равно и многих других земель говорили по-латински. Прежде всего сошлемся на блаженного Августина, святого мужа, обладающего величайшим авторитетом. Сей в проповеди на пятидесятый псалом, предназначенной для простого народа, допустил некоторые просторечные выражения, в то время как другие части его речи отличались прекрасной обработкой; оправдывал же он себя тем, что, пока он говорил, секретари записывали его речь и распространили в народе прежде, чем он смог улучшить и исправить ее. Следовательно, его проповеди были латинскими и язык их был привычен слуху простого люда — и мужчинам, и женщинам. Ведь если бы они не понимали по-латыни, то все эти труды пропали бы втуне и следовало бы считать глупцом того проповедника, который растрчивает свое красноречие перед теми, кто не понимает его речей. Далее, известно, что речь Марка Катона против заговорщиков, будучи записана секретарями слово в слово, разошлась в народе. Этот случай наряду со многими другими представляет нам доказательство того, что и в Сенате римляне имели обыкновение изъясняться на латыни. Подтверждением этого могут служить также сенатское постановление, предписывавшее чужеземцам излагать порученное им их народами на латинском языке, а также вторая речь Марка Туллия об аграрном законе против Рулла, где он приводит слова из выступления своего противника в Сенате, что-де «народ римский забрал слишком большую власть в государстве, хорошо бы его вычерпать (*exhaustiendum esse*)». «Ведь он, — говорит далее Цицерон, — употребил именно это слово» <Цицерон. Об аграрном законе 2.26.70>. Следовательно, если латинские слова повсеместно использовались в житейском обиходе, в речах и увещеваниях ораторов, в судах и публичных выступлениях, даже в сенате, состоявшем из превосходнейших мужей, то очевидно, что слова эти были тогда во всеобщем употреблении.

Раз уж мы сослались в подтверждение нашего мнения на достойный всяческого доверия рассказ Цицерона о латинской речи Рулла в Сенате, то приведем и другие его свидетельства. В речи в защиту Корнелия Бальба <16.35> он писал: «Даже недостойно опровержения приведенное обвинителем толкование одного слова. А именно он утверждал, что слово *comiter* <“благожелательно”>»,

было использовано вместо *communiter* <“сообща”>, словно он толкует устаревшее и вышедшее из употребления слово. Однако человек, указывающий верный путь заблуждающемуся, называется именно благосклонным или добро-сердечным, милостивым, благодушным; очевидно, что слово *communiter* сюда никак не относится». Отсюда следует, что речь обвинителя была произнесена на латинском языке, раз уж спор идет о значении латинского слова.

То, что на латинском языке говорили ораторы в суде, доказывает Асконий Педиан в толковании на речь Цицерона в защиту Милона <41–42 Clark>. Вот что он пишет: «Начав говорить, Цицерон был встречен криками сторонников Клодия, которых не мог удержать даже страх перед стоящей вокруг стражей. Поэтому, произнося эту речь, Цицерон был далек от своей обычной невозмутимости. Та речь, что была встречена криками, тоже сохранилась, но записал он вот эту, которую мы изъясняем, столь совершенным образом, что она по праву может почитаться лучшей». Но возвратимся к Туллию. Он пишет в первой книге «Об ораторе» <1.32.144>: «Послушайте теперь, что я расскажу вам о словесных прикрасах. Оратор должен изъясняться на правильной латыни и говорить на этом языке ясно и доходчиво»¹⁶.

Во второй же книге он пишет: «Наше слово должно доходить до ушей толпы» <Об ораторе 2.38.159>. Отсюда очевидно, что народ римский понимал латинский язык. Ведь ораторы не растрачивали свое красноречие впустую перед не разумеющей их слов толпой; равным образом не прибегали они и к иному красноречию, кроме латинского.

В этой же книге он пишет: «Что может быть более вымышленным, чем стихи, чем сцена, чем драма? Однако я сам часто видел, как из-под маски, казалось, пылали глаза актера, произносящего эти трагические стихи: “Ты посмел, его покинув, сам ступить на Саламин?”» <Об ораторе 2.46.193>. И все, что актер вещал со сцены латинскими стихами, было обращено к людям, понимавшим латинский язык.

Об этом же свидетельствует и другое место из той же книги, в котором речь идет об остротах: «Однажды кто-то¹⁷ сказал кому-то: “Надо бы погулять (*eamus deambulatum*)”, — и на вопрос того “При чем тут “бы” (*quid opus fuit de*)?” — ответил: “Да нет — при чем тут ты (*quid opus fuit te*)?”» <Об ораторе 2.63.256>. Из этого очевидно, что слова эти были сказаны по-латыни.

В третьей же книге читаем: «Что может быть лучше, чем слова чисто латинские, слова ясные, слова красивые, слова уместные и соответствующие пред-

¹⁶ В современных изданиях «Об ораторе» вместо *attendite* стоит *audieram*; поэтому в русском переводе Ф. А. Петровского это место передается так: «Учился я также правилам украшения слога: они гласят, что выражаться мы должны, во-первых, чисто и на правильной латыни, во-вторых, ясно и отчетливо» и т. д. Далее цитаты из «Об ораторе» даются в переводе Ф. А. Петровского.

¹⁷ У Цицерона речь идет о Катоне Цензоре.

мету? <...> Ведь мы не пытаемся обучить ораторской речи того, кто вообще не умеет говорить; мы не можем надеяться, чтобы тот, кто не владеет чистым латинским языком, говорил на нем изящно» <Об ораторе 3.10.37–38>. И чуть далее: «Ибо эти древние мастера, не умевшие еще говорить красиво, говорили почти все замечательно ясно; и кто усвоит себе их способ выражения, тот даже при желании не сможет говорить иначе, как на чистом латинском языке» <Об ораторе 3.10.39>. И далее: «При этом для чистоты латинской речи следует позаботиться не только о том, чтобы подбор слов был безупречен, и не только о том, чтобы соблюдение падежей, времен, рода и числа предохраняло речь от сбивчивости, бессвязности и беспорядка» <Об ораторе 3.11.40>. И еще чуть далее: «По крайней мере, когда я слушаю мою тещу Лелию — ведь женщины легче сохраняют старинную манеру говорить, так как не сталкиваются с разноречием толпы и всегда остаются верны первым урокам раннего детства, — когда я ее слушаю, мне кажется, что я слышу Плавта или Невия» <Об ораторе 3.12.45>. А коль скоро Плавт и Невий писали по-латыни, необходимо, чтобы и Лелия обыкновенно говорила на латинском языке, раз уж речь ее напоминала речь Плавта и Невия. А еще он говорит: «Оставим в стороне правильность латинской речи: она приобретается обучением в детстве, развивается углубленным и сознательным изучением языка и практикой живого разговора, — и присовокупляет: — Не будем останавливаться и на втором вопросе: как добиться, чтобы то, что мы говорим, было удобопонятно» <Об ораторе 3.13.48>. А в другом месте он говорит: «Ведь самые обычные отзывы об ораторах со стороны людей непосвященных, вроде: “У этого хороший подбор слов” или “У такого-то плохой подбор слов”, выносятся не на основании какой-нибудь науки, а просто с помощью природного чутья» <Об ораторе 3.37.151>. Значит если даже люди непросвещенные судили и рядили о речах ораторов, то и ораторы говорили на латинском языке, и слова их люди простые не только понимали, но и определяли, хороши они или дурны; а это было бы совершенно невозможно, если бы все они не говорили на латыни. А вот еще одно свидетельство Цицерона: «Потому я бы не стал отвергать таких оборотов, как у Лелия¹⁸: “В эту годину вошел в Италию” (*Qua tempestate in Italiam venit*)¹⁹, или отказываться от таких слов, как “сродник” (*proles*), “отрок” (*suboles*), “вздыматься” (*efferr*), “именовать” (*nuncupari*), или твои, Катул, излюбленные выражения “я не мыслил” (*non rebar*) или “полагал” (*opinabar*)» <Об ораторе 3.38.153>. Здесь он открыто, как бы желая рассеять все наши сомнения, приводит даже сами латинские слова, использовавшиеся в обиходной речи.

Можно найти еще много мест из Цицерона, подтверждающих мое мнение, но я не буду цитировать их здесь, чтобы не вызвать у вас скуки. Ведь все то,

¹⁸ В тексте Цицерона «у Целия».

¹⁹ В тексте Цицерона «В эту годину пуниец вошел в Италию» (*Qua tempestate Poenus in Italiam venit*).

что он говорит о построении речи и об упорядочении мыслей, о метафорах (*translatio*), собеседованиях²⁰, о стопах и размерах, используемых ораторами, очевидным образом касается латинского красноречия.

И все же я приведу некоторые из его речений относительно размеров, дабы исследуемый нами предмет предстал во всей ясности. Так, он говорит: «И нечего удивляться, каким образом невежественная толпа слушателей умеет замечать такие вещи: ибо здесь, как и повсюду, действует несказанная сила природы. Ведь все как один, по какому-то безотчетному чутью, без всякого искусства или науки отличают верное от неверного и в искусствах, и в науках. <...> Поэтому впечатление на людей производит не только искусная расстановка слов, но и ритм, и произношение. Много ли таких, кто постиг законы ритмики и метрики? Однако при малейшем их нарушении, когда стих либо укорачивается от сокращения, либо удлиняется от растяжения слога, весь театр негодует. <...> Так вот, как толпа замечает ошибки в стихосложении, точно так же она чувствует промахи и в нашей речи» <Об ораторе 3.50.195–196, 3.51.198>. Эти слова Цицерона доказывают, что невежественный народ не только знал латинский язык, но знал его, без всякого сомнения, так хорошо, что мог и определять пороки оратора, и одобрять то, что казалось ему заслуживающим одобрения, о чем свидетельствуют история Адриана²¹ и другие, по свидетельству как «Брута», так и «Ораторов»²², чтобы уж никакого сомнения не оставалось.

Вот что он там пишет: «[Не то чтобы он²³ говорил неправильно, но его речи недоставало той тщательности], в которой более всего сказывается словесное мастерство оратора²⁴. Ведь если мы и хвалим правильность языка (как я сам только что сказал), то не столько потому, что она ценна сама по себе, сколько потому, что слишком многие ею пренебрегают; уметь правильно говорить по-латыни — еще не заслуга, а не уметь — уже позор, потому что правильная речь, по-моему, не столько достоинство хорошего оратора, сколько свойство каждого римлянина» <Цицерон, Брут 37.140>²⁵.

О народе же он пишет: «Иногда толпа одобряет оратора, который этого не заслуживает, но это потому, что она не сравнивает его с другими» <Брут

²⁰ De communicatis verbis; имеется в виду фигура речи, которую Цицерон называет *communicatio* и определяет (устаи Красса) так: «Собеседование, когда ты словно обсуждаешь вопрос со своими слушателями» (Об ораторе 3.53.204).

²¹ Имеется в виду, вероятно, пассаж про императора Адриана из «Авторов истории Августов», Жизнеописание Адриана (приписанное Элию Спартиану) 3.1 (Поджо цитирует это место далее).

²² То есть, вероятно, диалогов Цицерона «Оратор» и «Об ораторе».

²³ Марк Антоний. В цитируемом фрагменте (Цицерон, Брут 37.139–44.165) Цицерон сравнивает между собой красноречие Антония и Луция Красса.

²⁴ В некоторых изданиях текста Поджо здесь печатается вопросительный знак; возможно, это предложение следует переводить как «В чем более всего сказывается мастерство оратора?».

²⁵ Здесь и далее «Брут» цитируется в переводе И. П. Стрельниковой.

52.193>. Как же толпа могла бы одобрять оратора, не понимая его? А как бы народ мог его понять, не зная латинского языка, причем не зная его в такой степени, чтобы иметь возможность одобрять или не одобрять речь оратора?

К этому Цицерон еще добавляет: «Некоторым, правда, казалось, что третьим оратором своего поколения мог почитаться Курион, может быть, потому, что речь его отличалась яркостью, а латинский язык — правильностью, усвоенной, вероятно, еще с детства, в семье. Словесности он не изучал совершенно; но для оратора очень важно и то, кого он слушает каждый день дома, с кем он говорит ребенком, каким языком изъясняются его отец, учитель и даже мать. Мы читаем письма Корнелии, матери Гракхов, и с несомненностью видим, что ее сыновья были вскормлены не столько ее молоком, сколько ее речью» <Брут 58.210–211>.

И чуть ниже говорит: «Вот таким же образом, если только можно сравнивать малое с великим, вероятно, и Курион, хоть и рано оставшийся сиротой, вынес из отцовского дома привычку к правильной речи. И я тем более склоняюсь к этому мнению, что из всех сколько-нибудь стоящих ораторов, которых я знал, ни один не был так несведущ и невежествен в любой из благородных наук. Он не знал ни одного поэта, не читал ни одного оратора» <Брут 59.213–214>. О Тите Фламинине он говорит, что тот «считался образцом чистой латинской речи, но грамматики не знал» <Брут 74.259>.

Итак, мы видим, что люди, не знавшие грамматики, простецы, ничего не читавшие неучи, так хорошо научались говорить на латинском языке в собственной семье, что считались хорошими ораторами. Из этого с очевидностью следует, что их родным языком была латынь, которую они усваивали не от наставников, а в домашнем обиходе.

В другом месте Цицерон приводит слова Сизенны, который, выступая в суде, назвал обвинения против своего подзащитного «ничтожественными» (*spicilica*)²⁶. Тогда его оппонент воскликнул: «Судьи! Я погиб, если вы не придете мне на помощь. Я не понимаю, что такое говорит Сизенна, и боюсь, как бы не было подвоха. Что такое “ничтожественные”? Что такое “ничто” (*spica*), я знаю, но что такое “жественные” (*cilica*) — не имею понятия» <Брут 75.260>. Необходимо, чтобы произнесенное Сизенной на латыни слово было понято толпой.

Кто-нибудь, возможно, возразит: если на латинском языке говорили все, в чем же заслуга тех, кто изъяснялся по-латыни чисто, ясно и без использования иностранных слов? К чему тратить силы и приобретать специальное умение тщательной отделки собственной речи? Скажу то, что думаю об этом я.

Даже среди тех, кто говорит на нашем грубом наречии, есть такие, кто тщательно подбирает слова; те, кто искусно строит свою речь, превосходят в вежестве остальных, ибо речь сведущего и ученого человека превосходнее речи

²⁶ В современных изданиях Цицерона это слово выглядит как *sputatilica*.

человека необразованного. Может статься, что так обстояло дело и с латинским языком: хотя слова были общими для всех, не все были равно красноречивы и изысканны в речах.

Однако те доказательства, которые я намерен привести теперь, представляются мне еще более убедительными. Мы знаем, что при общении с представителями многочисленных и разнообразных народов, обитавших в Риме с самого основания города и еще долгое время после этого и говоривших на своих языках, форма которых отличается от формы латинского языка, использовались переводчики: я говорю о сабинянах, герниках, самнитах, умбрах, этрусках и осксах.

Энний имел обыкновение хвалиться, говоря, что у него «три сердца»; это означает, что он владел тремя языками: греческим, латинским и оскским <Авл Геллий, Аттические ночи 17.17.1>. Как буквы, так и слова у этрусков отличались от латинских. Умолчу о галлах, германцах, афрах, испанцах и других народах, обращенных римлянами в рабство, языки которых разительно отличались друг от друга. Когда эти народы наводнили город, то латинская речь, которую они переняли, оказалась безнадежно засорена варварскими словами.

Коль скоро в латинский язык вошли многие слова, заимствованные у этрусков и других народов, то язык этот, претерпевший смешение с чужеродными наречиями, утратил свою первозданную ясность. Сабиняне называли сильного человека нероном (*peronem*); отсюда происходит родовое имя Неронов. Латиняне называли игроком (*ludionem*) того, кого впоследствии стали называть заимствованным у этрусков словом «гистрион» (*histrionem*). Слова *rheda* («экипаж») и *lancea* («копье») проникли в речь римлян из языка испанцев, слово *petorritum* («четырёхколесная повозка») было заимствовано у галлов. Подобным же образом бесчисленное множество других слов, заимствованных у чужеземцев и вследствие длительного общения вошедших в язык римлян, искажали первозданную непорочность и чистоту латинской речи. Следовательно, те, кто использовал одни только латинские слова, усвоенные или в домашнем обиходе, или посредством научения, считались лучшими риторам, ибо они говорили чистым, ясным и неиспорченным языком.

По этой причине Цицерон в своем «Ораторе» говорит: «Речь такого оратора будет чистой и латинской» <Оратор 23.79>²⁷, т. е. не оскверненной примесью чужеземных слов. Раз уж мы упомянули об этой книге Цицерона, приведем и другие места из нее, в свете которых станет еще яснее, что языком толпы была латынь. Вот одно из них: «Я и сам, зная, что наши предки употребляли в своей речи придыхания только при гласных, говорил, например, *pulcer*, *Cetegus*, *trumpus*, *Cartago*; но потом, хоть и запоздало, требования слуха заставили меня отбросить правильность и я уступил общему обыкновению

²⁷ Здесь и далее «Оратор» цитируется в переводе М. Л. Гаспарова.

в разговоре, оставив свое знание при себе» <Оратор 48.160>. И далее: «Я видел, как целые собрания встречали одобрительными криками складно оконченные фразы» <Оратор 50.168>. И несколькими строками ниже: «Целый театр поднимает крик, если в стихе окажется хоть один слог дольше или короче, чем следует, хотя толпа зрителей и не знает стоп, не владеет ритмами и не понимает, что, почему и в чем оскорбило ее слух» <Оратор 51.173>. Кроме того, он говорит: «В моем присутствии народный трибун Гай Карбон, сын Гая, произнес в народном собрании такие слова: *O Marce Druse, patrem appello!* <...> *Tu dicere solebas sacram rem publicam* <...> *Quicumque eam violavissent, ab omnibus esse ei poenas persolutas* <...> *Patris dictum sapiens temeritas feli comprobavit* — этот дикий крик вызвал такой шум собрания, что радостно было смотреть» <Оратор 63.213–214>. Очевидно, что этим выступлениям выражали одобрение и аплодировали не ученые мужи, как пишет Леонардо, а целые собрания и театры, наполненные невежественным народом. Что касается театра, ясно, что не ученые мужи восклицаниями сопровождали речь оратора: неученая и чуждая наукам чернь, замешавшиеся в толпе дети и женщины издавали эти крики — следовательно, они знали латинский язык, раз могли распознать долготу и краткость слова, оставаясь в полном неведении относительно их природы.

В конце книги Цицерон пишет: «Возьми из речи Гракха перед цензорами: *Abesse non potest quin eiusdem nominis sit probos improbare, qui improbos probet*» <Оратор 70.233>. Из этих слов с полной очевидностью следует, что речь Гракха была составлена на латинском языке и произнесена перед теми, кто латинский язык знал.

Во второй книге «О пределах блага и зла» Цицерон говорит: «Которую все городские и сельские жители, иными словами, все говорящие на латинском языке, называют наслаждением (*voluptatem*)» <О пределах блага и зла 2.23.77>. Это речение показывает нам, что не только горожане, но и деревенские жители пользовались латинским словом *voluptas*. Я полагаю, что этого множества цитат из Цицерона вполне достаточно, чтобы обосновать мое мнение, согласно которому весь римский народ говорил на одном — латинском — языке. Однако приведем и другие изобильные и в высшей степени достоверные свидетельства.

Марк Варрон в шестой книге «О латинском языке» убедительно показывает, что все без изъятия римляне говорили на латинском языке. Он утверждает, что у древних было в обычае говорить *ollum* и *ollam* вместо *illum* и *illam*. «Одна из этих форм сохранилась в формуле, которую глашатай употребляет на комициях: *olla centuria* вместо *illa*, а вторая — в погребальном обряде, когда говорится *ollus laeto datus est* вместо *ille*» <О латинском языке 7.42>. Как же можно сомневаться, что народ знал латинский язык, если даже глашатаи говорили по-латыни? Послушайте и другие его слова, из которых ясно, что не только граждане, но и рабы пользовались латинскими словами. Варрон говорит: «Даже недавно приобретенные богатым семейством рабы вскоре начинают склонять

в косвенных падежах имена всех своих товарищей по неволе, хотя узнают они их в падеже прямом; и если даже они иногда допускают ошибки, то в этом нет ничего удивительного» <О латинском языке 8.6–7>. И в другом месте: «Можно ли объяснить посредством аналогии, почему народ говорит *dii consentes* и *dii penates*; ведь если говорят *reus*, *ferreus*, *deus*, то следует говорить *rei*, *ferrei*, *dei*» <О латинском языке 8.70>. И еще в одном месте: «От *soleo* следует производить форму *solui*, как писали Катон и Энний, а не так, как говорят простецы, — *solitus sum*» <О латинском языке 9.107>. И далее: «Они не признают, что одна и та же падежная форма может существовать в двух вариантах, однако это не так. Ведь без всякого порицания сплошь и рядом одни пользуются то такими формами единственного числа — *ovi* и *avi*, то такими — *ove* и *ave*; так же обстоит дело и с множественным числом: одни говорят *hae puppis restis*, а другие — *hae puppes restes*» <О латинском языке 8.66>. Из этого очевидно, что народ имел обыкновение говорить на латинском языке. Во власти народа находились значение слов и словоупотребление: как замечает немного ниже Варрон, «народ сам себе господин, а отдельные люди подвластны народу» <О латинском языке 9.6>.

Саллюстий в «Югуртинской войне» писал: «Узнав о прибытии Бокха, нумидиец с небольшим отрядом незаметно поворачивает в сторону наших пехотинцев. Там он на латинском языке — ибо под Нуманцией он научился говорить на нем — закричал, что наши солдаты сражаются напрасно, ибо он только что собственной рукой убил Мария» <Югуртинская война 101.6>²⁸. Слова, которые прокричал Югурта, были в ходу не у образованных людей и ученых мужей, а у воинов; ведь если бы они не знали латинского языка, то обращаться к ним с латинскими речами не имело никакого смысла. Ибо Югурта научился говорить по-латыни не от наставников или педагогов, но в военном лагере, постоянно общаясь с воинами.

Тит Ливий в первой книге «Истории Рима от основания города» повествует о том, как предводитель альбанцев Меттий Фуфетий, исполняя союзнические обязательства, выступил на помощь Туллу Гостилию в войне с фиденянами. И вот в решающий момент битвы Меттий, оставив войско Тулла, со своими воинами начал отступать в сторону холмов. Тогда Тулл закричал так, чтобы его могли услышать враги, что Меттий делает это по его приказу, стремясь обойти противника с фланга. И Ливий добавляет: «Страх теперь переходит к врагам; они слышали громкий голос Тулла, а большинство фиденян, жителей римского поселения, знали латинский язык» <Тит Ливий 1.27.9>²⁹. Из этих слов явствует, что Тулл Гостилий обращался к воинам на латинском языке.

В шестой книге о Пунической войне Ливий пишет: «Суматоха еще усилилась обманом: Ганнибал подослал людей, знавших латинскую речь и одетых по-ита-

²⁸ Пер. В. О. Горенштейна.

²⁹ Пер. В. М. Смирин.

лийски, чтобы они именем консулов объявляли: лагерь-де взят, пусть каждый солдат позаботится о себе и бежит в соседние горы» <Тит Ливий 26.6.11>³⁰. «Ганнибал подошел к городу около четвертой стражи; впереди были перебежчики, вооруженные по-римски. Они подходят к воротам, говорят все по-латыни, будят стражу и приказывают отворить ворота» <Тит Ливий 27.28.9>³¹. Кто же будет отрицать, что римский народ говорил на латинском языке, если Ливий утверждает, что даже перебежчики говорили по-латыни?

Кроме того, в девятой книге Ливий приводит такие слова: «Ничего от римского гражданина — только одежда и звук латинской речи» <Тит Ливий 29.17.11>³². Ибо ведь даже потерявшего человеческий облик Племиния можно было признать за римлянина благодаря его речи, так что нет никакого сомнения, что все римляне говорили на латинском языке.

Хотя приведенные нами свидетельства столь почтенных мужей кажутся вполне достаточными и даже более чем достаточными для того, чтобы подкрепить наше суждение, поспешим представить и других единомысленных с нами свидетелей, которые не преминут выступить в нашу защиту.

Авл Геллий включил в свои «Аттические ночи» и самые слова, взятые из речей Метелла Нумидийского, Сципиона Африканского, Катона, Гракхов, произнесенных ими в разных местах по-латыни. Он передает слова Марка Катона из речи, которую он произнес в Нуманции перед всадниками, и речь эта латинская. Далее он передает и слова Гая Гракха, обращенные к римскому народу: «Он начал умолять, чтобы они защитили его и его детей; и он приказал, чтобы вышел его в то время единственный сын мужского пола, и, почти рыдая, вверил своего сына народу» <Авл Геллий, Аттические ночи 2.13.5>³³. Эти слова он приводит для того, чтобы показать, что Гракх здесь называет единственного сына «детьми». Далее, когда Геллий рассуждает о слове *nequitia*, он приводит слова Публия Африкана, обращенные к народу: «Все дурные, предосудительные, бесчестные дела, совершаемые людьми, имеют две причины — дурной умысел и небрежение» <Авл Геллий, Аттические ночи 6.11.9>. Очевидно, что эти слова были произнесены перед народом на латыни, а следовало бы счесть конченным глупцом того, кто взялся бы говорить по-латыни к народу, не разумеющему этого языка. Этот же автор приводит слова, которые произносил со сцены Лаберий: *mendicimonium*, *moechimonium*, *adulterio* и множество других <Авл Геллий, Аттические ночи 16.7.2>. Он рассказывает также <Авл Геллий, Аттические ночи 18.5> о том, как некий человек, имевший обыкновение публично читать анналы Энния,

³⁰ Пер. М. Е. Сергеенко.

³¹ Пер. М. Е. Сергеенко.

³² Пер. М. Е. Сергеенко.

³³ Геллий на самом деле обсуждает словоупотребление римского историка Семпрония Азеллиона, которому и принадлежит цитата.

неправильно произнес один из Энниевых стихов. Стих был следующий: «Четвероногие кони (*quadrupes equus*), а с ними слоны всею силою/Мчатся вперед» <Энний, *Анналы* 232 *Vahlen*>³⁴. Анналы же были, без всякого сомнения, написаны на латинском языке, поэтому если их читали перед собравшейся толпой, то очевидно, что толпа эта понимала латинский язык. Можно привести и такое место из Авла Геллия: «*Adsentior* (“я соглашаюсь”) говорят почти все. Один Сизенна говорил в Сенате *adsentio* (“я соглашаюсь”), и впоследствии многие следовали ему, но не смогли победить обыкновение» <Авл Геллий, *Аттические ночи* 2.25.9>. Эти слова не оставляют сомнений в том, что в Сенате говорили на латинском языке.

Далее, некий человек, обвинявший другого перед префектом города, вызвал общий смех словами: «Этот римский всадник ест мякину (*apludam*) и пьет винный осадок (*flaces*)»³⁵. А когда другой человек сказал: «Он — бовинатор (*bovinator*)», то всем показалось, что он не по-латыни говорит, а что-то нечленораздельное вещает <Авл Геллий, *Аттические ночи* 11.7>.

Вы можете прочесть и у Ювенала такой стих: «Бегут на прочтение приятной для всех “Фиваиды”» <Ювенал, *Сатиры* 7.82>³⁶. Если народ сбегался послушать стихи Стация ради их благозвучия, то очевидно, что приятность эта была присуща именно латинским словам, а не словам, переведенным на другой язык. В самом деле: что осталось бы от благозвучия Вергилиевых стихов, если перевести их на наш язык? Из этого перевода вышла бы совершенная бессмыслица. Подобным же образом можно доказать и то, что на латинском языке декламировались басны Теренция, Плавта и других писателей.

Теперь же приведем другое свидетельство, а затем перейдем к посланию Леонардо.

Элий Лампридий в жизнеописании Александра Севера сообщает, что, хотя император и учился у образованнейших мужей, «в латинских занятиях он не сделал больших успехов, как это явствует из речей, произнесенных им в Сенате и на сходках перед воинами или перед народом. Он не особенно любил латинское красноречие» <Авторы истории Августов, Псевдо-Элий Лампридий, *Жизнеописание Александра Севера* 3.4>³⁷. В жизнеописании Адриана рассказывается: «Оглашая в Сенате обращение императора, он вызвал смех своим неправильным выговором. Тогда он принялся за изучение латинского языка и дошел до высшего совершенства и красноречия» <Авторы истории Августов, Псевдо-Элий Спартиан, *Жизнеописание Адриана* 3.4>. Читаем в жизнеописании Регилиана: «Как-то, когда воины обедали вместе с ним, нашелся один заместитель трибуна, который сказал: “Откуда, по-вашему, происходит имя Регилиана?”, а другой тут же: “По-на-

³⁴ Пер. А. Я. Тыжкова.

³⁵ В латинском тексте Геллия на этом месте слово *flaces*.

³⁶ Пер. Д. Недовича.

³⁷ Здесь и далее «Авторы истории Августов» цитируются в пер. С. Н. Кондратьева под ред. А. И. Доватура.

шему, от слова “царство” (regnum)”. Тогда присутствовавший при этом школьный учитель стал, словно по грамматике, склонять: “Царь, царя, царю, Регилиан”. Воины: “Значит, он может быть царем?”; “Значит, он может управлять нами?”» <Авторы истории Августов, Псевдо-Требеллий Поллион, Тридцать тиранов 10.4–6>.

Если бы даже других свидетельств и не было, то все равно приведенные выше весьма убедительно показывают, что в Сенате, в войсках и в толпе люди обыкновенно говорили по-латыни и обращались к тем, кто разумел латинскую речь. Он³⁸ приводит и более пространственные речи императора к Сенату и даже перечисляет все те речи, которые он произнес перед сенаторами. Из речи же его перед воинами он включает в свой текст и сами латинские слова, которые каждый может найти в написанной им истории.

Элий Спартиан в жизнеописании Севера, родом африканца, описывает, как к императору приехала сестра, с трудом изъяснявшаяся по-латыни, и как Север, не находивший себе места от стыда, отослал ее домой <Авторы истории Августов, Псевдо-Элий Спартиан, Жизнеописание Севера 15.7>. Это доказывает, что она не разумела языка, бывшего во всеобщем употреблении.

Флавий Вописк в жизнеописании Аврелиана пишет: «После этих слов Валериана поднялся Аврелиан, подошел к руке и выразил благодарность в чисто военных выражениях, которые я решил привести в их подлинном виде. Аврелиан сказал: “Владыка Валериан, император, Август, я для того все это делал, для того терпеливо переносил ранения, для того утомлял и своих коней, и своих подчиненных, чтобы получить благодарность от государства”» <Авторы истории Августов, Псевдо-Флавий Вописк, Жизнеописание Аврелиана 14.1–4>. Это — не речь на собрании или на форуме, но частная беседа, и происходила она на латинском языке. Флавий включил в свою историю и слова Аполлония Тианского, произнесенные по-латыни, «чтобы его мог понять уроженец Паннонии» <Жизнеописание Аврелиана 24.3>; слова эти, как и многие другие в этом же роде, я ради краткости опустил. Впрочем, если приведенные мною места кому-то покажутся недостаточными, уж не знаю, что бы могло такого человека удовлетворить. Итак, множество свидетельств убеждает нас в том, что все без исключения древние римляне говорили на латинском языке, и латинская речь была для них родной. Хотя этих свидетельств и достаточно для того, чтобы ответить на послание Леонардо, все же я в кратких словах приведу возражения против некоторых его суждений, которые, при всем уважении моем к Леонардо, весьма далеко отстоят от истины. Однако, как я думаю, основываясь на его собственных словах, он написал это послание не столько для того, чтобы выразить свое мнение, сколько для того, чтобы вывести мое. Ведь он приводит слишком слабые доводы, пытаясь показать, что, говоря его словами, «было два языка: народный (vulgarem) и ученый (literatum)».

³⁸ По смыслу речь должна идти, видимо, об авторе жизнеописания Александра Севера и далее под императором должен подразумеваться Александр Север.

Во-первых, Леонардо утверждает, что, подобно тому как народ понимает евангелия и чин мессы, так и древние понимали латинский язык³⁹. Однако это сравнение представляется пустым и безосновательным. Что же здесь похожего? Евангелия и чин мессы понятны почти всем, однако все же не всем, ведь люди на протяжении нескольких лет путем непрерывного повторения одних и тех же слов, которые они постоянно слышат, в конце концов эти слова заучивают и начинают их понимать, подобно тому как мы научаемся понимать письменный язык, ибо он весьма близок нашей родной речи. Да и проповедники объясняют народу смысл евангелий и мессы, чтобы даже невежды и неучи разумели смысл слов.

Однако речи в собраниях и на форуме, судебные прения, поэмы не повторялись в неизменном виде на протяжении многих лет, но разительно различались между собой, ибо этого требовало разнообразие предметов речи и причин ее произнесения.

Леонардо признает, что в Сенате и суде говорили на латинском языке, но полагает, что эти речи и судебные разбирательства происходили в среде образованных людей. Не могу не удивляться, откуда он почерпнул сведения о том, что сенаторы и судьи были образованными людьми, ведь даже Цицерон писал о том, что некоторые ораторы никаким наукам не учились. Мы читаем у древних авторов, что в Сенат избирали обыкновенно не ученых мужей, а эдилов, квесторов, преторов и трибунов. А откуда известно, что судьи были образованными? Ведь не только выступали в суде, но и с речью к народу обращались профессиональные риторы. Судей избирали из сенаторов, иногда из всаднического сословия, и не по критерию учености, а по жребию, и часто вопрос о назначении или отводе судей решался волеизъявлением народа, выражавшимся в криках одобрения или порицания. Цицерон в одной своей речи говорит: «Скажу погромче, чтобы все присутствующие могли услышать»⁴⁰.

Однако что Леонардо может сказать относительно речей на форуме и в собраниях, обращенных к народу; речей, относительно которых мы доказали, что они были произнесены на латинском языке? Цицерон и Квинтилиан утверждают, что речи и слова ораторов были приноровлены к разумению толпы. Это суждение было бы нелепым, если бы ораторы должны были соразмерять свои речи с разумением тех, кто не понимал латинского языка. С мнением Леонардо, что записанные речи были лучше отделаны, чем произнесенные, я согласен, и Цицерон подтверждает это мнение, однако необходимо признать и то, что произнесены эти речи были на латинском языке.

Почему Леонардо кажется невозможным, чтобы женщины и ремесленники могли склонять имена по падежам? Не понимаю, почему они не могли с детства

³⁹ *Leonardus* Flavio Foroliniensi S. Quaestionem... P. 222.

⁴⁰ Возможно, подразумевается речь «Против Верреса» 2.3.93.217 («Ведь я говорю это, и говорю погромче...»).

освоить склонения и научиться латинскому языку в повседневном общении, подобно тому как мы овладеваем нашим народным языком.

И все же я больше полагаюсь на авторитет Варрона, чем на мнение Леонардо: ведь я уже приводил слова Марка Варрона, согласно которым даже новоприобретенные рабы, усвоив именительный падеж слова, научались пользоваться и косвенными; таким образом, то, что Леонардо считает невозможным для римских граждан и городских жителей, оказывается обычным делом для варваров-рабов.

Что же касается одобрения, которое народ выразил словам <...> *fili temeritas comprobavit*, то глупо думать вслед за Леонардо, что приветствовали эти слова ученые мужи. Он говорит, что Цицерон присутствовал на этом собрании, и Цицерон сам пишет, что произнесены те слова были именно при нем, однако одобрение им выразил не он сам и не ученые мужи, словно бы речь шла о легкомысленной толпе ремесленников; криками выражать одобрение подобало черни и плебсу, а не тем, кто получал наслаждение от метрического совершенства Карбоновой речи.

Леонардо утверждает, будто стихи Теренция и других поэтов не декламировали, а разыгрывали, то есть не зачитывали, а изображали жестами⁴¹. Однако Донат в комментарии к «Евнуху» опровергает это мнение, ибо он пишет, что эта комедия была издана, декламировалась и пелась на разный манер <Донат, Комментарий к Евнуху, вступл. 7>. Он говорит, что комедию эту не разыгрывали, как утверждает Леонардо, а декламировали: ведь музыкальный ритм и аккомпанемент флейты были приспособлены не к мимическому представлению, а к стихотворному размеру.

Впрочем, и сам Цицерон опровергает это мнение, когда пишет, что если при декламации стиха опустить или добавить один слог, то слушатели непременно тебя освищут. Очевидно, что подобное может произойти во время декламации стиха, а не во время мимического его представления.

Леонардо приводит и множество других доводов в поддержку своего мнения, но все их можно без труда опровергнуть. Однако мы позаботились о том, чтобы подкрепить нашу позицию множеством цитат и примеров, чтобы ни один даже самый дерзкий читатель не смог противостоять согласному мнению столь многих авторитетных писателей».

Когда я закончил говорить, Карло промолвил: «Я всегда держался одного с тобой мнения и полагал, что все, кто отстаивает другую точку зрения, не правы. Однако мы уже достаточно поговорили — теперь нужно хоть немного времени посвятить прогулке: разве только ты сумеешь прежде привести противников к согласию, как следует их напоив». Карло, улыбаясь, закончил свою речь, и мы поднялись со своих мест; дойдя до городских ворот, мы свернули к реке, желая развеяться и насладиться свежим воздухом.

⁴¹ *Leonardus Flavio Foroliniensi S. Quaestionem...* P. 224–225.

Глава 2

Джованни Понтано: трактат о латинской метрике из диалога «Акций»

(М. В. Шумилин)

Классический вариант античной латинской метрики был основан не на систематическом чередовании ударных и безударных слогов, как метрика большинства современных поэтических традиций, а на систематическом чередовании кратких и долгих слогов. Но по мере развития языка разница между долгими и краткими слогами в латыни исчезла (где-то к V в. н. э.)¹. В результате изучение латинской метрики на протяжении большей части своей истории принципиально отличалось от того, как сегодня стиховедение изучает метрику поэзии, создаваемой на новых языках. Условно говоря, сначала поэты «на слух» создают корпус современной русской поэзии, а потом ученые делают какие-то обобщения относительно метрики этих стихов, самостоятельно вводя нужные для этого категории, в то время как в Средние века и эпоху Возрождения с латинской поэзией дело обстояло иначе: сначала создавалось описание нормативной метрики (в общем, конечно, описывающее классические образцы), а потом уже на основании сформулированных правил писался корпус средневековой и ренессансной латинской поэзии. В отличие от античных поэтов гуманисты не могли писать латинские гекзаметры «на слух»: чтобы сочинить гекзаметр, им нужно было *знать*, как это делается. Поэтому наука о метрике почти всегда имела задачу не только и не столько описать существующую реальность, сколько научить, как писать стихи.

Для написания латинских гекзаметров человеку, для которого латинский язык классического периода не является родным, нужны две вещи: во-первых, описание того, как должны быть расположены долгие и краткие слоги, чтобы это был гекзаметр, а во-вторых, словарь, из которого можно выяснить, какой слог долгий, а какой — краткий. Этими потребностями определяются два базовых элемента сочинений по метрике. Во-первых, самое нужное в метрическом трактате — определение размеров. Во-вторых, требуется еще дополнение, позволяющее определять долготу слогов каждого слова. В компактные античные трактаты² сначала такие словари не включали: в принципе для начитанных людей они необязательны, образованный чело-

¹ См.: Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 2001. С. 107.

² Удобный обзор античных сочинений по латинской метрике можно найти в книге: Кузнецов А. Е. Латинская метрика. Тула, 2006. С. 337–346.

век всегда может сам вспомнить какую-нибудь поэтическую цитату, содержащую нужное ему слово, и понять, как оно метрически трактуется. Ориентация на прецеденты всегда оставалась руководящим принципом в определении долгот³, но со временем стали появляться облегчающие задачу поиска своды примеров поэтических строк, содержащих какие-то определенные слова. Наиболее известный такой свод, написанный в каролингское время, принадлежит Микону из Сен-Рикье (*Opus prosodiacum*)⁴. В эпоху Возрождения средневековые своды, конечно, уже вышли из употребления, поэтому коллекции примеров, систематизированные по употребляемым словам, периодически включали в ренессансные сочинения по метрике (граница между сводами примеров и трактатами к этому времени уже стерлась).

Но дав определение, позволяющее понять, какой стих будет гекзаметром, а какой нет, составитель трактата по метрике может и не ограничиться этим, а попробовать описать, как сделать *хороший* гекзаметр. Метрические системы обычно предоставляют некоторые возможности выбора: например, в русской силлабо-тонической метрике ямба (последовательность безударный–ударный) можно заменить пиррихием (два безударных) или спондеем (два ударных). Можно попробовать сформулировать, как обращаться с этой опцией так, чтобы использовать создаваемые каждым из вариантов эффекты с максимальной уместностью. В античной метрической науке можно, таким образом, выделить две составляющие, которые можно назвать дефиниционной метрикой и опционной метрикой. Границы между ними иногда, конечно, будут проницаемыми, но в целом речь идет о двух разных явлениях.

Большая часть античных сочинений по метрике посвящена ее дефиниционному варианту. Иногда опционные теории даже лучше представлены в сочинениях по риторике (например, об использовании оппозиции долготы и краткости много пишет Квинтилиан в IX книге «Воспитания оратора»). Действительно, выбор, как лучше сказать, это дело, в большей степени ассоциирующееся с риторикой или нормативной поэтикой. В эпоху Возрождения, однако, «уползание» опционной метрики из ведения метрической науки сменяется противоположным явлением: в метрику в качестве разбора опций стихосложения включается перечисление вообще любых поэтических

³ Ср. из ренессансных учебников написанное в стихах пособие Антонио Манчинелли (1488): *Exemplo utemur ratio cum deficit ulla* «Когда никакая логика не помогает, мы будем пользоваться примером» (*Antonii Mancinelli Veliterni Versilogus optimo compendio artem versificandi tradens studiosoque scholastico in primis necessarius, cui adiecti sunt breves et utiles commentarii Joannis Murmellii Ruremundensis*) *diligenter recogniti atque ad unguem castigati*; *Epistola Aeneae Silvii in praeconium artis poetice*. <S. l.>, 1509(?). Fol. B ii r), – и трактат Джорджо Валлы, переводчика «Поэтики» Аристотеля, под названием «О поэтике», опубликованный в 1501 г. как XXXVIII книга сочинения «О том, к чему нужно стремиться и чего избегать»: «В любом поэтическом жанре первейшим правилом для нас пусть будет следующее: держать в памяти много стихов славных поэтов. Ведь они не только будут авторитетным источником для определения долготы слогов, но и создадут богатый словарный запас, пробудят природные задатки и придадут зрелости суждению» (цит. по: *Ibid.* Fol. B ii v).

⁴ См. издание на рус. яз.: *Гаспаров М. Л.* Каролингское возрождение (VIII–IX вв.) // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек и М. Л. Гаспаров. М., 1970. С. 238.

украшений, например тропов и фигур, то есть нормативная поэтика и риторика инкорпорируются широко понимаемой метрикой.

Вот такое странное собрание материала мы обычно и находим, открывая ренессансный метрический трактат: наряду с дефинициями размеров здесь часто помещаются и сведения о долготе гласных в конкретных словах и морфемах, и перечисления поэтических приемов, не имеющих отношения к метрике. Может быть, самый старый из собственно метрических трактатов Ренессанса — «О метрике» Пьера Паоло Верджерио Старшего и Франческо Дзабареллы, ок. 1395 г. Он сохранился в венецианской рукописи Marc. lat. 13.41 [4729] и до сих пор не опубликован. Как и Понтано в переведенном ниже тексте, Дзабарелла (от имени которого написан вводный пассаж) жалуется, что толкового разбора метрических правил прежде него никто не написал: «Правила эти, сообщаемые нам в основном в непонятном, а иногда и противоречивом виде, мы вместе с ученым мужем Пьером Паоло Верджерио из Копера тщательно постарались прояснить и привести к согласию»⁵. Еще одна интересная деталь трактата — что один из его авторов, Верджерио, незадолго до этого сочинения (ок. 1390 г.) написал самую старую из дошедших до нас гуманистических комедий («Павел») ⁶. Римские комедии написаны довольно сложными размерами, и комедия на латыни, казалось бы, была хорошим поводом для демонстрации собственной метрической компетентности. Но показательным образом Верджерио не делает этого: и в трактате его почти не идет речи о метрике комиков (из Теренция дан только один пример), и в комедии только 5 % строк написаны правильным сенарием⁷. Точность знаний гуманистов об античных размерах посложнее, конечно, менялась со временем⁸. Большая часть ренессансных метрических сочинений посвящена размерам попроще, в первую очередь гекзаметру и пентаметру, которыми по преимуществу и писали ренессансные латинские стихи.

Трактат Верджерио и Дзабареллы по содержанию представлял собой, по-видимому, приблизительно такую картину, как мы описали выше, и в том же жанре написана и большая часть трактатов, распространившихся после появления книгопечатания. Перечислим основные итальянские печатные сочинения XV в. по метрике в порядке предположительных дат первой публикации: «О размерах» и «О метрах Горация Флакка и Северина Бозция» Никколо Перотти (1471 г., наиболее авторитет-

⁵ <Vedova G.> Memorie intorno alla vita ed alle opere del cardinale Francesco Zabarella Padovano. Padova, 1829. P. 115.

⁶ См. о ней на рус. яз.: Андреев М. Л. Гуманистическая комедия // История литературы Италии. Т. II. Кн. 1 / отв. ред. М. Л. Андреев. М., 2007. С. 327–328.

⁷ Grund G. R. Introduction // Humanist Comedies / ed. and tr. by G. R. Grund. Cambridge (Mass.); L., 2005. P. xxiv.

⁸ Ср. в настоящей антологии главы 7 и 8 (о неправильном описании одиннадцатисложника в рукописях Катулла и использовании этого описания на практике), 10 (о сложностях восстановления правил метрики Теренция).

ные ренессансные пособия по метрике), «Об искусстве метрики» Оньибене да Лониго (ок. 1471 г.), «Метрика» Джованни Сульпицио Веролано (1476 г.), «О сочинении гекзаметрических и пентаметрических стихов» Франческо Матуранцио (1481 г.), «О сочинении гекзаметров и пентаметров» Пачифико Массими (1485 г., текст специфичен, во-первых, тем, что автор сам был достаточно известным поэтом, а во-вторых, сложными графическими схемами на манер музыкальных трактатов или каббалистических сочинений), «О слогах» Паоло Помпилио (1488 г.), «Стихослов, или О сочинении стихов» Антонио Манчинелли (1488 г. (?); трактат написан стихами в духе средневековых поэтик), «Метрика» Лоренцо Квальюлини (1488 г. (?)), «Каноны метрики» Джамбаттисты Канталичо (1493 г.), «Арифметрика» Никколо Валлы (то есть искаженное *Ars metrica* «Искусство метрики», ок. 1500 г.). Иногда датируют концом XV в. также «Искусство метрики к госпоже Дионоре Леоле, ученице» Андреа Фульвио Сабينو. Свои метрические трактаты издавали во Франции (очень влиятельное «Искусство стихосложения» Робера Гагюэна вышло уже в 1473 г.), в Германии и даже Дании.

Но, будучи нацеленными все-таки прежде всего на то, чтобы помочь написать стихотворный текст, все эти сочинения, как и античные метрические трактаты, отводят собственно метрическим опциям мало места. Разбору метрических опций (который в большей степени, чем дефиниционная метрика, напоминает сегодняшнее стиховедение) было суждено стать уделом текстов для более искушенных в метрике читателей: прежде всего это посвященные метрике главы сочинения Колуччо Салутати «О подвигах Геркулеса» (окончательная версия – 1391 г.) и раздел о метрике из диалога Джованни Понтано «Акций» (написан в 1490-е гг., опубликован в 1507 г.)⁹.

Центральных рекомендаций у античной опционной метрики было две. Во-первых, нужно уместным образом использовать возможность заменять дактилическую (в гекзаметре) или ямбическую (в ямбических размерах) стопу спондеем. Спондей в обоих случаях замещает краткие слоги долгими, а долгота ассоциируется с торжественностью, медлительностью, серьезностью, в то время как краткость – с быстротой и веселостью. Рекомендация состояла в том, чтобы соотносить содержание текста и требуемый от него эффект с решением, вставлять ли спондей¹⁰. Салутати заменяет ее более простой рекомендацией всегда предпочитать спондеям дактили (О подвигах Геркулеса 1.6.8), но у Понтано мы вполне находим этот античный принцип в полном виде. Похожее разделение метрических вариантов с разными ассоциациями встречается уже в «Поэтике» Аристотеля (1459b34–1460a1: у Аристотеля, правда, нет прямой связи ассоциаций с долготой, он считает гекзаметр более

⁹ Martellotti G. Critica metrica del Salutati e del Pontano // Critica e storia letteraria: Studi offerti a Mario Fubini. Vol. I / a cura di V. E. Alfieri. Padova, 1970. P. 352–373.

¹⁰ См.: Шумилин М. В. Семантика метра в римском риторическом эпосе: стечение спондеев в молитвенном обращении // Работа памяти / сост. Е. Д. Матусова, О. М. Розенблюм. М., 2008. С. 52–65.

устойчивым и торжественным, а ямб и трохей более подвижными), но Понтано пишет свое сочинение еще до того, как Аристотелева «Поэтика» обретет популярность, и, по-видимому, вообще не использует ее¹¹, а рекомендации, касающиеся употребления долгих слогов, он, скорее, знает из Горация (Искусство поэзии 251–258) и античных грамматиков (Афтоний 6.44.20–45.2 Keil).

Во-вторых, согласно античной опционной метрике нужно правильно использовать совпадение/несовпадение границ слов с границами стихотворных стоп. Античные грамматики рекомендуют предпочитать несовпадение границ: результатом оказываются словоразделы внутри стоп, образующие среди прочего излюбленные латинскими гекзаметрическими поэтами пентэмимерическую («пятиполовинную», внутри третьей стопы) и гептэмимерическую («семиполовинную», внутри четвертой стопы) цезуры. Например, Афтоний (текст которого иногда приписывали Марию Викторину) пишет (6.71.24–29 Keil, вертикальной чертой мы будем обозначать в примерах границы стоп): «И еще он <гекзаметр>, как было сказано, сторонится того, чтобы концы слов совпадали с концами стоп (*per singulos pedes verba finire*), а предпочитает вмешивать слоги слова в соседние стопы (*immiscere syllabas*). Ведь стих, в котором концы слов совпадают с концами стоп, будет некрасив, например:

Pythie, | Delie, | te colo, | prospice | vota que | firma.

А если слоги перемешиваются, то получится весьма красивый стих, например:

at relgina gra|vi iam|dudum | saucia | cura <Вергилий, Энеида 4.1>».

Эту теорию мы находим подробно развитой и у Салутати, и у Понтано. В эпоху Возрождения с ней связывается, однако, еще одна сложность. Когда границы сто-

¹¹ В принципе текст «Поэтики» в Западной Европе XV в. существовал в нескольких средневековых переводах, и один из них (латинское переложение арабского переложения Аверроэса) был напечатан в 1481 г., а в 1498 г. появился в печатном виде вполне приличный перевод Джорджо Валлы с греческого (греческий текст был опубликован в альдинском издательстве в 1508 г.), но гуманисты какое-то время все равно продолжали пренебрегать аристотелевским сочинением. М. М. Позднев (*Позднев М. М.* Психология искусства: Учение Аристотеля. СПб., 2010. С. 363), ссылаясь на мнение И. Х. Черняка, утверждает, что подлинный текст «Поэтики» считался утерянным. Если разобраться в ссылках Позднева, то он имеет в виду один из каталогов библиотеки Медичи (по описанию в: *Piccolomini E. Ricerche intorno alle condizioni e alle vicende della libreria Medicea privata dal 1494 al 1508* // Archivio storico italiano. T. XXI. 1875. P. 105), в котором значилась такая запись: *Poetrie, que non habetur ex greco sed ex arabico traducta, est lib. I.* Позднев и Черняк, видимо, понимают эту фразу как «Из «Поэтики», которая не имеется в переводе с греческого, но имеется в переводе с арабского, есть первая книга» (даже при таком истолковании фразы об утрате самого греческого текста речи не получается), но на самом деле ее естественнее понять просто как «Из «Поэтики», которая имеется в переводе не с греческого, а с арабского, есть первая книга». И вообще странно ожидать, что может быть такое, чтобы общепринятые мнения гуманистов о том, какие античные сочинения сохранились, какие нет, доходили до нас только в библиотечных каталогах, текстах прикладного характера и узкого использования. Труд М. М. Позднева полезен как богатое информационное введение в историю восприятия «Поэтики», но пользоваться им порой нужно с должной осторожностью: например, на с. 375, в примеч. 163, он соединяет в одного персонажа двух Скалигеров — Юлия Цезаря и Иосифа Юста (автора *Scaligerana* — причем дату выхода используемого издания в этом примечании, по-видимому, следует исправить на 1695 г.).

пы не совпадают с границами слова, обычно получается, что словесные ударения не совпадают с тем, что в сегодняшней науке называется иктом: в гекзаметре таковым является так называемый арсис, долгий слог в начале дактилической или спондеической стопы (остальная часть стопы называется тесисом). В античности в этом явлении не было никакого противоречия: гекзаметрический икт, по-видимому, определялся только долготой, а никакой обязательной связи между долготой и ударением — как в современном русском языке, в котором долгим может быть только ударный слог, — в классической латыни не было. Но к эпохе Возрождения долготы давно уже были утрачены, а икты выделять для скандирования гекзаметра (чтобы понимать его метрическое устройство) все-таки было нужно, поэтому икт обозначали ударением, как если бы стихи были (силлабо-)тоническими. Получалось, что при чтении поэзии слова часто приходилось произносить с неправильными ударениями (например, в цитированном выше примере придется читать *graví* вместо *grávi*). Избежать этого можно, только если границы стоп будут совпадать с границами слов и стихи будут писаться как раз такими строками, которые запрещает Афтоний. Так писал, например, в XII веке Бернард Морланский (только здесь не слово должно было совпадать со стопой, а группы из двух слов — с группой из двух стоп), квантитативный гекзаметр которого в результате одновременно является силлабо-тоническим гекзаметром (О презрении к миру 1–4):

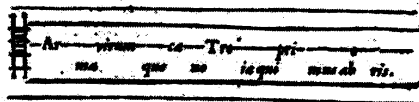
Hóra no|víssima, | témpora | péssima | súnt: vigi|lémus.
 Écce mi|náciter | ímminet | árbitet | ille sul|prémus.
 Ímminet, | ímminet, | út mala | términet, | áequa col|rónet,
 Récta re|lmúneret, | ánxia | líberet, | áethera | dónet.

В метрических сочинениях Возрождения у этой детали есть свои импликации: в компетенцию метрики вторгается ударение, которым античные метрики вообще не занимались (ведь ударение, в сущности, не имеет отношения к квантитативной метрике). Салутати считает ситуацию несовпадения ударения с иктом просодической аномалией (О подвигах Геркулеса 1.11.17–18); Понтано понимает, что икт в общем-то и не является ударением, но считает словесное ударение также релевантным для латинской метрики (поэтому он посвящает целый раздел своего трактата ударениям — прежде всего количеству ударений в стихе, то есть на самом деле длине и количеству слов)¹².

¹² Согласно Martellotti G. Op. cit. P. 353, о том, что ударение в классической латыни было не силовым, а музыкальным, первым написал старший Скалигер в «Поэтике» (*Iulii Caesaris Scaligeri, viri clarissimi, Poetices libri septem...* <Genevae>, 1561. P. 207): «"Ударением" древние называли распевание звука при подъеме и опускании тона (*soni moderationem in tollenda, premendaque voce*): ведь они говорили так, что казалось, будто они поют. Это до сих пор свойственно многим народам. Из итальянцев только туринские лигурийцы произносят слова музыкально (*accinunt loquutionibus*), а во Франции — жители Оверни. И я думаю, что говорящие на латыни не случайно оставили это обыкновение. Ведь что могло бы в большей степени вызывать смех, чем если произносить так:

Если сложить полученные в результате описанного развития темы опционной метрики, то мы получим примерное содержание опционно-метрических разделов труда Салутати. Но вот содержания трактата Понтано мы таким образом не получим, и в этом его принципиальная новизна и интерес. Понтано не воспроизводит с определенными модификациями под свой вкус уже существующий свод правил. Он пытается нащупать в классических образцах¹³ и в собственной поэтической практике правила и закономерности самостоятельно, используя традицию только как отправную точку. В общем-то, именно Понтано, вероятно, следует считать первым представителем стиховедения на газпаровский манер.

Джованни¹⁴ Понтано (1429–1503) известен больше всего, наверное, как глава «Понтановской академии», неаполитанского гуманистического кружка. Неаполитанский гуманизм создал довольно яркую и своеобразную поэтическую школу: у истоков ее стоял представитель старшего поколения поэт и историк Антонио Панормита (Беккаделли, 1394–1471), которого в «Академии» считали предтечей и основателем; ярким представителем неаполитанской поэзии был сам Понтано; связано с «Академией» было и центральное лицо более молодого поколения неаполитанских поэтов – Якопо Саннадзаро (1458–1530), в уста которого Понтано вкладывает посвященные метрике рассуждения в «Акции» (к тому же сам диалог получил название от латинского псевдонима Саннадзаро – *Actius Syncerus*, Акции Синцер)¹⁵. Стихи этих и других поэтов неаполитанского кружка (до Саннадзаро все они писали только на латыни, Саннадзаро был двуязычен) обычно объединяются светлым игривым тоном, им не чужда довольно откровенная эротика и даже скабрёзность: эта марциа-

Поскольку я ни от кого из учителей не слышал упоминаний об этом, я решил изложить этот факт здесь, чтобы он не оставался не замеченным другими и не вводил их в заблуждение, как он долго вводил в заблуждение меня». Однако уже в работе Эразма Роттердамского «О правильном произношении латинского и греческого языка» (1528), 62.596–599 Cytowska, мы читаем: «Также и в слове *amāverimus* второй слог *ma* должен быть звучнее, чем первый *a*, так чтобы *ama-* был ямб, а *-verimus* – трибрахий, но только первый слог из трех с острым ударением, и поэтому более звучный, как будто бы музыкант по краткому, долгому и трем кратким <слогам> сыграл бы ре, ре, фа, ре, ре: *āmāvērīmūs*».

¹³ Подавляющее большинство примеров Понтано берет из Вергилия: мы наблюдаем здесь движение по тому пути к радикальному сужению канона, который приведет к цicerонианству XVI в.

¹⁴ Другой вариант его итальянского имени, Джовиано, – курьезный продукт гуманистической манеры переводить свои имена на латынь максимально изощренным образом. Вместо ожидаемого *Iohannes Pontanus* Понтано предпочитал называть себя по-латински *Iovianus Pontanus*; обратный перевод на итальянский дает «Джовиано». Аналогичным образом, например, свою жену Адриану Понтано в латинских стихах именует *Ariadna*.

¹⁵ См.: Иванова Ю. В. Поэзия гуманизма // История литературы Италии. Т. II. Кн. 1 / отв. ред. М. Л. Андреев. М., 2007. С. 286–316; Стаф И. К. Якопо Саннадзаро // Там же. С. 534–561.

ловско-катулловская живость любовной поэзии (иногда, пожалуй, даже превосходящая энергией и полнокровием свои образцы) похожа на глоток свежего воздуха на фоне доминировавшего в италоязычной лирике XV в. возвышенного петраркизма, в котором прекрасная донна обычно почти бестелесна и о радостных отношениях взаимности речи даже не заходит: хорошо, если госпожа хотя бы не отвергает любовь со всей презрительной надменностью.

Но поэзия неаполитанской школы отличалась не только содержанием. Паоло Кортези писал ок. 1489 г. о Панормите, духовном отце неаполитанского кружка: «Однако поэтом он был очень сладкозвучным и весьма славным в свое время; ведь он первым вернул стихи к некой правильности и к метрически насыщенному звучанию (*ad mensuram quandam, numerosumque sonum revocavit*), а до того стихи писали ломаными и рванными метрами и они очень мало отличались от простонародных напевов»¹⁶. Действительно, неаполитанские поэты достигли высокого уровня владения классическими размерами, в то время как даже гексаметры Петрарки были на самом деле еще довольно корявы. Вот пример эпиграммы, написанной Петраркой (Разные стихотворения 15 = Письма о делах повседневных 11.4):

Valle locus Clausa toto michi nullus in orbe
 Grator aut studiis aptior ora meis.
 Valle puer Clausa fueram, iuvenemque reversum
 Fovit in aprico vallis amena sinu.
 Valle vir in Clausa meliores dulciter annos
 Exegi et vite candida fila mee.
 Valle senex Clausa supremum ducere tempus
 Et Clausa cupio te duce Valle mori.

«Во всем мире нет для меня места приятней или края, более подходящего для моих занятий, чем Воклюз. В Воклюзе я побывал мальчиком, и, когда я вернулся туда юношей, милая долина убаюкала меня в своем солнечном лоне. В Воклюзе я мужем провел в счастье лучшие годы и прожил прекрасные выпряденные парками нити моей судьбы. В Воклюзе я хочу старцем провести последние дни, и умереть я хочу под твоей властью»¹⁷ в Воклюзе».

Формально метрических ошибок в этом стихотворении нет, и оно по-своему красиво (чтобы отдать Петрарке справедливость, мы не стали выбирать текст похуже, а взяли, наоборот, текст поэlegantнее), но построено оно на строгой геометричности, как и большая часть средневековых стихов: фразы, соответствующие метрическим единицам, выстраиваются в аналогический ряд равномерных блоков, синтаксис ограничивается некоторой все же оставшейся метрической скованностью. Так часто пишут

¹⁶ *Pauli Cortesii viri clarissimi De hominibus doctis dialogus...* Florentiae, 1734. P. 29.

¹⁷ Стихотворение адресовано Филиппу де Кабассолю, епископу Кавайона, к диоцезу которого относился Воклюз.

в Средние века, потому что так писать проще: гораздо более ловкое владение стихом требуется, чтобы воспроизвести легкость и динамичность античного элегического дистиха. О чем идет речь, станет ясно, если мы посмотрим на эпиграмму Понтано (Партенопей 1.15, «К Харизию»; текст, написанный элегическим дистихом, мы выбрали опять же для большей корректности сопоставления, вообще Понтано свободно владеет и более сложными размерами Горация и Катулла, которыми Петрарка не пользуется):

Fannia formosa est, Charisi, Fannia pulcra est,
Totaque mollicula est totaque lacteola est,
Et cum lucidulos in me convertit ocellos,
Tota venus, tota est Fannia nequitia,
Basiacque umidulis cum sumit rapta labellis,
Tum mihi de coelo spargitur ambrosia.
Haec mihi praeripuit sensus et amara videndo
Vulnera dat, lacrimis excubat illa meis.

«Фанния красива, Харизий, Фанния прекрасна, и вся она мягонькая, и вся она молочненькая, и, когда она обращает на меня свои ясенькие глазки, Фанния вся секс, вся шаловливость; а когда она уносит влажненькими губками украденные поцелуи, то тогда на меня с небес разливается амвросия. Она похитила у меня разум и наносит мне горькие раны своим взглядом, она подкарауливает мои слезы».

В этом тексте с формальной точки зрения как раз даже есть небольшая ошибка¹⁸, но зато владение стихотворным синтаксисом стало практически совершенно свободным. Об этом, видимо, и говорил Кортези.

Если пытаться объяснять, в чем, собственно, разница, то это вряд ли удастся сделать с помощью скудных категорий античной опционной метрики; придется отыскивать и вводить новые категории или сильно уточнять старые. Это Понтано, собственно, и пытается делать в метрическом разделе «Акция». Он движется на ощупь: в результате, с одной стороны, многие его наблюдения совершенно оригинальны, но, с другой стороны, за ними довольно сложно следить и их сложно систематизировать. Видя, что стих удачен, Понтано пытается найти этому объяснение в разных метрических характеристиках строки: в соотношении дактилей и спондеев, в рас-

¹⁸ Греческое имя Харизий, используемое как псевдоним для Николы Карузо, у Понтано метрически трактуется как *Chārīstī*, в то время как должно трактоваться как *Chārīstī*. Неправильная метрическая трактовка имен собственных вообще характерна для всей постклассической латинской поэзии: примеры употребления имени в стихах гораздо сложнее найти, чем примеры употребления какого-нибудь другого слова, поэтому имена уже в поздней античности обычно просто скандировались так, как удобнее для построения стиха. Ср. в «Искусстве стихосложения» Роберта Гагюэна (*Roberti Gaguini De arte metrificandi*. <Parisiis, ca. 1473>. <Fol. 18r–v>): «Примечание об именах собственных. О собственных именах, я полагаю, следует помнить следующее. Если они встретятся у знаменитых писателей, то мы не должны менять в них долготу. Ведь переделывать то, что один раз было достойным образом написано выдающимся авторитетом, считается порочным. Если же найти их нигде не удастся, то пусть в них соблюдается та долгота, которая подойдет к расстановке слов, а об этом следует оставить судить ученым ушам».

становке слов и ударений внутри стиха, в метрической трактовке встречи двух гласных (они могут читаться как один слог, это традиционно называется элизией — или как два слога — это принято называть зиянием), в использовании анжамбмана, в отношениях между границами слов и границами стоп. Иногда он, как и прочие авторы ренессансных сочинений по метрике, примешивает сюда и характеристики, собственно к метрике не относящиеся: именно Понтано, в частности, впервые вводит термин «аллитерация». Понтано, осваивающему новые территории, приходится вводить и много других терминов: особенно необычна его терминология, касающаяся встречи двух гласных, причем, в отличие от «аллитерации», остальные придуманные Понтано термины не прижились и не воспринимаются сейчас как знакомые.

Ученые обычно затрудняются выявить четкую логику и план в монологе Акция: Гвидо Мартеллотти просто пишет, что диалог «переходит с непринужденной легкостью от одной темы к другой в соответствии с обыкновениями Понтановской академии»¹⁹; немецкий издатель Герман Кифер попытался ввести деление на главки внутри диалога (мы воспроизводим номера его глав в тексте перевода), но предложенные им разделы часто настолько велики, что логика самих метрических разборов остается непонятной. Мы попытались в нашем переводе ввести собственную рубрикацию, потому что определенная логика в трактате Понтано все-таки, конечно, есть. Тем не менее надо иметь в виду, что рубрики выделяют только центральную тему какого-то отрезка: разбирая, скажем, пример удачной расстановки ударений, Понтано обычно не упускает случая отметить, если в этом примере удачно использованы и другие опции. Из-за этого за ходом диалога довольно сложно следить. Кроме того, выстраивая рассуждение, Понтано движется ощупью, исходя из примеров, а не из заранее выстроенной в голове системы: поэтому не всегда даже понятно, какое именно свойство стиха он имеет в виду, а когда понятно, рекомендации все равно не выстраиваются в единую непротиворечивую модель. Конечно, велико искушение взять какой-нибудь корпус ренессансной поэзии (например, стихи самого Понтано) и проверить, насколько там соблюдаются указания «Акция»: но этого, насколько нам известно, никто не делал, да и вряд ли кто-то когда-нибудь сделает — по той самой причине, что почти невозможно сформулировать, что именно надлежит проверять. Но на самом деле эта размытость логики является обратной стороной того, чем как раз силен и замечателен Понтано: того, что он не движется по заданным маршрутам, а самостоятельно пытается отыскать, как нужно говорить о метрике Вергилия. Нельзя оценивать по одним и тем же критериям первооткрывателя, прорубающего дорогу в нехоженных джунглях, и путешественника, идущего по широкой мощеной дороге.

Отчасти из-за такой нечеткости изложения, отчасти в силу трансформаций системы жанров научного письма (на протяжении XVI–XVIII вв. диалог постепенно утрачивает

¹⁹ Martellotti G. Op. cit. P. 361. Это замечание относится, конечно, прежде всего к центральным темам диалога (от снов беседа персонажей переходит к метрике, от метрики — к историописанию), но, кажется, Мартеллотти имеет в виду и внутреннее устройство трактата о метрике, судя по тому, что совершенно не пытается никак его структурировать.

репутацию жанра, пригодного для изложения и обсуждения настоящих научных проблем), сочинению Понтано не суждена была долгая жизнь в памяти ученого сообщества. Некоторые идеи из диалога о метрике получили распространение за счет того, что перекечевали из диалога в более авторитетные тексты: распространителями идей Понтано были, прежде всего, Джованни Пиерио Валериано, составитель наиболее авторитетного критического комментария к Вергилию XVI в. («Исправления и варианты к тексту Вергилия», 1521 г.)²⁰, и Юлий Цезарь Скалигер в своей знаменитой «Поэтике» (1561), четвертая книга которой (Parasceue) посвящена формальной обработке текста. Оба, однако, ссылаются на Понтано только мимоходом и изредка²¹. «Акций» не входит в стандартный кругозор стиховедческой науки; возможно, при всей его неупорядоченности на него имеет смысл снова обратить внимание сегодняшних ученых: в этом тексте вполне можно найти ценные забытые идеи, и какие-то из них вполне могут оказаться актуальными и для современной науки.

Мы выполнили перевод отрывков из диалога по изданию Германа Кифера (*Pontano G. Dialoge / übers. von H. Kiefer unter Mitarb. von H.-B. Gerl und K. Thieme. München, 1984*), сверяясь с альдинским текстом (*Ioannis Ioviani Pontani Opera omnia soluta oratione composita. Pars II. Venetiis, 1519*). Курсивом в квадратных скобках указывается содержание пропущенных в переводе частей трактата. Новое издание «Акция» готовит Джулия Гессер для гарвардской серии I Tatti²².

Джованни Понтано

Акций

*Пардо*²³. ... IV. 1. Вступление. На этом я закончу начатое по твоему, Подерико²⁴, то ли совету, то ли побуждению рассуждение о снах, понимая,

²⁰ См. подробнее: *Grafton A. Joseph Scaliger: A Story in the History of Classical Scholarship. Vol. 1. Oxford, 1983. P. 48–52.*

²¹ Ср.: *Castigationes et varietates Virgilianae lectionis, per Ioannem Pierium Valerianum. Parisiis, 1529. P. 163*: «И это чтение, как кажется, знал и Джованни Понтано, муж ученийший»; *Iulii Caesaris Scaligeri, viri clarissimi, Poetices libri septem... P. 211*: «Но и вот это наблюдение я после нашел у Понтано, а у самого у меня уже давно появились мысли по поводу этого места». Некоторые места, где Валериано и Скалигер, вероятно, зависимы от Понтано, но не называют его имени, отмечены в нашем комментарии.

²² *Hankins J. Humanist Academies and the «Platonic Academy of Florence» // On Renaissance Academies / ed. by M. Pade. Rome, 2011. P. 31–46 (P. 13, n. 29 в предварительной онлайн-публикации: http://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/2936369/Hankins_Academies.pdf?sequence=5).*

²³ Джованни Пардо (ум. после 1512 г.), испанец по происхождению, священник и поэт, один из участников «неаполитанской академии». В «Акции» он только что произнес монолог о снах.

²⁴ Франческо Подерико (ум. в 1528 г.) в «Акции» руководит беседой. Он, видимо, был довольно авторитетен в кружке: известно, что ему Саннадзаро отдавал для критического разбора написанные части

что следует удовлетворить и Синцера²⁵, и далее продолжать не буду, чтобы не показалось, как я сказал раньше, что я сам сплю и брежу наяву. А поскольку поэтическое мастерство считают очень похожим на искусство прорицания, по каковой причине и самих поэтов называют «прорицателями» (*vates*), то для Синцера (ведь он и сам очень интересуется поэзией, или скорее и сам поэт, да еще и на редкость изысканный) достойным и приятным делом будет на этом собрании также взять слово и рассказать всем что-нибудь о поэтах. Тем самым он пробудит ото сна этих вот участников собрания, которые уже задремали (ибо я вижу, что, рассказывая о приходящем во снах, и сам уже поверг слушателей в сон). Тебя к тому, Акций Синцер, должно побуждать и само место не в меньшей степени, чем мои слова. Место это и Антонио Панормита, пока был жив, и нынче наш старик оба считали (или скорее сами делали) достойным прибежищем для дискуссий о разного рода предметах между учеными мужами, собирающимися сюда столь же охотно, сколь и часто²⁶.

Акция. Ты и нас всех, о Пардо, своим рассуждением о природе снов, в равной степени и остроумным, и верным, пробудил ото сна, и меня теперь будишь, чтобы я заговорил, да еще и о тех занятиях, которые (да позволит мне ваша снисходительность так сказать), конечно, являются, не спорю, общим достоянием, но все же, поскольку я столько уже трудов на них потратил, день и ночь на них надрываюсь и собираюсь неустанно надрываться и впредь, как жется, я имею право назвать их моими занятиями.

2. Задачи поэзии и метрики. Однако само это дело — рассуждать о великолепии (*excellentia*) поэтического искусства — требует большего досуга и более аккуратной работы. А употреблять слово «великолепие» меня побуждает авторитет нашего старика. Я не раз слышал от него следующее определение: что дело поэта, или цель его, — говорить таким образом, чтобы вызывать вос-

своей поэмы «О дитяти Девы» (см.: *Naldi R. Tra Pontano e Sannazaro: Parola e immagine nell'iconografia funeraria del primo Cinquecento a Napoli // Les Académies dans l'Europe humaniste: Idéaux et pratiques / éd. par M. Deramaix, P. Galland-Hallyn, G. Vagenheim, J. Vignes. Genève, 2008. P. 254).*

²⁵ То есть Якопо Саннадзаро: см. выше, вступление.

²⁶ Речь идет о знаменитом «портике», месте собраний круга Панормиты (*porticus «портик», porticus Antonianus/Antoniana «Антониев портик»* или *arcus «арка»*, в Неаполе, вблизи статуи Нила, там, где сейчас Пьяццетта дель Нило). Позднее так называли и другие места, в которых собиралась «неаполитанская академия», чтобы подчеркнуть преемственность, даже если на самом деле никакого портика там не было (впрочем, в доме Понтано, основном месте собраний после смерти Панормиты, портик на первом этаже как раз тоже был). См.: *Hankins J. Op. cit. P. 13–14*. Под «нашим стариком» подразумевается Понтано; похожие отсылки со стороны к себе самому и своему кружку встречаются у Понтано и в других диалогах, например в «Хароне». В «Акции» не очень логичным выглядит, что беседующие оказались в «портике»: в начале диалога участники, по-видимому, собираются как свидетели для официальной юридической процедуры и уже потом идут в «портик». Ср.: *Furstenberg-Levi S. The Fifteenth Century Accademia Pontaniana — An Analysis of its Institutional Elements // History of Universities. Vol. XXI. 2006. P. 41.*

хищение²⁷. Но восхищение вызывают только особенно великолепные вещи. И если бы меня не удерживал столь веский авторитет Аристотеля, я бы даже стал доказывать, что поэтам не свойственна умеренность²⁸. Но все-таки в поэте умеренность следует искать и хвалить каким-то особенным образом. А восхищение это вызывается многочисленными замечательными достоинствами,

²⁷ Dicere apposite ad admirationem, модификация Цицероновского определения дела риторики (О нахождении материала 1.6): dicere apposite ad persuasionem «говорить таким образом, чтобы убедить». Об идее «восхищения» как цели поэзии см.: *Deramaix M.* Excellentia et admiratio dans l'Actius de G. Pontano: Une poétique et une esthétique de la perfection // *Mélanges de l'École Française de Rome. Moyen Âge – Temps modernes*. Vol. 99. 1987. P. 171–211; *Grassi E.* Einleitung // *Pontano G.* Dialoge / Übers. von H. Kiefer unter Mitarb. von H.-B. Gerl und K. Thieme. München, 1984. S. 14–19. Интерес к «восхитительному», «удивительному» (admirabile), как отмечают Л. Дастон и К. Парк в работе: *Daston L., Park K.* Wonders and the Order of Nature: 1150–1750. New York, 1998, – сыграл большую роль в формировании науки Нового времени. Конечно, древность тоже очень даже интересовалась всякими чудесами, и уже Аристотель писал в «Метафизике» (982b11–17), что философия возникла из удивления, но в том же самом сочинении он также утверждает, что наука не должна заниматься акцидентальным (1027a19–21), и эта идея хорошо объясняет, почему средневековая наука пренебрегала экспериментами: действительно, гораздо надежнее наука, опирающаяся на легко проверяемые утверждения вроде того, что солнце всегда заходит на западе, чем наука, верящая индивидуальным наблюдениям какого-то отдельного ученого, проведенным в специально созданных экстремальных условиях (см.: *Park K., Daston L.* Introduction: The Age of the New // *The Cambridge History of Science*. Vol. 3: Early Modern Science / ed. by K. Park and L. Daston. Cambridge, 2006. P. 1–20). Изменение отношения к диковинкам и редкостям явно сыграло некоторую роль в «научной революции». Символичны рассказы о том, будто испанский король шутил, что Колумба нужно называть не «адмиралом» (Almirante), а «адмирантом» (Admirans, «удивляющимся», «восхищающимся»; <*Münster S.*> Cosmographie, oder Beschreibung aller ländern, herrschaften und fürnemesten stetten des gantzen erdbodens... Basel, 1588. S. 1367). Текст Понтано – хорошая иллюстрация того, что без влияния *admiratio* не обошлось и формирование гуманитарных наук. Понтановская концепция «восхищения» как главной цели поэзии, включающей в себя традиционные задачи наставления, убеждения и убеждения, получит распространение и в дальнейшей литературной теории: тезис Понтано в точности воспроизведет Минтурно (*Antonii Sebastiani Minturni* De poeta, ad Hectorem Pignatellum, Vibonensium ducem, libri sex. Venetiis, 1559. P. 106), и, если позволительно связывать барочную эстетику с ренессансными теориями, Джамбаттиста Марини тоже будет писать в «Муртолеиде» (1619 г., 33.9): È del poeta il fin la meraviglia «Цель поэта – удивлять и вызвать восхищение». Ср. также: *Vasoli C.* Linguaggio, poesia e «maraviglia» negli scritti di Francesco Patrizi // *Acta Conventus Neo-Latini Guelferbytani* / ed. by S. P. Revard, F. Rädle, M. A. Di Cesare. Binghamton; New York, 1988. P. 243–260.

²⁸ Имеется в виду аристотелевская установка (особенно в «Евдемовой этике») на то, что предпочитать следует всегда середину между двумя крайностями (умеренность). Латинское понятие *excellentia*, переводимое нами как «великолепие», ассоциируется с избыточностью. Мартеллотти в работе: *Martellotti G.* Op. cit. P. 361 – указывает в качестве источника мысли Понтано Горация (Наука поэзии 372–373): «Посредственными (mediocribus) поэтам не разрешают быть ни люди, ни боги, ни колонны». В конце диалога, возвращаясь в реплике Паоло Прассичо к различиям между поэтом и оратором, Понтано приводит эту горациевскую фразу. Далее слово вновь берет Санназаро и выводит из того, что именно поэзии свойственно отвергающее все полумеры стремление к совершенству, утверждение, что поэзия является первоначальной формой речи, от которой происходят другие, допускающие посредственность (риторика, философия; теология тоже происходит от поэзии, ведь первоначально она изъяснялась гимнами). Первые поэты, в духе античной стоической философии, оказываются первыми мудрецами, а поэзии полностью принадлежит цивилизующая роль, как в силе Полициано «Дар кормилице» (см.: *Grassi E.* Op. cit.; *Greenfield C. C.* Humanist and Scholastic Poetics, 1250–1500. London; Toronto, 1981. P. 274–282).

но объяснять, каковы они, сейчас не очень подходящий момент, поскольку это дело многосложное и требующее труда и долгих размышлений.

3. Но все-таки, чтобы не уклоняться от то ли просьбы, то ли побуждения Пардо, я коснусь одной части поэтического искусства (или, скорее, выделю эту часть), той, которая занимается только метрами²⁹. Хотя метры сами состоят из слов, образующих стих. Из наших земляков³⁰ в искусстве метров первое место, как кажется, занимает Вергилий. А метр сам в первую очередь вызывает эмоции (*movet*), и доставляет наслаждение (*delectat*)³¹, и порождает восхищение.

И первое из его достоинств — что он вносит разнообразие. Кажется, что и сама природа с особенным усердием стремится стяжать это свойство: ведь что может быть более безжизненным или, так сказать, более зевательным (*oscitantius*), чем когда слоги и слова соединяются все время однозвучно и однообразно? Некоторые из более поздних поэтов подвержены этому пороку, и из-за этого они не только вызывают меньше восхищения, но и величественности в них значительно меньше (*verum etiam longe minus graves*). Ведь сам метр, то сталкивая гласные³², то придерживая и замедляя звук, то, наоборот, ускоряя слова и слоги³³, придает также иногда некую величественность речи,

²⁹ В нашем переводе мы используем слово «метр» безразлично для латинских терминов *numeri* и *metrum*. Корректнее было бы зарезервировать его для второго термина (обозначающего метрические свойства отдельной стопы), но русский перевод «размер» для *numeri* совсем не годится: по-русски «размер» у всех трехстопных ямбов одинаковый, в то время как у Понтано каждый гекзаметр обладает собственными *numeri* (т.е. это «метрические свойства» стиха в более широком смысле, чем «размер»).

³⁰ *Inter nostros*. Это выражение может подразумевать просто «итальянцев», но может иметь и более конкретное значение, поскольку Понтано, по-видимому, считал Вергилия неаполитанцем (см. ниже, примеч. 77).

³¹ Античная риторическая традиция (Цицерон, Брут 185; Квинтилиан, Воспитание оратора 3.5.2) определяла задачи риторики как «наставлять, вызывать эмоции и доставлять наслаждение» (*docere movere delectare*), сходные теории применялись и к поэзии (ср.: Гораций, Наука поэзии 333–334: задачи поэзии — наставлять и доставлять наслаждение). В ренессансной литературной теории сторонники и противники дидактической функции поэзии разделились на два враждебных лагеря (см., напр.: Fusco A. La poetica di Lodovico Castelvetro. Napoli, 1904. P. 116–135); из того, что в данной фразе Понтано не упоминает о необходимости наставлять, однако, не следует делать вывод, что он трактует цели поэзии как исключительно «гедонистические», потому что в других местах он иногда называет наставление в числе задач поэзии.

³² *Collidendis vocalibus*. В начале трактата Понтано в соответствии с античной терминологией называет словом *collisio* («столкновение») элизию (мы позволяем себе использовать этот термин и в переводе соответствующих мест); далее он введет собственные терминологические обозначения для явлений, связанных со встречей гласных.

³³ В античной риторико-грамматической традиции медленная речь ассоциировалась с преобладанием долгих слогов (в гекзаметре и ямбе, в частности, с преобладанием спондеев), а быстрая — с преобладанием кратких слогов (Гораций, Наука поэзии, 251–258; Квинтилиан, Воспитание оратора, 9.4.83; Аптоний, 6.44.20–45.2 Keil), Понтано в основном имеет в виду эту теорию (см. далее разбираемые Понтано примеры). С величественностью (*gravitas*) связывалась прежде всего медленная речь, но Понтано может и не иметь в виду этой идеи. Слово *gravis* (буквально «тяжелый», в противоположность «легковесному», «легкомысленному») мы переводим как «величественный», чтобы подчеркнуть положительные коннотации этого термина у Понтано; следует, однако, иметь в виду, что иногда оно может значить просто «серьезный».

а иногда то, что правильно будет назвать достоинством (*dignitas*) (хотя и то и то создается и другими средствами). А величественность и достоинство как раз и являются порой важнейшими спутниками восхищения, а порой даже и проводниками его.

4. ВВОДНЫЕ ПРИМЕРЫ: ИДЕАЛЬНЫЙ ОТБОР ПРИЕМОВ В ПОЭЗИИ ВЕРГИЛИЯ. Поскольку проще эту мысль объяснить на примере, чем на словах, я возьму из самого начала «Энеиды» вот этот стих: *multum ille et terris iactatus et alto* <Вергилий, Энеида 1.3>³⁴. Это стих насыщенный, звучный, величественный, с хорошим метром. А вызвана такая похвала полностью одной только элизией гласных, сразу отдающейся эхом (*statim repercussa*), да еще и двойной³⁵. Ведь если убрать слово *ille* и сказать *multumque et terris iactatus et alto*, удивительно, сколько этот стих потеряет достоинства, величественности, торжественности (*magnitudinis*)³⁶. А происходит это также и из-за утраты одного ударения. Ведь вот эта часть, *multumque*, несет только одно ударение, да и то склоненное (*subinclinatum*)³⁷, а в *multum ille* ударений два, а элизия их к тому же и сводит вместе, и делает как более полными, так и более звучными.

Взглянем и на другой стих: *Multa quoque et bello passus, dum conderet urbem* <Энеида 1.5>. Если скажешь *Multa etiam bello passus*, то сам поймешь, насколько уменьшится звучность и появится какая-то словно бы дряблость из-за безжизненности звучания. Слово *quoque* не только изгоняет эту безжизненность, но и само звучание насыщает и делает полным. И этой полноты звучания он также не добился бы, если бы написал *Multa quidem et bello passus*. Ведь, поскольку он немного выше сказал *multum ille*, то в следующем непосредственно далее соединении слов не следовало отступать от полноты метра. Вот он и написал *Multa quoque*, ведь и *etiam*, и *quidem* делают звучание довольно безжизненным, а вот слово *quoque* насыщает его³⁸. Поэтому от поэта требуется

³⁴ Любопытно, что Понтано в данном случае рассматривает не метрическую единицу (целый стих), а метрико-синтаксическую (цельная фраза внутри стиха): стих целиком выглядит как *litora, multum ille et terris iactatus et alto*.

³⁵ Имеются в виду две элизии *mult(um) ill(e) et*. Что значит «отдающейся эхом» (или «отраженной»), не очень понятно, поскольку об удвоении сказано отдельно. Может быть, речь о том, что в обоих случаях за элизией следует удвоенный согласный (-ll-, -t t-).

³⁶ Понтано использует популярный в эллинистической риторико-литературной теории метод «замены слов». Он мог быть знаком с этой техникой из римских источников: хороший пример, скажем, Цицерон, Оратор, 214–215, 232–233. Тот же самый вергилиевский стих Сервий комментирует так: «*Ille* здесь излишнее: эта частица вставлена из-за требований размера, ведь, если убрать *ille*, со смыслом все будет в порядке». Понтано как бы возражает Сервию: из-за требований размера можно вставить и *-que*, но метрически удачным решением будет только *ille*.

³⁷ То есть сдвинутое перед энклитикой, см. обсуждение термина *inclinativus* далее (примеч. 41–42).

³⁸ Этот пример Понтано воспроизведет Скалигер (*Iulii Caesaris Scaligeri, viri clarissimi, Poetices libri septem...* Р. 212): «А увеличение числа слов (*vocum multiplicationem*) можно увидеть и на этом примере: хотя мог написать, и это тоже было бы довольно красиво, *Multa etiam bello passus*, — он предпочел написать более

с особенной утонченностью отбирать буквы³⁹ и определять, какие из них нужны в каждом случае. А ударений в стихе столько, сколько и слов, только частицы⁴⁰ *que* и *ve* не производят ударения сами по себе, но перетягивают его на себя с предшествующих слогов⁴¹, поэтому грамматики называют их «склонительными» (*inclinativae*)⁴². Поэтому в этих четырех словах, *Multa quoque et bello*, ударений тоже четыре, а в *Multa etiam bello* только три. То есть они не только звучат не так мощно, но и ударений имеют на одно меньше.

Но эту самую полноту звука и буквы Вергилий, усерднейший убажатель усерднейших ушей, вскоре после этого отбрасывает, поскольку само место ей не соответствует, и говорит: *tot adire labores* <Энеида 1.10>. Если бы он сказал *obire*, то у него вышло бы как будто шерховато и звучание получилось бы неровным, поскольку друг за другом сразу следовали бы *tot* и *ob*. А в другом месте, поскольку нужна была приподнятая интонация (*quod extollenda vox esset*), он сказал: *Et lituo pugnans insignis obibat et hasta* <Энеида 6.167>. Ведь слабое звучание предшествующего слога, как кажется, требовало, чтобы его поддержал последующий слог⁴³.

славным образом: *Multa quoque et bello*, — и даже удвоение союза не отпугнуло его». Скалигер, таким образом, объясняет недостатки только одного из двух примеров Понтано (*quoque et* лучше, чем *etiam*, потому что больше слов); ко второму примеру это объяснение не подошло бы, и Скалигер пропускает второй пример, поскольку, видимо, не может придумать для него объяснения: и действительно, чем именно *quidem et* хуже, из текста Понтано непонятно (на основе дальнейшего текста можно предположить, что подразумевается различие звукового состава слов *quoque* и *quidem*, ср. примеч. 43).

³⁹ Как и античная грамматическая традиция, Понтано не проводит систематического различия между буквой и звуком; впрочем, в паре «звук и буква» у него далее встречаются. Смешивать звук и букву будет еще даже Франц Бопп в XIX в.: см.: Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А. М. Сухотина; под ред. Р. О. Шор. М., 2013. С. 46, ср. уточнения в: *Morpurgo Davies A. Nineteenth-Century Linguistics // History of Linguistics* / ed. by G. Lepschy. Vol. IV. London; New York, 1998. P. 163.

⁴⁰ Слово «частица» (*particula*) еще не получило своего терминологического значения в античной грамматической традиции и могло обозначать любое короткое словечко (ср. цитированную выше фразу из Сервия, или также см.: Авл Геллий, Аттические ночи 10.29.1). Понтано использует его таким же образом.

⁴¹ Речь идет об энклитиках. В XV в. воспроизводилась античная манера сдвигать ударение на последний слог слова, предшествующего энклитикам *-que* и *-ve*, независимо от долготы этого слога (см.: Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка / пер. с фр. Я. М. Боровского. М., 2001. С. 24). В альдинском тексте слово *et* «и» между *que* и *ve* также обозначено как пример энклитики, но Понтано явно не имел этого в виду: из дальнейшего текста следует, что он считал союз *et* несущим собственное ударение.

⁴² Калька с греческого слова «энклитика» (см.: Присциан 3.141.10 Keil; греческая традиция, скорее, подразумевает, что энклитика «склоняет» собственное ударение на другое слово).

⁴³ Понтано объясняет, почему в одном случае Вергилий употребляет слово *adeo*, а в другом — *obeo* (в этих двух контекстах оба слова дают примерно одинаковый смысл). Чем именно определяется «слабое» (*tenuis*) и «мощное» (*plenus*) звучание слога, не совсем понятно, но похоже, что речь идет о характере (в частности, огубленности?) гласной (О дает «мощный» звук, А и I — «слабый» звук, в результате сочетание *tot ob-* дало бы слишком «мощную» комбинацию, и ее надо смягчить «слабым» звуком А, а сочетание *-is ad-*, наоборот, дало бы слишком «слабый» звук, и «слабость» звука I нужно «поддерживать» «сильным» вариантом *ob-*). Слово *tenuis* также имеет значение «тонкий» (о звуке), может быть,

Однако оставим обсуждение букв и слогов. Но что за причина была, что, повторяю, за такая причина, что Вергилий захотел дать грамматикам повод для злословия, когда предпочел написать *Fluviorum rex Eridanus* <Георгики 1.482>, а не *Eridanus fluviorum rex*, ведь размер позволял так сделать?⁴⁴ Разве не потому, что усладу ушей ставил выше, чем суровое суждение грамматиков? Ведь стих этот, когда его произносишь, кажется дряблым и каким-то неумытым, особенно если учесть слова, которые следуют непосредственно перед ним и после него. Поэтому Вергилий захотел сделать его более насыщенным с помощью искусной перестановки слов. И взгляните, сколь гармонично он вставил между двумя четырехсложными словами односложное слово *rex*. А если его поставить после, то и неуклюжесть построения фразы⁴⁵ будет очевидна, и у самих ушей такое построение отнимет столь сладостную звучность. И вот эта самая перестановка сделала стих замечательным, а без нее он был бы смешным и его следовало бы отбросить.

[Далее следуют примеры того, как Вергилий устраняет чрезмерную быстроту стиха, ставя в нужном месте спондей.]

Разве не обращался за советом к самому себе и своим ушам Вергилий, когда говорил: *Bina manu lato crispans hastilia ferro* <Энеида 1.313=12.165>? В этом построении в каждом из двусложных слов ударение стоит на первом слоге, как будто в квадратном⁴⁶ строю (ведь эти четыре ударения вместе выходят в строй из четырех двусложных слов) четыре ударения симметрично звучат на одних

оно также имелось в виду (А и I — высокий тон, О — низкий тон). «Приподнятая интонация», возможно, должна образовываться при «восхождении» от «слабого» звука к «сильному». Далее (во фрагментах, пропущенных нами при переводе) Понтано также использует противопоставление «затемненных» (*subobscurus*, напр. слог *-rum*) и «строгих» (*rigidiores*, напр. слог *cla-*; т.е. *rigidus* = *tenuis*?) слогов, а также противопоставляет звуки А и U как *clarus* «ясный» и *subobscurus* «затемненный» и звуки О и Е как «поддерживающий» (*sustentans*) стих своей полнотой и «опускающий» (*demittens*) стих. Ср.: *Iulii Caesaris Scaligeri, viri clarissimi, Poetices libri septem...* <Genevae>, 1561. P. 208 (возможно, это место написано не без влияния Понтано): «Так вот, обильнозвучные (*grandisonae*) гласные — это А и О. Затемненная (*obscurum*) — U. Еще затемненное Y. Слабая (*exile*) — I. Средняя — Е. В А широта. В I протяженность. В Е глубина. В О сужение. В U и Y некая природа, близкая к I. Так что в слове *cano* обе гласные ясные (*utraque illustris*): ведь слышно больше, чем если сказать *canus*».

⁴⁴ В выбранном Вергилием варианте приходится видеть аномальное растяжение первого слога слова *fluvius* (либо, как Сервий, считать, что дактилическая стопа заменена на анапест). Предложенный Понтано вариант делает метрику правильной за счет одного только изменения порядка слов. Под «злословящими грамматиками», видимо, подразумевается прежде всего Афоний, цитирующий этот стих в разделе «О недостатках стихов» (6.67.18 Keil, ср.: *Martellotti G. Op. cit.* P. 371, n. 39).

⁴⁵ *Structurae ineptitudo*, т.е., видимо, просто асимметрия.

⁴⁶ *Quadratus*, может быть, просто «четверном», но Понтано, как кажется, хочет подчеркнуть особенную симметрию в устройстве этого стиха. При этом на самом деле необычного в этом стихе, кроме употребления подряд четырех двусложных слов, ничего нет: ударение в латинских двусложных словах практически всегда падает на первый слог.

и тех же местах. Но ничего благородного, ничего особенного в нем не осталось бы, если написать так: *Ferreā cum validā crispans hastilia dextra*. Этот стих был бы плебейским, а тот — мароновский.

[Другие примеры.]

СООТВЕТСТВИЕ ТИПА МЕТРИКИ СОДЕРЖАНИЮ (ЭНЕРГИЧНОСТЬ / СПОКОЙСТВИЕ, БЫСТРОТА / МЕДЛИТЕЛЬНОСТЬ / УМЕРЕННОСТЬ). И все же⁴⁷ Вергилий и сам составляет вперед дактиль (столь весом сам метр), когда начинает это объяснение, соединив вместе сразу пять двусложных слов: *Largā quidem semper, Drance, tibi copia fandi* <«Болтать-то, Дранк, ты всегда готов в изобилии», Энеида 11.378, начало реплики Турна>. А в других случаях он начинает со спондея, как вот тут: *Salve sancte parens, iterum salvetē recepti* <Энеида 5.80, начало реплики Энея>. Вот как важно в каждом случае обращаться за советом к ушам. Может быть, из-за того что он начинает с брани, он захотел, чтобы речь становилась все медленнее и медленнее⁴⁸ за счет этого метра, пятикратно⁴⁹ атакующего с неизменной устойчивостью и равномерностью? Мне, во всяком случае, это кажется вполне вероятным. Ведь разве тот же самый поэт не начинает с такого же учащенного метра, ставя вперед дактиль, вот в этом повествовании, столь пышно украшенном:

Primus init bellum Tyrrhenis asper ab oris
Contemptor divum Mezentius, agminaue armat

<«Первым вступает в войну и вооружает войска суровый Мезенций, презирающий богов», Энеида 7.647–648>? В этом месте, дабы метр соответствовал самому предмету (предвещающему серьезные и страшные события в будущем), он для соответствия между началом и концом и там поставил *agminaue*

⁴⁷ Несмотря на то что в начале лучше ставить спондей, чтобы стих не «рассыпался», как объясняет Понтано в пропущенных нами фрагментах.

⁴⁸ «Замедление», видимо, объясняет переход от «быстрого» дактиля к «медленным» спондеям (в обращении Турна к Дранку). Выбор дактиля или спондея, таким образом, должен определяться контекстом (в целом, кажется, Понтано отдает некоторое предпочтение спондеям). Иначе трактовал этот вопрос Салутати (О подвигах Геркулеса 1.6.8): «Наиболее звучный стих — это стих из пяти дактилей и спондея», т.е. лучше всегда выбирать дактиль (кроме последней стопы, где он невозможен). В издании 1513 г. «О сочинении гекзаметров и пентаметров» Пачифико Массими (впервые опублик. в 1485 г., но это позднейшая издательская вставка в оригинальный текст) чередование дактилей со спондеями уже считается обязательным: «Следует, однако, о замечательный читатель, особенно заботиться о том, чтобы все стопы на первых четырех позициях не оказались одновременно дактилями или спондеями, но чтобы они чередовались, дабы и скуки у читателя не вызвать из-за чрезмерной медлительности, порожденной спондеями, и не произвести впечатления ускользания от слуха и памяти, легко или слишком скоро бросившись вперед с внезапной быстротой» (*Pacifici Magnifici poete Asculani De Componendis hexametris et pentametris opusculum clarissimum atque rarissimum, et de quantitate sillabarum, noviter impressum atque diligentissime revisum. Erphordiae, 1513. Fol. A iv r*).

⁴⁹ Потому что стих начинается с пяти двусложных слов.

armat. Ведь совершенному слуху его ушей показалось недостаточным сказать в конце *agmen et armat* или *agmina cogens*. Вот он и исторгает из самых глубин своих легких: *agminaque armat*. Погляди же, какова сила уместно поставленной элизии, какова мощь искусно выстроенного сталкивания ударяющихся друг о друга⁵⁰ гласных!

А в других местах, таким образом, метр должен быть спокойным, соответственно и самой речи, и словам, из которых эта речь состоит, как в тех местах повествования, где не требуется ни величественности слов, ни торжественности сентенций, но нужно добиваться только внимания слушающих, в соответствии с указаниями ораторов⁵¹, как вот в этом пассаже:

Conticuere omnes, intentique ora tenebant.
Inde toro pater Aeneas sic orsus ab alto.
Infandum regina iubes renovare dolorem.

<«Все утихли и замерли в напряженном ожидании. Тогда отец Эней повел со своего высокого ложа такие речи: “Ужасное горе, царица, ты велишь мне воскресить”», Энеида 2.1–3>. Слова струятся, речь плавно скользит, в ней нет никаких ухабов, никаких выбоин, ничего нарочно устроенного так, чтобы выглядело как столкновение⁵².

[Другие примеры соответствия метра содержанию стиха.]

А когда метру положено торопиться и как эту самую спешку следует создавать, показывает этот стих: *Atque levem stipulam crepitantibus urere flammis* <«и сжечь легкий стебель трещащим пламенем», Георгики 1.85>. Здесь, в частности, этот искуснейший поэт, желая передать своим метром быстроту движения пламени и этого сжигания, выстроил стих из дактилей и собрал слова, особенно подходящие для выражения быстроты. Так ведь еще он к тому же, чтобы изобразить треск загоревшихся стеблей, отобрал для вставки среди прочих трещащие слоги, как первые слоги слов *stipula* и *crepitans*⁵³. А элизий или энклитик он использовать не стал.

А изображение того, как следует твердо стоять, словно бы в воинском строю, мы находим в следующих стихах: *Stabant orantes primi transmittere cursum* <«Там стояли просящие, чтобы их перевезли первыми», Энеида 6.313>, — и *Tum demum*

⁵⁰ Перифразируется буквальный смысл термина *collisio* («столкновение»).

⁵¹ Ср., напр.: Цицерон, Об ораторе 2.323–324: «Ведь греки учат, чтобы в начале речи мы добились от судей внимания и слушания... но все эти эффектные средства сразу пускать дело в самом начале не будет правильно: нужно сперва только слегка подтолкнуть судью в нужную сторону, чтобы, когда на него наляжет вся остальная речь, он уже туда подавался».

⁵² *Ex arte, ut videatur collisum*: видимо, имеется в виду и буквальный смысл выражения — отсутствие элизий (*collisiones*).

⁵³ Речь, скорее всего, просто о звукоподражании (звук горящих стеблей похож на сочетания *st* и *cr*).

admissi stagna exoptata revisunt <«Вот тогда-то их допускают к желанным водам», Энеида 6.330>, — и *Extemplo Aeneae solvuntur frigore membra* <«Разом ослабевают члены Энея, охваченные холодом», Энеида 1.92>⁵⁴.

[Другие примеры соответствия метра содержанию стиха: умеренность.]

УДАРЕНИЯ. А значит, все эти достоинство, величественность или торжественность метра происходят от самого обилия ударений, от расположения слов, от отбора слогов. Ведь слова и слоги определяют ударения, ударения определяют метр, а метр делает стих и полным, и благородным, и достойным восхищения. Правда, слово «ударение» (*accentus*) не использует не только сам Цицерон, отец красноречия, но и все прочие писатели, хотя им и свойственно часто говорить о буквах, слогах и словах и об их качествах⁵⁵. Однако мы с тем большей охотой пользуемся этим словом, что про поэтов говорят, будто они «поют» (*canere*), и Вергилий начинает поэму этим словом: *arma virumque cano* <«Я пою войну и мужа», Энеида 1.1>.

В строках, которые я приведу чуть ниже, можно видеть некое подобие движения волн в словах, которые то замирают, то текут вперед. А отсюда по необходимости следует, что и ударения должны колебаться, словно волны, в своих неопределенности и разнообразии, и перемежаться друг с другом⁵⁶.

Quis globus o cives caligine volvitur atra?
Ferte citi ferrum, date tela, et scandite muros.
Hostis adest, eia. ingenti clamore per omneis
Condunt se Teucri portas, et moenia complent <Энеида 9.36–39>.

⁵⁴ Выбор первого стиха явно указывает, что подразумевается соответствие формы и смысла («стояние»), но в чем оно должно быть во втором и третьем случае (в частности, почему это «стояние» по смыслу), как раз непонятно. Если считать, что в третьем случае «стояние» противопоставляется не падению, а быстрой ходьбе, то этот стих еще можно с какой-то натяжкой подвести под указанную тему, но где стояние во втором примере, совсем не ясно (просто в том, что эта фраза расположена близко к первому примеру и речь идет о тех же самых «стоящих»?). Ср.: *Iulii Caesaris Scaligeri, viri clarissimi, Poetices libri septem...* P. 112: «А хочешь еще на другом примере увидеть, как тягучая медлительность прямо так и встает перед глазами? *Stabant orantes primi transmittere cursum*. Ведь вместе с ними и стих замирает и стоит. Совершенно иная легкость у этого стиха, который вместе с огнем пробегает по стеблю: *Atque levem stipulam crepitantibus urere flammis*, — или который собирает бобовые: *Sustuleris fragiles calamos, sylvamque sonantem* <«Собрал бы хрупкие стебельки и шумную рощу», Вергилий, Георгики 1.76>. Но вот в меньшей степени медлительность и нерешительность в опасности: *Extemplo Aeneae solvuntur frigore membra*».

⁵⁵ Самое раннее употребление слова *accentus* (однокоренного с *cano* «петь») — у Квинтилиана (Воспитание оратора 1.5.22, 12.10.33).

⁵⁶ Если ударения «перемежаются» (*invicem alternantur*), значит, они должны разделяться на два типа. Поскольку речь идет об изменении скорости, видимо, они разделяются по частоте: отрезки, где ударения следуют часто, перемежаются с отрезками, где ударения редки.

И в другом месте:

Sternitur infelix Acron, et calcibus atram
Tundit humum expirans, infractaque tela cruentat.
Atque idem fugientem haud est dignatus Orodem
Sternere, nec iacta, coecum dare cuspside vulnus.
Obvius adversoque occurrit, seque viro vir,
Contulit, haud furto melior, sed fortibus armis.
Tum super abiectum posito pede nixus, et hasta,
Pars belli haud temnenda viris, iacet altus Orodes.
Conclamant socii laetum Paeana secuti,
Ille autem expirans non me quicumque es inulto
Victor, nec longum laetabere, te quoque fata
Prospectant paria, atque eadem mox arva tenebis,
Ad quae surridens, mista Mezentius ira,
Nunc morere. ast de me divum pater atque hominum Rex,
Viderit <Энеида 10.730–744>.

Тут вы сами видите, что за разнообразие слов, что за волнообразное колебание ударений в этих стихах. Я часто слышал, как наш старик, когда ему попадалось какое-нибудь место, где речь могла бы выглядеть неумытой, а размер дряблым, говорил, что нужно подкрепить этот пассаж частыми ударениями не в меньшей степени, чем отбором слов; а в словах должны быть мощные укрепления из спондеев, и ставить их нужно в первых рядах, как тяжеловооруженные части; а затем за спинами спондеев следует подставить дактили, чтобы разбавить веселостью мрачность тех. Он и сам следует этому правилу в том месте, где речь идет о Ките:

Ipsi de rate turrigera, aut e puppibus altis
Ferratis instant hastis, iaciuntque tridentes
Pinnigeros, imo referunt sese icta profundo

<«Сами же с башненосного судна или с высокой кормы нападают железными копьями и бросают оперенные трезубцы; их удары отдаются в морских глубинах»>⁵⁷.

[Другие примеры из стихов Понтано.]

Он также возвысил совершенно ничтожный предмет с помощью одной только метрики, хотя к ней тоже прилагались и отбор слов, и выискивание ве-

⁵⁷ Понтано, Урания 4.426–428 (=О Ките 16–18; *Ioannis Ioviani Pontani Urania seu de Stellis libri quinque...* Florentiae, 1514. Fol. 79v). Имеется в виду созвездие Кита, часто описывавшееся в античных астрономических поэмах, но всегда без картин китобойного дела, поскольку этот промысел не практиковался в античности.

щей достаточно необычных, прежде всего звучания букв, которые сделали его метрику и величественной, и насыщенной:

Ast Tingin, Bochique domos, habitataque Mauris
Tecta, deosque humeris, coelumque Atlanta ferentem,
Insignisque auro et pomis radiantibus hortos
Hesperidum, ac deserta siti Getula, leonumque
Arva fame, Mars armipotens, et Scorpius ardens
Inspectant laeti coelo, et sua iura tuentur,
Hic chelis, ille ense potens

<«А Тингис, и жилище Бокха, и дома, обитаемые маврами, и Атланта, держащего на плечах богов и небо, и сады Гесперид, славные золотом и лучащимися плодами, и пустынные области гетулов, славные жаждой и голодом львов, — все это радостно созерцают с небес правящий битвами Марс и пылающий Скорпион, и они блюдут свою власть в этих землях, первый при помощи меча, а второй — при помощи клешней»⁵⁸. Но что может быть ничтожнее, чем то, что ему нужно было сказать, то есть что под Скорпионом расположены Гетулия и Тингитанская Мавритания?

[Другие примеры из стихов Понтано.]

А еще мы знаем, сколько он заботы приложил к этому стиху из «Андромеды»:

Virginibus praeferre maris sese ausa, suumque
Ostentans decus

<«осмелившаяся превознестись над морскими девами и, хвалясь своей красотой» — ведь сперва он написал именно так. Однако потом он решил, что этой мрачной и горестной материи⁵⁹ должны скорее соответствовать медленные метры, а не быстрые, особенно в самом начале. Тогда он переделал слова и замедлил их скорость. Ведь, как утверждает и сам Аристотель, быстрота делает звучание заостренным, а из медлительности рождается величественность⁶⁰. Поэтому он убрал оттуда четырехсложное слово и, исправив несколько

⁵⁸ Урания 5.581–587 (= О землях, находящихся под Скорпионом и Марсом 1–7; Ibid. Fol. 102v).

⁵⁹ Поскольку за превознесение ее матери над «морскими девами» Нерей наслал на Андромеду морское чудовище (цитируемый Понтано фрагмент — слова самой Андромеды).

⁶⁰ *Celeritas acumen soni gignit, tarditas gravitatem*. Понтано имеет в виду «Никомахову этику» (1125a12–15; этот текст был более известен, чем «Поэтика»): «А движется человек возвышенной души (μεγαλόψυχος) медленно, и голос у него низкий (βαρεῖα), и речь устойчивая (στάσις); ведь тот, кто озабочен многими вещами, не носится в спешке, а тот, кто не думает ни о чем важном, не серьезен: в этом и причина пронзительного голоса (ὀξύφωνία) и быстроты». *Gravitas* и *acumen soni* (которые у Понтано, видимо, означают соответственно «величественность» и какое-то «заостренное звучание», но буквально «тяжелый звук» и «острый звук») — кальки с аристотелевской оппозиции φωνὴ βαρεῖα и ὀξύφωνία (букв. «тяжелый голос» и «острый голос»), но Аристотель, скорее всего, имел в виду просто тон голоса (низкий/высокий).

мест, поставил там двусложных слов два, а затем сразу же односложное и написал так:

Ausa maris se virginibus praeferre, suumque
Ostentans decus, aequoreas armare sorores

<«осмелившаяся превознестись над морскими девами и, хвалясь своей красотой, вооружить против себя пучинных сестер»>⁶¹. Получилось, что сам тон (tenor)⁶² первой стопы, который опирался на одно ударение и был неустойчивым, подкрепляется сразу же добавленным еще одним и обретает большую величественность⁶³. Ведь в слове *virginibus*⁶⁴ дополнительно звучало⁶⁵ только одно ударение, а слово *ausa* и из себя самого выдыхает ударение, да еще и циркумфлекс, к тому же *maris* добавляет свое ударение, акут⁶⁶, и в итоге само звучание дактиля удваивается, а тон благодаря этому оказывается более устойчивым и величественным.

Те же самые правила он учел и в другом стихе, который сначала выглядел так: *Et de marmoreis guttas stillare columnis* <«и как из мраморных колонн сочилась капли»>. Когда же он решил, что в этом месте звук следует замедлить, то он аналогичным образом переставил слова: *Et guttas de marmoreis stillare columnis*⁶⁷. Ведь метр слова *marmoreis*, образуемый четырехсложным словом

⁶¹ Урания 4.312–313 (= Об Андромеде 132–133; Ibid. Fol. 77v).

⁶² У Квинтилиана (Воспитание оратора 1.5.22) это слово употребляется как синоним слова *accentus* «ударение»; Понтано, похоже, тоже связывает его с ударением, но как какую-то более общую характеристику, может быть, «степень ударности» стопы.

⁶³ В первой стопе второго варианта два ударения (*áusa má-*), «добавляется» второе из них.

⁶⁴ Которое стоит в начале первого варианта; «добавляется», таким образом, второе ударение относительно первоначального состояния текста, до правки.

⁶⁵ *Consonabat*: «дополнительно», может быть, в том смысле, что ударения мыслятся как дополнительная сетка, накладываемая сверху на метр.

⁶⁶ Система из трех типов ударения (акут – циркумфлекс – грав, «острое» – «облеченное» – «тяжелое», или «тупое») заимствована из греческой грамматической терминологии и применялась к латыни уже римскими грамматиками, более или менее по правилам постановки греческого ударения, но с некоторыми модификациями; соответствовала ли она чему-то в латинской фонетике, не совсем ясно (см.: Кузнецов А. Е. Латинская метрика. Тула, 2006. С. 141–143; Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 2001. С. 65–66). В слове, где первый слог долгий, а второй краткий и ударение падает на первый слог, как в *ausa*, ударение будет циркумфлексом как по латинским, так и по греческим правилам. В слове *maris* ударным оказывается краткий слог, который в этом случае и по греческим, и по латинским правилам может быть только акутом.

⁶⁷ Понтано, Небесные явления 1356 (= Об источниках и реках 14; *Ioannis Ioviani Pontani Urania seu de Stellis libri quinque...* Fol. 134r). Любопытно, что в обоих случаях изучение традиции текста «Урании» и «Небесных явлений» показывает развитие текста, отличное от того, которое описывает Понтано: строка из «Урании», по-видимому, сначала выглядела как *Ausa maris nymphis sese praeferre suumque*, затем *nymphis sese* было заменено на *se virginibus* (получается, нужный Понтано порядок слов появился раньше, чем вариант *virginibus* вместо *nymphis*, и излагаемый Понтано сюжет об изменении порядка слов с уже существующим *virginibus* сложно себе представить?); а в стих из «Небесных явлений», судя по сохранившим-

и потому сам по себе более поспешный, становился несколько слишком текучим и скользким; а так три ударения, единодушно выдыхаемые тремя словами и звучащие совместно, словно протягивают друг другу руки, находясь рядом, и удерживают сам строй.

Эти примеры из книг нашего старика мы привели здесь прежде всего потому, что он сам рассказал нам, как делал выбор. Ведь о логике древних поэтов и самого Вергилия мы можем только строить догадки.

Есть у метров и некая собственная уместность, как, например, когда имеешь дело с предметом грубым, или сладостным, или горестным, или приятным, или серьезным, или, наоборот, легкомысленным, или смешанным с какими-то другими характерными эмоциями и замешанным из них. Вот взгляни, какой метрикой пользуется Вергилий в этом предсказании грядущей бури: *Heu qui nam tanti cinxerunt aethera nimbi* «ох, что ж это за такие ужасные тучи со всех сторон обложили небо?», Энеида 5.13⁶⁸.

Чтобы выразить страх, горе и заботу вождя, он свел вместе три односложных слова⁶⁹, а затем добавил еще одно двусложное, и потом еще одно трехсложное и сопряг сразу четыре спондея. Что может быть более тщательным, чем такой отбор слов, что может быть более величественным, чем такой стон души? И меня не переубедит авторитет некоторых людей, утверждающих, что Вергилий написал *Heu*

ся текстам, слово *guttas* было введено только после 1500 года (чуть ли не только в альдинском издании), до этого он на самом деле выглядел как *Et latices de marmoreis stillare columnis* (см.: *De Nichilo M. I poemi astrologici di Giovanni Pontano: Storia del testo*. Bari, 1975. P. 36–39). Похоже, Понтано излагает не реальную историю работы над текстом, а такой ее придуманный вариант, который иллюстрирует его утверждения; кроме того, возможно, «перестановка слов» выглядит как более «магический» и эффектный прием, чем просто замена слова.

⁶⁸ Понтано цитирует этот стих в экстравагантной форме (в рукописях и изданиях читается *quianam* «что ж это вдруг такие ужасные тучи»), и некоторые издатели полагали, что *quinam* — конъектура самого Понтано (см.: *Publii Virgilii Maronis Opera / cum integris et emendationibus commentariis Servii, Philargyrii, Pierii; Accedunt... notae..., quibus et suas in omne opus animadversiones, et variantes in Servium lectiones addidit Petrus Burmannus; Post cujus obitum interruptam editionis curam suscepit et adornavit Petrus Burmannus Junior*. T. IV. Amstelædami, 1746. Fol. Qqq 1 r (в указателе Никколо Росси, XVI в.); *Publii Virgilii Maronis Opera / Ex fide Nicolai Heinsii ope triginta MSS. restituta cum notis integris Caroli Ruæi S. J. ... T. II. Coloniae Munatianae, 1782. P. 243* (Шарль де ля Рю, XVII в.); ср. утверждение Пиерио Валериано в позднейшей редакции комментария к Вергилию: упоминаемого Понтано чтения *qui nam* я в древних рукописях не видел, но «охотно поверю, что оно там могло попасться», *P. Virgilii Maronis. Opera omnia / Ex editione Heynsiana... in usum Delphini... Vol. VII. Londini, 1819. P. 3566*). Но на самом деле такой текст появляется уже в цитатах у средневековых авторов: Иоанна Гарландского (Краткое изложение всей грамматики 248–249: «*Heu quianam tanti cinxerunt ethera nimbi?*»)/Aut «*quinam tanti*»: pro «*quare*» sumito «*quinam*» «*Heu quianam tanti cinxerunt ethera nimbi?* Или *quinam tanti*: вместо «почему» напиши *quinam*», — речь идет не о вариантах текста, а о том, как его можно было бы написать), Альберта Великого (О софистических опровержениях 1.2.10, *B. Alberti Magni Ratisbonensis episcopi, ordinis Praedicatorum Opera omnia.../ curante A. Borgnet. T. II. Parisiis, 1890. P. 552*).

⁶⁹ Как явствует из его орфографии (традиционной для конца XV — начала XVI вв.), Понтано, в отличие от современной науки, считал постпозитивное *nam* не энклитикой, а отдельным полноударным словом.

quia, а не *qui*. Мы покажем, что Вергилий написал не *quia* и не *quid*, а именно *qui*. Ведь и буква *D* дает какое-то слишком насыщенное звучание, а метр сам в данном случае противится этому, и *quia* слишком спешит вперед из-за своей краткости⁷⁰, в то время как в горе, как кажется, подобает замедлять речь. Но об этом каждый пусть судит сам, наше же мнение таково, как мы сказали.

[Приводя другие примеры удачной расстановки ударений, Понтано натывается на стих с элизией.]

ВСТРЕЧА ГЛАСНЫХ (элизия и зияние). Также и в третьей стопе достойным образом случается подобное стечение гласных, как например: *Ni faciat, maria ac terras coelumque profundum* <Энеида 1.58, речь идет об элизии *maria ac*>, — или, например, еще тут: *Contigit oppetere, o Danaum fortissime gentis* <Энеида 1.96, речь идет об элизии *oppetere o*>, — и как в этом месте: *Erramus vento, huc et vastis fluctibus acti* <Энеида 1.333, речь идет об элизии *vento huc*>. Этот стих, конечно, стал бы значительно менее величественным, если написать так: *Erramus vento et vastis huc fluctibus acti*. В этом случае зияние⁷¹ будет вызвано просто необходимостью соединить два слова; а так оно оправдывается задачей насыщения и замедления звучания и создается искусством⁷².

А когда это происходит в четвертой и пятой стопе, а также в шестой стопе и на конце стиха, то сам стих вместе со своим размером удивительным образом вздымается со своеобразным величием и сам метр благодаря этому приобретает некое редкостное достоинство⁷³. Это хорошо видно по следующим строкам: *Franguntur remi, tum prora avertit* <Энеида 1.104, элизия в четвертой стопе>, — а также: *Et vera incessu patuit dea, ille ubi matrem* <Энеида 1.405, имеется в виду либо зияние между четвертой и пятой стопой, либо элизия в пятой стопе, либо и то и другое>...

⁷⁰ Метрической: *quia* состоит из двух кратких слогов, в то время как *qui* из одного долгого.

⁷¹ Видимо, Понтано не терминологически называет здесь «зиянием» (hiatus) просто стечение гласных, на самом деле образующее элизию.

⁷² На чем, собственно, основывается различие, не очень понятно. Может быть, речь о том, что ожидать *et* («и») непосредственно после *vento* («ветром») естественнее, чем *huc* («сюда») между *vento* и *et*, т.е. «величественное» устройство стиха подразумевает, что фонетический эффект, пусть даже тот же самый, который был бы достигнут при (условно говоря) прямом порядке слов, должен достигаться инверсией.

⁷³ Об употреблении элизии и зияния в целом мнения авторов метрических трактатов XV в. расходились: Никколо Перотти в «О размерах» (опубл. не позднее 1471 г.) характеризует стих с несколькими элизиями как «шероховатый» (*aspera*) тип гексаметра, а стих с несколькими зияниями — как «какофонический» (*casophona*; *Francisci Maturantii Perusini De componendis carminibus opusculum*; *Nicolai Perotti Syponitini De generibus metrorum...* Venetiis, 1497. Fol. c vi r), в то время как Франческо Матуранцио в «Книжице о сочинении гексаметрических и пентаметрических стихов» (опубл. в 1481 г.) относится с симпатией к «стечению гласных», причем терминология его особенно напоминает терминологию Понтано (*ibid.* Fol. b ii v: *Frequens vocalium consursus plenior saepe et gravior efficit versum* «Частая встреча гласных нередко делает стих более насыщенным и более величественным»; судя по следующему далее примеру, речь идет об элизиях, хотя слово *hiatus* «зияние» Матуранцио также использует).

[Примеры элизии в четвертой, пятой и шестой стопе.]

А также:

Aerea cui gradibus surgebant limina nexaeque
Aere trabes <Энеида 1.448–449>⁷⁴, —

и еще:

Et magnos membrorum artus, magna ora lacertosque
Exuit <Энеида 5.442–443>, —

а также:

Iamque iter emensi turres ac tela Latinorum
Ardua cernebant <Энеида 7.160–161>, —

и еще:

Inseritur vero nucis e foetu arbutus horrida
Et steriles platani malos gessere valentis <Георгики 2.69–70>⁷⁵.

Это редкое зияние между данным стихом и следующим за ним не только составляет наслаждение ушам, но еще и придает тексту достоинство; ведь и сама по себе необычность услаждает, и это столкновение с одной стороны гласной, начинающей стих, с другой стороны гласной, стих заканчивающей, нагнетает также и собственную звучность, особенно же в том случае, когда при этом звук не выпадает⁷⁶, как в этих случаях:

classemque sub ipsa
Antandro et Phrygiae molimur montibus Idae <Энеида 3.5–6>, —

и

Talem dives arat Capua et vicina Vesevo
Ora iugo

<«Такую (землю) возделывает изобильная Капуя и области, соседствующие с хребтом Везувия», Георгики 2.224–225>.

⁷⁴ Этот и следующие далее примеры иллюстрируют явление *versus hypermetrus*, «слишком длинного» гекзаметра, последний слог которого элидируется перед начальным гласным следующего стиха. Вот что Понтано имеет в виду под «зиянием на конце стиха».

⁷⁵ Понтано снова цитирует стих Вергилия в необычной форме, и на этот раз аналогов для такого текста не удастся найти; в рукописях и изданиях 69-й стих выглядит либо как *inseritur vero et (/ex) fetu nucis arbutus horrida*, либо как *inseritur vero et nucis arbutus horrida fetu*. Комментарийская традиция на этот раз не подхватила обсуждения варианта Понтано, возможно, потому, что в данном случае он не акцентирует на нем внимания. Вариант может быть, конечно, порожден неточным цитированием по памяти, но в принципе нельзя исключать, что Понтано изменяет текст, чтобы избежать элизии между второй и третьей стопой и переставить ее на позицию между четвертой и пятой стопой, поскольку обсуждает он в данном случае уместность элизий во второй половине стиха. В некоторых из приведенных выше цитат элизии в первой половине стиха, впрочем, встречаются (напр., Энеида 1.405). Видимо, Понтано считал их допустимыми одновременно с элизиями во второй половине, но мог все же полагать, что такое сочетание нежелательно.

⁷⁶ То есть не происходит элизии, хотя предшествующий стих заканчивается на гласную, а последующий начинается с гласной. Античная метрическая теория как раз вообще не классифицировала этот случай как аномалию.

Упомянув эти строки, я не могу не посмеяться над мнением — или, скорее, безапелляционным утверждением — тех, кто говорит, что Вергилий на самом деле написал так: *vicina Vesevo Nola iugo* <«Нола, соседствующая с хребтом Везувия»>, — а потом изменил текст, поскольку ему отказали в воде, когда он страдал от жажды⁷⁷. Ведь Вергилий, который знал, что земли вокруг Нолы совершенно бесплодны и что пшеница там совсем не растет, а растет только просо и рожь, не назвал бы их плодородными и не присоединил бы к Кампанским. А говоря «соседствующие области», он имеет в виду Ацерранские поля, которые расположены под самым Везувием, к западу от него, и весьма плодородны. Так что Вергилий соблюдал правила собственной метрики и сладости собственных созвучий и написал *vicina Vesevo Ora iugo*.

Так что это столкновение⁷⁸ гласных, которое мы можем назвать в соответствии с природой этого явления и соударением (*contusio*)⁷⁹, и стечением (*concursus*)⁸⁰, может происходить во всех отдельных стопах и на их разделении (*concisiones*) (а разделениями мы называем сами сплетения (*complicationes*) стоп между собой; по-гречески они называются по количеству слогов, тритэ-мимерическими, гептэмимерическими, эннеамимерическими)⁸¹. Происхо-

⁷⁷ Подразумевается сюжет из Авла Геллия (Аттические ночи 6.20.1): когда ноланцы не разрешили Вергилию провести из их города воду в свое имение, он выбросил название их города из своей поэмы и заменил его на слово «области». Понтано сам (хоть и не по происхождению) неаполитанец, как и Саннадзаро, и хорошо знает реалии окрестностей Неаполя; Вергилий же — что-то вроде культурного героя в Неаполе, ему (в ипостаси колдуна) приписывалось создание большинства неаполитанских достопримечательностей (см. собрание текстов в: *The Virgilian Tradition: The First Fifteen Hundred Years* / ed. by J. M. Ziolkowski, M. C. J. Putnam. New Haven; London, 2008. P. 825–1024), и могила Вергилия, находившаяся в двух шагах от мерджеллинской виллы Саннадзаро, к концу XV века уже давно была объектом паломничества (Ibid. P. 404–419). Наш неаполитанский Вергилий, конечно, не мог допустить такую элементарную ошибку, говоря об окрестностях Неаполя, утверждает Понтано.

⁷⁸ *Collisio*, букв. «элизия», но здесь в значении просто «стечения гласных», как следует из дальнейшего текста.

⁷⁹ Этот термин, похоже, придуман самим Понтано; после Понтано он не прижился.

⁸⁰ *Concursus vocalium* — терминологическое выражение уже в античной риторической теории (Цицерон, Оратор 77, Квинтилиан, Воспитание оратора 9.4.33, ср.: Риторика к Гереннию 4.18 *vocalium concursiones*), где оно, однако, обозначает стечение гласных, никак не охарактеризованное с точки зрения метрической оппозиции элизии и зияния, поскольку речь всегда идет о прозе. Похоже, что и слово *hiatus* «зияние» Понтано применяет к элизии, исходя из такого же немаркированного употребления применительно к прозаическому стечению гласных в риторических текстах (прежде всего Цицерон, Оратор 77, место, цитируемое ниже).

⁸¹ То есть «трехполовинными» (правильнее было бы «тризмимерическими»), «семиполовинными», «девятителовинными». По этим словам видно, что речь идет о цезурах. В целом, однако, пассаж очень темный: Понтано отбирает те цезуры, которые расположены внутри стоп (соответственно, второй, четвертой и пятой; первый и последний термин весьма редкие); почему тогда это «разделения стоп» и «сплетения стоп»? Цезура, собственно говоря, разделяет не стопы, а слова и группы слов; можно разве что предположить, что разделенные цезурами внутри стоп слова, «перетекая» из одной стопы в другую, как будто «сплетают» стопы. Но тогда все равно не будет никакой разницы между элизиями «внутри стоп» и «на цезуре». Термины *concisiones pedum* и *complicationes pedum* очень редкие и совершенно неизвестные античности (вероятно, они придуманы Понтано).

дят же они⁸² двумя способами, так что при этом встречаются либо одинаковые гласные, либо разные⁸³. Когда сталкиваются одинаковые гласные и одна из них выдавливается⁸⁴, то это правильно называть как отнятием (*ademptio*), так и выдавливанием (*extrusio*), и, может быть, не менее удачным обозначением будет также «выталкивание» (*explosio*)⁸⁵. А само стечение гласных Цицерон называет «зиянием» (*hiatus*) <Оратор 77> и про сами гласные говорит, что они «зияют» (*hiare*) <Ораторские разделения 21>. А когда они остаются на месте и не выталкиваются, некоторые грамматиканы называют это явление «оглашением» (*boatus*)⁸⁶, но явно лучше будет сказать «сталкивание» (*complosio*), поскольку, отскакивая, звук удваивается, как в этом стихе: *Ter sunt conati imponere Pelio Ossan* <Вергилий, Георгики 1.281, два зияния: *conati | imponere* и *Pelio | Ossan*; в обоих случаях сталкиваются одинаковые гласные>. Но это отскакивание оказывается гораздо менее заметным, когда встречаются разные гласные, как в *Ionio in magno* <Энеида 3.211>⁸⁷.

⁸² Стечения гласных (довольно неожиданный перескок с цезур).

⁸³ Мартеллотти (*Martellotti G. Op. cit. P. 364–365*) полагает на основании этой оппозиции, что Понтано при чтении латинских стихов не опускал полностью элидируемую гласную (как обычно делают, читая латинскую поэзию сегодня), а старался произнести обе гласные сразу, но так, чтобы они все же образовывали один слог (как сегодня принято читать итальянские стихи). Следующий далее текст можно при желании интерпретировать таким образом (тогда, скорее всего, гласные «выдавливаются» только с точки зрения счета слогов, либо «выдавливается» только одна из двух одинаковых гласных, потому что они сливаются в одну), но, как кажется, в данном месте не обязательно (потому что Понтано говорит не только об элизии, но еще и о зиянии, при котором, конечно, в любом случае слышны обе гласные). Ср. ниже, примеч. 94.

⁸⁴ Эта странная фраза (очевидно, описывающая элизию) оставляет вопрос, почему ничего не говорится об элизии разнородных гласных. Возможно, Понтано вообще уделяет больше внимания встрече одинаковых гласных как предпочтительному случаю (ср. далее: при зиянии предпочтительнее, чтобы встречались одинаковые гласные), а о встрече разнородных гласных не говорит специально, как о второстепенной материи.

⁸⁵ Все термины, видимо, также придуманы Понтано.

⁸⁶ Речь идет о том, что сегодня принято называть «зиянием» при описании латинской метрики. На кого Понтано ссылается здесь, непонятно. Похоже на то, что в каком-то тексте, где говорилось о зиянии, ему попался искаженный рукописный текст, вместо слова *hiatus* дававший слово *boatus*; для Понтано этот вариант оказался удобным, потому что основной термин, обозначающий зияние в стихах, *hiatus*, у него уже зарезервирован для стечения гласных вообще, согласно узусу Цицерона. Но найти конкретный источник Понтано не удается.

⁸⁷ Этот стих обычно цитируется античными грамматиками (напр., Сацердот 6.454.19–21 Keil, Маллий Теодор 6.587.18–20 Keil) в более полном виде, поскольку зияние на самом деле скорее предшествует цитированному Понтано фрагменту: *insulae | Ioni(o) in magno*. Конечно, Понтано мог просто случайно пропустить слово при цитации. Но в принципе можно допустить, что он иначе скандировал этот стих, как *insul(ae) Ionio | in magno*. Для этого ему нужно считать, что основа *Ioni-* метрически интерпретируется не как дактиль, а как амфибрахий. Аналогов для такой метрической трактовки самого слова *Ionius* в классической латинской поэзии нет, но Понтано мог вывести ее из некоторых случаев употребления однокоренных слов, когда второй слог действительно становится долгим, а первый — кратким (как у Горация в Эпode 2.54, *non attagen Ionicus*, где *Ioni-* оказывается амфибрахией). Понтано мог также дополнительно руководствоваться тем, что в остальных его примерах зияния чаще имеют место после греческих имен собственных, чем перед ними.

Но вообще я лично, говоря откровенно, не вижу, почему пишущим на латыни следует особенно хорошо относиться к сталкиванию, ведь оно практически не доставляет удовольствия — кроме того что звучит оно как подражание греческому и добавляет разнообразия, а разнообразие и само по себе доставляет удовольствие и является естественным⁸⁸. Но сталкивание приятно разве только в том, что позаимствовано у греков⁸⁹, как в этом стихе: *Glauco et Panopeae et Inoo Melicertae* <Георгики 1.437>⁹⁰, — и еще: *Dardanio Anchisa*⁹¹, — и еще: *In Actaeo Aracyntho* <Буколики 2.24>⁹².

Однако сами редкость и разнообразие, о которых я сказал, могут сделать его⁹³ и приятным, и сладостным, если только употребляется оно в подобающем и подходящем для него месте и окружают его уместные слова. И когда столкновение гласных происходит в первой стопе, то благодаря этому

⁸⁸ Что принцип разнообразия внушен человеку самой Природой — идея, возникшая, возможно, под влиянием «Естественной истории» Плиния (см.: *Beagon M. Roman Nature: The Thought of Pliny the Elder*. Oxford, 1992). Мы встречаем ее, среди прочего, также в прологе Полициано к его «Смеси» (см. перевод этого текста в главе 16).

⁸⁹ Эту фразу можно понимать двояко. С одной стороны, про первый из примеров Понтано мог знать из Авла Геллия, что это перелицованный в латынь греческий стих; может иметься в виду, что и остальные примеры — такие же перелицовки. С другой стороны, может просто подразумеваться, что во всех случаях фразы составлены полностью из греческих имен собственных.

⁹⁰ Два зияния, оба после греческих слов: *Glauco | et Panopeae | et*. Авл Геллий (Аттические ночи 13.27.2) указывает, что этот стих написан в подражание стиху эллинистического поэта Парфения, Γλαύκῳ καὶ Νηρεΐ καὶ εἰναλίῳ Μελικέρτῃ (зияние — обычное в греческой поэзии — в этом стихе также есть, но не в том месте, что у Вергилия: καὶ | εἰναλίῳ). В не переведенной нами части текста «Акция» Понтано, возвращаясь к этому примеру из Вергилия, характеризует его как *omnino Homericum* «совершенно гомеровский».

⁹¹ Еще один вариант текста непонятного происхождения: у Вергилия в «Энеиде» дважды встречается клаузула *Dardanio Anchisae* с зиянием между двумя греческими именами собственными (1.617 и 9.647), но ни в одном случае чтения *Anchisa* найти не удастся. Теоретически оно могло бы быть отложительным падежом при глаголе *genuit* «родила (от Анхиза)» в 1.617; Пиерио Валериано в своем комментарии к «Энеиде» фиксирует такой вариант, но только с формой *Anchise* (*Castigationes et varietates Virgilianae lectionis, per Ioannem Pierium Valerianum*. P. 67). Речь идет либо об ошибке, либо о неоговариваемой конъектуре Понтано. Известного греческого источника для этого текста Вергилия нет.

⁹² Греческий источник этого текста не сохранился, хотя в XX веке несколько раз высказывалось предположение, что такой источник существовал и им, возможно, был все тот же Парфений (см.: *P. Vergili Maronis Opera / ...* гес. M. Geymonat. Roma, 2008. P. 708). Не исключено, что в данном случае Понтано предвосхитил идею о переладке Вергилием греческого источника.

⁹³ Как следует из дальнейшего текста, речь идет уже о стечении гласных, а не о «сталкивании» (т.е. зиянии): еще один перескок, еще более неожиданный, чем встреченный нами выше перескок с цезур на стечения гласных. Создается впечатление, что для Понтано границы между разными вариантами стечения гласных были второстепенными. (Герман Кифер переводит указательное местоимение *illam* словом *die Stelle* — «редкость и разнообразие могут сделать пассаж приятным и сладостным» — но непонятно, как можно вывести такое значение из латинского текста, формально местоимение должно относиться к «сталкиванию». При этом Кифер использует одно и то же слово *Zusammentreffen* для «стечения согласных» и «сталкивания»: это, конечно, некорректно, но, наверное, довольно удачно указывает на причины непоследовательности Понтано в употреблении терминов).

метр становится тверже, и этому сопутствует также определенная приятность, особенно когда встречаются одинаковые гласные⁹⁴, как здесь: *Ille ego qui quondam*⁹⁵, — и еще: *Ergo omnis longo solvit se Teucra luctu* <Энеида 2.26>, — и еще: *Illi indignantes magno cum murmure montis* <Энеида 1.55>.

А когда зияют разные гласные⁹⁶, то метр сам вообще тоже отвердевает, но удовольствия при этом слушающим доставляет меньше, как в этом месте: *Credo equidem nec vana fides* <Энеида 4.12>, — и еще: *Cuncta equidem tibi rex* <Энеида 2.77>. А что метр от этого становится устойчивей и тверже, станет очевидно, если сказать *Cuncta quidem tibi rex*⁹⁷: от этого сам размер сразу обмякнет.

Иногда столкновение выдавливает, или, скорее, выбивает (*excidit*), целиком весь слог или значительную его часть⁹⁸, то есть гласную вместе с согласной буквой *m*⁹⁹, как в этом месте: *Postquam introgressi* <Энеида 1.520>, — и еще: *Illum expirantem transfixo pectore* <Энеида 1.44>, — а также: *Illum et labentem Teucra* <Энеида 5.181>. Если из последнего примера убрать *et*, а из предпоследнего *ex-*, и сказать *Illum labentem Teucra* и *Illum spirantem transfixo pectore*¹⁰⁰, то какая-то неполноценность сразу же резанет уши. Говорю я это потому, что столкновения не всегда вызываются метрической необходимостью, но по большей части создаются из соображений искусства и улаживания слуха, то есть приятности метра.

А почему слоги, состоящие из гласного и *m*, сейчас повсюду выбрасываются из стиха (ведь в прежние времена не было обыкновения везде их исключать), видно по этому Энниеву стиху: *et milia militum octo* <Энний, *Анналы* 332 Vahlen = 330 Skutsch>¹⁰¹. Причиной, как представляется, было то, что такие

⁹⁴ Эта фраза — один из основных аргументов в пользу идеи Г. Мартеллотти, что при элизии Понтано как-то частично произносил и элидируемую гласную (*Martellotti G. Op. cit. P. 364–365, см. выше, примеч. 83*). Отвергнуть тезис Мартеллотти можно, вероятно, только если допустить, что «приятность» связана не с самим звучанием, а со знанием того, какой звук должен был быть на данном месте.

⁹⁵ Стих, приводимый Сервием (Вступление к комментарию к Энеиде) как исходный вариант начала «Энеиды», удаленный Варием и Туккой. Элизия одной из двух одинаковых гласных, как и в дальнейших примерах, происходит в первой стопе: *ill(e) ego*.

⁹⁶ Судя по примерам, речь все еще идет конкретно о первой стопе.

⁹⁷ Фраза, синонимичная и метрически эквивалентная последнему примеру, но избегающая элизии.

⁹⁸ Похоже, Понтано не совсем уверен, к какому слогу относятся согласные, предшествующие гласной. Ниже он закроет глаза на этот вопрос и будет просто выражаться так, как будто кроме гласного и следующей за ним финальной *m* в слог входить ничего не может.

⁹⁹ Судя по примерам, речь и здесь идет конкретно о первой стопе.

¹⁰⁰ Аналогичный прием: изобретаются метрические и смысловые эквиваленты фраз, отличающиеся только отсутствием элизии.

¹⁰¹ Понтано цитирует этот стих по Присциану (2.30.5 Keil; отсюда же, похоже, взят цитированный выше в качестве примера стих Энеиды 1.44), однако опять по какому-то экстравагантному тексту или по памяти (в известных рукописях текст выглядит как *insignita fere tum milia militum octo*). В любом случае (как указывает и Присциан) метрика требует, чтобы заканчивающееся на *-m* слово *militum* не образовывало элизии перед гласной.

слоги из-за расположенного на конце *m* звучат как-то притупленно и затемненно¹⁰², а уши с трудом переносят это на конце слов.

Поэтому не удивительно, что у слова *sed*, которое изначально выглядело как *sedum*, отвалился конец¹⁰³ и некоторые народы убрали *m* с конца очень многих слов¹⁰⁴. Я и сам замечал это явление на некоторых памятниках глубокой древности, как, например, в Бенеvento на камне было написано: INFELIX FATV PRIOR DEBVI MORI MATER <«Жестокий рок, мне, матери, пришлось умереть первой»>¹⁰⁵, — и еще в Телезии: MATER MISERA HOC MONVMENTV EXTRVXIT OLYMPIAS AMENS <«Этот памятник возвела несчастная мать, обезумевшая Олимпиада»>. Слова *fatum* и *monumentum* там написаны без *m*. Приведу текст этой эпитафии: APOLLONIA QVAE VOCITABAR LAPIDE HOC INCLVSA QVIESCO VNVM SORTITA MARITVM, SERVAVI CASTA PVDOREM. MATER MISERA HOC MONVMENTV EXTRVXIT OLYMPIAS AMENS <«Я, которая звалась Аполлонией, покоюсь под этим камнем. Мне выпало иметь только одного мужа, в своей чистоте я сохранила целомудрие незапятнанным. Этот памятник возвела несчастная мать, обезумевшая Олимпиада»>¹⁰⁶. Разве те древние не стали гово-

¹⁰² *Optusum nescio quid ac subobscurum*. Изложенные выше соображения Понтано (см. примеч. 43) предполагали, что «затемненность» может в определенных ситуациях украшать стих, в том числе на конце слов.

¹⁰³ «Протоформу» *sedum* для слова *sed* упоминают грамматики (Харисий 1.112.5 Keil, Марий Викторин 6.10.13 Keil), в текстах она не зафиксирована.

¹⁰⁴ В дальнейшем тексте речь идет о древних альтернативных вариантах латыни, но, судя по формулировке «народы» (*populi quidam*), похоже, что имеются в виду также романские («народные») языки (и те и те могут мыслиться как модифицированные неклассические подварианты латыни, без введения диахронической перспективы). В этом случае Понтано, возможно, утверждает, что несклоняемая романская форма единственного числа существительного происходит от латинского винительного падежа (*lacum* > *lago* и т.п.). Впрочем, умозаключение это не является обязательным: всегда можно найти и формы, для которых такое допущение не необходимо (*vinum* (также и именительный падеж) > *vino*, *iam* > *già*, *illorum* > *loro*). Ниже речь пойдет еще о греческом языке, в котором не бывает финальных *m*, но имеет ли в виду Понтано, что греки — это пример народа, который «убрал *m* с конца многих слов», сложно сказать.

¹⁰⁵ Корпус латинских надписей 9.2045. Согласно Понтано, вместо FATVM написано FATV. В XVIII в. Джованни де Вита (<*De Vita J.*> Thesaurus antiquitatum Beneventanarum. Romae, 1754. P. 9) так описывает свои попытки найти эту надпись (по указаниям Джованни Баттисты Дони): «В башне церкви Сантиссима-Аннунциата, где, согласно бывшим в моем распоряжении бумагам, надпись должна была храниться, я ее не нашел и потому стал относиться к сведениям о ней с подозрением и уже думал, что это была забава ученого ума; но недавно, когда стали извлекать землю для постройки вала при названной церкви, камень вновь показался на свет». На этом камне изображен юноша (сын усопшей) и написан на самом деле такой текст: INFELIX FATVM/PRIOR DEBVI/MORI MATER (или, согласно Корпусу латинских надписей, ... MATER MORI) «Жестокий рок, матери пришлось умереть первой»; буквы М в конце слова FATVM и Т в конце слова DEBVI затерты на краю плиты, что и породило ошибку Понтано.

¹⁰⁶ Латинская эпиграфическая поэзия 1523 Buecheler = Корпус латинских надписей 9.2272. Камень не сохранился, хотя надпись публиковалась еще во время его существования несколько раз. В данном случае Понтано, по-видимому, достаточно точно воспроизвел написание, но почему-то пропустил несколько стихотворных строк посередине текста. Возможно, он понимал, что текст поэтический (он называет его словом *epigramma*), но на строки его не разделил.

рять *geli* и *cornu*? Ведь до того эти слова звучали как *gelum* и *cornum*, и первым из них в такой форме часто пользуется Лукреций¹⁰⁷. Они также весьма часто выталкивали из стиха букву *s*, как свидетельствует тот же самый Лукреций¹⁰⁸. У греков нет слов, оканчивающихся на *m*, а у латинян они повсюду, а также, как я заметил, у эфиопов¹⁰⁹.

Но вернемся к тому, о чем у нас шла речь.

[Примеры уместности элизии и зияния в разных стопах.]

НОВОЕ ВВЕДЕНИЕ: УГЛУБЛЕННЫЙ РАЗБОР МЕТРИКИ. Но я, возможно, уже слишком долго и слишком настырно рассказываю обо всех этих вещах. Однако сделал я это с тем большею охотой, что знаю: никто об этом до сих пор не писал, хоть и я, конечно, многое пропустил. Но пропущенное мною другие после меня и исследуют с большей проницательностью и объяснят более уместным образом. К тому же я прекрасно знаю, что и среди вас есть такие, кто гораздо усерднее, чем я, занимается этими вещами. Так что (это ведь прежде всего твоя, Пардо, была идея), раз уж мы собрались тут, то нужно каждому оставить возможность высказаться.

5. Пардо. Что касается меня, о Акций Синцер, если бы я стал отрицать, что удовлетворен, то это было бы несправедливо с моей стороны. Ты, разумеется, сказал все, что нужно, и сделал это с ученостью и весьма подробно. К тому же

¹⁰⁷ Собственно форму *gelum* Лукреций употребляет только один раз (О природе вещей 6.877), но зато он несколько раз пользуется родительным падежом *geli* по второму склонению, соответствующему этой форме (5.205; 6.156; 6.530). Форму *cornum* Лукреций на самом деле также использует (2.388).

¹⁰⁸ В архаической латинской поэзии, в том числе у Лукреция, финальная *s* перед согласным часто не читается (с точки зрения метрики).

¹⁰⁹ Видимо, просто в значении «чернокожих африканцев». Италия рубежа XV–XVI вв. имела с ними дело преимущественно как с рабами. Генуя и Венеция активно занимались работорговлей уже с XIII в., но до XV в. торговали в основном татарами, черкасами, русскими, некрещеными славянами и сарацинами; реже рабами становились греки, православные славяне, румыны, албанцы и армяне. С завоеваниями Османской империи восточный рынок рабов оказался перекрыт, и его заменил рынок африканских рабов, приобретаемых сначала при посредстве арабов, а после непосредственно в Африке (*Tognetti S. The Trade in Black African Slaves in Fifteenth-Century Florence // Black Africans in Renaissance Europe* / ed. by T. F. Earle and K. J. P. Lowe. Cambridge, 2005. P. 213–224). С другой стороны, некоторое количество чернокожих, не бывших рабами, в Италии также было (напр., христианские паломники из Эфиопии: см.: *Tamrat T. Europe and Christian Ethiopia*. С. 1400–1543 // *The Cambridge History of Africa*. Vol. 3: From c. 1050 to c. 1600 / ed. by R. Oliver. Cambridge, 1977. P. 177–182). Точно идентифицировать язык, который имеет в виду Понтано, сложно, хотя большинство африканских языков допускают только открытые слоги и, таким образом, слова в них не могут заканчиваться на *m* или какие-то другие согласные. Словоформы, заканчивающиеся на *m* (или *n*), распространены в геззе (основном языке эфиопской литургии: ср., напр., именной формант *-an*) и в амхарском (на котором эфиопские паломники скорее всего общались между собой: напр., отрицательная энклитика выглядит как *-m*, на *m* могут оканчиваться основы слов и, соответственно, слова с нулевым окончанием); окончания с *m* в исходе есть также в берберских языках и в языках фула, распространенных на внутренних территориях Северо-Западной Африки: скорее всего, встреченные Понтано «эфиопы» принадлежали к какой-то из этих языковых общностей. Я благодарю И. А. Держанского за помощь в составлении данного примечания.

у некоторых уже на лице написано, что они собираются сказать нечто достойное и их самих, и этого собрания, нечто, чего само это место то ли ожидает от наших посиделок, то ли даже требует в силу самой своей природы. И вот, в частности, наш Суммонте¹¹⁰, как я догадываюсь по его смеху, замыслил что-то особенное и уже подымается с места; так что с твоей стороны деликатно будет уступить ему место говорящего.

Суммонте. А я-то, Пардо, как раз думаю, что наш Синцер многое от нас хочет скрыть¹¹¹, чтобы потом, как обычно делают торговцы, продать за гораздо большую цену то, что спрятал в ларчике, когда товар подешевле уже разойдется. Ты, Акции, разъяснил, или, скорее, разложил по полочкам (и сделал ты это с приятностью не меньшей, чем памятьливостью), зияния и выталкивания, немаловажную часть поэтического искусства, и в особенности метрического богатства Вергилия. Так открой же свой ларчик и разложи перед нами самый отборный товар. Я прошу тебя об этом именем самих манов Вергилия и именем места, где он упокоился, которое ты и навещаешь весьма часто, и считаешь с особенной почтительностью¹¹².

6. *Акции.* Измыслил ты, Пьетро Суммонте, какой хитростью вытащить из меня вещь, которая до сей поры у наших соотечественников была либо в полном пренебрежении, либо, уж во всяком случае, обделена вниманием и плохо изучена. Твоя идея сравнить мое поведение с обычаями торговцев сработала. Ты же знаешь, как чураются у нас все благородные люди самого имени торговца. Так что, чтобы ты не считал меня барышником или скрягой, я изложу тебе мои идеи и наблюдения, сделанные мною при более пристальном изучении поэтических размеров; не то чтобы я считал, впрочем, что сказал все, что и сам хотел бы, и что вы, наверное, ожидаете сейчас услышать.

Тогда я продолжу начатое рассуждение о метрах. А поскольку ты просишь меня именем манов одного только Вергилия, то и примеры я буду приводить почти только из него одного: ведь он один из наших соотечественников выступает словно бы образцом всех поэтических достоинств, и в особенности метрических.

Поэтический размер, вообще говоря, следует за строением самого поэтического текста. В основе же этого строения лежат слова, а слова определяют ударения, по одному на одно слово. И сами ударения также ставятся в соответствии с долготой слов и слогов; и к этому присоединяется гладкость и противоположная ей шероховатость, а также другие качества, образуемые природой слогов и букв, из которых состоят слова. Каждое же слово состоит либо из одного слога, либо из двух, либо из еще большего их количества; но грамма-

¹¹⁰ Пьетро Суммонте (1463–1526) больше всего известен, наверное, тем, что готовил к публикации многие труды Понтано (а также труды другого поэта из кружка Понтано, «Харитея» — Бенедетто Гарета). После смерти Понтано он вместе с Джироламо Карбоне взял на себя руководство «Академией».

¹¹¹ Похоже, Суммонте на самом деле смеялся над словами Пардо, что Саннадзаро «сказал все, что нужно».

¹¹² Речь идет о могиле Вергилия, расположенной неподалеку от виллы Саннадзаро в Мерджеллине.

тики говорят, что каждое слово по отдельности должно получать только одно собственное ударение. Ударений же настоящих два, и они стоят фронтом друг против друга: одно акут, а другое грав¹¹³. А поскольку в этом споре можно занять и позицию посередине, то промежуточное ударение, составленное из этих двух, стали называть и считать «умеренным»¹¹⁴, а по-другому оно называется циркумфлексом. Имя это происходит от характерного и специфического значка, которым он обозначается на письме¹¹⁵. И вот, поскольку протяженность слогов бывает только двух видов, краткая или долгая, то из этого получается и происходит, что каждый слог либо краток, либо долг; некоторые, однако, наделены словно бы некой общностью и могут как удлиняться, так и произноситься кратко¹¹⁶.

7. АНЖАМБМАН. Изложив эти предметы таким образом, я перехожу к употреблению метров. В этом деле нет ничего столь же необходимого и важного, как разнообразие. Ведь нужно, насколько только возможно, стараться избегать пресыщения; а разнообразие как раз и не дает пресыщению появиться. А сплетения (*complicationes*) фраз и те сцепки (*nexus*), которые связывают между собой как сами фразы, так и части и члены фраз, и завершают фразы в следующем стихе, проведя их туда словно бы через некую ступень, и присоединяют

¹¹³ См. примеч. 66.

¹¹⁴ *Accentus moderatus*, термин, введенный в XIII в. Александром из Вильдьё (Доктринал 2287: *Atque gravis medius et acuti fit moderatus* «А среднее между гравом и акутом получается умеренное»). При этом, однако, Александр различает «умеренное ударение» и циркумфлекс (Доктринал 2288–2289: *Est circumflexus gravis in primo, sed in altum/Tollitur, inque gravem recidit. sed cessit ab usu*, «Циркумфлекс — это сначала грав, который потом поднимается вверх и затем снова падает в грав. Но он вышел из употребления»). Акут и грав, таким образом, Александр смог отождествить с какой-то оппозицией реально существующих видов ударений, но ничего соответствующего описанию циркумфлекса он не нашел (видимо, речь шла об интонации: см.: *Thurot C. Notices et extraits de divers manuscrits Latins pour servir à l'histoire des doctrines grammaticales au Moyen Âge*. Paris, 1868. P. 394–407; та же самая терминология была перенесена в музыкальную теорию *accentus ecclesiastici*, по-видимому, уже в XVI в.: *Hullah J. Accentus ecclesiasticus*// *Encyclopaedic Dictionary of Christian Antiquities*/ed. by W. Smith and S. Cheetham. Vol. 1. London, 1875. P. 10–12). Фламандский гуманист Ян ван Паутерен (*Despauterius*) писал о понятии «умеренного ударения» в «Грамматических комментариях» (между 1506 и 1519 г.): «Умеренное ударение, которое придумал Александр, распространитель варварства, ученым людям отвергают; поэтому оставим его готам» (цит. по: *Das Doctrinale des Alexander de Villa-Dei*/bearb. von D. Reichling. Berlin, 1893. S. LXXIX).

¹¹⁵ Слово *circumflexus* буквально значит «загнутый со всех сторон» или «загнутый в форме окружности». Этот значок фигурно изображал, что циркумфлекс — восходяще-нисходящее ударение. Понтано не вдается в такие тонкости и, по-видимому, скорее воспринимает теорию ударений в обобщенном варианте Александра из Вильдьё, да еще с упрощениями.

¹¹⁶ Чтобы фраза не была тавтологичной, ее, видимо, надо понимать так: поскольку у каждого отдельного употребления слога два варианта возможной долготы (краткий или долгий), то у каждого слога, взятого отвлеченно, вариантов возможной долготы три: всегда долгий, всегда краткий и «общий» (который бывает и кратким, и долгим). Например, второй слог слова *illius*, взятый отвлеченно, является по долготе «общим», а в конкретном случае употребления этого слога в 7-й строке 1-й буколики Вергилия он является кратким (и вообще может быть уже только либо долгим, либо кратким). Понятие «общих слогов» (*communes syllabae*) используется уже античными грамматиками и весьма распространено в трактатах по метрике, поскольку эмпирически для сочинения латинских стихов полезно было помнить списки таких слогов.

то два, то три стиха как будто какой-то цепью¹¹⁷, — такие сцепки, если продолжают все время, бывают в особенности виновны в том пороке текста, что он вызывает пресыщение. Когда они редки и ограничены по размеру в неких специально выделенных для них местах, они ласкают слух; но точно так же, когда они идут подряд, они, наоборот, утомляют.

Я приведу несколько стихов из «Прозерпины» Клавдиана, поэта, и писавшего с большой прилежностью, и наделенного значительным и испытанным в деле дарованием. Вот эти стихи:

Dux Herebi quondam tumidas exarsit in iras
Proelia moturus superis, quod solus egeret
Connubio sterilesque diu consumeret annos,
Impatiens nescire torum nullasque mariti
Illecebras nec dulce patris cognoscere nomen.
Iam quaecunque latent ferali monstra barathro
In turmas aciemque ruunt contraque Tonantem
Coniurant Furiae crinitaque sontibus hydrys
Tisiphone quatiens infausto lumine pinum
Armatus ad castra movet pallentia Manes
Pene reluctantis. iterum pugnancia rebus
Rupissent elementa fidem penitusque revulso
Carcere, laxatis pubes Titania vinclis
Vidisset coeleste iubar rursusque cruentus
Aegaeon positis arcto de corpore nodis
Obvia centeno vibrasset fulmina motu.
Sed Parcae vetuere minas orbique timentes
Ante pedes soliumque ducis fudere severam
Canitiem genibusque suas cum supplice fletu
Admovere manus, quarum sub iure tenentur
Omnia quae seriem factorum pollice ducunt
Longaque ferratis evolvunt secula pensis
<Клавдиан, О похищении Прозерпины 1.32–53>¹¹⁸.

¹¹⁷ То есть то, что мы сейчас называем анжамбманами.

¹¹⁸ Текст, цитируемый Понтано, отличается некоторыми экстравагантными чертами. По чтениям 41 *movet* и 46 *arcto* можно было бы предположить, что Понтано использовал одну из двух рукописей, обозначаемых сегодня как Милан, Ambrosianus H73 sup., и Дрезден, Sächsische Landesbibliothek Dc. 157, но чтение 47 *vibrasset* зафиксировано только в одной рукописи, Флоренция, Ashburnham L977; похоже, Понтано использовал какую-то рукопись, родственную этим; во всяком случае, наличие этих чтений в рукописях указывает, что Понтано вряд ли придумал их сам. Но вот чтение 42 *reluctantis* в рукописях не зафиксировано (а сохранившиеся рукописи «О похищении Прозерпины» описаны практически полностью). При этом данное чтение подразумевает изменение пунктуации (*reluctantis* относится к предшествующему слову *Manes*, а чтение рукописей *reluctatis* — к следующему далее слову *rebus*). Чтение Понтано подразумевает анжамбман, в то время как чтение рукописей — нет. Теоретически можно допустить, что Понтано ввел в текст собственное исправление, чтобы анжамбманов стало на один больше.

Этими словами сей редкостный поэт начинает рассказ своей поэмы¹¹⁹. Сам же стихотворный текст доставляет удовольствие: ведь он и шагает свободно, и не сбивается, хотя в словах видна чрезмерная, быть может, забота об их выискивании. Однако если рядом положить пример из Вергилия¹²⁰, то он напомним нам о чрезмерном постоянстве¹²¹ тех самых сцепок, о которых у нас сейчас речь:

Vix e conspectu Siculae telluris in altum
Vela dabant laeti et spumas salis aere ruebant,
Cum Iuno aeternum servans sub pectore vulnus
Haec secum, me ne incepto desistere victam,
Nec posse Italia Teucrorum avertere regem,
Quippe vetor fatis? Pallas ne exurere classem
Argivum atque ipsos potuit submergere ponto
Unius ob noxam et furias Aiaceis Oilei?
Ipsa Iovis rapidum iaculata e nubibus ignem,
Disiecitque rates evertitque aequora ventis.
Illum expirantem transfixo pectore flammam
Turbine corripuit scopuloque infixit acuto;
Ast ego, quae divum incedo regina, Iovisque
Et soror et coniunx, una cum gente tot annos
Bella gero; ecquisquam numen Iunonis adoret
Praeterea aut simplex aris imponat honorem?
Talia flammato secum dea corde volutans,
Nimborum in patriam, loca foeta furentibus austris,
Aeoliam venit. hic vasto rex Aeolus antro
Luctantis ventos tempestatisque sonoras
Imperio premit ac vinclis et carcere frenat
<Вергилий, Энеида 1.34–54>¹²².

¹¹⁹ Возможно, Понтано отчасти находится под влиянием восходящей к Сервию (комментарий к Энеиде 1.8) терминологии средневековых комментаторов (см.: Шумилин М. В. Метрические *argumenta* Лукана: по следам грамматических традиций (Часть I: *Argumenta Barthiana*) // Аристей. Т. I. 2010. С. 84–89), согласно которой «рассказ», «изложение предмета» (*narratio*, у Понтано *enarratio*) начинался только после «объявления предмета» (*propositio*) и «призывания божества» (*invocatio*). В тексте Клавдиана «объявление предмета» и «призывание божества» выделяются достаточно недвусмысленно, и 32 стих отмечен как начало *narratio*, например, во флорентийской рукописи начала XV в. Laurentianus Plut. 33.8. Далее, однако, Понтано иногда говорит о начале *enarratio* и в более широком смысле — как о начале любого «рассказа» — внутри поэмы (чаще всего о начале отдельных книг).

¹²⁰ Метод сопоставления нескольких поэтов на примере больших фрагментов, объединяемых темой или еще каким-то признаком (напр., как описывают бурю Вергилий, Овидий и Лукан), активно перенимает Скалигер в V книге «Поэтики» (*Criticus*). Уже в античности грамматики сопоставляли, например, описание Эты у Пиндара и Вергилия, см.: Авл Геллий 17.10 и Макробий, Сатурналии 5.17.9–12. У Понтано пассажи из Клавдиана и Вергилия объединяются тем, что оба они представляют собой начало *narratio*, «рассказа».

¹²¹ У Клавдиана (ср. также далее).

¹²² Редкое чтение 48 *ecquisquam* также видел «в нескольких экземплярах» Пиерио Валериано (*Castigationes et varietates Virgilianae lectionis, per Ioannem Pierium Valerianum*. P. 59).

Число строк в двух пассажах практически совпадает, и само место в целом похожее, но второй пример выдает глубочайшую заботу о метре и о разнообразии, в то время как автор первого примера думает только о сцепках (connexio) и о сплетении стихов¹²³, так что совсем не следует за вергилиевским образцом, кроме разве того, что начинает с односложного слова (*Dux*, как у Вергилия *Vix*). А те, кто слишком заботится об этом сплетении, по необходимости пренебрегают тем, что в первую очередь вызывает восхищение.

Вот этот бросается вперед, словно круша все на своем пути, и ни разу не замедлит шаг даже для того, чтобы осмотреть окрестности и поразмыслить, что он делает. Марон же старается сохранить величественность, и уже второй стих он сразу наполнил двусложными словами, из которых настучал восемь ударений, а в пятой стопе¹²⁴ с помощью слогов ге и ги, кивающих друг на друга, почти что передал шум весел; и это словно бы такое называние¹²⁵ удивительным образом ласкает слух. Кроме того, почти в каждом стихе он замыкает соответствующие смысловые отрезки и величественно, и великолепно и останавливает фразу в подобающем месте, как когда он говорит *Haec secum* <1.37> и *Quippe vetor fatis* <1.39>. А чтобы не показалось, что он забыл о разнообразии, он после нескольких столь уместным образом выстроенных, столь совершенно симметричных¹²⁶ стихов пропел другой стих, совершенно на те непохожий: *Unius ob noxam et furias Aiakis Oilei* <1.41>. А что сказать о том, что когда он пользуется сцеплениями, то останавливается, как здесь: *Aeoliam venit* <1.52>, — и здесь: *Circum claustra fremunt* <1.56>?¹²⁷

А тот другой¹²⁸ проносится мимо, думая только о своем стремительном беге, и не пользуется никакими зияниями ни чтобы возвысить тон, ни чтобы подержать напряжение. Вергилий же, дабы и метр сделать более устойчивым, дважды прибегает к четверным спондеям, в одном из стихов добавляя к ним выталкивание, *Illum expirantem transfixo pectore flammis* <1.44>, а в другом — не пользуясь зияниями, *Luctantis ventos tempestatisque sonoras* <1.53>. А что сказать о том, когда он добавляет зияние, *Illi indignantes magno cum murmure* <1.55>

¹²³ Если считать анжамбманом только те случаи, когда фраза явно остается незаконченной синтаксически, то у Клавдиана (в том виде, в каком его цитирует Понтано) на 22 строки 19 анжамбманов, у Вергилия — на 21 строку 11 анжамбманов. Если более грубо считать, что анжамбман — это где нет точки в конце строки, то у Клавдиана их будет 20, а у Вергилия — 17; разница будет незначительной, так что Понтано, видимо, скорее имеет в виду первый вариант подсчета.

¹²⁴ -(s) aere ru-.

¹²⁵ Вероятно, имеется в виду, что, кроме звука гребли, эти два слога ге и ги еще и изображают название весел (remorum).

¹²⁶ *Exatussim quadratos*, см. примеч. 46.

¹²⁷ Последний пример не входил в цитированный выше фрагмент. В обоих случаях предложение заканчивается сразу после анжамбмана; видимо, речь идет об этом.

¹²⁸ Клавдиан.

и *Ni faciat maria ac terras* <1.58>?¹²⁹ Сколько каждое из этих зияний добавляет к величественности метра!

Или что сказать о том, что он, помня о двусложных словах и их метрическом богатстве, четырежды призывает их на помощь, то шесть штук, как тут: *Vela dabant laeti et spumas salis aere ruebant* <1.35>, — то пять: *Circum claustra fremunt, celsa sedet Aeolus* <1.56>¹³⁰, — в другом месте четыре, как тут: *Quippe vetor fatis? Pallas ne* <1.39>, — а в ином три, как здесь: *secum Dea corde* <1.50>.

В отборе же и поиске слов Вергилия можно назвать усердным и благоразумным, а от того другого остается какой-то тошнотворный привкус; но говорить об отборе слов и выстраивании их — это дело, требующее большего досуга и большей продуманности.

[Примеры удачного использования слов разной длины в разных частях стиха.]

Длина слов. Но я, конечно, не тот человек, кто осмелится спорить, что многие из таких вещей при сочинении стихов образуются сами собой и почти случайно, а еще большее их число — от манеры письма (*habitus*) и от практики, да и само время — и изготовитель, и судья всего этого. Поэтому Гораций не напрасно советует откладывать публикацию сочинения в течение девяти лет <Наука поэзии 386–390>. Ибо что может быть приятнее и величественнее, чем метр вот такого стиха: *An Deus immensi venias maris, et tua nautae* <Вергилий, Георгики 1.29>? Так как у него в начале односложное слово, затем двусложное, потом два трехсложных, а после двусложное и тут остановка¹³¹, а затем снова вздымается односложное слово с двумя двусложными, то в общем возможно, чтобы стих, подобный этому, иногда получился и сам собой. Но вряд ли этот порыв с ходу произведет много таких стихов; а долгое размышление и весьма длительные обдумывание и забота, которые являются свитой и прислугой искусства и самой манеры письма (*habitus*), и выстроят таких стихов больше, и поставят их в подобающих местах. Ведь кто бы решился сказать, что всякий дом или корабль выстроен случайным образом? Случай ли произвел вот этот стих, или искусство и весьма длительное раздумье: *Numina sola colant, tibi serviat ultima Thyle* <Георгики 1.30>? В начале в нем идет дактилическое трехсложное слово, затем три двусложных, потом два трехсложных, также дактилических, и в конце двусложное,

¹²⁹ Оба примера тоже уже за пределами цитированного отрывка; оба цитировались выше как примеры удачных элизий.

¹³⁰ Снова стих, не вошедший в большую цитату. Понтано все время цитирует строки, которые следуют непосредственно за цитированным выше фрагментом; возможно, он старается цитировать из той самой сцены, но в более широких границах, а цитату сократил, чтобы она соответствовала размеру цитаты из Клавдиана.

¹³¹ *Ibique solvatur*: либо в том значении, что заканчивается смысловой отрезок (и следует запятая), либо, скорее, в том значении, что заканчивается стопа (как спондеические слова внутри первой стопы называются у Понтано «не связанными», *soluti*: см. далее раздел трактата, посвященный «разъединению»).

да еще к тому же в этом стихе есть созвучие слогов¹³², образуемое первыми слогами слов *tibi* и *Thyle* и средним слогом слова, образующего пятый дактиль¹³³.

[Другие примеры удачного использования слов разной длины в разных частях стиха.]

Можно было бы многое добавить к этим примерам, но и обучением поэта мы сейчас не занимаемся, и вам должно быть вполне достаточно того небольшого, что сказано. Поэтому коснемся еще других вещей, особенно в том свете, что и недостатки иногда являются основанием для похвалы, обычно подобающей достоинствам.

«Разъединение» (совпадение конца слова с границей стопы). Героический стих, который мы по праву могли бы назвать благородным (*generosus*), состоит из шести стоп, и поэтому по-гречески он называется гекзаметром, а на нашем языке сенарием¹³⁴. Каждой отдельной стопе соответствует один метр¹³⁵. Особенно ценимы те строки, в которых, если все рассчитать (*inter dimetiendum*), стопы оказываются переплетены и вставлены друг в друга, так что одна стопа оказывается зацепленной за другую, как в цепочке¹³⁶. Тем не менее в определенных местах разъединение стоп (*soluti*) не является основанием для порицания, например когда такое разъединение происходит после первой или пятой стопы и является дактилическим¹³⁷; но чрезмерное и неуместное (*importuna*) использование разъединения — это уже порок. И все же разнообразие настолько привлекательно, что иногда даже в самом разъединении стоп ищут насыщения размера и убранства для самого стиха. При должной старательности в применении искусства это выходит с легкостью. Я постараюсь показать, как это происходит на каждой отдельной позиции, подходящей для конкретного случая. Например, вот здесь: *Iussi numina magna Deum veneramur et inde*¹³⁸. Не буду отрицать, что первая стопа очень

¹³² *Annominatio syllabarum*. Похоже, значение слова *adnominatio* Понтано истолковал таким образом на основе текста Риторики к Гереннию 1.4, где этим словом обозначается игра слов, основанная на омонимии.

¹³³ То есть слогом *-ti-* в слове *ultima*.

¹³⁴ И латинский, и греческий термин образованы от корней со значением числа 6.

¹³⁵ *Metrum* (см. примеч. 29).

¹³⁶ См. подробнее об этой теории во вступлении. Когда граница слов совпадает с границей стоп, это называется у Понтано «разъединением» (*solutio*); если слово перекидывается из одной стопы в другую, это называется «переплетением» (*complicatio*).

¹³⁷ «Дактилическое разъединение» можно представить себе в двух смыслах (дактиль — стопа перед «разъединением», либо дактиль — стопа после «разъединения»); Понтано в дальнейшем тексте интересуют оба аспекта (и метр стопы до «разъединения», и метр стопы после «разъединения»).

¹³⁸ Смешение строк Вергилий, Энеида 3.697 (*iussi numina magna loci veneramur et inde*) и Энеида 2.623 (*numina magna deum*). В таком же гибридном варианте этот стих цитирует Скалигер в «Поэтике» (*Iulii Caesaris Scaligeri, viri clarissimi, Poetices libri septem... P. 212*): «Мог написать так: *Numina magna deum iussi*

часто бывает отъединенной и свободной от всяких сплетений, особенно когда образующие ее слова оказываются либо трехсложными, например *Unius ob noxam* <Энеида 1.41>, либо еще односложными, например *Haec sunt quae nostra liceat* <Энеида 3.461>.

Если же они состоят из двух слогов, то, как кажется, этот недостаток неизбежно будет задевать слух. Даже вот этот Лукрециев стих при произнесении каким-то образом словно бы срывается от сбоя дыхания: *Fulmen detulit in terram mortalibus ignem* <О природе вещей 5.1092>. Однако и из этого варианта Вергилий изготовил себе прекрасный метр в том стихе, который я уже называл¹³⁹, сведя после этого вместе столь длинную вереницу дактилей; то же самое правило он соблюдает и в некоторых других стихах, которые все же почтил двусложными словами: *Tantos illa suo rumpebat pectore questus* <Энеида 4.553>, — а также: *Tanta mole viri turritis puppibus instant* <Энеида 8.693>¹⁴⁰. Хотя в этих примерах вторая стопа заплетена (complicatus), а там была отъединенной (solutus), и из-за этого разъединение получалось двойное.

[Примеры удачного использования «разъединения» в разных частях стиха.]

ОБОВЩЕНИЕ: ИСТОЧНИКИ РАЗНООБРАЗИЯ. Так что метрического разнообразия следует добиваться различными способами, и неправильно пытаться найти какой-то один универсальный образ действия: ведь разнообразие получается, когда то одинаковые стопы следуют друг за другом, то они чередуются. В частности, идущие подряд спондеи делают метр устойчивым и слегка мрачным (слегка, потому что разразиться рыданиями они стиху тоже не дают). Дактили же, наоборот, придают размеру быстроту и словно бы какую-то веселость. А смешение их умеряет крайности. Но и смешение тоже происходит не каким-то одним образом: дактили и спондеи могут чередоваться, то есть следовать за спондеем дактиль, а за дактилем спондей, а могут идти группами по две или три одинаковых стопы, а еще одну стопу можно предпочесть и поставить впереди другой, а можно поставить после.

Помещение слов односложных, двусложных и состоящих из более чем двух слогов то в одних и тех же, то в разных частях стиха тоже порождает разнообразие. В частности, односложные слова останавливают и удерживают; двусложные, в зависимости от долготы, либо замедляют, либо ускоряют, либо даже создают умеренность; слова же из трех, четырех и более слогов аналогичным

veneramur <“Великие личины богов, повинаясь повелению, мы почитаем”>, — а предпочел так: *lussi numina magna deum* <“Повинуясь повелению, великие личины богов”>, — чтобы показать, что приказание и подчинение предшествуют. «Разъединения» (solutiones) происходят после первой, второй и пятой стопы.

¹³⁹ То есть, видимо, *lussi numina magna Deum veneramur et inde*.

¹⁴⁰ В обоих случаях за «отъединенным» двусложным словом следует только один дактиль, но зато образуется он двусложными словами.

образом создают эффект, соответствующий природе их долгот, только долготы в них менее устойчивы. А насколько важны разъединения (*solutiones*), сплетения (*complicationes*) и переплетения (*nexus*) стоп, а также столкновения (*collisiones*) и выталкивания (*explosiones*), зияния (*hiatus*) и сталкивания (*complosiones*), а также использование свойств разных частей стиха, — для суждения об этом обильный материал представлен в сказанном выше.

9. А еще удивления достойно то, насколько насыщенность метра зависит от букв и слогов: одни из гласных насыщенные и звучные, другие слабенькие, одни ясные, другие, наоборот, затемненные, и все они, наконец, принимают какую-то долготу, в зависимости от природы присоединенных к ним согласных и от местоположения — то есть от того, находятся ли они в начале, в конце или в середине слов. А кроме того, и согласные могут служить причиной мягкости, шероховатости, притупленности, шипения и других свойств, присущих слогам и словам. Поскольку я прекрасно понимаю, что вы ожидаете услышать об этом, я с большим удовольствием, стараясь быть как можно лаконичнее, скажу на эту тему несколько слов, тем более что предмет это плохо изученный и тонкий, и нуждается он, как кажется, в более подробном изложении.

10. Аллитерация. Так вот, словно бы некое улащение метра производится тем, что я назвал бы аллитерацией¹⁴¹, поскольку образует ее обыгрывание букв (*litterarum*) — не знаю, считать ли ее фигурой речи или украшением¹⁴². Бывает она в стихе, когда два или три идущих подряд слова начинаются с одних и тех же согласных (иногда следующие за ними гласные варьируются), или с одних и тех же слогов, или с одних и тех же гласных. И эта аллитерация доставляет удивительное наслаждение, когда располагается в начале или конце стиха, да и в середине стиха в общем тоже, хотя там слух несколько расслабляется. На-

¹⁴¹ Понтано, по-видимому, является изобретателем термина «аллитерация» (ср.: *Vega Ramos M. J. El secreto artificio: Qualitas sonorum, maronolatría y tradición pontaniana en la poética de la Renacimiento. Madrid, 1992. P. 38; McLaughlin M. Humanist Criticism of Latin and Vernacular Prose//The Cambridge History of Literary Criticism. Vol. II: Middle Ages/ed. by A. Minnis, I. Johnson. Cambridge, 2005. P. 662*); в отличие от большинства его терминологических нововведений, это закрепилось в традиции. В тех европейских традициях, где на аллитерации основывалось стихосложение, конечно, существовали свои термины для этого явления (напр., ирландское слово *úaim*, букв. «сплетение, соединение»: см.: *Dictionary of the Irish Language Based Mainly on Old and Middle Irish Materials. Dublin, 1913–1976. s.v. úaim*), но эти традиции, видимо, оставались совсем изолированы от латинской литературной теории: еще в конце XVII в. в латиноязычном учебнике ирландского языка Ф. О'Моллоя (*Grammatica latino-hibernica, nunc compendiata, authore Rev. P. Fr. Francisco O Molloy... Romae, 1677. P. 152*) аллитерация будет обозначаться как *concordia, vulgo uaim* «согласие, на просторечье *uaim*» (т.е. передаваться другим латинским термином).

¹⁴² *Sive figura sive ornatus*. Понтано, видимо, не уверен, что аллитерацию можно считать фигурой, и потому прибегает еще и к более широкому понятию из античной риторической терминологии. Квинтилиан определяет фигуру как «некое построение речи, удаленное от того, как принято говорить и как первым делом приходит в голову сказать» (Воспитание оратора 9.1.4), аллитерация же в принципе не обязательно подразумевает необычное построение выражения: это дополнительный эффект, который можно при желании наложить и на в остальном обыденную речь.

пример: *Saeva sedens super arma* <Энеида 1.295, начало стиха>, — и еще: *tales casus Cassandra canebat* <Энеида 3.183, конец стиха>, — и еще: *Insontem infando indicio* <Энеида 2.84, начало стиха>, — и еще: *longe sale saxa sonabant* <Энеида 5.866, конец стиха>, — и еще: *magno misceri murmure pontum* <Энеида 1.124, аллитерация в середине стиха>, — и еще: *Quaeque lacus late liquidos* <Энеида 4.526, аллитерация в середине стиха>. А иногда она перекидывается в следующий стих, как в этом месте у Лукреция: *adverso flabra feruntur Flumine* <О природе вещей 6.719–720>.

Но аллитерацию эту и в прозе тоже считал достойным использовать Цицерон, написав в «Бруте»: *Nulla res magis penetrat in animos eosque fingit, format, flectit* <Брут 142>, — и во второй книге «Об ораторе»: *Quodque me sollicitare summe solet* <Об ораторе 2.295>. А что сказать о том, что и Плавт не пренебрегал ею в своих столь остроумных шутках? Например, когда он изображает пунийца балаболящим перед лицом господина: *ne tu oratorem hunc pugnīs plectas postea* <Пуниец 358>.

[Примеры удачного использования аллитерации в разных частях стиха и с разным расположением аллитерирующих элементов, а также примеры соответствия метрики содержанию.]

Но это, возможно, относится скорее к расстановке слов и к построению стихотворного текста, чем к метрике; а потому я перейду к остальному.

ОТБОР СЛОВ. Сам выбор (*delectus*) слов делает арсенал поэта более благородным, но недостаточно просто осуществить его (*delegisse*), если вместе с тем не провести еще и отбор (*nisi etiam seligas*): ведь обычно выбор (*delectus*) делается из многих вариантов, а отбор (*selectio*) совершается среди небольшого¹⁴³. Так что отобранные должны быть и слова, и слоги, и даже буквы, чтобы в стихе не было слабых мест и, загнав его в квадратную рамку, ты получил бы метр. Это можно вкратце проиллюстрировать вот такими стихами: *Illum expirantem transfixo pectore flammās* <Энеида 1.44>. Разве не мог он еще и так выразиться: *traiecto pectore*, — и это было бы подходящее и правильно употребленное слово? Но поскольку он перед этим поставил слово *expirantem*, а после — слово *flammās*, каждое из которых наполнено согласными, то он предпочел и посередине поставить слово, которое тоже будет созвучно таким буквам: ведь в слове *traiecto* нет такого избытка согласных и они не так сходны с теми¹⁴⁴, как в слове *transfixo*.

¹⁴³ Понтано опять «поправляет» традиционный термин античной риторики *dilectus/delectus verborum* (орфография префикса сильно колебалась), одновременно прибегая к приему, излюбленному уже античными грамматиками вроде Варрона или Нония Марцелла: провести тонкое различие между на первый взгляд синонимичными словами. Лоренцо Валла проводил такое различие между *deligo* и другим однокоренным глаголом, *eligo* (*Laurentii Vallae viri tam Graecae quam Latinae linguae doctissimi Elegantiarum libri omnes apprime utiles... Coloniae, 1534. P. 349*): «Между “выбирать” (*deligere*) и “избирать” (*eligere*) такое различие: “выбирать” (*deligere*) значит “решать, что более пригодно для дела”, а “избирать” (*eligere*) — решать, что более пригодно для нашего улаживания или для возвеличения того, кого избирают».

¹⁴⁴ То есть с согласными соседних слов.

[Другие примеры удачного отбора слов.]

Но в рассмотрении этого вопроса я на этом останавлиюсь: ведь продолжать разве не значило бы вторгаться в область выстраивания и расстановки слов? А этот предмет совсем не подобает здесь разбирать, и он требует отдельного большого сочинения. А уж о полном разборе того, как вызывать восхищение, я и вовсе молчу. Поэтому перейду к тому, что, как кажется, еще осталось сказать.

11. Роль искусства в достижении восхищения. Поскольку сам метр образуется быстротой и медлительностью, первую из которых создает дактиль, а вторую — спондей (а разговор у нас здесь весь только о героических, то есть только о благородных, стихах)¹⁴⁵, то удачная расстановка и благоразумное перемешивание этих стоп производят достоинство, которое делает поэтическое произведение достойным похвалы. Если к этому добавляются выбор слов и отбор слогов, о которых я вкратце рассказал, а также разумное умерение свойств слов и слогов, да еще великолепие сентенций, приятное и величественное изложение предмета, соответствующее месту и теме, и само это искусное варьирование метрики, и то следование подобающему (*decorum*), которого сама природа повсюду требует не только в жизни, но и в науке и в умении, не говоря уже о нахождении предмета, расположении и применении суждения в этой области, — тогда, конечно же, то восхищение, сопровождаемое изобильной похвалой, которое наш старик называет целью поэтических занятий, будет достигнуто вместе с одобрением и славой. Думаю, те, кто стремится превзойти прочих в этом деле, должны стремиться к названному восхищению.

12. А добиться всех этих вещей и сделать их совершенными поможет искусство, соединенное с талантом, а также настырная и усердная забота, которая должна быть свойственна любому хорошему мастеру. И, говоря со всем уважением ко мнению прочих (хотя я хотел бы, Пардо, шепнуть это тебе на ухо¹⁴⁶, и хотя Цицерон¹⁴⁷, величайший из ораторов, и Овидий¹⁴⁸, наиболее изобре-

¹⁴⁵ То есть только о гекзаметре («героический стих», *versus heroicus* — одно из его терминологических названий в античной грамматической традиции, см., напр.: Авл Геллий 4.17.3).

¹⁴⁶ Вероятно, имеется в виду выступление Пардо, предшествовавшее монологу Саннадзаро, где речь шла о снах: Пардо сопоставляет поэзию с прорицанием и считает источником поэтического вдохновения *furore poeticus* «поэтическое безумие», а Саннадзаро, видимо, возражает, что источником все равно должно быть *ars* «искусство» (см.: Müller G. M. Velfalt und Einheit. Die Dichtungslehre in Giovanni Pontanos Actius im Horizont einer Dialogpoetik der varietas // *Varietas und Ordo* / hgb. von M. Föcking und B. Huss. Stuttgart, 2003. S. 51–52).

¹⁴⁷ Ср., напр.: Цицерон. Об ораторе 2.156 («Я полагаю, что для оратора плохо, если судьи считают, что его речь подготовлена с большим тщанием, и подозревают, что она создана искусно: ведь это уменьшает и авторитет оратора, и доверие к речи»).

¹⁴⁸ Ср., напр., Овидий. Наука любви 1.461–463 («Как народ, суровый судья и избранный сенат, так и девушка капитулирует перед лицом красноречия. Но пусть твои силы будут скрыты, и пусть со стороны не будет казаться, что ты красноречив»), 2.313 («Если искусство скрыто, то оно работает») и хрестоматийную фразу о Пигмалионе из *Метаморфоз* 10.252 («Искусство скрыто собственным искусством»).

тательный из поэтов¹⁴⁹, вообще-то сами предпочитают, чтобы их искусство не было заметно), я не буду спорить, что сокрытие искусства достойно одобрения в тех делах, целью которых является только убеждение, но сам я в этих своих занятиях тружусь, силюсь и тщусь, чтобы моя поэзия выглядела еще и восхитительной, чтобы усердие мое было заметно, чтобы отметили мое искусство, чтобы обо мне можно было сказать: «Ты будешь вторым после него»¹⁵⁰. Оратор то стремится сделать вид, что каких-то деталей дела не было, то — что они, наоборот, были, чтобы тем самым с помощью слов правдой ли, неправдой, но или добром получить от судьи желаемое, или вытянуть силой. А в нашем роде словесности никаких козней нет, кроме разве хитростей, более простым способом приводящих к славе. А потому я желаю, и желаю страстно, чтобы в поэзии было видно мое усердие, мое старание, я очень хочу, чтобы меня хвалили за мои труды. Я горю жаждой славы и хочу еще и оказаться первым среди тех, кто занимается теми же самыми вещами. Разве отказывался от этого Вергилий, когда написал: «Я первым, возвращаясь с аонийской вершины, приведу с собой на родину муз, лишь бы только жизни мне хватило» <Георгики 3.10–11>? Не отказывались от этого и менее великие писатели, Овидий и Гораций, каждый из которых, однако, весьма славен в своем жанре: «Я воздвиг памятник, более долговечный, чем медь» <Гораций, Оды 3.30> и «Вот и воздвиг я строение, которое не смогут погубить ни гнев Юпитера, ни огонь, ни железо, ни разрушительное старение» <Овидий, Метаморфозы 15.871–872>.

13. Но я не хотел бы, чтобы мои приемы стали заметны раньше, чем вызвать восхищение у читателя моих стихов. А вот когда он ими восхитится, тогда уже пускай сам различает замыслы, хвалит, одобряет, превозносит в них любые мелкие черточки. Какой скульптор, работающий в камне ли, или в металле, какой художник хотел бы, чтобы за ним наблюдали, когда он набрасывает, когда он делает первые мазки, когда он кладет первые словно бы пятна краски? Когда же труд его доведен до завершения, он выставляет произведение напоказ и стремится, чтобы его хвалили и превозносили перед всеми прочими мастерами за приложенные старания.

14. Ведь слово *artifex* («мастер») происходит от слова *ars* («искусство»), и задача мастера — постольку, поскольку он занимается искусством, а не ищет на нем нажиться — хорошо и как можно более удачно проявить себя в нем

¹⁴⁹ Как ясно из дальнейшего текста, из этого эпитета (*poetarum maxime ingeniosus*) не следует, что Понтано ставит Овидия выше Вергилия: просто воспроизводится суждение Квинтилиана, что у Овидия гипертрофированный *ingenium* («талант», «природные способности», «изобретательность в импровизации», противопоставляемые *ars*, «искусству» как плоду тщательной работы): ср.: Воспитание оратора 10.1.88 («Овидий и в героической поэзии игрив и чрезмерно увлекается своим дарованием (*ingenium*), но местами достоин похвалы»), 10.1.98 («По “Медее” Овидия, мне кажется, видно, сколь многого этот муж мог бы добиться, если бы предпочел управлять своим дарованием (*ingenium*), чем потакать ему»).

¹⁵⁰ Ср.: Вергилий, Буколики 5.49.

и довести до совершенства взятый на себя труд. От поэта, следовательно, — постольку, поскольку он поэт — требуется не обогащаться, а добиваться восхищения и одобрения своего труда и своего дарования. А поскольку с этим связана и похвала, то поэтам свойственно также либо желать, чтобы их хвалили открыто и изобильно, либо радоваться, если их уже хвалят; хотя, даже если никто их не хвалит, они могут все равно получать удовлетворение от одного только сознания собственного таланта и искусства. Но необходимо, чтобы воссияло величие и превосходство их дарования и искусства, благодаря чему распространится слава, которой они всеми силами стремятся добиться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Однако я сдержу свою говорливость, чтобы в пылу восхваления собственных занятий не уйти слишком далеко от того, о чем изначально шла речь. Закончу на этом рассказ о метрике, произнесенный ради всех вас, здесь присутствующих. Посему я передаю слово тому, кому оно полагается по жребию, чтобы не подумали обо мне, что я то ли бесстыдно пренебрегаю обычаями этого места, то ли надменно их презираю.

15. *Подерико.* Я думаю, что все вы, кто здесь присутствует, должны не только похвалить столь аккуратный рассказ Синцера о метрике, но и восхититься этим рассказом, ведь он и показал нам вполне конкретно, как он стремится достигнуть в поэтическом искусстве восхищения с помощью метрики, и выровнял для нас эту дорогу, очистив ее от кочек и ухабов: наши же писатели, как я вижу, либо упускают все это из виду, либо скорее совсем не знают об этом предмете. Так что правильно говаривал, как я помню, Антонио¹⁵¹: кто хочет достойно говорить о том, что хорошо в поэзии, тот должен и сам быть поэтом...

¹⁵¹ Панормита, сам тоже поэт.

Глава 3

«Об изобилии слов и предметов»

Эразма Роттердамского: риторика как наука о языке

(С. А. Степанцов)

Сочинение Эразма Роттердамского *De duplici copia uerborum ac rerum* «Об изобилии слов и предметов» (далее *De copia*) — знаменитое стилистическое руководство, изданное в 1512 г. Замысел трактата относится ко второй половине 1490-х гг., когда Эразм, готовясь в Париже к получению богословской степени, одновременно преподавал латинский язык. Для ознакомления учеников с элементарной латинской грамматикой и стилистикой он использовал подготовленный им парафраз (точнее, два парафраза) некоторых частей трактата Лоренцо Валлы «Об изяществе латинской речи» (*Elegantiae linguae latinae*). Дальнейшее обучение предполагало приобретение и развитие способности к варьированию высказываний с использованием богатства латинской лексики и разнообразия риторических фигур. Эти задачи решаются в сочинениях Эразма «О написании писем» (*De conscribendis epistulis*) и «Кратком наставлении о богатстве стиля» (*Breuis de copia praeseptio*). Трактат *De copia* — вершинное сочинение Эразма в этой области. В нем использованы материалы более ранних меньших по объему трактатов, особенно «Краткого наставления». В трактате *De copia* Эразм опирается на достижения античной — прежде всего латинской — филологии и риторики. Особенно много материала заимствовано у Квинтилиана («Фабия», как обычно именует его Эразм), но многочисленны также заимствования из Авла Геллия, Макробия, грамматика Диомеда, риторических сочинений Цицерона и «Риторики к Гереннию». Издание трактата в 1512 г. утвердило за Эразмом репутацию величайшего авторитета в области латинской стилистики и выдвинуло его в первый ряд европейских гуманистов.

Первая книга «Об изобилии» посвящена возможностям словесного выражения. Понятие о богатстве, полноте (*copia*) словесного выражения связано для Эразма с идеей варьирования высказывания, разнообразия способов выражения (*uariare, uarietas*). Однако разнообразие должно проявляться в рамках правильности речи, то есть не должно вступать в противоречие с классической латинской нормой и узусом образцовых латинских авторов. Это требование развивается в приводимой ниже 10-й главе первой книги. Чтобы речь была правильной, в ней, прежде всего, должны быть только слова, встречающиеся у признанных авторов, и при этом в принятой орфографии и в неповрежденном просодико-фонетическом облике, то есть

с соблюдением артикуляционных особенностей звуков, количества гласных и ударения. (Последнее требование в рассматриваемом трактате упомянуто в самом кратком виде; подробнее правила и пороки произношения рассматривались Эразмом в трактате «О произношении» (*De pronuntiatione*)). Не менее важное требование, чем соответствие словарного состава классическим памятникам, — правильное употребление этих слов. Ошибки, которые описывает Эразм в связи с этим требованием, могут быть объяснены либо недостаточным знанием значения слова, либо нарушением его сочетаемости. В терминах современной лексической семантики ошибки первого рода могут быть охарактеризованы как ошибки в понимании семантического ядра слова или его прагматических свойств, а ошибки второго рода — как несоблюдение синтагматических свойств слова.

Наиболее интересная с точки зрения лексикологии глава — одиннадцатая. В этой главе, во многом опирающейся на материал десятой книги Квинтилиана, Эразм указывает на синонимию как на простейший источник варьирования, отмечая при этом, что синонимы могут различаться как по основному значению, так и по коннотациям. Внутри самой главы Эразм описывает разные характеристики слов, определяющие возможности их употребления в том или ином контексте.

В знаменитой 33-й главе Эразм демонстрирует на практике описанные им возможности «варьирования» с помощью использования синонимов и фигур, приводя несколько десятков вариаций на основе фраз «Твое письмо весьма меня обрадовало» и «Пока я буду жив, буду помнить тебя». Из этой главы мы приводим ниже лишь начало, где Эразм еще не оставляет вариации без комментариев, и конец.

Перевод выполнен по изданию: *Desiderius Erasmus Roterodamus. De copia uerborum ac rerum*/ed. B. I. Knott//*Opera omnia Desiderii Erasmi Roterodami recognita et adnotatione critica instructa notisque illustrata. Ordinis primi tomus sextus*. Amsterdam; New York; Oxford; Tokyo: North-Holland, 1987.

Эразм Роттердамский

ОБ ИЗОБИЛИИ СЛОВ И ПРЕДМЕТОВ

Книга 1, глава 10

ПЕРВОЕ НАСТАВЛЕНИЕ О БОГАТСТВЕ СТИЛЯ

...Не будет неуместно нам здесь начать наставления с того, чтобы посоветовать стремящемуся к богатству стиля пользоваться речью уместной, чистой, изящной и неповрежденной. Никто не должен полагать, что богатый стиль может допускать то, что не согласуется с чистотой латинской речи.

Изящество состоит в том, чтобы, во-первых, пользоваться словами, принятыми у лучших сочинителей, во-вторых, в том, чтобы пользоваться ими правильно, в-третьих, чтобы правильно их сочетать. Примером нарушения первого будет, если кто скажет *piissimum*. По свидетельству Цицерона, это слово необычно для латинского слуха¹, хотя и его можно найти у авторов, никак не заслуживающих пренебрежения. Вместо этого слова можно привести в пример и любое другое слово, отмеченное варваризмом или солецизмом, например, если кто скажет *auisare* вместо *praemonere* (советовать, предупреждать)². Варварство речи проявляется также в написании и произношении, когда кто-нибудь говорит *docere* с ударением на первом слоге, или вместо *Christus* произносит *Cristus*, вместо *parcam* — *percam*, а в слове *lego* произносит первый слог как долгий.

Примером нарушения второго принципа будет, если кто скажет *dedit mihi licentiam abeundi* («дал мне вседозволенность уйти») вместо *fecit mihi potestatem abeundi* («Он дал мне возможность уйти»). Здесь нет ни одного слова, несвойственного латинской речи, но есть ошибка в употреблении слова. Слово *potestas* — общее наименование для любой возможности, а *licentia* («вседозволенность, вольность, дерзость») подразумевает нечто отрицательное. Итак, здесь ошибка состоит в неправильном подборе слова, как если бы кто сказал *compilare* (обирать, обрывать) вместо *colligere* (собирать). Слово *compilare* — латинское, но смысл у него другой: оно означает «незаметно обкрадывать». Например, у Горация сказано: *serui fugientes compilant dominos*³, и еще у него же: *ne me Chrysippi scrinia lippi compilasse putes*⁴.

Третий род погрешностей весьма близок к этому и заключается в том, что мы неправильно соединяем слова, как, например, если кто скажет, в одном и том же смысле употребляя глагол *dare*: *iniuriam dedit* («причинил обиду») и *damnum dedit* («причинил ущерб»). Сказать *damnum dedit* («причинил ущерб») — изящно, но если кто обижает, о нем говорится *facere iniuriam* («наносить обиду»), а не *dare*. Сказать *dare malum* по-латински можно, но сказать *dare iacturam* или *dolorem* — неправильно. О том, кто терпит ущерб, будет правильным сказать *facere iacturam*, но неправильно сказать о том, кто подвергся бесславию, *facere infamiam*. Если кто наносит обиду, по-латински можно сказать

¹ Собственно, Цицерон говорит, что слова *piissimus* вообще нет в латинском языке. См.: Цицерон, Филлипики 13.19.43.

² *Auisare* — искусственное слово, представляющее собою неумелую латинизацию французского глагола *avisar*, встречающегося только начиная с XI в., а в указанном значении «предупреждать» засвидетельствованного с XIII в.

³ Гораций, Сатиры 1.1.77–78. В переводе М. Д. Дмитриева: «Боясь и воров, и пожара, и даже / Собственных в доме рабов, чтоб они, обокрав, не бежали».

⁴ Гораций, Сатиры 1.1.120–121. В переводе М. Д. Дмитриева: «Чтоб ты не подумал, / Будто таблички украл у подслепого я, у Криспина!»

facere iniuriam, но выражение *facere contumeliam* Марк Туллий считает необычным для носителей латинской речи⁵, хотя такое выражение встречается у Плавта, Теренция и у других почтенных авторов — и возможно, оно стало неупотребительным в век Цицерона. О том, кто подвергся несправедливости, правильно сказать *accepit iniuriam*, но я бы не решился сказать *accepit contumeliam*. О том, кто входит в долги, говорится *facere aes alienum*, так же и о том, кто меняет кредитора, говорится *facere uorsuram*. Но неправильно было бы в этом смысле употребить глагол в выражениях *facere inuidiam* или *facere simultatem*, когда кто-нибудь раздувает ссору. Здания *uitium fecerunt*, если они сами разрушились, но я бы не решился сказать *rimas fecerunt*, так как по-латински правильно сказать *rimas agere* («дать трещину»). Точно так же, кто несет воинскую службу за плату, о том правильно сказать *facere stipendium*, но *facere salarium* уже не скажешь. *Fecit sui copiam* сказать правильно, а сказать *dedit sui copiam* я бы не решился, несмотря на то что Вергилий изящно сказал: *et coram data copia fandi* <Вергилий, Энеида 1.520>. Но одинаково возможно сказать по-латински *fecit spem* и *dedit spem* «дал надежду».

Иногда неуместно поставленное слово портит речь. Например: *quid sibi uult hic homo* («чего хочет этот человек») сказать правильно, а *quid sibi uult hic mortalis* («чего хочет этот смертный») нелепо.

Но вернемся к нашему предмету. Что одежда для нашего тела, то для высказываний красноречие. Подобно тому как красота и достоинство тела получает похвалу или подвергается осуждению смотря по тому, как оно убрано и одето, так и о высказывании судят по словам, в которые оно облечено. Поэтому весьма заблуждаются те, кто считает, что не имеет никакого значения, в каких словах раскрывается смысл, — лишь бы он был вообще понятен. Смена одежды и разнообразие речи имеют между собой много сходного. Поэтому первой заботой пусть будет, чтобы одежда не была грязной, не подходящей к телу или небрежно надетой. Негоже, чтобы само по себе хорошее тело вызывало отвращение из-за грязной одежды; смешно, если мужчина ходит на людях в женском одеянии; неприлично показываться в одежде, надетой задом наперед или наизнанку. Поэтому кто захочет подражать богатому стилю, не добившись чистоты латинской речи, тот, по-моему, будет не менее смешон, чем если нищий, у которого нет ни одного одеяния, которое бы он мог не стыдись носить, выходил бы на городское торжище, то и дело меняя одни лохмотья на другие, надменно выставляя напоказ свою нищету вместо богатства. Не будет ли он казаться нам тем безумнее, чем чаще станет это делать? Думаю, да. А ведь не менее глупо поступают те охотники за богатством стиля, которые и одним способом не могут высказать свою мысль, соблюдая чистоту языка, а при этом, словно бы им стыдно показаться недостаточно

⁵ *Quid est porro «facere contumeliam»? quis sic loquitur?* — Цицерон, Филиппики 3.9.22.

косноязычными, они настолько делают свое косноязычие еще и еще косноязычнее, как будто бы затеяли состязание, кто скажет более варварски. Хочу, чтобы стол богатого дома был разнообразен, но пусть он весь будет изящен, чтобы не было все уставлено ивовыми, фиговыми и самосскими глиняными сосудцами. Хочу, чтобы на великолепном пире подавались разные роды кушаний, но кто вынесет, если ему предложат сотню видов снеди, от каждого из которых будет тошно?

Я не случайно в столь многих словах предупреждаю об этом, ибо мне хорошо знакома дерзость многих людей, которые, пренебрегая основами, тотчас и, так сказать, не омыв стоп, спешат к высотам. И не меньше ошибаются те, кто, мешая низкое с изящным, безобразят пурпурную одежду заплатами, вставляют стекло среди драгоценных камней и с аттических кушаньями соединяют грубую чесночную закуску.

Теперь расскажем о способах разнообразить речь, о тех, конечно, которые касаются богатства словарного запаса.

Книга 1, глава 11

ПЕРВЫЙ СПОСОБ РАЗНООБРАЗИТЬ РЕЧЬ — ПОСРЕДСТВОМ СИНОНИМОВ

Первый и простейший способ разнообразить речь основывается на тех словах, которые, будучи разными, означают одно и то же, так что нет разницы для смысла, каким из них ты воспользуешься. Грамматики называют их синонимами, они противоположны тем, которые называются омонимами. Последние называются одноименными (*uniuosa*), а первые равнозначными (*aequiuosa*), впрочем, эти названия, употребительные среди диалектиков, скорее относятся к понятиям, чем к словам. Ибо слова, означающие одну и ту же вещь, было бы правильнее называть *ἰσοδυναμούσας*, а обратные им *πολυσήμους*. К первым относятся *ensis / gladius* «меч», *domus / aedes* «дом», *codex / liber* «книга», *forma / decor / pulchritudo* «красота».

Итак, нам следует отовсюду из хороших писателей собирать эту величайшую словесную мощь, приготовить разнообразную словесную трапезу и, как говорит Фабий, разложить эти словесные богатства, какие где понадобятся. Но не будет достаточным собрать полное изобилие таких слов и богатый их запас, если ты при этом не будешь иметь их наготове и даже как бы перед взором, чтобы они и без поисков тотчас попадались тебе на глаза. Однако тут нужно прежде всего опасаться того, чтобы, как это делают некоторые, без разбору хватать из кучи что попадется и вставлять в речь как попало. Во-первых, едва ли можно найти два слова, настолько *ἰσοδυναμούντα*, чтобы между ними не было ни малейшего различия. Например, есть ли слова,

которые более совпадают в значении, чем *homines* и *mortales*? И однако, кто повсюду говорил *omnes mortales* вместо *omnes homines*, заслужил того, чтобы к нему применили известную греческую поговорку τὸ ἐν φακῇ μύρον, то есть «миро в чечевицу». Или, например, слова *litterae* и *epistula* — иногда означают одно и то же, а иногда разные вещи.

И даже когда мы можем допустить, что в значении синонимов нет никакой разницы, одни из них пристойнее других, выше, изящнее, приятнее, сильнее, звучнее и более подходят к сочетанию. В соответствии с этим говорящий должен производить выбор и отдавать предпочтение наиболее подходящему. Для употребления слова ему понадобится способность суждения, для собирания слов — прилежание. Чтобы выносить суждение, потребуется тщательное наблюдение над изяществом и отделанностью речи; чтобы собрать как можно больше — усердное чтение писателей всякого рода.

В самом деле, поэты часто предпочитают пользоваться одними выражениями, а ораторы другими. К тому же, есть слова, свойственные тому или иному времени или веку. Да и одни и те же писатели часто говорят одно и то же разными словами. Так что сначала нужно у писателей разного рода отобрать наилучшие слова, потом прибавить все, что только найдется; и не следует отвергать то или иное слово, если только оно встречается не у самого негодного писателя. Ибо нет такого слова, которое не оказалось бы в каком-либо месте наиболее уместным. Поэтому любое слово, будь оно низкое (*humile*), малоупотребительное (*inusitatum*), поэтическое (*poeticum*), старинное (*priscum*), нововведенное (*nouum*), устаревшее (*obsoletum*), резкое (*durum*), варварское (*barbarum*) или заимствованное (*peregrinum*), пусть найдет место в своем как бы стаде или гнезде, чтобы ты мог востребовать его оттуда, когда придет надобность.

А если мы опасаемся, что ветхость или новизна слова неприятно поразит слух, правильным будет воспользоваться советом Фабия <Квинтилиан 8.3.37> и не забывать проεπιπλήττειν⁶. Вот как примерно можно это сделать: «Катон, книжный кутила (*helluo*), если только можно воспользоваться этим словом для обозначения столь ясного предмета», «*ipsissimus*, говоря по-плавтовски», «почему бы не воспользоваться Энниевым словом?», «приятно прибегнуть к Горациеву слову», «так свойственно говорить неотерикам (*neoterici*)», «сразу узнаешь военное словцо», «как говорят поэты», «как говорили наши предки», «выражаясь по-старинному», «если позволено так сказать», «если позволишь мне выразиться по-простонародному», «скажу по-гречески, так лучше выйдет».

То же нужно делать, употребляя слова, которые называются какέμφρατα, то есть которые подразумевают непристойность.

⁶ То есть самому наносить первый удар, первым обвинять себя.

НИЗКИЕ СЛОВА (SORDIDA)

Низкие слова — это те, которые оказываются недостойны предмета, например если кто назовет друга и близкого человека *congerro* («собутыльник»), жаждущего наук — *helluo* («мот»). Мне удивительно, почему Сенеке кажутся низкими слова *acetum* «уксус», *spongium* «губка», *pulegium* «полей». Мне уж скорее кажутся низкими слова, которыми он сам воспользовался в одном из писем: *pilicrepi* («мячегонятели»), *botularii* («колбасники»), *crustularii* («пирожники»). Таковы слова, которые мы берем из низких ремесел и профессий: из бань, из кухонь, у скорняков, из харчевен. По необходимости мы пользуемся ими, когда нужно рассуждать о подобных предметах. И действительно, хирурги и врачи иногда вынуждены пользоваться словами, скорее подходящими предмету, чем великолепными. Плиний смеется над солдатскими словечками⁷. Из разбойничьих шаек пришло к нам слово *tuburcinor* («шамать, хрюпать»). Однако одни слова низкие сами по себе, а другие — применительно к предмету, лицу или обстоятельству, например *stercus* «навоз» и *stercorare* «унавоживать» — не низкое слово, если ты разговариваешь с земледельцами о земледелии; иное дело, если ты разговариваешь с государем о государстве.

МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА (INUSITATA)

Некогда правил обычай употребления слов в обществе, как свидетельствует и Гораций: «Нет, возродятся слова, которые ныне забыты, и позабудутся те, что в чести, — коль захочет обычай»⁸. Теперь, когда правила речи черпаются не у народа, а из книг ученых мужей, у обычая уже нет прежней власти. Однако малоупотребительными могут считаться те слова, которые редко встречаются у тех авторов, которые чаще читаются учеными людьми. И сегодня нужно стараться не говорить деланно и сторониться пристрастий тех людей, которые считают правильной речь, исполненную редкими словами (что Марк Туллий подмечает в Луции Сисенне, человеке впрочем ученом <Цицерон, Брут 75>), и тех, кто — по изящному выражению Диомеда — только тогда считает себя находчивым, если для понимания их речи нужна находчивость⁹, и наконец, тех, кто желает писать скорее так, чтобы люди дивились написанному, чем чтобы понимали его.

Добиваться необычности в речи можно разными способами, как будет ясно из сказанного далее. Если понадобится пример, то необычно будет говорить тот,

⁷ Плиний Старший, Естественная история, вступ. 1. Плиний здесь называет солдатским слово *conterraneus* «земляк».

⁸ Гораций, Наука поэзии 70–72, пер. М. Л. Гаспарова.

⁹ Похожее место найдено не у Диомеда, а у Квинтилиана: Воспитание оратора 8, вступ. 25.

кто вместо *rugosi senes* будет говорить *passi senes*, вместо *interdum* — *interduatim* и *interatim*, вместо *res nihili* — *titiuillitium*, вместо *uagitus* — *uagor*.

ПОЭТИЧЕСКИЕ СЛОВА (POETICA)

У поэтов есть слова, которыми нужно пользоваться весьма умеренно, особенно в прозе. Таковы у Горация слова: *eliminare* в смысле «выносить тайное на обозрение» <Послания 1.5.25> (хотя Марк Туллий использовал его в смысле «извергать»), *iuuenari* в смысле «по-юношески дурачиться» <Наука поэзии 246>, каковое слово построено по образцу греческого *νεανίζειν* и *νεανεύειν*; *furiare* в смысле «доводить до бешенства» <Оды 1.25.14>, *clarare* в смысле «прославлять» <Оды 4.3.4>, *aeternare* в смысле «увечивать» <Оды 4.14.15>, *inimicare* в смысле «ссорить» <Оды 4.15.20>, *pauperare* в смысле «наносить ущерб» <Сатиры 2.5.36>, *cinctuti* вместо *cincti* «опоясанные» <Наука поэзии 50>, *inuideor* в смысле «мне завидуют» <Наука поэзии 56>. Также у Вергилия *agmen* в смысле «ход, движение» (*leni fluit agmine Tivris*)¹⁰, *indomitum furit* вместо *indomite furit* «неукротимо свирепствует»¹¹, *acerba tuens* вместо *acerbe tuens* «враждебно глядящий»¹², *sperare* в смысле «ожидать» или «бояться»: *Hunc ego si tantum potui sperare dolorem et perferre soror potero*¹³ (подобным образом и Теренций сказал: *Nam quod speras, propulsabo facile* <Девушка с Андроса 395>; впрочем, и Цицерон позволял себе подобные выражения в письмах к близким: *Et mobili in me teosque esse animo non sperabam*¹⁴).

Гракам выпала весьма счастливая возможность складывать слова, которой иногда подражают поэты, хотя это не всегда так же удается латинским ораторам. К словам такого рода относятся: *uulnificus*, *tristificus*, *tabificus*, *fatidicus*, *lauriger*, *caprigenum pecus*, *ueliolum mare*, *uitisatos* и бесчисленные подобные. Ктон решил сказать *uutilitigatores*, а другой писатель *officiperda*.

К поэтическим вольностям прибегают историки.

СТАРИННЫЕ СЛОВА (PRISCA)

Старинные слова добавляют изящества, если вставляются умеренно и соответственно, наподобие инкрустированных украшений. К таким словам относят-

¹⁰ Вергилий, Энеида 2.782 (обычное значение — «строй»).

¹¹ Ближайший найденный пример из Вергилия: *incassum furit* — Георгики 3.100.

¹² Вергилий, Энеида 9.794. В обоих случаях вместо наречия употреблен средний род соответствующего прилагательного.

¹³ Вергилий, Энеида 4.419–490. Обычное значение *sperare* — «надеяться».

¹⁴ Цицерон, Письма к близким 5.1.2. Письмо принадлежит не Цицерону, а Квинту Метеллу Целеру.

ся *expectorare* в смысле «высказывать словами то, что в душе», *actutum* вместо *quamprimum* («как только»), *antigerio* вместо *ualde* («очень»), *oppido* в том же смысле, *creperum bellum* вместо *dubium* («сомнительный, с неясным исходом»), *hostire* вместо *pensare* («отплачивать»), *hostimentum* вместо *pensatio* («отплата»), *uitulantes* вместо *gaudentes* («радостные») *iumentum* вместо *uehiculum* («повозка»)¹⁵, *perduellis* или *perduellio* вместо *hostis patriae* («враг родины»), *duellum* вместо *bellum* («война»), *cluere* вместо *pugnare* («сражаться»)¹⁶, *temetum* вместо *uinum* («вино»), *Aemathia* вместо *Thessalia* («Фессалия»).

УСТАРЕВШИЕ СЛОВА (OBSOLETA)

Малоупотребительные слова — это те, которые редко употребляются, старинные слова — те, которые почерпнуты более поздними писателями из произведений, сохраненных ради древности, таких как Двенадцать таблиц, Энний, Луцилий, Невий и Пакувий. Устаревшие слова — это те, которые совершенно вышли из употребления и были забыты. К таковым относятся *bouinari* вместо *tergiuersari* («уклоняться»), *apludam edit et floces bibit* вместо *furfure pascitur et faecem bibit* («ест шелуху и пьет подонки»), — над ними справедливо смеется Геллий <Аттические ночи 11.7.3–6>. Древние говорили *hostis*¹⁷ вместо *hospes* («гостеприимец») и *peregrinus* («странник», «чужак»). Сейчас будет смешон тот, кто станет говорить подобным образом.

Не знаю, уместно ли пользоваться где-либо устаревшими словами, разве только в шутку или иронически, или если кто захочет такими словами изобразить нелепого подражателя древности: *Hic profecto dingus est qui apludam edat et floces bibit*.

В рассуждении устаревших слов нужно учитывать не только время создания сочинения, но и пристрастия автора. Есть застарелая и грубая древность, каковой можно считать время после Ливия Андроника. Мало-помалу она просияла ко времени Марка Туллия, когда римское красноречие достигло такого совершенства, что возрастать далее ему было уже невозможно, но только вырождаться и терять прежний блеск, как это обычно в делах человеческих. Ибо когда более поздние авторы старались сказать иначе, они неизбежно говорили хуже. Однако же и Саллюстий, хотя он писал в то же время, что и Цицерон, скорее похож на Катона Цензора, чем на Цицерона. Да и Меценат, живший примерно в ту же эпоху, далек от чистейших образцов своего времени. Также и Валерий Максим, хотя он жил в эпоху Тиберия

¹⁵ Слово *iumentum* употребительно и у классических авторов, но в значении «вьючное или ездовое животное».

¹⁶ Ошибка Эразма, возникшая в конечном счете в результате ошибки в тексте Плиния Старшего (15.28). *Cluere* означает «очищать». (Слово *purgare* «очищать», поясняющее *cluere*, было заменено в тексте Плиния на *pugnare* «сражаться»).

¹⁷ В классическом латинском языке *hostis* преимущественно употребляется в смысле «враг».

Цезаря, когда еще не померк блеск Туллиевого времени, однако писал скорее в своем собственном стиле, чем в стиле эпохи. О Таците, Светонии, Плиниях, Элии Лампридии и прочих позднейших писателях не буду говорить.

Впрочем, хотя справедливо хвалить обычай тех, кто старается подражать тому счастливейшему веку, я не стал бы так же одобрять тех, кто отвергает как варварское все, что находит у этих позднейших писателей, особенно потому что может так быть, что избегаемые ими выражения могли быть в утраченных книгах Марка Туллия.

РЕЗКИЕ СЛОВА (DURA)

Резкие слова — те, которые неловко используются в переносном смысле. Получил порицание некто, кто сказал, что республика была оскотлена (*castrata*) смертью Камилла, желая дать понять, что крепость государства пала с его смертью¹⁸. И Флакк прикрито порицает некоего Фурия, который написал: «Юпитер белым снегом оплевал (*conspuit*) Альпы»¹⁹. Сходно с этим и следующее: *Campis pacis sustulit, belli montes excitavit* «Поля мира уничтожил, горы войны воздвиг» <Риторика к Гереннию 4.10.15>. Более мягкой была бы метафора спокойного и бурного моря.

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА (PEREGRINA)

Займствованные слова тоже могут придавать изящества, если употребить их уместно, например когда мы говорим *gazae* в значении «богатство». Это слово персидское, а народ персов как раз славится своим богатством и сопутствующей богатству роскошью. *Acinaces* — это мидийское слово, означающее меч, *essedae* — британское, означающее повозку, на языке осков перстень называется *ungulum*, сабинское слово *cascus* означает «старый», *uri* — галльское слово, означающее диких быков, *merga* — внутренность или рухляк земли, который выкапывается для того, чтобы поля стали тучнее, *gaesum* — вид метательного оружия, *parasanga* — персидское слово, означающее расстояние в тридцать стадиев. К заимствованным словам нужно отнести также *satur*, что означает «загнутый внутрь». У древних христиан были приняты слова *poppius* и *poppa* в смысле «святой и святая»; эти слова египетские, так как некогда в Египте собрания монахов и монахинь почитались именованьем святых.

Но если необходимость понуждает нас пользоваться варварскими словами, следует употреблять их, предварительно извинившись, как это делает Плиний.

¹⁸ Цицерон, Об ораторе 3.41.164; Квинтилиан, Воспитание оратора 8.6.15.

¹⁹ Гораций, Сатиры 2.5.41; Квинтилиан, Воспитание оратора 8.6.17.

Есть множество других слов, которые вместе с самими обозначаемыми ими предметами попали от варварских народов к грекам, а от греков к нам; например, названия горчицы (*sinapi*), перца (*pipere*), имбиря (*zinziber*) и прочие.

НЕПРИСТОЙНЫЕ СЛОВА (OVSCOENA)

Непристойных слов христианам в речи следует решительно избегать, и не нужно слушать киников, которые считают, что не стыдно говорить то, что не стыдно делать, и, в свою очередь, что не стыдно делать скрыто, то не стыдно делать и прилюдно, например справлять малую нужду или опорожнять чрево. Напротив, то, что постыдно делать, не обязательно постыдно называть: сказать «отцеубийство» или «кровосмешение» можно, не нарушая стыдливости, хотя совершить то или другое — величайшая скверна. Однако подобно тому как есть некоторые части тела, которые сами по себе не позорны, но прикрываются из некоторой человеческой стыдливости, так есть и некоторые действия, сами по себе не плохие и не хорошие, которые из стыдливости скрывают. Но не обязательно стыдно назвать своими словами то, что неприлично делать на людях: сказать *parere* «рожать» никак не противоречит скромности, но рожать в публичном месте стыдно; *meiere* «мочиться» — не непристойное слово (хотя более пристойно сказать *reddere lotium* «отправлять малую нужду»), однако открыто мочиться — бесстыдно. Напротив, *cacare* — непристойное слово, в то время как само действие не заслуживает ни порицания, ни одобрения; сказать *uenter* «живот» — не бесстыдно, но показать живот — бесстыдно; *uulua* «влагалище» — приличное слово, в то время как *cunnus* — непристойное.

В чем же основание для того, чтобы считать слово непристойным? Только в обычае, но не кого попало, а людей с целомудренной речью; ибо поэты, и особенно авторы сатир, позволяли себе слишком многое в этой области.

Иногда метафора непристойнее самого слова, как, например, у Горация: *alienas permolere iuxores* «толочь чужих жен» <Сатиры 1.2.34–35>, или *patriciae immeiere uuluae* «отливать во влагалище патрицианки» <Персий, Сатиры 6.73>, или у Катулла: *despuat patruum* «отплюнул дядю»²⁰ и *deglubere uiros* «лущить мужчин»²¹. Некоторые слова приобрели непристойный смысл, будучи сами по себе пристойными. Так, пристойно сказать *dare fidem* «доверять», но непристойно то, что говорится в Приапеях: *simplicius est da Latine dicere*²², и у Марциала: *uis dare, nec dare uis* «хочешь дать и не хочешь давать» <Эпиграммы 7.75.2>.

²⁰ Контаминация двух разных мест из стихотворения Катулла 74. В современных изданиях стоит форма не глагола *despuo*, а глагола *depso* «месить» — еще более блестящий пример того, как метафора может быть непристойнее собственного значения слова.

²¹ Ср.: Катулл 58.5.

²² Неточная цитата из Приапей 3.9–10.

Итак, от тех слов, которые содержат в себе явную непристойность, следует вовсе воздерживаться. Слова, которые имеют нейтральный смысл, могут быть приспособлены к выражению пристойного смысла, как, например, если кто скажет, что он целует (*exosculari*) или лобызает (*dissuauiri*) чью-либо душу, которой восхищается, или если назовет любителя наук «женихом (претендентом на руку) филологии» (*philologiae prosum*).

НОВОВВЕДЕННЫЕ СЛОВА (*NOUATA*)

Слова могут быть нововведенными в трех смыслах: одни создаются заново, другие получают новое употребление, третьи обновляются в составе (обновляют состав). Примером первого будет, когда Нерон говорил *morari* с долгим первым слогом в смысле «быть глупым», от греческого слова *μωρός* <Светоний, Нерон 33>. Пример второго — когда Саллюстий говорил *ductare exercitum* «вести войско» <Югуртинская война 38.1>, в то время как у Теренция и других древних писателей слово *ductare* имеет непристойный смысл: *ut meam ductes gratis*²³. Также Саллюстий говорил *patrare bellum* вместо *gerere bellum* «вести войну», тогда как раньше *patrare* говорилось о том, кто предпринимает усилия к обзаведению потомством. Примеры третьего рода: уже упомянутое *uilitigator*, образованное от *uilitium litigandi* «порок сутяжничества»; *bubsequa* вместо *bubulcus* («волопас»); затем выражение у Пакувия: *Nerei repandirostrum, incuruiceruicem pecus* «Нерев кверхурылый, гнутовыйный скот», упоминаемое Фабием <Квинтилиан, Воспитание оратора 1.5.67>. К этому разряду принадлежат и те слова, образованные от других посредством изменения: *uituperones* («хулители»), *amorabundus* («томящийся любовью»), *nupturire* («желать вступить в брак»), *uerbigerari* («разговаривать»), в каковых словах находят удовольствие особенно Апулей, Марциан Капелла, Сидоний Аполлинарий и те, кто настроился на следование их примеру. В них тоже есть своя прелесть, если их употребляют уместно и умеренно, рассеивая там и сям. Ибо, как изящно выразился Фабий, «иногда в пище приятна бывает и кислота» <Квинтилиан, Воспитание оратора 9.3.27>.

Далее, греческие слова, уместно примешанные к латинским, прибавляют немало изящества. Уместно употреблять их либо когда греческое слово несет более точное значение, как например *λογωμαχία* («словопрение») вместо *contentio* («ссора») или *rixā* («ссора»), либо когда оно еще и короче, как например *φιλαυτος* «себялюбивый, самодовольный» вместо *is qui sibi placet* («тот, кто сам себе нравится»), либо когда оно сильнее, как *γυναικομανής* («женонействительный») вместо *mulierosus* («женонействительный»), либо если в нем больше остроумия, как если кто ска-

²³ Теренций, Формион 500. В переводе А. В. Артюшкова «Красным словом провести и даром увести ее». Собственно слово *ducto* в этом месте, как кажется, не имеет непристойного значения.

жет о человеке, рассуждающем о трудных и бесполезных вещах, μετεωρολεσχέιν, или того, кто кажется себе мудрецом, а на самом деле глуп, назовет μωρόσοφος.

Ибо изящества греческого слова никакое латинское не может достичь, особенно когда мы намекаем на место или высказывание из некоего писателя, как например, если, указывая кому-либо на его необдуманную речь, мы скажем по-гомеровски ποῖον ἔπος²⁴ либо если, давая понять, что некто не ответил на заданный вопрос, мы скажем ἄμας ἀπήτουν²⁵. Если то же сказать по-латински *falces petebam*, блеск речи будет потерян.

(Намек (аллюзия, *allusio*) есть и в Горациевой фразе *ter uncti trans Tiberim nanto... irriguumque mero sub noctem corpus habento*²⁶. Тут ведь у него говорит Требатий, законовед. Таким нравились выражения, свойственные «Двенадцати таблицам». Им же и Марк Туллий подражает в книгах о законах.)

Затем, мы пользуемся греческими словами и тогда, когда не хотим, чтобы некто нас понял. Словом, чтобы не перечислять все по отдельности, всякий раз, когда нам почему-либо удобно, правильно будет примешивать греческие слова к латинским, особенно если мы пишем для людей образованных.

Впрочем, когда для этого нет никакой причины, то нарочно составлять речь полулатинскую, полугреческую юношам, упражняющимся в обоих языках, вполне извинительно, но для мужей, по моему мнению, подобное выказывание своей учености будет иметь в себе не больше серьезности, чем если кто начнет писать сочинение, мешая прозу и стихи. Так, однако, поступали некоторые ученые мужи: Петроний Арбитр, но не без личины безумия, Сенека в шутливой похвале Клавдию и, что более удивительно, Боэций в серьезном сочинении. Впрочем, в стихах он так непохож на себя самого, что ученые люди полагают, будто он тут сражался не собственным оружием. Боэцию подражал Иоанн Жерсон²⁷, писатель, который бы заслуживал внимания, если бы писал в наше время.

Иногда же бывает, что мы вынуждены либо выражать свою мысль долгим окольным путем, либо заимствовать слова у греков, как в случае полуπραγμοσύνη, φιλαυτία, ἀφαμαρτοεπής, полуφιλία, δυσωπία, περισσολογία, таυτολογία, βαττολογία и в бесчисленных других случаях подобного рода, о чем мы, возможно, скажем в другом месте.

Есть немало греческих слов, которые древность сделала латинскими. Ими можно пользоваться наряду с собственно латинскими, например: *rhetor* и *orator*

²⁴ Гомер, Илиада 4.350: «Речи какие (...из уст у тебя излетают)?» (пер. Н. И. Гнедича).

²⁵ Ἄμας ἀπήτουν, οἱ δ' ἀπηνόουντο σκάφας — греческая пословица, буквально «Просил заступы, получил мотыки».

²⁶ Гораций, Сатиры 2.1.7–9: «Вытертый маслом, / Трижды имеет чрез Тибр переплыть и на ночь желудок / Цельным вином всполоснуть». Пер. М. Д. Дмитриева. Употребленные в этом месте формы повелительного наклонения на -nto характерны для языка архаических памятников, в частности «Законов двенадцати таблиц».

²⁷ Имеется в виду сочинение *De consolatione theologiae* крупнейшего французского теолога XIV в. Жана Жерсона.

(оратор), *hypotheca* и *pignus* (залог), *helleborum* и *ueratrum* (чемерица), *foeniculum* и *marathrum* (укроп), *sycophanta* — *calumniator* (клеветник), *praebibo* (этим словом пользовался Апулей) — *propino* (пить за здоровье), *mastigia* — *uerbero* (негодяй). Некоторые слова приняты в латинский язык при отсутствии латинских, например: *philosophus*, *theologus*, *grammatica*, *dialectica*, *epigramma*. В этих самых словах бывает некоторая изменчивость, когда они изменяются то по-гречески, то по-латински: *scorpius* и *scorpio*, *elephantus* и *elephas*, *delphinus* и *delphin*, *lampas/lampadis* и *lampada/lampadae*, *grammatical/grammaticae* и *grammatice/grammatices*.

Книга 1, глава 33

ПРИМЕРЫ

Теперь, чтобы сделать наше рассуждение яснее, возьмем для примера две фразы и попробуем, насколько это будет возможно, менять облик одной и той же фразы, как менял облик Протей. Конечно, все способы изменения не могут быть исчерпаны за раз, но сколько получится, столько и применим. Возьмем для примера фразу *Tuae litterae me magnopere delectauerunt* — «Твое письмо меня весьма обрадовало».

Tuae «твое» не допускает замены на синонимы. *Tuae amplitudinis* «твоего великолепия», *tuae maiestatis* «твоего величества», *tuae celsitudinis* «твоей возвышенности» — это перифраза. Если поставить собственное имя, например *Fausti* «Фавста», получится гетеросис части речи и лица: *Fausti litterae* «письмо Фавста»; если *Faustinae litterae*, гетеросис существительного — замена его на прилагательное (epitheton).

Litterae «письмо»: *epistola* «послание», *litterae* «письмо», *tabellae* «таблички» — это синонимия; *litterulae* «письмецо», *epistolium* «посланиец», *tabellulae* «табличечки» — это гетеросис; *schedae* «страницы», *scripta* «писания» — синекдоха²⁸; *quod ad me scripsisti* «то, что ты мне написал», — перифраза.

Me «меня»: *animus meus* «мой дух», *pectus meus* «мое сердце», *meos oculos* «мои глаза» — это перифраза или синекдоха; *nos* «нас» вместо *me* «меня» — эналага числа; *Erasmus* «Эразма» — гетеросис лица.

Magnopere «весьма»: *ualde* «очень», *uehementer* «сильно», *nimum* «чрезвычайно», *mire* «удивительно», *mirifice* «дивно», *magnifice* «мощно, внушительно» и тому подобное — это синонимия; *magnopere* «весьма много», *sumtopere* «более всего», *supra modum* «сверх меры», *praeter modum* «безмерно», *unice* «редкостно» — это αὐξησις; *haud mediocriter* «необычно», *non parum* «немало», *non uulgariter* «незаурядно» — обозначение через обратное с отрицанием; *dici non potest quantopere* «невозможно сказать, как», *incredibile dictu* «невероятно», *uerbis consequi nequeam* «словами описать не в силах я» и подобное такого рода имеют привкус гиперболы.

²⁸ Синекдоха, по Эразму, включает в себя разные виды метонимии. См.: De Copia 1.23.

Delectarunt «обрадовало»: *oblectarunt* «возрадовало», *recrearunt* «ободрило», *exhilararunt* «возвеселило» — это синонимия, разве что в *exhilararunt* «возвеселило» можно усмотреть метафору; *uoluptatem attulerunt* «доставило удовольствие», *uoluptati fuerunt* «послужило к радости», *iucundae fuerunt* «было приятно» и подобные выражения заключают в себе перифразу; *uoluptate perfuderunt* «преисполнило радости», *mellitissimae fuerunt* «было в высшей степени сладостно» и подобное — это выражения переносные; *non iniucundae fuerunt* «были не без приятности», *non insuaues* «не без сладости» — с заменой на противоположное.

Прочее неудобно показывать вне связи с окружающими словами. Итак, приведем теперь примеры.

Tuae me litterae magnopere delectarunt «твое меня письмо весьма обрадовало»; *delectarunt mirum in modum tuae me litterae* «обрадовало дивным образом твое меня письмо»; *maiores in modum me tuae delectarunt litterae* «премного меня обрадовало письмо твое» (пока еще здесь мало что изменено, кроме порядка слов).

Tuis litteris sum magnopere delectatus «твоим письмом я весьма обрадован»; *delectatus sum maiores in modum tuis litteris* «я обрадован премного твоим письмом» (здесь изменен только залог глагола).

Epistola tua me uehementer exhilarauit «твое послание меня сильно возвеселило»; *tua quidem epistola sum uehementer exhilaratus* «твоим посланием я сильно возвеселен»; *tuae litterulae non mediocriter animum meum refecerunt* «твое письмецо необычно меня ободрило»; *humanitatis tuae scriptis sum non mediocriter animo refectus* «писанное твоей ученостью немало укрепило мой дух»; *ex amantissimis litteris tuis incredibilem cepi uoluptatem* «от любезнейшего твоего письма я получил невероятное удовольствие» (гипербола и соотнесение²⁹).

Amantissimae tuae litterae incredibilem mihi uoluptatem attulerunt «любезнейшее твое письмо принесло мне невероятное удовольствие»; *nouam quandam laeticiam tuae schedae mihi pepererunt* «неслыханную радость подарили мне твои страницы»; *tuis ex schedis mirificam laeticiam concepi* «из твоих страниц я почерпнул дивную радость»; *summu[m] gaudium tua scripta mihi apportarunt* «высочайшее радование принесли мне твои писания»; *tuis e scriptis summu[m] mihi gaudium allatum est* «твоими писаниями доставлено мне высочайшее радование»; *ex excellentiae tuae litteris magnam hausimus uoluptatem* «из письма твоего превосходительства мы почерпнули великое удовольствие» (здесь тоже есть соотнесение).

Прочие варианты всякий сам себе объяснит. <...>

Если в приведенных примерах что-то покажется кому-либо едва ли уместным в прозе, пусть вспомнит, что это упражнение рассчитано также на сочинение стихов.

²⁹ У Эразма — *relatio*, фигура, описанная в 26-й главе первой книги *De copia* и состоящая в том, что смысл высказывания остается тем же, но оно описывается с другой стороны, например: «Она не хочет выходить за него замуж» — «Она не хочет, чтобы он взял ее в жены». Логико-теоретические основы таких замен описаны в «Категориях» Аристотеля (гл. 7).

Глава 4

Андреа Гварна: «грамматические войны» в начале XVI века

(С. Хаутала)

В 1511 г. в Кремоне вышла в свет «Грамматическая война» Андреа Гварны, автора, о котором неизвестно почти ничего, кроме разве того, что был он клириком¹. Однако этому произведению суждено было обрести необычайную известность, быть переизданным более ста раз по всей Европе, вызвать подражания, переработки, плагиаты, переводы и даже театральные инсценировки. Слава «Грамматической войны» выйдет далеко за пределы собственно грамматики, и по модели этого текста будет создана «Музыкальная война»², в которой законы гармонии будут объяснены с помощью военных метафор, и даже одна «Медицинская война»³, где воевать друг с другом будут части человеческого организма. Именно в этом состоял метод, придуманный Гварной: стандартный материал латинской грамматики — бесконечные списки частей речи, склонений, спряжений и прочего — представлен как смотр войск, готовящихся вступить в войну, которая разразилась между двумя правителями царства Грамматики. Речь идет о двух братьях-близнецах, Глаголе и Существительном, правивших ранее в мире и согласии, но, перебрав однажды лишнего на пиру, повздоривших из-за первенства во фразе. Таким образом, все формы латинского языка

¹ Иштван Рат-Бег, называющий Гварну «итальянской гуманисткой» в книге «История человеческой глупости» (*Ráth-Végh I. Az emberi butaság kultúrtörténete*. Budapest, 1938, рус. перевод: *Рат-Бег И. История человеческой глупости* / пер. с венг. И. Д. Калитенко, Ю. М. Рогова. Дубна, 1996), по всей видимости был введен в заблуждение именем «Андреа». Гварна — мужчина, католический священник, как значится в заглавии: *Grammaticale bellum... nuper editum a Reuerendo Domino Andrea Salernitano, Patricio Cremonensi*.

² На самом деле целых четыре: *Bellum musicale, inter plani et mensuralis cantus reges, de principatu in musicae provincia obtinendo, contententes*. Argentorati, 1563; *Erasmi Sartori Cantoris Hamburgensis Belligerasmus, id est Historia Belli Exorti in regno Musico*. Hamburgi, 1622; *Musomachia, id est Bellum Musicale. Ante quinque lustra Belligeratum in gratiam Er. Sar. nunc denuò institutum à primo ejus auctore Petro Laurembergo Professore Accademico*. Rostochium, 1639; *Beer J. Bellum musicum oder Musikalischer Krieg: in welchem umbständlich erzehlet wird wie die Königin Compositio nebst ihrer Tochter Harmonia mit denen Hümpfern und Stümpfern zerfallen und nach beyderseits ergriffnen Waffen zwey blutige Haupt-Treffen sambt der Belagerung der Vestung Systema unfern der Invention-See vorgegangen; auch wie solcher Krieg endlich gestillet und der Friede mit gewissen Grund-Reguln befestiget worden ... 1701*.

³ *Champier S. Medicinale bellum inter Galenum et Aristotelem gestum* [Lugdunum, c. 1516–1517, Bayerische Staatsbibliothek, A.gr.b. 1569 ij].

и все его так называемые исключения объяснены в этой удивительной грамматике как следствие больших битв и мелких стычек между двумя армиями: например, глаголам *Eo, Queo* и *Veneo* оторвало в одной схватке футурумы на -am, и, чтобы не остаться совсем без будущего времени, они, эти глаголы, вынуждены были купить себе на ярмарке другие футурумы на -bo. Иные части речи, напротив, нажились на этой войне, взяв немалую добычу: существительные *Arbor, Honor, Labor, Odor, Cucumer, Ciner* и *Pulver*, например, добыли себе дополнительные номинативы, такие как *Arbos, Honos, Labos, Odos, Cucumis, Cinis* и *Pulvis*. «Впрочем, — пишет Гварна, — они не носят по два номинатива каждый день, но берегут их для наиболее торжественных дней и для праздников»⁴.

Без сомнения, сама идея рассказать латинскую грамматику в виде войны должна была выделить *Bellum grammaticale* из ряда обычных учебников, где глаголы и существительные если и объявляли войну, то скорее не друг другу, а несчастному неофиту, только приступавшему к изучению латыни. И все же феноменальный успех текста нельзя объяснить одним его характерным методом: например, за три года до выхода книги Гварны во Франции была издана *Grammatica figurata* эльзасского картографа Маттиаса Рингманна (1482–1511)⁵, представлявшая грамматические правила в виде игры в карты. Оригинальность подхода тем не менее не принесла этой книге почти никакого успеха у публики.

GRAMMATICAE OPUS NOVUM

В выборе подзаголовка для «Грамматической войны» — *Grammaticae opus novum mira quadam arte et compendiosa excussum* («Новый труд грамматики, изложенный сжато и с удивительным искусством») — Андреа Гварна не только высказывает гордость за исключительную новизну своего произведения, но также отдает дань долгой традиции: его книге предшествовали многочисленные грамматики, и каждая из них объявлялась чем-то совершенно новым. Ясно, что указание на новизну уже

⁴ А. Гварна, Грамматическая война 32: non induuntur quottidie, sed quod conspicuum et ornatus est et ex praeda habuere, ad dies reseruant celebriores et festiuos. Латинский текст цитируется по изданию: Puliga D., Hautala S. (eds.). La Guerra grammaticale di Andrea Guarna (1511). Un'antica novità per la didattica del latino. Pisa, 2011, новейшее критическое издание: Harnischmacher W. E. Andrea Guarnas «Bellum Grammaticale»: Einführung, Text, Übersetzung, Kommentar. Trier, 2013; для изучения истории текста остается актуальным: Bolte J. Andrea Guarnas Bellum Grammaticale und seine Nachahmungen. Berlin, 1908 (Monumenta Germaniae Paedagogica. Vol. XLIII).

⁵ Ringmann M. Grammatica figurata. Octo partes orationis Secundum Donati editionem & regulam Remigii ita imaginibus expressae ut pueri iucundo chartarum ludo faciliora Grammaticae praeludia discere & exercere queant. St. Dié, 1509. Долгое время считавшийся потерянным, текст был вновь найден и факсимильно издан фон Визером: Ringmann M. Die Grammatica figurata des Mathias Ringmann (Philisius Vogesigena) in Faksimiledruck/hgb. mit einer Einleitung von F. R. von Wieser. Straßburg, 1905.

в заглавиях — от инкунабул, как например *Grammatica nova* Пергера⁶, до «Нового Доната» XIX века⁷ — призвано оправдывать появление еще одного учебника: если он, учебник, не нов, зачем издавать его, почему не пользоваться уже существующей грамматикой? Создание учебника грамматики всегда будет означать переписывание одного и того же материала: последующие эпохи не внесли никаких значительных изменений ни в количество частей речи, установленное еще в античности, ни в число склонений или спряжений. По этой причине оригинальность произведения могла быть достигнута разве что за счет намеренного отклонения от распространенного способа изложения.

Когда Пьер де ла Раме (Петр Рамус, 1515–1572) решает написать свою латинскую грамматику, он совершенно уверен в оригинальности своего подхода: его книга написана прозой и всего на сорока шести страницах. «Если спросишь меня, Читатель, чем эта грамматика отличается от других, отвечу: она превосходит их в краткости и ясности»⁸. И все же уже и до него многие версифицированные грамматики совершенно таким же образом утверждали свое методическое превосходство перед предшествующими грамматиками, написанными прозой. Начиная с 350 г. — примерной даты написания «Краткой науки о частях речи» Доната — и до самого XV века мы найдем лишь совсем немного примеров отклонения от канона, и многочисленные школьные грамматики будут начинаться с вопроса Доната: «Сколько есть частей речи?», с неизбежным ответом «восемь» и дальнейшим углублением в свойства каждой из них, всегда в виде вопросов и ответов, заучиваемых наизусть. Особые формы латинского языка могли быть представлены в основном только как примеры, иллюстрирующие общие положения, а более подробное изложение морфологического материала оставлялось для другого типа учебников, часто носящих название *regulae*. И хотя некоторые учебники пытались объединить оба подхода (как, например, *Institutiones grammaticae* Присциана или *Doctrinale puerorum* Александра из Вильдьё, к которому мы вскоре обратимся), средневековые грамматики все же старались держать обособленными эти два вида организации материала⁹.

⁶ *Grammatica nova* Бернарда Пергера из Вены была переработкой *Rudimenta grammatices* Никколо Перотти (о котором см. дальше) для тех, кто не говорил по-итальянски, У.К. Персивал предполагает, что первое ее издание относится к 1497 г. (Percival W.K. The Influence of Perotti's «Rudimenta» in the Cinquecento // Percival W.K. Studies in Renaissance Grammar. Aldershot; Burlington, 2004. P. 99, n. 13).

⁷ Durando C. Nuovo Donato: Principii di grammatica latina. Torino, 1877. См. также: Il nuovo Donato corretto nel latino e nel volgare, il quale contiene tutto ciò, che di profittevole trovasi sparso nel vecchio Donato, nell'Alvaro, nel Limen grammaticum, nella Porta grammaticae, ed in altri libri simili de' principianti... Fatica di Paolo Morini. In Verona, 1806.

⁸ Rami P. Eloquentiae et Philosophiae professoris Regii, Praefationes Grammaticae... 1559 // Ramus P., Talaues A. Collectaneae praefationes, epistolae, orationes / ed. by W.J. Ong. Hildesheim, 1969. P. 2: Si requiris Lector, quid haec Grammatica supra caeteras omnes grammaticorum artes adferat, certe ut sit brevitae et facilitate accuratior.

⁹ Law V. Why Write a Verse Grammar // The Journal of Medieval Latin. Vol. 9. 1999. P. 49–50.

Нельзя тем не менее недооценивать педагогические аспекты старинных грамматик: хотя группирование материала по тематическим разделам и кажется недавним изобретением, уже в 80-е гг. XV в. анонимный *Exercitium Puerorum Grammaticale per dietas distributum*¹⁰, напечатанный в Эльзасе, был организован именно по этому принципу. Автор распределял грамматический материал по дням недели (*dietae*)¹¹. Например, первый день, понедельник, был посвящен склонению местоимений и спряжению глаголов *amare, delectare* и *esse*, во вторник рассматривались роды существительных и т.д.

Автор *Exercitium puerorum* избрал направление, совершенно противоположное учебнику «Доктринале» Александра из Вильдьё, написанному стихами в XI–XII вв. Казалось бы, нет ничего более удачного, чем учебник, в котором грамматические правила излагаются гекзаметрами, удобными для запоминания. *Versus memorialis* как средство обучения был популярен во все времена: от античного *De litteris monosyllabis Graecis ac Latinis*¹² Авсония до барочного «Сада греческих корней»¹³, положенного на французские стихи разными авторами, среди которых был также Клод Лансло, грамматик Пор-Рояля¹⁴, или даже вышедшей за год до Французской революции «Грамматической певички», в которой грамматика преподавалась на примерах из модных песенок¹⁵. Тем не менее «Доктринале» Александра из Виль-

¹⁰ *Exercitium puerorum grammaticale per dietas distributum*. Impressus Argentine, 1494. Bayerischen Staatsbibliothek [4 Inc.c.a. 1090], ср. *van der Wal M.J.* Teaching Latin and Observing the Dutch Vernacular: *Exercitium Puerorum* (1485) // *Five Hundred Years of Foreign Language Teaching in the Netherlands: 1450–1950* / ed. by J. Noordegraaf and F. Vonk. Amsterdam, 1993. P. 1–8.

¹¹ Хотя нельзя исключать здесь возможно подразумевавшейся идеи «диеты» как питания, ср. заглавие «Каша для детей» (*Pappa puerorum esui atque usui percocta*, 1513), выбранное голландским гуманистом Иоанном Мурмелием (ок. 1480–1517) для одной латинской азбуки, предназначавшейся для самых маленьких детей; еще одна грамматика, напечатанная около 1497 г. Джоном Холтом из Чичестера, называлась «Молоко для детей» (*Lac puerorum*).

¹² См. среди последних изданий этой поэмы, в которой описываются параллельно греческий и латинский алфавиты, *Ausonius*. *Opuscula Omnia* = *Œuvres complètes / étab. par B. Combeaud*. Bordeaux, 2010 и *Decimus Magnus Ausonius*. Technopaegnon: Introduzione, testo critico e commento / a cura di C. Di Giovine. Bologna, 1996.

¹³ *Le Jardin des racines Grecques mises en vers françois* был в ходу во французских школах до второй половины XIX в., веком раньше был переведен на английский как *The Primitives of the Greek Tongue* / tr. by T. Nugent. London, 1748.

¹⁴ Школа Пор-Рояля, объединявшая в себе грамматиков, философов и теологов, получила свое имя от аббатства Пор-Рояль-де-Шамп (близ Версаля, в 1633 г. община переселяется в новый одноименный монастырь в центре Парижа). Из взаимодействия ее наиболее видных представителей – Антуана Арно (1612–1694), Клода Лансло (1615–1695) и Пьера Николя (1625–1695) – рождаются «Грамматика» и «Логика», два наиболее важных произведения школы, в которых оформляется система философского рационализма, основанного на идее существования некой божественной логики, управляющей человеческой мыслью. В 1709 г. аббатство было разрушено как центр яansenизма.

¹⁵ *La cantatrice grammairienne ou l'art d'apprendre l'Orthographe Française seul, sans le secours d'un maître par le moyen des chansons érotiques, pastorales, villageoises, anacréontiques, etc.* Lyon, 1788. На манер господина Журдена, который к сорока годам жизни не знал, что говорит прозой, дамы, которым адресовалась

дье является книгой, пропитанной слезами не одного поколения, эта грамматика в стихах породила целое море комментариев, а также комментариев к комментариям, призванных способствовать пониманию ее стихов.

Чтобы дать представление о стиле *Doctrinale*, приведем несколько стихов из начала первой главы:

Rectis *as es a* dat declinatio prima,
Atque per *am* propria quaedam ponuntur Hebraea,
Dans *ae* diphthongon genetivis atque dativis.
Am servat quartus; tamen *en* aut *an* reperimus,
Cum rectus fit in *es* vel in *as*, vel cum dat *a* Graecus.

(«Первое склонение дает -as, -es и -a в именительном падеже, // и некоторые древнееврейские имена собственные заканчиваются на -am, // образуя дифтонг -ae в родительном и дательном падежах. // Четвертый падеж (аккузатив) сохраняет -am, и все же мы обнаруживаем -en или -an, // когда именительный заканчивается на -es или на -as или когда какое-нибудь греческое слово заканчивается на -a»).

Как видно отсюда, восприятие первого склонения, возможно наиболее простого и ясного, сразу же затрудняется упоминанием нелатинских слов: едва ли не большее место по отношению к собственно латинским словам в грамматике Александра из Вильдьё уделялось греческим и древнееврейским существительным, а также сравнительно небольшому классу так называемых исключений. Именно такой тип подхода дал повод некоторым авторам называть «Доктринале» скорее списком исключений, чем латинской грамматикой¹⁶. Сам автор тем не менее должен был отдавать себе отчет в этой специфической черте своего произведения, судя по тому, что в начале шестой главы он замечает: *Donatum sequere per verba fruentia lege* («Следуй Донату в том, что касается правильных глаголов»). Сами имена двух позднеантичных грамматиков, Элия Доната (IV в.) и Присциана (V–VI вв.), использовались для обозначения двух уровней в изучении латинской грамматики: «Донат» соответствовал начальному этапу, а «Присциан» — продвинутому¹⁷.

Альд Мануций, которому в детстве пришлось учиться именно по «Доктринале», обращаясь к преподавателям латыни во вступлении своей грамматики, выпущен-

книга, как объявляется на обложке, могли узнать, например, что слова *laisse* и *poser* в строке *Laisse-moi poser cette fleur* («Позвольте мне оставить сей цветок») из одной песни Жантиль-Бернара являются активными глаголами (Ibid. P. 21–22).

¹⁶ Ford P.J. Alexandre de Villedieu's *Doctrinale puerorum*: A Medieval Bestseller and Its Fortune in the Renaissance // *Forms of the «Medieval» in the «Renaissance»: A Multidisciplinary Exploration of a Cultural Continuum* / ed. by G. H. Tucker. Charlottesville, 2000. P. 158.

¹⁷ Ср.: Cervani R. Considerazioni sulla diffusione dei testi grammaticali: La tradizione di Donato, Prisciano, Papias, nei secoli XII–XV // *Bollettino dell'Istituto Storico Italiano per il Medioevo e Archivio Muratoriano*. Vol. XCI. 1984. P. 397–421 и Holtz L. Donat et la tradition de l'enseignement grammatical: Étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe–IXe siècle) et édition critique. Paris, 1981.

ной в 1508 г., просил их не заставлять детей заучивать наизусть ничего, кроме наилучших авторов:

«Я бы сказал, больше того, что не стоит заучивать даже грамматические правила, за исключением только самых кратких изложений, которые легко уложить в памяти; чтобы ученики ограничивались бы их постоянным и внимательным чтением и выучили бы в совершенстве спряжения и склонения глаголов и существительных... Кроме того, в то же самое время, которое они тратят на обучение нашим материям, они смогут легче и с большей пользой заучивать наизусть из Цицерона или Вергилия или других известных авторов, что в один прекрасный день доставит им повод гордиться собой и обернется немалой пользой. Мне самому очень горько от того, что такого не случилось со мной ребенком, когда я учил на память глупое стихотворное произведение Александра о грамматике»¹⁸.

Метод обучения латыни, провозглашаемый здесь Мануцием, был известен во всей остальной Европе именно как «итальянский», благодаря славе школ Витторино да Фельтре и Гварино да Верона, в которых мальчики и девочки разного социального происхождения читали в оригинале Аристотеля и Цицерона, Галена и Вергилия, не забывая, однако, о гимнастических упражнениях и об играх на открытом воздухе¹⁹. И именно этому подходу — не терять времени на темные стихи из «Доктринале», но переходить как можно раньше к наилучшим авторам, путь, указанный итальянцами, — следует автор уже упомянутого *Exercitium puerorum*:

«С тяжестью в сердце и волнением в душе думаю, нужно признать, что, в то время как существует одна-единственная грамматика среди всех народов, ее правила и теория передаются через излишне большое количество учебников и трактатов. Некоторые куют длинные, неясные и бесполезные комментарии к частям <“Доктринале”> Александра <из Вильдьё>, которыми только запутывают и сбивают с толку молодые умы и указывают не прямой путь к цели грамматики, но только мелкие, уводящие прочь тропинки. Так и выходит, что эти учебники — пустая трата денег и большой вред для детей. Ах, насколько было бы лучше отбросить в сторону ненужные глупости и направить шаги к более ясным наукам! Похвальными привычками наделены итальянские преподаватели: принимают вверенных им детей и, едва набросав некие основы, сразу же знакомят их со стихами Вергилия, с комедиями Теренция и Плавта, князьями поэзии, берут в руки “Письма к близким” Туллия <Цицерона> вместе с его “О дружбе”, “О старости”, “О парадоксах” и другими произведениями»²⁰.

¹⁸ *Manutius A. Aldus Manutius Romanus literarii ludi magistris s.d. p.*// Aldo Manuzio editore. Dediche, prefazioni, note ai testi/a cura di G. Orlandi. 2 vol. Milano, 1975.

¹⁹ *Woodward W. H. Vittorino da Feltre and Other Humanist Educators: Essays and Versions.* Cambridge, 1897; *Il pensiero pedagogico dell'Umanesimo*/a cura di E. Garin. Firenze, 1958.

²⁰ *Exercitium puerorum grammaticale.* Fol. a1v–a2r: *Gravi merore et iniquo animo ferendum existimo. cum ipsa grammatica apud omnes nationes una sit. eius tamen institutio et dogmatisatio nimium multiplicatis et diversis opusculis traditur atque voluminibus. Sunt nonnulli qui super Alexandri partes commentaria cudunt longa: obscura: et inutilia: quibus parvorum ingenia perturbant et obtundunt. atque non recto tramite sed*

Не стоит забывать, конечно, что цель этого пролога — показать превосходство рассматриваемого учебника над всеми другими, рисуемыми здесь угрожающей массой плохо скроенных книг: латинская грамматика — одна и единственная, и надо думать, что только автор *Exercitium puerorum* приближается к ней ближе всех.

К началу XVI в. видеть в «Доктринале» главную причину упадка преподавания латыни стало уже общим местом. Голландец Герман ван Беек (Hermannus Torrentinus, умерший около 1520 г.) в своем издании произведения Александра из Вильдьё, напечатанном в 1512 г. в Тюбингене, оправдываясь перед читателем, что выбросил из оригинального текста сто семьдесят одну строку, писал, что, в то время как в Италии «Доктринале» был изгнан прочь из школ благодаря усилиям Сульпицио Верулано, Альда Мануция и других, в его стране это было бы невозможным²¹. После неизбежного воспоминания о своем детстве, омраченном необходимостью заучивать наизусть темные стихи Александра из Вильдьё, ван Беек заверяет, что с его учебником не нужно будет сражаться с Минотавром в лабиринте Александра, поскольку он «уничтожил чудовище и сделал лабиринт удобопроходимым»²².

Как бы ясно ни казались представленными грамматические правила в новых учебниках и как бы сильно «Доктринале» ни был заклеен, его тем не менее продолжали переиздавать — более 150 раз до 1500 года и еще более сотни изданий после этой даты. Как Альд Мануций ссылается на эксперименты в выборе наилучшего способа изучения латыни (и ссылка во вступлении к его грамматике на эффективность испробованного метода является топосом, сравнимым с подчеркиванием важности автопсии, то есть личного участия в описываемых фактах, в исторических сочинениях), так же и «Доктринале», прежде чем стать символом застоя в преподавании латинского языка, был вначале испробован на практике и признан весьма эффективным.

per devia ad finem grammaticae ducunt. quo fit ut in vanis vilibusque rebus in grave puerorum dispendium impensas et opera perdunt. Ach, quanto satius illis frivolis tamque pestiferis relictis ad illustriora studia se conferrent. Habent italici preceptores laudabiles consuetudines. qui pueros sibi ad erudiendum commissos primis aliquantulum iactis fundamentis: statim ad virgiliana carmina: comediasque therentianas et plautinas omnium poetarum principes collocant. Epistolasque familiares Tullii: cum de amicitia. de senectute. de paradoxis et ceteris ad manus habent.

²¹ *Hermanni Torrentini ... commentaria in primam partem doctrinalis Alexandri. Tubingae, 1512. Fol. XC r-v: ...Quot mendosi, quot obscuri inutiles uersus fuerint in Alexandro, quod et Sulpitius Verulanus et Aldus Manutius romanus alique uiri doctissimi perhibent quorum opera effectum est, ut Alexandri doctrinale quod uocant italiae scholis explosum sit. Quod ipsum quum nostris in regionibus factu difficile ac pene impossibile videtur...*

²² *Ibid. Fol. XC v: Ipsi namque olim pueri non sine malo nostro experti sumus, quantus labor sit Alexandrum ediscere et ad unguem intellegere, quod plerique intra septennium vix possunt... ut nunc non oporteat barbariem legere, non oporteat in Alexandri labyrintho apud minotaurum includi, hoc est friuola discere, et nunquam perdiscere... Nullus igitur Alexandrinum quem dixi labyrinthum uereatur ingredi, quem Thesei exemplo peruium reddidi, et latitantem in eo minotaurum iuuenesque deuorantem necauit.*

Как рассказывается в одном манускрипте «Доктринале»²³, Александр из Вильдьё, еще в бытность свою студентом Парижского университета, решил с двумя своими друзьями (одного звали Ив, а другого, англичанина, — Идульфас) переложить леонинскими стихами грамматику Присциана; в дальнейшем, однако, Ив умер, друг англичанин не захотел больше участвовать в предприятии, и Александр закончил свой труд в одиночестве. Весь проект был затеян с чрезвычайно прагматической целью: перелагая грамматический текст стихами, способствующими улучшению запоминания, студенты надеялись заработать денег, используя текст в частных лекциях. Как вскоре выяснилось, придуманный метод был таким результативным, что слава Александра начала распространяться, и епископ города Доля, в Бретани, позвал автора к себе домой преподавать латынь своим племянникам. Текст, к которому в будущем будут добавлены комментарии и глоссы, в руках своего создателя на практике оказался таким действенным, что епископ убедил Александра издать его. Таким образом, «Доктринале» изначально был обязан своим рождением конкретному желанию заработать с помощью революционного метода обучения, эффективность которого была проверена на практике. Текст, над которым впоследствии будут пролиты многочисленные слезы, в свое время увидел свет как последнее слово в преподавании латыни.

Более того, Александр, как кажется, сам страдал в детстве, когда пытался выучить латынь по одному темному и плохо сделанному тексту, который он упоминает в прологе к своему «Доктринале», обещая детям лучшее будущее, если они будут пользоваться его учебником:

Scribere clericulis paro doctrinale novellis
Pluraque doctorum sociabo scripta meorum
Iamque legent pueri pro nugis Maximiani
Quae veteres sociis nolebant pandere caris²⁴.

(«Приготовляясь писать „Доктринале“ для юных школьников, // я буду использовать тексты моих преподавателей. // Теперь дети будут читать вместо глупостей Максимиана // вещи, которые древние не хотели открыть даже дорогим друзьям»).

Дальше в тексте Александр снова упоминает Максимиана, чтобы сказать, в этот раз немного осторожнее, что, даже если его доктрина и не будет совершенно ясной, все же она будет лучше, чем глупости (опять *nugae*) Максимиана²⁵. По сути дела, на этом поэте шестого века (друге Бозция)²⁶ замыкается традиция критиковать

²³ MS 1142 Troyes, Fol. 2v, цитируемый в: Barroux M. Alexandre de Villedieu // Dictionnaire de biographie française. Paris, 1933. Vol. 1. Col. 1472–1476.

²⁴ Reichling D. Das Doctrinale des Alexander de Villa-Dei: Kritisch-exegetische Ausgabe; mit Einleitung, Verzeichniss der Handschriften und Drucke nebst Registern. Berlin, 1893. S. 7.

²⁵ Ibid. S. XXXVII: *Quamvis haec non sit doctrina satis generalis / Proderit ipsa tamen plus nugis Maximiani*.

²⁶ Merone E. Per la biografia di Massimiano // Giornale italiano di filologia. Vol. 1. 1948. P. 337–352; Massimiano. Elegie / A cura di T. Agozzino. Bologna, 1970; Sanford E. M. Some Literary Interests of Fifteenth

предшественников: в конце концов, Максимиан не был автором грамматики, и его стихи, вместе с «Дистихами» Катона, с Эзопом, с фрагментами Овидия и других, входили в учебники грамматики только как примеры. Поскольку Максимиан пишет не грамматику, но элегии, главной темой которых была невозможность старику удержать любовь юных девушек, ясно, что укорять других грамматиков для Максимиана было последней из забот. В том же, что касается грамматических исследований *stricto sensu*, можно быть уверенным, что если какой угодно автор критикует учебник, по которому учился латыни в детстве, и расчищает таким образом пространство для строительства своего нового здания, то в свое время эта самая порицаемая сейчас грамматика провозглашалась творением новым и лучшим.

Сложно найти в истории учебников другую группу текстов, равным образом мало подвластную изменениям и одновременно так сильно настаивающую на новизне в заглавиях и прологах, как латинские грамматики. Уже Присциан открывал свои *Institutiones grammaticae* констатацией того, что грамматики, наиболее близкие к нему во времени, являются также и более точными, потому что исправляют ошибки древних грамматик. Эти его слова использовались в разных контекстах по-разному: некоторые его цитировали для подчеркивания неясности как характерной черты древних текстов, другие видели в этом подтверждение того, что наиболее древние тексты становились бы все более непонятными с течением времени, третьи верили, что исправление древних текстов является наилучшим способом совершенствования искусства²⁷. Ясно, что немногие могли объявить себя готовыми продираться через темный лес глосс и комментариев, накопившихся в веках, «чтобы очищать от ошибок и делать исправления в соответствии с твердыми законами разума»²⁸: чаще всего любовь к древним, какой бы безграничной ни была, не заходила так далеко.

Возможно, пик презрения к предшественникам будет достигнут в эпоху барокко Каспаром Шоппе (Sciorpius), который получит красноречивое прозвище *canis grammaticus* («грамматический пес») ²⁹. Все грамматики, созданные раньше 1562 г. (года выхода в свет «Минервы» Санчеса, единственного произведе-

Century German Students // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. Vol. 59. 1928. P. 72–98.

²⁷ Donovan M. J. Priscian and the Obscurity of the Ancients // Speculum. Vol. 36. 1961. P. 75–80; Klibansky R. Standing on the Shoulders of Giants // Isis. Vol. xxvi. 1936–1937. P. 149.

²⁸ Присциан, Грамматические наставления 2.1 Keil: expurgasse comperio certisque rationis legibus emendasse.

²⁹ Шоппе находил варваризмы даже у Цицерона, так что Гез де Бальзак замечал: «Я ожидаю, что он опубликует книгу, в которой примется доказывать, что Катон был негодяем, а Юлий Цезарь — плохим солдатом». По поводу обещаний Шоппе напечатать книгу под заголовком *Hercules Coprophorus* («Геракл-навозоносец»), в которой были бы собраны многочисленные ошибки Юлия Цезаря Скалигера, возмущенный Петер Ламбек писал: *merito Canis grammaticus appellatur* («По заслугам зовут его грамматическим псом»); Bayle P. Dictionnaire historique et critique. Vol. III. Paris, 1820. P. 197. Шарль Низар (1808–1889) включает Шоппе в разряд «гладиаторов литературной республики» вместе с другими учеными, такими как Филельфо,

ния, заслужившего его уважение)³⁰, мыслились им как одна *grammatica Cloacina*. В подтверждение он цитировал одно место из Светония, который рассказывает, что занятия грамматикой появились в Риме при очень специфических обстоятельствах. Кратет Маллосский, философ-стоик и грамматик, посланный в Рим царем Атталом между Второй и Третьей Пуническими войнами, упал в Большую Клоаку в районе Палатина и сломал ногу. Вынужденный оставаться в Риме дольше предусмотренного, Кратет начал давать лекции и обсуждать грамматические вопросы с римскими учеными³¹. «Так что меня ничуть не удивляет, — заключает Шоппе, — что старая грамматика вся перемазана ошибками, если появилась она при таком плохом предзнаменовании: из отверстия Клоаки с хромым учителем»³².

Как бы то ни было, очень часто эти атаки на предшественников имели целью отвести взгляд от фактов заимствований или прямого плагиата из произведений этих предшественников. Даже в последующих грамматиках «Доктринале» не был совершенно изжит: издатель поэмы Александра из Вильдьё, Д. Рейхлинг, показал, как итальянские авторы, Сульпицио Веролано или Антонио Манчинелли, несмотря на многочисленные декларации вреда, приносимого этим текстом, в их собственных грамматиках, создаваемых для вытеснения этого символа косности, не только следовали ему, но напрямую крали его стихи³³.

В одной статье, напечатанной в 1915 г., американский филолог Франк Мур удивлялся тому, как эти тяжелые гекзаметры были дороги преподавателям в течение семи веков, отделявших его от времен Александра Грамматика, и замечал, что никто, до времен Пор-Рояля, не додумался использовать более легких и простых стихов для достижения той же педагогической цели³⁴. Однако даже когда так и случилось, это изменение типа стиха не означало победы метода: после нововведений грамматиков Пор-Рояля мнемонические гекзаметры продолжали появляться в учебниках, и, например, в Англии Итонские издания *The Introduction to the Latin Tongue for the use of Youth*³⁵ продолжали содержать стихи в героических метрах, описывающие род существительных, спряжение глаголов

Поджо Браччолини или уже упомянутый Скалигер (*Nisard C. Les gladiateurs de la République des lettres aux XVe, XVIe et XVIIe siècles. Vol. 2. Paris, 1860*).

³⁰ См.: *Breva-Claramonte M. Sanctius' Minerva of 1562 and the Evolution of His Linguistic Theory // Historiographia Linguistica. Vol. 2. 1975. P. 49–66, Viljamaa T. The Renaissance Reform of Latin. Turku, 1976.*

³¹ Светоний, О грамматиках и риторах 2.1.

³² *Gasperi Scioppii Grammatica philosophica... Franekeræ, 1704* (первое издание Милан, 1628). Fol. 3: *Haec ergo ut legi, minime jam mirandum mihi visum est, tanti flagitii erroribus inquinatam esse veterem Grammaticam, quae omine tam malo ex Cloacae foramine una cum claudio magistro emergerit.*

³³ *Reichling D. Op. cit. S. CVI–CX.*

³⁴ *Moore F. G. A Grammatical Excursion // The Classical Weekly. Vol. 8. № 11. 1915. P. 87.*

³⁵ Ср., напр., издание 1847 г., London: Simpkin, Marshall, and Co.

и правила синтаксиса, вплоть до XIX в.³⁶ История латинских грамматик не следует принципам точной регламентации, и приказ Генриха VIII в 1540 г. использовать учебник Уильяма Лили (1468–1522) *Brevissima institutio seu Ratio grammatices cognoscendae, ad omnium puerorum utilitatem praescripta* как официальную грамматику представляет собой один из редчайших случаев вмешательства политической власти в развитие грамматической доктрины³⁷. Кто угодно мог написать свою грамматику при условии спроса на рынке учебников; и, как хорошо известно всякому, кто когда-либо пытался учить латынь, все средства хороши для понимания и запоминания: кому-то помогут гекзаметры, кому-то другому — другие средства и способы.

Нужно было проделать этот экскурс в циркулирование латинских грамматик в Средние века и позже для того, чтобы лучше понять новизну подхода Андреа Гварны. Вместо того чтобы переорганизовывать в очередной раз стандартный набор грамматической информации, Гварна предпринимает радикальное изменение, решая рассказать интересную и забавную историю, создав таким образом текст другого уровня. В его *opus novum* фокус смещается: грамматика больше не на первом плане, но представляется через события рассказа. Все грамматики, по крайней мере наиболее традиционные, предусматривают всегда некую постепенность в изложении материала: сначала вводится существительное, потом, например, прилагательные, местоимения и, наконец, глагол. Порядок частей речи может меняться в веках, но постепенность всегда подразумевается как некое неизбежное следствие необходимости продвигаться в изучении латыни шаг за шагом, от относительно простого к более сложному. Накапливая модели и средства, необходимые для построения фразы, грамматики всегда начинаются с букв алфавита и заканчиваются синтаксисом. Как было замечено³⁸, даже в самих заглавиях видно, что старинные грамматики, все эти *Rudimenta*, *Introductiones* и так далее, «спускаются» к начинающему обучению, а он, в свою очередь, поднимается в направлении к совершенному знанию латыни. Гварна решительно изменяет эту модель постепенности в изложении материала. Он берет сразу весь корпус грамматики с тем, чтобы сделать его главным действующим лицом своей истории, и рассказывает об изменениях и трансформациях, претерпеваемых латинскими словами в результате военных действий между армиями Глагола и Существительного, при нейтралитете Причастия.

³⁶ Факт, заставивший американскую исследовательницу Д. С. Уайт воскликнуть: «Как нация, производившая ученых, способных уложить главные формы глагола в гекзаметры, не смогла выиграть войну 1812 года — останется навсегда загадкой» (*White D. S. Humanizing the Teaching of Latin: A Study in Textbook Construction* // *The Classical Journal*. Vol. 25. 1930. P. 511).

³⁷ *Watson F. The English Grammar Schools to 1660: Their Curriculum and Practice*. Cambridge, 1968. P. 243; *Waquet F. Latin or the Empire of a Sign*. London, 2001. P. 20 (ориг. изд.: *Waquet F. Le Latin: l'empire d'un signe*. Paris, 1998). По сути дела, к этому приказу восходят исторические причины, по которым вышеупомянутые *carmina* в гекзаметрах (авторства Лили) оказались такими живучими в английских грамматиках.

³⁸ *Lynn C. The Descent of Grammar* // *The Classical Journal*. Vol. 29. 1933. P. 111.

Иконографически Грамматика часто была представлена, помимо женщины, держащей различные атрибуты, также и в виде башни: здания из твердого камня, неко-его вместилища знания, в которое ученик должен был метафорически входить, подниматься по лестницам, узнавать, как устроено здание, и в конце концов достигать вершины³⁹. Эта идея вертикальности присутствует также и в произведении Гварны. Чтобы достичь царства Грамматики, нужно пересечь Альпы⁴⁰, и это только первый шаг по направлению к наукам еще более утонченным: страны Диалектики, Философии и Теологии находятся еще выше, они почти недосыгаемы. Однако на этом все, что касается вертикальности, и заканчивается. И все же главная причина равнодушия Гварны к монументальным зданиям лежит в его индифферентности к мнемотехникам.

Образ башни, без сомнения, хорош для мнемонических целей и помогает создать мысленную картину организации частей речи в виде единого здания, в котором латинский язык был бы «спрессован», очень эффективно отсылая читателя к некоторому количеству грамматических категорий, подчиненных некой иерархии. Гварна не предлагает собственно мнемонических задач и не выказывает никакого настоящего интереса к организации грамматики самой по себе: действительно, он не предлагает никакого подробного описания государства, управляемого двумя царями-близнецами, и, даже если и настаивает на чрезвычайной плодородности этой местности, богатой полями и с приятным климатом, со своей рекой *Sive*, на берегах которой разворачивается сражение, всего один только раз упоминается факт наличия там городов⁴¹, чьи здания не устаиваются интереса автора.

Книга Гварны описывает, скорее, саму войну и ее последствия: из его фантастического рассказа выходит, что все формы латинских слов, какими мы их знаем теперь, представляют собой исход определенных военных действий. По этой причине Гварну интересуют не просто глагол или существительное, но *все* глаголы и *все* существительные — масса индивидуумов, которую невозможно заключить в одну башню. Чтобы дать развернуться всем словам латинского языка, требуется простор пошире: именно что целое царство. Все преобразования, описанные Гварной, происходят в неопределенном пространстве: действительно, речь не идет о *topoi* или о *loci* мнемотехники, и, поскольку автору не важно создавать места памяти, чтобы фиксировать правила, слова латинского языка не позируют как замороженные в «Грамматической войне», но постоянно и безостановочно движутся. Единственный *locus memoriae* в тексте —

³⁹ Mittelberg I. Grammatical Imaginations: A Historical Approach to Linguistic and Pictorial Metaphor // Proceedings of the AISB «99 Symposium on Metaphor, Artificial Intelligence, and Cognition. Edinburgh, 1999. P. 79–86; Mittelberg I. The Visual Memory of Grammar: Iconographical and Metaphorical Insights // Metaphorik. de. Bd. 2. 2002. S. 69–89.

⁴⁰ Cp.: *Est ... altissimis circumdata montium cristis et inaccessis eo usque circumsaepa Alpium iugis, ut, nisi peritum habeas itineris ducem, ad eius plana cultaque numquam valeas pervenire* (Грамматическая война 1), а также: *Praesertim loca saltibus montibusque praepedita* (Грамматическая война 19).

⁴¹ Гварна А., Грамматическая война 16: *urbes omnes*.

это место главной битвы, где две армии собраны в области, называемой *Copula* («связь», но также «композиция» в узком грамматическом смысле), в полях Союзов, поблизости от уже упомянутой реки *Sive*. В том же самом месте, или, точнее, в одной пещере на развилке Союзов *Quod* и *Cum*, убит героический центурион *Ceter*. Понятно, что все эти указания топографического характера у Гварны не помогают ничего запомнить.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ САТУРНАЛИИ

Трудно отнести это произведение к одному какому-либо определенному жанру. Сам Гварна называл свою книгу *Grammaticae opus novum*, но, как было справедливо замечено, приспособление грамматического материала к нарративному жанру неизбежно влечет за собой потери материала: «Переписывание абстрактного дидактического текста, компоненты которого могут быть просто поставлены рядом, в нарратив, построенный в соответствии с конкретными изотопиями и в котором компоненты сменяют друг друга в соответствии с логикой необходимости (закон, хорошо известный уже Аристотелю), не способен совершенно заменить исходный жанр. Наша транспозиция, таким образом, действует не столько в качестве замены этого источника, сколько в качестве вспомогательного средства (как дополнение к настоящему курсу или учебнику)»⁴². Сам Гварна должен был отдавать себе в этом отчет: в какой-то момент он перестает перечислять изменения, которым подверглись слова латинского языка в результате сражений, чтобы констатировать: «Но если бы хотел я перечислить по порядку все несчастья каждого или награды, полученные за примерное поведение на войне, мой рассказ был бы слишком длинным»⁴³.

Кроме того, если бы «Грамматическая война» действительно мыслилась автором как новая грамматика, то ей недоставало бы одной важной отличительной черты, а именно похвальбы исключительной ясностью и простотой изложения и обещания изменить изучение латыни раз и навсегда. Как мы уже видели выше, латинские грамматики XV и XVI вв. начинались с такого рода похвал, приобретавших иногда преувеличенные формы прологов Рабле, который клялся, что видел много раз прокаженных и подагриков, у которых «не было никакого другого утешения, как только послушать чтение нескольких страниц из названной книги», то есть его собственной, а будучи только приложенными к щеке, «Хроники Гаргантюа» вылечивали зубную боль⁴⁴.

⁴² Milhe Poutingon G. De la grammaire à l'épopée: La Guerre grammaticale d'Andréa Guarna et sa traduction française de 1556 // D'un genre littéraire à l'autre / sous la direction de M. Guéret-Laferté, D. Mortier. Rouen; Havre, 2008. P. 92.

⁴³ Грамматическая война 32: *Cæterum si singulorum clades, aut rei bene eo prælio gestæ adepta decora sigillatim percurrere nitar, nimis longos offeram logos, ideo dicendi compendium faciens, illud asseruisse sufficiat.*

⁴⁴ Ф. Рабле, Гаргантюа и Пантагрюэль, пролог автора ко второй книге (Œuvres de F. Rabelais / par L. Jacob, excellente édition critique. Paris, 1857. P. 101).

Bellum grammaticale обращена не столько к тем, кто должен еще выучить латынь, сколько к тем, кто прошел уже первые фазы обучения и читает на латыни довольно бегло, и именно поэтому сможет оценить комические намеки и пародийные приемы, которыми полон этот чрезвычайно полифонический текст. Например, кажется совершенно серьезным, если не морализаторским, призыв не предпринимать необдуманных решений, произносимый в начале книги лично Теренцием в попытке предотвратить войну. На самом деле максима о том, что «умный, прежде чем браться за оружие, попробует действовать убеждениями» (*omnia prius experiri verbis quam armis sapientem decet*) из «Евнуха» принадлежит Фрасону, хвастливому воину, который сначала превозносит свои военные умения и рвется в бой, но когда наконец-то к этому предоставляется повод, трусит и именно тогда произносит эту свою реплику⁴⁵. Таким образом механизм, который создавал комический эффект у Теренция, — фанфарон прикрывает трусость призывами разрешать конфликты мирным путем — опрокидывается у Гварны, использующего изначальный позитивный смысл фразы, и то, что было смешным у Теренция, в «Грамматической войне» становится с виду серьезным.

Когда, ввиду грядущей необходимости, оба царя решают сделать военными горнистами дифтонги (и царь Существительных берет себе *Ae* и *Oe*, а царь Глаголов — *Au* и *Eu*), этот выбор объясняется тем, что они отлично обучены *aere ciere viros Martemque accendere cantu* («бронзой сзывать мужей и пением распалать Марса»). Речь идет об одном стихе из «Энеиды» Вергилия (6.165), который, естественно, совершенно деконтекстуализирован. Эней находится в царстве мертвых и со слезами и болью узнает в тенях своих товарищей; встречается также и Мизена, сына Эола, славного при жизни искусством трубача. Гварну здесь интересует анатомия самого этого действия — звать людей на битву — с грамматической точки зрения, его взгляд не может остановиться на фразе в ее контексте, но должен проникнуть на уровень дифтонгов, из которых, как мы неожиданно узнаем, издавна состоят военные крики. Если Мизен не знал себе равных в искусстве давать сигнал к битве, то это так же верно и по отношению к комбинациям гласных, когда речь идет об их персонификациях.

Гварна, конечно же, не был первым, кто использовал пародийные черты в грамматических сочинениях: он был продолжателем очень древней традиции, которая восходила к некоему Виргилию Марону Грамматику, о котором ничего не известно, кроме одной датировки седьмым веком, да и ту предлагают только очень

⁴⁵ Теренций, Евнух 789. Ср. комментарий Элия Доната к этому месту у Теренция: *Omnia prius experiri quam a.s. d. animaduerte, quantam uim habeant ad delectandum in comoediis seuerae sententiae, cum ab ridiculis personis proferuntur. quale est apud Plautum, ubi miles suam formam admirans ait nimia est miseria nimis pulchrum esse hominem* «*Omnia prius experiri quam armis sapientem decet*: обратите внимание на забавный эффект, который в комедиях есть у фраз, произносимых комическими персонажами: например, у Плавта один солдат, восхищаясь своей собственной красотой, говорит: "Какое несчастье быть слишком красивым!" <Плавт, Хвастливый воин 68>».

осторожно⁴⁶. Два его дошедших до нас произведения — «Эпитомы» и «Письма»⁴⁷ — являются чрезвычайно учеными сочинениями, полными цитат иногда выдуманных авторов, с неожиданными переходами от серьезного к комическому. Как пишет Джованни Полара во вступлении к критическому изданию и переводам «Эпитом» и «Писем»:

«Можно быть уверенным только в том, что ни одна фраза у Вергилия не является самой собой разумеющейся или беспроблемной. Что нужно думать, если в перечислении прозвищ (Эпитомы 5.3.1–2) мы оказываемся перед каскадом, несущимся с огромной скоростью так, что в нескольких строках от Сципиона Африканского упоминается “мой дядя Самминий, бывший отрадой своей мамы... и поэтому еще сегодня называемый Отрадушкой”, или когда, с очевидной аналогией ситуаций, в конце каталога грамматиков (Эпитомы 15.9.1) мы читаем, что “был также мой дед Мартул, человек образованный и красивой наружности”, или когда по поводу авторов диалектики Вергилий утверждает, что они “каркают на всех изображениях и стоят, жадно раскрыв рот, готовые в любой момент растерзать своими упреками всех пишущих” (Эпитомы 4.10.1), а потом выясняется, что исследования диалектики — это на самом деле те *differentiae verborum*, которые являются одной из важнейших составляющих произведения самого Вергилия?»⁴⁸

Бахтин называл тексты Вергилия Марона Грамматика «грамматическими сатурналиями, *grammatica pileata*»⁴⁹. К сожалению, мы не слишком много знаем об этом обычае нацеплять на грамматику колпак Сатурналий, хотя количество текстов, свидетельствующих об этом удивительном феномене, и превысило бы количество посвященных им исследований.

Грамматические пародии представляли собой некий ответ на официальный метод обучения и рождались в той самой среде, к которой нормативные грамматики были обращены; особенно в школьном фольклоре отражается веселое сопротивление школьников, юных и полных жизни, серьезному и косному миру, который представляли учителя латыни, хорошо известные своей жестокостью. Петрарка отговаривал от этой профессии тех, кто хотел бы сохранить хоть крупицу гуманности:

«Оставь учить детей тем, кто не умеет больше ничего делать, чей ум медленен, кровь ледяная, душа низкая, вкус грубый, кто любит беспорядок, шум и уныние, кому

⁴⁶ Ó Cróinín D. The Date, Provenance, and Earliest Use of the Writings of Virgilius Maro Grammaticus // Tradition und Wertung. Festschrift für Franz Brunhölzl / hgb. von G. Bernt, F. Rädle, G. Silagi. Sigmaringen, 1989. P. 13–22; Law V. Wisdom, Authority and Grammar in the Seventh Century: Decoding Virgilius Maro Grammaticus. Cambridge, 1995.

⁴⁷ Среди последних изданий см.: *Virgilio Marone Grammatico. Epitomi ed Epistole* / a cura di G. Polara. Napoli, 1979 и недавнее: *Virgilius Maro Grammaticus. Opera omnia* / ed. B. Löfstedt. Monachii et Lipsiae, 2003 (Bibliotheca Teubneriana).

⁴⁸ *Virgilio Marone Grammatico. Epitomi ed Epistole* / a cura di G. Polara. P. XXI–XXII.

⁴⁹ Бахтин М. М. Из предыстории романного слова // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. С. 437.

приятны вопли жертв в момент, когда на них весело опускается розга, кто находит счастье в возможности запугивать, истязать и мучить. Как может учительство считаться благородной профессией? Оставь такое низкое занятие, пока не поздно»⁵⁰.

Уолтер Онг, издатель произведений уже упомянутого Петра Рамуса и автор фундаментального исследования рамизма⁵¹, опубликовал в 1959 г. статью, в которой проводил аналогии между инициациями молодых людей в традиционных обществах и обучением латинскому языку во времена Возрождения⁵². Как бы ни отличалось содержание образования в одной культуре от другой, конечная цель воспитания — подготовка к будущему: в это время детям сообщаются основные сведения, касающиеся памяти их общества, однако в повседневном опыте передача этих сведений может принимать драматичные формы. Подросток изъят из своей семьи с тем, чтобы быть представленным в социальную жизнь общества, и эмоциональное потрясение, вызванное этим разрывом, усиливается различными физическими испытаниями, характерными для инициаций. Латынь представляла ключ к любой будущей деятельности, к любой публичной должности, была языком Церкви, так же как и государства: все трактаты, от военного дела до металлургии, не говоря о других науках, писали на латыни. Автору *Exercitium puerorum* не кажется преувеличением цитировать Евангелие (Ин. 15:5) во вступлении к своему учебнику: *sine me nihil potestis facere* («без Меня не можете делать ничего») — и продолжать перечислением профессий (ораторы, теологи, юристы, медики и т. д.), базирующихся на знании языка, учительницей (*doctrix*) которого является грамматика⁵³. Для того чтобы занять место в обществе (и речь идет, конечно же, о его высших и средних слоях), молодой человек должен был писать, говорить и думать на латыни: на практике это означало, что детей забирают из привычной домашней среды, из-под власти женщин, семьи, царства вернакулярного языка, и перемещают их в новую, исключительно мужскую, среду школы, которая обучала под звук розги⁵⁴.

Есть один аспект, который становится виден благодаря сравнительному подходу Онга, но им самим едва затронутый: как во время инициационного периода в традиционных обществах, так и в латинских школах Возрождения подросткам позволялось отклоняться от норм, принятых в обществе,

⁵⁰ Текст приводится у Scaglione A. *Metodi e programmi nell'educazione umanistica* // Italica. Vol. 36.3. 1959. P. 213. Речь идет о письме Петрарки к Дзаноби да Страда, «сыну Джованни Грамматика, который после смерти отца держал его школу, чтобы сводить концы с концами, а в свободные моменты посвящал себя поэзии и философии» (Balzelli G. B. *Del Petrarca e delle sue opere*. Firenze, 1797. P. 281).

⁵¹ Ong W. J. *Ramus, Method, and the Decay of Dialogue from the Art of Discourse to the Art of Reason*. Cambridge (Massachusetts), 1958 и *Ramus P., Talaueus A. Collectaneae praefationes, epistolae, orationes* / ed. by W. J. Ong. Hildesheim, 1969.

⁵² Ong W. J. *Latin Language Study as a Renaissance Puberty Rite* // *Studies in Philology*. Vol. 56. 1959. P. 103–124.

⁵³ *Exercitium puerorum*. Fol. 1 r.

⁵⁴ Ong W. J. *Latin Language Study as a Renaissance Puberty Rite*. P. 112.

им были позволены некоторые выходки. *Finito libro isto frangamus ossa magistro*⁵⁵ («Закончена эта книга, ломаем кости учителю») — написано от руки в конце одной грамматики, которая сейчас находится во Флоренции, в Риккардианской библиотеке⁵⁶. Сообщение адресовано товарищам в классе, как ясно из призыва, но возможно также, что автор фразы играл с огнем: с одной стороны, он защищался анонимностью, но с другой — сам факт владения книгой мог его выдать. Роберт Блэк в своем замечательном исследовании о преподавании латыни в Италии XII–XV вв. приводит много примеров того, как поля грамматик становились коммуникативным пространством для школьников. Здесь можно было похвастаться тем, что ты умнее других: *Ytalice ysopus sic scribe. Si nescis orthographiam stude* («По-итальянски иссоп так пиши. Если не знаешь орфографию, учись») было сказано в ответ тому, кто прежде того написал название растения иссоп как *Exopus*⁵⁷. Или, не открывая своего имени, можно было писать признания в любви, рисовать сердце, пронзенное стрелой, или переделывать некоторые заглавные буквы в женский торс⁵⁸.

Именно в этом пространстве, вечно живом во всех школах, процветали средневековые пародии: здесь рождались, например, стихи, в которых грамматические

⁵⁵ Еще более драматичным образом обменивание ролями между палачом и жертвой представлено в одном гимне из *Peristephanon* Пруденция (348 — ок. 413), посвященном страстям св. Кассиана из Имо-лы (изд. текста: *Prudence. Le livre des couronnes; Dittochaëon; Épilogue/texte étab. et tr. par M. Lavarenne. Paris, 1963. P. 109–116, на русском языке см. прекрасный перевод Р. Шмаракова: Пруденций. Сочинения. М., 2012. С. 112–114). Отказавшись жертвовать языческим богам, Кассиан приговорен к смерти. Палач, однако, спрашивает его о роде занятий и, узнав, что тот учитель, приказывает отдать его ученикам, предоставляя им отнять жизнь у того, кто наказывал их ежедневно раньше. Таким образом палач уступает свою роль жертвам учителя, называемого «бичеватель» (*verberator*, 38). Следует леденящее душу описание казни: ученики дают выход своей ненависти, которую каждый «скопил во гневе безмолвном» (*quantum quisque odii tacita conceperat ira*, 45), тело Кассиана превращается в восковые таблички буквально, дети пытаются писать железными стилосами на живой плоти их учителя, но руки их слабы и вместо того, чтобы принести так уже желанную смерть, только продляют его страдания: «Двести дланей ему совокупно все члены пронзили» (*omnia membra manus pariter fixere ducentae*, 57). В конце концов Христос сжаливается над Кассианом и дает ему умереть. Эта кошмарная история рисует мир как бы накануне апокалипсиса: только в царстве Зла, т.е. в царстве языческих богов, возможно позволить школьникам мстить таким страшным образом за физическую боль наказаний; напротив, в правильном и справедливо устроенном мире в розге видят необходимую и незаменимую часть воспитания: «Ибо учитель всегда учащейся младости горек» (*doctor amarus enim discenti semper efybo*, 27). В дальнейшем, особенно в эпоху Возрождения, мотив детей, завладевающих розгой учителя, войдет вместе с другими подобными в представления о «мире наоборот» (см., напр.: *L'Image du monde renversé et ses représentations littéraires de la fin du XVIe siècle au milieu du XVIIe/éd. par J. Lafond, A. Ridondo. Paris, 1979).**

⁵⁶ *Black R. Humanism and Education in Medieval and Renaissance Italy: Tradition and Innovation in Latin Schools from the Twelfth to the Fifteenth Century. Cambridge, 2001. P. 313, n. 370, ср. вариант: Finito libro rumpantur ossa magistro: P. 314, n. 379.*

⁵⁷ *Ibid. P. 314, n. 374.*

⁵⁸ *Ibid. P. 313.*

категории наделялись эротическими значениями, без сомнения, более актуальными для подростков. «Активный» залог и «пассивный», «склонения» и «междоуметия» — все эти названия приобретали двойные смыслы. «Родительный падеж» намекал на идею «стать отцом», как неизбежное последствие предшествующих «склонений»:

Prima declinatio
casuum regulatio
misit genitivum⁵⁹.

Впрочем, за исключением разве что наиболее прямолинейного именительного падежа, все остальные падежи тоже подвергались веселым истолкованиям:

Vocativos oculos,
ablativos loculos
gerunt mulieres.
Si dativus fueris
Quandocunque veneris
Genitivus eris⁶⁰.

Эти стихи предостерегают школьника от женщин со «звательными» взглядами и ненасытными, «отложительными» кошельками и их аналогами из женской анатомии: *loculi* имеют здесь двойной смысл. «Если будешь дательным — подытоживается в стихе, — станешь родительным»⁶¹.

Но какими бы уничижительными ни были воззрения школяров на женскую природу, именно женщины интересовали школяров больше всего. В одной пародии XIII в. на «Доктринале» Александра из Вильдьё провозглашается новая грамматика, предметом которой являются прекрасные девушки:

⁵⁹ Lehmann P. Die Parodie im Mittelalter. Stuttgart, 1963. S. 108.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Логическая и структурная модель, которой следуют студенты, почти не отличается от той, которую использовали «серьезные» грамматики. Уже Исидор Севильский (Этимологии 1.7.31–32) так объяснял происхождение названий падежей: «Именительный так называется потому, что через него мы называем что-либо, например *hic magister* ("этот учитель")». Родительным падежом спрашиваем о чем-либо роде, например *huius magistri filius* ("сын этого учителя"), или когда речь идет о какой-либо вещи: *huius magistri liber* ("книга этого учителя"). Дательный падеж так называется потому, что с ним мы демонстрируем передавание чего-либо кому-либо, как *da huic magistro* ("дай этому учителю"). С винительным обвиняем кого-либо, например *accuso hunc magistrum* ("обвиняю этого учителя"). В звательном падеже зовем кого-либо: *o magister*. У отложительного такое название потому, что с ним подразумеваем унесение прочь чего-либо у кого-либо, как например *auffer a magistro* ("отними у учителя"). И на этом же самом принципе буквального истолкования названий падежей строились сатиры против судей и адвокатов, которые знали только два падежа, дательный и винительный: *Alford J. A. The Grammatical Metaphor: A Survey of Its Use in the Middle Ages* // *Speculum*. Vol. 57. 1982. P. 728–760.

Jam tempus est cognoscere
 quid feminini generis
 composita figura;
 quid sit casus inflectere
 cum famulabus Veneris;
 quid copula, coniunctio;
 quid signat interiectio,
 dum miscet cruri crura⁶².

(«Пора узнать, что такое композитная фигура женского рода, что значит склонять падежи со служанками Венеры, что такое связь, союз и междометие, в то время как ноги сплетаются с ногами»).

В XVII в. силезскому медику Каспару Дорнау понадобилось два тома in folio, чтобы создать собрание текстов, иллюстрирующих карнавальную сторону филологических исследований. Собрание было озаглавлено «Амфитеатр Сократовой шутливо-серьезной мудрости» (*Amphitheatrum sapientiae Socraticae joco-seriae*)⁶³ и включало в себя, помимо «Грамматической войны», также «Суд гласных» Лукиана, в котором буква греческого алфавита Сигма обвиняет в суде другую букву, Тау, в хищении ее собственности в аттическом диалекте, где эта последняя узурпировала ее место во многих словах. «Амфитеатр» содержал множество других подобных сочинений: например, поэму «Побоище поросят» (*Pugna porcorum*), напечатанную в 1530 г. доминиканским монахом Жаном Плезаном (*Placentius*)⁶⁴, которая описывала в героических гекзаметрах битву среди свиней и в которой каждое слово начиналось на «п»: например, *Plaudite porcelli, porcorum pigra propago*, и т.д. В этом «Амфитеатре» могли найти себе место также греческие «Грамматические стихи» Никиты из Гераклеи (ок. 1100)⁶⁵, как и многие другие тексты, до сих пор не изданные или, возможно, еще не найденные или считающиеся недостойными серьезного исследования⁶⁶.

⁶² *Lehmann P.* Op. cit. S. 223.

⁶³ *Amphitheatrum sapientiae Socraticae joco-seriae*, hoc est, Encomia et commentaria autorum, qua veterum, qua recentiorum prope omnium: quibus res, aut pro vilibus vulgo aut damnosius habitae, styli patrocinio vindicantur, exornantur: opus ad mysteria naturae discenda, ad omnem amoenitatem, sapientiam, virtutem, publice priuatimque vtilissimum: in duos tomos partim ex libris editis, partim manuscriptis congestum tributumque, a Caspar Dornauio philos. et medico. Hanouiae, 1619.

⁶⁴ Об авторе см. сведения, собранные в: *Pugna porcorum per P. Porcium poetam / publ. par U. Capitain.* Liège, 1856.

⁶⁵ Эти στῆχοι, около сотни триметров, изданы в: *Anecdota Graeca / ed. J. F. Boissonade.* Vol. 3. Paris 1831 (repr. Hildesheim, 1962). P. 323–327; Карл КрUMBACHER (*Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum ende des oströmischen Reiches (527–1453). München, 1897. S. 588) упоминает также «орфографические правила в форме церковного канона без имени автора», содержащиеся в кодексе Vindob. theol. 203, foll. 51–76 (благодарю за эти сведения Томмазо Браччини).

⁶⁶ Многие примеры школьного латинского фольклора собраны в: *Weis H.* *Bella Bulla: Lateinische Sprachspielereien.* Bonn, 1960.

ПРОТОТИП

Хотя царство Грамматики и представало в тексте Гварны вечным и неподвластным времени, можно тем не менее различить сквозь приключения грамматических персонификаций присутствие одного конкретного учебника, который был известен всем читателям начала XVI в. Это *Rudimenta grammatices* Никколо Перотти (1429–1480), известного гуманиста, сразу после окончания университетского курса в Падуе ставшего секретарем кардинала Василия Виссариона, в кружке которого Перотти познакомился с Лоренцо Валлой. Папа Николай V оценил его перевод Полибия в 50 золотых дукатов, а император Фридрих III объявил его в 1452 г. поэтом-лауреатом⁶⁷. Человек необузданного нрава, способный послать наемных убийц к Поджо Браччолини, будучи вовлеченным в спор между последним и Лоренцо Валлой⁶⁸, Перотти вошел в историю прежде всего как автор *Rudimenta grammatices* (напечатанных впервые в 1473 г.), грамматики, чрезвычайно популярной в XV и XVI в. не только в Италии, но также во Франции, Испании, Германии и Нидерландах. Эразм Роттердамский в своем *De ratione studii* (1511) выделял Перотти среди всех других как «наиболее аккуратного, но все же без маниакальности» (*Perottus videtur omnium diligentissimus, citra superstitionem tamen*)⁶⁹, а Леонардо да Винчи пытался выучить латынь, переписывая из *Rudimenta* слова и примеры⁷⁰.

Внимательный анализ страниц Перотти обнаруживает присутствие многих античных и средневековых грамматик: здесь цитируются Донат, Присциан, «Грамматические правила» Гварино и одна средневековая анонимная компиляция, названная *Janua* («Дверь») по ее первым словам: *lanua sum rudibus primam cupientibus artem* («Я — дверь для жаждущих первого искусства <то есть грамматического>»)⁷¹. Таким образом, грамматика, которую Гварна наряжает в колпак Сатурналий, — это самый известный учебник XV–XVI вв., представляющий экстракт предыдущего опыта

⁶⁷ Mercati G. Per la cronologia della vita e degli scritti di Niccolò Perotti arcivescovo di Siponto. Roma, 1925; Monfasani J. Il Perotti e la controversia fra platonici ed aristotelici // *Res Publica Litterarum*. Vol. 4. 1981. P. 195–231 (на с. 225 сн.); Kristeller P. O. Niccolò Perotti ed i suoi contributi alla storia dell'umanesimo // *Kristeller P. O. Studies in Renaissance Thought and Letters II*. Roma, 1985. P. 301–339.

⁶⁸ Cessi R. Notizie umanistiche: III. Tra Niccolò Perotto e Poggio Bracciolini // *Giornale storico della letteratura italiana*. Vol. LIX. 1912. P. 312–346. Vol. LX. 1912. P. 73–111; Monfasani J. George of Trebizond: A Biography and a Study of His Rhetoric and Logic. London, 1976. P. 122–123.

⁶⁹ Jensen K. The Humanist Reform of Latin and Latin Teaching // *The Cambridge Companion to Renaissance Humanism* / ed. by J. Kraye. Cambridge, 1996. P. 68.

⁷⁰ Solmi E. Niccolò Perotti, Luigi Pulci e gli studi autodidattici di Leonardo da Vinci sulla lingua latina ed italiana // *Rivista d'Italia*. Vol. 13. 1910. P. 390–447; Solmi E. Nuovi contributi alle fonti dei manoscritti di Leonardo da Vinci // *Giornale storico della letteratura italiana*. Vol. 58. 1911. P. 297–357; Marinoni A. Gli appunti grammaticali e lessicali di Leonardo da Vinci. 2 vol. Milano, 1944–1952.

⁷¹ Percival W. K. The Place of the *Rudimenta grammatices* in the History of Latin Grammar // *Res Publica Litterarum*. Vol. 4. 1981. P. 233–264, статья перепечатана также в: Percival W. K. *Studies in Renaissance Grammar*. Aldershot; Burlington, 2004.

преподавания. Было много черт, по которым читатель «Грамматической войны» мог распознать в ней именно произведение Перотти: для начала, это парадигмы глагола и существительного. *Poeta* и *Amo*, главные персонажи в *Bellum grammaticale*, у Перотти являются образцами склонения и спряжения; но есть также немало других примеров, которые всегда берутся Гварной с тем, чтобы дать им собственную жизнь и особенное поведение. Например, вот как Перотти описывает один из разрядов непереходных глаголов:

Quae sunt uerba neutra octauī ordinis? quae neutra passiuā dicuntur: quod in uoce actiua instar passiuorum conſtruantur: ut discipulus uapulāt a praeceptore et sunt quinque

<i>Exulo</i>	<i>as</i>	<i>auī</i>	<i>atum</i>	<i>per essere sbandito</i>
<i>Liceo</i>	<i>es</i>	<i>ui</i>	<i>tum</i>	<i>per essere apprezzato</i>
<i>Vapulo</i>	<i>as</i>	<i>auī</i>	<i>atum</i>	<i>per essere battuto</i>
<i>Vaeneo</i>	<i>is</i>	<i>ui</i>	<i>tum</i>	<i>per essere uenduto</i>
<i>Nubo</i>	<i>is</i>	<i>psi</i>	<i>tum</i>	<i>per essere maritato</i>

(«Каковы непереходные глаголы восьмого разряда? Те, что называются непереходно-пассивными, так как в активном залоге у них такая же конструкция, как у пассивных: как, например, во фразе *discipulus uapulāt a praeceptore* «ученик отлуплен учителем», и их пять — *Exulo, Liceo, Vapulo, Vaeneo, Nubo*»)⁷².

Отметим остроумие Перотти, выбравшего для иллюстрации идеи глагола с пассивным значением фразу «ученик отлуплен учителем»⁷³. Гварна, который никогда не ограничился бы простым изложением, наделяет особой жизнью каждое слово из стандартной грамматики, и вот перед нами уже больше не таблица глаголов, но шайка негодяев:

Verba illa pestifera, pernicioſa, mendacia, aliud ſemper in lingua, aliud in corde clauſum habentia, licet nullum lucrum eo fecerint bello, tamen praetereunda non ſunt nec eorum reticenda arbitror nomina, ut ab illis caveant cuncti, quoniam paſſionem continue adferunt ſub ſpecie actionis. Quorum haec nomina Exſulo, Veneo, Nubo et Vapulo. Vltimi huius inſidias aduſcentiorum quiſque, quo fuerit cautior, eo enixius declinabit, ſi ſuis recte conſultum uolet natibus.

⁷² Текст Перотти цитируется здесь и дальше по изданию: Rudimenta grammatices. Taurini, 1501 [Bibliothèque Universitaire de Tours, FB 7169]. Fol. e v r.

⁷³ Пример *ego uapulo a magistro* находится уже в учебнике Гварино Веронезе (Regule grammaticae. Venetiis, 1502. Fol. b vi v). Традиция играть с темой порки в грамматиках имеет очень долгую историю. Алкуин из Йорка (ок. 731–804) в своем «Искусстве грамматики», созданном в Туре в 798 г., в котором, помимо авторитетного голоса учителя, присутствуют диалоги между двумя учениками, так объясняет междометия. На вопрос одного ученика *Interiectio quid est?* («Что такое междометие?») другой ученик отвечает: *Quantas me audisti incondita uoce proferre, cum ante pedes magistri jacui?* («Сколько раз ты слышал, как я их произносил нечленораздельным голосом, лежа у ног учителя?»). См.: Sluiter I. Persuasion, Pedagogy, Polemics: Two Case Studies in Medieval Grammar Teaching // New Medieval Literatures. Vol. 11. 2009. P. 185.

(«Также и те чумные, опасные, двуличные Глаголы, которые говорят одно, а подразумевают другое, хотя и не обогатились никак в этой войне, все же заслуживают упоминания. Более того, думаю, что как раз нужно помнить их имена, чтобы быть с ними настороже, поскольку, передавая пассивное значение, они выглядят как активные. Имена их вот какие: *Exulo, Veneo, Nubo* и *Vapulo*. Козней этого последнего всякому школьнику удастся избежать тем надежнее, чем старательнее он будет спрягать его, если хочет соблюсти надлежащий уход за своими ягодицами») ⁷⁴.

Отметим напоследок одну особенность *Rudimenta grammatices*: склонения в них напечатаны в столбик. Табулярная организация склоняемых парадигм, неотъемлемая часть современных грамматик, была совершенной новостью во времена Перотти. Он уловил эту систему, что называется, из воздуха, хотя и не был ее изобретателем. Юлий Помпоний Лет (1428–1497), ученик Лоренцо Валлы и один из создателей Римской академии, ввел использование таблиц в обиход со своей латинской грамматикой, которая осталась ненапечатанной: манускрипт датируется 14 сентября 1466 г., то есть за два года до рукописи Перотти, законченной в 1468 г. ⁷⁵. Как замечает Персивал, неясно, до какой степени табулярная система была новинкой: Создано ли Пистойя (1387–1458) перечисляет окончания (но не полностью формы) в столбик. За новаторством Помпония Лета вскоре последовал Антонио де Небриха в своих *Introductiones Latinae explicitae* (1481) ⁷⁶. И все же только с учебником Перотти табулярная система была впервые представлена широкой публике. И как знать, возможно, вид списков различных частей речи, выстроенных вертикально, сыграл определенную роль в тот самый момент, когда Гварна обдумывал свою грамматическую войну, где войска маршируют к месту сражения, выстроенные полками и центуриями.

⁷⁴ Грамматическая война 28.

⁷⁵ О рукописи Перотти (Vat. Lat. 6737) см.: *Percival W. K. The Place of the Rudimenta grammatices in the History of Latin Grammar*. P. 233–234; манускрипты грамматики Помпония Лета описаны в: *Ruysschaert J. Les manuels de grammaire latine composés par Pomponio Leto*//*Scriptorium*. Vol. 8. 1954. P. 98–107 и *Ruysschaert J. À propos des trois premières grammaires latines de Pomponio Leto*//*Scriptorium*. Vol. 15. 1961. P. 68–75.

⁷⁶ *Percival W. K. The Place of the Rudimenta grammatices in the History of Latin Grammar*. P. 243. Отметим присутствие таблиц, диаграмм, иллюстраций и использование чернил различных цветов в одном манускрипте, датирующемся примерно 1478 г. и происходящим из Южной Германии, так называемом *Seligenstädter Lateinpädagogik*; ср.: *Aszatlos M., Öberg J., Stedje A., Stolt B. Die «Seligenstädter Lateinpädagogik»: Eine illustrierte Lateingrammatik aus dem deutschen Frühhumanismus: Die Handschrift C678 der Universitätsbibliothek zu Uppsala*. 2 vol. Stockholm, 1989.

Андреа Гварна

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ВОЙНА,
или НОВЫЙ ТРУД ГРАММАТИКИ, ИЗЛОЖЕННЫЙ СЖАТО
И С УДИВИТЕЛЬНЫМ ИСКУССТВОМ (1511)

ЦАРСТВО ГРАММАТИКИ

В том, что земля Грамматики была бы самой прекрасной и плодородной из всех других мест, имевших славу во всем мире, не сомневается никто из высокообразованных людей или даже из среднеобразованных. И, поскольку она не уступает никакому другому месту ни в красоте, ни в целебности климата, ни в обилии плодов всякого рода и всего остального, без чего не может обходиться наша земная жизнь, всегда эта местность производила и вскармливала прославленных мужей. Как и в наше время, также и в древности, был строго соблюдаем всеми народами (кроме варваров и тех, кто совсем без культуры) обычай отправлять туда всякий ум, что родился бы хорошего нрава, или того, кто подавал бы надежды, с тем чтобы быть обученным в наиболее избранных областях. Именно отсюда открывается единственная возможность проникнуть в более высокие сферы и более счастливые местопребывания, то есть в Философию, в Диалектику, в Теологию и в другие подобные территории, которых никто не может достичь иначе как пройдя сначала эту. <...>

Эта местность, стало быть, хотя и является целой и неделимой, управляется двумя могущественнейшими властителями — Глаголом и Существительным. Первого зовут *Амо* (Люблю), а второго *Poeta* (Поэт), и правили они с незапамятнейших времен в такой согласии, что никто никогда не слыхал ни об одной ссоре между ними, ни об одном разногласии, ни об одной распри в составлении предложения (*oratio*), которое является источником всякой прибыли обеих царей.

<...> Одним словом, в таком-то согласии двух царей, в то время как дела всей Грамматики шли как нельзя лучше, случился между ними разлад из-за пустяка, и вдруг вовлеклось все в сумятицу и никем не жданные объявления войны: чего не сделают только вино и неумеренное чревоугодие! Одной-единственной попойке удалось сломать такую сильную гармонию устремлений и бросить двух правителей в такую вражду, что, подстрекаемые, как дикие быки оводом, неумеренной жадой властвовать, они почти что разрушили до основания свое царство и благородный суверенитет Грамматики! <...>

РАЗДОР

Однажды два вышеупомянутых царя обедали в летнюю жару, рядом с родником, сочившимся прозрачайшей вечной водою, берега которого затеняли чрезвычайной свежести зеленеющие буки и устремляющиеся ввысь платаны. После того как желудки насытились и все были немного разогреты выпитым вином, завязалась у них беседа о том, кому принадлежит более важная роль в составлении предложения. Глагол отстаивал для себя наиболее почетное место, Существительное настойчиво возражал ему, утверждая невозможность существования предложения без него, а также тот факт, что только он сам является залогом его понятности и очарования. «Что сможешь ты сделать в предложении,— говорил он,— если меня там не будет? Стоит отлучиться мне на минутку, и слушающий будет понимать тебя так же, как понимал бы немого, который вздумал говорить. Попробуй только составить предложение без меня, сделай так, чтобы тебя понял всякий, кто слушает! Ясно, что если бы я не был при тебе переводчиком, никому не удалось бы вникнуть даже в твои изначальные намерения. Кроме того, нужно учитывать также то, что я старше тебя и, следовательно, авторитетнее. Кто не знает того, что Существительное появилось раньше Глагола? Кому не понятно, что происхождение Существительного более древнее? Ясно, что Бог создал все вещи, а среди них создал также и Глагол. А Бог есть Имя (Существительное)⁷⁷, не Глагол. Следовательно, все вещи были созданы Именем, и не только речь (*oratio*) была создана Богом, то есть Именем, но и ты сам, Глагол, раздувающийся тут сейчас, приходишь от Имени. Читал, наверное, хоть раз фразу “Среди рожденных женщинами не появлялся больший Иоанна Крестителя” <Матф. 11:11>? Это слова Бога, ты не сможешь их никогда опровергнуть. Но если нет никого больше Иоанна и если Иоанн было именем его, то нет никого, кто был бы больше, чем Имя. Можно было бы привести шестьсот ясных как день доказательств в пользу того, что по достоинству, по древности и по авторитетности Существительное превосходит Глагол. Но я их все охотно опушу, поскольку не хочу создать впечатления, что меня интересовало бы превосходство над Глаголом во многословности, а не в обоснованности вопроса».

«А я еще удивлялся, Поэт,— ответил Глагол,— почему это божественный Платон выгнал тебя из своей республики⁷⁸. Но сейчас, когда открывается мне, с какой дерзостью и безрассудным нахальством ты впутываешь божественные

⁷⁷ Латинское *nomen* означает как «имя, название» вообще, так и собственно грамматическое «имя существительное».

⁷⁸ Как будет видно во всем тексте, Гварна постоянно переводит дословно и толкует названия и технические термины латинской грамматики, обнаруживая, таким образом, в них массу эвристических возможностей, помимо собственно комических эффектов. Так, например, брат царя Глагола больше не Существительное, но буквально поэт; как только его имя переведено буквально, тотчас же возникает неизбежная ассоциация с Платоном и его мнением о статусе поэзии в идеальном государстве: пассаж из «Государства» (книга III, 398), в котором объясняется необходимость изгнания поэта, сперва «умапив ему голову

авторитеты в эти свои глупости, я понимаю, что этот мудрейший философ рассудил верно. В самом деле, если бы он не выгнал тебя из того государства, которое устраивал, ты многими вещами погубил бы умы всех граждан, но в особенности этими своими лживыми суевериями, этими сверхъестественными божествами. Что бы ни осмелился ты утверждать в своей наглости и гордыне, из-за твоего желания отнять у меня почетное место, которое занимаю я по праву с незапамятных времен в этом царстве, — и делаешь ты это выдуманскими аргументами, переиначенными и искаженными цитатами из священных текстов?

Но не единственный же ты у нас тут эксперт в словесности: я удержу власть, которая мне причитается, обосновав ее тем, что говорится весьма ясно в этих самых писаниях. Прочитирую начало главы из древнего текста, где сказано: “В начале было Слово (Verbum), и Слово было у Бога, и Слово было Бог”⁷⁹. Навостри уши, чего морщишься? “И Глагол — говорит он, — был Богом, Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть”. Так что это не Существительное создало все, а Глагол, и Бог был Глаголом, а не Существительным, и Глаголом Бога укреплены небеса. Что скажешь? Не тебя поддерживают божественные свидетельства; понял теперь, что на моей они стороне, а не на твоей? <...>

Но кто ты такой, на самом деле, и какой важностью обладаешь, бросая в лицо все эти утверждения, ты, что шумишь так сильно, надутый так, что есть опасность, что скоро лопнешь? Скажешь: “Я — царь существительных”. Но как тебя зовут? Ответишь: “Поэт”. Но что такое поэт, как не пустомеля, продавец чепухи, выдумыватель басен, учитель злодеяний, болтун, вздорный лжец, пьяница и дурак? Ты искажаешь правду, кормишь ложью, целый мир сотрясаешь и обрушиваешь своей болтовней, ты, кто говорливостью своей узурпировал себе авторитет в необразованной толпе, осмеливаешься оспаривать превосходство прославленного рода Глаголов. Чему могут научиться от тебя юноши, которых родители доверяют тебе с целью образования, как могут эти юноши быть побуждаемы к доблести? Только о Юпитере-прелюбодее сможешь ты рассказать им, о ревнивице Юноне, о продажной Венере и наставителе рогов Марсе, а также о массе других прекрасных плодов твоей науки. Ты, перебрав лишнего, как если был бы преисполнен вина, а не божественного духа, на манер одержимого или помешавшегося, осмеливаешься путать небо с землей и землю с небом!»

Раскалившись от таких слов сильнее, чем от гнева, царь Поэт, не в силах больше выносить бесчестия и брошенных ему оскорблений, вскричал: «Как

благовониями и возложив на нее венок из шерсти», был, возможно, одним из самых известных и часто обсуждаемых в эпоху Ренессанса.

⁷⁹ Эта, как и следующая, фраза являются дословными цитатами из вступления к Евангелию от Иоанна (1:1–3; версия Вульгаты).

посмел ты, негодяй, произнести своим бесстыдным ртом такие слова обо мне?» И одновременно, не видя больше ничего перед собой, схватил кубок и уже метнул бы его, если бы кто-то из рядом стоящих не удержал руку. Нет никаких сомнений, что, ввиду крайнего раздражения обеих сторон, от слов скоро перешли бы к действиям, не вмешайся убежденные мудростью старцы, которые и развели опьяненных яростью царей по домам.

ВОЙНЫ НЕ МИНОВАТЬ

На следующее утро с обоих флангов прибыли сочувствующие и завязалась обширнейшая дискуссия о перепалке, случившейся накануне. Из лагеря Существительных доносилась резкая критика оскорблений, нанесенных царем Глаголов, и большинство, в особенности молодежь, было крайне возмущено и придерживалось того мнения, что такие слова царя *Ато* не должны оставаться безнаказанными и что ему должен быть преподан урок: высочайшее величие Существительных никогда не давало спуска оскорблениям. И даже если самые старшие, и в особенности Теренций, который присутствовал тогда там, старались убедить всех, что не стоит принимать опрометчивых решений и что, прежде чем браться за оружие, умный должен пытаться разрешить все сперва убеждениями <Теренций, Евнух 789>, все Существительные были до такой степени единодушны, поддерживая своего правителя в конфликте, что большинством голосов было решено объявить войну всем Глаголам. Поэтому царю *Ато* был отправлен глашатай с трубой — объявлена вражда и открытая война.

Не то чтобы в стане царя Глаголов вынашивались более здравые планы. К его знаменам стянулись все подразделения, и за время долгих обсуждений того, как достоинство Глаголов должно быть удержано на прежнем уровне в царстве Грамматики, а самохвальство Существительных — подавлено, подоспел вестник царя *Poeta*, чтобы старательно передать все, что ему было поручено касательно войны. Глаголы объявили о своей готовности к конфликту, и помыслы всех устремились к войне.

ПОСТРОЕНИЯ ВОЙСК

Царь Глаголов, стало быть, послал своих трубачей и вестников ко всем народам и национальностям, что были под его властью, и приказал всем, годным носить оружие, явиться в назначенный день. Первыми из всех прибыл начальник Наречий⁸⁰ *Quando* вместе с шестью своими центурионами: *Ubi*, *Quo*,

⁸⁰ Наречия являются первыми по причине их близости к Глаголу: например, Никколо Перотти в своих *Rudimenta grammatices* так объяснял этимологию слова *adverbium*: *Stat ad verbum, hoc est iuxta verbum*

Unde, Qua, Quorsum и *Quousque*. За ними следовали солдаты, построенные в манипулы, и первому центуриону подчинялись *Hic, Illic, Istic, Intus, Foris, Ibi, Ibidem, Sicubi, Necubi, Alicubi, Alias, Alibi, Usquam* и *Nusquam*. Второму — *Huc, Illuc, Istuc, Intro, Foras, Alio, Nequo, Aliquo, Siquo, Illo, Eo* и *Eodem*. Третьему были подчинены *Hac, Illac, Istac, Alia, Aliqua, Nequa, Illa, Ea* и *Eadem*. От четвертого зависели *Horsum, Illorsum, Istorsum, Introrsum, Extrorsum, Dextrorsum, Sinistrorsum, Aliorsum, Aliquorsum, Sursum* и *Deorsum*. За пятым следовали *Hactenus, Hucusque, Eousque, Usquemodo* и *Usquenunc*. Шестой центурион сам нес в руке знамя и занимал центральную позицию относительно остальных, так что два подразделения ему предшествовали, он следовал за ними, и остальные три замыкали построение⁸¹. Также многие другие Наречия шли перед ними, некоторые защищали фланги войск в марше, одни разведывали территорию, другие заботились, чтобы строй не разбивался. <...> Все эти Наречия были защищены тройными доспехами: несли вид (*speciem*)⁸² как щит, как латы использовали значение (*significationem*) и фигуру (*figuram*)⁸³ — как меч. Многие другие народности Глаголов прибыли на помощь своему государю, а именно: народ Начинательных (*Incohativa*), Фреквентативных, Медитативных, Дезидеративных, Имитативных, Деминутивных и Деноминативных глаголов, с их многочисленными войсками, внушающими уважение.

(«Стоит у глагола, то есть рядом с глаголом»), и в *lanua*, средневековой переработке грамматики Доната с фрагментами других античных грамматик, уточнялось: *Stat iuxta verbum et semper nititur verbo* («Стоит рядом с глаголом и всегда на него опирается»), ср.: *Schmitt W. O. Die lanua (Donatus) — Ein Beitrage zur lateinischen Schulgrammatik des Mittelalters und der Renaissance // Beitrage zur Inkunabelkunde. Bd. 4. 1969. S. 79.*

⁸¹ Вопросительные наречия обычно рассматривались в грамматиках как отдельная категория, но Гварна объединяет их вместе с другими, создавая из них воинское подразделение на марше. Их описание подчинено главной теме — пока еще не идет речи о порядке, в котором будет приниматься сражение, но только о строе, в котором наречия прибывают к месту битвы: главными являются категории времени и места. Центуриону *Ubi* («где?») подчинены, то есть «отвечают», солдаты *Hic* («здесь»), *Illic* («в этом месте»), центуриону *Quousque* («До каких пор?») подчинены солдаты *Hactenus* («вплоть до этого места»), *Hucusque* («досюда»), и т.д.; все шесть центурий повинуются командиру *Quando*, вопросительному наречию времени («когда?»), формируя походную колонну, построенную как римский агмен, оригинальный термин, используемый Гварной.

⁸² Ср. у Перотти (*Rudimenta grammatices. Fol. a iii v*): «Как много видов имен существительных...? Два. Коренные (*primitiva*), как *iulus* («Юл», праотец рода Юлиев), *mons* («гора») и производные (*deriuatiua*), как *iulius* («Юлиев»), *montanus* («горный»)».

⁸³ Ср. о фигуре в «Малой науке» Доната (*Holtz L. Donat et la tradition de l'enseignement grammatical. P. 586, 13*): «Как много фигур есть у существительного? Две. Какие? Простая (*simplex*), например *decens* («подобающий»), *potens* («сильный»), композитная (*composita*), например *in-decens* («не-подобающий») *in-potens* («бесильный»). Как составляются фигуры существительного? Четырьмя способами: из двух целых (*integer*) слов, например, *sub-urbanus* («пригородный»); из двух поврежденных (*corruptus*) слов, например *ef-ficax* («успешно действующий»), *timpi-cers* («гражданин»); из одного целого и одного поврежденного слов, например *in-sulsus* («безвкусный»); из одного поврежденного и одного целого слов, например, *nugigerulus* («болтун», «ветрогон»); иногда из нескольких слов, например, *in-ex-pugna-bilis* («непобедимый»), *in-per-territus* («бесстрашный»)».

Явились также сильнейшие сатрапы, Неправильные глаголы (*Anomali*), которые хозяйничали на окраинах Грамматики, чрезвычайно воинственные, но совершенно не подчиняющиеся никакому строю. Вот их имена: *Sum, Volo, Fero, Edo*. По разрешению царя им было позволено устанавливать свои палатки в любом месте лагеря с условием не подстрекать солдат. За ними к армии присоединился народ Недостаточных глаголов (*Defectiva*), ясно отличающихся друг от друга и наилучшим образом поделенных на эскадроны. Это были *Memini, Novi, Coepi* и *Odi*, а также *Vale, Salve, Aio, Inquit, Faxo, Cedo*, вооруженные до зубов и весьма расположенные к сражению. За ними следовали все Активные Глаголы, одетые в -о, и Пассивные — в -ог, а также Средние (*Neutra*) Глаголы вместе с Отложительными (*Deponentia*), Общими (*Communia*) и Безличными (*Impersonalia*), все говорящие на разных языках и диалектах, вооруженные залогами (*genera*), временами (*tempora*), наклонениями (*modi*), видами (*species*), фигурами (*figurae*), лицами (*personae*) и числами (*numeri*)⁸⁴.

Как только была собрана такая многочисленная армия, царь *Амо* отвел ее в обширные поля Союзов в одно место, называемое Связкой (*Corula*), и там раскинул свой лагерь у реки Разделительных (*Disiunctivae*) Союзов, называемой *Sive*. Там он распределил свои Глаголы на четыре спряжения, назначив каждому свое место в лагере, за исключением только Служебных (*Familiaria*) Глаголов — *Incipit, Desinit, Debet, Vult, Potest, Iubet, Audet, Nititur, Tentat* и *Dignatur*, — которым было приказано нести поклажу Инфинитивов. Последними из всех прибыли такие чрезвычайно авторитетные Глаголы, как *Pluit, Ningit, Fulgurat, Tonat, Fulminat* и *Advesperascit*, все с когортами своих храбрейших солдат. Также Герундии и Супины бросили ряды Существительных и примкнули к Глаголам.

Царь Существительных, *Poeta*, был информирован о больших силах, собираемых врагами против него, и в страхе, как бы неожиданное нападение не застигло его врасплох, если бы он остался дожидаться атаки столь многочисленных войск, приказал всем своим подданным явиться как можно скорее вооруженными и выстроенными в соответствии с их способностями. Первыми, по причине связей наиболее близкого родства, явились предводители Местоимений, *Ego, Tu, Sui*, все единокровные царю и рожденные из той же крови, что и Аршакиды⁸⁵, вместе с ними были: *Meus, Tuus, Noster* и *Vester, Nostras* и *Vestras, Ille, Ipse, Iste, Hic* и *Is*. Все Имена были построены

⁸⁴ «Средние глаголы» чаще называются непереходными, в то время как «общими» являются глаголы на -ог, не имеющие активного залога, но в единственной этой форме на -ог могущие принимать как активное, так и пассивное значение и конструкцию (как, например, *dignor*) и отличающиеся этим от отложительных глаголов.

⁸⁵ Другими словами, «посредством браков между наиболее близкими родственниками», в «Роге изобилия» Никколо Перотти Аршакиды — общее имя для персидских царей, как Птолемеи в Египте, женившиеся на своих сестрах, ср.: Лукан, Фарсалия 8.396–411.

клиньями и разделены на центурии под разными знаменами: Непроизводные (*Primitiva*), Деривативные, Релятивные, Посессивные, Родовые (*Gentilia*). Кроме того, прибыли три артикля, воинственные до невозможности, и давно приученные к военному делу. Первый был *Hic*, *Haec*, *Hoc*, второй *Hic* и *Haec*, третий *Hic* и *Haec* и *Hoc*, все были экипированы видами (*species*), родами (*genera*), фигурами (*figura*), лицами (*personae*) и падежами (*casus*)⁸⁶.

За ними следовали славные военачальники Относительных Местоимений (*Relativa*); *Quis*, *Quae*, *Quod* или *Quid* примкнули к этому же построению и были генеральными референдариями царя Существительных во всем его царстве, и с ними рядом были все Местоимения Относительные и Субстантивные, разделенные на два подразделения, а именно тождества (*identitatis*) и отличия (*diversitatis*). В первом были *Is*, *Suus*, *Ipse*, *Sui*, *Ille* и *Idem*, во втором, напротив, *Ceter*, *Alius*, *Reliquus* и *Alter*. Возглавил Относительные местоимения качества и количества (*accidentium*) *Qualis*, и бок о бок с ним сражались *Quantus*, *Quot*, *Quotuplex*, *Quotenus*, *Quotifariam*, *Cuiates* и *Cuigena*. <...>

Как только все эти силы были собраны вместе, *Poeta*, царь Существительных, отвел их на ту же равнину Союзов и установил свой лагерь на противоположном берегу реки *Sive*, о которой мы уже говорили, так что в конце концов две такие большие армии разделяло только русло реки. Из-за этого случалось, что между солдатами, посланными пополнять запасы воды, возникали довольно серьезные инциденты. Как бы то ни было, вступать в открытое противостояние было запрещено обоими царями, прекрасно понимающими, что не все еще необходимые приготовления были закончены, чтобы начать сражение. Каждый из царей был занят тем, что старался склонить на свою сторону Причастие: тот пользовался величайшим авторитетом на всей территории Грамматики и после двух царей был первым по силе

⁸⁶ Римские грамматики были единодушны в том, что касалось отсутствия артиклей в латинском языке (ср., напр.: Квинтилиан, Об образовании оратора 1.4.19, Сервий, Комментарий к Большой науке Доната 4.428.15 Keil, и т.д.), но для обозначения (*articulare* — глагол, употребляемый Присцианом, Донатом, Диомедом и другими) грамматического рода слов прибегали к демонстративным местоимениям: *hic magister*, *haec puella*, *hoc animal*, которые в этом случае назывались *articuli* (ср.: Holtz L. Donat et la tradition de l'enseignement grammatical. P. 131–133). Как следствие, средневековые и ренессансные грамматики (как, например, *Doctrinale* Александра из Вильдьё, *Rudimenta grammatices* Перотти, *Institutiones grammaticae* Альда Мануция или *Minerva* Франсиско Санчеса) говорят об артикле. Демонстративные местоимения помогали быстро указать на род слов, которых различалось четыре: мужской, женский, средний и общий, то есть, например, *sacerdos* (священник) мог быть мужчиной или женщиной, и тогда прибегали к обозначению *hic et haec sacerdos*. Элий Донат в «Краткой науке», в главе, посвященной имени, пишет, что «есть еще имена трех родов, называемые «всякого рода», как *hic/haec/hoc felix* («счастливый», «счастливая», «счастливое») и есть еще неразличимые (ерисоноп), например *passer aquila* («воробей», всегда грамматически мужского рода, вне зависимости от пола самой птицы, и «орел», всегда грамматически женского)».

и весу. Казалось, что, к какой бы стороне он ни примкнул со своими людьми, он принес бы ей также и победу. <...>

Двуличие Причастия

Первым сделал шаг царь Существительных, *Poeta*, отправив ему письмо следующего содержания: «Не думаю, брат мой⁸⁷, чтобы оставался ты в неведении касательно того, с какой надменностью и высокомерием царь Глаголов, *Amo*, восстал против меня и против чести и достоинства всех Существительных и с каким бесстыдством смеет он претендовать на главную роль в предложении. По этой причине, хоть и против воли, вынужден был я взять в руки оружие и поднять войска, чтобы сломить его гордость и сохранить в неприкосновенности свой авторитет. Тебе отлично известно, насколько ты в долгу перед народом Существительных из-за массы благодеяний, оказанных тебе: если присоединишься к нам вместе с твоими легионами, чтобы защитить нашу общую репутацию, наше общее наследие и надежды, которые мы разделяем, — это будет поступок достойный твоего уважения и верности по отношению к нам. В том же случае, если прочная власть Существительных будет сметена прочь, не останется на всей территории Грамматики ничего, что ты мог бы считать своим. Будь здоров и ускорь, как только сможешь, свое прибытие».

Царь *Amo* также отослал письмо Причастию, с такими словами: «Я знаю, мой дражайший друг, что враги мои торопят тебя выступить с их стороны на поле боя в войне против меня. И хоть я и верю, что ты из мудрости своей не предпримешь никакого необдуманного поступка, я все же считаю необходимым напомнить тебе и призвать тебя поразмыслить о количестве преимуществ, которые ты получил от меня, а также о дополнительном престиже, которым обязан ты Глаголам. И даже если правда, что какая-то малость поступила к тебе от Существительных, без сомнения, наибольшие и наиболее значительные привилегии поступают к тебе от нас, Глаголов. Ты поступишь по справедливости, если прибудешь в наш лагерь, которому и так суждено выиграть, чтобы защищать не только нас и власть Глаголов, но себя самого и свою собственность. Скорее всего, враги не обойдут стороной твое имущество, и даже (Боже упаси и сохрани!) может случиться так, что обратят против тебя оружие, которое привело их к победе, с тем чтобы единолично отдался во власть жадности по всей земле Грамматики. Будь здоров!»

⁸⁷ В соответствии с этимологией своего имени, Причастие (*participium*, букв. «причастность», «участие») — напр., слово «читающий» во фразе «Человек, читающий книгу» — обладает свойствами как глагола (оно может быть, например, активным и пассивным, настоящего времени или будущего, и т. д.), так и имени: оно изменяется по числам, по падежам, по родам. Именно к этим свойствам зывают соответственно цари *Poeta* и *Amo* в письмах к Причастию, называя его то «братом», то «другом».

Причастие прочел письма с обеих сторон, но другое было у него на уме, другое он планировал и о другом думал: размышлял он над тем фактом, что не мог примкнуть ни к одной стороне без того, чтобы его владения не пострадали. И, напротив, если бы он оставил за собой промежуточную позицию, то он бы либо сохранил милость обоих, либо — и это было его наивысшей целью — имущество одного и другого понесло бы такие потери вследствие военных действий, что в этом их общем обеднении он сам бы смог завладеть властью неоспоримым образом. И все же он считал, что мысли, подобные этим, должны держаться в тайне и что нужно льстить двум царям до тех пор, пока не станет ясно, куда приведет развитие событий. Поэтому он отписал обоим вот в каких словах: «Получил я ваши письма, светлейшие монархи, и прочел их внимательно, не без боли от осознания того, что между такими некогда согласными правителями возник настолько глубокий конфликт, что никак нельзя его разрешить, если не ценой разрушения в жесточайшей войне как принадлежащих вам царств, так и всего славного государства Грамматики. Что за безумие вас обуяло? Откуда это помешательство? Именем вечного бога, подумайте хоть немного, куда вы проваливаетесь? Как над этим станут смеяться наши общие враги, неотесанные обитатели страны Невежества, неорганизованные народы Варваризмов, видя, как силы неприятеля раздираются междоусобными конфликтами! Заклинаю вас именем всех богов — верхних, средних и нижних — вернитесь назад, держитесь подальше от оружия, приносящего смерть. Не вовлекайте в сеть беспорядков и разрушений самую прекрасную в мире провинцию только из-за необузданной жажды власти, заслуживающей порицания! Но если так суждено, если вы совершенно настроены воевать, думаю, мне не следует принимать сторону ни одного из вас. В самом деле, я получаю одну часть моей юрисдикции от Глагола, другую — от Существительного, и поскольку у меня есть обязательства перед обоими, то, насколько смогу, я буду помогать провиантом и другими полезными вещами. Я воздержусь от сражений и соберу мои войска для одной только цели, а именно чтобы пресечь разорение моих территорий — занятие, которое война делает дозволенным. Пусть боги дадут вам более здравые советы. Будьте здоровы!»

Несмотря на тон своего ответа, это двурушное и хитрое существо всеми способами старалось раздуть несогласия между двумя правителями и тайными письмами подталкивать к войне обе стороны: Причастие питал надежду, что из их гибели возникнет для него возможность легко достичь власти во всей Грамматике. Он установил день, в который все его солдаты должны были явиться к нему, и собрал немалые силы. Среди первых появились Причастия, заканчивающиеся на -ans и на -ens, на -tus, -sus, -xus, -rus и на -dus, и вместе с ними Отглагольные Существительные (*Nomina verbalia*) на -tor и -trix; к Прича-

стию присоединились также похожие народности, проживавшие в местностях близкорасположенных как к Глаголу, так и к Существительному; и даже Герундии и Супины, чтобы избежать опасностей гражданской войны, перешли со стороны Глаголов на сторону Причастия. В этих обстоятельствах Причастие приготовил обеим сторонам дары определенного значения: прежде всего, Глаголу он послал такие Средне-пассивные Глаголы (*Neutra passiva*), как *Gaudeo, Soleo, Audeo, Fio, Prandeo, Ceno, Iuro, Titubo, Placeo, Nubo, Careo, Mereo, Poto, Taceo* и *Quiesco*, а царю Существительных послал Имена, заканчивающиеся на *-tor* и на *-trix*. Кроме того, Глаголу для укрепления войска он послал сто телег прошедших, настоящих и будущих времен, тысячу верблюдов, груженных простыми, композитными и декомпозитными фигурами, а Существительному отправил вдоль по реке *Sive* десять транспортных кораблей, полных именительных и родительных падежей и еще столько же груженных единственными и множественными числами, и еще многие другие с мужским родом на борту, женским, средним, общим и всякого рода. Покончив с отправками, Причастие с легионами остался в пределах своей территории ждать, в чью сторону повернется фортуна. <...>

И вот при таком положении дел некоторые представители Неправильных Глаголов совершили вылазку вместе с тремя когортами, а именно *Sum, Volo* и *Fero*. Им удалось захватить одного из центурионов Существительных по имени *Ceter*, принадлежавшего к роду Относительных местоимений и укрывавшегося вместе со своими рядовыми в пещере, находящейся на развилке Союзов *Quod* и *Cum*. *Ceter* был жестоко убит вместе со всеми своими единственными числами. Множественные же его числа, попав в такое критическое положение, пообещали преподнести большую свечу статуе Пасквино в районе Парионе в Риме, рядом с домом Преподобнейшего кардинала Караффы из Неаполя. И так благодаря заступничеству этого святого удалось им выбраться, против общего ожидания, целыми и невредимыми.

Получив такую новость, царь *Poeta* обезумел от гнева, никак не в силах смириться с потерей такого ценного центуриона: этот *Ceter* отличался силой, был знаменит храбростью и никому не уступал в военном искусстве. Так что царь Существительных обдумывал все возможности, как с лихвой возместить причиненный ущерб. Удача, власть которой во всех делах огромна, но в особенности в том, что касается войны, властвующая безгранично, как раз предоставила уникальную возможность отомстить. Именно в эти самые дни легковооруженные солдаты из армии Существительных захватили в плен и привели в свой лагерь большое количество легионеров, пользовавшихся среди своих немалым авторитетом, из стана Глаголов. Среди них были *Dice, Face* и *Duce*. Чтобы поглумиться над пленниками, царь отдал приказ отрезать им полы платьев и так отпустить у всех на виду с голыми

ягодицами, так что отпущенные стали называться с тех пор *Fac*, *Dis* и *Duc*⁸⁸. Что же касается *Fuo* и *Spicio*, тоже захваченных в плен, их приговорили к смерти⁸⁹. Царь Глаголов потом передал их имущество их прямым законным наследникам, среди которых *Futurus* и *Fui*, и другим, происходящим от *Fuo*, а также *Aspicio*, *Conspicio* и *Despicio*, и прочим происходящим от *Spicio*. <...>

БИТВА

Приближался день битвы, и два царя приказали установить в одной довольно высокой точке лагеря красное знамя. Для солдат это должно было стать знаком, что битва была неизбежной и что они должны были позаботиться о своем теле, привести в порядок оружие и все необходимое для сражения. Рано утром следующего дня, после завтрака, войска были сведены со всех сторон в совершеннейшей тишине на поле боя и, как только они были выстроены в боевой порядок, каждый царь принялся распалать своих сильной и убедительной речью, призывая вести себя мужественно. Но не было никакой необходимости в том, чтобы словами воспламенять и так уже достаточно распаленные умы: солдаты едва сдерживали себя в ожидании сигнала к началу битвы. И вот речи сказаны, с обеих сторон трубят трубы, земля под ногами грохочет им в ответ, и отовсюду разносится военный клич. Командиры и здесь и там обращают молитвы к Юпитеру, каждый подбадривает свои войска к собственной выгоде, каждый показывает, на что он способен, поражает мечом, лезвия разлетаются на куски, небо наполнено воплями сражающихся, а из пара их дыхания образуется целое облако, с той и с этой стороны многие падают под силой ударов и теряют жизнь⁹⁰.

Можно было тогда видеть среди прочих Недостаточные Глаголы сражающимися с Разносклоняемыми (Heteroclita) Существительными. Эти последние дико свирепствовали против врагов, поражая налево и направо именительными и родительными падежами, родами и множественными числами, в то время как глаголы дерзко контратаковали, пуская в ход изъявительные наклонения (*indicativa*), перфектные и плюсквамперфектные претериты (*praeterita*

⁸⁸ *In imperativo patiuntur apocopen* («В императиве подвергаются усечению») — говорится по поводу глаголов *dic*, *duc*, *fac*, *fer* в *Rudimenta grammatices* Перотти (*Rudimenta grammatices*. Fol. c vi v). Ср. также: Вторая книга Царств 10:4: *Tulit itaque Hanon servos David, rasisque dimidiam partem barbae eorum et praescidit vestes eorum medias usque ad nates, et dimisit eos* («И взял Аннон слуг Давидовых, и обрил каждому из них половину бороды, и обрезал одежды их наполовину, до чресл, и отпустил их»).

⁸⁹ О существовании глагола *fuo* в глубокой древности говорит грамматик Диомед: *Quod verbum est apud antiquos quod dicebant fuo, fuas, fuat* (1.380.1 Keil; *Diomedes, Phocas, Agroecius (Senonensis)*. *Ars grammatica*. Venetiis, 1495. Fol. d iii v), о *spicio* ср. у Перотти: *Specio, idest video, quo verbo veteres utebantur. Ex quo etiam alia plurima componuntur, ut aspicio, hoc est video, etc.* (*Rudimenta grammatices*. Fol. h vi v).

⁹⁰ Вся фраза — цитата из Плавта, *Амфитрион* 227–234.

perfecta et plusquamperfecta) и разбивая числа и роды врагов своими спряжениями. Одному из этих Глаголов, *Aio*, долгое время удавалось с беспрецедентной храбростью сдерживать атаку двух Разносклоняемых Существительных. Но все же, когда его сопротивление было сломлено, он был лишен многих лиц, наклонений, времен и чисел: изо всех остались у него только *Aio*, *Ais*, *Ait*, *Aiunt*, *Aiebam*, *Aiebas*, *Aiebat*, *Aiebant*, остальные пали под ударами вражеских мечей.

Так-то вот сражаясь друг с другом, легионы обеих армий настолько смешались между собой, что было трудно отличать врагов от товарищей по оружию. Таким был общий боевой порыв, таким сильным воодушевление, что никто не заметил страшного землетрясения, разрушившего в этой местности близлежащие города, изменившего течение быстрых рек, заставившего морскую воду войти в речные русла, расколовшего горы гигантскими трещинами <Ливий, История Рима от основания города 22.5.8>. <...> Солнце затмевалось обилием выпущенных стрел единственных и множественных чисел, уши всех были заложены от оглушительных криков композитных и декомпозитных фигур, многие были ранены стрелами Простого и Деривативного видов. Но также и трубачи обеих армий, трубя одновременно ужасное «таратантара»⁹¹, чрезвычайно воспламеняли солдат к битве, равно как и женщины-комедиантки, то есть Междоветия, окружавшие сражающихся, приводили все в смятение выражением своих чувств: те из них, кто чаще жалуется, были *Heu* и *Hei*, а также *Oh*, *oh*, *oh*. Сила этого столкновения была больше его продолжительности, и если бы не разразилась внезапная буря, грозовым дождем положившая конец сражению, совершенно ясно, что всем силам Грамматики пришел бы конец. Ярость, направленная на взаимное уничтожение, была такой сильной, что сложно было отвести остатки армий к их укреплениям, несмотря на проливной дождь и на сигнал к отступлению. Исход этой битвы был неясным и двусмысленным, было сложно понять, кто победил, так как оба войска понесли огромные потери как в солдатах, так и в командующем составе, сложно и вместить в один список весь причиненный ущерб. Но все же я приложу усилия, чтобы принести пользу потомкам, описав настолько ясно, насколько это возможно, если и не все потери, то хотя бы многие.

ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ

Начнем с Глаголов: недостаточный *Infit* потерял всех своих наследников, все свои залогов, времена, наклонения, лица и числа, относившиеся к Четвертому спряжению композитной фигуры. Самому ему удалось выжить в единственном

⁹¹ Фраза Энния (Анналы 140 Vahlen) *At tuba terribili sonitu taratantara dixit* («И труба ужасающим звуком сказала "таратантара"») приводится Присцианом как пример ономапии (Грамматические наставления 2.450 Keil) и цитируется Сервием в комментарии к одному месту в «Энеиде» (9.501).

числе, благодаря божественному провидению: находясь в опасности, он дал обет никогда не принимать облачений никакого религиозного ордена, признанного или непризнанного. Но остался он тем не менее настолько напуган этим случаем, что его с тех пор очень редко можно увидеть на публике в царстве Грамматики. *Forem* был лишен всего своего имущества, за исключением только *Foret*, *Forem* и *Fore*, относящихся к сослагательному наклонению (*modus optativus*) третьего спряжения. *Vale*, *Ave* и *Salve*, из рода Императивов, стали свидетелями страшной бойни, из которой уцелели только немногие их товарищи по оружию, появляющиеся еще иногда, а остальных всех они потеряли. *Faxo*, из того же самого населения Активных глаголов, в то время как все его рядовые были перерезаны, сумел спастись, бежав вместе с тремя своими *Faxis*, *Faxit* и *Faxint*. *Inquo*, из рода Средних (*Neutra*), смог спасти *Inquis*, *Inquit*, *Inquiunt*, *Inquam*, *Inquies*, *Inquiet*, *Inquiet* и *Inque*, остальных забрала война. Однако *Inquiens*, поскольку находился в стане Причастий, избежал опасности. *Apago* и *Apagete* нашли свое спасение сами, перенесли потерю всех боевых товарищей. Также *Diet* потерял всех своих, за исключением только *Diescit*. *Facio* потерял своего сына *Facior*, который все же, прежде чем отдать богу душу, успел назначить — посредством военного завещания — своим наследником *Fio*. *Posco*, *Disco*, *Metuo*, *Timeo*, *Renuo*, *Respuo*, *Compesco*, *Urgeo* и *Linquo*, все из рода Активных глаголов, остались без супинов; *Occasum* смог спастись с помощью ночной тьмы. Некоторые Глаголы, потерявшие собственные перфекты третьего спряжения, впоследствии получили взамен перфекты четвертого спряжения: среди них упомянем *Cupio*, *Peto*, *Quaero*, *Arcesso*, *Facesso* и *Fero*. Некоторые другие, такие как *Eo*, *Queo* и *Veneo*, оставшиеся без будущего времени на -am, чтобы не потерять совершенно надежду на будущее, отправились на ярмарку в Реканати купить себе другое, на -bo. И Гораций⁹² тоже, с высоты своего авторитета, подарил *Lenio* форму *Lenibo*. Все Глаголы, которые содержат идею «сияния», были лишены своих супинов: например, *Luceo*, *Fulgeo*, *Splendeo*, *Polleo* и другие такого же типа. *Fulcio* же дрался до последнего и остался со своим *Fultum*.

Но теперь, после того как были перечислены пострадавшие Глаголы, было бы несправедливо обойти похвалой тех, кто, отважно сражаясь, добавил что-нибудь к своему первоначальному состоянию, благодаря военной ли добыче, отнятой у врага, или царскому подарку. Среди прочих выделяются *Cenatus*, *Iuratus*, *Casus*, *Moestus*, *Nuptus* и *Pransus*, которые, в добавление к активному значению, получили также пассивное. <...> *Vaco*, хотя и не был совсем затронут войной — потому что, как Сосия говорит у Плавта, «чем сильнее сражались, тем быстрее я бежал» <Амфитрион 199>, — был почтен фортуной, которая награждает все больше лентяев, еще более многочисленными тро-

⁹² Речь идет о Проперции, Элегии 3.21.32: *Lenibunt tacito vulnera nostra sinu*.

феями. Действительно, поскольку он заприметил некоторых врагов, бегущих с поля боя, он выбежал из палатки и взял их в плен, и поскольку они выкупили себя за хорошие деньги, он смог купить себе шесть дополнительных значений, то есть «ждать», «бездействовать», «служить», «быть лишним», «быть дозволенным», «отсутствовать» и «быть пустым». <...> Не было недостатка и в таких Глаголах, которые, потеряв свои перфекты, получили от своего Царя перфекты некоторых Пассивов, павших в войне: *Audeo, Fido, Gaudeo, Soleo* и *Fio*.

Также и те чумные, опасные, двуличные Глаголы, которые говорят одно, а подразумевают другое, хотя и не обогатились никак в этой войне, все же заслуживают упоминания. Более того, думаю, что как раз нужно помнить их имена, чтобы быть с ними настороже, поскольку, передавая пассивное значение, они выглядят как активные. Имена их вот какие: *Exulo, Veneo, Nubo* и *Vapulo*. Козней этого последнего всякому школьнику удастся избежать тем надежнее, чем старательнее он будет спрягать его, если хочет соблюсти надлежащий уход за своими ягодицами.

Рассказав, хотя бы и частично, о дальнейшей судьбе Глаголов, перейдем к Существительным. Как показало тщательное расследование, проведенное в их стане, разнообразие фортуны проявило себя здесь не меньше, чем у Глаголов. Начнем с Положительных степеней сравнения (*Positiva*). Были среди них некоторые, которые, пораженные в собственные Сравнительные степени (*comparativa*), стараниями врачей получили облегчение, например *Melior, Maior, Minor, Dexterior, Sinisterior, Plus, Munificentior* и *Magnificentior*, все неправильные и происходящие от Прилагательных второго склонения. Но вот *Pius, Arduus, Egregius, Tenuis* и другие этого типа потеряли свои Сравнительные степени. Прилагательные, заканчивающиеся на -er в превосходной степени (*in superlativo*), потеряли -imus и впоследствии вместо него приобрели -rimus, как *Tener* и *Saluber*, в то время как другие вместо потерянного -simus получили -limus, как в случае с *Humilis, Facilis, Gracilis, Agilis*, и других подобных. *Vetus* получил *Veterrimus*.

Среди названий растений были такие, которые, мужественно сражаясь, вдруг чудесным образом поменяли пол и из женского рода стали мужского, к общему изумлению присутствующих, спрашивавших, откуда появились эти новые погремушки, необычным образом повисшие у них внизу живота. К ним относились *Rubus* и *Oleaster*, Имена, которые Ливий предлагал утопить в море как монстров, несущих порчу и сглаз, или даже выгнать навсегда с территории Грамматики⁹³. Но царь *Poeta*, смеясь над историком за его переходящую

⁹³ Так часто Ливий упоминал разного рода плохие предзнаменования и чудовища, что, когда римский историк Юлий Обсеквенс (IV в. н. э.) решил собрать все эти упоминания вместе, у него вышла целая книга. Вновь найденный гуманистами, текст был впервые напечатан в 1508 г. Альдом Мануцием и впоследствии много раз переиздан и переведен на испанский, голландский и английский языки.

всякие границы суеверность, запретил так поступать, говоря, что совсем не дурная примета из женского рода стать мужским, поскольку речь идет о переходе из худшего пола в лучший⁹⁴. Некоторым Разносклоняемым Существительным во время битвы с Недостаточными Глаголами были отрублены гени- талии во множественном числе (Боже упаси и сохрани нас от такого!) и так, что во множественном числе не были они больше ни мужского рода, ни жен- ского, но среднего: ситуация была, несомненно, достойна жалости. Их име- на были *Sibilus*, *Avernus*, *Infernus*, *Suparus*, *Balteus*, *Tartarus* и *Dindimus*. Другим Существительным, напротив, больше повезло: уже и так относясь к средне- му роду, они вдруг, к большой своей радости, стали мужского рода во множе- ственном числе, как *Porrum*, *Rastrum*, *Frenum* и *Coelum*. Сказать правду, *Porrum* и *Frenum*, когда проходили в Риме по рынку на Пьяцца Навона, нашли в про- даже свои собственные средние роды множественного числа и выкупили их за большие деньги, так как, гнушаясь мужским родом, предпочитали вернуть- ся к использованию этих. <...>

Не все, однако, Существительные вернулись с потерями с этой войны: мно- гие увеличили богатства из военной добычи и, как следствие, приобрели до- полнительный вес. Некоторые разжились еще одной формой Именительного падежа, в добавление к первой: например, у *Arbor* есть еще *Arbos*, у *Honor* — *Honos*, у *Labor* — *Labos*, у *Odor* — *Odos*, у *Cucumer* — *Cucumis*, у *Ciner* — *Cinis*, и у *Pulver* — *Pulvis*. Но эти Существительные не носят оба номинатива каждый день, а прибегают для особенно торжественных и праздничных дней самое элегантное и броское из своей военной добычи. <...>

Что касается Герундиев и Супинов, оба царя, как только был подписан мир, назначили им штраф за многократное дезертирство. Их обвинителем высту- пал Демосфен, ссылаясь на законы Солона, по которым отнимались все при- вилегии у тех, кто, в случае переворота, не примыкал ни к одной из сторон: и в самом деле, создавалось впечатление, что они, чрезмерно заботясь о сво- ем имуществе, пренебрегали общим достоянием родины⁹⁵. <...> Но, если бы хотел я перечислить по порядку все несчастья каждого или награды, получен- ные за примерное поведение на войне, мой рассказ был бы слишком длин- ным. Чтобы сократить его, достаточно сказать, что все потери или добавле- ния, обнаруживаемые в Грамматике, происходят из этой кровавой, проклятой и убийственной войны.

В безудержной суматохе такого положения были приняты новые слова и выброшены прочь старинные, и если бы не вмешательство трех необычно- венных мужей, которые, как сейчас расскажу, были выбраны для примирения

⁹⁴ Выражение — эхо блаженного Августина (О Граде Божием 16.8.2).

⁹⁵ Плутарх, Солон 20, переведенный на латынь Лапо да Кастильонкьо (*Plutarchi Cheronei Graecorum Romanorumque illustrium vitae*. Basileae, 1535. P. 30 B–C).

всех споров, разрешивших их с исключительной, на фоне бесстыдства некоторых грамматиков, тонкостью, то латинский язык остался бы полон таких грубостей, что не оставалось бы никаких надежд на хороший вкус и на утонченность. <...>

Мир

Претендентов на эту роль было много, одни указывали одно имя, а другие — другое, были и те, кто не был согласен ни с чем; в конце концов, с одобрения также Присциана, Сервия и Доната, все единогласно сошлись на следующих кандидатурах: Томмазо Ингирами из Вольтерры, каноник Базилики Св. Петра⁹⁶, человек редкого красноречия и неоспоримого ума; Пьетро Марсо, каноник Св. Лаврентия в доме Дамаса⁹⁷, необыкновенной учености; и Раффаэле Липпо Брандолини, наделенный чрезвычайным ораторским даром⁹⁸. Они были вызваны, прибыли к военным укреплениям, выслушали мнения тех и других и удалились для подробного изучения вопроса. В конце концов они обнародовали такое решение:

«Царям, Сатрапам, гражданам и всем изучающим Грамматику удачи и процветания. Мы, триумвират, избранный для устранения споров, отзываем, исключаем и аннулируем все тяжбы, все оскорбления, обиды и убытки, которые вплоть до сегодняшнего дня имели место между царями Грамматики и их войсками. Если и нельзя их забыть, приказываем тем не менее молчать о них и постановляем, чтобы в будущем в создании торжественной речи (*sollemnis oratio*) участвовали оба царя Грамматики, а именно Глагол и Существительное, со всем их кортежем — с Причастием, Наречием, Предлогом, Междометием и Союзом. Что касается повседневной и обыденной речи (*cotidiana et familiaris oratio*), то за нее ответственность пусть лежит только на Глаголе и Существительном, которые могут привлекать себе на помощь тех из своего окружения,

⁹⁶ Томмазо Ингирами (1470–1516), по прозвищу «Федра», потому что отличился, еще шестнадцатилетним юношей, исполнив эту роль в памятной постановке трагедии Сенеки на Кампо деи Фьори, был учеником Помпония Лета. Раффаэль написал его портрет, а Ариосто упоминает его в «Неистовом Роланде» (46.13).

⁹⁷ Пьетро Марсо, родился ок. 1441 г. и был еще жив в момент выхода «Грамматической войны» (умер в конце 1511 г., 30 декабря). Ученик Помпония Лета, с 1480 г. был сначала профессором поэзии и греческого, а затем — риторики в Сапиенца в Риме.

⁹⁸ Раффаэле Липпо Брандолини (ок. 1465–1517) был младшим братом гуманиста Аурелио: оба носили прозвище «Липпо» из-за серьезной глазной болезни, лишившей их почти полностью зрения; кроме того, оба должны были бороться всю жизнь с нищетой. После обучения в Неаполе, где он подростком посещал Академию Понтано, Раффаэле Липпо Брандолини вступил в августинский орден во Флоренции, преподавал теологию и в 1493 г. получил звание доктора в Риме. В конце жизни папа Юлий II назначает его своим постельником (*cubicularius*), и при Льве X Брандолини становится профессором риторики в Сапиенца в Риме.

кого им захочется. Пусть обходятся без услуг других, не в последнюю очередь затем, чтобы не обременять их частыми вызовами.

Повелеваем, чтобы в предложении Существительное было подлежащим (подчиненным) Глаголу (*Verbo supponi*), и приказываем, чтобы Существительное управлялось Глаголом (*a Verbo regi*) в том, что касается падежа, в том же, что касается лица и числа, Глагол должен подчиняться своему подлежащему (*supposito cedere*), будь оно Существительным, Местоимением или Причастием⁹⁹. Кроме того, хотим, чтобы Причастие уважало как Существительное, так и Глагол и чтобы задняя его часть управлялась его Глаголом, а передняя следовала Существительному.

В случае совершенной необходимости даруем также право одному Глаголу, в первом и во втором лице, а некоторым Безличным Глаголам (*Verba exceptae actionis*) также и в третьем, придавать смысл предложению, подразумевая тем не менее всегда авторитет Существительного, пусть даже и косвенно».

Такое решение было обнародовано в присутствии обеих сторон, стало всеобщим достоянием и было принято при полнейшем согласии всех жителей Грамматики. Также и во всех гимназиях Италии оно было встречено с одобрением, и в особенности в ученой Болонье, плодотворной матери великих умов, давшей в прошлом многих сыновей римской курии, а в наше время — знаменитого Алессандро Дзамбеккари¹⁰⁰, мужа исключительной морали, которого ни надежды, ни страхи никогда не могли заставить свернуть с правильного пути. Но Парижский университет, хотя и получив все решения и указания, пожелал оставить за собой одну отличительную черту, а именно произносить как Глаголы, так и Существительные произвольно и без какого бы то ни было различия долготы слогов. <...>

Конец

⁹⁹ Идея синтаксиса как «управления» (*regimen*) является центральной для средневековой латыни начиная с XI в., когда глаголы *regere* (управлять), *supponi* (подчиняться), *adiungi* (присоединяться) и др. входят в профессиональный жаргон грамматиков. Этот новый интерес (почти совершенно отсутствовавший у античных авторов) к синтаксическим конструкциям развился во Франции, в первую очередь в Париже, где превалировала логическая школа (см. поэму Анри д'Андели «Битва семи искусств», в которой из Парижа выступает армия Логики, чтобы сразиться с войсками Грамматики, двинувшейся ей навстречу из Орлеана, последнего прибежища филологии во Франции). См. также: *Kneepkens C. H. Ordo naturalis and ordo artificialis: A Note on the Terminology of Thirteenth-Century University Grammar//Vocabulary of Teaching and Research Between Middle Ages and Renaissance. Proceedings of the Colloquium, London, Warburg Institute, 11–12 March 1994/ed. by O. Weijers. Turnhout, 1995. P. 59–82.*

¹⁰⁰ Алессандро Дзамбеккари в 1499 г. исполнял должность *procurator contradictarum* в римской курии, в 1517 г. (когда он был уже мертв) был представлен среди персонажей диалога Гварны *Simia* в виде Катона в раю: Святой Петр приглашает Алессандро-Катона сесть по правую руку от себя, называя его «светом и украшением Римской Курии, любителем добродетелей, недругом пороков» (*Patetta F. La figura del Bramante e alcuni riflessi di vita romana dei suoi tempi nel «Simia» d'Andrea Guarna//Atti della Reale Accademia d'Italia. Memorie della classe di scienze morali e storiche. Vol. IV. Fasc. 7. 1943. P. 187.*)

Глава 5

Александр Гегий и латинская грамматика: между Средневековьем и гуманизмом

(М. В. Шумилин)

Сказать, что в центре деятельности гуманистов стояла реформа языка и возвращение (в первую очередь) латыни к античному стандарту, значит, конечно, сказать банальность и общее место. Но указать конкретнее, какое именно описание латыни подразумевает такая установка, не так просто, как может показаться. «Вы говорите на плохой латыни», – говорит гуманист университетскому истеблишменту. Естественно, он сам говорит на другой латыни (на самом деле, конечно, все равно почти всегда узнаваемо отличающейся и от того, на чем писали римляне). Но как этот гуманист объяснит, что же именно нужно менять в языке и в преподавании языка?

На первый взгляд ответ не так уж сложен: нужно устранить из языка все слова, формы, обороты, словообразовательные модели и т. д., которые не встречаются в античных текстах (это, собственно, «образующий принцип» гуманистической латыни). И объект для такой критики найти было очень легко, поскольку схоластика, под мощным влиянием которой находился в XIV–XV вв. весь упомянутый университетский истеблишмент, действительно не отличалась щепетильностью в обращении с латынью¹. Естественно, в конечном счете Средние века точно так же, как и Возрождение, ориентируются в своей латыни на античность (на что же еще?), но, конечно, это нужно делать очень расслабленно, чтобы позволить себе произвести такие монструозные выражения, как, скажем, «природствующая природа» (*natura naturans*, знаменитая схоластическая формулировка, позднее подхваченная Спинозой, см. о ней далее, примеч. 54). Поэтому самая простая модель гуманистического текста о языке, распространившаяся в XV в. (активно используемая, например,

¹ См., например: Brown S. F. Theology and Philosophy// *Medieval Latin: An Introduction and Bibliographical Guide* / ed. by F. A. C. Mantello and A. G. Rigg. Washington, 1996. P. 280–287. Хрестоматийная дискуссия гуманистов конца XV в. о латинском языке университетских философов переведена на русский: Пико делла Мирандола Дж. Джованни Пико делла Мирандола приветствует своего Эрмолао Барбаро / пер. с лат. Ю. А. Шичалина // *Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения* / под ред. Л. М. Брагиной. М., 1985. С. 254–263; Барбаро Э. Эрмолао Барбаро – Джованни Пико делла Мирандола / пер. с лат. Ю. А. Шичалина // Там же. С. 281–290.

в «Элегантциях» Валлы), — это собрание заметок в духе «вот так говорить на самом деле неправильно, а вот так правильно».

Но с такой критикой на самом деле связана некоторая проблема: довольно очевидно, что ее объектом в основном окажутся авторы, которые в общем и не ставили перед собой задачи говорить на языке Цицерона, то есть что эти выпады несколько «не про то»: глупо ведь было бы, скажем, критикуя искусство XX в. в целом, строить аргументацию на том, что Пабло Пикассо якобы не справляется с перспективой. Характерно, что основным источником примеров неправильного словоупотребления (включая и упомянутую *natura naturans*) в переведенном далее тексте немецкого гуманиста Александра Гегия становится выдаваемое критиком за учебник латыни «Обучение школяров» (*Disciplina scholarium*) Псевдо-Бозция, текст XIII в., в котором на самом деле речь вообще не про язык и который совсем не претендует на то, чтобы быть написанным на каком-то особенно правильном языке. Гегий не случайно подтасовывает факты и говорит, что по Псевдо-Бозцию учатся: аргумент «У них даже учебники латыни написаны на неправильной латыни, даже то, что выдается за образцы правильного языка», звучит гораздо убедительнее, чем «В некоторых их текстах латынь неправильная»; в учебнике уж точно *ставится задача* представить правильный язык. Но проблема в том, что, если спросить средневековых авторов о том, что такое правильная латынь, они, конечно, указали бы не на «Обучение школяров» и не на переводы арабских комментариев к Аристотелю, а на грамматические тексты, в конечном счете зависящие от тех же самых позднеантичных грамматиков, на которых ориентируются и гуманисты.

Когда критикуешь учебник и систему обучения, можно, конечно, сосредоточиться на организации учебного процесса, его общей логике (такая критика, действительно, гуманистам вполне удавалась). Но для наиболее эффективной, разрушительной критики старого языкового учебника (если уж утверждаешь, что предшественники прямо-таки не знали латыни) желательно все-таки предложить новое, более правильное описание латыни, на фоне которого видно, что старое описание содержало неточности и ошибки. К сожалению, большинство гуманистов не могло так сделать, хотя бы потому, что фактически они сами часто продолжают использовать в качестве источника сведений о норме все те же средневековые грамматические тексты² (не всегда удобно было обращаться непосредственно к их античным источникам). Да и античные грамматические тексты предлагают норму, не сильно отличающуюся от излагаемой в средневековых практических пособиях. В лучшем случае можно было уточнять мелкие детали, и то не всегда правильно. Поэтому, критикуя предшествующую

² См., например: *Tavoni M. Western Europe // History of Linguistics. Vol. III: Renaissance and Early Modern Linguistics / ed. by G. Lepschy. London; New York, 1998. P. 2–8; Percival W.K. Changes in the Approach to Language // The Cambridge History of Later Medieval Philosophy / ed. by N. Kretzmann, A. Kenny, J. Pinborg. Cambridge, 1982. P. 808–817.*

традицию преподавания латыни, гуманисты, чтобы не ограничиваться голословными лозунгами, в основном вынуждены были идти по какому-то из путей меньшего сопротивления: либо концентрироваться на организации учебного процесса, либо искать заведомо особенно уязвимых оппонентов, в том числе даже с помощью подтасовок, как в случае Гегия (Псевдо-Бозция проще критиковать, но лучше при этом скрыть, что это, собственно, не учебник).

Среди средневековых учебников, которые продолжали использоваться и в эпоху Возрождения, особенно живучим оказался «Доктринал» (*Doctrinale*, между 1199 и 1209 г.) Александра из Вильдьё (*Alexander de Villa Dei*)³: ниже мы выбрали для перевода один из комментариев к «Доктриналу», характерный тем, что его автор, тот же самый Александр Гегий, как раз является одним из самых ярких критиков средневековой традиции обучения латыни, как хорошо видно по другому его тексту, также переведенному нами («Инвективе против модусов обозначения»).

Правда, конкретно «Доктринал» как раз не входит в число объектов прямой критики Гегия в «Инвективе...». Но списки таких «врагов» вообще варьируются и на самом деле довольно случайны: в других близких по содержанию к «Инвективе» Гегия текстах часто объектом критики оказывается и «Доктринал». Например, Якоб Вимпфелинг⁴ пишет в своем «Германском исидонее» (*Isidoneus*⁵ *Germanicus*, 1497) о «загнивании в старом варварстве в компании Александра <из Вильдьё>, «Флориста» <Лудольфа из Люхова>, «Корнута», Иоанна Гарландского и модусов обозначения»⁶; Эразм пишет в «Антиварварах» (1.1.61.12–19 *Kumaniecki*): «Предводители же, опираясь на такие толпы, повсюду швыряли в меня злыми и едкими словами, на форуме, на застольях, в мастерских, у цирюльников, в притонах, на людях и частным образом, трезвые и пьяные, твердя, что какой-то чужак сеет некую новую ересь: чтобы те замечательные авторы, Александр <из Вильдьё>, Эберхард Грецист <то есть Эберхард Бетюнский, автор «Грецизма»>, Модист <то есть Михаил из Марбе, которого Эразм называет «Михаилом Модистом»? ср. примеч. 52>, Краткослов <то есть Иоанн из Меры, автор «Брахилога»>, Мамметрект <см. примеч. 52>, Католиконт <то есть Джованни Бальби из Генуи, автор «Католикона»>, благодаря которым становились учеными и деды их, и прадеды, ныне недостойным образом были выгнаны, а на их место были приведены какие-то неслыханные и жуткие языческие чудища,

³ См.: *Heath T. Logical Grammar, Grammatical Logic and Humanism in Three German Universities*//*Studies in the Renaissance*. Vol. 18. 1971. P. 9–64, а также главу 4 настоящей монографии.

⁴ О близости позиций Гегия и Вимпфелинга в целом см.: *Moss A. Renaissance Truth and the Latin Language* Turn. Oxford, 2003. P. 140–142.

⁵ Слово *Isidoneus* — страшноватый заумный гибрид греческих слов *εἰσόδος* «введение» и *νέος* в смысле «молодой человек» (*Dittrich O. Geschichte der Ethik: Die Systeme der Moral vom Altertum bis zur Gegenwart*. Bd. 3. Leipzig, 1926. S. 375).

⁶ *Isidoneus Germanicus ad R. P.D. Georgium de Gemmyngen, Spirensem prepositum Iacobi Vympfelingi Sletstatini*. <Spirae, 1497>. Fol. XI v.

Флакк, Марон, Назон, и молодых людей уже не учить никакой другой науке, кроме науки любви, а детям вбивать в голову такое, что и старшим-то знать непристойно»⁷.

Если Александр из Вильдьё присутствует в таких списках «факультативно», то обязательный их элемент — это «модисты» или «модусы обозначения». Причина этого в том, что «модисты» — особенный случай, позволявший их критикам обойти многие из указанных проблем.

Теория *modi significandi* («модусов обозначения» или «способов обозначения»), распространившаяся в западноевропейской грамматике в XIII в. под влиянием моды на философию Аристотеля, описывала язык в философском ключе⁸: чтобы утверждать, что грамматика — это настоящая наука (*scientia*), а не просто практическое умение (*ars*), она должна претендовать на то, чтобы иметь дело с неким знанием об универсальном, необходимом и неизменном. В результате грамматика «модистов» занимается теоретическим описанием присущих каждой части речи «модусов обозначения», которые изоморфны или схожи с «модусами бытия» (*modi essendi*) самих вещей и «модусами понимания» (*modi intelligendi*), то есть восприятия этих вещей нами. Таким образом, грамматика оказывается способна сообщить нам что-то если не о самих вещах, то хотя бы о чем-то общем для всех языков, и это поднимает ее статус. Понятно, насколько спорна эта теория, как с точки зрения функциональной (изучение философско-теоретической грамматики, подменяющее собой практическое изучение языка, мешает его по-настоящему выучить, голова забивается не тем), так и с точки зрения содержательной (такая «философия языка» подразумевает, по сути дела, существование некой универсальной грамматики, общей для всех языков). Не то чтобы это помешало грамматике модистов повлиять на дальнейшее развитие языкознания (идея «универсальной грамматики», а вместе с ней и некоторые более конкретные черты модистской теории, будет периодически возрождаться и в эпоху Возрождения, особенно в сочинении Юлиа Цезаря Скалигера «О первоосновах латинского языка» (*De causis linguae Latinae*, 1540), и в XVII в., особенно в «Грамматике Пор-Рояля»)⁹. Но и «мальчиками для битья» модисты для гуманистических критиков побыть успели: по сути дела, теория «модусов обозначения»

⁷ Удобный перечень других аналогичных списков у Эразма можно найти в: *Bejczy I. Erasmus and the Middle Ages: The Historical Consciousness of a Christian Humanist*. Leiden; Boston; Köln, 2001. P. 65–66, n. 14.

⁸ См.: *Pinborg J. Die Entwicklung der Sprachtheorie im Mittelalter*. Münster; Kopenhagen, 1967; *Bursill-Hall G. L. Speculative Grammars of the Middle Ages: The Doctrine of the partes orationis of the Modistae*. The Hague, 1971; *Maierù A. The Philosophy of Language // History of Linguistics. Vol. II: Classical and Medieval Linguistics* / ed. by G. Lepschy. London; New York, 1994. P. 288–306; на русский язык из модистских текстов переведен трактат Боэция Дакийского *Modi significandi sive Quaestiones super Priscianum maiorem: Боэций Дакийский. Способы обозначения* / пер. с лат. А. Аполлонова // *Боэций Дакийский. Сочинения*. М., 2001. С. 2–133.

⁹ См.: *Percival W. K. Op. cit.* P. 813–816; *Jensen K. Rhetorical Philosophy and Philosophical Grammar: Julius Caesar Scaliger's Theory of Language*. München, 1990; *Scaglione A. The Origins of Syntax: Descartes or the Modistae? // History and Historiography of Linguistics. Vol. 1: Antiquity–17th Century* / ed. by H.-J. Niederehe, E. F. K. Koerner. Amsterdam; Philadelphia, 1990. P. 339–348.

ния» — это еще один пример явно слабого места средневековой традиции (и опять придирка не вполне честная, поскольку модистские сочинения все-таки не заметили собой полностью базовые практические учебники по латыни). В частности, уже Лоренцо Валла (наряду с Эразмом одна из ключевых фигур в гуманистической критике предшественников) писал в «Энкомии св. Фоме Аквинскому» (1457): «Этими же вещами, которые называют “метафизикой” и “модусами обозначения”, и прочими в таком же духе, которыми современные теологи восхищаются, словно новой недавно открытой сферой или эпициклами планет, я совсем не склонен так же восхищаться и полагаю, что не такая уж большая разница, знаешь ты их или нет, и даже, может быть, лучше и не знать их, чтобы не мешать более ценным вещам»¹⁰. Ниже мы переводим один из ярких текстов в этой области — «Инвективу против модусов обозначения» Александра Гегия (первые 10 глав опубликованы в 1480 г. в составе сочинения *Farrago* «Смесь», полная публикация — 1503 г.).

На самом деле «модусы обозначения» активно критиковались уже внутри схоластической традиции начиная с XIV столетия¹¹, и часто даже содержательно эта критика, при всех очевидных различиях, уже напоминала гуманистическую. Так, около 1330 г. Иоанн Аурифабер утверждал в «Определении о модусах обозначения» (*Determinatio de modis significandi*, диспут об этих тезисах состоялся в Эрфурте): «Модусы обозначения придуманы ради связности (*congruitas*) и законченности (*perfectio*). Но эти свойства достижимы и без модусов обозначения, что явствует из опыта: во-первых, потому что древние, то есть Присциан, и также Донат, и мудрейшие грамматики ничего о них <модусах обозначения> не сообщали, сохраняя тем не менее связность и законченность; во-вторых, поскольку и сегодня сохраняются связность и законченность во многих частях мира, а именно во Франции, Ломбардии и Англии и в большей части Аллемании, то есть по ту сторону Рейна <относительно Эрфурта>, в Брабанте и Пикардии... Но кто-то сказал, что имплицитно, хотя и не эксплицитно, у них у всех присутствовали модусы обозначения, и таким образом они имплицитно, хотя и не эксплицитно, сохранили связность и законченность благодаря тем же самым модусам обозначения. Против этого: «Эти грамматики этого места и города совершеннее всех прочих, поскольку сами эксплицитно понимают то, что остальные понимают имплицитно». Это нелепо, поскольку тогда вышло бы, что грамматика до появления этих модусов обозначения не была полной, а поскольку она является частью философии, то и философия тогда не была полной. — Кроме того, кажется, что <на самом деле> эти <то есть модисты> сохраняют имплицитно с помощью модусов обозначения то, что другие эксплицитно. Доказательство: ведь те древние спасали это <связность и законченность> с помощью сущности и акциденции части речи, а эти — с помощью модусов обозначения, их же они излагают и объясняют через сущность и акциденции части речи. Ведь они

¹⁰ *Laurentius Valla. Opera omnia / con una premessa di E. Garin. Torino, 1962. Vol. II. P. 350.*

¹¹ *Maierù A. Op. cit. P. 302–306.*

говорят, что есть два модуса, один сущностный (*essentialis*), который проистекает из сущности части речи, другой акцидентальный (*accidentalis*), который есть акциденция части речи. Значит, поскольку древние объясняли с помощью сущности части речи и с помощью акциденции, о которых сказано выше, с помощью которых объясняют и эти <модисты>, следовательно, древние говорили более эксплицитно, беря и сущность, и акциденцию и с помощью них сохраняя связность и законченность. Кроме того, отсюда следует, что эти <модисты> ничего не добавили к положениям древних, но только изложили что-то ошибочное. В частности, кроме того, что слово обозначает и со-обозначает¹², они добавили слову свойство, приписанное разумом, с помощью которого слово обозначает и со-обозначает активно¹³. Но древние так не считали; ведь было бы излишним вот так что-то добавлять слову, поскольку слово обозначает и со-обозначает из-за одного только употребления его вместо чего-то другого. Но какое-то употребление присуще слову не из-за некоего свойства, приписанного ему разумом, как становится ясно из сравнения с обручем у входа в таверну¹⁴. Говоря проще: «модусы обозначения» просто-напросто не нужны.

Конечно, этот текст отличается от гуманистических своей узнаваемой схоластической стилистикой. Впрочем, не то чтобы черт этой стилистики нельзя было найти в переведенном ниже тексте «Инвективы» Гегия. В этом его странная двойственность: с одной стороны, явно гуманистические риторизованные обороты (Инвектива 11: «Если бы Грамматика, наука о том, как говорить, сама заговорила, то без всякого сомнения она яростно обрушилась бы на тех, кто так терзает, так уродует ее, что она и грамматикой-то уже недостойна называться»), с другой стороны, тут же строгое «тезисное» изложение по пунктам и характерные для средневековой философии тавтологии (Инвектива 7: «У родительного падежа *mei* тот же самый модус обозначения, что и у других родительных, но конструкция у него не та же самая, что у других родительных», ср. в цитированном пассаже из Аурифабера: «Имплицитно, хотя и не эксплицитно, у них у всех присутствовали модусы обозначения, и таким образом они имплицитно, хотя и не эксплицитно, сохранили связность и законченность благодаря тем же самым модусам обозначения»). И такая двойственность характерна для деятельности Гегия в целом.

¹² *Consignificat*, аристотелевское обозначение грамматических значений слова (по-гречески *προσημαίνω*).

¹³ Подразумевается различение активных (*activi*) и пассивных (*passivi*) «модусов обозначения» в учении модистов: пассивные «модусы обозначения», как и понимания, находятся в обозначаемой вещи, активные связываются с субъектами обозначения, которые в разных версиях учения могут размещаться по-разному. См. понятное изложение в: *Lecq R., van der. Logic and Theories of Meaning in the Late 13th and Early 14th Century Including the Modistae // Handbook of the History of Logic. Vol. 2: Medieval and Renaissance Logic / ed. by D. M. Gabbay, J. Woods. Amsterdam, 2008. P. 356.*

¹⁴ *Pinborg J.* Op. cit. S. 217–218. Сравнение устройства слова с идеальным примером знака – бочковым обручем, висящим над входом в таверну и обозначающим наличие там вина, – было популярно у модистов, см. ссылки в: *Pseudo Albertus Magnus. Quaestiones Alberti de Modis significandi: A Critical Edition / Tr. and Ed. by L. G. Kelly. Amsterdam, 1977. P. 171, n. 66* (с точки зрения Иоанна, как обруч замещает вино, так и слово употребляется «вместо чего-то другого», *pro alio*).

Александр Гегий (Hegius, ок. 1433–1498), уроженец Вестфалии, прославился прежде всего как руководитель школы св. Лебуина в Девентере, одного из важнейших образовательных центров Северного Возрождения: у Гегия учились, например, Иоанн Мурмеллий (ок. 1480–1517), комментатор Бозция и автор всяческой учебной литературы по латинскому языку; голландский историк Герард Гельденхувер (1482–1542); теолог Ортуин Граций (1481–1542) и его оппонент гуманист Герман фон дем Буше (Buschius, 1468–1534). Учеником Гегия также часто называют Эразма Роттердамского (1469–1536), но насколько серьезно Эразм успел у него поучиться, остается спорным вопросом, поскольку Эразм покинул школу св. Лебуина в 1484 г., а о присутствии Гегия в ней нам известно только с 1483 г.¹⁵ В любом случае, впрочем, взгляды Гегия на обучение явно повлияли на Эразма (и Эразм это признавал)¹⁶.

Кроме инвективы против модистов, имя Гегия обычно упоминают в связи с разработкой нового комментария к уже знакомому нам «Доктриналу» Александра из Вильдьё. Часто говорят об участии Гегия в составлении крайне популярного (и многократно переиздававшегося, в основном в том же самом Девентере, начиная с конца 1470-х гг.) комментария Яна Синтхейма из Делдена (Sintheim, Synthen, Sinthis, ум. ок. 1493 г., один из преподавателей школы св. Лебуина). На самом деле комментарий к «Доктриналу», предположительно идентифицируемый каталогами инкунабул как комментарий Гегия¹⁷, отличается от комментария, ходившего под именем Синтхейма. Комментарий Гегия (мы будем для простоты называть его так) к первой части, начало которого переведено ниже, сохранился всего в двух экземплярах: один экземпляр девентерского издания 1495 г. (в издательстве Рихарда Паффрата, вероятно, более раннее издание, экземпляр в библиотеке Киля, по нему сделан наш перевод; причем в колофоне указывается, что сам комментарий составлен в 1486 г.) и один экземпляр дельфтского издания 1495–1497 г. (поврежденный экземпляр хранится в Виндзорской библиотеке).

¹⁵ Van Leijenhorst C. G. Alexander Hegius // *Contemporaries of Erasmus: A Biographical Register of the Renaissance and Reformation*. Vol. 1–3 / ed. by P. G. Bietenholz, T. B. Deutscher. Toronto; Buffalo; London, 1985. P. 173; Tracy J. D. *Erasmus, the Growth of a Mind*. Geneva, 1972. P. 21–29.

¹⁶ Компендий жизни Эразма 1.48.34–40 Allen (1524 г.): «Эта школа тогда еще была варварской <...> разве что вот Александр Гегий и Синтхейм (Zinthus) начали вводить какую-то словесность получше (aliquid melioris litteraturae)» (о Яне Синтхейме см. ниже); Adagia 1.4.39 (опубл. в 1508 г.): «Когда я был совсем ребенком, мне случилось поучиться у его <речь о Рудольфе Агриколе> ученика, вестфальца Александра Гегия, который управлял некогда славной школой города Девентер, где мы когда-то еще совсем мальчиками выучили азы латыни и греческого, муж, говоря коротко, очень похожий на своего учителя, человек как жизни непорочной, так и учености не низкой <...> Я не просто так устроил это большое отступление, <...> но чтобы оказаться благодарным учеником и уплатить долг памяти обоим, поскольку к одному <то есть Гегию> я должен испытывать словно бы почтение сына, а к другому <то есть Агриколе> — словно бы любовь внука».

¹⁷ *Netherlandish Books: Books Published in the Low Countries and Dutch Books Printed Abroad Before 1601* / ed. by A. Pettegree, M. Walsby. Leiden, 2011. P. 25 (№ 593, 600, 607–608); *Gesamtkatalog der Wiegendrucke*. Bd. 1. Stuttgart, 1968. № 1179a, 1180, 1181, 1182.

По многим формулировкам издания Гегия (в том числе отмеченным в нашем комментарии) видно, что он сильно зависит от комментария, издававшегося под именем Синтхейма¹⁸, и часто текст Гегия выглядит просто как сокращение текста Синтхейма. Тем не менее в своем издании Гегий уходит довольно сильно дальше в осовременивании «Доктринала». Принципиальные его отличия, видные уже по переведенным нами ниже страницам, это:

1) Текст сильно сокращен, причем не только за счет объема комментария, но и за счет удаления частей сочинения самого Александра из Вильдьё; в частности, почти полностью удалено введение. Скорее всего, это изменение следует считать сознательным ходом, учитывая известную нам из «Инвективы...» идею Гегия (и, конечно, не только его)¹⁹, что забивание головы учеников лишним — это нанесение им вреда: вступление к «Доктриналу», конечно, явный случай такого «балласта», особенно учитывая, что в раннепечатных изданиях обычно сохранялась средневековая традиция очень подробно комментировать и все вступительные тексты к произведению²⁰: чтобы добраться до грамматики, в некоторых изданиях «Доктринала» XV в. нужно было сперва продрасть через страниц 10 объяснений, почему Александр из Вильдьё выражается в прологе так, а не иначе. Более информативная часть пролога представляет собой оглавление «Доктринала», которое в издании Гегия заменено на (не переведенное нами) прозаическое оглавление. После Гегия вступление к «Доктриналу» полностью удалит в своем комментарии к «Доктриналу» (впервые опубликованном в 1504 г.) Герман ван дер Беке (или ван Бек, Hermannus Torrentinus, ум. ок. 1520 г.), еще один выпускник школы св. Лебуина в Девентере, однако компактность комментария как раз не станет отличительной чертой комментариев к «Доктриналу» и в начале XVI в., здесь Гегий скорее одинок.

2) Кроме сокращений, Гегий позволяет себе и вмешательство в текст: например, текст стихотворного пролога заменен новым коротким текстом на основе старого пролога; места, где Гегий, видимо, считал, что формулировки Александра из Вильдьё некорректны, уточнены; кое-где даже вставлены новые строки. Такая манера обращения с текстом Александра из Вильдьё станет типичной в комментариях начала XVI в. (в комментариях того же самого ван дер Беке или Яна ван

¹⁸ Опять же, для простоты мы будем исходить из такой модели зависимости текстов (комментарий Синтхейма выходит раньше, значит, комментарий Гегия зависит от него), хотя теоретически можно представить и другие варианты: например, что существовал неопубликованный текст, от которого зависимы и комментарий Синтхейма, и опубликованный комментарий Гегия.

¹⁹ Красочная фраза о тех, кто неразумным образом организует обучение (в частности, преподает логику раньше грамматики), есть в анонимном комментарии к «Доктриналу», называемом «Золотая грамматика» (*Aurea gramatica puerorum dictis fulcita fere omnium maiorum et praesertim Pristiani et Nicolai Perotti Sipontini super textu doctoris irrefragabilis Alexandri*. <Nuremberg, ca. 1485>. Fol. 1r): *Non igitur minus peccat qui puerum nobilitare negligit quam qui virginem corrumpit* «Выходит, не меньший грех совершает тот, кто пренебрегает облагораживанием мальчика, чем тот, кто совращает девушку».

²⁰ Ср., например, переведенное в 15-й главе настоящей монографии вступление к комментарию Дюно де Маньялиса к Вергилию: оно начинается с подробнейшего комментария к строке из приписывавшегося Овидию стихотворного вступления, сопровождавшего «Георгики», то есть практически к эпиграфу!

Паутерена, он же де Спаутер, лат. *Despauterius*, ум. в 1520 г.)²¹, для XV в. она, скорее, нехарактерна, хотя все-таки встречается уже и до Гегия (см. ниже примеч. 82). В переведенном нами фрагменте, однако, Гегий идет дальше известных мне других «редакций» «Доктринала», вводя прямо в стихотворный текст ссылку на Лоренцо Валлу: естественно, Александр из Вильдьё не мог ссылаться на Валлу, то есть текст как будто бы уже не принадлежит своему автору.

3) В отличие от большинства комментаторов «Доктринала», Гегий часто выписывает слова и окончания в столбики, удобные для визуального восприятия²² (хотя на самом деле эти столбики часто лишены той функциональной осмысленности, которую они приобретают, например, в случае парадигм). Исключение здесь также есть: в столбик слова и окончания (очень похожим на Гегия способом) записываются также в «Золотой сердцевине», комментарии к «Доктриналу» Тиманна Кемнера²³, тоже ученика Гегия, который становится объектом критики в 39-й главе «Инвективы...» (главе, возможно, не принадлежащей Гегию).

(Из этих примеров ясно, что в ренессансных изданиях «Доктринала» издательская политика не менее важна, чем собственно комментирование; поэтому мы пытаемся в переводе полностью воспроизвести и расположение текста с первых страниц издания Гегия.)

Таким образом, утверждение, что гегиевское издание «Доктринала» было таким же важным новаторским текстом в преподавании латыни на рубеже XV–XVI вв.²⁴, как и его «Инвектива», в целом, видимо, оправданно. Тем более показательно, что даже в этом новаторстве Гегий все равно пользуется именно тем самым многократно обруганным отчетливо средневековым «Доктриналом», а не пишет новый учебник. А ведь «Инвектива» на самом деле тоже нацелена не только на модистов, в конце ее Гегий переходит на обругивание средневековых учебников вообще, обращаясь к более или менее традиционным спискам «антигероев» (главным из которых оказывается Псевдо-Бозэций). «Доктринал» он, как мы сказали, не упоминает, но довольно очевидно, что критиковать как угловатые стихи Александра из Вильдьё, так и непрактичную логику «справочника по исключениям», доминирующую в этом учебнике, было бы проще простого. И тем не менее даже по измененному Гегием тексту видно, что от этой общей логики он так и не отходит. Просто взять и разорвать со средневековой традицией было, видимо, тоже невозможно, даже будучи новатором и не брезгуя пощелкать по «ахиллесовым пятам»

²¹ См.: *Baebler J.J.* Das verbesserte Doctrinale: Perottus und Despauterius // *Baebler J.J.* Beiträge zu einer Geschichte der lateinischen Grammatik im Mittelalter. Halle, 1885. S. 135–169.

²² О значении записи в столбик в ренессансных учебниках см. в главе 4 настоящего издания и *Law V.* The History of Linguistics in Europe: From Plato to 1600. Cambridge, 2003. P. 182–185.

²³ Ср.: *Bömer A.* Der münsterische Domschulrektor Timann Kemner: Ein Lebensbild aus der Humanistenzeit // *Zeitschrift für vaterländische Geschichte und Alterthumskunde*. Bd. 53. 1895. S. 202.

²⁴ *Tavoni M.* Op. cit. P. 8 (Тавони, правда, не разделяет комментарии Гегия и Синтхейма).

предшествующих столетий: Александр Гегий, может быть, лучше всех других гуманистов всей своей деятельностью иллюстрирует этот тезис.

Текст «Инвективы против модусов обозначения» переводится по публикации в статье *Ijsewijn J. Alexander Hegius* († 1498). *Invectiva in modos significandi: Text, Introduction, and Notes* // *Forum for Modern Language Studies*. Vol. VII. 1971. P. 299–318 (нумерация глав введена Й. Эйзевейном). Текст «Доктринала» Александра из Вильдьё с комментарием Гегия переводится по изданию: *Prima pars grammatices elegantissima sub anno Domini millesimo quadringentesimo octogesimo sexto lucubratione summa compilata, et in hanc formam redacta*. Davenport: Per me Richardum Paffraet, 1495.

ИНВЕКТИВА АЛЕКСАНДРА ГЕГИЯ ПРОТИВ МОДУСОВ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Против тех, кто считает обязательным для грамматика знание модусов обозначения и кого называют новым словом «модисты»

1. Те, кто говорит, что знание модусов обозначения делает грамматиком, ошибаются. Не потому кто-то называется грамматиком, что знает, что материальный модус обозначения имени — это тот, который у имени общий с местоимением, а формальный — тот, который специфичен для имени²⁵;

²⁵ *Modum significandi materiale nominis eum esse, qui nomini cum pronomine communis est et formalem, eum, qui nomini proprius est*. Ср.: «Модусы обозначения» Мартина Дакийского (цит. по: *Kneepkens C. H. Some Notes on the Revival of Modistic Linguistics in the Fifteenth Century: Ps-Johannes Versor and William Zenders of Weert* // *John Buridan and Beyond: Topics in the Language Sciences, 1300–1700* / ed. by R. L. Friedman and S. Ebbesen. Copenhagen, 2004. P. 82 n. 34): «Сущностный основной модус обозначения имени есть модус обозначения через модус состояния и покоя (*per modum habitus et quietis*) и через модус определенного присвоения (*per modum determinatae apprehensionis*), и это тот модус обозначения, который делает всякое имя именем. Чтобы это стало понятней, следует отметить, что этот модус обозначения составлен, или сложен, из двух, а именно из модуса состояния и покоя и из модуса определенного присвоения. А поскольку все составное по необходимости стремится составляться из материи и формы, <...> то следует знать, что из них материальное, а что формальное. <...> Так вот, отметить, что модус состояния и покоя — материальный в сущностном основном модусе обозначения имени, а модус определенного присвоения — формальный. <...> Модус обозначения местоимения есть модус обозначения через модус состояния и покоя. Ведь через этот модус местоимение является местоимением. Поэтому то, что является материальным в модусе обозначения имени, является формальным и завершающим (*completivum*) у местоимения. Ведь это есть модус обозначения местоимения. Ведь местоимение не обозначает через модус определенного присвоения, как обозначает имя». Более сложная схема Мартина (у имени «модус состояния и покоя» — материальный, а «модус определенного присвоения» — формальный, в то время как у местоимения «модус состояния и покоя» оказывается формальным) иногда переделывается в более симметричную (которую, кажется, скорее и подразумевает Гегий), ср.: *Ibid.* P. 91, n. 55 (анонимный комментарий к метрическим «Изложениям модусов обозначения» Иоанна Йоссе из Марвиля из рукописи *Berolinensis Theol. Q 26, fol. 129r*): «Как у имени модус определенного присвоения является формальным и специфичным (*specificus*) модусом для него, так модус неопределенного присвоения (*indeterminatae apprehensionis*) является формальным модусом для местоимения».

но тот, кто умеет правильно говорить и писать²⁶ по-латински, — вот кто достоин звания грамматика.

2. Никто не исключается из числа грамматиков из-за того, что не знает, что такое модусы обозначения сущностные и акцидентальные²⁷, материальные и формальные, абсолютные и относительные²⁸ у частей речи; но тот, кто не умеет правильно говорить и писать, сколько бы он ни говорил о модусах обозначения, звания грамматика не достоин.

3. Не тот называется грамматиком, кто знает, что родительный падеж обозначает через модус «как чему принадлежит другое» (*genitivum casum*

²⁶ *Recte loqui et scribere* — не самое тривиальное описание владения латынью, учитывая, что в тех контекстах, где в Средние века существует устная латынь, она обычно так или иначе вторична по отношению к письменной; порядок же, при котором речь ставится на первое место, подразумевает скорее представление о живом языке. Здесь Гегий, вероятно, зависим от определений грамматики как науки *recte loquendi et scribendi* (у Гегия эта формулировка будет в точности воспроизведена в главе 11 «Инвективы»), распространенных у средневековых авторов (*Marino A. The Biography of «The Idea of Literature»: From Antiquity to the Baroque. Albany, 1996. P. 48*) и появляющихся уже у Алкуина (Грамматика 857 Migne). Алкуин же, вероятно, подразумевает античные представления о латыни как о живом языке, в котором письмо вторично по отношению к устной речи: ср., напр.: Квинтилиан, Воспитание оратора 1.4.3. Ср. также (однако в обратном порядке) во вступлении к комментарию Яна Синтхейма к «Доктриналу» Александра из Вильдье, среди обсуждений разных определений грамматики (*Glosa super prima parte Doctrinanalisis <sic> Alexandri per Ioannem Synthen Daventriae extremo labore collecta, quae si diligenter auscultetur non modo iuvenibus, verumetiam praecceptoribus erit necessaria. Daventriae, <1490> [в издательстве Якоба из Бреды, между 5.4.1490 и 21.5.1490]. Fol. a ii v*): «Кроме того, грамматика — это наука правильно писать и правильно говорить (*recte scribendi recteque loquendi scientia*), как видно из ее этимологии (*ex derivatione*): ведь происходит она от *gramma, -atos*, по-нашему «буква», потому что, как свидетельствует Квинтилиан, «грамматика заключается в правильной речи и письме»».

²⁷ *Essentiales et accidentales*. Ср., напр.: Фома Эрфуртский, «Новые модусы обозначения» (*Bursill-Hall G. L. Grammatica Speculativa of Thomas of Erfurt. London, 1972. P. 148*): «Сущностный модус обозначения — это тот, через который часть речи обладает отдельным бытием (*habet simpliciter esse*), либо в соответствии с родом, либо в соответствии с видом. Акцидентальный модус обозначения — это тот, который добавляется к части речи уже после того, как оформилось ее бытие, не давая части речи отдельного бытия, ни в соответствии с родом, ни в соответствии с видом». Например, у слова «лошадь» к эссенциальным модусам будут относиться такие признаки, как принадлежность к («в соответствии с родом») именам, («в соответствии с видом») именам существительным, именам нарицательным, а к акцидентальным модусам будут относиться принадлежность к женскому роду, именительный падеж, единственное число (*Covington M. A. Syntactic Theory in the High Middle Ages: Modistic Models of Sentence Structure. Cambridge, 1984. P. 29*).

²⁸ *Absoluti et respectivi*. Ср., напр.: Радульф Бретонский, Вопросы на Малого Присциана 1.17 (ок. 1300 г.): «Из модусов обозначения некоторые абсолютные, а некоторые относительные. Абсолютные модусы обозначения — это те, которые отсылают только к свойству вещи, а не к модусу обозначения другого сочетаемого (*constructibilis*) <...> Относительные модусы обозначения — это те, которые относятся не только к свойству вещи, но еще и к модусам обозначения в другом сочетаемом». Говоря проще, «относительные модусы» — это признаки слова, задаваемые извне чем-то другим во фразе (например, падеж существительного зависит от управления глагола), а «абсолютные модусы» ничем извне не задаются (например, время глагола в простом предложении не зависит ни от чего другого во фразе, а зависит только от того значения, которое говорящий хочет придать глаголу, — это Радульф и называет «свойством вещи», *proprietas rei*). См.: *Covington M. A. Op. cit. P. 29–30*.

significare per modum ut cuius est alterum)²⁹, а тот, кто знает, что *genitivum casum significare per modum ut cuius est alterum* — неправильная фраза.

4. Грамматики, которые писали о модусах обозначения (если вообще их следует называть грамматиками), писали по-варварски. Древние же, которые не оставили ни единого упоминания о модусах обозначения, говорили на чистейшем языке. Отсюда ясно, что знание модусов обозначения не только не помогает, но даже очень сильно вредит тем, кто преподает грамматику³⁰. Почему итальянцы не учат мальчиков модусам обозначения, если не потому, что дети им слишком дороги, чтобы вбивать им в голову такие бесполезные и вредные вещи?³¹

5. Какая польза от того, чтобы знать, что материальный модус обозначения местоимения — это обозначать через модус «состояния и покоя», а формальный — через модус «определенного присвоения»³², если не знать, что *liber est meus* <«Книга — моя»> — более латинское выражение, чем *liber est mei* <«Книга есть меня»>, что *liber est meus ipsius* <«Книга — моя собственная»> — более латинское выражение, чем *liber est mei ipsius* <«Книга есть меня самого»>, что *liber est meus et Ioannis* <«Книга — моя и Иоанна»> — более латинское выражение, чем *liber est mei et Ioannis* <«Книга есть меня и Иоанна»>, что *liber est meus qui lego* <«Книга — моя, того, кто читает»> — более латинское выражение, чем *liber est mei qui lego* <«Книга есть меня, который читает»>?

²⁹ Ср. определение падежа в «Сумме о модусах обозначения» Михаила из Марбе: «Падеж — это некий модус обозначения, данный имени для обозначения имени с точки зрения модуса бытия (*sub modo essendi*) как что является другим <ut quod est alterum, то есть именительный>, или как чему принадлежит другое <ut cuius est alterum, то есть родительный>, или как чему присваивается другое <ut cui acquiritur alterum, то есть дательный>, или по направлению к чему определяется другое <ad quod terminatur alterum, то есть винительный>, или с точки зрения определения побуждения <sub ratione termini excitationis, то есть звательный>, или с точки зрения модуса бытия как от чего происходит другое <ut a quo fit alterum, то есть отложительный>» (цит. по: Kneepkens С. Н. Оp. cit. P. 90).

³⁰ *Qui grammaticam profitentur*: это выражение вообще можно понять и как «чье ремесло грамматика», «кто занимается грамматикой», но тот факт, что из классических текстов это выражение в точности повторяется только у Квинтилиана, Воспитание оратора 2.6.1, и там речь о преподавании, а также контекст настоящей фразы, мы полагаем, указывают, что речь и здесь именно о преподавателях (от глагола *profiteor*, в частности, происходит и слово *professor*, употребляемое Гегием в главе 34 «Инвективы»).

³¹ Про обсуждения достижений итальянцев в дискуссиях об образовании XV–XVI вв. см. в главе 4 настоящего издания, с. 105–106.

³² *Determinatae apprehensionis*, хотя формальный модус обозначения местоимения как раз должен быть «неопределенного присвоения», *indeterminatae apprehensionis*, как должно следовать и из главы 1 самой «Инвективы»; вероятно, речь идет о какой-то ошибке. Я проверил одно из изданий «Смеси», не использованное Й. Эйзевейном, <Hegius A.> Farrago. <Deventer, 1485–1487> (GW 12145, Fc в обозначениях Эйзевейна), там также нет отрицательного префикса (Fol. a viii r: *determinati* <sic> *apprehensionis*). Вероятно, таким образом, что речь идет не об опечатке, а об ошибке самого Гегия; возможно, она связана с тем, что применять к личному местоимению первого лица ед. числа, о котором далее говорит Гегий, эту модистскую идею, что сущестительное отличается от местоимения «определенностью», вообще достаточно странно (в каком смысле слово «я» «неопределеннее», чем слово «Иоанн»?). Гегий мог просто запутаться.

6. Какая польза от знания модусов обозначения, если не знаешь, что это не-правильные выражения: *Ego dedi sibi librum; tu dedisti sibi librum. Ego misereor sui; tu misereris sui. Ego diligo socium suum; tu diligis socium suum*³³.

Мальчикам следует прилагать усилия, чтобы знать, какая должна быть конструкция (*constructio*) для употребления возвратных относительных³⁴ местоимений, а какая — для невозвратных, то есть чтобы знать, когда нужно пользоваться местоимением *suus*, а когда — местоимением *is* или его косвенными падежами. *Ioannes diligit socium suum* <«Иоанн любит своего товарища»> — правильное выражение. Ведь местоимение *suus* тогда правильно употреблять с глаголом (*appondere verbo*), когда его антецедент является субъектом глагола (*verbo supponitur*)³⁵. Например: *Ioannes socium suum diligit* <«Иоанн любит своего товарища»>.

Кто употребляет возвратное местоимение вместо невозвратного, тот выражается неправильно. Также и тот, кто ставит невозвратное местоимение на место возвратного, говорит не безупречно. *Ioannes socium suum diligit* <«Иоанн любит своего товарища»> — безупречное выражение. *Ioannes diligit socium eius* <«Иоанн любит его товарища»> — ущербное выражение, которое мы

³³ Речь о том, что (в отличие в том числе и от русского языка, что затрудняет перевод примеров) латинские возвратные местоимения *sui* и *suus* являются возвратными местоимениями только третьего лица, при первом и втором же лице вместо возвратных используются обычные местоимения первого и второго лица.

³⁴ Уже в древности слово «относительный» (*relativus*) применялось к местоимениям в двух смыслах: 1) принятом сегодня, согласно которому относительные местоимения — это эквиваленты вопросительных местоимений, вводящие придаточные предложения («который», «когда», «потому что» и т.п.; ср.: Присциан, Грамматические наставления 3.127.7–10 Keil: «И что касается *qui*, то это слово употребляется вместо *quis* в качестве неопределенного или вопросительного, а вот *quis* никогда не употребляется в качестве относительного (*pro relativo*). Так что как *qualis* и *quantus*, будь они вопросительными, неопределенными или относительными, хоть и меняют ударение, не являются разными частями речи, так и названные выше»); 2) относительные местоимения — это местоимения, отсылающие к упоминавшемуся выше предмету, в отличие от указательных (*demonstrativa*), отсылающих к новому предмету (Присциан, Грамматические наставления 3.141.23–142.3, 3.142.28–30 Keil: «И следует знать, что указательные (*demonstrativa*) местоимения употребляются не вместо неких упомянутых выше имен, как относительные (*relativa*), а вместо тех, на которые нельзя указать, относительные же — на месте упомянутых выше имен, но таких, которые нельзя повторить еще раз... Относительные — это *ipse*, или *is*, или *sui* <...> указательные же — *hic*, *iste* или *ille*»; 2.579.15–17 Keil: «Ведь разница между указыванием (*demonstratio*) и относительностью (*relatio*) в том, что указывание, отвечая на вопрос, показывает первое узнавание: «Кто сделал?» — «Я»; в то время как относительность обозначает второе узнавание: «Тот, от которым я уже говорил»).

³⁵ Оппозиция *suppositum* — *appositum* (букв. «положенное снизу» — «приложенное», обычно в значении «подлежащее» — «сказуемое») распространяется в латинской лингвистике начиная с XII в. (уже у Петра Геллийского и Петра Испанского: *Vineis E. Linguistics and Grammar//History of Linguistics. Vol. II: Classical and Medieval Linguistics* /ed. by G. Lepschy. P. 241, 244). Оппозиция *subiectum* — *objectum* (которая даст термины для подлежащего и дополнения в новых европейских языках) в это время закреплена скорее за логикой, а не грамматикой, хотя сам образ «подкладывания под», вероятно, зависим от буквального значения термина *subiectum* «брошенное под».

могли бы дополнить так: *Ioannes diligit socium eius, cui heri librum commodavi* <«Иоанн любит товарища того, кому я вчера дал почитать книгу»>.

7. Модусы обозначения не определяют конструкцию частей речи. Ведь у родительного падежа *mei* <«меня»> тот же самый модус обозначения, что и у других родительных, но конструкция у него не та же самая, что у других родительных. Ведь правильно сказать *liber Ioannis* <«книга Иоанна»>, но неправильно *liber mei* <«книга меня»>. Правильно сказать *liber est Ioannis* <«Книга — Иоанна»>, но неправильно *liber est mei* <«Книга есть меня»>.

8. Какой толк от того, что родительный *mei* обозначает «вещь, которой принадлежит другое», если его нельзя соединить (*construere*) с именем, обозначающим вещь, которая принадлежит другой, раз неправильно сказать *liber mei*?

9. У союза *que* <«и»> модус обозначения тот же самый, что и у союза *et* <«и»>, но конструкция у него не та же самая, что и у союза *et*. Ведь правильно сказать *Ego et tu damus*, но неправильно *Ego que tu damus*.

10. У *an* <«разве»> и *ne* <«ли»> один и тот же модус обозначения, но разные конструкции. Ведь правильно сказать *An Ioannes est domi*? <«Разве Иоанн дома?»>, но неправильно *Ne Ioannes est domi*? <«Ли Иоанн дома?»>.

У *tenus* <«вплоть до»> и *versus* <«в направлении»> тот же самый модус обозначения, что и у других предлогов, но конструкция не та же самая, что у других. Ведь правильно сказать *in capulo* <«на рукояти»>, но неправильно *tenus capulo*. Ведь следует говорить *capulo tenus* <«по рукоять»>. Какому модусу обозначения родительные падежи *pluris* <«задорого»>, *minoris* <«за подешевле»>, *tanti* <«за столько»>, *quantum* <«за сколько»> обязаны тем, что со словами, обозначающими куплю или продажу, сочетаются (*construuntur*) они, но не родительные *aureorum* <«за золотые»>, *philipporum* <«за филиппы»>, т.е. почему можно по-латински сказать *Liber meus tanti emptus est, quanti tuus* <«Моя книга куплена за столько же, за сколько твоя»>, но нельзя по-латински сказать *Liber meus tot aureorum emptus est, quot aureorum tuus*?

11. Если бы Грамматика, наука о том, как говорить³⁶, сама заговорила, то, без всякого сомнения, она яростно обрушилась бы на тех, кто так терзает, так уродует ее, что она и грамматикой-то уже недостойна называться. Грамматика, конечно, свободное искусство. Но не всякая, а только та Грамматика, которая наука о том, как правильно говорить и писать. Ту же, которой мальчики нынче обучаются за большую плату, вряд ли следует называть свободным искусством, поскольку это наука не о том, как говорить правильно, а о том, как говорить по-варварски. Поэтому недостойна та, которой сейчас

³⁶ *Ars loquendi*; чуть ниже она уже будет названа *ars recte loquendi et scribendi* «наука о том, как правильно говорить и писать» (ср. о происхождении этой формулировки примеч. 26); скорее всего, в данном месте упоминание письма оказалось опущенным просто для подчеркивания парадокса — наука говорить сама говорит.

большинство мальчиков учатся у своих наставников, называться свободным искусством, в отличие от той, которая наука о том, как и говорить, и писать правильно. Ведь в той первой коверкаются то названия книг, то наук, то фигур, то слова, взятые взаймы у греков. До того мало они заботятся о правильности латыни (*latinitas*)³⁷, что даже в названии произведений допускают ошибки! Немецкий язык³⁸ должен быть больше благодарен простолюдинам (*ideotis*), чем латинский язык — образованным людям. Те ведь стараются говорить правильно и не коверкать свой язык. А эти даже при свете дня не заботятся о том, чтобы правильно говорить, и не считают постыдным³⁹ говорить по-варварски. Греческий язык должен быть больше благодарен грекам, чем латинский — латинянам. Ведь они не истязают его так, как те. Нелегко было бы сказать, сколь тяжел проступок учителей, закрывающих глаза на дефекты речи детей, которых им поручили наставлять и за обучение которых они получают плату. Не закрывают же они глаза на дефекты монет, которые принесут обратно, если им дадут поддельные.

12. Они жалуются, если видят⁴⁰, что им не несут положенной платы, если дети надувают их в отношении полагающихся им денег, если им приносят какие-то поддельные монеты. Но те, кто не знает грамматику, и есть настоящие жулики. Ведь они надувают детей в отношении денег, когда за плату учат их говорить по-варварски. О, сколь несчастным образом надуты в отношении денег оказываются те, кто за плату выучивается говорить по-варварски!

13. А необходимы для латинской речи, конечно, три вещи: я имею в виду, чтобы она состояла из слов латинских (*Latinis*), затертых (*trititis*) и цельных (*integris*). Чтобы в ней не было порочных катахрез (*viciosae abusiones*)⁴¹ слов.

14. А порочные катахрезы слов происходят, когда слова порочным образом оказываются надутыми в отношении своих значений, например когда *dictare*

³⁷ Понятие *Latinitas* (букв. «латинскость») — латинская калька с греческого Ἑλληνισμός (букв. «эллинскость»). По сути дела, оба термина обозначают конкретно правильность языка (соответственно, латинского или греческого). См.: Smiley C. N. *Latinitas and Ἑλληνισμός: The Influence of the Stoic Theory of Style as Shown in the Writings of Dionysius, Quintilian, Pliny the Younger, Tacitus, Fronto, Aulus Gellius, and Sextus Empiricus* // *Bulletin of the University of Wisconsin*. № 143. *Philology and Literature Series*. Vol. 3. 1906. P. 205–272.

³⁸ *Teutonica lingua*: ср. примеч. 43.

³⁹ Переводим по собственной конъектуре *neque turpe ducunt* вместо *neque turpe dicunt*.

⁴⁰ Переводим по собственной поправке *Queruntur, si non referre mercedem sibi debitam <videant>, si suis debitis a pueris fraudentur, si quos adultrinos eis offerant*.

⁴¹ Оговорка о «порочности» нужна, видимо, потому, что катахреза (несмотря даже на свое название, лат. *abusio*, которое буквально значит «злоупотребление», «неправильное употребление») согласно античной риторической теории является фигурой, а не пороком (*vitium*) речи; поскольку любая фигура, употребленная неправильно, становится пороком речи, то можно было просто уточнить, что речь идет только о тех случаях катахрезы, которые плохи.

litteras означает «писать буквы». Ведь *dictare* — это «диктовать кому-то что-то, чтобы он писал».

15. Наконец, пусть в ней не будут порочными ни сопряжения слов, ни конструкции, ни композиции.

16. Также и те, кто не знает орфографию, являются жуликами. Ведь они надувают слова либо в отношении полагающихся им букв, либо в отношении полагающегося им звучания. Таковы те, кто говорит *perhennis*, *habundo*: настоящие словесные жулики!

17. Некоторые надувают слова в отношении их значений, например те, кто говорит, что *dictare* значит то же самое, что «писать что-то своей рукой», по-немецки *dychten*. Однако⁴² у них не одно и то же значение, но *dychten* употребительнее, чем *dictare*. Поэтому *dictare* значит «диктовать кому-то что-то, чтобы он писал или говорил», и значит *toe segghen* <голл. «говорить»>⁴³.

18. Так что грамматика необходима всем, кто не хочет надувать слова. Кто надувает немецкие слова в отношении букв или законного звучания, над тем все смеются. А вот искажители латинских слов не несут совершенно никакого наказания за свои проступки: настолько велико их множество. Хотя не менее (и даже более) достоин быть высмеянным тот, кто надувает в отношении законного звучания или полагающихся букв латинские слова, чем тот, кто надувает в их отношении немецкие слова. И, опять же, как того, кто коверкает немецкие слова, высмеивают слушатели, так и тот, кто коверкает латинские слова, делает из себя посмешище. Как немцы, когда хотят примешать к своему языку какие-то французские слова, обычно коверкают их, так и латиняне, когда хотят примешать к своему языку греческие⁴⁴.

19. Как следует говорит тот, кто не уродует свою речь ни варваризмом, ни лецизмом, ни какой-нибудь порочной катахрезой (*viciosa aliqua catachresi*).

⁴² Переводим по смыслу, стоящее здесь в издании *unde* «поэтому» — явно испорченный текст, слово, скорее всего, вползло из следующего предложения (либо перед настоящим предложением пропуск).

⁴³ Форма *toe segghen* определенно голландская, так что можно предположить, что и во всех остальных случаях, когда Гегий говорит о «немецком языке» (*teutonica lingua*), подразумевается голландский; или, скорее, он даже просто отождествляет их, считая разными диалектами одного и того же языка, учитывая, что тот вариант немецкого, на котором говорили в родном городе Гегия Хееке (от его названия и образовано прозвище *Hegius*), нижненемецкий, вообще близок к голландскому. Аналогичным образом трактуется термин *teutonicus* и в комментарии Яна Синтхейма к Александру из Вильдьё, о котором см. вступление (*Glosa super prima parte Doctrinanalisis Alexandri per Ioannem Synthen...* Fol. A vi r): «*И pater familias* — это не одно слово, а два, как становится понятно из немецкого (*teutonica*) перевода: ведь *pater familias* — это *een vader des huys ghesins*». То, что для критики Гегий выбрал именно употребление глагола *dicto*, вероятно, связано с тем, что этот глагол, и именно в таком неправильном значении, также регулярно употреблялся в названиях учебников: *Ars dictaminis/dictandi* (имеется в виду, конечно, «Искусство письма») стал целым жанром образовательных пособий, см.: *Haskins C. H. The Renaissance of the 12th Century*. Cleveland; New York, 1958. P. 139–146; *Camargo M. Ars dictaminis, Ars dictandi*. Turnhout, 1991.

⁴⁴ Видимо, подразумевается: «И также наши преподаватели латыни коверкают и сами латинские слова!»

20. А модусы обозначения, ей-же-ей, не стоят того, чтобы дети их учили. Наставники детей, которые преподают им модусы обозначения, вероятно, столь же недостойны своей платы, сколь и те, кто засекает поля сорной травой. Пусть скажут мне те, кто возносит модусы обозначения хвалами до звезд: какому модусу обозначения обязано неопределенное наклонение (*modus infinitivus*) тем, что в качестве субъекта требует (*supponat sibi*) винительный падеж?⁴⁵ Или какому модусу обозначения обязан глагол *interest* тем, что соединяется (*construitur*) с отложительными падежами *mea, tua, sua*?⁴⁶ И так далее.

21. Те, кто называется грамматиками, называются грамматиками не потому, чтобы они знали модусы обозначения, а потому, что умеют говорить по-латински. Кто исключается из числа грамматиков, исключается из числа грамматиков потому, что не умеет говорить по-латински, а не потому, что не знает модусов обозначения.

22. Знание модусов обозначения не делает грамматиком, потому что те, кто писал о модусах обозначения, и сами не были грамматиками. Ведь язык их сплошь варварский.

23. Один только латинский язык загажен модусами обозначения. Ни греческий язык, ни любой из варварских не загажен в такой степени модусами обозначения, как латинский. Немцы признают, что такое высказывание по-немецки связное (*congrua*): *ick byn* <голл. «я есть»>⁴⁷. Но ведь они знать не знают о модусах обозначения!

24. Поэтому никто не исключается из числа грамматиков за то, что не знает, что *amare* <«любить»> управляет (*regere*)⁴⁸ винительным по той причине,

⁴⁵ Речь идет о латинской конструкции *accusativus cum infinitivo*, в которой субъект выражается аккумулятивом, а действие — инфинитивом; об употреблении глагола *suppono* см. примеч. 35.

⁴⁶ Имеется в виду характерная для латыни и необычная для других языков конструкция третьего лица единственного числа глагола «иметь значение» с аблативом личного местоимения в женском роде: *mea interest* «для меня имеет значение», *tua interest* «для тебя имеет значение», *sua interest* «для него имеет значение».

⁴⁷ См. выше, примеч. 43. Понятие *congruitas* («связность», то есть «грамматичность» высказывания) — один из критериев средневековой синтаксической теории, распространяющийся с XII в.; см.: *Maierù A.* *Op. cit.* P. 286–288 и переведенный выше отрывок из «Определения о модусах обозначения» Иоанна Аурифабера, где антимодистская грамматика как раз описывалась как очищенное от лишних примесей слежение за *congruitas* и *perfectio* («полнотой») фразы. В «Инвективе...» понятие *congruitas* упоминается только в этом месте, однако в «Смеси» (*Farrago*), сочинении Гегия, в составе которого первоначально были опубликованы первые десять глав «Инвективы», непосредственно перед ними как раз шел раздел о «связности», где рассматривался подробнее тот же самый пример (<*Hegius A.*> *Farrago*. Fol. A vii r–v): «Предложения (*orationes*), построенные по правилам грамматики, называются связными (*congrue*) предложениями. Связность и бессвязность есть во всех языках. *lc bin, du bist* — предложения немецкие и связные. *ick bist, du bin* «исправлено мной по контексту, в издании *ick bin, du bist*» — бессвязные (*incongrue*), поскольку немецкое местоимение первого лица *ick* не сочетается (*non congruit*) с глаголом *bist* во втором лице».

⁴⁸ Понятие «управления» (*regimen*) также заимствовано Гегием из средневековой науки, вообще уделявшей значительно большее внимание синтаксису, чем античная. При этом понятие глагольного управ-

будто обозначает через модус «переходящего на другое», но человек будет исключен из числа грамматиков за то, что не знает, что грамматик сошелся на том, чтобы *amare* управляло винительным.

25. *Habeo pecuniam* <«Я имею деньги»> — правильное выражение, как и *Careo pecunia* <«Я лишен денег»>. *Pecunia habetur a me* <«Деньги имеются мной»> — правильное выражение, но *Pecunia caretur a me* — неправильное выражение. Грамматик сошелся на том, что так не говорят — *Pecunia caretur a me*.

26. Так разве не стоит проникнуться состраданием к детям, которые за плату учат такие бесполезные и такие лживые вещи? Вот почему *Habeo pecuniam* и *Pecunia habetur a me* — правильные выражения: грамматик сошелся на том, чтобы так говорилось. Если бы грамматик сошелся на том, чтобы говорилось *Careo pecuniam*, то *Careo pecuniam* было бы правильным выражением, и *Pecunia caretur a me* тоже. Но поскольку грамматик сошелся на том, что не говорят *Careo pecuniam*, то так говорить неправильно.

27. Почему не говорится *Amo Ioannis* <«Люблю Иоанна» (родительный падеж)>, как *Memini Ioannis* <«Помню Иоанна» (родительный падеж)>, то есть *Memoriam Ioannis habeo* <«Имею память об Иоанне» (родительный падеж)>? Только потому не значит⁴⁹ *Amo Ioannis* то же самое, что и *Amorem Ioannis habeo* <«Имею любовь к Иоанну» (родительный падеж)>, что так решили грамматик, чтобы *amo* не соединялся с родительным. А *memini* они решили, чтобы соединялся с родительным.

28. Почему Августин, Иероним, Григорий⁵⁰, Амвросий, Барернд⁵¹, Киприан и Лактанций и прочие церковные писатели писали по-латински, если не потому, что они писали так же, как писали древние, то есть как Туллий, как Саллюстий, как Ливий, как Вергилий, как прочие древние? А они ведь не знали и

ления в Средние века отличалось от современного тем, что глагол управляет (*regit*) не только дополнением, но и подлежащим (так как определяет его падеж): см.: *Maierù A.* Op. cit. P. 284–287.

⁴⁹ Поскольку такое выражение вообще невозможно.

⁵⁰ *Ijsewijn J.* Alexander Hegius († 1498). *Invectiva in modos significandi: Text, Introduction, and Notes*// *Forum for Modern Language Studies*. Vol. VII. 1971. P. 312 указывает, что речь о папе Григории Великом. Ср. аналогичный список Валлы в примеч. 93 к главе 16 настоящего издания.

⁵¹ *Barerndus* — то есть, как указывает Эйзевейн (*ibid.*), по-видимому, св. Бернард Клервоский (1091–1153). Включение Бернарда в этот список выглядит довольно неожиданно; Эйзевейн указывает в качестве параллели текст «О науке письма» (*De arte dictandi*, 1454) Энгельберта Схута из Лейдена (ок. 1410–1503), где образцами языка названы Цицерон, Гораций, Амвросий, Августин, Бернард Клервоский и Петр Блаженный (ок. 1135 — ок. 1211). Надо, однако, отметить, что это не отменяет странности выбора, поскольку Энгельберт Схут для Гегия — латинист предшествующего поколения (Схут должен быть лет на двадцать старше Гегия), который к тому же в самом титуле своего произведения использует слово *dicto* в значении «писать», критикуемом Гегием в главах 14 и 17 настоящего текста, то есть Схут, скорее всего, как раз и есть один из тех некавалифицированных с точки зрения Гегия преподавателей латыни, на которых направлена инвектива. Кажется, более уместная параллель — Эразм, *Антиварвары* 1.1.125.2–3 Kumaniecki: «Язык Бернарда остроумный и не лишенный изящества, хотя и церковный».

не читали Михаила из Марбе⁵². Но писали-то вполне по-латински, и даже в совершенстве по-латински. Ведь они писали так, как древние.

29. И не потому они писали по-латински, что знали модусы обозначения, без знания которых, как считают некоторые, невозможно ни писать, ни говорить по-латински. А писали они по-латински потому, что подражали древним, и писали так, как древние.

30. Как лучше всех рисует тот, кто рисует так, как тот, кто рисовал лучше всех, и гравировал лучше всех тот, кто гравировал так, как гравировал тот, кто гравировал лучше всех, так и говорит лучше всех тот, кто говорит так, как говорил тот, кто говорил лучше всех. Так и поет лучше всех тот, кто поет так, как пел тот, кто пел лучше всех.

31. Так будем же стараться говорить так, как говорил тот, кто говорил лучше всех — а все сходятся на том, что это был Туллий, — и оставим в стороне тот совершенно варварский труд, который называется *Scholarium Disciplina* «Обучение школяров»⁵³ (ведь названия на приличной латыни у него просто нет) и который ложно приписывают Бозцию.

⁵² Михаил из Марбе (Michael de Marbasio, здесь de Morbosio) — французский философ XIII в., автор «Суммы о модусах обозначения» (ок. 1270), а также ряда до сих пор не опубликованных грамматических сочинений («Вопросы на Малого Присциана», «Сумма модусов», «Трактат о грамматике»). «Сумма о модусах обозначения» довольно широко распространена в рукописях XIII–XV вв.; ее использует как пример модистского «зла» также Генрих Бебель на рубеже XVI в.: «Модусы обозначения Иоанна Йоссе <из Марвиля, Iohannes Iusse/losse de Marvilla/Maricolensis, автора метрических «Изложений модусов обозначения», датированных 1322 г.> и Михаила из Марбе (Michaelis de Morbosia) гони от себя прочь, словно яд» (*Michaelis de Marbasio. Summa de modis significandi* / ed. by L. G. Kelly. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1995. S. IX). Любопытно, что и Гегий, и Бебель используют редкую форму имени *de Morbosia* — возможно, это шуточное полемическое искажение имени (или намеренное использование уже существовавшего варианта), перетолковывающее его через этимологию от слова *morbus* «болезнь», как Эразм переименовывает своего оппонента, францисканца Медарда де Кирхена, в Мердарда (от лат. *merda* «дерьмо», в диалоге «Сходка, или Мердард», Беседы 1.3.653–666 Halkin–Bierlaire–Hoven) или обыгрывает для написанного францисканцем Джованни Маркезини в конце XIII в. введения в библейскую латынь *Mammothreptos* (то есть *Μαμθόθρεπτος* «Воспитанный мамочкой» или «Воспитанный бабушкой», в смысле «с заботой») вариант названия *Mammotrectus* (звучащий по-латински как происходящий от слов *mammae* «женские груди» и *tracto* «щупать»), Беседы 1.3.586.28–35 Halkin — Bierlaire — Hoven (диалог «Синод грамматиков»): «Бертульф. Это очень ясно объясняет книга, которую часто называют исковерканным именем *Mammotrectus*, а вообще правильное ее название *Mammothreptos*, то есть как будто бы «воспитанник бабушки». Альбин. Это что еще за название такое? Бертульф. Чтобы ты понял, что в книге этой не найдешь ничего, кроме чистых услад, потому что *tammae*, то есть бабушки, больше балуют своих внуков, чем матери своих детей. Альбин. Вот это ты сладостнейшую историю рассказал! А то я тут недавно наткнулся на эту книжку, так чуть от смеха не лопнул». Об использовании Михаила из Марбе в преподавании ср.: Эразм, О написании писем 1.2.257.5–7 Margolin: «Здесь опять меня поднимет на смех кто-нибудь из тех грамматистов, которые имеют обыкновение комментировать (*praelegere*) перед детьми Михаила Модиста...».

⁵³ Текст, написанный ок. 1230–1240 г., возможно, в Париже. Согласно Ольге Вейерс (*Pseudo-Boèce. De Disciplina Scolari* / éd. par O. Weijers. Leiden; Köln, 1976. P. 3), Гегий первым атетировал этот явно неподлинный текст.

32. Эта книжица напичкана такими нелепыми тропами, что совершенно недостойна того, чтобы дети по ней учились. Это ей мы обязаны тем, что говорим про *natura naturans* <«природу природствующую»> и *naturata* <«оприроженную»>⁵⁴; отсюда происходят слова *magistrari* <«учительствовать»>, *intitulari* <«натитуловываться»>, *discolus*. Ведь вот там что написано: *Non est dignus magistrare qui se non novit subiici* <Обучение школяров 2.1, «Недостойн учительствовать, кто не умеет склонять голову»>⁵⁵. *Magistratus* там называется учительство. Откуда придумали *presbyterari* <«пресвитерствовать»>. *Magistratus*, если существительное, то это по-латински; если причастие, то по-варварски. Оттуда взято слово *dyscholus*, которое означает дурного, губительного и такого, которого трудно терпеть. Ведь *δυσ-*, приделанное к греческому глаголу, означает «плохое», а *chole* <то есть гр. *χολή*> — «желчь». Отсюда *discolus*. Оттуда взято это: *Non enim discentis est probis contumeliosisque affatibus regentem incitare* <Обучение школяров 5.7, «Ведь не положено обучающемуся раздражать управляющего руганью и оскорбительными обращениями»>⁵⁶.

⁵⁴ Эти термины, которые обязаны своей известностью в Новое и Новейшее время в основном тому, что их использует Спиноза, восходят к схоластической философии: выражение *natura naturata*, по-видимому, происходит из латинских переводов комментария Аверроэса к «О душе» и «О небе» Аристотеля, а выражение *natura naturans* впервые фиксируется в пассаже из «Вводной книги» (ок. 1230) Михаила Скота (ок. 1175 — не позднее 1236), причем в некоторых рукописях тому же самому Михаилу Скоту приписывается и этот самый перевод комментария Аверроэса к «О душе», а перевод комментария к «О небе» считается достоверно принадлежащим Скоту, так что вполне возможно, что его следует считать ответственным за оба выражения (Weijers O. Contribution à l'histoire des termes «*natura naturans*» et «*natura naturata*» jusqu'à Spinoza // *Vivarium*. Vol. 16. 1978. P. 70; та же самая Ольга Вейерс издавала и «Обучение школяров» и считает, что этот текст зависит от Михаила Скота, а не наоборот: *Pseudo-Boèce. De Disciplina Sclorum* / éd. par O. Weijers. Leiden; Köln, 1976. P. 169–170).

⁵⁵ Поскольку предложение, по-видимому, должно иллюстрировать употребление глагола *magistrari* (а не *magistrare*), и в оригинальном тексте «Обучения школяров» (2.1) на этом месте как раз стоит депонентная форма *magistrari* (*quoniam qui se non novit subiici, non noscat se magistrari*), можно предположить, что текст Гегия просто испорчен и следует читать *magistrari*; либо же нужно считать, что Гегий вообще раздражает образование глагола от слова *magister* в значении «учитель» (глагол *magistrare* в классической латыни вообще существует, но со значением «управлять»).

⁵⁶ В этом пассаже очень плохо просматриваются логические связи; возможно, текст попорчен, например какие-то фразы выпали при типографском наборе. Можно допустить, что во фразе «*Magistratus* там называется учительство» подразумевается на самом деле, что глагол *magistrari* употребляется в значении «учительствовать». Тогда следующую фразу можно считать подобранным по аналогии примером (как от *magister* неправильно образуют глагол *magistrari*, так и от *presbyter* неправильно образуют глагол *presbyterari*). Таким образом можно также объяснить, почему затем Гегий возвращается к слову *magistratus*. Но связь следующей далее фразы с предшествующим контекстом понять сложно (есть существительное *magistratus*, но нет причастия *magistratus* — в смысле, что таким образом, опять же, нет глагола *magistrari*?). Далее Гегий переходит к слову *discolus/dyscholus*. Непонятно, во-первых, что же именно «Обучение школяров» делает с этим словом не так, а во-вторых, при чем здесь цитата, которой заканчивается пассаж. Вот что написано про слово *discolus* в «Обучении школяров» 2.3: «Школяр (*scolaris*) же пусть не будет *discolus*. Ведь *discolus* говорится как будто бы «отделенный от *scola*». А греческое *scola* — это по-латински «досуг»: поэтому *discolus* — это как будто бы «отделенный от досуга». Называется же *dyscolus* тот, кто обегает (*discurrat*

33. Возможно, противники, защищающие варварство, скажут: «Некоторые слова можно писать иначе, чем их было принято писать у древних. Некоторые слова можно и коверкать».

34. Если это допустить, то тогда уж можно будет вообще все слова писать иначе, чем было принято у древних. Тогда прочь грамматика, тогда долой профессоров грамматики!

35. Будем тогда пользоваться словарями варварскими и коверканными — я имею в виду «Жемчужину»⁵⁷ (но только название надо поменять: трудно будет сказать, сколь многие им обманывались и обманываются! одно только это название и проповедуют, одно его и почитают те, кто, как бывает с юношами, не знающими жизни, накладывает пост на собственный желудок из-за нехватки денег!) и множество других подобных: Угуччоне⁵⁸, «Католикон»⁵⁹, Бретонца⁶⁰, — отбросив и провереннейших (approbatissimi) Марка Варрона⁶¹, Феста, Нония Марцелла, туллианского нестора Тортелли⁶², и бесчисленное множество других!

рег) все переулки и площади и таверны и комнатки проституток, общественные зрелища, процессии и танцы и обеды и общественные пиры и делает все это с шарящими глазами и несдержанным языком, наглым поведением, ликом несмирненным; а *scol'u* ставит на последнее место после всего этого». Подразумевается, таким образом, этимология от лат. *dī(s)-* + гр. *σχολή*, возможно, вместе с дополнительной этимологией от *discurro* (из пояснения, что *scola* — это «досуг», скорее всего не стоит делать вывод, что речь не идет о «школе», поскольку и само ключевое для текста слово *scholaris* «школяр» прозрачным образом однокоренное со *scola*; вероятнее, просто подчеркивается, что «школа» оказывается «досугом» по сравнению с тем активным образом жизни, который ведет *dyscolus*). Может быть, Гегий имеет в виду, что что-то не так с этой этимологией? Греческие заимствования традиционно допускаются в латыни (и *δύσκολος* «брюзга» — нормальное греческое слово, хотя и не имеющее, конечно, никакого отношения к *σχολή*), а в данном разделе у Гегия вообще речь все время идет о неправильном словообразовании; может быть, он считает, что «Обучение школяров» незаконным образом перетолковывает это слово как содержащее латинскую приставку и греческий корень? Следующая далее цитата кажется по смыслу как-то связанной с тем же самым «дисколом», но каким именно образом, особенно учитывая, что она взята из совсем другой части текста? Или, если связи нет, то непонятно, что в ней не устраивает Гегия?

⁵⁷ «Жемчужина слов» (*Gemma vocabulorum*) — латинский словарь, вместе с вариантом «Жемчужинка слов» (*Gemmula vocabulorum*) многократно переиздававшийся в XV в.

⁵⁸ Угуччоне Пизанский (*Ugutio*, *Hugutio*, ок. 1140–1210), автор «Больших дериваций».

⁵⁹ Словарь доминиканца Джованни Бальби из Генуи (*Ioannes de lanua*, *Ioannes de Balbis*, ум. в 1298 г.), датируемый 1286 г.

⁶⁰ Гийом Бретонский (*Guillelmus Brito*) — французский автор XIII в., написавший «Сумму Бретонца, или Объяснения библейских слов».

⁶¹ Имеется в виду сочинение «О латинском языке».

⁶² Джованни Тортелли (*Tortellius*, 1400–1466), ватиканский библиотекарь, которому Лоренцо Валла посвятил свои «Элеганции», был автором трактата «Об орфографии» (1449). *Ijsewijn J.* Op. cit. P. 315 полагает, что Гегий имеет в виду не сам текст «Об орфографии», а построенную в виде словаря выборку оттуда, перепечатававшуюся в качестве приложения к «Жемчужине слов» («Собственные имена славных мужей, народов, городов, провинций, гор и рек наиболее известных, из Джованни Тортелли»). Гомеровский Нестор — провербальный образец красноречия, эпитет «туллиевский» связывает еще и с образцом римского красноречия, Марком Туллием Цицероном.

36. Слова, конечно, следует и писать, и произносить, и соединять так, как грамматики сошлись, чтобы они писались, или произносились, или соединялись. А значит, кто каким-то еще образом пишет, или произносит, или соединяет, тот допускает варваризм.

37. Обозначать словами следует так же, как ими было принято обозначать у древних⁶³.

38. Насколько от этого далека расхожая «Жемчужина», ясно увидят те, кто сравнит ее с проверенными древними словарями. †обращаться†⁶⁴.

39. Я пропускаю обе «Сердцевины частей», а также «Малый труд об обеих» и другие бесчисленные произведения, совершенно недостойные того, чтобы их покупали и читали⁶⁵.

40. Презрев плоды, некоторые, впад в ложные убеждения (это я из любви пишу), предпочитают питаться желудями <ср.: Цицерон, Оратор 31> — ежели только прилежащая к наукам молодежь не станет вести себя более зрелым образом и не позаботится о себе сама. Так пусть же, заметив таким образом, что в траве таится холодный яд, предупрежденные мальчишки бегут прочь от желудей! Ведь «в траве прячется змея» <Вергилий, Буколики 3.93>. Прощайте⁶⁶.

⁶³ *Aeque vocabulis significandum atque inter Veteres convenit eis significari*: видимо, в смысле «Слова следует использовать в тех же значениях, в каких их использовали древние».

⁶⁴ Непонятное синтаксически слово *consultare* Эйзевейн (*Ijsewijn J.* Op. cit. P. 311) печатает в кружках. Оно может относиться и к предшествующей, и к следующей далее фразе, но по-настоящему не вписывается ни туда ни туда. Эйзевейн колеблется между тем, чтобы все-таки отнести слово к следующей далее фразе вопреки заглавной букве, с которой та начинается в издании (*consultare pretereo...* «Я пропускаю то, чтобы обратиться к...»), и предположением о том, что из текста выпал какой-то кусок фразы. Может быть, можно еще допустить, что в основной текст по ошибке попала недописанная отметка, которую предполагалось напечатать на полях (вроде *consultare <Veteres>* «обращаться к древним»)?

⁶⁵ Йозеф Эйзевейн (*Ibid.* P. 315–316) считает этот абзац вставкой издателей (то есть Жака Лефевра Девентерского, готовившего издание 1503 г.? См.: *Ibid.* P. 300. Жака Лефевра Девентерского (*Iacobus Faber*, 1473 — после 1517), ученика Гегия, не следует путать с французом Жаком Лефевром д'Этаплем (*Iacobus Faber Stapulensis*, ок. 1455–1536)), вставкой, сделанной независимо от Гегия, поскольку в ней упоминаются тексты, по всей вероятности, опубликованные после смерти Гегия в 1498 г. «Сердцевина» (*Medulla*, или *De arte grammatica quattuor partium Alexandri medulla aurea*, «Золотая сердцевина четырех частей Александра о науке грамматике») — это комментарий Тиманна Кемнера (*Timannus Kemenerus*, ок. 1470 — ок. 1535) к «Доктриналу» Александра из Вильдьё, вышедший в Девентере в двух частях ок. 1500 г. (поэтому говорится об «обеих» «Сердцевинах»). «Малый труд об обеих <частях>» (*Opus minus utrarumque*) — это «Малый труд о первой части» и «Малый труд о второй части» Виллема Зендерса, еще один комментарий к тому же самому «Доктриналу» (первую публикацию первой части датируют приблизительно 1490 г., вторая часть впервые напечатана в Гауде в 1488 г.). Как можно понять из этих дат, предположение Эйзевейна полностью зависит от датировки первого издания «Сердцевины». Часто его датируют 1498 г., в этом случае можно все-таки допустить, что Гегий знал о книжной новинке, вышедшей прямо у него под боком, и успел упомянуть ее в «Инвективе...», которая тогда должна была быть написана им непосредственно перед смертью. Ср. также примеч. 66.

⁶⁶ Эйзевейн (*Ijsewijn J.* Op. cit. P. 316) указывает на очень сильное сходство конца «Инвективы...» Гегия с концом предисловия Тиманна Кемнера ко второй части «Золотой сердцевины»: «Ведь если бы суть того, как говорить, заключалась в этих далеких от истинной традиции грамматике умениях, то Донат, Сер-

«ДОКТРИНАЛ» АЛЕКСАНДРА ИЗ ВИЛЬДЬЕ С КОММЕНТАРИЕМ АЛЕКСАНДРА ГЕГИЯ

[Текст]

<P>resens huic operi sit gratia Pneumatis almi:
Nos iuvet ut pueris utile fiat opus.
In longum duret opus hoc, exparsque sepulchri
Permaneant, donec falce resecta seges.

<«Пусть сопутствует этому труду милость благостного Святого Духа:
да поможет Он мне, чтобы труд этот оказался полезен для детей.
Пусть долго живет этот труд и, избегнув могилы,
будет жить до тех пор, пока серп убирает урожай»>⁶⁷.

вий, Диомед, Присциан, Вектоин <т. е. Викторин> и прочие мужи этой традиции, и ученые, и красноречивые, не стали бы молчать об этих дурацких модусах обозначения — а ведь они не пропускали ничего достойного из этой науки! Так что бегите, о славные дарования, бегите! «В траве прячется холодная змея» <Вергилий, Буколики 3.93>». По-видимому, между двумя текстами есть какая-то взаимная зависимость, и она должна как-то прояснить вопрос об аутентичности 39 параграфа текста Гегия (см. примеч. 65). Как именно? Если Гегий знает текст Кемнера, то аргументы Эйзевейна об атетезе 39 параграфа теряют силу. Тогда получается, что Гегий почему-то одновременно активно использует схожий по интенции текст и отрекается от него. Если текст Кемнера вышел после смерти Гегия, то заключительный параграф «Инвективы...», вероятно, тоже следует приписать издателям, уже знакомым с «Сердцевинной», и тогда ту же самую «двойственную политику» по отношению к Кемнеру проводят издатели (Жак Лефевр?). Атетеза параграфа 39, вероятно, имеет смысл, только если Кемнер успел познакомиться с текстом Гегия в рукописи (содержавшей 40-й параграф, но не 39-й параграф), воспользовался им, а затем уже в издании 1503 г. была добавлена полемическая фраза о «Сердцевине» Кемнера, причем по какой-то случайности прямо в том самом месте, которому подражал Кемнер. Как кажется, этот сценарий менее правдоподобен, а скорее следует думать о первой или второй из предложенных нами версий, то есть кто-то (либо Гегий, либо Лефевр) пытался использовать антимодистский дискурс для того, чтобы заодно с модистами записать в «злодеев» и конкурентный антимодистский дискурс, оставив за собой право диктовать, какая же альтернатива модистам правильная. При этом содержательные или просто риторически удачные аргументы у конкурента вполне можно забрать себе. Почему и для кого Кемнер мог оказаться нежелательным конкурентом? Это не ясно, можно только сказать, что речь точно не идет об издательской политике, поскольку первое полное издание «Инвективы...» (в 1503 г.) вышло в том же самом издательстве, где и первое издание «Сердцевины» (в Девентере в издательском доме Рихарда Паффрата), то есть если это вставка Лефевра, то он действует от своего имени, а не от имени издательства. Видимо, речь о каких-то внутренних выяснениях отношений между девентерскими латинистами. Тиманн Кемнер вообще-то тоже, как и Лефевр, был учеником Гегия (*Leijenhorst van C. G. Op. cit. P. 173*). Возможно, существенно, что если Лефевр унаследовал место Гегия в школе св. Лебуина в Девентере, то Кемнер с 1500 г. руководил соборной школой в Мюнстере. Ср. также эпиграмму, написанную еще одним учеником Гегия и преподавателем соборной школы Мюнстера, Иоанном Мурмеллием, вероятно, о Кемнере во время ссоры между Мурмеллием и Кемнером: *Hic compendia se dedisse credit, / Cum dispensia sint scholasticorum* «Он думает, что написал компендии <букв. "сокращения пути">, а на самом деле это трата времени (dispensia) для школяров» (*Bömer A. Op. cit. S. 218–219*).

⁶⁷ Текст пролога к «Доктриналу» (обычно воспроизводившегося без изменений в изданиях XV в., включая издания с комментарием Синтхейма) в издании Гегия перелицован почти до неузнаваемости. Александру из Вильдье принадлежит только первая из 4 строк (это 5-я строка оригинального пролога).

[Комментарий]

Сколько склонений у имен?⁶⁸ Пять, а именно первое, второе, третье, четвертое и пятое. Первое — это то, у которого родительный и дательный падеж заканчиваются на -е, например *Musa, Muse*. Второе — это то, у которого родительный на -i, а дательный на -о, например *magister, -i*. Третье — это то, у которого родительный на -is, а дательный на -i, например *felix, felicitis, -i*. Четвертое — это то, у которого родительный на -us, а дательный на -ui, например *fructus, -us, -ui*. Пятое — это то, у которого родительный и дательный на -ei, например *species, speciei*.

Сколько исходов (terminationes)⁶⁹ в первом склонении? Три, то есть у латинян:

-As ⁷⁰	Eneas	Thobias	Cayphas
	Andreas	Boreas	Ananias
	Lucas	Zacharias	Mathias
	Thomas	Iudas	Sathanas
	Helias	Annas	Cephas вместо Petrus, и т. д.
-Es	Anchises	А заодно, т. е. у евреев:	-Am
	Manasses		
	Phares		
	Horestes		
	Ecclesiastes		
	Cremes, и т. д.		Adam
			Abraham
			Roboam
			Hieroboom

Вторая строка текста издания Гегия основана на шестой строке пролога, *me iuvet et faciat complere quod utile fiat*, «да поможет Он мне и сделает так, чтобы я закончил то, что было бы полезным». Ориентируясь на позднеантичную традицию, Гегий переделывает пролог из гекзаметров в элегические дистихи, поэтому в строке «Доктринала» он меняет метрику, а также заменяет в функции местоимения первого лица единственного числа обычное *me* («мне») на более «ученый» вариант *pos* («нам»). Следующие далее две строки уже полностью, по-видимому, придуманы Гегием на основе античного топоса «я буду жить в моих стихах, покуда...», ср. особенно выражения *expersque sepulchri* («избегнув могилы») у Овидия, Послания с Понта 4.8.47 и *durat opus vatium* («живет труд поэтов») у Овидия, Любовные элегии 3.9.29 (рукописный текст). При этом Гегий выкидывает из пролога еще 26 строк — вероятно, в основном из-за того, что в них хорошо видно предпологавшееся Александром из Вильдьё место текста в образовательной программе клириков.

⁶⁸ Изложение грамматического материала начинается в предшествующем тексту комментарии, и только затем следует содержательно соответствующая часть «Доктринала» (гораздо более темная и менее наглядная). Начинает Гегий с вопроса, следуя традиции грамматических текстов в форме катехизиса, начинающейся с «Малого учебника» (*Ars minor*) Элия Доната (см.: *Matthews P. Greek and Latin Linguistics // History of Linguistics. Vol. II: Classical and Medieval Linguistics / ed. by G. Lepschy. P. 68, 122 n. 183; Holtz L. Donat et la tradition de l'enseignement grammatical. Paris, 1981*), однако вскоре отходит от этой модели.

⁶⁹ Об отличиях понятия «исход слова» (*terminatio, finalitas, clausula*) в древней и средневековой грамматике от современного термина «окончание» см.: *Law V.A. Grammar // Medieval Latin: An Introduction and Bibliographical Guide / ed. by F. A. C. Mantello and A. G. Rigg. P. 292; Matthews P. Op. cit. P. 105–107.*

⁷⁰ Характерно, что список начинается не с нормального для первого склонения окончания -а, а фактически с исключений. О склонности Александра из Вильдьё к работе именно с исключениями см., напр.: *Ford P.J. Alexandre de Villedieu's Doctrinale puerorum: A Medieval Bestseller and Its Fortune in the Renaissance // Forms of the «Medieval» in the «Renaissance» / ed. by G. H. Tucker. Charlottesville, 2000. P. 157–158. Модернизируя «Доктринал», Гегий все же явно сохраняет эту его черту.*

-A	Epistola copia gloria victoria cena gena	Noxa vena corona offensa ignavia industria	Incuria palpebra pupilla costa hasta pharetra	Sagitta pluma pruina fistula Mna и многие такие слова
----	---	---	--	--

На -as в основном имена собственные (propria), кроме пяти нарицательных (appellativa):

Cephas в значении «голова»
Dorcas в значении «лесная коза»
Polidamas ⁷¹
Sathanas
Boreas ⁷²

На -es в основном имена собственные, такие, которые чаще изменяются по третьему склонению, согласно Присциану,

например Cremes
Manasses
Horestes и т. д.,
как сказано выше

Но есть и некоторые нарицательные на -es, которые также могут заканчиваться на -a:

Boetes
prophetes
cometes
planetes ⁷³ или -ta

Образец склонения латинских имен первого <склонения>

В единственном числе:	в именит. в зват. в отложит.	-A	Во множественном числе:	в именит. в зват. в родит.	-E -Arum
	в родит. в дат. в винит.	-E -Am		в дат. в отложит. в винит.	-Is -As

⁷¹ Подразумевается распространенное в средневековых словарях утверждение, что «Полидамант» было прозвище Нерона, значащее «многоженец» (от гр. πολύ + вторая половина в Средние века скорее всего производилась от слова «дама»). Восходит этот сюжет к схолиям к Персию, пояснявшим таким образом имя непонятого Polydamas в 4-й строке 1-й сатиры (см. собрание параллелей в *Auli Persii Flacci satirarum liber/cum scholiis antiquis* ed. O. Iahn. Lipsiae, 1843. P. 248).

⁷² Ср. у Яна Синтхейма, *Glosa super prima parte Doctrinanalisis Alexandri per Ioannem Synthen...* Fol. A v v: «Еще одно правило: имена первого склонения на -as почти все собственные, например *Andreas, Ionas, Iudas*. Я говорю «почти», потому что *Sathanas, Cephas* в значении «голова», *Dorcas* в значении «дикая коза» — нарицательные... *Dorcas* — дикая коза или лань по-латински, от греческого *dercin* <т. е. δέρκειν, вместо δέρκεσθαι>, то есть «видеть» (а не *dercen*, и *dorcas* — это тоже не «видеть»); и некая ученица. Деяния 9 <9.16>: «именем Тавифа именуется *Dorcas*». И не удивляйся, что в слове *dorcas* гласная этого глагола, *dercin*, меняется: ведь так часто бывает в греческом, и это явление даже распространено как регулярное: когда в глаголе -е; тогда в производном от него имени -о-: например, *fero, fora* или *foros* <т. е. φέρω, φορά и φόρος или φορός>... *Cephas* в значении «камень» несклоняемое, в значении «Петр» склоняемое. По-гречески *Sathanas* обозначает то же самое, что по-латински «враг». «Сказал Господь Петру: «Отойди от Меня, *sathana*!» <Мф. 16:23, Мк. 8:33>. *Cephale* — «голова»; от этого называется *acephalus*, -a, -um, у кого нет головы».

⁷³ Ср. Ibid.: «Еще одно правило: некоторые имена на -es вместо этого могут заканчиваться на -a и относиться к первому склонению, например *prophetes* или -ta, *Bootes* или *Boota*, *cometes* или *cometa*».

Сколько имен первого склонения, у которых -abus в дательном и отложительном множественного числа? Отвечаю по Лоренцо Валле: 12 существительных (substantiva), к которым добавляются 2 прилагательных (adiectiva) *ambe* и *due*:

Filia	Domicella	Magistra	
liberta	famula	anima	Ambe
dea	nata	equa	Due ⁷⁴
domina	mula	sponsa	

[Текст: «Доктринал» 29–31]

Глава первая

<R>ectis as es a dat declinatio prima

Atque per am propria quedam ponuntur hebrea

Dans ae diphthongon genitivis atque dativis.

<«В прямых⁷⁵ первое склонение дает -as, -es, -a, и через -am кладутся некоторые еврейские, давая дифтонг -ae в родительных и дательных»>.

[Интерлинейные глоссы]

Давая дифтонг -ae] это первое склонение⁷⁶.

Родительных] падежах.

Дательных] падежах.

[Комментарий]

Обрати внимание: слова женского рода на -a первого склонения раньше образовывали родительный на -as по греческому образцу, как у Энния *Dux ipse vias* вместо *vie* <фр. 430 Skutsch, сохранился у Присциана, 2.199 Keil> и у Ливия *Atque escas haberemus mentionem* <Ливий Андроник фр. 31 Blänsdorf, сохранился у Присциана, 2.198 Keil>⁷⁷.

⁷⁴ Далее тот же самый список будет инкорпорирован в текст «Доктринала»: см. ниже перевод строк 40–44 и примеч. 82.

⁷⁵ «Прямой падеж» (Rectus casus) — другое название именительного, калька с греческого πρῶτος ὀρθή, встречающаяся у римских грамматиков (например, Присциан 2.185.11 Keil).

⁷⁶ Пояснение нужно потому, что порядок слов в тексте «Доктринала» делает довольно трудным понимание того, что причастие *dans* «давая» в строке 31 относится к выражению *declinatio prima* «первое склонение» из строки 29.

⁷⁷ По оригинальному тексту (*Nota: nomina feminini generis in a prime olim formabant genitivum in as more grecorum, ut apud Ennium Dux ipse vias pro vie, et apud Livium Atque escas haberemus mentionem*) хорошо видно, что здесь Гегий дословно воспроизводит в сокращенном виде формулировку из комментария Синтхейма, *Glosa super prima parte Doctrinanalys Alexandri per Ioannem Synthen...* Fol. A vi r: *Nota circa textum quia nomina primae declinationis in a foeminini generis olim formabant genitivum in as more graeco*

[Текст: «Доктринал» 32–37]

Am servat quartus; tamen an aut en reperimus,
Cum rectus fit in as vel in es vel cum dat a grecus.
Rectus in a greci facit an quarto breviari.
Quintus in a dabitur, post es tamen e reperitur.
A sextus, tamen es quandoque per e dare debes.
Am recti repetes quinto sextum sociando.
Neutra notare decet ut mammona nomina prime.

<«Четвертый»⁷⁸ сохраняет -am; однако находим и -an или -en, когда прямой оказывается на -as или на -es, или когда греческий дает -a. Прямой на -a в греческом дает -an в сокращенном четвертом. Пятый будет дан на -a, но после -es находим и -e. -А шестой, однако -es ты должен всегда давать через -e. -Am из прямого ты повторишь в пятом, присоединив шестой. Следует отметить имена среднего рода первого склонения, как *mammona*»⁷⁹.

et genitivum in ae more latino... Sic invenitur vias pro viae, unde Ennius in Annalibus Dux ipse vias; item escas pro escae, unde Livius At escas haberemus mentionem, «Обрати внимание в связи с текстом, что имена первого склонения на -a женского рода раньше образовывали родительный на -as по греческому образцу и родительный на -ae по латинскому образцу... Так, встречается и *vias* вместо *viae*, откуда Энний в "Анналах": *Dux ipse vias*; также *escas* вместо *escae*, откуда Ливий: *At escas haberemus mentionem*» (последняя цитата у Гегия точнее, скорее всего, потому, что он пользовался не тем изданием комментария Синтхейма, которым мы).

⁷⁸ То есть винительный; «пятый падеж» (вопреки принятому сегодня порядку) — это звательный, а «шестой» — отложительный (ср., например, Доктринал 65, 74–75, о втором склонении: *Tertius o posuit sextumque sibi sociavit... Cum proprium dat ius, tenet i quintus iaciens us./Us mutabis in e, si formas cetera recte*, «Третий выставил -o, взяв в товарищи шестой... Когда <имя> собственное дает -ius, пятый удерживает -i, отбрасывая -us. Ты заменишь -us на -e, если правильно образуете остальные»). Такая терминология подразумевает устойчивую традицию в том, что касается порядка падежей. Ср. по этому поводу Присциана 2.186.13–21 Keil: «Им также присущ естественный порядок: в частности, именительный, который природа произвела первым, сам застолбляет за собой первое место; поэтому он присоединяется к глаголам без переходности, как особенно выдающийся. Родительный застолбляет за собой второе место: он также обладает естественной связью рода и рождается от именительного, сам же рождает все следующие далее косвенные падежи; дательный, который больше подходит для друзей <так как лат. название *Dativus*, как и русское "дательный", тоже происходит от глагола *do* "давать">, третье, также потому что он либо совпадает с родительным, либо получается из него в результате отбрасывания или изменения одной буквы; а тот, который больше имеет отношения к врагам, винительный <так как лат. название *Accusativus*, как и русское "винительный", тоже происходит от глагола *accuso* "обвинять">, четвертое; последнее место у греков занимает звательный, поскольку он кажется более несовершенным, чем остальные...». Отложительный падеж, очевидно, получает шестое место потому, что выглядит латинским дополнением к греческой падежной системе. Похожее изложение, хотя и без акцентирования порядка, мы находим и у Синтхейма (*Glosa super prima parte Doctrinanalisi Alexandri per Ioannem Synthen... Fol. A v r*), ср. особенно: «Третий называется дательным от слова "давать", он же падеж друзей (*casus amicum*) и рекомендательный (*commendativus*). Четвертый — винительный, или причинный (*causativus*), или падеж врагов (*casus inimicorum*)».

⁷⁹ Последняя строка добавлена Гегием (который зависим от Синтхейма, *Ibid.*: «Никакое слово на -a, по крайней мере склоняемое, не относится к среднему роду, кроме *pascha, polenta, iota, zizania, mammona*,

[Интерлинейные глоссы]

Однако находим и -an или -en] *Eneas, Eneam* или *Enean*; *Anchises, -em* или -en.

Прямой на -a в греческом дает -an в сокращенном четвертом] *Malea, Egea, Medea*.

Но после -es находим и -e] *Anchises, Anchisa* или *Anchise*.

Однако -es ты должен всегда давать через -e] *Anchises, Anchisa* или *Anchise*.

-Am из прямого ты повторишь] *Adam, Abraham*.

[Текст: «Доктринал» 38–39]

Primo plurali decet e quintoque locari,

Atque secundus habet arum, nisi sincopa fiat.

<«В первом и в пятом во множественном числе подобает поставить -е, а во втором будет -arum, если не произойдет синкопа»>.

[Комментарий]

Как *Graiugenum* вместо *Graiugenarum*, *Dardanidum* вместо *Dardanidarum*. Синкопа (синсора) же — это удаление (abscisio) буквы или слога из середины слова. Противопоставляется ей эпентеза (epentesis)⁸⁰. Отсюда *Syncope de medio tollit quod epentesis auget; / Aufert apocopa finem, quem dat peragoge; / Auferesis tollit capiti, sed prothesis addit* <Доктринал 2410–2411, 2409: «Синкопа удаляет из середины то, что эпентеза прибавляет. Апокопа (аросора) удаляет конец, который прибавляет парагога (peragoge). Афереза (auferesis) удаляет в начале, а протеза (prothesis) добавляет»>⁸¹.

manna). В список слов на -a среднего рода слово *tammona* вместе с частью этих других примеров попадает в другом месте оригинального текста «Доктринала», 543–544: *Mannaque neutrale cum pascha dicitur esse, / Mammona sic dices, neutrum muliebre polenta*, «А про *manna* вместе с *pascha* говорится, что они среднего рода, и то же самое ты скажешь о *tammona* и о среднем и женском роде (?) *polenta*»; тот же набор исключений мы находим и в начале XVI в. в версиях «Доктринала» ван дер Беке и ван Паутерена, *Baebler J.J.* Op. cit. S. 152. Необычность поправки Синтхейма и Гегия в том, что у них эти слова оказываются не просто среднего рода, но еще и первого склонения (например, так называемый комментарий «Золотая грамматика» к тому же самому «Доктриналу» эксплицитно не признает существования таких слов: *Aurea gramatica... Fol. 10r*), образуя таким образом вообще новый разряд имен (как они тогда вообще должны склоняться: будет ли именительный падеж, в соответствии с парадигмой слов первого склонения, отличаться от винительного вопреки правилам изменения всех остальных латинских слов среднего рода? согласно Синтхейму, нет: *Glosa super prima parte Doctrinanalisis Alexandri per Ioannem Synthen... Fol. A vii r*). Источником такой трактовки для слова *tammona* стало, вероятно, сопоставление правила о среднем роде слова *tammona* с текстом вульгаты, где оно фактически трактуется как мужской род первого склонения (напр.: Лк. 16:11 *in iniquo tammona*, Мф. 6:24 датив *tammonae*).

⁸⁰ До этого места примечание опять дословно (с заменой выражения *in medio* («посередине») на *de medio dictionis* («из середины слова») и удалением примеров) заимствовано из Синтхейма, *Ibid. Fol. A vii v*.

⁸¹ Стих 2411 в такой форме (распространившейся и в печатных изданиях) в тексте «Доктринала» присутствует только в части рукописей (в большинстве рукописей он выглядит как *Hoc, fini tollit quod apocopa, dat paragoge* «То, что в конце убирает апокопа, прибавляет парагога»), но зато это стандарт-

[Текст: «Доктринал» 40–44]

Tercius et sextus habet is. Tamen excipiemus
 Has voces, quibus adiungit Laurentius abus:
 Filia, liberta, dea cum domina, domicella,
 Cum famula, nata, cum mula cumque magistra.
 Sic animam formabis, equam sponsamque, due, ambe.
 Accusativis pluralibus as sociamus.

<«В третьем и шестом -is. Однако исключим
 те слова, к которым Лоренцо присоединяет -abus:
filia, liberta, dea и *domina, domicella*,
 и *famula, nata*, и *mula*, и *magistra*.
 Так же будешь изменять и *anima, equa, sponsa, duae, ambae*.
 К винительным множественного числа мы присоединяем -as»⁸².

ный текст соответствующего места в «Грецизме» Эберхарда Бетюнского (строка 9), так что можно допустить, что в данном случае используемый Гегием текст Александра из Вильдьё был изменен под влиянием Эберхарда. Но, во всяком случае, Гегий явно цитирует «Доктринал», а не «Грецизм», учитывая, что, хотя строка 8 Эберхарда тождественна 2410-й строке Александра, соответствующая строке 2409 «Доктринала» строка 7 «Грецизма» выглядит иначе: *Prothesis apponit caput auferesisque recidit*, «Протеза добавляет начало, а афереза обрезает».

⁸² Только первая и последняя строка из этого отрезка взяты из текста «Доктринала» (в котором, естественно, не мог упоминаться Лоренцо Валла). Между ними у Александра из Вильдьё также находилось описание слова с дативом и аблативом на -abus, но другое: *Quando mas fit in us, in a femineum sine neutro, / Femineis abus sociabitur, ut dominabus, / Sexum discernens; istis animam superaddes* «Когда самец бывает на -us, а женский род на -a, среднего же нет, то к женским будет прибавляться -abus, например *dominabus*, для различения пола; к ним добавь *anima*». Различие, таким образом, в том, что, где у Гегия перечисляется конкретный набор слов (все из которых подходят к описанию Александра из Вильдьё), там в «Доктринале» был описан общий принцип: все те случаи, когда соответствуют родовые пары с одной и той же основной первого и второго склонения (вроде *filius* («сын») — *filia* («дочь»), *dominus* («господин») — *domina* («госпожа»), но при этом нет соответствующей формы среднего рода (оговорка, позволяющая отграничить описываемую группу слов от прилагательных). *Anima* («душа») выделяется Александром как исключение, видимо, потому, что *anima* и *animus* «дух» не образуют настоящей родовой пары (нельзя сказать, что *anima* — это то же самое, что *animus*, только женского пола). Поскольку Гегий перечисляет не все такие слова, множество, описываемое Александром из Вильдьё, получается более широким: оно будет допускать еще такие формы, как *lupabus, asinabus, ursabus*. Все эти формы не зафиксированы в классической латыни, но появляются в некоторых средневековых рукописных вариантах текстов античных грамматиков (в частности, в некоторых рукописях Присциана), а отсюда попадают и в средневековые тексты. Ср., например, в одном из дополнений к грамматическому трактату начала XI в. под названием «Суммарий Генриха», 1.387 Hildebrandt: «Есть также некоторые слова на -abus, у которых нет среднего рода... например, *ursabus, lupabus, asinabus, equabus, dominabus, filiabus, monachabus*». Лоренцо Валла посвящает этому вопросу (разбиравшемуся в самом начале учебников грамматики вроде «Доктринала») первую главу своих «Элегантций», «О словах, отложительные падежи множественного числа которых заканчиваются на abus»: «Мы говорим *deus, dea, deabus*, но не говорим *divus, diva, divabus*. То же касается и некоторых других слов: мы говорим *filius, filia, filiabus*, но не говорим *privignus, privigna, privignabus; natus, nata, natabus*, но не *genitus, genita, genitabus; equus, equa, equabus, mulus, mula, mulabus*, но не *asinus, asina, asinabus* и не *iuvencus, iuvenca, iuencabus* или другие подобные им случаи,

[Интерлинейные глоссы] Лоренцо] Валла.

вроде *cervus, cerva, cervabus* и *lupus, lupa, lupabus*. Точно так же мы говорим *libertus, liberta, libertabus*, но не говорим *libertinus, libertina, libertinabus*, или *patronus, patrona, patronabus*, или *concupinus, concubina, concubinabus*, или *pedissequus, pedissequa, pedissequabus*, или *servus, serva, servabus*, или *famulus, famula, famulabus*, или *dominus, domina, dominabus*, или *animus, anima, animabus*. Хотя этими последними формами некоторые пользуются. Но Цицерон, когда писал к жене и дочери, сказал *duabus animis suis*, а не *animabus* <Письма к близким 14.14>, и Курций о матери и жене Дария написал *dominis*, а не *dominabus* <История Александра Великого 3.12.8>. Так что если кто позволяет себе говорить иначе, то не следует удивляться, ведь некоторые древние говорили *dextrabus* вместо *dextris* <Ноний Марцелл 791.16–17 Lindsay приводит пример такого употребления, в рукописях написано, что из Лаберия, согласно конъектуре Михаэля Бентина, опубликованной в 1526 г., подразумевается Ливий Андроник> и *eabus* вместо *eis* <Присциан 2.294.4–7 Keil приводит пример такого употребления из Кассия Гемини>. Но я рассуждаю о том, как говорят (de usu loquendi), а не об отклонениях от этого (de abusu)» (*Laurentii Vallae De linguae Latinae elegantia libri sex; Eiusdem De reciprocatione Sui, et Suus, libellus adprime utilis; Dialogos eiusdem, Antidotos, Recriminationes et alia quaedam ad linguam Latinam spectantia, seorsum excudimus. Lugduni, 1538. P. 10*). Как можно заметить, этот список на самом деле не совпадает с тем, который Гегий приписывает Валле (в частности, Валла на самом деле считает неправильными формы *dominabus* и *animabus*). Дело в том, что Гегий, по-видимому, использует другой сохранившийся под именем Валлы текст, трактующий ту же проблему иначе, — поэму «Исправление некоторых мест у грамматика Александра», которая еще гораздо ближе к средневековым стихотворным грамматикам: *Ablativus in is exit cum fratre dativo, / Addita bus caeteris, poterant quae sola creare / In testamentis dubium: dea, filia, nata / Et liberta, et equa et mula ac asina addita, si vis. / Ambabus causa haec fuit et fortasse duabus, / Cuius ab ignaris alia adiecta fuere* («Отложительный <в первом склонении> заканчивается на -is вместе со своим братом дательным, у других же добавляется -bus, но только у тех, которые могли создать двусмысленность в завещаниях: *dea* <«богиня»>, *filia* <«дочь»>, *nata* <«дочь»> и *liberta* <«вольноотпущенница»>, и *equa* <«лошадь»> и *mula* <«мулица»> и *asina* <«ослица»> добавляются, если хочешь. Наверно, по той же причине получились и *ambabus* и *duabus*; а не ведающие этого добавили к этим случаям другие», цит. по: *Laurentii Valle Emendationes quorundam locorum ex Alexandro ad Alfonsum Primum Aragonum Regem / a cura di C. Marsico. Firenze, 2009. P. 125, ср.: Chomarat J. Deux opuscles grammaticaux de Valla // Histoire, Épistémologie, Langage. Vol. 4. Fasc. 2. 1982. P. 23*). Синтхейм (*Glosa super prima parte Doctrinalis Alexandri per Ioannem Synthen... Fol. A viii r*) использует стандартный текст «Доктринала» и упоминает в комментарии к этому месту Лоренцо Валлу, но цитирует «Элегантии», а не «Исправление...». Интересно, что из до-гегиевских изданий «Доктринала» в изданиях, содержащих комментарий под названием *Glosa notabilis* (на основании «Писем темных мужей» атрибутируемый кельнскому профессору Герту из Зютфена, лат. Gerardus de Zutphania), текст этих строк также заменялся на список слов, хотя и иной, нежели в издании Гегия (например, *Prima pars Doctrinalis Alexandri, cum sententiis, cum notabilibus, et cum vocabulorum lucida expositione. Argentine, 1488. Fol. a8 r*): (...*Tamen excipiemus*) / *Femina mula dea domicella magistraque sponsa / Sic equa sic asina dic cum famulaque dueque / Ambe dic anima libertaque natave domna*, «Однако исключим *femina, mula, dea, domicella* и *magistra, sponsa*, так и *equa*, так говори *asina* вместе с *famula* и *due, ambe* говори, *anima* и *liberta*, или *nata, domna*». Baebler J.J. Das Doctrinale des Alexander de Villa Dei // Baebler J.J. Beiträge zu einer Geschichte der lateinischen Grammatik im Mittelalter. S. 125 цитирует тот же текст по изданию 1503 г. и указывает, что в дальнейшем переработку этого места предпринял также ван дер Беке: *Tertius et sextus habet is; tamen abus habent haec: / Filia, nata, dea, liberta, equa, mula, duae, ambae. / His animam, dominam, famulam coniungit abusus*, «В третьем и шестом -is. Однако в этих -abus: *filia, nata, dea, liberta, equa, mula, duae, ambae*. Неправильное употребление присоединяет к ним *anima, domina, famula*» — сам список и особенно употребление слова *abusus* выдают, опять же, использование «Элегантий».

Глава 6

«Митридат» Конрада Геснера и «Диатриба о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера: сравнительное языкознание в XVI веке

(М. В. Шумилин)

Описание лингвистической мысли Возрождения часто оказывается довольно странным занятием в том смысле, что в это время редко что-то создается «с нуля». Античность создала пусть в каких-то отношениях специфическую, но вообще достаточно сложную и продвинутую систему описания языка, и от грамматика Нового времени требовалось только адаптировать ее, разве что иногда, может быть, дорабатывая отдельные детали. Если, например, смотреть на описание латинского языка, то чуть ли не единственное изобретение эпохи Ренессанса, дожившее до современных учебников, — это понятие «второго будущего времени» (*futurum secundum*)¹. Синтаксический раздел «Минервы» (1562, обычно цитируется редакция 1587) Франсиско Санчеса де лас Бросас (*Franciscus Sanctius Brocensis*, 1523–1600), ставший знаменитым, когда Н. Хомский увидел в нем «предвестие» своей теории порождающей грамматики², на поверку оказывается не таким уж

¹ Этот термин появляется только у Санчеса де лас Бросас (Минерва, или О первоосновах латинского языка 1.13) — в античных грамматических сочинениях это время трактовалось как разновидность конъюнктива, и даже само обозначение «второй» исходно тоже обозначало именно конъюнктивный «подвид» времени — так, у Петра Рамуса (Грамматика 2.1: *Rami P. Regii eloquentiae et philosophiae professoris, Grammaticae libri quatuor ad Carolum Lotharingum cardinalem. Parisiis, 1559. P. 42*) конъюнктив настоящего времени называется «вторым настоящим», конъюнктив плюсквамперфекта называется «вторым плюсквамперфектом», и т.д. (см.: *Michael I. English Grammatical Categories and the Tradition to 1800. Cambridge, 1970. P. 119*). Таким образом, даже здесь идеи, которая вроде бы сейчас стоит за соответствующим грамматическим понятием (которое подразумевает, что «второе будущее» — отдельное будущее время индикатива, а не конъюнктив), на самом деле еще не было. К тому же самому сочинению Рамуса восходит орфография латинского языка, противопоставляющая гласные I и U согласным J и V (*Солопов А. И., Антонец Е. В. Латинский язык. М., 2013. С. 30*). Закрепившаяся в XVII в. и отсутствовавшая в античности система терминов «корень» (*radix*), «префикс» (*praefixum*), «суффикс» (*suffixum*) и «аффикс» (*affixum*) заимствована из описаний семитских языков, см.: *Law V. The History of Linguistics in Europe: From Plato to 1600. Cambridge, 2003. P. 247–250*.

² *Хомский Н. Картезианская лингвистика: Глава из истории рационалистической мысли / пер. с англ. Б. П. Нарумова. М., 2005. С. 186–187, примеч. 64, ср.: Lakoff R. Review of: Arnaud A., Lancelot C. Grammaire*

и новаторским³. И все же есть такая область, которая фактически оставалась белым листом для античной лингвистики и в которой особое место занимают исследования ренессансных ученых: это описание языков мира.

В Европе Нового времени одним из важных стимулов такого движения лингвистики «вширь» (хотя вряд ли единственным) была колониальная экспансия: завоевание Америки сопровождается публикацией описаний, например, языка ацтеков⁴, иезуитская миссионерская деятельность стимулирует появление, например, описаний китайского⁵, научная работа с санскритом, которая даст сильный толчок сравнительному индоевропейскому языкознанию XIX в., начинается Уильямом Джонсом и другими английскими учеными в рамках востоковедения Британской колониальной империи. В этом отношении Римская империя удивительно непохожа на колониальные империи Нового времени: языки покоренных народов как будто бы совсем не интересовали римлян; естественно, отдельные римляне их как-то иногда осваивали для необходимых контактов, но этим все и ограничивалось, а выучивание языка парой людей для минимальных практических нужд все-таки совсем не то же самое, что написание грамматики — ну а по мере романизации территории вопрос о необходимости знания местного языка вообще снимался,

générale et raisonnée.../faksimile Neudruck mit einer Einleitung von H. E. Brekle. Stuttgart: Bad Cannstatt, 1966 // *Language*. 1969. Vol. 45. P. 343–364; *Breva-Claramonte M. Sanctius' Theory of Language: A Contribution to the History of Renaissance Linguistics*. Amsterdam, 1983; *García C. Contribución a la historia de los conceptos gramaticales: La aportación del Brocense*. Madrid, 1960; *Arduini S. La teoria dell'ellissi in Francisco Sánchez de las Brozas: Una anticipazione della grammatica generativa?* // *Lingua e Stile*. 1982. Vol. 17. P. 341–370; *Clérico G. F. Sanctius: Histoire d'une rehabilitation* // *La grammaire générale*. 1977. P. 125–143.

³ *Tavoni M. Western Europe* // *History of Linguistics*. Vol. III: Renaissance and Early Modern Linguistics / ed. by G. Lepschy. London; New York, 1998. P. 13; *Percival W. K. Deep and Surface Structure Concepts in Renaissance and Medieval Syntactic Theory* // *History of Linguistic Thought and Contemporary Linguistics* / ed. by H. Parret. Berlin; New York, 1976. P. 238–253.

⁴ После того как испанский король Филипп II объявил в 1570 г. науатль официальным языком американских колоний, стали выходить его европейские описания: в 1571 г. — словарь и грамматика Алонсо де Молины, в 1595 г. — «Мексиканский учебник» (*Arte mexicana*) Антонио дель Ринкона; однако первая рукописная науатльская грамматика («Учебник для обучения мексиканскому языку», *Arte para aprender la lengua mexicana*) была создана Андресом де Ольмосом уже в 1547 г., всего через 28 лет после появления испанцев в Мексике. Мало какой из европейских языков был так хорошо описан в XVI в.: для сравнения, первая грамматика немецкого выйдет в 1573 г. («Немецкая грамматика» Л. Альбрехта, *Laurentius Albertus*), а первая грамматика английского — в 1586 г. («Краткая грамматика английского» У. Буллокара). Ср. также о европейском интересе к мексиканским «иероглифам» главу 17 настоящего издания, примеч. 12. Другие американские языки в XVI в. тоже описывались: грамматика кечуа («Грамматика, или Учебник общего языка индейцев королевств Перу» Доминго де Санто Томаса) была опубликована в 1560 г.

⁵ О моде на китайский в XVII в. см.: *Pinot V. La Chine et la formation de l'esprit philosophique en France: 1640–1740*. Paris, 1932; *Marrone C. Le lingue utopiche*. Viterbo, 2004. P. 85–92; систематические описания китайского языка, правда, появятся только в XVIII в.: самым ранним считается «Учебник мандаринского языка» Франсиско Варо, опубликованный в 1703 г. (см.: *Breitenbach S. Introduction: The Biographical, Historical, and Grammatical Context of Francisco Varo's Arte de la lengua mandarina* (Canton, 1703) // *Francisco Varo's Grammar of the Mandarin Language* / ed. by W. S. Coblin, J. A. Levi. Amsterdam; Philadelphia, 2000. P. xix–liii).

теперь уже местному населению полагалось переходить на латынь (если оно не перешло еще прежде того на греческий)⁶.

Лингвистика Нового времени резко контрастирует здесь с античной: устройство разнообразных чужих языков как раз становится объектом живого интереса. Оживленная деятельность в этом направлении движется по нескольким маршрутам, на каждом достигая своих успехов и сталкиваясь со своими трудностями: Мирко Тавони, в частности, выделяет две разновидности «сравнительно-исторического языкознания» XV–XVI вв. — «романскую» и «германскую». Причем обе удостоивались прозвища «предшественницы» индоевропеистики, и обе в разных отношениях.

Очевидно, что для возникновения научного сравнительно-исторического языкознания требовалось сначала собрать эмпирический материал о различных языках. Соответственно, важным жанром, характерным для «германского» варианта сравнительного изучения языков, становится громадный компендий, в котором собраны более или менее единообразно поданные сведения о языках мира. Ниже мы переводим фрагменты одного из наиболее значимых текстов такого рода — «Митридата» Конрада Геснера (1555). (Впоследствии название «Митридат», навеянное легендой, приписывавшей Митридату VI Понтийскому знание множества языков, станет фактически обозначением жанра: так же назовут свой труд в начале XIX в. И. С. Фатер и И. К. Аделунг, которые, кроме того, позаимствуют и достаточно распространенный у Геснера способ создания краткой «визитной карточки» языка — перевод на этот язык молитвы «Отче наш», — это, конечно, отражение уже упомянутой роли деятельности миссионеров в освоении новых языков). Характерно, что автором книги выступает именно швейцарец Конрад Геснер (1515–1565), знаменитый своими «Каталогом растений» (1542), «Историей животных» (1551–1558) и сочинением «Обо всех родах ископаемых» (1565). Каталогизация данных о громадном количестве разных видов — это, действительно, задача, объединявшая лингвистику Геснера с ботаникой, зоологией или минералогией. И это сходство заставляет нас ожидать от «Митридата» большего, чем простое эмпирическое описание: ведь и классификация языков в рамках сравнительно-исторической перспективы (такой-то язык происходит от такого-то) в общем сильно напоминает классификацию видов в рамках биологических теорий

⁶ Matthews P. Greek and Latin Linguistics//History of Linguistics/ed. by G. Lepschy. Vol. II. London; New York, 1994. P. 9. Согласно точке зрения Моузеаса Финли (Finley M. Empire in Greco-Roman World//Greece and Rome. 1978. Vol. 25. P. 2), начиная с III в. н. э., когда все свободные жители Римской империи получили по эдикту Каракаллы римское гражданство, сегодняшний термин «империя» (связанный с понятием «империализма») парадоксальным образом уже перестает быть применим к Римскому государству, а ведь основная часть наших источников по римской грамматике относится как раз к этой эпохе. Впрочем пренебрежение языками покоренных народов проявлялось и до того; см.: Momigliano A. Alien Wisdom: The Limits of Hellenization. Cambridge, 1971. P. 4–5, об искоренении следов карфагенской культуры («весьма символично, — пишет Момильяно, — что римляне подарили главную библиотеку Карфагена нумидийским царям (Плиний, Естественная история 18.22)»). Интерес греков к культуре варваров, как правило, тоже не простирался дальше того, что было возможно без изучения чужого языка: Ibid. P. 7–8.

о родстве видов⁷. Биологическая метафора, если она подразумевалась Геснером, казалось бы, должна стимулировать поиск общих критериев классификации языков и выделение каких-то родовых групп, а отсюда уже совсем недалеко до наших «языковых семей» (даже если понятие диахронического «древа» пока и не возникает).

Однако на самом деле, вопреки ожиданиям, каталогизаторские усилия Геснера вовсе не сводятся к классификациям. Классификаций очень мало даже в естественно-научных работах Геснера: в «Истории животных», например, виды расставлены просто в алфавитном порядке, как и языки в «Митридате»⁸. Геснер, скорее, именно собирает эмпирические сведения — причем не в том смысле, чтобы он занимался полевой лингвистикой в экзотических странах, конечно. Сведения о языках в основном делятся у Геснера на две группы: если эти языки живые, то Геснер переписывает, что известно о них, у своих информантов (это могут быть используемые Геснером книги, например Себастьяна Мюнстера или Гийома Постеля, или люди, с которыми Геснер сам состоял в переписке; в частности, из опущенного нами в переводе посвященного письма ирландскому епископу Джону Бейлу ясно, что тот прислал Геснеру текст «Отче наш» на валлийском, но, несмотря на просьбы Геснера, почему-то так и не прислал ирландский и мэнский варианты)⁹, если же речь о мертвых языках, то он собирает те крохи сведений (часто искаженных), которые все-таки можно отыскать у античных авторов. Поэтому конкретный состав элементов описания языков неизбежно варьируется: например, неплохо, чтобы на описываемом языке прилагался текст молитвы «Отче наш», но это не всегда получается, а если получается, то не всегда единообразно (в идеале, как у Фатера и Аделунга, нужно бы указывать, какое слово перевода соответствует какому слову оригинала — так Геснер делает с эфиопским текстом песни Симеона Богоприимца, но обычно такая точность ему недоступна). Часто Геснер вынужден ограничиваться теми сведениями, которыми он располагает. Иногда это просто набор цитат. Причем

⁷ О влиянии биологии на лингвистику в XIX в. см.: *Morpurgo Davies A. Nineteenth-Century Linguistics// History of Linguistics / ed. by G. Lepschy. Vol. IV. London; New York, 1998. P. 91–94.* Конечно, мы упрощаем картину: многие биологические классификации не подразумевали происхождения одних видов от других.

⁸ *Mayr E. The Growth of Biological Thought: Diversity, Evolution, and Inheritance. Cambridge (Massachusetts), 1982. P. 167–168.*

⁹ «Ведь и богатство нашей библиотеки существенно увеличилось с твоей помощью, и для украшения этого нашего многоязычного "Митридата" ты послал нам образчик древнего британского языка с молитвой Господней. Решили же мы в особенности переводом этой молитвы на разные языки показать, насколько возможно, отличия между отдельными языками, чтобы и сравнивать между собой было проще языки, на которых написана одна и та же молитва, и чтобы сделано это было на примере самого краткого и самого святого текста. <...> Прошу тебя в особенности о том, чтобы ты, если есть в Британском королевстве еще какой язык (ведь до меня доходят слухи, что и на острове Иберния, и на острове Мэн есть свои), спешно послал мне и на этом языке какой-нибудь пример, лучше всего молитву Господню». (О том, что в данном случае под названием *Мона* практически наверняка скрывается о. Мэн, а не о. Энглси, см.: *Gessner C. Mithridate = Mithridates (1555) / intr., texte latin, trad. fr., annot. et index par B. Colombat et M. Peters. Genève, 2009. P. 98, п. а.)* В соответствующих разделах «Митридата» («Об ибернийском языке», «Язык острова Мэн во владениях англов») текстов «Отче наш» нет, как нет там и вообще хоть какой-то конкретики.

увлечение цитатами, свойственное компилятивному стилю Геснера, сильно запутывает излагаемую информацию: кавычки в «Митридате» не используются (только указания на окончание цитаты), поэтому часто рядом оказываются противоречащие друг другу точки зрения и бывает трудно понять, что здесь — мнение Геснера, а что — чье-то еще. Иногда одна цитата занимает много страниц, как например огромные цитаты из Иоганна Авентина в разделе «О древнем галльском языке».

Тем не менее нельзя сказать, что проблема родства языков совсем не волнует Геснера. Уже сам его «материал» включает много утверждений об отношениях родства между языками. В переведенном ниже предисловии он довольно много места уделяет греческому понятию *διάλεκτος*, которое может означать и конкретно «диалект», и вообще «наречие», «язык». Отсюда, видимо, Геснер делает такой вывод: всякий диалект греческого языка (информации о диалектах у античных грамматиков как раз довольно много) также есть отдельный язык. Во всяком случае, наряду с главами «О древнем греческом языке» и «О распространенном ныне греческом языке», есть отдельные главы «Об эолийском языке», «Об аттическом языке», «О дорийском языке», «Об ионийском языке» (в оригинале везде *lingua*, а не *dialectus*). Такое противоречивое понимание «языка» уже подразумевает, что разные языки не обязательно друг другу *противопоставлены*, они могут частично или полностью совпадать. Причем частичное тождество синхроническое (эолийский язык — это то же самое, что древнегреческий язык, кроме ряда его проявлений, относимых к другим диалектам) легко перетекает и в тождество диахроническое (новогреческий язык — это то же самое, что древнегреческий язык, только изменившийся со временем). «Распространенный ныне греческий язык не меньше отошел в очень многих местах от древнего греческого в результате как примешивания варварских слов, так и искажения букв и изменения окончаний, чем итальянский и испанский от древнего латинского», — пишет Геснер. Эти два очевидных случая, в общем-то, и задают модель диахронического родства языков.

Но не все так просто. Основная, пожалуй, проблема в этой модели — в том, что не ясно, всегда ли язык меняется со временем. Например, развитие английского языка описывается в предисловии Геснера таким образом: «Английский язык кажется на сегодняшний день самым неоднородным и исковерканным из всех языков. Ведь сперва древний британский язык под властью саксов отчасти вышел из употребления, отчасти исказился; затем он также впитал множество французских слов, то ли из-за большого количества купцов, приезжавших из соседней Франции, то ли из-за переселенцев оттуда». То есть английский язык, с одной стороны, развивается из «древнего британского языка» (так у Геснера называется валлийский) в результате диахронических процессов, похожих на «искажение» древнегреческого или латыни (к греческому «примешиваются варварские слова», к валлийскому — французские), но, с другой стороны, валлийский продолжает существовать и синхронически как отличный от английского язык (потому что у Геснера есть глава и о — как ни парадоксальна такая формулировка — живом «древнем британском языке»). Значит, искажение (иногда тотальное — Геснер, конечно, видит, что молитвы

на английском и на валлийском вообще не похожи – мы бы сейчас, скорее всего, уже вообще не стали характеризовать этот процесс как развитие того же самого языка) – процесс, который может иметь место в развитии языка, а может и не иметь. Необразованные итальянцы и испанцы говорят на романских языках, но образованные люди продолжают говорить на латыни. Аналогичным образом где-то в Уэльсе могут говорить на неиспорченном древнем британском¹⁰. Возможно, некоторая подозрительность этой модели и заставила Геснера добавить оговорку «отчасти вышел из употребления»: может быть, английский – все-таки просто другой язык (Геснер вообще-то знает, что он близок к саксонскому), вытеснивший валлийский? Но как это так – «отчасти родственные, отчасти нет» – остается тоже непонятно.

Кроме того, такое свободное представление об изменении языка (естественно, без всяких «языковых законов») позволяет практически произвольным образом трактовать случаи, когда в обсуждение родства языков вмешивается вопрос национальной гордости. Это на самом деле очень похоже на сегодняшнюю «любительскую лингвистику». Достаточно, например, списка похожих слов во французском и древнегреческом, чтобы отождествить эти языки, а все многочисленные сходства французского с латынью списать на «искажающие примеси», – если тебе нужно доказать, что французский на самом деле не родня латыни, а происходит от более благородного греческого¹¹. Или же, если, наоборот, хотеть подорвать авторитет французского, можно доказывать на основании таких же параллелей, что язык древних галлов – германский, а французский – уже другой язык, продукт порчи латыни, вытеснивший галльский; поскольку Геснер германоязычен, он охотнее излагает в том или ином виде именно эту версию¹². Такого рода генеалогиям способствовали, во-первых, популярные фальсификации Анния из Витербо, в которых тотальному пересмотру подвергался весь ход мировой истории¹³ (Анния обильно цитирует и Геснер – мы оставили для примера в переводе небольшой фрагмент из громадного блока приводимых Геснером цитат из Анния об армянском языке), а во-вторых, действительно присутствующая

¹⁰ Ср., напр.: Исидор Севильский, *Этимологии* 9.2.38–39: «Ведь названия некоторых народов отчасти остались такими, что и сегодня понятно, откуда они произведены (например, *Assyrii* – от *Assur*, *Hebraei* – от *Heber*); а отчасти так изменились от древности времени, что даже ученейшие люди, копаясь в древнейших исторических сочинениях, с трудом могут найти происхождение этих народов, да и то не всех, а только некоторых из них. <...> И если рассмотреть все, то станет ясно, что претерпевших изменения названий народов даже больше, чем остающихся неизменными». Модель, в которой языковые изменения сосуществуют с неизменяемыми «пластами», легко проецируется и на остальной состав языка: см.: *Vineis E. Linguistics and Grammar // History of Linguistics. Vol. II: Classical and Medieval Linguistics* / ed. by G. Lepschy. P. 157.

¹¹ Конкретно так делает Жоашен Перьон; подробнее о националистической лингвистике во Франции см. примеч. 77.

¹² См. примеч. 77.

¹³ *Tavoni M. Op. cit.* P. 49–54, 64–66.

в античных источниках путаница между германскими и кельтскими племенами (в частности, многие галльские имена, разбираемые Геснером, вполне могут быть на самом деле германскими или возникшими под германским влиянием)¹⁴. Такого рода националистически ангажированная лингвистика, как мы видим, была одинаково распространена и в романском, и в германском мире, и ее, пожалуй, можно выделить как третий, общеевропейский вариант «сравнительно-исторического языкознания». В пользу Геснера можно сказать, что в целом сам он не склонен к таким интерпретациям, только приводит соответствующие мнения (хотя и очень развернуто). Сам Геснер аналогичные списки «похожих слов» дает без всяких далеко идущих выводов, просто как эмпирическое наблюдение (такие места относятся к самым любопытным в «Митридате»): ниже мы приводим такой список «похожих слов» в армянском и еврейском языках. В конечном счете, при всех оговорках, Геснер просто настолько добросовестно, насколько может, собирает эмпирические данные о языках и возможных отношениях между ними. И та путаница, которая получается, — в каком-то смысле результат установки на объективность.

Не то чтобы никто в XVI в. не мог распутать эту путаницу. На фоне труда Геснера следующий переведенный нами текст, «Диатриба о языках европейцев» (1599, опубл. 1610) знаменитейшего филолога-классика Иосифа Юста Скалигера (1540–1609)¹⁵, сильно выигрывает в ясности классификации языков. Это пример второй группы Тавони, «романской». Принципиальное ее отличие в том, что связь романских языков с латынью и друг с другом была достаточно очевидна; с одной стороны, это упрощало создание диахронической картины, с другой — стимулировало подчинять лингвистические выкладки тезисам вроде «мой язык не хуже латыни» или «мой язык лучше других романских языков».

Одна из очевидных моделей объяснения, почему из латыни получилось много разных недо-латыней, — это апелляция к идее порчи языка. Почему бы не допустить, например, что тот или иной язык на самом деле представляет собой нелитературную, низкую версию латыни, которой пользовались в быту уже в античности? (Одно из обсуждений этой версии, популярных уже в XV в., переведено в главе 1 настоящего

¹⁴ См., напр., *Ellis Evans D. Gaulish Personal Names: A Study of Some Continental Celtic Formations*. Oxford, 1967. Passim.

¹⁵ Сын Юлия Цезаря Скалигера, Иосиф Юст Скалигер рос во Франции и учился у Адриана де Турнебу, Гийома Постеля, Жана Дора, Марка-Антуана Мюре. Наиболее знаменит он, во-первых, своими изданиями классических текстов (Феста (1575), Катулла, Тибулла и Проперция (1577) и Манилия (1579)), а во-вторых, трактатом «Об исправлении хронологии» (1583); о научном значении обеих групп работ см. соответственно I и II тома в: *Grafton A. Joseph Scaliger: A Study in the History of Classical Scholarship*. Oxford, 1983–1993. В конце концов перебравшись из-за религиозных войн в Голландию, Скалигер стал одной из фигур, обеспечивших преемственность доминировавшей в XVII в. голландской филологии по отношению к ренессансной науке Франции: учениками Скалигера были такие важные ученые, как Гуго Гроций, Даниэль Гейнзий (отец Николая Гейнзия). О биографии Скалигера в целом см. также: *Bernays J. Joseph Justus Scaliger*. Berlin, 1855.

издания)¹⁶. Или, если в античности этого языка не существовало, может быть, перед нами испорченные версии латыни, сложившиеся после античной эпохи? В этой модели уже заложено представление о генеалогических отношениях между языками, но она, конечно, неприятна для защитников нового языка. Им хочется либо сказать в ответ, что перерождение одного языка в другой — это просто нормальный процесс языкового развития (то есть в общих чертах прийти к современной диахронической перспективе), либо доказать, что на самом деле их язык не производный от латыни, а сложился независимо от нее: например, французы могут доказывать, что их язык на самом деле происходит от греческого или галльского, а латынь просто «оказала на него влияние» (мы уже видели этот пример), или итальянцы — настаивать на том, что «тосканский» — это на самом деле этрусский, который, в свою очередь, был языком Ноя, «арамейским»¹⁷; а испанцы — утверждать, что протокастильский существовал уже в I в. н. э. параллельно с латынью¹⁸. Романоязычные ученые сначала преимущественно и были представителями этой «националистической лингвистики» (самые важные ее представители — итальянец Анний из Витербо и француз Гийом Постель), лишь позже к ним присоединяются пишущие в том же духе германоязычные авторы (самый яркий из них — фламандец Горопий Бекан (Ян ван Горп, 1519–1572), автор «Антверпенских корней» (1569) считавший фламандский язык языком древних киммерийцев, потомков Иафета)¹⁹.

¹⁶ См. также: *Fubini R.* La coscienza del latino negli umanisti: «An latina lingua Romanorum esset peculiare idioma» // *Studi Medievali*. 1961. Vol. 2. P. 505–550; *Tavoni M.* The 15th-Century Controversy on the Language Spoken by the Ancient Romans: An Inquiry into Italian Humanist Concepts of «Latin», «Grammar», and «Vernacular» // *Historiographia Linguistica*. 1982. Vol. 9. P. 237–264.

¹⁷ Об «арамейской теории», восходящей к историографическим концепциям Анния из Витербо и поддержанной Джованни Баттистой Джелли и Пьерфранческо Джамбуллари, см., напр.: *Bertelli S.* Firenze, la Toscana e le origini «aramee» dell'etrusco // *Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università di Siena*. 1981. Vol. 2. P. 199–207.

¹⁸ См.: *Binotti L.* La teoría del «Castellano Primitivo»: Nacionalismo y reflexión lingüística en el Renacimiento español. Münster, 1995. Теория (главным проponentом которой был Грегорио Лопес Мадера) основывалась на найденной в 1588 г. в Торре Турпиана рукописи якобы нероновского времени, содержавшей текст на кастильском (хотя и зашифрованный — в нем сначала надо читать все черные буквы, а потом все красные; тем не менее в результате получалась действительно вполне связанная запись). На самом деле эта рукопись, содержавшая также записанные странным шрифтом арабские тексты (подразумевалось, что это арабский нероновского времени, доисламский), была подделкой XVI в., причем уже в XVI в. некоторые ученые считали ее таковой (*Koningsveld van P. S., Wiegiers G. A.* The Parchment of the «Torre Turpiana»: The Original Document and Its Early Interpreters // *Al-Qanṭara*. 2003. Vol. 24. P. 327–358).

¹⁹ Иногда о Бекане говорят как о предшественнике индоевропеистики (см., например, *Metcalf G. J.* The Indo-European Hypothesis in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // *Studies in the History of Linguistics: Traditions and Paradigms* / ed. by D. Hymes. Bloomington, 1974. P. 233–257); в частности, киммерийцы-скифы у него не участвовали в строительстве Вавилонской башни, и поэтому их язык противопоставляется семитским. Но гораздо больше на звание провозвестника индоевропеистики, как кажется, может претендовать письмо знаменитого Юста Липсия антверпенскому синдикату Хендрику Схотти от 19 декабря 1598 г. (*Iusti Lipsii* Epistolarum selectarum centuria tertia ad Belgas. Antverpi-

Тем не менее при всем обилии экстравагантных теорий понятно, что выстроить в целом очень схожую с принятой сегодня модель отношений, по крайней мере между языками Европы, отбросив сомнительные построения с националистическим душком, ученые XVI в. уже вполне могли; определенный критерий «научности» генеалогических построений явно существовал, во всяком случае для таких людей, как Иосиф Юст Скалигер или Юст Липсий (чье место Скалигер унаследовал в Лейденском университете). Собственно, переведенная нами ниже «Диатриба» младшего Скалигера интересна прежде всего как иллюстрация этого тезиса: Скалигер вполне здраво классифицирует языки по (как мы сказали бы) языковым группам, кроме нескольких мелких отклонений (ирландский язык еще не связывается с валлийским и бретонским, а финский и саамский — с венгерским). Однако считать из-за этого Скалигера предтечей индоевропейского языкознания, как порой делают²⁰, не вполне корректно, поскольку смысл разделения языков на группы у него как раз в том, чтобы сказать, что дальнейшее сближение невозможно: «Отпрыски одного языка-матки некоторым образом связаны между собой, между самими же матками никакого родства нет». Французский корректно возводит к латыни, но некорректно искать связи между ним и греческим. Фламандский корректно возводит к общегерманскому, но дальше его родственников уже искать не следует. В контексте склонной к фантазиям лингвистики XVI в. соль этого ограничения вполне понятна, но как раз возможность тезиса о существовании индоевропейской языковой семьи оно, по сути дела, исключает (в отличие, например, от теорий Бекана, которые с научной точки зрения представляются гораздо менее строгими, — в этой перспективе Бекан, пожалуй, действительно, окажется ближе к индоевропеистике, чем Скалигер).

Если в чем-то Скалигера и можно считать предшественником сравнительно-исторического языкознания, так это в применении образов родства к отношениям между языками и корректной интерпретации их отношений в этих терминах. Слово

ае, 1602. P. 41–62), содержащее критику теории Бекана (как и вообще высказываний о конкретной генеалогической связи языков на основании их лексических сходств: сходство «не более доказывает, что они взяли что-то у нас, чем что мы взяли это у них», Ibid., P. 56) и подробно рассматривающее в этой связи лексические сходства персидского языка с германскими и латынью (см.: *Hemmerdinger B. La théorie irano-germanique de Juste Lipse (1598) // Indogermanische Forschungen. 1971. Bd. 76. S. 20–21; De-neire T., Van Hal T. Lipsius tegen Becanus: Over het Nederlands als oertaal: Editie, vertaling en interpretatie van zijn brief aan Hendrik Schotti (19 december 1598). Amersfoort, 2006).* Конечно, для полноценного сопоставления индоевропейских языков сильно не хватало углубленного знания санскрита, хотя на его сходство с итальянским указывал уже в 1586 г. путешественник Филиппо Сассетти в письме к Бернардо Даванцати (*Lettere edite e inedite di Filippo Sassetti / raccolte e annotate da E. M. Marcucci. Firenze, 1855. P. 415, ср.: Rocher R. The Knowledge of Sanskrit in Europe until 1800 // History of the Language Sciences / ed. by S. Auroux, E. F. K. Koerner, H.-J. Niederehe, K. Versteegh. Vol. 2. Berlin, 2001. P. 1156; говоря об итальянском, Сассетти, скорее всего, не противопоставляет его другим романским и латыни, а просто говорит, что в санскрите «много наших слов»).*

²⁰ Ханп., *Pereltsvaig A. Languages of the World: An Introduction. Cambridge, 2012. P. 13–14.*

matrix (иногда переводят просто калькой «матрица»), обозначающее отношение, например, латыни к романским языкам, этимологически связано со словом *mater* («мать»), а сами языки именуются «отпрысками» (*propagines*). Мы переводим слово *matrix* как «матка» — не вполне понятно, что хотел сообщить нам, используя этот образ, Скалигер, но в классической латыни это слово означает либо животное-матку, либо дерево, от которого берутся отводки (см. подробнее ниже примеч. 96).

Однако эта образность не придумана Скалигером. Применение терминов родства к отношениям между языками периодически встречается уже в итальянских спорах об отношении вольгаре к латыни начиная с 1530-х гг.²¹: например, Бенедетто Варки в своем «Эрколано» (1564), сопоставляя итальянские диалекты с греческими, пишет, что общегреческий язык не был рожден из смешения диалектов и не является, «как следствие, более поздним и как бы дочерью (*come figliuola*) тех <языков>, но <...> был он основой и фундаментом, и, следовательно, предшествовал другим и был как бы матерью (*come madre*) для них всех»²². Более того, уже в 1612 г. Абрагам ван дер Мейль (*Abraham Mylius*, еще один представитель фламандской «националистической лингвистики») использует терминологию, очень похожую именно на скалигеровскую, в своем «Бельгийском языке», говоря о еврейском, греческом, латинском и германо-бельгийском языках как о четырех *linguae matriculares* («маточных языках») для всех остальных языков мира²³. Теория ван дер Мейля сильно отличается от теории Скалигера, и текст Скалигера на момент публикации «Бельгийского языка» был опубликован совсем недавно, так что вряд ли ван дер Мейль напрямую зависит от Скалигера²⁴: скорее теоретические посылки Скалигера в это время просто уже «витали в воздухе».

При этом понимает Скалигер отношения между «языком-маткой» и «языком-отпрыском» не самым очевидным образом. Если у Варки, например, язык-мать *предшествует* языку-дочери, то у Скалигера родственные отношения каким-то образом оказываются синхроническими. Например, когда он говорит, что

²¹ Tavoni M. Western Europe. P. 45–48.

²² L'Ercolano, dialogo di Benedetto Varchi... In Firenze, 1846. P. 477.

²³ При этом термины *linguae matrices* («языки-матки») и *lingua mater* («язык-мать») А. ван дер Мейль тоже использует: «Эти, говоря я, языки <еврейский, греческий, латинский и германский = бельгийский> — словно бы матки (*matrices*) разных наречий (*idiomatum*), рассеянных по разным народам и отличающихся только диалектом (*dialecto*). Еврейский язык распространился по Халдее, древней Финикии, Сирии, Аравии и Египту до самых пунийцев и карфагенян: для этих языков он стал некой словно бы матерью (*quaedam mater*)...» (*Abrah^am* <Vander-Milii> *Lingua Belgica, sive De linguae illius communitate tum cum plerisque aliis, tum praesertim cum Latina, Graeca, Persica; deque communitatis illius causis; tum de linguae illius origine et latissima per nationes quamplurimas diffusionem; ut et de eius praestantia*. Lugduni Batavorum, 1612. P. 15–16).

²⁴ К. Деккер (*Dekker K. The Origins of Old Germanic Studies in the Low Countries*. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 48) все же считает, что ван дер Мейль зависит от Скалигера; ср. контраргументы в: *Metcalf G. J. Abraham Mylius on Historical Linguistics*//Publications of the Modern Language Society of America. 1953. Vol. 68. P. 545.

«из... матки, или языка, BOGE <т. е. славянской> проистекло много отпрысков: русский, польский, чешский» и т.д., то диахроническая перспектива должна подразумевать, что под «языком BOGE» подразумевается общеславянский язык, относящийся к живым славянским языкам так же, как латынь к романским. Однако при этом «у языка BOGE две письменности: русская <т. е. кириллица>... и далматская <т. е. глаголица>». Конечно, здесь речь уже не о гипотетическом общеславянском, а о славянских языках в целом (латиницу Скалигер, может быть, не упоминает потому, что это «не собственная» письменность славян)²⁵. Значит, языки-отпрыски — это как будто бы ипостаси или инкарнации языка-матки, и он продолжает существовать в них. Даже романские языки для Скалигера являются латынью, хотя и происходят от нее («итальянский, испанский и французский мы вместе называем латинским, хотя в каждом из трех произошли свои изменения»). Это объясняется с одной стороны тем, что тезис о «смерти» латыни, необходимый для проведения четкой границы между ней и романскими языками, еще не стал общим местом²⁶; а с другой стороны, необходимостью создать модель, которая описывала бы не только романские, но и, например, германские языки. Если диахроническая «мать» всех романских языков — латынь (в той модели, когда она им не тождественна), то какой язык мог бы занять такое место для германских? Очевидно, его пришлось бы реконструировать («общегерманский», на который мы сослались бы сейчас, — это научный конструкт), а Скалигер избегает разговора о языках, существование которых представляет собой лишь гипотезу.

Перевод отрывков из «Митридата» Геснера выполнен по изданию: *Gessner C. Mithridate = Mithridates* (1555) / intr., texte latin, trad. fr., annot. et index par B. Colombat et M. Peters. Genève: Librairie Droz, 2009; для сверки использовалось оригинальное издание: *Mithridates de differentiis linguarum tum veterum tum quae hodie apud diversas nationes in toto orbe terrarum in usu sunt, Conradi Gesneri Tigurini*

²⁵ Можно было бы возразить, что Скалигер может считать общим источником всех славянских языков церковнославянский, в котором используются сразу два варианта письма. Однако, как можно заключить из его слов, библейские тексты, записанные кириллицей и глаголицей, он считает разными: «И даже переводов Священного Писания <у славян> два, русский, более новый, и иеронимовский, более древний» (слово «иеронимовский» у Скалигера синоним к «далматскому»: см. примеч. 98 и 83). Эта формулировка была бы странной, если бы не подразумевались переводы на два разных языка, соответствующих каждому из вышеуказанных типов письма (ведь тексты переводятся не «на письмо», а на язык, и если бы они переводились на один и тот же язык, использующий обе письменности, то странно представлять себе, что за текстами была бы закреплена какая-то конкретная письменность). Скорее всего, Скалигер просто вообще не знает о церковнославянском как отдельном от русского языке.

²⁶ О появлении идеи «смерти» языка в итальянских спорах XVI в. о соотношении вольгаре и латыни (*questione della lingua*) см.: *Glynn Faithfull R. The Concept of «Living Language» in Cinquecento Vernacular Philology // The Modern Language Review. Vol. 48. 1953. P. 278–292*: оппозиция «живой язык» — «мертвый язык» является общим местом уже у Варки в «Эрколано» (1564) и у Оберто Фольетты в сочинении «Об употреблении и превосходстве латинского языка» (1574), а впервые мы фиксируем эту оппозицию в явном виде у Алессандро Читolini в «Письме в защиту народного языка» (1540), хотя идея «перерождения» латыни в новые языки имеет более раннее происхождение.

Observationes. Tiguri: Excudebat Froscheverus, 1555. Перевод трактата Скалигера выполнен по изданию: *Iosephi Iusti Scaligeri Iul. Caes. Fil. Diatriba de Europaeorum linguis // Ios. Iusti Scaligeri Iulii Caesaris a Burden filii Opuscula uaria antehac non edita / <ed. I. Casaubonus>. Parisiis, 1610. P. 119–122.*

Конрад Геснер

МИТРИДАТ

НАБЛЮДЕНИЯ КОНРАДА ГЕСНЕРА О РАЗЛИЧИЯХ ЯЗЫКОВ, СПЕРВА В ОБЩЕМ

Причина и история смешения языков излагается в священных книгах, и здесь не место нам ее повторять. И насколько важной составляющей бед людских было смешение языков, настолько в наши времена нам следует считать даром поистине божественным и особенным счастьем, что почти весь мир заново объединен теми тремя освященными крестом языками²⁷, которые повсюду изучаются учеными мужами, и благодаря изучению этих языков ныне людям стало более знакомо не только то, что связано с межчеловеческим общением и с человеческой мудростью, но и благочестие и Бог. Ведь кто не знает, что по всей Европе в ходу латинский и греческий языки, а еврейским (или, скорее, арабским)²⁸ пользуются почти вся Африка и Азия, и часть их также и греческим?

Но Европу, конечно, следует считать тем более превосходящей прочие земли в блаженстве, что, если в других местах стремящиеся к учености люди изучают только один из этих языков, то здесь почитаются все три языка, о которых я сказал. Потому и Евангелие Господа нашего Иисуса Христа, на кресте распятого, в наши времена в Европе первым начало возрождаться вместе с возрождением этих языков и затем при посредстве этих самых язы-

²⁷ Еврейским, латинским и греческим, поскольку на этих языках на кресте было надписано «Иисус Назорей, Царь Иудейский», согласно Ин. 19:20 и Лк. 23:38. Ср.: Исидор Севильский, Этимологии 9.1.3: «Священных же языков три: еврейский, греческий и латинский, и они преобладают во всем мире. Ведь на этих трех языках Пилат написал на кресте Господа его обвинение. Поэтому и для понимания неясных мест священного Писания требуется знание этих трех языков, чтобы, если текст на одном из языков вызывает какие-то сомнения по поводу слова или смысла, можно было обратиться к другому».

²⁸ К популярному в XVI в. отождествлению арабского с еврейским (см.: *Kessler-Mesguich S. Hébreu, arabe et araméen chez quelques auteurs juifs (X^e–XIe siècles) et chrétiens (XVIe–XVIIe siècles) // Histoire Épistémologie Langage. 2001. Vol. 23/2. P. 13–37*) Геснер здесь, видимо, прибегает ради аргумента; в разделе «Арабский язык» он выскажется более аккуратно: что арабский «близок к еврейскому» (*affinis Hebraicae*).

ков, как через книги, так и через живую речь, вскоре (как мы надеемся) распространится и на остальные народы: так что следует заключить, что, после того как имя Христово будет проповедано по всему свету (а мы видим, что это на нашей памяти произошло с величайшей быстротой почти по всей Европе), уже близится и надвигается конец этого света и второе пришествие нашего Господа²⁹.

О том, что даже на одну только Троянскую войну собрались люди многих языков, сообщает Гомер в четвертой книге «Илиады» <4.437–438>:

οὐ γὰρ πάντων ἦεν ὁμός θρόος οὐδ' ἴα γῆρυς,
ἀλλὰ γλῶσσ' ἐμέμκτο, πολύκλητοι (т. е. созданы из разных мест) δ'
ἔσαν ἄνδρες.

<«Ведь у всех был не одинаков ропот и не одна речь, но смешался язык, и созданы из разных мест были мужи»>.

Эвфор³⁰ и многие другие из историков сообщают, что народов и языков семьдесят пять, и их, конечно, побудили так говорить слова Моисея: «Всего душ от Иакова было семьдесят пять, ушедших в Египет» <ср. Втор. 10:22 и Деян. 7:14>. Но вообще на самом деле, как кажется, наречий (*dialecti*) (или, скорее, языков (*linguae*))³¹ общих семьдесят два, как сообщается и в наших памятниках³². Многие же прочие следует относить к одному общему роду (*genus*), содержащему два или три или более диалектов (*dialectos*). А диалект —

²⁹ О чем конкретно речь? Какое возрождение и распространение Евангелия могло произойти «на памяти» Геснера? По-видимому, при некоторой завуалированности формулировок трудно понять этот текст иначе, как отнеся его к деятельности протестантов-реформаторов, в том числе и филологов-библеистов. Геснер был протестантом, хотя и поддерживал хорошие отношения с некоторыми католиками; все его сочинения были включены в «Индекс запрещенных книг» папы Павла IV (*Index auctorum, et librorum, qui ab Officio Sanctae Romanae et Universalis Inquisitionis caveri ab omnibus et singulis in universa Christiana Republica mandantur, sub censuris contra legentes, vel tenentes libros prohibitos in Bulla quae lecta est in Coena Domini expressis, et sub aliis poenis in Decreto eiusdem Sacri officii contentis*. Romae, 1559. Fol. B ii v). *Grendler P.F. Printing and Censorship // The Cambridge History of Renaissance Philosophy* / gen. ed. C. B. Schmitt; ed. Q. Skinner and E. Kessler; assoc. ed. J. Kraye. Cambridge, 1988. P. 45–46 указывает, что в список попал целый ряд «неблагонадежных» с религиозной точки зрения ученых (например, Себастьян Мюнстер и Филипп Меланхтон), в большинстве своем скомпрометировавших себя каким-нибудь текстом, посвященным вопросам вероучения; как правило, все тексты таких авторов автоматически попадали в «Индекс запрещенных книг». Из сочинений Геснера «неблагонадежность» можно было, вероятно, усмотреть в библиографической «Всеобщей библиотеке», часто апеллирующей к протестантским текстам (Ватикан издал в 1593 г. составленный иезуитом Антонио Поссевино альтернативный «правовверный» библиографический указатель по теологии, праву, философии, медицине и свободным искусствам под названием «Избранная библиотека»).

³⁰ То есть Эфор, историк IV в. до н.э.

³¹ Пояснение принадлежит Геснеру, в цитируемом тексте Климента просто *διάλεκτοι*.

³² *In nostrorum etiam monumentis*, перевод текста *αἱ ἡμέτεραι... γραφαί* «наши писания» (в смысле «тексты христианских авторов»: ср.: Пасхальная Хроника 57.16–17 Dindorf; Епифаний, Панарион 1.176.5 Holl; Августин, О граде Божием 16.6.2; Исидор, Этимологии 9.2.2).

это речь (*dictio*)³³, выделяющаяся особенными чертами или характеристиками³⁴ какого-то места, или речь, в которой видны собственные или общие <с другими> особенности какого-то народа. Греки, например, выделяют пять диалектальных вариантов своего языка: аттический, ионический, дорический, эолийский и пятый общий³⁵. Речения (*voces*)³⁶ же варварские (те то есть, которые используются греками)³⁷, поскольку они непонятны, называют уже не диалектами, а глоссами (*glossas*)». Климент Александрийский в первой книге «Стромат» <1.21.142>.

Что касается нас, то мы замечали, что слово *dialectus* иногда обозначает просто язык (*sermo*) или артикулированную речь (*oratio articulata*), или сам разговор, состоящий из многих слов; а иногда (особенно у грамматиков) — специфичность какого-то языка³⁸ либо в единичных, либо во многих словах, отличающую его от общего языка или прочих похожих или родственных. Гален в своей книге <Гален, Истолкование глосс Гиппократ> объяснил глоссы (*glossas*) Гиппократ, то есть древние и устаревшие слова, встречающиеся в его книгах.

«Колхидский город Диоскуриада, ныне заброшенный, некогда был славен, так что Тимосфен сообщает, что туда собрались 300 народов, говоривших на разных языках. И впоследствии наши вели там дела при посредстве 130 переводчиков». Плиний 6.5 <т. е. Естественная история 6.15>.

«Известно, что Митридат, царь Понта, единственный из смертных говорил на 22 языках, и за все 56 лет, которые он правил, он ни к одному подданному из народов своего царства не обращался через переводчика». Он же <Плиний, Естественная история 25.6>³⁹.

«Некоего купца Ямбола⁴⁰, захваченного вместе с товарищем по рабству приморскими эфиопами, заставили взойти на корабль и плыть на юг, пока он

³³ Буквальный перевод греческого λέξις.

³⁴ *Notam seu characterem*: Геснер опять предлагает несколько вариантов там, где в греческом оригинале было только одно слово, χαρακτήρα.

³⁵ *Communem* (в оригинале κοινήν), т.е. койне.

³⁶ Гр. φωνάς.

³⁷ В скобках — пояснение Геснера.

³⁸ *Linguae alicuius... proprietates*, перевод греческого определения слова διάλεκτος как γλώττης ἰδίωμα; что под ним подразумевается, видно, например, по примеру из схолий к Дионисию Фракийскому 454.32–455.2 Hilgard (текст почти дословно совпадает с Большим Этимологиком 817 Kallierges): «Α διάλεκτος — это специфическая черта языка, как в случае слова μέλιχος: ведь эолийцы говорят μέλλιχος; и форму ἄμμες без густого придыхания мы приводим как пример эолизма (ὡς Αἰολικόν). Α ἱστορία — это как говорили древние, и часто она противопоставляется диалекту. Например, в числительном χίλιοι должен был быть дифтонг ει, как в диалектах — ведь эолийцы говорят χέλλιιοι, — а противопоставляемая им ἱστορία пишет через одну ι».

³⁹ Ссылка в издании Gessner C. Mithridate... P. 102, n. 19 на Естественную историю 7.88 явно неверна и появилась просто из-за того, что комментаторы пропустили настоящий цитируемый Геснером пассаж.

⁴⁰ В современных изданиях Диодора это имя выглядит как Ямбул.

не приплывет к некому Блаженному острову. Такой ведь был у эфиопов очень древний обычай, чтобы отправлять туда двух иноземцев ради очищения. И вот четыре месяца спустя они прибыли к острову и встретили там добродушных людей, телом проворных и крепких, кости у которых гнулись наподобие жил, и так далее⁴¹. И языком они тоже, как он говорит, отличаются от нас. Ведь природа дала им язык, разделяющийся в нижней части, так что кажется, что он двойной от самого корня. И настолько разнообразна их речь, что они не только человеческим голосом говорят, но и способны изображать пение различных птиц; и, что еще более удивительно, безупречно разговаривают сразу с двумя людьми, одновременно отвечая и споря: одна половина языка говорит с одним, а другая — с другим». Диодор Сицилийский в третьей книге о баснословных деяниях древних <на самом деле — Историческая библиотека 2.55–56>.

«Эфиопские троглодиты питаются змеями и ящерицами и голосом верещат (τῇ διαλέκτῳ τετρίγασσι)⁴², словно летучие мыши». Геродот <История 4.183>.

В некоторых совсем далеких северных землях, как мы читаем, купцы совершают сделки с помощью кивков и жестов, не потому что они совершенно лишены способности говорить, как немые, а потому что они говорят на совсем разных языках⁴³.

Из всех языков еврейский, как представляется, является как самым первым и самым древним, так и единственным чистым и неиспорченным, а остальные по большей части все содержат примеси (mixtae). Нет ведь такого языка, в котором не было бы каких-нибудь происходящих из еврейского и исковерканных при этом слов. А к тому же они и сами между собой перемешаны: либо по необходимости, как когда иноземным и необычным

⁴¹ Словами «и так далее» Геснер обозначает пропуск в цитате из Диодора, которая на самом деле и во многих других местах сильно сокращена и часто больше напоминает пересказ (перевод части цитаты, посвященной языку, в целом аккуратнее).

⁴² Пояснение в скобках принадлежит Геснеру и, видимо, указывает, что именно его заинтересовало в этой цитате (употребление слова *διάλεκτος*, которое Геснер здесь перевел как *vox* («голос») — судя по соседним примерам, здесь Геснер вообще собирает сведения о крайних формах «языка», граничащих с неартикулированной речью). Проблема, однако, в том, что в большинстве рукописей Геродота слова τῇ διαλέκτῳ в этом месте как раз отсутствуют. Возможно, Геснер имел дело с какой-нибудь необычной рукописью.

⁴³ Не вполне понятно, какой текст имеет в виду Геснер. Применительно к средневековой Европе известны преимущественно монашеские языки жестов (см.: Bruce S. G. *Silence and Sign Language in Medieval Monasticism: The Cluniac Tradition c. 900–1200*. Cambridge, 2007; Barakat R. *Cistercian Sign Language: A Study in Non-Verbal Communication*. Kalamazoo, 1975; *Monasteriales Indicia: The Anglo-Saxon Monastic Sign Language* / ed. by D. Banham. Middlesex, 1991). Об использовании языков жестов в международной торговле в целом см.: Kendon A. *Some Reasons for Studying Gesture* // *Semiotica*. 1986. Vol. 62. P. 1–28. Возможно, однако, что речь идет скорее о тех случаях, когда с помощью жестов вынуждены были общаться с европейцами путешественники из скандинавских стран, ср.: MacDougall I. *Foreigners and Foreign Languages in Medieval Iceland* // *Saga-book*. 1986–1989. Vol. 22. P. 216–217.

вещам и имена в большинстве языков оставляют иноземные, вроде названий умашений и прочих вещей, которые ввозятся откуда-то еще; либо по собственной воле, как из соображений обучения различным искусствам и наукам — так латиняне позаимствовали у греков бесчисленные имена не только наук, но и вещей, найденные у тех в книгах; либо из-за подчинения державам — ведь побежденные почти всегда постепенно перенимают нравы и языки победителей: так латинский язык в Италии, Франции и Испании был исковеркан готами; либо потому, что разные народы переселились на одну территорию. Английский язык кажется на сегодняшний день самым неоднородным (*mixta*) и исковерканным из всех языков. Ведь сперва древний британский язык под властью саксов отчасти вышел из употребления, отчасти исказился; затем он также впитал множество французских слов, то ли из-за большого количества купцов, приехавших из соседней Франции, то ли из-за переселенцев оттуда. Также и те языки, которыми пользуются или пользовались на форуме или в храмах, как кажется, вызвали немало изменений. В древности ведь в римских провинциях все судебные процессы совершались на латыни, и все документы составлялись на том же языке. А многие народы и богослужение в храмах проводят только на латыни, чтобы простой люд ничего не понимал. И во многих местах священные молитвы, особенно молитву Господню (как и у нас делалось еще на памяти наших отцов)⁴⁴, даже простолюдины произносят только на латинском языке.

Варварскими (*Barbarae sive Barbaricae*) называются все языки, кроме греческого и латыни. Мы также исключаем из числа таковых еврейский, поскольку он, с одной стороны, древнейший и словно родитель для остальных, а с другой стороны — язык священный и божественный: он ведь охватывает Ветхий Завет, Закон и Пророков, и все дело спасения человеческого. Но Господь Лучший Величайший⁴⁵ по заслугам отнял свою благодать у иудеев, ибо они были недостойны ее, и приобщил к ней иноземные народы⁴⁶: поэтому Он и захотел, чтобы Новый Завет был написан не на еврейском, а, скорее, на греческом — самом славном у других народов и самом ученом языке. О варварских языках

⁴⁴ Опять речь о Реформации, ср. примеч. 29.

⁴⁵ *Deus optimus maximus*, античный эпитет Юпитера (Капитолийского), в гуманистической латыни перенесенный на христианского Бога (см., напр.: Jones P, Pennick N. A History of Pagan Europe. London, 1995. P. 41).

⁴⁶ *Externis gentibus communem fecit*: текст в принципе можно понять двумя способами: что Бог «сделал ее общей (для иудеев) с иноземными народами», то есть лишил иудеев привилегии на владение благодатью, или «сделал ее общей для иноземных народов», исключив иудеев из числа причастных благодати народов.

мы подробнее расскажем ниже, следуя Страбону, — в том месте, где будет говориться о карийском языке.

Далее, «первые и родовые диалекты»⁴⁷, хоть и варварские, все же извлекают слова из самой природы вещей. По этой причине и священные молитвы люди считают более действенными, если они состоят из варварских слов; и Платон в «Кратиле» <410a> пишет, что слово *pyr* <т. е. пῦρ «огонь»> варварского происхождения, поскольку и фригийцы тоже так же, только «слегка изменяя это слово» (как и немцы *für*)⁴⁸, называют огонь». Климент Александрийский <Строматы 1.21.143.6–7>.

Конечно, во всех языках некоторые слова происходят из самой природы, как все те, про которые говорят, будто они придуманы в подражание звуку, или как оноματοпоя. Таковы не только слова, обозначающие какой-нибудь звук, как *murmur* <«шепот»>, *bombus* <«жужжание»>, *sibilus* <«шипение»>, *crepitus* <«шум»>, *strepitus* <«шум»>, *stridor* <«треск»>, *ovare* <«устанавливать овации»>, *mugire* <«мычать»>, *rudere* <«реветь по-ослиному»> и прочие обозначения голосов животных в разных языках — но и сами названия птиц, как пишет⁴⁹ один древний грамматик <Исидор Севильский, Этимологии 12.7.9>, почти все устроены как подражание звуку их голосов.

Другие слова придуманы по произволу людей, как слова для всех синкатегорем⁵⁰ и большинства глаголов. Что же касается имен, то и из них те, которые имеют некую этимологию и значение⁵¹, указывающие на какое-то присущее вещам свойство или природу, будь они простыми, или производными,

⁴⁷ *Primi et generales dialecti*, перевод греческого αἱ πρῶται καὶ γενικαὶ διάλεκτοι.

⁴⁸ Замечание в скобках вставлено Геснером (и выделено в первом издании курсивом). Современное немецкое название огня — *Feuer* (на индоевропейском уровне оно действительно родственно греческому πῦρ); орфография *vür* скорее характерна для нижненемецких диалектов, хотя средневерхненемецкая форма *viur* должна была читаться примерно так же (*Neri S. Scheune // Reallexicon der Germanischen Altertumskunde*. Bd. 27 / hgb. von H. Beck, D. Geuenich, H. Steuer. Berlin, 2004. S. 7). В любом случае Геснер явно просто выбирает форму, наиболее похожую на греческое слово.

⁴⁹ Переводим по конъектуре *nomina, ut* (*Gessner C. Mithridate... P. 104, n. a*) вместо опубликованного в издании 1555 г. бессмысленного *nomin, aut*.

⁵⁰ *Syncategoremata*, то есть всех остальных частей речи, кроме имен и глаголов; это слово в таком значении встречается уже у Присциана (2.54.5–7 Keil: «Частей же речи, согласно диалектикам, две — имя и глагол, потому что они и одни, если их соединить, сами по себе образуют полноценное высказывание; прочие же слова они называли «синкатегоремами», то есть «со-обозначающими»), впоследствии оно было популярно у средневековых логиков (см.: *Kretzmann N. Syncategoremata, exponibilia, sophismata // The Cambridge History of Later Medieval Philosophy: From the Rediscovery of Aristotle to the Disintegration of Scholasticism, 1100–1600 / ed. by N. Kretzmann, A. Kenny, J. Pinborg. Cambridge, 1982. P. 211–245*).

⁵¹ *Significationem* — вероятно, просто неудачно выбранное Геснером слово (он, конечно, не имеет в виду, что бывают имена вообще без значения, но говорит только о различимом значении, заложенном во внутренней форме слова).

или составными, можно было бы по праву назвать соответствующими природе (naturalia).

«Платон <ср. Кратил 391d–392b> также приписывает некое наречие (dialectum) богам; это предположение основывается на снах и оракулах, а также на наблюдениях над одержимыми, ведь они говорят не на своем наречии, но на наречии поселившихся в них демонов.

И даже у животных, как он считает, есть свое наречие (dialectus), которое понимают другие существа того же рода. Ведь как-то раз, когда один слон влип в грязь и стал кричать, то другой, оказавшийся рядом и видевший это, ушел, а затем воротился со стадом слонов и спас попавшего в опасность. А еще рассказывают, что в Ливии скорпион, если он не может дотянуться, чтобы ужалить человека, уходит и возвращается вместе с другими скорпионами, и затем они сцепляются вереницей и виснут друг на друге и жалят человека, которого первый избрал своей жертвой. На этом основании мы предполагаем, что животные не какими-то незаметными кивками или каким-то движением тела или жестом, но, скорее, на собственном наречии обозначают и сообщают друг другу все, что захотят. Рассказывают также и о рыбах, что если какая-то из них попадет в сеть и, прорвав сеть, выберется, то потом весь день в этом месте не видать рыб, принадлежащих к тому же виду, что и первая». Климент Александрийский <Строматы 1.21.143.1–5>⁵².

Об общении зверей между собой много пишет и Порфирий в книгах о воздержании от животной пищи <О воздержании 3.2–6>. Однако кажется абсурдным то, что Климент пишет о животных в целом, будто бы все животные общаются между собой на каком-то своем наречии, даже скорпионы и рыбы: им ведь и голоса-то природа не дала, и уж тем более, придется нам признать, не дала она им и собственного наречия.

ОБ ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОМ АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ, КОТОРЫЙ ТО ЖЕ САМОЕ, ЧТО ТУРЕЦКИЙ И ТАТАРСКИЙ⁵³

Молитва Господня на армянском языке

Chair mer ur hierchins, des srboi ezisi anoncho: ekesse archaiotaicho. ezissin chankcho, urbis hierkins, ie etchri. Zachaz mer hanaba gsord tour mez. ais au-

⁵² К Платону (вероятно, имеется в виду «Кратил») пересказ Климента имеет очень мало отношения.

⁵³ Другие места «Митридата» противоречат этому утверждению (Gessner C. Mithridate... P. 121, п. а): «Персидский язык... не имеет ничего общего с иллирийским <т. е. со славянскими языками> и армянским» (раздел «О персидском, или турецком, языке»); «Про турецкий язык некоторые говорят, что это то же самое, что персидский, а другие — что он совсем или почти не отличается от армянского

roie touz mer zaabartis mer, urbis ie mech tossumc⁵⁴ merus bartbanas. ie mi tanir zame zpztzo tai. ail phirkai zamer izare. Zucho e archaiotai ie zariotai ie paouch auiteaus. Amen⁵⁵.

Агаха — это *μισοπάρθενος* <«девоненавистница»> на языке армян (Плутарх в книге о реках <Псевдо-Плутарх, О реках 23.2>). *Axalla* у армян значит «горячее» (Иоанн Стобей <Антология 4.36.13, ср. также: Псевдо-Плутарх, О реках, 20.3>)⁵⁶. Язык, на котором говорят грузины, — средний между татарским и армянским (Гийом Постель)⁵⁷.

Некоторые армянские слова

В армянском языке много еврейских слов, что в достаточной степени указывает на еврейский язык как на источник и родителя армянского. Это, например:

и татарского, о которых мы писали выше» (раздел «О турецком языке»); «Язык грузин (о которых мы говорили выше) средний между татарским и армянским» (раздел «О татарском языке», и ср. ниже в настоящей главе).

⁵⁴ Б. Коломба и М. Петерс (*Gessner C. Mithridate... P. 120*) читают здесь (и в соответствующем тексте Постеля) *tossume*, явно неправильно: в обеих книгах явно скорее различается буква с, и ср. соответствующую армянскую форму *t'otumk'*.

⁵⁵ Текст, по-видимому, просто заимствован с некоторыми искажениями у Гийома Постеля (*Gessner C. Mithridate... P. 121, n. b, Linguarum duodecim characteribus differentium alphabetum, introductio, ac legendi modus longe facilimus. Linguarum nomina sequens proxime pagella offeret. Guilielmi Postelli Barentonii diligentia. Parisiis, 1538. Fol. I r: 1 hair mer vr hierchins/des 2 srboi ezisi a-/noncho ekesse- 3 ar-/chaio-taicho ezissin 4/chamkcho vrbis hier-/kins ie 5 etchri. Za-/chaz mer hanaba 6/gsord tour mez ais aur/7 ie touz mer zaabar-/tis mer 8 vrbis ie mech/tossumc. 9 merus/bartbanas ie mi 10 ta-/nir zamezpztzo 11/tai ail phirkai zamer i/12 zare zaicho e arc-/haiotai 13 ie zairotai/ie paouch. 14 aui-/teans Amen*). Использованный Постелем текст несколько отличается от канонического армянского «Отче наш»; в XVI в. подразумеваемый Постелем текст должен был звучать примерно так (я благодарю Г. Мурадяна за эту реконструкцию, а также за помощь в комментировании данного раздела Геснера в целом): *Hayr mer or yerkins es, surb etic'i anun K'o: Ekesc'e ark'ayut'iwn K'o: Etic'in kamk' K'o: orpēs yerkins ew yerkri: Zhac' mer hanapazord tur mez aysor: Ew t'ot mez zpartis mer, orpēs ew mek' t'otumk' meroc' partapanac': Ew mi tanir zmez i p'orjut'iwn: ayl p'rkea zmez i ĉ'are: Zi k'o ē arpayut'iwn ew zbrut'iwn ew p'aik' yawiteans. Amēn*. Можно заметить, что иногда Постель и Геснер нарушают границы слов и даже фраз: например, фразе *zmez i p'orjut'iwn* у Постеля соответствует текст *zamezpztzo tai*, а у Геснера уже *zame zpztzo tai*, очевидно, из-за того, что вторая z в печатном тексте Постеля съехала чуть выше строки; вставленные Геснером знаки препинания иногда нарушают границы фраз, и т.п.).

⁵⁶ Б. Коломба и М. Петерс (*Gessner C. Mithridate... P. 121, n. 86*) отмечают, что Стобей Геснер сам издавал в 1543 г. (возможно, поэтому он и предпочел сослаться на Стобея, а не на Плутарха). Интереснее, что в обоих текстах не идет речи об Армении: и там и там говорится о названии растения, распространенного в бассейне Евфрата. Очевидно, Геснер автоматически выводит отсюда, что растение носит армянское название.

⁵⁷ *Lingarum duodecim characteribus differentium alphabetum, introductio, ac legendi modus longe facilimus... Guilielmi Postelli Barentonii diligentia. Fol. G iii r.*

По-армянски

Ael, «Бог»
 Aeli, «Бог мой»
 Rabbi и Rabuni⁵⁸, «учитель»
 Lezu, «язык»
 Zamanach, «время»
 Chahanaim, «священники»
 Nhatz, «крест»
 Ail, «но»
 Nsan⁶², «знак»
 Cho, «ты»
 Chum, «твой»

По-еврейски

El
 Eli
 Rabbi
 Laschon
 Zeman
 Chohen⁵⁹
 Etz или hetz⁶⁰
 Alla⁶¹
 Nes
 Cha
 Cha

Некоторые слова в армянском общие с другими языками; например:

Episcoputhi («епископат»)⁶³, препозитивная частица (*praepositivum articulum*) *za* — общее с эфиопским. *Du* — «ты»⁶⁴. *Von* — «от»⁶⁵. *Ail* — другие (*alii*), ἄλλοι⁶⁶. *Em* — εἶμι, «я есть». *Mesch*⁶⁷ — μέσον, «середина» (*medium*). Немцы переняли у армян слово *Carle*, *Carol* <«Карл»>⁶⁸, ведь армяне говорят *car*, «он смог»⁶⁹, *carol*, «могущественный»⁷⁰.

⁵⁸ Оба слова заимствованы из еврейского через греческий: *Hübschmann H.* Armenische Grammatik. T. I: Armenische Etymologie. Leipzig, 1897. S. 375–376.

⁵⁹ Единственное число вместо множественного *cohen*, скорее всего, приведено для большего сходства с армянской формой, как указывают Б. Коломба и М. Петерс (*Gessner C.* Mithridate... P. 121, n. 88).

⁶⁰ На самом деле «дерево» (*Gessner C.* Mithridate... P. 122, n. 89).

⁶¹ Вместо *ella* (*Gessner C.* Mithridate... P. 121, n. 90); вероятно, опять ради большей убедительности устанавливаемого соответствия.

⁶² В издании 1555 г. на этом месте напечатано *Vsan*, что не соответствует ни армянской форме, ни еврейской параллели; мы исправляем текст на основании предположения Б. Коломба и М. Петерса (*Gessner C.* Mithridate... P. 121, n. 91).

⁶³ Как указывает М. Петерс (*Gesner K.* Mithridates / éd. par M. Peters. Aalen, 1974. P. 19), Геснер скорее имеет в виду не очевидное греческое происхождение слова, а сходство суффикса с эфиопским.

⁶⁴ Вероятно, имеется в виду сходство с какими-нибудь индоевропейскими языками, возможно, конкретно немецким (*du*) или латынью (*tu*), на которой пишет Геснер. Этимология, принимаемая современной индоевропеистикой (*Hübschmann H.* Op. cit. S. 440).

⁶⁵ Здесь уже явно имеется в виду параллель с немецким *von* («от»).

⁶⁶ Этимология, принимаемая современной индоевропеистикой (*Ibid.* S. 417).

⁶⁷ Имеется в виду слово, классическая форма которого транслитерируется по системе Мейе-Бенвениста как *mēj*; тоже этимология, принимаемая современной индоевропеистикой (*Ibid.* S. 474).

⁶⁸ Скорее всего, имеется в виду просто немецкое имя, хотя возможно также, что подразумеваются какие-нибудь славянские производные со значением «король».

⁶⁹ На самом деле *kar* — просто корень, «он смог» будет *karach* (*Gessner C.* Mithridate... P. 123, n. 94).

⁷⁰ Ср. соответствующий «компаративистский» раздел в явно использованном Геснером описании армянского языка у Гийома Постеля (*Linguarum duodecim characteribus differentium alphabetum, introductio, ac legendi mo-*

Еще об армянском языке, из Бероза и «Многозначных слов» Ксенофонта⁷¹

Армяне (армянские скифы) «называли самого Ноя, как мужа мудрейшего и причастного божественной природе, *Olybata* и *Arsa*, то есть “небом” и “солнцем”, и посвятили ему многие города. Ведь и по сию пору у армянских скифов есть города *Olybata* и *Arsa Ratha* и другие в таком роде». Бероз⁷².

duis longe facilimus... Fol. I v): «Кое-что у них общее с восточными языками, кое-что с греками и латинянами, кое-что и с французами. Ведь как французы заканчивают множественное число на -s, так и эти, например как *bon*, *bons*, так те *erchin*, *erchins* (“небо”, “беса”), *auitea* (“век”), *auiteans* (“-ка”); *eramneale* “блаженный”, *eraneals* (“блаженные”), *eramneales* (“блаженная”). А еще женский род образуется таким образом: *srboy* (“святой”), *srbouchi* (“святая”). От латинян у них названия месяцев и множество слов, от греков, например, *ie*, которое некоторые произносят как *ke* <имеется в виду греческое καί “и”>, *mi* <видимо, имеется в виду греческое μή “не”, см.: *Hüb-schmann H. Op. cit. S. 474*> и *ne*; *ail* – *alla* <т. е. ἄλλᾱ “но” <ср. *Hüb-schmann H. Op. cit. S. 417*>, и т. д. С евреями общее – суффикс *saph*, со “твой”, -я, -ё”. Но часто они в женском роде говорят *kes* (“твоя”). Часто они пользуются частицей (*articulo*) *za*, например *zamech* (“мы”), *zachas* (“хлеб”), *zaecizi* (“церковь”) и так далее. Это их объединяет с индусами. Причастия они часто заканчивают на -al, например *chaseal* (“стоящий”), *meal* (“построенный”), *or-neal* (“благословенный”), *orcneales* (“-нная”), *meueal* (“умерший”), *meueales* (“умершая”), *meueals* (“умершие”), *tzeneal* (“рожденный”), *chaccetzeal* (“распятый”), а иногда на -ol, например *carol* (“могущественный”) <с точки зрения латыни причастие>, и так далее. Кроме того, у них есть некоторое различие падежей, например *erchin* (“небо”), *ercni* (“неба”), *chair* (“отец”), *chairni* (“отца” и “отцу”), *chairn* (“отца”), *astotz* (“Бог”), *astotzn* (“Бора”), *mer* (“мы”), *merus* (“нас” и “нам”), *auiteans* (“века”), *auiteanis* (“веков” и “векам”). Достаточно этого. Среди всех языков, какие я когда-либо слышал, я не встречал более трудного по произношению, чем этот». Можно заметить, что Постель более тонко подходит к описанию языка, сведения о котором у него к тому же из первых рук, в отличие от Геснера: Постель интересуется не только лексика, но и морфологические сходства, он обращает внимание на типологию устройства языка (наличие падежей), и т.п. Правда, нужно иметь в виду, что интерпретирует эти факты Постель не самым очевидным образом (*Guilielmi Postelli Baren. Doleriensis De originibus, seu De Hebraicae linguae et gentis antiquitate, deque variarum linguarum affinitate, liber: In quo ab Hebraeorum Chaldaeorumque gente traductas in toto orbe colonias vocabuli Hebraici argumento, humanitatisque auctorum testimonio videbis: literas, leges, disciplinasque omnes inde ortas cognoscas: communitatemque notiorum idiomatum aliquam cum Hebraismo esse. Parisiis, 1538. P. 106*): «Латинскому и греческому языкам, поскольку они более новые и с большим старанием отшлифованные, одним только из всех языков известно склонение имен и причастий, изменяющее слово по падежам... откуда следует, что они более прочих удалены от естественных языков. А естественными (*naturales*) я называю языки, которые сообщают информацию без прикрас, которые в немногих словах (а это ведь и есть цель и предел стремлений всех людей, в том числе и риторов) охватывают и сообщают многое, изъясняя смысл очень короткими, но понятными словами, состоящими скорее из одного слога, чем из двух, а порой и вовсе из одной буквы: таковы все те языки, которые происходят от еврейского (ab Hebraismo, <ср. прим 101>), например халдейский, арабский, индийский, или сегодняшние турецкий, татарский, персидский (ведь персы нашего века происходят из Скифии или Татарию)».

⁷¹ Этот раздел объединяется тем, что основан на поддельных текстах, опубликованных в 1498 г. Аннием из Витербо (Джованни Нанни) под названием «Труды разных авторов, писавших о древностях»; ср. вступление. Возможно, Геснер не случайно отвел этой информации особый раздел. Раздел занимает пару страниц, мы переводим только пару абзацев для примера.

⁷² *Commentaria fratris Ioannis Annii Viterbensis ordinis praedicatorum Theologiae professoris super opera diversorum auctorum de Antiquitatibus loquentium confecta. Romae, 1498. Fol. Q i r*. Анний, по-видимому, придумывал не совсем из ничего: имя *Olybata*, например, как отмечает Р.А. Стюарт Макалистер (*Lebor gabála Éirenn: The Book of the Taking of Ireland / ed. by R.A. Stewart Macalister. Part I. Dublin, 1938. P. 211–213*), очень похоже на библейское имя Оливема (в Вульгате *Oolibama*), которое в средневековой традиции иногда называется среди имен жен сыновей Ноя наряду с Оголой (*Oolla*) и Оголивой (*Ooliba*): ср., например, ирландские тексты в «Книге захватов Ирландии» (1.7 первой редакции: *Uair ro baid in diliu sil Adaim uile, acht Noe cona tri macaib, .i. Sem,*

Жители Армении Саги⁷³ «называют самого Ноя отцом всех богов»⁷⁴, и «первого назвали Огигисана Сагу, то есть славного жреца священнодейств, Ноя Дисира»⁷⁵ (Марк Порций Катон также переводит слово «саги» — название древних этрусков — как «жрецы» и «священные исповителли»)⁷⁶<...>

Cham, lafet, acus a cethri mnaa .i. Cobba γ *Olla* γ *Oliba* γ *Olibana*, «Потому что потопом было захвачено все семья Адамово, кроме Ноя с его тремя сыновьями, то есть Симом, Хамом и Иафетом, и их четырьмя женами, то есть Коббой, Оллой, Олибой и Олибаной») или в «Лейнстерской книге» (fol. 136v, «Генеалогия женщин» Гилла Мо Дугу уа Касиде, поэта XII в.: *Olla setig Seim blaith bithi, / Ben Chaim Oliuan o hais, / Commam lafeth Oliuane, / Na tarat barr for bais*, «Олла — прекрасная и нежная супруга Сима, жена Хама — Оливан по собственной воле, суженая Иафета — Оливана, которая не одержала верх над смертью»). Стюарт Макалистер (Ibid.) полагает, что три имени были просто случайно взяты из какого-то алфавитного списка имен библейских женщин. Анний, конечно, не читал по-ирландски, но, возможно, имел дело с источниками на других языках, связанными с вышеуказанным.

⁷³ *Incolae in Armenia Saga* — текст Анния (Commentaria fratris Ioannis Annii Viterbensis... Fol. O v v) *siccato ab aquis orbe non fuisse nisi dictos octo homines in Armenia Saga* («что после высыхания земли от вод потопа остались только названные восемь человек в Армении Саге») указывает, что и у Геснера *Saga* — аблатив женского рода, а не аномальный аккузатив мужского рода, относящийся к Ною, как получается в переводе Б. Коломба и М. Петерса (*Gessner C. Mithridate...* P. 123).

⁷⁴ Commentaria fratris Ioannis Annii Viterbensis... Fol. O v v.

⁷⁵ Ibid. Fol. P i r. Очень темная фраза, из которой на самом деле и в оригинале (Primum... dixerunt Ogygisam Sagam, id est illustrem sacrorum pontificem Noam Dysir) непонятно, кого же как называли — Ноя именем «Огигисан Сага», которое значит «славный жрец священнодейств», или «Огигисана Сагу», то есть славного жреца священнодейств, именем «Ной Дисир» (имя Ноя в тексте Геснера — в отличие от текста Анния — обычно не склоняется, т.е. аккузатив должен звучать как *Noa*, а не *Noam*, как здесь, и на этом основании можно предположить, что Геснер имел в виду, что это два разных слова, и, значит, скорее подразумевал второе из приведенных нами возможных истолкований фразы). Комментарий самого Анния мало что проясняет (Ibid. Fol. P i r-v): «А об Огиге (de Ogyge), то есть «славном» Ное, и Дисире, то есть «Дубе», как переводит святой Иероним, следует знать, что говорит Петр Коместор, рассматривая XIII главу «Бытия» <Схоластическая история, Бытие 45, где цитируется Иосиф Флавий> и Иосиф в первой книге об иудейской древности <1.186>: «Жил, — говорит он — у Хеврона Авраам рядом с дубом, называемым Огиговым (Ogygi)». И называется он, по его словам, городом четырех патриархов, поскольку там обитали и были похоронены Адам, Авраам, Исаак и Иаков. И поэтому *Ogygi* и до потопа, и после был родиной праведников, в том числе и самого Ноя, который получил в честь родины прозвание *Ogygisam*, то есть «славный, священный» (т.е. больше похоже, что Анний все-таки имел в виду первый из описанных нами вариантов интерпретации фразы). Ср. цитируемое место из Петра Коместора (Иосифа Коместора знал в латинском переводе Руфина): «Хеврон — это город, который также называется Кириаф-Арбы, то есть «город четырех» (Arbe — «четыре», Cariath — «город»): ведь там были похоронены величайший Адам и Авраам, Исаак и Иаков со своими женами... Жил же там Авраам рядом с дубом, или теребинтом, корни которого видны до сих пор. Иосиф называет его по имени, говоря: «Жил он рядом с дубом, который зовется *Agyga*, или *Ogyg*, или *Dirpsi*...». Ссылка на Иеронима, видимо, подразумевает на самом деле часто повторяющийся в путеводителях по Святой Земле средневековый текст, возможно, восходящий к сочинению Евгесиппа «О расстояниях между местами Святой Земли» (XI в.): «Рядом с Хевроном гора Мамре, у подножия которой теребинт, который называют *dyrps* <рукописные варианты *dirps*, *din*, *adin*>, то есть дуб; рядом с ним долго жил Авраам... Дни жизни этого дуба с тех времен продлились до времени Феодосия, по свидетельству Иеронима <? О положении и именах еврейских мест 23.907 Migne, «дуб Авраама, он же Мамре, показывали вплоть до правления Константина?»>». *Dirpsi* у Петра Коместора наверняка и *dysir* у Анния скорее всего тоже восходят к каким-то еще рукописным вариантам этого текста, коверкающего греческое слово *δρῦς* «дуб». В общем, Анний, видимо, в основном занят тем, что творчески перерабатывает наименее привычные сведения о библейских персонажах, сложным образом трансформировавшиеся в рамках средневековой латинской трансмиссии.

⁷⁶ Commentaria fratris Ioannis Annii Viterbensis... Fol. E i v (другой сфальсифицированный Аннием текст). По комментариям Анния (Ibid.) можно понять, что в данном случае он использовал для фальсификации

О ГАЛЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ, СНАЧАЛА ДРЕВНЕМ, ПОТОМ НОВОМ⁷⁷

«О языке, которым пользовались гельветы и галлы во времена Юлия Цезаря, есть два предположения. В частности, некоторые, как Беат Ренан, считают, что тогдашний галльский язык не имел ничего общего ни с германским,

испорченный текст Плиния, Естественная история 3.120, где вместо (явно правильного) текста *a Sagi fecere Tusci* («этруски сделали из Сага») читалось *Sagi Tusci*, и лексикографическую запись Феста (303 Lindsay) о слове *saga* «старуха-прорицательница».

⁷⁷ Вопрос о природе древнего галльского языка будет в числе проблем, спровоцировавших в XVI–XVII вв. наиболее ожесточенные дискуссии, в аргументации которых отчетливо различим националистический компонент. Видимо, этим и объясняется главная необычная черта данного раздела «Митридата»: если обычно картина описания любого языка сильно искажается из-за тенденции отождествлять язык древних жителей какой-либо территории с языком ее современных обитателей (поэтому валлийский оказывается чем-то вроде «архаической формы» английского языка, см. введение, иллирийский времен Аристофана отождествляется со славянским, см. примеч. 87, и т. д.), то здесь не возникает даже мысли о том, что древний галльский тождествен современной Геснеру *lingua Gallica*, то есть французскому. Вместо этого, кроме коротко упомянутой во вводной фразе версии о древнем галльском как языке-изолате, рассматривается фактически только одна гипотеза — что древний галльский был германским языком. (В рамках не переведенной нами части главы Геснер приводит длинную цитату из Генриха Глареана, In C. Iulii Caesaris... commentarios de bello Gallico, ac Civili Henrici Glareani... annotationes. Lugduni, 1538. P. 17–22, которая начинается такими словами: «Про язык галлов по многим причинам полагают, что это тот, на котором ныне говорит Рейн, и особенно гельветы и рейнские секваны. Ведь, во-первых, известно, что Гай Юлий Цезарь во время галльской войны говорил с галлами через переводчика <например, Цезарь, Записки о галльской войне 1.19.3>. Во-вторых, никто не сомневается, что вот тот язык, на котором сегодня говорит Франция, — римский (Romana), хотя и исковерканный, ибо он до сих пор содержит великое множество слов из древнего галльского языка. Значит, в древности галлы говорили не на французском (Francica) языке, а на другом». Впрочем, в конце раздела «О новейшем галльском языке» Геснер упоминает и очевидный аргумент против этой теории: некоторые античные источники явно различают галлов/кельтов и германцев. О соотношении древнего галльского с живыми кельтскими языками см. примеч. 106.)

Между тем параллельно с выходом «Митридата» как раз наблюдается заметный рост числа французских сочинений националистического характера, спекулирующих на отождествлении французов с кельтами: в 1555 г. выходят «Четыре книги диалогов о происхождении галльского языка и его родстве с греческим» Жоашена Перьона; в 1556 г. — «Пять книг о древней кельтопайде, в которых явлены удивительная ученость и образованность древних галлов, а также доказано, что науки появились в Галлии раньше, чем в Греции или Италии» Жана Пикара (*Tavoni M. Western Europe*. P. 52). Мирко Тавони (*Ibid.* P. 64–65) считает, что последовавшая с этим серия антифранцузских разработок теорий о германской природе древнегалльского языка (вроде «Книг заметок» голландца Адриана Юния (1556), «О переселениях некоторых народов» австрийца Вольфганга Лация (1557), «Антверпенских корней» фламандца Горопия Бекана (1569)) была непосредственной реакцией на тексты Пикара и Перьона, хотя имена оппонентов в перечисленных нами сочинениях никогда не называются. Однако, как можно видеть по тексту Геснера, латентное противостояние характерному для авторов-французов отождествлению своих соотечественников с галлами в целях самовозвеличения вполне можно наблюдать и ранее. Характерно, что оба автора, имена которых во вводной цитате из Себастьяна Мюнстера связывались с «германо-галльской» теорией (причем в специальной форме, делающей акцент на тождестве языка древних галлов-гельветов с гельветами XVI в., то есть германоязычными швейцарцами), Эгидий Тшуди (1505–1572) и Генрих Глареан (Лорити, 1488–1563), — как раз швейцарцы. Вероятно, в текстах Юния, Лация, Бекана и т. д. на самом деле тоже можно найти много следов доперьоновской полемики с кельто-французской теорией (например, переведенный далее пассаж Геснера про имена на -marus явно активно используется Юнием в позднейшей «Батавии»: *Hadriani Iunii Hornani, Medici, Batavia: In qua praeter gentis et insulae antiquitatem, originem, decora, mores, aliaque ad eam historiam pertinentia, declaratur quae fuerit vetus Batavia, quae Plinio, Tacito, et Ptolemaeo cognita: quae item genuina inclytae Francorum nationis fuerit sedes*. Antverpiae, 1587. P. 395–397). С чем эти

ни с французским, которым пользуются сегодняшние галлы, но был отдельным языком. Другие же, как Эгидий Тшуди и Генрих Глареан, полагают, что галлы тогда пользовались германским языком, и прежде всего тем, которым до сих пор пользуются гельветы; и соображения обеих сторон считаются правдоподобными». Себастьян Мюнстер⁷⁸.

Среди наименований растений, приписываемых Диоскориду, упоминается и несколько галльских: например, *bacchar* <т. е. βάκαρ, Диоскорид, О лекарственных веществах 1.10 Wellmann, возможно, смешанное с формой βάκχαρ, появляющейся строкой выше>, то есть копытень, *beliocandas* <гр. βελιόκάνδος, Диоскорид, О лекарственных веществах 4.114 Wellmann>, то есть тысячелистник, *corona* <гр. κόρνα, Диоскорид, О лекарственных веществах 2.177 Wellmann>, то есть мак аргемона, *ducone* <гр. δουκωνέ, Диоскорид, О лекарственных веществах 4.172 Wellmann>, то есть бузина. Также и в книгах Марцелла Эмпирика я нахожу некоторые галльские названия трав, например *ratis*, то есть папоротник <Марцелл Бордоский, О лекарствах 25.37>, *bricutus*, то есть полынь <Марцелл Бордоский, О лекарствах 26.41>, *baditis*, то есть кувшинка <Марцелл Бордоский, О лекарствах 33.63>, а также неизвестных трав: *vernetus* <Марцелл Бордоский, О лекарствах 9.131>, *blutthagio* <Марцелл Бордоский, О лекарствах 10.132>. Также *visumarus*, то есть трилистник <Марцелл Бордоский, О лекарствах 3.9>, *gilarus*, то есть тимьян <Марцелл Бордоский, О лекарствах 11.10>. И кажется, что окончание -agus было распространенным в древнем галльском языке. Ведь мы встречаем и некоторое количество имен собственных на -marus, например имена древних германских царей: *Visomarus*, *Vadomarius* <Аммиан 14.10.1 et al.>, *Chonodomarius* <Аммиан 16.12.1 et al.>, *Rich-*

швейцарцы и Геснер могут полемизировать до выхода книг Перьона и Пикара? Если оставить в стороне менее «научные» тексты Жана Лемэра де Бельжа о греческом происхождении французов, то главным проponentом кельто-французской теории будет активно используемый Геснером Гийом Постель (см., например, примеч. 55, 70): в текстах начала 1550-х («О письменах финикийцев, или О древнем письме латинского и греческого языка и его стародавнем происхождении и использовании», 1552, на латыни; «Памятная история о странствиях галлов, или французов, после потопа...», 1552, на французском) он выступает поборником довольно радикальных теорий, очевидно сформированных под влиянием Анния из Витербо, согласно которым галлы – древнейший народ Европы, некогда правивший повсюду и происходящий непосредственно от Ноя. В издании 1538 г, которое, как мы видели выше, точно использовал Геснер, Постель, правда, высказывается гораздо осторожнее, в том числе признает, что историки отождествляли галлов с германцами (*Guilielmi Postelli Baren. Doleriensis De originibus, seu De Hebraicae linguae et gentis antiquitate, deque variarum linguarum affinitate, liber... P. 102*, текст, фактически печатавшийся под одной обложкой с цитированным выше «Алфавитом двенадцати языков...»; вопрос о соотношении галлов с германцами, надо заметить, действительно очень запутан в античных источниках), и объясняет многочисленные еврейские заимствования пока еще только присутствием евреев во Франции Нового времени (*Ibid. P. 116*). И все же уже из этого текста вполне ясно, что Постель считает французский язык непосредственно происходящим от (великого) древнего галльского, пусть с сильными изменениями, подобными тем, которые Геснер видит в истории английского языка (*Ibid. P. 125*): «Это небольшое количество слов <речь о греческих заимствованиях в древнем галльском> мы сохраняем с тех пор, как наш язык начал приближаться к римской печи (*in affinitatem Romani sermonis transire*)».

⁷⁸ <Münster S.> *Cosmographiae universalis libri VI...* Basileae, 1552. P. 329.

omarius, *Theodomarus*, *Viduarius* <Аммиан 17.12.21>, *Suomarius* <Аммиан 17.10.3 et al.>, *Hortarius* <Аммиан 17.10.6 et al.>, *Rumarus*, *Arabarius* <=*Araharius*, Аммиан 17.12.12 et al.>, *Nodomarius* <Псевдо-Аврелий Виктор, Эпитома о цезарях 42.14>, *Viridomarus* <Цезарь, О галльской войне 7.38>, и *Gelimeris*, царь вандалов. Да и те, которые сейчас в ходу: Отмар или Оттомар, Детмар, Гинкмар, Данкмар, Друтмар. И скорее всего большинство этих имен двусоставные, и значение первой части в большинстве случаев непонятно, а вторая часть — это *marus*, или *marcus*, то есть «конь». Ведь и греки в конце многих имен собственных ставили «коня», словно признак знатности (как свидетельствует Аристофан в «Облаках» <63–64>), например в именах Филипп, Ктесипп, Спевсипп, и т.д. Но Авентин производит *-mar* или *-meer* от увеличения, которое по-немецки называется *meeren*⁷⁹<...>

ОБ ИЛЛИРИЙСКОМ, ИЛИ САРМАТСКОМ, ЯЗЫКЕ⁸⁰

«Московиты (*Moschovitae*) пользуются иллирийским языком и иллирийскими буквами, как и славяне (*Slavi*), далматы, чехи (*Bohemi*), поляки и литовцы⁸¹. Про него говорят, что он распространен гораздо шире всех прочих. Ведь он в ходу в Константинополе при османском дворе, а с недавних пор и в Египте у султана Мемфиса и среди рыцарей-мамлюков ему стали внимать понимающими ушами⁸². На этот язык переведено множество священных книг, прежде всего стараниями святых Иеронима⁸³ и Кирилла. Также, кроме отеческих летописей, они хранят запечатленной этими буквами память об Александре Великом и римских цезарях, а также Марке Антонии и Клеопатре⁸⁴.

⁷⁹ *Annalium Boiorum libri septem Ioanne Aventino autore*. Ingolstadii, 1554. P. 19 (cp. также P. 11 s.v. Bre-it). *Сергеев М. Л.* (Комментарий к рассмотрению галльских имен в «Митридате» (1555) Конрада Геснера // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIV / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2010. Ч. 2. С. 295) отмечает странность этого пассажа: Геснер даже не удосужился привести собственно кельтские имена на -mar, а сразу перешел к германским примерам! Вероятно, он так твердо был убежден, что это просто одно и то же; о возможной полемической составляющей проявляющейся здесь позиции Геснера см. примеч. 77.

⁸⁰ В этом разделе у Геснера собраны все славянские языки, которые он считает диалектами одного языка. Мы опускаем середину этой большой главы, состоящей почти полностью из цитат из сообщений о славянских языках различных авторов XVI века (Мацея Меховского, Зигмунда Герберштейна, Виллибальда Пиркхеймера, Иоганна Авентина, Сигизмунда Геления).

⁸¹ С точки зрения современной науки литовский не относится к славянским языкам.

⁸² Переводим имперфект (*purer... audiebatur*) как начинательный. Недавние изменения, о которых может идти речь, могут быть связаны с захватом Египта османами в 1517 г. (хотя детали непонятны).

⁸³ О распространенных у южных славян легендах о переводах св. Иеронима на славянский (примешалась, видимо, роль Иеронима в переводе Библии на латынь) см. ниже примеч. 98.

⁸⁴ Славянские переводы «Романа об Александре» были распространены в XII–XV вв.; римская история излагается в различных древнерусских «хронографах», в славянских переводах греческих хроник. Однако вместе три названных Джовио сюжета упоминаются подряд (хотя и очень коротко) в начале «Сказания о князьях владимирских» (XVI в.), где доказывается преемственность русских великих князей по отношению к Октавиану Августу, и этот текст, вероятно, как раз связан с дипломатическими спорами 1510–1520-х гг.,

А вот философии и науки о звездах, и прочих наук, и рациональной медицины⁸⁵ они совсем не касались». Паоло Джовио⁸⁶.

<...>

Οἱ δὲ βάρβαροι θεοὶ Πεινῶντες ὥσπερ Ἰλλυριοὶ κεκρίγότες <«А боги-варвары, от голода вереща, словно иллирийцы...»>. Аристофан в «Птицах» <1520–1521>, из-за какого-то звука их речи высмеивая иллирийцев как κεκρίγότες, то есть «верещащих» и варваров⁸⁷.

*Молитва Господня на чешском языке (sermone Bohemico), который считается более культурным, чем прочие диалекты (dialecti) этого языка*⁸⁸

Otozie nass, genz sy na nebesich.
Oszwiet se meno twe.
Przid kralowsiwii twe.
Bud wule twa yakona nebi, tak y na zemi.
Chleb nasz wezdeyssi dey nam dnes.

в рамках которых обсуждалось право русских правителей носить титул «царь» (Дмитриева П. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 102–105). Поскольку цитируемый Геснером текст Паоло Джовио («О посольстве московитов») посвящен посольству Дмитрия Герасимова к папе Клименту VII в 1525 г., то логично предположить, что рассказ Герасимова итальянскому епископу о русской словесности заключался всего лишь в сообщении, что есть такой текст — «Сказание о князьях владимирских»; А. Л. Гольдберг (Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 30. Л., 1976. С. 204–216) даже доказывает, что сам Герасимов и был автором первоначальной версии «Сказания...».

⁸⁵ Какой медицине Джовио противопоставляет «рациональную», по-видимому, должно быть ясно из продолжения его оригинального текста: «...и медиками у них величают себя те, кто претендует на то, что многократно наблюдал свойства какой-нибудь травки, известной немного менее прочих».

⁸⁶ *Pauli Iovii Novocomensis De legatione Moschovitarum libellus ad Ioannem Rufum Archiepiscopum Constantinum* // *Novus orbis regionum ac insularum veteribus incognitarum, una cum tabula cosmographica, et aliquot aliis consimilis argumenti libellis, quorum omnium catalogus sequenti patebit pagina. His accessit copiosus rerum memorabilium index. Parisiis, 1532. P. 478* (существует русский перевод: *Герберштейн С. Записки о московитских делах; Иовий Новокомский П. Книга о московитском посольстве* / пер. А. И. Малеина. СПб., 1908; соответствующее место в этом издании см. на с. 270–271).

⁸⁷ Заканчивает ряд сообщений о славянских языках Геснер фразой Аристофана, относящейся к иллирийскому языку (разумеется, не славянскому). Такое искажение перспективы связано с латинской традицией называть территории и народы Европы Нового времени именами народов, обитавших на тех же местах в античности (например, голландцы по-латински называются *Batavi*, французы — *Galli*). Такая манера создает ощущение преемственности, важное прежде всего для облагораживания собственного образа, но вносящее большую путаницу в представления о языке (например, не ясно, имеет тогда «галльский язык» отношение к французскому или нет). Именно поэтому оказывается противоречивым описание языков Британии, данное Геснером: валлийский («древний британский») и английский — это вроде бы и разные исторические состояния одного и того же языка (Британию завоевали англы, и «древний британский» изменился под влиянием языка завоевателей), и в то же время разные языки (поскольку «древний британский» продолжает существовать наряду с английским): см. вступление.

⁸⁸ В этой записи *zí*, очевидно, передает чешское *č* (Otoče), двойное *s* (или иногда *sz*, которое, однако, иногда соответствует просто *s*, например *nas*) — чешское *š* (*naš, vezdejší, naše, otpouštíme, našim, pokušení*),

Y odpust nam nasse winy, yako y my odpausstime nassim winikom.
Y ne uwod nasz do pokussenii.
Ale zbaw nas od zleho. Amen.

Она же по-иллирийски, или по-славянски⁸⁹, из книги Варфоломея Джорджевича об угнетении христиан под властью турок, напечатанной в Вормсе в 1545 году⁹⁰, в начале которой написаны также и другие вещи, относящиеся к этому языку

Otcse nasz ky iessi na nebeszi,
Ssuetisse ime tuoie.
Pridi tuo kralyeuss.
Budi uolia tuoia, kako na nebu, i na zem lii.
Kruha nassega ssagdaniega dai namga danasz.
I odeuscia nam dughe nasse, kako i mi odpusciauam dusnikon nassim.
I nepeliai nats u napast, da izbaui nats od napriaz ni. Amen.

Она же по-польски⁹¹

Ocziecz⁹² nasch ktory iestosz wnyebye,
Swycz sie gymye twa^e.
Przydzy twa^e kroliestwo.
Bandz wolya twa, yako wnyebi, y na zemlii.
Chlieb nasch pow schedny day nam dzy say.
A odpuszcz nam uyny nascha, yako y my odpuszczamy wynowaytzom naschym.
Nyewodz nasz napokuschenye.
Alye zbaw nasz od zlego. Amen.

rz – чешское ř (přid – явный полонизм, распространенный в чешской орфографии до Гуса, Pognan P. Histoire de l'écriture et de l'orthographe tchèques // Histoire Épistémologie Langage. Vol. 21. 1999. P. 41). Никак не отражена палатализация, упрощенно передаются чешские гласные (см. комментарии Р. Шкардовой в Gessner C. Mithridate... P. 226, n. 63).

⁸⁹ Согласно С. В. Власову (Gessner C. Mithridate... P. 227, n. 65), речь идет о каком-то южнославянском койне, смешивающем признаки церковнославянского, хорватского и словенского. Геснер несколько модифицирует текст Джорджевича (местами заменяет ss на sz, разделяет слово *nepriazni* на два слова *nepriaz ni*, а также *zemlii* на *zem lii*; сложнее объяснить более серьезные изменения – геснеровскому *tuo kralyeuss* соответствует у Джорджевича текст *kralyeusstuo tuoie* (гаплогия?), геснеровскому *odeucia nam* соответствует у Джорджевича *odpuscianam*, геснеровскому *odpusciauam* соответствует у Джорджевича *odpusciato* (влияние *odpuscianam* из начала фразы?).

⁹⁰ Варфоломей Джорджевич (1506–1566), скорее всего словенец, бежавший из турецкого рабства. Его сочинения о турках и их отношениях с христианами активно переводились на разные европейские языки.

⁹¹ Снова никак не отражена палатализация и упрощенно передаются польские гласные, слово *dzi-sia* оказалось раздробленным на два слова *dzy say*, слово *powszedni* – на два слова *pow schedny* (см. комментарии Т. Мисюрного в: Gessner C. Mithridate... P. 228, n. a).

⁹² Номинатив вместо ожидаемого вокатива. В издании 1555 г. явно читается *Ocziecz*, а не *Oeziecz*, и *Nyewodz*, а не *Nycwodz*, как прочитывает Т. Мисюрный (Gessner C. Mithridate... P. 228).

Чех Сигизмунд Гелений⁹³ издал «Симфонный лексикон», напечатанный в Базеле, в котором он соотносит между собой слова латинского, греческого, немецкого (Germanicae) и илирийского языков, какие у них общие, у двух из них, или у трех, или у четырех⁹⁴. А еще недавно вышла в Нюрнберге книжка о чешском языке⁹⁵.

Иосиф Юст Скалигер

ДИАТРИБА О ЯЗЫКАХ ЕВРОПЕЙЦЕВ

Языками-матками (linguas matrices) мы можем назвать те языки, из которых, подобно отпрыскам (propagines), вышло (deductae sunt) множество диалектов (dialecti)⁹⁶. Отпрыски одного языка-матки некоторым образом связаны между собой, между самими же матками никакого родства нет, ни в словах, ни в аналогии (in analogia). Так что пусть у нас будут матки такие, которые во всем между собой различаются, каковых не более 11 сейчас существует в Европе, и 4 из них самые влиятельные, а остальные 7 значительно слабее. Так что эти 4 мы назовем большими матками, а остальные — меньшими.

Одни и те же слова заставляют думать, что речь идет об одном языке, но перестановка (traiectio), изменение (immutatio) и склонение (inflexio) одних и тех же слов⁹⁷ производят разные отпрыски. Ведь итальянский,

⁹³ *Sigismundus Gelenius*, латинский вариант имени Зикмунда Грубого из Елени (1497–1554), чешского гуманиста, издававшего ряд античных текстов (Тертуллиана, «Перипл Эритрейского моря») и переведшего на чешский «Похвалу глупости» Эразма Роттердамского.

⁹⁴ «Симфонный лексикон, в котором указывается на согласие и созвучие четырех семей (familiarum) языков Европы, то есть греческой, латинской, германской (Germanicae) и славянской (Sclavinicae)», 1537.

⁹⁵ Как указывает К. Агачи (*Gessner C. Mithridate... P. 228, n. b*), речь идет о «Чешской грамматике» Бенеша Опата, Петра Гзела и Вацлава Филоматеса, впервые вышедшей в 1533 г. в Намеште и в 1543 г. переизданной в Нюрнберге.

⁹⁶ Какую образность подразумевает этот язык Скалигера? Глагол *deduco*, видимо, употреблен просто в значении «проистекания из чего-то» и ничего не поясняет, а другие два образа — *matrices* и *propagines* — допускают двойную трактовку в рамках классической латыни: речь идет либо о дереве, от которого берутся отводки, и самих отводках (получается более технический смысл, но, во-первых, слово *matrix* употребляется таким образом только в одном классическом контексте — Светоний, Август 94, — а во-вторых, метафора понятна не до конца: что тогда соответствует дереву, к которому прививаются отводки?), либо о животном-матке и его детенышах.

⁹⁷ Следует ли видеть в этих трех пунктах классификацию языковых изменений? Параллели с похожими классификациями — например, искажений текста в текстологической теории (см. главу 11, примеч. 23) — создают такое искушение (тогда первые два пункта следует понимать как соответственно перестановку звуков внутри слова и замену их на другие), но непонятно, как конкретно понимать последний пункт (речь явно идет не о «склонении» в том смысле, в каком этот термин употребляется в грамматике, а просто о каком-то «отклонении» слова от исходного состояния — возможно, об особенно актуальном для романских языков изменении окончания или вообще морфологии?), и список выглядит очень неполным (следует ли считать, что выпадение и добавление звуков включены в «изменение»? почему тогда такое особое место выделено для метатезы?).

испанский и французский мы вместе называем латинским, хотя в каждом из трех произошли свои изменения (*immutatum est*): например, латинское *GENER* у итальянцев будет *GENERO*, у испанцев *YERNO*, у французов *GENDRE*. Если смотреть на происхождение, то у всех оно латинское, а если на различие, то каждый из этих народов настаивает на собственных правах. Так что мы можем выбрать одно слово матки, общее для всех отпрысков, или диалектов, чтобы назвать по этому слову саму матку. Пусть такими четырьмя словами будут *DEVs*, *ΘΕΟΣ*, *GODT* и *BOGE*, ярлыки четырех больших маток: латинской, греческой, немецкой (*Teutonica*) и славянской. Они, как я сказал, широко простираются, затмевая остальные семь.

У языка *BOGE* две письменности: русская (*Rutenica*), или московитская, представляющая собой искаженную греческую, с таким же числом букв и почти таким же начертанием, с добавлением немногих варварских знаков; и далматская, она же иеронимовская, с таким же значением и таким же числом букв, но по начертанию очень сильно отличающаяся от первой⁹⁸. И даже переводов Священного Писания два, русский, более новый, и иеронимовский, более древний⁹⁹. Из этой матки, или языка, *BOGE* проистекло много отпрысков: русский, польский, чешский (*Bohemica*), иллирийский, далматский, вендский (*Windica*)¹⁰⁰ и другие, которые кто угодно может добавить.

У матки *GODT* основных отпрысков, или наречий (*idiomata*), три: немецкое (*Teutonismus*), саксонское (*Saxonismus*) и датское (*Danismus*)¹⁰¹. И немецкое также включает в себя два наречия, верхненемецкий (*superior Teutonismus*), язык *Wasser*, и нижненемецкий (*inferior Teutonismus*), или язык *Water*; и остальные два наречия и сами тоже языки *Water*. А у саксонского отпрыски — диалекты нордальбингов и фризов, а также англо; но английский (*Anglismus*) и шотландский (*Scotismus*) — это диалекты древних нордальбингов

⁹⁸ Второй из описываемых видов письменности — сохранявшаяся в Далмации (то есть Хорватии) глаголица, изобретение которой в Европе XVI в. приписывали св. Иерониму (видимо, потому, что он был родом из Стридона в Далмации). Эта легенда прослеживается по крайней мере до XII века, и ее возникновение, вероятно, можно связать с попытками южных славян оправдать язык используемых священных книг и богослужения в глазах католической церкви (*Ягич И. В. Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3: Графика у славян. СПб., 1911. С. 51–52*).

⁹⁹ Скорее всего, речь просто о том, что Скалигеру было известно о существовании славянской Библии и на глаголице, и на кириллице (и, возможно, также о работе по кодификации Библии на Руси).

¹⁰⁰ В XVII в. эти термины, видимо, должны иметь примерно такое (хотя очень размытое) значение: «иллирийский язык» — штокавский и чакавский диалекты хорватского языка, «далматский язык» — кайкавский диалект хорватского языка, «вендский язык» — протословенский язык (*Fine J. V. A. When Ethnicity Did Not Matter in the Balkans: A Study of Identity in Pre-Nationalist Croatia, Dalmatia, and Slavonia in the Medieval and Early-Modern Periods. Ann Arbor, 2006. P. 459–461*).

¹⁰¹ Любовь к образованиям на *-ismus* для обозначения языка связана, видимо, с греческим понятием Ἑλληνισμός, обозначавшим в античности правильное использование греческого языка; ср. примеч. 37 к главе 5.

и тюрингов¹⁰². У датского наречия три варианта: язык пограничных данов, которых называют Denemarki; язык южных данов, которых называют сведан (Suedan), шведами (Suedi) и свеонами (Sueones) от слова «юг»¹⁰³; и наконец, язык северных данов, которые называются нордан (Nordan), норманнами (Normanni) или норвегами (Norvegi). От их наречия произошло (propagatum est) современное исландское, которое норвежцы понимают в такой же степени, как немцы (Germani) голландский язык (Hollandica lingua), а французы — итальянский.

Матка DEVS породила итальянский, французский и испанский. Все вместе они называются романцы (Romansae), то есть романские (Romanenses) или римские (Romanae): это название ввели победившие варвары. Ведь в законах их различается два варианта положения свободных людей: хуже положение римлян, как у латинян было в Риме. Во Франции некогда франки и бургунды, в Италии — лангобарды, в Испании — готы отделялись от римлян, как квириды от латинских граждан. Поэтому Лиутпранд отличает германскую Галлию (Tiotiscam Galliam) от римской (Romana)¹⁰⁴.

У матки ΘΕΟΣ много наречий, и это не удивительно, если учесть расстояния между таким большим числом островов, которые как географически сильно удалены друг от друга, так и контактируют между собой мало.

Это я говорил до сих пор о 4 больших матках.

Остальные семь меньших — это:

Эпирская, которую мы называем албанской, в горах Эпира, где народ «ожесточеннейший рвением к войне» <Вергилий, Энеида 1.14>, аборигены или пришлые, непонятно;

Вторая — казачья (Casacorum) и перекопская (Praescopiensium), то есть татарская (Tartarica);

Третья — венгерская, которую принесли¹⁰⁵ из Азии в Европу два жесточайших народа, гунны и авары;

Четвертая — финская (Finnonica), отпрыском которой является саамский язык (lingua Laponica), в северной части шведской Скандинавии;

¹⁰² *Sed Saxonismi propagines sunt Nord-Albingorum et Frisiorum, item Anglorum dialectus: quae tamen veterum Nord-Albingorum et Turingorum dialecti sunt Anglismus et Scotismus.* Вероятно, эту темную фразу нужно понимать так, как ее перевели мы (т.е. она поясняет, какое отношение языки Британии могут иметь к саксонскому: некогда их носители тоже жили на территориях Саксонии), а не так, как в работе Schmidt-Riese R. *Ordnung nach Babylon: Frühneuzeitliche Spracheninventare in Frankreich und «Deutschland» // Sammeln, Ordnen, Veranschaulichen: Zur Wissenskompilatorik in der Frühen Neuzeit / hgb. von F. Büttner, M. Friedrich, H. Zedelmaier. Münster, 2003. S. 73* (английский и шотландский — субдиалекты нордальбингского диалекта саксонского языка).

¹⁰³ Вероятно, имеются в виду германские слова, обозначающие юг, вроде шв. *söder* или *syd*; эта этимология явно вдохновлена аналогией с прозрачной этимологией названия норвежцев от слова «север».

¹⁰⁴ Антаподосис 14: *quam Romanam dicunt Franciam* («Францию, которую называют римской»); 16: *Franciam quam Romanam dicunt* («Францию, которую называют римской»).

¹⁰⁵ Переводим по собственной конъектуре *transtulerunt* вместо *transierunt*.

Пятая — ирландская (*Hirlandica*), частью (*pars*) которой является тот язык, которым ныне пользуются лесные шотландцы;

Шестая — древняя британская, в горах Англии¹⁰⁶, а также во французской Арморике; французы называют этот язык бретонским (*lingua Bretonnans*);

Седьмая — у кантабров, которых французы и испанцы называют басками (*Biscainos*), это остатки древнего испанского языка; простирается он на протяжении, самое меньшее, семи дней пути по обе стороны Пиренеев, от области Байонны; эти территории в землях тарбеллов называют лапурдскими Си-доний <Письма 8.12.7> и другие древние.

Вот 11 маток, не связанные между собой никакими узами родства, и их поделили между собой Римская и Константинопольская церкви; а письменное сообщение пяти родов: латинскими буквами, греческими, иеронимовскими, русскими и готскими. Ведь и у самих древних готов есть свои буквы, и богослужение у них вообще по греческому обряду, но на древнем готском языке — а в быту они обычно говорят по-немецки (*Teutonissant*)¹⁰⁷.

¹⁰⁶ То есть валлийский, см. вступление. На взаимное родство валлийского и бретонского («шестой меньшей матки» Скалигера) с одной стороны и ирландского и гэльского («пятой меньшей матки» Скалигера) с другой стороны, а также древнего галльского языка (см. примеч. 77 по поводу споров о его природе) впервые, как считается, указал только в 1707 г. Эдвард Ллуйд: *Lhuyd E. Archaeologia Britannica, Giving Some Account Additional to What Has Been Hitherto Publish'd, of the Languages, Histories and Customs of the Original Inhabitants of Great Britain: From Collections and Observations in Travels through Wales, Cornwall, Bas-Bretagne, Ireland and Scotland. Vol. I.: Glossography. Oxford, 1707.*

¹⁰⁷ Скалигер соединяет вместе ходившие в XVI в. (на самом деле уже и до знаменитых «Турецких писем» Ожье де Бусбека — см.: Ганина Н.А. Крымско-готский язык. СПб., 2011. С. 81–87) сведения о сохранившихся в Крыму «грецизованных» готах, в быту говорящих на германском языке, с информацией о новооткрытом «Серебряном кодексе», содержащем отрывки Евангелий в переводе Ульфила. Что Скалигер прекрасно знал о публикации Бонавентуры Вулканиа (де Смента), подтверждается уже тем, что он сам написал для нее посвяtitельное стихотворение, исполненное восхищения адресатом: *Naso Tomitanae didicit vetus incolae terrae/Barbara Romanis nectere verba modis./At tu docturos gentem sua verba Latinam,/Vulcani, gelido promissis ab axe Getas./Contingit nostro, quod nullo contigit, aevo,/Vertere Hyperboreo verba Latina sono./Nec facere hoc poterat, quod Naso fecerat olim./Quam qui Nasonis corque animumque gerit*, «Назон, древний житель земли Том, научился сплетать варварские слова под римские напевы — а ты, Вулканий, приводишь из-под холодного неба гетов, чтобы они учили своим словам латинский род. Выпало нашему веку то, что не выпадало никакому другому: переводить латинские слова на гиперборейский лад. И того, что сделал некогда Назон, не мог бы сделать никто, кроме того, у кого в груди сердце и душа Назона» (*De literis et lingua Getarum, sive Gothorum; Item De notis Lombardicis; Quibus accesserunt Specimina variarum linguarum, quarum indicem pagina quae praefationem sequitur ostendit: Editore Bon. Vulcanio Brugensi. Lugduni Batavorum, 1597. Fol. *1v*). Вулканий устанавливает связь публикуемого им текста с придуманными Ульфилой готскими письменами и посвящает отдельный раздел книги связям с крымскими готами (*Ibid.* P. 49–53). В результате получается, что Скалигер говорит о «древних готах» в настоящем времени (подразумевая их тождество с крымскими готами) и приписывает им богослужение на готском языке (раз есть богослужебные тексты на готском), причем распространенное в XVI в. утверждение, что крымские готы пользовались подобием немецкого в быту, у Скалигера получает искаженный смысл: оказывается, не в быту они пользовались не татарским или греческим, а древним языком «Серебряного кодекса». Рунические надписи (одна из которых сообщена, опять же, Иосифом Скалигером: *Ibid.* P. 46) Вулканий относит к готским письмам — видимо, поэтому руны не упомянуты отдельно в списке Скалигера; кроме того, Скалигер, видимо, ошибочно считал, что и «Серебряный кодекс» написан рунами: см.: *Jonge de H. J. J. Scaligers Nachrichten über den Codex Argenteus in Heidelberg//Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1977. Vol. 39. P. 285–294.*

Часть II

ТЕКСТОЛОГИЯ

Глава 7

Катулл Антонио да Леньяго: рукопись XIV века как издание текста

(М. В. Шумилин)

Главная задача текстологии как дисциплины — издание текстов. Поэтому для настоящего ее расцвета как научной дисциплины, конечно, требовалось изобрести книгопечатание. Тем не менее полагать, что до распространения печати текстологии совсем не существовало, было бы неверно. Специальная подготовка текста для издания учеными была вполне известна античности¹, и, хотя средневековый переписчик не всегда был озабочен качеством производимого текста, он на самом деле часто все-таки проводил подготовительную работу, по крайней мере в виде сверки текста, переписанного с одной рукописи, с другой рукописью². Более изощренный вариант правки текста на основе рукописей подразумевает выбор среди рукописей и поиск лучших среди них. Такой подход не был универсально принятым³, но, хотя затрудненность обмена информацией в Средние века сильно мешала ему, сама идея, что нужно искать хорошие рукописи, все же существовала. Уже в IX в. Серват Луп Феррьерский разыскивал лучшие рукописи Цицерона⁴.

¹ См.: Pfeiffer R. *History of Classical Scholarship: From the Beginnings to the End of the Hellenistic Age*. Oxford, 1968; Zetzel J. E. G. *Latin Textual Criticism in Antiquity*. New York, 1981.

² X. Готофф (*Gotoff H. C. The Transmission of the Text of Lucan in the Ninth Century*. Cambridge (Massachusetts), 1971) показывает, что такая сверка была стандартной процедурой в каролингских скрипториях в IX в. Получающееся в результате «перемешивание» чтений из разных ветвей рукописной традиции называют контаминацией. Готофф высказывает предположение, что в это время писцы вообще не вносили сами никаких поправок и слепо фиксировали видимый текст, каким бы бессмысленным он ни был, проявляя, таким образом, своего рода научную верность эмпирическому материалу. Дж. Б. Холл (*Hall J. B. Introduction // Claudian. De raptu Proserpinae / ed. by J. B. Hall. Cambridge, 1969. P. 62–63*) убедительно показывает, что практика сверки рукописей друг с другом и контаминация дожили до XIV–XV вв. в практически неизменном виде, — может быть, лишь с поправкой на меньшую систематичность сверки и более вольное обращение с текстом.

³ Например, судя по *Gotoff H. C. Op. cit.*, в каролингских скрипториях для сверки часто использовались случайные рукописи.

⁴ См.: Beeson C. *Lupus of Ferrières as Scribe and Text Critic*. Cambridge (Massachusetts), 1930; на русском языке см.: Жильсон Э. *Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века* / пер. А. Д. Бакулова. М., 2004. С. 168–169.

Еще одна возможность работы над текстом – правка испорченных при переписывании мест без помощи дополнительных рукописей, «по догадке», «из головы» («конъектура», «эмендация»)⁵. Существовавшая уже в античности, конъектуральная практика, по-видимому, несколько теряет популярность в раннее Средневековье, но позже опять распространяется даже среди рядовых переписчиков.

Все эти методы были прекрасно знакомы гуманистам допечатной эпохи. Они довольно активно занимались поиском рукописей (наиболее знаменит этим, конечно, Франческо ди Поджо Браччолини, 1380–1459), и, хотя их интересовали прежде всего новые тексты⁶, понятие лучшей рукописи интеллектуалам этого времени было в принципе знакомо – тому может служить подтверждением приводимый ниже текст Антонио да Леньяго.

Равным образом, гуманисты много занимались и конъектуральной правкой. В некоторых случаях мы можем определить принадлежность рукописи тому или иному гуманисту и таким образом выяснить, какие исправления внесены им самим. Конечно, текст мог исправляться по другой рукописи, но можно говорить о конъектурах с определенной степенью надежности, по крайней мере, в тех случаях, когда нам известно, что текст не был широко распространен и заимствовать варианты текста было особенно неоткуда. Например, рукопись Лукреция А (Vaticanus lat. 3276), видимо, содержит конъектуры Панормиты (Антонио Беккаделли, 1394–1471)⁷, а рукопись Валерия Флакка М (Monacensis lat. 802), вероятно, конъектуры Джованни Понтано (1426–1503)⁸; рукопись Катулла R (Vaticanus Ottobonianus lat. 1829) правлена рукой Колуччо Салутати (1331–1406)⁹, и т.д. Уже Франческо Петрарка (1304–1374) выписывал на полях имевшихся у него книг, наряду с вариантами текста, почерпнутыми из других рукописей, собственные эмен-

⁵ Слово «эмендация» (*emendatio*) означает «исправление», «устранение ошибки»; глагол *emendo* используется как термин, обозначающий текстологическую правку (но не обязательно «из головы»: значение сузилось таким образом только в XIX или XX в.), уже в античности (особенно у Авла Геллия: Аттические ночи 1.7.3, 18.5.11; уже Марциал, похоже, обозначал этим словом исправление «опечаток» в собственных изданиях, см.: Cameron A. *Callimachus and His Critics*. Princeton, 1995. P. 116–117), потом вслед за Авлом Геллием в Новое время (глагол встречается как термин по крайней мере уже у Поджо: Pfeiffer R. *History of Classical Scholarship: From 1300 to 1850*. Oxford, 1976. P. 32; существительное *emendatio* употребляется по крайней мере уже Лоренцо Валлой). В таком же значении употреблялись еще слова *corrigo* («выправлять», уже в XIV в., например в переведенном ниже тексте), *castigo* («вычищать», видимо, с XV в.). Слово «конъектура» (*coniectura*) значит буквально «догадка» и обозначает исключительно исправления «из головы». Термином оно становится позднее, видимо, уже в XVI в., причем сначала служит для обозначения скорее способа исправления (*coniectura corrigo*, «исправить по догадке»), чем самих исправлений.

⁶ См.: Sabbadini R. *Le scoperte dei codici latini e greci ne' secoli XIV e XV*. Firenze, 1905.

⁷ См.: Reeve M. *Lucretius in the Middle Ages and Early Renaissance: Transmission and Scholarship* // *The Cambridge Companion to Lucretius* / ed. by S. Gillespie and P. Hardie. Cambridge, 2007. P. 205–213.

⁸ C. *Valeri Flacci Setini Balbi Argonauticon libro octo* / ed. O. Kramer. Lipsiae, 1913. P. XXIX.

⁹ Gaisser J. H. *Catullus and His Renaissance Readers*. Oxford, 1993. P. 20.

дации, как видно по принадлежавшему ему экземпляру Ливия (Harleianus 2493). Позднее тем же самым экземпляром владел Лоренцо Валла (1407–1457), добавивший туда собственные пометки¹⁰. Валла, кроме того, написал в виде отдельного сочинения «Исправления к шести книгам Тита Ливия о Второй Пунической войне» (1440-е). О сознательном отношении к деятельности по выправлению текста свидетельствуют и письма Поджо Браччолини: «Тот, кто переписывал эти книги, был самым невежественным человеком из всех живших, там нужно гадать, а не читать, и потому необходимо было, чтобы их переписал еще раз человек образованный. Я дочитал до XIII книги Силия, многое поправил, так что правильно пишущему (*recte scribenti*) теперь легко вычислить похожие ошибки и исправить их в остальных книгах. Поэтому позаботься, чтобы их переписали, а потом отправь во Флоренцию к Никколо <Никколи>»¹¹.

Итак, все три названных нами вида деятельности – сопоставление текста с другими рукописями, поиск лучших рукописей и правка «из головы» – были вполне в ходу среди образованных людей XIV–XV вв. Однако это, к сожалению, не приводило к распространению хороших текстов. Причин тому несколько. Во-первых, даже если бы кто-то из гуманистов и создал абсолютно взвешенную реконструкцию древнего текста, то, насколько распространятся предложенные им чтения, в условиях отсутствия книгопечатания зависело бы в очень большой степени от случая. Создать единый *reference text*, стандартный, общепринятый и лучший вариант текста, было невозможно, потому что никакая новая рукопись не воспроизводила текст рукописи-источника в точности. И провести такую работу над текстом, которая предполагала бы совместные, единонаправленные и накапливающиеся усилия многих ученых (как это обстояло в текстологии позднейших эпох), было невозможно. Во-вторых, коммуникация между образованными людьми все же не была настолько хорошо организована, чтобы легко было обозреть все известные рукописи автора и сделать взвешенный выбор между ними, когда текст был широко распространен, или, наоборот, просто найти нужную рукопись удовлетворительного качества, когда приходилось иметь дело с редким текстом.

Выбранный нами для настоящей антологии текст иллюстрирует последний случай. Катулл был одним из авторов, в XIV в. фактически открытых заново. К XV в. он уже получил какое-то распространение, но знали его все равно в основном по выдержкам во флорилегиях, и даже уже упоминавшийся нами Панормита, по-видимому, так и не смог стать обладателем полного Катулла¹², хотя и писал в «Гермафродите» (1425):

¹⁰ Pfeiffer R. History of Classical Scholarship: From 1300 to 1850. P. 8.

¹¹ Письмо 1417 г. к Франческо Барбаро, цит. по: Phillimore I. S. Praefatio ad editionem secundam // P. Papini Stati Silvae / rec. I. S. Phillimore. Oxonii, <1921>. P. vii–viii. Речь идет о рукописях, содержавших «Пунику» Силия, «Астрономику» Манилия и «Сильвы» Стация.

¹² Gaisser J. H. Op. cit. P. 21.

Ardeo, mi Galeaz, mollem reperire Catullum,
 Ut possim dominae moriger esse meae.
 Lectitat illa libens teneros lasciva poetas,
 Et praefert numeros, docte Catulle, tuos.
 Nuper et hos abs me multa prece blanda poposcit,
 Forte suum vatem me penes esse putans.
 Non teneo hunc, dixi, mea lux, mea nympha, libellum;
 Id tamen efficiam: forsan habebis opus.
 Instat, et omnino librum me poscit amicum,
 Et mecum gravibus nunc agit illa minis.
 Quare ego, per superos omnis, o care sodalis
 (Sic precibus lenis sit Cytharea tuis!),
 Te precor atque iterum precor: id mihi quaere libelli,
 Quo fiam nostrae gratior ipse deae.

«Я жажду, мой Галеаццо, отыскать изнеженного Катулла, чтобы я мог угодить моей госпоже. Она в своей игривости охотно почитывает любовных поэтов, и больше всего ей нравятся твои стихи, Катулл. И вот давеча она стала ласково выпрашивать их у меня многочисленными мольбами: видимо, думала, что у меня ее любимый поэт имеется. Я говорю: «Нет у меня, свет мой, нимфа моя, этой книжки; но всё сделаю: глядишь, и получишь еще ее». А она не успокаивается и все неотступно требует у меня желанную книгу, и уже перешла к серьезным угрозам. Поэтому я молю и еще раз молю тебя всеми богами, о дорогой приятель (пусть и к твоим мольбам не будет сурова Киферея): найди для меня эту книжку, чтобы я сам благодаря ей стал милее для моей богини!» (Панормита, Гермафродит 2.23).

В рукописи Катулла, обозначаемой G (Parisinus lat. 14137), мы находим любопытную запись. Ниже мы переведем ее полностью (ее иногда называют по первым словам *Tu lector*, «Ты, читатель»). Функционально это уже почти предисловие (или, точнее, послесловие) к рукописи, мыслимой как издание. Кроме того, несмотря на краткость записи, в ней хорошо видны как достаточно высокая техника работы с текстом (в данном случае основным методом такой работы «издатель» мыслит сверку рукописей, и понятие лучшей рукописи автору записи знакомо), так и отчаяние беспомощности, преодолеть которую с помощью избранной техники переписчик все же оказывается не в состоянии. Все же для возникновения настоящей текстологии книгопечатание было необходимо.

В рукописи указана дата: 19 октября 1375 г., «когда помирал Кансиньорио». Считается, что переписчиком был Антонио да Леньяго (Antonius de Leniaco), канцлер веронского правителя Кансиньорио дела Скала¹³. Мы располагаем некоторыми сведе-

¹³ Атрибуция принадлежит Джузеппе Биллановичу и стала общепринятой. См.: Catullus / ed. with a comm. by D. F. S. Thomson. Toronto; Buffalo; London, 1997. P. 30–33; *Catul. Poesies* / ed., intr. e not. d' A. Seva. Barcelona, 1990. P. 94–95.

ниями об Антонио¹⁴. Он родился в первой половине XIV в. в простой семье (*genere vilicus*), но сделал хорошую карьеру, учился в Университете Падуи и, по-видимому, преподавал там грамматику, стал придворным и дипломатом в Вероне при Кансиньорио. Известна созданная в 1368 г. рукопись трагедий Сенеки (*Laurentianus 37.6*), которой владел да Леньяго¹⁵. Кроме того, сохранилось два письма Антонио. Одно адресовано королю Германии и Чехии Вацлаву IV и содержит увещания не оставлять заботу о церкви и о папе Урбане VI. Адресатом другого (от 5 декабря 1378 г.) является некий Пьетро из Равенны. В нем Антонио, объясняя, почему он до сих пор не вернул Пьетро «книжку, весьма им ценимую»¹⁶, рассказывает о посещении могилы Данте в Равенне и о своем пребывании в Риме и выражает сожаление о состоянии Города и надежды на возрождение древнего блеска в правление Урбана VI. Сохранился также один сонет Антонио, написанный на вольгаре¹⁷.

Дата 19 октября 1375 г. была довольно значимой в жизни Антонио. За два дня до этого скончался правитель Вероны Кансиньорио делла Скала (формулировка «когда помирал», видимо, говорит о времени, когда переписывание рукописи еще не было завершено). Кансиньорио завещал регентство при своих малолетних детях, Бартоломео и Антонио, четырем придворным, одним из которых был и сам Антонио да Леньяго. Как полагает МакКи¹⁸, эта политическая ситуация отразилась на устройстве рукописи: варианты текста, внесенные рукой Антонио, присутствуют только в начале рукописи. Возможно, он доделывал ее в спешке (хотя вообще сокращение числа и объема маргиналий и схолий к концу текста — общее свойство любых рукописей). Впоследствии Антонио какое-то время оставался членом Верховного Совета и при повзрослевших детях Кансиньорио, но вскоре оказался в опале и был убит (как сообщает веронский хронист Пьер Дзагата, 6 марта 1385 г.; возможно, на самом деле это произошло в 1382 г.)¹⁹. Так судьба Антонио оказалась странным образом созвучной судьбе его любимца Сенеки.

¹⁴ Dante e Firenze: Prose antiche / con note illustrative ed appendici di O. Zenatti. Firenze, 1901. P. 492–503.

¹⁵ MacGregor A. P. Manuscripts of Seneca's Tragedies: A Handlist // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Teilbd. II.32.2. Berlin; New York, 1985. S. 1189–1190. Сенека в это время — один из текстов, относительно недавно (в основном в XIV в.) возвращенных из забвения, как и сам Катулл.

¹⁶ Возможно, что это тоже был экземпляр трагедий Сенеки, которого Антонио цитирует, говоря о ней: «Прямо-таки произошло со мной, как говорит наш трагик: «Конец одной беды — шаг к следующей» <Сенека, Геркулес в безумии 208–209>. Если ты случаем не согласишься, пусть эта самая книжка тебе будет свидетелем. Если я не ошибаюсь, то она расскажет тебе, как часто страдала вместе со мной. И это не ее вина: она бы с радостью вернулась к тебе, но считала, что и невежливо будет, и тебе неприятно, если она оставит меня в этот тяжелый момент, понимая, что настоящая дружба познается в трудностях» (Dante e Firenze. P. 495–496). Впрочем, может быть, Антонио просто выбрал яркую цитату, чтобы сообщить, что книжка сильно потрепалась.

¹⁷ *Francesco se la tuo bella calandra* («Франческо, коли твой прекрасный жаворонок...»): текст сонета опубликован, напр., в: Levi E. Francesco di Vannozzo e la lirica nelle corti Lombarde durante la seconda metà del secolo XIV. Firenze, 1908. P. 348. Там же приводятся соображения о том, что или кто подразумевается в сонете под жаворонком: предположительно это дочь Франческо ди Ванноццо, а образ, скорее всего, взят из сонетов, которыми обменивались между собой Петрарка и Антонио де Беккари.

¹⁸ McKie D. S. The Manuscripts of Catullus: Recension in a Closed Tradition. Cambridge, 1977. P. 78.

¹⁹ Dante e Firenze. P. 499–500.

Правда, некоторые исследователи полагают, что Антонио не был автором переведенного далее пассажа, так как при переписывании текста он не демонстрирует той заботы о его качестве, какая подразумевается в этом «послесловии». Может быть, небрежность Антонио не так удивительна, если учитывать обстоятельства создания рукописи, но теоретически возможно также, что запись переписана с использованной да Леньяго копии. Самый ранний из других кандидатов на авторство «послесловия» – некий предположительно нотариус предположительно по имени Франческо, упомянутый в эпиграмме-загадке Бенвенуто Кампезани (примерно 1303–1307 г.) как *a calamis tribuit cui Francia nomen* («служащий калама, которому дала имя Франция») ²⁰. Другой кандидат – знаменитый падуанский «пре-гуманист» Альбертино Муссато (1261–1329) ²¹. Орфография фрагмента «Ты, читатель» позволяет предположить, что писец был родом из Венето ²².

Чтобы в соответствии с замыслом нашего раздела составить цельное представление о рукописи как о форме издания текста ²³, а также о том, как именно производилась правка текста в XIV в., ниже мы также приведем несколько записей, сделанных на полях принадлежавшего Леньяго манускрипта (эти записи сделаны уже после создания рукописи Антонио: так парадоксальным образом творец «издания» не отвечает за его окончательный облик). Текст был правлен четырьмя писцами, включая самого Антонио; в основном они вписывают варианты текста, других примечаний очень мало (гlossa из словаря Папия об имени Лесбии, замечание о метрике, юдофобская glossa к слову *verpus*). Приводимые нами записи, скорее всего, сделаны второй рукой (G²) во Флоренции ²⁴ на самом рубеже XIV и XV вв. (хотя руки корректоров различать трудно и какие-то из записей в принципе могут принадлежать в том числе и самому Антонио) ²⁵.

Перевод записи «Ты, читатель» выполнен по тексту: *C. Valerii Catulli Carmina* / rec. R. A. B. Mynors. Oxford, 1958. P. vi. Записи второго корректора переводятся по фотокопии рукописи; приводимые им варианты текста указываются в издании Д. Ф. С. Томсона: *Catullus* / ed. with a comm. by D. F. S. Thomson. Toronto; Buffalo; London, 1997.

²⁰ См.: *Gaisser J. H.* Op. cit. P. 288, n. 3.

²¹ Предположение Джузеппе Биллановича, см.: *Catullus* / Ed. with a comm. by D. F. S. Thomson. P. 32–33.

²² Слово *correctus* пишется то с одним г, то с двумя, см.: *Ibid.* P. 33.

²³ О средневековой рукописи как прототипе раннепечатных изданий см.: *Smith M. M.* *Medieval Roots of the Renaissance Printed Book: An Essay in Design History // Forms of the «Medieval» in the «Renaissance»* / ed. by G. H. Tucker. Charlottesville, 2000. P. 143–153.

²⁴ Так предполагает Д. Ф. С. Томсон: он исходит из того, что используется рукопись M (*Venetius Marcianus* lat. 12.80 (4167), т в обозначениях Томсона), списанная с созданной во Флоренции рукописи R (*Vaticanus Ottobonianus* lat. 1829, ок. 1390 г., рукопись, переписанная для Колуччо Салутати).

²⁵ См.: *Catullus* / ed. with a comm. by D. F. S. Thomson. P. 30–31.

Антонио да Леньяго (?)

ЗАПИСЬ ИЗ РУКОПИСИ КАТУЛЛА PARISINUS LAT. 14137
(FOL. 36R)

Ты, читатель, в руки которого попадет эта книга, кто бы ты ни был, отнесись снисходительно к переписчику, если книга покажется тебе испорченной. Ведь переписчик использовал очень плохой экземпляр. Ибо совсем у него не было никакого другого источника для копирования (*exemplandi*) этой книги. Но, чтобы и из этого покореженного экземпляра извлечь какую-то пользу, он решил, что лучше все же взять испорченный, чем вообще не брать никакого, надеясь, что его можно будет исправить по какому-то другому экземпляру, если вдруг такой найдется. Будешь здоров, если не станешь клясть его²⁶.

1375 года 19 октября, когда помирал Кансиньорио, и т. д.

Лесбия переводится как «пьющая, принося ущерб»²⁷.

Флорентийский аноним (?)

МАРГИНАЛЬНЫЕ И ИНТЕРЛИНАРНЫЕ ЗАПИСИ
ИЗ PARISINUS LAT. 14137

Fol. 1r. <Катулл 1.1>. Размер — фалевтический (*faleuticus*)²⁸ одиннадцатисложник, который состоит из пяти стоп: первого спондея, второго дактиля и трех

²⁶ То есть переписчика. Автор записи выражается не очень аккуратно и путается в личных местоимениях.

²⁷ Глосса из средневекового (XI в.) словаря Папия (*Papias vocabulista. Venetiis, 1496. P. 178*), которая также присутствует в рукописи R и, по-видимому, восходит к общему источнику G и R (обозначаемому как X). Анри Бардон (*Bardon H. Catulliana // Latomus. 1974. Vol. 33. P. 640–645*) полагает, что повод для такой этимологии дали знаменитые лесбосские кратеры, однако более убедительным выглядит объяснение Макки (*McKie D. S. Lesbia damnose bibens interpretatur // Latomus. 1976. Vol. 35. P. 143*): слово *Lesbia*, по-видимому, на самом деле возводится Папием к *laedo* «вредить» (основа супина *l(a)es-*) и *bibo* «пить». Как бы то ни было, нужно добавить, что Папий, конечно, не имел в виду Катулловой Лесбии (и вообще он вряд ли знал Катулла в XI в.), речь идет о пьянице Лесбии из Теренция (Девушка с Андроса 228): видимо, этимология взята из каких-то схолий к Теренцию. Ср. (возможно, отчасти говорящие в пользу теории Бардона) схолии Доната к Девушке с Андроса 226: «Имена рабов в комедии всегда даются либо по национальности, как “Мисида”, “Сир”, либо по акциденциям: так, “Лесбия” — как будто “пьяница”, по острову Лесбос, производящему особенно сладкое и чистое вино...». Само выражение *damnose bibere* («пить, нанося ущерб») взято из Горация, Сатиры 2.8.34.

²⁸ Изуродованное слово «фалекийский», «Фалеков» (*phalaecius*). Ср. в словаре Папия (*Papias vocabulista. P. 116*): «Фалевциев (*faleutium*) пентаметр состоит из спондея, дактиля и трех трохеев». То же самое примечание, что и в нашей рукописи, присутствует в рукописи R. Скорее всего, оно переписано при сверке с М. Писцы рукописей R и M в дальнейшем тексте (подписывая название размера к некоторым стихотворениям) пишут это слово в формах *faulecius* («фавлециев») или *faleucius* («фалевциев») (*Hale W. G. The Manuscripts of Catullus // Classical Philology. 1908. Vol. III. P. 252*; добавим от себя, что то же самое относится к списанной с R рукописи Laurentianus 36.23). Подобная орфография этого слова (*faleucius, phalleucios*) встречается также в нескольких рукописях Цензорина, Присциана (*Schuchardt H. Der Vokalismus des*

трохеев, среди которых может быть и спондей²⁹, особенно в конце. И в первой стопе также бывает ямб, или иначе трохей.

Fol. 8v. <34.21. Scis quescumque tibi placet «Ты знаешь, какая тебе нравится». Иначе³⁰ *Sis quosumque tibi placet* <«Будь под каким тебе нравится (священна именем)»>³¹.

Fol. 10v. <42.3. Locum «Местом (меня считает шлюха)». Иначе *jocum* <«шуткой»>³².

*Fol. 11v. <47.4>. Verpus*³³, -*pa*, называется постыдный палец, которым иудеи в субботу прочищают зад: поэтому иудеев называют *verpi*³⁴.

Fol. 19v. <63.81. A cede «Ах, бей». Иначе *Age cede* <«Давай, бей»>³⁵.

Vulgärlateins. Bd. 1. Leipzig, 1866. P. 326). В XV в. написание *phal(a)ecius* в основном было восстановлено, но еще Джорджо Валла в «О поэтике» (= 38 книга «О том, к чему нужно стремиться и чего избегать», опубл. в 1501 г.) всегда называет этот размер «фалецинским» (*phalecinus*).

²⁹ Ср.: Афоний, О размерах 6.148 Keil; Теренциан Мавр 2545–2568. Рассматриваемая схема более свободна, чем используемая Катуллом или описываемая обоими названными грамматиками: и Катулл, и грамматики не допускают использования спондея в третьей и четвертой стопе. Тем не менее по крайней мере некоторые из гуманистов, видимо, представляли себе устройство одиннадцатисложника именно в соответствии с этой более свободной схемой: см. главу 8, примеч. 33.

³⁰ Стандартная форма для введения вариантов текста (*variae lectiones*). Обычно для нее используются специальные значки и аббревиатуры: в G это обычно значок *al'* (= *al'ias* «иначе»), в других рукописях также часто используется значок *†*, *‡* (= *vel* «или») или *legitur* («есть также чтение»), в греческих рукописях — буквами *υρ*. (*υράφεται* «пишут также»), обычно в виде монограммы, выглядевшей примерно так: *ff*. По идее эти значки скорее должны подразумевать чтения, переписанные из какой-то другой рукописи, хотя, видимо, нельзя исключать и введение конъектур через такие обозначения. В любом случае эта система нотации не подразумевает никаких указаний на источник вариантов, или хотя бы дифференциации разных рукописей, с которыми сверяется текст (об одном средневековом исключении из этого правила см.: *Pasquali G. Storia della tradizione e critica del testo*. Milano, 1974. P. 155, n. 2): в нашей рукописи *variae lectiones*, с большой степенью надежности атрибутируемые самому Антонио да Леньяго, вводятся через точно такой же значок *al'*, и отличать их от чтений, внесенных вторым корректором, можно только по почерку, что не так просто. Для сравнения, ученые XVII в., выписывая рукописные чтения на полях книг, часто уже будут как-то обозначать источник.

³¹ Тот же самый вариант текста как *varia lectio* в рукописи R.

³² Тот же самый вариант текста как *varia lectio* в рукописи R.

³³ Слово, обозначающее либо «с завернутой крайней плотью» (у Катулла в этом значении), либо «обрезанный».

³⁴ Снова глосса из Папия (*Papias vocabulista*. P. 367). Судя по распространенности текстов в XI в., она, скорее всего, должна восходить к каким-нибудь схолиям к Ювеналу 14.104 (где как раз речь идет об «обрезанных» иудеях). Вариант *verpa* (на самом деле слово, обозначающее мужской половой орган с завернутой крайней плотью), отсутствующий у Папия, мог быть добавлен глоссатором Катулла на основании текста Катулла 28.12. Однако в основном тексте рукописи G в этом месте слово *verpa* как раз искажено на *verba* («слова»); на полях R и M вариант *verpa* добавляется снова, второй корректор G мог видеть это слово там.

³⁵ В других рукописях этот вариант бывает обычно в тексте, так что интерлинейная *varia lectio*, возможно, создана самим писцом и является результатом сопоставления текста с какой-то другой рукописью; необычен, наоборот, вариант в тексте нашей рукописи.

Глава 8

Собрание латинских поэтов Иоанна Кальфурния: судьба классических текстов в первопечатных книгах

(М. В. Шумилин)

Появление книгопечатания коренным образом изменило описанную в предыдущей главе ситуацию. Иоганн Гутенберг стал печатать книги около 1445 г. (типографским способом в начале 1450-х), но первый (если не считать кратких версий грамматики Доната) античный текст («Об обязанностях» Цицерона) был напечатан только в 1465 г. После этого события стали развиваться очень быстро. Светским книгопечатанием во второй половине 1460-х занимались почти исключительно немцы¹, но они практически сразу перебрались в Италию, уже давно бывшую к тому моменту основным европейским центром производства рукописной книги. Важнейшей переменной, принесенной книгопечатанием, были увеличение количества книг и упрощение распространения текстов (вспомним о Панормите, который, вероятно, так и не смог приобрести Катулла). К 1501 г. в Италии вышло около 10000 изданий, из них примерно 3500 в Венеции, 2000 в Риме, 1100 в Милане, 800 во Флоренции, 600 в Болонье. В среднем каждая инкунабула сохранилась в 18–19 экземплярах, но на самом деле тиражи, конечно, были больше, у некоторых изданий они превышали тысячу копий². Книги стало проще найти, и цены на них резко упали³.

¹ У Дж. Сейндза (*Sandys J. E. A History of Classical Scholarship. Vol. II. Cambridge, 1908. P. 97*) первым изданием, сделанным итальянским издателем, назван флорентийский Сервий, напечатанный Бернардо Ченнини (1471–1472), но на самом деле раньше, по-видимому, были напечатаны как минимум «Правила грамматики» Гварино Веронезе в издательстве Федерико де Конти (предположительно веронца, предположительно в Венеции) в 1470 г., а также несколько изданий обосновавшегося в Риме сицилийца Джованни Филиппо де Линьямине (Квинтилиан, Светоний, проповеди папы Льва I и, возможно, еще «О взятии Константинополя» Энеа Сильвио Пикколомини вышли в 1470 г.). Здесь и далее мы обновляем данные Сейндза на основе каталога инкунабул Британской библиотеки, стремящегося охватить всю актуальную информацию о существующих инкунабулах: *Incunabula Short Title Catalogue* (<http://www.bl.uk/catalogues/istc/>, данные на 14.02.2014).

² Тиражи изданий венецианца Баттисты Торти доходили до 2300 экземпляров (это значит, что нужно было напечатать полтора миллиона страниц *in folio*!): см.: *Scholderer V. Printers and Readers in Italy in the Fifteenth Century // Renaissance Thought / ed. by R. Black. London, 2001. P. 124.*

³ А. Модильяни (*Modigliani A. Printing in Rome in the XVth century: Economics and the Circulation of Books // Editori ed edizioni a Roma nel Rinascimento / a cura di P. Farenga. Roma, 2005. P. 65–76*)

Однако изменения в состоянии текстов, вызванные книгопечатанием, не были такими исключительно положительными, как можно было бы ожидать. Это может показаться странным, но книгопечатание скорее даже стало причиной резкого упадка качества текстов. Ситуацию пояснит конкретный пример⁴. Иоганн фон Шпейер из Майнца в начале 1460-х гг. был золотых дел мастером. В конце 1460-х гг. он вместе с семьей и братом Венделином перебрался в Венецию, чтобы заняться там новым модным книгопечатным бизнесом. 18 сентября 1469 г. Венецианский сенат даровал ему пятилетнее монопольное право на печатание книг в Венеции. Братья (после смерти Иоганна в 1470 г. один Венделин, причем потеряв право на монополию) стали выжимать максимум из представившейся возможности. К концу 1473 г. у фон Шпейеров вышло около 60 изданий, одна *editio princeps* за другой (то есть около 15 изданий в год; сначала тиражами в несколько сотен экземпляров, но в 1471 г. комментарии Панормитано к Декреталиям выходят уже тысячей копий)⁵; после издательства пыталось понемногу что-то издавать еще до 1477 г., но, по сути дела, разорилось. В условиях появления конкурентов (в 1471 г. их оказалось уже больше десяти) предложение, по-видимому, превысило читательский спрос⁶, а проекты Шпейеров были, очевидно, весьма затратными. Другие предприятия немцев ждала подобная судьба: они не просуществовали долго, в 1480-х гг. итальянские издательства уже обычно принадлежали итальянцам.

Естественно, при такой спешке издатели не очень заботились о качестве текстов. Пожалуй, даже больше внимания уделялось отбору шрифтов. В основу текста клался первый попавшийся манускрипт; это, конечно, обычно оказывалась не какая-то хорошая древняя рукопись, а то, что проще было достать, то есть рядовая рукопись недавнего производства. Никакой особенной работы над текстом на первых по-

пытается подсчитать, насколько именно подешевели книги: получается, что печатная книга стоила в XV в. примерно в 6–10 раз дешевле, чем рукопись. Епископ Джованни Андреа де Бусси (Andreas Aleriensis) писал в предисловии к письмам св. Иеронима в издании 1468 г.: «Я сообщаю потомкам такой неизменный и на все времена предмет для восхищения: замечательнейшие создатели печатных текстов в понтификат венецианца Павла II с таким мастерством и с таким человеческим усердием стали делать свое дело в Риме, что книги можно купить чуть ли не дешевле, чем обычно стоил переплет (такую милость даровали нам небеса через божественного пастыря)!» (см.: *Bussi G. A. Prefazioni alle edizioni di Sweynheym e Pannartz prototipografi romani/a cura di M. Miglio. Milano, 1978. P. 5).*

⁴ Мы заимствуем пример из: *Gaisser J. H. Catullus and His Renaissance Readers. Oxford, 1993. P. 25–26,* уточняя некоторые детали.

⁵ *Febvre L., Martin H.-J. The Coming of the Book: The Impact of Printing 1450–1800/tr. from French by D. Gerard. London, 1976. P. 217.* Любопытно сравнить эту информацию с данными *Incunabula Short Title Catalogue*, согласно которому сегодня (данные на 14.02.2014) в библиотеках мира зафиксировано 34 экземпляра третьего тома (того, который вышел в 1471 г.), считая неполные и поврежденные.

⁶ Первопечатники вообще не очень хорошо ориентировались в том, какого спроса ожидать: еще в середине 1510-х гг. в книжных лавках Италии лежали и продавались по дешевке нераспроданные инкунабулы. Это видно из записей Эрнандо Колона на экземплярах из его библиотеки, собранной в 1510-е (в записях отмечалась дата покупки и цена, см.: *Modigliani A. Op. cit. P. 70–71).* Неумение рассчитать, какой тираж будет раскуплен, было, конечно, дополнительным фактором, влиявшим на падение стоимости книг.

рах вообще не производилось. Со временем стандарты немецкого книгоиздательства, конечно, сменились другими — новые тексты стали править. Это делалось либо с помощью сопоставления с какой-то рукописью, либо конъектурально. Таким образом, в сущности тексты ранних печатных изданий устроены точно так же, как рукописные «издания». В принципе они могут представлять ценность для современных издателей по этой причине: очень многие рукописи, использовавшиеся ранними издателями, не дошли до наших дней. С использованными рукописями, по-видимому, не особенно церемонились; условия их хранения стабилизировались, по-видимому, только в XVII в.⁷ Правда, когда оказывается, что по-настоящему ценные рукописи сохранились только в виде печатных выписок вариантов, то речь идет, как правило, уже об изданиях XVI в.⁸, когда отбор рукописей стал более серьезным; рукописи, использовавшиеся в XV в., чаще всего не представляли из себя ничего особенного. Но в отдельных случаях даже в *editiones principes* появляются хорошие и в то же время редкие чтения⁹. При этом обычно невозможно составить мнение о том, идет ли речь о конъектуре или об использовании не дошедшей до нас рукописи. Даже авторские комментарии в ранних изданиях могут быть частично заимствованы из анонимных записей на полях рукописей¹⁰.

⁷ Так, из 286 рукописей Овидия, использованных Николаем Гейнзием в 1636–1661 гг., Майклу Риву удалось идентифицировать в современных библиотеках 245, в то время как из 19 рукописей, доступных Гейнзию только в выписках (*excerpta*) XV–XVI вв., обнаружили только три (Reeve M. *Heinsius's Manuscripts of Ovid: A Supplement*// *Rheinisches Museum*. 1976. Bd. CXIX. S. 76–77). Где-то в XVII в. в целом останавливается и рыночная циркуляция средневековых рукописей, и они постепенно оседают в собраниях.

⁸ Как одна или две отличные рукописи Клавдиана, использовавшиеся в базельском издании Михаэля Изенгина 1534 г. (см.: *Hall J. B. Introduction//Claudian. De raptu Proserpinae*/ed. by J. B. Hall. Cambridge, 1969. P. 77–81), «Древнейший Бланкенбергский» кодекс Горация (*Blandinianus Vetustissimus*, использованный Якобом ван Крукке в его издании 1565 г. и после уничтоженный в 1566 г. при разорении Бланкенбергского монастыря Св. Петра), или рукопись Валерия Флакка, использовавшаяся Луи Каррионом в плантинском издании того же 1565 г. (некоторое время в XX в. было принято считать, что она едва ли не вымышлена Каррионом, но недавно был, по-видимому, найден один лист из этой рукописи: см. подробнее главу 12).

⁹ Например, в *editio princeps* Лукана (вышедшем в 1469 г. в Риме в издательстве Арнольда Паннартца и Конрада Свейнхейма и подготовленном епископом Джованни Андреа де Бусси), насколько известно, впервые появляется чтение *Graeca* вместо бессмысленного *Creta* в 9.38. Если это конъектура, то очень неплохая (буква с легко переходит в *t* в минускуле, и переход *g* в *s* тоже регулярный, хотя, скорее, маюскульный). Такое чтение принимает сегодня большинство издателей (поправляя лишь орфографию на *Graia*, потому что Лукан не использует написания *Graecus*). Жизнеописание Лукана в издании Паннартца и Свенхейма подписано именем Помпония Инfortunата: так в это время (после ареста в 1468 г.) подписывался знаменитый римский гуманист Помпоний Лет (если *Laetus* буквально значит «Радостный», «Счастливый», то *Infortunatus* — «Несчастливый»). Причем как раз в это время (в 1469–1470 гг.) Лет пишет свой комментарий к Лукану, сохранившийся в рукописи *Vaticanus lat.* 3285 (см.: *Забугин В. Н.* Юлий Помпоний Лэт. СПб., 1914. С. 67); однако опубликовано было только жизнеописание.

¹⁰ Поскольку это довольно важный момент для формирования представлений о природе ренессансных комментариев, проиллюстрируем его на примере устройства двух важнейших комментариев XV в. к Лукану, составленных Оньибене да Лониги (*Omnibonus Leonicensis*, 1475) и Джованни Сульпицио Веролано (1493). В рукописях Лукана схолии сильно перемешаны и фактически существуют не в виде «комплектов»: иначе говоря, в рукописях, использованных Сульпицио и Оньибене, мог быть любой набор

Но даже после некоторой стабилизации ситуации у печатных книг, при всем сходстве механизма образования их текста с механизмом образования текста рукописей, было одно существенное отличие. До появления книгопечатания в основу каждой новой рукописи могла быть положена в принципе любая другая, и за счет этого все-таки поддерживался некоторый средний уровень качества текста (развитие рукописных традиций представляло собой не просто накопление ошибок: периодически вливалась «новая кровь» из более старых и ценных копий, в виде контаминации или просто переписывания не самых новых экземпляров). Теперь же появляется один доминирующий текст, который достать значительно легче, чем любой рукописный: в основу новых изданий практически никогда не кладется новая рукопись, но используется *editio princeps* или производные от него. Даже рукописи, которые в принципе еще остаются в обращении до конца XV в., часто создаются на основе печатных текстов, а не других рукописей. А что представлял собой текст *editiones principes*, мы видели. В мгновение ока образуется новая «вульгата изданий».

Этот факт сыграл весьма важную роль в становлении психологии текстологов нескольких последующих столетий. Теперь деятельность ученых мыслится как прогрессивное движение текста к лучшему состоянию. То есть существует не аморфная масса рассеянных вариантов текста, а один текст¹¹, который со временем улучшается

схолий. Комментарий к 2.7 у Оньибене (*Ioannis Sulpitii Verulani et Omniboni Vicentini in Lucani Pharsaliam interpretatio. Venetiis, 1498. Ad loc.*) выглядит так: *Parens rerum: sive natura sive deus: non enim differunt re, sed nomine* («Отец всего»: либо природа, либо бог: ведь они различаются не на деле, а только на словах»). В рукописи Guelferbytanus 41.1 Aug. 2° (XII в.) зафиксирован, по-видимому, источник этой глоссы: *parens r<erum>: natura vel deus* «Отец всего»: природа или бог». Стих 5.741 в рукописи Lipsiensis bibl. sen. rep. 1.4 (XII в.) комментируется следующим образом: *nimium, quantum ad praelium; parum quantum ad amorem* («Слишком <затягиваю>», по отношению к битве; «недостаточно <затягиваю>», по отношению к любви). Сульпицию комментирует это место следующим образом: *Nimium: respectu belli et publici commodi. Parum: respectu amoris pietatisque nostrae* («Слишком»: с точки зрения войны и общественного блага. «Недостаточно»: с точки зрения любви и моего благочестия»). Можно множеством других примеров проиллюстрировать, что оба комментатора зависимы от рукописных схолий, но стараются как можно сильнее переформулировать их, чтобы получился оригинальный текст (вообще формально гуманистические комментарии отмежевываются от средневековых комментаторских традиций: см. главу 14). В таком же отношении комментарии Оньибене и Сульпицию находятся и друг к другу: скажем, 2.1 Оньибене комментирует так (рукописные источники нам неизвестны, возможно, параллель нашел сам Оньибене): *Nam sicut et Ci<cero> dicit: praescientia malorum inutilis est cui provideri non potest* («Ведь как и Цицерон говорит: бесполезно предвидение бед, если при этом ничего не исправишь») (имеется в виду О дивинации 2.22: *atque ego ne utilem quidem arbitror esse futurarum rerum scientiam* («Но я даже и полезным не считаю знание о будущем»)). Вот комментарий Сульпиция: *Loquitur secundum sententiam Ciceronis qui inquit praescientiam malorum cui provideri non potest inutilem esse* («Он говорит в соответствии с мнением Цицерона, утверждающего, что предвидение бед, если при этом ничего не исправишь, бесполезно») (Сульпицию, возможно, считал формулировку Оньибене точной цитатой, и поэтому его парафраза в данном случае не очень отличается). Этот контекст делает более понятным, почему ренессансные ученые так часто обвиняли друг друга в плагиате.

¹¹ Это, среди прочего, сделало ситуацию в классической текстологии по-своему похожей на ситуацию с изучением текста Библии: над издателями стал тяготеть уже существующий текст. Однако в данном слу-

благодаря накапливающемуся количеству усилий ученых мужей. Деятельность ученого мыслится не как реконструкция текста, учитывающая всю совокупность рукописей (примерно такой образ текстологии закрепляется в XIX веке), а как исправление ошибок в уже заранее данном тексте с помощью рукописей или фантазии. Кроме того, что такое представление в целом нелогично (например, если закравшееся в *editio princeps* искажение хорошо замаскировано и не кажется ошибкой, то оно так и останется в тексте при таком подходе), с ним связано одно важное обвинение, выдвигаемое против ренессансной текстологии¹². Ученые Возрождения видят в рукописи просто источник подсказок. В этой картине сама подсказка важнее, чем ее источник. Поэтому, как мы увидим далее, ренессансные издатели могут либо вообще не указывать на источники чтений¹³, либо просто говорить, что это рукописи (тогда чтение обладает все-таки бóльшим авторитетом, чем чистая конъектура)¹⁴, либо, наконец, сообщать, какая это рукопись (чтобы авторитетность чтения возросла от того, что оно основывается не на какой попало, а на хорошей рукописи), но даже в этом случае описание рукописей никогда не бывает систематическим. Причина этого в том, что издатели и не стремятся создать полное представление о рукописи, ее ошибках: они стремятся, в лучшем случае, лишь охарактеризовать положительные стороны рукописи. В принципе, у такого подхода есть и свои плюсы. Систематическое описание рукописей часто только загромождает науку информацией, которая мало чем может быть по-настоящему полезна. В каком-то смысле ренессансный взгляд на текстологию более прямолинеен в своей ориентации на функциональность.

В качестве иллюстрации, позволяющей судить о принципах текстологии раннепечатных изданий, мы выбрали предисловие Иоанна Кальфурния к изданию Катуллы, Тибуллы, Проперция и «Сильвы» Стация, вышедшему в Виченце в 1481 г. (кроме произведений римских поэтов, в том же томе после колофона опубликовано стихотворение самого Кальфурния, о котором см. ниже). Это одно из первых предисловий, где прямо (и весьма наглядным образом) обсуждается ситуация в текстологии. Издание не было снабжено никаким комментарием, и работа Кальфурния — это еще не собственно научная, обладающая своей теорией текстология, это, скорее,

чае вопрос, конечно, был лишен религиозной подоплеки — в то время как с авторитетностью текста библейской Вульгаты дело обстояло совсем иначе.

¹² Например, в: *Kenney E. J. The Classical Text: Aspects of Editing in the Age of the Printed Book*. Berkeley, 1974.

¹³ Поэтому ренессансная правка текстов оказывается по сути очень близка к средневековой контаминации; часто на полях изданий совершенно так же, как писались в рукописях, печатаются просто без всяких уточнений *variae lectiones* («варианты текста»).

¹⁴ Этим объясняется еще такое отличие ренессансной текстологии от современной: в эпоху Возрождения ученые чаще обвиняли друг друга в приписывании вымышленным рукописям собственных конъектур ради придания им авторитета, в то время как сегодня престижнее, наоборот, самому придумать оригинальную конъектуру.

просто выверение текста для издательства. И в этой деятельности Кальфурний, видимо, полагался исключительно или почти исключительно¹⁵ на конъектуральную правку, не пользуясь рукописями.

Иоанн Кальфурний родился около 1443 г. в окрестностях Бергамо. Настоящее его имя было Джованни Планца де Руффинони; Кальфурний (Calphurnius) — его латинский псевдоним. В XV в. именно так было принято писать фамильное имя (номен) знаменитого римского плебейского рода Кальпурниев. Почему Кальфурний взял этот псевдоним, не вполне ясно. Дошедшие до нас объяснения, как и практически все сведения о детстве Кальфурния, сохранились в составе инвектив, написанных против Кальфурния его неудачливым соперником в борьбе за место в Падуанском studio, Раффаэле Реджо. Конечно, выпады Реджо — риторическое обыгрывание имени Кальфурния, в котором едва ли стоит искать биографическую информацию, однако они очень отчетливо характеризуют отношения между учеными в XV–XVI вв.: сам Реджо (Raphael Regius, ок. 1440–1520) был вполне компетентным ученым, он составил весьма ценные комментарии к «Метаморфозам» Овидия (1492 или 1493) и Квинтилиану (1493) и атетировал псевдоцицероновскую «Риторику к Гереннию» (ок. 1492) — просто полемика между учеными той эпохи, как нам предстоит увидеть и далее, в принципе часто перерастала в такое яростное взаимное обливание грязью, что ее участники производят впечатление одержимых маниакальным психозом: Реджо, например, не устал повторять, что Кальфурний нанял несколько человек убить его (впрочем, это обвинение может быть не таким уж и абсурдным: принято считать, что Никколо Перотти, другого знаменитого гуманиста, обвиняли в организации покушения на Поджо Браччолини обоснованно — по крайней мере, один из организаторов этого покушения под пыткой сознался).

В 1490 г. Реджо выпустил книгу, которая на первый взгляд могла сойти за собрание научных сочинений, но на самом деле три из четырех текстов были просто инвективами против Кальфурния, содержащими, помимо прочего, разбор филологических проблем, в решении которых соперник, с точки зрения автора, был неправ: прозаическое «Рассуждение против ошибок Кальфурния в некоторых местах Персия, Валерия Максима и Цицерона», диалог между Реджо и Кальфурнием о нескольких местах из Квинтилиана (посвященный тому же самому Эрмолао Барбаро, к которому обращено переведенное ниже вступление самого Кальфурния) и письмо к некому венгру Жигмонду по поводу того же самого Кальфурния.

¹⁵ М. Дзикари (Zicari M. Calfurnio, editore di Catullo // Atene e Roma. 1957. Vol. 2. P. 159) полагает, что по крайней мере чтение 71.1 *viro bono* Кальфурний взял из какой-то рукописи, потому что странно делать такую конъектуру, она даже метрически невозможна. Gaisser J. H. Op. cit. P. 41, однако, полагает, что Дзикари неверно интерпретирует текст Кальфурния. Вообще аргументы Дзикари выглядят убедительнее: чтение *viro bono* действительно зафиксировано в рукописях. Так или иначе, традиция Катутла изучена достаточно хорошо, чтобы утверждать, что большая часть нововведений Кальфурния (может быть, за парой исключений) — конъектуры.

В разделе, посвященном происхождению имени врага¹⁶, Реджо сперва рассматривает очевидную претензию на происхождение от римского рода и указывает, что, раз у античных Кальпурний был когномен Бестия, то подобает и Кальфурнию так называться. Далее он говорит, что имя это досталось Кальфурнию по божественному провидению: «ведь ты скорее годишься разогревать печи (*calefaciendis furnis*), чем обучать детей». Эту этимологию и имеет в виду Реджо, когда пишет имя Кальфурния через *f*; но сам Кальфурний в любом случае ошибается, что пишет свое имя через *ph*, поскольку это точно не греческое заимствование (и здесь, добавим, Реджо, скорее всего, был прав). Так что даже в своем собственном имени Кальфурний допускает варваризм. Далее следует такой рассказ: «Но я, узнав впервые, что ты предпочитаешь называться Кальфурнием, отбросив свое настоящее имя, решил, что ты каким-то образом имеешь в виду отцовское ремесло. Ведь отец твой был угольщиком и все время пекся о разогреве плавильных печей, и я подумал — наверное, ты воздаешь некую малую благодарность ему за то, что он тебя породил, вскормил, воспитал и со всевозможным тщанием, не жалея никаких трат, у своего же гения зачистую отнимая даже самое необходимое¹⁷, добивался, чтобы ты обучился изящным искусствам; наверное, подумал я, ты хотел увековечить память о его ремесле, приняв имя, произведенное от разогрева печей. Но раз ты настаиваешь, что имя Кальфурний нужно писать через *ph*, с придыханием, как будто оно греческое, то я вижу, что и в этом отношении, как и во всех остальных, никакого благочестия ты не проявил. Ведь когда твой отец, желая повидать тебя, поскольку надеялся, что ты станешь опорой и посохом для его старости, пришел пешком из бергамских гор в Болонью, где ты преподавал, и стал там повсюду выискивать, кто бы мог указать ему, где искать маэстро Дзанино (*magistrum Zaninum*)¹⁸ (ведь именно так тебя прежде называли на родине), то никого не нашел, кто бы смог ему об этом сообщить. Однако в конце концов он случайно наткнулся на тебя самого. И когда он приготовился пожать тебе руку и отечески обнять и поцеловать тебя, ты отогнал его и был так груб, что даже не признал его своим отцом. И он ни заискиванием, ни мольбами, ни заступничеством какого-нибудь священника не смог добиться хотя бы даже тайной встречи с тобой. Так что в конце концов он оставил всякую надежду, которую прежде возлагал на тебя, и в глубокой печали вернулся на родину. И там, когда его спрашивали соседи, что поделявает маэстро Дзанино, он отвечал фразой, конечно,

¹⁶ *Raphaelis Regii* Epistolae Plynii, qua libri Naturalis Historiae Tito Vespasiano dedicantur, enarrationes; Eiusdem de quattuor Persii locis, uno Valerii Maximi, duobus Tullii de officiis, ac tribus oratoriis quaestionibus disputatio; Eiusdem de quibusdam Quintiliani locis cum quodam Calpurnio dialogus; Eiusdem loci cuiusdam Quintiliani ac eius Ciceronis ad Atticum epistolae, cuius initium est: Epistolam hanc convicio efflagitarunt codicilli tui, enarratio. Venetiis, 1490. Fol. c5 v–c6 r.

¹⁷ *Suumque saepenumero vel necessariis defraudans genium*, выражение из Плавта (Горшковая комедия 725: *egomet me defraudavi animumque meum geniumque meum* «Я сам ограбил себя, и свою душу, и своего гения»).

¹⁸ Может быть, это имя должно восприниматься как прозвище дурачка, ср. ит. *zanni* — шут, персонаж *commedia dell'arte*. Во всяком случае, имя это выглядит совершенно не по-латински.

грубоватой, но изящной: «Что он подделывает, этого я не ведаю; но его теперь зовут не Дзанино, а Скальфорний (*Scalfornius*), и действительно он меня “отскальфорнил” (*et quidem me bene scalforniavit*)”, то есть “подставил”: — ведь жители бергамских гор называют словом *scalfornie* обманы и мошенничество»¹⁹. Общая тенденция всех этих обвинений очевидна: Кальфурний в выборе имени претендует на высокую древность и ученость, Реджо вскрывает в этом самом выборе профанирующие низкие ассоциации («бестиальность», простое ремесло отца, неграмотность, отсутствие сыновнего почтения, наконец, смешная диалектальная «подстава»).

Но вернемся к самому Кальфурнию. До нас дошел договор 1473 года об основании школы в Болонье, заключенный между Кальфурнием и Франческо Путеолано, создателем другого издания Катутла и «Сильв» Стация (Парма, 1473). Путеолано должен был набирать студентов и оплачивать аренду помещения, а Кальфурний брал на себя преподавание и контроль за финансами школы²⁰. Такое преподавательское предпринимательство вообще в большой степени стоит за комментариями и изданиями того времени, как видно и из переведенного далее предисловия. Кальфурний подготовил, кроме того, издания Овидия (1474) и Сервия (1479) и комментариев к Теренцию (1476). Другая обычная черта ссор гуманистов — обвинения в плагиате (эта проблема вообще была очень актуальна, поскольку авторского права не существовало в принципе), и Реджо, конечно, указывает, что в Овидии Кальфурний ворует у самого Реджо, а в комментарии к Теренцию (поскольку Реджо Теренция не издавал) — у Онъибене да Лониго (чей комментарий не был опубликован). Также Кальфурний редактировал несколько изданий Домицио Кальдерини. Пост в падуанском *studio* он занял в 1486 г., а умер в 1503-м. Свою библиотеку из 229 томов он завещал монастырю Сан-Джованни-ин-Вердара²¹.

Сохранилось несколько принадлежавших его перу стихотворений. Одно из них, в частности, приложено после колофона в рассматриваемом нами издании. Это довольно объемное «Стихотворение славнейшего поэта Иоанна Кальфурния к Иоганну Хиндербаху, епископу Тренто, во хвалу оному, и о кончине блаженного Симеона Младенца, умерщвленного иудеями». Епископ Иоганн Хиндербах фон Раушенберг (1418–1486) был одним из покровителей Кальфурния. На Пасху 1475 г. в Тренто в доме одной еврейской семьи был обнаружен труп полуторагодовалого христианского младенца; следствие, инициированное Хиндербахом, сделало вывод о ритуальном убийстве, были арестованы все 18 мужчин-евреев, обитавших в Тренто, под пытками они сознались в своей вине и были осуждены на смерть. Ватикан засомневался в юридической корректности этого дела, и потому о нем довольно активно

¹⁹ Последнему утверждению, вероятно, можно верить, поскольку Реджо сам был из-под Бергамо (*Tiraboschi G. Storia della letteratura Italiana. T. VI. P. 3. Milano, 1824. P. 1579–1580*).

²⁰ *Gaisser J. H. Op. cit. P. 292, n. 33.*

²¹ *Ibid. P. 294, n. 52.*

заговорили в Италии, и последовала волна других подобных обвинений²². Эту историю и имеет в виду Кальфурний; «блаженный Симеон Младенец» — это тот самый ребенок. Иудеи в стихотворении Кальфурния умерщвляют христианского младенца в ритуальных целях, а потом Хиндербах героически разоблачает их злодеяние. Местами в этом стихотворении проскакивают фразы из издаваемых Кальфурнием поэтов (Проперция, Стация), но основной образец для имитации у Кальфурния, видимо, Вергилий.

Предисловие Кальфурния к изданию латинских поэтов мы выбрали потому, что оно очень хорошо освещает описанные нами проблемы, вставшие перед учеными книгоиздателями в конце XV в.

Текст частично перепечатывался с пояснениями и переводом в *Gaisser J. H. Catullus and His Renaissance Readers*. Oxford, 1993. P. 35–38, 294–295; мы используем это издание для сверки, но дополняем текст предисловия по оригинальному изданию (*Val<erii> Cat<ulli> Vero<nensis> Poetae cl<arissimi> carmina; Tibulli elegiae; Propertii Poetae elegiographi clarissimi <elegiae>; P. Papinii Statii Sylvarum <libri>*. Vicentiae: per magistrum Iovannem [sic] Renensem et Dionysium Berthochum, 1481. Fol. a i v; экземпляр РГБ, Inc/2494).

Иоанн Кальфурний

Предисловие к вичентинскому изданию Катулла, Тибулла, Проперция и «Сильв» Стация 1481 года

Иоанн Кальфурний желает весьма здравствовать Эрмолао, опытнейшему доктору гражданского и канонического права, красноречивейшему оратору и учейнейшему философу²³.

Люди нашего времени, которые особенно радуют о процветании словесности, о красноречивейший Эрмолао, могут предаваться неимоверному ликованию: ведь им досталось такое изобилие книг, какого было лишено и прежнее время, и та эпоха, которая предшествовала нашей. Благодаря числу печатаемого количество книг выросло настолько, что уже не шкафы следует ими наполнять, а целые дома. Однако, как говорит тот замечательный поэт, «и роза часто растет рядом с крапивой» <Овидий, Лекарство от любви 46>. Как обычно

²² См.: *Po-chia Hsia R.* Trent 1475: Stories of a Ritual Muder Trial. New Haven, 1992.

²³ То есть Эрмолао Барбаро Младшему (1453/1454–1493), венецианскому гуманисту-аристотелику; наиболее влиятельными его текстами оказались «Исправления к Плинию» (1492) и переписка с Джованни Пико делла Мирандола; кроме того, Барбаро, по-видимому, довольно сильно повлиял на формирование воззрений Полициано: см. главу 16. Доктором гражданского и канонического права Барбаро стал в 1477 г.

бывает в человеческих делах, этот божественный дар не смог остаться во всех отношениях совершенным. Ибо я вижу, что одного ему не хватает: тщательного и заботливого выверения книг. Все, что делается без этого, по необходимости оказывается тщетным. Ведь выходит так, что и учащимся смысл непонятен, и ученые люди не могут читать без невыносимого отвращения; а это все вызывает своего рода тошноту, отталкивающую от усидчивого чтения. А у многих изнеженных людей такую тошноту вызывает уже само изобилие книг.

Пусть же разрешению этого затруднения поспособствуют те, кто на это способен: те, кто одарен особенным красноречием и особенной ученостью. Поспособствуй ее разрешению и ты, который «настолько выше прочих» ученых мужей «вознес главу свою, насколько кипарисы возносят свои головы среди гибкой калины» <Вергилий, Буколики 1.24–25>²⁴. В этом совсем не будет ничего трудного для тебя, который положил начало возвращению красноречия к его прежнему здоровому и неповрежденному состоянию. Ты один, как кажется, в наше время, следуя за наставлением Фабия, гармоничнейшим образом соединяешь достоинства оратора и философа²⁵ и воплощаешь их в ораторском мастерстве²⁶. Это я говорю о тебе прямо, и это всякому очевидно. Ведь ты пишешь о философии таким образом, чтобы как можно меньше использовать слова затертые и избитые²⁷, но пользоваться только теми, о которых известно, что их использовали

²⁴ у Вергилия Рим «настолько возносит свою главу» выше прочих городов.

²⁵ Под «Фабием», видимо, имеется в виду Квинтилиан (прямо названный ниже); в «Воспитании оратора» (1, вступление 9–20) Квинтилиан пишет, что первоначально философия не была отделена от красноречия, и только потом «по лености» философы перестали заботиться о своей речи, а ораторы отказались от разбора философских вопросов. Аналогичную позицию занимает Барбаро в знаменитом обмене письмами с Пико, который, правда, имел место позднее, чем было написано настоящее предисловие (в 1485 г.; письма Пико и Барбаро переведены на русский: *Пико делла Мирандола Дж. Джованни Пико делла Мирандола приветствует своего Эрмолао Барбаро* / пер. с лат. Ю. А. Шичалина // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / под ред. Л. М. Брагиной. М., 1985. С. 254–262; *Барбаро Э. Эрмолао Барбаро — Джованни Пико делла Мирандола* / пер. с лат. Ю. А. Шичалина // Там же. С. 281–289): философии подобает пользоваться правильным языком, а не тем чудовищным монстром, который образуется при обрастании языка новодельными и невозможными в правильной речи философскими терминами. Подразумевается, конечно, прежде всего язык латинской схоластики, с которым Барбаро, занимаясь Аристотелем, имел дела больше, чем многие другие гуманисты: ведь понятийный аппарат для обсуждения философии Аристотеля на латинском западе был подготовлен именно схолистикой. Те же идеи Барбаро высказывал и до того, например, в предисловии к изданию Фемистия, о котором пойдет речь далее (см. примеч. 28).

²⁶ Возможно, фраза «и воплощаешь их в ораторском мастерстве» (et ad facultatem oratoriam perducere) попорчена наборщиком и на самом деле должно иметься в виду что-то вроде «и подводишь философию к владению ораторским мастерством» (et ad facultatem oratoriam <philosophiam> perducere).

²⁷ *Verba calcata et obsoleta*, выражение из Сенеки Старшего (Контroversии 4, предисловие 9). У Сенеки «затертые» слова также противопоставляются «древним» (antiqua), но смысл оппозиции у Кальфурния оказывается перевернут: Сенека противопоставляет обыденную речь классического Рима утонченным архаизмам, в то время как Кальфурний, скорее, говорит о неправильной «средневековой» латыни, которая одновременно оказывается «обыденной», и противопоставляет ее классической латыни вообще.

самые древние авторы. Ведь разве найдется человек настолько грубый и тупоумный, что не признал бы этого, если б взялся почитать твоего Фемистия, которого ты недавно изящнейшим образом перевел с греческого языка на латынь?²⁸ Пусть, прошу я, философы нашего времени последуют по твоим стопам и встанут против столь страшного варварства, или хотя бы последуют совету Квинтилиана, безупречнейшего писателя, который в первой книге «Воспитания оратора» пишет, что «подобающее употребление и различение слов должно быть в равной степени свойственно всем, кто занимается речью» <Воспитание оратора 1, вступление 16>.

Но обо всем этом я скажу подробнее в другом месте. А почему я все это тебе пишу, я сейчас вкратце объясню. Несколько дней назад некоторые охотнее до учения отроки попросили меня, чтобы я устроил ежедневные лекции с толкованием Проперция или, если я не захочу Проперция, «Сильв» Папиния²⁹. Чтобы не разочаровывать их в этом желании, я обещал сделать, что они просили. И когда я по этой причине стал проглядывать ту книгу, что напечатана в Венеции и содержит сочинения этих весьма славных поэтов, — Катулл, Тибулл, Проперция и «Сильвы»³⁰, — то я увидел: там так много ошибок, что испорченного и неправильного текста оказалось гораздо больше, чем приведенного в порядок. Из того, что там написано, вообще нельзя было извлечь никакого смысла. Я спешно связался с некоторыми книгопечатниками и уговорил их, чтобы они напечатали эту книгу еще раз с той правкой,

²⁸ Имеется в виду перевод «Парафразы Аристотеля» (то есть парафраз «Второй аналитики», «Физики» и «О душе»), написанной комментатором Фемистием в IV в. н. э. Перевод был опубликован в Тревизо 15 февраля 1481 г., так что Кальфурний отзывается на совсем свежую книжную новинку (колон фон издания Кальфурния не указывает точной даты, но на основе этой отсылки можно предположить, что оно вышло где-то во второй половине 1481 г.; впрочем, сам перевод был выполнен Барбаро уже в 1472–1473 гг.: см.: *Lohr C. H. Latin Translations of the Greek Commentaries on Aristotle // Humanism and Early Modern Philosophy / ed. by J. Kraye and M. W. F. Stone. London, 2000. P. 25*). В предисловии к Фемистию Барбаро писал о «тех, кто называет себя хорошими перипатетиками потому, что являются совершенными младенцами, еще не научившимися говорить, и не знает ни греческого, ни латыни»: «Мы, конечно, постараясь, насколько в наших силах, сделать так, чтобы они задумались о себе и поняли, что те, кто отделяет философию от красноречия, — философы мелкие, плебейские и просто-таки дубовые» (цит. по: *Kraye J. Pico on the Relationship of Rhetoric and Philosophy // Pico della Mirandola: New Essays / ed. by M. V. Dougherty. Cambridge, 2008. P. 15, n. 10*). Греческую комментаторскую традицию Барбаро (и не он один: также, например, Полициано — см. главу 16) считал более близкой к источнику, «незамутненной», «неиспорченной» традицией (*Ibid.*); вдохновлялся Барбаро примером Феодора Газы, у которого успел поучиться во время своей поездки в Рим: Газы перевел «Проблемы» Александра Афродисийского уже в 1452–1453 гг. (см.: *Lohr C. H. Op. cit.*).

²⁹ Стация.

³⁰ Речь, видимо, идет об издании Венделина фон Шпейера 1472 г.; повторное перечисление авторов может объясняться тем, что Кальфурний хочет указать именно на это издание, в то время как было еще несколько венецианских изданий Тибулла и Проперция по отдельности. В шпейеровском издании кроме указанных авторов еще были напечатаны жизнеописания авторов (кроме Стация); Кальфурний воспроизвел из них только жизнеописание Тибулла.

которую я пообещал для них проделать. Так что я могу похвастаться, что я ее даже не поправил, а практически полностью переписал заново, как сможет заметить любой, кто сравнит два текста.

Но я принял решение больше с печатниками дела не иметь³¹, поскольку они и сами тот текст, который получили в исправленном виде, всегда искажают и перевирают. Так что, если ты увидишь, что что-то пропущено или изуродовано, то записывай это не на мой счет, а на счет наборщиков. Ведь они обычно, как я сказал, либо слоги переставляют, либо пропускают какие-то буквы, либо добавляют что-то, что нужно было выбросить. Как в том месте у Катулла, где *famesque mundi* <«и голод мира», Катулл 47.2>. Я исправил *mundi* <«мира»> на *meti* <«Мемия» (?)>³². А они напечатали сразу оба варианта. А в стихе *Deprendi modo pupullum puellae* <«Я только что застал, как мальчишка девочке», Катулл 56.5>³³ они пропустили слово *pupullum* <«мальчишка»>. А в стихе *Diverse variae viae reportent* <«Пусть по-разному отведут разные дороги», Катулл 46.11> они выбросили слово *viae* <«дороги»>³⁴. Я ограничусь этими примерами, что-

³¹ По-видимому, Кальфурний от этого решения не отступился: у нас нет сведений о книгах, подготовленных им после 1481 г. (Gaisser J. H. Op. cit. P. 38).

³² Возможно, подразумевается родительный падеж *Mem(mi)*, по аналогии с предшествующим родительным падежом *Pisonis*: то есть Порций и Сократион оказываются названы «двумя шуйцами Пизона» и «паршой и голодом Мем(м)ия» — Кальфурний здесь делает текст не столько понятным, сколько симметричным. Меммий также упомянут в Катулловом корпусе в 28.9 в связи с Пизоном, Веранием и Фабуллом; кроме того, Меммию адресована поэма Лукреция «О природе вещей».

³³ *Pupullum* — конъектура самого Кальфурния вместо рукописного *populum* «народ» (из-за того, что слово было пропущено наборщиками в тексте Кальфурния, автором этой конъектуры долгое время считался другой издатель Катулла, Антонио Партенио да Лацизе (1456–1506)). Из написания *pupulum* с двумя *l* видно, что катулловскую метрику Кальфурний не очень хорошо понимает — притом что неолатинская поэзия к тому моменту в принципе давно освоила устройство фалекийского одиннадцатисложника. Однако метрической схеме, которая излагалась в маргиналиях Катулловых рукописей (см. главу 7, примеч. 29), предложение Кальфурния как раз вполне отвечает, поскольку она допускала появление спондеев во всех трех последних стопах. Никколо Перотти в своем сочинении «О размерах» (опубл. не позже 1471 г.), ставшем важнейшим метрическим справочником Возрождения, приводит более корректную схему: «Фалекийский состоит из спондея, дактиля и трех трохеев»: *Francisci Maturantii Perusini De componendis carminibus opusculum*; *Nicolai Perotti Syptontini De generibus metrorum... Venetiis, 1497. Fol. d I r*. Аналогичное описание мы находим и в «Стихослове» Антонио Манчинелли (1488 г.): *Quinque pedes versus capit hendecasyllabus apte / Spondeum heroum capiet tris inde trocheos*, «Одиннадцатисложник подобающим образом принимает пять стоп: спондей, героическую стопу <так Манчинелли называет дактиль> и затем три трохея» (*Antonii Mancinelli Veliterni Versilogus optimo compendio artem versificandi tradens studiosoque scholastico in primis necessarius, cui adiecti sunt breves et utiles commentarii Joannis Murmellii Ruremundensis*) diligenter recogniti atque ad unguem castigati; *Epistola Aeneae Silvii in praefationem artis poetice*. <S. L., 1509? Fol. C ii r>.

³⁴ Кальфурний приводит примеры с четырех соседних страниц, по-видимому, он просто открыл книгу на первом попавшемся месте, и примеры сразу нашлись (может быть, именно поэтому все примеры из Катулла). Причем в упоминаемой им строке 47.2 есть еще одна опечатка (*favesque* вместо *famesque*), о которой он не пишет (Gaisser J. H. Op. cit. P. 37, 295, n. 56).

бы кто-то не подумал, что я относился небрежно к вещам, издаваемым для общего блага образованных людей³⁵.

Так что прими, по обыкновению твоему, с благосклонным челом эти поправки (*hanc emendationem*): я посвятил их тебе, проникательнейшему судье поэтов, ведь и душа моя уж давно тебе посвящена. Выполнил же я сей труд с тем большей поспешностью, что Бартоломео Паджелло, светлейший вичентинский рыцарь и утонченнейший поэт нашего времени, проявлял немалое рвение прочесть его³⁶. И к тебе он также относится с величайшей любовью и почтением. А кроме того, не отнесись с презрением и к неким стихам, которые напечатаны здесь дополнительно и которые я некогда написал к епископу Тренто во хвалу ему и по поводу смерти блаженного Симеона³⁷.

Будь здоров.

³⁵ Идея об участии в общем бескорыстном благом деле будет встречаться нам постоянно в предисловиях настоящего раздела; ср. также в стихотворении Кальфурния, приложенном к рассматриваемому нами изданию (Fol. у v, строки 52–53, речь об Иоганне Хиндербахе): *Commoda respectas hominum: nec cuncta reponis / Utilitate tua* («Ты думаешь об общем благе людей и не оцениваешь вещи в соответствии с собственной выгодой»).

³⁶ Бартоломео Паджелло (Paiellus, 1464–1525), ученик Онъибене да Лониго и выпускник Падуанского университета, был достаточно известным поэтом. П. А. Орланди (*Orlandi P.A. Origine e progressi della stampa, o sia dell'arte impressoria, e notizie dell'opere stampate dall'anno MCCCCLVII sino all'anno MD. Bologna, 1722. P. 309*) полагал, что семнадцатилетний Паджелло мог быть, собственно, организатором публикации издания Кальфурния (из публикуемого нами предисловия это, однако, не очевидно). Любопытно, что Паджелло часто сравнивали именно с изданными Кальфурнием авторами: так, знаменитый ученый Ян Авл Паррасий (Джан Паоло Паризио, 1470–1522) писал Паджелло о его элегиях: «Сопоставив пассажи из твоих элегий и пассажи из Тибулла и Проперция, написанные с целью вызвать наиболее сильные эмоции, я не знал, кому отдать пальму первенства: весы мои заколебались», а Франческо Матуранцио (1443–1518) в оде к Паджелло писал, что воспетая вичентинцем Памфила будет жить в веках и *Haec non invidet Lesbia iam tibi, / Nec cessura tuo Delia nomini*, «Этого уже не сможет отнять у тебя ни Лесбия, ни Делия, которая отступит перед славой твоего имени <т. е. возлюбленные Катулла и Тибулла>» (оба пассажа цит. по: <Calvi P> Biblioteca, e Storia di quei scrittori così della città come del territorio di Vicenza che pervennero fin' ad ora a notizia del P. F. Angiolgabriello di Santa Maria Carmelitano Scalzo Vicentino. Vol. II. Parte I. In Vicenza, 1772. P. CCXCIX–CCC). Паджелло, конечно, сознательно и открыто ориентировался на имитацию Катулла, Тибулла и Проперция (и иногда, видимо, также и Стация: в корпусе Паджелло есть, как и в «Сильвах», «Эпикедий к отцу»); скорее всего, он знал все их произведения уже до издания Кальфурния и интересовался «улучшенным» научным текстом.

³⁷ См. выше вступление.

Глава 9

Овидий Андреа Наваджеро: альдинский стандарт научного издания

(М. В. Шумилин)

Следующей главой в истории издания античных текстов стала издательская деятельность Альда Мануция, в сущности впервые задавшая стандарт научного издания. Альд Мануций (Тебальдо Мануччи, 1449–1515) основал издательство в Венеции в 1494 г. при финансовой поддержке князя Карпи Альберто III Пио. Ему некогда посоветовал взять Альда в качестве наставника знаменитый философ Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494), приходившийся Альберто дядей и учившийся вместе с Альдом. В 1499 г. Альд женился на дочери Андреа Торрезано д'Азолы, объединив таким образом свое издательство с издательством, основанным французом Николя Жансоном в 1470 г. Это позволило ему занять важное место на венецианском книжном рынке.

Основные стратегии издательства к тому времени уже сформировались. Во-первых, сначала акцент был сделан на греческих текстах, практически не издававшихся в XV в., так как их подготовка требовала особой компетентности. К 1501 г. было напечатано всего около 60 книг на греческом языке, то есть меньше, чем на каталонском (127) или еврейском (140)¹. Во-вторых, готовить тексты Альд приглашал действительно ведущих ученых. Греческие тексты чаще всего издавали критяне, прежде всего Марк Мусур (ок. 1470–1517), замечательный ученый, бывший университетским профессором в Падуе и также преподававший в Венеции². Некоторые ученые приглашались специально для отдельных изданий (как Томас Линакр, переведивший Прокла и, возможно, участвовавший в подготовке текста Аристотеля, или Эразм, опубликовавший в 1508 г. в издательстве Альда расширенный текст *Adagia*, сборника античных поговорок, а в 1507 г. – латинский перевод нескольких трагедий Еврипида).

На рубеже двух столетий, после объединения с д'Азолой, Альд сделал еще несколько важных нововведений. В 1501 г. начала выходить серия классических аль-

¹ Incunabula Short Title Catalogue (данные на 16.02.2014).

² Удобное введение в издательские техники Мусура можно найти в: Reynolds L. D., Wilson N. G. Scribes and Scholars: A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature. Oxford, 1968. P. 157–158.

динских изданий античных текстов. Для нее было разработано особое весьма изящное оформление (маленький формат — in octavo — и аккуратный шрифт, созданный Франческо Гриффо из Болоньи, как иногда говорят, на основе рукописного шрифта Петрарки³ и легший в основу современного курсива, называющегося по этой причине в европейских языках «италическим шрифтом»); Альд получил монопольное право использовать этот шрифт в Венеции⁴.

Кроме того, наравне с греческими текстами стали печататься и тщательно подготовленные латинские. На первых порах латинские тексты готовил частично сам Альд, частично падуанский профессор философии Джироламо Аванци (ум. после 1534 г.).

Наконец, в 1500 г. Альд устроил «Новую Академию», в которую входили Мусур со своим учителем Яном Ласкарем (Ианосом Ласкарисом), приезжие Эразм и Линакр и др. В «Академии» разговаривали на греческом, и в ее правила входило производить каждый месяц не менее 1000 копий какого-нибудь «доброго писателя»⁵. При этом цены были достаточно низкими, чтобы эти тиражи быстро расходились. Комментарий Андреа Наваджеро к «Метаморфозам», отрывки из которого мы переводим ниже, был опубликован в составе издания сочинений Овидия 1516 г.; это издание Овидия было вторым в Альдинском издательстве, первое вышло в 1502 г. Уже в 1533 г. текст Наваджеро был переиздан еще раз. Это значит, что тираж полностью раскупался примерно за 15 лет. Дорогие и тяжеловесные «вариорумы» XVIII в. (сводные издания какого-нибудь классика, в которые «вмонтировались» целиком важнейшие предшествующие комментарии к нему), например, не только не переиздавались, более того — в тех случаях, когда разные издатели готовили один и тот же текст, между ними начиналось соревнование, кто быстрее выпустит издание в свет, потому что опоздавший был обречен остаться с нераспроданным тиражом⁶.

Текст прижизненных изданий Альда всегда отличался высоким качеством. Это, конечно, не меняло общего подхода к тому, как выстраивается печатаемый текст.

³ В XV–XVI вв. представление о почерке Петрарки было расплывчатым — Петрарке часто приписывали создание рукописей, к которым он не имел никакого отношения, ср. примеч. 44 к главе 11, — но Петрарка действительно в своих письмах защищал определенную шрифтовую политику, выступая за отказ от готического письма и переход к более разборчивым шрифтам, см.: Davies M. Humanism in Script and Print// The Cambridge Companion to Renaissance Humanism / ed. by J. Kraye. Cambridge, 1996. P. 47–48.

⁴ Sandys J. E. A History of Classical Scholarship. Vol. II. Cambridge, 1908. P. 99.

⁵ Ibid. P. 98–99. Имеются в виду слова Альда в предисловии к editio princeps Еврипида (1503): «Каждый месяц наша Академия производит тысячу и более томов какого-нибудь доброго писателя» (Praefationes et epistolae editionibus principibus auctorum veterum praepositae / curante B. Botfield. Cantabrigiae, 1861. P. 266). До появления Академии тиражи изданий Альда уже были вполне значительными: например, издание Аристофана, подготовленное Мусуром в 1498 г., согласно Incunabula Short Title Catalogue (данные на 16.02.2014), сегодня существует в 272 экземплярах.

⁶ Красочный рассказ о такой «гонке» см. в предисловии Бурмана Старшего к Лукану: M. Annaei Lucani Pharsalia / cum commentario P. Burmanni. Leidae, 1740. Fo. *2 r–*4 v. Относительно дешевые и в то же время качественные эльзевиров в этот момент уже исчезли, а относительно дешевые и в то же время качественные «тойбнеры» еще не появились.

Греческие тексты, издаваемые впервые, естественно, конструировались на основе рукописей, поэтому их подготовка имела особую ценность. Но в основу латинских текстов, которые в большинстве своем уже давно были изданы, клалась все та же самая «вульгата изданий» (см. главу 8), которая подправлялась по рукописям и конъектурально. Тонкие поправки попадают и в ранних альдинских изданиях. Например, в первом издании «Науки любви» Овидия, вышедшем у Альда также в 1502 г. (готовил это издание, видимо, сам Альд, возможно, также при помощи Аванци), в 2.659 впервые появляется чтение *paeta* («косоглазая») вместо *laeta* («радостная»). Это достаточно редкое слово – практически наверняка верный текст, и, чтобы восстановить его, нужно было, вероятно, найти какую-то из двух не лежащих на поверхности параллелей: из «Приапеи» (36.4) или из Присциана (2.209.11–13 Keil). Однако самый долговечный след в собственно текстологической деятельности оставил молодой латинист, присоединившийся к издательству уже ближе к концу жизни Альда, венецианский патриций Андреа Наваджеро (1483–1529).

Учителями его были официальный историограф Венеции Маркантонио Сабеллико (настоящая фамилия Коччо или Коччи, ок. 1436–1506), звезда альдинской эллинистики Марк Мусур, знаменитый философ-аристотелик Пьетро Помпонацци (1462–1525). Известен Наваджеро остался прежде всего в двух ипостасях: как поэт и как ученый.

От него остались достаточно успешные латинские стихи («Перо Наваджеро все сплошь благородно», – напишет о нем старший Скалигер в шестой книге «Поэтики»)⁷, в основном подражания Вергилию (оказавшие большое влияние на зарождающуюся пастораль) и Катуллу. Но среди многочисленных подражателей Катулла на рубеже XV и XVI вв. он, как еще, например, итальянский грек Михаил Марулл (ок. 1458–1500), принадлежит к особому лагерю поэтов, отвергавших Марциала как объект для подражания (тогда как, напротив, для подражателей Катулла XV века вроде Панормиты Марциал как раз был одним из основных ориентиров)⁸. Согласно одной из басен, ходивших о Наваджеро, раз в год он торжественно сжигал по одному экземпляру Марциала⁹.

Впрочем, к собственному творчеству Наваджеро относился тоже сложным образом. Дошедший до нас сборник «Забавы» (*Lusus*) был опубликован только после его смерти (в 1530 г.) из того, что удалось собрать (47 стихотворений, из которых последнее – «На возвращение в Италию из испанского посольства» – обрывается на 8-й строке с пометкой издателей «Далее отсутствует какое-то количество строк, которые были вымараны»). Публикация стихотворений (вместе с несколь-

⁷ *Iulii Caesaris Scaligeri, viri clarissimi, Poetices libri septem...* <Lugduni>, 1561. P. 307.

⁸ На русском языке см.: Иванова Ю. В. Поэзия гуманизма // История литературы Италии / отв. ред. М. Л. Андреев. Т. II. Кн. 1. С. 286–321; также: *Gaisser J. H. Catullus and His Renaissance Readers*. Oxford, 1993. P. 220–233.

⁹ *Sandys J. E. Op. cit.* P. 118.

кими надгробными речами) сопровождалась таким предисловием: «И, будучи человеком необыкновенных дарований и необыкновенной души, и хорошо знающим самого себя, он счел, что созданное им — не того рода вещи, чтобы их можно было публиковать без стыда для его имени, и что оно недостаточно отшлифовано и никогда не подвергалось тщательной обработке, и потому не будет соответствовать тому хорошему мнению, которое о нем уже сложилось у всех ученых людей едва ли не всех народов. И тогда он все записи, какие были у него под рукой, сжег. Это можно предположить и по тому, что и отроком еще, обратившись к подражанию добрым поэтам, и особенно Вергилию, он (как свидетельствует его эпитафия, обращенная к Вулкану) сжег собственные «Сильвы», написанные в подражание Стацию. Разве только кто предпочтет думать, что сочинения его пропали, потому что их укрывает кто-то, с кем он тогда близко общался. Ведь, действительно, ото всех своих друзей он никогда ничего не скрывал. Однако, как бы дело ни обстояло, две его прекрасные книги об охоте, написанные героическим размером¹⁰, и еще одна об устройстве мира¹¹, написанная тем же слогом, а также множество забав, которые его друзья читали в других местах¹², — все это нигде найти никак не удастся. И, чтобы не говорить о той хвалебной речи, которую он на похоронах кипрской королевы¹³ публично произнес о весьма знатном венецианском роде Корнаро, и о многих других сочинениях, которые нанесли такой же ущерб своей погибелью, — какой же бедой мне назвать потерю великолепной истории, доведенной от вступления Карла VIII в Италию¹⁴ до наших дней, — истории, которой было отдано столько бдений, столько труда? <...> И вот друзья его решили собрать то, что ты видишь перед собой, и то в основном неоконченные вещи, раз уж они сохранились — или благодаря тому, что их переписали тайком из еще не доделанных черновиков, или потому, что автор когда-то показывал их, еще неготовые, узкому кругу близких. Но они решили собрать написанное им, словно некие реликвии после его смерти, и посчитали, что проявят достаточное благочестие, если сделают так, чтобы память о таком великом муже не ограничивалась одним лишь столь кратким временем его жизни. И кроме того они решили в скором времени передать

¹⁰ То есть гекзаметром.

¹¹ *De situ orbis*, то есть о географии: этим выражением в альдинском издании 1516 г. было переведено название произведения Страбона.

¹² То есть, видимо, отдельно от сборника «Забав».

¹³ Венецианки Катерины Корнаро (или Корнер, 1454–1510), в 1468 г. выданной за Жака II де Лузиньяна, короля Кипра и титулярного короля Иерусалима.

¹⁴ 1494 год. Вероятно, имеется в виду продолжение истории Венеции Маркантонио Сабеллико, которое Наваджеро писал, унаследовав в 1516 г. от Сабеллико, вместе с постом библиотекаря в Сан-Марко, прилагаящуюся к нему функцию официального историографа Венеции. В итоге историю дописывал следующий библиотекарь, вождь цицеронианцев XVI в. Пьетро Бембо (1470–1547). Правда, текст Сабеллико охватывает события вплоть до 1487 г., поэтому не очень понятно, по какой причине Наваджеро должен был пропустить 7 лет.

книгопечатникам тексты Теренция¹⁵, Марка Туллия и еще нескольких других добрых писателей, которые он выправлял с поистине невероятным усердием, выписывая отличающиеся чтения из всех копий, попадавшихся ему в землях, где он бывал»¹⁶.

Упомянутая эпиграмма к Вулкану (среди прочего, богу огня) напечатана в «Забавах» под номером 16 и построена на том, что название «Сильвы» буквально означает «Лес». Вот она¹⁷:

Has, Vulcane, dicat silvas tibi villicus Acmon:
 Tu sacris illas ignibus ure, pater.
 Crescebant ducta e Stati propagine silvis,
 lamque erat ipsa bonis frugibus umbra nocens.
 Ure simul silvas: terra simul igne soluta
 Fertior largo foenere messis eat.
 Ure istas: Phrygio nuper mihi consita colle
 Fac, pater, a flammis tuta sit illa tuis.

«Этот лес, Вулкан, тебе посвящает управляющий¹⁸ Акмон¹⁹: сожги этот лес священным огнем, отец. Он вырос из отводка, взятого из “Леса” Стация, и тень от него уже стала вредить добрым посевам. И лес сожги, и на земле, очищенной огнем, пусть жатва будет изобильнее благодаря благодатному погребальному костру. Жги, жги лес: сделай так, отец, чтобы этот урожай, недавно засеянный мною на фригийском холме²⁰, остался не задет твоим пламенем».

¹⁵ Иногда утверждают, что Наваджеро готовил альдинское издание Теренция 1517 г. (*Sandys J. E.* Op. cit. P. 118), потому что он вроде бы написал вступительное послание (от имени Франческо д'Азола: например, *Ebert F. A.* A General Bibliographical Dictionary. Vol. IV. Oxford, 1837. P. 1839). Из приведенной выше фразы, скорее, следует, что издание было подготовлено не им.

¹⁶ *Andreae Naugerii patricii Veneti Orationes duae carminaque nonnulla.* Venetiis, 1530. P. 2–3.

¹⁷ Цит. по: *Navagero A.* Lusus /text and tr. by A. E. Wilson. Nieuwkoop, 1973. P. 30.

¹⁸ Слово *villicus* («управляющий поместьем»), видимо, появилось из-за Горация, Послания 1.14.1 *Vilice silvarum et... agelli* («управляющий лесом и маленьким участком земли»). Кроме того, сама ассоциация с сельской местностью (в том числе через корень *villa*), видимо, должна создавать пасторальный фон.

¹⁹ Может быть, по имени Акмона — одного из первых поселенцев на фригийской Иде (Страбон 10.3.22). От имени Акмона (там он «виноградарь плодородного холма») также написано 15-е стихотворение «Забав» («Молитва о лозе к Вакху и сатирам»).

²⁰ Вероятно, имеется в виду Ида, гора рядом с Троей (например, Энеида 3.6; впрочем, у Овидия в Метаморфозах 8.621 еще *collibus... Phrygiis* («на фригийских холмах»)) живут полубоколические Филемон и Бавкида). Возможно, автор цитированного выше предисловия увидел в упоминании Иды намек на Вергилия (описавшего на латыни падение Трои), хотя не совсем очевидно, что речь у Наваджеро действительно о нем. Может быть, важнее, что на Иде рос знаменитый лес, к тому же обладавший дурной славой, потому что в каком-то смысле он был причиной троянской войны (там происходил суд Париса, см.: Сенека, Агамемнон 730–731, и из его сосен, вероятно, был построен корабль, на котором Парис плыл за Еленой: см.: Гораций, Оды 1.15.1–2; Стаций, Сильвы 1.2.214, Ахиллеида 1.25–26).

Кроме упомянутых выше, от Наваджеро осталось несколько текстов на вольгаре, включая записи о дипломатической поездке в Испанию, а также несколько петраркистских стихотворений²¹.

Джон Сейндз называет Наваджеро «среди ученых его времени одним из ведущих самую чистую жизнь и самых привлекательных характером»²². Действительно, он выглядит очень необычной фигурой на фоне характерной для гуманистов Возрождения агрессивной самоуверенности. Прочие ученые, представленные в настоящем разделе, все были втянуты в личные дразги, порой весьма некрасивые. Наваджеро же, похоже, кроме самого себя враждовал только с Марциалом²³. Но Марциал, может быть, как раз сам и был для него олицетворением этой свойственной интеллектуальной элите эпохи агрессивности и враждебности.

С другой стороны, вольно или невольно, фигуру Наваджеро явно воспринимали в контексте зарождающегося классицизма — тенденции к сужению канонов. Все-таки сжигал он именно стихи Марциала и подражания Стацию, а сохранились подражания именно Вергилию (и Катуллу, но об этом реже вспоминали). Джироламо Фракасторо в диалоге под названием «Навгерий» (то есть «Наваджеро»), посвященном поэзии, изображает Наваджеро в качестве одного из собеседников, в которого, по словам Джамбаттисты делла Торре (Turrius), другого персонажа диалога, вселился дух Вергилия²⁴. Пьетро Бембо в одном из двух сонетов на смерть Наваджеро так опишет его пребывание в Элизии²⁵:

a questo Omero
Baciò la fronte, e cinsela di mirto:
Virgilio parte seco i passi, e l'ore.

²¹ Любопытно, что, несмотря на случайность состава корпуса, похоже, сохранились «парные» стихотворения на одну и ту же тему, написанные Наваджеро одно на латыни, другое на итальянском. При этом по содержанию они как раз оказываются довольно несходными, в соответствии с канонами двух языков. Во всяком случае, сохранилось два стихотворения, обращенных ко Сну (Забавы 29, «Ко Сну», в духе жизнерадостной латинской игривой поэзии, и сонет, напечатанный Вольпи под номером 3, *Sonno, che all'affannate, e stanche menti*, «Сон, душам утомленным и усталым...», с петраркистской трагической картиной любви), и два стихотворения про Ночь (Забавы 22, «К Ночи», в том же духе, что и «Ко Сну», и сонет 4, *Già delle fiere Eumenide cingea*, «Уж страшных эвменид скрывала (мать)....», построенный на сей раз на сложных учебных перифразах). О сочинении таких «парных текстов» в эпоху Возрождения см., напр.: Hoggan Y. Aspects du bilinguisme littéraire chez Du Bellay: Le traitement poétique des thèmes de l'exil dans les Poemata et Les Regrets // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1982. Vol. 44. P. 65–79.

²² Sandys J. E. Op. cit. Vol. II. P. 118.

²³ Есть, правда, еще свидетельство испанского гуманиста Педро Хуана Оливера, упоминающего Наваджеро в числе тех, кто «издевается над стилем Эразма» (*Andreae Naugerii patricii Veneti oratoris et poetae clarissimi Opera omnia, quae quidem magna adhibita diligentia colligi potuerunt: Curantibus Jo. Antonio J. U. D. et Cajetano Vulpiis, Bergomensibus fratribus, de literaria republica optime meritis. Venetiis, 1754. P. xxxv*).

²⁴ Ibid. P. 207.

²⁵ Ibid. P. 255.

«Гомер запечатлел поцелуй на его челе и увенчал его миртом; Вергилий прогуливается с ним и коротает с ним время».

Наваджеро, таким образом, оказывается в той же ситуации, что и Данте в четвертой песни «Ада» (только не в Лимбе, а Элизии), но спутников у него на три человека меньше. Может быть, Бембо не имел в виду прямо-таки изгнать Овидия (которым Наваджеро, конечно, вряд ли пренебрегал) и Горация (хотя Лукана Бембо, может быть, и изгнал бы). Просто речь идет о тщательном отборе исключительно наилучших образцов для подражания. И нельзя сказать, чтобы Наваджеро не давал к этому поводов. Друзья упоминают высказывания Наваджеро о том, что следует подражать только лучшим писателям²⁶, да и во вступительном послании ко второму тому Цицерона, адресованном Пьетро Бембо, Наваджеро так восхваляет адресата: «Кто хоть когда-нибудь столь удачно воспроизводил в прозе величие самого Цицерона, столь изобильного, столь совершенного во всех отношениях оратора, превосходящего всех прочих? Кто в стихах ближе подходил к божественной мощи и великолепию Марона?»²⁷

С Альдом Мануцием Наваджеро стал сотрудничать в 1512 г. и при жизни того успел подготовить прекрасные издания Квинтилиана (1514), Вергилия (1514) и Лукреция (1515). В 1515 г. Альд умер. Издательство перешло к его наследникам, тестю Андреа Торрезано д'Азоле и двум шуринам — Федерико и Франческо д'Азола. О д'Азола скоро пошла слава корыстных издателей, гонящихся только за прибылью и не заботящихся о качестве текстов (см. подробнее о критике выпущенного в 1518 г. *editio princeps* Эсхила в главе 11). Конечно, следует осторожно относиться к таким обвинениям в Эпоху Возрождения — за ними часто стояла личная вражда. В первые годы д'Азола выпускают несколько изданий, ставших жемчужиной альдинской печати, включая несколько трудов Наваджеро. Прежде всего это Овидий, но кроме него Наваджеро еще успел издать Горация (1519) и речи Цицерона (1519)²⁸. Однако некоторые поводы к дурной славе д'Азола подавали и сами. К тому Овидия, содержащему любовную поэзию, Андреа Торрезано д'Азола сам написал предисловие, в котором с одной стороны жалуется на финансовое положение²⁹ а с другой по своему

²⁶ Ibid. P. xlii (Бартоломео Риччи в письме к Пьетро Бембо).

²⁷ Ibid. P. 70.

²⁸ Когда пишут, что Наваджеро еще работал над Тибуллом (напр.: *Greswell W. P. Memoirs of Angelus Politianus... Manchester, 1805. P. 477*), вероятно, имеют в виду следующее место из письма Альда к нему: «Часто ты и сам донимаешь меня вопросами, говоря: "Чем ты занят, Альд? Что ты у меня не выпрашиваешь Вергилия, Горация, Тибулла, Овидия и еще кого-нибудь? Ты, скорее всего, и представить себе не можешь, как хорошо они у меня исправлены по древним копиям"» (*Andreae Naugerii patricii Veneti oratoris et poetae clarissimi Opera omnia. P. 91*). Из этой фразы также можно сделать вывод, что Овидия Наваджеро начал готовить еще для Альда.

²⁹ «По многим причинам смерть моего зятя Альда вызвала у меня большое горе... Во-вторых, поскольку он оставил мне дочь-вдову и четырех внуков-сирот и я никоим образом не могу и не хочу оставить их без помощи в нужде, то я понимал, что это ляжет на мои плечи тяжким бременем» (цит. по плантинскому переизданию: *P. Ovidii Nasonis Heroidum epistolae, Amorum libri III, De arte amandi libri III, De remedio amoris*

своеобразному обыкновению объявляет издание практически безупречным³⁰. Кроме того, д'Азола, несмотря на свой конфликтный характер, пишет, что считает нужным следовать за Альдом в приглашении знаменитых ученых: «Этим <правкой Овидия> мы обязаны Андреа Наваджеро, который, тщательно выправив его по очень большому числу древних копий, пожелал поделиться плодами своего труда со всеми остальными и передал текст для напечатания мне»³¹. Отсюда, собственно, и известно, что Овидия готовил Наваджеро: в альдинском издательстве не принято было указывать имя редактора на титульном листе, и человеку, который берет в руки том «Метаморфоз», без дополнительных источников неоткуда будет узнать, что готовил текст и писал примечания Наваджеро (да и владелец всех томов всегда ли будет тщательно читать предисловие?). Поэтому, когда Наваджеро пишет в переведенном ниже вступлении к комментарию, что «не помышлял ни о какой славе», он, во всяком случае, лукавит не настолько, насколько может показаться. К изданию текста Наваджеро прилагает довольно лаконичный комментарий, но чисто текстологический, полностью опуская всякую интерпретацию ради интерпретации, являвшуюся обычным содержанием комментариев (может быть, поэтому комментарий и называется *adnotationes*, букв. «замечания», а не *commentum*, *interpretatio*, *enarrationes* или что-нибудь еще в таком духе).

Текстологический метод Наваджеро с одной стороны отражает общие тенденции эпохи, с другой стороны очень своеобразен. Как многие издатели XVI в., он концентрируется на рукописном материале и очень осторожно вводит собственные конъектуры. Это явное изменение в отношении издателей к рукописям на рубеже XV и XVI вв. (ср. случай Кальфурния, практически не пользовавшегося рукописями) иногда связывают с влиянием метода Полициано³² (см. главу 16 настоящей монографии). Тогда получается, что текстологи XVI в. — плохие ученики Полициано, потому что они усвоили, что рукописи важнее, чем печатные издания и поправки ученых, но не поняли, как классифицировать рукописи и выделять более древние. Наваджеро, конечно, был знаком с деятельностью Полициано, но на самом деле не обязательно считать, что интересом к рукописям можно было заразиться только от флорентийского

libri II: Aliaque huius generis, quae sequens pagella indicabit: Omnia ex accuratissima> Andreae Naugerii castigatione; Guidonis Morillonii argumenta in epistolas. Antverpiae, 1583. P. 3).

³⁰ Ibid. P. 4–5: «...Овидий, который нынче в таком прекрасном виде публикуется в нашем издательстве, что, хоть он и был до этого во многих местах совершенно испорчен, теперь, как кажется, очень мало в нем осталось такого, что еще можно было бы улучшить» (ut... in eo pauca admodum desiderari posse videantur, цитероновская клаузула). Ср. в предисловии к вызвавшему гораздо больше нареканий тексту Эсхила 1518 г.: «После смерти Альда из нашего издательства вышло много как латинских, так и греческих книг, и, кажется, очень мало осталось такого, что в них еще можно было бы улучшить» (in quibus pauca admodum desiderari posse videantur: Praefationes et epistolae... P. 332).

³¹ P. Ovidii Nasonis Op. cit. P. 5.

³² Например, Timpanaro S. The Genesis of Lachmann's Method / ed. and tr. by G. W. Most. Chicago, 2005. P. 45–57.

ученого. Возможно, тенденция существовала и независимо от Полициано и он сам всего лишь следовал веянию времени. Во всяком случае, никаких следов особенного увлечения Полициано у Наваджеро найти не удастся. Что же касается неиспользования венецианцем протостемматического метода Полициано, то совсем не очевидно, что его использование было бы настолько уж целесообразным, когда речь идет о такой запутанной истории текста, как у «Метаморфоз» Овидия. Тимпанаро, в частности, видит ошибку в той логике, в соответствии с которой, если все рукописи согласны в каком-то чтении, то это чтение должно быть верным³³. С точки зрения стемматической теории, это также может быть ошибка, допущенная в общем архетипе всех рукописей. Но критиковать таким образом текстологию XVI в. не вполне корректно. Никто не будет спорить и сегодня, что если речь идет о выборе между чтением многих рукописей (если оно вообще уместно) или принятием конъектуры, то следует предпочесть чтение рукописей. Об этом, собственно, и шла речь. Признание существования архетипа в этой картине могло бы быть только теоретической оговоркой. То, что ее часто не делают, во-первых, не обязательно значит, что у издателей не было в голове какого-нибудь подобия идеи генеалогического дерева рукописей. Так или иначе, какие-то конъектуры обычно вносят в текст даже самые консервативные издатели. Значит, при всем их доверии к рукописной традиции, каким-то образом они все же допускали, что одна и та же ошибка могла проникнуть во все известные им рукописи одновременно. Во-вторых, если издатели представляли себе традицию не в виде генеалогического древа, а как-то иначе, это не есть очевидная ошибка. В каком-то смысле они таким образом избегали тех опасностей, которыми чреваты характерные для позднейшего времени слишком смелые теоретические обобщения. Выстроить конкретную стемму рукописей «Метаморфоз», которая позволяла бы корректным образом провести элиминацию вторичных рукописей, из-за перемешивания вариантов (так называемой контаминации) очень сложно и сегодня.

Своих источников Наваджеро не называет. По-видимому, он использовал несколько неплохих рукописей³⁴, но выражения, которые он (как и большинство других издателей XVI в.) использует, — *libri* («книги»), *exemplaria* («экземпляры»), у других авторов иногда также *codices* («кодексы») — не позволяют даже точно понять, когда он имеет в виду рукописи, а когда печатные книги. Конечно, выражения вроде «древние копии», скорее всего, подразумевают рукописи, но, как мы увидим в изданиях Мюре и Ламбена, в отдельных случаях это могут быть и печатные кни-

³³ Timpanaro S. Op. cit. P. 48–49.

³⁴ Георг Лук (*Luck G. Naugerius' Notes on Ovid's Metamorphoses//Exemplaria Classica. 2005. Vol. 9. P. 136*) полагает, что Наваджеро использовал рукописи F (Marcianus Florentinus 223, XI/XII в.), U (Vaticanus Urbinas 341, XI/XII в.) и какие-то еще. Это достаточно хорошие экземпляры, современные издатели числят их среди лучших рукописей «Метаморфоз». Правда, Лук часто бывает неаккуратен в такого рода реконструкциях, и своих критериев он в данном случае не называет.

ги. Поэтому мы избегаем в переводе слова «рукопись», когда природа источника не указывается точно. Кроме того, Наваджеро использует греческий перевод «Метаморфоз», сделанный Максимом Планудом в XIII в. В целом выходит очень тщательно взвешенный текст, основанный на хороших источниках. Издатели Овидия прислушиваются к мнению венецианца до сих пор.

Но самая любопытная черта подхода Наваджеро – это допущение, что верными могут быть сразу несколько вариантов текста. Такую формулировку можно, в принципе, понять в том смысле, что это просто «допустимые» варианты, но в комментарии к 8.286 Наваджеро даже пишет, что оба варианта текста «овидиевские» (*Ovidii est*, что вообще должно значить «принадлежат Овидию»). Тем не менее он осуществляет между ними выбор, «поскольку что-то одно надо исключить». Георг Лук полагает, что Наваджеро здесь оказывается провозвестником популярной в XX в. теории, согласно которой в некоторых местах текст «Метаморфоз» до нас дошел сразу в двух авторских редакциях. Это может быть верное объяснение, но допустимо также и другое. Возможно, подход Наваджеро – это отражение изменений в представлениях о природе текста как таковых. Фактически ренессансная текстология грешит следованием за «базовым текстом» («вульгатой изданий»), но постепенно углубляющееся изучение рукописных традиций вполне могло породить идею, что одного «настоящего» текста не существует вообще – есть только масса вариантов. Может быть, случай Наваджеро – это теоретическое доведение до крайности плюралистического представления о тексте. Единого текста нет не только эмпирически – его нет и в идеальном смысле. Если два человека в двух рукописях читают разные варианты текста, но ни один из этих вариантов не ошибочен, почему обязательно следует признать, что кто-то из них читает неверный текст? Почему нужно говорить, что кто-то один из них читает не настоящий текст Овидия? Такой взгляд, конечно, подразумевает некоторую подмену понятий: практический релятивизм, обусловленный ограниченностью эмпирического знания, переходит в релятивизацию истины (в данном случае, в релятивизацию представления о существовании «идеального» исходного текста), и эта релятивизация приобретает статус теоретического принципа. Но можно ли вообще говорить об этой идеальной истине, если мы не имеем к ней никакого доступа? Если авторский текст Овидия – это всего лишь конструкт, за которым стоят только вкусы ученых?

Перевод выполнен по оригинальному изданию: <*Ovidii Opera / cum notis A. Naugerii. Vol. III:*> Adnotationes in omnia Ovidii opera; Index fabularum, et caeterorum, quae insunt hoc libro secundum ordinem alphabeti; Ovidii Metamorphoseon libri XV. Venetiis: In aedibus Aldi, et Andreae soceri, 1516; для сверки использовались плантинское переиздание, воспроизводящее альдинский текст 1533 года: *P. Ovidii Nasonis Metamorphoseon libri XV: Ab Andrea Naugerio castigati, et Vict. Gisellini scholiis illustrati: Reliqua proxime sequens pagella indicabit. Antverpiae, 1595*, а также собрание сочинений Наваджеро,

опубликованное братьями Вольпи: *Andreae Naugerii patricii Veneti oratoris et poetae clarissimi Opera omnia, quae quidem magna adhibita diligentia colligi potuerunt: Curantibus Jo. Antonio J. U. D. et Cajetano Vulpiis, Bergomensibus fratribus, de literaria republica optime meritis. Venetiis, 1754.* Статья Георга Лука об Овидии Наваджеро является, по сути дела, комментарием к комментарию к «Метаморфозам» (правда, часто комментирование для Лука — просто предлог, чтобы изложить собственные взгляды на текст Овидия): *Luck G. Naugerius' Notes on Ovid's Metamorphoses // Exemplaria Classica. 2005. Vol. 9. P. 155–224.*

Андреа Наваджеро

**ВСТУПЛЕНИЕ К КОММЕНТАРИЮ
К «МЕТАМОРФОЗАМ» ОВИДИЯ**

К ЧИТАТЕЛЮ ³⁵

Мы сочли, что нет необходимости говорить вам, сколь многое в этом тексте Овидия мы поправили по древним экземплярам, и всякий, кто захочет прочесть этот текст, легко сможет увидеть это сам. И все же, поскольку в некоторых немногочисленных местах мы также вносили изменения, не опираясь на свидетельства книг, а просто по собственному произволу (хотя мы и делали это со всей подобающей робостью и умеренностью); и поскольку несколько древних копий попали к нам в руки, когда текст уже был набран, а в них мы нашли множество вещей, прежде ускользнувших от нашего внимания; — то мы решили обо всем этом сообщить читателю, чтобы никто случаев не заподозрил, будто мы хотим злоупотребить авторитетом древних книг и выдать собственные исправления за исправления по этим книгам³⁶. И мы сочли, что добавить этот раздел³⁷ и полезно, и необходимо, чтобы не показалось, что мы проявили недостаточно прилежания в чем-то, что зависело от нас. А чтобы раздел получился полнее, мы также добавили такие встречающиеся иногда варианты текста, которые разнятся между собой, но принять как правильные можно оба: мы приводим их, чтобы каждый мог свободно выбрать, что ему больше нравится. Если же мы в столь просторном произведении пропустили что-то или что-то ускользнуло

³⁵ Введение не к тексту, а к комментарию, напечатанному отдельно в конце тома.

³⁶ О таких обвинениях в ренессансной науке см. подробнее в главе 11.

³⁷ То есть комментарий.

от нашего взора, то это, может быть, отыщут более ученые люди, лишь бы только они смотрели повнимательнее, вы же нас должны за это простить ради трудов, которые мы предприняли для всеобщей пользы³⁸ и не помышляя ни о какой славе.

ИЗ КОММЕНТАРИЯ НАВАДЖЕРО К «МЕТАМОРФОЗАМ» ОВИДИЯ

<2.201> *Quae postquam summo tetigere iacentia tergo* <«Когда удила коснулись коней, упав сверху на их спины»>: правильное чтение. Но и другие правильно читают *sensere iacentia tergo* <«Когда кони почувствовали, что удила упали сверху на их спины»>.

<2.326>. *Corpora dant tumulo: signant quoque carmine factum* <«Тело предают могиле, и также надписывают, что произошло»>. Некоторые читают *saxum* <«камень»> вместо *factum* <«что произошло»>. Другие *fatum* <«судьбу»>. Все варианты правильные.

<2.702–703>. *Sub illis*

Montibus inquit eunt (et erant sub montibus illis) <«У подножий вот тех гор,— говорит,— они идут» (и у подножий тех гор они и были)»>. Так в некоторых текстах; но мне больше нравится прежнее³⁹ чтение: *Montibus inquit erant* <«У подножий вот тех гор,— говорит,— они были»>. То есть чтобы следующая далее парентеза (*et erant sub montibus illis*) <«(и у подножий тех гор они и были)»> была еще изящнее благодаря повтору глагола⁴⁰.

<3.723>. *Non habet infelix quae matri brachia tendat* <«Нет у несчастного рук, чтобы протянуть к матери»>⁴¹: и в древних книгах нет того стиха, который некоторые вставляют перед этим, и если бы даже он в них повсюду

³⁸ *Pro communi utilitate*, ср. в конце предисловия Кальфурния *ad comunem litteratorum commoditatem*, «для общего блага образованных людей».

³⁹ То есть чтение прежних изданий, тот самый «базовый текст», «вульгата изданий». Чтение *erant* принимается, например, в издании Раффаэле Реджо (*P. Ovidii Metamorphosis cum integris ac emendatissimis Raphaelis Regii enarrationibus et repraesentatione illarum ineptiarum: quibus ultimus quaternio primae editionis fuit inquinatus. Venetiis, <1493>. Fol. d ii r*).

⁴⁰ Возможно, *eunt* — опечатка и имеется в виду распространенное чтение *erunt* («У подножий вот тех гор,— говорит,— они будут»). Позднейшие издания часто перепечатывали эту лемму Наваджеро, и знаменитый голландский ученый XVII в. Николай Гейнзий (1620–1681) на основе нее даже предложил конъектуру *Sub illis/montibus inquit eunt (et eunt sub montibus illis)* «У подножий вот тех гор,— говорит,— они идут» (и у подножий тех гор они и идут).

⁴¹ Этот стих Наваджеро имитирует в собственном стихотворении «Описание весны к делла Торре» (Зававы 25, 27–30) — естественно, без всяких отсылок к осуждаемой в настоящем примечании вставке (речь у Наваджеро идет об Итисе и Прокне, в то время как у Овидия здесь — о Пенфее и Агаве, но ситуация та же: обезумевшая мать убивает собственного сына): *Heu puer infelix, matri dum brachia tendit/Assueto cupiens se applicuisse sinu,/Illa ferox animi, caecoque agitata furore/Avulsum duro diripit ense caput*, «Увы! В то время

присутствовал, то следовало бы его выбросить, до того он неровный⁴², до того бессмысленный⁴³.

<5.370>. *Ipsumque regit qui numina terrae* <«И даже того, кто правит божествами земли»>. Может быть, правильнее, как читают некоторые, *ipsumque regit qui numina ponti* <«И даже того, кто правит божествами моря»>⁴⁴.

<6.77>. *Exiluisse fretum: quo pignore vendicet urbem* <«Чтобы излилось море, дабы этим залогом завоевать право на город»>. Так в некоторых книгах, и это правильное чтение. Поскольку в мифах говорится, что, когда Нептун соревновался с Палладой по поводу того, как назвать Афины, то он ударил по скале, и вдруг образовалось море⁴⁵. Но равным образом можно найти и сообщения о том, что Нептун таким образом произвел коня⁴⁶: поэтому верно и прежнее чтение, *Exiluisse ferum* <«Чтобы выскочил зверь»>. А что коня можно назвать *ferum* <«зверем»>, для нас достаточным подтверждением пусть будет авторитет Вергилия: *In latus, inque feri curvam compagibus alvum* <«В бок и в закругленное скрепами брюхо зверя», Вергилий, Энеида 2.51>.

как несчастный мальчик тянет руки к матери, желая прижаться к привычному лону, она, в ярости и одержимая слепым безумием, сносит ему голову, отрубая жестоким мечом.

⁴² *Subsultat*, в таком значении в классических текстах только у Квинтилиана (Воспитание оратора 9.4.42; 11.3.43).

⁴³ Имеется в виду строка *ille etiam matri cum brachia tendere vellet*, «И также когда он хотел протянуть руки к матери», появляющаяся в некоторых рукописях начиная с XIII в. (Лук (*Luck G. Naugeries' Notes on Ovid's Metamorphoses // Exemplaria Classica*. 2005. Vol. 9. P. 170) полагает, что Наваджеро мог встретить ее, среди прочего, как вставку в рукописи U). Сам текст строки Наваджеро не приводит.

⁴⁴ Это чтение, до сих пор предпочитаемое большинством изданий Овидия, кроме рукописей – источников Наваджеро (если у него здесь вообще есть источники и он не придумал исправление сам) фиксировалось только в *Excerpta Vaticana Calandrae* (то есть в сделанных на полях экземпляра первого альдинского издания Овидия мантуанским придворным по имени Джанджакомо Каландра (ок. 1480–1543) и впоследствии использованных Николаем Гейнзием выписках каких-то рукописных чтений: см.: *Reeve M. Heinsius's Manuscripts of Ovid // Rheinisches Museum*. Bd. CXVII. 1974. S. 152) и в каких-то рукописях, которые видел английский издатель Томас Фарнаби (ок. 1575–1647) (*Publii Ovidii Nasonis Metamorphoseon libri XV: Cum integris Jacobi Constantii Fanensis, Henrici Loritii Glareani, Jacobi Micylli, Herculis Ciofani, Danielis et Nicolai Heinsiorum, et excerptis aliorum notis, quibus et suas adnotationes adiecit Petrus Burmannus <Maior>*. T. II. Amstelodami, 1727. P. 346). Сейчас эти рукописи найти не удастся, по-видимому, это тот случай, когда рукописи, используемые Наваджеро, оказываются лучше, чем все дошедшие до нас.

⁴⁵ Впервые эта версия зафиксирована у Геродота (История 8.55, там говорится о θάλασσα, букв. «море», но имеется в виду, вероятно, какой-то водоем меньших размеров), ср. также: Павсаний, Описание Эллады 1.26.5, Аполлодор, Мифологическая библиотека 3.177–178.

⁴⁶ Такой вариант мифа, видимо, впервые встречается у Вергилия (Георгики 1.12–14) и после того у Лукана (Гражданская война, 6.396–399), но вне связи с состязанием за имя Афин. С Афинами этот сюжет связывают Сервий и другие поздние мифографы (как Лактанций Плацид в комментарии к «Фиваиде» Стация 7.185). Плануд переводит этот вариант текста Овидия.

<7.186–187>.

Nullo cum murmure serpens
 Sopitae similis nullo cum murmure serpit:
 Immotaeque silent frondes
 <«Без единого шороха крадьясь,
 Словно объятая сном, без всякого шороха крадется,
 И тиха неподвижная зелень»>: –

Если так читать эти стихи, то в них нет никакого смысла. И поэтому правы, быть может, некоторые экземпляры, в которых выкидывается средний стих и читается так: *Nullo cum murmure sepes, Immotaeque silent frondes* <«Тихи, без единого шороха, кусты и неподвижная зелень»>. Но можно прочитать и *Nullo cum murmure serpens* <«Без единого шороха крадущийся»> так, чтобы было правильно, если понять *quies serpens nullo cum murmure* <«покой, крадущийся без единого шороха»>⁴⁷. А следующие стихи, как в некоторых древних книгах,

Sopitis similes nullo cum murmure sepes,
 Immotaeque silent frondes
 <«Словно объаты сном, без всякого шороха, кусты,
 И тиха неподвижная зелень»>.

То же самое чтение можно извлечь и из Плануда⁴⁸.

<7.228>. *Multa quoque Apidani placuerunt gramina ripis* <«Немало трав Медея выбрала и на берегах Апидана»>. И здесь во всех экземплярах *Eridanus* <«Эридан»>⁴⁹. Но я по тем же соображениям, которые привел в комментарии к первой книге (то есть что и здесь тоже Овидий перечисляет места и реки Фессалии, а среди них нет места аттическому Эридану, равно как и Эридану галльскому), последовал за теми, кто ввел исправление *Apidani* <«Апидана»>⁵⁰.

⁴⁷ То есть если отнести причастие к предшествующему (не вошедшему в лемму) слову *quies* («покой»).

⁴⁸ Перевод Плануда выглядит так: ἀνθρώπους γε μὴν καὶ ὄρνεις καὶ θήρας κομιζομένους ὁμοίως ἀψοφητὶ βαθεῖα ἀνάπαυσις ἔλυσε καὶ ἀψοφητὶ θάμνοι καὶ λόχμαι σιγῶσιν οὐδ' ὅτιοῦν κινούμενοι, «И вот людей и птиц и зверей равным образом (= homines volucresque ferasque, 7.185) бесшумно (= nullo cum murmure № 1) охватил глубокий покой (= solverat alta quies, 7.186), и бесшумно (= nullo cum murmure № 2) кусты (= saepes) и чащи (= frondes?) безмолвствуют, совершенно недвижимы (= immotaeque silent)».

⁴⁹ Имеется в виду, что еще есть стих 1.580, где Наваджеро также исправляет рукописный «Эридан» на «Апидан». Там эта конъектура уже была предложена Полициано, Раффаэле Реджо и Якопо далла Кроче (Iacobus a Cruce, ум. в 1526 г.).

⁵⁰ Формулировка, скорее, наводит на мысль, что Наваджеро воспроизводит чью-то конъектуру, но это исправление как раз не удастся найти в других изданиях. *Apidani* зафиксировано в одной рукописи (codex Noricus Д. А. Слатера), возможно, Наваджеро также имеет в виду исправление какого-то писца, либо конъектуру, сообщенную ему кем-то устно. Как отмечает Георг Лук, Наваджеро «никогда не называет имен других ученых» (Luck G. Naugerius' Notes on Ovid's Metamorphoses // Exemplaria Classica. 2005. Vol. 9. P. 192).

И я делаю это тем более охотно, что даже Плануд, который в первой книге, где была та же самая ошибка, вслед за всеми писал неправильно, здесь, как кажется, выбрал чтение лучших копий. Ведь он переводит этот стих таким образом: πολλὰ δ' αὐτῇ κὰν ταῖς ὄχθαις τοῦ Ἀπιδανοῦ ἤρεσαν <«Много трав ей приглянулось и на берегах Апидана»>.

<8.286>. *Stantque velut vallum, velut alta hastilia setae* <«И встает, словно вал, словно высоко поднятые копья, щетина»>. В некоторых книгах читается и другой стих того же содержания:

Et setae rigidis similes hastilibus horrent

<«И щетина вздымается, подобно твердо стоящим копьям»>⁵¹.

И обе строки, по моему мнению, овидиевские. Но, поскольку что-то одно следует исключить, то ведь предыдущее полустиише было *riget horrida cervix* <«Вздыблена ощетинившаяся холка», Метаморфозы 8.284>. В том и была причина, что мы исключили из текста этот стих⁵².

<14.612>. *Clarus subit Alba Latino* <«Латину наследует славный Альба»>. Во всех копиях *Clarus subit ecce Latino* <«И вот Латину наследует славный» или «И вот Латину наследует Клар»?>. Но Латину, конечно, наследовал Альба⁵³. Поэтому мы решили, что надо читать *Alba* <«Альба»>, а не *ecce* <«и вот»>⁵⁴.

⁵¹ Этот стих принято обозначать как Метаморфозы 8.285.

⁵² То есть стих 285, поскольку, если его поставить за стихом 284, то в двух соседних стихах будут повторяться однокоренные слова *riget/rigidus* и *horrida/horrent*.

⁵³ Ливий, История Рима от основания города 1.3.8; Овидий, Фасты 4.42–43.

⁵⁴ Этот самый вариант также зафиксирован в уже упоминавшихся *Excerpta Calandrae*, в выписках Полициано из каких-то рукописей и, кроме того, еще в нескольких рукописях. Но Наваджеро, очевидно, не знал об этом.

Глава 10

Теренций Марка-Антуана Мюре: цицеронианская текстология

(М. В. Шумилин)

Следующая глава нашей монографии должна проиллюстрировать, как устроено достаточно высокого уровня, но все же рядовое издание классического текста XVI в. То, что выбранный нами пример такого издания создан как раз не вполне рядовым персонажем, одним из лучших стилистов своего времени, совсем не мешает изданию как изданию не представлять собой ничего особенного, скорее даже наоборот.

Марк-Антуан Мюре (1526–1585) оказался благодаря своей достаточно необычной судьбе связующим звеном между несколькими сферами европейской культуры XVI в., и на каждую из этих сфер он оказал значительное влияние. С одной стороны, он собирал толпы в Париже начала 1550-х гг., его лекциями увлекались поэты «Плеяды»; с другой стороны, в Италии он оказался одним из самых ярких представителей цицеронианства; его ученик Монтень писал о нем (Опыты 1.26): «Франция и Италия считают его лучшим оратором нашего времени».

Мюре родился в окрестностях Лиможа и в большой степени, по-видимому, получал образование самостоятельно, но уже очень молодым получил профессорское место, стал читать лекции в Париже и Бордо, завел дружбу со старшим Скалигером, Дора, Ронсаром. Гуманистическая наука проникала во Францию постепенно, после Лефевра д'Этапля (Faber Stapulensis, ок. 1455–1536) и Гийома Бюде (1467–1540) одним из важных ее проводников, обеспечившим контакт с кругом поэтов Плеяды, был Жан Дора (Joannes Auratus, 1508–1588; Дора был учителем де Баифа и Ронсара). Отчасти, вероятно, благодаря вкусам Дора французская высокая культура XVI в. оказалась ориентирована, в отличие от итальянской, в большей степени на греческую античность, чем на латинскую. От Дора как от ученого сохранилось много хороших конъектур, но почти все записаны с его слов учениками: Дора почти совсем ничего не публиковал. Другим источником «античного» вдохновения, отчасти, возможно, компенсировавшим упомянутый перекося в сторону греческой культуры, для Плеяды оказались лекции Мюре. Мюре читал в Париже лекции о Цицероне, Горации, римской элегической поэзии, Аристотеле, может быть, также о каких-то

греческих поэтах¹. Рассказывали, что эти лекции ходил слушать даже король Генрих II. К этому же времени относятся латинские стихи Мюре, трагедия «Юлий Цезарь» и франкоязычный комментарий (1553) к «Любовным стихам» Ронсара (1552). Последний документ особенно любопытен: это такой комментарий к Ронсару изнутри ронсаровского круга. Мюре объясняет непонятные слова и имена, иногда указывает на параллели из Петрарки, Бембо, Вергилия, Каллимаха, Платона, Гомера и — особенно интересный момент — из еще не опубликованной «Анакреонтики»². Научные публикации Мюре этого времени менее известны, но на самом деле уже в Париже в 1551 г. он издал на основе своих лекций комментарий к «Девушке с Андроса» Теренция³.

Но в 1554 г. Мюре был обвинен в протестантизме и гомосексуализме и приговорен к смерти; ему как-то удалось провести об этом и скрыться до ареста, и он вынужден был бежать в Италию. Сохранился анекдот о том, как во время этого бегства где-то в Ломбардии Мюре слег с лихорадкой, и врачи, приняв его из-за грубых черт лица или из-за поношенной одежды за простолюдина, стали обсуждать между собой на латыни (чтобы пациент не понял), не использовать ли им «дешевую душу» для опытов (*faciamus experimentum in anima vili*). Мюре, услышав эти слова, возопил на латыни: *Vilem animam appellas pro qua Christus non dedignatus est mori?* «Ты называешь дешевой душу, за которую Христос не побрезговал умереть?»⁴

Знание латыни действительно оказалось тем капиталом, с которым Мюре мог выжить и сделать себе имя в Италии, дышавшей цicerонианством. Мюре сам рассказывает другой анекдот о себе: «Я не раз с большим наслаждением подлавливал таких бессмысленно надутых людей, которым, если кто скажет что-нибудь нецицероновское, кажется, что это просто-таки камнями разговаривают, которым, когда они выходят на люди, надо, как когда-то атлетам, выходящим на арену, обвязывать уши

¹ Sandys J. E. A History of Classical Scholarship. Vol. II. Cambridge, 1908. P. 149; Gaisser J. H. Catullus and His Renaissance Readers. Oxford, 1993. P. 149.

² Сонет *Ces liens d'or, cest bouche vermeille* «Эти золотые узы, этот алый рот...» (Любовные стихи 1.6) комментируется так: «Идея (fiction) этого сонета, как мне сообщил сам автор, взята из еще не напечатанной оды Анакреонта». Мюре пояснял, что имеется в виду стихотворение Σὺ μὲν, φίλῃ χελιδόν «Ты вот, милая ласточка...» (Анакреонтика 25 West). Собственно, сонет Ронсара не является переложением греческого текста, в нем больше из Петрарки, а из анакреонтического стихотворения позаимствован только образ Амура, свивающего в сердце гнездо и плодящего там много маленьких амурчиков (см.: Laumonier P. Ronsard poète lyrique: Étude historique et littéraire. Paris, 1923. P. 129). О шуме вокруг открытия анакреонтического корпуса в XVI в. см. ниже главу 11.

³ Marci Antonii Mureti In Andriam Terentii annotationes. Lutetiae, 1551. В этом комментарии было сравнительно мало текстологии и много просто пояснений трудных мест. Готовя альдинское издание Теренция (предисловие и отрывки из комментариев к которому переведены ниже), Мюре, по-видимому, не пользовался непосредственно своим парижским текстом: он только изредка ссылается на него, и единственное содержательное совпадение — комментарий к стиху 663, где Мюре в обоих изданиях высказывается в пользу предложения Гувейи удалить слово *interturbat*.

⁴ Sandys J. E. Op. cit. P. 149.

защитными повязками⁵, чтобы жестокие удары нецицероновских слов не повредили их нежных ушек. В частности, когда я находил какие-нибудь слова, которые вообще цicerоновские, но менее известные и не включенные Ниццолли в тот славный указатель⁶, который для них как проба золота, то я старательно примешивал такие слова к моей речи, когда послушать меня приходили друзья, страдающие болезнью, о которой я говорю. Как они слышали каждое из этих слов, так сразу начинали крикнуть шею, вздымать плечи, морщить лоб и шептать друг другу на ухо, что у них погибает мозг и отваливаются уши⁷, когда по ним наносят удары такие слова. <...> Я же, некоторое время поиздевавшись над ними двусмысленными речами, на спор выспрашивал у них, не являются ли те самые слова, от которых, по их словам, у них болела голова, самыми настоящими цicerоновскими. Ну а дальше, что спрашивать? Как только я доказывал им, что являются, сразу эти слова утрачивали всю грубость и шероховатость, сразу становились мягкими, сладкими, приятными для слуха»⁸. Это такая же демонстрация утонченной способности быть еще более цicerоновским, чем цicerонианцы, которую мы видим в предисловии Полициано к «Смеси» (см. главу 16), только здесь она воплощена в своего рода «представление».

Мюре пришлось очень ко двору в венецианском издательстве Альда, которым теперь владел Павел Мануций, младший сын основателя (1512–1574). Прибытие француза совпало с моментом ухудшения отношений Мануция с «флорентийскими учеными» (так выражался сам Мануций⁹, хотя подразумевались прежде всего Пьер Веттори (1499–1585) из Флоренции и Габриэлло Фазэрно (ум. в 1561 г.) из Рима)¹⁰. Мюре стал прекрасным инструментом, чтобы ответить врагу: сперва, в 1554 г., он публикует у Мануция комментарий к Катутлу, где уже делает некоторые выпады против Веттори и против другого флорентийца, Полициано; затем, в 1559 г., выходит собрание заметок Мюре под тем же названием, под которым за шесть лет до того опубликовал свои заметки Веттори, «Разные чтения» (*Variae lectiones*, то есть сборник разрозненных записей в стиле «Смеси» Полициано), и в них Мюре разносит Веттори в пух и прах. Тем самым Мюре, конечно, испортил себе репутацию в кругах, враждебных альдинскому издательству.

⁵ *Amphotides*, нецицероновское слово.

⁶ Конкорданс к Цицерону, изданный Марио Ниццолли в 1535 г. и многократно переиздававшийся, главный критерий языковой нормы для цicerонианцев XVI в.

⁷ Карикатурные цicerонианцы сами разговаривают нецицероновскими выражениями: *excuti cerebrum* — из Плавта (Пленники 601, Комедия ящичка 151), *ures perire* — также не из Цицерона.

⁸ *M. Antonii Mureti Variae lectiones selectae* / annot. instr. F. C. Kraft. Lipsiae, 1830. P. 172–173.

⁹ *Florentini*, в комментарии к письмам Цицерона 1540 г. (Grafton A. Joseph Scaliger: A Study in the History of Classical Scholarship. Vol. 1. Oxford, 1983. P. 88–89), когда Фазэрно, видимо, еще не воспринимался как такой же актуальный противник, как Веттори. Несколько других близких к Веттори ученых во Флоренции действительно было.

¹⁰ Grafton A. Op. cit. P. 89–92.

Текст Теренция был опубликован Мюре в 1555 г., примечания были напечатаны в том же году в отдельном томе, а в 1558–1559 гг. обе книги были перепечатаны еще раз. Издание в такой обстановке, конечно, вызвало сильную критику, и Мануций попытался привлечь Габриэлло Фаэрно для совместной с Мюре корректировки текста. Это была попытка наладить отношения с «флорентийцами». Фаэрно принял сторону Веттори и отказался, написав Мануцию, что Мюре одарен в других областях и ему не стоит заниматься текстологией, а Мануцию не стоит издавать такую дрянь¹¹. В письме к Веттори Фаэрно писал, что с отвращением бросил в книжной лавке «Разные чтения» Мюре, прочтя одну главу¹².

Значит ли это, что издание Мюре просто было плохим? Это не совсем так. Критика этого издания относилась, во-первых, к смелой правке Мюре на основании метрических соображений¹³. Мюре, действительно, часто исправляет текст потому, что не понимает его метрику, и при этом Мюре принципиально не знакомы несколько тонкостей метрики Теренция. Но метрика Теренция вообще сложна, и правила ее восстанавливались довольно медленно¹⁴, и даже когда Мюре оказывается недоста-

¹¹ Письмо предположительно датируют 1557 г., то есть речь там идет об издании 1555 г. Текст письма напечатан в: *Ceretti L. Critica testuale a Terenzio in una lettera del Faerno a Paolo Manuzio*//Aevum. Vol. 28. 1954. P. 522–551. Ср. в письме Фаэрно к Веттори от 30 ноября 1556 г.: «Некий Мюре камня на камне не оставил от Теренция, захотев его выправить. А наш Павел Мануций это напечатал: ему я дивлюсь еще больше, чем этому Мюре, потому что уж он-то должен был быть способен разобраться в таких вещах. Этот человек — некий француз, достаточно одаренный, но лишенный способности к критическому суждению (ma senza iudicio), потому что, во-первых, он делает ошибки в метрике... во-вторых, он не знает, что такое “древние книги”, но ему достаточно, чтобы они просто были рукописными, и если бы еще Богу было угодно, чтобы он хоть за такими книгами следовал, а не разносил вдребезги этого поэта собственными выдумками!» (цит. по: *Grafton A. Op. cit.* P. 268, n. 107). Мюре в переиздании Теренция 1570 г. писал в ответ о Фаэрно, уже покойном к тому времени: «Но в этом деле Фаэрно был достоин удивления; как обычно конюшие, посмотрев на зубы коня, судят о его возрасте, так он, глядя на бумагу старинных книг, судил об их древности и без колебаний говорил, что эта копия старше той на десять, или на двадцать, или на тридцать лет. И он не говорил, что это он так думает, а делал утверждения с такой уверенностью и безапелляционностью, как будто сам присутствовал при написании этих книг» (*Ibid.* P. 254, n. 108). С точностью до десятилетия датировать рукописи даже сегодня способны только очень редкие специалисты, для XVI в. это действительно было почти фантастикой.

¹² *Ibid.* P. 92.

¹³ У Фаэрно вообще была своя довольно сложная теория комической метрики (потому что он еще и сам писал ямбические басни и стремился овладеть всеми тонкостями ямбической техники), на основании которой он также исправлял некоторые тексты, разделяваясь таким образом с контрпримерами. Так, текст Катулла 29.21 (вульгата изданий *quem Galliae timent, timent Britanniae*) он исправляет на основании какой-то рукописи, где был (метрически невозможный) вариант *quem Galliae timet, et Britanniae*, на текст *quem Galliae timetis et Britanniae*, руководствуясь сформулированным им самим правилом, что словораздел после третьей стопы ямбического сенария запрещен, если только ему не предшествует односложное слово (*Gabrielis Faerni De versibus comicis liber imperfectus*//*M. Acci Plauti Rudens*.../ed. F. V. Reizius. Lipsiae, 1826. P. 101). Это правило может оказаться верным применительно к ямбу, но Фаэрно применяет его еще и к гекзаметру, где оно точно не работает, ср.: Вергилий, Георгики 3.6. Этот стих из «Георгик», действительно, приводится Афонием как пример метрически неудачного (6.71.32 Keil) с точки зрения похожего правила, что вообще нежелателен словораздел в конце любой стопы. Но текст Вергилия надежен, значит, в принципе метрическая теория Фаэрно отчасти тоже ложна.

¹⁴ См. также: *Leonhardt J. Classical Metrics in Medieval and Renaissance Poetry: Some Practical Considerations*//*Classica et Mediaevalia*. Vol. XLVII. 1996. P. 305–324.

точно компетентен, то, что у него получается, не совсем ошибки. Иногда он придумывает самостоятельно новый последовательный способ интерпретации какого-то явления (см. ниже его комментарий к Девушке с Андроса 93). Иногда то, что было бы излишним исправлением, вызванным непониманием обычных правил, будь интерпретация места в целом очевидной, оказывается одним из возможных решений, когда вопрос труден и хоть каким-то из самых базовых правил приходится поступиться (см.: Братья 268). Иногда, наконец, Мюре принимает вполне адекватные метрические решения вопреки некоторым из современников (см.: Девушка с Андроса 477). Кроме того, в тексте Мюре есть много конъектур, не имеющих отношения к метрике, в том числе и очень хорошие.

Во-вторых, издание Мюре критиковали за пренебрежение рукописями. Тут тоже требуется несколько оговорок. Следует пояснить, что из себя представлял метод Веттори и Фаэрно. Согласно концепции Энтони Графтона, Веттори и Фаэрно представляли одну из двух школ текстологии середины XVI в., «итальянскую», более строго следующую за Полициано в установке на поиск архетипа и на педантичное воспроизведение рукописного текста. Противостояла же ей «французская» школа (к которой примкнул и «франкофил» Мануций), пренебрегающая точным описанием рукописей, не прибегающая к поиску архетипа и делающая ставку на конъектуральную правку и поиск греческих параллелей¹⁵. Мы полагаем, что Графтон в большой степени схематизирует ситуацию; у нас еще будет по ходу нашего изложения случай отметить множество мелких деталей, противоречащих описанной модели. На самом деле друг на друга наложилось несколько различных противостояний: действительно существовали националистическое противостояние французской и итальянской науки, противостояние круга Веттори и круга Мануция, споры о методе, но границы между лагерями в этих оппозициях далеко не всегда совпадали и вообще не всегда были четкими. Во Флоренции действительно была группа ученых, увлекающихся радикальной формой идеи Полициано о поиске архетипа, но эта группа была очень небольшой (Веттори да еще Лелио Торелли, прежде всего). Мы рассмотрим метод Веттори подробнее в следующей главе, когда речь пойдет об издании Эсхила, подготовленном Веттори вместе с Анри Этьенном. Но Фаэрно никогда не высказывался в пользу идеи ориентации на архетип, как и многие другие педантичные итальянские издатели вроде Франческо Робортелло, о котором также пойдет речь в следующем разделе. Итальянцы действительно часто с большей щепетильностью относились к описанию рукописей, а французы обычно с меньшей, но и это правило работает не всегда: см. ниже главу 12, посвященную Дени Ламбену, примеру французского ученого, достаточно строго обращавшегося с рукописями.

Конечно, критика со стороны «флорентийцев» отражает ту верно подмеченную Графтоном черту, что Мюре относился к рукописям недостаточно серьезно по меркам наиболее строгих итальянских ученых. Но, если мы взглянем в суть, то увидим,

¹⁵ Grafton A. Op. cit.

что и здесь различие не так уж велико: Мюре приводит только отдельные чтения своих рукописей, но это свойственно вообще большинству издателей XVI в. И Веттори, и Фаэрно тоже на самом деле никогда не приводят всех чтений своих рукописей. Разница, правда, все равно велика: если мы возьмем комментарий Фаэрно к Теренцию (может быть, вообще самое надежное описание рукописей в XVI в., исключительный случай, да и вообще замечательное издание — не случайно знаменитый Ричард Бентли именно его положит в основу собственного издания Теренция 1726 г.) и сравним его с комментарием Мюре, то увидим следующее. Фаэрно считал Бембинскую рукопись особенно важной и потому старался воспроизвести все ее чтения особенно тщательно, даже долгое время держал эту рукопись у себя дома, перепроверяя чтения: в результате, по подсчетам Графтона, в комментарии к «Братьям» Фаэрно цитирует Бембинскую рукопись более двухсот раз (но все равно приводя не все ее отличительные чтения), допуская при этом 14 ошибок¹⁶. Мюре в комментарии к той же комедии цитирует рукописи 9 раз, 2 раза называя, о каких конкретно рукописях идет речь. Но если мы посмотрим на какую-нибудь другую из рукописей Фаэрно — скажем, на «Ватиканскую рукопись», идентифицируемую как *Vaticanus lat. 3868*, IX в., также важный источник для текста Теренция, — то увидим, что на протяжении той же комедии она цитируется всего 14 раз (без ошибок, если судить по аппарату У.М. Линдсея и Р. Кауэра)¹⁷. Это уже вполне сопоставимая с находимой у Мюре цифра; Дени Ламбен, как мы увидим, цитирует среднестатистическую рукопись в своем издании Горация даже чаще, чем Фаэрно.

Критика флорентийцев относилась больше к смелости конъектуральной правки Мюре, к неаккуратности в цитировании рукописных чтений и, самое главное, к тому, что в предисловии не было дано никакой конкретной информации про рукописи. Какие именно рукописи используются и как издатель оценивает их, можно узнать только уже по ходу самого комментария. То есть издание Мюре, конечно, уступает в строгости методу изданию Фаэрно, но все-таки не настолько серьезно, чтобы быть совершенно безнадежным провалом.

Но в то же время критика Фаэрно косвенно выделяет одну важную характеристику издания Мюре, также свойственную многим изданиям XVI в. Хотя Мюре готовит критический текст и в примечаниях его обсуждается в основном текстология, из акцентов его предисловия ясно, что текст интересует его не как научный объект. Текст вовлекается в полемические дискурсы XVI в. и оказывается интересен в этом свете.

Мюре, как мы видели, теоретически занимал достаточно умеренную позицию среди цицеронианцев. Он даже допускал использование нецицероновского языка.

¹⁶ Grafton A. Op. cit. P. 66–67.

¹⁷ Вполне возможно, что так получилось не случайно и что чем меньше чтений рукописи цитируется, тем информация о них надежней. Этот принцип, как кажется, работает и применительно к современным изданиям, по крайней мере некоторым. Может быть, его даже можно использовать как еще один аргумент в защиту ренессансной манеры описывать рукописи не полностью.

Тем не менее переведенное ниже предисловие — это прежде всего обоснование того, зачем с точки зрения цицеронианцев издавать Теренция.

Действительно, распространение цицеронианства в ученой среде Италии в XVI столетии имплицитно поставило перед издателями вопрос, зачем вообще издавать какие-то тексты, кроме Цицерона. Тенденция к тому, чтобы заниматься в первую очередь Цицероном, действительно затронула большинство итальянских (и не итальянских) ученых эпохи, к какой бы школе они ни принадлежали: над текстом Цицерона работали Павел Мануций и Пьер Веттори, Сигонио и Робортелло, Мюре и Фаэрно, Наваджеро и Эразм, Турнебю, Этьенны, Ламбен, Лонгёй, Бюде, Камерарий, Меланхтон и многие другие. Однако это веяние вступает в конфликт с понятным желанием интеллектуалов демонстрировать свою начитанность, знание о каких-то диковинных текстах, которых другие не читали. Если канон сведется к совсем небольшому количеству текстов и их прочтет каждый школяр, то чем от него будет отличаться ученый?

Чтобы выбраться из этой западни, не возвращаясь к полициановской позиции «всеядности», нужно было доказать, что издаваемый автор чем-то близок к Цицерону, что использовать его не будет грехом для цицеронианца. Эта лазейка дала право на жизнь в цицеронианской Италии, например, большинству текстов цицероновского и доцицероновского времени, вроде Катона или Катуллы. Писатели, не подходившие даже под это определение (например, Лукан, Клавдиан или Тацит), после раннего альдинского времени в Италии практически не издаются. Но предпочтительной была, конечно, какая-нибудь более тесная связь с первостепенными авторами (Цицероном и Вергилием).

Теренций довольно быстро попал в ближайшие «приложения» к Цицерону. Он подходил уже по хронологии, но еще Наваджеро писал в предисловии к альдинскому Теренцию 1517 г., что Теренций предпочтительнее Плавта¹⁸. Основной причиной такого предпочтения было то, что Теренция предпочитал сам Цицерон. Сам Мюре выстраивает довольно хитрую конструкцию для объяснения, зачем вообще издавать Теренция, но суть его аргументации восходит к диалогу Пьетро Бембо (1470–1547), вождя итальянских цицеронианцев, «О “Комаре” Вергилия и комедиях Теренция к Эрколе Строщи» (опубл. в 1530 г., написан ок. 1505 г.): «Но что мешает и нам, Помпоний, наслаждаться хоть чистым блеском и изяществом языка, хоть стыдливостью и строгостью¹⁹ этого поэта? Сам Цицерон так ими наслаждался, что многое из Теренция взял и перенес в свои сочинения, проявляя не только вольность, но и красование, как мне, во всяком случае, кажется»²⁰.

Вторая проблема, перед которой встает цицеронианец, издающий Теренция, — как вообще мотивировать необходимость именно текстологической работы

¹⁸ *Andreae Naugerii patricii Veneti oratoris et poetae clarissimi Opera omnia*. P. 80–85.

¹⁹ *Pudor gravitasque*, комбинация из Цицерона (Филиппики 13.10).

²⁰ *Petri Bembi Opuscula aliquot, quae sequenti pagella connumerantur*. Lugduni, 1532. P. 47.

с текстом, если текст важен не как научный объект? Решение Мюре заимствует из того же самого диалога Бембо, вообще оказавшего важное влияние на рассматриваемое нами издание. Остановимся на нем поподробнее.

Преамбула диалога устроена в духе Цицерона: Бембо передает со слов Федра Вольтерранского²¹ разговор, произошедший между знаменитыми гуманистами Помпонию Летом (1425/1428–1497/1498) и Эрмолао Барбаро Младшим (1453/1454–1493) где-то в 1490–1492 гг., когда венецианец Барбаро был в Риме в качестве посла к папе Иннокентию VIII. Именитые ученые XV в. обмениваются соображениями о том, какие исправления нужно внести в латинские тексты: сначала обсуждается несколько мест из Катутла, потом из «приложения к Вергилию» (Appendix Vergiliana, корпуса малых произведений, приписывавшихся Вергилию: Бембо считает их подлинными, кроме «Приапеи»). Это хороший пример того, как редкие и достаточно малоизвестные тексты можно было вписать в канон: «приложение к Вергилию» стоит изучать потому, что автором его является Вергилий (с чьим авторитетом в качестве главного поэта, конечно, не мог состязаться даже Цицерон). Наконец собеседники переходят к Теренцию. Помпоний говорит: «Но пришло уже время, чтобы ты поделился со мной чем-нибудь и из комедий нашего Теренция, как ты обещал сделать. Таким образом и вот этот Федр, который немало удовольствия черпает из чтения Теренция и почти не выпускает его из рук²², обогатится хорошими и неиспорченными местами. Ведь я частенько слыхал, что у тебя была очень старинная книга Теренция, написанная буквами побольше (*maioribus litteris*), которые мы по праву называем древними». Эрмолао отвечает: «Это ты правду говоришь. Эта книга у меня была, и я ее читал и отметил много такого, что сможет доставить удовольствие Федру, если, как ты говоришь, он увлекается чтением Теренция». Важна, таким образом, именно качественная сторона языка исправляемых мест (персонажи диалога периодически говорят друг другу: «Смотри, какое прекрасное выражение!»), но в неиспорченном виде она станет доступной, только когда текст будет должным образом исправлен. Так наводятся мосты между наукой и отношением к тексту как образцу: не случайно Бембо изображает в диалоге Лета и Барбаро, людей, больше ассоциирующихся у нас именно с научной деятельностью и живших еще до настоящего бума цicerонизма. Впрочем, мы видели в главе 8, насколько деятельность Барбаро уже была связана со стремлением восстановить «правильный язык».

Рукопись, о которой идет речь у Бембо, — это знаменитая «Бембовская рукопись» Теренция, самая древняя из дошедших до нас (*codex Bembinus*, ныне *Vaticanus lat. 3226*, IV–V вв.). Выражение «буквы побольше» обозначает капитальный рустический шрифт. Правда, из формулировки Бембо не следует делать вывод, что его семья приобрела рукопись у Барбаро: выше Помпоний Лет, который с Бембо никогда не общал-

²¹ То есть Томмазо Ингирами (1470–1516) из Вольтерры, получившего прозвище Федр за исполнение роли Федры в постановке трагедии Сенеки.

²² *Habetque eum librum fere semper in manibus*, цicerоновское выражение (Тускуланские беседы 2.62).

ся, также декламирует полный текст псевдовергилиевского «Комара» по некой якобы собственной рукописи, которая на деле снова оказывается рукописью Бембо (ныне Vaticanus lat. 3252, IX–X вв.)²³. Причем и к ее чтениям Бембо примешивает не только собственные конъектуры (чаще всего без пояснений), но и новые чтения, появившиеся в альдинском издании 1517 г.²⁴: похоже, что диалог был переработан после 1517 г. (менее правдоподобно предположение, что альдинское издание готовилось при участии Бембо). Некоторая абсурдность такой подачи текстологической информации через вымышленный диалог, конечно, была одной из основных причин, почему жанр диалога не прижился в текстологии.

Говоря о середине XVI в., мы уже наконец можем с достаточной степенью достоверности оценивать деятельность издателей еще и в том отношении, удалось ли им найти то, что мы сейчас считаем лучшими рукописями автора. Использование «Бембовской рукописи» Теренция — одно из явных достижений того времени в поиске рукописей (заслуга выделения этой рукописи, по-видимому, принадлежит Полициано: см. ниже комментарий Мюре к Самоистязателю 143). Но издание Мюре позволяет увидеть, что есть ряд факторов, препятствующих использованию такой рукописи даже в этом случае. В переведенных нами примечаниях хорошо видно, как знакомство с рукописью через третьи руки (через этот самый диалог Бембо, где спорадически и не очень надежно приводятся отдельные чтения: Бембо, видимо, и сам цитировал собственную рукопись не непосредственно, а по выпискам ее чтений, сделанным в 1491 г. Полициано на полях издания Теренция 1475 г.)²⁵ вызывает разнообразные недопонимания и ошибки. В этом отношении Мюре, конечно, значительно уступает педантичному Фаэрно.

Сам Мюре использует четыре рукописи, однако предпочтение эксплицитно отдает какой-то из венецианских инкунабул. «Базовый текст» уже далеко ушел с тех пор, поэтому Мюре воспринимает печатное издание как равноценное рукописи (что само по себе может быть и разумно). Один раз Мюре даже вставляет в текст какую-то дополнительную фразу, появляющуюся только в этом издании (см.: Формион 850).

Так все-таки является ли издание Мюре плохим изданием? Мы полагаем, что нет. Это издание спорное, издание, оказавшееся вовлеченным во множество конфликтов, издание, имевшее достаточно слабых мест, чтобы о нем в целом быстро забыли. Вскоре его вытеснило издание Фаэрно, более аккуратное в обращении с метрикой и рукописями. Но если учесть те «правила игры», из которых исходил Мюре, его издание все равно сохраняет некоторую ценность. Его задача была в том, чтобы решительными действиями восстановить образцовый текст с помощью любых средств. Эта посылка отчасти, возможно, даже влечет за собой некоторую

²³ Grafton A. Op. cit. P. 45–46.

²⁴ Комар 10 (digna tuo), 193 (sociarit), 234 (vinctus).

²⁵ См.: Grant J. N. Pietro Bembo and Vat. lat. 3226 // Humanistica Lovaniensia. Vol. XXXVII. 1988. P. 211–243.

неаккуратность и ошибки. Но когда аккуратная и консервативная предварительная работа проделана, на определенной стадии от издателя все равно обычно требуются решительные действия. В какой-то степени и в своих решениях, и уж во всяком случае как модель определенного рода работы с текстом труд Мюре все же сохранил некоторую часть своей ценности.

Предисловие к Теренцию переведено по изданию: Terentius, a M. Antonio Mureto locis prope innumerabilibus emendatus; Eiusdem Mureti argumenta in singulas comoedias, et annotationes, quibus tum correctionum, magna ex parte, ratio redditur, tum loci obscuriores explicantur. Venetiis: <Apud Paulum Manutium, Aldi F.>, 1558. Комментарии переведены по прилагающемуся тому: *M. Antonii Mureti Argumentorum, et scholiorum in Terentium liber: Ad Iacobum Surianum patricium Venetum. Venetiis: Apud Paulum Manutium, Aldi F., 1559.*

Марк-Антуан Мюре

ПРЕДИСЛОВИЕ К КОМЕДИЯМ ТЕРЕНЦИЯ

Марк-Антуан Мюре желает здравствовать Якопо Суриано, венецианскому патрицию.

Что мне назвать, о Якопо Суриано, причиной того, что, хотя воля всех людей, ведомая и побуждаемая к тому природой, стремится ко благу, тем не менее столь немногие из них за настоящим благом действительно следуют?²⁶ Тебе должно быть легче, чем другим, объяснить это явление: ведь ты и в познании других наук весьма искушен, но в изучении философии настолько выделяешься среди других, что, как кажется, если прочее ты разделяешь с другими, то философия — некоторым образом твое личное владение. И все же, поскольку и я также никогда не был чужд философии, а сейчас в особенности предаюсь ей, по моему ли желанию или по воле обстоятельств; — то сейчас

²⁶ Может быть, для латиниста Мюре непосредственный источник мысли следует видеть в знаменитой фразе Овидия (Метаморфозы 7.20–21) «Я вижу лучшее и сознаю, что оно лучшее, а следую за худшим», хотя он мог черпать и из источников Овидия — отражений греческих дискуссий V в. до н.э. (Еврипид, Медея 1078–1080; Еврипид, Ипполит 378–381; Платон, Протагор 352d4–7). В то же время проф. Л. Бьянки указывает мне, что сама структура предисловия восходит к средневековой латинской традиции комментариев к Аристотелю, одним из топосов которой была классификация «препятствий» (*impedimenta*), мешающих людям достичь мудрости (ср., например, знаменитый вариант такой схемы, также зависимый от традиции комментариев к Аристотелю, в начале «Пира» Данте, 1.1.1–4: достичь высшего совершенства человеческой души, то есть знания, людям мешают четыре причины: физическая неспособность, порочность гонящейся за наслаждениями души, повседневные дела и лень). Неожиданное для столь сильно ориентированного на классическую античность автора, как Мюре, обращение к схоластике следует, видимо, объяснить тем, что Мюре сам читал лекции об Аристотеле и так или иначе должен был познакомиться с университетской традицией комментариев к нему.

я кратко и сжато²⁷ открою, что пришло в голову мне, когда я думал об этом вопросе.

Так вот: поскольку то, что является естественным, свойственно всему роду, а стремление к благу естественно, — то выходит, что ни у какого человека душа не может быть настолько развращенной, чтобы он не направлял все свои задумки и размышления либо на то, что является благом, либо на то, что он сам благом считает. А мешают большинству достичь великих и славных деяний, как я могу заметить, почти всегда четыре вещи. Некоторые промахиваются в вынесении суждения, и это бывает двояким образом. Либо им мешают порочные воззрения и они упускают из виду по-настоящему благие вещи и хватаются за некие другие, пустые и не приносящие плода; либо они, хоть и сделали правильный выбор, к чему стремиться, тем не менее пытаются достичь этого не теми путями, которыми следует. Третьим мешает недостаток твердости и упорства: хотя они и разум свой с самого начала обратили к тому, что является настоящим благом, и по дорогам пошли по тем, которые ведут к избранной ими цели, однако после их либо трудность этого дела отпугивает, либо их собственное легкомыслие отвлекает, и они сворачивают в сторону, и либо ими овладевает лень, либо они вообще перестают делать усилия достичь той цели, которую поставили себе вначале. Наконец, четвертые, хотя и решение принимают правильным образом, и к избранной цели стремятся с достаточным постоянством, все же из-за слабости и недостатка сил не могут достичь того, чего хотят.

Печальнейшие примеры всех этих ситуаций легко можно найти в любой области жизни. Но сейчас я изложу то, что нынче повергло меня в эти размышления, чтобы в этом объяснении моя речь потихоньку подошла к своему непосредственному предмету.

Так вот, когда я, о Суриано, рассуждаю наедине с самим собой, как это так получается, что в наше время столь мало людей, в речи или писаниях которых можно узнать образ того самого древнего римского слога, — то выходит у меня, что и в этой беде виновны те же самые причины.

Что касается первого варианта, то можно найти некоторых людей со столь грубым разумом, что полагают, будто весь труд, затрачиваемый на создание и отделку слога, уходит впустую. А кроме того, есть такие, которые не отрицают, что нужно заботиться об умении говорить изящно, но полагают, что это нужно делать не на латинском и не на греческом языке, а на том, которым мы разговариваем в быту. Их можно было бы по заслугам презреть как каких-нибудь безумцев или тупоумных, но их извращенное мнение уже настолько распространилось и словно бы рассеяло семена по всей Италии, что увело бесчисленное множество прекрасно одаренных молодых людей от изучения тех языков, которые владеют всей культурой, всей тонкой наукой²⁸,

²⁷ *Breviter... et strictim*, выражение из Цицерона (В защиту Клеуэнция 29).

²⁸ *Elegans doctrina*, выражение из Цицерона (Оратор 3.13)

всей памятью о древности²⁹. И даже возникла опасность, как бы не получилось, если это зло пустит корни, что — хотя это всегда было особенной славой итальянцев, что из всех людей они одни умело и со знанием³⁰ пользуются латинским языком — что немного останется в Италии людей, отвечающих этой славе.

Вторым пороком, надо признать, часто страдаем мы, заальпийцы: хотя мы и считаем достойным делом достигать высот в изяществе латинской речи, мы почти всегда не очень хорошо представляем, какой дорогой к нему следует идти. По этой причине из наших земляков до сих пор меньше, чем мне хотелось бы, было таких, которые взялись бы подражать Цицерону, Теренцию, Цезарю. Без всякого различия они ворошили любые книги любых писателей, все это перемешивали, и у каждого получался в соответствии с его дарованиями некий пестрый и многообразный³¹ род языка. И им казалось, что они достигли блеска и блаженства³², если научились свободно говорить на заданную тему и доносить до других подразумеваемый смысл каким бы то ни было языком. Поэтому в Галлии и Германии тех, кто быстро и бойко³³ говорит на латыни (если это вообще называется «говорить на латыни»), можно найти бесчисленное множество, а вот тех, кто говорит хорошо и красноречиво, с трудом отыщешь одного или двух, и то только в последнее время³⁴.

Ведь и то, что я назвал на третьем месте, оказывается преградой для многих из наших земляков. Вступив однажды на верную дорогу, мы либо обесцениваем, либо нас уводит с нее некое непостоянство, чаще всего совершенно ничтожные вещи.

²⁹ Волнение Мюре понятно, раз эпидемия «извращенного мнения» о том, что народный язык также обладает ценностью, коснулась даже главного авторитета в цicerоновской латыни XVI в., Пьетро Бембо; на русском языке см.: Бембо П. Рассуждения в прозе о народном языке / пер. с итал. М. Л. Андреева // Литературные манифесты западноевропейских классицистов / сост. и ред. Н. П. Козловой. М., 1980. С. 33–49.

³⁰ *Perite ac scienter (dico)*, цicerоновское выражение (Брут 52.197, ср.: Об ораторе 2.2.5; Авл Геллий, Аттические ночи 17.5.9).

³¹ *Varium... et multiforme*, в паре только у Цицерона во Вторых академических исследованиях 1.7.26 (о телах, образованных из первоэлементов).

³² *Pulchri... ac beati*, в паре только у Цицерона (В защиту Мурены 26), где *pulchrum me ac beatum puto* («считать себя достигшим блеска и блаженства») значит что-то вроде «почивать на лаврах».

³³ *Celeriter et expedite*, выражение из Цицерона (О пределах блага и зла 5.12.36).

³⁴ Может быть, один из имеющих в виду людей — фламандский цicerонианец Кристоф де Лонгёй (1488–1522), признанный в кругу Бембо. Но у Лонгёя появились неприятели в Италии как раз в связи с тем, что цicerонианская латынь воспринималась как национальная собственность Италии. В результате, когда Лонгёю было предложено дать римское гражданство, это вызвало яростные споры и шумные судебные разбирательства в папской курии; в итоге, правда, гражданство все-таки дали. Лонгёй написал по этому поводу «Две речи в защиту от обвинений в предательстве отечества», которые сразу же после исхода дела в пользу Лонгёя были опубликованы наследниками Альда (в 1519 г. или вскоре после). Правда, Лонгёй к моменту написания нашего предисловия Мюре давно умер.

Было бы нехорошо мне самому себя расхваливать, но вот это я могу сказать без всякого тщеславия: из этих трех вещей ни одна не мешала мне в достижении некоторого умения говорить и писать. Чистоту латинской речи я всегда считал неким великим и весьма славным благом; всегда я полагал, что ее следует черпать из писаний тех авторов, которых я называл выше, и близких к ним, словно из самых чистых источников; никогда ни страх перед трудом не заставлял меня опустить руки, ни непостоянство ума не отвлекало от избранных занятий. Чтобы достичь того, к чему я всем сердцем стремился, мне не хватило сил.

Что я мог, я ограничился тем, чтобы тщательно пролистывать книги тех, кто славен успехом в этом предприятии, дабы тем самым суметь если не передать их добродетели в подражании, то по крайней мере понять эти добродетели и когда-нибудь показать отрокам, рожденным с лучшими дарованиями. И, поскольку я видел, что Цицерон по совершенному согласию столь большого количества эпох без всякого спора занимает первое место, а сам Цицерон называет Теренция наилучшим авторитетом в правильности латыни³⁵, то я с неимоверным прилежанием взялся за комедии этого поэта и даже, часто перечитывая, выучил их наизусть.

И вот недавно, когда Павел Мануций, муж учнейший и в этом владении латинской речью по всеобщему мнению достигший небывалых высот, решил снова напечатать комедии Теренция в своем издательстве, то он попросил меня ради наших дружеских отношений тщательно проверить текст и, используя древние копии и мое суждение, очистить его от тех ошибок, которыми его обезобразили небрежность, невежество и дерзость неких людей. Я с охотой взялся за это дело: во-первых, чтобы продемонстрировать уважение к человеку, которому многим обязан; во-вторых, чтобы постоянно делать что-то такое, что могло бы уменьшить труды учащихся. Я не решился бы этого сказать, если бы не знал точно, что говорю правду. Я сделал столько, что, если кто-нибудь другой после меня сделает столько же, то заслужит серьезной благодарности от почитателей этого поэта³⁶.

³⁵ *Optimum Latinitatis auctorem*. Имеется в виду цicerоновское письмо к Аттику 7.3.10: «Если же я в чем-то виноват, то в том, что говорил <о Пирее> как о месте, а не как о городе <т.е. с предлогом in>, и следовал я в этом не буду говорить за Цецилием, *mane ut ex portu in Piraeum* <«Когда с утра из порта в Пирей»>, — ведь его авторитет в правильности латыни невелик (*malus enim auctor Latinitatis est*), — но за Теренцием, про комедии которого из-за изящества языка думали, что их пишет Гай Лелий: *heri aliquot adulescentuli coimus in Piraeum* <«Вчера мы, несколько юношей, собрались в Пирее», Евнух 539><...>». Из текста Цицерона, скорее, следует, что Теренций «наилучший» (домысленное Мюре слово) в смысле «очень хороший» (элатив), но с точки зрения аргументации Мюре это слово, похоже, переосмысливается как «самый лучший» (суперлатив).

³⁶ Топос всеобщей полезности издания текстов, который мы видели в предисловиях Кальфурния и Наваджеро, продолжает существовать, но уже требует оговорки: в середине XVI в., когда более или менее приличные издания текстов уже существуют, полезность новой правки текстов сама по себе уже не так очевидна.

Этот мой труд я адресую и посвящаю прежде всего тебе, о Якопо Суриано. Во-первых, меня подвигли к тому твои особенные и выдающиеся добродетель и образованность; во-вторых, поскольку, с тех пор как я начал в этом городе за государственную плату толковать сочинения древних, вся ваша семья относилась ко мне с какой-то удивительно горячей любовью³⁷. Для тебя этот подарок будет, может быть, не очень полезен, ведь ты уже давно принял во внутренние покои философии и не так часто взор твой снисходит к этим менее серьезным³⁸ занятиям: но я верю, что подарок этот по крайней мере будет не лишен пользы для Эрмолао и Джорджо, твоих братьев, отроков весьма скромных и весьма прилежных к учению³⁹.

Будь здоров.

Из комментария Мюре к Теренцию

<Девушка с Андроса 93>. *Nam qui cum ingeniis conflictatur eiusmodi*. Книги единоклассны. Но я не понимаю, как может получаться размер. Если бы у меня были книги, которые бы подтвердили мое мнение, то я бы охотно принял такое чтение:

*Nam qui conflictat cum ingeniis eiusmodi*⁴⁰.

Ведь словом *conflicto* Теренций пользуется в «Формионе» <Формион 505>.

<Девушка с Андроса 205>. *Neque tu hoc dicas tibi non praedictum* <«И не говори, что тебе об этом раньше не говорили»>. Вот так явным образом написано в моей рукописи и в одной из тех двух рукописей, что хранятся в Антони-

³⁷ *Admirabili quodam amoris ardore. Ardor quidam amoris* («некий пыл любви») — выражение из Цицерона (Об ораторе 1.30.134).

³⁸ *Levioris operae*, редкий случай нецицероновского выражения у Мюре: оно встречается только у Плиния Старшего (Естественная история, вступл. 12) и Сенеки Младшего (О спокойствии духа 17.7).

³⁹ *Modestissimis studiosissimisque*, в паре только у Цицерона, Письма к близким 13.61.1.

⁴⁰ Мюре старается избежать недопустимого кретика (долгий—краткий—долгий) в шестой стопе, -usmodi (ср. в изложении правил устройства ямба в конце издания Мюре: «В полных, т.е. акаталектических, ямбических стихах последняя стопа всегда ямба», то есть краткий—долгий). Обычно эту проблему решают, считая, что *eius* читается в один слог, как часто бывает у Теренция. Мюре, по-видимому, вообще не знал об этой возможности. Обычно там, где *eius* читают в один слог, Мюре пишет *eiu'*, видимо подразумевая, что первый слог сокращается, а конечная *s* закономерно выпадает перед согласным, и получаются два кратких слога. Похоже, что Мюре недостаточно разобрался, но, с другой стороны, его метрическая концепция, в принципе, в равной степени позволяет описать почти все случаи явления: долгий слог у Теренция практически всегда можно заменить на два кратких. Если бы Мюре проводил свою интерпретацию последовательно, ему не пришлось бы делать таких некомментируемых исправлений, как Самоистязатель 453 *sufferre amator nunquam eius sumptus queat* вместо *amator nunquam sufferre ei(u)s sumptus queat* (можно было и здесь написать *eiu'*). Сложность возникла бы только с такими случаями, как настоящий, где к *eius* присоединяется другое слово. Но в принципе Мюре мог написать раздельно *eiu' modi*.

евской библиотеке этого города⁴¹; и это правильный текст этого места, что бы там ни выдумывал комментатор про три отрицания⁴².

<Девушка с Андроса 238>. *Uxorem decrevit dare sese mi hodie* <«Он решил меня женить сегодня»>. В других текстах *decreerat* <«уже давно решил»>. Но *decrevit* и в моей рукописи, и в тексте, напечатанном в этом городе 77 лет назад⁴³; далее, когда я буду ссылаться на его свидетельство, я буду называть его Старым Венецианским. Это издание хотя и наполнено огромным числом опечаток, как всегда бывало в то время, однако содержит так много и таких замечательных следов древней традиции, что принесло мне невероятную помощь в исправлении немалого числа мест. А что *decrevit* в данном случае предпочтительное чтение, сомневаться не следует: ведь он <Памфил> говорит не о том первом решении, по которому свадьба была назначена на этот день (иначе почему бы он говорил дальше: «Разве не следовало мне раньше сказать?» <Девушка с Андроса 238–239>? Ведь об этом он узнал довольно давно, как явствует из многих мест этой пьесы), а о втором решении, которое, как он полагает, отец принял неожиданно и вдруг. Когда я уже написал эти строки, я заметил, что в рукописи Бернардино Лауредано⁴⁴ тоже читается *decrevit*, а не *decreerat*.

<Девушка с Андроса 477>. *Num immemores discipuli?* Иные исправляют на *Num immemores discipuli?* Я же полагаю, что менять ничего не следует: ведь в третьей стопе этой строки следует так называемый прокелевматик⁴⁵, как в следующих стихах:

Cupio aliquos parare amicos beneficio meo <Евнух 149>⁴⁶.

Non fiet: hoc modo sine te exorem. scilicet <Евнух 185>⁴⁷.

Ita faciam. quid? quid aliud volui dicere? <Евнух 504>⁴⁸

⁴¹ То есть, вероятно, в библиотеке венецианского монастыря Сан-Антонио-ди-Кастелло. Там была неплохая коллекция, полностью уничтоженная при пожаре в 1687 г. (*Boncampagni B. Della vita e delle opere di Leonardo Pisano matematico del secolo decimoterzo // Atti dell'Accademia Pontificia de' Nuovi Lincei. T. V. 1852. P. 88*).

⁴² Имеются в виду схолии Доната, в которых предлагается читать стих с тремя отрицательными частями: *neque tu haud dicas tibi non praedictum* («И не говори, что тебе раньше не говорили»).

⁴³ По-видимому, Мюре то ли обсчитался, то ли считает инклюзивно, то ли думает, что текст выйдет только в 1556 г., и имеет в виду венецианское издание 1479 г., опубликованное в издательстве Никколо Джирарденго другом Лоренцо Валлы по имени Франческо Диана с комментариями Доната и Кальфурния. Венецианских изданий 1478 г. наука не знает, а в издании 1479 г. все цитируемые Мюре из «Старого Венецианского» чтения действительно обнаруживаются.

⁴⁴ Псевдоним Карло Сигонио (ок. 1524–1584), историка из Модены, университетского профессора в Венеции и Падуе, сотрудничавшего с издательством Павла Мануция. На самом деле Лауредано – фамилия знатного венецианского рода. Сигонио написал ряд исторических сочинений, а также издавал Ливия; он известен, кроме того, публикацией под именем Цицерона (в 1583 г.) «Утешения, или Об успокоении скорби» и выступлениями в защиту подлинности этого сочинения. Текст был быстро признан подделкой, и фальсификатором часто называли (и до сих пор называют) самого Сигонио (см.: *Grafton A. Forgers and Critics: Creativity and Duplicity in Western Scholarship. London, 1990. P. 45–48*).

⁴⁵ Стопа из четырех кратких слогов, -cipul(i) ego.

⁴⁶ Прокелевматик в первой стопе (cupi(o) ali-).

⁴⁷ Прокелевматик в третьей стопе (modo sine).

⁴⁸ Прокелевматик в первой стопе (ita faci-).

Потому что идея Иоахима Камерария⁴⁹ исключить из ямбических размеров и эту стопу, и амфимакр⁵⁰ мне лично по многим причинам не нравится⁵¹. Эти причины я объясню тогда, когда опубликую исправленный мною текст Плавта: а это, я надеюсь, будет скоро, если обстоятельства будут благоприятны⁵².

<Девушка с Андроса 817>. *Optume hospes* <«замечательный гость»>. Удивительно, какие мелочи для каких ученых мужей иногда создают трудности. Раньше, когда это место читалось так:

Optume hospes pol Crito antiquum obtines

<«Замечательный гость, ей-богу, Критон, ты все такой же, как раньше»>, — то Эразм, заметив, что так не получается стихотворный размер, вопреки свидетельству всех книг заменил *optume* <«замечательный»> на *opportune* <«удачным образом»>, хотя ничего менее «удачного» и придумать было

⁴⁹ Камерарий — латинский псевдоним семьи немецких ученых, настоящая фамилия которых была Либхард, но и по-немецки они были больше известны под прозвищем Каммермейстер, которое и перевели на латынь. Здесь имеется в виду Иоахим Камерарий Старший (1500–1574), знаменитый филолог и историк, близкий к Меланхтону, видный деятель Реформации. Как филолог он в основном занимался переводами с греческого на латынь, но также издал комментарий к Плавту (сначала по частям, а потом целиком в 1552 г.), который здесь, вероятно, и имеется в виду. Ср.: *M. Accii Plauti Comoediae .V. magna cum cura emendatae a Ioach<imo> Camerario Pab<epergensi> modo editae cum annotationibus eiusdem: et privilegio quinquennii. Lipsiae, 1545. Fol. Cc2 r*: «Но даже трагики <у которых, имеет в виду Камерарий, метрика строже, чем у комиков>, особенно латинские, не соблюдали это правило <что ямб можно заменять только на спондей>, и комики ставят во всех позициях без разбора любые из пяти стоп: дактиль, анапест, трибрахий, спондей, ямб»; Fol. Cc3 v (о трохее): «В этом размере в любой позиции можно найти дактиль, анапест, спондей, трохей, трибрахий». Хотя гнездом снобистского цicerонианства, как можно понять из предисловия Мюре, была Италия, немец Камерарий объясняет, зачем нужно издавать Плавта, похожим на Мюре образом (Ibid. Fol. Bb7 r): «Но вот какой вариант языка надежен и устойчив и является единственным образцом для подражания для всех, кто стремится к образованности и к высокой культуре, — язык Цицерона и тех, кто жил в то время, но прежде всего Цицерона как первого лица и авторитета в правильности латыни... Кто поймет это, будет читать сочинения Плавта и Теренция, как бы собирая у них материал для хорошего языка и, если нам позволено будет так выразиться, для латинского красноречия, и не будет бредить в выборе слов и фигур речи».

⁵⁰ Другое название кретика (долгий — краткий — долгий). Цицерон называет эту стопу кретиком (Об ораторе 3.183, Оратор 215), но Квинтилиан указывает, что название «амфимакр» более редкое (Воспитание оратора 9.4.81). Камерарий использует оба названия (Ibid. Fol. Cc3 v).

⁵¹ Пример метрического решения Мюре, с которым никто не спорит. Все примеры метрически безупречны.

⁵² Обстоятельства не были благоприятны. Сперва на волне критики издания Теренция Мануций не стал печатать Плавта Мюре, а в 1580 г. Мюре пишет в письме к Паоло Сакрати о том, что кто-то из людей, которых он пускал в свою библиотеку, украл «книгу Плавта, над правкой которого я потел 24 года и более»: «Плавт убивает меня, Плавт не дает мне дышать, лишает меня сил; Плавт не позволяет мне успокоиться. Пропали впустую труды и бдения стольких лет; отнято удовольствие, которое я в изобилии получал от его чтения; уничтожена надежда на ту скромную славу, на которую мне позволяло уповать исправление столь многих мест...» (*M. Antonii Mureti Opera Omnia/cum ann. D. Ruhnkenii. Vol. I. Lugduni Batavorum, 1789. P. 580–581*).

нелзя⁵³. Гувейя⁵⁴, презрев авторитет как древних книг, так и Доната, добавил слово *morem* <«нрав»>, вот таким образом:

Morem optume hospes pol Crito antiquum obtines

<«Замечательный гость, ей-богу, Критон, твой нрав все такой же, как раньше»>.

Я же, добавив всего одну маленькую букву (как легко переписчики могли ее пропустить, всякому понятно: они ведь часто допускали такую ошибку, что писали только одну букву, когда надо было ее повторить дважды), — так вот, добавив эту букву, я, как я полагаю, место это выправил⁵⁵.

<Евнух 265>. *Viden', ossum, et cibus quid faciat alienus?* <«Видишь, что творит кость и чужой хлеб?»> И здесь я тоже последовал за авторитетом Пьетро Бембо: я думаю, что ни один ученый и благоразумный человек не должен им пренебрегать. Но в тех книгах, которые я видел, во всех было либо *osium*, либо *otium* <«досуг»>. Слово *ossum* <«кость»> поясняет Флавий Харисий⁵⁶.

⁵³ Знаменитый Эразм Роттердамский (1466–1536) издал Теренция в 1532 г. в базельском издательстве Фробена (см. хороший разбор этого издания: *Thomson D. F. S. Erasmus and Textual Scholarship in the Light of Sixteenth-Century Practice* // *Erasmus of Rotterdam, the Man and the Scholar* / ed. by J. Sperna Weiland and W. T. M. Frijhoff. Leiden, 1988. P. 162–165). Он печатает в тексте *optume* и добавляет примечание: «Если в начале стиха добавить *morem*, то размер будет правильный, или если вместо *optume* читать *oportune*. И вероятно, что эта ошибка возникла по недосмотру scriptoris, потому что Донат не добавляет слово *morem*» (*P. Terentii comoedias... idque studio et opera Desiderii Erasmi Roterodami... Venetiis, 1539. Fol. XXXr*). Слово *scriptoris* может, вероятно, обозначать как переписчика, так и автора; если принять второй вариант, то получится, что Мюре не совсем понял Эразма, имевшего в виду, что Теренций допустил метрическую вольность и ее, скорее, не нужно исправлять. Впрочем, первый вариант выглядит правдоподобнее.

⁵⁴ Антонио де Гувейя (1510–1566), португальский гуманист, юрист и поэт, подготовивший текст Теренция для лионского издательства Себастьяна Грифиуса в 1541 г. Гувейя жил во Франции, где был знаком с Мюре; в корпусе юношеской поэзии Мюре есть даже эпиграмма, адресованная Гувейе: *Summe poetarum, quos saecula nostra tulerunt...* («Лучший из поэтов, рожденных нашим веком...») (*Muret M. -A. The Iuvenilia of Marc-Antoine Muret* / ed. by K. M. Summers. Columbus, 2006. P. 68). Конъектура, которую ему приписывает Мюре, на самом деле, очевидно, также уже была предложена Эразмом. Мюре привычно небрежен, может быть, цитирует по памяти.

⁵⁵ Мюре имеет в виду конъектуру <о> *optume hospes* («о замечательный гость»), напечатанную им в тексте. Догадку Мюре подтвердил текст рукописи X в. *codex Victorianus* (Laurentianus 38.24), принадлежавшей Веттори и использованной Фаэрно.

⁵⁶ Имеется в виду текст античного грамматика Харисия (1.138.21–139.3 Keil): «*Ossum* сказать нельзя, потому что всякое имя среднего рода, которое в именительном падеже заканчивается на *m*, не может в дательном и отложительном падежах множественного числа заканчиваться на слог *bus*, <как происходит с формой *ossibus*: собственной формы дательного/отложительного падежа у *ossum* нет>, как *aptum, bonum, cavum, datum*. Тем не менее Геллий <то есть Гней Геллий в несохранившихся «Анналах»> пишет в XXXIII книге: *calvariaeque eius ipsum ossum expurgarunt inauraveruntque* <«а саму кость его черепа отполировали и покрыли золотом»>». Ср. также: 1.55.7–8 Keil.

Что касается смысла этого места, я согласен с тем, что написал образованнейший муж Пьер Веттори в книгах «Разных чтений»⁵⁷.

<Евнух 987>. *An in Astu venit?* <«Он что, приехал в город (Astu)?»>. Тем же словом пользуется и Марк Туллий во второй книге «О законах» <2.5>: *Vestri Attici, prius quam eos Theseus demigrare ex agris et in Astu, quod appellatur, omnes se conferre iussit* <«Ваши аттики, прежде чем Тесей приказал им покинуть сельскую местность и всем переселиться в так называемый Astu»>, — и т. д.⁵⁸

<Самоистязатель 115>. *Aetate me putavit, et sapientia* <«Он решил, что я благодаря возрасту, и благодаря мудрости (знаю больше и более предусмотрителен, чем он)»>. В других книгах:

Et aetate putavit me, et benevolentia

<«Он решил, что и благодаря возрасту, и благодаря доброжелательству я»>.

Это вполне складное чтение, и оно подкреплено свидетельством древних книг (хотя в них все время пишется *benivolentia*). Я предпочел последовать за авторитетом и за свидетельством Пьетро Бембо⁵⁹.

⁵⁷ Имеется в виду следующее место в собрании заметок Веттори (книга 7, глава 12): «В той же самой комедии то место, которое обычно читают *Viden' otium et cibus quid faciat alienus?* <«Видишь, что творит досуг и чужой хлеб?»> — слова гневающегося Парменона, реплика паразита, полная надменности и строптивости — по свидетельству Пьетро Бембо, в его древней копии читается так: *Viden' ossum*. Кажется, ему очень нравится это чтение, хотя смысла его он не объясняет: ведь он только вот что говорит об этом в речи о комедиях Теренция: «Также и в 'Евнухе' вот это слово *ossum*, вместо *os* <«кость»>: по этому слову легко понять, насколько правильное в той старой книге, которую я уже столько раз упоминал, это место читается так: *Viden' ossum et cibus quid faciat alienus?* — чем как в прочих книгах, где вместо *ossum* читается *otium*» <Petri Bembi Op. cit. P. 55>. Если это верное чтение (а я думаю, что верное), то я полагаю, что *ossum* здесь употребляется по старинному обыкновению, на которое поэт сразу и указывает. Ведь, как кажется, следующее слово, *cibus* <«еда»>, его поясняет, так что получается обычное выражение, которым и мы часто пользуемся, когда говорим о том, что кто-то питается за чужой счет и не жалеет собственного имущества. Ведь мы говорим, что он его «с костями съедает». Если только кто-то не предпочтет считать, что выражение произошло от того, что мясо, которое ближе к кости, слаще. Это подтверждает и греческий поэт, автор такого сохранившегося у Афиней стиха: «Ведь, как говорят, у кости мясо сладкое»» <Petri Victorii Variarum lectionum libri XXV... Lugduni, 1554. P. 115; цитируемый у Афиней поэт — Махон, см.: Афиней 6.43>. Это пример того, насколько ненадежной оказывается передача информации о рукописи через третьи руки. Габриэлло Фаэрно в комментарии к этому месту пишет так: «А что касается того, что некоторым показалось, будто в экземпляре Бембо вместо *otium* написано *ossum*, то те, кто изучил эту книгу более тщательно, отметили следы написания каламом слова *otium*, только от старости чернила там стерлись. А иллюзию, что написано *ossum*, создало у некоторых некое пятно на следующей странице: от слипания с тем пятном в этом слове на месте *t* и *i* образовалось подобие двух *s*» (цит. по: P. Terentii Afri Comoediae / recensuit notasque suas et Gabrielis Faerni addidit Richardus Bentleius... Kiliae; Parisiis; Londini, 1846. P. 111).

⁵⁸ Пример не текстологического примечания. Мюре поясняет ссылкой на Цицерона употребление действительно редкого слова: оно, кроме того, из классических писателей встречается только у Корнелия Непота и Витрувия.

⁵⁹ Слово «свидетельство» (*testimonium*), видимо, должно указывать, что Мюре полагал, будто Бембо приводит чтение своей знаменитой рукописи Теренция (и, вероятно, одобряет его) (см. следующее примечание Мюре о рукописи). На самом деле этот стих в *codex Vembinus* отсутствует, Бембо, видимо, пред-

<Самоистязатель 143>. *Victum exercebant suum* <«добывают свое пропитание»>. Дени Ламбен, человек замечательной учености и не меньшей добросовестности, полагает, что здесь следует читать *victum exarcirent suum* <«залатывают дыру, образуемую расходами на их пропитание»>⁶⁰. Но в книге Пьетро Бембо не только, как в других текстах, написано *exercebant*, но еще и на полях приписано некое объяснение этого слова, подтверждающее исправность такого чтения. А авторитет этой книги должен быть очень высок. Потому что она настолько древняя, что Анджело Полициано, который видел много древних книг, утверждал, что она самая древняя из всех книг любого рода, которые он когда-либо видел. Я помню, как читал об этом в записи, сделанной рукой самого Полициано⁶¹.

<Братья 268>. *Ego illam facile vero omitto* <«Ее-то (грусть) я легко отброшу»>. Так я исправил по рукописям; а прежде читалось *Ego illam hercle vero omitto* <«Ее-то я, ей-богу, отброшу»>. Но я не понимаю, как может получиться

ложил просто свою конъектуру. Ср.: *Petri Bembi Op. cit.* P. 60: «А из "Самоистязателя" мне в первую очередь приходят в голову <как пример места, которое надо исправить> эти слова Менедема, обращенные к брату: *putavit me aetate et sapientia...*» (порядок слов Мюре изменил).

⁶⁰ Похоже, речь идет о конъектуре, которую Ламбен сообщил Мюре лично. Ту же самую конъектуру Ламбена (не высказывая о ней мнения) Мюре также опубликовал в 1559 г. в главе 7.13 «Разных чтений» (*M. Antonii Mureti Variarum lectionum libri XV, ad Hippolytum Estensem, cardinalem, ac principem illustrissimum. Antverpiae, 1580. P. 168*). О Ламбене и его отношениях с Мюре см. посвященный самому Ламбену раздел настоящего сборника. Адриан де Турнебу в своих «Заметках» (1564–1565, глава 3.5) рассматривает возможность в этом месте читать *exarcirent* (орфографический вариант того же самого чтения *exarcirent*, который также обнаруживается в некоторых рукописях) и пишет: «Я когда-то думал, что так надо писать в этом месте Теренция, и вижу, что и некоторые другие люди тоже так думают» (*Adriani Turnebi philosophiae, et Graecarum litterarum Regii professoris Adversariorum libri triginta, in tres tomos divisi...* T. I. Parisiis, 1580. P. 80). Возможно, речь как раз о Ламбене.

⁶¹ Имеется в виду знаменитый *codex Bembinus* (ныне *Vaticanus Latinus 3226*), древнейшая из дошедших до нас рукописей Теренция, датируемая IV–V вв. Ср.: *Petri Bembi Op. cit.* P. 61: «Эрмолао. А на полях той странички, где были эти строки, я еще видел, было приписано объяснение слова *exercebant* буквами поменьше, вот такое: *exercebant, resarcirent: hoc est in sumptu exercebantur suo. Virg. Ferrum exercebant: pro, in ferri fabrica exercebantur* <«Добывают: залатывают, то есть занимаются добычей своего содержания. У Вергилия *Ferrum exercebant* вместо *in ferri fabrica exercebantur*», – пример из Энеиды 8.424 иллюстрирует употребление глагола. Где конец схолии, Бембо никак не поясняет>. Не кажется тебе, Помпоний, что это пояснение этого самого слова, написанное каким-то ученым человеком? – Помпоний. Мне-то, конечно, кажется. Ибо что можно было более уместного привести? А от тебя, Эрмолао, я в восторге: даже эти мелочи не ускользнули от тебя». Современные издатели Теренция (например, Р. Кауэр и У. М. Линдсей), правда, как раз полагают на основании этой глоссы, что ее автор читал предложенный Ламбеном текст. – Запись, о которой говорит Мюре, сделана рукой Полициано на самой бембовской рукописи: «Я, Анджело Полициано, человек, к древностям отнюдь не равнодушный, признаю, что до сего дня не видел более древнего экземпляра». К 1491 г., когда Полициано получил доступ к рукописи Бембо, он уже видел «Римскую рукопись» Вергилия V в. (он использует ее в «Смеси», 1489 г.: см.: *Grafton A. On the Scholarship of Politian and its Context // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 40. 1977. P. 150*): значит, Полициано смог (скорее всего, правильно) определить, что рукопись Бембо древнее. Интересно, что Мюре, судя по этому примечанию, имел непосредственный доступ к рукописи Бембо: несмотря на это, он цитирует ее чтения только через вторые и третьи руки.

размер, если не читать *qui te fratrem habeam quidem* <«ведь у меня же есть такой брат, как ты»>⁶².

<Формион 850>. — *curialis vernula est, qui me vocat* <«куриальный раб меня зовет»>⁶³. Вот здесь мне помог Старый Венецианский: ведь во всех остальных книгах эти слова отсутствовали.

<Свекровь 609>. *Quod faciundum fortasse sit postidea, hoc nunc si feceris* <«Если ты сейчас сделаешь то, что тебе, быть может, придется делать потом»>. Так в некоторых из древних книг. Другие, из-за незнания со старинным словом⁶⁴, исправили на *post idem* <«потом то же самое»>.

⁶² В тексте Мюре печатает *qui quidem te habeam fratrem*. Смысл изменения в том, чтобы в конце ямбического стиха был ямб (*quidem*, краткий—долгий), а не спондей (*fratrem*, долгий—долгий; см. примеч. 40). При этом Мюре не комментирует удаление фразы *o mi Aeschine* «о мой Эсхин» в конце стиха (возможно, он имел в виду, что это глосса к следующей далее фразе *o mi germane*, «о мой брат»). Другие издатели, удерживая стих в форме *qui quidem te habeam fratrem, o mi Aeschine*, сталкиваются с большими трудностями в интерпретации метрики и вынуждены за счет каких-то допущений укорачивать стих. Фаэрно предлагает, чтобы получился размер, читать *habeam* в два слога и считать, что в слове *quidem* конечная *m* «элидируется» перед согласной (*P. Terentii Afri* Op. cit. P. 307): тоже достаточно искусственное решение проблемы. Ричард Бентли (*Ibid.*) также читал *quidem t-* как два кратких слога и при этом допускал прокелевматику. Р. Кауэр и У. М. Линдсей решают проблему допущением, что *qui* перед *quidem* сокращается. Мюре, правда, в отличие от остальных, не использует закономерной у Теренция возможности считать первый слог в *illam* кратким. Но это, в принципе, само по себе не ошибка.

⁶³ В тексте Мюре эта фраза вставляется после слова *vapulabis* в 850 стихе (продолжение реплики Геты). Эту фразу, метрически вполне вписывающуюся, оставляли в тексте некоторые издатели XIX в.: если это интерполяция, то не очень понятно, зачем кто-то мог ее сделать (отвечают на это обычно, что для регуляризации метра после искажения *vapula* в *vapulabis*). В издании Франческо Дианы, однако, эта фраза шла после слова *verbero* (и также принадлежала Гете): <*Terentii Comoediae*>. Venetiis, 1479. Fol. u vii r.

⁶⁴ *Postidea*. Это редкое слово фиксируется, кроме того, только у Плавта.

Глава 11

Эсхил Пьера Веттори и Анри Этьенна: издание греческих текстов в XVI веке

(М. В. Шумилин)

В настоящей главе мы поговорим о специфике издания древнегреческих текстов в XVI в.¹ Дело с ними обстояло не совсем так же, как с изданием латинских. Греческие тексты стали издаваться позже и требовали более редкой квалификации. В XVI в., когда неизданных классических латинских текстов практически не оставалось, а большинство из них существовало уже в десятках разных изданий, *editiones principes* греческих текстов продолжали выходить еще долго. Среди дошедших до нас античных текстов греческих вообще значительно больше, чем латинских. Многие тексты еще нужно было отыскать в закоулках библиотек. Поэтому издательская деятельность этого рода вообще в большей степени напоминала то, чем стала текстология в XIX в.: нужно отыскать по возможности вообще все релевантные рукописи и выделить лучшие из них. Как это происходило, удобно будет показать на примере издания Эсхила. Полностью все дошедшие до нас трагедии были опубликованы только в 1557 г., потому что большинство рукописей содержит только «византийскую триаду» («Прометея», «Семерых против Фив» и «Персов»), а из тех, в которых есть другие трагедии, практически во всех текст «Агамемнона» не полон. Для публикации «Просительниц» и «Хозэфор» нужно было найти либо древнейшую из дошедших рукописей М (Laurentianus 32.9, X в., привезенную в Италию в 1423 г. Джованни Ауриспой из его восточной поездки), либо какую-то из рукописей XIV–XV вв., воспроизводящих текст М (а их сохранилось всего пять)². Для публикации полного текста «Агамемнона» нужно было найти либо рукопись F (Laurentianus 31.8, XIV в.), либо копию Димитрия Триклиния (ныне Neapolitanus II. F. 31, XIV в., обозначается Tr1 или Tr), либо какую-нибудь рукопись, производную от F, которых тоже сохранились единицы (конкретнее, четыре)³.

¹ См. в целом о гуманистической эллинистике: Wilson N. G. *Da Bisanzio all'Italia: Gli studi greci nell'Umanesimo italiano*. Alessandria, 2000.

² Turyn A. *The Manuscript Tradition of the Tragedies of Aeschylus*. New York, 1943. P. 17–26.

³ См.: Ibid. P. 79–82.

Издать Эсхила хотел уже Альд Мануций, который писал об этом Андреа Наваджери в 1513 г.⁴, но до своей смерти он сделать этого не успел. В итоге первое издание Эсхила вышло в альдинском издательстве в 1518 г. Это было уже время семьи д'Азола. К ним многие были настроены враждебно, и издание Эсхила оказалось одной из основных мишеней для критики. Франческо Робортелло писал по поводу него: «А вторая причина <того, что почти никто до сих пор не читал Эсхила>, — наши земляки, которые с такой небрежностью организуют переписывание и печать сочинений древних. Они думают, что вполне выполнили свой долг, если напечатали книжку изящным шрифтом; одним только этим они и добиваются спроса на книги, почти не думая или даже вообще не думая о том, что о них скажут ученые мужи, суждения которых следовало бы бояться в первую очередь»⁵. Робортелло, впрочем, был одним из самых агрессивных ренессансных ученых, за что получил прозвище Грамматический пес (*Canis grammaticus*)⁶, и следует учитывать, что такие обвинения в эпоху Возрождения часто были вызваны личными ссорами. Издание Эсхила 1518 г. и правда было выполнено не очень критично по достаточно сильно испорченным рукописям (по-видимому, использовалась прежде всего рукопись *Guelferbytanus Gudianus* gr. 88, XV в.)⁷, но оно все же содержало шесть трагедий из дошедших до нас семи (кусоч «Агамемнона» там был соединен с «Хозфорами», а большая часть «Агамемнона» — 318–1076 и с 1168 стиха «Агамемнона» по 8-й стих «Хозфор» — отсутствовала).

После этого в 1548 г. вышел «Прометей» с комментарием Жана Дора, но это издание настолько редкое, что Рудольф Пфайффер вслед за Пьером де Нольяком допускал, что оно вообще миф и на самом деле не существовало, учитывая нелюбовь Дора печатать свои наблюдения⁸. На самом деле оно все-таки было, на сегодняшний день обнаружены три экземпляра: один попорченный в Кембри-

⁴ Lewis J. Adrien Turnèbe (1512–1565): A Humanist Observed. Geneva, 1998. P. 120.

⁵ Scholia in Aeschyli tragoedias omnes ex vetustissimis libris manuscriptis collecta, atque in hoc corpus redacta a Francisco Robortello Utinensi. Venetiis, 1557. Fol. 2^r. Ср.: *Aeschyli Tragoediae Septem: Nunc primum ex manuscriptis libris ab infinitis erratis expurgatae, ac metris suis restitutae* a Francisco Robortello Utinensi. Venetiis, 1552. Fol. a7 r: «Значит, эту книгу Эсхила или вообще не следовало издавать, или надо было издавать как следует отшлифованной и поправленной» (цит. по: Lewis J. Op. cit. P. 121, n. 40).

⁶ Хотя альдинского Эсхила критиковал не он один, ср. слова Адриана де Турнебу: «Потому что, найдя это издание усеянным просто-таки мириадами ошибок и обнаружив, что оно как будто все опухло от злокачественных и гангренозных язв, мы часто оказывались в нерешительности и не знали, как добиться смысла от того текста, который у нас имелся» (Ibid. P. 121, n. 41).

⁷ *Aeschyli Tragoediae superstites et deperditarum fragmenta*/ex rec. G. Dindorfii. T. II. Oxonii, 1861. P. 4. А. Турын обозначает эту рукопись как Мс, это одна из рукописей, производных от М. Судя по отступлению от текста Мс, в тексте «триады» создатели альдинского издания также использовали *Venetius Marcianus* gr. 370, XV в. (Ibid. P. 10).

⁸ Pfeiffer R. History of Classical Scholarship: From 1300 to 1850. Oxford, 1976. P. 106, n. 6. О Дора см. подробнее с. 239 настоящей монографии.

дже и два лучше в Руане и Валони⁹. Однако Дора готовил издание для учащихся и потому просто использовал текст альдинского издания, внеся только одно исправление в текст и предложив очень немного поправок в качестве вариантов. О конъектурах Дора к Эсхилу, которые вообще были многочисленны и производили сильное впечатление на современников, мы знаем в основном из записей учеников Дора.

Таким образом, дело публикации Эсхила к началу 1550-х гг. зашло не очень далеко, особенно если сравнивать с публикацией латинских текстов. Но в данном случае для полноценной публикации все-таки совершенно необходимо было проделать поиск лучших рукописей. И в 1550-е гг. всего за одно десятилетие произошел резкий рывок. В 1552 г. вышли сразу два издания, в Венеции — издание Робортелло, а в Париже — издание Адриана де Турнебю. Раньше считалось, что основанием для улучшения текста для обоих издателей могла послужить флорентийская рукопись М (Mediceus Laurentianus 32.9), самая древняя из рукописей, содержащих шесть трагедий¹⁰. Но это, по-видимому, на самом деле не так. Тем не менее какие-то относительно неплохие рукописи все же были найдены. Турнебю (или Тюрнеб, *Adrianus Turnebus*, 1512–1565), еще один человек из круга Дора, профессор Королевского колледжа в Париже и королевский печатник, говорил в своем предисловии, написанном на древнегреческом языке: «Однако мы не стали бы колебаться, утверждая, что три из трагедий мы правили произвольно. Ибо, получив весьма древний экземпляр от светлейшего председателя Эмара де Ранконе (παρὰ τοῦ λαμπροτάτου προέδρου Αἰμάρου Ῥαγκωνήτου)¹¹, мы обрели основание для того, чтобы выверить прекрасное издание тех трех трагедий. Но в остальных мы хромаем, и вправить на место тот же самый сустав мы не можем из-за отсутствия копий. Но все же многое мы привели

⁹ *Magnani M.* <Review of> *Taufer M.* Jean Dorat editore e interprete di Eschilo / pref. di M. Mund-Dopchie. Amsterdam, 2005 // *Bryn Mawr Classical Review*. 2007. 25 dec.

¹⁰ *Pfeiffer R.* History of Classical Scholarship: From 1300 to 1850. P. 111.

¹¹ Эмар де Ранконе (1498–1559) был председателем апелляционного суда (*président aux enquêtes, inquisitoriarum classium praeses*) при парижском парламенте. Судьба этого достаточно просвещенного человека, автора «Поэтического словаря», опубликованного Шарлем Этьенном в 1553 г., была совершенно ужасной: сам он был в 1559 г. заключен в Бастилию по обвинению в инцесте с дочерью, на самом же деле, по мнению Жака-Огюста де Ту (*Jacobi Aug. Thuani Historiarum sui temporis Partis primae Tomus II. Parisiis, 1604. P. 758–760*, подробнее см.: *Lewis J.* Op. cit. P. 123–124, n. 47), из-за конфликта с Шарлем де Гизом, вызванного мягким отношением Ранконе к гугенотам (де Ту пишет, что Ранконе, «большой знаток той науки, которой он занимался вместе с Джироламо Кардано, заранее знал из изучения звезд, что его ждет такая судьба»); жену Ранконе убило молнией; сын Ранконе был повешен; дочь умерла в нищете. Питер Элмсли отождествлял манускрипт Ранконе с *Parisinus gr. 2789, XV в.*, обозначаемым у А. Турына как *Pd* (*Dibdin T. F.* An Introduction to the Knowledge of Rare and Valuable Editions of Greek and Latin Classics. London, 1827. Vol. I. P. 237). Этой рукописью непосредственно после ареста Ранконе владел Жан де Тийе, судебный писарь при парижском парламенте (*Aeschyli Tragoediae superstites et deperditaria fragmenta. T. II. P. 7*).

в здоровое состояние, что-то с помощью сопоставления со схолиями, что-то по подсказке смысла самих слов»¹².

Точно так же рукопись М, по-видимому, на самом деле не использовал непосредственно и Робортелло¹³. Франческо Робортелло (или Робортелли, 1516–1567) из Удине наиболее знаменит тем, что создал первый полный комментарий к «Поэтике» Аристотеля (1548)¹⁴. Кроме того, он издавал близкие по содержанию тексты («О возвышенном» в 1554 г., editio princeps; перифразу «Науки поэзии» Горация в 1548 г.), военный трактат Элиана (1552, editio princeps), по-видимому, гимны Каллимаха (1555), а также несколько собственных сочинений. Для нашего рассмотрения особенно важно «Рассуждение о науке, или методе, исправления книг древних» (*De arte sive ratione corrigendi antiquorum libros disputatio*, 1557).

Стоит ненадолго отвлечься от нашего основного предмета и остановиться на этом тексте, поскольку это первое теоретическое изложение принципов критики текста. При составлении настоящей антологии мы ставили перед собой задачу представить, скорее, практику и дело ренессансной текстологии, поэтому мы не включаем текст Робортелло целиком. Однако, чтобы дать представление о текстологической теории, мы сделаем здесь отступление и вкратце изложим содержание трактата. Как мы увидим, впрочем, и по этому тексту, и по тому факту, что жанр этот не был массовым и самоочевидным¹⁵, текстология XVI в. и сама по себе была прежде всего научной практической.

¹² Αἰσχύλου Προμηθεὺς Δεσμώτης. Ἑπτὰ ἐπὶ Θήβαις. Πέρσαι. Ἀγαμέμνων. Εὐμένιδες. Ἰκετίδες. Ἐκδιδομένων ὑπὸ Ἀδριάνου Τουρνέβου. Parisiis, 1552. Fol. A2 г. Цит. по: Lewis J. Op. cit. P. 115, n. 30.

¹³ Smith O. L. Studies in the Scholia on Aeschylus. I: The Recensions of Demetrius Triclinius. Lugduni Batavorum, 1975. P. 54.

¹⁴ На русском см. о нем: Козлова Н. П. Ранний европейский классицизм (XVI–XVII в.) // Литературные манифесты западноевропейских классицистов / сост. и ред. Н. П. Козловой. М., 1980. С. 10 и в комментариях к переведенным там текстам, passim; Андреев М. Л. Итальянское Возрождение: От стиля к жанру // Историческая поэтика / отв. ред. П. А. Гринцер. М., 1994. С. 318; Лозинская Е. В. Итальянская поэтика // Европейская поэтика: От античности до эпохи Просвещения / под ред. Е. В. Лозинской, А. Е. Махова, Н. Т. Пахарьян, Л. В. Сковрцова, Е. А. Цургановой, Н. Б. Калашниковой. М., 2010. С. 136; Позднев М. М. Психология искусства: Учение Аристотеля. СПб., 2010. С. 369–371. На русский язык переведено одно из приложений к Аристотелю, посвященное комедии: Робортелло Ф. Толкование всего, относящегося к искусству комедии / пер. с лат. В. Бибикина // Эстетика Ренессанса / сост. В. П. Шестаков. М., 1981. Т. 2. С. 107–119.

¹⁵ Хотя сочинение Робортелло все-таки не было в XVI в. единственным теоретическим текстом о текстологии: Виллем Кантер опубликовал свой «Свод о методе правки греческих писателей» (*De ratione emendandi scriptores Graecos, syntagma*) в 1566 г. (в составе базельского издания Элия Аристидаса), Каспар Шоппе свою «Заметочку о науке критики, и особенно о ее второй части, эмендационной, каким методом следует пользоваться при правке латинских писателей из головы» (*De arte critica, et praecipue de altera eius parte emendatrice, quae ratio in Latinis scriptoribus ex ingenio emendandis observari debeat, commentariolus*) – в 1597 г. См.: Vanek K. *Ars corrigendi in der frühen Neuzeit: Studien zur Geschichte der Textkritik*. Berlin, 2007.

Во вступлении обосновывается сама попытка последовательного изложения принципов критики текста (Робортелло предполагает, что читателям правильность такого решения не покажется очевидной: ведь подготовка текста мыслится ими как исключительно практическая работа, которой обучаются как ремеслу, а не как теоретической науке. Именно поэтому, конечно, написание таких трактатов и не было привычным делом). Далее перечисляются требования к образованию издателя древних авторов (прочие тексты вообще не заслуживают работы по выправлению). Он должен быть весьма начитан и не должен выдавать за свои открытия давно известные вещи (и, как обычно в XVI в., в качестве примера следует обвинение в плагиате: плагиатор не назван, но имеется в виду Мюре)¹⁶. После Робортелло переходит к разбору двух вариантов правки текста: конъектуральной и по книгам (рукописным либо печатным)¹⁷. Далее следует довольно странный раздел, посвященный латинской палеографии. Бытовому, беглому современному письму противопоставляется два более древних типа, и отдельно говорится об автографах древних авторов, которые, по мнению Робортелло, до нас вообще не дошли¹⁸. Подробности этой схемы туманны¹⁹. Для датировки греческих

¹⁶ Робортелло пишет, что «уже давно» отыскал сохранившийся в виде цитат текст Мимнерма (фр. 1.1 West: «Какая может быть жизнь, какая улада без золотой Афродиты?»), который имеет в виду Гораций (Послания 1.6.65–66: «Если, как полагает Мимнерм, без любви и забав ничего приятного не бывает, то живи в любви и забавах»), а «год назад нашелся такой человек, который их открытие приписал себе» (*Francisci Robortelli Utinensis De convenientia supputationis Livianae ann. cum marmoribus Rom. quae in Capitolio sunt; Eiusdem De arte, sive ratione corrigendi veteres Authores, disputatio; Eiusdem Emendationum libri duo: Ad clariss. virum Ioannem Bernardi F. Donatum Patritium Venetum. Patavii, 1557. Fol. 1v*). Имеется в виду вышедший в 1555 г. комментарий Мюре к Горацию, где говорится: «А стихи, в которых высказывается упоминаемая здесь мысль, мне кажется, я нашел у Стобея», — и дальше цитируется то самое место из Мимнерма (*M. Antonii Mureti Opera omnia, ex MSS. aucta et emendata, cum brevi adnotatione Davidis Ruhnkenii. T. 2. Lugduni Batavorum, 1789. P. 963*). Фразу Мюре, собственно, не обязательно нужно понимать в том смысле, что «ему кажется, что именно он (первым) нашел»: может быть, он просто имел в виду, что «ему кажется, что он нашел именно то».

¹⁷ *Corrupta authorum loca emendantur aut coniectura, aut veterum librorum, qui manuscripti sunt, aut impressi, scriptione. Timpanaro S. The Genesis of Lachmann's Method / ed. and tr. by G. W. Most. Chicago, 2005. P. 46, n. 3* в качестве примера сознательного разделения конъектуральной правки и правки по книгам в ренессансной текстологии указывает на Пьера Веттори: «Исправление места в “Записках о галльской войне” отчасти с помощью древней книги, отчасти по догадке» (*Correctus locus... partim ope antiqui libri: partim coniectura*), «Мне кажется, что я восстановил это место, отчасти по догадке, отчасти с помощью древней книги» (*partim coniectura: partim ope antiqui libri restituisse: Petri Victorii Variarum lectionum XIII. novi libri... Florentiae, 1569. P. 92, 188*). Как мы видим, это разделение старше.

¹⁸ Здесь Робортелло противостоит, например, Полициано, полагавшему, что он нашел авторский текст Юстиниановых Пандект: см. главу 16.

¹⁹ Два варианта старинного письма Робортелло описывает так: во-первых, «книги лангобардов», которые «очень хорошо выправлены» и в которых «буквы очень непохожи на наши, но разбираются легко»; во-вторых, книги, «как кажется, написанные у нас в Италии» и у которых «в конце часто приписано имя Юлия Цельса». Про оба (? , по-видимому) варианта говорится, что «они все написаны на пергамене, и их легко отличить от книг более позднего времени, ведь в них нет тильд (lineae superpositae) и все написано аккуратно». Что все это значит, не вполне ясно. К поздним книгам, очевидно, скопом отнесено все, что активно пользуется тильдами, то есть все рукописи каролингского и более позднего времени. Под

рукописей релевантнее, согласно Робортелло, различие писчего материала, к которому автор и переходит далее. Выделяются древесные листья, металл, тряпичный материал, папирус, пергамен, бумага. Отмечается их хронологическое распределение; упоминается о существовании палимпсестов. Чтобы показать, как важна здравая оценка материала, указывается на неверную атрибуцию Анри Этьенном (имя снова не названо) недавно опубликованного корпуса «Анакреонтических стихотворений» Анакреонту на основании того, что они были обнаружены *in cortice* (букв. «на древесной коре», обычно считается, что Этьенн имел в виду папирус)²⁰. Далее говорится о том,

первым вариантом имеется в виду, вероятно, не то, что сейчас называется «лангобардским шрифтом» (см.: *Timpanaro S. Op. cit.* P. 51, п. 20), а что-то другое докарولينское, может быть, унциал (*Kenney E. J. The Classical Text: Aspects of Editing in the Age of the Printed Book. Berkeley, 1974. P. 31*). Со вторым сложнее, поскольку Юлий Цельс — просто античный корректор, имя которого упоминается в некоторых из рукописей «Галльской войны» Цезаря. Эдвард Кенни предлагает в тексте Робортелло читать перед именем Юлия Цельса слово *velut* («например») и считать, что имеется в виду итальянский готический шрифт (*Ibid*). Это в принципе реалистичная интерпретация, но, кроме нескольких мелких противоречий (в итальянском готическом шрифте вообще иногда употребляются тильды, и к тому же Робортелло тогда должен сильно ошибаться в его датировке — может быть, конечно, эта ошибка была вызвана впечатлением, что Юлий Цельс — персонаж римского времени, раз к нему прилагается титул *vir clarissimus*, «муж светлейший»), она приводит к серьезной странности: почему в схеме Робортелло нет места для маюскульного капитального шрифта, безусловно известного гуманистам (им написана, например, «Бембовская рукопись» Теренция, упоминавшаяся в главе 10, или «Римская рукопись» Вергилия *Vaticanus lat. 3867*, использованная Манчинелли, Полициано и Пиерио Валериано)? Может быть, надо считать, что существование капитального шрифта автоматически подразумевалось, когда шла речь об автографах, или что Робортелло не проводит различия между капитальным шрифтом и унциалом, или что само написание имени Юлия Цельса заглавными буквами, как *IVLII CELSI*, должно было указывать, что все-таки второй древний тип — это капитальный шрифт? Правда, рукописей Цезаря, написанных капитальным шрифтом, как раз не сохранилось, но, если считать, что имя Юлия Цельса приводится только «например», то аналогичные подписи корректоров в античных капитальных рукописях встречаются, как, скажем, подпись Турция Руфия Апропиана Астерия в *codex Mediceus* Вергилия. При этом в предисловии к Эсхилу Робортелло четко разделяет греческие минускул и маюскул (/унциал?): «Кроме того, (пусть читатели знают), как чтение могло измениться при переписывании из древних экземпляров, написанных шрифтом побольше (*maiorum literarum formis*), если переписчик был плохо знаком либо с начертанием букв этого шрифта, либо с тем, как они соединяются друг с другом, и вывел шрифтом поменьше (*minoribus literarum typis*), которым мы пользуемся до сих пор, какие-то бессмысленные слова» (*Aeschyli Tragoediae Septem... Fol. a vii r*). Подписи с античными титулами вообще привлекали большое внимание исследователей XVI в., в 1600 г. Фридрих Линденброг верно выделил лучшую рукопись поэм Стация (*Parisinus lat. 8051, IX в.*) именно на основании такой подписи (*Papinii Surculi Statii Opera quae extant... collatis MSS, veteribusque exemplaribus, recensuit; partim nunc primum edidit, Fr. Tiliobroga. Parisiis, 1600. Fol. *iii v*: «Экземпляр Дююки, однако, как кажется, превосходит по качеству и по древности все прочие: такое предположение я делаю на основании подписи Юлиана. А именно после IV книги <“Фиваиды”> следует такая подпись: *CODEX IVLIANI V. C. <= viri clarissimi> FINIT LIBER IV. STATII POETAЕ <“Копия светлейшего мужа Юлиана. Конец IV книги поэта Стация”>*. Но я не буду устраивать дискуссий о том, что это за Юлиан, а просто предполагаю, что это кто-то древний, на основании титула “светлейший муж”»).

²⁰ Публикация состоялась в 1554 г. и вызвала очень восторженную реакцию. См.: *Rosenmeyer P. The Greek Anacreontics and Sixteenth-Century French Lyric Poetry // The Classical Heritage in France / ed. by G. Sandy. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 393–424*. Что это был за «папирус», тоже не очень понятно. Далее Робортелло намекает, что папирус этот (как и источники для опубликованных в том же году малых произведений Дионисия Галикарнасского) вымышлен Этьенном, и многие издатели сейчас разделяют его мнение.

как надо править текст по рукописям: в частности, не следует уделять внимания очевидным ошибкам писцов. В качестве примера приводится неудачное восстановление текста Горация на основе рукописи (не вполне понятно чье, предположительно португальского гуманиста Ахилла Стация)²¹. «Пускай он, пожалуйста, покажет эту самую копию, чтобы мы взглядели, что она из себя представляет. Не сомневаюсь, нам трудно будет удержаться от смеха», — пишет Робортелло²². После этого он переходит к обсуждению конъектуральной правки. Она менее надежна, и в ней следует быть осторожнее. Обсуждается несколько примеров. Предпочтительны конъектуры, основанные на знании типовых ошибок писцов: это ошибки, связанные с незнанием редких древних реалий, редких архаизмов и тонкостей древней орфографии. Приводятся примеры. Кроме того, есть восемь видов чисто конъектуральной правки текста: вставка, удаление (например, вползших в текст глосс), перестановка, распространение, сокращение (последние два вида связаны с ошибками, вызванными использованием аббревиатур), разделение, сопряжение, изменение. Все эти действия могут совершаться на уровне знака пунктуации, буквы, нескольких букв, слова или нескольких слов²³. Большая часть трактата посвящена разбору примеров удачных и неудачных конъектур всех видов; объектами выпадов, с переходом на личности (и уже с названием имен),

Подробнее об этой истории см. далее. Впрочем, Робортелло, как полагают, и сам подтасовывал информацию о своих рукописях (см.: *Kenney E. J. Op. cit. P. 31–33*). Здесь Робортелло как-то возражает на претензии Этьенна на древность текста, как именно, не очень понятно, потому что сами формулировки Этьенна очень темные.

²¹ *Kenney E. J. Op. cit. P. 32*. Ахилл Стаций — латинский псевдоним Акилеша Эштасу (1524–1581). Сын португальского аристократа, после поездок в новоосваиваемую Бразилию и во Францию–Бельгию, где он учился в Париже и Лувене, в 1555 г. Стаций перебрался в Италию, сблизился с кругом Павла Мануция и Мюре и потом жил в основном в Риме при папской курии. Он наиболее известен подготовкой альдинского издания Катуллы 1566 г. (см. о том, какие рукописи он при этом использовал: *Ullman B. L. The Identification of the Manuscripts of Catullus Cited in Statius' Edition of 1566. Chicago, 1908*), но кроме того Стаций издавал еще Горация, Цицерона, Каллимаха, отцов церкви, Тибулла, Вергилия, Лукреция. Ср. также: *Шумилин М. В. Личные выпады в спорах ренессансных ученых: диалог, полемика или... // Многоликая софистика / науч. ред. Ю. В. Иванова, П. В. Соколов. М., 2015. С. 255–260*.

²² *Francisci Robortelli Op. cit. Fol. 2v. Kenney E. J. Op. cit. P. 32* полагает, что подразумевается, будто такой рукописи вообще нет. Кажется, на самом деле вполне может иметься в виду, что рукопись просто сильно испорченная.

²³ Аналогичная схема в «Своде о методе правки греческих писателей» Виллема Кантера (в прологе: *Aelii Aristidis Adrianensis oratoris clarissimi orationum tomi tres, nunc primum Latine versi a Gulielmo Cantero Ultraiectino. Huc accessit orationum tomus quartus ex veteribus Graecis oratoribus concinnatus: eodem interprete. Item De ratione emendandi scriptores Graecos, eiusdem Syntagma. Basileae, 1566. T. IV. P. 636*) также различает несколько уровней (буква–слог–слово) и содержит следующие пункты: замена, вставка/удаление, разделение/соединение. Перестановка Кантеру в прологе не пришла в голову (в дальнейшем тексте она появляется: *Vanek K. Op. cit. P. 252*), а распространение/сокращение — действительно довольно странный и специфически робортелловский пункт. У Шоппе схема примерно такая же, как у Кантера (*Ibid. P. 254*). Упрощенный вариант такой схемы см. в переведенном далее прологе Этьенна. О схожих классификациях рукописных ошибок в трудах римского священника XII в. Николы Маньякутии см.: *Peri V. Nicola Maniacutia: Un testimone della filologia romana del XII secolo // Aevum. Vol. 41. 1967. P. 77*.

становятся прежде всего Павел Мануций²⁴ (и его издание Аскония Педиана 1547 г.) и Карло Сигонио²⁵ (его издание Тита Ливия, опубликованное в издательстве того же Павла Мануция в 1555 г.; с Сигонио у Робортелло была длительная личная ссора из-за места в Падуанском университете²⁶). Отмечается необходимость добросовестно сообщать об используемых рукописях: образцы такой добросовестности для Робортелло — это Полициано, Пиерио Валериано, Пьер Веттори, Джироламо Феррари²⁷, Беат Ренан²⁸, Генрих Глареан²⁹, Иоахим Камерарий Старший³⁰. Осуждаются, наоборот, люди, которые издают новые тексты, не говоря, какие рукописи используют (то есть прежде всего тот же самый Анри Этьенн, имя опять не названо): «Скоро вы услышите, как и Сапфо уже восстанет из мертвых, и Менандр: не сомневайтесь. <...> Кто там знает, видения это у них такие, или это просто болтовня и чистая ерунда?»³¹ Далее Робортелло отвечает на аналогичные обвинения в недобросовестном описании источников в свой собственный адрес, выставленные Винченцо Маджи в его издании «Поэтики» Аристотеля (1550)³².

Как мы видим, в таком трактате больше деления ученого сообщества на «своих» и «чужих», чем собственно полезной информации. У Робортелло была репутация одного из самых воинственных филологов XVI в.: рассказывали, что одного соперника в ученых спорах Робортелло отравил, а другого недруга довел до того, что тот набросился на Робортелло с ножом³³. На практике же Робортелло был весьма неплохим издателем. Самый существенный шаг вперед, сделанный в его Эсхиле, —

²⁴ См. о нем в главе 10.

²⁵ См. примеч. 44 к главе 10.

²⁶ Grendler P.F. The Universities in the Italian Renaissance. Baltimore; London, 2002. P. 400.

²⁷ Джироламо Феррари из Корреджо (ум. в 1543 г.) был знаменит прежде всего своими «Исправлениями к «Филиппикам» Цицерона», вышедшими в 1543 г. в издательстве Павла Мануция.

²⁸ Беат Ренан — латинский псевдоним Беата Бильда (1485–1547), немецкого ученого и деятеля Реформации, человека из круга Эразма. Из античных авторов он занимался прежде всего римскими историками.

²⁹ Генрих Глареан — псевдоним швейцарца Генриха Лорити (1488–1563), тоже человека из круга Эразма. Глареан больше известен как музыкальный теоретик, но он также издавал классических авторов (Богция, историков).

³⁰ См. примеч. 49 к главе 10.

³¹ Francisci Robortelli Op. cit. Fol. 8r.

³² Винченцо Маджи (Madius) из Брешии (ок. 1498 — ок. 1564) читал в Падуе лекции, которые, вероятно, слушал Робортелло (Позднеев М. М. Психология искусства: Учение Аристотеля. СПб., 2010. С. 370), так что вполне возможно, что Робортелло, опередивший Маджи в публикации комментария к «Поэтике», виновен перед Маджи, во всяком случае, в плагиате. Маджи больше всего известен этим самым комментарием к «Поэтике» (совместным с уже покойным к моменту публикации Бартоломео Ломбарди; см. о комментарии: Там же. С. 368–369), а также прилагающимся к нему сочинением «О смешном» (1550).

³³ Bolzoni L. The Gallery of Memory: Literary and Iconographic Models in the Age of the Printing Press/ tr. from It. by J. Parzen. Toronto; Buffalo; London, 2001. P. 23.

это проведение границы между «Агамемноном» и «Хозфорами»³⁴. По-видимому, это значит, что Робортелло уже имел доступ к полному тексту «Агамемнона» в рукописи F (Laurentianus 31.8)³⁵, обнаруженному в начале 1550-х гг. Джироламо Меи и Бартоломео Барбадори (или Барбадори), ассистентами Пьера Веттори, собиравшими для него информацию о рукописях³⁶. Слава первого издателя «Агамемнона» досталась Веттори, но еще до выхода издания он, видимо, сообщил о своей находке Робортелло.

В предисловии Робортелло пишет, что в основном полагается на текст рукописи, посланной ему из Рима Мариано Савелло (ум. в 1599 г.) и содержащей все трагедии (кроме полного «Агамемнона») ³⁷. Кроме этого, он использовал, по его словам, какие-то еще рукописи; могут подразумеваться выписки Мариано Савелло и Лодовико Кастельветро³⁸ (видимо, имеется в виду, что это были выписки из каких-то копий: выражения вроде *quae adnotarat* («заметки») может означать и конъектуры, но собственно конъектуры — свои и грека Михаила Софиана (ум. в 1565 г.) — Робортелло вообще перечисляет отдельно) или какие-то еще экземпляры. Однако правка, по мнению Робортелло, требуется только в трагедиях, не входящих в «триаду»: «В других трагедиях конъектуры не нужны, потому что они копировались писцами как следует и правильно: ведь, как кажется, древние их особенно любили, и в результате они постоянно разъяснялись в школах для учеников, и никакая порча их не затронула»³⁹.

Наконец опубликован целиком текст сохранившихся трагедий Эсхила был в 1557 г. в совместном издании Пьера Веттори и Анри Этьенна; предисловия и комментарии из этого издания переведены ниже. Это издание — не только образец высочайшей издательской техники XVI в., но еще и очень любопытная иллюстрация

³⁴ В предисловии Робортелло разделяет «три идущие в начале трагедии» (то есть византийскую триаду, присутствовавшую во всех рукописях: «Прометей», «Семерых против Фив» и «Персов») и более редкие «идущие после три или четыре трагедии» (*Aeschyli Tragoediae Septem...* Fol. β I r), но в титуле издания говорится о «Семи трагедиях Эсхила», и текст «Агамемнона» обрывается на стихе 1159 с такой пометкой: «В конце этой трагедии многого не хватает. Ведь то, что следует далее, относится к трагедии «Хозфоры». Что очевидно. И у нее тоже отсутствует начало» (*Ibid.* P. 148).

³⁵ Smith O. L. Op. cit. P. 54.

³⁶ Grafton A. Joseph Scaliger: A Story in the History of Classical Scholarship. Vol. 1. Oxford, 1983. P. 57–58. Другой их находкой была, например, «Электра» Еврипида.

³⁷ Согласно М. Макколлу, это был Laurentianus Marcianus 222, XIV в. (Ма в обозначениях А. Турына, еще одна рукопись, производная от М): см.: *Aeschylus. Choephoroi* / ed. with intr. and comm. by A. F. Garvie. Oxford, 1986. P. lx.

³⁸ Лодовико Кастельветро (ок. 1505–1571) знаменит прежде всего своим итальянскоязычным комментарием к «Поэтике» Аристотеля (1570): русский перевод выдержек из него опубликован как *Кастельветро Л. «Поэтика» Аристотеля*, изложенная на народном языке и истолкованная / пер. М. Л. Андреева // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. С. 81–103. Кроме того, Кастельветро писал о «Риторике к Гереннию», Плавте, Теренции, Платоне, а также о Данте, Петрарке и Боккаччо.

³⁹ *Aeschyli Tragoediae Septem...* Fol. β IV r.

к дискуссиям XVI в. о методе текстологии, потому что в создании этой книги объединились лидер «учеников Полициано», Веттори, и один из ярчайших представителей того, что Энтони Графтон выделяет как «французскую школу», противостоящую «полициановцам», — Анри Этьенн.

Анджело Полициано (о котором см. подробнее в главе 16) оказал, несомненно, огромное влияние на текстологию XVI в.; его цитируют с почтением люди, метод которых совершенно не имеет ничего общего с подходом Полициано, как, например, Робортелло (см. выше) или Марк-Антуан Мюре (см. главу 10). Круг людей, непосредственно имитировавших текстологическую технику Полициано, однако, был уже: это был, собственно, небольшой кружок флорентийцев, земляков Полициано; немного шире был круг людей, испытавших какое-то влияние этого кружка, вроде Габриэлло Фазэрно. Самый яркий представитель ядра «полициановцев» — Пьер Веттори (1499–1585).

В молодости Веттори, происходивший из аристократической семьи, активно занимался политикой и участвовал в перевороте 1527 г., в результате которого Медичи были изгнаны из Флоренции и в городе был установлен республиканский режим. В 1530 г. власть Медичи была восстановлена; в результате политическая деятельность оказалась для Веттори, которому удалось все-таки остаться в городе, невозможной и он ушел в науку. В области словесности Веттори прославлен и некоторыми другими вещами (особенно тем, что, как и многие другие персонажи настоящего раздела, написал комментарий к «Поэтике» Аристотеля, 1560)⁴⁰, но в первую очередь его имя связывается с текстологией. В Италии середины XVI в., постепенно теряющей свои позиции на общеевропейском фоне, Веттори, наверное, действительно был самым ярким филологом-эллинистом⁴¹ — и это притом, что основной сферой его деятельности как раз была, скорее, латинистика. Видимо, встречая периодически на книгах записи Полициано (Полициано имел обыкновение оставлять на книгах, с которыми имел дело, автографы, вроде записи на «Бембовской рукописи» Теренция, о которой см. главу 10, примеч. 61), Веттори составил себе представление, что у Полициано был какой-то цельный проект по переделке всех классических текстов на основе лучших рукописей и что Полициано осуществить этот проект не успел⁴². Естественно, Веттори решил завершить дело учителя самостоятельно.

Яркие текстологические открытия Полициано были всегда связаны с нахождением лучших рукописей. Редкостный знаток, Полициано умел это делать великолепно: при той низкой доступности сведений о рукописях, которая была в конце XV в., количество случаев, когда Полициано находил действительно лучшие рукописи автора, просто поразительно. В идеальном случае (Дигесты, «Сильвы» Стация, «Письма к близким» Цицерона, Валерий Флакк) эту рукопись можно было объявить «ар-

⁴⁰ См.: Позднев М. М. Указ. соч. С. 376–378.

⁴¹ Sandys J. E. A History of Classical Scholarship. Vol. II. Cambridge, 1908. P. 135.

⁴² Grafton A. Op. cit. Vol. 1. P. 52–56.

хетипом», источником всех прочих рукописей. Полициано, впрочем, был довольно осторожен с такими выводами и делал их только в надежных случаях. Веттори абсолютизирует этот подход: он всегда старается найти именно одну рукопись, которую можно объявить архетипом, и по возможности вообще строить издание только на ней, исключая и чтения других рукописей, и любые издательские поправки (на практике Веттори все же оставляет себе некоторую степень вольности, но это другой вопрос). Здесь отличие метода Веттори от «стемматизма» XIX в.: во-первых, XIX в. допускает конъектуральную правку, во-вторых, XIX в. старается уменьшить число реально используемых рукописей до двух-трех, но все-таки не до одной, чтобы сохранялась возможность выбора и все-таки не было обязательного требования воспроизводить чтения лучшей рукописи, даже когда они абсурдны. Приверженность Веттори к *codex optimus*, «лучшему экземпляру», гораздо строже и педантичнее.

В частности, издавая Эсхила, Веттори нашел все три рукописи, по сей день считающиеся самыми важными (M, F и рукопись Триклиния), и выстроил их в строгую систему (см. переведенное ниже вступление Веттори). M (самая древняя рукопись, X в.) объявляется источником текста всех других рукописей на основании строгой логики в духе Полициано: во всех рукописях отсутствует начало «Хоэфор», а в M в этом месте как раз не хватает вырванных листов. Обращение к другим рукописям имеет смысл в тексте «Агамемнона», частично утерянном в M, но сохранившемся в некоторых других рукописях. Из каких-то других источников он (но не «Хоэфоры») взят в F и в рукописи Триклиния. При этом рукопись Триклиния обычно не содержит полезной информации, отсутствующей в F. Поэтому данными рукописи Триклиния можно пренебречь. Это пример характерной для Веттори строгой «элиминации». Подобным же образом Веттори выделяет, например, одну рукопись сельскохозяйственных сочинений Катона и Варрона, которая значительно древнее всех остальных⁴³ (эта копия после была утеряна, и мы знаем ее, кроме издания Веттори, только по выпискам Полициано, первым нашедшего ее) или одну рукопись писем Цицерона к Аттику (на сей раз просто на основании предпочтения Полициано)⁴⁴. Получа-

⁴³ Умозаключение делается отчасти тоже на основании того, что изначально (судя по титулу) в книге содержались и другие тексты, до нас не дошедшие (как Гаргиллий Марциан): *Petri Victorii Explicationes suarum in Catonem, Varronem, Columellam castigationum*. Parisiis, 1543. Fol. 2r–2v.

⁴⁴ *Petri Victorii Explicationes suarum in Ciceronem castigationum*. Lugduni, 1560. P. 5. Это Laurentianus 49.18, рукопись, переписанная Колуччо Салутати (или для Салутати) в 1393 г. с утерянной рукописи Петрарки: см.: *Antognini R. Il progetto autobiografico delle Familiare di Petrarca*. Milano, 2008. P. 32, n. 7. Полициано писал о ней в главе 53 «Смеси»: «В копии же, которая, как говорят, прежде принадлежала Петрарке и точно после этого была собственностью Колуччо Салутати, после же него Леонардо Аретино, а затем Донато Аччайуоли, каждый из которых был ученым человеком своего времени...». Это любопытная черта «стемматической» текстологии XV–XVI вв.: мотивировкой авторитета рукописи может быть не только то, что она древняя, но и то, что ей владел знаменитый ученый. Напр., Ян Паррасий также был высокого мнения о своей копии перифонии Ливия потому, что «она происходит от экземпляра Франческо Петрарки, ученого мужа своего времени» (*Grafton A. Op. cit.* Vol. 1. P. 245, n. 7). Полициано ошибочно считает

ется то самое подобие стемматической текстологии Лахмана, которая выстраивает рукописи в генеалогическую схему и отбрасывает все рукописи, нерелевантные для реконструкции общего архетипа всего «древа». Но по этим примерам видно, что отличаются еще и методы поиска лучшей рукописи: во-первых, генеалогия как таковая не выстраивается, просто по какому-то признаку выделяется предполагаемый источник прочих рукописей; а во-вторых, чаще всего предполагается, что этот источник сохранился. В этом случае можно в основном принимать во внимание только его. Так выглядела самая педантичная наука XVI в. — не очевидно, однако, что этот принцип корректнее, например, менее систематической работы Наваджеро или Мюре. Не нужно большого усилия, чтобы увидеть, что умозаключения Веттори (имплицитные, во всяком случае) вообще-то иногда порочны. Веттори не смог опубликовать Эсхила в Италии и отправил текст во Францию молодому печатнику Анри Этьенну; то, что Веттори послал Этьенну, было, по-видимому, каким-то более или менее стандартным текстом (то есть одним из предшествующих изданий), на полях которого были выписаны (по преимуществу, по крайней мере) варианты рукописи М (может быть, с пометками, какие из них нравились Веттори), плюс переписанный с F текст «Агамемнона». Этьенн пишет в своем предисловии: «На полях переданного мне экземпляра Веттори выписал все отличающиеся чтения других книг» — но, судя по цитируемым Этьенном чтениям, вариантов из других рукописей, даже из важной рукописи Триклиния, там было очень мало, если они вообще там были (в принципе, под «другими книгами» могут даже просто подразумеваться предшествующие издания), и действительно, выписывание большого числа вариантов разных рукописей противоречило бы как практике Веттори в полностью подготовленных им самим изданиях, так и тезисам присланного им Этьенну вступления.

Текст всех рукописей «Хозэфор», вероятно, действительно восходит к М, но в какой степени от М зависит текст «Эвменид», совсем не очевидно, и уж тем более это относится к тексту византийской триады: почему нужно сосредоточиваться на одной рукописи?⁴⁵ И уж совсем нелогично на самом деле то пренебрежение, с которым Веттори отнесся к Триклиниевской рукописи. По сути дела, по набору использу-

Laurentianus 49.18 рукописью Петрарки: возможно, он руководствуется тем, что Салутати имел доступ к рукописям Петрарки, и Петрарка точно имел дело с письмами к Аттику. Веттори уже убежден, будто нашел доказательства, что эта рукопись вообще написана рукой Петрарки (*M. Tullii Ciceronis Epistolae: Ad Atticum; Ad M. Brutum; Ad Q. Fratrem: E bibliotheca Petri Victorii... Florentiae, 1571. Fol. a iiij v*). Логика опознания руки Петрарки у Веттори такая: «Эта книга написана французскими буквами: а кто не знает, что Петрарка прожил большую часть своей жизни во французском Провансе? Поэтому он на письме подражал специфическому шрифту той страны; и многие французские юноши, охочие до гуманитарных наук (*humanioris doctrinae*), которым я показывал эту рукопись, когда они заезжали сюда, направляясь в Рим, признавали этот шрифт» (*Ibid. Fol. A v r*). Короче говоря, Веттори просто очень хотелось, чтобы это была рука именно Петрарки. Это как раз пример неудачного выбора «лучшей рукописи»: Laurentianus 49.18 точно не является архетипом писем к Аттику.

⁴⁵ М, по-видимому, действительно не является архетипом для всех прочих рукописей Эсхила, см.: *Aeschylus Tragoediae* / ed. U. de Wilamowitz-Moellendorf. Berolini, 1914.

мых рукописей Веттори владел чуть ли не всей той же самой ценной информацией о тексте Эсхила, какой сейчас владеем мы, но именно его метод помешал ему сделать издание, в такой же степени учитывающее эту ценную информацию, как и издания XX в. Все-таки отчасти Веттори стал выглядеть более важной фигурой из-за того света, который на его метод ретроспективно пролила «стемматика» XIX в.: на самом деле не так очевидно, что он был безусловно единственным умным среди людей поглупее.

Но подготовке издания не суждено было остановиться на этом. Обычно французские печатники, когда Веттори посылал им текст, просто печатали его (правда, это чаще был текст заметок, а не голый текст античного памятника с разночтениями: может быть, Веттори в данном случае учитывал формат каких-то известных ему изданий Этьеннов, которые часто как раз выглядели как текст плюс разночтения без уточнения источников, наподобие средневековых рукописей). Но Анри Этьенн не ограничился этим; сначала он проделал самостоятельную работу по выбору, какие из присланных Веттори вариантов печатать в тексте, а потом еще и решил добавить свои текстологические комментарии, вместо указания разночтений (см. переведенное ниже вступление Этьенна).

Интересующего нас Анри Этьенна (Henricus Stephanus, 1528?–1598) иногда называют Анри Этьенном II, чтобы отличать от его деда Анри Этьенна I, основавшего ок. 1505 г. знаменитый издательский дом Этьеннов. Больше всего это издательство, наверное, знаменито тем, что на пагинации и нумерации стихов этьенновских изданий основывается стандартная система ссылок на многие тексты, прежде всего на Библию (номера стихов) и на греческих философов (Платона, Плутарха: сложный номер в виде трехзначной цифры, латинской буквы и еще одной цифры указывает страницу этьенновского издания, раздел и номер стиха внутри раздела; для Аристотеля аналогичная система опирается на оформленные в духе этьенновских издания А. И. Беккера XIX в.). Система ссылок на классические тексты вообще постепенно начинает оформляться именно во II половине XVI в.: где-то в это же время появляется нумерация строк античных поэтических памятников⁴⁶.

Франция, в которой рос Анри Этьенн, была уже не совсем той периферией классического образования, где люди вроде Гийома Бюде или Лефевра д'Этапля могли чувствовать себя миссионерами новой науки. Утонченность французских эллинистов довольно быстро нагоняла и перегоняла искушенность итальянцев,

⁴⁶ Например, нумерация стихов в «Метаморфозах» Овидия, по-видимому, введена в плантинском издании Виктора Гизелинка 1566 г., ср. в предисловии (цит. по: *P. Ovidii Nasonis Metamorphoseon libri XV: Ab Andrea Naugerio castigati, et Vict. Gisellini scholiis illustrati: Reliqua proxime sequens pagella indicabit. Antverpiae, 1595. P. 7*): «Также мы впервые озаботились напечатать номера строк внутри каждой книги». В тексте Лукана нумерация стихов появилась в каком-то издании, вышедшем вскоре после «Новодревних чтений» Франсуа де Мольда (1584), поэтому в нумерацию оказались включены опубликованные де Мольдом строки 1.436–440, отсутствующие в предшествующих изданиях и практически во всех рукописях. В тексте Тацита деление на главы введено во франкфуртском издании Яна Грутера 1607 г.

а Анри к тому же рос в ученой семье. Он сам рассказывал о себе такую историю: «Первые же, так сказать, огоньки моей любви к поэзии, я помню, зажглись оттого, что, когда в раннем детстве меня отдали какому-то преподавателю, который разъяснял другим своим ученикам “Медею” Еврипида, каждый раз как они на моих глазах разыгрывали эту пьесу по ролям (потому что тому моему учителю особенно нравился такой способ обучения детей), эта музыка греческих слов с такой сладостью и наслаждением щекотала мои уши (притом что вообще я только звуки и мог различать, а слов не понимал), что с тех пор я днями и ночами только этим и занимался и одно только это и считал достойным предметом приложения всех моих способностей, чтобы самому наконец стать способным играть в той пьесе, зрителем которой я многократно бывал. Но, поскольку без знания греческого языка я не мог достичь желаемого, я в этот язык тогда с такой силой влюбился, что никакой любовник никогда не пылал к своей возлюбленной такой страстью. Но только я приготовился к старту, как для меня уже оказалось готово новое препятствие: незнание латинского языка, на котором растолковывают греческий⁴⁷. Но тогда я стал сопротивляться и яростно отрицать, будто я не знаю латынь. Ведь, поскольку мои детские уши, постоянно слышавшие латиноязычные беседы моих домашних, потихоньку настолько привыкли к этому языку, что я стал понимать значительную часть говоримого (и то же самое произошло также с моей матерью), — то я был совершенно уверен, что я в этом языке натаскан в более чем достаточной степени. Поэтому я и удивлялся, и был очень сильно недоволен, что мне приходится штудировать склонения и спряжения, и я открыто говорил, что греческий я буду учить с прилежанием, а вот с занятий латинским сбегу. Тогда решили посоветоваться с моим отцом, и он тем охотнее пошел навстречу моим желаниям и душевным наклонностям, что и сам соглашался со сторонниками преподавания греческого языка прежде латинского. Ну а дальше что рассказывать? Поглощенный своими надеждами, я с жадностью проглатываю всю скуку греческих склонений и спряжений, сразу же после этого берусь за эту самую “Медею” Еврипида и с глубочайшим вниманием ловлю слова учителя, растолковывающего греческий текст не по-латински, как это принято, а на народном языке. А книжку эту я до сих пор храню наравне с ценнейшими сокровищами, как колыбель моей учености, какая уж там она у меня есть. А потом я наконец разыгрываю эту пьесу сам, выступая то как Ясон, то как

⁴⁷ То есть Этьенн не мог бы, например, найти греческо-французский словарь, только греческо-латинский. Словари были одной из «фирменных» областей этьенновского издательства, но все равно свой знаменитый «Тезаурус греческого языка» (1572) Этьенн, несмотря даже на свои выпады об особенной близости французского к греческому (трактат, опубликованный Этьенном в 1565 г. на французском, так и назывался — «Трактат о сходстве французского языка с греческим»), выпустил как греческо-латинский словарь. Первый латинско-французский словарь был опубликован другим Этьенном, Робером, в 1531 г. (подробнее об этих темах см.: *Cosidine J. Dictionaries in Early Modern Europe: Lexicography and the Making of Heritage*. Cambridge, 2008.).

Креонт, то как Медея, и делаю это столько раз, что выучиваю ее всю целиком не хуже, чем Господню молитву»⁴⁸.

Отец Анри, Робер Этьенн (1503–1559), перешел из католической веры в протестантизм (может быть, его только что упомянутая нелюбовь к латыни как-то связана с этим: публиковать наряду с латинским греческий и еврейский текст Библии было свойственно в основном именно протестантам); в конце своей жизни, в Женеве, он издавал, среди прочего, сочинения Жана Кальвина. Французский король Франциск I, покровительствовавший Роберу, умер в 1547 г.; новый король Генрих II прославился преследованием гугенотов. Первое время, в 1547 г., Робер ощущал давление разве что в виде обсуждения в Сорбонне допустимости издаваемых им Библий, но, видимо, решил на всякий случай отправить сына за границу, и Анри, которому было около 20 лет, отправился в путешествие по Италии.

Поехать набраться учености в Италию все-таки оставалось очень важным пунктом в сценарии становления французского ученого; отмежевываясь от старшей сестры, французская наука все-таки пока побаивалась полной самостоятельности. Из рассмотренных нами в настоящем разделе монографии французских издателей все трое — Мюре, Этьенн и Ламбен в первом издании Горация — пользуются (за одним или двумя исключениями) только итальянскими рукописями; если первый был принужден к тому обстоятельствами, то остальные двое совсем нет. По каким конкретно рукописям Этьенн дополняет в издании Эсхила сведения, предоставленные ему Веттори, не очень понятно, но сам Этьенн пишет об этих экземплярах так: «Я сам видел не менее пятнадцати копий, часть в Венеции, часть во Флоренции, часть в Риме и еще часть в Неаполе» (может быть, имеется в виду, что сюда не включена одна дополнительная рукопись, о которой Этьенн говорит отдельно, и эта рукопись, в принципе, может быть французской, но она все равно только одна). Видимо, поискать рукописи еще и во Франции ему не представлялось естественным. При этом французские рукописи довольно часто оказываются более древними и качественными, чем итальянские (хотя, конечно, больше латинские, чем греческие); но в середине XVI в. самые лучшие древние рукописи во Франции, видимо, в основном находились в собраниях монастырей и еще редко выходили на книжный рынок.

Точно так же французы ездят в Италию поучиться у мастеров. Веттори писал об общении с образованными французскими юношами, проезжающими через Флоренцию (см. примеч. 44). Одним из таких юношей был и Анри Этьенн. Во Франции он учился у Турнебю, теперь же он познакомился и с Мюре, и с Кастельветро, и с итальянским переводчиком «Энеиды» Аннибалом Каро (1507–1566), и с Робортелло⁴⁹,

⁴⁸ Из предисловия к «Древнейшим греческим поэтам» (1566), цит. по: *Praefationes et epistolae editionibus principibus auctorum veterum praepositae / curante B. Botfield. Cantabrigiae, 1861. P. 540–541.* Этьенн, видимо, любил рассказывать эту историю: он воспроизведет ее еще раз в предисловии к своим «Моральным пародиям» в 1575 г. (*Greswell W. P. A View of the Early Parisian Greek Press... Vol. II. Oxford, 1840. P. 141.*)

⁴⁹ *Ibid.* P. 147–149.

и с Веттори. Не очень дружелюбный Робортелло, конечно, все равно не преминул отчитать Этьенна в описанном выше трактате о критике текста за «Анакреонтику», но Анри все-таки попадает у Робортелло в промежуточную категорию в общем объёмов критики, но таких, которых все же не называют прямо по имени и про которых не пишут прямо, что они «вообще ничего не читали и языков не знают».

А вот с Веттори у Этьенна установились очень хорошие отношения. В 1553 г. Веттори написал в конце одной из глав своих «Разных чтений» (20.17): «А еще я хотел бы прибавить не менее сладостное и остроумное стихотворение Анакреонта: Анри Этьенн, сын Робера, юноша добрый, глубокая ученость которого в свободных науках не соответствует его возрасту, передал мне этот текст, когда несколько месяцев назад проезжал здесь. Он говорил, что нашел это стихотворение на обертке древней книги (*in antiqui libri tegmine*). Ведь ему дал рекомендательное письмо ко мне кардинал Бернардино Маффеи⁵⁰, который поддерживает и поощряет всех охочих до добрых наук, которыми он и сам наполнен. И если остальная поэзия Анакреонта такая же, то Цицерон с полным правом говорил о ней, что она “вся сплошь любовная” <Тускуланские беседы 4.71>, и краткость стихотворного размера также подтверждает то, что Деметрий сказал о каком-то его стихе <Псевдо-Деметрий Фалерский, О словесном выражении 5>: что он выглядит как стих пьяного старика, каким Анакреонт и был»⁵¹. Далее Веттори публикует текст одного из «Анакреонтических стихотворений» — *Λέγουσιν αἱ γυναῖκες* «Женщины говорят...» (Анакреонтика 7 West). Анри, таким образом, к этому моменту уже нашел текст «Анакреонтики» (видимо, в 1549 г.), которую он с шумом опубликует через год, в 1554 г. Ронсар (который ознакомился с текстом еще до публикации — см. примеч. 2 к главе 10) прославлял это издание в таких словах (Ода 5.15)⁵²:

Je vay boire à Henri Estienne,
Qui des enfers nous a rendu
Du vieil Anacreon perdu
La douce lyre teïenne.

«Я пью за здоровье Анри Этьенна, который вернул нам из загробного мира сладостную теосскую лиру утерянного старца Анакреонта».

Из заметки Веттори хорошо видно, чем эта публикация была так привлекательна: с одной стороны, появившийся текст гораздо лучше соответствовал вкусам Европы Нового времени в сфере поэзии («сладостное и остроумное»), чем какие-нибудь тяжеловесные гимны Каллимаха; с другой стороны, он отлично вписывался в представления о самом Анакреонте, получалось, что найдено не что-нибудь, а действи-

⁵⁰ Кардинал Бернардино Маффеи (1514–1553) сам был просвещенным человеком, написал комментарий к письмам Цицерона и «Историю о надписях и изображениях на древних монетах».

⁵¹ *Petri Victorii Variarum lectionum libri XXV...* Lugduni, 1554. P. 370.

⁵² *Ronsard P., de. Œuvres complètes/nouvelle éd. ... par P. Blanchemain.* T. II. Paris, 1857. P. 353.

тельно текст одного из самых именитых античных поэтов. Проблема была в том, что из первого стихотворения корпуса явно следует, что автор — просто подражатель Анакреонта. Открытие оказывалось гораздо менее важным, и Этьенн просто выкинул мешающее стихотворение⁵³. Свои источники при этом Этьенн описывал какими-то не очень понятными уклончивыми выражениями: *in antiqui libri tegmine*, букв. «на обертке древней книги», *in cortice*, букв. «на коре» (обычно считают, что имелся в виду папирус — это было бы уже совсем какой-то фантастикой, — может быть, имеется в виду, что более древний текст использовался при переплете какой-то рукописи, или, может, Этьенн даже сам точно не знал, что имеет в виду, ему просто было важно сделать какие-то указания на древность и небывалость источника). Практически наверняка этот странный дополнительный источник придумал сам Этьенн⁵⁴.

Подтасовка данных об источниках и фальсификация текстов были очень важной темой во взаимных обвинениях ученых XVI в. и, очевидно, не случайно: в XVI в. действительно довольно часто публиковались подделки под античность и мистификации⁵⁵. Монументальное собрание «Трудов разных авторов, писавших о древностях» (1498) доминиканца Анния из Витербо (Joannes Annius Viterbiensis, Джованни Нанни), «Орфей» Кассия Пармского (опубл. в 1565), подделанный Антонио Телезио (Antonius Thylesius), завещание Цезаря, подделанное Пьером Амоном (Petrus Hamo), причем как раз на папирусе (ок. 1566), цицероновское «Утешение» работы Карло Сигонио (1583) — это только самые яркие и надежно установленные случаи. Альд Мануций Младший (1547–1597), сын Павла Мануция, унаследовавший после его смерти в 1574 г. издательство, имел обыкновение публиковать сомнительные тексты, присылаемые ему, вне своего издательского дома со специальной оговоркой в титуле, что текст «откопан Альдом Мануцием среди древностей»: так он, в частности, издал в 1588 г. в Лукке комедию Леона Баттисты Альберти «Филодокс» (ок. 1426 г.) под именем «древнего комика Лепида», притом что «Филодокс» на самом деле уже был в 1500 г. опубликован под именем Альберти (Альд, может быть, не знал об этом). Многие тексты оставались приписаны авторитетным именам еще со Средних веков, и проделать работу по их «атетезе» (опровержению ложной атрибуции) только предстояло; естественно, реакцией на фальсификации было усиление такой критической деятельности.

И интересно, что Анри Этьенн как раз отличился в этой области: очевидно, ему вообще не было свойственно всегда стараться атрибутировать текст наиболее

⁵³ *Considine J.* Op. cit. P. 75–76.

⁵⁴ Подробнее см.: *O'Brien J.* Anacreon Redivivus: A Study of Anacreontic Translation in Mid-Sixteenth-Century France. Ann Arbor, 1995.

⁵⁵ Подробнее см.: *Grafton A.* Forgers and Critics: Creativity and Duplicity in Western Scholarship. London, 1990. На русский переведена одна важная подделка под античный текст XVII в. — вставки Франсуа Нодо (ок. 1650–1710) к «Сатирикону» Петрония (*Петроний Арбитр*. Сатирикон / пер. *** под ред. Б. И. Ярхо. М.: Л., 1924, текст в квадратных скобках).

выгодным для издателя образом. В своем издании «Древнейших греческих поэтов» (1566) Этьенн не стал ставить перед Гомером тексты, приписывавшиеся мифическим древнейшим поэтам Орфею и Мусею: Орфей следует в сборнике после Гесиода, а Мусей вообще почти в самом конце, после позднеантичного поэта Трифиодора. Это решение сопровождалось такими пояснениями: «Хоть я и выделил Орфею место после Гесиода, сильно ошибется тот, кто решит, что это тот самый древний Орфей, фрагменты которого мы приложили: и даже совсем невероятно, чтобы и те и те тексты принадлежали одному человеку... Мусею я выделил место после Трифиодора, поскольку, как и Трифиодор, он был грамматиком. Ведь некогда мне рассказывал в присутствии многих других людей Михаил Софиан, что видел в Генуе старинную книгу, содержащую среди прочих стихотворений также и это, с таким титулом: Μουσάου γραμματικῷ τὰ κατ' Ἦρώ καὶ Λέανδρον <“Мусея грамматика О Геро и Леандре”>, и имя владельца этой книги Софиан тоже называл. Этим рассказом он утвердил меня в моем мнении. Ведь, поскольку я бы и без того сказал, что поэма не кажется мне древней и что я не вижу в ней ни малейшей примеси, так сказать, τοῦ ἀρχαίου χροῦ ποιητικῷ <“налета поэтической древности”> (не говоря уже о том, чтобы приписывать этот текст тому самому древнейшему поэту), то Софиан этим свидетельством совершенно устранил у меня и у других всякие сомнения»⁵⁶. Далее Этьенн также высказывает сомнение в принадлежности Гомеру «Войны мышей и лягушек»: «Однако эти замечания о подозрительных стихах заставляют меня вспомнить еще о гомеровской “Войне мышей и лягушек”: ведь, если бы я не сомневался в ее аутентичности, то мне пришлось бы, если мое суждение хоть что-то значит, сомневаться в аутентичности “Илиады” и “Одиссеи”. Но многие утверждают, что он написал “Войну мышей и лягушек” — это я признаю; однако они не говорят, что он написал именно эту “Войну мышей и лягушек”. Я также признаю, что в этой поэме есть некоторые вещи, встречающиеся у Гомера в других местах; но такие места перемешаны с выражениями, которые не только у Гомера больше нигде не попадают, но и вообще не являются поэтическими»⁵⁷. Впоследствии атетезу «Геро и Леандра» и «Войны мышей и лягушек» подкрепил Исаак Казобон (1559–1614), зять Анри Этьенна, отметивший в своем комментарии к Диогену Лаэртию (1583), что сохранившийся Мусей не есть легендарный Мусей⁵⁸, а на полях своего экземпля-

⁵⁶ Praefationes et epistolae editionibus principibus auctorum veterum praepositae. P. 563–564.

⁵⁷ Ibid. P. 565.

⁵⁸ Прочитируем для сравнения аргументацию Казобона: «Я вижу, что серьезнейшие мужи нашего времени считают, будто тот самый Мусей написал расхожую поэму о Геро и Леандре. Но я с ними категорически не согласен. Для начала потому, что ни у кого из древних, что комментаторов поэтических текстов, что каких-то других писателей, нет никаких цитат из этой изящнейшей поэмы. Ведь самый древний автор, о ней упоминающий, — это Цец <византийский грамматик XII в.>. Но если бы этот поэт, кто бы он ни был, был древнее Гомера, скажите мне, разве молчали бы столь многочисленные ученические грамматики, комментировавшие Гомера, о том, в сколь многих местах может показаться, что Гомер заимствует у этого автора? Но ладно, грамматиков оставим: но уж те-то, кто специально отыскивал

ра этьенновского издания «Древнейших греческих поэтов» написавший, что слова «Песня, которую я давеча записал на дощечки у себя на коленях» (Война мышей и лягушек 2–3), вряд ли могут принадлежать слепому⁵⁹. Так что в противостоянии фальсификаторов и критиков Анри Этьенн занимает двойственную позицию, активно выступая за оба лагеря.

Ему-то и решил Веттори послать своего Эсхила. Этьенн, однако, напечатал не совсем то, что послал ему Веттори, — француз сам выбрал из присланных вариантов, какой текст в каждом случае печатать, а вместо списка разночтений приложил свои многословные заметки.

Как должен был на это отреагировать Веттори? Чтобы понять это, нам нужно разобраться в том, насколько внесенные Этьенном изменения были методологически неприемлемы для Веттори.

Веттори и Этьенн оказываются в разных лагерях при проведении практически любых разделений внутри науки XVI в. Веттори в 1557 г. — довольно пожилой и степенный ученый; Этьенн — энергичный и не особенно страшщийся опрометчивых решений юнец (дата рождения Этьенна известна не точно, но ему наверняка еще не было 30 лет). Веттори — представитель традиционно доминировавшей в классической филологии итальянской науки, Этьенн представляет ее молодую дерзкую конкурентку, науку французскую. Мы уже видели, что, в отличие от Мюре периода итальянской эмиграции, Этьенн хорошо относится к родному языку и даже порой ставит его выше латыни⁶⁰; но язык, который он ставит ниже французского без всяких сравнений, — это итальянский. В истории французского языка Этьенн знаменит прежде всего своими выступлениями против итальянских заимствований: «И в любом случае, если итальянцы передали нам эти слова, что нам-то с них взять? Очевидно, что, если мы будем ими пользоваться, то не ради необходимости, а ради забавы; и при этом мы осудим в первую очередь

у древнейших писателей следы воровства, ни за что бы не обошли молчанием столь очевидные, как они выразились бы, случаи плагиата, а как мы выразимся — *συνεμπτόσεις* <“параллельные места”>; однако Климент и Евсевий ни слова о них не говорят — я уверен в этом так же твердо, как в том, что светит вон то солнце. Кроме того, меня тревожат слова Павсания, пишущего так: καὶ ἐστὶν οὐδὲν Μουσᾶίου βεβαίως ὅτι μὴ μόνον εἰς Δῆμῃτρα ὕμνος Λικομίδαϊς <“И ничего надежно принадлежащего Мусею не сохранилось, разве что гимн к Деметре у Ликомидов”, Описание Эллады 1.22.7>. Ну и наконец, даже сам стиль приводит меня к тому, чтобы считать очень правильным титул, который нашел в рукописях Михаил Софиан, Μουσᾶίου τοῦ γραμματικοῦ <“Мусея Грамматика”>. Ведь если кто сравнит эту поэму со стихами некоторых поздних поэтов, особенно Нонна, автора “Деяний Диониса” (а я некогда тщательно проделал такое сравнение), то у него не будет сомнений, что это совершенно верное мнение” (*Laertii Diogenis De vitis dogmatis et apophthegmatis eorum qui in philosophia claruerunt libri X/Thoma Aldobrandino interprete...* Londini, 1664. P. 19 второй пагинации).

⁵⁹ Grafton A. *Forgers and Critics*. P. 80.

⁶⁰ Впрочем, при этом Этьенн, конечно, отдал дань и цицеронианству своего времени; например, в его издательстве выходят такие любопытные издания, как словарь лексики, выбираемой Цицероном при переводе с греческого на латынь («Греко-латинский словарь Цицерона», 1557).

самих себя, испытывая угрызения совести, что мы лишили наш язык его достоинства ради иностранного облачения»⁶¹.

Точно так же Этьенн явным образом противостоит Веттори и в своем издательском методе. Если Веттори — чистейший образец того, что Энтони Графтон называет «итальянской школой», то Этьенн прекрасно представляет методологические особенности, связываемые Графтоном с Францией (ср. вступление к главе 10). Национальное противостояние, очевидно, тоже имело место, но границы подходов с границами стран совпадают не всегда (круг Павла Мануция, например, скорее, примыкает к «французской» школе). Но в любом случае, метод Этьенна — это совершенно точно не «метод Полициано». Никакой присяги на верность «лучшей рукописи»; никакой конкретики в указании источников рукописных чтений (даже про «лучшие рукописи» Веттори можно понять, что в них написано, только в отдельных редких случаях); вообще никакого особенного интереса к рукописям, к дотошности эмпирического описания; вместо этого — свободный полет творческой правки.

Оставим в стороне вопрос о связи национальных школ с методом в XVI в.; достаточно принять идею Графтона, что существовало жесткое противостояние «простемматической» школы Полициано и более вольной, менее строгой текстологии, и мы уже должны будем ожидать, что издание Этьенна приведет Веттори в ярость. Плоды его трудов перевернуты вверх ногами, сама идея издания поругана и изуродована. Однако ничего подобного. Единственной реакцией Веттори на это издание была фраза в письме к кардиналу Гульельмо Сирлето от 24 апреля 1557 г.: «Анри Этьенн также закончил печатать того»⁶² Эсхила, потому что мне пришел экземпляр издания (?). Мне кажется, я понимаю, почему он столько мешкал с публикацией этой книги: потому что ему захотелось добавить в конце некоторые примечания и получить таким образом возможность немного поумничать (*usare un po' di saccenteria*). Сколь многословны эти примечания, Ваша Милость скоро увидит сама»⁶³. Видимо, само противопоставление двух методологических школ нуждается в оговорках. Скорее всего, Веттори просто понимал, что, хоть взгляды Этьенна на издание текстов отличаются, это не значит, что Этьенн не понимает, что делает. Просто он позволяет себе пренебречь тем, что считает второстепенным, и кто из двоих более прав в делении второстепенного, на самом деле не так уж очевидно.

Издание Веттори и Этьенна не совсем отвечает тем требованиям, которые мы предъявляем к изданиям сегодня, но в любом случае это очень важное и качествен-

⁶¹ *Estienne H. Conformité du langage françois avec le grec / nouvelle éd. ... par L. Feugère. Paris, 1853. P. 21.*

⁶² Веттори писал к Сирлето об этьенновском Эсхиле до этого еще в письме от 13 ноября 1556 г., жалуюсь, что публикация задерживается (*La Biblioteca Medicea-Laurenziana nel secolo della sua apertura al pubblico (11 giugno 1571). Firenze, 1971. P. 68*).

⁶³ *Raccolta di prose fiorentine. Parte IV. Vol. IV. In Firenze, 1745. P. 14, cp.: Grafton A. Joseph Scaliger. Vol. 1. P. 86–87, 266, n. 87.*

ное издание, сделанное, быть может, лучшим итальянским эллинистом своего времени и, быть может, лучшим французским эллинистом своего времени. Время определяло некоторые отличия в их взглядах на текстологию, но в любом случае их опыт полностью достоин того, чтобы быть принятым во внимание сегодняшним текстологом.

Мы переводим текст предисловий обоих издателей (исключая конец предисловия Веттори, посвященный схолиям, — Этьенн написал к схолиям отдельное длинное предисловие, которое мы также опускаем) по переизданию в: *Praefationes et epistolae editionibus principibus auctorum veterum praepositae / curante B. Botfield. Cantabrigiae: E Prelo Academico, 1861. P. 501–513*, сверяясь с оригинальным изданием (*Aeschyli Tragoediae VII: Quae cum omnes multo quam antea castigatiores eduntur, tum vero una, quae mutila et decurtata prius erat, integra nunc profertur; Scholia in easdem, plurimis in locis locupletata, et in pene infinitis emendata: Petri Victorii cura et diligentia. <Lutetiae Parisiorum?>: Ex officina Henrici Stephani, 1557*). Выдержки из примечаний Анри Этьенна переведены по оригинальному изданию.

Пьер Веттори

Предисловие к трагедиям Эсхила

Пьер Веттори <желает> читателю здравствовать.

По-видимому, довольно много людей в одно и то же время, только в разных местах, со всем усердием взялись за одно и то же дело, заботясь о всеобщей пользе и желая услужить греческой словесности еще и в этой области. Ведь раз афинянин Эсхил, именитый среди трагиков и заслуживший высших похвал в этом своем деле, до нашего времени, когда ожили всякие свободные науки, а особенно изучение греческого языка, дошел отовсюду изуродованным и калечным (в частности, большая часть его трагедий погибла совершенно, да и те немногие, которые сохранились, были напечатаны с большим количеством ошибок⁶⁴ и ходили по рукам с постыднейшими уродствами), — раз дело обстояло так, эти люди взялись поправить такую беду и озаботились издать эти трагедии еще раз с гораздо большим прилежанием и гораздо лучше, и они с легкостью исцелили немалое число его ран⁶⁵. Вот и я тоже, давно с усердием занимаясь этим делом и, как мне казалось, не без некоторых полезных результатов сопоставляя текст этого поэта с древними книгами,

⁶⁴ Выпад против альдинского издания Эсхила, см. вступление.

⁶⁵ Речь идет об изданиях Адриана де Турнебу и Франческо Робортелло (оба издания вышли в 1552 г.), см. вступление.

не захотел, чтобы мои бдения пропали впустую, и передал плоды их для распространения ученому и прилежному юноше Анри Этьенну, поскольку здесь у нас никакой возможности напечатать их не было⁶⁶ (ожидая же такой возможности, я долго откладывал решение о публикации). Но сделал я это не для того, чтобы отнять славу у других, но чтобы поделиться со всеми тем, что я смог сделать на этом поприще. И я не буду теперь сопоставлять свои труды с их бдениями или хвастаться превосходством в каком-то отношении: впоследствии ученым мужам и тем, кто хорошо оценивает такие вещи, будет виднее, какое издание предпочесть из многих.

Но в одном, как минимум, я оказался удачливее прочих — что наткнулся на полный текст «Агамемнона»: до этого опубликована была только часть его, да и та крохотная. А что за такая серьезная ошибка была причиной той беды, что раньше эта трагедия была слеплена с «Хоэфорами», я сейчас укажу, если я не ошибаюсь. В очень древнем и хорошем экземпляре, содержащем все трагедии Эсхила и Софокла, не ставшие жертвами жестокости прежних времен, а также «Аргонавтику» Аполлония (а экземпляр этот у нас в руках)⁶⁷, были написаны обе эти трагедии в том порядке, в каком происходили события, то есть сначала шел «Агамемнон», а затем «Хоэфоры». Но несколько страниц оттуда то ли выпало, то ли какой-то нехороший человек их вырвал, и на этих страницах содержалась та самая остальная (и большая) часть «Агамемнона» и начало «Хоэфор»: ведь кажется, что в начале этой трагедии небольшая лакуна. А еще мы нашли другую копию, в которой «Агамемнон» был полным⁶⁸. Но ни в той ни в другой «Хоэфоры» полными не были. Поэтому я осмелюсь утверждать, что та часть этой трагедии происходит из этого нашего экземпляра⁶⁹. Оттуда она и была переписана после того, как приключилось упомянутое несчастье. Поэтому ходить она стала без зачина и начала. А что касается «Агамемнона», то, чтобы не упустить ничего, что могло бы быть полезно для его восстановления, когда мы услышали, что в Риме в библиотеке Алессандро Фарнезе, высшего епископа и человека во всех вещах, достойных благородного и изящного человека, образованнейшего⁷⁰, есть экземпляр Эсхила, в котором сохра-

⁶⁶ Флорентийские издательства в середине XVI в. находились в финансовом кризисе по причине политической нестабильности Флоренции (см.: Richardson B. Print Culture in Renaissance Italy: The Editor and the Vernacular Text 1470–1600. Cambridge, 1994. P. 127–128), а первым лицом процветающей венецианской печати был Павел Мануций, с которым Веттори не ладил (см. главу 10), поэтому печататься Веттори приходилось в основном во Франции.

⁶⁷ Речь о рукописи М: см. вступление.

⁶⁸ То есть рукопись F (*Aeschyli Tragoediae superstites et deperditarum fragmenta*. Т. II. P. 4): см. вступление.

⁶⁹ То есть «окончание "Хоэфор"» (во всех рукописях, и в частности в F) происходит из М». Пример ужасающе двусмысленной речи Веттори.

⁷⁰ Кардинал Алессандро Фарнезе (1520–1589), внук папы Павла III, был знаменитым коллекционером и, среди прочего, владел хорошей библиотекой.

нилась названная трагедия⁷¹, мы озаботились, чтобы текст ее, переписанный нами, был сопоставлен с этой копией и все разночтения были аккуратно отмечены. В этом свою верную и ученую помощь оказал нам Гульельмо Сирлето⁷². Взвесив же после того эти разночтения, мы пришли к выводу, что наша копия не хуже этой и что большая часть попадающихся в той копии оригинальных чтений — это изменения, внесенные неким человеком, желавшим восстановить в хоровых партиях какой-то собственный размер: ведь часто мы видели, что он добавляет или выкидывает что-то в них, в соответствии с собственным представлением.

А поскольку Бартоломео Барбадоро⁷³, юноша ученый и бойкий, которого я всегда очень сильно любил за его особенную одаренность и прилежание к добрым наукам, помогал мне в этой работе (а она была большой и тяжелой), то я хочу, чтобы он разделил со мной славу, если это ничтожное дело может принести какую-то похвалу. Хотя известно, что некогда им с почетом занимались люди благороднейшие и утонченнейшие в знании самых изысканных вещей, и действительно, если судить по пользе, которую, конечно, в изобилии приносит исправление древних памятников на основании старинных книг⁷⁴, то дело это не должно быть обделено наградами, полагающимися за добродетель и за достойные деяния. Ведь никто не будет сомневаться, что дело это особенно тягостное и трудоемкое; но особенно хорошо это понимают и видят те, кто испробовал его на себе и когда-нибудь сам занимался им⁷⁵. Но не жалко будет, что я потратил столько трудов без всякой выгоды для себя, если я пойму, что люди, равнодушные к благородным наукам, приняли мой труд благосклонно и с благодарностью. А поэт этот и из-за торжественности своих сентенций, и из-за изящества его языка всегда казался мне достойным того, чтобы все, кто на это способен, направили все силы своего ума на выправление эсхилевского текста: и, конечно же, согласие двух ученых и образованнейших мужей, занявшихся этим делом⁷⁶, ясно показало, что они согласны с моим мнением. Но я не хочу здесь пускаться в долгие доказательства того, что он писатель хороший и что прилежное его чтение может принести

⁷¹ То есть рукопись Димитрия Триклиния, ныне Neapolitanus II. F. 31, XIV в. (*Aeschyli Tragoediae superstites et deperditarum fragmenta*. Т. II. Р. 5).

⁷² Кардинал Гульельмо Сирлето (1514–1585) с 1555 г. был ватиканским библиотекарем; но с переписыванием рукописи из личной коллекции Фарнезе он, видимо, помогал Веттори не по долгу службы.

⁷³ Ассистент Веттори, нашедший рукопись F: см. вступление.

⁷⁴ То, что в представлении Веттори текстология сводится к правке «по книгам» (то есть в идеале вообще не включает в себя конъектуральную правку), конечно, показательно с точки зрения его метода: см. вступление.

⁷⁵ Веттори, таким образом, уже считает необходимыми довольно пространные объяснения, что вообще хорошего в текстологии и какую «общую пользу» она приносит.

⁷⁶ Турнебу и Робортелло: см. вступление.

немалую пользу. Ведь он прославлен многочисленными и частыми упоминаниями у серьезнейших как из греческих, так и из латинских писателей, и не только как поэт, но и как философ и знаток сокрытых наук⁷⁷. И в самом деле, насколько он прославил само свое дело и сколько достоинства он принес ему, делу, которое до него было, по рассказам, в совершенно грубом и зачаточном состоянии, — это запечатлено в текстах великих писателей и греческого, и латинского языка, даже притом, что он не достиг вершины мастерства в сочинении трагедии.

[Далее следуют рассуждения об относительном авторитете схолий к греческим трагикам.]

Анри Этьенн

Предисловие к трагедиям Эсхила

Анри Этьенн желает здравствовать читателю.

Когда Пьер Веттори, желая воспользоваться моей помощью в деле издания этих трагедий Эсхила, передал мне экземпляр, который он с величайшей заботой и величайшим прилежанием сопоставил с древними копиями, и особенно с самой лучшей и самой древней копией, принадлежащей ему самому (я сам лично ее видел)⁷⁸, а на полях этого переданного мне экземпляра он выписал все отличающиеся чтения других книг, — то я счел, что не следует мне поступать так, чтобы говорили, что по какому-то моему небрежению пропало что-нибудь из щедрых подарков, сделанных прилежанием столь великого мужа для любителей этого поэта. И вот, чтобы этого не произошло, как только сами эти трагедии были набраны, я стал собирать вместе все эти варианты текста, добавив также другие, которые у меня были выписаны из не совершенно плохой рукописи.

Когда же я их собрал и уже готовился передать, чтобы их напечатали в конце книги, удачным образом попался мне некий муж, с которым я нахожусь в очень дружеских отношениях, и, проглядев их, сказал: «Так по какому же принципу ты выбирал среди столь большого количества вариантов, что напечатать в самом тексте? Была ли у тебя какая-то одна копия, за которой ты решил всегда следовать, или ты скорее каким-то образом делал выбор?» Когда же я ответил ему, что я больше доверял копии Веттори, чем какой-либо другой, но и за ней следовал не в такой степени, чтобы могло показаться, что я словно присягаю хранить верность ее чтениям, — то тогда он сказал: «Значит,

⁷⁷ В принципе эта фраза может обозначать оккультное знание, но Веттори вроде бы им не увлекался, поэтому логичней, кажется, предположить, что имеются в виду просто науки, недоступные профанам.

⁷⁸ То есть с рукописью М (см. вступление), которую Этьенн далее называет «рукописью Веттори». Видел ее Этьенн, видимо, во время посещения Флоренции (см. вступление).

твоей обязанностью было не просто вот так в голом виде печатать варианты текста, но заодно объяснять всем логику твоих решений и приводить для них хоть какие-то основания, если не сможешь привести все». Услышав эти слова, я, честно признаюсь, некоторое время, конечно, терзался сомнениями и метался из стороны в сторону, как бы мне увильнуть от этого нелегкого труда. Я думал, в частности, о том, сколько досуга для этого требуется и как мало — да практически вообще нисколько — времени оставляет для досуга наше предприятие, а если его забросить, то оно заглохнет, принеся мне большие убытки. Однако все эти колебания он разогнал и рассеял и добился (убедив меня отчасти своими аргументами, отчасти своим авторитетом), чтобы я издал некоторые наблюдения по поводу тех мест Эсхила, в которых есть разночтения.

Прежде чем перейти к ним, я хочу предупредить тебя, читатель, чтобы ты не думал, будто я полагаю, что все мои замечания нужно считать верными. Я имею в виду только вот что: насколько я смог⁷⁹ и насколько мне позволил недостаток времени (а он был столь жесток, что примечания эти мне чуть не с клепсидрой⁸⁰ приходилось писать), я при сопоставлении разных мест этого поэта усердно добивался того, чтобы не было впечатления, будто тот, кто решит соглашаться с моим мнением, предпочтет мое мнение мнению Эсхила. Этот путь был, с одной стороны, короче и безопаснее, с другой — сложнее и требовал больше труда. Ведь в то время как при наборе текста этого поэта я некоторые его слова и отдельные выражения и высказывания взвешивал, конечно, но как бы между делом, и в голове у меня они крепко не застревали (ведь я совсем не думал об издании этих наблюдений), то тут вышло так, что все, что должно было быть у меня наготове и под рукой для подтверждения моих замечаний, мне, наоборот, пришлось отыскивать с большой неохотой и большим трудом. Ведь слова-то у меня сами в памяти все равно оставались, но вот где я их читал — этого я не помнил. Поэтому, не доверяя своей памяти, я отметил практически все места, которые цитирую, как будто я указую на них перстом, и выписал номера страниц, на которых каждое из них можно отыскать⁸¹. И я не скрывал, когда указываемый в примечаниях вариант мне нравился больше, чем то, что мы напечатали в тексте.

⁷⁹ *Quoad eius facere potui*, выражение из псевдоцицероновской «Риторики к Гереннию» (1.2: *quoad eius fieri poterit*).

⁸⁰ То есть «чуть не с секундомером».

⁸¹ Имеется в виду специальный типографский значок в виде указующего перста: . Этот знак (так называемая маникула) появляется уже в позднесредневековых рукописях (в таком духе: , в частности им активно пользовался, например, Петрарка) и распространяется в изданиях XVI в.: в «Древнейших греческих поэтах» (1566), например, Этьенн использует его для выделения сентенций (и это, наверное, самое распространенное его использование, вроде значка NB). Но в Эсхиле из-за отсутствия нумерации стихов Этьенну пришлось ввести в примечаниях довольно сложную систему ссылок: в примечаниях перед леммой указывается только номер страницы, зато в самом тексте большинство комментируемых мест

А за той копией, про которую я сказал, что я за ней следовал (то есть той, которая по справедливости названа лучшей, хотя бы просто из-за ее древности), я следовал бы и вообще везде, если бы не предвидел, что, если я полностью сдамся на ее произвол, то в некоторых местах я откажу в доверии прочим экземплярам поспешно и безосновательно. Это относится и к другим местам, а в особенности к страницам 61, 279 и 312: если бы я там решил последовать за этой копией, о которой я говорю, то я бы в здравом уме и твердой памяти, конечно, оставил замечательнейшие сентенции испорченными, как они и были в некоторых изданиях⁸². Чтобы справиться с этим злом, я, если находил в другой копии отличающийся вариант, подходящий в этом месте для текста поэта, даже если недоставало согласия той копии Веттори (потому что такого чтения не было среди отмеченных им), не колебался печатать этот вариант в тексте, а другой, про который всякому очевидно, что он испорчен, указывать в примечаниях в конце книги. И я, конечно, делал то, что, как я полагал, сделал бы и сам Веттори, если бы находился рядом. А те места, о которых я только что упоминал, и если где есть другие им подобные, ты найдешь расставленными по порядку в этих моих примечаниях, и не только их, но вообще практически все разночтения, даже те, которые казались несущественными: кроме тех, про которые я предпочел, чтобы ты узнал о них из схолиаста.

Если же говорить про настоящее издание в целом, то, с одной стороны, если бы я стал отрицать, что оно значительно лучше выправлено, чем все остальные (за это я сам благодарю и остальных прошу благодарить Веттори), то легко смог бы уличить меня во лжи кто угодно, кто сравнил бы с предшествующими изданиями хоть одну страницу, особенно из идущих последними трагедий⁸³;

отмечается «указующим перстом». Чаше в XVI в. в такой функции используются астериски. См. о таком оформлении издания в: *Kenney E. J.* Op. cit. P. 155: самый древний известный Кенни случай такого использования астерисков — это Тит Ливий, вышедший в парижском издательстве Йоссе Баде из Ашена (Бадиа Асцензия) в 1513 г. Астериски в этой функции, в свою очередь, восходят, видимо, к разнообразным значкам средневековых рукописей, устанавливавшим соответствие между маргинальным примечанием и местом в тексте, к которому оно относится.

⁸² Имеются в виду (не переведенные нами) примечания к Прометею 1014 (там Этьенн защищает чтение $\acute{\epsilon}\alpha\nu\ \mu\acute{\iota}\nu$: в М на самом деле тот же текст, но у Веттори это чтение «не было отмечено»), Эвменидам 279 (Этьенн защищает чтение $\delta\acute{\epsilon}\ \Pi\alpha\lambda\lambda\acute{\alpha}\varsigma$ — на самом деле конъектуру Софиана, напечатанную у Робортелло, хотя Этьенн не говорит об этом — вместо рукописного $\delta' \acute{\epsilon}\pi' \acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha\varsigma$: из записей Веттори, видимо, следовало, что в М вариант $\delta' \acute{\epsilon}\pi' \acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha\varsigma$, хотя на самом деле там написано $\delta' \acute{\epsilon}\pi'\acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha\varsigma$) и Просительницам 124 (тут Этьенн, видимо, действительно отталкивается от текста М, то ли в сообщенной Веттори форме, то ли в форме вульгаты изданий, восходящей к Вольфенбюттельскому кодексу, апографу М, про которую Веттори написал, что в М то же самое: $\acute{\epsilon}\pi\iota\delta\rho\acute{o}\mu\omega\ \pi\acute{o}\theta\iota\ \theta\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron\varsigma\ \delta\pi\tau\iota$; на самом деле в М $\acute{\epsilon}\pi\iota\delta\rho\acute{o}\mu\omega\pi\acute{o}\theta\iota\ \theta\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron\varsigma\ \delta\pi\tau\iota$. Этьенн защищает чтение $\acute{\epsilon}\pi\iota\delta\rho\acute{o}\mu\omega\ \theta\acute{\iota}\ \theta\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron\varsigma\ \acute{\alpha}\pi\tau\iota$, которую нашел в «не совсем плохом экземпляре» — любопытно, что так он обозначает, по-видимому, издание Робортелло).

⁸³ То есть «Хозфор», «Эвменид» и «Просительниц», перед которыми в издании идут «византийская триада» (текст которой постабильней, потому что рукописей много) и «Агамемнон» (впервые публикуемый целиком).

с другой стороны, если я скажу, что это издание совершенно не содержит никаких ошибок, то, пусть даже молчат другие, я сам буду сознавать, что лгу. Знаю, знаю я, что кое-какие ошибки там еще прячутся: но выковырять их оттуда, возможно, никакие щипцы не помогут. Потому что я не вижу, какой можно в будущем ждать помощи от каких бы то ни было древних экземпляров, сверх той помощи, что принесли нам наши. А как вообще можно полностью очистить от ошибок Эсхила, в котором так много слов и выражений настолько диковинных, настолько чудных и таких непохожих на обычную речь, если и некоторые трагедии Еврипида кишат ошибками, а ведь Еврипид очень редко прибегает к таким эсхилиовским штучкам? А что ошибки в тексте этого поэта, как и многих других, появились не *χθές καί πρῶην* <«вчера и позавчера»>, как говорят греки, но некоторые из них уже давно въелись в его текст, это ясно хотя бы из самого схолиаста, который в нескольких местах исправляет текст по догадке: он бы совсем не стал его исправлять, если бы не видел уже тогда, что копии попорчены.

Кроме того, среди тех ошибок, что были в настоящем издании исправлены по древним экземплярам, большая часть, конечно, была очень запутанной и *δυσεκάστótata* <«очень трудной»>, особенно в идущих последними трагедиях; но были некоторые и такие, которые даже без помощи всяких древних копий легко было бы исправить по догадке: ведь попадались некоторые слова, которые достаточно часто встречаются у других трагиков, и поэтому человек, который не совершенно бесславен был на поприще чтения этих поэтов, вполне может такие слова узнать, даже если они немного изуродованы, и практически без всякого труда восстановить, либо заменив одну букву на другую, либо соединив слоги, которые неправильно были разделены, либо разделив неудачно соединенные⁸⁴. А те ошибки, что остались, в основном таковы, что для разрешения их нужен, кажется, какой-то Эдип или даже скорее сам Эсхил. Даже нет: может быть, даже если бы сам Эсхил вернулся из мертвых и мы бы сказали ему поправить такие места, то он бы быстрее придумал новые стихи, чем поправил вот эти.

Тем сильнее я боюсь, что кто-то сочтет мои труды бессмысленными, потому что ему покажется, что в некоторых из таких мест я, полагаясь на догадку, словно бы пытаюсь применять лекарство к какой-нибудь безнадежной

⁸⁴ Ср. классификацию конъектур в трактате Робортелло (см. выше с. 265 и примеч. 23). Этьенновским вариантам соответствуют последние три из восьми пунктов Робортелло: «разделение», «сопряжение» и «изменение». Сочинение Робортелло вышло в том же 1557 году, что и этьенновский Эсхил, так что Этьенн вряд ли был знаком с этой классификацией итальянца. Впрочем, между делом и сам Робортелло упоминает эту схему в подобном сокращенном виде, ср. в предисловии к Эсхилу (1552): «По вине переписчиков были и эти копии во многих местах испорчены, как обычно бывает, в результате изменения одной буквы на другую, смешения двух слов и пропуска нескольких то букв, то слогов» (*Aeschyli Tragoediae Septem... Fol. a vi v-a vii r*). К тому же для Этьенна, как мы увидим в примечаниях, реконструкция текста через изменение деления на слова играла особенную роль: см. ниже комментарий к Просительницам 885–886.

болезни. Именно из страха перед этим обвинением я не буду публиковать все мои конъектуры (*conjecturas*), про которые я думал, что с их помощью можно исцелить некоторые из таких мест; однако из многих я опубликую лишь небольшое количество тех, про которые я говорю тебе, читатель, чтобы ты читал именно так под мою ответственность. Одна из них — та, благодаря которой я трем (как говорил Эсхин о некоторых демосфеновских) не словам, а чудищам⁸⁵, то есть βρετίοσα, ῥοσάται, μαλδαύγει, как мне кажется, вернул их истинную и совсем не чудовищную словесную природу. А каким образом я дошел до этой догадки, ты поймешь тогда, когда я буду разбирать эти слова⁸⁶. А если эта моя конъектура и все прочие не угодят, то все равно никакого вреда от них не будет, ведь в тексте я всегда печатал в неприкосновенности чтение древних экземпляров, не позволяя себе изменить ни одной буквы; но только если я где опасался, что не в том месте поставленная запятая или отсутствие вопросительного знака помешает тебе понять, что имел в виду поэт, там я позволял себе некоторую свободу, но и ее логику я тебе в соответствующих местах поясню.

Вот более или менее все, что, я подумал, нужно сказать об издании этого поэта. А о схолиях к нему придет время сказать, когда я закончу излагать эти наблюдения⁸⁷.

Будь здоров.

Но стой, читатель! Прежде чем я перейду к ним, есть еще две вещи, о которых, я вспомнил, надо тебя предупредить.

Во-первых, если ты когда-нибудь наткнешься на одно место у Галена, находящееся в первой книге комментариев к шестой книге ἐπιδημίων <«Эпидемий»> Гиппократа <17.1.879 Kühn>, где он цитирует некие стихи из трагедии Προμηθεὺς δεσμώτης <«Прометей скованный»> (которая в нашем издании идет первой, как во всех древних копиях), то не трать времени и сил: никогда ты их не найдешь. Приводит же их Гален, говоря о значении слова πέμφιξ <«дуновение»>. Когда он, в частности, привел примеры из Софокла, он добавляет: Αἰσχύλος δὲ ἐν Προμηθεΐ δεσμώτῃ, Εὐθεΐαν ἐρπετὴν δὲ καὶ πτώτιστα μὲν βορεάδας ἤξεις πρὸς πνοαῖσιν. Εὐλαβοῦ βρόμον καταγιζόντα, μὴ σ' ἀναρπάσῃ δυσχεμέρῳ πέμφιγι τρέψας ἄφρων <«И Эсхил в “Прометее скованном”: “Прямую, но ползучую, и (?несуществующее слово) ты придешь к дочерям Борея к ветрам. Опасайся обрушивающегося грома, чтобы он не унес тебя бурным дуновением, повернув неожиданно»>. Эти сло-

⁸⁵ *Non verba, sed portenta*. Эсхин, Против Ктесифонта 166: «Что это такое, о зверюга (κίναδος)? Слова или чудища (ῥήματα ἢ θαύματα)?». Этьенн, похоже, использует цицероновский перевод этого выражения (Оратор 26: «Он (Эсхин) даже спрашивает у него (Демосфена)... слова ли это или чудища (*utrum illa verba an portenta sint*)»).

⁸⁶ См. ниже комментарий к Просительницам 885–886.

⁸⁷ Имеется в виду отдельное предисловие Этьенна к схолиям.

ва, и попорченные и перепутанные, мне кажется, в любом случае можно поправить и сделать подходящими под стихотворный размер вот так:

Εὐθεῖαν ἔρπε τήνδε· καὶ πρῶτιστα μὲν
 Βορεάδας ἥξεις πρὸς πνοαῖσιν, εὐλαβοῦ
 Βρόμον καταγίζοντα, μή σ' ἀναρπάσῃ
 Δυσχεμέρῳ πέμφιγι τρέψας ἄφνω.
 <«Иди в этом направлении прямо, и сперва
 ты придешь к дочерям Борея к ветрам: опасайся
 обрушивающегося грома, чтобы он не унес тебя
 бурным дуновением, повернув неожиданно»>.

Первый стих, если так читать, можно восстановить, внеся самые незначительные изменения. О втором, я думаю, надо еще поразмыслить. В третьем, кажется, ошибок и нет вовсе. В четвертом недостает какого-то слога.

Но скажите мне, пожалуйста, что нам думать об этих строках? Что их пропустили переписчики во всех тех копиях, которые нам довелось видеть? Если в них во всех они пропущены, то я уж не знаю, можем ли мы надеяться, что в какой-нибудь копии они наконец найдутся. Ведь, чтобы не говорить о тех, которые случилось увидеть Веттори, я осмелюсь утверждать, что я сам видел не менее пятнадцати копий, часть в Венеции, часть во Флоренции, часть в Риме и еще часть в Неаполе. Правда, в большинстве из них были только первые три трагедии. Когда я из любопытства их пролистывал, ни в одной из них я ничего такого не видел.

А если мы скажем, что эти строки не из этой трагедии, то δύοῖν θάτερον <«одно из двух»>: либо была испорчена копия Галена и вместо названия одной трагедии было написано название другой; либо сам Гален неправильно написал одно название вместо другого. Хочешь ли, свободно выскажу, что я думаю? Я бы думал, что ошибка эта порождена не невежеством переписчика (ведь, если он не был начитан, откуда он узнал, что у Эсхила есть трагедия под названием Προμηθεὺς δεσμώτης <«Прометей скованный»>?), но что это μνημονικὸν ἀμάρτημα <«ошибка памяти»>⁸⁸ Галена, который отвлекся и думал о чем-то другом. А сколько у древних греческих и латинских писателей встречается таких μνημονικὰ ἀμартήματα <«ошибок памяти»>, стоит ли здесь упоминать? Всем известно, что даже Цицерон не смог уберечься от них: и другие люди отмечали другие ошибки его памяти, и я сам недавно первым, как мне кажется, нашел у него одну оплошность, которую, однако, не стоит разбирать здесь. Но вот и недавно я, когда готовил к печати написанные по-гречески рассуждения платонического философа Максима Тирского, никогда прежде

⁸⁸ Это греческое выражение не встречается в самих греческих текстах, но употребляется Цицероном (письма к Аттику 13.44.2, 14.5.1).

не издававшиеся, наткнулся у него на такую $\mu\eta\mu\omicron\nu\iota\kappa\acute{o}\nu \acute{\alpha}\mu\acute{\alpha}\rho\tau\eta\mu\alpha$ <«ошибку памяти»>. Если хочешь узнать, что это была за ошибка, смотри примечания, которые я присоединил в конце того тома⁸⁹. А раз так, то и эту $\sigma\phi\acute{\alpha}\lambda\mu\alpha$ <«оплошность»> припишем Галену.

Но из какой же тогда трагедии Эсхила мы будем думать, что взяты эти строки? Конечно, из Προμηθεύς <«Прометей»>, но Προμηθεύς λυόμενος <«Прометей освобожденного»>. Ведь мы знаем, что у Эсхила было три трагедии с одинаковым названием, только с разными эпитетами: Προμηθεύς πυρφόρος, Προμηθεύς δεσμώτης, Προμηθεύς λυόμενος <«Прометей пламеносец», «Прометей скованный» и «Прометей освобожденный»>. Тем более достоин снисхождения Гален, ведь в таких похожих названиях очень легко запутаться.

А думать, что эти строки взяты из Προμηθεύς λυόμενος <«Прометей освобожденного»>, меня заставляет место из Страбона. Я приведу его здесь полностью (ведь оно весьма достойно того, чтобы ты его прочел, хотя бы по той

⁸⁹ Пример рекламы собственных изданий. В Максиме Тирском в конце также прилагаются примечания Этьенна. Имеется в виду примечание, в котором говорится, что Максим в 38.7b смешивает два похожих гомеровских места: из Одиссеи 1.65–67 и Илиады 10.242–245 (*Maximi Tyrii philosophi Platonici Sermones sive Disputationes* XLI: Graece nunc primum editae. <Lutetiae Parisiorum>, 1557. P. 356–358). Кроме того, в качестве примеров «ошибки памяти» указываются еще два места из Максима, два места из Цицерона и разбираемое в настоящем предисловии место из Галена. Два места из Максима – это 11.10e, где он также смешивает два гомеровских пассажа, из Одиссеи 4.566–568 и 6.42–45, и 38.1e, где он приписывает слова гомеровского Фемия из Одиссеи 22.347–348 Демодоклу. Два места из Цицерона – это приписывание Агамемнону слов Одиссея из Илиады 2.299–330 в О дивинации 2.63 (отмечено уже Полициано в 53-й главе «Смеси») и приписывание гомеровскому Полифему каких-то отсутствующих у Гомера слов в Тускуланских беседах 5.115; далее Этьенн пишет: «Но и в других местах тоже, как я отметил в моем «Словаре Цицерона»». Эти же два места разбираются в: <*Stephanus H.*> Ciceronianum lexicon Graeco-Latinum, idest Lexicon ex variis Graecorum scriptorum locis a Cicerone interpretatis. Item loci Graecorum auctorum cum Ciceronis interpretationibus. Et castigationes in quamplurimos locos Ciceronis. Augustae Taurinorum, 1743. P. 148–151 второй пагинации; там разбираются и другие такие же случаи, менее надежные. Скорее всего, выше в предисловии к Эсхилу Этьенн имел в виду место из Тускуланских бесед. Наконец, о нашем месте из Галена в издании Максима Тирского написано вот что: «Также и совсем недавно, когда я готовил текст Эсхила, поправленный усердием и прилежанием Пьера Веттори, я заметил, что Галену, цитирующему пассаж из Эсхила, ненадежная и нетвердая память подложила свинью. Без уверток я написал об этом в наблюдениях, которые приложены в конце того издания». С одной стороны, можно заключить, что издания готовились одновременно, с другой – что Этьенн стремится ни в одном из них не излагать сразу всего, на что намекает, чтобы интересующиеся люди покупали обе книги; тем самым издания пронизываются системой «взаимной рекламы». Причем параллельная подготовка изданий позволяет рекламировать именно самые свежие издания: первое издание «Греко-латинского словаря Цицерона» вышло в том же самом 1557 году, что и Эсхил и Максим Тирский. Исправление ошибок Цицерона вообще было популярным жанром, благодаря прецеденту Авла Геллия (Аттические ночи 15.6): например, цicerоновским ошибкам посвящены две главы в «Разных чтениях» Веттори (*Petri Victorii Variarum lectionum libri XXV*... Lugduni, 1554. P. 27, 36), причем Веттори также использует выражение $\mu\eta\mu\omicron\nu\iota\kappa\acute{o}\nu \acute{\alpha}\mu\acute{\alpha}\rho\tau\eta\mu\alpha$. Море в своих «Разных чтениях» в ответ на это остроумным образом посвящает главу 8.6 «ошибкам памяти» самого Веттори (*M. Antonii Mureti Variarum lectionum libri XV, ad Hippolytum Estensem, cardinalem, ac principem illustrissimum. Antverpiae, 1580. P. 195–196*: «Указание на $\mu\eta\mu\omicron\nu\iota\kappa\acute{o}\nu \acute{\alpha}\mu\acute{\alpha}\rho\tau\eta\mu\alpha$ Пьера Веттори»). Ошибкам классических авторов была специально посвящена VI книга «Элегантций» Лоренцо Валлы.

причине, что принадлежит оно Эсхилу), а потом объясню, на какие догадки я опираюсь. Так вот, Страбон в четвертой книге τῶν γεωγραφουμένων <«Географии», 4.1.7>, упоминая πεδῖον λιθῶδες τὸ μεταξύ τῆς Μασσαλίας καὶ τῶν ἐκβολῶν τοῦ Ῥοδανοῦ <«каменистую равнину между Массилией и устьем Родана»>, среди прочих свидетельств цитирует также Эсхила. В частности, он говорит: Τὸ μέντοι δυσαπολόγητον Αἰσχύλος καταμαθὼν ἢ παρ' ἄλλου λαβὼν, εἰς μῦθον ἐξετόπισε, φησὶ γοῦν Προμηθεὺς παρ' αὐτῷ, καθηγούμενος Ἡρακλεῖ τῶν ὁδῶν τῶν ἀπὸ Καυκάσου πρὸς τὰς Ἑσπερίδας,

Ἦξεῖς δὲ Λιγύων ἐς ἀτάρβητον στρατὸν
 Ἔνθ' οὐ μάχης, σαφ' οἶδα, καὶ θηρὸς περῶν,
 Μέμψη· πέπρωται γὰρ σε καὶ βέλη λιπεῖν.
 Ἐνταῦθ' ἐλέσθαι δ' οὔτιν' ἐκ γαίας λίθον
 Ἔξεις· ἐπεὶ πᾶς χῶρος ἐστὶ μαλθακός.
 Ἰδὼν δ' ἀμηχανοῦντά σ' ὁ Ζεὺς οἰκτερεῖ,
 Νεφέλην δ' ὑποσχὼν νίφαδι stroγγύλων
 Πέτρων⁹⁰ ὑπόσκιον θήσει χθόνα
 Οἷς ἐπεῖτα συμβαλὼν δηώσειс ραδίως Λιγὺν στρατόν.

<«Однако этот труднообъяснимый факт Эсхил, то ли сам с ним столкнувшись, то ли от кого-то другого проведая о нем, вставил в сюжет трагедии: в частности, у него Прометей говорит, объясняя Гераклу, как идти от Кавказа к Гесперидам: “И придешь к бесстрашному войску лигурийцев, где, я ясно знаю, ты не будешь битвами (?), даже зверя (?) пересекая, недоволен; ибо суждено тебе и стрелы оставить. Там ни одного камня взять с земли ты не сможешь, потому что вся эта земля мягкая. Когда же Зевс увидит твою растерянность, он сжалится и, прислав тучу, накроет эту землю ливнем круглых камней: тогда ты, сразившись ими, легко побьешь лигурийское войско”>».

Стихи же эти напечатаны в альдинском издании⁹¹ в большом беспорядке. Ведь будущее время μέμψη, которое должно стоять в начале третьего стиха, там стоит в конце второго, а также будущим временем ἔξεις заканчивается четвертый стих, а должен начинаться пятый. И еще испорчены слова θηρὸς περῶν <«зверя (?) пересекая»>: их можно замечательным образом исправить по некому экземпляру Генри Скримджера⁹², мужа, рожденного

⁹⁰ Мы исправляем очевидную опечатку в тексте Этьенна, где стоит ἐ τρων.

⁹¹ То есть в editio princeps Страбона, опубликованном Бенедетто Тиррено в альдинском издательстве в 1516 г.

⁹² Генри Скримджер (ок. 1505–1572) — шотландский дипломат и собиратель книг, учился в Париже у Гийома Бюде и Петра Рамуса, водил дружбу с эллинистом Жаком Амьо, с Жаном Кальвином (хотя сам был католиком). Опубликовал в издательстве Этьенна «Новеллы» Юстиниана (1558).

для правки добрых писателей (я надеюсь, он не заставит тебя долго ждать публикации чтений этого экземпляра), — исправить, написав $\theta\omicron\upsilon\rho\acute{o}s\ \pi\epsilon\rho\ \acute{\omega}\nu$ <«хоты и неистов»>. Разбор же всего остального, что попорчено в следующих стихах, я оставлю на другой раз⁹³, а сейчас я вкратце объясню, каким образом это место говорит в пользу моего предположения.

Говорят, что, по сюжету Эсхила, когда Геракл обходил весь мир, и пришел к Кавказу, и увидел Прометея, прикованного к скале, а печень его клевал орел, то тогда Геракл сжалился над Прометеем, зарубил орла и освободил того из оков. Если мы это все принимаем за верное, то я не вижу, какие могут быть сомнения, что эти строки Эсхила, в которых, как говорит Страбон, Прометей указывает Гераклу дорогу от Кавказа к Гесперидам, взяты из трагедии, названной в честь расковывания Прометея и освобождения его от уз. Если же эти строки из $\text{Προμηθεὺς λυόμενος}$ <«Прометея освобожденного»>, то скажите мне, пожалуйста, что же мешает нам считать, что и те, цитируемые Галеном, взяты из той же самой трагедии? И тогда мы должны полагать, что правильно⁹⁴ в тексте Галена читать $\acute{\epsilon}\nu\ \text{Προμηθεΐ}$ <«в “Прометее”»>, но вместо $\delta\epsilon\sigma\mu\acute{o}\tau\eta$ <«скованном»>, наоборот, $\lambda\upsilon\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omega$ <«освобожденном»>.

Однако кто-нибудь, быть может, скажет: «Хорошо, я уступаю тебе, пусть эти стихи, которые приводит Страбон, взяты из $\text{Προμηθεὺς λυόμενος}$ <«Прометея освобожденного»>; но на основании чего ты заключаешь, что и те, которые цитирует Гален, тоже из этой трагедии?» Отвечаю: на основании того, конечно, что всякому читающему эти стихи ясно: это тоже слова кого-то $\kappa\alpha\theta\eta\gamma\omicron\upsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon\ \tau\iota\nu\acute{\iota}\ \delta\omicron\theta\omicron\upsilon\ \tau\iota\nu\acute{o}s$ <«объясняющего кому-то, как куда-то идти»>. А поскольку и в нашем «Прометее скованном» был длинный монолог Прометея, в котором он рассказывает Ио, по какой ей дороге идти, и в «Прометее освобожденном» тот же самый Прометей тоже многословно объяснял Гераклу, каким путем тот должен следовать; и таким образом это было общим у двух трагедий, что обе содержали описания разных мест; — то, я полагаю, совершенно не стоит удивляться, что Гален смог в них из-за этого запутаться.

Этими замечаниями, читатель, я хотел избавить тебя от всяких сомнений, которые могло у тебя вызвать указанное место из Галена. Если тебе показалось, что я говорил на эту тему более многословно, чем обычно, то считай, что это объяснение я обязан был ввести не $\pi\alpha\rho\acute{\epsilon}\rho\upsilon\omega s$ <«между делом»>, как мимоходом сделанную заметку ($\pi\acute{\alpha}\rho\epsilon\rho\upsilon\omicron\nu$), поскольку я полагаю, что собственную (то есть моего издания) сторону мне нужно защищать со всей решительностью. И если вдруг пришлось бы, я чуть не в драку готов полезть за достоверность моего издания, как за отеческие алтари. А каким же образом оно

⁹³ Последние три стиха Этьенн даже не стал приводить к виду ямбического триметра.

⁹⁴ Интересно, что здесь у Этьенна под «правильным текстом» подразумевается не оригинальный авторский текст, а то, как выглядел бы авторский текст, если исправить ошибку самого автора.

смогло бы сохранить свое достоинство или добиться чьего бы то ни было доверия в других вопросах, а не оказаться, скорее, под неизменным подозрением, если бы мы с самого порога обнаружили, что оно калечное и обрезанное? Но хватит об этом.

А что касается действующих лиц этой трагедии (ибо это второй пункт, о котором я хотел предупредить тебя), то вот что я хотел сказать. В двух из изданий этой книги трагедий списки действующих лиц первой трагедии состоят из девяти персонажей⁹⁵, а еще в одном — из восьми⁹⁶. Те две добавляют к напечатанным нами еще два имени, Земли и Геракла; а третье — только Геракла. Мы же сделали список состоящим только из семи персонажей, поскольку ни у Земли, ни у Геракла в самой трагедии реплик нет. И мне кажется, можно было бы сделать достаточно надежное предположение, что они попали из Προμηθεὺς λυόμενος <«Прометея освобожденного»>, потому что правдоподобно, чтобы он когда-то раньше имел обыкновение следовать в этом собрании трагедий за этой нашей трагедией, то есть за Προμηθεὺς δεσμώτης <«Прометеем скованным»>.

Хотя я точно помню, что по крайней мере в одной древней копии, я видел, было написано ὀκτώ τὰ τοῦ δράματος πρόσωπα <«действующих лиц восемь»>, хотя имена там были только те, которые напечатаны нами. Так что совершенно очевидно (по крайней мере, по моему мнению), что подписавший эту цифру считал двумя отдельными персонажами Κράτος καὶ Βία <«Власть и Силу»>. Но эти два персонажа, конечно, действуют так, что они словно бы один персонаж, даже когда в реальности они вдвоем: поэтому и в начале трагедии, προλογίζουσαι <«произнося пролог»>, они говорят вместе (ведь там написано ἤκομεν <«мы пришли», Прометей 1>, а не ἤκω <«я пришла»>), и Гефест обращает речь к обоим персонажам сразу, когда говорит Κράτος Βία τε σφῶιν μὲν ἐντολή Διὸς Ἔχει τέλος δὴ <«Власть и Сила, вот вы и выполнили приказ Зевса», Прометей 12–13>, и так далее. Но и Гесиод тоже говорит об обоих сразу вот так:

Τῶν οὐκ ἔστ' ἀπάνευθε Διὸς δόμος, οὐδέ τις ἔδρη,
Οὐδ' ὁδός, ὅππῃ μὴ κείνοις θεὸς ἡγεμονεύει,
Ἀλλ' αἰεὶ παρ Ζηνὶ βαρυκτύπῳ ἐδρίωνται.

⁹⁵ То есть в альдинском издании и издании Турнебу.

⁹⁶ Издание Робортелло. Стоит отметить, что Этьенн принимает в рассмотрение только три основных издания Эсхила. Это значит, что он, по-видимому, не знает об издании Дора (см. вступление, с. 260–261), а также не упоминает латинский перевод Жана де Сен-Пави (*Aeschyli poetae vetustissimi tragoediae sex, quot quidem extant, summa fide ac diligentia e Graeco in Latinum sermonem, pro utriusque linguae tyronibus, ad verbum conversae, per Ioannem Sanravianum... Basileae, 1555*). В рукописи F указано как раз семь персонажей, но об этом Этьенн не упоминает (скорее всего, Веттори не сообщил ему об этом).

<<Нет у них дома, нет никакого жилища, где они обитали бы вдали от Зевса, нет у них пути, по которому они шли бы не за богом, но всегда они обитают при тяжелоурежающем Зевсе», Теогония 386–388>.

Также и Каллимах в гимне к Зевсу упоминает обоих вместе:

Οὐ σε θεῶν ἐσσῆνα πάλοι θέσαν, ἔργα δὲ χειρῶν,
Σὴ τε Βίη, τό τε Κάρτος, ὃ καὶ πέλας εἶσαο δίφρου.

<<Не жребий сделал тебя царем богов, а дела твоих рук, и твоя Сила, и твоя Власть, которую ты усадил рядом со своим тронem», Гимн к Зевсу 66–67>.

Хотя Каллимах здесь говорит не Κράτος, а Κάρτος, с метатезой (per metathesis) буквы ρ, как καρτερός, κρατερός <<более сильный>>.

Но я знаю, что Власть тоже обращается к Гефесту, и тогда Гефест обращается к ней в единственном числе <например, Прометей 42>. Однако чтобы два человека или даже более (как в случае хора) обращались к нам от одного лица и чтобы мы в свою очередь обращались к ним так же, даже в повседневной речи не кажется чем-то непривычным.

Но что болтать? Одним ли персонажем следует считать Κράτος καὶ Βία, или двумя, число персонажей, которых поэт наделяет репликами в этой трагедии, твердо известно, и Земле и Гераклу среди них места совершенно нет.

Вот это я собирался тебе сказать, одергивая тебя на пороге: и я потому думал, что нужно упомянуть об этом, прежде чем перейти к моим наблюдениям, что, поскольку эти оговорки не имеют отношения к тексту поэта, если б о них зашла речь посреди примечаний, ты мог бы счесть бы такие отступления ἀπροσδιόνυσα <<не про Диониса», то есть «неуместными»>⁹⁷.

Будь здоров еще раз.

ПРИМЕЧАНИЯ АНРИ ЭТЬЕННА К ЭСХИЛУ

<Прометей 2–3>. — — ἄβατον εἰς ἐρημίαν Ἦφαιστε σοὶ δὲ χρὴ μέλειν ἐπιστολὰς <<...в нехоженные пустынные места; Гефест, тебе же следует озаботиться поручениями>>. Не по неразумию, а сознательно я не поставил знака препинания⁹⁸ после звательного падежа Ἦφαιστε, чтобы он соединялся не с предшествующим текстом, а со следующим далее и получалось Ἦφαιστε σοὶ δὲ, а не σοὶ δὲ ὦ Ἦφαιστε <<тебе же, о Гефест>>. Что такой вариант ποιητικώτερον <<поэтичнее»>⁹⁹, я читать нигде не читал, но знаю по многочисленным местам, прежде всего из Гомера. Из них с ходу я могу вспомнить ну хотя бы

⁹⁷ В латыни это греческое слово так употребляет Цицерон (к Аттику 16.13а.1).

⁹⁸ Hypodiatole, один из терминов греческой грамматической теории для знака препинания, обозначающего словораздел. В данном случае речь о запятой.

⁹⁹ Слово из лексикона греческой комментаторской традиции.

вот эти: Ἰλιάδ. α, Ἀτρείδῃ σὺ δὲ παῦε τεὸν μένος <«в первой книге “Илиады”, “Атрид, ты же останови свой гнев”» (Илиада 1.282)>. И Ἰλ. β, Ἀτρείδῃ σὺ δὲ θ' ὥς πρὶν ἔχων ἀστεμφέα βουλήν, Ἀρχεῦ¹⁰⁰ ἀργείοισι <«во второй книге “Илиады”, “Атрид, ты же также, у которого воля, как раньше, непреклонна, управляй аргивянами”» (Илиада 2.344–345)>, и так далее. И Ἰλ. τ, Ἀτρείδῃ σὺ δ' ἔπειτα δικαιότερος καὶ ἐπ' ἄλλω ἔσσεαι <«в девятнадцатой книге “Илиады”, “Атрид, ты же впредь будешь более справедлив и к прочим”» (Илиада 19.181–182)> вместо σὺ δὲ ὦ Ἀτρείδῃ <«ты же, о Атрид»>. Этого не разглядели те, кто после таких звательных падежей ставит знаки препинания в гомеровском тексте.

<Прометей 6>. Ἀδαμαντίναις πέδῃσιν ἐν ἀρρήκτοις πέτραις <«Стальными оковами на несокрушимых скалах»>. Γρ.¹⁰¹ πέδαις. И стих вообще изящнее с πέδῃσιν, чем с πέδαις, но тогда в четвертой стопе будет анапест, как и в первой¹⁰². А тот, кто написал схолии к Аристофану¹⁰³, читает весь этот стих так: Ἀδαμαντίνων δεσμῶν ἐν ἀρρήκτοις πέδαις <«В несокрушимых оковах стальных уз»>. Возможно, кто-то предпочел бы выбрать это чтение из-за неприятного повторения столь недавно употреблявшегося дательного падежа πέτραις¹⁰⁴. Ведь и правда немного шероховатый¹⁰⁵ выходит текст: ὀχμάσαι πρὸς πέτραις ὑψηλοκρήμνοις ἐν ἀρρήκτοις πέτραις <«приковать к высокоутесным скалам на несокрушимых скалах»>. И в том втором варианте выражение πέδαις δεσμῶν <«в оковах уз»> не покажется слишком смелым¹⁰⁶ тем людям, которые читали у этого поэта χθονὸς πέδον <«равнина земли», Прометей 1>, и σκάφη νεῶν <«лодки кораблей», Персы 419>, и συμφορὰ πάθους <«горе беды», Персы 436>, и множество таких вещей у других авторов. Однако, хотя мне случилось видеть очень много писанных¹⁰⁷ копий этой трагедии, я помню, что я во всех читал то, что мы напечатали в тексте. Но и в рукописи Пьера Веттори, которая одна чуть ли

¹⁰⁰ Заглавными буквами Этьенн в записанных в строку цитатах обозначает начало стиха. В самом напечатанном им тексте в этом случае пишется строчная буква.

¹⁰¹ Γρ. — сокращение от γράφεται, формула введения варианта текста, *varia lectio*, в греческой рукописной традиции (см. примеч. 30 к главе 7); в издании Этьенна для этой аббревиатуры используется специальный типографский значок. Имеется в виду, очевидно, πέδαις вместо πέδῃσιν.

¹⁰² Для ямба греческих трагиков анапест (краткий–краткий–долгий, -σιν ἐν ἀρ-) в четной стопе — нежелательная аномалия.

¹⁰³ Венецианские схолии к Лягушкам 814.

¹⁰⁴ Это слово действительно употреблялось в тексте трагедии в той же форме и также в конце стиха двумя строками выше. Кроме того, вариант схолий к Аристофану устраняет метрическую сложность.

¹⁰⁵ *Duriusculum*, слово в классической латыни используется только Плинием Старшим (Естественная история, вступл. 1) и Плинием Младшим (письмо 1.16.5).

¹⁰⁶ *Insolens*, в таком смысле употребляется уже в античных сочинениях по риторике (Цицерон, Оратор 25, Квинтилиан, Воспитание оратора 4.1.58, Авл Геллий, Аттические ночи 1.10.4).

¹⁰⁷ *Scripta*, видимо, в смысле «рукописных» (*manu scripta*).

не равноценна всем остальным рукописям, то же самое чтение. Так что ἐπέχω <«воздерживаюсь от суждения»>.

<Прометей 378>. Ὀργῆς νοσοῦσης εἰσὶν ἰατροὶ λόγοι; <«(Ты не знаешь, что) врачи болеющего гнева — речи?»> Плутарх ἐν τῷ παραμυθητικῷ πρὸς Ἀπολλώνιον <в «Утешении к Аполлонию», 102b в издании Этьенна, на пагинацию которого принято ссылаться до сих пор>, недалеко от начала, цитируя этот стих, читает ψυχῆς νοσοῦσης <«болеющей души»>. И это чтение мне очень нравится. Ведь раз греки называют все волнения общим именем νοσήματα <«болезни»>, почему нельзя изящно выразиться, сказав, что душа, одержимая гневом, νοσεῖ <«болеет»>? Цицерон переводит ψυχῆς νοσοῦσης как *iracundiae* <«гневливости»>. Ведь эти четыре стиха (знаменитейшие среди сентенций¹⁰⁸ поэтов) <Прометей 377–380> он перевел так:

OC. Atqui Prometheu te hoc tenere existimo,
Mederi posse rationem iracundiae.
PR. Si quidem quis tempestivam medicinam admovens,
Non aggravescens vulnus illidat manu.

<«ОКЕАН. Но ты, Прометей, я полагаю, понимаешь, что от гневливости может излечить разум.— ПРОМЕТЕЙ. Если только кто-то будет прикладывать своевременное лекарство, а не беречь рукой уже воспалившуюся рану», Тускуланские беседы 3.76>.

В этом переводе не стоит ломать голову над винительным падежом *rationem* <«разум»>, но читай *orationem* <«речь»>, под мою ответственность. Ведь и размер это позволяет, и невозможно читать иначе, чтобы не вышло величайшего оскорбления Цицерону: как будто он не только всякого разума лишен, раз не понял, что поэт совсем не о том лекарстве говорит, которое разум применяет к гневу (ведь такое лекарство всегда своевременно), но еще и в греческом языке совсем плох, раз не знал, что λόγοι во множественном числе обычно не имеют значения «разум». А что касается этого чтения у Плутарха, поэт и сам то, что назвал ψυχή <«душой»>, в следующих непосредственно далее стихах называет κέαρ <«сердце»> и θυμός <«дух»>, Прометей 379–380>. Мне-то точно неким ἔρμαιον'ом <«даром Гермеса», то есть «неожиданной удачной находкой»> показалось, что я наткнулся на это место¹⁰⁹: ведь, как могут подтвердить несколько человек из моих близких, я всегда с подозрением относился к этому стиху и никогда не мог себя убедить, что Эсхил сказал ὀργῆς νοσοῦσα <«болеющий гнев»>. Если кто сможет привести другой пример в пользу этого чтения, то тот по праву сможет хвалиться, что достиг величия. Так отку-

¹⁰⁸ *Gnomae*, в классической латыни это греческое слово употребляется только у Фронтонa и Квинтилиана.

¹⁰⁹ Из Плутарха.

да же вползло $\theta\rho\upsilon\eta\varsigma$ <«гнева»? Оттуда же, откуда, как мы отметим, и других бессмысленных вариантов много вползло: с полей, на которых некий ученый муж написал это слово как схолию. Поэтому я вместе с Плутархом читаю $\psi\upsilon\chi\eta\varsigma$ $\nu\omicron\sigma\theta\upsilon\sigma\eta\varsigma$ <«болеющей души»>, и меня совершенно не смущают наши древние экземпляры, ведь я знаю, что у Плутарха были гораздо более древние.

<Семеро против Фив 721а>. $\text{Ἄ γὰρ νύκτωρ παρεκελεύσατο καὶ γέγωνε}$ <«Ведь что ночью повелела и прокричала»>¹¹⁰. Γρ. γέγωνε <«произошло»>. А на полях какой-то древней копии я обнаружил пометку $\text{o}\ddot{\upsilon}\kappa\ \eta\nu\ \tau\alpha\upsilon\tau\alpha\ \acute{\epsilon}\nu\ \acute{\epsilon}\tau\acute{\epsilon}\rho\omicron\iota\varsigma}$ <«в других (рукописях) этого (стиха) не было»>. Но его знает схолиаст и тот, кто считал метры¹¹¹. А что касается этого второго варианта, если читать γέγωνε <«прокричала»>, то эти слова нужно будет заключить в скобку и под α <«что»> понимать η <«которая»>, а под η <«которая»> — $\alpha\upsilon\tau\eta$ <«она»>¹¹². Как часто $\delta\varsigma$ <«который»> употребляется вместо $\text{o}\ddot{\upsilon}\tau\omicron\varsigma$ <«он»> и δ <«которое»> вместо $\text{t}\acute{o}\upsilon\tau\omicron$ <«оно»>. А какой смысл получается с γέγωνε , можно прочесть у схолиаста¹¹³.

<Агамемнон 50>. $\text{o}\ddot{\iota}\tau'\ \acute{\epsilon}\kappa\pi\alpha\tau\acute{\iota}\omicron\iota\varsigma\ \text{Ἄλγεσσι παίδων}$ <«как в боли о детенышах, которая из ряда вон»>. В альдинском издании написано ποδῶν <«в боли ног»>, без всякого смысла. А что касается слова $\acute{\epsilon}\kappa\pi\alpha\tau\acute{\iota}\omicron\iota\varsigma$, то у Эротiana в словаре к Гиппократу (который я недавно издал)¹¹⁴ на странице 26 написано: Ἐκπατή ,

¹¹⁰ В данном случае Этьенн оставляет в тексте явно вползшую в него глоссу (кроме указания в рукописях, это совершенно очевидно из нарушения метрического соответствия между строфой и антистрофой; однако с этим правилом Этьенн еще не был знаком, строфы и антистрофы в тексте Эсхила выделит только Виллем Кантер в своем издании 1580 г., см.: Pfeiffer R. History of Classical Scholarship: From 1300 to 1850. P. 125). На самом деле фраза глоссирует эпитет Эринии в стихе 722: $\text{παναληθῆ κακόμαντιν}$ «полностью правдивую прорицательницу беды».

¹¹¹ Этьенн апеллирует к двум печатаемым в том же томе древним текстам: схолиям (напечатанным параллельно с текстом трагедий) и их метрическому разбору (вставленному отдельно сразу после текстов). Текст схолий можно интерпретировать так, как это сделал Этьенн, хотя это, скорее всего, неверное понимание; он выглядит так: «Полностью правдивую прорицательницу беды»: говорящую правду о бедах. Ведь, что она сказала ночью, то и произошло». Почему Этьенн считает, что этот стих учитывается в разборе метрики, совершенно непонятно. Там соответствующее место описывается так: «Этот хор состоит из 84 колонов. Из них первые 14 колонов анапестические: одни брахикатаlecticеские диметры, другие акатаlecticеские, или гептэзиммерические». В тексте Этьенна на этом месте получается 15 колонов, и данная строка ни под один из названных вариантов размера никак не подходит. Видимо, Этьенн как-то обсчитался. Стоит также отметить, что этот стих в М вписан рукой XIV–XV вв.: отсутствие сообщения об этом, видимо, указывает на неполноту выписок Веттори из М.

¹¹² То есть «я боюсь губящую дом богиню... (ведь это она ночью повелела и прокричала), полностью правдивую прорицательницу беды».

¹¹³ То есть «я боюсь губящую дом богиню... (ведь что она ночью повелела, то и произошло), полностью правдивую прорицательницу беды».

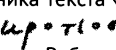
¹¹⁴ Словарь Эротiana впервые был напечатан в составе «Медицинского словаря» со следующим титулом: *Dictionarium medicum, vel, Expositiones vocum medicinalium, ad verbum excerptae ex Hippocrate, Aretaeo, Galeno, Oribasio, Rufo Ephesio, Aetio, Alex. Tralliano, Paulo Aegineta, Actuuario, Corn. Celso. Cum Latina interpretatione. Lexica duo in Hippocratem huic dictionario praefixa sunt, unum, Erotiani, nunquam antea editum; alterum, Galeni, multo emendatius quam antea excusum.* <Genavae>, 1564. То есть в титуле прямо на-

ἐκτρώπως καὶ ὁδοὺς ἀνοοῦντες <«Из ряда вон (?) — беспутно и не знающие дороги», 73.10 Klein>. Там, может быть, следует читать ἐκπάτιοι <«которые из ряда вон»>, из этого места¹¹⁵, а вместо ἐκτρώπως <«беспутно»> — ἐκτρεπόμενοι <«свернувшие с пути»>.

<Просительницы 885–886>. — βρετίεσσα ῥοσάται μαλδαάγει <«истуканная (?) (два несуществующих слова)»>. Гр. βρετίοσα. Гр. καὶ <«Еще есть вариант»> βρότιος. Гр. καὶ βρέτειος¹¹⁶. У схолиаста βρετίεσσα, и это чтение я и принял. А вот над следующими дальше словами я долго мучился, потому что я некоторым образом твердо решил, что не раньше отправлю это место в печать, чем в какой-то степени проясню его с помощью конъектуры. И вот я высказываю догадку, что правильно такое чтение: πρὸς ἅτας μ' ἄλκᾳ ἄγει <«к несчастью меня гонит сила»>, вместо ῥοσάται μαλδαάγει. А к этой конъектуре мне словно бы проложила дорогу та, которая была выше, по которой я из μέγαν ἱκέτην <«великого просителя»> сделал μὲ τὰν ἱκέτιν <«меня, просительницу», в Просительницах 350>. Ведь в том месте я тоже таким же образом стал размышлять над отдельными буквами и раздумывать, не оказалось ли случаем написанным вместе что-то, что должно было быть разделено. И наконец, повертев так и сяк эти слоги, я выдумал вот такие слова. И мне кажется, что они дают в точности тот смысл, который можно найти у схолиаста¹¹⁷. Ведь слово ἄλκᾳ <«сила»> и выше тоже употреблялось в значении «защита» <например, Просительницы 352>.

писано, что Эротиян публикуется впервые, но тут же стоит дата, на 7 лет более поздняя, чем публикация Эсхила. Считать, что дата на издании «Медицинского словаря» напечатана неправильно и на самом деле он напечатан до Эсхила, не получается, потому что на титульном листе «Медицинского словаря» Этьенн назван «печатником Ульриха Фуггера», а так Этьенн подписывался только с 1558 г. (*Greswell W. P. Op. cit. Vol. II. P. 174*). Передатировать Эсхила тоже не получается, потому что и в нем есть ссылки на другие этьенновские издания 1557 г., и одновременно в них есть ссылки на издание Эсхила (см. примеч. 89). *Renouard A. A. Annales d'imprimerie des Estienne... Partie I. Paris, 1837. P. 121* решает эту головоломку с помощью предположения, что «Медицинский словарь» на семь лет застрял в печати; это довольно странный факт.

¹¹⁵ То есть на основании этой параллели из Эсхила.

¹¹⁶ Βρετίοσα — чтение издания Турнебу, Βρότιος — чтение рукописи М, видимо, единственного рукописного источника текста «Просительниц» для Этьенна (на самом деле там написано βροτίοσα, выглядит примерно так: — возможно, Веттори в своей коляции пропустил финальную альфу?), βρέτειος — чтение издания Робортелло (*McCall M. H. Aeschylus Supplices 1055: Stephanus' Source // Arktouros: Hellenistic Studies Presented to B. M. Knox on the Occasion of His 65th Birthday / ed. by G. W. Bowersock, W. Burkert, M. C. J. Putnam. Berlin; New York, 1979. P. 113*). Отсюда видно, что знак Гр. используется Этьенном не для передачи вариантов текста, приводимых рукописями, а как будто Этьенн сам составляет греческую рукопись, выписывая варианты, то есть слово γράφεται «есть чтение» принадлежит самому Этьенну, а не цитируемому им писцу. Диндорф отмечает, что этьенновские γράφεται «в большинстве своем фиксируют ошибки прежних изданий, и очень редко взяты из рукописей» (*Aeschyli Tragoediae superstites et deperditarum fragmenta. T. II. P. 12*).

¹¹⁷ Схолиаст поясняет это место так: «Защита идолов вредит мне. Они имеют в виду, раз те <идолы, то есть боги> явным образом оставили их <Данаид>, когда они <Данаиды> на них <богов> уповали».

Глава 12

Гораций Дени Ламбена: научная текстология уходит на север

(М. В. Шумилин)

При профессионализации науки, вероятно, неизбежно в какой-то степени постепенно происходит разделение занимающихся ею людей на тех, кто больше ориентирован собственно на науку, на максимальную строгость научных процедур, и на тех, для кого это второстепенный параметр, а важнее что-то еще, например внешнее приложение науки или распространение научного знания в массах. Так как с первым из этих подходов в предельном случае связано представление, что наука обладает самостоятельной ценностью и не нуждается в постоянной демонстрации, будто она для чего-то нужна и не сведущим в ней людям тоже, то, как кажется, не будет большой ошибки, если мы для удобства обозначим первую группу словом «сциентисты», несколько вольно употребив этот термин. При этом надо оговорить, что как раз идеологическую составляющую «сциентизма», которую чаще всего подразумевают под этим словом, текстологи раннего Нового времени, тяготеющие к соответствующему полюсу, разделяли в меньшей степени. Получается некоторое противоречие: сама наука вроде бы тяготеет к тому, чтобы стать закрытой областью, ценной внутри себя, но с точки зрения ученых она при этом остается преимущественно просто частью «изящной словесности».

Неочевидно, таким образом, что полноценный сциентизм в гуманитарной науке XVI–XVII вв. вообще был, но если обозначать этим словом упомянутый полюс «науки для ученых», то можно сказать, что довольно быстро – уже веке в семнадцатом – текстология стала восприниматься как область преимущественно сциентистская: издания, рассчитанные на учащихся, вроде комментариев Шарля де ля Рю (1675) или Хуана де ла Серды (1608–1617) к Вергилию, уже в основном исключают обсуждение текстологических проблем, и дискуссии о текстологии становятся эзотерическим уделом круга лучших умов классической филологии. В XVI в. это разделение прослеживается хуже: скажем, Мюре, хоть и занимается текстологией, вряд ли «сциентист»; потому он и выполняет работу по изучению рукописей и проверке своих утверждений в общем-то спустя рукава – его интересует другое, не наукообразный облик издания, а усовершенствованный текст, который в результате может служить для улучшения латинской речи читателей.

Когда в текстологии XVI в. выделяют школу «последователей Полициано», то она обычно ассоциируется с тем, что мы называли сциентизмом, и ее противопоставляют в этом отношении всей остальной науке. Веттори и люди его круга, как тот же Фаэрно, конечно, очень «сциентичны» в своей педантичной и довольно сильно замкнутой на самой себе учености. В то же время молодые научные школы, противостоявшие итальянской (та самая «французская школа», которую Графтон противопоставляет «школе Полициано»), поначалу, естественно, имели менее сциентистский облик: когда наука только осваивает какие-то периферийные территории, она обычно первое время предстает в формах скорее просветительских и популяризаторских, чем серьезно-эзотерических. Но все-таки неверно было бы полностью отказывать французским ученым середины XVI в. в сциентизме. Мы рассмотрим пример французского ученого, который, хоть, конечно, и не является «чистым случаем» сциентиста, все же обладает многими его признаками — Дени Ламбена.

Дени Ламбена (Dionysius Lambinus, ок. 1520–1572) Графтон рассматривает как яркого представителя «французской школы»¹. В изданиях Ламбена, действительно, можно найти некоторые явно популяризаторские черты: например, к изданию Горация, часть сопровождающих текстов из которого переведена ниже, Ламбен приложил в конце указатель полезных выражений «для того, чтобы избавить отроков от необходимости выискивать их» (текст поставлен на службу очищению языка: мы видели наиболее яркий пример такой тенденции у Мюре, но на самом деле она стоит почти за всем издательским делом Возрождения, ср. предисловие Кальфурния к собранию латинских поэтов в главе 8); сам комментарий в этом издании не чисто текстологический, очень большое место в нем уделено разъяснению текста: не случайно комментарий Ламбена продолжал перепечатываться и использоваться в обучении еще в XIX в.

Однако, при всех этих оговорках, главной составляющей труда Ламбена нам все же скорее всего покажется научная. Само комментирование — например, поиск параллельных мест — устроено у него скорее как научная процедура, а не разжевывание языка автора для людей, плохо знающих латинских поэтов; многие предметы, интересующие Ламбена, явно не рассчитаны на интерес людей вне научного сообщества — это прежде всего педантичный отчет о чтении рукописей и вопросы орфографии: действительно, какой интерес, казалось бы, может представлять орфография для несциентистски настроенного ученого?

Многие отзывы о Ламбене как человеке тоже рисуют картину не светского льва, иногда между делом заглядывающего на территорию «республики ученых», а скорее обитателя башни из слоновой кости. Рассказывают анекдот, что от фамилии Ламбена произошел французский глагол *lambiner* «мешкать»², настолько с Ламбеном

¹ Grafton A. Joseph Scaliger: A Story in the History of Classical Scholarship. Vol. 1. Oxford, 1983. P. 80–82.

² Sandys J. E. A History of Classical Scholarship. Vol. II. Cambridge, 1908. P. 190.

ассоциировался образ медлительного и неуклюжего ученого мужа³. Действительно, Веттори, конечно, писал о многословности заметок Этьенна, но комментарии Ламбена еще на порядок пространнее, нерасторопнее и объемнее⁴. В отличие от большинства персонажей нашего раздела о текстологии, Ламбен вне науки практически ничем не отметился. Наиболее известен он изданиями Лукреция (впервые вышедшего в 1563 г.: это издание знаменито тем, что в нем Ламбен уже использует одну из двух лучших рукописей Лукреция, *Leidensis Vossianus Q.94*, «Квадратный кодекс», IX в.) и Горация, выдержки из которого переведены ниже (первое издание — 1561 г.). Кроме того, он, естественно, как положено латинисту XVI в., издавал сочинения цецероновского корпуса, а также Плавта, Корнелия Непота, некоторых греческих авторов (в латинском переводе, обычно без греческого текста) — «Никомахову этику» и «Политику» Аристотеля, платонический «Учебник» Алкиноя, речи Демосфена и Эсхина. Он опубликовал также малотиражными книжками несколько текстов собственного авторства, содержания для XVI в. вполне академического («Речь, прочитанная в Париже 13 января, накануне того, как начать толковать первую книгу «Илиады»», 1562; «Речь, прочитанная в зале Амьенского коллежа 14 декабря 1562 года, накануне того, как начать толковать «Филиппики» Демосфена, в каковой речи сначала оплакиваются беды общественные, затем упоминаются личные тяготы и неприятности автора, а в конце кое-что говорится о предмете курса и об Олинфских речах, с которых он начал», 1563; «Две речи, прочитанные в зале Амьенского коллежа, одна 20 апреля, другая 5 октября 1563 года», 1563; «Речь во хвалу наук, прочитанная 16 октября в Амьенском коллеже накануне того, как начать толковать славные речи, направленные друг против друга, Эсхина против Ктесифонта и Демосфена в защиту Ктесифонта», 1564; «Причитание на смерть Адриана де Турнебю, славнейшего королевского профессора философии»⁵, 1565; «Речь во хвалу моральной философии, прочитанная накануне того, как начать толковать книги аристотелевской «Этики к Никомаху»», 1565; «Речь о превосходстве разума и о правильном воспитании, прочитанная 15 октября 1566 года в Амьенском коллеже накануне того, как начать толковать пять заключительных книг аристотелевской «Этики к Никомаху»», 1566; «Речь о необходимости соединять философию с искусством красноречия, прочитанная 7 января 1568 года в Амьенском коллеже накануне того, как начать

³ Такой была и репутация Ламбена, к тому же простолюдина по происхождению (см.: *Potez H. La jeunesse de Denys Lambin (1519–1548)* // *Revue d'histoire littéraire de la France*. T. IX. 1902. P. 385–413), среди современников: например, Клод Дюпюи (*Puteanus*) писал в 1570 г. в письме к ван Гиффену, что не обижается на Ламбена, списывая невежливость того не на злой умысел, а на «педагогическую асоциальность», *παῖδαυωυική inconsiderantia* (цит. по.: *Grafton A. Op. cit.* Vol. II. P. 262, n. 53).

⁴ Иосиф Юст Скалигер писал в письме к Юсту Липсию в 1577 г., что Гораций Ламбена «изнывает от груза комментариев» (*Illustriss<imi> viri Iosephi Scaligeri Iulii Caes<aris> a Burden F. Epistolae omnes quae reperiri potuerunt, nunc primum collectae ac editae... Lugduni Batavorum, 1627. P. 87*).

⁵ Это стихотворный текст, написанный по-латински от лица персонифицированной Франции: выдержки можно найти в: *Lewis J. Adrien Turnèbe (1512–1565): A Humanist Observed*. Geneva, 1998. P. 69–71.

толковать речь Эсхина περὶ παραπρεσβείας <“О предательском посольстве”>», 1568; «Речь о полезности греческого языка и о том, как правильно переводить с греческого на латынь, прочитанная в 1571 году», 1572).

Конечно, ссоры с коллегами не исключались сугубо академическим образом Ламбена: наоборот, они чуть ли не подразумевались обычной биографией ученого. Ламбен в этой области наиболее славен своей ссорой с Мюре. Сперва у них были очень дружеские отношения, они переписывались, мы видели, что Мюре публиковал сообщенные ему Ламбеном конъектуры (см. в главе 10 настоящей монографии примечание Мюре к Самоистязателю 143); для ламбеновского перевода «Никомаховой этики» Мюре написал стихотворное посвящение на греческом, любопытное тем, что это единственный греческий текст в издании, само сочинение Аристотеля напечатано только в переводе, без приложения оригинала. Чтобы представить читателю образец гуманистических упражнений в грекоязычном стихосложении (особенно им славен Полициано, но им занимались и другие)⁶, приведем несколько строк из этого посвящения:

... Ἀλλὰ σὺ τίς; Φήμη, περὶ Λαμβίνοιο βοῶσα
 Πᾶσι παρ' ἀνθρώποις, κ' οὔποτε παυσομένη,
 Ὅττι τάδ' Αὐσονίηνδε τὰ βιβλία τῶν ἀγαγόντων
 Οὗτος ἄτερθε φθόνου τᾶθλα τὰ πρῶτα φέρει.

«... А ты кто? — Молва, которая кричит о Ламбене по всему населенному людьми миру и никогда не перестанет кричать, что из переселявших эти книги в Авсонию <т. е. переводивших эти книги на язык Авсонии = Италии, латынь> он без всяких споров занимает первое место»⁷.

Но в 1559 г., когда до Ламбена дошел текст «Разных чтений» Мюре, между двумя учеными разразилась шумная ссора. Ламбен обнаружил в «Разных чтениях» плагиат из подготавливаемого им комментария к Горацию и написал бывшему другу (текст переписки с Мюре Ламбен в 1561 г. опубликовал, чтобы наглядно продемонстрировать всем, кто в споре правая сторона): «Твои извинения, что ты долго не пи-

⁶ На русский переведена одна грекоязычная эпиграмма Полициано (*Полициано А.* «Ты прислал мне вина...»/пер. с древнегр. С. Ошерова//Европейские поэты Возрождения. М., 1974. С. 103), но содержательно в таких текстах, в общем-то, нет ничего особенного, они должны были впечатлять самим тем, что написаны на древнегреческом. Удачный и, как кажется, сохранивший свою эффектность образец — начало «Метаморфоз» Овидия, действительно замечательно переведенное на древнегреческий (но стихами, а не прозой, как у Плануда) Анри Этьенном: Καίνῳ μορφωθέντα ἐέλδεται ἥτορ ἀεΐδειν / Σώματα. Οὐρανίδαι οἱ τῶνδ' ἡλλάξατε μορφήν, / Πρευμενέες τελέθειτε, καὶ ἐκ κόσμοιο γενέθλης / Μέσφα καὶ εἰς ἡμᾶς ἐπέων μηρύετε εἰρμόν (<*Maittaire M.*> *Stephanorum Historia, Vitas ipsorum ac libros complectens.* Londini, 1709. P. 286).

⁷ *Aristotelis De moribus ad Nicomachum libri decem.* Nunc primo e Graeco et Latine et fideliter, quod utrunque querebantur omnes praestitisse adhuc neminem, a Dionysio Lambino expressi. Eiusdem Dionysii Lambini in eosdem libros annotationes, quibus cum obscuri loci multi illustrantur, depravatique emendantur, tum, quid inter hanc et ceteras horum librorum conversiones intersit, aliqua ex parte ostenditur. Venetiis, 1558. Fol. *8r.

сал, я принимаю и больше не сержусь. Один экземпляр “Разных чтений” я в соответствии с твоим указанием отдал кардиналу <де Турнону>, а другой оставил себе, и благодарю тебя за него... Ошибок, которые ты в шутку (так я понимаю твои слова) просил меня поискать, я не нашел... Но претензии у меня к тебе все же есть. Я удивлен, что, притом что тебе известно, что я давно пишу комментарии к Горацию и скоро думаю их опубликовать и издать, и ты даже большую часть из этих комментариев читал, отчасти по моей просьбе, отчасти по твоему собственному желанию, ты настолько презрел и ни во что не ставишь нашу дружбу, да что там дружбу — просто вежливость, справедливость, принятые у всех людей обычаи, что пытаешься украсть у меня мой скромный урожай и плоды моих трудов. Это я еще не дошел до жалоб о тех вещах, которые я написал, разобрал, уже сделал своей собственностью, а ты их *πλεονεκτικῶς* <“с жадностью”> присваиваешь себе (нормально это вообще для человека утонченного и желающего сохранить благоговейно чтимыми и неприкосновенными теплые отношения между людьми — сознательно забирать и присваивать себе чужое?). Но вот ты замышлял написать книги “Разных чтений”. Сколь многочисленны другие древние писатели, из толкований и разъяснений которых ты мог составить эти твои книги таким образом, чтобы не трогать того писателя, которого я взялся целиком разъяснить сам? Но, возразишь ты, у тебя были некоторые особые соображения, про которые ты боялся, что если не издать их сейчас, то они не принесут тебе никакой славы после того, как выйдут мои комментарии. Однако тебе, раз ты называл себя моим другом, подобало скорее думать о славе твоего друга, чем о твоей собственной. Но это ладно. Мало таких людей, которые готовы поступиться своей славой. Но что же это, когда ты уже совсем поздней ночью прибыл в Венецию накануне нашего оттуда отъезда и разбудил меня, уже спавшего, когда я тебя пустил к себе в спальню и даже на ложе, на котором я спал, и мы всю ночь провели без сна и ты по памяти излагал мне многочисленные места из твоих книг, ты ни разу не упомянул, что ты в своих книгах касаешься каких-то вещей, имеющих отношение к Горацию? Почему ты молчал об этом и скрывал это, притом что про остальное почти про все мне рассказал, если не потому, что ясно понимал — ты в этих местах поступаешь по отношению ко мне нехорошо и я, если узнаю о чем-нибудь таком, попрошу тебя ради нашей дружбы, чтобы ты отложил публикацию этих мест на потом?»⁸ Заканчивается это письмо длинным списком мест из «Разных чтений», в которых Ламбен заметил заимствования из собственных комментариев.

В конце 1560-х гг. аналогичная ссора началась у Ламбена с голландско-немецким ученым Хубрехтом (или Хубертом) ван Гиффеном (Obrechtus Giphanius, 1534–1604), издавшим Лукреция в антверпенском плантинском издательстве в 1565 или 1566 г. (на титульных листах разных экземпляров стоят разные даты). В 1570 г. Ламбен переиздал своего Лукреция и дописал к нему новое предисловие с такими словами: «Притом даже, что я эту поэму, таким вот образом моими трудами чуть ли

⁸ *M. Antoni Mureti Epistolae*. Lipsiae, 1838. P. 384–385.

не возрожденную из мертвых, целиком преподнес и словно бы посвятил французскому королю Карлу IX, а отдельные части – шести ученым и замечательнейшим мужам нашей Франции, и опубликовал для всех народов, чтобы они видели плоды моего труда и пользовались ими, – несмотря на это некто, из всех смертных, что когда-либо жили, живут или будут жить, беззаконнейший, наглейший и бесстыднейший, бессовестнейшим образом присвоил их себе и бесстыдно объявил, что это он привел поэму в порядок, вернул ей прежнее убранство, защитил от всех искажений и наконец расцвелит ее ее собственными и от рождения ей присущими красками»⁹. Ван Гиффен на обвинения отвечал стойким молчанием. В результате такой «расстановки фигур» Мюре оказался после этой истории в близких отношениях с ван Гиффеном. Еще одним недругом Ламбена был голландец Виллем Кантер (1542–1575)¹⁰.

Обвинения в плагиате обычны для науки XVI в. и, надо сказать, далеко не всегда обосновательны: в условиях отсутствия авторского права, видимо, возникало постоянное искушение использовать чужие достижения. Жан Дора написал по этому поводу замечательное стихотворение, в котором, защищая от обвинений в плагиате учебник арифметики Эли Вине («О логистике», 1573), доказывал, что, в общем-то, мироздание вообще основано на воровстве и плагиате: все вещи заимствуют свой состав у элементов, из которых образованы, тело человека с его четырьмя жидкостями – это плагиат у природы, состоящей из четырех элементов, и не ворует разве что только Бог, да и тот на самом деле вообще ворует, «отнимая у Самого Себя принадлежащее Себе и, хоть Он и самый великий, делая Себя менее великим, чем на самом деле является», то есть воплощаясь в человека. А дальше вся литература описывается как основанная на плагиате – так иногда выглядят ранние варианты осмысления феномена интертекстуальности (ср. примеч. 58 к главе 11):

...Autolyçi fures – sequitur sua quemque iuventus –
 Orpheus, Musaeus, fur et Homerus erat.
 Fur erat Hesiodus, clypeum furatus Achillis:
 Herculis est, olim tegmen Achillis erat.
 Ipsas quinetiam furatur uterque Sibyllas,
 Seque Sibyllinis ornat uterque modis.
 Neve putes, mendax quia semper Graecia, Graecos
 Furaces Latiis vatibus esse magis.
 Ennius ipse pater magnum furatur Homerum,

⁹ T. Lucretii Cari De rerum natura libri VI. A Dion<ysio> Lambino Monstroliensis, litterarum Graecarum in urbe Lutetia doctore Regio, olim locis innumerabilibus ex auctoritate quinque codicum manu scriptorum emendati, ac fere redintegrati, et praeterea brevibus ac perquam utilibus commentariis illustrati: nunc ab eodem recogniti, et longe meliores facti, planeque iam in suam pristinam integritatem restituti: cum iisdem commentariis, plus quarta parte auctis... Francofurti, 1583. P. XXVI.

¹⁰ Обо всех этих склоках см. подробнее: Heesakkers C. L. Praeacidanea Dousana: Materials for a Biography of Janus Dousa Pater (1545–1604): His Youth. Amsterdam, 1976.

Maeonides alter visus et inde sibi est.
 Ennium ut ante omnes, alios sic denique cunctos
 Virgilius furtis vendicat ipse suis,
 Virgilium reliqui longo post tempore nati,
 Et nullus furtis per sua secla modus...

«...У Автолика <легендарного вора, сына Гермеса и деда Одиссея> (вслед за каждым приходит новое поколение молодых) воровали Орфей и Мусей, воровал и Гомер. Воровал и Гесиод, укравший щит Ахилла: когда-то был щит Ахилла, а теперь щит Геракла <имеется в виду, что у Гесиода была поэма “Щит Геракла”, а у Гомера было описание щита Ахилла в “Илиаде”>. И к тому же оба они <Гомер и Гесиод> воруют у сивилл и украшают свои произведения сивилловыми стихами. Но не подумай, что, раз греки всегда врут, то греки более вороваты, чем латинские поэты. Сам отец Энний ворует у великого Гомера, и потому ему привиделось, что он сам – второй меониец <то есть второй Гомер: имеется в виду начало “Анналов”, где Энний видит во сне, как ему явился Гомер и сообщил о переселении Гомерово́й души в Энния>. Как в первую очередь Энния, так и всех остальных оправдывает своим воровством Вергилий, а Вергилия – прочие, жившие через многие века после него, и никакого предела воровству в их времена не было...»¹¹.

Но вернемся к Ламбену. Что же из себя представляет его «сциентизм», если все-таки можно употреблять этот термин? Во-первых, мы сказали о том важном месте, которое Ламбен уделяет орфографическим вопросам. Он посвящает орфографии довольно большую часть предисловия к первому изданию Горация (это предисловие переведено ниже). Простым пользователям изданий античных текстов часто непонятно, зачем вообще заниматься тонкостями орфографии: какая, в конце концов, разница, напишешь ты *сит* или *quom*, если смысл останется тем же? Но такая позиция упускает из виду два момента.

Во-первых, это читателю все равно, что будет выбрано, а издатель в любом случае принужден выбрать какой-то один из двух вариантов. Добросовестный издатель при этом, конечно, задастся вопросом: а не могу ли я найти какие-то основания для решения, какой выбор корректнее?

Во-вторых, писатель, в принципе, может использовать орфографию для достижения каких-то художественных целей. Допустим, современный русский писатель может регулярно писать слово «чёрт» через ё, но в каких-то случаях отступить от правила и писать «чорт», например когда нужен архаизм. Выделить такие «маркированные» случаи необычной орфографии у античных авторов на основании рукописной традиции, конечно, очень сложно, но в принципе попытаться можно: например, в большинстве случаев, когда употребляется союз *сит*, архаичного варианта *quom* нет ни в каких рукописях (допустим, по крайней мере, что это утверждение

¹¹ Ioannis Aurati Lemovicis poetae et interpretis Regii Poëmatia... Lutetiae Parisiorum, 1586. P. 157.

верно); отсюда можно предположить, что там, где такой вариант все-таки есть в какой-нибудь из лучших рукописей, вероятность введения этого варианта писцом мала, и, скорее всего, расхождения между рукописями в этом месте вызваны тем, что необычный вариант был в их общем источнике.

На этом принципе чаще всего основываются сегодняшние реконструкции орфографии античных памятников: их основной смысл в выделении орфографически маркированных мест. При этом сегодняшние издатели не пытаются восстановить «авторскую орфографию» классиков. Если бы мы ставили такую задачу, нам пришлось бы очень сильно переделать все тексты (например, судя по Казр-Ибримскому папирусу, в текстах Катулла, Цицерона и Саллюстия долгую *i*, скорее всего, нужно было бы всегда записывать как *ei*), и на самом деле сделать это как следует мы бы просто не смогли, потому что у нас недостаточно информации для этого. Принятая сегодня латинская орфография основывается просто на соглашении, что мы восстанавливаем не авторский текст, а текст автора, как он скорее всего выглядел в IV–V в.н.э. (для этого у нас более или менее хватает сведений), и наше выделение орфографически маркированных мест — это на самом деле тоже реконструкция состояния текста в IV–V вв., оно может отражать авторское орфографическое маркирование, но может и не отражать его, точно мы не знаем. Саллюстия, например, издают в более архаичной орфографии, чем Цицерона, потому, что можно с достаточно большой вероятностью предполагать, что орфография Саллюстия была более архаичной в позднеантичных изданиях — какой была орфография настоящего Саллюстия, мы точно не знаем, наверное, каким-то образом архаизирующей, но практически наверняка не точно такой, как в наших изданиях.

Так занимаются орфографией современные текстологи-классики. Но орфографические штудии XVI в. представляли собой принципиально иную деятельность. Ученые XV–XVI вв. занимались не «маркированными случаями», а тем самым восстановлением античной орфографической нормы, от которого сегодняшние издатели в целом отказались¹². Это основная причина того, что их латинская орфография и на практике отличалась от нашей (бывают, конечно, и такие случаи, когда ученые Возрождения по инерции продолжают следовать средневековым орфографическим нормам, но это не универсалия).

¹² Иногда они даже замечали — и пытались устранить — те очевидные противоречия между общими принципами нашей и древней орфографии, которые и заставляют современных издателей отказаться от полного восстановления античной орфографии: например, систему диакритик в греческих текстах, считаясь, ввел Аристофан Византийский (мог ли Полициано узнать об этом из редкого и иногда даже считаемого подделкой XVI в. текста Аркадия, Об ударениях 211.8–9 Schmidt?), а Аристофан Византийский был «ученик Каллимаха» (Суда α3933) — *ergo*, в более древних текстах никаких диакритик вообще-то не должно быть — и Полициано, публикуя в главе 80 «Смеси» полный греческий текст каллимаховского гимна «На омовение Паллады», действительно печатает его «без всяких значочков ударений», *sine ullis accentuunculis* (Полициано, правда, не приводит свою аргументацию, может, он имел в виду и что-то другое, но во всяком случае он, похоже, действовал сознательно, судя по этой оговорке и по тому, что в остальных греческих текстах «Смеси» диакритики используются).

Например, слово, которое мы сейчас пишем как *causa*, в XVI в. практически всегда пишется как *caussa*. Это было именно сознательное восстановление античной орфографии, основанное прежде всего на утверждении Квинтилиана (Воспитание оратора 1.7.20), что во времена Цицерона и Вергилия «буква *s* удваивалась практически всегда, когда она встречается между двумя долгими гласными или после долгой, например *caussae*, *cassus* <вместо *casus*>, *divissiones*». Следуя за Квинтилианом, Джованни Понтано пишет в «Акции» (4.16 Kieffer), что Цицерон «имел обыкновение писать слово *causa* с двумя *s*, и такое написание до сих пор можно найти в Риме в надписи на древнейшем монументе»; Альд Мануций Младший написал специальный справочник по латинской орфографии, в котором аргументирует это написание так: «*Caussa*, с двумя *s*, на основании камней с Капитолия и других, а также вслед за самим Цицероном и Вергилием, по сообщению Квинтилиана. Этому свидетельству я придаю столь большое значение, что ради него я пренебрег бы авторитетом всех камней, на которых написано иначе, и всех этимологий — но на самом деле и этимология говорит за то, чтобы производить это слово от *caveo*, так чтобы получалось *caussa*, как бы *cavissa*. На это указывает и античный грамматик Скавр <Об орфографии 7.21.14–8 Keil>, хотя написание через одну *s* ему больше нравится»¹³. Далее следует список античных надписей, в которых *causa* пишется через одну *s* и через две *s*.

Такие надписи действительно есть, встречается написание через два *s* и в папирусах, но из Квинтилиана все же не следует, чтобы так писалось это слово всегда даже при Цицероне, и позднеантичные грамматики явно считали написание через два *s* аномальным, поэтому в современных изданиях такое написание зарезервировано для «маркированных» случаев. Может быть, ученые XVI в. правее в том, что таких маркированных случаев в авторском тексте Цицерона явно было значительно больше, чем в современных изданиях. Во всяком случае, новый материал, появившийся у ученых с тех пор, заставил их усомниться в надежности общих реконструкций орфографической нормы в целом. Достижения XVI в. в области реконструкции орфографии сейчас не забыты наукой и используются, но не так, как тогда, а только в сферах удаления совсем средневековой орфографии и выделения «маркированных» вариантов.

При этом надо иметь в виду еще одну неочевидную черту ренессансных орфографических штудий: на самом деле потому гуманисты, видимо, и пытаются восстановить систему орфографии в целом, что это для них часть глобального проекта по восстановлению правильной латыни в целом. Правила античной орфографии нужно знать не просто ради знания, а чтобы самим писать, как в античности. Другими словами, по крайней мере исходная посылка развития орфографических реконструкций, вопреки нашим ожиданиям, как раз оказывается скорее не сциентистской.

¹³ *Epitome orthographiae Aldi Manutii Paulli F. Aldi N. ... edente et emendante Ludovico Carrione. Antverpiae, 1579. P. 27–28.*

Но нас интересуют у Ламбена прежде всего текстологические проявления его «сциентизма». На первый взгляд, о каком сциентизме можно всерьез говорить на фоне фантастической педантичности людей вроде Габриэлло Фаэрно (см. главу 10)? Ламбен сообщает рукописные чтения значительно реже, чем Фаэрно, иногда оставляет непонятым, что за чтение в конкретной рукописи¹⁴. Но на самом деле Ламбен просто несколько иначе смотрит на метод текстологии. Фаэрно находится под довольно сильным влиянием взглядов Веттори, и потому ту одну рукопись, которую считает лучшей, описывает сверхтщательно и сверхподробно. Но в отличие от Веттори, привлечение других рукописей Фаэрно в своем издании Теренция тоже считал нужным (и, добавим, он был в этом, по-видимому, прав). Однако если мы посмотрим на эти другие рукописи, то их Фаэрно описывает даже хуже, чем Ламбен.

Например, в комментарии Фаэрно к «Братьям» (ок. 1000 строк) важная рукопись IX в. Vaticanus lat. 3868 цитируется всего 14 раз («рукопись Бембо», напомним, на протяжении той же комедии цитируется Фаэрно около 200 раз). Ламбен в комментарии к эподам Горация (это текст примерно такой же длины, как «Братья») цитирует рукописи 19 раз, причем подразумевается, что описание рукописей устроено как негативный аппарат (перечисляются те рукописи, в которых чтение, отличное от принятого в тексте), то есть в принципе теоретически каждый раз сообщаются чтения всех рукописей (в неупомянутых рукописях по умолчанию то же самое, что в тексте). В реальности, конечно, сложно делать такое описание точно, и обычно оказывается, что есть рукописи, чтение которых ученый в конкретном месте забыл проверить, но в принципе Ламбен исходит из установки на полное описание; Фаэрно же, когда приводит чтение «Бембовской рукописи», совсем не имеет в виду, что в остальных рукописях другой текст. Фаэрно и Ламбен представляют, таким образом, два полюса текстологической акривии XVI в.: первый предпочитает как можно тщательнее описать одну рукопись, а остальные как получится, второй идет по пути увеличения числа рукописей, описываемых с равным вниманием. Ламбен при этом выполняет свою работу менее качественно, но его работа и сложнее: проще проверять чтения одной рукописи, которую можно к тому же держать у себя дома, чем с точностью и без ошибок и недосмотров сообщать чтения десятка копий одновременно. Но в XVII в. одержать победу было суждено именно ламбеновскому варианту развития текстологии.

¹⁴ Этот упрек Графтона (*Grafton A. Op. cit. Vol. II. P. 86*) основан на примечании Ламбена к одам 1.7.15 (и паре аналогичных примеров): «*Deterget*. Вообще я нахожу вариант *detergit* в двух рукописях, Дон^{ато} Джаннотти» и Фаэр^{но}. Но я напечатал *deterget*, следуя за двумя Ватиканскими копиями, копией Орсини и копией де Турне». В этом случае рукописи описываются как в «позитивном» критическом аппарате, то есть перечисляются не только рукописи, в которых чтение, отличное от принятого в тексте, но и рукописи, в которых принятое в тексте чтение. Логически сумма должна дать все используемые Ламбеном экземпляры, но Ламбен называет только шесть экземпляров из десяти; что в остальных трех Ватиканских рукописях и в копии Рануччо Фарнезе, остается непонятым.

Этот факт, наверное, действительно связан с границами национальных школ: все-таки другой методологический полюс, полюс Веттори и Фаэрно, был очень узко локализован географически и четко связан с Италией, очень быстро уступающей свои позиции в науке молодым национальным школам¹⁵, прежде всего французской и уже наступающей на пятки французам фламандско-голландской. Ламбен, как и Мюре с Этьенном, тоже еще ездил за рукописями в Италию, причем до того, сидя во Франции, как он пишет в предисловии к Горацию 1561 г., он понимал, что рукописи нужны, но ограничивался тем, чтобы «надеяться, что когда-нибудь доберется до достаточного количества таких книг». С такими надеждами у него однозначно ассоциировалась Италия¹⁶, и в Риме Ламбен сразу же бросился копаться в рукописных фондах. Однако уже к первому изданию Горация Ламбен успел обнаружить, что неплохие рукописи встречаются и во Франции: ему предложил свою копию издатель Жан де Турне, и Ламбен добавил ее к своим в качестве десятого экземпляра. Но во втором издании Горация, выпущенном в 1568 г.¹⁷, Ламбен добавил уже семь французских рукописей, перечисляемых

¹⁵ Окончательно Италия сходит со сцены европейской классической филологии (чтобы всерьез снова вернуться туда уже только веке в двадцатом) после закрытия альдинского издательства в 1597 г. Это год смерти Альда Мануция Младшего, наследников у которого не нашлось, но причина такой ситуации, видимо, была в том числе и в падении коммерческой успешности предприятия. В последние годы издательство Альда в основном печатало уже довольно странные книги, вроде «Речи о происхождении и достижениях славян» Винко Прибоевича (1595, итальянский перевод с латинского оригинала), текста на тот момент уже 70-летней давности, в котором превозносится величие народа славян, особенно происходящих с острова Хвар, откуда родом был сам Прибоевич, и славянами объявляются многие легендарные личности, включая македонских царей и даже Аристотеля. Уровень и популярность классической учености в Италии вообще резко падает: в 1584 г. Латино Латини жалуется, что итальянским университетам приходится приглашать французских и испанских профессоров; в 1589 г., согласно анекдоту, рассказываемому Джан Витторио Росси, Альд Младший приехал в Рим читать лекции по риторике, но желающих слушать эти лекции набралось только пара человек. Генри Хэллам связывает эти тенденции с нелюбовью Сикста V (папы римского в 1585–1590 гг.) ко всякой светской культуре (*Hallam H. Introduction to the Literature of Europe, in the Fifteenth, Sixteenth and Seventeenth Centuries. Vol. I. London, 1847. P. 509*), но признаки упадка, очевидно, проявлялись уже до его понтификата. Может быть, причину стоит видеть скорее в постепенном намечающемся экономическом упадке Италии, теряющей позиции во внешней торговле, в том числе в пользу тех же самых северных стран (см.: *Sella D. Crisis and Transformation in Venetian Trade // Crisis and Change in the Venetian Economy in the Sixteenth and Seventeenth Centuries / ed. by B. Pullan. London, 1968. P. 88–105; Cipolla C. M. The Economic Decline of Italy // Ibid. P. 127–145*): развитие наук, не приносящих непосредственной практической выгоды, обычно требует определенной стабильности экономики.

¹⁶ При этом Ламбен, как и Анри Этьенн, совсем не был человеком, ставящим итальянскую культуру выше французской. Самый известный пример — это то, что, комментируя слова Горация о том, как надо начинать поэму (Наука поэзии 141), Ламбен приводит неумеренно длинные куски из начала французско-язычной «Франсиады» Ронсара и ее латинского перевода, выполненного Жаном Дора, поясняя свои действия такими словами: «Чтобы иностранные народы поняли, какие и сколь великие таланты порождает наша Франция и в каком расцвете у нас находятся добрая словесность и свободные науки».

¹⁷ Вышедшее в 1566 г. альдинское переиздание не включается в счет изданий, потому что было пиратским — конечно, не совсем в том смысле, в котором мы говорим о пиратских изданиях сейчас, потому что авторского права не было, но в том смысле, что издание осуществлялось без ведома Ламбена. Это, вероятно, было лишним стимулом приложить ко второму изданию развернутый текст «привилегии»: «Королевским письмом к Жану Масе, парижскому книгопродавцу, объявляется предостережение, чтобы никто без

в предисловии (не переведенном нами)¹⁸. Правда, периодически он во втором издании оставляет списки рукописей, содержащих какое-то чтение, без изменения относительно первого издания: остается непонятным, значит ли это, что во всех французских рукописях другое чтение, или просто французские рукописи описаны менее подробно; в любом случае корректность и понятность описания рукописей за счет этого еще уменьшилась. Но так или иначе, богатства рукописных фондов Северной Европы начинают раскрываться просто на глазах: также и в своем Лукреции 1563 г. Ламбен, как было сказано, уже использует знаменитую «Квадратную рукопись» (она тогда принадлежала сент-омерскому аббатству Сен-Бертен вблизи границы с нынешней Бельгией; из аббатства ее прислали в Париж по просьбе Пьера Галланда, Галланд предоставил рукопись Турнебю, и Ламбен в результате пользовался копиями того)¹⁹, а для издания писем Цицерона тот же Жан де Турне предоставил Ламбену важную рукопись (предположительно происходящую из собрания Ключийского монастыря), которая после была утеряна и о которой мы знаем только по сообщениям ученых конца XVI в.²⁰ Именно «ученых», однако: кроме Ламбена с этой рукописью до ее исчезновения еще успели поработать Турнебю и Симон Дюбуа (Bosius, 1536–1581)²¹.

его указания эти комментарии Дени Ламбена из Монтрё, самим автором отредактированные и увеличенные более чем на треть, <...> в течение шести лет, отсчитываемых от дня этого второго издания, не набирал для типографии и не печатал и не продавал, напечатав в каких-то других странах. Кто ослушается, тот будет наказан в соответствии с постановлениями».

¹⁸ «... Еще я нашел шесть рукописных книг в Париже, одну у наследников Н<иколя> Леклерка, две у любезнейшего мужа Луи Руссара, толкователя и преподавателя гражданского права в Бурже, три у Жана Нико, мужа разумнейшего и образованнейшего, не так давно бывшего послом к португальскому королю <из этой посольской миссии Нико, среди прочего, привез во Францию табак, поэтому слово «никотин» произведено от его фамилии, Nicot/Nicotius: см.: Bigelow J. American Medical Botany... Vol. I. Boston, 1817. P. 175>; к ним добавилась шестая <sic>, четыре года назад подаренная мне Жаном Коломбеном из Монтрё...» (Q. Horatius Flaccus, sex abhinc annos ex fide, atque auctoritate complurium librorum manu scriptorum, opera Dionysii Lambini Monstroliensis emendatus: ab eodemque commentariis copiosissimis explicatus, et tum primum in lucem editus: nunc ab eodem recognitus, et cum aliquot aliis exemplaribus antiquis comparatus, et multis praeterea locis purgatus, iisdemque commentariis plus tertia parte amplificatis illustratus. Lutetiae, 1568. Fol. 1v v). В сумме получается не шесть, а семь рукописей, и в привилегии тоже сказано, что Ламбен использовал семь новых рукописей.

¹⁹ Kany-Turpin J. Lucrèce // La collection Ad usum Delphini. Vol. II / sous la direction de M. Furno. Grenoble, 2005. P. 220; T. Lucretii Cari Op. cit. P. XXIII–XXVIII.

²⁰ Reynolds L. D., Wilson N. G. Scribes and Scholars: A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature. Oxford, 1968. P. 175.

²¹ Дюбуа, впрочем, довольно странный персонаж: две другие найденные им рукописи писем Цицерона (codex Decurtatus, «Оборванный кодекс», и codex Crusellinus, «кодекс Крузея»), как принято считать, все же были полной мистификацией (потому что в Parisinus lat. 8538 А сохранились его черновые рукописные выписки из этих кодексов и они выглядят как придумываемые на ходу, с периодическим изменением решений, какое чтение приписать рукописи, – впрочем, Дюбуа вводил в описание этих манускриптов и нарочито плохие чтения, видимо для маскировки подделки: см.: Muret M.-A. The Iuvenilia of Marc-Antoine Muret / ed. by K. M. Summers. Columbus, 2006. P. xxxix; Cicero's Letters to Atticus / ed. by D. R. Shackleton Bailey. Vol. I. Cambridge, 1965. P. 93–94; Clark A. C. The Fictitious MSS. of Bosius // The Classical Review. Vol. IX. 1895. P. 241–247).

На этот факт стоит обратить внимание, потому что это довольно важный момент: взрыв интереса ученых Северной Европы к собственным рукописям классиков произошел как раз вовремя для того, чтобы эти ученые успели описать ряд важных рукописей непосредственно перед их исчезновением. Итальянские рукописные открытия XVI в. до нас в основном довольно неплохо дошли: в Италии основные рукописные собрания в это время уже постепенно стабилизируются (если не стабилизировались еще раньше), флорентийские рукописи потихоньку оседают в библиотеке Медичи, в 1571 г. открытой великим герцогом Козимо для пользования ученых, а в Риме комплектуется Ватиканская библиотека, собираемая прежде всего Фульвио Орсини (Орсини, в частности, среди прочего приобрел для Ватикана много ценных рукописей из коллекции Пьетро Бембо, включая «Бембовского» Теренция IV–V вв., Vat. lat. 3226, «Ватиканского» Вергилия V в., Vat. lat. 3225, а также Vat. gr. 1312 XII в. — древнейшую, не считая папирусов, рукопись Пиндара, — некоторые рукописи Петрарки и др.). А вот на севере Европы рукописи еще очень легко пропадали: отчасти просто из-за того, что рукописные собрания еще не устоялись, отчасти из-за религиозных войн (больше всего страдали, конечно, реликвии и священные изображения, но иногда доставалось и рукописям, многие из которых еще находились в монастырских собраниях).

Самый известный случай рукописи, сохранившейся только в описаниях конца XVI в., — это, вероятно, «Древнейшая Бланкенбергская» (Blandinianus Vetustissimus) рукопись Горация, найденная фламандцем Якобом ван Круке (Jacobus Cruquius, не позже 1520–1584) в 1565 г. и погибшая уже в 1566 г. Сведения о важнейшей Кельнской рукописи Силия Италика также дошли до нас в сообщениях сразу двух ученых XVI в. — фламандцев Франсуа де Мольда (Franciscus Modius, 1556–1597) в его «Новодревних чтениях» (1584; де Мольд вообще уделял особенно важное место в своей работе изучению рукописных фондов) и Луи Карриона (1547–1595)²² — плюс в XVII в. Николая Гейнзия, еще заставшего эту рукопись существующей. Каррион также издал в 1565 г. (в 18 лет!) Валерия Флакка²³,

²² Reynolds L. D., Wilson N. G. Op. cit. P. 180.

²³ Очень показательный текст — предисловие Карриона ко второму изданию Валерия Флакка, просто гимн *translatio studiorum* того времени, перенесению классической учености на север: «Как Италия превзошла все прочие страны в такой славе, так в удивительной степени внутри самой Италии совершенно обошла всех в этой области по таланту, по прилежанию, по взвешенности суждения и по времени одна семья Мануциев... Их пример разбудил французов, которые с таким тщанием, прилежанием и старанием устремились к славе в этой области, что по продолжительности своих занятий французы, конечно, уступают, но вот по учености итальянцев уже догнали или даже перегнали, исключая только Мануция <видимо, Павла?>: утонченнее, чем этот человек, я полагаю, ничто быть не может. Так как, что касается всех прочих, занятых этой наукой, то я не сомневаюсь, что с ними Мюре, Турнебу и Ламбены легко поспорят. Немцы и занялись такими писаниями позже, и таких, кто бы оным делом занимался, у них отыскалось очень немного: ведь, поскольку они, как кажется, особенно большое значение придают стихосложению, то они в такой степени все силы бросили на то, чтобы в этом стихосложении превзойти всех прочих, что все остальные науки у них оказались в почти полном пренебрежении; исключение составляют разве что Жамбоки

использовав при этом какую-то рукопись, содержащую много заманчивых чтений, которую он датировал X веком. Стемматическая текстология XIX в. вместе с уверенностью в собственном методе принесла презрительное отношение к рукописным разысканиям ученых Возрождения, и потому в XX в. по поводу рукописи Карриона долгое время преобладало мнение, что «молодой человек ошибся» и на самом деле имел дело «с одной из самых поздних рукописей»²⁴, но в 1989 г. В.-В. Элерс (сам же и автор процитированных формулировок) нашел последний лист этой самой рукописи²⁵ и оказалось, что она XII в. и что сведения Карриона, согласно которым она, скорее всего, представляет независимую ветвь рукописной традиции, вероятнее всего, верны. Это довольно важный момент для оценки пропавших рукописных находок XVI в. в целом, ведь так можно было бы предположить, что в погоне за открытиями ученые просто выискивали привлекательные чтения в рукописях, не представляющих ценности²⁶. Но случай Карриона позволил нам проверить, что такое они находили: как следует датировать рукописи, конечно, еще не умели, но выделить наиболее ценные рукописи ученые того времени уже были вполне способны.

Из этих примеров видно, что акценты в северном издательском деле (особенно у фламандцев и голландцев) постепенно начинают смещаться по сравнению с южным; в XVII в. все эти тенденции проявятся еще отчетливее. Во-первых, отличается сам выбор текстов: в цистеронианской Италии середины XVI в. такие поздние «маньеристичные» авторы, как Валерий Флакк или Силий Италик, особенно никому не были интересны; голландские же филологи XVII в. будут больше всего интересоваться именно текстами в таком духе — Сенекой, Луканом, Тацитом, Стацием и т. д. Во-вторых, и это даже больше нас интересует, они будут ориентированы на максимально широкий охват рукописной традиции: развивается та самая расстановка методологических акцентов, которую мы видели у самого Ламбена. Широта этого охвата постепенно разрастется до колоссальных размеров: в конце XVI — начале XVII в. в одном издании обычно используется где-нибудь от 5 до 20 рукописей, на рube-

<имеется в виду венгерский гуманист Янош Жамбоки (Sambucus, 1531–1584)>, Камерарии и Фабриции <подразумевается Георг Фабриций (Голдшмидт, 1516–1571)>. А вот наши фламандцы, хоть и взялись за этот род деятельности последними, как же поразительно, сколь мощно и в сколь короткие сроки они в нем процвели!» (*Flacci Setini Balbi Argonauticon lib<ri> VIII. Locis innumerabilibus antea a Ludovico Carrione ex vetustiss<imo> exempl<ari> emendati: nunc vero ita ab eodem perpurgati, ut iam primum editi videri possint. Antverpiae, 1566. Fol. A3 r–v*).

²⁴ *Gai Valeri Flacci Setini Balbi Argonauticon libros octo rec.* W.-W. Ehlers. Stuttgartiae, 1980. P. X.

²⁵ *Ehlers W. W. Neuere Arbeiten zur Datierung und Überlieferung der Argonautica des Valerius Flaccus*// *Ratis omnia vincet: Untersuchungen zu den Argonautica des Valerius Flaccus*/hgb. von M. Korn und H. J. Tschiedel. Hildesheim, 1991. S. 17–34. Лист был обнаружен в составе рукописи номер 70 Муниципальной библиотеки французского города Дуэ: это требник, для переплетения которого в конце XVI в. в Маршьянском аббатстве использовали этот самый лист из рукописи Валерия Флакка.

²⁶ Или просто придумывали несуществующие рукописи для придания авторитета своим конъектурам: см. выше примеч. 21.

же XVII–XVIII вв. это число в отдельных случаях уже будет достигать сотни (рекордсмен, вероятно, голландец Николай Гейнзий (1620–1681) – для своего издания Овидия он изучил 286 рукописей!)²⁷.

Развитие в этом направлении делает актуальным вопрос, как вообще представить эту информацию в таком виде, чтобы ею можно было пользоваться? Можно, конечно, просто, как в средневековых рукописях, выписывать разночтения (*variae lectiones*) без указания конкретных рукописей, на полях или же списком в конце книги, как было принято, например, в этьенновских изданиях. Но становилось уже все очевиднее, что такая манера не отвечает стандарту научности.

Каждый раз выписывать целиком название каждой рукописи было, конечно, невозможно. Ламбен использует в Горации сокращенные названия; например, его комментарий к одам 1.13.6, переведенный ниже, в оригинале выглядит так: *sic cod. Don. Faër. duo Vatic. Tornes*. Логически можно было бы ожидать появления однобуквенных сигл, которые приняты в текстологии сегодня. Они действительно несколько раз готовились было распространиться, но в итоге все время что-то срывалось. Однобуквенными сиглами часто обозначали рукописи ученые XV–XVII вв. в своих черновых записях (достоверно это известно, например, о Полициано, Николае Гейнзии²⁸, Клоде Сомезе²⁹), но на издания эту практику они обычно не распространяли.

Первая серия попыток ввести однобуквенные сиглы в печатные издания имела место в XVI в. Одиночными маленькими греческими буквами обозначались рукописи в Новом Завете, изданном Робером Этьенном в 1550 г.³⁰; одиночные заглавные латинские буквы использовались в нескольких изданиях антверпенского плантинского издательства³¹ на протяжении второй половины столетия, по край-

²⁷ Reeve M. *Heinsius's Manuscripts of Ovid: A Supplement* // *Rheinisches Museum*. Bd. CXIX. 1976. S. 76–77. Естественно, стемматическая текстология XIX в. с ее моделью элиминации рукописей была направлена в первую очередь против таких сверхобъемных описаний рукописей, в которых очень трудно ориентироваться.

²⁸ Kenney E. J. *The Classical Text: Aspects of Editing in the Age of the Printed Book*. Berkeley, 1974. P. 155. Факсимиле страницы с рукописными пометками Гейнзия, где как раз хорошо видны такие однобуквенные сиглы, можно найти, например, в издании: *P. Ovidi Nasonis Fastorum libri sex* / rec. E. H. Alton, D. E. W. Wormell, E. Courtney. Leipzig, 1978. Tab. 1.

²⁹ Lukan. *Der Bürgerkrieg* / Lateinisch und Deutsch von G. Luck. Berlin, 1985. S. 66.

³⁰ Kenney E. J. *Op. cit.* P. 155.

³¹ Это издательство (названное по имени Кристофа Плантена, ок. 1520–1589) уже несколько раз упоминалось нами в связи с техническими новациями – там была введена нумерация строк и глав для некоторых античных текстов (см. примеч. 46 к главе 11), там были выпущены подготовленные Виллемом Кантером издания греческих трагиков, в которых впервые были выделены строфы и антистрофы хоровых партий (Еврипид, 1571; Софокл, 1579; Эсхил, 1580). Подробнее см.: *Imhof D. Editions of Classical Authors Published by Jan I Moretus (1589–1610)* // *E codicibus impressisque: Opstellen over het boek in de Lage Landen voor Elly Cockx-Indestege*. DL II / onder red. van J. Hanselaer, H. Meeus etc. Leuven, 2004. P. 259–272.

ней мере в Лукане (1564)³² и Клавдиане (1571)³³ Теодора Пульмана (ок. 1510–1581) и в Стации (1595) Яна Бернартса (Bernartius, 1568–1601)³⁴. Ламбен сам попробовал использовать эту манеру (в этьенновском варианте) в своем издании Демосфена 1570 г., но постепенно по ходу издания он перестает различать рукописи и переходит к безразличным *υράφεται*³⁵. В итоге в XVII в. иногда используются списки разночтений без указания рукописей, но доминирующим оказывается тот способ описания, который мы видим в Горации Ламбена, с развернутыми сокращениями.

Вторая волна попыток (опять в конечном счете неудачных) утвердить использование однобуквенных сигл в печати придется на начало XVIII в.: к примерам, собранным Эдвардом Кенни³⁶ (самый ранний — лейденский Лукреций С. Хаверкампа 1725 г.), нужно добавить еще оформленного совершенно аналогично хаверкамповскому изданию лейденского Лукана Ф. Аудендорпа 1728 г.³⁷ Закрепились однобуквенные сиглы только во второй половине XIX в.

Почему так долго это оформление не приживалось? В общем-то, одной буквой обозначать рукопись удобнее, поэтому ученые и делали так в рукописных заметках «для себя». Адам Фокс даже сравнивает значимость однобуквенных сигл для текстологии с использованием букв для обозначения переменной в алгебре³⁸. Но был и ряд причин не принимать такую манеру.

³² Иногда это издание путают с изданием Грегора Берсмана 1589 г. (напр., *P. Papinius Statius. Thebaid and Achilleid*/by J. B. Hall in collaboration with A. L. Ritchie and M. J. Edwards. Vol. III. Cambridge, 2008. P. 59 — ошибка вызвана тем, что Кенни (*Kenney E. J.* Op. cit. P. 156) почему-то ссылается на аппарат Пульмана только через берсмановскую перепечатку). Издание Берсмана на самом деле вышло в Лейпциге, и используемые рукописи в нем не различаются, только указывается (правда, не всегда), в скольких из четырех используемых рукописей (Берсман на своей плохой латыни называет их в среднем роде *manuscripta*, «рукописное») такое-то чтение. Это издание любопытно очень подробным описанием рукописей, значительно более подробным, чем у Ламбена или Пульмана. На протяжении первой книги Лукана (695 строк) рукописные чтения приводятся в 202 местах (*M. Annaei Lucani De bello civili, vel Pharsaliae libri decem, Gregorii Bersmani Annaebergensis studio et opera ex quatuor manu exaratis codicibus emendati, scholiisque illustrati. Lipsiae, 1589*) — даже Фаэрно не описывал «Бембовскую рукопись» Теренция с такой степенью подробности. Для сравнения, в последнем и лучшем на сегодняшний день критическом издании Лукана на протяжении первой книги рукописные чтения цитируются 287 раз (*Lucani Opera*/R. Badali rec. Romae, 1992).

³³ *Reynolds L. D., Wilson N. G.* Op. cit. P. 179 добавляют еще пульмановского Горация 1566 г., но там на самом деле список разночтений без различия рукописей (*Q. Horatius Flaccus, Theod. Pulmanni Craneburgii opera, ad Mureti, Lambini aliorumque editionem, atque veteres aliquot libros collatus, et scholiis e scriptis doctissimorum hominum collectis, illustratus. Antverpiae, 1566*).

³⁴ *P. Papinius Statius.* Op. cit. Vol. III. P. 58–59.

³⁵ Δημοσθένους Λόγοι, καὶ προοίμια δημηγορικὰ, καὶ ἐπιστολαί... Lutetiae, 1570, ср.: *Kenney E. J.* Op. cit. P. 155.

³⁶ *Kenney E. J.* Op. cit. P. 156.

³⁷ *M. Annaei Lucani Cordubensis Pharsalia, sive Belli civilis libri decem... curante Francisco Oudendorpio... Lugduni Batavorum, 1728.*

³⁸ *Fox A. John Mill and Richard Bentley: A Study of the Textual Criticism of the New Testament 1675–1729. Oxford, 1954. P. 121.* О развитии алгебраической нотации в раннее Новое время см.: *Andersen K.,*

Некоторые из них называет Питер Бурман Старший, обсуждая оформление изданий в духе Хаверкампа и Аудендорпа: «Я не смог заставить себя следовать новой моде вставлять напечатанные мелким шрифтом разночтения посередине между текстом поэта и примечаниями <именно так делают Хаверкамп и Аудендорп>. Причина, во-первых, в том, что эти мелкие буковки настолько утомляют мои (и, быть может, не только мои) глаза и совершенно притупляют остроту зрения, что я часто чувствовал из-за этого боль, и я слышал аналогичные жалобы от других людей. Во-вторых, я часто замечал, что значки, обозначающие рукописи одиночными буквами или цифрами, список которых прилагается в начале тома, оказываются поставлены наборщиками неправильно и не на своем месте. Да и сам я, как я отмечал, частенько запутываюсь от того, что мне трижды и четырежды приходится перескакивать то к значкам, то обратно к тексту поэта. И я не думаю, что у кого-нибудь столь твердая память, чтобы он мог держать в голове однобуквенные обозначения большого числа копий и ему не приходилось многократно обращаться к полному списку. <...> И точно так же легко я попадал впросак, переписывая <рукописные> выписки <Николая> Гейнзия. <...> Ведь Гейнзий на полях своего экземпляра обозначал разные копии одиночными буквами, собранными по всему алфавиту, и в результате часто получалось, что я указывал одну копию вместо другой: либо память подводила, либо потому, что Гейнзий настолько похоже писал некоторые буквы, что иногда я не мог различить, обозначает ли что-то среднее между K и R Вторую Роттендорфову копию или копию Ришелье...»³⁹. Действительно, однобуквенные сиглы порождали большое число трудноисправляемых опечаток и ошибок в аппарате⁴⁰, и ими было трудно пользоваться, потому что из-за числа рукописей ассоциация между выбираемой буквой и названием рукописи часто не устанавливалась⁴¹. Но важнее эффект эзотеричности, придаваемый обозначением на алгебраический манер.

Bos H. J. M. Pure Mathematics//The Cambridge History of Science. Vol. III: Early Modern Science/ed. by K. Park and L. Daston. Cambridge, 2008. P. 696–726.

³⁹ *Marci Annaei Lucani Pharsalia cum commentario Petri Burmanni. Leidae, 1740. Fol. **1r–v.*

⁴⁰ Например, видя в издании Аудендорпа запись вроде V.1.3., читатель должен сначала узнать из списка сигл, что буквой V обозначаются рукописи Фосса (Vossiani), затем понять, что обозначения 1. и 3. никогда не значат в аппарате Аудендорпа «первый» или «третий», а всегда только «один» и «три» (как это можно выяснить, кроме как через сопоставление с другими изданиями, я не знаю), потом понять, что запись бессмысленна, и догадаться, что имелось в виду на самом деле V.B., то есть «чтение встречается в каких-то из (шесть) рукописей Фосса и в каких-то из (четырёх) рукописей, использованных Берсманом для его издания».

⁴¹ Из приведенной выше цитаты видно, что Гейнзий обозначал буквой K то ли «Вторую Роттендорфову копию», то ли «копию Ришелье» — видимо, буквы кончились, — и точно так же и в XVI в. Пульман, например, рукопись Корнелиуса Ваутерса (Cornelii Gualteri) называет O (потому что буквы C и G уже были заняты), а рукопись пфальцграфа Рейнского Фридриха (Friderici Comititis Palatini Rheni) — A (потому что, опять же, уже заняты оказались буквы F, C, P и R: *M. Annaei Lucani, De bello civili, vel Pharsaliae, libri X. Theodori Pulmanni Craneburgii opera emendati... Antverpiae, 1592. Fol. T6 v*). Иногда выбор сигл выглядел совсем по-идиотски: например, Фридрих Линденброг, в своем издании Стация 1600 г. подходящий близко к полному переходу на однобуквенные сиглы, обозначает знаменитую рукопись Parisinus lat. 8051 двухбуквенным сокращением CL: она называется у Линденброга *codex clarissimorum Puteani filiorum*, «рукопись светлейших

Однобуквенные сиглы, действительно, подразумевали введение указателя сигл в начале или конце тома, в то время как развернутые сокращения обычно такими указателями не сопровождалось (в изданиях, использующих развернутые сокращения, подразумевалось, что, прочтя список рукописей в предисловии, читатель сам сообразит, что как сокращается). Уже за счет этого число людей, готовых следить за однобуквенными обозначениями, периодически заходя в указатель, резко падало. Но и сами по себе однобуквенные сиглы отпугивают широкого читателя, производя впечатление какого-то недоступного знания, требующего специального погружения. Эдвард Кенни верно объясняет нерешительность во введении однобуквенных сигл «нежеланием некоторых ученых иметь что-либо общее с техниками, перенесенными на изучение литературы из естественных наук и математики», нежеланием, объясняемым тем, что изучение литературы все еще не было отделено в сознании эпохи от *bonae litterae*, «изящной словесности»⁴². Однако не очевидно, что в этом явлении нужно вслед за английским ученым видеть противостояние прогрессу. Повсеместное распространение сигл действительно непосредственно связано с идеологией немецкой науки XIX в., желавшей видеть себя как можно более математизированной, научной и эзотеричной. В результате сегодня даже большинство филологов-классиков читает тексты, не разбираясь в описаниях рукописей и побаиваясь критического аппарата как недоступного знания для избранных; но если эзотеризация наук вроде физики в XIX–XX вв. была, скорее всего, неизбежна из-за привлечения сложного математического аппарата, то в случае текстологии эзотеризация во многом сама является продуктом сциентистских идеологий, сама наука, вообще-то, ничего фантастически сложного из себя не представляет.

Более ранние волны попыток перейти на однобуквенные сиглы, похоже, тоже соответствуют моментам подъема сциентистских тенденций в науке: начало XVIII в. — это явно время, когда на ученых произвела колоссальное впечатление физика Ньютона; похоже, что и конец XVI в. характеризуется некоторым тяготением к обособлению, депопуляризации науки. И все же это не был такой сциентизм, как у немцев XIX в. Наука становится достаточно эзотеричной в своем содержании (какой, в общем-то, интерес кому-нибудь, кроме текстолога, в каких именно из ста рукописей сохранилось такое-то чтение?), но при этом она все-таки стремится сохранить такую форму, чтобы человек извне науки легко мог понять, о чем идет речь. Поэтому в XVII в. и побеждают развернутые сокращения вроде ламбеновских *Don. Faër.* — как выразился в XVIII в. Арнольд Дракенборх, «уродливые остатки обрубленных слов, которыми обычно обозначают рукописи»⁴³.

сыновей Дююи», но Р он ее обозначить не мог, потому что уже зарезервировал эту букву для «рукописи Пето», и потому не придумал ничего лучше, чем образовать сокращение от эпитета *clarissimi*, «светлейшие» (*Papinii Surculi Statii Opera quae extant... collatis MSS, veteribusque exemplaribus, recensuit; partim nunc primum edidit, Fr. Tiliobroga. Parisiis, 1600*; можно, впрочем, допустить, что Линденброг начал работу еще при жизни Клода Дююи (до 1594 г.) и первоначально *Cl.* значило *Claudii*, а потом он придумал новую расшивровку).

⁴² Kenney E. J. Op. cit. P. 157.

⁴³ Цит. по: Ibid.

На этом фоне хорошо видно, в чем «сциентизм» Ламбена все-таки еще очень ограничен. Да, он один из самых серьезных ученых во Франции конца XVI в., и по его трудам хорошо видно, что строгая научно ориентированная работа с классическими текстами действительно все сильнее распространяется в это время к северу, покидая Италию. В этом смысле он, насколько мог быть «сциентистом», «сциентист». Однако он не совсем «сциентист» в том смысле, что ценности науки все-таки сами по себе еще не были в его время отделены непроницаемой стеной от каких-то более широко понимаемых ценностей образованной Европы. Отсюда и постоянная необходимость в оговорках: да, вроде бы все так научно и эзотерично, но в то же время все же тесно связано с преподаванием; да, Ламбен пишет об орфографии и рукописях, но в то же время сам все время оправдывается в этом. «Слишком много уже сказано обо всякой ерунде. Послушаем же наконец ритмы и гармонии Горациевой лиры» — заканчивает он обсуждение орфографии в своем предисловии. Акценты в этой фразе расставлены очень четко: все-таки в конечном счете главный *raison d'être* издания — это чтобы простой читатель наслаждался «ритмами Горация», а не научная деятельность ради себя самой. И в этом смысле чистого «сциентизма» в гуманитарной науке раннего Нового времени, наверное, и вообще не было.

Предисловие Ламбена к первому изданию Горация переведено по перепечатке в четвертом издании (*Dionysii Lambini Monstroliensis Regii Professoris, In Q. Horatium Flaccum ex fide atque auctoritate complurium librorum manu scriptorum a se emendatum, et cum diversis exemplaribus antiquis comparatum, commentariisque copiosissimis explicatum, et ab eodem ante paulo, quam e vita decederet, aliquoties recognitum, atque a mendis omnibus perpurgatum, dilucidiusque, quam prima et secunda editione, commentariis auctis, atque amplificatis, illustratum. Quae huic quartae, ac postremae, ad tertiam conformatae, editioni sint addita, Epistola ad Lectorem, ordine tertia, fusissime docebit. Francofurti: Apud Andreae Wecheli heredes, Claudium Marnium, et Ioannem Aubrium, 1596*), текст сверен с первым изданием (*Q. Horatius Flaccus, Ex fide atque auctoritate decem librorum manu scriptorum, opera Dionysii Lambini Monstroliensis emendatus: ab eodemque commentariis copiosissimis illustratus, nunc primum in lucem editus. Lugduni: Apud Ioannem Tornaesium, 1561*). Примечания переведены по первому и второму изданиям (*Q. Horatius Flaccus, sex abhinc annos ex fide, atque auctoritate complurium librorum manu scriptorum, opera Dionysii Lambini Monstroliensis emendatus: ab eodemque commentariis copiosissimis explicatus, et tum primum in lucem editus: nunc ab eodem recognitus, et cum aliquot aliis exemplaribus antiquis comparatus, et multis praeterea locis purgatus, iisdemque commentariis plus tertia parte amplificatis illustratus. Lutetiae: Apud Ioannem Macaeum, bibliopolam, in Claudio Brunello, sub scuto Britanniae, 1568*)⁴⁴, чтобы показать, как Ламбен редактировал свой текст: добавки, сделанные во втором издании, отмечены курсивом

⁴⁴ Вторая половина второго издания, начиная с сатир, была нам недоступна, мы использовали вместо нее четвертое издание.

и заключены в квадратные скобки, а астериском обозначен случай, когда для нового издания Ламбен полностью переписал примечание.

Дени Ламбен

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ КОММЕНТАРИЯ К ГОРАЦИЮ

Этого поэта рекомендовать тебе не нужно, благосклоннейший читатель, ведь и образованные люди его очень много с удовольствием читают, и его собственные достоинства и изящества в достаточной степени рекомендуют его; по этой причине я некогда написал к нему комментарий, а теперь этот комментарий опубликую. Не буду больше задерживать тебя.

В отрочестве я почитал этого поэта одним из первых, отчасти сам, отчасти принимая суждение ученых мужей, и всегда весьма охотно читал его, и меня никогда не могли отвратить от этого чтения ни занятия гражданским правом, ни общение с влиятельными друзьями и обитание у них, ни далекие и длительные путешествия. Но поскольку мне казалось, что у этого писателя бóльшая часть стихов либо несколько темновато написана и недостаточно разъяснена теми, кто брался разъяснять их, либо попорчена жестоким временем, так что без помощи рукописных книг ее поправить нельзя, — то ничего другого мне не оставалось, как надеяться, что когда-нибудь я доберусь до достаточного количества таких книг; а между тем я не переставал с усердием собирать из философов и поэтов, как греческих, так и латинских, из древних римских памятников, из Афинея, Павсания, Суды, Стобея и прочих то, что, как мне казалось, может пролить какой-то свет на сочинения этого поэта, и отмечать все это, не для публикации, а чтобы вместе с друзьями пользоваться заметками.

В конце концов я поехал в Италию вместе со светлейшим мужем кардиналом Франсуа де Турноном⁴⁵. Когда в Риме я наткнулся на обилие древних книг, о котором прежде были все мои мольбы и желания, я решил, что не следует малодушно упускать из рук подвернувшуюся возможность сделать хорошее дело перед лицом человечества. Поэтому я собрал отовсюду все, сколько смог, древние экземпляры и одни из них, с согласия владельцев, перевез в свою гостиницу, а другие, поскольку их нехорошо было уно-

⁴⁵ Кардинал Франсуа де Турнон (1489–1562), очень влиятельное лицо при французском дворе, среди прочего, покровительствовал различным деятелям культуры: Ламбену, Мюре, дипломату и будущему кардиналу Винченцо Лауро. Отъезд Ламбена в Италию в свите Турнона состоялся в 1550 г.

силь из мест их хранения, я рассмотрел и изучил в соответствующих библиотеках.

В Ватиканской Библиотеке Римского Понтифика, которая для меня, благодаря покровительству Гульельмо Сирлето⁴⁶, его брата Джироламо⁴⁷ и Федерико из Бруттия⁴⁸, была открыта всегда, когда мне было удобно, я нашел пять очень древних рукописных книг. Флорентиец Донато Джаннотти⁴⁹ передал мне попользоваться одну книгу, которая прежде принадлежала кардиналу Ридольфи⁵⁰, мужу великолепнейшему и превосходнейшему; а после смерти Ридольфи она вместе с несколькими другими греческими и латинскими книгами перешла по завещанию к Джаннотти. Также и Габриэлло Фаэрно⁵¹, человек чистейших нравов, одолжил мне один экземпляр. Еще добавились две книги, одна из которых принадлежит светлейшему кардиналу Рануччо Фарнезе⁵² (она, правда, печатная, но сопоставлена с весьма древними и хорошими книгами и во многих местах правлена на основании авторитета и свидетельства

⁴⁶ Гульельмо Сирлето (1514–1585), кардинал, был поставлен при папе Марцелле II (в 1555 г.) во главе Ватиканской Апостольской Библиотеки и составил один из первых ее каталогов.

⁴⁷ Джироламо Сирлето, также кардинал, сменил брата на посту библиотекаря (*custos Bibliothecae Apostolicae Vaticanae*) в 1557 г., поскольку тот в 1556 г. был назначен протонотарием. Но Джироламо уже и прежде работал вместе с братом в библиотеке. На посту библиотекаря он оставался до своей смерти в 1576 г. См.: *De Maio R. Riforme e miti nella chiesa del cinquecento. Napoli, 1992. P. 312–345.*

⁴⁸ То есть кардинала Федерико Ранальди, второго библиотекаря при Джироламо Сирлето (формально с 1557 г., фактически с 1559 г.). См.: *Ibid.* Эрколе Чофано в предисловии 1583 г. к заметкам о «Метаморфозах» Овидия (*Herculis Ciofani Sulmonensis In P. Ovidii Nasonis Metamorphosin, ex XXIII antiquis libris observationes... Antverpiae, 1583. Fol. *6r*) пишет: «А после, когда я отправился в Рим, чтобы увидеть учнейших мужей, и прежде всего Мануция и Мюре, с которыми я тогда уже завязал дружбу при посредстве переписки, и пообщаться с ними, сколько мне будет угодно, я просмотрел многие места и в других восьми рукописях, находящихся в Библиотеке Верховного Понтифика, которая двадцать лет назад была поручена добросовестности и усердию Федерико Ранальди, замечательного мужа, к тому же в немалой степени искушенного в познании свободных наук. Господин Ламбен в своем комментарии к Горацию, бредя, называет его Федерико из Бруттия». На самом деле Ранальди был из Сульмоны в Абруццо, который Ламбен, видимо, спутал с Бруттием (ит. *Bruzio*). Чофано, сам уроженец Сульмоны, естественно, заметил и обиделся.

⁴⁹ Донато Джаннотти (1492–1573), автор политических трактатов и драматург, один из лидеров Флорентийской республики 1527 г., после возвращения к власти Медичи в 1530 г. находился в изгнании, умер в Риме.

⁵⁰ Никколо Ридольфи (1501–1550), по матери внук Лоренцо Медичи, племянник папы Льва X, занимавший много высоких церковных должностей, был покровителем Джаннотти во время его изгнания.

⁵¹ Габриэлло Фаэрно (ок. 1510–1561), автор латинских басен и комментариев к Цицерону и Теренцию; см. о нем подробнее в главе 10.

⁵² Рануччо Фарнезе (1530–1565), сын незаконного ребенка папы Павла III, занимавший разные высокие церковные должности, покровитель многих видных деятелей культуры (Федерико Коммандино, переводчика греческих математических работ; секретарями Рануччо были писатели Джованни делла Каза, Аннибал Каро; Фульвио Орсини составил для Рануччо прекрасную библиотеку).

этих книг), а другая была подарена Аннибалом Каро⁵³ Лодовико Орсини⁵⁴, родичу Фарнезе, отроку скромному и добронравному. В этой последней книге не хватало книг сатир. Обеими книгами мне дали попользоваться их владельцы по просьбе ученойшего человека Фульвио Орсини⁵⁵.

А после, когда я вернулся из Италии и уже дописал этот комментарий, мне недавно неожиданно привез в Лионе еще одну очень древнюю книгу, написанную каламом, лионский печатник Жан де Турне⁵⁶.

И вот с каждой из этих книг я и стал в Риме с величайшим вниманием и аккуратностью сверять один печатный экземпляр Горация; сверил и при сверке выписал варианты чтений и расхождения между книгами. Здесь не время и не место, ученый читатель, для пространного рассказа о том, насколько я нашел эти книги отличающимися от расхожих текстов: все отличия ты заметишь в соответствующих местах текста, либо сам, либо по моему указанию. Пока же только в том признаюсь, что я, заметив такое сильное несогласие и расхождение, с гораздо большим духом и решительностью взялся за то, чтобы как можно скорее доделать мои уже набросанные — ну или, скорее, просто начатые — комментарии, чтобы, если ученые мужи сочтут их достойными распространения среди людей и если они покажутся способными принести пользу обучающейся молодежи, опубликовать их; а если нет, то чтобы хотя бы Квинт Гораций Флакк, восстановленный как помощью древних книг, так и моим трудом, некоторым образом вернулся к жизни и родился заново.

Теперь скажу немного о моем комментарии, чего я хотел бы, чтобы ты от него ждал, и какие цели я ставил, составляя его. Во-первых, я истолковывал и разъяснял Горация, тщательнейшим образом изучая и выискивая мысль самого автора и сопоставляя похожие места. Во-вторых, все, что, как мне казалось, Гораций взял или позаимствовал у греческих поэтов и философов (сохранившихся, конечно), — все это я брал из источников и добросовестно представлял твоим глазам. В-третьих, то, что касается греческой истории и мифологии, я тоже выписал из греческих авторов и из схолий к греческим поэтам и пред-

⁵³ Аннибал Каро (1507–1566), итальянский поэт и драматург, переводчик на итальянский «Энеиды» Вергилия, «Риторики» Аристотеля, писем Сенеки, сочинений Лонга, Киприана, Григория Назианзина.

⁵⁴ Лодовико из ветви Орсини из Монтеротондо, тот самый, который в 1585 г. в Венеции организует убийство Виттории Аккорамбони (в романе Людвиг Тика он фигурирует под именем Луиджи). В молодости он переписывался и обменивался подарками с Каро (*Gnoli D. Vittoria Accoramboni: Storia del secolo XVI//Nuova antologia di scienze, lettere ed arti. Vol. 5. Firenze, 1867. P. 717–718*).

⁵⁵ Фульвио Орсини (1529–1600), незаконный отпрыск знатного рода Орсини (линии Муньяно), в 9 лет поступил служкой в Сан-Джованни-ин-Латерано, позже, благодаря покровительству сначала Джентиле Дельфини, потом Фарнезе, смог заниматься ученой деятельностью, издавал Арнобия и Септуагинту, некоторых классических авторов, писал исторические сочинения, собрал прекрасную рукописную библиотеку для Рануччо Фарнезе, покровительствовал Эль Греко.

⁵⁶ Имеется в виду Жан де Турне Старший (1504–1564), с 1540 г. владевший книжным издательством в Лионе. В его издательстве и вышло первое издание комментария Ламбена к Горацию.

ставил и привел для тебя, и не только привел, но и практически все перевел на латынь. В-четвертых, все греческие способы выражения, которые часто и обильно использует Гораций, я тщательно разыскал, отметил и указал; продемонстрировал уместность, величественность и изящество слов; показал, что латинский язык Горация соответствует манере выражаться лучших латинских писателей: Плавта, Теренция, Лукреция, Катутла, Цицерона, Цезаря, Саллюстия, Вергилия, Тибулла, Проперция, Тита Ливия. В-пятых, если я замечал, что какие-то более изысканные слова или какие-то более гармоничные выражения Гораций использует особенно часто и многократно, я их все тщательно собирал и выписал их все рядом, словно чтобы их можно было охватить одним взглядом, в самом удобном месте для того, чтобы избавить отроков от необходимости выискивать их⁵⁷. В-шестых, будто бы отвлекаясь от дела, я все же при случае исправлял очень много испорченных и разъяснял очень много темных мест греческих и латинских писателей.

А систему правописания, которую греки называют орфографией, я принял ту, с которой соглашается большинство ученых мужей нашего времени и которую можно найти на древних и достойных доверия памятниках.

Например, перечисленные далее имена я позаботился, чтобы были напечатаны в следующем виде: *Maecenas, Paullus, Messala, Sulpicius, Lucius, Scaevula, Hirtius, Cascellius, Paetus, Calpurnius, Tiberis, Etruscus, Brundisium, Aricia*⁵⁸, и так далее. А вот эти слова таким образом: *silvae, hiems, saeculum, maeror* и *maereo, caelum, haedus, nuntius, convicium, otium, auctor, edera, heres, aëneus*⁵⁹, и так далее.

Далее, вот эти слова, которые словно бы происходят из одного источника, пишутся с дифтонгом ае: *faetus, faenus, faecundus, faemina, faenum*⁶⁰; те же, что происходят от греческого слова ποιμή <«пена»>, с дифтонгом ое: *poena* <«наказание»>, *poenitet* <«я раскаиваюсь»>. Но слова *paene* <«почти»> и *paenuria* <«недостаток»> пишутся с дифтонгом ае, не потому, чтобы происхождение их было иным⁶¹, но потому, что такое написание подтверждают древние памятники и старые пергаменные книги.

А в следующих словах так: *sumsi, contemsi, comsi, promsi, demsi, sumtus, contemptus, comtus, promtus, demtus*, и в этих словах: *emtus, ademtus, exemtus*,

⁵⁷ Вероятно, имеется в виду общий указатель в конце, куда, среди прочего, включены и некоторые слова и выражения. Других указателей в изданиях комментариев Ламбена не было.

⁵⁸ В качестве альтернатив, скорее всего, имеются в виду формы *Moecenas, Paulus, Mesala, Sulpitius, Lutius, Scaevola, Hircius, Causellius, Petus, Calphurnius, Thyberis, Etruscus, Brindisium, Aritia*.

⁵⁹ То есть не *sylvae, hiemps, seculum, moeror, moereo, coelum, hedus/hoedus, nuntius, convitium, ocium, author, hedera, haeres, aheneus*.

⁶⁰ В принятой сейчас орфографии *fetus* («приплод»), *fenus* («прирост»), *fecundus* («плодородный»), *femina* («женщина»), *fenum* («сено»).

⁶¹ То есть Ламбен считает, что они тоже происходят от греческого ποιμή.

*interemtus, peremtus*⁶², следуя, во-первых, за авторитетом древнейшего грамматика, а во-вторых, за разумом и самой истиной. В частности, Марий Викторин, который был современником Элия Доната, писал так в книге об орфографии: «Ведь *hiems*, и *sumsit*, и *insumsit*, и *demsit* вы, без всякого сомнения, напишете через *ms*; и, раз уж мы упомянули такие слова, вы не будете ошибочно писать *consumtus, emtus, redemtus, temptat, attemptat* и подобные этим слова через *pt*, но, как я сказал, напишете через *mt*»⁶³. Уже одни только мнение и авторитет такого именитого грамматика должны немало для нас значить; но если кто потребует объяснить логику этого высказывания, то и она очевидна, и не представляет никакого труда ее восстановить.

Но, прежде чем я двинусь дальше, я вновь и вновь прошу тебя, благосклоннейший читатель, не сомневаться в том, что рассуждать здесь о предметах, относящихся к компетенции грамматиков, и долг от меня требует, и некоторая необходимость меня заставляет. Ведь, кроме того что я хочу добиться твоего согласия с тем, как я решил писать эти слова, еще и один мой друг, муж особенно ученый, полностью соглашаясь со мною, просил меня объяснить тебе логику этих моих решений и действий.

Так вот, не должен супин отступать ни от правил, ни от природы своего претерита⁶⁴, и в нем не должно появляться никаких других букв⁶⁵, кроме тех, что были в настоящем времени или в претерите, и тех, которые являются собственными для самого супина, то есть *s* и *t* (ведь выступающая за двоих буква *x* включает в себя *s*). А значит, поскольку у этих глаголов, *emo, redimo, adimo, eximo, interimo, perimo*, и в настоящем времени, и в претерите нет буквы *p*, то и в супине ее быть не должно: так что писать надо *emtum, redemtum, ademtum*, и так далее.

А что касается слов *sumo, promo, temno, como, demo* и подобных им, то я говорю, что вставка *p* в их претеритах и супинах противоречит природе плавной *m* (а эта буква в таких словах является некоторым образом порождающей, то есть той, из которой происходят и порождаются другие залоги и другие времена и которую греки называют характеристической)⁶⁶. Ведь когда настоящее время оканчивается на плавную *m*, она в претерите

⁶² То есть во всех словах внутри группы согласных не вставляется *p*.

⁶³ Марий Викторин, Наука грамматики 1.4 (6.21.12–16 Keil). Раздел «Об орфографии» был издан отдельно Иоганнесом Зихардом в Базеле в 1527 г., Ламбен мог по этой причине считать этот титул названием отдельного сочинения; но сам текст он цитирует, похоже, уже по первому полному изданию сочинения Викторина, сделанному в 1537 г. в Тюбингене Иоахимом Камерарием Старшим.

⁶⁴ То есть перфекта.

⁶⁵ Следуя античной грамматической традиции, Ламбен не проводит различия между буквой и звуком, называя и то и то словом *littera*.

⁶⁶ То есть конечной согласной основы, влияющей на образование основных форм глагола.

либо исчезает, как в *premo pressi*, либо, если вдруг сохраняется, то никакой другой согласный к ней не добавляется: как в *emo emi*, *gemo gemui*. То же самое следует сказать и о плавной п: как в *sino sivi*, *pono posui*, *sperno spreui* (в них она исчезает); *cano cecini*, *geno*, или *gigno*, *genui* (в них она сохраняется). А р появляется в претерите только у тех глаголов, у которых в настоящем времени была либо b, либо сама р: таковы *sorbeo*, *scribo*, *nubo*, *sculpo*, *carpo*, *rapio*⁶⁷. Ведь буквы b и р близки друг к другу и родственны, одна легко замещает другую. А вот об m и р того же самого сказать нельзя. Эти буквы настолько непохожи друг на друга и неравноценны, что замена одной на другую никогда не бывает возможна. Ну а у тех слов, у которых в претерите р, как в словах *sorpsi*, *scripsi*, *nupsi*, *sculpsi*, *carpsi*, *rapui* и подобных им, также и в супинах оказывается р, как в *sorptum*⁶⁸, *scriptum*, *nuptum*, *sculptum*, *raptum* и подобных. В остальных же случаях никаких ее следов в супине появляться не должно.

И меня не вводит в сомнения другой именитый грамматик⁶⁹, который сообщает, что m перед t не принято писать без р, ради благозвучия. Но это скорее тогда дурнозвучие. Ведь гораздо мягче, и проще, и приятнее

⁶⁷ Ламбен имеет в виду перфектные формы *sorpsi* (редкая форма вместо *sorbui*, встречающаяся в чистом виде в классических текстах только у Валерия Максима 8.7.иностр.2, с приставками еще у Лукана, 4.100, и Сенеки Младшего, Утешение к Гельвии, 10.9; античные грамматики осуждают эту форму: Великий Лонг 7.74.2–5 Keil, Сацердот 6.485.25 Keil, Капер 7.94.14–15 Keil – из последнего следует, что это перфект не от *sorbeo*, а от *sorbo*), *scripsi*, *nupsi*, *sculpsi*, *carpsi*, *rapui*.

⁶⁸ В современной форме корпуса классических латинских текстов эта форма вообще не встречается. Однако в позднейшей латыни так образуется перфект от приставочных образований от *sorbeo*, и в Новое время (в XVI–XVII вв.) в защиту формы *sorptum* в течение какого-то времени приводили загадочную цитату из Плиния, которой в тексте Плиния, однако, нет, и происхождение которой не ясно: *et vernatio utilis erit, si postquam sorpta fuerit, deinde reicitur* («И сброшенная змеиная кожа будет полезна, если после того, как заглотить, извергнуть ее обратно»). См.: A New Method of Learning with Facility the Latin Tongue.../Translated, and Improved, from the French of the Messieurs de Port-Royal by T. Nugent. London, 1816. Vol. 1. Part 2. P. 199; *Roberti Stephani...* Thesaurus Linguae Latinae, in IV tomos divisus, cui post novissimam Londiniensem editionem complurium eruditorum virorum collectis curis insigniter auctam, accesserunt nunc primum Henrici Stephani Rob. f. annotationes autographae ex codice biblioth. p. civit. Genev.; Nova cura recensuit, digessit, ab auctorum citationibus atque interpretationibus falsis, interpolationibus supervacuis, mendisque quamplurimis repurgavit, suasque passim animadversiones adjecit Antonius Birrus Philiaer Basil. T. IV. Basileae, 1743. S. v. rejectio (примечание А. Бирра к этой цитате: «Так у Этьенна. Но, кажется, это ошибка»); *Emanuelis Alvari e Societate Jesu De institutione grammatica libri tres, juxta editionem Venetam anni 1575. Parisiis*, 1859. P. 207 («И вот это место из Плиния, если оно вообще где-то у него есть: ...Я нигде его найти не смог, и тот, кто приводит это место, не указывает, в какой это книге или главе»); *Quinti Sereni Sammonici poetae et medici veteris, De re medica, sive morborum curatione liber: cum Gabelis Humelbergii Ravenspurgensis medici doctissimi commentariis...* <Tiguri>, 1581. Fol. 129r. На самом деле перфект должен выглядеть как *sorbitum*, судя по производному *sorbitio*.

⁶⁹ Видимо, Присциан, 2.528.15–17 Keil: «А от *emi* супин получается *emptum*, и р в нем появляется потому, что m не может находиться перед *tum* без р из соображений благозвучия, как в *sumptus*, *promptus*, *comptus*».

произносятся эти слова, если их писать без *p*⁷⁰: *sumtum*, *contemptum*, *promptum*, и так далее.

А родилась эта порочная манера написания в то время, когда варварство и невежество в латинском языке заполонили не только нашу Галлию и другие области мира, но даже Италию. Родилась же она из нелепого мнения тех, кто полагал, что *m* перед *t* без *p* ни писать не следует, ни произносить не получается. Вот оттуда-то и пошло такое весьма мерзкое и испорченное написание следующих слов (и оно даже встречается в некоторых рукописных книгах и даже на некоторых фрагментах древних мраморных плит): *hiemps*, *contempno*, *dampnatus*, *antempna*, *sollempnis*, *alumpnus*, *temptare*, *Pomptina tribus*. Когда я был ребенком, оно еще не из всех печатных книг исчезло; теперь же все ученые мужи его отвергают⁷¹, из всех расхожих⁷² книг оно полностью изгнано. А если такая ошибка и такой порок написания благодаря заступничеству и руководству самой истины исправлены в этих словах, то почему нам также не исправить их, с одной стороны, в *sumpsi*, *prompsi*, *contempsi* и подобных словах, с другой — в *emptum*, *interemptum* и подобных? Ведь мы видим, что в обоих случаях работает одна и та же логика.

Я, во всяком случае, полагаю, что эту столь извращенную манеру письма, которая до сих пор от этих слов никак не отстанет, теперь, когда тьма невежества изгнана из Италии, Галлии и Германии и свет учености возвращен всем народам, следует уже наконец совершенно искоренить. А если кто окажется со мной не согласен и предпочтет с упорством отстаивать застаревшую ошибку веков грубости, вместо того чтобы прислушаться к голосу разума, то я, во-первых, утешусь сознанием сделанного мной, что даже по несущественному и второстепенному вопросу я прямолинейно и искренне открыл людям свое мнение; а во-вторых, я попрошу у них, если они желают свободно заблуждаться вместе с толпой, не боясь осуждения, позволения и мне вместе с немногими учеными людьми следовать за авторитетом Викторина и за разумом, чтобы меня при этом не обвиняли в легкомысленности.

Но слишком много уже сказано обо всякой ерунде. Послушаем же наконец ритмы и гармонии Горациевой лиры.

Будь здоров.

⁷⁰ Ср. аналогичные соображения в предисловии Мюре к «Филиппикам» Цицерона (*M. Antonii Mureti Scripta selecta*/ed. J. Frey. Vol. I. Lipsiae, 1887. P. 223). В XVI в. ни французская, ни итальянская фонетика вообще не допускали сочетания *mt*, хотя во французском оно еще сохранялось в некоторых словах на письме. Сочетание *mp*т, впрочем, также было невозможно в обоих языках. Я благодарю проф. И. И. Чельшеву за помощь в составлении данного примечания.

⁷¹ Возможно, выпад против Карло Сигонио, еще в середине XVI в. защищавшего написание *Pomptina tribus* (*Sex. Pompei Festi et Mar. Verrii Flacci De verborum significatione* lib. XX. Notis et emendationibus illustravit Andreas Dacerius... Amstelodami, 1700. P. 355).

⁷² Ламбен употребляет выражение «расхожие книги» (*vulgati libri*) просто в значении «печатные»: ср. ниже его примечание к Эподам 17.7.

ИЗ КОММЕНТАРИЯ ДЕНИ ЛАМБЕНА К ГОРАЦИЮ

<Оды 1.2.31>. [*Nube*] *candenteis humeros* <«Облаком сияющие плечи»>. В двух Ватикан<ских> кн<игах> и в копии де Турне, я видел, было написано так: *Nube candenti humeros amictus* <«облаком сияющим плечи обернув»>. Если кому-то понравится такое написание, то я не буду возражать. Ведь в том, что следующее слово начинается с придыхательной гласной, ничего необычного нет⁷³. Ведь то же самое⁷⁴ происходит и в XXVIII оде этой кн<иги>: *Ossibus, et capiti inhumato* <«Костям и непогребенной голове», Оды 1.28.24>. [*A nube amictus* <«облаком обернутый»> — это значит ὀρατός <«невидимый»> и «не дающий смертным себя увидеть». Как кажется, это перевод гомеровского выражения νεφέλη ἐϋλμμένος ὤμων <«с плечами, обернутыми в облако», Илиада 5.186>.]

<Оды 1.13.6>. *Certa sede manent* <«(Ни разум у меня, ни цвет лица не) остаются на месте»>. Так в коп<иях> Дон<ато Джанотти>, Фаэр<но>, двух Ватик<анских> и де Турне⁷⁵.

<Оды 1.15.21–22>. [*Exitium t<uae> g<entis>* <«Погибель твоего рода»>. В некоторых древних книгах⁷⁶ *exitium tuae Gentis*⁷⁷ <«погибель для твоего рода»>. Так выражается у М<арка> Тулл<ия> в I кн<иге> «О дивинации» <1.42> какой-то поэт, может быть Пакувий⁷⁸: что, если его поднять на руки⁷⁹, то *Eum esse exitium Troiae, pestem Pergamo* <«он (Парис) станет погибелью для Трои, чумой для Пергама»>.]

⁷³ Очень эллиптическое выражение, которое должно значить следующее: «Ведь в том, что следующее <за измененным в этом варианте текста словом *candenti*> слово начинается с придыхательной гласной, <но элизии, которая должна возникать в этом случае, не возникает>, ничего необычного нет».

⁷⁴ То есть отсутствие элизии, зияние.

⁷⁵ Подразумевается, что в остальных рукописях *manet* («не остается на месте»), но прямо этого Ламбен не говорит. Все ли рукописи вообще учитываются, не всегда ясно из таких описаний. Добросовестный ученый Ламбен, скорее всего, имеет в виду, что все, но даже он может, например, пренебрегать информацией о печатной копии Рануччо Фарнезе; но во втором издании из такой записи (оставшейся неизменной) уже непонятно, значит ли это, что во всех дополнительно изученных для второго издания рукописях написано *manet* или что Ламбен просто не стал править это примечание. У позднейших издателей из такого рода описания рукописей часто вообще нельзя будет с уверенностью сделать вывод, что же в неназванных экземплярах (отличный вариант, или какие-то из них просто не рассматриваются).

⁷⁶ Довольно редкий случай, когда Ламбен не уточняет, о каких именно рукописях говорит.

⁷⁷ Как и у Этьенна, заглавная буква обозначает в записи в строку начало новой поэтической строки; у Ламбена, впрочем, новые строки начинаются с заглавной буквы и в основном тексте Горация.

⁷⁸ Сейчас этот фрагмент принято вслед за И. А. Гартунгом (*Hartungus I. A. Euripides restitutus, sive Scriptorum Euripidis ingenii censura*. Vol. 2. Hamburgi, 1844. P. 234) и О. Риббеком (*Tragicorum Romanorum fragmenta*/rec. O. Ribbeck. Lipsiae, 1897. P. 273) относить к трагедии Энния «Александр» (фр. XVIII Jocelyn, сценич. 35–46 Vahlen). Почему Ламбен делает предположение об авторстве Пакувия (надо понимать, в трагедии «Илиона?»), сложно сказать.

⁷⁹ То есть если Приам поднимет на руки Париса; речь идет о жесте признания отцом новорожденного ребенка.

<Эпод 17.7>. [*Volve, solve* <«Закрути, закрути (вертушку)»>. Вообще во всех книгах, как расхожих, так и рукописных, *solve* <«отпусти»>⁸⁰: но читать явно следует *volve, solve*. И мой коллега⁸¹ Жан Дора и Шарль Утенхове из Гента⁸², человек ученый, тоже полагали, что следует читать именно так. А «закрути» относится к *retro* <«назад»>, то есть «обрати в противоположном направлении, чтобы те мучения и жар, которые мне принесло предшествовавшее обращение вертушки, были унесены от меня противоположным обращением»; или же «чтобы тот, кто покинул меня, вернулся ко мне». Феокр<ит> во второй идилл<ии>: *Χ' ὡς δινεῖθ' ὁδὲ ῥόμβος ὁ χάλκεος ἐξ ἀφροδίτας, ὧς κεῖνος δινοῖτο ποθ' ἀμετρηῖσι θύραισιν*, то есть «Как закручивается эта медная вертушка от Афродиты, или от силы Афродиты, так пусть и он закрутится к нашим дверям» <Феокрит, Идиллия 2.30–31>. И вообще *retro volvere* <«закручивать назад»> — выражение очень распространенное и латынь правильная, и здесь к месту и очень подходит; а про *retro solvere* <«отпустить назад»> того же самого не скажешь.]

<Сатира 2.4.35>. *Quisquam* <«Никто»>. В коп<ии> кард<инала> Ран<уччо Фарнезе> и 1 Ватик<анской>⁸³ написано *quisque* <«каждый»>, и на основе этого текста я восстанавливаю текст *quisquam* <«никто»>, и я явно прав⁸⁴.

[**Nec sibi cenar<um> quivis* <«И пусть кто угодно себе в обедах не (приписывает искушенность, если не разбирается во вкусах до мелочей)»>. В коп<ии> кард<инала> Ран<уччо> и 1 Ватик<анской> написано *quisque* <«каждый»>, и на основе это-

⁸⁰ В первом ламбеновском издании в тексте тоже *solve*.

⁸¹ По Коллеж Руайяль: Дора был королевским профессором греческого (в 1556–1567 гг.), а Ламбен — королевским профессором латинского красноречия и позднее также греческого (с 1562 г.). Ко второму изданию ламбеновского Горация прилагалось посвящение, написанное Дора (...Sed tamen et Flaccus longo correptus ab aevo,/ Foedatusque situ, iam periturus erat:/ Non tulit hoc Nemesis, formam sumensque virilem/ Lambini, ambrosio sparsit odore senem... «...Но, однако, и Флакк, попорченный долгими веками и изуродованный следами злостности, уже был близок к тому, чтобы погибнуть: этого не допустила Немезида и, приняв мужское обличье Ламбена, оросила старца <т. е. Горация> амвросическим <подразумевается, омолаживающим> ароматом...»).

⁸² Шарль Утенхове Младший (1536–1600), из фламандской протестантской семьи, состоявшей в дружбе с Эразмом, знаток языков и поэт, общавшийся и с французскими интеллектуалами. В 1560 г. в издательстве Робера Этьенна была опубликована его «Эпитафия» на смерть Генриха II Французского, написанная исходно на еврейском и после переведенная самим автором на арамейский, древнегреческий, латинский, французский, голландский и немецкий; другими людьми для него также были сделаны переводы на итальянский, испанский, английский, шотландский и польский. Утенхове сочинял и другие «полиглотские стихи». В 1589 г. он стал профессором греческого в Базеле, но вскоре переехал оттуда. См. подробнее: Forster L. *Kleinere Schriften zur Deutschen Literatur im 17. Jahrhundert*. Amsterdam, 1977. S. 80–100.

⁸³ Двусмысленное обозначение 1. *Vatic.* есть искушение понять так, что Ламбен вдруг вводит нумерацию рукописей и говорит о «Первой Ватиканской»: чтобы понять, что имеется в виду все-таки именно «одна Ватиканская», нужно ознакомиться с остальными примечаниями Ламбена и заметить у него формулировки вроде 2. *Vaticani* «2 Ватиканские» (не «Вторые Ватиканские», конечно).

⁸⁴ Вариант большинства рукописей (*quivis*, «кто угодно») в первом издании комментария, таким образом, вообще не упоминался.

го текста я некогда предложил читать *quisquam* <«никто»>. Но, хотя это очень правдоподобный вариант, взвесив все более тщательно, я решил принять общепринятый текст, *quivis*, в особенности учитывая, что он засвидетельствован в гораздо большем количестве древних копий⁸⁵. Выше были предписания о дообеденных блюдах, а теперь начинаются о тех, которые называют обеденными.]

<Послания 2.1.163>. *quid Sophocles quid⁸⁶ Thespis et Aeschylus* <«Что Софокл, что Феспис и Эсхил»>. Это были трагические поэты; из них от Фесписа ничего не дошло. Он упоминает о нем⁸⁷ в послан<ии> о науке поэз<ии> <275–276>: *Ignotum tragicae genus invenisse camoenae Dicitur, et plaustris vexisse poemata Thespis* <«Рассказывают, что Феспис придумал неизвестный дотоле род трагической камены и возил поэмы на телегах»>, и так далее. От Эсхила несколько трагедий сохранилось, но и они вообще в очень испорченном состоянии, кроме тех мест, где они поправлены Франческо Порто⁸⁸ и Анри Этьенном⁸⁹.

<Наука поэзии 259>. *Nobilibus* <«славных»>⁹⁰. Пьер Веттори в примечаниях ко 2 письму <у> 5 кн<и> Цицерона высказывается за то, чтобы в этом месте читать *Mobilibus* <«подвижных»>, потому что Аристотель περὶ ποιητικῆς <в «О поэтике»> пишет: τὸ ἰαμβικόν, καὶ τετράμετρον κινητικὰ <«ямбический (метр) и тетраметр подвижные», Поэтика 1459b37>⁹¹. Но слово κινητικὰ зна-

⁸⁵ Характерное место для очень консервативного Ламбена; конъектур он вводит в текст и даже предлагает крайне мало. Генри Хэллам утверждает, что Анри Этьенн обвинял Ламбена в чрезмерной смелости на конъектуры, но это было бы странно; на самом деле Этьенн пишет, что «конъектуральная смелость Мануция поменьше, чем у Ламбена», может быть, Этьенн не имел в виду, что Ламбен при этом сам смелый (см.: Hallam H. Op. cit. Vol. I. P. 488). В XVI в. текстология, ориентированная на широкий охват рукописной традиции, тяготеет к тому, чтобы сильно предпочитать правку по рукописям правке из головы.

⁸⁶ В самом тексте послания здесь у Ламбена напечатано *et* «и» (и в первом, и в четвертом издании, леммы комментария в них тоже совпадают).

⁸⁷ Гораций о Фесписе.

⁸⁸ Об изданиях Эсхила середины XVI в. см. главу 11. Любопытно, что из двух образцов правки Эсхила, упоминаемых Ламбеном, только один является печатным изданием (текст Этьенна). Франческо Порто (1511–1581), критянин по происхождению, университетский профессор в Модене и Женеве, учитель Карло Сигонио и Исаака Казобона, был автором конъектур к Эсхилу, ходивших в рукописях. Тем не менее они были достаточно известны: Мюре в предисловии к Катутлу пишет о Порто, что он «весьма удачно исправил многие места Эсхила, которые в печатных книгах до сих пор остаются в испорченном виде». Сами конъектуры, по-видимому, сохранились в записях на полях разных экземпляров этьенновского издания Эсхила с подписью в виде инициалов F. P. либо просто P. (см.: Burges G. Franciscus Portus and His Aeschylus // The Classical Journal. Vol. 25. 1922. P. 159–160).

⁸⁹ Ламбен использует не обычную латинскую форму имени Этьенна (Henricus Stephanus), а эллинизированную (Erricus Stephanus, поскольку сам Этьенн писал свое имя по-гречески как Ἑρρίκος).

⁹⁰ Речь идет о ямбических триметрах Акция.

⁹¹ Имеется в виду комментарий Веттори к Цицероновским Письмам к близким, 5.2.10: «*Nec in te, ut scribis, animo fui mobili, sed ita stabili* <«И мое отношение к тебе не было, как ты пишешь, подвижным, а было настолько устойчиво»>. Все знают, что подвижное отношение противопоставляется устойчивому, как и это место из Цицерона подтверждает. Но не всем известно, что и Гораций в книжке о науке поэзии противопоставляет «устойчивые спондеи» «подвижным триметрам». Ведь место это испорчено, и во всех печатных

чит не «подвижные», а «способные привести в движение». Текст Аристотеля говорил бы в пользу П. Веттори, если бы было написано κινῆτὰ, то есть «подвижные»: а κινῆτῃς и «подвижные» — это совсем не одно и то же⁹². Кроме того, поскольку Гораций говорит, что в триметрах Акция и Энния редко используются ямбы, то их скорее следовало назвать «устойчивыми», а не «подвижными»⁹³. Поэтому, да позволит мне П. Веттори, я остаюсь при том мнении, что нам следует аккуратно придерживаться расхожего и общепринятого чтения, в особенности учитывая, что все древние копии высказываются за него. А почему он <Гораций> называет триметры Акция и Энния «славными», я бы пояснил, если бы не полагал, что всем это и так само собой совершенно известно и понятно. Так он выше назвал книги Панетия «славными» в 29 од<е> 1 кн<и>ги> <1.29.13>.

копиях вместо *mobilibus* напечатано *nobilibus*, в то время как в некоторых рукописях сохраняется *mobilibus*. Те, кто будет читать Горация, легко заметят, что это верное чтение: ведь он сообщает, что спондей начал вставляться в триметры незадолго до того, а у древних поэтов он редко употреблялся в этом размере. А «подвижными» он называет триметры потому, что они состоят из ямбов и стоп, содержащих краткие слоги. Ведь они скользят и сообщают стиху чудесную быстроту. А если кто-то будет колебаться в принятии такого исправления и цепляться за общепринятое чтение, то он должен будет отступить от своего мнения, сломленный авторитетом Аристотеля: ведь тот в первой книге περὶ ποιητικῆς назвал ямбы и тетраметры κινῆτῃς, то есть «подвижными», а выше он называл героический метр στασιώτατον, то есть «очень устойчивым», потому что в нем часто появляются спондеи» (*M. Tulli Ciceronis Epistolarum libri XVI ad familiares ut vulgo vocantur, ex recensione Ioannis Georgii Graevii cum ejusdem animadversionibus auctis, et notis integris Petri Victorii, Paulli Manutii, Hier. Ragazonii, D. Lambini, F. Ursini, nec non selectis Io. Fr. Gronovii, et aliorum. T. I. Amstelodami, 1693. P. 233*).

⁹² Робортелло в своем комментарии к «Поэтике» Аристотеля также понимает κινῆτῃς как «подвижные» (*mobiles: Francisci Robortelli Utinensis In librum Aristotelis De arte poetica explicationes: Qui ab eodem Authore ex manuscriptis libris, multis in locis emendatus fuit, ut iam difficillimus, ac obscurissimus liber a nullo ante declaratus facile ab omnibus possit intelligi. Florentiae, 1548. P. 276, ср. P. 277: multum prae se ferant levitatis*, «являют много легкости»). Вообще любопытно, что Ламбен в комментарии к «Науке поэзии» Горация, весьма активно комментировавшемуся тексту, практически вообще не упоминает мнений своих предшественников, а когда упоминает, то в основном мнения Пьера Веттори, комментария к «Науке поэзии» как раз не оставившего (при этом Ламбен сам пишет в отдельном вступлении к «Науке поэзии»: «Мне известно, что ученийские мужи нашего времени и писали, и издавали комментарии к этой книге, и это, конечно, должно было меня отпугнуть, чтобы я не примешивал к ним ничего от себя»; Ламбен упоминает во введении свежие комментарии Франческо Луиджини, Якопо Грифолли и Ахилла Стация, кроме того, существовали еще комментарии Джазона Денореса, Кристофоро Ландино, Йоссе Баде из Ашена (= Бадия Асцензия), Антонио Манчинелли, парафраза того же Робортелло и др.).

⁹³ У Горация речь о том, что Акций и Энний часто замещают ямбы спондеями и потому их стихи особенно тяжеловесны и торжественны (Веттори иначе интерпретировал этот текст, отнеся слово *rarus* («редкий») в строке 259 к спондею, а не к ямбу: тогда получается, что у Акция и Энния, наоборот, мало спондеев, а распространился спондей *non ita pridem* («не так уж давно»), стих 254; а эпитет *in scaenam missi cum magno pondere* («отправленные на сцену с большой тяжеловесностью») в строке 260 Веттори, видимо, не относил к стихам Энния, ставя точку в конце строки 259, как, например, в издании Луиджини: *Francisci Luisini Utinensis In librum Q. Horatii Flacci De arte poetica commentarius. Venetiis, 1554. Fol. 52r–53r*. Подлежащим в следующей фразе в этом случае становится *iudex* («судья») из стиха 263). Слово «устойчивые» (*stabiles*) взято из того же самого текста Горация (256, эпитет спондеев) и из Веттори.

Часть III

**ТОЛКОВАНИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЕКСТОВ**

Глава 13

Никифор Григора: аллегорический Гомер в Византии XIV века

(В. Г. Мостовая)

Греческий пересказ-толкование «Одиссеи», отрывки из которого переведены в настоящей главе, был опубликован в 1745 г. как произведение неизвестного автора¹. Ученые XVIII–XIX вв. атрибутировали его на основании титула одной из рукописей Никифору Григоре (ок. 1295 – ок. 1360)², знаменитому византийскому историку, писавшему также и грамматические сочинения³. Таким образом, это произведение представляет собой образец литературной интерпретации XIV в., принадлежащий к многовековой греческой филологической традиции.

Текст Григоры стоит в ряду многих переложений и комментариев гомеровских поэм. Чтение Гомера являлось необходимым элементом образования в Византии, его комментировали выдающиеся писатели и мыслители в разные эпохи византийской истории: до нас дошли «Описание и аллегория к Кирке, желающей изменить облик Одиссея» и «Аллегория к Пещере нимф» Михаила Пселла (XI в.), в которых он истолковывает отдельные эпизоды из «Одиссеи». В XII в. Евстафий Солунский и Иоанн Цец составили обширные комментарии к Гомеру с опорой как на труды античных ученых, так и на сочинения византийских предшественников⁴.

Как следует из предисловия самого автора к пересказу, он был написан в дидактических целях для молодого читателя. Об этическом значении «Одиссеи» архиепи-

¹ Incerti scriptoris Graeci fabulae aliquot Homericae de Ulixis erroribus, ethice explicatae / ed. J. Columbus. Lugduni Batavorum, 1745.

² Valckenaer L. C. Dissertatio de praestantissimo codice Leidensi et de scholiis in Homerum ineditis // Valckenaer L. C. Opuscula philologica, critica, oratoria, nunc primum coniunctim edita. T. II. Lipsiae, 1839. P. 145; Creuzer F. Ueber Westermann's Ausgabe der Mythographi Graeci // Creuzer F. Deutsche Schriften, neue und verbesserte. Abt. III. Bd. II. Leipzig; Darmstadt, 1847. S. 271. В 1853 г. Рудольф Герхер опубликовал окончание текста, пропущенное в editio princeps: Hercher R. Zu Nicephoros Gregoras' de erroribus Ulixis // Philologus. Bd. 8. 1853. S. 757–758.

³ Ср. особенно: Anecdota Graeca... / ed. P. Matrangola. Pars II. Romae, 1850. P. 520–531.

⁴ О византийской филологии в целом см.: Wilson N. Scholars of Byzantium. London, 1983; о традиции аллегорического толкования Гомера в Византии см.: Cesaretti P. Allegoristi di Omero a Bisanzio: Ricerche ermeneutiche (XI–XII secolo). Milano, 1991.

скоп Евстафий Солунский, писатель и историк, писал: «“Одиссея”, как гласит древняя истина, поэма более нравственная, чем “Илиада”, то есть она приятнее и проще. В то же время она и остроумнее из-за глубины мыслей, содержащейся в незатейливо-простой выдумке, как полагают исследователи. Именно в этой бесхитростной простоте и кроется отточенное остроумие и глубина мысли»⁵. Таким образом, выбор «Одиссеи» в качестве материала для нравственного урока был обусловлен многовековой традицией чтения Гомера, идущей из античности. Вместе с тем Григора считает возможным ради пользы читателя исправить повествование, и это тоже было распространенным приемом; впрочем, Евстафий в своих комментариях к «Одиссее» называл «исправленные» переложения коверканием Гомера, так как, по его мнению, в «Одиссее» помимо вымысла кроется и историческая правда, и наряду с нравственным уроком читатель получает наслаждение от поэтического мастерства и искусства построения речи. Исправления в нашем тексте затронули в первую очередь сюжет «Одиссеи». От сложной композиции «Одиссеи», где переплетаются несколько сюжетных линий: возвращение Одиссея с острова Калипсо на Итаку, странствия Телемаха в поисках отца, рассказ Одиссея на пиру у царя феаков Алкиноя о своих приключениях, встреча Одиссея с Телемахом и месть женихам, — от ветвящегося повествования в пересказе остается только линия странствий Одиссея, возвращающегося из-под Трои на Итаку, и события располагаются в хронологическом порядке. Излагая волшебные приключения героя, Григора оставляет в стороне как бытовую канву произведения и человеческие отношения, так и отношения с богами в гомеровском мире. Если именно это, согласно Евстафию, составляло нравоучительность у Гомера, то что же тогда понимает под ней наш автор? Высоко оценивая поэтическое мастерство Гомера, он, как и Евстафий, говорит о нескольких уровнях гомеровского текста. В то время как Евстафий писал о риторическом и стилистическом искусстве Гомера, Григора видел в Гомере мастера иносказаний, посредством рассказа о волшебных приключениях Одиссея повествуящего о более тонких материях. В толковании этих иносказаний и заключается его метод комментирования «Одиссеи».

Разъяснением скрытого в гомеровской поэзии смысла занимались еще античные ученые, и византийские авторы пользовались их методологией. Способ истолкования текста, при котором проводилось отождествление персонажа с неким иным объектом, назывался аллегорией. Так, филолог и поэт Иоанн Цец, современник Евстафия, в «Аллегориях к “Одиссее”» называет среди своих предшественников стоика Корнута (I в. н.э.), перипатетика Палефата (IV в. до н.э.) и ученого византийца Пселла. В истолковании Гомера он использует три вида аллегии: историческую, физическую и этическую, то есть, по его мнению, персонажи гомеровского эпоса могут обозначать либо историческое лицо, либо физическое явление, планеты, звезды, эфир и т. д., либо некий этический принцип. Михаил Пселл в своих аллегориях ис-

⁵ Цит. по: *Евстафий Солунский*. Из комментариев к «Одиссее» / пер. Л. А. Фрейберг // Памятники византийской литературы IX–XIV веков / отв. ред. Л. А. Фрейберг. М., 1969. С. 237.

пользовал только этический метод толкования. Григора, по-видимому, принадлежал к этой же традиции. Под Одиссеем он понимает либо человека, претерпевающего в силу особенностей характера те или иные несчастья, либо разум, который ведет душу к правильному образу действий, а под чудовищами, с которыми встречается Одиссей, — различные виды искушений, испытаний и препятствий, встречающихся на жизненном пути.

Перевод выполнен по изданию: *Incerti scriptoris Graeci fabulae aliquot Homericae de Ulixis erroribus, ethice explicatae*/ed. J. Columbus. Lugduni Batavorum: Apud P. Bonk, 1745, окончание текста, отсутствующее в издании 1745 г., переведено по изданию: *Hercher R. Zu Nicephoros Gregoras' de erroribus Ulixis*// *Philologus*. Bd. 8. 1853. S. 757–758.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ГОМЕРОВСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ О СТРАНСТВИЯХ ОДИССЕЯ, СОДЕРЖАЩЕЕ ЭТИЧЕСКОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ, А ТАКЖЕ, НАСКОЛЬКО ВОЗМОЖНО, ИСПРАВЛЯЮЩЕЕ НЕТОЧНОСТИ ИСТОРИИ РАДИ ПОЛЬЗЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Чрезвычайно разумно, по моему мнению, в поэме рассказывается обо всем, что некоторые герои, по словам Гомера, претерпели или совершили по воле судьбы. И, хотя может показаться, что Гомер написал приключенческое сочинение, в его рассказ вплетены и прекрасные мысли, к которым искуснейшим образом он подводит восприятие от изображаемого предмета, и так он производит [впечатление] сообразно скрытому [смыслу]. Вот то, что нужно об этих произведениях знать юношам, что желают быть воздержанными и удостоиться наилучшей участи. И коль скоро герой, величайший среди людей, сочинял такие поэмы, лучше всего это получилось у него в «Одиссее». Выбрав именно Одиссея предметом своего повествования, он касается с поэтическим мастерством многого из того, что уже было рассказано, а также и доселе неслыханного⁶. В ясном изложении первого он дает наилучшие советы и добивается цели в соответствии со своими намерениями, а с помощью второго он, словно обходя кругами, в иных словах и сюжетах, приходит к той же цели.

⁶ «Он касается <...> многого из того, что уже было рассказано, а также и доселе неслыханного» — подобную мысль о сочетании правды и вымысла (сказочного) у Гомера высказывал и Евстафий в Комментариях в «Одиссее». См.: *Евстафий Солунский*. Указ. соч. С. 235.

Он словно бы желает научить, как можно в любой ситуации получить выгоду даже от того, что считается позорным или удручающим, если встречать нежелательные несчастья спокойно и с трезвым разумением.

ГЛАВА I О ЛОТОФАГАХ

В поэме рассказывается о таком приключении Одиссея во время его странствий. Гонимый сильными ветрами, прибыл он в страну лотофагов. Не зная характера местности, он отправил нескольких своих товарищей разузнать о ней и встретился с лотофагами. Спутники Одиссея, получив от лотофагов произрастающий у них лотос, тотчас его съели и познали этот сладкий плод и сразу вслед за этим предпочли остаться у лотофагов, а Одиссея, родину и все остальное поставили ниже своего удовольствия. Одиссей же, узнав о несчастье, снова стал собираться в путь и, уходя, силой собрал их на корабли, хотя его товарищи и оплакивали лишение удовольствия. Затем он привязал их к корабельным скамьям и приказал остальным добровольно взойти на корабли, чтобы не испытать того же несчастья. Так говорится в мифе. А я бы сказал, что под Одиссеем имеется в виду всякий человек, потерявшийся в сложившихся обстоятельствах, и то на него влияют одни страсти и ему противодействуют судьба и обстоятельства, то он оказывается во власти других; и он свободно руководствуется то одними, то другими рассуждениями и движениями души, какие только бывают. Те же, кто вкусил сладкого удовольствия и познал обманчивые обычаи, не возвращаются поэтому к руководящему разуму, ни к воспитанным в душе привычкам не стремятся, ни на руководящий закон не обращают внимания, ни на образ жизни и наилучшее государственное устройство, в котором вместе выросли, но под впечатлением от фальшивой этой природной пищи забывают обо всем наилучшем.

Однако природный разум, с помощью которого мы можем отличить лучшее от худшего, совершенно не выносит, когда его достоинство попирают ложные или истинные удовольствия; он как можно скорее отступает от них и чрезвычайно их порицает, особенно если кто-то окажется энергичным и воинственным подобно Одиссею, и тащит насильно к непривычным пастбищам от иллюзорных занятий подобно тому, как Одиссей увел друзей от лотофагов. Он связывает и сдерживает их с помощью очень суровых слов и делает так, чтобы люди не стремились к дурному. И на те части души, что испытали влияние [недостойного], оказывает прекрасное воздействие, те же, что не перенесли этого влияния, защищает и охраняет и уводит от разрушающего удовольствия, как и Одиссей увел товарищей.

ГЛАВА XI

О КАЛИПСО, АЛКИНОЕ И ВОЗВРАЩЕНИИ ОДИССЕЯ НА РОДИНУ

Такое вот приключение поэма приписывает Одиссею, потерпевшему кораблекрушение, когда голым бродягой он попал на остров Огигию: говорят, что нимфа Калипсо, живущая в том месте, первой пришла на берег и нашла мужа, выброшенного морем, привела его к пещере и радушно его принимала и заботилась о нем, как о законном муже, в течение восьми лет. А он, вопреки своей воле, ночью спал вместе с желающей того нимфой, дни же он проводил в печали и глядел, рыдая, в сторону моря и Пенелопы. Пока он пребывал в таком несчастье, боги созвали совет и тотчас послали Гермеса к Калипсо с повелением быстрее отослать мужа с острова, не причинив ему никакого вреда, или же пусть она ждет наихудшего наказания от богов. Хоть и с неохотой, она уступила приказу, и, поскольку у Одиссея не было корабля, он построил плот и взошел на него.

Основательно подготовив плавание и подобающие проводы, Калипсо вернулась в пещеру, а Одиссей после отплытия терпел невзгоды из-за божества, которое с самого начала было на него разгневано⁷: его плот разбросало на части по морю крепкими ветрами, а сам он плыл, ухватившись за единственное бревно, оставшееся от плота, и греб голыми руками. Претерпев многое на море, вновь лишившись одежды и испытав множество несчастий, Одиссей наконец был выброшен на феакийскую землю. Там его случайно встретила⁸ и приняла как гостя дочь царя Алкиноя, а затем и сам Алкиной и его жена. Получив от хозяев множество даров, он, на этот раз невредимым, добрался до отчизны и своих близких. Однако получил он это не без труда: в тяжелом бою он убил незаконно творящих насилие женихов разумной Пенелопы и разрушил их замыслы. Таков миф, а его суть, как я полагаю, в следующем: Одиссей — это всякий человек, под влиянием случая изведавший разных дурных и позорных удовольствий. И все же он, жалуюсь на несчастье и оплакивая себя, возвращается к привитым воспитанием благоразумию и нравам души; после осуждения божественным провидением за ничтожную и распущенную жизнь он сразу же покинул темные пещеры порока и отправился на плоту по бесконечному пути к добродетели для полного своего изменения, а на этом пути перемены не происходят все сразу. В конце ему мешает посланная демоном буря, вредит ему и развеивает спасительные рассуждения. Он же их оставляет не навсегда, но под управлением действенной части разума сходит с корабля на сияющую землю к радости внутреннего спокойствия. Оказавшись там, он получает в качестве награды за труды блестящие дары доблести и благосклонность бога, затем возвращается на истинную родину души, покорив дурных демонов и страсти, которые его прежде понуждали подчиняться пустым желаниям.

⁷ Имеется в виду Посейдон.

⁸ У Гомера встреча Навсикаи, дочери Алкиноя, и Одиссея была заранее продумана Афиной. Но поскольку в пересказе роль божественного участия сведена к минимуму, встреча героев объясняется случайностью.

Глава 14

Франческо Петрарка и Джованни Боккаччо: теория буколики как аллегорического жанра

(М. В. Шумилин)

Средневековые и позднеантичные грамматики употребляли термин «аллегория» шире, чем его, возможно, стал бы употреблять сегодняшний литературовед: так могла обозначаться практически любая ситуация, в которой под одним предметом предлагается понимать другой (в этом средневековом значении будем его употреблять и мы в настоящей монографии). В принципе, аллегория «всегда»: аллегорически истолковать можно почти любой текст. Но за некоторыми текстами средневековая европейская традиция закрепила особенно тесную связь с аллегорией. Как отбирались такие тексты, понятно: в первую очередь аллегоризируется то, про что иначе непонятно, зачем это вообще написано. Например, зачем в Библии любовная поэзия «Песни песней»? Аллегорическое толкование устраняет эту трудность, и потому «Песнь песней» всегда была особенно популярным объектом для аллегорезы¹. Или какой смысл в бесконечных историях превращений из Овидиевых «Метаморфоз»? Это станет понятно, если истолковать эти истории в «Морализованном Овидии»². Но основным литературным объектом аллегорезы была в Средние века все же буколика.

В общем-то, даже Феокрит, которого называли основателем буколического жанра, на самом деле не просто наслаждался идиллиями пасторального мира: он был утонченным александрийским поэтом и за видимой простотой его пастушеских сценок уже скрыта довольно сложная литературная игра. Таким образом, легенда о том, что сначала буколика была «просто буколикой», буколикой ради буколики, а потом у нее появились дополнительные слои скрытых смыслов, на самом деле явно не соответствует истине. Эстетика пасторального мира ради него самого, счастливого мира сельской простоты, создана, скорее, пасторалью Нового времени, отчасти, мо-

¹ См., напр.: *Шмагина-Великанова А. И.* Некоторые особенности раввинистического комментария: Опыт прочтения Песни Песней // *Культура интерпретации до начала Нового времени* / науч. ред. О. С. Воскобойников, Ю. В. Иванова. М., 2009. С. 67–78.

² См.: *Журбина А. В.* Судьба Метаморфоз Овидия во Франции на пороге Нового времени (нач. XIV – сер. XVI в.): От аллегии к литературному переводу. М., 2010.

жет быть, пасторальной литературой Римской империи: второй софистикой, вроде Лонга, или латинской имперской литературой, вроде поздних римских буколических поэтов. Тем не менее легенда о развитии буколики от исходной простоты к искусственной многослойности оказалась весьма живуча и в Новое время³.

Возникла эта легенда еще в поздней античности, когда поэтическая система Феокрита, видимо, перестала быть понятна римским читателям и им оказалось проще объяснить интерес сиракузца к пасторали просто тем, что тому нравились пастушеские картинки. Сервий во вступлении к своему комментарию к буколикам Вергилия писал: «Намерение поэта — подражать сиракузцу Феокриту, который лучше, чем Мосх и прочие писавшие буколики (поэтому он и говорит: «Первой снизошла к тому, чтобы позабавиться сиракузским стихом, моя <Муза>» <Буколики 6.1>), и в некоторых местах с помощью аллегории воздать благодарности Августу и другим знатным людям, благодаря протекции которых он вернул отобранные поля. Только в этом он отличается от Феокрита: ведь тот всегда прямолинеен (*ubique simplex est*), а этот вынужден в некоторых местах добавлять фигуры, которые он также в основном искусно изготавливает из стихов Феокрита, но известно, что Феокрит эти стихи писал не фигурально (*simpliciter*)». Основной метод Сервия, задавшего тон для всех средневековых читателей Вергилия, — биографическая аллегория (за условными персонажами предлагается видеть исторические прообразы); и надо сказать, что Вергилий отчасти и сам подает повод так читать его буколики: в одном ряду с условными пастухами в его буколиках фигурируют реальные исторические личности — Август, Корнелий Галл, Азиний Поллион.

Буколики писались на протяжении всего Средневековья; иногда они действительно были аллегорическими (например, в «Эклоге» Теодула, тексте X в., впоследствии очень активно использовавшемся в образовательном процессе, ведут спор пастухи Алития — греч. ἀλήθεια «истина» — и Псевстис — греч. ψευστής «лжец», — защищая, соответственно, христианскую веру и языческую мифологию, а судит их Фронесис, «мудрость»), но, пожалуй, не так часто, как можно было бы ожидать. Когда в XIV в. (в латинском творчестве знаменитых Франческо Петрарки (1304–1374) и Джованни Боккаччо (1313–1375)) наступил расцвет практики аллегорической буколики, поэты вряд ли могли в значительной степени ориентироваться на ранне-средневековые поэтические образцы (скорее всего, в основном им просто неизвестные — кроме, наверное, того же Теодула). Источником идеи о том, что буколика должна быть аллегорической, для них служила, скорее, комментаторская традиция.

В принципе, достаточно было бы и уже цитированного выше Сервия. Если бы мы просто знали, что Петрарка и Боккаччо пишут сильно аллегоризованные буколики, мы могли бы просто сказать, что они были под впечатлением от Сервия.

³ Например, в XIX в. Джон Конингтон, автор знаменитого комментария к Вергилию, писал, что «история пасторали показывает, как легко самая естественная литературная форма может перейти в самую искусственную» (цит. по: *The Idylls of Theocritus* / ed. by R. J. Cholmeley. London, 1901. P. 58).

Но до нас дошли свидетельства самих Петрарки и Боккаччо о том, как они представляли себе устройство буколики (эти свидетельства мы и переводим в настоящем разделе), и из этих текстов видно, что их поэтическая практика завязана на более широком знакомстве с традицией средневековых комментариев.

Часто научная традиция создает впечатление, что, после того как к античным текстам были написаны классические схолии (обычно в основе своей позднеантичные и окончательно оформившиеся где-то в каролингское время), комментирование их утихло; иногда еще заходит речь о комментариях высокого Средневековья (века двенадцатого), но раннее Возрождение совсем не ассоциируется с комментариями к классикам. Рудольф Пфайффер писал: «В итальянском Возрождении комментарии тоже вышли на сцену достаточно поздно; причина была не только в том, что разработка полных комментариев естественным образом следовала уже за изданием текстов, интерпретацией отдельных пассажей и написанием монографий, но также и в том, что можно было пользоваться древними схолиастами, насколько их тексты сохранялись или открывались заново, иногда вместе с новыми дополнениями <...> “Заметки о Вергилии” Лета – просто один из очень редких случаев сохранения практики записи и последующей публикации лекций преподавателя его учениками <...> Только в самом конце XV в. мы встречаем ученого, целенаправленно концентрирующегося на интерпретации латинских авторов: Филиппо Бероальдо Старшего (1453–1505)»⁴. На самом деле это описание требует целого ряда оговорок, прежде всего оговорки о том, что Возрождение в этой картине начинается с XV в. и не включает в себя деятельность ученых – современников Петрарки и Боккаччо, которые как раз комментировали античные тексты очень активно.

Комментаторская традиция высокого Средневековья не утихла после XII в.; она спокойно развивалась и ширилась, и ее естественное потомство еще вполне цело в XIV в. Проблема скорее в том, что большая часть комментариев XIV в. до сих пор не опубликована и совершенно неизвестна. Крупнейшими комментаторами латинских текстов в XIV в. были флорентиец Дзано (или Чоне) де Маньялис (или да Маньяле, де Маньяли, начало XIV в.) и знаменитый Бенвенуто да Имолы (ок. 1320–1388). Первый писал комментарии к Вергилию и Лукану⁵, второй известен прежде всего своим комментарием к «Божественной комедии» Данте, но комментировал и античных авторов (тех же Вергилия и Лукана, а также Валерия Максима), и еще буколики Петрарки⁶.

⁴ Pfeiffer R. History of Classical Scholarship: From 1300 to 1850. Oxford, 1976. P. 54–55.

⁵ См.: Stok F. La «Vita di Virgilio» di Zono de' Magnalis // Rivista di cultura classica e medioevale. Vol. 33. 1991. P. 143–181. Подробнее о его комментариях к Вергилию (а также перевод отрывков из него) см. в главе 15.

⁶ Комментарии к Петрарке опубликованы Антонио Авеной (*Benvenuto da Imola. <Commento> // Il Bucolicum carmen e i suoi commenti inediti / edizione curata ed illustrata da A. Avena. Padova, 1906. P. 216–246*); о комментариях к Лукану см.: Rossi L. C. Benvenuto da Imola lettore di Lucano // Benvenuto da Imola lettore degli antichi e dei moderni: Atti del Convegno Internazionale Imola, 26 e 27 maggio 1989 / a cura di

Поколение Лоренцо Валлы, правда, действительно, по-видимому, не интересовалось комментированием. Это, вероятно, связано со скептическим отношением к схоластической традиции⁷, к которой со временем все больше примыкала традиция комментариев к поэзии: комментарии XIV в. построены по довольно строгим и усложнившимся со временем формальным схемам, периодически проникают аристотелические нотки (см. подробнее главу 15). Дзоно де Маньялиса Колуччо Салутати уже в конце XIV в. называл «этим бестолковейшим Чоне» (письмо 10.1), да и внутри комментаторской традиции презрительное отношение к предшественникам было заметно: Бенвенуто писал (комментарий к Чистилищу 12.43): «Так делают многие невежды, например этот Пьетро, делла Лана, Сервий, Дзоно: они потратили уйму труда на составление комментариев, а в результате у них вышел паучий труд, в который мухи ловятся, а кто поумнее, как Паллада, те нет». Первые двое в этом списке — Пьетро Алигьери (1300–1364) и Якопо делла Лана (ок. 1278 — ок. 1358), оба комментаторы «Божественной комедии»; Бенвенуто да Имолы имеет в виду, что они похожи на овидиевскую Арахну, чей многосложный труд проиграл в состязании с покрывалом, сотканным Афиной, в результате чего Арахна была превращена в паучину.

Затишье XV в. закончилось настоящим взрывом комментирования после появления книгопечатания (где-то начиная с 1470-х гг.). Бериальдо Старший не был, конечно, ни первым, ни единственным. Даже сочинение комментариев не для печати возобновляется: упомянутый Пфайффером Юлий Помпоний Лет, хотя и контактировал с готовившими печатные книги людьми вроде Андреа Бусси, свои комментарии к латинским классикам оставил только в рукописном виде⁸. Появляется несколько жанров комментариев (более учебные⁹, более ученые), но обычно они не воспроизводят строго формализованные схемы комментариев XIV в. И сами комментаторы XIV века к латинским классикам первопечатники издавать не стали, видимо,

P. Palmieri e C. Paolazzi. Ravenna, 1991. P. 165–203. На русском языке о комментариях Дзоно и Бенвенуто к Лукану см.: Шумилин М. В. Метрические *argumenta* Лукана: по следам грамматических традиций (Часть I: *Argumenta Barthiana*) // Аристей. Т. I. 2010. С. 84–89, 92–95.

⁷ Конечно, отношения со схоластической традицией у гуманистов были довольно сложными, и, выступая против нее, во многом они продолжали зависеть от нее, см.: *Percival W. K. Changes in the Approach to Language // The Cambridge History of Later Medieval Philosophy: From Rediscovery of Aristotle to the Disintegration of Scholasticism, 1100–1600* / ed. by N. Kretzmann, A. Kenny, J. Pinborg, E. Stump. Cambridge, 1982. P. 808–817; *Jensen K. The Humanist Reform of Latin and Latin Teaching // The Cambridge Companion to Renaissance Humanism* / ed. by J. Kraye. Cambridge, 1996. P. 63–81, ср. также 5 главу настоящей монографии.

⁸ На русском языке см.: Забугин В. Н. Юлий Помпоний Лэт. СПб., 1914. *Passim*. От Лета остались автографы комментариев (значит, это, во всяком случае, не только записи учеников), да и вообще замечание Пфайффера странное: очень большое число комментариев в любые времена основывалось на записях лекционных курсов.

⁹ Фрагменты из нескольких инкунабульных комментариев скорее школьного характера разобраны на русском языке в статье: Евдокимова Л. В. «Историческое зеркало» Жана де Винье: Перевод-комментарий // Культура интерпретации до начала Нового времени / науч. ред. О. С. Воскобойников, Ю. В. Иванова. М., 2009. С. 300–329.

все из того же гуманистического презрения (комментарии к Данте и Петрарке все же печатали — именно благодаря этому мы все-таки немного знаем имя Бенвенуто да Имолы). А так как печатные тексты моментально вытесняли тексты рукописные, то вся позднесредневековая традиция комментирования латинских классиков быстро погрузилась в непроницаемое забвение. Между двумя традициями пролегла пропасть и, видимо, собственно «гуманистическими комментариями» правильнее считать уже только комментарии XV в.

Комментарии XIV в. стали, таким образом, стертой страницей в истории науки. Но это не значит, что они пропали совершенно без следа. Невидимые тени, они все же оказали свое влияние на интерпретацию древних. Особенно показателен такой пример. Поэма Лукана дошла до нас под несколькими названиями; в древнейших рукописях она обычно называется «Гражданская война» (это, видимо, оригинальное название поэмы) или «О гражданской войне», иногда не называется никак: поскольку от Лукана сохранилось только одно произведение, его можно было называть просто «Лукан». Но в какой-то момент появляется альтернативное название «Фарсалия», очевидным образом извлеченное из строки 9.985 поэмы, где Лукан обращается к своему труду как к «Фарсалии» (на самом деле это не значит, что поэма так называлась, потому что язык латинской поэзии вполне допускает такой троп — вместо названия произведения употребить название места, о котором речь в произведении, например «Симонид» вместо «Энеида», как в эпиграмме Латинской антологии 225.2 Shackleton Bailey). По-видимому, автором идеи, что поэма называлась «Фарсалией», является Бенвенуто да Имолла (Лука Росси опубликовал соответствующее место из его комментария, но не решился утверждать, что Бенвенуто сам придумал название, однако оно действительно, по-видимому, не встречается в рукописях старше XIV в., и из формулировки Бенвенуто, видимо, должно следовать, что идея его): «В последнюю очередь¹⁰, спрашивалось, каково название книги. И отметить, что все комментаторы, как кажется, не знают настоящего названия этой книги: ведь они говорят просто: “начинается книга Лукана”, — а вот названия других книг им хорошо известны, например “Энеиды” Вергилия, “Фиваиды” Стация. Так вот, называется книга “начинается ‘Фарсалия’ Лукана”, как указывает сам Лукан: “Наша Фарсалия будет жить, и никакой век не осудит ее на тьму забвения” <Лукан 9.985–986>. А называется она “Фарсалией” потому, что речь в ней идет о событиях, произошедших на полях Фарсалии, как книга Петрарки называется “Африка”, потому что речь там о событиях, произошедших в Африке»¹¹. Комментарий Бенвенуто к Лукану к кон-

¹⁰ Вступление к комментариям XIV в. строится в виде стандартного списка нумерованных вопросов; настоящая фраза подразумевает, что Бенвенуто переходит к последнему (шестому) вводному вопросу.

¹¹ Rossi L. C. Op. cit. P. 197–198. Аналогичное утверждение удастся найти еще только в плохо датированном комментарии Пьетро ди Парма, но из сопоставления его формулировки с формулировкой Бенвенуто нужно, видимо, сделать вывод, что Пьетро пишет позже и зависит от Бенвенуто: «“Фарсалия”: так называется все произведение, поэтому Лукан, говоря о ней ближе к концу, пишет: “Наша Фарсалия будет жить, и никакой век не осудит ее на тьму забвения”. Фарсалия была городом в той области, где произошло

цу XV в. уже был в общем забыт, но восстановленное им название за то же самое время успело настолько распространиться, что соревновалось на равных с «Гражданской войной» и «О гражданской войне», и еще в XX в. были ученые, полагавшие, что Лукан назвал свою поэму «Фарсалия»¹².

Вот через эту средневековую комментаторскую традицию, какой она сформировалась к XIV в., и знакомился с жанром буколики Петрарка (который еще не испытывал к этой традиции того презрения, что будущие поколения гуманистов). Мы знаем об этом из удачным образом дошедшего до нас свидетельства самого Петрарки. В Миланской Biblioteca Ambrosiana сохранился кодекс Вергилия, который Петрарка возил с собой большую часть своей жизни (Ambrosianus A 79 inf. = S.P. 10.27). Все это время Петрарка писал на полях рукописи (и так содержащей во круг текста комментарий Сервия) собственные замечания. В 1795 г. от переплета случайно отклеился лист, на другой стороне которого оказалось начало комментария самого Петрарки к I буколике Вергилия. Частично он дублирует маргинальные записи напротив текста самой буколики (поэтому ниже, переводя выборку из этих заметок, мы смешиваем два текста, расставляя комментарии в порядке расположения комментируемых строк в тексте Вергилия и отмечая место заметки в рукописи: отклеившийся лист — это Fol. 1r). В начале листа значится запись, тоже рукой Петрарки: «Эта книга была у меня украдена 1 ноября 1326 года и затем возвращена 17 апреля 1338 года, в Авиньоне». На обратной стороне листа, которая не была заклеена, находится знаменитая запись Петрарки о смерти Лауры в 1348 г.¹³ Это, конечно, недостаточная информация для точной датировки, но похоже, что комментарии к I буколике (отрывки из которых переведены ниже) были написаны где-то в конце 1330–1340-х гг.

Из записей Петрарки видно, что ему знакомы не только комментарии Сервия и что аллегорезы Сервия — это еще цветочки по сравнению с тем, что читал Петрарка. Какой именно другой комментарий к буколикам он использовал? Сам Петрарка ссылается на «Доната». Такой текст до нас не дошел; под именем Клавдия Тиберия Доната сохранился комментарий только к «Энеиде», и среди дошедших до нас текстов более знаменитого Доната, Элия, комментария к буколикам тоже нет.

сражение между Цезарем и Помпеем, как книга господина Ф. Петрарки называется «Африка», потому что рассказывает о событиях, произошедших в этой области» (цит. по: Ibid. P. 197).

¹² Помпоний Лет в своем комментарии к Лукану предложил, по-видимому, другую реконструкцию названия поэмы. Если поэма называется «Гражданская война», то почему Лукан в первой же строке заявляет, что «воспевает войну более чем гражданскую»? Видимо, руководствуясь этой логикой, Лет назвал поэму «Война более чем гражданская» (*Badali R. I codici romani di Lucano (III) // Bolletino del Comitato per la preparazione dell'Edizione nazionale dei Classici greci e latini. 1975. Vol. 23. P. 53*). Но вариант Помпония Лета уже совсем не получил распространения, потому что идея писать рукописные комментарии в условиях книгопечатания была, конечно, безнадежно проигрышной: все печатное одерживало оглушительную победу.

¹³ О рукописи см.: Lord M. L. Petrarch and Vergil's First Eclogue: The Codex Ambrosianus // Harvard Studies in Classical Philology. Vol. 86. 1982. P. 253–276.

В общем-то, средневековый комментарий легко мог быть приписан известному грамматiku для придания авторитета. Ссылки Петрарки могут смутить тем, что в них появляется информация об античных персонажах, которую нельзя почерпнуть из античных комментариев (можно на этом основании решить, что «комментарий Доната» античный — так, наверное, считал и сам Петрарка), но, как мы увидим, в основном происхождение этих ссылок можно объяснить и без допущения следов неизвестного нам античного источника. Во всяком случае, большинство ученых предпочитает считать, что Петрарка имел дело с каким-то средневековым комментарием, приписанным «Донату» и не имеющим к настоящему Элию Донату никакого отношения¹⁴.

Само по себе объяснение текста буколик через биографический контекст легко может не иметь отношения к античности: так вполне делали и средневековые комментаторы. Подозрительными выглядят, скорее, ссылки (видимо) источника Петрарки на не дошедшие до нас суждения каких-то других грамматиков с античными именами. Например, комментируя фразу Сервия о том, что Титир в строке 19 первой буколики не отвечает на вопрос Мелибея (Сервий дает несколько своих объяснений, в том числе через «сельскую простоту» Титира, см. ниже примеч. 42), Петрарка пишет: «Но этот ненавистник Вергилия Евангел восклицает (*exclamat*), что вопрос остается без ответа. А Донат возражает на это замечание, и его возражения по сути согласны с настоящим высказыванием Сервия». У Сервия никакой Евангел не упомянут: значит ли это, что источник Петрарки имел доступ к той комментаторской традиции, на которую реагировал Сервий? Некоторый свет на вопрос прольется, если мы привлечем еще один комментарий XIV в.: комментарий рукописи Laurentianus 52.33. Эта рукопись знаменита тем, что далее в ней следует комментарий Бенвенуто да Имолы к буколикам Петрарки, в котором, как полагает Гвидо Мартеллотти, использовались комментарии Петрарки к своим собственным буколикам¹⁵. Кроме комментария к буколикам Петрарки, рукопись содержит и комментарий к буколикам Вергилия. Это не комментарий Бенвенуто да Имолы¹⁶, и это явно образец ком-

¹⁴ После Sabbadini R. Le scoperte dei codici latini e greci nei secoli XIV e XV. In Firenze, 1905. P. 38–39 ср.: Feo M. Petrarca // Enciclopedia Virgiliana. Vol. IV. Roma, 1988. P. 59–60; Stok F. Prolegomeni a una nuova edizione della Vita Vergilii di Svetonio–Donato. Roma, 1991. P. 208–209; ср., однако, возможные уточнения этой гипотезы в примеч. 54.

¹⁵ Petrarca F. Laurea occidens: Bucolicum carmen X/testo, trad. e comm. a cura di G. Martellotti. Roma, 1968. P. 12.

¹⁶ Комментарий Бенвенуто да Имолы к буколикам Вергилия точно (с указанием имени автора) сохранился в трех рукописях (см.: Lord M. L. Op. cit. P. 257, n. 52), к сожалению, он не опубликован и рукописи нам не доступны, но известно, как Бенвенуто комментирует 1.38–39 («Тебя, Титир, звали сами сосны, сами источники, сами эти кусты», Титир традиционно отождествляется с самим Вергилием): «Сами сосны» — то есть «Энеида». «Источники» — то есть «Георгики». И «сами эти кусты» — это настоящие буколики» (цит. по: Ibid. P. 273, n. 69). Толкование Laurentianus 52.33 отличается (Fol. 38v): *Per pinus eum vocantes principes Romanos et Pollionem, per fontes senatores vel sapientes, per arbusta plebem accipe. Qui omnes vocabant eum Romam et eum desiderabant et Cesarem reconciliabant* («Под соснами,

ментаторской традиции XIV в.¹⁷ Этот комментарий не опубликован, и мы цитируем его по рукописи. Для нас он интересен тем, что автор его также делает ссылки на какого-то непонятого «Доната», и в комментарии к 1.19 даже приписывает «Донату» ту же самую информацию, что и Петрарка (Fol. 36v): *unde hic exclamat Euangelus, quidam Virgilii persecutor et detractor, reprehendens Virgilium, quod non ad interrogata, ut oportuit, subiceret responsionem. Sed Donatus, respondens Euangelii responsioni, dicit Virgilium non fecisse hoc ex imperitia, sed ut rusticorum notaret simplicitatem, qui aliud quam queratur respondent, et in hoc legem pastoralis carminis observavit* «Поэтому здесь Евангел, некий ненавистник и обругиватель Вергилия, восклицает (exclamat), осуждая Вергилия, что он после вопроса не поставил ответ, как полагалось. Но Донат, отвечая на реплику Евангела, говорит, что Вергилий сделал это не от неопытности, но для того, чтобы заклеймить¹⁸ простоту сельских жителей, которые отвечают не то, что у них спрашивают, и тем самым Вергилий соблюдает здесь правила буколического жанра».

Можно было бы подумать, что Петрарка и анонимный комментатор просто оба цитируют один и тот же источник. Но посмотрим на другие ссылки на Доната в Laurentianus 52.33. Fol. 37r–v (речь о фразе в 1.28, что свобода пришла к Титиру поздно, «когда при стрижке бороды на землю уже стали падать седоватые волосы»): *Euangelus, cum Virgilius in XXVII anno hoc opus composuisset, in illa autem etate barba non canescit, etsi tonderi possit, admiratur, quasi dicat Virgilius barbam candidam sibi tondenti tunc cecidisse; contra quod respondet Donatus, Virgilium non ex imperitia hoc dixisse, sed ut simplicitatem rusticorum exprimeret; nec omnia que persone introducte attribuuntur persone per eam accepte sunt adscribenda* «Поскольку Вергилий сочинил это произведение в 27 лет, а в этом возрасте борода не седеет, хоть стричь ее и можно, Евангел удивляется, что Вергилий в этом возрасте говорит, что при стрижке бороды у него на землю падают седые волосы; Донат отвечает на это, что Вергилий так написал не от неопытности, но для того, чтобы изобразить простоту сельских жителей, и не все, что приписывается персонажу, следует относить к подразумеваемому под ним человеку». Fol. 39v (об 1.65): <...> *Oaxes Mesopotamie. unde cum dicit hic Virgilius esse flumen Crete, exclamat Euangelus in Virgilium; sed Donatus dicit hoc Virgilium dixisse ut simplicitatem rusticorum exprimeret, quia fluvios regionis unius putant esse alterius* «<...> Оакс – в Месопотамии, поэтому, когда Вергилий говорит в этом месте, что он на Крите, Евангел восклицает (exclamat) против Вергилия; но Донат говорит на это,

зовущими его, понимай римских властителей, например Мецената и Поллиона; под источниками – сенаторов или мудрецов; под кустами – простой народ. Все они звали его в Рим, и желали, чтобы он приехал, и настраивали в его пользу Цезаря». Комментарий самого Петрарки к этому месту (см. ниже перевод) ближе к Laurentianus 52.33.

¹⁷ Если требовать более точных аргументов, то, что он поздний, доказывается, например, цитированием Теодула (школьным текстом Теодул стал в XII в.).

¹⁸ Что глагол *notare* постоянно используется в Laurentianus 52.33 именно в значении «клеить» (а не просто «отмечать»), хорошо видно по тексту с fol. 44r–v, приведенному в примеч. 41.

что Вергилий так сказал, чтобы изобразить простоту сельских жителей, которые про реку одной области думают, что она в другой». Fol. 45v (о 3.62–63, где Меналк отвечает на Даметову фразу о Юпитере фразой о Фебе – здесь, правда, нет Доната, но зато есть Евангел): *et me Phebus amat. Euangelus hic exclamat Virgilium legem amebel carminis non observasse, quia hic non maius nec contra respondet. ad quod Servius maius respondisse secundum rusticorum opinionem, quorum quisque quem colit maiorem arbitrat* «“И меня Феб любит”. Тут Евангел восклицает (exclamat), что Вергилий нарушает правила амебейной песни, потому что ответная реплика не говорит о чем-то превосходном или противоположном по отношению к первой реплике. На это Сервий отвечает, что он говорит о превосходном с точки зрения сельских жителей, у которых кто какого бога почитает, того и считает более сильным».

Очевидно, что перед нами просто рамка: если есть какие-то обвинения против Вергилия (все эти проблемы обсуждаются уже в комментарии Сервия к соответствующим местам, «обвинителей» Сервий не называет), то они приписываются Евангелу, а ответ на них с помощью аргумента о «сельской простоте» приписывается Донату (или Сервию). Эта рамка применяется даже тогда, когда приводит к абсурду (например, как именно Вергилий «изображает сельскую простоту» в 1.28? Титир от «сельской простоты» говорит, что у него борода седая, хотя она на самом деле не седая? или Титир от «сельской простоты» забыл, что он Вергилий?). Конечно, анонимный комментатор в принципе мог выстроить эту рамку на основе знания источника Петrarки (или даже самого текста Петrarки), но нам важно, скорее, вообще то, насколько вольно средневековый комментатор может обращаться с именами. На самом деле источник Петrarки вполне может вести себя точно так же. Откуда он взял имя Евангела, вообще-то понятно: так зовут персонажа «Сатурналий» Макробия, человека «злойной болтливости и с языком нагло язвительным» (1.7.2), который несколько раз выступает в «Сатурналиях» как хулитель Вергилия¹⁹. Уже в античных жизнеописаниях Вергилия образовался ряд персонажей – «ненавистников Вергилия», и Средние века даже расширили этот список (см. ниже примеч. 34 о еще одном персонаже из этого ряда, Корнифиции). А склонность относиться к классическим текстам дружелюбно и скорее защищать их от критики, чем критиковать, является, может быть, вообще общей чертой средневековых комментариев²⁰. Как текст мог быть произвольно приписан авторитетному персонажу (некоторые тексты точно приписывались Донату только потому, что были посвящены грамматике), так и опровергаемая критика могла быть приписана авторитет-

¹⁹ Ср. особенно Сатурналии 3.10.1: «Все единодушно стали в равной степени возносить ученость поэта и его толкователя, но тут Евангел восклицает (exclamat), что долго он терпел, но хватит ему уже скрывать свое мнение, и теперь он выставит перед всеми напоказ язвы вергилиевского невежества». Ср. также 7.5.1, где тоже *Euangelus exclamavit*, «Евангел воскликнул», – это вообще, видимо, такой склонный к экзекламациям персонаж уже у Макробия.

²⁰ См.: Шумилин М. В. Указ. соч.

ному антигерою. У средневековых комментаторов было своеобразное представление об авторстве, по крайней мере иногда позволяющее такие произвольные атрибуции; в гуманистическом комментарии оно станет ровно противоположным, когда все будут переписывать друг у друга, не называя источников, и после этого без конца обвинять друг друга в плагиате²¹. Источник Петрарки, таким образом, вполне может быть средневековым комментарием, и по духу он действительно больше похож именно на что-то такое.

Так или иначе, и там, где цитируют Доната, и там, где нет, замечания Петрарки (в других местах они тоже бывают близки к комментариям Laurentianus 52.33 — мы отмечаем параллели в примечаниях) применяют к тексту Вергилия аллегорический метод на порядок плотнее, чем Сервий. Из этой комментаторской традиции Петрарка вынес, что буколика должна быть вся сплошь аллегорическим текстом. Но, перейдя от теории к практике, Петрарка стал писать собственные буколики на радикально аллегорическом языке даже по сравнению с той степенью аллегоричности языка, которую предлагают видеть у Вергилия Сервий и «Донат». Как бы много аллегорий ни находили в тексте Вергилия, все равно этот текст можно понять, аллегорический смысл читатель может домыслить и сам: так, собственно, обычно и делали комментаторы. Буколики Петрарки порой вообще невозможно понять, если не иметь к ним ключа. Пример особенно сильно зашифрованного его текста — X буколика («Лавр увядший»). Она написана как каталог поэтов, и сохранившихся, и не сохранившихся, отчасти под влиянием II книги «Скорбных элегий» Овидия. Но намеки Овидия иногда непонятны нам, когда уже просто не хватает наших знаний о литературе того времени; Петрарка же пишет об авторах, которых знает по тем же рассеянным в цитатах фрагментам, что и мы, однако старается только еще сильнее зашифровать и без того недостаточно понятную информацию. Вот, например, характеристика одного из поэтов (10.251, поэты изображаются как знатоки сельского хозяйства, которых обходит Сильван, чтобы научиться у них правильно возделывать свой лавр): *Parcior hunc nono pascebat caseus anno*, «Этого сыр поскуднее кормил девятый год». Легко ли додуматься, о ком идет речь? Мы выбрали этот пример потому, что тут мы как раз достоверно знаем ответ. Уже упоминавшийся комментарий Бенвенуто да Имолы поясняет это место так²²: «И описывает другого, или Цинну, римского поэта, который говорил, что поэт должен публиковать свой труд только через девять лет после написания; поэтому он и говорит: “этого кормила еда поскуднее”, — то есть Цинну. И сказано это по-пастушески». Про Цинну, действительно, известно, что он опубликовал свою «Смирну» через девять лет после написания (Петрарка, скорее всего, знает об этой истории из комментария Псевдо-Акрона или Порфириона к Горацию, Наука поэзии 388).

²¹ См. главу 8, особенно примеч. 10.

²² *Benvenuto da Imola*. Op. cit. P. 236.

Именно на основании того, что комментарий Бенвенуто да Имола дает вразумительные отгадки для многих (хотя и не всех) шифров X буколики — шифров, для самостоятельного разгадывания которых требуется порой просто фантастическая фантазия, — Гвидо Мартеллотти и полагает, что Бенвенуто использовал какие-то пояснения самого Петрарки²³. Это любопытная черта жанра, который получился у Петрарки: чтобы читать такие буколики, требуются разъяснения самого автора. И мы знаем, что Петрарка такие разъяснения вообще писал: до нас дошло несколько писем, в которых Петрарка разъясняет смысл отдельных буколик. Ниже переведены два таких письма; еще одно (Письма о делах повседневных 10.4) переводилось ранее В. В. Библихиным²⁴. Аналогичное письмо написал в конце жизни и Боккаччо; мы также приводим его. Иногда, впрочем, даже разъяснений автора оказывается недостаточно, чтобы понять, о чем речь в тексте (см. ниже примеч. 116). Кроме того, мы перевели ниже предисловие Петрарки к письмам «Без имени», в котором содержатся любопытные рассуждения о том, на каких читателей рассчитаны такие буколики.

Из авторских толкований видно, что в буколиках Петрарки и Боккаччо образуется специальный язык аллегорий, порой общий не только для разных текстов одного автора, но даже для обоих: так, именем Сильвий обозначается сам поэт и в I буколике Петрарки, о которой речь в не приведенном нами письме, и во II буколике Петрарки, которую он толкует в первом из переведенных нами писем, и в XIV буколике Боккаччо; именем Фитий можно обозначить какого-нибудь друга, как делает Петрарка во II буколике и Боккаччо в IV и VIII эклогах; именем Аргус оба поэта обозначают Роберта Неаполитанского. Последний случай особенно любопытен, потому что проливает некоторый свет на хронологию распространения описываемой нами теории аллегорической буколики. Буколику «Аргус» Петрарка пишет, видимо, в 1346 г.; письмо к Барбатто да Сульмона, в котором Петрарка объясняет, что Аргус — это Роберт («под многоглазым пастухом подразумевается осматрительнейший владыка король, который и сам был пастырем своих народов, весь став глазами»), написано в 1347 г.; буколики Боккаччо «Фавн» и «Дорус», в которых Роберт впервые появляется как Аргус, и к тому же с похожим объяснением (4.47–49: «Надо всеми ними правил один пастух Аргус, который мог охватить все своей властью и своим взором»), судя по описываемым в них событиям, должны были быть написаны уже в первой половине 1348 г. (см. ниже примеч. 96). Как могла буколика Петрарки, да еще, похоже, вместе с толкованием, так быстро дойти до Боккаччо? В тот момент они еще не были знакомы лично, разве что могли обмениваться какими-то не дошедшими до нас письмами. Но, так или иначе, мы знаем, что текст до Боккаччо действительно дошел, и действительно очень быстро: в рукописи Laurentianus 29.8 сохранился текст «Аргуса», переписанный

²³ *Petrarca F. Laurea occidens*. P. 12.

²⁴ *Петрарка Ф.* Эстетические фрагменты/пер., вступ. ст. и примеч. В. В. Библихина. М., 1982. С. 106–114. Это письмо написано в 1348 или 1349 г., то есть позже писем, переведенных нами.

рукой Боккаччо²⁵, и разные части этой рукописи, считается, написаны в разное время между 1339 и 1349 гг.²⁶ Кроме того, в этой рукописи содержатся буколики Данте и Джованни дель Вирджилио²⁷, а также эпиграмма Петрарки, посвященная Лелло ди Пьетро деи Стефанески, которая также была приложена к тому самому письму к Барбато да Сульмона²⁸. Похоже, что Боккаччо то ли от самого Петрарки, то ли от кого-то еще получил что-то похожее на письмо к Барбато (с самим Барбато Боккаччо был лично знаком с 1344 г.). И идея писать буколики на таком аллегорическом языке очень вдохновила его.

Хотя основным источником вдохновения для Боккаччо в его буколиках был, конечно, сам Петрарка, средневековую комментаторскую традицию он также вполне использовал. Это особенно хорошо видно в приводимых им этимологиях шифрованных имен персонажей. Для многих из этих этимологий находятся дословные соответствия в разнообразных средневековых комментариях, причем не следует думать, что указанные нами в примечаниях параллели — обязательно первоисточники соответствующей этимологии: такого рода информация обычно свободно блуждает по средневековой комментаторской традиции, и маршруты этого блуждания обычно трудно проследить, особенно сейчас, когда средневековые комментарии еще очень плохо изучены и даже часто не изданы. Указывая эти параллели, мы просто имеем в виду, что Боккаччо использует средневековые комментарии; какие именно — это вопрос, на который мы не взяли бы отвечать.

Чем вся эта история интересна для нас сегодня? Она, конечно, любопытна с нескольких специальных точек зрения (для людей, интересующихся историей средневековых комментаторских традиций, латинским творчеством Петрарки и Боккаччо или средневековой аллегорезой), но важнее всего она вот в каком смысле. Идея аллегорической буколики XIV в. — это один из крайних случаев того, как литература может становиться эзотерической и законспирированной. Это литература, которая просто-таки гонит читателя прочь со своего порога. Только тот, кому повезло получить от автора лично, почти что из рук в руки ключ,

²⁵ Gittes T. F. Boccaccio's Naked Muse: Eros, Culture, and the Mythopoetic Imagination. Toronto; Buffalo; London, 2008. P. 245.

²⁶ Ciardi Dupré dal Poggetto M. G. L'iconografia nei codici miniati boccacciani dell'Italia centrale e meridionale // Boccaccio visualizzato: Narrare per parole e per immagini fra Medioevo e Rinascimento / a cura di V. Branca. Vol. 2. Torino, 1999. P. 3–52.

²⁷ Эклоги, которыми обменивались Данте и дель Вирджилио, также содержат некоторые биографические шифры, хотя и более прозрачные; эти тексты переведены на русский: <Джованни дель Вирджилио, Данте>. Эклоги / пер. Ф. А. Петровского // Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968. С. 327–336. Джованни дель Вирджилио (Iohannes de Virgilio), вероятно, получил свое прозвище за то, что выступал с толкованиями Вергилия: Wicksteed P. H., Gardner E. G. Dante and Giovanni del Virgilio. Westminster, 1902. P. 121. Он был болонским профессором, и от него, среди прочего, остался аллегорический пересказ «Метаморфоз» Овидия (см.: Ibid. P. 314–321).

²⁸ <Bandinius A. M.> Catalogus codicum Latinorum bibliothecae Mediceae Laurentianae... T. II. Florentiae, 1775. Col. 9–28.

получает доступ к смыслу. Тем не менее, как следует из предисловия Петрарки к «Без имени», такие буколики одно время были весьма популярны даже у читателей, не получавших ключей. Конспиративность нравилась даже без разъяснений; люди наслаждались буколиками, как зданиями с заколоченными окнами, вокруг которых можно только в молчаливом восхищении ходить, не надеясь попасть внутрь. Но по большому счету попытка создать такой жанр провалилась²⁹. Выжили в памяти потомков Петрарка и Боккаччо за счет произведений, написанных в гораздо более «демократическом» ключе, без запираания дверей: прежде всего итальянскоязычных текстов, самими авторами как раз низко ценимых, но и из латинских текстов следующие поколения продолжали читать прежде всего те, которые можно было понять. Буколики Петрарки и Боккаччо постепенно стали не очень читаемыми текстами; сегодня разрыв в известности между этими буколиками и *Canzoniere* или «Декамероном» настолько велик, что трудно поверить, что эти тексты написаны одними и теми же людьми.

Заметки к Вергилию переведены по изданию: *Petrarca F. Le postille del Virgilio Ambrosiano/a cura di M. Baglio, A. Nebuloni Testa, M. Petoletti. Roma; Padova, 2006. 2 vol.* Письма Петрарки переведены по изданию: *Petrarca F. Lettere disperse, varie e miscellanee/a cura di A. Pancheri. Parma, 1994*; для сверки использовалось издание: *Francisci Petrarcae Epistolae de rebus familiaribus et variae.../studio et cura I. Fracassetti. Vol. 3. Florentiae, 1863*. Предисловие к «Без имени» переведено по изданию: *Petrarca F. Sine nomine: Lettere polemiche e politiche/a cura di U. Dotti. Roma; Bari, 1974*; для сверки использовалось издание: *Pétrarque. Sans titre = Liber sine nomine/texte trad., prés. et annot. par R. Lenoir. Grenoble, 2003*. Письмо Боккаччо переведено по изданию: *Boccaccio G. Opere latine minori/a cura di A. F. Massèra. Bari, 1928*.

²⁹ Почин Петрарки и Боккаччо поддержал еще Колуччо Салутати, написавший 8 эклог в подражание тем двоим и назвавший свое произведение, как и оба предшественника, «Буколической песнью», *Carmen Bucolicum*. Одну из своих эклог Салутати в 1372 г. послал Боккаччо (*Salutati C. Epistolario/a cura di F. Novati. Vol. I. Roma, 1891. P. 157*: «И вот прежде у меня здесь не было бумаж с моей "Буколической песнью", и прошло довольно много времени, прежде чем я смог достать текст первой эклоги, который и посылаю тебе. И я признаюсь, что замыслил буколики в совсем незрелом возрасте, и, хоть я написал уже шесть эклог и собираюсь довести их число до восьми, по причине недостатка времени отшлифовать и поправить я успел только первую и шестую. Одну из них я посылаю тебе, первую, в которой изображается, как Пиргис, то есть "Огненная земля" <гр. πῦρ "огонь" + γῆ "земля">, оставив свой скот, в удивительной степени воспылал любовью к Каристе. А про Каристу справедливо говорится в соответствии с устройством имени, что она приносит "любовь Божию" <гр. χάρις "любовь" + Θεός "Бог">: ведь, когда она приходит, Пиргис зажигается любовью к пастуху Сильvidу, который есть Христос, и показывается, как Пиргис собирается идти к Сильvidу по тропе четырех добродетелей, фигурально изображенных в горах. Как ты можешь видеть, в этой эклоге теологически сообщаются некоторые вещи о воздействии, помощи, приходе и сопутствии благодати»). Текст буколики Салутати не сохранился (см.: *Smarr J. L. Introduction // Boccaccio G. Eclogues /tr. by J. L. Smarr. New York, 1987. P. lxii*). У буколических поэтов XV в. (Боярдо, Мантуано, Саннадзаро и др.) реальный мир иногда в какой-то степени проникает в буколический, но скорее в духе Вергилия, чем Петрарки, без сильной конспирации.

ЗАМЕТКИ ПЕТРАРКИ О I БУКОЛИКЕ ВЕРГИЛИЯ

Fol. 2r. <Вступление>. Так вот, под Титиром мы понимаем Вергилия, согласно со всеми³⁰; но, кого понимать под Мелибеем, комментаторы, как кажется, имеют разные мнения. Ведь этот <т. е. Сервий?>, как явствует из последующего, считает, что имеется в виду некий мантиуанец, изгнанный из своих краев³¹, поражающийся счастьем Вергилия, которому Август вернул его земли. Те же, кто следует за Донатом, говорят, что Август одному только Вергилию дозволил писать про римскую историю, добавив, чтобы писания всех остальных поэтов, которые взялись про нее писать, но еще не дописали, были уничтожены³². Поэтому другие стали завидовать, и среди них особенно Евангелий³³ и Корнифиций³⁴,

³⁰ Ср.: Сервий к Буколикам 1.1: «И здесь мы должны под Титиром понимать Вергилия, но не везде, а только там, где этого требует разум».

³¹ Ср., напр.: Сервий к Буколикам 1.12 (комментарий к словам Мелибея «До такой степени гонят с полей»): «Нас гонят, не разбираясь, кто прав, кто виноват <...> ведь всех мантиуанцев изгоняли скопом».

³² Ср. у Сервия (к Буколикам 1.5, о фразе «Ты учишь леса повторять имя прекрасной Амариллиды»): «Некоторые неверно видят здесь аллгорию: "Ты сочиняешь поэму о городе Рима, которую будут почитать все народы"»; Донатовское жизнеописание 19 (начав писать о римской истории, Вергилий бросает этот проект и переходит к буколикам). Версия Донатовского жизнеописания основана, очевидно, на интерпретации начала шестой буколики Вергилия (6.3–5: «Когда я начал было воспевать царей и сражения, Кинфий уцепил меня за ухо и сказал: "Пастуху, Титир, овец подобает пасти жирных, а вот песню петь тонкую"»); см.: *Svetonio. De poetis e biographi minori / restit. e comm. di A. Rostagni. New York, 1979. P. 84.*

³³ Видимо, то же самое, что Евангел, один из антигеров вергилиевской мифологии, впервые появляющийся в «Сатурналиях» Макробия; см. подробнее вступление. В данном сюжете он, конечно, совершенно хронологически неуместен.

³⁴ Другой антигерой вергилиевского мифа. В отличие от Евангела, у него другое амплуа: Евангел — критик, такой «Зоил» Вергилия, а Корнифиций — современник и личный враг. На самом деле исторический Корнифиций (ум. в 42 г. до н.э.) был поэтом катулловского круга, о котором у нас информации довольно мало, но никаких сведений, связанных с враждой с Вергилием, в достоверных источниках нет вообще. Сюжеты о нем в средневековой традиции возникли, вероятно, из попыток античных грамматиков подобрать исторические прототипы для персонажей буколик (см.: *Rawson E. The Identity Problems of Q. Cornificius // The Classical Quarterly. Vol. 28. 1978. P. 189–190; Wissowa G. Cornificius 8 // Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / hgb. von G. Wissowa. Hb. 7. Stuttgart, 1900. Col. 1624–1630*). Так или иначе, они получили огромное распространение. Вероятно, самый архаичный текст, упоминающий Корнифиция в связи с Вергилием, — это «Веронские схолии» к буколикам (примерно V в.), 74.8–10 Keil (комментируется стих из буколик 7.22, где Коридон просит у нимф дать ему песню, как у Кодра; в дальнейшем тексте Тирсис просит украсить его венком, чтобы Кодр лопнул от зависти): «Под Кодром большинство понимает Вергилия, иные Корнифиция, некоторые Гельвия Цинну, к которому поэт хорошо относился». Далее грамматик V века Кледоний (5.43.2–3 Keil) приписывает «Корнифицию Галлу» стих, содержащий насмешку над языком Вергилия, который в «расширенном Сервии» (к Георгикам 1.210) приписывается другим врагам Вергилия, Бавию и Мевию. Во «Второй бернской периохе» жизнеописания Вергилия (IX в.) Корнифиций уже соперник Вергилия и «очень плохой поэт», про которого Вергилий, назвав его именем Кодра, написал, что хорошо бы, чтобы Корнифиций лопнул от зависти. В других жизнеописаниях Вергилия IX в. Корнифиций часто называется в списках «врагов Вергилия». В жизнеописаниях XII–XV вв. (*accessus* рукописи *Palatinus lat. 1695*, Дзано де Маньялис, «развернутый Донат») приводятся уже более развернутые анекдоты о соперничестве Корнифиция и Вергилия: Корнифиций, например, приписывает себе строчки, придуманные Вергилием (удобное собрание жизнеописаний Вергилия можно найти в: *The Virgilian Tradition: The First Fifteen Hundred Years / ed. by J. M. Ziolkowski, M. C. J. Putnam. New Haven; London, 2008. P. 179–402*). В средневековых комментариях постоянно рекомендуется видеть во всех негативных персонажах буколик Корнифиция

секретарь (?) центуриона Аррия³⁵. Так что под Титиром он, как я сказал, подразумевал Вергилия, а под Мелибеем — кого-то из упомянутых поэтов. Лично я, если необходимо выбирать, предпочитаю этот последний вариант, который лучше согласуется с текстом. Но обычно я смешиваю оба, то есть понимаю под Мелибеем и поэта, и мантуанца, и к тому же еще и лишенного полей, и такого, которому запрещено обращаться к римской истории, говорящего с то же мантуанцем и то же поэтом, но радостным и кичащимся и из-за возвращения полей, и из-за эксклюзивных прав писать о римской истории³⁶.

*Fol. 1r. <1.1>*³⁷. Не будет неправильным под буком понимать Августа, в смысле изобилия и снабжения пропитанием, и особенно в смысле возобновления золотого века, о котором говорится в шестой книге «Энеиды»: «Он вернет золотой век» <Энеида 6.792–793>. И удачно он дополняет «раскидистого бука», имеется ли в виду срок в 57 лет, в течение которого Август правил, или размер державы, о котором он говорит в той же шестой книге «Энеиды»: «И на гарамантов, и на индов раскинется его власть» <Энеида 6.794–795>³⁸.

*Fol. 2v. <1.9>*³⁹. Под коровами мы понимаем буколическую поэзию⁴⁰, у которой два рога, то есть двойной смысл: буквальный и аллегорический.

(в том числе очень часто и в комментарии рукописи Laurentianus 52.33, о котором см. вступление). Имя Корнифиция в Средние века стало нарицательным: так в 1159 г. называл своего оппонента Иоанн Солсберийский в своем «Металогике» (см.: Prantl C. Geschichte der Logik im Abendlande. Bd. II. Leipzig, 1861. S. 231–232).

³⁵ *Arrii centurionis cancellarius*. Аррий упоминается у Сервия и Доната как центурион, получивший имение Вергилия и чуть не убивший поэта, когда тот пытался получить имение назад (Сервий, комментарий к Буколикам, предисл., 3.94, 9.1 и т.д.; Донатовское жизнеописание 63). Перевод «секретарь» для слова *cancellarius* — предположительный; Ф. Сток (*Stok F. Prolegomeni a una nuova edizione della Vita Vergilii di Svetonio–Donato*. P. 210) указывает в качестве параллели «Второе Ватиканское жизнеописание» (XIII–XIV вв.), где персонаж, которому в других жизнеописаниях соответствует Корнифиций, оказывается писцом, работающим «в канцелярии» Августа (in cancellaria). Можно допустить, что в ранних версиях средневековых сюжетов о Корнифиции он был *cancellarius* в смысле «привратник»: см.: *Brugnoli G. Nocte pluit*// *Giornale italiano di filologia*. Vol. 39. 1987. P. 105–127.

³⁶ То есть с Титиром-Вергилием.

³⁷ У Вергилия говорится о том, что Титир «лежит под укрытием раскидистого бука».

³⁸ Прообраз этой интерпретации мы находим в комментарии «расширенного Сервия» к буколикам 1.4 («В тени». Аллегорически «под защитой императора Августа»). Ср. в X буколике Петрарки описание персонажа, которого Г. Мартеллотти (*Petrarca F. Laurea occidens*. P. 76–77) вслед за Бенвенуто идентифицирует с Августом, видимо верно (10.284–291): «Дальше обильный зеленью, с раскидистыми ветвями, высочайший бук распространял желанную тень для стада и для вождей стада, удобнее место для птичьих гнезд, постоянно звучащее и издающее разнообразное пение. И там отдающий множество приказаний, почитаемый на своем высоком троне из кленового дерева и прекрасный гигант управлял всей рощей со светлым челом и всей сельской местностью с пастушеским величием, и, если бы у него хватало досуга, он никому бы не уступил в пении».

³⁹ У Вергилия Титир говорит о том, что божественный юноша позволил ему спокойно пасти быков.

⁴⁰ Это отождествление (которое нынешние комментаторы Вергилия обычно не решаются сделать) как раз, возможно, имеет под собой основание. Вергилий предположительно читал буколики Феокри-

Fol. 2v. <1.14>. «Ореховые кусты». Орех — это дерево, плоды которого снаружи очень твердые, а внутри очень мягкие. Таковы и стихи: когда услышишь, они сначала кажутся твердыми, а потом, когда поймешь их, они оказываются сладчайшими.

Fol. 2v. <1.14>. «Близнецов». Можно прочесть, что Корнифиций написал две книги о римской истории, а потом по указу принцепса оставил их и не стал писать дальше⁴¹.

*Fol. 2v. <1.19>*⁴². Но этот ненавистник Вергилия Евангел восклицает, что вопрос остается без ответа. А Донат возражает на это замечание, и его возражения по сути согласны с настоящим высказыванием Сервия.

та в собрании, составленном в начале I века до н.э. грамматиком Артемидором из Тарса (см.: *Theocritus. A Selection* / ed. by R. Hunter. Cambridge, 1999. P. 27), а это собрание, по-видимому, предварялось эпиграммой самого Артемидора, в которой точно есть образ «корова = буколическое стихотворение» (Палатинская антология 9.205): «Буколические музы некогда были рассеяны, а теперь они все в одном коровнике, все в одном стаде» (ср. об индоевропейских корнях параллели «корова = песня»: *Гринцер Н. П., Гринцер П. А.* Становление литературной теории в Древней Греции и Индии. М., 2000. С. 213, примеч. 77). У Вергилия тоже есть места, где очень похоже, что он идентифицирует песню с коровой, например Буколики 3.84–87. Ср. комментарий к 1.9 в Laurentianus 52.33, *Fol. 35v: Vel per boves buccolicum carmen intelligi potest quia boves sunt quedam pars buccolici carminis* («Или под быками можно понимать буколическую песнь, поскольку быки составляют некоторую часть буколической песни»).

⁴¹ То есть когда у Вергилия Мелибей жалуется, что ему пришлось оставить двух козлят-близнецов (сре- ди ореховых кустов), то аллегорически подразумевается Корнифиций, очевидно, являющийся тем самым поэтом, которому Август запретил писать поэму о римской истории, и уже написавший к тому моменту две книги, которые аллегорически изображены в виде козлят. (Laurentianus 52.33 толкует это место иначе, *fol. 36r: Allegorice per hoc quod dicit capellam accipere conatus eglogiam; per gemellos enixos duos sensus egloge, allegoricum et litteralem*, «Говоря "козочка", он хотел аллегорически сказать "эклога", а под двумя рожденными близнецами он имел в виду два смысла эклоги, аллегорический и буквальный».) Любопытно, что, хотя сюжет о запрете писать про римскую историю, из-за которого Корнифиций обиделся на Вергилия, не излагается в Laurentianus 52.33, там есть аналогичный сюжет в комментарии к третьей буколике, *fol. 44r–v: Allegoria: per Menalcam Cornifitium, per Dametam Virgilium accipe, per pecus buccolicum carmen, per Melibeum Theocritum. Per hoc igitur quod querit Cornifitius a Virgilio cuium sit pecus .i. hoc buccolicum opus ex invidia notat non esse suum nec ex sua inventione habitum sed esse Theocriti qui prius buccolica carmina scripsit. Quod notat dum querit an sit Melibei .i. Theocriti. Per hoc quod Virgilius respondet non esse pecus .i. opus Theocriti sed Egonis notat amare istum Cornifitium carmina cuiusdam poetae qui per Egonem accipitur furto subrecta sibi ascripsisse. Vel per Egonem Exiodum Astreum accipe qui Georgicam scripxit quam Cornifitius imitari volens vitiose scripxit*, «Аллегория: под Меналком понимай Корнифиция, под Даметом — Вергилия, под скотом — буколическую песнь, под Мелибеем — Феокрита. Поэтому тем, что Корнифиций спрашивает у Вергилия, "чейный скот", то есть этот буколический труд, он клеймит Вергилия в том, что это труд не его и не им изобретен, но принадлежит Феокриту, который до того написал буколические песни. В этом он клеймит его, спрашивая, не Мелибея ли скот, то есть не Феокрита ли. Тем же, что Вергилий отвечает, что "скот" этот, то есть труд, не Феокритов, а Эгонов, он клеймит Корнифиция в том, что тот любит приписывать себе тайком украденные стихи некоего поэта, подразумеваемого под Эгоном. Или понимай под Эгоном Гесиода Аскрейского, который написал "Георгики", которым Корнифиций захотел подражать и написал их плохо» (последний эпизод очень похож на эпизод с «римской историей»: там Корнифиций уже начал писать «Энеиду» до Вергилия, но только плохо, а тут то же самое происходит и с «Георгиками»).

⁴² Комментируется фраза Сервия, комментарий к Буколикам 1.19: «Спрашивают, почему это <Титира> спросили о Цезаре, а он описывает Рим. Либо изображается сельская простота, так что повествование

Fol. 1r. <1.30>. Амариллида и Галатея. Про них говорят, что они были подругами пастухов. Либо это верно и имена их применены к подходящей им пастушеской материи, либо нет, и поэт сам придумал их. Ведь Амариллида переводится как «без преград», от *a* в значении «без»⁴³ и *marilloy* (?) (или *-los*, или *-lon*)⁴⁴ в значении «преграда». Под ней мы понимаем Рим, который от места восхода солнца до места заката не встречает никаких преград. Галатея переводится как «белая» или «молочная богиня», от *gala* в значении «молоко»⁴⁵ и *thea* в значении «богиня»⁴⁶. Под ней Вергилий имел в виду Мانتую⁴⁷, либо из-за девственности и божественного пророческого дара основательницы Мантуи Манта (я склоняюсь скорее к этому варианту)⁴⁸, либо он дал ей добавочное имя в честь неповторимой сладости родной земли.

не соблюдает точного порядка, а подводит к тому, о чем было спрошено, через долгие отступления; либо, действительно, потому, что все, что в чем-то содержится, не существует без того, в чем содержится, и никакого человека не бывает без места; поэтому, когда его спросили о Цезаре, он по необходимости должен был описать место, в котором видел того». См. вступление по поводу параллелей к этой записи Петрарки и по поводу ее источников.

⁴³ То есть греческая *α privativum*. О значении этой греческой приставки Петрарка мог знать, например, из Макробия, Сатурналии 1.17.7.

⁴⁴ Что это за слово, непонятно. Ср., однако, запись в словаре Папия (XI в.) (Papias vocabulista. Venetiis, 1496. <Р. 195>): «*Marillis*. Древнее название Рима». Вариант Папия, очевидно, возник из интерпретации того же самого места Вергилия (Амариллида отождествляется с Римом (см. ниже примеч. 47), плюс *a*-убирается как какой-то префикс, только, видимо, не отрицательный); может быть, и в варианте Петрарки значение слова, образованного из имени Амариллиды путем вычитания *α privativum*, было восстановлено из контекста. Ср. ниже примеч. 97. Варианты, указываемые Петраркой, видимо, соответствуют греческим родительному падежу мужского и среднего рода (-ου) и именительному падежу мужского (-ος) и среднего (-ον) рода единственного числа второго склонения.

⁴⁵ Греческое γάλα.

⁴⁶ Греческое θεά. Та же этимология встречается в XIV в. в «Морализованном Овидии» Пьера Берсьюра (<*Berchorius P.*>. *Metamorphosis Ovidiana moraliter a magistro Thoma Walley Anglico de professione praedicatorum sub sanctissimo patre Dominico explanata*. Parisiis, 1509. Fol. liiii v): «Или можно сказать, что «Галатея» можно понимать как «белая богиня»: происходит от *gala*, что значит «молоко», и *theos*, что значит «бог» или «богиня», как будто «молочная богиня», то есть «белая». Берсьюр общался с Петраркой в Провансе и позже в Париже: см.: *Жильсон Э. Философия в средние века* / пер. А. Д. Бакулова. М., 2004. С. 562.

⁴⁷ Отождествление Амариллиды с Римом и Галатеи с Мантуей (поскольку Титир смог отправиться в Рим только после того, как сменил отношения с Галатеей на отношения с Амариллидой) появляется уже у Сервия (к Буколикам 1.29) и является общим местом средневековых комментариев (ср. в том числе Laurentianus 52.33, Fol. 37v: *per Amarillida Romam, per Galatheam Mantuam accipe. Galathea interpretatur alba dea, et est nomen fictitium ut in comedii (more?)* «Под Амариллидой разумею Рим, под Галатеей — Мантую. Галатея переводится как «белая богиня», то есть это вымышленное имя, как принято (?) в комедиях»).

⁴⁸ То есть «молоко» указывает на девственность, а «богиня» — на пророческий дар (*divinatio*, букв. «предсказывание», по-латински одного корня с *divinus*, «божественный»). Ассоциация молока с девственностью, пожалуй, не очень логична, но распространена в Средние века (видимо, потому, что девственница незапятнанна и бела, как молоко): например, в среднеанглийском тексте XIII в. у обезглавленной святой Екатерины из раны вместе с кровью течет молоко, «свидетельствуя о ее девственности» (Мученичество

*Fol. 3r. <1.38–39>*⁴⁹. По учению Сократа⁵⁰, каждое государство делится на три части: на властителей и воинов; на мудрецов и ученых; и на тех, кого называют «желальцами»⁵¹, к которым относятся и торговцы, и земледельцы, и всякие ремесленники, занятые добычей пропитания. И вообще все, кто не вошел в первые два разряда, относятся сюда. Так вот, здесь я под «соснами» понимаю первых, под «источниками» вторых, а под «кустами» — третьих.

*Fol. 3r. <1.43>*⁵². Это одно объяснение. Другие говорят, что Вергилий, словно бы охваченный прорицательским экстазом, надиктовал 12 книг «Энеиды» за 12 дней. Это довольно изящный смысл, если бы только он был верным. Но кто бы мог подтвердить это? Поэтому скажу так: «наши алтари», то есть наши сочинения, в которых мы приносим Цезарю в виде жертвенного подношения наше дарование, «курятся», то есть распространяют свой аромат и славу, «на протяжении 12 дней», то есть на протяжении 12 книг⁵³. Донат под 12 понимает 24 и относит аллегию к возрасту вступления во власть, но мне этот вариант не нравится⁵⁴.

св. Екатерины 128 d'Ardenne–Dobson). С другой стороны, Манто, дочери Тиресия, как прорицательнице положено быть девой (ср., например, Вергилий, Энеида 6.104).

⁴⁹ Комментируется фраза «Тебя, Титир, звали сами сосны, сами источники, сами эти кусты», ср. другие комментарии XIV в. к этой фразе в примеч. 16.

⁵⁰ Имеется в виду теория из платоновского «Государства», известная Петрарке, видимо, из какого-то пересказа; вряд ли используется «Тимей», известный западному Средневековью в латинском переводе Халкидия, потому что там размыта граница между сословиями мудрецов и стражей.

⁵¹ *Cupidinarii*, видимо, в смысле «те, кто стремится за выгодой, заработком», то есть перевод платоновского обозначения третьего класса как φιλοκερδής (Государство 581c4).

⁵² Комментируется фраза из схолий так называемого Филаргирия о Буколиках 1.42–43 («юноша... для которого наши алтари каждый год курятся по 12 дней»): «То есть по первым числам каждого месяца».

⁵³ Энеиды.

⁵⁴ Этот комментарий и сам по себе странный (каким образом в «Буколиках» могла идти речь об «Энеиде», если из всей биографической традиции Вергилия недвусмысленно следует, что она написана позже?), и особенно нелепое утверждение приписывается в нем «Донату» (тем более что Август «вступил во власть» никак не в 24 года). Указание на вероятное объяснение странностей дает Ф. Сток (*Stok F. Prolegomeni a una nuova edizione della Vita Vergilii di Svetonio–Donato*. P. 208–209): похоже, происхождение этой фразы связано со следующим местом из вергилиевского жизнеописания «расширенного Доната», XV в. (35): «Другие считают, что у него был замысел написать 24 книги и дойти до времени Августа, и про все остальное написать вкратце, а вот про деяния Августа написать очень тщательно». Здесь также с Донатом связывается число 24 (нелогичное в тексте Петрарки, но логичное здесь, поскольку соответствует числу книг «Илиады» и «Одиссеи»), и оно относится к числу книг «Энеиды», которое Петрарка как раз связывает с числом дней курения алтарей (правда, приписывая эту идею себе, но на самом деле эта связь вполне могла быть уже в его источнике). Кроме того, само выражение «относит аллегию к возрасту вступления во власть» (*ad tempus suscepti imperii refert allegoriam*, по отдельности фраза *ad tempus suscepti imperii* могла бы значить и «до времени вступления во власть») похоже на результат какого-то неверного понимания или искажения выражения «расширенного Доната» «до времени Августа» (*usque Augusti tempora*). Сток объясняет эти параллели тем, что компилятор жизнеописания «расширенного Доната» пользовался чем-то похожим на использованный Петраркой «комментарий Доната». Однако, как кажется, можно уменьшить количество задействованных Донатов, если предположить, что прообраз жизнеописания «расширенного Доната», тоже

Франческо Петрарка

РАЗНЫЕ ПИСЬМА 49 = ПИСЬМА ВНЕ КОРПУСА 7

Франческо Петрарка желает Барбато да Сульмона⁵⁵ изобильного здоровья.

За вот этого столь дорогого и близкого мне Лелия, которого на народном языке называют Лелло ди Пьетро деи Стефанески⁵⁶, мужа из не старинного, но благородного римского рода, одаренного как древние и как настоящие римляне, я изливаю перед тобою, брат мой, свои мольбы; и я молю тебя именем дружеской верности, чтобы ты в том, что расскажет тебе владыка архиепископ Трани о его делах, вел себя так, как будто печешься о моем благополучии и успехе. А то, что я тебе пишу, пусть в итоге дойдет до нашего благосклонного Юпитера⁵⁷: замолви перед ним слово за его верного Меркурия, во всем подчиняющегося его отеческому и владычному управлению. Будь здоров, брат мой.

Но тут Лелий побудил меня, как я ни отнекивался из-за порожденной докучливостью куриальных дел лени и тяжелой ноши забот, чтобы я из «Песни буколической», недавно пришедшей мне в голову в уединении Воклюза, хотя бы один маленький кусочек, посвященный вечной памяти священнейшего господина нашего, короля⁵⁸, написал и без того утомленными пальцами. Он хотел, если воспользоваться его словами, эту вещицу, хоть и малой ценно-

уже связываемый с именем Доната, существовал в XIV в. и использовался источником Петрарки. Тогда текст комментария к буколикам — источника Петрарки, который должен был быть промежуточным искажающим звеном, можно будет реконструировать примерно так: «12 дней — это 12 книг “Энеиды”, которые собирался написать Вергилий. Хотя Донат говорит, что Вергилий собирался написать 24 книги, до времени принятия власти Августом (*ad tempus suscepti imperii*)». Привлечение версии Доната в связи с тем, сколько книг Вергилий *собирался* сделать в «Энеиде», объяснит и то, почему вообще в комментарии к «Буколикам» зашла речь о числе книг написанной позже «Энеиды» (это логично, если в исходной версии этого комментария говорилось о планах Вергилия). Если высказанная нами здесь гипотеза верна и Петрарка использовал не какого-то Псевдо-Доната, а искаженные ссылки на Доната, то можно допустить, что в конечном счете какая-то их часть даже все-таки восходит к настоящему Элию Донату (например, если какие-то части «расширенного Доната» восходят к более полной версии настоящего жизнеописания Элия Доната, чем дошедшая до нас).

⁵⁵ Барбато да Сульмона (ок. 1300–1363) — неаполитанский нотариус, состоявший в дружбе и переписке с Петраркой и Боккаччо и активно занимавшийся собиранием и распространением писем Петрарки в Неаполе.

⁵⁶ «Лелий» вращался при дворе кардинала Джованни Колонны в Авиньоне; впоследствии он оказался на стороне папы в интригах против Кола ди Риенцо и очернял ди Риенцо в письмах к Петрарке (см.: *Musto R. G. Apocalypse in Rome: Cola di Rienzo and the Politics of the New Age*. Berkeley; Los Angeles, 2003. P. 234).

⁵⁷ Имеется в виду явно Джованни Барриле (или Баррили), неаполитанский придворный (см.: *Wilkins E. H. Studies in the Life and Works of Petrarch*. Cambridge (Massachusetts), 1955. P. 224).

⁵⁸ Роберта Неаполитанского, умершего в 1343 г.: см.: *Patterson A. Pastoral and Ideology: Virgil to Valéry*. Berkeley; Los Angeles, 1987. P. 50–52.

сти, однако (как он полагает) приятную для ваших душ, переслать вам двоим, а также учителю Никколо д'Алифе⁵⁹. Он надеется, что вашими советами и благоволением дела его придут к желанному завершению. Я же со своей стороны вновь и вновь прошу, чтобы в этом отношении надежды его, если только это возможно, никоим образом не оказались напрасными.

А кроме того, чтобы проще было понять эту эклогу⁶⁰, знай, что, в соответствии с упоминавшимся сюжетом, под многоглазым пастухом⁶¹ подразумевается осматрительнейший владыка король, который и сам был пастырем своих народов, весь став глазами; под Идеем наш Юпитер, который был вскормлен на критской Иде⁶²; под Фитием мой Барбатто, за редкостную славу его дружбы⁶³. Поскольку сам я на такую славу не претендую, я решил быть не Дамоном⁶⁴, а Сильвием, и из-за свойственной мне любви к сельской местности (*silve*), и потому, что желание писать в этом жанре пришло ко мне, как я сказал, в уединении и в сельской местности. Прочее понятно. Будь здоров еще раз.

Писано в Преисподней на земле⁶⁵, 18 января <1347 г.>.

Франческо Петрарка

РАЗНЫЕ ПИСЬМА 42 = ПИСЬМА ВНЕ КОРПУСА 11

Франческо Петрарка желает Кола ди Риенцо⁶⁶, трибуну римского народа, изобильного здоровья.

Недавно я бегством спасся от бурь той курии, которая называется римской: хоть я и бывалый моряк, я с трудом их выдерживаю, словно новичок и человек непривычный. И бежал я в гавань привычного уединения, отправившись в Воклюз, по праву получивший название «Закрытой долины»⁶⁷. Место это находится в 15 милях от того беспокойнейшего города и от левого берега Роны, но это столь небольшое расстояние создает такое существенное различие, что

⁵⁹ Никколо д'Алифе (ум. в 1367 г.) — еще один неаполитанский придворный, а также юрист, в 1340-е гг. королевский секретарь.

⁶⁰ Вторую эклогу Петрарки.

⁶¹ То есть Аргусом; сама эклога называется «Аргус».

⁶² Вскормлен на Иде был, конечно, Юпитер, а не Джованни Барриле; объясняется происхождение шифрованного имени. Для обозначения Барриле именем Юпитера, кроме его влиятельного положения, поводом могло еще быть созвучие имени *Giovanni* с итальянским обозначением Юпитера — *Giove*.

⁶³ См. объяснение ниже в письме Боккаччо (в толковании IV эклоги).

⁶⁴ См. там же (а также в толковании VIII эклоги Боккаччо).

⁶⁵ То есть в Авиньоне.

⁶⁶ Кола ди Риенцо (ок. 1313–1354) — один из самых ярких политических деятелей Италии XIV в., в 1347 г. возглавивший переворот в Риме и на недолгое время ставший «трибуном римского народа».

⁶⁷ Буквальное значение названия Воклюза (и в латыни, и в итальянском, и во французском).

каждый раз, когда я покидаю одно из этих мест и перемещаюсь в другое, мне кажется, будто я с крайнего запада переместился в самые удаленные восточные земли. Ничего нет между ними общего, кроме небосклона: по-другому ведут себя люди, по-другому течет вода, земля другая. Отсюда проистекает Сорга⁶⁸, которая достойна числиться среди самых чистых и особенно холодных рек, прекрасная своими хрустальными водами и изумрудным блеском устья и беспримерно выделяющаяся легкостью перехода источника от изобильного проистечения к успокоению и обратно. Странно, что Плиний Секунд поместил ее среди достопримечательностей Нарбонской провинции⁶⁹: это ведь в окрестностях Арля меня удерживают «путы стальной неизбежности»⁷⁰, и они идеально подходят для моих занятий благодаря утренним и вечерним теням от холмов, солнечному уединению долин и спокойным пустынным местностям на огромных территориях, где звериных следов найдешь больше, чем человеческих, а также глубокой и непрерывной тишине: разве что журчание протекающей воды слышится или мычание коров, пасущихся по берегам, да еще птичьи крики. Я бы сказал об этом месте и больше, но только оно и помимо славы редкостных даров своей природы уже давно повсюду прославлено благодаря моим стихам.

Вот туда-то я и бежал с жадностью, с одной стороны, чтобы отдохнули некоторое время мои душа и уши, утомленные городской суматохой, с другой стороны, чтобы внести завершающие штрихи в некоторые мои сочинения, которые мне не дают успокоиться и держат меня в тревоге. И тогда само созерцание сельской местности стало побуждать меня сочинять стихи деревенские и невозделанные⁷¹. И вот я дописал к «Песни буколической», которую я сочинил прошлым летом в той же самой долине, еще одну главу⁷², или, чтобы, го-

⁶⁸ *Surgit hinc Sorgia*, этимологическая игра слов.

⁶⁹ Имеется в виду Плиний, Естественная история 18.190: «Есть в Нарбонской провинции знаменитый источник под названием Орга» (*fons Orgae nomine*, Петрарка, видимо, видел вариант текста *fons Sorgae nomine*; некоторые издатели так и исправляют текст или предлагают считать, что Орга — древнее название Сорги, вообще идентификация подразумеваемой Плинием реки проблематична).

⁷⁰ *Adamantine necessitatis laquei*, вариация на тему текста Горация, Ода 3.24.4–8 *si figit adamantinos/summum verticibus dira Necessitas/clavos, non animum metu,/non mortis laqueis expedit caput* («Ежели вбила в самую крышу злая Неизбежность стальные гвозди, то не выпутаешь душу из страха, а шею из пут смерти»).

⁷¹ Репутация, закрепившаяся за буколикой уже в античности (ср., напр., Вергилий, Буколики 6.1–9).

⁷² Глава (*capitulum*) используется как основная единица *divisio* (разделения текста на части) в комментарии Бенвенуто да Имолы к Лукану: «Вся книга (*liber*) делится на десять книг (*libri*), а книги на главы (*capitula*), а главы на части (*partes*)» (*Rossi L. C. Op. cit. P. 202*). Поскольку книга буколик Вергилия мыслится в грамматической традиции как одна книга, наравне с отдельными книгами «Георгик» и «Энеиды» (например, позднеантичные «Четверостишия на каждую из книг Вергилия» выделяют на буколики и на каждую из книг остальных двух поэм по четыре строки), Петрарка мог представлять себе отдельные эклоги как ее «главы», как будто в сумме образуется единая поэма. Может быть, поэтому он и дает сборнику название в единственном числе (*Carmen bucolicum*, «Песнь буколическая»). В античной терминологии буколик Вергилия — это одна «книга» (*liber*), но много «песен» (*carmina*).

воря о поэзии, пользоваться только поэтическим языком, еще одну эклогу⁷³; а поскольку закон этого жанра запрещает мне покидать сельскую местность, я изобразил разговор двух пастухов, которые также родные братья. Тебе же, о трудолюбивейший муж, я переслал этот текст, чтобы он был тебе утешением в твоих многочисленных заботах. Но, поскольку природа этого рода писаний такова, что без разъяснений самого автора о смысле их догадаться, может быть, и можно, но до конца его понять нельзя, — то, чтобы не заставлять тебя, занятого серьезными государственными делами, заниматься словами какого-то одного пастуха, и чтобы сей божественный разум не отвлекался ни на мгновение от дела моими глупостями, я вкратце открою тебе суть моего замысла.

Два пастуха — это два рода граждан, обитающих в одном и том же городе, но сильно расходящихся во взглядах на государство. Один из них Марций, то есть воинственный и не терпящий покоя, названный так, конечно, по имени Марса, про которого древность придумала, что он был отцом нашего основателя⁷⁴; в отношении Родительницы он благочестив и относится к ней с сочувствием. А Родительница — это Рим. А брат его — Апиций (мы знаем про него, что он был учителем кулинарии)⁷⁵, под которым подразумеваются предающиеся наслаждениям и безделью. И вот между ними там возникает большой спор о благочестии, которое должно проявлять по отношению к старой матери, особенно о «восстановлении» ее старинного «дома» <Петрарка, Буколическая песнь 5.44> (этот дом — это Капитолий) и о «мосте» <5.93>, по которому она имела обыкновение ходить в «свои сельские владения» <5.91> (это Мульвиев мост), мосте через «ручей» <5.91>, то есть Тибр, проистекающий «с высот» <5.90> хребта Апеннинских гор. Дорога эта ведет к «старым садам» <5.88> и к «жилищу Сатурна» <5.89>, то есть к древнему городу Ортоне⁷⁶ и к Сутри⁷⁷, и к «тенистой Темпе» <5.88>, то есть к Умбрии⁷⁸, в которой расположены

⁷³ Имеется в виду пятая эклога Петрарки («Пастушеское благочестие»).

⁷⁴ Ромула-Квирина, основателя Рима (Кола и сам римлянин, и пытался своим переворотом восстановить древний Рим с политической точки зрения, а Петрарка, скорее всего, просто считает себя наследником Рима в культурном смысле, хотя в принципе он может иметь в виду, что при увенчании лавром на Капитолии в 1341 г. он также получил римское гражданство).

⁷⁵ Имеется в виду Апиций, знаменитый римский гурман (например, Плиний, Естественная история 19.137), которому приписывалось авторство позднеантичной поваренной книги.

⁷⁶ *Hortana*, по созвучию с *horti* «сады»; Ортона находится в Абрuzzо.

⁷⁷ Сатурн (может быть, по созвучию *Sutrium*–*Saturnus*) считался основателем Сутри (по крайней мере уже в XI–XII вв.: см.: *Schiebe M. W. Vergil und die Tradition von den römischen Urkönigen*. Stuttgart, 1997. S. 70, Anm. 108). Сутри (античный Сутрий) — древний этрусский город вблизи Витербо.

⁷⁸ По созвучию названия *Umbria* со словом *umbrosa* («тенистая»). Темпе — долина в Фессалии, иногда в поэзии ее название используется просто в значении «долина»; с эпитетом *umbrosa* ее название встречается у Стация (Фиваида 6.88).

Нарни, Тоди⁷⁹ и многие другие города, и далее в Тоскану, народ которой, как ты знаешь, происходит от лидийцев⁸⁰. А «пастырь», который в этом месте упоминается, который «уличил воров на мосту» <5.94–96> и убил, — это Марк Туллий Цицерон, который, как ты знаешь, на Мульвиевом мосту раскрыл заговор Катилины⁸¹. Удачно сказано⁸² «пастырь», потому что он был консулом; удачно сказано «голосистый» <5.96>, потому что он был первым среди ораторов. А «лес», которому повредило обрушение моста, и «стадо» <5.100> — это отечество и римский народ. «Супруги» <5.20, 68> и «дети» <5.21>, о которых заботится Апиций, пренебрегая матерью, — это земли и их вассалы⁸³. А те «пещеры» <5.64>, которые упоминаются, — это крепости властителей, полагаясь на надежность которых те насмеются над общественными бедствиями. А хочет Апиций не того, чтобы Капитолий отстроился, а чтобы Рим был растерзан и разделен на две части, чтобы у власти поочередно оказывались то те, то эти. А второй стремится к единству; а когда он упоминает в связи с восстановлением Капитолия еще и материнские «богатства» <5.83>, то он имеет в виду, что Рим все еще силен, если сыновья его будут едины: вот она <Родительница> и «пасет овец и бычков» <5.82>, то есть простой люд и народ власть имущий. А среди прочих остатков от прежних богатств он упоминает и о спрятанной «соли» <5.85>, под которой можно просто понимать⁸⁴ общественный доход от добычи соли, который, как говорят, велик, но лучше понимай под солью римскую мудрость, которая долго была спрятана из страха перед тиранией. И когда они вот так спорят по этому поводу, прилетает птица, то есть «Молва, бедствие, быстрее которого нет», как говорит Марон <Энеида 4.174>. Эта птица говорит им, что заботы их пусты и спор бессмысленный: она сообщает им, что мать отреклась от них, а их младший брат с согласия матери устраивает дом, управляет «лесом» <Петрарка, Буколическая песнь 5.117> и устраивает

⁷⁹ Петрарка выбирает эти города, видимо, из-за их древности.

⁸⁰ Объясняются строки 5.89–90 «И дальше то, чем мы владели и чем теперь обладает пришлый лидиец». Тоскана — это древняя Этрурия, а этрусков иногда называли лидийцами по происхождению.

⁸¹ На Мульвиевом мосту были перехвачены послы аллоброгов с письмами заговорщиков: см.: Саллюстий, Заговор Катилины 45.1.

⁸² *Bene*, частая формулировка в схолиастической традиции (например, у Сервия), несколько комично выглядящая при комментировании собственного текста. Фактически у Петрарки этот оборот, видимо, значит что-то вроде «не просто так сказано».

⁸³ То есть, видимо, вассалы сыновей Родительницы (в тексте буколки Апиций говорит, 5.19–21: «Помолодеть наша мать уже не сможет; благочестие — это другое: пусть каждый думает о супруге и старается подсобить своим малым детям»).

⁸⁴ *Simpliciter accipere*, частая формулировка у Сервия и в зависимых от него комментаторских традициях, подразумевающая противопоставление более прямолинейной интерпретации текста какому-нибудь более изощренному фигуральному варианту (ср. во вступлении слова Сервия о Феокрите: Феокрит всегда выражается *simpliciter*).

ет в нем «тишину» <5.129>, что он «сладостно поет» <5.128> стадам животных, то есть вносит весьма справедливые законы и изгоняет пагубу. В этом месте под названием зверей я скрыл имена или свойства или военные знамена некоторых из тиранов⁸⁵. Ну и этот младший брат — это нынче ты. Остальное понятно. Так будь же здоров и не забывай обо мне, о сиятельный муж!

<Воклюз, конец лета 1347 г.>

Франческо Петрарка

ВСТУПЛЕНИЕ К КНИГЕ ПИСЕМ «БЕЗ ИМЕНИ»

Никогда истину не любили; теперь же она стала преступлением, за которое можно поплатиться жизнью. Ведь по мере роста человеческих гнусностей ненависть к истине возросла, и царствовать стали лесть и ложь. Я не забыл, что не раз уже говорил об этом, а порой и писал; но об этом следует говорить и писать как можно чаще. Плач по этому поводу утихнет не раньше, чем боль. Ранее эти размышления заставили меня написать «Буколическую песнь»,

⁸⁵ Имеются в виду строки 5.123–127: «Иссыхающим от голода волкам не дают подойти к жирным и нежным овечьим стадам крепкие ограждения; не рычит суровый медведь; не буйствует кровавый вепрь; не шипит змея; не уведат по своему обыкновению добычу хищные львы; орлы не хватают искривленными когтями агнцев». Речь о римских знатных родах; большинство из этих шифров, видимо, должно разгадываться через геральдику: волк был геральдическим символом одной из ветвей графов Тускулумских, медведь (*orso*) ассоциировался с Орсини, змеи или что-то похожее на них изображались на гербах Орсини, Казтани и Ангвиллара, львы — на гербах Савелли и Аннибальди, орел был геральдическим знаком другой ветви графов Тускулумских (иногда пытаются установить однозначные соответствия: см., напр.: *Petrarca F. The Canzoniere (Rerum vulgarium fragmenta)/tr. and intr. by F.J. Jones. Vol. I. Market Harborough, 2000. P. 231*). Ср. также в канцоне «Благородный дух...» (*Spirito gentil...*), посвященной Кола ди Риенцо (Книга песен 53.71–73): «Медведи, волки, львы, орлы и змеи часто причиняют большой мраморной колонне беспокоейство, а себе самим вред»: колонна — это род Колонна, к которому Петрарка относился хорошо (эта канцона вообще интересна тем, что туда проникают аллегории пятой буколики, — ср. также 53.80–81: «Увы, новое поколение, без меры надменное, которое не уважает столь великую и такую прекрасную мать!» — но показательным образом в ней, в отличие от буколики, у читателя не возникает никаких сомнений насчет того, о чем идет речь). Любопытно, что сам Кола очень похожим образом использовал в своей пропаганде язык аллегории: в его жизнеописании рассказывается, что он выставил на Капитолии напоказ сложное аллегорическое изображение с пояснениями, содержащими, среди прочего, такие детали (выше в этом тексте объяснялось, что женщина на терзаемом бурей корабле — это Рим): «В верхней правой части располагались четыре ряда разных животных со своими крыльями (?), и из пасти у них торчали рога (?), и они дули наподобие ветров, устроивших на море бурю, и наносили вред кораблю, оказывавшемуся в опасности. В первом ряду были львы, волки и медведи; и пояснение гласило: «Это могущественные бароны и преступные властители». Во втором ряду были собаки, свиньи и козлы; и пояснение гласило: «Это дурные советники — приспешники знати». В третьем ряду стояли бараны, змеи и лисы; и пояснение гласило: «Это лживые чиновники, судьи и нотариусы». В четвертом ряду стояли зайцы, кошки, козы и обезьяны; и пояснение гласило: «Это разбойники, убийцы, развратники и грабители из народа»» (*La Vita di Cola di Rienzo, tribuno del popolo romano.../ridotta a migliore lezione ed illustrata con note... da Z. Re... Forlì, 1828. P. 26–28*). Этот рассказ относится к событиям, предшествовавшим написанию письма Петрарки; может быть, до Петрарки дошли сведения об этом факте.

двусмысленный род поэмы, так чтобы поняли его немногие, но удовольствие получило, быть может, и немалое число людей. Ведь у некоторых умов вкус до того извращен, что знакомый привкус претит им, даже если он небывало сладок, а все незнакомое, пусть даже ужасно неприятное, им в удовольствие. Вот так, удивительным образом, сложность дела часто оказывается приятной даже для хилых плеч.

Те же самые мысли заставляют меня сегодня составить это сочинение из вещей немногочисленных, но тем более ненавистных для дурных людей, чем эти вещи более истинны; добрым же людям, если я не заблуждаюсь, они будут приятны. Я имею в виду несколько писем, написанных мною друзьям при разных обстоятельствах и в разное время. Я собрал их вместе для того, чтобы, находясь порознь, они не оказались разбросанными по всему корпусу писем и не сделали его ненавистным для врагов истины, а также для того, чтобы желающие прочесть их знали, где их искать; не желающие — понимали, что они отбрасывают; а если кто сочтет, что эти письма следует уничтожить и искоренить, то чтобы такие люди могли с легкостью извлечь часть, не уродуя труда в целом.

И в деле этом я решил еще таким образом позаботиться о читателе и о себе, чтобы обеспечить себе (и не только себе, но еще и адресатам) безопасность наподобие того, как я это сделал в том скромном произведении пастушеского жанра, о котором я говорил: там я оборонялся некоей двусмысленностью, здесь — укрытиями и умалчиваниями писаний. Имена адресатов я не стал называть сознательно и не случайно, чтобы, если эти письма вдруг будут опубликованы при жизни адресатов, то не принесли оным вреда, если же после смерти таковых, то чтобы эти письма не стали причиной ненависти к адресатам, что, мол, я адресовал эти тексты в первую очередь тем, о ком знал, что им такое услышать будет приятнее. Да и та книга⁸⁶ в моем присутствии побывала в руках некоторых высокопоставленных людей. И, когда они читали ту часть, которая в наибольшей степени затрагивала их самих, они, я помню, начинали расспрашивать меня, что я имел в виду в этом месте, я же изо всех сил старался перевести разговор на другие темы. В этих же письмах никакой подобной укрывающей пелены (*velum*) не было, а потому я, если это будет в моей власти, буду стараться, чтобы при моей жизни в руки кого-либо из таких людей настоящее сочинение не попало. Но если не получится, то я все же не буду страшиться ненависти, заработанной ревностным стремлением к истине, и буду считать дурное отношение ко мне почестью, если оно вызвано благими делами.

Если же до кончины моей эти письма останутся надежно спрятанными, то потом пусть сколько угодно ярятся, бушуют, гремят громами и разят мол-

⁸⁶ То есть «Буколическая песнь».

ниями. Мне-то что? Если, как полагал Сатирик⁸⁷, живому безопасно говорить о мертвых, то уж мертвому-то точно о живых говорить еще намного безопасней. Ведь в том случае может все-таки оказаться в живых кто-нибудь, кто отомстит за мертвых, а тут уже вообще квитаться будет не с кем. Пусть истину ненавидят, боятся ее, как чумы, пусть она приносит гибель: сам ее произнесший уже «в домике»⁸⁸, как выражается Комик, и в безопасности; все, что могло вызывать страх, для него уже осталось позади, на все угрозы смертных он смотрит с презрением. Так что, если они тогда что-то замыслили против меня, то пусть уже сейчас ответом им будут изысканные слова оратора Планка против Азиния Поллиона: «С мертвыми только злые духи воюют»⁸⁹. Если же они пойдут войной на эту или на другие мои книжицы, в которых их вооружило против моего пера мое негодование или их нечестие, то пусть знают, что тяжба у них будет не со мной, а с Истиной, и судьей им будет Бог, а свидетелем — мир.

<ок. 1353–1359>

Джованни Боккаччо

Письмо 23

К преподобному во Христе отцу фра Мартино да Синья из ордена братьев-отшельников св. Августина, профессору теологии⁹⁰.

Сиракузский поэт Феокрит, как мы узнали у древних, был первым, кто избрал буколический стиль (*stilum*) в греческой поэзии. Однако он не имел в виду ничего другого, кроме того, что показывает сама кора (*cortex*) слов. После него по-латински писал Вергилий, но под корою он скрыл некие смыслы⁹¹, пусть он и не всегда хотел, чтобы в именах собеседников мы находили какое-то значение. А после него писали и другие, но неизвестные, на которых не стоит обращать внимания, кроме моего учителя Франческо Петрарки, который, вопреки обыкновению⁹², сделал стиль чуть-чуть более высоким и повсюду

⁸⁷ Подразумевается Ювенал, Сатира 1.170–171.

⁸⁸ *In portu navigo*, поговорка из Теренция (Девушка с Андроса 480), буквально значащая «я в гавани».

⁸⁹ Имеется в виду пассаж из вступления Плиния к «Естественной истории» (31): «И Планк очень удачно сказал по поводу слухов о том, что Азиний Поллион готовит против него речи, которые должны быть изданы самим Поллионом или его детьми после смерти Планка, чтобы тот не смог ответить: “С мертвыми только злые духи воюют”».

⁹⁰ Мартино да Синья был монахом-августинцем из монастыря Санто-Спирито во Флоренции, исповедником Боккаччо. Ему Боккаччо завещал свою библиотеку.

⁹¹ Об этом мифе о развитии буколики, восходящем к Сервию, см. вступление.

⁹² Видимо, в смысле «вопреки традиции»: эклоги традиционно мыслились как низкий жанр (ср. у Сервия во вступлении к буколикам: «Персонажи, как я сказал, — люди сельские и наделенные простотой; по-

давал собеседникам значимые имена в соответствии с предметом своих эклог. Из них я следовал за Вергилием, и потому я не стремился скрыть какой-то смысл в каждом имени персонажа. А потому, раз уж ты хочешь узнать значение не только названий моих эклог, но и имен собеседников, то не удивляйся, о замечательный учитель, если некоторые имена персонажей окажутся лишними значения. С названиями же дело обстоит иначе: их я все подбирал с тщанием. Теперь же перейду к выполнению твоего желания.

На первые две эклоги, их названия и собеседников не обращай внимания: они совершенно не важны, и практически в самой коре излагают мои юношеские похождения⁹³.

Третья же эклога называется «Фавн». Ведь написана она была в честь Франческо Орделаффи, некогда капитана Форли⁹⁴, которого я имел обыкновение частенько называть Фавном, потому что он очень любил леса и рощи из-за присущей ему страсти к охоте, а лесных богов поэты называют фавнами. Вот я и эклогу назвал «Фавн». А в имена собеседников я не стал вкладывать никакого значения, потому что это показалось мне совершенно неуместным⁹⁵.

Четвертая эклога называется «Дорус» по следующей причине. Речь в ней идет о бегстве Людовика, короля Сицилии⁹⁶; а поскольку надо думать, что

этому у них не найдешь ничего утонченного, ничего декламаторского»), и средневековые поэтики вообще мыслят стилистические уровни через «колесо Вергилия», называемое так из-за графических схем (согласно предположению М. Г. Байони, *Bajoni M. G. Da Ausonio a Giovanni di Garlandia: Un possibile percorso della rota Vergilii* // *Emerita*. Т. LXV. 1997. Р. 281–285, известных уже позднеантичным Авсонию и Сидонию Аполлинарию), а вообще подразумевающее простую идею: высокий стиль — это все как в «Энеиде», средний стиль — это все как в «Георгиках», а низкий стиль — это все как в буколиках Вергилия (см.: *Гаспаров М. Л.* Средневековые латинские поэтики в системе средневековой грамматики и риторики // *Гаспаров М. Л.* Избранные труды. Т. 1. М., 1997. С. 638–639; в конечном счете эта модель тоже восходит к сервиевскому вступлению к Буколикам, а также к античным жизнеописаниям Вергилия: см. Донатовское жизнеописание 58–59). Петрарка же, скорее, и просторечия, иногда допускаемого Вергилием (вроде *cuium* («чейный») в Буколиках 3.1), избегает, и вообще Боккаччо, видимо, считает, что «утонченное» и «высокое» в буколиках Петрарки вполне присутствует. Почему Петрарке и Боккаччо нужно было отступать в этом пункте от строгой жанровой схемы, к которой они вообще скорее чувствительны (ср. ниже примеч. 118)? Наверное, потому, что, хоть буколика и низкий жанр, это все-таки низкий жанр среди вергилиевских жанров, и благодаря этому он все же на порядок выше, чем, скажем, поэзия на народном языке.

⁹³ Первые две буколики Боккаччо называются «Галла» и «Пампиния» и повествуют о несчастной любви.

⁹⁴ Франческо II Орделаффи (ок. 1300–1374) правил в Форли в 1333–1359 гг.; Боккаччо некоторое время жил при его дворе в 1347–1348 гг.

⁹⁵ Персонажей эклоги зовут Палемон, Памфил и Мерис. Первое и последнее имя из Вергилия; «Памфил», видимо, из Петрарки.

⁹⁶ То есть Людовика Анжуйского (1320–1362), князя Таранто, вынужденного бежать из Неаполя, когда туда вторгся в 1347 г. венгерский король Людовик. В эклоге легко прочитывается, каким историческим личностям кто из персонажей соответствует, и те же имена повторяются с теми же значениями в других эклогах: сначала (подразумевается, в Неаполе) правил Аргус (то есть Роберт Мудрый, 1277–1343: Буколики 3.70–81, 4.43–53, 6.8, 8.43); после своей смерти он передал власть Алексису, вскоре погибшему (то есть Андрею Венгерскому, 1327–1345, герцогу Калабрийскому: 3.82–88, 4.53–55, 8.44). За смерть Алексиса в третьей

оставить собственное королевство для этого короля было большим горем, что вполне видно при чтении самой эклоги, я произвел его имя от «горечи», ведь греческое *doris* по-латински «горечь»⁹⁷. А беседуют сам Дорус, то есть горящий король, и Монтан, под которым можно понимать любого вольтерранца, потому что Вольтерра находится в горах (*in monte*), и король приехал туда, и его приняли эти самые вольтерранцы; а третий — Фитий, под ним я разумею великого сенешаля⁹⁸, который никогда не покидает короля, а Фитием я его называю за его крепкую дружбу с тем же самым королем. Значение же этого имени я беру от Фития⁹⁹, друга Дамона, о котором Валерий пишет в разделе о дружбе <Валерий Максим 4.7 (внешн.).1>.

Пятая эклога называется «Гибель леса», потому что речь в ней идет о бедах и в некотором смысле разрушении неаполитанского государства после бегства упомянутого короля Людовика. Государство это я, выражаясь на пасторальный лад, называю «лесом», ведь, как в лесах обитают грубые животные, так в государствах люди, которых я, по названному выше обычаю¹⁰⁰, иногда называю

буколике приходит мстить с берегов Истра его брат Титир (то есть Людовик Венгерский, 1326–1383: 3.95–103), и Фавн (то есть Франческо Орделафи, см. выше) присоединяется к Титиру в охоте на волка, убившего Алексиса (Людовик хотел отомстить организаторам убийства). В четвертой буколике (и дальнейших тоже) Боккаччо выступает уже не на стороне Орделафи и, таким образом, Людовика Венгерского, а на стороне изгнанного Людовиком Венгерским из Неаполя Людовика, князя Таранто («Доруса» настоящей буколики, который потом, после возвращения неаполитанского престола, станет «Альцестом»), получившего престол в результате брака с Ликоридой — Джованной Неаполитанской (1328–1382: 4.56, 5.113). Людовик Венгерский, соответственно, становится в четвертой буколике и далее «Полифемом, некогда порожденным на наших полях и от нашей крови и вскормленным на дальних берегах Истра, наверное, звериным молоком» (4.62–64, ср. 5.56, 5.126, 6.12). См.: Smarr J. L. Op. cit. P. i–lxxvi. (Пояснять, однако, Боккаччо считает нужным только имена «собеседников», *collocutores* или *colloquentes*). Таким образом, разными именами Боккаччо обозначает одного и того же человека, только когда его отношение к этому человеку меняется, а вообще у него есть постоянный «словарь» шифрованных имен, к тому же пересекающийся с аналогичным «словарем» Петрарки: см. вступление.

⁹⁷ Эту этимологию (в настоящем греческом ничему не соответствующую) мы также находим в «Комментарии к первым шести книгам Энеиды», приписываемом знаменитому философу XII в. Бернарду Сильвестру, 3.49–57: поясняя фразу Вергилия из Буколик 10.5 *Doris amara* («горькая Дорида»), комментатор пишет: «Ведь греческое *doris* по-латински «горечь» (Ziolkowski J. M. *Amaritudo Mentis: The Archpoet's Interiorization and Exteriorization of Bitterness in Its Twelfth-Century Contexts* // *Codierungen von Emotionen im Mittelalter* / hgb. von C. S. Jaeger und I. Kasten. Berlin, 2003. P. 106, n. 26). См. вообще о греческообразных именах у Боккаччо Auzzas G. *Appunti sull'onomastica «greca» del Boccaccio* // *Quaderni petrarcheschi*. Vol. 12. 2002. P. 241–256. Боккаччо, похоже, считал — is стандартной греческой флексией для имен женского рода: см. ниже примеч. 112.

⁹⁸ Никколо Аччайуоли: см.: Auzzas G. *Quid amicitia dulcius?* // *Miscellanea di studi in onore di Vittore Branca* / a cura di A. Balduino. Vol. II: Boccaccio e dintorni. Firenze, 1983. P. 203. В восьмой эклоге, возможно, он же предстает как «Мидас», уже в негативном свете: Sasso L. L' «interpretatio nominis» in Boccaccio // *Studi sul Boccaccio*. Vol. 12. 1980. P. 149.

⁹⁹ Сейчас его имя обычно восстанавливается как «Финтий». Ср. первое из переведенных выше писем Петрарки.

¹⁰⁰ То есть по обычаю под масками пасторальной реальности скрывать аллегории. Ср. второе из переведенных выше писем Петрарки, где «лес» расшифровывается как «отечество».

«овцами», «козлами» и «быками»¹⁰¹. Собеседников два, Калиоп и Памфил. Под Калиопом я имею в виду некоего человека, прекрасно излагающего беды опустошенного государства, ведь греческое *caliopes* по-латински «добрая звучность»¹⁰², а этой «доброй звучности» не добиться, если не говорить все, что нужно сказать, в нужном порядке. А под Памфилом можно понимать кого захотим из неаполитанцев, сильно любящего свое государство, ведь греческое *patrphylus* по-латински «вся любовь»¹⁰³.

Шестая эклога называется «Альцест», потому что речь там идет о возвращении названного короля на свой престол. Тут я этого короля называю Альцестом, чтобы по этому имени можно было понять, что в конце своей жизни он стал хорошим и добродетельным королем: а Альцестом он назван от слов *alce*, то есть «добродетель»¹⁰⁴, и *estus*, то есть «пыл»¹⁰⁵. Собеседников два, Аминта и Мелибей, под которыми я совершенно ничего не подразумевал.

Седьмой эклоге имя «Перебранка», поскольку там содержится перебранка между нашим городом¹⁰⁶ и императором¹⁰⁷. Собеседников два, Дафнис и Флорида. Под Дафнисом я подразумеваю императора, потому что Дафнис, как

¹⁰¹ «Овец», «козлов» и «быков» (которые, пожалуй, не очень хорошо ассоциируются с лесом, даже при том, что латинское слово *silva* («лес») может вообще значить «сельскую местность», «не город») Боккаччо, видимо, назвал просто для примера, вообще в буколике (5.44–56) перечисляется много разных зверей, обитающих в «лесу», вплоть до попугая и феникса.

¹⁰² *Caliope grece, bona sonoris est latine*; имеется в виду значение имени Καλλιόπη, *Calliope*; об изменении флексии у Боккаччо см. примеч. 112. Ср. в рукописи Parisinus lat. 7975, содержащей также схолии Псевдо-Акрона к Горацию и выдержки из Фульгенция, запись конца XII в. о Музах: *Caliope, id est, bona sonoris* «Калиопа, то есть добрая звучность» (*D'Alverny M. T. Les Muses et les sphères célestes* // *Classical, Medieval and Renaissance Studies in Honour of Berthold Louis Ullman* / ed. by C. Henderson Junior. Roma, 1964. P. 19); та же этимология встречается также в словаре Угуччоне, конец XII — начало XIII в. (s.v. *Calon*), и в комментарии Арнульфа Орлеанского к «Фастам» Овидия, XII–XIII вв. (5.80; ср.: *Holzworth J. Hugutio's Derivationes and Arnulfus' Commentary on Ovid's Fasti* // *Transactions and Proceedings of the American Philological Society*. Vol. 73. 1942. P. 271, n. 57).

¹⁰³ *Totus amor*, то есть греческое πᾶν «всё» (ср. ниже толкование 11 эклоги) плюс слово *phylus*, которое, как считает Боккаччо, значит по-гречески «любовь» (см. примеч. 133). Ср. комментарий Франческо Пьендибени да Монтепульчано (ум. в 1397 г.) к шестой буколике Петрарки (*Francesco Piendibeni da Montepulciano. <Commento> // Il Bucolicum carmen e i suoi commenti inediti/edizione curata ed illustrata da A. Avena. Padova, 1906. P. 272*): «Памфил — это святой Петр, названный так от слова *pan*, которое значит "весь", и слова *phylus*, которое значит "любовь", поскольку весь он был в любви ко Христу».

¹⁰⁴ Греческое слово ἀλκή вообще значит «сила»: недопонимание возникло из-за того, что слово *virtus*, которое Боккаччо употребляет здесь в значении «добродетель», в Средние века чаще значило «сила», и уже Сервий (комментарий к Энеиде 6.392) глоссировал ἀλκή через *virtus*.

¹⁰⁵ Имеется в виду просто латинское слово *aestus*; вывода, что Боккаччо считал это слово греческим, из его текста не следует делать — скорее он глоссирует слово для того, чтобы не подумали, что это что-то неизвестное греческое.

¹⁰⁶ Флоренцией.

¹⁰⁷ Карлом IV (1316–1378), на конец сороковых королем Чехии и Германии, коронованным императором в 1355 г.

можно прочесть у Овидия в книге побольше¹⁰⁸, был сыном Меркурия и первым пастухом; так и император всегда первый среди пастухов мира, то есть королей. Флорида — это Флоренция¹⁰⁹, и так далее.

Восьмая эклога называется «Мидас», потому что Мидас был очень жадный фригийский царь, а в этой эклоге речь идет о некоем очень жадном властителе¹¹⁰, вот я и решил и его, и эклогу назвать «Мидас». Собеседников два, Дамон и Фитий, то есть два человека, связанные такой же крепкой дружбой, как те двое, о которых пишет Валерий в цитированном выше месте.

Девятая эклога называется «Липис». В ней почти только и говорится что о тревоге нашего государства из-за коронации императора¹¹¹, поэтому она названа «Липис», потому что греческое *lipis* по-латински «тревога»¹¹². Собеседников два, Батракос и Архад. Под Батракосом я разумею нравы флорентийцев: болтать мы горазды, а в военном деле никуда не годимся, потому и Батракос, ведь греческое *batracos* по-латински «лягушка»¹¹³. А под Архадом я имел в виду любого иностранца, и потому не хотел, чтобы у этого имени было какое-то собственное значение.

Десятая эклога именуется «Затененная долина» по той причине, что речь там идет о загробном мире, в котором никогда нет никакого света. Собеседников два, Лицида и Дорил. Под Лицидой я имею в виду некоего когда-то тирана, имя которого произвожу от *lycos*, то есть по-латински «волк»¹¹⁴: как волк — самое хищное животное, так и тираны самые хищные из людей. А Дорил —

¹⁰⁸ *In maiori volumine Ovidii*. Что бы ни значила эта странная формулировка («Метаморфозы»? может быть, в каком-то «морализованном» переложении?), на самом деле дальше следует дословная цитата из Сервия (комментарий к Буколикам 2.26). Ср. в «Генеалогии языческих богов» того же Боккаччо (7.35): «Дафнис, как утверждает Сервий, был сыном Меркурия... Был же он юношей очень красивой внешности и, как говорят, первым пастухом в лесах».

¹⁰⁹ То есть, видимо, названа по созвучию.

¹¹⁰ См. примеч. 98.

¹¹¹ Карла IV в 1355 г.

¹¹² Имеется в виду греческое слово λύπη («горе»). По этому примеру видно, что окончание -is Боккаччо, похоже, делает из греческой флексии -η; возможно, причина в том, что η в византийском греческом произносилась как i, а в латыни именительный падеж существительных редко заканчивается на -i. В автографе буколик Боккаччо на полях отмечены значения греческих слов, большая их часть совпадает с приводимыми в настоящем письме; любопытно отметить, что на полях рядом с текстом 15 эклоги Боккаччо пишет «*Lipis* по-гречески «тревога», но на полях напротив текста 9 эклоги он еще пишет более правильный вариант «*Lipi* по-гречески «тревога»» (*Hecker O. Boccaccio-Funde: Stücke aus der bislang verschollenen Bibliothek des Dichters darunter von seiner Hand geschriebenes Fremdes und Eigenes. Braunschweig, 1902. S. 71–72*). В любом случае, «правило» о присоединении -s в конце греческих слов у Боккаччо действует не регулярно.

¹¹³ То есть βάτραχος. С и ch в итальянском произношении не различались; по той же причине и второго собеседника зовут Архадом, Archas, то есть Arcas, Аркадец. Образ лягушек Боккаччо связывает с флорентийцами и в Буколике 7.127, где Дафнис (то есть император) отвечает на реплику Флориды (то есть Флоренции): «Ох я несчастный! Иди-ка лучше, состязайся с крикливыми лягушками».

¹¹⁴ Греческое λύκος.

некий пленник, находящийся в постоянном горе, назван он от слова *doris*, которое значит «горечь», но я назвал его уменьшительной формой¹¹⁵ «Дорил» для того, чтобы имя простого человека отличалось от имени короля¹¹⁶.

Одиннадцатая эклога называется «Пантеон» от слов *pan*, то есть «всё», и *theos*, то есть «бог»¹¹⁷, поскольку во всей эклоге речь идет о вещах божественных. Только в ней одной говорится от автора¹¹⁸, и автор приводит некие слова неких собеседников, которых двое, Миртил и Главк. Под Миртилом я разумею Церковь Божию, имя для которой я произвожу от мирта, потому что листва у мирта двуцветная: снизу кроваво-красная, а сверху зеленая¹¹⁹. В этих двух цветах нам подобает видеть преследования и мучения, некогда перенесенные святыми людьми, и их твердейшую надежду на вышнее воздаяние, обещанное им Христом. А под Главком я имею в виду апостола Петра: ведь Главк был рыбаком и, отведав некой травы, вдруг бросился в море и был причислен к морским богам; так и Петр был рыбаком и, отведав учения Христова, добровольно бросился в волны, то есть навстречу угрозам и запугиваниям врагов имени христианского, проповедуя имя Христово, в результате чего он стал богом, то есть святым, на небесах среди друзей Господних.

Двенадцатая эклога называется «Сафос», потому что вся речь в этой эклоге об этой самой Сафос; а под этой Сафос я подразумеваю поэзию, потому что Сафос, некая девушка с Лесбоса¹²⁰, в свое время была весьма славна в поэзии. Собеседников два, Калиопа и Аристей. Под Калиопой, как было сказано в дру-

¹¹⁵ См. выше примеч. 97; Боккаччо, таким образом, считает, что *Dorilus* — деминутив от *Dorus*, вероятно, из-за сходства *-il-* с латинским деминутивным суффиксом *-ul-*.

¹¹⁶ О ком речь, непонятно: ср.: *Koerting G. Boccaccio's Leben und Werke. Leipzig, 1880. S. 695*: «Стихотворение сплошь непонятное, и крайне скудные разъяснения самого Боккаччо в письме к Мартино да Синья не помогают понять, о чем идет речь».

¹¹⁷ То есть *πάν* + *θεός*.

¹¹⁸ Вергилиевский прецедент вполне позволял вводить в некоторых эклогах речь «от автора» (для введения диалога, как здесь у Боккаччо, она используется Вергилием в восьмой буколике), более того, Сервий (комментарий к Буколикам 3.1) считал достоинством вергилиевских буколик, что в них встречаются все три «типа речи», *characteres dicendi*: только от автора, только от лица персонажей и смешанный (это такой четко формализованный античный аналог деления на литературные роды, восходящий к Платону, Государство 392d5–6, 394b9–c5, и, возможно, Аристотелю, Поэтика 1448a20–24: см.: *Janko R. Aristotle on Comedy: Towards a Reconstruction of Poetics II. London, 1984. P. 127–133*). Боккаччо, по-видимому, не разделял взглядов Сервия на этот предмет (Петрарка тоже: в его буколиках речь от автора вообще не встречается). Может быть, жанр, совмещающий признаки всех родов, плохо укладывался в представления о четкой жанрово-родовой системе: проще было считать, что буколика — просто драматический жанр. Для этой эклоги Боккаччо, возможно, сделал исключение для того, чтобы уменьшить ответственность за достоверность приписываемых авторитетному источнику слов (все-таки не святой Петр говорит, а слова святого Петра передаются через посредника).

¹¹⁹ О параллели «мирт–церковь», иногда встречающейся у церковных авторов, в начале XVII в. была написана специальная монография: *<Kyfertus C.> Parallelismus myrti et Ecclesiae, adornatus a M. Christiano Kyfero Goltbergensi Silesio. Heidelbergae, 1610*.

¹²⁰ То есть Сафо: о добавлении *-s* на конце слов см. примеч. 112.

гом месте, я подразумеваю «добрую звучность»¹²¹, поскольку чуть ли не весь эффект от поэзии, как кажется, определяется тем, чтобы она хорошо звучала и была выстроена по правилам поэтических ритмов¹²². Под Аристеем я имею в виду себя, жаждущего овладеть поэтическим искусством, и поэтому я называю себя Аристеем по имени некого Аристия, который до самого отрочества был настолько косноязычен, что вообще с трудом мог что-то как следует сказать, а потом узы, связывавшие его язык, распались, и он стал красноречив¹²³.

Тринадцатая эклога зовется «Лавр», от лаврового венка, которым отмечают поэтов, а названа она так потому, что в ней много говорится во славу поэзии. Собеседников три, Дафнис, Стильбон и Критис. Под Дафнисом я разумею всякого выдающегося поэта, потому что поэтов чтят такими же (то есть лавровыми) венками, что и победоносных и празднующих триумфы кесарей¹²⁴, которые первые среди пастухов, как Дафнис, о котором шла речь выше¹²⁵. Под Стильбоном я имею в виду некого генуэзского купца, с которым у меня когда-то давно был спор в Генуе, и об этом споре много говорится в эклоге. Стильбоном я его называю по Меркурию, богу торговцев, который также зовется Стильбоном¹²⁶. Греческое *critis*¹²⁷ по-латински «судья»; здесь так обозначен некий человек, которого позвали рассудить упомянутый спор.

Четырнадцатая эклога называется «Олимпия» от греческого *olympos*, что по-латыни будет «блестящее» или «сияющее», и потому небо называется Олимп¹²⁸; и поэтому этой эклоге дано имя «Олимпия», потому что в ней очень

¹²¹ См. примеч. 102.

¹²² *In bona prolatione modulis regulata poeticis omnis videatur poetice fere vis consistere*: что конкретно значит это выражение, не очень понятно, но речь, видимо, должна идти о звучании поэзии (ритмическом, скорее всего): *prolatio* — редкое слово, уже в XIV в. ставшее музыкальным термином (Busse Berger A. M. *The Evolution of Rhythmic Notation // The Cambridge History of Western Music Theory* / ed. by T. Christensen. Cambridge, 2002. P. 636), и слово *modulus* применительно к речи или музыке обычно тоже характеризует ритм.

¹²³ Имеется в виду Батт, основатель Кирены; Аристеем его называет Юстин, История Филиппа 13.7.

¹²⁴ Триумфаторы действительно увенчивались в античности лавровыми венками, про поэтов это на самом деле не очевидно, может быть, эта идея появилась из интерпретации двусмысленных пассажей вроде горациевского призыва к Мельпомене увенчать его лавром в оде 3.30.16 (ср. также: Овидий, Наука любви 2.495–496). Так или иначе, после знаменитого увенчания Петрарки на Капитолии связь лаврового венка с поэтами стала несомненной.

¹²⁵ См. толкование VII эклоги.

¹²⁶ *Stilbon* («Мерцающий») — греческое и латинское название планеты Меркурий; Боккаччо переносит его на бора (см.: Quaglio A. E. *Scienza e mito nel Boccaccio*. Padova, 1967. P. 158–159).

¹²⁷ То есть κριτής. Это слово в форме *critis* иногда появлялось в латыни в бюрократической терминологии на территориях, которыми владели византийцы: см.: Heißenbüttel D. *Indizien kultureller Differenz in den mittelalterlichen Bau-, Bild- und Schriftdenkmälern aus Bari und Matera: Ein Schichtenmodell // Lateinisch-griechisch-arabische Begegnungen: Kulturelle Diversität im Mittelmeerraum des Spätmittelalters* / hgb. von M. Mersch, U. Ritzerfeld. Berlin, 2009. P. 212.

¹²⁸ Этимология из словаря Папия (XI в.): «Олимп назван, как будто бы *hololamphos*, то есть как будто «небо», то есть как будто «весь сияющий». Ведь *holon* по-гречески значит «всё», а *phos* — «свет» (Papias

много говорится о природе небесной области. Собеседников четверо, Сильвий, Камал, Терапон и Олимпия. Под Сильвием я разумею самого себя, а называю себя так потому, что впервые замыслил эту эклогу в некоем лесу (*silva*)¹²⁹. Греческое слово *camalos* по-латыни будет «медлительный» или «одеревенелый»¹³⁰, потому что тем самым показывается медлительность слуги. Что значит *terapon*, я не пишу, потому что не помню, если не посмотрю еще раз в книге, где взял остальные, так что извини: ты знаешь, что память людская слаба, и в особенности у стариков¹³¹. Под Олимпией я подразумеваю свою маленькую дочь, умершую некогда в том возрасте, в котором, как мы верим, умирающие становятся небожителями¹³²; и потому, вместо прижизненного имени Виоланты, я даю ей мертвой имя «небесной», то есть Олимпии.

Пятнадцатая эклога называется «Филостропос», потому что в ней речь идет об обращении к любви к небесному от соблазнов любви к бренному: название «Филостропос» происходит от *phyllos*, что значит «любовь»¹³³, и *tropos*, что значит «обращение»¹³⁴. Собеседников два, Филостроп и Тифлус. Под Филостропом я подра-

vocabulista. Venetiis, 1496. <P. 233>). Греческое Ὀλυμπος, таким образом, связывается с ὅλος («целый») и то ли корнем λαμπ-; связанным со светом, то ли словом φῶς («свет») (а скорее, с обоими).

¹²⁹ Аналогичным образом «Сильвием» называет себя Петрарка во II (см. выше первое из переведенных писем) и I буколиках (Письма о делах повседневных 10.4: «Я Сильвий, ты Моник. Причины наименования таковы: в первом случае — во-первых, то, что дело происходит в лесах (*silve*), во-вторых — свойственная мне с юных лет неприязнь к городу и любовь к сельской местности (*silve*), из-за которой многие из близких на всех языках чаще называют меня Сильваном, чем Франческо»; ср. также X буколику, где Петрарка, очевидно, скрывается под именем Сильван).

¹³⁰ Не вполне понятно, что за греческое слово имеется в виду: *Loomis L. R. Medieval Hellenism*. Lancaster, 1906. P. 96 полагает, что это ἀμαλός «слабый», «мягкий», *Hecker O. Op. cit. S. 72* — что подразумевается слово χαμηλός (существует также вариант χαμαλός, можно представить комбинированный вариант χαμαλός) «ползучий», «приземленный». Теоретически еще можно допустить, что имеется в виду слово κάμηλος «верблюд» (словарь Папия XI в. возводит это слово к предыдущему, χαμηλός: *Papias vocabulista. Venetiis, 1496. <P. 47>*).

¹³¹ Здесь этимология как раз прозрачна: от греческого θεράπων («слуга»). Терапон в эклоге услужливый слуга, в отличие от нерадивого Камала. На полях автографа буколик Боккаччо написал: «*Terapon* по-гречески...» (то есть, видимо, тоже не смог вспомнить: *Hecker O. Op. cit. S. 72*).

¹³² Виоланта умерла в семилетнем возрасте то ли в 1355 г., то ли в 1362 г.: *Ullmann B. L. Studies in the Italian Renaissance*. Roma, 1973. P. 152, n. 43.

¹³³ На самом деле имеется в виду слово φίλια (φίλος по-гречески значит «друг» или «любимый»). Идея, что слово *philos* значит «любовь», встречается периодически у средневековых грамматиков (например, уже в XII в. у Петра Гелийского в его «Сумме о Присциане» 1.119 и 1.129 Reilly) и объясняется, конечно, тем, что латинская Европа встречала корень φίλ- в основном в композитах вроде *philosophia* или *Philippus*, а при восстановлении греческого слова по корню самое простое просто добавить к нему -os.

¹³⁴ *Conversio*; этим словом глоссирует греческое τρόπος («поворот») также Джон Райдуолл в своем комментарии к Фульгенцию начала XIV в. (111 Liebeschütz), этимологизируя имя парки Атропос, и ту же этимологию в тех же словах впоследствии воспроизведет сам Боккаччо в комментарии к «Божественной комедии», 9 (букв.). 68 (см.: *Vossaccio's Expositions on Dante's Comedy*/tr. by M. Papio. Toronto; Buffalo; London, 2009. P. 677–678, n. 37). Вообще же для глоссирования *tropos* через *conversio* можно найти и более ранние прецеденты: например, в XIII в. Гюйяр де Мулен в прологе к «Библии исторической» при этимологиза-

зумеваю моего славного наставника Франческо Петрарку, который многократно наставлял меня в своих советах оставить улады вещей преходящих и направить разум к вечному: и тем самым он, пусть и не до конца, но все же в значительной степени добился, чтобы я любил более достойные предметы. Под Тифлусом я хотел, чтобы понимали меня, и любого другого человека, погруженного в темноту бранных вещей, потому что греческое *typhlus*¹³⁵ по-латински «слепой».

Шестнадцатая и последняя эклога называется «Аггелос», словно провозвестница, проводница и преподносительница предшествующих эклог моему другу, которому я посылаю их¹³⁶. Ведь *aggelos* по-гречески то же самое, что мы по-латински говорим «ангел», а «ангел» и по-латински значит «провозвестник»¹³⁷. Собеседников два, Апеннин и Ангел. Под Апеннином я разумею друга, к которому посылаю, которого называю Апеннином потому, что он был рожден и вскормлен у подножия Апеннинских гор. А под Ангелом, как было сказано, я имею в виду саму эклогу, которая наподобие вестника доставляет послание и говорит.

Этим я сейчас и ограничусь: написал я всё это как можно лаконичнее, полагаясь на твой разум. Я прошу тебя, отец мой, как можно скорее передать через кого-нибудь из твоей братии нашему общему владыке епископу бумаги, приложенные к этому письму; и помни, что, раз провинциальный викарий у вас, то монастырь Сан-Джиминьяно¹³⁸ не должен присваивать себе ваши права. Этот лживый фра Джованни забрал для своих монахов немало хлеба из нашего городка в прошлую Четырнадцатницу. Желаю тебе долго здравствовать и меня не забывать.

Чертальдо, 10 октября <1374 г.??>

Неизменно твой Джованни Боккаччо

ции слова *tropologia* (*Des Moulins G., De Rély J. Prologue du maistre en hystoires de la creacion // Patrimoine littéraire Européen / sous la direction de J.-C. Polet. Vol. 1. Bruxelles, 1992. P. 188*).

¹³⁵ То есть τυφλός.

¹³⁶ Этот друг идентифицируется (см.: *Boccaccio G. Opere in versi; Corbaccio; Trattatello in laude di Dante; Prose Latine; Epistole / a cura di P. G. Ricci. Milano; Napoli, 1965. P. 692*) как Донато ди Лоренцо дельи Альбанцани по прозвищу Апеннинец, *Apenninigena* (р. до 1328 г. — ум. после 1411 г.). Этот венецианский профессор, а позднее феррарский придворный — очень любопытный персонаж еще и потому, что Альбанцани иногда приписывают анонимный комментарий к первым пяти буколикам Петрарки рукописи *Laurentianus 52.33*, предшествующий комментарию Бенвенуто да Имолы (см.: *Cosenza M. E. Francesco Petrarca and the Revolution of Cola di Rienzo. Chicago, 1913. P. 118, n. 1*). Это та самая рукопись, из которой мы периодически цитировали в нашем вступлении и примечаниях комментарии к буколикам Вергилия, близкие к комментариям Петрарки; Альбанцани, таким образом, может быть их автором. Альбанцани переписывался с Петраркой и Боккаччо, распространял их тексты (в частности, перевел на итальянский «О знаменитых женщинах» Боккаччо), вообще близко с ними общался: например, в 1366 г. Альбанцани крестил внучку Петрарки (*Campbell T. Life of Petrarch. Vol. II. London, 1841. P. 261*).

¹³⁷ Ἄγγελος — греческое написание слова «ангел». *Angelus* глоссируется через *nuntius* «провозвестник», например, у Исидора, *Этимологии* 6.2.43, у Григория Великого, *Проповедь* 25.3.

¹³⁸ То есть августинский монастырь города Сан-Джиминьяно.

Глава 15

От Дзоно де Маньялиса к Франческо Филельфо: толкование «Энеиды» на исходе Средневековья

(М. В. Шумилин, Н. Е. Самохвалова)

Что такое литературоведение в Средние века и литературоведение Возрождения? На самом деле ответить на этот вопрос не так уж просто (даже если абстрагироваться от некоторой размытости понятия «литературоведение» самого по себе). Когда речь заходит об изучении литературы в Средние века, в первую очередь обычно вспоминаются нормативные поэтики, которые останутся «знаковым» явлением и для Ренессанса. Но довольно очевидно, что прескриптивная литературная теория – это совсем не то же самое, что изучение литературы; ведь, для начала, обычно даже невозможно указать конкретное литературное произведение, которое «изучает» автор нормативной поэтики. Быстро «набравшая обороты» в XV–XVI вв. текстология уже изучает конкретный текст, но явно не как цельное художественное произведение; а многочисленные сборники филологических заметок в XVI в. были в основном посвящены именно текстологическим вопросам, иногда отвлекаясь на разъяснение какого-нибудь конкретного сложного места. Что же остается? Исследовательские монографии о каком-нибудь явлении древней литературы (если исключить прескриптивные рассуждения о разных жанрах, распространившиеся под влиянием «Поэтики» Аристотеля) в духе «О греческой сатирической поэзии и римской сатире» Исаака Казобона (1605) начнут появляться только в XVII в. «Историй литературы» как таковых Ренессанс тоже еще не знает: их место занимают книги вроде «Славных писателей латинского языка» Сикко Полентона (1420–1430-е), «О латинских поэтах» Пьетро Кринито (1505) или «Историй греческих и латинских поэтов» Лилио Джиральди (1545), которые, однако, были посвящены, скорее, сбору фактической биографической информации и представляли собой, по сути дела, вереницы идущих друг за другом жизнеописаний поэтов, как бывает и в средневековых рукописях (например, Laurentianus Plut. 53.15, XV в.).

Но такой дефицит «площадок» для изучения литературного текста как литературного текста не означает, что этого изучения вообще не было. Во всяком случае, если говорить о средневековом «бэкграунде» рассматриваемого нами в данной монографии периода. Позднесредневековая традиция работы с литературными текстами

кое в чем как раз была гораздо более похожа на сегодняшнее литературоведение, чем даже античная традиция (или, забегаая вперед, ренессансная); местом же для такой работы служил жанр (или комплекс жанров), в любых обстоятельствах подразумевающий наиболее тесную работу с конкретным произведением, — комментарий (вместе со всяческими прилагающимися к нему вступлениями, парафразами, жизнеописаниями авторов и т.д.). Значение комментариев как литературоведческих трудов часто ускользает от внимания ученых, поскольку среднестатистический древний комментарий обычно занят довольно скучным копанием в буквальном смысле синтаксически закрученных фраз и непривычно употребленных слов (хотя вот-вот да и проскочит и какая-нибудь экстравагантная аллегореза). Но ключевой частью таких комментариев, обсуждающей произведение *в целом*, были введения, долгое время, как правило, опускавшиеся в публикациях средневековых комментариев к античным классикам. В то же время к XIV в. форма таких введений (*accessus*ов) стала крайне сложной: фактически это уже были весьма объемные трактаты о комментируемом тексте (причем не стоит забывать, что средневековые комментарии часто представляли собой записи устных комментариев, с которыми преподаватель выступал перед студентами).

Accessus ad auctores (букв. «подступы к авторам»), или просто *accessus* (закрепившееся в науке название), — только один из вариантов того, как могли называться такие вступления, вариант, преобладавший в Германии и только в тех случаях, когда речь шла о вступлениях к античным классикам. В других частях Европы те же самые вступления могли называться *introitus* («вход»), *ingressus* («вступление внутрь»), *materia* («материя», этот термин преобладал у «глоссаторов», занимавшихся римским правом)¹. *Accessus* всегда строится по четкому плану; Р. У. Хант в статье 1948 г. выделил несколько типов «опросников», используемых в средневековых *accessus*ах².

«Тип А» строится на перечислении вопросительных слов, иногда греческих: «кто» (подразумевается, написал), «что», и т.д. «Тип В», однако, явно древнее «типа А»; это список «пунктов», появляющийся уже в комментарии Сервия к «Энеиде» (нач. V в.): жизнеописание поэта, название произведения, «качество поэмы» (*qualitas carminis*, то есть разные формальные признаки поэтического текста), намерение автора, число книг, порядок книг (в частности, соответствует ли он порядку описываемых событий) и *explanatio* («истолкование», то есть сам комментарий). Правда, не исключено, что введение к комментарию Сервия было переделано в Средние века под

¹ Minnis A. Medieval Theory of Authorship: Scholastic Literary Attitudes in the Later Middle Ages. Philadelphia, 1988. P. 14–15.

² Hunt R. W. The Introduction to the Artes in the Twelfth Century // Studia mediaevalia in honorem admodum Reverendi Patris Raymundi Josephi Martin. Bruges, 1948. P. 85–112, непечатана в: Hunt R. W. The History of Grammar in the Middle Ages: Collected Papers / ed. by G. L. Bursill-Hall. Amsterdam, 1980. P. 117–144.

влиянием новых канонов *accessus*'а³, однако, например, в тексте «Первого Гудианского жизнеописания» Вергилия (это жизнеописание названо по имени Маркварда Гуде, владевшего рукописью IX в., в которой сохранилось жизнеописание), 213.1–5, 216.8–11 Brugnoli, видно, что «тип А» противопоставляется «типу В» как инновация: «В началах книг следует выяснять 7 периодов, то есть обстоятельств (*periochae, id est circumstantiae*): жизнь поэта (*vita poetae*), название произведения (*titulus operis*), качество поэмы (*qualitas carminis*), намерение пишущего (*intentio scribentis*), число книг (*numerus librorum*), порядок книг (*ordo librorum*), истолкование (*explanatio*) <...> Но Иоанн Скот кратко расписал такие периоды: кто (*quis*), что (*quid*), почему (*cur*), как (*quomodo*), когда (*quando*), где (*ubi*), какими средствами (*quibus facultatibus*)». Речь здесь идет об Иоанне Скоте Эриугене (ок. 810 – ок. 877)⁴, а само жизнеописание иногда предположительно атрибутируют Ремигию Осерскому (ок. 841 – ок. 908)⁵; в любом случае, время основного распространения *accessus*'ов «типа А» – это именно IX в., в то время как «тип В» продолжает иногда встречаться и значительно позже, в том числе в эпоху Возрождения (видимо, он периодически воскресает потому, что ассоциируется с Сервием).

Однако наиболее распространенный тип *accessus*'ов высокого Средневековья – это «тип С», приблизительный состав «пунктов» которого таков: название произведения (*titulus libri, inscriptio libri, nomen libri*); имя автора (*nomen auctoris*); намерение автора (*intentio auctoris* или *intentio scribentis*); материя произведения (*materia libri*); способ написания (*modus scribendi, modus tractandi, modus agendi*, то есть примерно то, что в «типе В» называлось «качеством поэмы»); порядок произведения (*ordo libri*); полезность произведения (*utilitas*); к какому разделу философии оно относится (*cui parti philosophiae supponitur* или *supponatur*). Распространяется такая модель на рубеже XI–XII вв. Главный кандидат на роль ее создателя – Ансельм Ланский (ум. в 1117 г.)⁶, которому приписывается целый ряд комментариев (и к библейским текстам, и к античной классике) с *accessus*'ами, близкими к «типу С», однако все эти атрибуции только предположительные⁷; но, в любом случае, ученики Ансельма – Гильберт Порретанский (ок. 1080–1154) и Петр Абеляр (1079–1142) – в своих комментариях к Писанию уже точно используют «тип С».

³ Так, в частности, считает А. Миннис (*Minnis A. Op. cit. P. 15*): например, подозрительно выглядит употребление Сервием термина *auctor* (*In exponendis auctoribus haec considerata sunt...* «При истолковании авторов следует рассматривать вот что...») в совершенно средневековом значении «классик», «создатель авторитетного произведения-образца» (ср., например, термин *accessus ad auctores*).

⁴ Ср.: *Stok F. Virgil Between the Middle Ages and the Renaissance*// *International Journal of the Classical Tradition*. Vol. 1. 1994. P. 17. *Lutz C. One Formula of accessus in Remigius' Works*// *Latomus*. T. XIX. 1960. P. 774–780 сопоставляет это утверждение с обсуждением понятия *circumstantiae* в других трудах Эриугены.

⁵ *Cappuyns M. Jean Scot Érigène: Sa vie, son oeuvre, sa pensée. Louvain, 1933. P. 74.*

⁶ *Minnis A. Op. cit. P. 41.*

⁷ *Ibid.*

По сути дела, «тип С» представляет собой гибрид «типа В» со списком вводных пунктов из комментария Боэция к «Исагоге» Порфирия (первая редакция), 1.1: «Всего шесть вещей, говорю я, во всяком комментарии (expositio) предварительно излагают учителя: в частности, они предварительно сообщают, в чем намерение (intentio) каждого произведения, то, что у них называется σκοπός; второе, в чем полезность (utilitas), то, что греки называют χρήσιον; третье, каков порядок (ordo), то, что они называют τάξις; четвертое, действительно ли это подлинная и собственная книга того человека, которому она приписывается, то, что они обычно переводят как γνήσιον; пятое, каково название (inscriptio) этого произведения, то, что греки называют ἐπιγραφή <...> Шестой пункт – это сказать о том, к какому разделу философии относится намерение каждой книги (ad quam partem philosophiae cuiuscumque libri ducatur intentio), то, что на греческом языке звучит как εἰς ποῖον μέρος φιλοσοφίας ἀνάγεται. Вот это все подобает разобрать и объяснить применительно к каждой философской книге (in quolibet philosophiae libro)». Боэций, по-видимому, сам имеет в виду греческие схемы прологов к комментариям к Аристотелю, примерно те схемы, которые мы находим у Аммония, Иоанна Филопона, Элия, Симпликия⁸. И философский контекст, конечно, гораздо лучше объясняет устройство списка: не только прямолинейное «к какой части философии относится», но и «полезность» и даже «цель/намерение» подходят скорее к философскому произведению, чем к художественному. Причем «намерение» присутствовало уже в тексте Сервия: вероятно, следует считать, что это (как, возможно, и пункт про «порядок», назначение которого Сервию, кажется, уже не вполне понятно) либо след влияния философских комментариев на литературные уже в V в., либо позднейшая модификация, внесенная в текст Сервия (впрочем, в прологах «типа В» все те же пункты мы в IX в., по крайней мере, уже точно видели).

В результате перекраивание литературной интерпретации «под философию», на самом деле, вероятно, присутствующее вообще в каждой новой модели accessus'a, становится в «типе С» вопиющим. В анонимном комментарии к Ювеналу XII в., сохранившемся в рукописи Parisinus Lat. 2904, пересказывается любопытная полемика на эту тему между Бернардом Шартрским (ум. ок. 1124) и его учеником Гийомом Коншским (ок. 1090 – ок. 1154): Бернард, согласно этому тексту, утверждал, что

⁸ Quain E. A. The Medieval accessus ad auctores // Traditio. Vol. 3. 1945. P. 228–242; ср., например, начало комментария Аммония к «Категориям», 7.15–8.6 Busse: «Следующий, девятый пункт <из пунктов введения к философии Аристотеля в целом> – это рассмотреть, сколько и каких вопросов нужно предварительно разобрать при истолковании каждой отдельной аристотелевской книги. И мы говорим, что числом их шесть: цель (σκοπός) книги (ведь как лучник, если попадает, имеет какую-то цель, в которую стреляет и в которую стремится попасть, так и пишущий что-то ориентируется на какую-то цель и стремится достичь ее; и вот с ней и нужно разобраться, какая она); второе в дополнение к этому, какую пользу (χρήσιον) мы получим от этого сочинения; третье, каков порядок (τάξις); четвертое, какова причина того, что сочинение так называется (αἰτία τῆς ἐπιγραφῆς), если название не является понятным само по себе, как в случае с “О небе” или “О возникновении и уничтожении”; пятое – подложная или подлинная это книга философа (εἰ νόθον ἢ γνήσιον τοῦ φιλοσόφου τὸ βιβλίον); шестым надо рассмотреть, как книга делится на главы...»

нет смысла спрашивать, «к какой части философии относятся сатиры Ювенала», поскольку поэзия вообще не относится к философии; Гийом же отвечал, что утверждение Бернарда верно только по отношению к обычным авторам (*actores*), в то время как авторитеты, классики (*auctores*) автоматически относятся к философии из-за своего статуса⁹. Другими словами, потому Горация и Вергилия и читают в школе, что они, как и положено настоящей литературе, учат, например, этике — не просто же потому, что красиво.

Заимствование модели работы с философскими текстами, конечно, влияло на то, как вообще воспринимался художественный текст. Пишет ли поэт свое произведение, чтобы передать некое конкретное философское сообщение? Совсем не очевидно, что это всегда так; однако описанная нами традиция фактически закрепляет в сознании, что положительный ответ на этот вопрос разумеется сам собой (может быть, свободу писать «просто так» можно признать разве что за современными авторами — *actores* в терминологии Гийома Коншского). В каком-то смысле за счет обращения к философии решается постоянно присущая литературоведению проблема: литературоведению вообще-то всегда сложно сформулировать, что именно оно должно говорить о тексте, проще, если это сформулирует за него кто-то еще (например, философ). Из в общем не очень большого арсенала Средневековья в деле нахождения «месседжа» в на первый взгляд лишенных его текстах самым популярным инструментом была аллегореза (см. главы 13 и 14 настоящей монографии); эта ее популярность, вероятно, связана среди прочего и с тем, что аллегорические толкования звучали особенно по-философски.

Не менее явные следы вмешательства философии мы можем найти и в не очень распространенном «типе D» (вопросы которого касаются не самого произведения, а в целом раздела знания, к которому произведение принадлежит), и в широко распространившемся в начале XIII в. «аристотелевском типе» (не получившем буквенного обозначения у Ханта). Возникший под влиянием попадания в университетский канон «Физики» и «Метафизики» Аристотеля и быстро приобретший популярность в Парижском университете¹⁰ (а затем и в остальной Европе), «аристотелевский тип» использует в качестве «вопросника» список четырех аристотелевских причин. Впрочем, при всей своей огромной популярности «аристотелевский тип» так и не смог вытеснить «тип C» (чаще всего, как в переведенном ниже *accessus*е Дзона де Маньялиса, «аристотелевский тип» и «тип C» комбинируются друг с другом, и поясняется, что первый — «новый» тип, а второй — «старый»).

Однако при всей видимой «философскости» «аристотелевского пролога», любопытно, что в нем происходит и важное содержательное изменение описанной

⁹ Minnis A. Op. cit. P. 25–26 (в интерпретации этого текста мы следуем трактовке Минниса). Иногда весь следующий далее комментарий к Ювеналу на этом основании приписывают Гийому Коншскому: см.: *Guillaume de Conches. Glosae in Iuvenalem* / ed. by B. Wilson. Paris, 1990.

¹⁰ Minnis A. Op. cit. P. 29.

выше схемы. Хотя на текст-объект комментатор смотрит и «по-аристотелевски», он уже не смотрит на него как на специально философский текст; теперь художественный текст просто ставится в один ряд с каждым другим предметом мира, так как все они имеют по четыре причины. Да, конечно, одна из этих причин — «целевая» (*causa finalis*), то есть в каждом тексте все так же всегда ищут конкретную «цель» или «намерение»; да, конечно, пункты «типа С» продолжают разбираться, и в *accessus*'ах XIII–XIV вв. все так же оговаривается, «к какому разделу философии относится текст», пусть и с какими-нибудь оговорками, что это «раньше рассматривали такой вопрос»; но, так или иначе, в *accessus*'ах «аристотелевского типа», согласно замечательной монографии Алистера Минниса, наблюдается явный спад замкнутости на аллегорезах¹¹ (что, конечно, по-видимому, никак не коррелирует с популярностью аллегорезы вне *accessus*'ов). В *accessus*'ах теперь обсуждается множество разных вещей, без такой явно доминирующей тенденции, какая была раньше; получается в какой-то степени продуктивная свобода (в некоторых текстах можно проследить развитие ряда интересных литературоведческих техник — см. ниже переведенные тексты), но это свобода, которая в целом так и остается безвекторным хаосом.

Первый текст, который переведен нами ниже, мы полагаем, хорошо иллюстрирует это состояние. Это *accessus* к Вергилиевой «Энеиде» флорентийского комментатора XIV в. Дзоно (или Чоне) де Маньялиса (или да Маньяле, де Маньяли)¹². О его жизни известно относительно мало: между 1311 и 1321 г. он находится в Болонье, где, вероятно, сначала учится (по крайней мере до 1319 г.), а затем преподает; после этого он преподает в Монтепульчано¹³. Из его текстов наибольшим успехом пользовались комментарии к «Энеиде» Вергилия (сохранилось порядка 20 рукописей)¹⁴ и «Гражданской войне» Лукана (известно 11 рукописей)¹⁵. Первый из этих комментариев

¹¹ Ibid.

¹² В моей старой работе: Шумилин М. В. Метрические *argumenta* Лукана: по следам грамматических традиций (Часть I. *Argumenta Barthiana*) // Аристей. 2010. Т. 1. С. 78–105 я называл его Чоне (опираясь на старую традицию, основывавшуюся на: Weber C. F. *De interpretibus Lucani ante inventam artem typographicam* // *Marci Annaei Lucani Pharsalia*... / adn. suam add. ... C. F. Weber. Vol. III: *Continens scholiastas*. Lipsiae, 1831. P. XXX). В рукописях встречаются разные написания имени (Zonus, Zone, Ciones, Çiones, Cionus, Conus), сейчас в западной науке принято называть его Дзоно, Zono (Ф. Новати — *Novati F. Ineptissimus ille Ciones* // *Il libro e la stampa*. 1908. Vol. 2. P. 174, n. 5 — доказывает, что это регулярное образование от имени Simone, хотя предпочитает, соответственно, написание Zone, Дзоне). Прозвище *de' Magnalis* происходит от (странным образом итальянизированного) топонима *castrum Magnalis*.

¹³ Ссылки на источники по его биографии собраны в: Stok F. *La «Vita di Virgilio» di Zono de' Magnalis* // *Rivista di cultura classica e medioevale*. 1991. Vol. 33. P. 143, n. 2.

¹⁴ См.: Ibid. P. 144–147 и Lord M. L. *A Commentary on Aeneid 6: Ciones de Magnali*, not Nicholas Trevet // *Mediaevalia et Humanistica*. 1987. Vol. 15. P. 147–160 (особенно P. 156, n. 14).

¹⁵ Rossi L. C. *Benvenuto da Imola lettore di Lucano* // *Benvenuto da Imola lettore degli antichi e dei moderni: Atti del Convegno Internazionale Imola, 26 e 27 maggio 1989/a cura di P. Palmieri e C. Paolazzi*. Ravenna, 1991. P. 186–187, n. 74.

точно (и логично предположить, что и второй тоже) переработан из так называемых *recollectae* — студенческих записей лекций Дзоно¹⁶; сами такие *recollectae* сохранились для лекций по «Энеиде», а также (в паре рукописей) для лекций по «Георгикам» и «Буколикам», но Дзоно, похоже, не успел сделать из этих последних записей обработанные комментарии (хотя и собирался, как следует из вступления к комментарию к «Энеиде») ¹⁷. П. О. Кристеллер также отождествляет с Дзоно некоего «Зенона (Zeno) Флорентийца», комментарий которого к псевдоцицероновской «Риторике к Герению» сохранился в рукописи Ambrosianus J 87 sup¹⁸, и указывает на сохранившиеся в одной падуанской рукописи латинские стихи Дзоно¹⁹. Для комментария к «Энеиде» есть *terminus ante quem* — 1336 г., дата написания одной из сохранившихся рукописей²⁰; правда, в этой рукописи, как и во многих других, как раз отсутствует *accessus*, переведенный нами, и теоретически можно допустить, что он был добавлен Дзоно после этой даты, однако против этого допущения говорят сохранившиеся в *accessus*е немотивированные повторы, характерные для стиля *recollectae* и, видимо, не всегда устранявшиеся Дзоно при чистовой обработке комментария²¹. Таким образом, вероятная дата написания переведенного текста — между 1319 и 1336 гг. Опубликовано по нескольким рукописям из него был только отрывок (жизнеописание Вергилия), остальное мы переводим по одной из рукописей (Laurentianus Plut. 53.25).

Притом, что Дзоно, конечно, использует аллегорезу²², удивительно, насколько сильно он ею пренебрегает. Например, совсем без всяких попыток объяснить уча-

¹⁶ Stok F. La «Vita di Virgilio» di Zono de' Magnalis. P. 145.

¹⁷ Stok F. La «Vita di Virgilio» di Zono de' Magnalis. P. 145–146, 148.

¹⁸ Kristeller P. O. *Iter Italicum: A Finding List of Uncatalogued or Incompletely Catalogued Humanistic Manuscripts of the Renaissance in Italian and Other Libraries*. Vol. I. London; Leiden, 1965. P. 333. Далее в рукописи следует комментарий к цicerоновской речи «В защиту закона Манилия», который Кристеллер также предположительно приписал Дзоно.

¹⁹ Ibid. Vol. II. London; Leiden, 1967. P. 16, n. 2. Судя по одному стихотворению, приводимому Новати (Novati F. Op. cit. P. 175) по одной из недоступных нам рукописей комментария к Лукану, стихи эти очень плохи даже по меркам стихов других грамматиков XIV в. Если во второй строке приводимого Новати текста (*Zonum Romei genuit quem Florentia, motum...* «Дзоно, сына Ромео, которого породила Флоренция, сподвигшегося...») смысл и синтаксис указывают, что в исходном тексте явно не должно было быть закравшегося при переписывании слова *quem*, без которого метрика придет в порядок, то из четвертой строки (*hos quoque Bertus, Regino sanguine cretus* «Это и Берто, возвращенный от крови жителей Реджо...») правильный гекзаметр с уместным смыслом уже сделать сложно, а первой строкой этого гекзаметрического стихотворения служит явный пентаметр *Confer opem famulo, sancta Maria, tuo* («Пособи, святая Мария, своему рабу»). Прозаическая латынь у Дзоно тоже очень плохая: иногда он просто вставляет итальянские слова вместо латинских, например *guerra* в значении «война», *pertanto* в значении «потому».

²⁰ Stok F. La «Vita di Virgilio» di Zono de' Magnalis. P. 147.

²¹ Ibid. P. 160.

²² Яркий случай — комментарий Дзоно к сцене явления Энею Меркурия в IV книге (fol. 58v a): «И Меркурий отправляется вестником к Энею. Это может значить, что хорошая мысль о хорошем решении приходит в голову самого Энея. И к нам тоже часто вот так приходит Меркурий, то есть когда мы придумываем что-то хорошее». По этому примеру хорошо видно, почему уже среди авторов ру-

стие богов обходится длинное изложение содержания поэмы в *accessus*’е, носящее название *historia* и предназначенное создать у читателя представление о том, какой материал обрабатывал поэт²³. Так, следуя традиции таких разделов, Дзоно восстанавливает в этой *historia* прямой порядок событий (подчеркивая, таким образом, что «порядок» у Вергилия «искусственный», *ordo artificialis*)²⁴ – выходит такой любопытный понятийный аппарат, напоминающий противопоставление «фабулы» и «сюжета» у русских формалистов или «истории» (*histoire*) и «повествования» (*recit*) в нарратологии Жерара Женетта. В то же время *historia* Дзоно специфична тем, что включает в себя и те части событийного ряда, которые *не вошли* в поэму Вергилия: в частности, изложение не останавливается на смерти Турна, и на самом деле не останавливается вообще ни на чем – замыкающая его ссылка на список альбанских царей «в другом месте» подразумевает уже раздел *historia* в комментарии Дзоно к Лукану (см. примеч. 82), то есть *historia* – это вообще бесконечный ряд, общий для разных текстов; условно говоря, это «как оно было на самом деле». Выбор отрезка на этой линии – тоже один из элементов обработки «материала» поэтом. Но обычно у предшественников Дзоно в число добавленного поэтом «от себя» к исходной *historia* записываются также божественный аппарат и мифологические детали сюжета (поэт мог ввести их ради аллегории, а мог и просто потому, что поэтам вообще полагается врать). Подлинную историю бегства Энея могли узнавать, например, у Дарета Фригийского, сообщающего пикантный сюжет о том, что Энея вообще-то отпустили потому, что он сдал Трои грекам²⁵. Дзоно же строго следует за версией самого Вергилия, доходя в своем изложении «фактов» до такого вроде бы абсурда в средневековой Европе, как сохранение божественного аппарата без всяких ссылок на аллегорию. Получается такой странный реконструированный исходный вариант повествования, полностью построенный именно на поэтических авторитетах,

бежа XIV–XV вв. у Дзоно была репутация очень неумного комментатора (см. с. 337 настоящей монографии и особенно разбор еще одного выпада Бенвенуто да Имолы против Дзоно в: Rossi L. C. Op. cit. P. 186–187): явление Меркурия в «Энеиде» разрешает очень непростой с этической точки зрения вопрос, как это так Эней бросил Дидону; Дидона, упрекая Энея, говорит (4.375–378): «Я спасла тебя и твоих товарищей, а теперь, видите ли, Меркурий ему велит уехать!» – Эней же настаивает на том, что вообще действует не по своей воле и Меркурий ему правда явился. Всю эту сложную проблематику аллегореза Дзоно превращает в нелепый курьез: Эней бросил Дидону, потому что ему пришла в голову хорошая идея бросить Дидону!

²³ См.: Шумилин М. В. Дзоно де Маньялис и понятие *historia* у позднесредневековых латинских грамматиков. М., 2012.

²⁴ См.: Quadtbauer F. Zur Theorie der Komposition in der mittelalterlichen Rhetorik und Poetik//Rhetoric Revalued/ed. by B. Vickers. Binghampton, 1982. P. 115–131.

²⁵ Дарет Фригийский, История о разрушении Трои 41–42; прямо на Дарета ссылается в связи с этим сюжетом Псевдо-Бернард Сильвестр в комментарии к «Энеиде» (XII в.): *Commentum quod dicitur Bernardi Silvestris super sex libros Eneidos Virgilii*/Ed. J. W. Jones and E. F. Jones. Lincoln, 1977. P. 15; тот же сюжет излагается и в начале среднеирландских «Блужданий Энея», которые вообще, по-видимому, сильно зависят от концепции *historia*: подробнее см.: примеч. 67 и Шумилин М. В. Дзоно де Маньялис и понятие *historia* у позднесредневековых латинских грамматиков.

но в то же время общий для разных текстов, то есть как будто бы по-своему «объективный»²⁶.

Литературоведческую традицию, описанную выше, сложно назвать «ренессансной»: разумеется, это был один из тех компонентов университетского истеблишмента, от которых отмежевывались гуманисты XV в. Какое же литературоведение приходит на смену традиции *accessus*’ов? Для ответа на этот вопрос мы также привели ниже один из текстов, показывающих, как работают с общей интерпретацией художественного текста гуманисты: письмо Франческо Филельфо (Philelphus, 1398–1481) к Чириако (или Кириаку) из Анконы (1391 – ок. 1449) от 21 декабря 1427 г., посвященное истолкованию «Энеиды» (= Письма 1.12). Знаменитый поэт, переводчик с греческого и преподаватель Франческо Филельфо²⁷ учился в Падуанском университете, главном университете области Венето, и впоследствии, сделав карьеру в Венеции, в качестве должностного лица Венецианской республики с 1420 по 1427 г. проживал в Константинополе; в декабре 1427 г. он только вернулся в Венецию (впоследствии Филельфо еще многократно будет менять место обитания, закрепляясь особенно надолго во Флоренции, Сьене и Милане).

«Ты просишь меня, — пишет Филельфо, — чтобы я тебе разъяснил, каковы были намерения (*sententia*) Публия Вергилия Марона, когда он сочинял свою “Энеиду”: ведь тебя, разумеется, совершенно не удовлетворяет общепринятое мнение, которое внушают еще школьные учителя, что Вергилий собирался с одной стороны подражать Гомеру, с другой — воспеть Августа». По этой формулировке довольно хорошо видно, что письмо Филельфо — выпад против той самой системы *accessus*’ов и их формализованного, «схематичного» подхода к работе с текстом. Правда, вместо комментаторского термина *intentio* Филельфо использует слово *sententia* («замысел» или «мысль»), но отвергаемые им ответы — это те самые, которые бесконечно повторяются в соответствующих разделах средневековых комментариев к «Энеиде» (ср., в частности, у Дзоно: «Целевая причина, руководившая писавшим, с точки зрения буквально-го смысла — восславить Октавиана, чтобы побудить его вернуть себе и мантуанцам свои владения... Или же целевая причина была подражать Гомеру»; те же самые формулировки мы находим уже у Сервия). Претензия Филельфо не в том, чтобы Вергилий не хотел воспеть Августа или подражать Гомеру, а в том, что это совсем не описывает замысел «Энеиды», что это, как и большинство продуктов описанной нами выше средневековой системы, ответы «для галочки», ответы, рожденные не из какой-то полноценной мысли, а просто из необходимости как-нибудь отвечать на задаваемый

²⁶ Подробнее см. примеч. 67. С другой стороны смотрит на новизну подхода Дзоно Ф. Сток (*Stok F. Virgil Between the Middle Ages and the Renaissance*. P. 20), отмечающий, что Дзоно склонен вычищать (хотя и не вполне последовательно) из биографии Вергилия средневековые фантастические анекдоты и что эта склонность вписывается в контекст позднейших тенденций ренессансных биографий Вергилия (уже Петрарка критиковал средневековые легенды о Вергилии-маге).

²⁷ См.: *Иванова Ю. В. Поэзия гуманизма // История литературы Италии. Т. III. Кн. 1 / отв. ред. М. Л. Андреев. М., 2007. С. 277–286.*

схемой вопрос. И, конечно, эта критика попадает в цель: Средние века, по сути дела, породили плохо управляемый и громоздкий «бюрократический аппарат» литературоведения вместо самого литературоведения, и совершенно понятно, почему гуманисты так легко отбрасывают его. Но что же остается взамен?

А взамен Филельфо предлагает вернуться к аллегорезе²⁸: парадоксальным образом его текст гораздо более аллегоризирующий, чем текст Дзоно. Причем именно «вернуться»: хотя Филельфо, провозглашая новизну своего подхода, соответственно, ведет себя так, как будто бы все придумал сам, на самом деле он почти полностью зависим от традиции — на этот раз прежде всего от «Изложения вергилиевского содержания в соответствии с моральными философами» позднеантичного грамматика Фульгенция (V–VI в.).²⁹ При этом Дзоно также вполне знаком с текстом Фульгенция и даже, в отличие от Филельфо, несколько раз прямо ссылается на него. Филельфо воспроизводит и общую канву («Энеида» изображает жизнь человека), и многие детали «Изложения» — достаточно сравнить с переведенным ниже полностью текстом Филельфо следующие далее отрывки из Фульгенция (87.3–6, 91.6–12, 93.20–21, 94.16–19, 95.1–4, 95.14–96.3 Helm), чтобы оценить степень зависимости: «Далее, потому я взял такое начало — “битвы и мужа пою” <Энеида 1.1>, что в слове “битвы” указывал на доблесть, а в слове “муж” — на мудрость: ведь всякое совершенство заключается в доблести тела и мудрости разума. <...> Кораблекрушение я вставил, изображая опасное рождение, при котором и мать страдает от родов, и для ребенка есть опасность в рождении. И эта необходимость касается всего рода человеческого. Ведь, чтобы ты яснее увидел, кораблекрушение это устраивается Юноной, которая есть богиня родов. Ведь и Эола она вводит в дело: Эол ведь по-гречески как будто бы *eonolus*, то есть “гибель века” <αἰών “век” + ὄλλυμι “губить”>. <...> Во второй же и третьей книге он <Эней> отвлекается на рассказы, на которые обычно отвлекается мальчишеская болтливость. <...> И вот душа, раненная отцовским суждением, в четвертой книге и на охоту выходит, и любовью оказывается палима, и, принужденная бурей и тучами, словно в помешательстве разума, совершает прелюбодеяние. <...> В пятой же книге, привлеченный созерцанием отцовской памяти, он упражняется в юношеских играх. И что же это такое, если не то, как уже более благоразумный возраст, следуя за примерами отеческой памяти, упражняет тело в делах свободы? <...> В шестой же книге, прибыв к храму Аполлона, он спускается в преисподнюю; значит, <...> он приходит к храму Аполлона, то есть к учености науки, и там вопрошает о порядке будущей жизни и узнает, как спуститься в преисподнюю,

²⁸ См. также: *Giustiniani V.R.* Il Filelfo, l'interpretazione allegorica di Virgilio e la tripartizione platonica dell'anima // *Umanesimo e Rinascimento: Studi offerti a Paul Oskar Kristeller/a cura di V. Branca, A. Frugoni, E. Garin, V.R. Giustiniani, S. Mariotti, A. Perosa, C. Vasoli.* Firenze, 1980. P. 33–44.

²⁹ См. о нем, напр.: *Rauner-Hafner G.* Die Vergilinterpretation des Fulgentius // *Mittelateinisches Jahrbuch.* 1978. Bd. 13. S. 7–49.

то есть «когда кто-то размышляет о будущем, тогда он проникает в темные и сокрытые тайны мудрости»».

Но интересно, что зависим Филельфо, по-видимому, не только непосредственно от (все-таки античного) Фульгенция: в частности, у Фульгенция отсутствует идея, что смерть Турна в самом конце поэмы изображает смерть как конец человеческой жизни; но вот у того же самого Дзоно мы как раз эту мысль находим: «Фульгенций считает, что он <...> дошел до самой смерти <...> и, раз книга заканчивается смертью Турна, то значит, произведение завершено»³⁰.

Аллегореза, существовавшая независимо от *accessus*-ов и комментариев и в Средние века (можно вспомнить приписанную Фульгенцию аллегорезу «Фиваиды» Стация, созданную в XII в.³¹, или французского «Морализованного Овидия»), становится самой удобной формой для литературоведения «вне *accessus*-ов» в XV в.: Филельфо позднее (в 1443 г.) напишет еще одно письмо к Чириако по поводу аллегорической трактовки «Энеиды»; аллегорически будет толковать поэму Вергилия и Кристофоро Ландино в своих «Камальдолийских беседах» (1473–1474)³²; между 1447 и 1455 гг. венецианский врач Джованни Кальдьера создаст сочинение под названием «Согласия между поэтами, философами и теологами»; можно вспомнить и о традиции XIV в., хоть и не в такой степени ориентированной на интерпретацию конкретного текста, но включающей в себя такие значимые тексты, как «Генеалогия языческих богов» Джованни Боккаччо (1360–1374) и «О подвигах Геркулеса» Колуччо Салутати (1406). Но при всем удобстве освобожденного от пут *accessus*-ов непосредственного толкования, этот подход сохраняет, по сути, главную проблему средневекового литературоведения: то, что литературоведческие методы фактически заимствуются у философии, и подразумевается, что автор-классик всегда доносит какое-то философское сообщение. Естественно, рано или поздно должна была последовать реакция и на это.

Действительно, игнорирование аллегорического подхода по ходу XV в. в Италии явно нарастает³³, хотя прямые выпады против аллегорезы встречаются редко³⁴ —

³⁰ Можно найти и другие точки соприкосновения со средневековой традицией в толковании Филельфо: см., напр.: *Bernard J. D. Ceremonies of Innocence: Pastoralism in the Poetry of Edmund Spenser*. Cambridge, 1989. P. 45–46.

³¹ См. о датировке: *Wetherbee W. From Late Antiquity to the Twelfth Century* // *The Cambridge History of Literary Criticism*. Vol. II: *The Middle Ages* / ed. by A. Minnis, I. Johnson. Cambridge, 2005. P. 137.

³² См.: *Bernard J. D. Op. cit.* P. 46–47.

³³ См.: *Robey D. Humanist Views on the Study of Poetry in the Early Italian Renaissance* // *The Cambridge History of Literary Criticism*. Vol. II. P. 626–648.

³⁴ Ср., однако, Поджо Браччолини, О жадности 17.2: «Я всегда презирал это нелепое подозрение в авторитетности (*auctoritas*) и мудрости, которые, как некоторые подозревают, сокрыты внутри вымыслов вещами околичностями поэтов, хотя даже сам Сенека говорит, что задача поэтов в том, чтобы услаждать уши и сплетать мифы <О благодеяниях 1.4.5>. Ведь что может быть более глупо, чем (как случилось с одним мужем нашего века) полагать, что пьесы Плавта, Теренция и прочих обозначают под прикрытием измененных лиц что-то более секретное и тайное? Мы же знаем, что они придумывались для услаждения слуха толпы и продавались эдилам для проведения праздников».

на поверхность недовольство аллегорией выйдет скорее в XVI в.³⁵ Франсуа Рабле (который уже неплохо представляет себе и греческую традицию аллегорезы) будет писать в прологе к будущей первой книге «Гаргантюа и Пантагрюэля» (1534, пер. с фр. Н. Любимова с нашими поправками и пояснениями): «Неужто вы в самом деле придерживаетесь того мнения, что Гомер, когда писал «Илиаду» и «Одиссею», помышлял о тех аллегориях, которые ему приписали Плутарх <т. е. Псевдо-Плутарх в «Жизнеописании Гомера»>, Гераклид Понтийский <т. е. Гераклит Аллегорист в «Гомеровских вопросах»>, Евстафий <византийский комментатор Гомера Евстафий Солунский>, Форнут <т. е. Корнут в «Компендии греческой теологии»> и которые впоследствии у них же выкрал Полициано? Если вы придерживаетесь этого мнения, значит, мне с вами не по пути, ибо я полагаю, что Гомер так же мало думал об этих аллегориях, как Овидий в своих «Метаморфозах» о христианских святынях, а между тем один пустоголовый монах, подхалим, каких мало, тщился доказать обратное, однако ж другого такого дурака, который был бы ему, как говорится, под стать, не нашлось».

Что же предлагается вместо аллегорезы? Появляется ли какое-то альтернативное ренессансное интерпретативное литературоведение? По сути дела, нет. Наиболее серьезным проектом такового можно считать «Смесь» того самого Анджело Полициано, заклеянного Рабле в приведенной цитате за «Речь о толковании Гомера», 1485–1486 (и, возможно, также за стихотворение «Амбра» из сборника «Сильвы») ³⁶. Отношения Полициано с аллегорезой сложные: даже в «Речи...» и «Амбре» в основном речь идет не собственно об аллегории, а о том, что представления Гомера об устройстве мира предвещают философские и научные взгляды позднейших эпох (собственно, учебники по греческой философии до сих пор иногда начинаются с обсуждения мировоззрения Гомера) ³⁷; изредка Полициано позволяет себе более тянущие на аллгорию выводы вроде того, что разделение мира между тремя братьями Зевсом, Посейдоном и Аидом соотносится с пред-

³⁵ Труды в традиции аллегорезы в XVI в. появляться, конечно, будут, но это будут в основном аллегорические толкования языческих мифов, а не литературных произведений: например, «Мифологическая теология» Георга Пикториуса (или Малера, 1532), «Мифология, или истолкования мифов» Натале Конти (1551), «Происхождение божеств и героев» (опубл. 1775) Алессандро Сарди (1520–1588). В некоторых из поэтик XVI в. (у Джованни Антонио Виперано, Якопо Мадзони, того же самого Сарди в беседе «О поэзии Данте») аллегория провозглашалась достоинством эпической поэмы: см.: *Borris K. Allegory and Epic in English Renaissance Literature: Heroic Form in Sidney, Spenser, and Milton*. Cambridge, 2000. P. 30–31.

³⁶ Подробнее см.: *Grafton A. Renaissance Readers of Homer's Ancient Readers//Homer's Ancient Readers: The Hermeneutics of Greek Epic's Earliest Exegetes* / ed. by R. Lamberton, J. J. Keaney. Princeton, 1992. P. 149–172.

³⁷ См., напр.: *Kirk G. S., Raven J. E. The Presocratic Philosophers*. Cambridge, 1957. P. 10–24; *Guthrie W. K. C. A History of Greek Philosophy*. Vol. I. Cambridge, 1962. P. 26–28.

ставлением о четырех элементах³⁸. В «Смеси» Полициано предложит уже другую модель работы с текстом, о которой см. главу 16 настоящей монографии. Однако и эта новая модель не приживется.

В целом XVI в. будет решать проблему непонятности того, что же конкретно из себя должна представлять интерпретация художественного текста как целого, не за счет инструментария философии, как в Средние века (подтасовка, содержащаяся в таком подходе, со временем все менее устраивает гуманистов), а, по сути дела, за счет отказа от такой интерпретации в принципе. Изучение классической литературы в XVI в. будет заиклено на текстологии, вопросах стиля и нормативных поэтиках, практически отвергая любую другую проблематику (кроме, может быть, разъяснения буквального смысла конкретных сложных пассажей). Это, вероятно, объясняется изменением отношений между классическим автором и его читателем: теперь античный автор все больше мыслится не как недостижимый авторитет и отделенный бесконечной дистанцией учитель, а как мудрый собеседник, на реплики которого современный читатель должен как-то активно *отвечать* (например, своим новым произведением, которое отвечает заветам Аристотеля и Горация, или своим языком и стилем, которые не хуже цicerоновских, или своей политической и культурной деятельностью)³⁹. Чтобы *отвечать*, нужно правильно прочесть текст древнего собеседника (отсюда акцент на текстологии и иногда на буквальном понимании текста), но совсем не нужно искать в тексте что-то кроме того, что лежит на поверхности. Вопросы в духе «что хотел сказать Вергилий...» на ближайшие несколько столетий с повестки дня оказались сняты.

Перевод *accessus*'а к Вергилию Дзона де Маньялиса выполнен М. В. Шумилиным по собственной расшифровке текста рукописи Laurentianus Plut. 53.25, кроме жизнеописания Вергилия, опубликованного в статье: *Stok F. La «Vita di Virgilio» di Zono de' Magnalis*// *Rivista di cultura classica e medioevale*. Vol. 33. 1991. P. 143–181. Текст письма Филельфо переведен Н. Е. Самохваловой по публикации в статье: *Giustiniani V.R. Il Filelfo, l'interpretazione allegorica di Virgilio e la tripartizione platonica dell'anima*// *Umanesimo e Rinascimento: Studi offerti a Paul Oskar Kristeller*/a cura di V. Branca, A. Frugoni, E. Garin, V. R. Giustiniani, S. Mariotti, A. Perosa, C. Vasoli. Firenze, 1980. P. 33–44.

³⁸ Это место Полициано действительно почти дословно переводит из Псевдо-Плутарха, Жизнеописание Гомера 1005–1012 Kinstrand. Псевдо-Плутарх тоже занят не столько аллегорией Гомера, сколько просто демонстрацией его мудрости в разных областях, так что главным образцом Полициано, вероятно, следует считать именно этот текст; ср.: *Poliziano A. Oratio in expositione Homeri*/a cura di P. Megna. Roma, 2007. P. xxxvii.

³⁹ См.: *Norton G. P. Introduction*// *The Cambridge History of Literary Criticism*. Vol. III: *The Renaissance*/ed. by G. P. Norton. Cambridge, 1999. P. 1–22; *Иванова Ю. В., Соколов П. В.* Кроме Декарта: Размышления о месте в интеллектуальной культуре Европы раннего Нового времени. Гуманитарные дисциплины. М., 2011. С. 20–27.

Дзоно де Маньялис

КОММЕНТАРИЙ К ВЕРГИЛИЮ. ВСТУПЛЕНИЕ

*Omnia divino monstravit*⁴⁰ *carmine vates* <«Все в божественной показал песни поэт», Псевдо-Овидий, Четверостишия о каждой из книг «Георгик» 16>. Поскольку, как представляется, все вещи держатся, если начало у них подобающее и любезное Богу, и обрушивается в прах строение всех вещей, которые не получили основания от Первоначального, то всякое наше дело прежде всего должно смиренно молить всеми силами души о помощи божественного Величия, как нас побуждают делать пять наставлений, то есть Божье, евангельское, апостольское, каноническое и гражданское: Божье, как например «О чем ни попросите Отца, даст вам» <Ин. 16:23>; евангельское, как например «В начале было Слово» <Ин. 1:1>; апостольское, как например «Все, что вы делаете, все делайте во имя Господа» <Кол. 3:17>; каноническое, как например глава первая о вышней и нераздельной Троице⁴¹; гражданское, как например закон «Во имя Господа» <Кодекс Юстиниана 1.27.2>. И вот, следуя этим наставлениям, я, призывая помощь Божью, скажу такие слова Кассиодора, написанные в одиннадцатой книге «Разного» <11.2.3>: «Пусть наставляет нас тот, кто мудр об истинной мудрости; пусть лечит нас тот, кто приводит в состояние истинного здоровья; а душу нашу пусть просвещает тот, кто сияет отблесками небесной ясности»⁴², — чтобы наконец блеск Его света для настоящего труда открыл начало пути, благословил продвижение вперед и удостоил исход достохвального завершения. О Отче наш, Альфа и Царь народов, подавший миру начало в первый из дней, иже еси на небеси расположен, Марии Первенец, сердце наполни вдохновением божественным!

Ныне же у нас, о Святой Дух, «природа человеческая во многих отношениях является служанкой» <Аристотель, Метафизика 982b29–30>, то есть в отношении души и в отношении тела. Поэтому от природы первенствующим

⁴⁰ Переписчик нашей рукописи систематически пропускает *n* в слове *monstrare* и всех его производных (что, конечно, связано с фонетикой итальянского языка, в котором звук *n* в этой позиции выпадал).

⁴¹ *Primum de summa et individua trinitate*. С такого титула начинаются четыре правовых свода, которые мог использовать Дзоно: Кодекс Юстиниана, Книга декреталий Григория IX, Шестая книга Бонифация VIII и Климентины (в сверенных мною ранних изданиях этих сводов точная формулировка титула нигде не соответствует формулировке Дзоно, везде отсутствуют слова *et individua*: Codex domini iustinianiani... In Nuremberga, 1475. Fol. 7r; Compilatio nova decretalium Gregorii pape IX... <Argentorati, 1470–1472>. Fol. 1v; Sexti libri decretalium opus perutile... Venetiis, 1479 (в издательстве Николя Жансона). Fol. a6 r; Glosse Clementine cum quibusdam aliis allegationibus occurrentibus... <Colonie, 1477>. Fol. 1r). Я благодарю А. В. Мареев за помощь в составлении данного примечания.

⁴² Дзоно то ли сам сильно переиначивает цитату из Кассиодора, то ли пользуется экстравагантной рукописью; текст соответствующего места Кассиодора выглядит так: «Пусть наставляет то, что мудро об истинной мудрости; пусть просвещает то, что сияет отблесками небесной ясности».

и преобладающим является тот, кто может помочь себе и другим с помощью разума. И «люди, которые сильны самим интеллектом и интеллектуальными добродетелями, должны в соответствии с природой быть господами и правителями других. А те, кто не сильны интеллектуальными добродетелями, но крепки и мощны, те должны быть рабами и подданными других. И как кто-то не сильный интеллектом является рабом из-за своего несовершенства, так и в отношении тела из-за недостатка богатств, как естественных, так и рукотворных, многие становятся и становились рабами»⁴³. Ведь «без внешних благ, над которыми главенствует судьба, невозможно быть счастливым» <Псевдо-Аристотель, Большая этика 2.8.12>⁴⁴ — я говорю о счастье практическом.

Для устранения же этих несовершенств была придумана наука. Поэтому нам дано естественное желание узнавать больше, как ясно сказано в первой книге «Метафизики» <980a21>: «Все люди по природе стремятся к знанию»⁴⁵. Отсюда и Боэций: «От природы в нас заложено стремление к истинному благу» <Утешение философией 3.пр2.4>.

Принимая во внимание это несовершенство, блистательнейший из поэтов Вергилий, чтобы устранить несовершенство, отправился учиться наукам в упомянутую выше⁴⁶ Кремону⁴⁷, затем в Медиолан⁴⁸, затем в Афи-

⁴³ Слегка видоизмененная цитата из самого начала «Разделения наук» (1280) Иоанна Дакийского (1.1.3.1–12 Otto), пересказывающего первую книгу «Политики» Аристотеля: «Природа человеческая во многих отношениях является служанкой», как говорится в первой книге «Метафизики». Происходит же это из-за несовершенства ее как в отношении души, так и в отношении тела. И, обращая внимание на это несовершенство, Философ пишет в первой книге «Политики», что люди, которые сильны интеллектом и интеллектуальными добродетелями, должны в соответствии с природой быть господами и правителями других, а те, кто не сильны интеллектуальными добродетелями, но крепки и мощны, те должны быть рабами и подданными других. И как кто-то не сильный интеллектом из-за своего несовершенства в соответствии с природой является рабом, так и из-за несовершенства и ущербности в отношении тела, то есть из-за недостатка богатств, как естественных, так и рукотворных, многие становятся и становились рабами». От Иоанна Дакийского также сохранился ряд грамматических сочинений, в том числе трактат «О модусах обозначения» (не позднее 1297).

⁴⁴ В Средние века на Западе этот текст был известен в составе ходившей под именем Аристотеля компиляции «О доброй фортуны».

⁴⁵ Ср. продолжение цитированного текста Иоанна Дакийского (1.1.3.13–16 Otto): «Поэтому для устранения таких несовершенств человеку дано естественное желание приобретать совершенство, каковыми являются науки и добродетели, в соответствии с этим высказыванием Философа в начале «Древней Метафизики»: «Все люди по природе стремятся к знанию». Заметим, что Дзано, цитируя, искажает ход мысли Иоанна: как может тот факт, что человеку «дано естественное желание» знать (*datum est nobis naturale desiderium* у Дзано, *datum est homini naturale desiderium* у Иоанна) — видимо, дано Богом? — вытекать из «изобретения» науки (*inventum est scientia* у Дзано), очевидно, человеком?

⁴⁶ *Prefatam*: в настоящем тексте Кремона еще не упоминалась, очевидно, формулировка переписана из какого-то другого варианта введения или из другого текста.

⁴⁷ Ср. Донатовское жизнеописание Вергилия 6 (эксерпты 62.7 Stok), Иероним, Хроника 180.2, Сервиевское жизнеописание Вергилия 149.6 Brugnoli.

⁴⁸ Ср. Донатовское жизнеописание Вергилия 7 (эксерпты 62.8 Stok), Иероним, Хроника 181.4, Сервиевское жизнеописание Вергилия 149.6–150.1 Brugnoli.

ны⁴⁹. В результате он таким глубочайшим образом дошел до самого верха учености⁵⁰, что выдающийся поэт, а именно Овидий из Пелигна⁵¹, восхищаясь глубочайшей мудростью Вергилия Марона, написал в четверостишии о третьей книге «Георгик» приведенные выше⁵² слова, то есть «Всё в божественной», и так далее.

В этих сказанных во хвалу Вергилию словах отмечаются по порядку пять вещей. А именно: первой отмечается всеобщность знания, второй — достоинство вдохновения, третьей — ясность образа изложения, четвертой — сладость мелодии, пятым — достоинство его превосходства.

Я говорю, что первой затрагивается всеобщность знания, потому, что он⁵³ говорит *omnia* <«всё»>. Ведь сам он⁵⁴ сказал обо всем, то есть о небесном, о земном, о философском, или естественно-научном, о моральном, об астрологическом, и о невидимом; и тому, кто смотрит тонко, станет виден смысл его слов. Отсюда

⁴⁹ Сюжет об обучении Вергилия в Афинах отсутствует в позднеантичных жизнеописаниях и появляется, по-видимому, в Средние века: он зафиксирован во «Втором мюнхенском изложении», XII в., во «Втором мюнхенском жизнеописании», XIV–XV век. Ср. особенно текст «Второго мюнхенского изложения»: «А учился он в Кремоне, в Неаполе и в Медиолане, последними же в Афинах: отсюда Гораций в книге «Од» в той оде, где он провожает корабль <1.3.5–6>: «Корабль, который должен вернуть данного тебе в долг Вергилия» и т. д.» Похоже, сюжет об обучении в Афинах был выведен из содержания этой самой оды, в которой Вергилий плывет в Аттику. Как указывает Ф. Сток (*Stok F. La «Vita di Virgilio» di Zono de' Magnalis. P. 149, n. 35*), рукопись Marcianus XIII 61 в этом месте добавляет, что Вергилий отправился «из мантианской деревни Андос, которая ныне называется Пьетола», и что среди мест его обучения также был Неаполь. Эти сведения, очевидно, взяты из дальнейшего текста жизнеописания.

⁵⁰ *Sic scientifici habitus profundissime fastigium est adeptus*: комичность формулировки («глубочайшим образом достиг самого верха») хорошо показывает, как много штампов в речи комментатора XIV в.

⁵¹ *Ovidius de Peligno*: так называют Овидия в средневековых жизнеописаниях, потому что слово «пелигн» (на самом деле название народности) стали трактовать как название населенного пункта, откуда родом был Овидий: ср. начало комментария к Овидию в рукописи Leiden, Bibliotheek der Rijksuniversiteit, BPL 191 D, fol. 139r, XIII в.: «Овидий, происходящий из города Пелигна...» (*Bibliotheca Universitatis Leidensis. Codices manuscripti. Vol. III: Codices Bibliothecae publicae Latini. Leiden, 1912. P. 97*) — и аналогичное начало комментария к «Лекарству от любви» в рукописи München, Bayerische Staatsbibliothek, CLM 14809, XII/XIII в., fol. 64v (*Coulson F. T., Roy B. Incipitarius Ovidianum: A Finding Guide for Texts in Latin Related to the Study of Ovid in the Middle Ages and Renaissance. Turnhout, 2000. P. 93*), а также эпитет *Pelignensis* «Пелигнский», регулярно сопровождающий имя Овидия в паратекстах Псевдо-Овидиевской поэмы XIII в. «Про старушку» (*The Pseudo-Ovidian De vetula* / ed. by D. M. Robathan. Amsterdam, 1969. P. 49, 107, 138 etc.; ср. в прилагавшемся к рукописям *De vetula* акцессусе, *Ovidii Nasonis Pelignensis De vetula liber. Coloniae, 1479. Fol. f4 g*: «В Пелигне, городе этой области, родился Овидий по прозвищу Назон, названный так из-за размера своего носа»).

⁵² Фабио Сток, цитирующий это место в: *Stok F. La «Vita di Virgilio» di Zono de' Magnalis. P. 149*, читает здесь (используя кроме нашей рукописи еще Marcianus XIII 61) *sibi propositum*, мы переводим по варианту *supra propositum*, который, как мы полагаем, подразумевался переписчиком нашей рукописи.

⁵³ Овидий. Привычка комментатора говорить «он» про комментируемого автора создает здесь путаницу, поскольку во введении комментируется не текст Вергилия, а служащий своего рода эпиграфом текст про Вергилия. Строить введение к комментарию как такой комментарий к эпиграфу тоже было конвенцией: например, средневековые комментарии к Лукану часто начинаются с комментария к его эпитафии (*Corduba me genuit* «Родила меня Кордуба...»).

⁵⁴ *Ipsē*: на этот раз речь о Вергилии.

во второй книге «Георгик» <2.475–482>: «Меня же в первую очередь, прежде всего пусть примут сладкие музы, обряды которых я справляю, пораженный великой любовью, и пусть они покажут мне пути небес и светила, разные слабости солнца и страдания луны, откуда дрожь у земель, от какой силы глубокие моря вздуваются, сломав преграды, и вновь оседают в самих себя, почему зимние солнца так спешат окунуться в океан, или что за задержка мешает медлительным ночам». И во многих других местах он касается всеобщности знания. Отсюда Гораций <Послание к Пизонам 343>: «Все голоса забрал», — а Макробий о нем самом⁵⁵ говорит так <Комментарий к Сну Сципиона 1.6.44>: «Не было такой науки, в которой Вергилий не был просвещен». Поэтому о нашем поэте можно сказать вместе с псалмопевцем <Пс. 113:11>: «Сотворил всё, что захотел», поскольку сделал он много и замечательнейшим образом. И среди прочего мы читаем, что было сделано⁵⁶ то, что называют «Спасением, или сохранением, Рима». В частности, в одном храме были установлены все статуи⁵⁷, и у каждой статуи на груди было написано название народа, который она изображала, и у каждой статуи на шее был колокольчик. И еще там были священники, бодрствующие днем и ночью, которые охраняли эти статуи. И когда какой-нибудь народ собирался поднять восстание против римской власти, статуя этого народа начинала двигаться, и ее колокольчик начинал двигаться и биться у нее на шее. А в середине стояла самая большая статуя — статуя римского народа, и другие стояли вокруг нее. И в такой ситуации затем римская статуя протягивала указательный палец в направлении того народа или в направлении написанного на груди статуи имени того народа. И священник тут же записывал это имя и относил к правителям, и тогда для подавления этого народа высылались войско⁵⁸. Это то, что касается первого пункта.

⁵⁵ *De ipso*: видимо, говорится о том, что у Горация речь как раз не о самом Вергилии (полностью цитата выглядит так: «Все голоса забрал, кто смешал полезное с прекрасным»). В рукописи Marcianus XIII 61 (это место из нее цитирует Д. Компаретти: *Comparetti D. Virgilio nel medio evo: Virgilio nella tradizione letteraria fino a Dante*. Vol. 1. Firenze, 1896. P. 196) на месте слов *unde Oratius* («отсюда Гораций») написано *de eo potest dici illud oratoris*, «о нем можно сказать эти слова оратора» («оратора» — очевидное искажение имени Горация) и дальше отсутствует пояснение *de ipso*, так что текст выглядит логичнее.

⁵⁶ Подразумевается, Вергилием; следующий далее сюжет чаще всего излагается именно в связи с Вергилием, как рассказ об одном из чудесных творений Вергилия в его средневековой ипостаси колдуна-искусника.

⁵⁷ *Erat consecratio omnium statuarum*: искажение какого-нибудь выражения, значившего «статуи всех народов», ср., например, соответствующее место изложения той же самой легенды в приписывавшемся Беде Достопочтенному тексте «О семи чудесах света» (если он и правда принадлежит Беде, то это самая ранняя фиксация этой легенды), по некоторым из рукописей: *Et ibi consecratio omnium statuarum gentium*, «И там были установлены все статуи народов» (*Graf A. Roma nella memoria e nelle immaginazioni del Medio Evo*. Torino, 1923. P. 148–149).

⁵⁸ Ф. Сток (*Stok F. La «Vita di Virgilio» di Zono de' Magnalis*. P. 150) указывает, что непосредственным источником для рассказа Дзона об этой легенде, скорее всего, послужил почти дословно совпадающий с ним текст (Псевдо?-)Уолтера Берли (О жизни и нравах философов и древних поэтов 215 Stigall),

Второй, я говорю, затрагивается достославность вдохновения, поскольку говорится *divino* <«в божественной»>: ведь поистине на него снизошло божественное просветление, и такое пролилось в Марона количество знания, что Макробий сказал о нем, будто «никакой тьмы блуждание его не объяло» <Комментарий к Сну Сципиона 2.8.1>. А этого быть не может, если не было у него божественного просветления. Ведь помнить обо всем и совершенно ни в чем не ошибаться — это свойство скорее божества, чем смертности. И в другом месте <Книга пяти ключей мудрости 9>: «Кроме как от Бога, не научишься никакой мудрости». Это то, что касается второго пункта.

Третьей — ясность образа изложения: она отмечается, когда он говорит *mostravit* <«показал»>. Ведь вам известно, что *demonstratio* <«демонстрация»> — яснейший из образов изложения, поскольку «исходит из истинного, первичного и непосредственного, предшествующего, и более известного, и необходимых причин вывода» <Аристотель, Вторая аналитика 71b20–22>. Туллий пишет о ней в четвертой книге «Новой риторики»: «*Demonstratio* — это когда предмет так выражен словами, что кажется, будто дело происходит прямо перед глазами» <Риторика к Гереннию 4.68>⁵⁹. Это то, что касается третьего пункта.

Четвертой затрагивается сладость мелодии, когда он говорит *carmine* <«песни»>. Отсюда в «Буколиках» <5.45–47>: «Такова для нас твоя песнь, божественный поэт, каков для усталых сон на травке, каково по жаре утолить жажду бегущим ручьем сладкой воды»; Гораций <Послание 2.1.138>: «Песнь умиротворяет вышних богов, песнь и манов»; Бозций <Утешение философией 3.метр 12.42–43>: «Подарим мужу спутницей супругу, песнью купленную». И отсюда ясно про сладость мелодии. Это то, что касается четвертого пункта.

Пятым и последним затрагивается достоинство превосходства, поскольку он говорит *vates*. Ведь *vates* — это то же самое, что «пророк», «поэт» или «священник». А известно, что пророк, поэт или священник — выдающееся достоинство. Поэтому Гораций пишет, говоря о деле поэта (*vatis*) <Послания 2.1.126–131>: «Устам мальчика, нежным и спотыкающимся, поэт (*poeta*) придает форму, отвращает уже сейчас уши от грязных речей, затем и сердце его формирует дружескими наставлениями, ругая грубость, и зависть, и гнев, рассказывает о хороших поступках, наставляет растущий возраст известными примерами, утешает слабого и страдающего». Это то, что касается пятого пункта.

terminus ante quem которого тогда приходится сдвигать с 1341 на 1336 г. Источником Берли Сток, в свою очередь, называет «Историческое зеркало» Винсента из Бове (6.60); если попытаться теоретически допустить (маловероятную, конечно) зависимость Берли от Дзоно, то источником Дзоно, вероятно, нужно будет считать Винсента (который сам использовал (Псевдо?)Беду). Как отмечает Сток, другие авторы XIV в. обычно знают эту легенду в версии Александра Неккама (О природе вещей 174).

⁵⁹ Объясняя значение слова *mo(n)strare*, Дзоно приводит два определения, в которых слово *demo(n)stratio* используется для передачи двух разных греческих технических терминов — ἀποδείξις («доказательство») у Аристотеля и ἐνάρτυσις («риторическая наглядность») в «Риторике к Гереннию».

И таким образом ясно, что приведенная выше строчка пятью способами касается похвалы Вергилию. Августин говорит о нем в «О граде Божьем» <1.3>: «Мудрейший, разумнейший и славнейший поэт был Вергилий»⁶⁰, и потому из-за своей глубокой учености⁶¹ он заслужил, чтобы всеобщее имя⁶² употреблялось антономастически как его собственное, так что он назывался бы собственным именем *Vates* или Поэт (*Poeta*)⁶³.

Размышляя о трех видах жизни, то есть жизни созерцательной (*contemplativa*), жизни в удовольствиях (*voluptuosa*) и жизни деятельной (*activa*) <Аристотель, Никомахова этика 1095b17–19>, он написал три торжественных произведения, а именно сначала «Буколику», под которой подразумевается жизнь созерцательная, затем «Георгику», под которой подразумевается жизнь в удовольствиях (отсюда в «Георгиках» <2.485–486>: «Пусть мне будут милы деревни и потоки, орошающие долины, пусть я буду любить реки и леса», и так далее), затем «Энеиду», под которой можно понять жизнь деятельную. И эти три произведения, если небо позволит, я, Дзано, флорентиец по обоим родителям, возьмусь объяснить, начав с «Энеиды»⁶⁴. Эту милость, чтобы я смог их объяснить, пусть мне уступит по Своему милосердию славный и высокий Иисус Христос, блаженный и достославный во веки веков. Аминь.

РАЗДЕЛЕНИЕ (DIVISIO), ИЛИ ОПРЕДЕЛЕНИЕ (DIFFINITIO) ЭТОЙ КНИГИ

Что «понимание и познание всех наук происходит благодаря узнаванию их начал, или причин, или оснований», по первой книге «Физики» <Аристотель, Физика 184a10–12>, свидетелем истинности выступает Вергилий в «Георгиках» <2.490>: «Блажен, кто смог познать причины вещей»⁶⁵. Поэтому хо-

⁶⁰ *Sapientissimus, prudentissimus illustrissimusque poeta fuit Virgilius*, ср. текст Августина: *poeta magnus omniumque praeclarissimus atque optimus*, «Поэт великий и самый славный и лучший из всех».

⁶¹ Текст, который Сток (*Stok F. La «Vita di Virgilio» di Zono de' Magnalis. P. 151*) расшифровывает как *sue profunditate scientie*, в нашей рукописи отчетливо читается как *sua profunditate scientie*.

⁶² Сток (*Stok F. La «Vita di Virgilio» di Zono de' Magnalis. P. 151*) читает в этом месте *nomen rerum omnium*, «имя всех вещей», в нашей рукописи написано *nomen comune omnium*.

⁶³ Как указывает Сток (*Stok F. La «Vita di Virgilio» di Zono de' Magnalis. P. 151*), рукопись Marcianus XIII 61 добавляет в этом месте: «как блаженный Павел — Апостол, а Аристотель — Философ». На самом деле, насколько нам известно, такое обозначение Вергилия никогда не закреплялось в традиции.

⁶⁴ Два конкурирующих порядка трудов Вергилия сосуществуют уже в античной комментаторской традиции: Сервий, хотя и знает про «хронологический» канон («Буколики» — «Георгики» — «Энеида»), тоже начинает свой комментарий с «Энеиды» (как более значимой).

⁶⁵ *Quoniam quidem intelligere et scire contingit circa omnes scientias quarum sunt principia aut cause aut elementa ex horum agnitione ut primo physicorum veritatis certicator testatur et Virgilius in Georgicis «Felix qui potuit rerum cognoscere causas»*. С той же самой цитаты из Аристотеля начинаются и «Новые модусы обозначения» Фомы Эрфуртского (не позднее 1310 г.), один из главных схоластических учебников по грамматике XIV в.: *Quoniam quidem intelligere et scire contingit in omni scientia ex cognitione principiorum, ut scribitur primo phisicorum, nos ergo*,

рошо, подступаясь к настоящему произведению, сразу разобрать его причины. Причин же бывает четыре, а именно материальная, формальная, действующая и целевая⁶⁶.

Материальная причина — это Эней, или история троянца Энея, как он прибыл в Италию⁶⁷. Чтобы это стало понятнее, следует отметить⁶⁸, что после разрушения города Трои Эней вместе со многими спасшимися из опустошаемой Трои прибыл к Антандру <Энеида 3.6> и там приказал построить

volentes habere scientie grammaticae noticiam, circa omnia eius principia, cuiusmodi sunt modi significandi, per se primo oportet insistere, «Поскольку понимание и познание во всякой науке происходит благодаря узнаванию начал», как написано в первой книге «Физики», то и нам, если мы желаем приобрести знание грамматической науки, следует сначала разобрать сами по себе все ее начала, каковыми являются модусы обозначения» (*Bursill-Hall G. L. Grammatica Speculativa of Thomas of Erfurt. London, 1972. P. 134*). Оба автора используют один и тот же латинский перевод «Физики» (так называемую *translatio vetus*), но Дзоно цитирует его ближе к тексту. Судя по статье Ф. Новати (*Novati F. Op. cit. P. 173, n. 1*), в рукописи Vindibonensis Pal. 28 в начале комментария Дзоно цитата из Аристотеля пропущена: «Поскольку, как свидетельствует Вергилий в «Георгиках», «Блажен, кто смог познать причины вещей», то хорошо, подступаясь к настоящему произведению, сразу разобрать его причины».

⁶⁶ Об истории вхождения списка четырех аристотелевских причин в стандартную схему *accessus*'а см. вступление.

⁶⁷ «Материальной причиной» считается содержание произведения (причем в отрыве от самого произведения, примерно как «фабула» в терминологии В. Б. Шкловского: писатель как будто бы берет уже существующий до него ряд событий, и только потом из этого получается текст) просто потому, что по-латински содержание естественно назвать *materia* или *materies*, «материалом» произведения. Парадоксальным образом эта «фабула» («что Вергилий берет в готовом виде») все равно описывается исключительно на основе текста Вергилия, с теми только изменениями, что хронология «выпрямлена» (поэтому третья книга пересказывается перед первой) и дописано окончание истории (ср., впрочем, примеч. 146). В результате получается, что изменения, вносимые Вергилием при переработке «фабулы» в «сюжет» (пользуясь, опять же, терминологией русских формалистов), заключаются в выборе конечного отрезка и изменении порядка изложения событий с помощью «флешбэка» — рассказа Энея, в остальном же Вергилий точно воспроизводит все, «как оно правда было» (правдивость Вергилия, вероятно, рассматривается как аксиома). Выпрямление хронологии популярных в античности нарративов с такими «флешбэками» вообще часто встречается в Средние века: например, аналогичный прием в «Ахиллеиде» Стация устраняется в ирландском переложении XII в., вошедшем в третью редакцию ирландского «Разрушения Трои» (*Ó hAodha D. The Irish Version of Statius' Achilleid // Proceedings of the Royal Irish Academy. Vol. 79C. 1979. P. 83–138*); в немецкой «Энеиде» Генриха фон Фельдеке (XII в.) и ирландских «Блужданиях Энея» (XII в.) рассказ Энея дублируется пересказом в начале нарратива. Поскольку латинское Средневековье вполне сохранило античное представление о том, что поэт перерабатывает в поэзию *historia*, «историю» (*Шумилин М. В. Римская сатира и идея «матризации» текста в античной литературной теории // Индоевропейское языкознание и классическая филология. № 15. 2011. С. 594–601*; в том числе у Сервия, ср.: *Dietz D. B. Historia in the Commentary of Servius // Transactions of the American Philological Association. Vol. 125. 1995. P. 61–97*), то можно, вероятно, говорить о том, что именно этим словом *historia* средневековый автор скорее всего и обозначил бы эту стоящую за текстом «фабулу». Многие средневековые тексты, по-видимому, и пишутся как такая *historia*: выжатое из разных античных текстов «как оно правда было» минус поэтические красоты, причем часто также содержание разных текстов сшивается вместе в последовательный хронологический нарратив, выходящий за рамки одного пересказываемого текста (в результате вместо пересказов какой-нибудь одной «Фарсалии» часто получаются какие-нибудь «Подвиги римлян»). Ср. далее примеч. 82.

⁶⁸ *Ad cuius evidentiam est notandum*: вариант клише из языка средневековой философии (*ad cuius evidentiam sciendum est, ad cuius evidentiam considerandum est*).

20 кораблей <Энеида 1.381>. Когда они были построены, он отплыл и прибыл во Фракию и основал там город, названный по его имени Энеум⁶⁹. Но поскольку там умер троянец Полидор, сын царя Приама, которого Приам отдал на содержание царю Фракии, заплатив много золота, однако после разрушения Трои этот царь Фракии, движимый жадностью, убил Полидора <Энеида 3.49–57>, то Энею было возведено во время жертвоприношения, чтобы он «бежал с жадного берега» <Энеида 3.44> и что он не должен там ничего строить или оставаться, поскольку эти фракийцы — дурные племена, мужи двуличные⁷⁰ и предатели. Услышав это, Эней послушался совета отца Анхиза и прочей знати <Энеида 3.102–117, 129> и, отплыв оттуда на своих кораблях, прибыл на остров Крит и основал там город, названный Пергамом <Энеида 3.133>⁷¹ (а Пергамом⁷² назывались строения Трои от слов *pir* «огонь» и *gamos* «женщина», поскольку Пергам этот был погублен огнем и женщиной)⁷³. И когда Эней так сделал, на них напала эпидемия и многие стали умирать <Энеида 3.135–142>, и тогда опять ему было пророчество, чтобы он отплыл оттуда и отправился в Италию и искал «исходную мать» <Энеида 3.96>, поскольку исходно троянцы были из Италии <Энеида 3.167–168>. Ведь <там> Юпитер совокупился с Электрой и породил Дардана⁷⁴, который переселился во Фригию и первым выстроил город Трою. Тогда Эней,

⁶⁹ В тексте «Энеиды» Эней называет город от своего имени Энеадами (3.16–18): «Несусь туда и на изогнутом берегу ставлю первые стены, вступив туда при неблагоприятном настрое судьбы, и придумываю имя “Энеады” от своего имени». Как показывает комментарий Дзоно к соответствующему месту, флорентинец смешивает два толкования текста Вергилия: считая, что «энеады» — скорее название народа, а не города, он в то же время сохраняет (взяв из схолий, подразумевавших другое толкование конца фразы?) также и сценарий о том, что Эней назвал своим именем город, и для города реконструируется название «Энеум» или «Энеиум» (Fol. 40v): *Prima menia .i. Eneium oppidum a nomine meo <...> fingo .i. nomino gentes Eneydas .s. nomen impositum eis de nomine meo* «Первые стены», то есть Энеиум, город, названный по моему имени <...> “Придумываю”, то есть даю народам имя “энеады”, то есть имя, данное им “от моего имени”».

⁷⁰ *Bilingues*, букв. «двуязыкие».

⁷¹ У Вергилия город называется Пергамея (*Pergameatque vосо*); Дзоно поясняет в комментарии к соответствующему месту, что он понимает это слово как прилагательное («Я называю город Пергамовским») и что собственно название города было *Pergamus*, fol. 43r: *Pergamea, est enim Pergameus, a, um possessivum huius nominis Pergamus: fuit enim vocata illa terra Pergamus propter edificia Troyana que vocata fuerunt Pergama* «*Pergamea*: ведь *Pergameus*, -a, -um — это притяжательная форма от того имени *Pergamus*; ведь земля эта была названа *Pergamus* по троянским строениям, которые назывались *Pergama*».

⁷² Пергам-Троя у Дзоно систематически называется *Pergama*, в отличие от критского Пергама, называемого *Pergamus*.

⁷³ Этимология из «Дериваций» Угуччоне Пизанского (G18: «Также *gamos* соединяется с *pir*, что значит “огонь”, и получается *Pergama*, троянские строения, в том смысле, что они погублены огнем и женщиной»), распространенная в средневековых комментариях и словарях (см., напр.: *Williams J. R. The «De differentiis et derivationibus Grecorum» Attributed to William of Corbeil/Viator. Vol. 3. 1972. P. 308, n. 67; De Cesare R. Glosse latine e antico-francesi all' Alexandreis' di Gautier de Châtillon. Milano, 1951. P. 22, n. 1).*

⁷⁴ *Nam Iupiter concubuit cum Eletra et genuit Dardanum*. Формулировка (такой-то бог *concubuit* «совокупился» с такой-то девушкой и *genuit ex ea* «породил от нее» тех-то) стандартная для мифографической литературы, например для «Ватиканских мифографов».

покинув остров Крит, в конце концов прибыл на Сицилию, и в Трепане⁷⁵ умер Анхиз, отец Энея, о чем Эней очень горевал <Энеида 3.707–711>.

Но когда он отплыл оттуда, чтобы плыть в Италию, на него обрушилась большая буря, в результате которой один из его кораблей утонул <Энеида 1.584>, двенадцать были рассеяны по морю и по Сиртам <Энеида 1.393–400>, а сам он с семьей кораблями <Энеида 1.170> добрался до берега и там переночевал. Когда наступило утро, он оставил эти семь кораблей в безопасной пещере и вышел осмотреть окрестности <Энеида 1.305–313>, и пришел в Карфаген, и предводителей с остальных двенадцати кораблей тоже привели к царице <Энеида 1.509–512>. Она приняла их благосклонно, обещая им помощь и содействие. Они провели там в качестве гостей почти год <ср. Энеида 5.46–48>, и Эней познал царицу. Но и оттуда Эней отплыл по настоянию богов и особенно Меркурия, который явился Энею и обратился к нему с речью <Энеида 4.259–278>⁷⁶. При отъезде Энея Дидона покончила с собой двойною раной, то есть от любви и от меча⁷⁷ <Энеида 4.642–705>.

А Энея, когда он отплыл из Карфагена, опять поднявшийся неблагоприятный ветер принес на Сицилию. Но Эней был рад <Энеида 5.26–31>, что смог отпраздновать там годовщину смерти отца, или погребальные торжества <Энеида 5.42–71>. И когда там были сожжены четыре из его кораблей <Энеида 5.699>, он основал там город под названием Акеста <Энеида 5.718>. Там он поселил и оставил слабых и тех, кто не был годен для войны, каковы женщины, старики и дети <Энеида 5.715–716>⁷⁸, и отправился в Италию к храму, где

⁷⁵ *Trepani* вместо вергилиевского *Drepani*; далее в комментарии (Fol. 53r) Дзоно уже будет называть его Дрепаном. По-итальянски Дрепан называется *Trapani*, возможно, Дзоно искажает название из-за того, что у него на слуху современный ему итальянский вариант. Ср., впрочем: *Zabughin V. Virgilio nel Rinascimento Italiano da Dante a Torquato Tasso: Fortuna, studi, imitazioni, traduzioni e parodie, iconografia. Vol. I. Bologna, 1921. P. 50*, о слабом знании Дзоно итальянской топографии.

⁷⁶ Ср. выше примеч. 22.

⁷⁷ Параллелизм между метафорической раной Дидоны от любви и буквальной раной, которую она себе наносит, существует, вероятно, уже в поэме Вергилия (Энеида 4.1: «А царица, уже давно раненная тяжелой заботой, вскармливает рану в жилах и сжигается невидимым огнем»; 4.66–67: «Между тем мягкое пламя пожирает внутренности, и не успокаивается молчаливая рана в груди»; 4.689: «Шкворчит нанесенная рана в груди»), но Дзоно конкретно имеет в виду, скорее, строку из еще одного набора стихотворных пересказов содержания книг «Энеиды», Латинская антология 634.4 Riese²: «Четвертая <книга> также рассказывает про две раны несчастной Элиссы» (в Средние века этот текст также часто приписывался Овидию, и Дзоно сам цитирует его на fol. 53v, по-видимому подразумевая, что это альтернативный текст «аргументов» Овидия).

⁷⁸ В тексте Вергилия говорится «и долго живущих старцев, и утомленных морем матерей, и всё, что с тобой есть слабого и боящегося опасности». Утверждение, что там были и дети (*infantes*), Дзоно поясняет в комментарии к соответствующему месту, fol. 81r: *Longevos senes. per hoc notat quod erant etiam aliqui iuvenes inertes, quia si senes et quos pertesum est etc., ergo alii a senibus erant iuvenes* «Долго живущих старцев»: через это он отмечает, что были и некие хилые юноши, поскольку, если «старики и кому надоело» и так далее, то, значит, другие кроме стариков были юноши.

была Сивилла, рядом с Кумами, которая провела его в Преисподнюю до самого Элизия, где был Анхиз <Энеида 5.734–736, 6.542>, и Анхиз показал Энею все его потомство, которое переберется в Италию <Энеида 6.679–892>. И еще Сивилла первой предсказала ему все, что должно было с ним произойти в Италии <Энеида 6.83–97>.

И потом он прибыл в Кайету, где похоронил свою кормилицу, которую звали Кайета <Энеида 6.900–7.7>. Затем он проплыл мимо острова Цирцеи <Энеида 7.10–24> и прибыл к устью Тибра, и, войдя в русло реки <Энеида 7.29–36>, высадился на землю и, спешно поставив там лагерь, стал строить новую Трою <Энеида 7.157–159>, и отправил просителей к царю Латину. Тот принял их благосклонно и пообещал Энею в жены свою дочь Лавинию <Энеида 7.259–273>. Но Амата, мать Лавинии и жена царя Латина, воспротивилась этому, желая выдать ее за Турна, сына Венилии, сестры Аматы, и Даная⁷⁹, царя Ардеи. И из-за этого потом началась война между Энеем с одной стороны и Турном и царем Латинном с другой.

Получив подкрепление от царя Эвандра и других этрусков, а именно всех жителей (?) из Агилины <Энеида 10.183?> и пизанцев <Энеида 10.179?>⁸⁰, он убил изгнанного этрусками царя Мезенция, любимца Турна <Энеида 10.897–908>, и одолел Камиллу <Энеида 11.801–831>, и убил Турна <Энеида 12.950–952>, и взял в жены Лавинию, которая родила ему после смерти сына Сильвия <Энеида 6.763–764>.

⁷⁹ *Danai*; у Вергилия его зовут Давном, *Daunus* (в комментарии Дзоно называет его также *Daunus*, например на fol. 179r, видимо, здесь либо допустил опisku, либо текст искажен переписчиком).

⁸⁰ Трудно читающееся место в рукописи. Мы исходим из предположительной расшифровки *scilicet habitatoribus cunctis de Agilina Pisanorum*, перед последним словом другая рука вставила *et*. Название *Agyllina urbs* («агиллинский город») у Вергилия всегда упоминается в связи с враждебными Энею Мезенцием и Лавзом (Энеида 7.652, 8.479), здесь же речь идет о союзниках Энея, так что логичнее предположить, что Дзоно имеет в виду место из каталога союзников Энея, 10.183, где тот же самый город Агилла упоминается под другим названием Цере, причем рядом (10.179) как раз упоминается этрусский город Писы. Комментарии к 10.183 уже со времен Сервия отождествляют Цере с Агиллой, и сам Дзоно, возможно, выбрал из этрусских городов именно этот как раз из-за того, что оттуда был Мезенций, о котором пойдет речь дальше. Ср. комментарий самого Дзоно к этому месту, fol. 150r: *et non miremini si supra dictum fuit quod Mezentius habebat gentes de Agellina, quia expulsus de ea habebat secum expulsos ob eius causam, sed Eneas modo habebat Cerigenas* (scripsi: *terrigenas cod.*) *qui expulerant Mezentium* («И не удивляйтесь, если выше было сказано, что у Мезенция были народы из Агеллины, поскольку, когда его оттуда изгнали, с ним отправились и изгнанные по его причине; а у Энея были только жители Цере, изгнавшие Мезенция»). Тогда фразу «все жители» в нашем тексте нужно понимать в смысле «все жители, кроме изгнанников, которые не считаются жителями»; но возможно также, что сокращения, расшифрованные нами как *habitoribus cunctis*, следует понимать как-то иначе. Если не переводить вставленное другой рукой *et*, то речь будет идти об «Агилине пизанцев», но это обозначение не очень понятно (Писы идут в каталоге Вергилия отдельно от Цере, и неясно, почему из этрусских городов упоминалась бы только одна «Агилина»), в то время как со вставкой смысл, кажется, получается более внятным. В любом случае, почему в качестве второго города для упоминания были выбраны именно Писы, остается непонятным (из-за значимости Пизы в средневековой Италии?).

И троянец Асканий, сын Энея, после смерти Энея, не желая терпеть мачеху, оставил ей Лаврент и основал город Альбу, где правил с тридцати лет. А потом, хотя у него и был маленький сын, он завещал власть над Альбой брату Сильвию, столь нежно он его любил. И все цари Альбы после этого носили имя Сильвий в честь этого Сильвия⁸¹.

И держава Альбы простояла 300 лет, пока не дошло до Ромула и Рема, nasledовавших по прямой линии, которые построили город Рим. И тогда Альба и Рим царили наравне в течение 100 лет, но потом, когда город Рим набрался сил и разросся, Альба была разрушена неким Туллом <ср. Сервий, Комментарий к Энеиде 1.272>. В этой Альбе один за другим правили до постройки города Рима 14 царей⁸², которых я перечислю в другом месте. Вот вкратце материя книги «Энеида».

⁸¹ События, следующие за фабулой «Энеиды», у Дзоно очевидным образом излагаются не по еще не получившему большого хождения тексту Ливия (у которого наследовавший Асканию Сильвий — его собственный сын, 1.3.6), а в соответствии с той версией, которую мы находим у Сервия, Комментарий к Энеиде 6.760: «В первом сражении пал Латин, во втором вместе Турн и Эней, а затем Асканий убил Мезенция и завладел Лавролавинием. Лавиния, боясь его козней, бежала в леса (*silvae*) и спряталась в хижине пастуха Тирра; намекая на это, Вергилий говорит: «И отец Тирр, которого слушается царский скот» <Энеида 7.485>. И там Лавиния родила Сильвия. Но поскольку Асканий пылал к ней ненавистью, он призвал мачеху и уступил ей Лавролавиний, а себе построил Альбу. Но поскольку он умер бездетным, он оставил свою державу Сильвию, который и сам назывался Асканием. Поэтому Ливий запутался, какой Асканий основал Альбу. После все альбанские цари назывались Сильвиями по его имени, как и сегодня все римские императоры называются Августами, все египетские — Птолемеями, все персидские — Арсакидами...». Сведения о том, что Асканий основал Альбу после тридцати лет правления, можно было почерпнуть из комментария Сервия к «Энеиде» 1.269. Остающиеся необъясненными мелкие детали могут указывать, что Дзоно использует и какой-то другой близкий к Сервию, но независимый источник (восходящий к тому же тексту Катона, которым в обоих случаях пользуется Сервий), но обязательно (Лаврент на месте Лавролавиния может быть рукописным вариантом, а утверждение, что Асканий очень любил своего сводного брата, можно было просто вывести из решения завещать тому царство в ущерб собственному сыну). Ср., впрочем, следующее примечание.

⁸² Главное отличие от Сервия, у которого царей Альбы 13 (Комментарий к Энеиде 6.756). Следующая далее отсылка на «другое место», по-видимому, подразумевает аналогичное изложение «предыстории» в начале комментария Дзоно к Лукану (*historia* — см. примеч. 67 — является, таким образом, в принципе одним длинным непрерывным повествованием, его можно произвольно начать и оборвать на любом месте, но это не будет началом или концом; поэтому *historia*, которую излагает Дзоно в комментарии к Лукану, оказывается сиквелом к *historia*, которую он излагает в комментарии к Вергилию). Вот что пишет Дзоно в комментарии к Лукану (цитируем по рукописи Laurentianus 53.29, fol. 1v): *Ascanius vero moriens regnum Albe in qua regnaverat xxx annis fratri suo Silvio reliquit, a quo reges Albe dicti sunt Silvii. Et hoc pertanto, quia Iulius, filius dicti Ascanii, nondum regno erat ydoneus. Et nota quod infrascripti fuerunt reges Albani, in qua dicitur imperium regnasse ccc annis antequam conderetur Romana urbs. Quorum hec sunt nomina, scilicet: Ascanius, Enee filius, Albam condidit; Silvius postumus Enee successit; Latinus Eneas; Latinus Silvius; Alba Silvius; Egiptus Athis; Capis Silvius Capue conditor; Carpentus; Tiberinus, in flumine Albula suffocatus, propter quod postea dictus est fluvius ille Tiber; Agrippa Aremsus; Aventinus; Procas; Amulius filius Proce... Amulius Albanorum rex xv* «Асканий же, умирая, оставил царство Альбы, в котором правил 30 лет [испорченный текст вместо «с 30 лет» или «после 30 лет»?], брату Сильвию, от которого цари Альбы получили имя Сильвиев. И это потому, что Юлий, сын названного Аскания, еще не годился для правления. И отметить, что перечисленные ниже были альбанскими царями, а в Альбе власть

Или можно сказать, что материя — это жизнь воителей. Ведь первично жизнь человеческая была в лесах⁸³, и это материя «Буколик». Во вторую очередь в ней появился труд, и это стала жизнь сельчан, и это материя «Георгик».

царила на протяжении 300 лет до основания города Рима. Имена их таковы: Асканий, сын Энея, основал Альбу; Сильвий, родившийся у Энея после его смерти, унаследовал престол; Латин Эней; Латин Сильвий; Альба Сильвий; Египет Атис; Капис Сильвий, основатель Капуи; Карпент; Тиберин, утонувший в реке Альбуле, из-за чего эта река после стала называться Тибр; Агриппа Арем; Авентин; Прока; Амулий, сын Проки... Амулий — пятнадцатый царь альбанцев». Амулий стал не четырнадцатым, а пятнадцатым, вероятно, потому, что в комментарии к Вергилию Асканий не считался, а здесь считается. Список по существу совпадает с Ливиевским (скажем, *Aremus* — явно обратное образование от деминутива *Aremulus*, который иногда заменяет в этом списке Ремула/Ромула Сильвия), но формы имен гораздо ближе в «Померии Равеннской церкви» Риккобальдо Феррарского (ок. 1297–1300), 1.34.7–21: *Eneas Troianus annis III. Aschanius filius annis XXXVIII. Silvius Enee etiam filius annis XXXVIII. Latinus Eneas annis XXI. Latinus Silvius annis L. Alba Silvius annis XXXVIII. Egiptus Athis eius filis annis XXIII. Capis Silvius annis XXVIII. Carpentus filius eius annis XIII. Tiberinus filius Carpentis annis VIII. Agrippa filius Tiberini annis XL. Aremus filius Agrippe annis XVIII. Aventinus Silvius annis XXXVII. Procas filius Aventini annis XXIII. Amulius filius Proce annis XLVIII* «Троянец Эней 3 года. Сын Асканий 38 лет. Сильвий, тоже сын Энея, — 39 лет. Латин Эней — 21 год. Латин Сильвий — 50 лет. Альба Сильвий — 39 лет. Египет Атис, его сын, — 24 года. Капис Сильвий — 28 лет. Его сын Карпент — 13 лет. Тиберин, сын Карпента, — 8 лет. Агриппа, сын Тиберина, — 40 лет. Арем, сын Агриппы, — 19 лет. Авентин Сильвий — 37 лет. Прока, сын Авентина, — 23 года. Амулий, сын Проки, — 44 года». В сумме, правда, получается около 400 лет; возможно, поэтому Дзоно и убрал цифры. Впрочем, скорее Дзоно пользуется другим текстом Риккобальдо, в котором отсутствуют цифры, — «Компендием римской истории» (*Ricobaldus Ferrariensis. Compendium Romanae historiae*/Ed. A. T. Hankey. Roma, 1984. Vol. 1. P. 23): *De regibus Albanis. Ascanius Enee filius condidit Albam. Silvius postumus Enee filius successit. Latinus Eneas. Latinus Silvius. Alba Silvius. Egiptus Athis. Capis Silvius Capue conditor. Carpentus. Tiberinus. Agrippa. Aremus. Aventinus. Procas. Amulius filius Proce...* «Об альбанских царях. Асканий, сын Энея, основал Альбу; Сильвий, сын, родившийся у Энея после его смерти, унаследовал престол; Латин Эней; Латин Сильвий; Альба Сильвий; Египет Атис; Капис Сильвий, основатель Капуи; Карпент; Тиберин; Агриппа; Арем; Авентин; Прока; Амулий, сын Проки...». По поводу истории о Тиберине, добавленной Дзоно, ср.: Сервий, Комментарий к Энеиде 3.500. По названному в *accessus*'е к Лукану имени сына Аскания (Юлий, а не Юл, как у Дионисия Галикарнасского, Римские древности 1.70.3–4) можно сделать предположение о том, откуда Дзоно взял добавленную к Сервию информацию об этом персонаже: это, вероятно, какой-то текст, производный от Иеронимовского перевода «Хроники» Евсевия, либо сама «Хроника» (2.57a Schoene: *Ascanius Iulium filium procreavit, a quo familia Iuliorum orta. et propter aetatem parvuli, quia necdum regendis civibus idoneus erat, Silvium Postumum fratrem suum regni reliquit heredem* «Асканий породил сына Юлия, от которого пошла семья Юлиев, и из-за возраста малыша, поскольку тот еще не годился для управления гражданами, оставил наследником царской власти своего брата Сильвия Постума»), причем, скорее всего, отсюда же на самом деле происходит и сюжет об особенно нежном отношении Аскания к сводному брату, см. примеч. 81 (2.55h Schoene: *Ascanius derelicto novercae suae regno Lavinii (v.l. Lavintii) Albam Longam condidit, et Silvium Postumum fratrem suum Aeneae ex Lavinia filium summa pietate educavit* «Асканий, оставив своей мачехе царство Лавиния, основал Альбу Лонгу и с редкостной любовью воспитал своего брата Сильвия Постума, сына Энея от Лавинии»); промежуточным источником проще всего считать того же самого Риккобальдо (*Ricobaldus Ferrariensis. Op. cit. P. 46: Ascanius Enee filius, relicto noverce Lavinie regno, Albam condidit. Silvium fratrem postumum summa pietate educavit. Iulium genuit, a quo familia Iuliorum orta est. Ascanius moriens regnum fratri reliquit, quia Iulius nondum erat regno ydoneus*).

⁸³ Слово *silvae* («леса»), которое по-латински применимо вообще ко всему, что не город, в «Буколиках» иногда характеризует их собственное место действия (например, Буколики 1.2, 6.2).

В третью очередь после разделения полей начались войны, и это была жизнь военная, и это материя «Энеиды»⁸⁴.

Или можно говорить о материи в соответствии с тремя частями моральной философии — моностикой (*monostica*), экономикой (*uconomica*) и политикой (*pollitica*)⁸⁵. Моностическая жизнь — это материя «Буколик», экономическая — «Георгик». Третий вариант жизни — это политическая жизнь, и это материя «Энеиды», потому что речь в ней идет о войнах и говорится там о публичном (*publicitas*).

Или можно сказать, что жизнь бывает троякая — в удовольствиях (*voluptuosa*), или усладительная (*voluptuaria*), и это материя «Георгик», потому что труд георгический очень сладостен, и потому он и написал: «О, безмерно блаженны, если бы знали о благах, которые имеют...» <Георгики 2.458>. Другая жизнь — созерцательная (*contemplativa*), и это материя «Буколик», поскольку жизнь пастухов уединенная и они могут предаваться созерцанию. Третья жизнь — деятельная (*activa*), и это материя «Энеиды», поскольку деятельная жизнь — это жизнь гражданская (*civilis*), в которой происходят деяния и войны граждан⁸⁶.

Формальная причина бывает двоякая — форма писания (*forma tractatus*) и форма письма (*forma tractandi*)⁸⁷.

⁸⁴ Ср.: Донатовское жизнеописание Вергилия 57 (цитируемое и Сервием во вступлении к «Буколикам», ср. также: Эксцерпты из Донатовского жизнеописания 67.3–9 Stok): «Вергилий правильно сделал, что, собираясь перейти к другим стихам, начал не с чего-то еще, а с той жизни, которая была на земле первой. Ведь потом уже были возделаны поля, а в последнюю очередь из-за возделанных и плодоносных полей начались войны. И это, как кажется, Вергилий хотел показать самим порядком своих произведений, воспев сначала пастухов, потом земледельцев и последними воителей».

⁸⁵ В этой оппозиции, популярной в схоластике XIII в. (и позаимствованной, например, Фомой Аквинским), под «моностикой» или «монастикой» подразумевается собственно этика (обычно поясняется, что «политика» — это на уровне государства, «экономика» — на уровне семьи, а «моностика», от греческого *μόνος* («один»), — на уровне отдельного человека, см.: Bertelloni F. Die Philosophia Moralis als Enzyklopädie menschlicher Handlungen — zu Alberts des Großen Kenntnisnahme von der Aristotelischen Politik//Handlung und Wissenschaft: Die Epistemologie der praktischen Wissenschaften im 13. und 14. Jahrhundert/hgb. von M. Lutz-Bachmann, A. Fidora. Berlin, 2008. S. 48–49; на самом деле похоже, что это слово происходит от какого-то перетолковывания титула *monosticha* («одностишия»). Итальянское слово *monastico* («монашеский») должно быть производным уже от этого латинского *monasticus*, а не наоборот, иначе сложно объяснить суффикс). Ср. текст *questiones* по поводу «Никомаховой этики» Аристотеля из рукописи Parisinus lat. 16110 (конец XIII в.): «Поэтому следует обратить внимание, что моностика излагается в десяти книгах «Этики» <то есть «Никомаховой этики»>, политика же — в «Политике», экономика же — в некой части моральной философии, которая до сих пор не переведена» (Gauthier R.-A. Deux témoignages sur la date de la première traduction latine des Économiques//Revue Philosophique de Louvain. Vol. 50. 1952. P. 278).

⁸⁶ Ср. близкий по содержанию пассаж выше, в конце вводного текста Дзона, непосредственно перед заголовком «Разделение...» (с. 386).

⁸⁷ Это разделение впервые зафиксировано ок. 1220 г. во вступлении Иордана Саксонского к комментарию к Присциану: Rouse R. H., Rouse M. A. Statim invenire: Schools, Preachers and New Attitude to the Page// Renaissance and Renewal in the Twelfth Century /ed. by R. L. Benson, G. Constable, C. D. Lanham. Cambridge (Massachusetts), 1982. P. 224, ср. в целом: Minnis A. J. Medieval Theory of Authorship: Scholastic Literary Attitudes

Форма писания — это строение книги, или разделение книги (*liber*) на первичные книги (*libri principales*), книг — на главы (*capitula*), глав — на части (*partes*), вплоть до самых малых⁸⁸.

Форма письма — это образ действия (*modus agendi*)⁸⁹, и этот образ действия — это качество поэмы (*qualitas carminis*), стиль (*stilus*) и действие (*actus*).

Качество поэмы — это героический размер⁹⁰, поскольку речь в нем идет о героях, а по-другому он называется гекзаметр (*hexametrum*), поскольку более звучен, чем прочие⁹¹. Поэтому Гораций пишет <Послание к Пизонам 73–74>: «Каким размером можно описывать деяния царей и полководцев и мрачные войны, показал Гомер». И героями они назывались как будто бы полубоги⁹², поскольку герои — это люди, ставшие богами⁹³.

Стиль в этом произведении высокий (*sublimis*). Чтобы это стало понятней, следует отметить, что стиль бывает троякий — высокий, средний (*mediocris*)

in the Later Middle Ages. P. 118–159; Minnis A.J. The Influence of Academic Prologues on the Prologues and Literary Attitudes of Late-Medieval English Writers // *Medieval Studies*. Vol. 43. 1981. P. 342–383. По сути оно приблизительно дублирует античную оппозицию *dispositio*, «расположение материала» (= *forma tractatus*) и *elocutio* «обработки на уровне словесного выражения» (= *forma tractandi*), но формулируется это с помощью близкого средневековой философии (особенно спекулятивной грамматике: см., напр.: Vineis E. *Linguistics and Grammar* // *History of Linguistics*. Vol. II: Classical and Medieval Linguistics / ed. by G. Lepschy. London; New York, 1994. P. 177, Maierù A. The Philosophy of Language // *Ibid*. P. 292) различия значений форм и производных одного и того же слова: отглагольное существительное *tractatus* дает значение «писания» как продукта, результата процесса письма, в то время как герундий *tractandi* обозначает само «письмо» как процесс.

⁸⁸ См. примеч. 72 к главе 14.

⁸⁹ Традиционное отождествление, которое, однако, чаще не сопровождается дальнейшим подразделением на сервиевские «качество поэмы», «стиль» и «действие». Ср., напр.: Боэций Дакийский, Модусы обозначения, или Вопросы к Большому Присциану 86 Pinborg–Roos (кон. XIII в., перевод осложняется тем, что латинский глагол *tracto* здесь понимается, скорее, не в смысле «писать», а в более широком смысле «работать с объектом деятельности», как англ. *treat*): «И следует отметить, что *forma tractandi* является причиной *forma tractatus*: ведь *forma tractatus* — это форма изготовленной вещи (*forma rei operatae*), а *forma tractandi* — это образ изготовления вещи (*modus rei operandae*), или образ действия (*modus agendi*). Но *forma tractandi*, или образ действия, служит причиной и вводит формальное расположение (*formalem dispositionem*) в изготовленной вещи, как явствует в случаековки металла. Ведь выкованная вещь распределяется (*disponitur*) и диверсифицируется (*diversificatur*) в соответствии с образомковки, то есть в длину, в ширину и в глубину, в неровность или в гладкость. Следовательно, *forma tractandi* является причиной *forma tractatus*».

⁹⁰ *Qualitas carminis est metrum heroicum*. Ср.: Сервий, Вступление к комментарию к Энеиде: «Каково качество поэмы (*qualitas carminis*), очевидно: размер героический (*nam est metrum heroicum*), а действие (*actus*) смешанное...». Дзено, скорее всего, неверно интерпретирует синтаксис Сервия (потому что Сервий вряд ли хочет сказать, что «Качество поэмы есть героический размер»).

⁹¹ Не вполне понятное объяснение — возможно, подразумевается какая-то этимология, например от слова *eximius* («выдающийся»)?

⁹² Ср., напр.: Сервий, Комментарий к Энеиде 1.196: «Герой — это храбрый муж, полубог».

⁹³ Похожие формулировки встречаются в некоторых средневековых комментариях к строке 83 «Послания к Пизонам» Горация, ср., напр.: Friis-Jensen K. *The Ars Poetica in Twelfth-Century France*. The Horace of Matthew of Vendome, Geoffrey of Vinsauf, and John of Garland // *Cahiers de l'Institut du moyen-âge grec et latin*. Vol. 60. 1990. P. 348.

и низкий (*infimus*). Высокий стиль — это такой, который говорит о людях возвышенных, или великих, например о царях, полководцах, князьях и баронах, и этот стиль соблюдается в этой книге, то есть в книге «Энеида». Средний стиль — это такой, который говорит о средних людях, и этот стиль соблюдается в книге «Георгики». Низкий (*infimus*), или презренный (*humilis*), или низменный (*imus*), стиль — это такой, который говорит о низких людях, а поскольку пастухи — люди более незначительные, нежели прочие, то этот стиль соблюдается в книге «Буколик»⁹⁴.

Действие (*actus*)⁹⁵ бывает тройное: драматическое (*dragmaticus*)⁹⁶, дистическое (*disticus*)⁹⁷ и смешанное (*mixtus*), или общее (*comunis*)⁹⁸. Действие драматическое, то есть подражательное (*imitativus*)⁹⁹, — это такое, в котором поэт никогда не говорит сам, но только вводит других говорящих персонажей, как в книгах басен (*libri fabulares*), например Эзопе, если убрать начальный текст (*excepta prima lectione*)¹⁰⁰. Ведь в этой книге, как будет очевидно тому, кто посмотрит¹⁰¹, поэт все время вводит других говорящих персонажей, а сам молчит.

⁹⁴ Ср. Донатовское жизнеописание Вергилия 58–59 (эксцерпты 67.10–16 Stok) и особенно Сервий, Вступление к комментарию к Энеиде: «Стиль (*stilus*) же высокий (*grandiloquus*), состоящий из возвышенной (*altus*) речи и величественных сентенций. Ведь мы знаем, что родов речи (*genera dicendi*) три: низкий (*humile*), средний (*medium*) и высокий (*grandiloquum*)». Терминологические различия связаны с распространением разных вариантов теории в средневековых текстах. О влиянии «колеса Вергилия» на эту схему см. в примеч. 92 к главе 14.

⁹⁵ Такое обозначение для этой классификации, ходившей под разными названиями (в примеч. 118 к главе 14 она называлась *characteres dicendi*), взято, скорее всего, из текста Сервия, цитированного в примеч. 90.

⁹⁶ То есть *dramaticus* «драматическое». Этот термин фиксируется уже у Сервия (Комментарий к Буколикам 3.1) и Диомеда (Наука грамматики 1.482.15 Keil).

⁹⁷ Видимо, искажение термина *dicticus*, то есть гр. δεικτικός («показывательный»). Искажение могло произойти из-за отождествления с переинтерпретированным словом *distichum* «двустушие» (ср. выше примеч. 85) и/или из-за осмысления слова через этимологию от латинского глагола *disco* «учиться» (ср. далее пояснение, что *disticus* значит «поучающий»). Можно также допустить, что искажается не слово δεικτικός, а слово διδασκαλικός «поучающий»: так Диомед в аналогичной классификации (1.482.31–483.3 Keil) называет подвид «повествовательного рода поэмы» (соответствующего этому «дистическому действию»), включающий в себя, наряду с другими дидактическими поэмами, и «Георгики» Вергилия.

⁹⁸ Оба термина уже в цитированном тексте Диомеда, первый также в цитированном тексте Сервия.

⁹⁹ Ср. у Диомеда (1.482.14–15 Keil): «Родов поэмы (*poematos genera*) три. Это или активный, он же подражательный (*imitativum*), который греки называют миметическим или драматическим...»

¹⁰⁰ Ни один из средневековых латинских сборников басен, которые могли быть названы «Эзопом», не устроен в точности таким образом (вводный текст плюс диалог без дальнейших комментариев повествователя), но в баснях действительно часто доминирует диалог, так что речь, скорее всего, идет о грубо сформулированном общем впечатлении.

¹⁰¹ *Ut patet ad sensum*: выражение, в средневековой науке обычно сопровождающее пояснения к чертежам («Но допустить такое: пусть будет линия LMN в два раза длиннее линии ABC; значит, ее квадрат, то есть LNO, в четыре раза больше квадрата ACE, *ut patet ad sensum*», Clagett M. Archimedes in the Middle Ages. Vol. III. Part IV. Madison, 1978. P. 1319) или описания опытов, которые может проделать сам читатель («Если

Поэтому такое действие называется подражательным, то есть воспроизводительным (*representativus*), потому что поэт воспроизводит (*representat*) чужую материю (*materie*), а не свою. А *dragma* значит «вопрос» (*questio*)¹⁰² или «басня» (*fabula*)¹⁰³. Другое действие — дистическое, то есть поучающее (*doctrinalis*), или повествовательное (*enarrativus*), и это такое действие, когда говорит только сам поэт и никогда не говорит кто-то другой, как в трех книгах «Георгик»¹⁰⁴. Другое действие — смешанное, или общее, в котором иногда говорит поэт, а иногда вводится другой говорящий персонаж. И такое действие соблюдается в этом произведении¹⁰⁵, что понятно само собой.

О формальной причине сказано достаточно.

Действующей причиной можно назвать Бога, Который есть Создатель и Творец всего благого. Или же, говоря о действующей причине, следует проводить различие, что действующая причина бывает троякая: подначивающая (*irritans*), побуждающая (*movens*) и совершающая (*perficiens*)¹⁰⁶. Подначивающей и подбивающей Вергилия на этот труд причиной был Октавиан, побуждающей причиной — история Энея, а совершающей причиной был Вергилий.

поддержать в горячей руке яблоко и затем убрать яблоко, то запах останется, *ut patet ad sensum*», комментарий Радольфа Бритонского к «Метафизике» Аристотеля, XIII–XIV вв., *Ebbesen S. Radulphus Brito on the Metaphysics // Nach der Verurteilung von 1277: Philosophie und Theologie an der Universität von Paris im letzten Viertel des 13. Jahrhunderts* / hgb. von J. A. Aertsen. Berlin, 2000. S. 483), т.е. слово *sensus* здесь обозначает эмпирическое чувственное восприятие.

¹⁰² Как «вопрос» (*quaestio* и *interrogatio*) слово *dra(g)ma* часто толкуется в средневековых глоссариях, иногда с пояснением, что «Поэтому некий род говорения (*genus loquendi*) называется *dramaticus*, то есть тот, который бывает между спрашивающим и отвечающим, и в частности между персонажами, вводимыми у Теренция» (пример из «Католикона» Джованни Бальби, 1286, цит. по: *Arduini M. L. Non fabula sed res: Politische Dichtung und dramatische Gestalt in den Carmina Ruperts von Deutz*. Roma, 1985. P. 180–181, где см. также собрание других примеров).

¹⁰³ Судя по примеру, Дзано именно таким образом (как «басню») понимает в этом контексте слово *fabula*, которое также может значить (и явно значило в тексте — источнике этого определения слова *dragma*) просто «пьеса».

¹⁰⁴ *Enarrativus* — более распространенное название для этого «действия» (см., например, Диомед, 1.482.15 Keil); о толковании *doctrinalis* см. выше примеч. 97. «Георгики» в качестве примера для этого разряда приводит Сервий (Комментарии к Буколикам 3.1), у которого терминологического обозначения для него вообще нет.

¹⁰⁵ Отнесение «Энеиды» к «смешанному» разряду также есть уже у Сервия (Комментарии к Энеиде, вступление; Комментарии к Буколикам 3.1).

¹⁰⁶ Эта классификация выглядит как придуманная *ad hoc* (параллели мне неизвестны). Фома Аквинский называет *causa perficiens* разновидностью «действующей причины» (иногда она, как у Авиценны, противопоставляется другому варианту «действующей причины» — «распределяющей причине», *causa disponens*: *Bemrose S. Dante's Angelic Intelligences: Their Importance in the Cosmos and in Pre-Christian Religion*. Roma, 1983. P. 104; *Lynn W. D. Christ's Redemptive Merit: The Nature of Its Causality According to St. Thomas*. Rome, 1962. P. 104); выражение *causa movens* (перевод аристотелевского ἡ κινουσα αἰτία, «движущая причина») тот же самый Фома использует как синоним к *causa efficiens* (Комментарий к «Метафизике» Аристотеля 5.2.3–4). Ср. также примеч. 177.

Чтобы это стало понятней, следует знать, что Вергилий задумал тройственный труд в соответствии с тремя состояниями человеческой жизни¹⁰⁷. Ведь он, размышляя о человеческой природе в первоначальные времена, когда люди были грубыми, жили в лесах <и питались>¹⁰⁸ травой, яблоками, желудями и прочими плодами деревьев, о каковой эпохе Бозций написал: «Безмерно блаженны древние времена, довольствовавшиеся тем, что сами давали им не подводившие их поля» <Утешение философией 2.метр.5.1–2>, и так далее — размышляя об этом, он написал «Буколики». Во вторую очередь, размышляя о состоянии человеческой природы, или эпохе, когда люди вышли из лесов для возделывания земли и полей и в ходе труда возникли разные ремесла, он в соответствии с этим размышлением написал книгу «Георгики». В третью очередь, размышляя, что при таком исходе к труду произошли разделения полей и что при разделении полей начались тяжбы и войны и появились города, объединения людей и законы, он в соответствии с этим размышлением написал эту книгу, то есть «Энеиду».

А поскольку эти произведения написал он, то уместно узнать жизнь этого человека, или поэта.

Чтобы это стало понятней, следует знать, что Вергилий был из города Мантуи, находящегося в Ломбардии и окруженного неким озером. И был он не из самого города, а из некоего пригорода, который сейчас называется Пьетола, а тогда назывался Андес¹⁰⁹. Родился он в консульство Гнея Помпея Великого и Марка Красса, в октябрьские иды (произведя подсчет, мы выясним, что он родился 15 октября)¹¹⁰, и в тот же день умер великий поэт Лукреций¹¹¹; это

¹⁰⁷ Ср. примеч. 84.

¹⁰⁸ Дополняем пропущенное слово по смыслу: *in priori etate in qua homines rudes erant viventes in silvis herbis pomis glandibus et aliis fructibus arborum...*

¹⁰⁹ Ср.: Иероним, Хроника 177.3–4, Донатовское жизнеописание 2 (утверждение отсутствует в эксцерптах, но все равно попало во многие средневековые жизнеописания); отождествление с Пьетолой (у Дзоно Pietola) добавляется также во «Втором мюнхенском жизнеописании» Вергилия (XIV–XV вв., в форме *Pictola*), в жизнеописании Вергилия из «Источника памятных вещей мира» Доменико ди Бандино (ок. 1335–1418, в форме *Piectola* — как и в тексте Дзоно по рукописи Vindibonensis Pal. 28, см.: *Stok F. La «Vita di Virgilio» di Zono de' Magnalis. P. 157*), во второй редакции «Славных писателей латинского языка» Сикко Полентона (1433, в форме *Plectulae*). Пьетола — реальный топоним в окрестностях Мантуи, вероятно, какая-нибудь местная традиция отождествила его с местом рождения Вергилия. Ту же самую версию знает и Данте, Чистилище 18.81–82: *E quell'ombra gentil per cui si noma/Pietola più che villa mantoana...* («И та благородная тень <т. е. Вергилий>, из-за которой Пьетола считается не просто деревенькой под Мантуей...»).

¹¹⁰ Ср. Донатовское жизнеописание 2 (эксцерпты 61.2–3 *Stok*), Иероним, Хроника 177.3–4.

¹¹¹ Ср. Донатовское жизнеописание 6: «В Кремоне он провел начало жизни, вплоть до получения тоги мужа, которую он получил в день своего 17-летия, в год, когда консулами опять были те же двое, что и при его рождении, и вышло так, что в тот же самый день скончался поэт Лукреций». Помпей и Красс действительно два раза были консулами в паре, в 70 и 55 г. до н.э.; Помпей также был консулом в 52 г. до н.э. День смерти Лукреция совпадает с днем рождения Вергилия также во «Втором мюнхенском жизнеописании» Вергилия (XIV–XV вв.) и в жизнеописании Вергилия из «Источника памятных вещей мира» Доменико ди Бандино

было словно такое предзнаменование, что Лукреций уступил место при появлении столь великого поэта.

Вергилий был сыном незнатных родителей¹¹²: мать его звали Майей¹¹³, а отца — Фигулом (это имя собственное Фигул, а не обозначение профессии *figulus* <«горшечник»>)¹¹⁴. Этот Фигул был богатым селянином и добрым земледельцем, умеющим обращаться со скотом, пчелами и другими животными¹¹⁵; а потому ничего удивительного, что Вергилий хорошо написал о таких вещах, ведь он был сыном своего отца.

Мать же его, когда была беременна, увидела во сне, что рождает лавровую ветвь, усеянную разными плодами, быстро растущую, зеленеющую и обильно плодоносящую. И затем, на другой день, отправившись вместе со своим супругом в другую деревню, она почувствовала родовые схватки, свернула с дороги в какую-то канаву и там родила, а муж помогал ей, как умел и мог¹¹⁶. А поскольку у древних был обычай, когда кто-то рождался, сажать дерево, чтобы узнать о судьбе родившегося (если дерево крепло и разрасталось, то он должен был жить долго, если обильно разрасталась листва, то он должен был быть весьма славен, и аналогично с прочими свойствами), то поэтому и отец Вергилия тоже посадил некий тополь, который хорошо разросся и имел необыкновенно много листвы, и был назван «деревом Вергилия», и на него стали вешать

(ок. 1335–1418). В некоторых средневековых жизнеописаниях (Первом норикском, Фоссовом, Парижском, Первом Гудианском (все IX в.), Первом мюнхенском, X в.) Лукреций оказывается Вергилию дядей по материнской линии, а в Лауренцианском жизнеописании (XIV–XV вв.) Лукреций даже брат Вергилия (очевидно, из-за неверного понимания чего-то вроде эпизода разговора матери Вергилия с *frater suus* («своим/его братом») в Первом Гудианском и Первом мюнхенском жизнеописаниях).

¹¹² *Parvis parentibus*. Ср. Донатовское жизнеописание 1 (*parentibus modicis*).

¹¹³ *Maia*. В Донатовском жизнеописании 1 и других античных жизнеописаниях мать Вергилия оказывается дочерью Мага или Магия; в некоторых текстах (например, в стихотворном жизнеописании Фоки 35) называется и ее собственное имя — Полла. В жизнеописании Проба (V–VI вв.) ее уже зовут Полла Магия; в результате в Средние века она обычно будет известна как *Magia*, *Maya* или *Maia*.

¹¹⁴ *Et est Figulus hic nomen proprium, non officii*. В Донатовском жизнеописании 1 явно подразумевается, что *figulus* — профессия отца Вергилия, а не имя; во многих средневековых жизнеописаниях явно уже подразумевается, что *Figulus* — именно имя (сложность в том, что оно при этом не обязано в рукописях писаться с заглавной буквы), но по поводу самой оговорки Дзано ср. особенно «Второе мюнхенское изложение» (XII в.): *Figulus quidem est nomen non professionis, sed proprium*. Ср. также: Бандино, Источник памятных вещей мира: *Alii multi asserunt quod Figulus fuerit nomen proprium, non officii*.

¹¹⁵ Ср.: Донатовское жизнеописание 1 (пропущено в эксцерптах). Сток (*Stok F. La «Vita di Virgilio» di Zono de' Magnalis*. P. 160) также не может указать каких-то других источников, использованных Дзано, содержащих это утверждение; на основании таких примеров (ср. далее все ссылки, где указывается в качестве параллели только Донатовское жизнеописание), вероятно, следует считать, что Дзано (как и пишущий почти одновременно с ним и, вероятно, зависимый от Дзано комментатор «Буколики» Николас Треввет: *Stok F. Virgil Between the Middle Ages and the Renaissance*. P. 21) был уже знаком с Донатовским жизнеописанием, вообще-то почти не переписывавшимся после XI в. и известным в основном по эксцерптам; снова широко известным Донатовское жизнеописание станет только к XV в.

¹¹⁶ Ср.: Донатовское жизнеописание 3 (эксцерпты 62.1–5 Сток).

приношения народа, поскольку под ним люди проводили свои обряды по причине красоты дерева и его удивительного роста, и особенно готовящиеся к родам женщины вешали на это дерево приношения, чтобы быстро родить, так же как и Майя быстро родила в этом месте¹¹⁷. И рассказывают, что, когда он родился, он не кричал, чтобы подать добрую надежду родителям. Желая указать на это, он написал в «Буколиках» <4.60–62>: «Начни, маленький мальчик, <сметом признавать родителей...> кому не улыбнулись родители», и так далее¹¹⁸.

А назван он был Вергилием (Virgilius), потому что его мать видела во сне, как рождает ветку (virga), и поэтому захотела, чтобы его звали Вергилием¹¹⁹. А еще он был прозван Мароном, потому что был темноватого цвета (ведь *maron* <т. е. итал. *marron(e)*> — это то же самое, что «темное» или «черное», поэтому некоторые народы и названы маврами от слова *maron*, потому что черны, точно так же как галлы (Gallici) названы от слова *galac* «белое» <т. е. греч. γάλα, р.п. γάλακτος «молоко»>¹²⁰). И был Вергилий очень одарен и услужлив, за что его прозвали Парфением, то есть «твердым» или «терпеливым»; или же от слова Партенопей, то есть «проверенный во всех добродетелях»¹²¹.

¹¹⁷ Ср.: Донатовское жизнеописание 5 (пропущено в эксцерптах): «И добавилось еще другое предзнаменование, поскольку ветка тополя, по обычаю этих мест сразу же воткнутая в землю на том же самом месте при рождении ребенка, столь быстро набралась сил, что сравнялась с тополями, которые были посажены задолго до того; поэтому это дерево называли "деревом Вергилия", и оно было освящено глубочайшим почитанием рожениц и беременных, которые давали и выполняли там обеты». Висящие на дереве «приношения народа» (exuviae populi) — деталь, возможно, подразумеваемая уже в тексте Донатовского жизнеописания, но формулировка, по-видимому, указывает на смешение с образом священного дуба, с которым сравнивается Помпей в «Гражданской войне» Лукана, 1.136–138: «Словно высокий дуб на плодоносном поле, на котором висят доспехи древнего народа (exuviae veteris populi) и священные дары полководцев...». Дзоно (который сам комментировал и Лукана тоже), видимо, понимает здесь *exuviae* не как «доспехи», а в каком-то более широком значении («приношения?»).

¹¹⁸ Ср. Донатовское жизнеописание 4 (эксцерпты 62.5–6 Stok).

¹¹⁹ Распространенная в Средние века этимология, объясняющая, почему до постепенного распространения альтернативной теории Анджело Полициано имя Вергилия писалось в первом случае через *i*; см.: Wilson-Okamura D. S. *Virgil in the Renaissance*. Cambridge, 2010. P. 15–44. Putnam M. C. J. *Fulbert of Chartres // The Virgilian Tradition: The First Fifteen Hundred Years* / ed. by J. M. Ziolkowski and M. C. J. Putnam. New Haven; London, 2008. P. 107 считает, что эта этимология подразумевается уже в истории про ветку тополя из Донатовского жизнеописания, цитированной выше, в примеч. 117. Сток (Stok F. La «Vita di Virgilio» di Zono de' Magnalis. P. 160) указывает, что избыточные повторы вроде этого («А назван он был Вергилием, потому что его мать видела во сне, как рождает ветку, и поэтому захотела, чтобы его звали Вергилием») указывают на то, что перед нами текст в жанре *recollectae*, т. е. компиляции на основе конспектов лекционного курса; об импликациях этого вывода для датировки *accessus*-а см. вступление.

¹²⁰ Ср. примеч. 45–46 к главе 14. Та же этимология, например, у Исидора, Этимологии 9.2.104.

¹²¹ *Et fuit Virgilius magni ingenii et bene morigeratus, inde Parthenus dictus est, id est, bene tenax vel patiens; vel a Parthonope, id est, omni virtute probatus*. Ср. Донатовское жизнеописание 11: «А вообще известно, что он был столь добродетелен (*probus*) и своей жизнью, и устами, и душой, что в Неаполе у него было расхожее прозвище "Парфений"» (ср. также Сервиевское жизнеописание 150.2–3 Brugnoti). В этом тексте подразумевается этимология от греч. παρθένος «дева»; источник Дзоно или сам Дзоно распознал намек на этимологию, но значение этимона, похоже, восстановил по смыслу. При этом на роль этого эти-

И рассказывают, что сначала он учился в Кремоне, потом перебрался в Медиолан, затем в Неаполь, а после того в Афины¹²², и там обучился всем наукам и стал великим магом. Ведь он много занимался магией, как становится ясно из этой эклоги: «Музу пастухов Дамона и Алфесибея» <Буколики 8.1>¹²³.

И с самого раннего детства он писал много произведений. Так, в шестнадцать лет он написал книгу о комаре, или оводе, в которой рассказывается, как комар укусил некоего спящего селянина, а тот, разбуженный укусом комара, провел рукой и раздавил его. И поскольку Вергилий, видя эту сцену, заметил, что к селянину ползла змея, которая убила бы его, если бы комар не разбудил его, то за такое благодеяние комара он написал о нем книгу, в которой говорится так: «Маленький комарик, я, сторож стада, приношу тебе этот заслуженный дар похоронных почестей за подаренную жизнь» <Приложение к Вергилию, Комар 413–414>. И еще он написал эпитафию Баллисты, знаменитого разбойника, гласящую: «Под этой грудой камней погребен Баллиста: и днем, и ночью, путник, ходи без опасений» <Латинская антология 255 Shackleton Bailey>. Написал он и другие произведения (а именно «Этну», «Киликийцев», «Приапею», «Каталектон», «Трактирщицу», «Проклятья», «Моретум»), прежде чем создать «Буколики», «Георгики» и «Энеиду»¹²⁴. Эти произведения не сохранились¹²⁵.

мона, со значением, выведенным непосредственно из Донатовского жизнеописания, он выбрал звучащее отчетливо по-гречески знакомое слово «Партенопея» (на самом деле другое название Неаполя); две предшествующие у Дзона этимологии построены на случайном созвучии с этимологизируемым именем латинских слов, связанных с «добродетелью» уже более искусственным образом: *tenax*, по-видимому, появилось из синонимичного латинского слова *pertinax*, похожего по звучанию на *Parthen(e)us*; *patiens*, вероятно, выбрано по аналогичному принципу. Ср. близкий текст во «Втором мюнхенском жизнеописании» (XIV–XV вв.): *Et fuit enim excellentissimi ingenii et tante admirationis, quod ab omnibus Parthenias diceretur, id est, bene tenens vel percians; vel a Partenose, id est, cum virtute probatus* «И ведь был он человеком совершенно выдающегося дарования и вызывал такое восхищение, что все называли его “Парфением”, то есть «хорошо усваивающим» <*bene tenens* – переосмысление текста *bene tenax*> или «подвигающим» <*percians* – источник варианта *patiens* в нашем тексте или другое искажение общего источника?>; или от *Partenose* <т. е. *Parthenope* “Партенопея”?>, то есть “проверенный в добродетели”».

¹²² Ср. примеч. 47–49. Сюжет об обучении в Неаполе появляется также в первой редакции Сикко Полентона (1426) и в «Расширенном Донате», XV в.; вероятно, его возникновение связано с тем, что многие средневековые легенды о Вергилии локализуются в Неаполе (см. примеч. 77 к главе 2 и *Suerbaum W. Von der Vita Vergiliana über die Accessus Vergiliani zum Zauberer Virgilius. Probleme–Perspektiven–Analysen// Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Teilbd. II.31.2. Berlin; New York, 1981. S. 1258*).

¹²³ О популярной начиная с XII в. идее, что Вергилий был магом, см.: *Comparetti D. Op. cit. Passim*.

¹²⁴ Ср. Донатовское жизнеописание 17–19 (эксцерпты 63.1–11 Stok, без списка; Сервиевское жизнеописание 150.3–151.5 Brugnoti, без цитаты из «Комара» и с пропуском «Моретума»). Перечисляются тексты, дошедшие в составе так называемого «Приложения к Вергилию», корпуса малых сочинений, приписывавшихся Вергилию. *Catalecton* – распространенное искажение более правильного варианта названия *Catalepton*; интереснее «Киликийцы» (винительный падеж *Cilicas*), которые упоминаются только в этом жизнеописании и, очевидно, родились из искаженного названия уже упомянутого Дзона «Комара» (*Culex*, в.п. *Culicem*).

¹²⁵ *Que opera in luce non sunt*. Неожиданное утверждение для человека, который только что цитировал вполне себе сохранившийся текст «Приложения к Вергилию» (если, конечно, мы верно интерпретиру-

Из Афин же Вергилий перебрался в Рим¹²⁶. Причиной тому послужила война, начавшаяся между Октавианом Цезарем и Антонием Луцием. Поэтому следует узнать, что после победы над Помпеем Великим и покорения Египта Цезарем и смерти в Ливии Катона и многих других римлян, выступавших на стороне Юбы, и смерти Гнея Помпея при Мунде в Испании, когда Секст Помпей занимался пиратством на Сицилии, Цезарь вернулся в Рим. И на третий год с согласия сената сам Цезарь был убит на Капитолии Брутом и Кассием 25 ранами¹²⁷. Но на самом деле это была повторена, или удвоена, одна рана¹²⁸. И тогда Брут и Кассий покинули Рим, а Антоний Марк, знаменосец Цезаря, преследовал их до самой Эмафии¹²⁹. Но сенаторы послали на помощь Бруту и Кассию против Антония двух консулов и Октавиана, племянника Цезаря, которому тогда было 18 лет. И отправился Октавиан туда по той причине, что ему было

ем латинский текст данной фразы); по этому месту хорошо видно, что Дзоно знает описываемые тексты не «из первых рук», а только по упоминаниям в предшествующих жизнеописаниях (обе приводимые Дзоно цитаты, в частности, есть уже в Донатовском жизнеописании). Ср.: *Zabughin V. Op. cit. Vol. I. P. 48.*

¹²⁶ Здесь Дзоно или его образец, по-видимому, резко отступает от своего основного источника (параллели с Донатовским жизнеописанием и «Вторым мюнхенским жизнеописанием» обрываются) и переходит к очень путаному изложению исторического контекста (очевидно, тоже из традиции изложений *historia in accessus*'ах: очень близкий текст *accessus*'а Ансельма Ланского к Лукану (XII в.), где Цезарь также получает 25 ран на Капитолии «с согласия сената», *consentiente senatu*, см. в: *Hofmann D. Studien zur nordischen and germanischen Philologie. Hamburg, 1988. S. 518*; то же самое в комментарии рукописи *Montepessulanus H 362, fol. 141v* (если верить *Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques des départements...* T. I. Paris, 1849. P. 432, рукой XI в.) и в комментарии рукописи *Laurentianus Plut. 35.8, fol. 1v* (XIII в.); в знаменитом комментарии к Лукану Арнульфа Орлеанского, XII–XIII вв., 5.13–14 Marti, Цезарь убит тоже на Капитолии и тоже *consentiente senatu*, но 24 ранами; ср. то же самое в *accessus*'е к Лукану, опубликованном в: *Accessus ad auctores; Bernard d'Utrecht; Conrad d'Hirsau, Dialogus super auctores/éd. par R. B. C. Huygens. Leiden 1970. P. 40*).

¹²⁷ В античных источниках (Светоний, Божественный Юлий 82; Плутарх, Цезарь 66.14) Цезаря убивают 23 ранами и не на Капитолии. Близкие параллели внутри традиции *accessus*'ов см. в примеч. 126. В «Юлии Цезаре» Шекспира ударов 33 (акт 5, сцена 1: *Never, till Cæsar's three-and-thirty wounds/Be well avenged...*, «Никогда, пока не будут отмщены 33 раны Цезаря...» — из-за возраста Христа?) и убийство тоже происходит на Капитолии (акт 3, сцена 1). Риккобальдо Феррарский (Померий равеннской церкви 3.267), видимо, считает, что на Капитолии находилась курия.

¹²⁸ *Verum est quod unum vulnus fuit iteratum sive duplicatum*. Очень темная фраза, возможно, как-то объясняющая отклонение от традиционного числа ран или каким-то образом связанная с образом, о котором см. выше примеч. 77.

¹²⁹ События 42 г. (битва при Филиппах в Эмафии) смешиваются с событиями 43 г., может быть, под влиянием Лукана. Эмафия — другое название Македонии; скорее всего, оно употреблено здесь потому, что используется в знаменитой первой строке «Гражданской войны» Лукана. Лукану этот расширительный топоним позволяет поэксплуатировать ту мифологему, что Фарсальская битва 48 г. (которой посвящена поэма) произошла якобы на том же самом месте, что и битва при Филиппах 42 г. В результате у Лукана получается, что Эмафия — средоточие всех кульминационных сражений гражданских войн 40-х гг.; возможно, под влиянием этого впечатления Дзоно или его источник и переносит мутинские события 43 г. в Эмафию 42 г. Смешению способствовало то, что, в то время как на Балканах воевал Марк Юний Брут, одним из протагонистов событий в Италии был другой Брут, Децим Юний.

сказано, будто он не сможет иначе понравиться римлянам и не будет ему места в Риме, если он не придет на помощь Бруту и Кассию. Вот он и отправился, и было у Брута и Кассия столкновение, и те консулы, то есть Гирций и Панса, были убиты, а Октавиан¹³⁰ попал в плен. Но знатный муж Катул¹³¹ примирил Октавиана и Антония, и они поделили мир между собой. А именно: Антоний оставил за собой Азию, или восточную часть, Катул получил Африку, Октавиан же получил Европу, или западную часть.

Антоний Луций же, брат Антония Марка, видя это, сказал: «Они поделили мир между собой, и каждому досталось по части, а мне ничего не дали». Не желая нападать на удел брата, Антоний Луций составил с некоторыми ломбардцами заговор против Октавиана и захватил Мутину при поддержке кремонцев¹³², и долго удерживал ее; однако, под давлением голода, вызванного осадой, он бежал в Перузию, и там голод одолел его, и он умер. Тогда Октавиан раздал своим солдатам-ветеранам владения кремонцев, а поскольку этих владений не хватило, то раздал им еще и владения мантуанцев, не в наказание за проступок, потому что те не совершили против него никакого проступка, но по причине соседства, чтобы все были рядом. Поэтому и сказано: «Мантуя, увы! слишком близко расположенная к несчастной Кремоне» <Буколики 9.28>. И тогда владения Вергилия были отданы центуриону Арию¹³³.

По этой причине Вергилий, лишенный своего имущества, был вынужден приехать в Рим, полагаясь на помощь Поллиона, Вара и Галла, которые были важными римскими гражданами и поэтами¹³⁴. В честь этого Поллиона Вергилий и написал «Буколики», хотя акцидентально он также восхваляет там Октавиана, Вара и Галла. И начал он их писать в 17 лет, и за три года дописал и выправил их. А еще он полагался на помощь Мецената, в честь которого написал «Георгики». Их он дописал и выправил за семь лет¹³⁵.

А после этого он под их покровительством добился знакомства с Октавианом следующим образом. Когда Вергилий прохаживался по дворцу, в котором

¹³⁰ По смыслу здесь, вероятно, должно было стоять имя Антония.

¹³¹ Так в этом тексте почему-то зовут Марка Эмилия Лепида.

¹³² Мутинская война смешана с Перузинской, кремонцы явно появились из-за описанного далее эпизода, а также, вероятно, из-за близости Модены к Кремоне.

¹³³ Чаще его зовут Аррием, см. главу 14, примеч. 35.

¹³⁴ Ср. Донатовское жизнеописание 62–63. Имена *Varius* и *Varus* неизменно путаются в рукописях.

¹³⁵ Цифры традиционные (см., например, Донатовское жизнеописание 25, Сервиевское жизнеописание 152.10–153.1 Brugnoli), кроме возраста 17 лет, в котором написаны «Буколики». По Сервию (комментарий к Буколикам 1.28) и Жизнеописанию Проба, «Буколики» написаны Вергилием в возрасте 28 лет. Рукописи «Донатовского жизнеописания» (17) указывают 16 или 17 лет в качестве возраста, когда написаны юношеские произведения Вергилия (т.е. «Приложение к Вергилию»). Ср. также примеч. 111 (в 17 лет Вергилий получил *toga virilis*): возможно, цифра просто взята отсюда (как Вергилий достиг зрелого возраста, так и стал писать «Буколики»).

должны были происходить театральные представления, на которые собирався прийти Октавиан, и всю ночь шел дождь, а наутро прояснилось, Вергилий написал две строчки и оставил их там. Когда Октавиан их увидел, он захотел узнать, кто автор. Тогда Корнифиций, соперник Вергилия, назвался автором и получил за это награду. После того как Корнифиций был награжден, в другой раз опять должны были проходить те же самые представления. И тогда Вергилий написал те первые строки, за которые получил награду Корнифиций (а это были такие строки: «Всю ночь идет дождь, а наутро начинаются представления: поделена власть у Цезаря с Юпитером» <Латинская антология 250 Shackleton Bailey>), и затем приписал: «Эти строчки я сочинил, а почести достались другому», — и еще добавил четвертую строку: «Так и вы не себе на пользу...» <Латинская антология 251 Shackleton Bailey>. Когда эти стихи были найдены и о них узнал Октавиан, и Октавиан стал расспрашивать, кто же их сочинил, опять назвался автором Корнифиций. Тогда Октавиан сказал ему: «Допиши эти незаконченные стихи». А тот дописать не смог. Тогда Вергилий, представленный Октавиану стараниями Поллиона и других, признался в авторстве и доделал эти стихи таким образом: «Так и вы не себе на пользу вьете гнезда, птицы», «Так и вы не себе на пользу делаете мед, пчелы», «Так и вы не себе на пользу носите руно, овцы», «Так и вы не себе на пользу тащите плут, быки». И затем, когда Октавиан узнал о нем, Вергилий стал добиваться возвращения своего имущества¹³⁶.

Добившись его, он отправился в Мантую и стал пытаться получить назад свои владения у центуриона Ария, которому они достались. И, поскольку Вергилия сопровождали триумвиры, заведовавшие раздачей и распределением владений ветеранам, то он стал требовать и с решительным лицом востребовал свои владения. Но Арий достал из ножен меч и гнался за Вергилием до самой реки Минций, и убил бы его, но Вергилий бросился в воду и переплыл реку. И он, вспоминая, касается этого в «Буколиках», когда говорит: «Баран (aries) до сих пор сушит руно» <Буколики 3.95>, и в эклоге «Куда, тебя, Мерис, ноги» <Буколики 9.1>, в этом месте: «Увы, выпадает кому-то» <Буколики 9.17>. И тогда Вергилий вернулся в Рим. И Октавиан, услышав об этом, не желая беспокоить своих ветеранов, позаботился о Вергилии из других источников.

¹³⁶ Этот сюжет впервые фиксируется на рубеже XI–XII вв. («Жизнеописание Матильды» Донизона, 710–726; ср. также, например, «Второе ватиканское жизнеописание», XIII–XIV вв., «Расширенный Донат», нач. XV в., вторая редакция Сикко Полентона, 1433 г.), стихотворения встречаются отдельно в средневековых рукописях начиная с VIII в., цитируют их уже Кассиодор в VI в. (Об орфографии 7.156.4 Keil) и Альдхельм в VII в. (О размерах 133). См. о происхождении сюжета: *Brugnoli G. Nocte pluit*// *Giornale italiano di filologia*. 1987. Vol. 39. P. 105–127 и *Stok F. Prolegomeni a una nuova edizione della Vita Vergilii di Svetonio–Donato*. Roma, 1991. P. 209–210. О Корнифиции см. главу 14, примеч. 34. Возможно, во фразе «и добавил четвертую строку» (et item subdidit quartum) Дзона или его источник искажает использованный текст, в котором говорилось «и добавил четырежды» — иначе недостает указания на то, что начало стиха было записано Вергилием многократно.

Но все равно потом Вергилий добился от императора, чтобы и ему, и всем остальным мантуанцам вернули их владения¹³⁷.

Но в тот момент это было невозможно, поскольку Октавиан был занят войной. Ведь Антоний Марк, услышав о смерти брата, созвал весь восток, и Брута с Кассием, и царицу Египта, то есть Клеопатру, и прибыл к мысу Актию, который сейчас называется Негропонте¹³⁸. А против них выступил Октавиан со своей свитой. И сперва Октавиан одержал победу на море, а потом на суше. Когда все они потерпели поражение, Клеопатра приложила змей к своим сосцам¹³⁹ и умерла. А Октавиан пошел на парфян и покорил их, и сорвал со стен храмов знамена римлян¹⁴⁰, которые парфяне повесили туда после смерти Красса, и вообще покорил весь восток. И таким образом Октавиан начал править в 18 лет и правил 12 лет на равных с Антонием, а после победы над ним Октавиан правил над всем миром еще 14¹⁴¹ лет. И во всем мире был мир, и в его правление родился Христос.

В честь этого Октавиана Вергилий написал книгу «Энеида», и начал он с восхваления Энея и других троянцев, чтобы восславить Октавиана. Ведь Ок-

¹³⁷ Ср.: Донатовское жизнеописание 63 (эксцерпты 68.5–12).

¹³⁸ То есть Негромонте = Монтенегро, Черногория.

¹³⁹ *Apposuit aspides ad mamillas*. Таким красочным образом смерть Клеопатры часто описывается в Средние века: ср.: Оттон Фрейзингенский, Хроника 3.1 (*adpositis ad mamillas serpentibus*, 1140-е гг.); Чудеса города Рима, «старейшая версия» (сер. XII в.), 623.27–28 Jordan (*posuit ad mamillas duas ptisanas quod est genus serpentis*, «приложила к сосцам двух птисан — это такой род змей»); Иоанн Солсберийский, Поликратик 2.27 (*per mamillas ad cor venenum aspidum insanabile Cleopatra traiciat*, «Пусть Клеопатра проведет к сердцу неодолимый яд змей через сосцы», 1159 г.); Готфрид Витербский, Пантеон 15 (*appositis ad mamillas serpentibus*, 1187–1191 гг.); Арнульф Орлеанский, *Accessus* к Лукану 5.32–33 Marti (*suspensis ad mamillas aspidibus*, рубеж XII и XIII вв.); Гвиберт из Турне, Воспитание королей и государей 12 (*venenum aspidum, quod Cleopatra mamillis adhibens*, XIII в.). Ф. Збордоне (*Sbordone F. La morte di Cleopatra nei medici greci* // Rivista Indo-Greco-Italica. 1930. Vol. 14. P. 3–22) обсуждает интересную византийскую параллель XII в. — Михаил Глика, Хроника 112.15–17 Bekker (Клеопатра приложила змею к левому сосцу, поскольку знала, что там ближе к сердцу) — и предполагает зависимость Глики от утерянного античного источника, вероятно отрезка текста Галена, выпавшего на месте лакуны. Тот факт, что тот же самый сценарий (ср. особенно цитированный выше текст Иоанна Солсберийского, где также упоминается близость сердца) появляется в латинских источниках именно с XII в., видимо, указывает, что он стал известен западу при посредстве арабской традиции, также зависимой от (предположительно) Галена: в частности, из арабских текстов версия Глики почти дословно воспроизведена в «Назм ал-Джавахири» («Нити драгоценных камней») патриарха Евтихия Александрийского (православного патриарха Александрии в 932–940 гг., не знавшего греческого и писавшего по-арабски, однако имевшего доступ к грекоязычной традиции через сирийские переводы), 967 Migne (ссылка на латинский перевод арабского текста). Следует проверить латинские переводы с арабского XII в., возможно, то же самое утверждение найдется и где-то еще. К *обоим* сосцам Клеопатра прикладывает змей во всей западной традиции, в отличие от восточной, возможно, потому, что Вергилий (Энеида 8.697) упоминает в связи со смертью Клеопатры *двух* змей. Я благодарю проф. С. А. Иванова за помощь в составлении данного примечания.

¹⁴⁰ *Refixit signa Romanorum a templis*. Ср.: Гораций, Послания 1.18.56: *templis Parthorum signa refixit*.

¹⁴¹ Странная цифра, возможно, искажение какого-нибудь другого числительного, например округленного 40?

тавиан считал себя троянцем, потому что был племянником Цезаря, сыном его сестры или племянницы, не по прямой линии¹⁴², или же он считал себя троянцем, потому что был усыновлен Цезарем, а Цезарь был из потомков Энея, наполнившего Италию жителями¹⁴³. А потому в похвале Энею и другим троянцам содержалась и похвала самому Октавиану.

Над написанием этого произведения Вергилий трудился 12 лет¹⁴⁴, и не успел дописать и выправить его, как говорят многие. Но Фульгенций <Изложение содержания Вергилия> считает, что он его дописал, поскольку он начал с появления жизни и дошел до самой смерти, а после смерти больше ничего уже нет, и, раз книга заканчивается смертью Турна, то значит, произведение завершено¹⁴⁵. Но это мнение представляется неверным, поскольку не все заявленные темы раскрыты, ведь ничего не сказано о Лавинии, а когда он заявлял, о чем скажет, то сказал только «и Лавинийские берега» <Энеида 1.2>, а как Эней овладел Лавинией и Лаврентом, не написал. А если считать, что дописал, то смерть помешала ему выправить свое произведение¹⁴⁶.

Ведь рассказывают, что Вергилий, написав это произведение, отправился в Грецию, желая пожить там какое-то время и выправить свою книгу. И встретился ему в пути Октавиан, возвращавшийся с востока после покорения всех восточных стран, и Октавиан пожелал, чтобы Вергилий вернулся с ним в Рим, чтобы иметь возможность бесед с ним. Последовав за Октавианом, Вергилий захворал в месяце сентябре в городе Мегары. Эти Мегары были городом царя Ниса, чья дочь Сцилла, влюбившись в осаждавшего Мегары царя Миноса, вырвала у отца золотой волос и отдала Миносу. После этого город Мегары был взят, потому что было предназначено судьбой, что этот город невозможно

¹⁴² На самом деле племянницы, Дзоно, видимо, не уверен в формулировке.

¹⁴³ *Replevit Italiam populo*; странная формулировка, учитывая то, что рассказывал Дзоно об Энее выше. Возможно, имеется в виду, что при завоевании Римом Италии по ней расселялись потомки троянцев, вытесняя прочих жителей?

¹⁴⁴ Донатовское жизнеописание 25 и вступление Сервия к «Энеиде» называют цифру 11 лет; 1 год добавился, вероятно, из-за аналогии с количеством книг «Энеиды» (Сток, *Stok F. La «Vita di Virgilio» di Zono de' Magnalis. P. 160*, указывает в качестве источника этой цифры альтернативное рукописное чтение *annis XII*, «за 12 лет», в рукописях Сервия, в частности, в Parisinus 7933, XII в., и Vaticanus 1575, XII в.). Любопытно, что в позднеантичном стихотворном вергилиевском жизнеописании Фоки (124–125) говорится *bissena volumina sacro/formavit donata duci trieteride quarta* «Двенадцать свитков, подаренных священной вождю, он изготовил на четвертое трехлетие».

¹⁴⁵ См. подробнее вступление: на самом деле Фульгенцию принадлежит только общая идея, что разные книги «Энеиды» аллегорически изображают разные этапы человеческой жизни, конкретно утверждение, что смерть Турна, которой заканчивается поэма, обозначает смерть человека, у Фульгенция нет.

¹⁴⁶ Ср. Донатовское жизнеописание 35–41. Дзоно имеет в виду, что знаменитую историю о недописанности «Энеиды» можно понять двояко: либо после XII книги должно было идти еще что-то, либо Вергилий просто не успел выправить поэму до конца. О популярности «сиквелов» к «Энеиде», посвященных Лавинии, см.: *Wilson-Okamura D. S. Op. cit. P. 233–247*.

будет захватить, пока тот волос у Ниса на голове¹⁴⁷. В конце концов Вергилий на корабле прибыл в Брундиций и там и умер¹⁴⁸. Другие говорят, что там он заболел еще сильнее, оттуда перебрался в Тарент и умер там¹⁴⁹.

Он оставил завещание, в котором просил, чтобы прах его был доставлен в Неаполь. И так и было сделано, и он был погребен на ПUTEОЛАНСКОЙ дороге, ведущей к селению под названием ПОЦЦУОЛИ (Puctiolo). Ведь в древности было принято хоронить людей вдоль дорог и на полях. Но впоследствии следы этой могилы исчезли, может быть, потому, что весь памятник был снесен¹⁵⁰. Надпись же на нем была такая: «Родила меня МАНТУЯ, похитили КАЛАБРИЙЦЫ, а ныне мною владеет ПАРТЕНОПЕЯ; воспел я пастбища, пашни и полководцев»¹⁵¹. Это значит: «Я родился в МАНТУЕ, умер в КАЛАБРИИ, а похоронен в НЕАПОЛЕ, а воспел, то есть написал, я пастбища, то есть “БУКОЛИКИ”, пашни, то есть “ГЕОРГИКИ”, и полководцев, то есть “ЭНЕИДУ”». ПАРТЕНОПЕЯ — это НЕАПОЛЬ; он назван так в честь некой девушки, которая там то ли правила, то ли похоронена¹⁵². Но потом он был переименован в НЕАПОЛЬ, от слов *neos* («новый») и *polis* («город»), словно бы «новый город». Ведь Октавиан, возвращаясь после победы над Антонием, по пути прибыл в этот город; и, видя, что это город красивый, но маленький, он увеличил его и расширил стены, и город, прежде звавшийся ПАРТЕНОПЕЕЙ, стал называться НЕАПОЛЕМ, словно бы «новым городом».

А напоследок узнай, что из своих владений Вергилий часть оставил Октавиану, а часть — ВАРУ и ТУХУ¹⁵³ и прочим поэтам¹⁵⁴. И был у него дом в Риме на ЭСКВИЛИНЕ, расположенный недалеко от садов МЕЦЕНАТА. И рядом с Неапо-

¹⁴⁷ Вставка из какого-нибудь мифографического источника, ср., например, Сервий, Комментарий к Буколикам 6.74.

¹⁴⁸ Ср. Донатовское жизнеописание 35 (эксцерпты 64.16 Stok), Иероним, Хроника 190.3 (Мегары упомянуты только в Донатовском жизнеописании).

¹⁴⁹ Ср. Сервиевское жизнеописание (157.3–5 Brugnoti, вероятно, позднейшая интерполяция), Бандино, первую редакцию Полентона, Петрарку, О противоядиях от обеих судеб 1.125.14.

¹⁵⁰ Оригинальное наблюдение, возможно, принадлежащее самому Дзоно. Ко времени Боккаччо (см. его письмо к Петрарке от 1339 г.) место, которое сейчас показывают в Неаполе как могилу Вергилия (ср. примеч. 77 и 112 к главе 2), по-видимому, уже идентифицировалось как таковое. Наверное, характерно, что Дзоно искал эту могилу незадолго до письма Боккаччо: стало много паломников (вскоре еще одним из них будет Петрарка) — нашли и могилу. Это, конечно, не значит, что могилу совсем не искали до того: о поисках места захоронения Вергилия в XII в. см.: *Trapp J. B. The Grave of Vergil // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1984. Vol. 47. P. 1–31.*

¹⁵¹ Ср. Донатовское жизнеописание 36 (пропущено в эксцерптах), Иероним, Хроника 190.3.

¹⁵² Ср. комментарий Филаргия к Георгикам 4.564: «Светоний Транквилл говорит, что на берегу Кампании была похоронена сирена ПАРТЕНОПЕЯ, по имени которой, как полагают, Неаполь и был назван ПАРТЕНОПЕЕЙ».

¹⁵³ То есть ВАРИУ и ТУККЕ.

¹⁵⁴ Ср. Донатовское жизнеописание 37 (пропущено в эксцерптах): «Из своего наследства он половину отдал ВАЛЕРИУ ПРОКУЛУ, брату, рожденному от другого отца, четверть — АВГУСТУ, двенадцатую часть — МЕ-

лем у него были многочисленные и большие владения, где он проводил много времени¹⁵⁵. А в Риме он бывал редко из-за чрезмерного стечения людей, искавших с ним встречи. И даже один раз, когда он был в Риме, ему пришлось свернуть с дороги и спрятаться в каком-то месте, поскольку стечение людей было столь велико, что его чуть не раздавили¹⁵⁶.

Был он высокого роста, цвета кожи орлиного, то есть деревенского или темного, и много страдал животом, и часто выплевывал кровь из горла¹⁵⁷. Но он лечил себя сам снадобьями, ведь он был великим медиком и астрологом¹⁵⁸.

Прожил же он 52 года¹⁵⁹ и написал в завещании, чтобы Вар и Тух сожгли все его произведения, то есть «Буколики», «Георгики» и «Энеиду», поскольку он не хотел, чтобы его хвалили за что-то другое, кроме «Энеиды». Но Октавиан воспротивился сожжению, поскольку, хотя желание составителя завещания и должно было считаться законом, он предпочел, чтобы в этом случае был нарушен закон, чем чтобы было сожжено столь великое произведение. И он написал стихи, извиняющие Вара и Туха в том, что они не соблюли волю составителя завещания, хотя и были его душеприказчиками¹⁶⁰. И еще тот же самый Октавиан сказал Вару и Туху, чтобы они выправили «Энеиду» таким образом, чтобы от себя ничего не добавлять, но, если что-то покажется излишним, то это удалять. И поэтому местами вам будут попадаться в этом

ценату, а остальное — Луцию Варию и Плотию Тукке, которые после его смерти по приказу Цезаря выправили его «Энеиду».

¹⁵⁵ Ср. Донатовское жизнеописание 13 (пропущено в эксцерптах), Первое Филаргириевское жизнеописание 177.15–18 Brugnoli.

¹⁵⁶ Ср. Донатовское жизнеописание 11 (пропущено в эксцерптах), Первое Филаргириевское жизнеописание 177.13–15 Brugnoli.

¹⁵⁷ Ср. Донатовское жизнеописание 8 (пропущено в эксцерптах), Первое Филаргириевское жизнеописание 177.4–6 Brugnoli, Парижское жизнеописание. Любопытно, что во всех трех текстах, близких по набору фактов к данному месту жизнеописания Дзоно (Донатовском, Первом Филаргириевском и Парижском жизнеописании) тут же идет речь и о гомосексуализме Вергилия, похоже, пропуск этого пункта у Дзоно следует считать значимым. Ср. о ренессансных дискуссиях на тему гомосексуализма Вергилия: *Wilson-Okatira D. S.* Op. cit. P. 108–118: Ренессанс в целом склонен любыми способами обелять Вергилия в этом отношении, в отличие от Средних веков (ср. Ватиканские перихои, X в.: «О жизни же поэта следует сказать вкратце, поскольку он не был ни таким, чтобы ему подобало подражать, ни таким, чтобы следовало это запечатлеть в вечной памяти»).

¹⁵⁸ Ср. выше примеч. 123.

¹⁵⁹ Ср. Донатовское жизнеописание 35 (эксцерпты 61.13, 64.8 Stok), Парижское жизнеописание. Сумма несколько странно сочетается с остальными указанными Дзоно цифрами (см. примеч. 135): если в 17 лет Вергилий дописал «юношеские произведения» и сразу взялся за «Буколики», которые писал 3 года, и затем 7 лет потратил на «Георгики» и 12 на «Энеиду», то получится, что еще 13 лет он не занимался ничем (что, конечно, легко представимо, но выглядит странно на фоне подчеркнутого отсутствия «завора» между «юношескими произведениями» и «Буколиками»).

¹⁶⁰ Предполагается стихотворение от имени Августа, часто прилагавшееся в средневековых рукописях к текстам Вергилия.

произведении то <стих из> одного-единственного слова, то половинчатый стих, и тоже то побольше, то поменьше¹⁶¹.

Вот то, что касается действующей причины.

Целевая причина, руководившая писавшим, с точки зрения буквального смысла — восславить Октавиана, чтобы побудить его вернуть себе и мантуанцам свои владения¹⁶². С точки же зрения аллегорического смысла — описать состояния человека от самого рождения до смерти¹⁶³.

Или же целевая причина была достичь славы, памятуя об этом месте из «Стослова»: «Не умер тот, кто пробудил знание»¹⁶⁴.

Или же целевая причина была подражать Гомеру, написавшему книгу о падении Трои. Первая часть, или книга, этой книги называется «Одиссея»¹⁶⁵, от слов *odo* «песня» <т. е. гр. ὥδή> и *senon* «мудрый»¹⁶⁶. В ней он описывает Улисса, совершенного мудреца. Вторая часть называется «Илиада», то есть история Трои, названная так от слова «Илион», а Илион был троянской крепостью. Похожим образом сделал и Вергилий, который в первых шести книгах восхваляет Энея за благочестие и терпение в тяготах, а потом в других шести книгах изложил сражения с Турном и его сторонниками рутулами¹⁶⁷.

И эту целевую причину древние обычно называли «намерением» (*intentio*)¹⁶⁸.

Полезность у этого произведения большая, поскольку в нем содержится все красноречие и вся грамматика и вкратце¹⁶⁹ всякая наука. И особенно важно

¹⁶¹ Ср. Донатовское жизнеописание 39–41 (эксцерпты 65.1–2 Stok), Сервиевское жизнеописание 153.2–154.1 Brugnoti. Неожданная деталь — распоряжение сжечь не только «Энеиду», но и «Буколики» с «Георгиками».

¹⁶² Ср. вступление Сервия к Энеиде: «Намерение (*intentio*) Вергилия — подражать Гомеру и восславить Августа благодаря восхвалению его предков».

¹⁶³ Пункт, добавленный к Сервию явно под влиянием Фульгенция: см. подробнее вступление.

¹⁶⁴ *Non est mortuus qui* [в нашей рукописи описка *quam*] *scientiam suscitavit*. Эту цитату часто приводят в Средние века со ссылкой на «Альмагест» Птолемея, где ее не удастся найти (*Bertelloni F.* Op. cit. S. 54, Anm. 30); в «Стослове» (*Centiloquium*), тоже приписывавшемся Птолемею, нам найти ее также не удастся. Как указывает Ч. Бернетт (*Burnett C.* «Ptolemaeus in Almagesto dixit»: The Transformation of Ptolemy's Almagest in its Transmission via Arabic into Latin // Transformationen antiker Wissenschaften / Hgb. von G. Toepfer und H. Böhme. Berlin; New York, 2010. S. 117–119), ссылку на «Альмагест» Птолемея вообще часто добавляли в Средние века к разным афоризмам неизвестного происхождения.

¹⁶⁵ В рукописи сначала написано *odosea*, затем исправлено на *odisea*.

¹⁶⁶ Непонятно, о каком слове речь (возможно, гр. σεμνόν «почтенное»? ср. также итал. *senno*, «ум»).

¹⁶⁷ «Одиссея» оказывается «первой частью книги» Гомера, а «Илиада» — второй явно потому, что Сервий (Комментарий к Энеиде 7.1) сопоставляет с «Одиссеей» первую половину «Энеиды», а с «Илиадой» — вторую.

¹⁶⁸ Ср. примеч. 162 и вступление. Смысл настоящего пассажа Дзано — совмещение более новой схемы *accessus*'a, основанной на четырех причинах Аристотеля, со старой (в общем восходящей еще к Сервию), где «целевой причине» соответствовали два пункта, «намерение» (*intentio*) и «полезность» (*utilitas*), у Сервия еще отсутствующая), к которой Дзано переходит далее.

¹⁶⁹ *Breviter*: возможно, в смысле «коротко говоря».

и полезно увидеть и узнать, как он¹⁷⁰ терпеливо переносил тяготы. Ведь в этом содержится для нас наставление, что и мы должны быть терпеливы в тяготах.

И таким образом становится ясно, каковы причины этого произведения.

Обычно еще отмечают, к какой части философии относится наука¹⁷¹ и каково заглавие книги¹⁷².

Я бы сказал, что можно отнести ее к этике¹⁷³, то есть моральной философии, поскольку мы получаем наставления в отношении нравов, что мы должны быть терпеливыми¹⁷⁴ и добродетельными. Или же можно отнести ее к естественной философии, поскольку в ней много говорится о природе, и еще к рациональной философии, поскольку в ней много¹⁷⁵ как грамматики, так и риторики¹⁷⁶. Но я бы сказал, что она относится к музыке, поскольку всякий стихотворный размер и всякий музыкальный инструмент сводится к музыке и подчиняется музыке.

Заглавие книги такое: «Вергилия Марона “Энеиды” первая книга начинается». В этом заглавии затрагивается действующая причина, то есть когда он говорит «Вергилия». И обычно говорят, что действующая причина бывает двоякой — движущей (*movens*), как Октавиан, и движимой (*mota*), как Вергилий¹⁷⁷. И еще затрагивается материальная причина, когда он говорит «Энеиды» (*Eneidos*). Это патронимик женского рода от этого имени «Эней» (*Eneus*).

¹⁷⁰ То есть Эней.

¹⁷¹ *Cui parti philosophie scientia supponatur*: формулировка, подменяющая «книгу» «наукой», объясняется тем, что обычно средневековый комментарий является одновременно университетским курсом по какой-то науке; изучение науки автоматически сводится к изучению главного канонического текста по этой науке (например, «Сентенций» Петра Ломбардского для богословия, «Декрета Грациана» для канонического права, трудов Галена и «Канона» Авиценны для медицины, и т.д. — см.: Minnis A. Op. cit. P. 13, Grendler P.F. The Universities of the Italian Renaissance. Baltimore; London, 2001). Нелепость формулировки Дзона в том, что «Энеида», конечно, уже ни в каком смысле не является учебником для какой-то науки (поэтические тексты использовались для преподавания грамматики, но «Энеида» явно не тождественна грамматике как науке).

¹⁷² Еще два пункта из стандартного списка вопросов к *accessus*'у, распространенного до влияния аристотелевской схемы четырех причин: см. вступление (второй из них — «каково заглавие книги» — есть уже у Сервия). Вписать их в «причинную» схему Дзона уже, видимо, совсем не смог и выписал отдельно в конце.

¹⁷³ Стандартный ответ для *accessus*'ов к античным поэтическим текстам.

¹⁷⁴ Ср. выше формулировку, посвященную «полезности».

¹⁷⁵ Переводим по собственной конъектуре *possidet* вместо рукописного *possit*.

¹⁷⁶ Грамматика и риторика иногда включались в Средние века наряду с логикой в *philosophia rationalis*: ср., например, «Справочник» парижского студента XIII в. в рукописи Barcelona Ripoll 109, fol. 134r–158v (Lafleur C. Les «guides de l'étudiant» de la Faculté des arts de l'Université de Paris au XIIIe siècle // *Philosophy and Learning. Universities in the Middle Ages* / ed. by M. J. F. M. Hoenen, J. H. J. Schneider, G. Wieland. Leiden; New York; Köln, 1995. P. 179–180).

¹⁷⁷ Примеры аналогичной трактовки оппозиции *causa movens*–*causa mota* в *accessus*'ax см. в: Grondeux A. Le Graecismus d'Évrard de Béthune à travers ses gloses: Entre grammaire positive et grammaire spéculative du XIIIe au XVe siècle. Turnhout, 2000. P. 181.

Патронимик мужского рода от него будет «Энид» (Enides), с заменой *ei* на долгую *i*, как «Матид» (Matides) и «Тидид» (Tidides) от имен «Матей» и «Тидей». А дальше, если убрать *de* и заменить долгую *i* на *ei*, то получится патронимик женского рода: «Матеида» (Mateis), «Тидеида» (Tideis), «Персеида» (Perseis), «Тесеида» (Theseis) и «Энеида» (Eneis). Поэтому «Энеида» — это история Энея (Eney vel Enee). Об образовании патронимиков смотри «Большого Присциана» или «Сумму грамматики», поскольку там ты найдешь полное изложение¹⁷⁸.

Вот то, что касается вопросов, которые принято предварительно разбирать в началах книг, то есть каковы причины, каково заглавие книги и к какой части философии относится наука.

Письмо Филельфо Кириаку из Анконы¹⁷⁹

Франциск Филельф приветствует Кириака из Анконы.

Я очень ценю твое поразительно теплое ко мне отношение, а не ценил бы — был бы неблагодарным. Люблю тебя, мой Кириак, и за твою благосклонность ко мне, и за основательность и усердие, с которыми ты занимаешься вещами, пришедшими у нас в упадок, то ли из-за их чрезмерной древности, то ли от небрежного отношения к ним наших предков. Так что ты уж постарайся преуспеть в столь благородном и достойном похвалы деле воскрешения древности, или, вернее, спасения ее от гибели. Ведь те памятники и надписи, которые ты с такой страстью и с таким трудом собираешь по всему свету и привозишь в Италию, приносят немало пользы и удовольствия, и благодаря этому ты не только приобретаешь почет среди живых, но и делаешь мертвых вечными твоими должниками. Впрочем, хватит об этом.

Ты просишь меня, чтобы я тебе разъяснил, каковы были намерения (sententia) Публия Вергилия Марона, когда он сочинял свою «Энеиду»: ведь тебя, разумеется, совершенно не удовлетворяет общепринятое мнение, которое внушают еще школьные учителя, что Вергилий собирался, с одной стороны, подражать Гомеру, с другой — воспеть Августа. Честно говоря, это вопрос непростой и кратким ответом тут никак не ограничиться, да и задаешь ты его человеку, у которого не так уж много свободного времени; к тому же я всей душой беспокоюсь, во-первых, из-за тяжести той болезни, которой я заразился,

¹⁷⁸ Противопоставление «женских» и «мужских» патронимиков есть у Присциана, Грамматические наставления 2.62–68 Keil (и к нему, вероятно, восходит по крайней мере пример с «Тесеидой»), однако излагает правила их образования Дзоно в сильно упрощенном виде. «Сумма грамматики» (Summa grammaticae, Summa grammatica, Summa grammatices) — частое название грамматических трактатов в Средние века, не вполне ясно, что конкретно имеет здесь в виду Дзоно.

¹⁷⁹ Перевод выполнен при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ № 08–03–00407а «Рождение классики: историческое самосознание науки в доклассическую эпоху».

мне кажется, от венецианцев, а во-вторых из-за того, что я совершенно бесполезно трачу здесь время, обманутый теми, от кого меньше всего этого ожидал. Но я все-таки вкратце напишу тебе, что думаю о твоём вопросе, чтобы ты не упрекнул меня в капризах или в том, что я тебя ценю меньше, чем ты меня.

Я совершенно не отрицаю, что Вергилий в одной и той же своей «Энеиде» подражает «Илиаде» и «Одиссее», творениям Гомера, рожденного на берегах Мелеса, восхваляя Энея, и прославляет Августа. Но я точно знаю, что божественный талант Вергилия устремляется выше, ведь он, описывая человеческую долю и созерцательно и деятельно, размышляя об этом, сосредоточивает свои мысли на том, чтобы показать на примере мудрости и доблести одного Энея, какой путь может привести к высшему благу в этой жизни. Это хорошо видно уже из первой строки его одновременно серьезнейшего и в высшей степени изящного произведения: Вергилий говорит <Энеида 1.1>, что он «поет битвы»¹⁸⁰, то есть военную доблесть, деятельную (*activa*) сторону жизни, и «мужа», то есть добродетели мирного времени, умственные (*intellectivae*), в которых первостепенны мудрость (*sapientia*) и благоразумие (*prudentia*). Ведь именно мудрость представляется мне той единственной добродетелью, благодаря которой мы настолько превосходим остальных животных. И правда, какое же еще животное на земле задумывается о небесной истине? Для ее познавания и знания существует лишь человеческая мудрость. Благоразумие же подражает мудрости подобно тому, как искусство подражает природе: оно, как и мудрость, ищет истину, но не в высших, божественных делах, а в земных, человеческих.

Ведь что нам дает рассмотрение того, что доставляет человеку пользу, а что вред? В первую очередь умение отличать истинное от ложного в этой преходящей и мимолетной изменчивой жизни, чтобы мы могли следовать первому и пренебрегать вторым. Получается, что в мирной жизни над всеми нравственными добродетелями господствует не что иное, как благоразумие, оно одно их направляет и ими руководит. А благоразумие ущербно, бессильно, лишено внутреннего стержня, если не исходит от мудрости и не возвращается к ней как к первоначалу и главе. Поэтому тех, кто ставит благоразумие на первое место среди нравственных и умственных достоинств и хочет, чтобы оно стало совершенным достоинством в счастливом гражданине, поскольку оно — начало всех гражданских достоинств и их воплощение, — тех людей следует считать совершенно правыми.

Итак, Вергилий сообщает, что он собирается воспеть Энея как «мужа», то есть как обладающего и мудростью, и благоразумием. Эти добродетели или обе присущи разуму (*intellectus*), или же одна из них принадлежит разуму, другая — рассудку (*ratio*): ведь рассудок относится к восприятию вещей временных, а разум — вечных, так, как рассудок следует относить к размышлению, а разум —

¹⁸⁰ Цитаты из «Энеиды» в переводе С. Ошерова под ред. Ф. Петровского.

к постижению. Хотя Вергилий и пользуется этим представлением, намереваясь подражать Гомеру не только в отношении предмета описания, но и в отношении композиции, он тем не менее не соблюдает заявленного порядка, поскольку сначала воспевает гражданские добродетели, а потом военные, что, кстати, представляется мне более благоразумным, чем гомеровская последовательность: тот сначала говорит в «Илиаде» о доблести Ахилла, и уже потом, в «Одиссее», о мудрости и благоразумии Улисса. Ведь нам назначено природой сначала думать, потом действовать. Итак, в первых шести книгах «Энеиды» больше размышления и постижения, а во вторых шести уже прославляется действие. Вот это в целом я и хочу, чтобы ты уяснил себе об «Энеиде». Однако я вовсе не отрицаю, что и в первых шести книгах можно найти довольно много действия, и во вторых шести обнаружить не только размышление, но даже постижение.

Я сказал, что Вергилий Марон описывает человеческую жизнь; это следует понимать так, что этические вопросы (то, что греки называют *ἠθικὴν*) сочетаются в «Энеиде» с вопросами естественными (*τῇ φυσικῇ*). Такое сопряжение мы видим уже в остроумнейшем рассказе об Эоле и Юноне. Известно, что Юнона покровительствует царской власти и родам, поэтому она зовется и царицей богов, и Луциной. Платон делит душу на три части: разум, страсть и ярость, и располагает разум в голове, поскольку она — вершина всего тела. Эту часть и символизирует имя Эола, поскольку *aeolus* имеет значение и «разнообразный», и «подвижный», и «проворный», и «гибкий» — все это свойства разума. Ярость расположена в груди, а страсть — в печени. Но кто тот спорщик, который подразумевается под бурями ветра? Кроме того, если искать образ нравственных свойств, то единственный возможный вариант — это разум, а для бурь — материя. Под бурями, повторю, подразумеваются нравственные свойства, ведь их сам разум смирят и обуздывает. Поэтому Вергилий мудро говорит об Эоле, что он «гнев их душ укрошает» <Энеида 1.57>. По той же причине я полагаю, что здесь под «душами» подразумеваются страсти, поскольку *θυμός* у греков обозначает и душу, и страсть. Каждому известно, что если бы сила разума не была достаточна, чтобы сдерживать натиск всех бурь, то мы бы очень легко могли лишиться всякого нашего здравого решения, всякого правильного рассуждения. Итак, ветрам дан царь — главенство разума, данное от всемогущего Бога, Отца и Создателя всего, — и наделен таким законом и такой властью, чтобы мог приказывать и запрещать согласно божественному решению и повелению.

Но прошу тебя, обрати внимание, как лаконично и по порядку Вергилий излагает весь ход человеческой жизни! Поэт начинает свое изложение с рождения младенца, опаснейшего момента и для той, которая рождает, и для самого рождающегося младенца. Здесь описывается свирепствование ветров и сильнейшие бури, несущие бедствия всему живому и грозящие кораблекрушением. Однако едва появляется Нептун, они тут же прекращаются, поскольку и ребенок с матерью освобождаются от всякой опасности, как только мла-

денец как бы выплывает из чрева матери. Ведь если мы станем утверждать, что имя «Нептун» произошло от двух греческих глаголов, один из которых значит «плыть» (νεῖν), а другой «лететь» (πτάειν), — это будет, очевидно, вполне здоровое утверждение. К тому же, затяжные роды опасны, а скоротечные, при которых младенец как бы «вылетает» на свет, приносят облегчение от болей и целебный покой. Тут можно припомнить и Эола, ведь греческий глагол, от которого образовано его имя (αἰόλλειν), может значить и «побуждать, подгонять», и «кружить, вертеть», и «изменять», и никто не станет спорить, что все эти слова вполне применимы и к человеческой жизни. Однако это имя можно интерпретировать и как *aenolus*, то есть «разрушающий жизни», что происходит от греческих слов αἰών, «век, жизнь», и ὀλεῖν, «разрушать». Такой вариант трактовки имени «Эол» тоже нам подходит, так как жизнь угрожает всем появляющимся на свет опасностями и гибелью.

Со всей очевидностью в рассказе о тех семи оленях, которых Эней добыл на охоте, подразумевается раннее детство, то есть первые семь лет жизни, когда занимаются главным образом кормлением ребенка. Потом настает период, когда ребенок начинает наслаждаться слушанием всяческих историй; этой поре жизни соответствует история о падении и разорении Илиона и скитаниях Энея и троянцев. Затем наступает отрочество, которое, из-за свойственной этому возрасту пылкости и сильнейшего увеличения количества крови в организме, обычно целиком посвящено наслаждениям. Отрочество отражено в замечательном рассказе о том, какова сила любви и ее пламя. Далее следует честолюбивая и тщеславная юность, и потому Вергилий изображает игры, приносящие победителям почет и прекраснейшие призы. После юности наступает взрослый возраст, который весь проходит в осмыслении жизни и постижении истины; в «Энеиде» этому соответствует спуск в царство мертвых, там же излагаются рассуждения пифагорейцев и платоников о душе человека и о божественном. Это шестая книга «Энеиды».

Остальные шесть книг посвящены деятельной жизни; что касается изображения нравственных качеств, они представляют собой удивительное произведение искусства: там можно многое узнать о справедливости и благочестии, но больше всего прославляет Вергилий отвагу. И если начали мы от самого рождения человека, то конец человеческого века — смерть. Потому вовсе не случайно поэт заканчивает «Энеиду» строкой «тело покинула жизнь и к теням отлетела со стоном» <Энеида 12.952>. Ведь смерть Турна, подчиненного собственной несправедливости и малодушию, не сулит ему ничего, кроме вечно-го забвения, Эней же, действительно справедливый и мужественный человек, будет прославляться подобно божеству, и его слава будет возрастать день ото дня. Вот что пришло мне в голову в ответ на твое письмо, хотя у меня сейчас не очень-то много свободного времени.

До свидания.

Глава 16

«Смесь» Анджело Полициано: искусство видеть то, чего не видят другие

(М. В. Шумилин)

Анджело Полициано (настоящая фамилия Амброджини, 1454–1494) — крайне важная фигура в истории почти любого аспекта гуманистического движения. Удивительно, насколько много областей, где он не просто отметился, но и стал одним из центральных персонажей. Полициано по праву полагается отдельная глава и в истории итальяноязычной поэзии (знаковый факт, что Боттичелли, когда писал «Рождение Венеры», вдохновлялся, видимо, не непосредственно Лукрецием, а переработкой Лукреция в «Стансах на турнир» Полициано, 1.99–101)¹, и в истории латинской поэзии Возрождения (латинские стихи у Полициано, пожалуй, выходили несколько тяжеловеснее, чем итальянские, но все равно совершенно очевидно, что он был одним из крупнейших неолатинских поэтов своего времени)², и в истории гуманистической поэзии на древнегреческом языке (если такая история вообще когда-нибудь будет написана, то Полициано точно будет в ней персонажем номер один), и в истории ренессансных споров о подражании. Точно так же и в науке Возрождения Полициано сыграл важнейшую роль сразу в нескольких областях, и в настоящей монографии тексты Полициано заслужили место как минимум в двух разделах — посвященном текстологии и посвященном интерпретации классических текстов. Но мы сочли, что интерпретативная деятельность Полициано все-таки важнее и поместить переводы из «Смеси» следует в соответствующем месте сборника; подразумевается, что при чтении раздела, посвященного текстологии, читатель также дополнительно прочтет и настоящую главу.

Но удивительна в деятельности Полициано и еще одна черта — то, что при всем том колоссальном влиянии, которое он оказывал на культуру Возрождения одновременно в столь многих областях, очень часто нововведения Полициано, если смотреть на них из перспективы последующей традиции, оказываются как будто «бо-

¹ *Prosperi V. Lucretius in the Italian Renaissance // The Cambridge Companion to Lucretius / ed. by S. Gillespie and P. Hardie. Cambridge, 2007. P. 220–221.*

² Подробнее см.: *Хлодовский Р. И. Анджело Полициано // История литературы Италии. Т. II. Кн. 1 / отв. ред. М. Л. Андреев. М., 2007. С. 482–514.*

ковой ветвью» развития: следующие поколения относятся к Полициано с большим уважением, но в основном не идут по его стопам.

Так, например, вышло со знаменитым спором о подражании. Полициано выступал как один из самых ярких противников зарождающегося цицеронианства, идеологии радикального сужения канона³: вообще ученым, похожим на Полициано, свойственно, наоборот, стремиться максимально расширить свой кругозор, и на этом, как мы увидим, во многом была основана и успешность научных опытов самого Полициано (знаменитая глава 4 «Смеси», переведенная ниже, так и называется — «Как много всего нужно читать комментаторам поэтов»). Но XVI век, так почитающий Полициано, — это время безусловной победы цицеронианства в Италии⁴.

В текстологии ситуация оказалась похожей. Полициано очень сильно повлиял на эту область; возможно, не будет преувеличением сказать, что именно он стал отцом научной текстологии. Он внес много радикальных новаций в текстологический метод того времени. Для удобства мы просто переведем лаконичный список «достижений Полициано в области текстологии», составленный Майклом Ривом⁵ (пояснения в скобках принадлежат нам):

1. «Полициано был первым ученым, который сделал полную колляцию древней рукописи — это была рукопись Теренция V в., которой в тот момент владели Пьетро Бембо и его отец Бернардо»⁶ («колляция» — это выписывание отличительных чтений какой-то рукописи; Рив имеет в виду, что обычно в эпоху Возрождения из рукописей только выписывали отдельные чтения, но не изучали рукопись как целое, фиксируя все ее отличительные чтения, как первым сделал Полициано).

2. «Он также делал колляции нескольких других рукописей, до сих пор высоко оцениваемых издателями» (в этом пункте речь идет не о полноте колляций, а о том, что у Полициано было поразительное чутье на хорошие рукописи — а находить и выделять их сегодня гораздо проще, чем в XV в., когда рукописные фонды еще не стабилизировались и в основном были в рассеянном состоянии, и обозреть их в целом было невозможно).

³ См. особенно переведенный на русский обмен письмами с Паоло Кортези (или Кортезе): *Полициано А. Анджело Полициано приветствует своего друга Паоло Кортезе* / пер. А. А. Столярова // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / сост. Л. М. Брагиной. М., 1985. С. 249–250; <Кортезе П.> Паоло Кортезе приветствует своего друга Анджело Полициано / пер. А. А. Столярова // Там же. С. 250–253; ср. также: *Полициано А. Речь о Фабии Квинтилиане и «Сильвах»* Стация / пер. А. А. Столярова // Там же. С. 242–249.

⁴ См. главу 10 настоящей монографии.

⁵ *Reeve M. D. Classical Scholarship* // *The Cambridge Companion to Renaissance Humanism* / ed. by J. Kraye. Cambridge, 1996. P. 29–30.

⁶ О «Бембовской рукописи» Теренция и ее изучении в эпоху Возрождения см. подробнее в главе 10 настоящей монографии.

3. «Когда он выписывал на полях какой-нибудь печатной копии чтения сразу из нескольких рукописей, он различал их чтения, обозначая каждую рукопись отдельным символом» (в XV в. работающие с рукописями ученые обычно собирали скопом разночтения всех используемых рукописей, не проводя различий; а однобуквенные знаки для обозначения рукописи прижились вообще только в XIX в.)⁷.

4. «Он идентифицировал используемые рукописи, называя их владельцев и сообщая детали об истории или происхождении списков» (обычно ученые XV в. ничего не говорят о том, какие именно рукописи используют).

5. «Он предположил, что рукопись “Сильв” Стация, созданная в 1417 г., является источником всех прочих рукописей “Сильв”, бывших в обращении в его время; он также доказал, что виденные им рукописи “Писем к близким” Цицерона и “Аргонавтики” Валерия Флакка, в которых нарушался порядок следования листов, являются источником всех прочих виденных им рукописей этих текстов» (об этом пункте подробнее ниже).

6. «Он подкрепил свою теорию по поводу Валерия Флакка, опознав, что неправильно переплетенная рукопись написана рукой Никколо Никколи» (Рив, вероятно, имеет в виду, что рука Никколи своей древностью подтверждала, что рукопись находится на самом вершине генеалогического древа списков; опознавать почерк известных гуманистов в эпоху Возрождения вообще умели не очень хорошо⁸ — правда, правильность данной идентификации Полициано в данном случае тоже нельзя проверить, потому что сама рукопись, по-видимому, не сохранилась⁹).

7. «Он нашел в светониевском жизнеописании Нерона <52> критерии для идентификации автографа и применил их к древней копии “Дигест” (основного юстиниановского корпуса римского права), которая сейчас известна как “Флорентийские Пандекты”».

8. «Он все больше приближался к тому, чтобы проводить различие между вариантами и конъектурами» (имеется в виду, между рукописными вариантами и самодельными поправками текста, придуманными учеными, — обычно в изданиях XV в. одни не отличишь от других).

Эти пункты, как можно заметить, делятся на две группы. Во-первых, на фоне XV в. Полициано делает более жесткими критерии научной аккуратности и добросовестности сообщений о рукописях — но это все-таки была, скорее всего, не оригинальная находка Полициано, а движение в русле общих тенденций к повышению строгости

⁷ О более ранних попытках ввести однобуквенные «сиглы» см. в главе 12 настоящей монографии, с. 311–314.

⁸ Ср. по этому поводу ниже примеч. 159, а также примеч. 44 к главе 11 настоящей монографии.

⁹ См.: C. Valeri Flacci. Argonauticon liber VII/a cura di A. Perutelli. Firenze, 1997. P. 61–84.

научных операций, тенденций, которые, пусть медленно, но начинали проявляться и независимо от Полициано. Во-вторых, и это гораздо более важно, Полициано все время пытается выстроить в систему совокупность рукописей каждого текста. Общий принцип выстраивания такой системы всегда один — устанавливается (разными способами), какая рукопись является источником всех прочих. Это напоминает «стемматический» метод классификации рукописей, придуманный немецкой филологией XIX в. (от греч. *στέμματα* — «генеалогические древа»), и поэтому сторонники «стемматики» иногда видят в Полициано своего «Иоанна Предтечу»¹⁰, но модель Полициано на самом деле проще — он обычно не выстраивает конкретной генеалогии рукописей, а просто ищет какой-нибудь способ (но зато способ как можно более надежный) выделить «архетип» (источник прочих рукописей). Выводы об архетипах разбросаны по разным текстам Полициано, часто рукописным, но кое-что попало и в сборник заметок «Смесь» (*Miscellanea*, 1489), главы из которого переведены ниже. Логика выделения архетипа цicerоновских «Писем к близким», в частности, хорошо видна в переведенной нами главе 25: у рукописи Р есть механический дефект (переставлены тетрадки); в остальных рукописях, кроме М, текст идет в том же порядке, что в Р, но без объясняющего перестановку фрагментов механического дефекта; *ergo*, эти остальные рукописи все происходят от Р (что Р происходит от М, нужно доказывать отдельно, это доказательство Полициано опускает). Это, заметим, гораздо более надежный вывод, чем многие более конкретные генеалогические построения «стемматиков». А дальше, найдя архетип, мы можем пренебречь всеми производными рукописями (в терминологии стемматиков, «элиминировать» эти рукописи) и «вернуться к истокам».

Как отмечает Энтони Графтон¹¹, генеалогический метод не связывается у Полициано обязательным образом именно с текстологией. Точно так же, например, в главе 39 «Смеси» (тоже переведенной нами) Полициано указывает источник всех прочих свидетельств о том, что алфавит привез в Грецию Кадм. Этим источником оказывается свидетельство Геродота, и поэтому все позднейшие тексты на эту тему тоже можно «элиминировать». То есть «генеалогический метод» — это вообще стремление во всех сферах «обратиться к истокам» и отбросить все «позднее» и «вторичное».

Легко заметить, что это стремление очень близко к тому пафосу, которым вообще вдохновлялось Возрождение. От светлого классического мира нас отделяют века темного варварства, не принешие ничего, кроме порчи; свое дело гуманисты очень часто видят именно в устранении этой «накипи». На самом деле эта модель даже к текстологии применялась уже до Полициано. В частности, Джордж Мерула, издавая Плавта в 1472 г., уже пользуется полным генеалогическим

¹⁰ См.: *Timpanaro S. The Genesis of Lachmann's Method* /ed. and tr. by G. W. Most. Chicago, 2005 и раздел о текстологии в настоящей монографии.

¹¹ *Grafton A. On the Scholarship of Politian and its Context* // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1977. Vol. 40. P. 150–188.

арсеналом — тут и представление о генеалогии рукописей, и поиск источника (Мерула нашел «рукопись Орсини», Vaticanus lat. 3870, XI в.), и даже термин «архетип» (*archetypum*) в том самом значении, в каком его будут использовать «стемматики»: «Вдобавок ко всему этому существует один-единственный экземпляр, как бы архетип (*velut archetypum*), от которого происходят все остальные существующие копии»¹². Но еще до Мерулы, и вообще до книгопечатания, аж в 1428 г. Джованни Ламола, приятель Гварино, призывал восстановить текст теоретических сочинений Цицерона о риторике по источнику прочих рукописей¹³. Полициано просто был самым ярким и последовательным экспонентом «генеалогического метода».

Чаще, конечно, модель «обращения к истокам» направлялась гуманистами против традиции средневековых грамматик и комментариев, особенно тех, которые ассоциировались со схоластикой (при этом де факто гуманисты использовали труды средневековых грамматиков — часто просто не выходило иначе, — но старались не говорить об этом). И такую трактовку «генеалогичности» мы тоже вполне можем найти у Полициано. Например, в переведенной нами 100 главе он не только «элиминирует» поздние комментарии к Аристотелю (речь, конечно, прежде всего о схоластических комментариях), удаляя упоминания только позднеантичных комментаторов, — он и противниками в толковании Вергилия и Горация мыслит только позднеантичных схолиастов, Сервия и (Псевдо-)Акрона, и не только в этой главе, но и на протяжении всего текста «Смеси». И это притом, что к тем же самым Вергилию и Горацию существовали, например, комментарии Кристофоро Ландино (1424–1498), учителя Полициано¹⁴. Но о них Полициано даже не упоминает, как и обо всей прочей средневековой комментаторской традиции, которая на самом деле была довольно обширной. Это интересная черта гуманистического «возвращения

¹² *Plautinae viginti Comoediae, linguae Latinae deliciae, magna ex parte emendatae per Georgium Alexandrinum. Venetiis, 1472. <P. 2>*. В античных текстах существительное *archetypum* употребляется только в значениях «образец», «оригинал». Полициано, как и Мерула, использует это слово в специальном значении «рукопись — источник всех прочих сохранившихся рукописей» (оба, конечно, не имеют в виду, что это обязательно оригинальный авторский текст). Ср.: *Timpanaro S. Op. cit. P. 50*. «Рукопись Орсини» была среди громких рукописных открытий гуманистов (ее привез в Рим в 1429 г. Николай Кузанский), поэтому выделить именно ее в качестве архетипа было естественным решением; возможно, для рукописей, известных Меруле, оно было верным (сейчас найдены более древние рукописи Плавта). Мерула, правда, использует «рукопись Орсини» не непосредственно.

¹³ *Grafton A. Op. cit.*

¹⁴ Причем выражение «молчание луны» (Вергилий, Энеида 2.255), о котором пишет Полициано, Ландино даже, похоже, интерпретирует в том же самом духе, что и его ученик (ср. ниже перевод главы 100 «Смеси»): «Молчание луны». Катон, «О сельском хозяйстве» <О земледелии 40.1>: «Фиговые деревья, оливы, яблони, груши и лозы следует прививать при молчащей луне после полудня, если не будет дуть Австр». И еще <50.1>: «Лука удобряй ранней весной при молчащей луне» (*Christophori Landini Florentini P. Vergilii Interpretationes. Florentiae, 1487* [иногда это издание передатируют 1488 г.]. Fol. f v v). Комментируя обсуждаемое далее у Полициано место из Горация (Оды 3.30.8–9), Ландино просто повторяет комментарий Акрона (*Christophori Landini Florentini In Qu. Horatii Flacci libros... Interpretationes. Venetiis, 1483* [в издательстве Джованни де Геропи, 17.5.1483]. Fol. m vii r).

к истокам»: со временем ко «вторичному», которое нужно «элиминировать», начинают относиться и труды старших поколений гуманистов. Ученые конца XVI в., например, уже смотрят свысока на раннепечатные комментарии и не читают их. Так и в том мире XV в., образ которого создает Полициано в «Смеси», у него, в общем-то, по-настоящему практически нет никаких предшественников — есть только противники да небольшой круг союзников (Лоренцо, Пико, Фичино, Аргиропул — некоторых из них Полициано все же иногда цитирует не ради указания на ошибки).

Легко заметить, что идеология «возвращения к истокам» вообще-то противоречит антицицеронианской идеологии максимального расширения кругозора. Цицеронианство — это именно и есть аналог «генеалогического метода» в области определения языковой нормы: мы отбрасываем всякую «мишуру», которую нанесли в язык плохие подражатели Цицерона и Вергилия, и возвращаемся к неиспорченному идеалу. Поэтому метод Полициано всегда несколько двойственен: например, он силится найти как можно больше параллелей из самых необычных текстов, но при этом старается и свести число таких параллелей к минимуму, изгнав «вторичные» и вообще не упоминая о средневековых, которые уже заведомо «вторичные». В результате, когда в текстологии XVI в. строгих последователей у Полициано оказалось относительно мало (Филиппо Бероальдо Младший в его Таците 1515 г., Лелио Торелли в его издании «Пандект» 1553 г., Пьер Веттори)¹⁵ и, по сути дела, опять деятельность Полициано осталась «боковой ветвью» развития науки, к которой та вернется только в XIX в., то альтернативная школа, в итоге одержавшая верх в XVII в., в каком-то смысле развивала другое начало метода Полициано, «поиск вширь». Графтон писал, что противники «полициановцев» уделяли большее внимание поиску параллелей¹⁶, но на самом деле и собственно текстологический их метод был основан на том же принципе: не выстраивать рукописи в систему, но описать на равных правах максимально большое их число¹⁷. Может быть, вообще всю деятельность гуманистов можно описать как борьбу этих двух тенденций.

Из сформулированного нами выше правила, что Полициано не обсуждает гуманистические интерпретации рассматриваемых проблем, есть, правда, одно яркое и очевидное исключение — выпады Полициано против его современников; в основном имен он не называет, но одного персонажа разносит в пух и прах вполне лично и конкретно (прежде всего в переведенной ниже главе 9) — Домицио Кальдерини, одного из важнейших комментаторов того поколения, которое было лет на 10 старше поколения самого Полициано. Полициано фактически декларирует создание нового критерия научной добросовестности, которому не отвечают его предшественники (в значительной степени это, надо сказать, соответствовало действительности). Предисловие к первой центурии

¹⁵ См. главу 11 настоящей монографии.

¹⁶ Grafton A. Joseph Scaliger: A Study in the History of Classical Scholarship. Vol. 1. Oxford, 1983. P. 45–100.

¹⁷ См. главу 12 настоящей монографии.

«Смеси» — текст, который своей завораживающей интонацией напоминает, может быть, даже «Заратустру» Фридриха Ницше¹⁸: это тон уверенного в себе, сильного, зовущего за собой человека, твердым движением руки без колебаний и без компромиссов отмечающего «болезни духа», которые окружают человека. Естественно, у многих читателей такая поза вызвала яростную реакцию; Полициано ссорился из-за «Смеси» с Джорджо Мерулой и Бартоломео Скалой, в какой-то степени, видимо, также с Михаилом Маруллом¹⁹, гневные эпиграммы писал о Полициано неаполитанец Якопо Саннадзаро. Но кроме лежащих на поверхности причин — некоторой заносчивости и конфликтности самого Полициано и самоуверенной позиции, артикулированной в «Смеси», — негодование все же было вызвано, по-видимому, не в последнюю очередь и новизной его подхода к интерпретации. И тут мы наконец переходим к центральному пункту, ради которого Полициано и оказался в этом разделе.

Витторе Бранка полагает, что во взглядах Полициано на интерпретацию текстов в какой-то момент (около 1480 г.) произошел переход от «платонической» поэтики к «аристотелевской»²⁰. Нам в данном случае не так важно, был ли этот переход действительно одномоментным, важнее, что эта идея очень хорошо описывает отношение Полициано к интерпретативным подходам его предшественников.

Надо оговорить, что для конца XV в. оба понятия оказываются наделены довольно своеобразными значениями: «платоническая» и «аристотелевская» поэтики имеют мало общего со взглядами соответственно Платона и Аристотеля на поэзию. О «платонической» поэтике мы можем составить себе вполне четкое представление: Полициано учился во флорентийском Студии, главном гнезде платонизма XV в., где преподавали Марсилио Фичино, Кристофоро Ландино, где даже Иоанн Аргиропул, которого Полициано числит как преподавателя Аристотеля, был не без платонического привкуса; с тем же самым кругом контактировал и платоник (по крайней мере, в большой степени) — младший товарищ Полициано, знаменитый Пико делла Мирандола. Как толковали поэзию в Студии? До нас дошли некоторые записи Бартоломео делла Фонте с тех лекций Ландино и Андроника Каллиста, на которые должен был ходить сам Полициано²¹; это обычные для любых комментариев разборы грамматики и буквального смысла. Но часто преподаватели Студии толковали тексты и иначе, выискивая в них

¹⁸ Сам Ницше, по-видимому, не читал Полициано (опубликованы списки личного книжного собрания Ницше и книг, которые он заказывал в библиотеке, и там имя Полициано не появляется: *Nietzsches persönliche Bibliothek* / hgb. von G. Campioni, P. D'Iorio, M. C. Fornari, F. Fronterotta, A. Orsucci. Berlin, 2003), но, будучи филологом-классиком, он, вероятно, мог встречаться с какими-то другими текстами в этой области, вдохновленными решительным и бескомпромиссным тоном Полициано.

¹⁹ Подробнее см.: *Godman P. From Poliziano to Machiavelli: Florentine Humanism in the High Renaissance*. Princeton, 1998; на русском языке о споре Полициано со Скалой вне связи со «Смесью» см. также: *Баткин Л. М. Итальянское Возрождение: Проблемы и люди. М., 1995. С. 142–144.*

²⁰ *Branca V. Poliziano e l'umanesimo della parola*. Torino, 1983. P. 4–36.

²¹ См.: *Maier J. Ange Politien: La formation d'un poète humaniste (1469–1480)*. Genève, 1966. P. 39–45.

аллегорический смысл: именно этот подход ассоциируется в области интерпретации с платонизмом, отчасти благодаря тому, что за платониками уже традиционно закрепился аллегорический метод. Это притом, что, хотя платоновский Сократ, конечно, сам использует явно аллегорические притчи — *μῦθοι*, в «Государстве» он вообще-то высказывается против оправдания поэзии с помощью аллегорических толкований (378d–e). В Студио, например, Ландино аллегорически толковал «Энеиду» Вергилия в своих лекциях²². Вот пример тех бескомпромиссно платонических толкований «Энеиды», которые сохранились в третьей книге «Камальдолийских бесед» Ландино²³: «“Уже поднимался Люцифер над вышними хребтами Иды и вел за собой день” <Энеида 2.801–802> <...> И это правильно, что Люцифер предшествует солнцу. Ведь это звезда Венеры: а это значит любовь к нахождению истины. Такая любовь рождается у того, кто уже оставил жизнь, подверженную наслаждениям. И Люцифер ведет за собой день: ведь такая любовь пробуждает разум, поскольку, освещенные светом этой любви, мы становимся способными к познанию истины. Выходит же Люцифер из-за горы Иды: то есть из красоты. Ведь слово *idos* <т. е. εἶδος> по-гречески обозначает красоту. А любовь Платон определяет как устремление к красоте <Пир 201a9–10>. Поэтому в любви стыд отвращает нас от мерзкого, а жажда превосходения влечет нас ко всему самому достойному». Склонность к аллегории либо аллегорезе иногда находят и в некоторых текстах самого Полициано²⁴. В любом случае, вот такая платоническая аллегореза — явно отправной пункт для него. Финальный же пункт — «аристотелевская» поэтика «Смеси», на которую, как полагают, повлияли взгляды друга Полициано, аристотелика Эрмолао Барбаро.

«Аристотелизм» во взглядах гуманистов конца XV в. на поэзию к взглядам Аристотеля на поэзию имеет уже совсем мало отношения. Текст «Поэтики» Аристотеля в Италии XV в. существовал, но в основном в виде латинского перевода с арабского перевода, и этим текстом гуманисты практически вообще не пользовались (видимо, его «вторичность» была уж слишком очевидна)²⁵. Правда, Барбаро и Полициано как раз были оба каким-то образом знакомы

²² На русском языке см.: Ландино К. Речь мессера Кристофоро Ландино флорентийца перед сиятельной флорентийской синьорией при вручении его комментария к Данте / пер. М. А. Юсима // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). С. 208–210, см. также: Фичино М. Паллада, Юнона и Венера обозначают созерцательную жизнь, активную жизнь и жизнь, проводимую в наслаждениях / пер. О. Ф. Кудрявцева // Там же. С. 220, хотя ср.: Иванова Ю. В. Марсилио Фичино // История литературы Италии. Т. II. Кн. 1. С. 394.

²³ *Christophori Landini Florentini Libri quattuor*. Argentoraci, 1508. Fol. F vi r–v.

²⁴ См.: Bigi E. La cultura del Poliziano e altri studi umanistici. Pisa, 1967; Grafton A. Renaissance Readers of Homer's Ancient Readers // *Homer's Ancient Readers: The Hermeneutics of Greek Epic's Earliest Exegetes* / ed. by R. Lamberton, J. J. Keaney. Princeton, 1992. P. 149–172; Martelli M. Angelo Poliziano: Storia e metastoria. Lecce, 1995.

²⁵ Ср. примеч. 11 к главе 2 настоящей монографии.

с «Поэтикой»²⁶, но тот их «аристотелизм» в области литературной теории, о котором говорит Бранка, все равно лишь в незначительной степени является развитием идей «Поэтики». Речь скорее идет об «аристотелизме» в смысле «того, что противостоит платонизму». Если у Платона окружающий нас мир состоит из многочисленных проекций идей и привилегированное положение занимают именно эти самые идеи, все остальное — только тени на стене пещеры, то в логике Аристотеля соответствующие по смыслу идеям субстанции объявляются всего лишь логической (почти что даже просто грамматической) категорией. У всех лошадей в совокупности есть нечто общее, на основе чего можно говорить о «лошади вообще», но это не идея лошади, в отрыве от которой ее «экземпляры» ничего самостоятельного из себя не представляют, а, наоборот, производное от эмпирической конкретности, плод обобщения, играющий роль рода или вида по отношению к единичным лошадям, в своем бытии первичным по отношению к этому обобщению (которое Аристотель и называет вторичной сущностью) и обладающим набором собственных акциденций. То есть мир освобождается от рабского подчинения идеям, мир существует в первую очередь сам по себе в своей конкретности и богатстве индивидуальных вещей. Аналогичным образом в данном случае мыслится и «аристотелевская поэтика»: слова освобождаются от подчинения ограниченному набору задаваемых аллегорией смыслов, слова теперь не должны обязательно отображать снова и снова какие-нибудь, например, платонические «архетипы» вроде «любви», «разума» и «красоты». Слова обладают ценностью сами по себе.

Оппозиция «платонической» и «аристотелевской» поэтик выделяет на самом деле более важный момент, чем может показаться, и помогает понять причины того возмущения, которое вызвала «Смесь» у современников. Чтобы было понятнее, рассмотрим подробнее, например, уже упоминавшиеся стихи знаменитого неаполитанца Якопо Саннадзаро по поводу «Смеси». Это две эпиграммы под названием «К Пулициано» (так Саннадзаро исковеркал псевдоним Полициано, чтобы тот стал созвучен слову *pulex*, «блоха»). Обычно цитируют первую из этих эпиграмм (1.61), специально посвященную самой скандальной из глав «Смеси», главе про общенную интерпретацию Катуллова «воробья» (это глава 6, она переведена ниже). В этой первой эпиграмме Саннадзаро писал (1.61.16–19):

Proh dii, quam vafer es, Puliciane;
Solutus qui bene calleas poetas!
Nimirum, et quod ab omnibus probetur,
Mutandum quoque suspicaris illud...

«Боги милостивые, какой же ты хитроумец, Пулициано! Один только ты и разбираешься как следует в поэтах. И если что-нибудь всех устраивает — ты, конечно, даже тут заподозришь, что это нужно исправить...»

²⁶ Branca V. Op. cit. P. 13–15.

Второе из этих стихотворений (Эпиграмму 1.62) цитируют реже, поэтому приведем его целиком²⁷:

Vanas gigantum iras, et impetus graves
 Miratur aliquis audiens mortalium;
 Ausumque caelo vincula inferre inrita
 Saevum Typhoea, quum jugosum Pelion
 Adderet Olympo, matre nec Terra satum
 Agnosceret se se; impium donec pater
 Iratus ardenti igne sustulit caput;
 Ut par erat: nam quis petat sanus Deos?
 At nunc quis hoc, quis hoc ferat mortalium?
 Iners, pusillus, unus heu pulex ciet
 Turmas, cohortes, copias, manipulos
 Muscarum; et altos scandere adparat toros
 Heroum; opacis qui sub umbris arborum
 Strati, ac perenni flore subfulti caput,
 Ducunt quietem perpetem, aeternam, optimam;
 Nec nostra curant dicta, vel facta amplius,
 Ut qui beatos incolant tuti locos;
 Et nomen alta in arce sacrarint suum,
 Functi periclis, et malis laboribus;
 Cunctasque Fortunae improbae calcent minas,
 Ne dum pusilli pulicis morsus leves.
 At tu, moleste, amare, vesane, impie
 Pulex, inepti concitator agminis,
 Quo proripis te? Quo vocas muscarias
 Ista phalanges? Quo volatiles globos
 Impellis audax? I procul, miser, miser,
 I, criminose, maximam in malam crucem.
 Haud fas quietas manium sedes Deum
 Muscas subire, pulicumque copias.
 Nil hic negotii vel tibi, vel pessimis
 Tuis maniplis: quid moraris, impie?
 Abi profundam in noctem, et ultimum Chaos.
 Speranda certe gloria hic nulla est tibi.
 Quos dii probavere semel, hos semper probant.

²⁷ Оба текста цитируются по изданию: *Jacobi, sive Actii Synceri, Sannazarii Poemata...* Bassani, 1782. P. 141–143.

«Какой-нибудь смертный удивляется, слыша о бессмысленной ярости и страшном натиске Гигантов; удивляется тому, что свирепый Тифон, не имея шансов на победу, осмелился попытаться опутать небо узами, взгромоздив гористый Пелион на Олимп и не признавая, что мать его — Земля <и потому небо — не его удел>. В конце концов разгневанный Отец <т. е. Юпитер> пылающим огнем снес ему голову: и правильно сделал — кто же в здравом уме пойдет войной на богов? А вот теперь — кто, кто из смертных потерпит это? Увы! Хилая, мелкая, одиночная блоха (*pulex*) сзывает турмы, когорты, полчища, манипулы мух и готовится взобраться на ложа героев. Те же лежат в темной тени деревьев и, положив свои головы на неувядающие цветы, проводят время в непрерывном, вечном и совершенном покое. И их более не заботят наши слова и дела: ведь они беззаботно живут в блаженных обиталищах, имена их освящены в вышней цитадели <т. е. на небе>, и все опасности и трудности остались для них позади. И все угрозы бессовестной Судьбы они презирают, не то что ничтожные укусы мелкой блохи. А ты, назойливая, докучливая, безумная и нечестивая блоха, куда ты лезешь? Куда ты зовешь мушинные фаланги? Куда гонишь их летучие тучи? Убирайся прочь, жалкая ты и убогая, убирайся, злодейка, к самой что ни на есть чертовой матери! Нельзя мухам и блошиным полчищам проникать в безмятежные обиталища богов-манов. Нечего здесь делать что тебе, что твоим ублюдочным манипулам: чего ты еще ждешь, нечестивая? Убирайся в непроницаемую тьму и в самую глубь Хаоса <т. е. Тартара>. Здесь тебе точно ни на какую славу надеяться не приходится. Кого боги однажды допустили в жилища блаженных, те всегда там и пребудут».

Саннадзаро обыгрывает, с одной стороны, созвучие *Pulicianus*–*pulex* (поэтому под «блохой» имеется в виду сам Полициано), а с другой — военную образность, которую использует сам Полициано в прологе к «Смеси». «Смесь» делится на «центурии» — книги по сто глав, но исходно это слово обозначало римское военное подразделение («сотню»), и Полициано охотно обыгрывает это значение, представляя себя полководцем, направляющим в атаку отряды филологических заметок. У Саннадзаро же эти «центурии» превратились в «мушинные фаланги» — под ними имеется в виду, таким образом, сама «Смесь». Под «героями», которых атакуют все эти насекомые, могут, соответственно, подразумеваться либо низвергаемые Полициано авторитеты вроде Домицио Кальдерини, либо сами классические авторы, которых Полициано взялся «исправлять» и «терзать».

Конечно, некоторая часть выпадов Саннадзаро направлена просто против того, как Полициано позиционирует себя — что, мол, он тут самый умный и умнее всех остальных, что прежние комментаторы — устаревшие неудачники. Но, как кажется, отчасти недовольство Саннадзаро все же вызвано и самим интерпретативным методом Полициано.

Во-первых, Полициано норовит «исправлять» «то, что всех устраивает». Речь идет не о текстологической правке — ей уже давно активно занимались почти все гуманисты, и Полициано как раз в ней обычно более чем сдержан (по крайней мере, что касается конъектур). Речь, скорее, об интерпретации. Например, у Катулла на-

писано, что Лесбия играет с воробьем. Всем все понятно, и всем все нравится; комментарий в своей обычной функции – тот комментарий, который проясняет непонятный текст, – вроде бы вообще не нужен. Но Полициано пишет, что под воробьем подразумевается мужской половой орган (см. ниже перевод главы 6). У Вергилия написано, что греки подходят к Трое «при тихой луне». Казалось бы, тоже, почему не оставить, что написано? Но Полициано нужно написать, что под «тихой луной» подразумевается темнота на месте луны, отсутствие луны (см. ниже перевод главы 100). Полициано не удовлетворяется текстом, как он есть, но все время старается вскрыть спрятанные смыслы, отыскать хитроумные тропы, разгадать загадки, которых не замечают другие. Не случайно Полициано так любит в «Смеси» и загадки в буквальном смысле слова – им посвящено сразу несколько глав, из которых мы перевели главу 39. Полициано мыслит свою интерпретаторскую деятельность как разгадывание загадок.

Казалось бы, что же тут нового? Ведь аллегористы тоже вскрывают спрятанные в тексте смыслы. Никто не писал столь пылких инвектив против того же Ландино. Но тут-то как раз и появляется «во-вторых». Между Полициано и Ландино – да и вообще между Полициано и всей предшествующей ему традицией – проходит важная граница. Дело в том, *какие* смыслы вскрывает Полициано. И дело не в обценности, например, интерпретации Катуталова воробья: XV век вообще был вполне привычен к обценности, и неаполитанские поэты, в кругу которых вращался Саннадзаро, тоже не плошали в этой области. Но, какие бы подтексты ни вскрывали аллегорические толкователи Средневековья, это всегда был какой-то важный смысл, смысл, обладающий ценностью (будь то смысл мистический, моральный, биографический или философский, будь то платоновская философия любви, скрытая за восходом Венеры, или воплощающая гармонию мироздания музыка сфер, намек на которую Сервий видит в «тихой луне»). Это всегда смысл, который сам придает ценность процедуре аллегорического толкования. Но предположение, что под образом воробья можно разуместь мужской половой орган, выглядит как вызывающая карикатура на такую процедуру. Уж что еще можно придумать менее важного, менее ценного, более смешного и более нелепого?

При этом те же самые вызывающие тезисы Полициано на поверку не всегда оказываются первопроходческими. Например, автором идеи про «тихую луну», возможно, следует считать Ландино²⁸. Средневековые комментаторы вполне могут иногда между делом выдать какую-нибудь экстравагантную интерпретацию, в которой смысл никакой самостоятельной ценностью не обладает. Но именно между делом. Комментарии совсем не обязательно бывали аллегорическими, тот же Ландино прибегал к аллегорезе не всегда. Но дело в том, что последовательный комментарий даже так остается подчинен определенной ценности – ценности, которой обладает комментируемый текст сам по себе; комментатор

²⁸ См. выше примеч. 14.

смирненно служит этому ценному тексту, проясняя его слово за словом (начиная с уровня грамматики, но в общем он может позволить себе и какое-то «вскрытие смыслов»). И вот тут как раз Полициано ведет себя очень характерно: он вообще не публиковал комментариев и не издавал текстов (те рукописные комментарии, которые сохранились от Полициано, видимо, были, скорее, заметками «для себя»). Вместо этого он выбирает совсем другой жанр — сборник заметок. У этого жанра были некоторые античные прецеденты (вроде «Аттических ночей» Авла Геллия), но для конца XV в. он в общем не был особенно распространенным²⁹ — это уже потом, начиная с XVI в., такие собрания получают в науке очень большое распространение под разнообразными названиями (*Variae lectiones*, *Adversaria*, *Animadversiones* и т.д.), и вот в этой области, пожалуй, нововведение Полициано как раз не оказалось «боковой ветвью». Этот жанр резко смещает перспективу по сравнению с комментарием: теперь сам античный текст не печатается — печатаются только ученые замечания о нем. Читатель, открывая книгу Полициано, не сможет прочесть обладающий ценностью текст Вергилия или Катулла. Не сможет он найти там и указаний на обладающие ценностью смыслы, скрытые в текстах Катулла и Вергилия. Читателю предлагается видеть теперь ценность в заметке самой по себе. Ценными являются сама процедура отгадывания загадки и сама загадка. Дело поэта — как можно хитроумней загадывать загадки, дело ученого — как можно изощренней их отгадывать.

«Комментатор поэтов должен читать философов» (см. ниже перевод главы 4 «Смеси») — но совсем не так, как читал философов, скажем, Ландино. Знание философии теперь просто инструмент в разгадывании хитрых головоломок, и для интерпретатора теряют важность как раз те вещи, которые сама философия считает в себе ценными. Не поэзия и ее интерпретация теперь стоят на службе у задаваемых философией смыслов, а, наоборот, философия состоит на службе у самоценных тропов.

Именно это, как кажется, и задевает Саннадзаро. Полициано много берет на себя, решительно и дерзко атакует устоявшиеся интерпретации, разрушает те ценности (опять вспоминается Ницше), которые были традиционно связаны с текстами (воробушек Катулла обладал самостоятельной ценностью трогательной виньетки, «молчание луны» у Вергилия как минимум обладает хотя бы той ценностью, чтобы это были обладающие устойчивым и постоянным смыслом слова ценного текста) — но ради чего весь этот переполох, что Полициано предлагает взамен? С точки зрения Саннадзаро, ничего, вообще никакой ценности: половой орган да дырку вместо луны. Поэтому в глазах Саннадзаро деятельность Полициано выглядит как какое-то непонятное мельтешение насекомых, такая «мушино-блошиная» возня. Но какие пре-

²⁹ То, что все-таки было создано в этом жанре до «Смеси», как отмечает Графтон (*Grafton A. On the Scholarship of Politian and its Context*), не претендовало на такую степень независимости интерпретации от комментария: Домицио Кальдерини публиковал отдельные свои «наблюдения» как приложения к изданиям комментариев; «Заметки о Плинии» Маркантонио Сабеллико (ок. 1488, опубл. в 1502 г.) все же были, скорее, формой комментария к одному автору. «Сто заметок» Бераальдо Старшего (1488), видимо, зависимы от замысла «Смеси» Полициано, о которой Бераальдо явно знал до публикации (см. ниже примеч. 182).

тензии у этой возни — просто-таки бессмысленно копошащееся насекомое выдает себя за Тифона, атакующего Олимп!

Еще Полициано в каком-то смысле похож на своего младшего современника Никколо Макиавелли: как Макиавелли в «Государе» «освобождает» от подчинения любым внешним по отношению к ней ценностям политическую деятельность, так и Полициано «освобождает» от подчинения внешним ценностям интерпретацию поэзии.

Может быть, именно из-за этой «макиавеллистской» ауры идея, что неожиданный троп обладает самостоятельной ценностью, оказалась еще одним нововведением Полициано, которое следующие поколения не смогли у него принять. Это притом, что вообще-то эстетика таких тропов-загадок не раз витала в европейском воздухе. С одной стороны, самому Полициано, похоже, дополнительным источником вдохновения для создания такой концепции поэтического слова служила флорентийская традиция народной поэзии — это хорошо видно по тем италияязычным поэтическим текстам, в которых Полициано сам имитирует флорентийские городские жанры с их чаще всего общенными, но всегда очень резкими и яркими образами-шифрами («я поросенок, у которого хвост весь день торчком и которого ты за этот хвост водишь, а ты, дама, осленок, который думает, что у него есть хвост, хвоста не имея», «ты держишь меня на стрёме с руками, полными сверчков», «я от болезни быстро отошел и стал здоров, как язь — умею и я намазать ветку птичьим клеем», и т.д.)³⁰. Похожий образный язык мы часто находим и в дошедшем до нас итальянском фольклоре, вроде текстов тарантелл. С другой стороны, эстетика резкого образа напоминает европейское барокко с его «кончетти». Но в науке специальное занятие такого рода интерпретациями очень долго не приживалось — даже вставляя главы, посвященные интерпретации, в сборники заметок в стиле «Смеси» (а обычно такие сборники вообще были в основном не про интерпретацию, а про текстологию), ученые раннего Нового времени редко уходили дальше объяснения буквального смысла текста.

Филология стала мыслить себя как вскрытие неочевидных, не видимых другим смыслов в основном только в XX в. — и это и делает Полициано особенно интересным персонажем для сегодняшнего гуманитарного ученого (поэтому современная наука часто пытается реабилитировать и конкретные идеи Полициано). Всевозможные фрейдистские, метапоэтические, постколониальные интерпретации, исследования аллюзий можно свести к той же модели: за текстом ищут что-то, что не лежит на поверхности. Дело тут, кажется, не столько в постструктуралистской философии (потому что те же тенденции проявляются и в науке, от постструктурализма совершенно явно не зависимой), сколько в разрастании сообщества литературоведов и, в результате, повышении конкуренции в борьбе за престижные позиции: просто владеть стабильным знанием стало недостаточно, стало нужно уметь делать вещи, которые не умеют делать другие. Филолог в XXI в. должен быть виртуозным

³⁰ См. «Танцевальные песни» (*Canzoni a ballo*) Полициано.

извлекателем скрытых смыслов. Подход Полициано был, может быть, тоже в какой-то степени порожден повышением конкуренции в научной среде того времени: люди вроде Домицио Кальдерини, как их изображает Полициано в главе 9 «Смеси», говорили, что им вздумается, и не думали, что придет тот, кто сможет указать им на их ошибки. А вот со мной, говорит Полициано, приходит время науки с более жесткой конкуренцией, и потому требования к ученому будут очень высоки: он должен быть настоящим мастером вскрытия поэтических замков. Но, судя по следующим поколениям, Полициано все же «перестарался» и конкуренция сама по себе таких требований к ученым еще долго не предъявляла.

И при этом где-то со времени «новой критики» литературоведы XX в. тоже стали побаиваться обладающих самостоятельной ценностью смыслов: «смерть автора» подразумевает, что у текста теперь нет прилегающего к нему внешнего пространства, в котором можно было бы поместить его ценность, и ценным текст может быть только сам по себе. Хороший поэт, как и у Полициано, — это для сегодняшней науки в значительной степени тот, кто способен на тонкую и хитроумную игру с читателем; хороший ученый — тот, кто мастерски возится с запрятанными в поэтическом тексте половыми органами и дырками от луны. Запрет же на «мышино-блошиную возню» в нынешней науке уже давным-давно отменен. Чтобы в этих условиях остаться обаятельной, наука должна быть вдохновенным ювелирно-виртуозным трудом. И «Смесь» Полициано, «предтечи» такой науки, полностью отвечает этим требованиям.

При жизни Полициано вышла лишь первая «центурия» «Смеси», и мы переводим тексты только из нее (недописанная вторая «центурия» была опубликована только в XX в.³¹ — это уже слишком чистый случай «боковой ветви» развития науки, поэтому мы оставляем ее в стороне). Текст переведен по альдинскому изданию (*Omnia opera Angeli Politiani, et alia quaedam lectu digna, quorum nomina in sequenti indice videre licet. Venetiis: In aedibus Aldi Romani, 1498*), для сверки плохо читающихся мест использовалось грифиусовское переиздание (*Angeli Politiani Operum Tomus primus: Epistolarum lib. XII. et Miscellaneorum centuriam unam complectens. Lugduni: Sebastianus Gryphius Germanus excudebat, 1528*).

³¹ Poliziano A. *Miscellaneorum centuria secunda*/edizione critica per cura di V. Branca e M. Pastore Stocchi. Firenze, 1972. Вскоре после смерти Полициано во Флоренцию вступили войска французского короля Карла VIII, рукописи Полициано были рассеяны; текст второй центурии «Смеси» безуспешно пытались отыскать Пьетро Кринито и Альд Мануций, но «всплыл» он только в 1946 г. в одном из флорентийских антикварных магазинов. Судя по переплету, за время между XV и XX в. рукопись успела побывать в Кампании. См.: Branca V. Op. cit. P. 322–334.

Анджело Полициано

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОЙ ЦЕНТУРИИ «СМЕСИ».
К ЛОРЕНЦО МЕДИЧИ

Когда я на днях, о Лоренцо Медичи, зачитывал тебе эту свою «Смесь» во время конной прогулки, то ты, получив, я думаю, наслаждение от самой новизны вещи и от приятного разнообразия чтения, стал уговаривать меня опубликовать из «Смеси» хотя бы одну центурию (поскольку книги в ней состоят из ста глав каждая)³². Ну вот я это и делаю, побуждаем вместе и твоим мнением, важнее которого для меня на земле другого нет, и собственным рассуждением: ведь это наше сочинение некоторые уже «сметают до пылинки»³³, чтобы прежде меня воссиять в чужих и в их собственных глазах, присвоив себе плоды моих трудов³⁴.

Хотя я и знаю, что книги эти вызовут большое недоброжелательство и множество разговоров, ведь в них высказываются вольные мнения об именитых авторах³⁵: но это мне не указ. Ведь практически все пишущие защищают свою сторону тем, что нападают на чужую и случая удостоиться похвалы ищут прежде всего в указании на чужие ошибки. Вот и авторы попроще, рядовые, словно бы самые ничтожные, «вот как я или Клувиен»³⁶ <Ювенал, Сатира 1.80>, часто тоже встречают тычками эту, так сказать, знать и первый ряд словесности.

Но есть такая древняя пословица: «Совесть — тысяча свидетелей» <Квинтилиан, Воспитание оратора 5.11.41>. Совести моей известно, что совсем ничего я не говорил здесь из злобы или из досады; что все я сказал искренне и просто, ничего не вставил ради нападок или из недоброжелательства, чтобы облаять кого-то, чтобы покрасоваться; что я всегда, если только это было возможно, стремился отозваться о других скорее одобрительно, чем неодобрительно. Поэтому действовал я не подсечками и не подкопами, но непредвзятой оценкой и челом, открытым для истины. И не к тому я стремился, чтобы ученым мужам словно бы «подбросить ложку дегтя в бочку меда»³⁷: скорее я опасался, как бы из-за давления их авторитета не оказалась в опасности

³² Слово *centuria* обозначает «сотню», воинское подразделение (см. вступление о военных образах в настоящем предисловии).

³³ *Cum pulvisculo converrunt*, плавтовское выражение (Канат 845, ср.: Грубиян 19).

³⁴ Ср. ниже примеч. 182.

³⁵ Судя по дальнейшему тексту, речь прежде всего о критикуемых Полициано ученых-современниках вроде Домицио Кальдерини.

³⁶ Клувиен — такой идеальный «не пойми кто» (обычно объясняют, что Ювенал имел в виду какого-то неизвестного поэта «второго ряда»).

³⁷ *Labeculam aspergere*, букв. «нанести маленькое пятнышко» (портящее общий эффект чистоты), редкое выражение, взятое из речи Цицерона против Ватиния, 41.

добросовестность ученых занятий. Наконец, на тех я открыто направляю этот клин, на тех сознательно нацеливаю этот таран, кто ради смысла, который они сами придумали, но который неправильный, против самой истины стоят фронтом насмерть. Острие моего стилоса поражает прежде всего тех, кто не умеет «переворачивать стилос»³⁸ <Гораций, Сатира 1.10.72>, то есть возвращаться назад и отмечать³⁹ свои ошибки.

А что столь неупорядоченна и перемешана эта словно бы чаша⁴⁰ или сборная солянка⁴¹, поскольку пишу я не потихоньку и не последовательно, а «скачками и урывками»⁴², — то я настолько далек от переживаний по этому поводу, что даже название подыскал не какое-то другое, а именно «Смесь»⁴³. В этом я, впрочем, следуя из греческих писателей за Элианом, а из латинских — за Геллием⁴⁴: в книгах обоих разнообразие приятнее, чем порядок. Хотя и заметки Климента, епископа Александрии и мужа апостольского, которые назывались Στρωματέϊς, то есть как бы «Пестрые покрывала», точно так же, конечно, подсказывали мне в заглавии указать на разнообразие. Ведь я молчу о заметках Аристоксена, которые под почти таким же названием <«Смешанные заметки»> цитирует Порфирий в той книге, которую он написал по поводу «Гармоники» Птолемея <Заметки о «Гармонике» Птолемея 80.18 Düring>. Наконец, если «Смеси» будут ставить в вину само разнообразие, изгонятельница⁴⁵ скуки

³⁸ Обратной стороной античного стилоса стиралось написанное.

³⁹ В оригинале игра слов еще усилена тем, что «поражать» (*comprungo*) и «возвращаться назад и отмечать» (*disprungo*) — однокоренные слова (оба указывают на конкретные физические действия стилоса).

⁴⁰ *Silva*. Это слово, буквально обозначающее «лес», «древесину», иногда используется в значении «необработанный материал» (применительно к тексту у Квинтилиана, Воспитание оратора 10.3.17) и также использовалось в этом значении как название для сборников стихотворений на случай (до нас дошел такой сборник Стация, но были и другие: см.: Авл Геллий, Аттические ночи, вступл. 6, Псевдо-Вакка в жизнеописании Лукана). В XV в. эту манеру подхватили: так назывались сборники самого Полициано и Лоренцо Медичи. Очевидно, Полициано иначе представляет себе происхождение этого значения («древесина» не является «неупорядоченной» и «перемешанной», поэтому мы переводим «чаща»).

⁴¹ *Farrago*, букв. «зерновая смесь»; в классической латыни применительно к текстам только у Ювенала (1.85–6: «Все, что люди делают, желание, страх, гнев, наслаждение, радости, беготня — вот из чего замешана наша книжка (*nostri farrago libelli est*)»).

⁴² *Saluatim... et vellicatim*, эти два редких слова употребляются вместе у Авла Геллия (Аттические ночи 12.15–2, в цитате из Сизенны). Второе слово встречается только там. Речь у Сизенны о том, что «скачками и урывками» писать как раз не следует.

⁴³ «Смесь» — традиционный перевод названия сборника, но вообще редкое прилагательное *miscellaneous* в классической латыни оказывается субстантивированным только один раз — у Ювенала (Сатиры 11.20), где речь идет о смешанной баланде, которую едят в гладиаторских школах.

⁴⁴ Произведение Элиана называется Ποικίλη ἱστορία (в русском переводе С. В. Поляковой «Пестрые рассказы»), произведение Авла Геллия — «Аттические ночи».

⁴⁵ *Expultrix*, редкое слово, в классической латыни встречающееся только один раз у Цицерона (Тускуланские беседы 5.5: *philosophia... virtutis indagatrix expultrixque vitiorum*, «философия... разыскивательница

и подбадривательницу⁴⁶ чтения, то точно так же можно будет вместе обвинить и природу, которую я признаю своей наставницей в этой неупорядоченности⁴⁷.

А если «Смесь» будет погружаться в каждую мелочь, то так можно делать по примеру, среди латинских писателей, также Цезаря, Варрона, Мессалы, Цицерона, Плиния, Квинтилиана⁴⁸ и прочих подобных им: а когда соревнуешься с ними, то и промахнуться почетно⁴⁹. Поэтому то, что подобало этим словно бы патрициям, и для меня, как будто для человека более низкого рода, не будет неподобающим. Кроме того, столь же именитые люди то вставляют что-то по-гречески, то вдруг им захочется что-то истолковать — то смысл, то словесное выражение; вот и здесь тоже будет и то и другое.

Если же кому-то покажется, что что-то в недостаточной степени разъяснено, а еще, может быть, что что-то слишком трудноперевариваемо и непонятно, то это явно человек и ума недостаточно живого, и образования недостаточно основательного и добротного.

А если где-то отыщут какие-то варваризмы и устаревшие выражения, то я их специально рассеивал по тексту, чтобы угодить также и варварам и простецам и чтобы книжка легче продавалась «за-ради хрипотцы»⁵⁰. Или если кто скажет,

добродетели и изгонятельница пороков») и один раз у цитирующего Цицерона Апулея (О мире, вступл.). Очевидно, новообразование *ad hoc* у Цицерона.

⁴⁶ *Irritatrix*, новообразование по аналогии с предыдущим (как и в указанном пассаже Цицерона рядом с *expultrix* стоит другой неологизм, образованный по той же модели, — *indagatrix* «разыскивательница»).

⁴⁷ Ср. примеч. 88 к главе 2 настоящей монографии. Любопытно, что в этом списке названий, которые тоже указывают на «смешанность», отсутствует самое знаменитое — жанровое обозначение «сатира», иногда связывавшееся в древности с одноименным блюдом, некой смесью (Диомед 1.485.32–486.8 Keil, ср.: Квинтилиан, Воспитание оратора 10.1.95). При этом сатира, по-видимому, становится жанровым образцом для Полициано в не меньшей степени, чем названные им тексты (возможно, подразумевается, что об этом источнике умный читатель догадается сам или увидит намек на него в слове *farrago*?). Вступление к «Смеси» пронизано густой сетью отсылок к Персию, Ювеналу, Луцилию и «Сатирам» Горация, причем преимущественно к программным или вводным сатирам (см. примеч. 36, 38, 41, 43, 50, 65, 67, 71, 72, 99), и по своему полемическому содержанию оно похоже именно на вводное стихотворение к книге сатир. Ср.: Шумилин М. В. Личные выпады в спорах ренессансных ученых: диалог, полемика или...// Многоликая софистика / отв. ред. П. В. Соколов. М., 2015. С. 251–265.

⁴⁸ Имеется в виду, что все эти авторы позволяют себе погружаться в конкретные разборы мелких проблем («также», вероятно, значит «кроме Геллия»). Мессала и Цезарь упомянуты, скорее всего, в том смысле, что про них известно, что они писали сочинения на грамматические темы (например, Квинтилиан в «Воспитании оратора» упоминает сочинение Цезаря «Об аналогии», 1.7.34, и книгу Мессалы о букве *s*, 1.7.23, — так и Полициано посвящает букве *h* не переведенную нами главу 19 «Смеси»).

⁴⁹ *Quos aemulantibus, et errare honestum*. Ср.: Квинтилиан, Воспитание оратора 1.6.2: «И даже промахнуться почетно (*error honestus*), когда следуешь за такими великими вождями».

⁵⁰ *Corrausandi gratiola*, пример этой самой неправильной речи. Оба слова не встречаются в классической латыни. По поводу *gratiola* см. примеч. 98 (но данный случай усложнен употреблением слова в функции, близкой к предложной, закрепленной за формой *gratia*). Основу *raus-* («хрип-», производное от *raus-*) Полициано мог считать архаичной, поскольку слова с ней встречаются только один раз у Луцилия (*gausurus*, в цитате у Присциана 2.542.28 Keil) и один раз у Цицерона (*irrauserit*, Об ораторе 1.61.259).

что здесь попадают слишком редкие слова, так что кажется, что они не из середины словесности взяты, а собраны по каким-то закоулкам, — то, честное слово, они, я полагаю, изменяют свое мнение, когда до середины словесности действительно доберутся⁵¹. Немало ведь таких людей, которым, как говорит Марк Туллий, «кажется, что смердит алабастр, полная умашений»⁵². Кроме того, в этого рода писаниях⁵³, которые не гонятся за успехом у толпы, а пишутся только для немногих, использование такого вот оснащения похитрее, особенно осмотнительное, хорошие авторы вполне одобряют. Ведь и в том, чтобы вернуть жизнь уже почти что вышедшему из употребления, нет ничего плохого, если только оно способно с годами не прокисать, а становиться более выдержанным⁵⁴, порче не подвергаясь.

А если кому где-то не угодит, что я говорю околичностями⁵⁵ (может, и не привычен к ним человек, который только десяток страниц из Цицеро-

⁵¹ Игра слов: в первом случае слова *de medio sumpta*, букв. «взяты из середины», в смысле «из нормального, обычного языка», «из основных, очевидных источников»; во втором случае «середина» уже осмысливается как середина пути ознакомления с текстами (либо необходимыми, либо, может быть, вообще всеми).

⁵² Сразу следует пример, иллюстрирующий, что Полициано имеет в виду: очень необычное выражение, явно потенциальный объект жестокой критики для любого цicerонианца, оказывается принадлежащим Цицерону, причем Полициано, видимо, подразумевает, что для людей, ограничивающих свое чтение Цицероном, этот текст окажется незнакомым, поскольку сохранился он в виде цитаты у позднеантичного грамматика Нония Марцелла (О кратком пути усвоения науки 545 Mercier). В тексте Полициано фраза звучит как *alabastrus unguenti plena putere videatur*; может быть, еще и текст Нония попорчен, так что число отклонений от цicerоновской нормы в нем значительно возросло. В варианте текста, используемом Полициано, пузырек для притираний вместо *alabaster* в мужском роде (и так довольно редкое слово) неожиданно назван *alabastrus* в женском роде (параллелей для такого употребления вообще нет) и употребляется глагол *puteo* «смердеть», в остальном совершенно нецицероновский и вообще относящийся к низкому языку (он употребляется Плавтом, Горацием в произведениях, написанных более грубым языком, Персием и Ювеналом; в изученных рукописях Нония вообще зафиксировано только *putrere* или *putre esse*, чтение *putere* обычно называют конъектурой Баттисты Пио, издавшего Нония в 1510 г., но возможно, что это на самом деле конъектура Полициано — так считает С. Риццо: Rizzo S. Il Latino di Poliziano // Agnolo Poliziano: Poeta, scrittore, filologo / a cura di V. Fera e M. Martelli. Firenze, 1998. P. 88 — или это может также быть такое редкое рукописное чтение). Сам прием очень характерен для противников цicerонианства: предъявить какую-нибудь очень экстравагантную фразу, а потом доказать, что это на самом деле сам же Цицерон и написал (ср. главу 10 настоящей монографии, с. 240–241). Идея Полициано в том, чтобы показать: вам, правоверные цicerонианцы, эти необычные выражения кажутся отвратительными, «смердящими» уродствами, но на самом деле это утонченные и изысканные «умашения».

⁵³ *Scriptio*, слово, редко употребляемое в таком значении (может быть, взято из Цицерона, Об ораторе 2.1.5).

⁵⁴ *Vetustesco* и *veterasco*, противопоставление двух редких слов (оба вообще должны значить «стареть»), взятое из того же Нония Марцелла (О кратком пути усвоения науки 437 Mercier), цитирующего Нигидия Фигула: «Про то, что со временем портится, мы говорим, что оно *vetustescit*, про то, что становится лучше, — что оно *veterascit*». О самом грамматическом жанре проведения тонкой дистинкции между двумя похожими словами см. примеч. 143 к главе 2 настоящей монографии.

⁵⁵ (*Eloquendi*) *diverticula*, в таком значении (примерно «выражаться сложным, необычным образом») из Квинтилиана (Воспитание оратора 9.2.78) и Авла Геллия (Аттические ночи 4.9).

на читал и перечитывал, а больше ничего), то такого судью я уж точно прошу отозвать, а судьями назначить людей образованных, которые, я полагаю, как раз в особенности будут хвалить то, что не понравилось тому первому. Ведь нет, быть может, ничего более невыносимого, чем когда тебя судит невежда, тем не менее кажущийся себе самому человеком ученым.

Если кому-то, когда мы что-то опровергаем, недостает нагромождения бесчисленных ссылок или аргументов, то пусть знает, что мы в таких случаях стремимся победить, а не насытиться превосходством.

Если какие-то главы покажутся длинноваты, а какие-то, наоборот, коротковаты⁵⁶, то мы будем считать, что это тоже закон нового сочинения: чтобы ничего в этом сочинении не было симметричного, чтобы нигде оно само на себя похоже не было, чтобы все время казалось кособоким от разномастности и соблюдало только одно правило — ничего не делать по правилам, ничего не выстраивать по отвесу и по уровню⁵⁷.

Если же из моего слишком вольного стиля сделают вывод о заносчивости моего характера, то, возможно, более благосклонный толкователь скорее объяснит его простодушием, которое не является постыдным и для благородных людей.

Если, далее, против меня будет выступать принцип следования общепринятому⁵⁸, то кто лучший заступник — истина, которая глупостей не говорит, или следование общепринятому, которое замещает истину?⁵⁹ Ведь и про то, что принимают вопреки свидетельству авторитета, говорят, что это, мол, все «принцип следования общепринятому» действует, и об «ошибке следования общепринятому» тоже часто можно услышать от ученых мужей. Кроме того,

⁵⁶ *Breviuscula*, неклассическое слово, образованное по аналогии со встречающимся в том числе и у Цицерона (Речь в защиту поэта Архия 25) *longiusculus*.

⁵⁷ Выражения «по отвесу» и «по уровню» (*ad perpendicularum* и *ad libellam*) употребляются вместе из классических авторов только у Плиния Старшего (Естественная история 36.172), где говорится, что здания следует возводить «по отвесу и по уровню».

⁵⁸ *Consuetudo*, один из важных принципов выбора предпочтительного варианта выражения в античной риторике и грамматике — у Квинтилиана (1.6.1) наряду с «принципом следования разуму» (*ratio*, включая аналогию), «принципом следования древности» (*vetustas*) и «принципом следования авторитету» (*auctoritas*). В аналогичной классификации, приписываемой позднеантичным грамматиком Диомедом (1.439.15–30 Keil) Варрону, отсутствует *vetustas*, а ее место занимает аналогия. Полициано, по-видимому, скорее имеет в виду классификацию Квинтилиана (об архаизмах Полициано говорит, а об аналогии — нет).

⁵⁹ В изданиях это предложение печатается без вопросительного знака; он в принципе мог быть не поставлен наборщиками, но, если стремиться переводить без вопросительного знака, то текст, видимо, нужно понимать как-то так: «Если против меня будет выступать принцип следования общепринятому, то за меня лучше <подразумевается, "чем я сам"> заступится истина, которая глупостей не говорит, или то следование общепринятому, которое замещает истину <подразумевается, "а не то ваше ложное следование общепринятому, которое к истине не имеет никакого отношения">».

удачно сказал некто: «Следование принятому без истины — это застаревание ошибки» <Киприан, Послание 74.9>.

Наконец, если я кое-где порассеял немножко такого, что заставляет озаботиться и напрячься⁶⁰, или что, чтобы выразиться поточнее, содержит в себе горчинку⁶¹, из области ли философии, которой я давно прилежу, или из сферы тех наук, что ходят прислужницами у любви к мудрости⁶², то эти вещи, может быть, приведут тем не менее в форму и оживят желудок читателя, размякший от слишком сладкого. И чтобы они все действовали единодушно, приятным образом чередуясь между собою, и были союзницами в некоторой словно бы антитезе, я метался почти что, как говорится, «из известковой печи в угольную» <Тертуллиан, О плоти Христовой 6> и старался, чтобы за чем-то одним всегда следовало в свою очередь также и противоположное ему, дабы упреки в неумеренности обошли меня стороной.

Да и в том я не допускал недостатка, что скорее приносит удовольствие и наслаждение (и я бы даже сказал, служит приманкой), чем является полезным или необходимым: ведь, как сказал Варрон, «у человека одни потребности, у культурного человека — другие» <О латинском языке 8.31>⁶³, даже когда речь не идет о материальных благах. Иногда выбрано как похитрее, но не реже того встречается и бесхитростная прямолинейность. Так что, как людям грубым и неотесанным доставят удовольствие некоторые места, не получившие обработки и совсем сырые, скорее понарубленные топором⁶⁴, чем обтесанные, не то что не шлифованные — даже рубанка не выдавшие и напильника; — так, наоборот, встречающиеся иногда узорчатые и украшенные многоцветными камешками выражения⁶⁵ понравятся и знатокам, ухоженным и лощеным: дабы голоса од-

⁶⁰ *Paucula... scrupulosa et anxia*, выражение из Авла Геллия (Аттические ночи, вступл. 13, *Quod erunt autem in his commentariis pauca quaedam scrupulosa et anxia vel ex grammatica vel ex dialectica vel etiam ex geometrica* «А что касается того, что в этих заметках будет немного таких вещей, которые заставляют озаботиться и напрячься, из области ли грамматики, или диалектики, или даже геометрии...»).

⁶¹ *Subacidum*, в классической латыни только применительно к вкусу.

⁶² *Studium sapientiae*, перевод на латынь слова «философия», взятый из Цицерона, Тускуланские беседы 1.1.

⁶³ *Aliud homini, aliud humanitati satis*, в оригинале проводится различие между значениями двух однокоренных слов (*homo*, «человек» и *humanitas*, «культура») и, таким образом, сентенция основана на лексикографической тонкости, в духе встречавшегося выше различия *vetustesco* и *veturasco*.

⁶⁴ *Exasciata*, слово встречается только у Плавта (Ослиная комедия, 360).

⁶⁵ *Vermiculata dictio et tessellis pluricoloribus variegata*, образ, восходящий к сохранившемуся в нескольких античных текстах фрагменту Луцилия (84–85 Marx = 2.15 Charpin), в котором риторика Альбуция сравнивается с «узорчатой» мозаикой (*opus vermiculatum*, то есть составленной из специально подобранных камешков — *tesserulae* — разного размера и формы, в отличие от более простой мозаики из шаблонных элементов, *opus regulatum* и т.п.). По тому, что Полициано пользуется формой *tessellae* вместо *tesserulae*, можно предположить, что с образами Луцилия Полициано знакомится (в первую очередь?) при посредстве Августина, О порядке 1.2; сам Августин имени Луцилия не указывает.

новременно звучали с обеих сторон и не вышло так, чтобы только равномерные аплодисменты или равномерный свист возносили меня на небеса или смешивали с грязью. А тех, кто находится между двумя крайностями и ни к одной из них не склоняется, удовлетворит словно некая «сборная солянка», как выражается Цицерон⁶⁶, которая хороша не тем, что в нее положено одно какое-то замечательное лакомство, а тем, что в ней зато найдется всего понемногу. Ведь вкусы у людей не совпадают, у каждого собственное нёбо. И, я думаю, иногда некоторые люди на пиру выплевывают как тошнотворное и безвкусное⁶⁷ то, что после того другие на кухне смакуют как сладость и лакомство. Я же, конечно, писал этот труд не для форума⁶⁸ и курии, а для кабинета и лекционной аудитории, стараясь (уж не знаю, насколько мне это удалось), чтобы то убранство, которое здесь есть, было совсем простым и скромным, не было изощренной и цветастой косметикой; чтобы цвет и блеск были природными, а не искусственными и извлеченными из баночек для притираний; чтобы одяние было по размеру и удобным, а не тяжеловесным и со всякой бахромой.

Наконец, каким бы этот труд ни получился, как бы его ни приняли, я, конечно, полностью готов разделить общую участь пишущих (да и избежать ее, я полагаю, мне не удастся) — слышать гадости в свой адрес; было бы только у читателей такое желание. Я даже сам подставляю шею этому жребию и не жду заступничества, от которого я добровольно отказываюсь, сам себя осудив на это. Пусть мне выносят обвинительный приговор, пусть меня с позором таскают по улицам, пусть издеваются, лишь бы только от общего обвинения всей науки⁶⁹ во лжи удалось откупиться, пусть даже ценой некоторого ущерба моей славе и затрат моего времени: честь науки для меня важнее, чем мои личные интересы. Ведь иначе что же это мы, скажите, заявляем об общественной полезности наших ученых занятий, если дело уже до того дошло, что

⁶⁶ *Quasi quidam diversorum cinnus*. Имеется в виду текст цicerоновского «Оратора» (21), однако не в том виде, в котором он сохранился в рукописях Цицерона, а в варианте, приводимом Нонием Марцеллом (О кратком пути усвоения науки 59–60 Mercier); само по себе это слово, опять же, выглядит редким и неожиданным для Цицерона (ср. примеч. 52).

⁶⁷ *Fastidiosum et vescum*, выражение из Луцилия (602 Marx = 26.62 Charpin, фрагмент, в полном виде сохранившийся только у Нония Марцелла, О кратком пути усвоения науки 187 Mercier).

⁶⁸ *Non foro*, часто переводят «не для рынка», приводя эту фразу как свидетельство элитаристской идеологии «Смеси» (Хлодовский Р. И. Указ. соч. С. 489, Godman P. Op. cit. P. 89), но такой перевод, как кажется, не вяжется с контекстом: в паре с «курией» и противопоставляемое «простому» и «естественному», слово *forum* должно, скорее, значить «форум», как место политического и судебного красноречия. И вообще сложно придумать, какие литературные тексты могут писаться «для рынка», какой бы демократичной традицией не была: рифмованные рекламные слоганы, что ли?

⁶⁹ В оригинале Полициано обычно говорит о *litterae*, подразумевая, скорее, науку, но на самом деле это еще не разделенное понятие «словесности» вообще, «продуктов деятельности образованных людей» в целом, как научного, так и художественного характера. Автор «Смеси» пишет, конечно, произведение не только научное, но и художественное.

в самом выполнении наших общих обязанностей перед наукой мы допускаем бездействие из-за постыдных опасений? Как тогда могут сохраняться или существовать добросовестность честной науки и нелицеприятный суд, если мы вот так все одинаково дрожим от страха навлечь на себя недоброжелательное отношение?

Хотя, что касается меня, то я бы, скорее, предпочел, чтобы мой труд вызывал ненависть, чем презрение, этого я даже почти что желаю, если только и вправду, как сказал Ливий, ненависть, словно огонь, стремится к самому вышнему <Тит Ливий, История Рима от основания города 8.31.7, неточная цитата по памяти>. Давайте-ка лучше, добрые возделыватели поля науки, выпалывайте эту неубиваемую траву, душашую благие всходы учености, заплетаящуюся вокруг священных стволов наподобие губительнейшего плюща и выдавливающую все их соки своими блуждающими расползаниями⁷⁰: вырывайте, рубите ее под корень. Хватает тех, кто истину переиначивает: пусть не будет недостатка и в тех, кто ее восстанавливает; пусть будет, прошу я, какой-нибудь заступник и патрон у попавшей в беду науки.

Вот и я, как рядовой боец, уж во всяком случае испытаю, на что мне хватит свободы: а будет от этого толк или нет, там посмотрим. Но, что бы из этого моего предприятия ни вышло, как бы дело ни обернулось, я все равно буду считать это удачей, и яд всякой злобы и ругани готов не только без остатка проглотить, но и, насколько хватит сил моего желудка, даже переварить. Ведь я уверен, что это словно родимое пятно такое у истины: как только ее представишь людям, толпа на нее озлобляется и против нее восстает.

Так что другие пусть закрывают глаза и мнутя в нерешительности, боясь сказать правду, уж я-то один точно, что бы меня за это ни ожидало, не буду скрывать своих мыслей, не буду замалчивать своих мнений, не стану терпеть таких вещей, но хотя бы вот этой своей книжице, хоть с половинной свободой, я нашепчу так: «Я видел, я сам видел, книжица⁷¹, и каждый день вижу, как в словесности творится множество преступлений: крадут плоды чужого ума, произвольно выдумывают все, что им оказывается нужно, а то и приписывают тем авторам, которым захотят, такие высказывания, которых те никогда не признали бы своими, ссылаются на писателей, тексты которых не сохранились, цитируют, еще и выдавая за древние, рукописи, которых на самом деле нигде найти не удастся, целые книги наполняют чудовищно трудоемкими глупостями, ложь выдают за истину, приплетенное — за естественным образом примыкающее, новодельное — за исконное, все оскверняют, замешивают сур-

⁷⁰ *Lapsibus erraticis*, выражение из Цицерона (О старости 52: лоза распространяется «многонаправленными и блуждающими расползаниями», *multipli lapsu et erratico*).

⁷¹ Цитата из Персия (1.120), в свою очередь обыгрывающая историю про царя Мидаса, тайну об ослиных ушах которого раб нашептал в ямку в земле (см.: Овидий, Метаморфозы 11.182–193).

рогатами, марают, законопачивают, перекореживают, смешивают, швыряют вверх тормашками, переворачивают с ног на голову, без всякой совести, без всякого стыда, без всякого рассуждения; а губительнее всего то, что даже самые дурацкие мнения, пусть даже только что сварганенные, моментально рассеиваются по тысячам томов. И напоследок скажу, чтобы много раз не повторять: до сих пор много у кого ослиные уши».

Тут кто-то мог бы возразить: «Ну зачем ты так? Ну, признаюсь, я могу ошибаться, я же человек; но, конечно, я никого не обманываю сознательно, и хоть даже я, быть может, и говорю иногда ложные вещи, все равно я точно не лгу». Ну, «Я сам себя прощаю», — говорит Мевий» <Гораций, Сатира 1.3.23>⁷². А я вот, кроме шуток, сам себя не прощаю и хочу, чтобы, если я где-то допущу ошибку или неосторожность, меня в этом обвинили, все равно кто, и я сам себя готов буду в этом обвинить, если мне на такой огрех укажут. Ведь нет у меня такого извращенного себялюбия, чтобы считать, что лучше пусть прочие заблуждаются, чем узнают о моей ошибке.

Да и сам я из числа тех, кто пишет по мере додумывания и додумывает по мере написания. Ну, это-то не от меня зависит⁷³; но вот в чем я совершенно уверен — это в том, что, если бы эти заметки подольше полежали у меня дома и под рукой и я бы имел возможность время от времени возвращаться к ним после некоторого перерыва, то вышли бы они в свет гораздо более учеными, насыщенными и подкрепленными. Ведь это тот род ученых занятий, в котором особенно много приносят ночные бдения — по мере того как, при устойчивой периодичности чтения, потихонечку происходит накопление, как реки разливаются благодаря стекающей с гор воде.

А кроме того, большая часть книги еще не обработана как следует, не прояснена, не вытрясена до конца, не избавлена от шероховатостей, не обточена до сих пор, но находится в таком состоянии, что лучше в нее не вслушиваться, поскольку продумана она урывисто⁷⁴ и скорее представляет собой импровизацию, чем отшлифованный текст: хотя тот, кого заботит седая древность и особенно верность образцу, обычно чуть не сверх меры следит за стилем и отлаживает словесное выражение⁷⁵.

⁷² В современном тексте Горация персонаж этой сатиры называется Мением, Полициано отождествляет его с Мевием, поэтом-неудачником из «Буколик» Вергилия, 3.90.

⁷³ *De isto quidem fors viderit*: видимо, в смысле «не от меня зависит, в какой степени я успел додумать высказываемые здесь мысли».

⁷⁴ *Restrictim cogitata*, выражение из Афрания (333 Ribbeck), цитируемого Нонием (О кратком пути усвоения науки 516 Mercier); что это значит у Афрания, не вполне ясно (Ноний глоссирует больше нигде не встречающееся слово *restrictim* через *restricte* «прижимисто, ригористично»); Полициано, видимо, скорее, имел в виду этимологию слова и употребляет его в значении «ограниченно», «недостаточно полно», «урывками».

⁷⁵ *Elocutio*, техническое обозначение раздела риторики.

Но, чтобы не думали люди пустодосушие⁷⁶, что труд этот, сколь бы плох он ни был, составлен из отбросов и за наставлениями грамматиков не следит⁷⁷, я в самом начале по примеру Плиния добавил список авторов, но только почтенных, или по крайней мере древних, у которых я что-то заимствовал: они придадут моим писаниям обоснованности. Но там не будет таких, которые дошли только в виде цитат у других писателей и собственные сочинения которых не сохранились: там будут только те, в чьих богатствах я сам покопался, по чьим сочинениям сам попутешествовал⁷⁸. Да и древность рукописей, и надежные свидетельства монет, и старинные изваяния из меди и мрамора, которые ты сам, Лоренцо, предоставил мне, также, помимо разнообразия читаемых книг, в немалой степени говорят в пользу моих заметок.

А чтобы показать хотя бы на собственном примере, что необходимо изгонять шарлатанские выдумки и всякие обманы и умирять своеволие некоторых людей в бессмысленном и совершенно свободном отступлении от того, что они сами прежде заявили (своеволие, которое уже расплзается повсюду наподобие опухоли), я нигде никогда не ссылался на древние тексты без того, чтобы все их тут же привести и добавить замечания, из которых можно полностью от точки до точки выяснить, насколько на эти цитаты можно положиться: чтобы нигде не было отдано преимущество ничему приписному или приемному⁷⁹.

А чтобы этот наш дар не нуждался совсем ни в каких приложениях, я выстроил на смотр всей центурией⁸⁰ краткое содержание глав, заключенное в лаконичнейшие заголовки, полезность которых, однако, больше, чем можно ожидать при таком размере: тем самым я сам полностью признаю за изнеженным читателем право не быть внимательным.

⁷⁶ *Maleferiati*, редкое выражение, встречающееся у Авла Геллия (Аттические ночи 10.22.24) и в немного другом значении у Горация (Ода 4.6.14).

⁷⁷ *Grammaticorum transiluisse lineas*, выражение из Варрона, текст которого в этом месте, однако, попорчен и смысл невнятен (*poetae transilire lineas*, О латинском языке 9.6).

⁷⁸ Список этот следует сразу после предисловия к «Смеси».

⁷⁹ *Adscripticium* и *superducticium*, юридические термины (второй морфологически модифицирован по образцу первого, в классическом корпусе есть только соответствующий глагол *superduco*), обозначающие соответственно дополнительную приписанность к гражданскому или солдатскому состоянию и состояние новой жены, взятой на смену прежней (С. Риццо (*Rizzo S. Op. cit. P. 120*) толкует неологизм *superducticium* иначе, возводя его к *superduco* в значении «приписывать сверху», но это значение не фиксируется в классических текстах, и потому такая интерпретация не выглядит убедительной).

⁸⁰ Употребляя глагол *concenturio* (букв. «собирать всю центурию на смотр»), встречающийся в классическом корпусе только у Плавта и только в переносном смысле (в Псевдоэле, 572, *concenturio in corde sycphantias*, «я созываю в своем сердце на смотр всю центурию хитростей», и в Трех монетах, 1002, *epistula illa mihi concenturiat metum in corde*, «это письмо созывает у меня в сердце на смотр всю центурию страха»), Полициано дополнительно обыгрывает то, что сама его «Смесь» действительно разделена на «центурии» глав.

Подобно тому, как Тевкр скрывался за щитом Аякса⁸¹, — так вот и я, укрытый тенью твоего имени, буду по одной центурии отправлять в атаку против варваров. При этом я, когда этот текст будет каким-то образом опубликован, ужогу сразу и благосклонно, и неблагосклонно настроенным и со своего рода уравновешенностью предоставлю одним, что лобзать, а другим — что кусать.

А кусать этот труд мой, я думаю, будут: по крайней мере некоторые привзбесившиеся⁸², которых Катон изящно называет «склочнопорочниками»⁸³, что особенно страдают от этого порока склочничества, словно от болезни, напород бешеный и раздражительный, без причины и без разбора и, что называется, с закрытыми глазами облаивающий кого угодно.

Или, опять же, те, кто выступает защитниками за плату и выставляют свое мнение на продажу, и если кто их один раз нанял и приобрел и как будто сделал своими рабами, того они неизменно и защищают с воинственным упорством, «правдой и неправдой»⁸⁴.

Или хвастунишки⁸⁵ и дрянепродавцы⁸⁶, набитые всякими собственными мнениями, надутыми, пусть и дурацкими, которые без ума от себя самих и от чего угодно, лишь бы только своего, даже если никто с ними не спорит, свое защищают, а чужое охаивают.

Или, наконец, некоторые литераторы, прячущиеся от света истины и, чтобы выразиться понятнее, запечно-тараканные⁸⁷, чьи слезящиеся и — вот уж точно — совиные глаза не выносят не только слишком яркого дневного света, но даже легкого полумрака.

Ну а уж о тех-то, кого гложет червь злобы, кого истачивает ржавчина зависти; о тех, кто почитает для себя мучением чужую славу и пыткой чужой успех, кто страдает, когда другому что-то удастся, кого болезненное зложелательство

⁸¹ Имеется в виду Илиада 8.266–272: Тевкр во время боя прячется за щитом брата Аякса, который периодически убирает щит, позволяя Тевкру выстрелить из лука. Тот же самый образ Полициано использует в «Письме в защиту Эпиктета» (см.: Полициано А. Письмо Анджело Полициано в защиту стойка Эпиктета / пер. А. А. Стоярова // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). С. 229–235): стоик Эпиктет как бы оказывается под укрытием щита платоновской философии, наподобие Тевкра, прячущегося за щитом Аякса.

⁸² *Rabiosuli*, слово, в классическом латинском корпусе встречающееся только один раз у Цицерона (Письма к близким 7.16.1).

⁸³ *Vitiligatores*, слово, по свидетельству Плиния, Естественная история, вступл. 32 (больше оно нигде не встречается), образованное Катонем от *vitium* («порок») и *litigatores* («склочники»).

⁸⁴ *Quo iure quaque iniuria*, выражение из Теренция (Девушка с Андроса 214).

⁸⁵ *lactantiaculi*, неклассическое слово, встречающееся у позднеантичных грамматиков и христианских авторов.

⁸⁶ *Nugivendi*, слово из текста Плавта (Комедия ящичка 525) в версии, сохранившейся у Нония Марцелла (О кратком пути усвоения науки 144 Mercier).

⁸⁷ *Blattarii*, букв. «тараканы», слово, которым, согласно Сенеке, шутливо называли плохо освещаемые бани (Письма к Луцилию 86.8).

по отношению ко всякому чужому благополучию непрерывно терзает, наподобие палача, ковыряющегося во внутренностях⁸⁸, — о таких людях кто будет сомневаться, что они присоединятся к моим хулителям?

Да и кафедральные цензоры⁸⁹ (я здесь не говорю о тех, которые учены и порядочны) обычно в большинстве своем встречают меня тычками и с криками набрасываются на мои труды. Ведь, сами совершенно ничего за душой не имея, они, с торжественным, я бы сказал, испусканием воздуха из надутых щек, возводят перед невежественным простонародьем обвинения на культурные писания (*litteras humaniores*) и, со всей своей яростишкой⁹⁰ защищая собственную дремучую деревенскость, «которую одну только — как говорит Иероним <Послание 27.1 Hilberg> — они почитают святостью», так нападают пышнословными выкриками со скрежетом зубов и с пеной на губах на добрую словесность и на тех, кто ею занят, что с легкостью признаются в нелюбви и едва ли не в ненависти к этим грекам (уж точно святым душам)⁹¹: Василию, Златоусту, Григорию⁹² — да и латинянам: Киприану, Амвросию, Августину, самому Иерониму и другим высшим авторитетам нашей веры, нагруженным ученостью разных народов и языков, словно египетскими богатствами⁹³.

⁸⁸ Скорее всего, имеются в виду птицы, терзающие внутренности Прометея и Тития.

⁸⁹ *Censores pulpitarii* — имеется в виду кафедра, с которой читались проповеди.

⁹⁰ *Feroculi*, редкое слово, встречающееся в классической латыни только у комика Турпилия (107 Ribbeck), цитируемого Нонием Марцеллом (О кратком пути усвоения науки 75 Mercier), и в псевдоцезаревской «Африканской войне» (16.1).

⁹¹ Перечисляемые далее греческие отцы в католической церкви также почитаются как святые.

⁹² Григорию Нисскому и Григорию Богослову.

⁹³ Имеется в виду церковная критика (в духе, в частности, Джироламо Савонаролы — см.: *Guidi R. L. Il dibattito sull'uomo nel Quattrocento. Roma, 1999. P. 601*), направленная против писателей, прибегающих к светской науке; аналогичное возражение на такую же критику — со ссылкой на авторитетных отцов церкви, светской и языческой ученостью активно пользовавшихся, — есть также у Лоренцо Валлы в предисловии к IV книге «Красот латинского языка» (на русском языке см.: *Валла Л. Элегантции* / пер. Н. А. Федорова // *Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV в.)*. С. 121–137). Список таких авторитетов у Валлы тоже похож на список Полициано: «Иларий, Амвросий, Августин, Лактанций, Василий, Григорий <Богослов?>, Златоуст и многие другие». Были и другие гуманистические тексты в таком духе, вроде писем Гварино Веронезе к фра Джованни да Прато, но аналогичные высказывания можно найти и у схоластических авторов — например, Фома Аквинский в комментарии к «О Троице» Боэция (вопрос 2, раздел 3, «но против» 1) указывает, что св. Павел цитирует Эпименида (Тит 1:12), Менандра (1 Кор. 15:33) и Арата (Деян. 17:28), «а значит, и прочим наставникам в Божественном Писании дозволено пользоваться философскими аргументами». В конечном счете проблема восходит к позднеантичным спорам: см.: *Бычков В. В. Эстетика поздней античности*. М., 1981. Образ «египетских богатств» отсылает к очень популярной у христианских авторов трактовке библейского сюжета о том, что израильтяне унесли у египтян золотые и серебряные украшения: этот сюжет стал метафорой отношения христиан к языческой культуре; ср.: Августин, О христианской науке 2.40.60: «А если вдруг что-то совместимое с нашей верой говорили те, кто называется философами, особенно платоники, то этого не только бояться не надо, но наоборот, нужно это у них отобрать для нашего собственного пользования, как у владеющих не по праву. Ведь вот у египтян были не только идолы и бремена тяжелые, которыми Израиль тяготился и от которых бежал, но и сосуды и украшения из зо-

И тем в большей степени достойным удивления мне кажется твой любимец Мариано да Дженаццано⁹⁴, и в богословии никому не уступающий, и из всех, чьи церковные проповеди я слышал, не только самый разумный, но и наиболее красноречивый: с одной стороны, красота его проповедей не вызывает подозрений у слушателей, стремящихся к праведной жизни, поскольку в защиту его говорит его собственный невероятно строгий образ жизни; с другой стороны, суровость его не является мрачной и пугающей, поскольку он не пренебрегает поэтическими подслащениями и этим прекрасным разнообразием, блеском и уладами словесной ткани. Как шерсть, которой предстоит добросовестно впитать пурпурную краску, прежде пропитывается определенными веществами, так и души, я думаю, подобает литературой и такого рода образованностью воспитывать (как говорит Цицерон в «Гортензии»)⁹⁵ и насыщать и готовить к восприятию мудрости.

Но все же не заставят меня эти люди⁹⁶ колебаться ни в том, чтобы вывести пером эти плоды моих бдений, какие уж они есть, ни в том, чтобы «испытать, насколько далеко мне дадут зайти в обвинениях против тех» <Ювенал, Сатира 1.170>, кто занят уголовными махинациями в сфере науки. Ведь и я тоже, как

лота и серебра, и одежды, которые этот народ, исходя из Египта, тайком забрал себе, как бы для лучшего применения (и сделал он так не по собственному решению, а по указанию Господа, и египтяне сами в неведении отдавали им то, чем пользовались не во благо) — так и во всех языческих учениях есть не только ложные и полные предрассудков выдумки и тяжкие тюки бессмысленных трудов (все это каждый из нас, исходя под предводительством Христа из мира язычников, должен отвергнуть и впредь избегать этого), но еще и свободные науки, более годные для службы истине, и некоторые полезнейшие моральные наставления, и даже о самом почитании единого Бога у них можно найти некоторые верные высказывания. И это их словно бы серебро и золото, которое они не сами себе устроили, но как будто вырыли из жил божественного провидения, повсюду рассеянных, и которое они извращенным и нечестивым образом используют для поклонения демонам, — это серебро и золото христианин должен, отделяясь душой от их убогого мира, унести у них ради праведной пользы проповеди евангельской. И одежды их, то есть установления (человеческие, конечно, но при этом отвечающие требованиям человеческого общества, без которого мы обойтись в этой жизни не можем), пусть будет дозволено позаимствовать и носить, используя их во благо христианской веры».

⁹⁴ Фра Мариано да Дженаццано (ум. в 1498 г.) — проповедник из ордена августинцев, пользовавшийся большой популярностью при дворе Медичи и одно время затмевавший своего конкурента, доминиканца Савонаролу.

⁹⁵ Конкретная ссылка на источник выглядит обманчиво прямолинейной: на самом деле демонстрация недоступной простому читателю образованности продолжается. Читатель должен, вдумавшись, ощутить себя в тупике, потому что «Гортензий» не сохранился. На самом деле Полициано опять цитирует его по Нонию (фр. 92 Grilli = Ноний, О кратком пути усвоения науки 521 Mercier). Фраза повторена почти дословно: Цицерон пишет, что, «как те, кто хочет, чтобы шерсть впитала пурпурную краску, прежде пропитывают эту шерсть определенными веществами, так подобает и души прежде литературой и такого рода образованностью воспитывать и насыщать и готовить к восприятию мудрости». Что значит у Цицерона «такого рода образованностью», непонятно без (не дошедшего до нас) контекста; Полициано, возможно, имеет в виду «образованностью, связанной с литературой».

⁹⁶ Все перечисленные ожидаемые обвинители «Смеси».

тот же самый Цицерон в письме к Аттику <4.6.2>, считаю, что Филоксен был прав, предпочтя скорее вернуться в темницу, чем отдать кому-то в рабство свое мнение⁹⁷, особенно если писателям и вправду подобает думать не о сиюминутном, а словно бы о вечности (как и Фукидид говорил <История 1.22.4>). Да и книги сами, я думаю, потому называют «памятниками», что им следует скорее заботиться о памяти потомков, которые будут судить более беспристрастно, а не о глупой минутной благосклонности⁹⁸ сегодняшнего дня.

Поэтому, чтобы, если только это будет мне по силам, достичь наивернейшего успеха не просто в изничтожении, но и в полном искоренении бессовестности тех, кто повсюду все извращает, и чтобы не стал никто брать примера с чела мозолисто-непоколебимого⁹⁹ и собою самим торгующего, и со столь мастерского умения никогда не отводить глаз¹⁰⁰, я уже теперь обещаю ради моего спасительного, как я полагаю, предприятия последующие центурии составлять совсем не в духе этой¹⁰¹. А именно — тех, кого я сейчас только легонечко стукнул запястьем¹⁰², кого только слегка и не больно задел рукой, за тех я, думаю, в дальнейшем возьмусь уже покрепче и подналягу против оных, и пока на время удовлетворюсь прелюдией к битве и атаками велитов¹⁰³, а вот потом соберусь с силами, и в бой вступит вся мощь моего войска.

И местами я также (ведь своя рубашка ближе к телу)¹⁰⁴ буду дерзко и решительно защищать свое от плагиаторов и воришек и свидетельствовать в пользу его освобождения¹⁰⁵. Но я хочу, чтобы моим считали только то, что я сам пер-

⁹⁷ Филоксен Киферский — дифирамбический поэт V–IV вв. до н.э., в подразумеваемом анекдоте речь о том, что он отказался признать хорошими стихи сиракузского тирана Дионисия и был за это посажен в темницу.

⁹⁸ *Gratiola*, деминутивная форма, которая в классическом корпусе не встречается, но признается законной у позднеантичного грамматика Диомеда (1.326.22 Keil).

⁹⁹ *Frons trita*: подразумевается, видимо, прежде всего текст Ювенала, Сатира 13.242, где *frons attrita* в том смысле, что «мозолистое» чело — бесстыдное, которое никогда не окрашивается краской стыда; может быть, дополнительно обыгрывается еще Сенека, Естественные вопросы 7.32, где *trita frons* — чело, «натертое» из-за постоянного ношения маски.

¹⁰⁰ *Duritia oris*, в смысле «бесстыдство», выражение из Сенеки, О постоянстве мудреца 17.3.

¹⁰¹ Недописанная вторая центурия «Смеси» так и не была опубликована до XX в. (см. примеч. 31). В ней Полициано, среди прочего, с новой силой обрушивался на Домицио Кальдерини: см.: *Branca V. Op. cit.* P. 157–181.

¹⁰² *Molli articulo tractamus*, выражение из Квинтилиана (Воспитание оратора 11.1.70).

¹⁰³ Велиты — вид легкой пехоты в римской армии, в сражениях обычно помещаемый впереди легиона для того, чтобы перед началом боя закидать противника метательным оружием и смешать вражеские боевые построения (потому что в ближнем бою велиты были малоэффективны).

¹⁰⁴ *Tunica propior pallio*, букв. «Туника ближе к телу, чем паллий», поговорка из Плавта, Три монеты 1154.

¹⁰⁵ *Asseremus liberali causa manum*, юридическая формула из Плавта (Куркулион 491, Пуниец 1102) и Теренция (Братья 194); правильное, вероятно, *manu*, Полициано, возможно, имел дело с другими вариантами текста.

вым выковал с большим трудом и тщанием, и, пока буду в силах, я не потерплю, чтобы у меня это когда-нибудь ласками выгудили или силой вырвали: это «мое» не как что-то, что я из себя испускаю и отпускаю на все четыре стороны, а как мои детища. Как первое я бросаю посреди поля боя наподобие снарядов и оставляю там на растаскивание и поправление, так второе я укрываю и защищаю; первое я позволяю брать всем, кто хочет, а вот второе я признаю и принимаю в отчий дом. Но при этом и обезьянам я подражать не собираюсь, про которых рассказывают, что, сколь бы уродливы ни были их дети, они все равно считают их самыми красивыми.

И я думаю, что и тебе, Лоренцо Медичи, не придется стыдиться, что труд этот посвящен тебе, хоть он и не очень серьезен и, пожалуй, предназначен скорее для развлечения. А посвящен он тебе не столько для того, чтобы добиться для меня твоей щедрой благосклонности или отблагодарить тебя за помощь и советы, сколько для того, чтобы имя твое стало для книги добрым знамением и чтобы почтить тебя в ней, дабы упоминание славного имени добавило книге авторитета и рекомендовало ее.

А кроме того — кому я обязан всей своей наукой целиком, тому по праву полагается и первая порция при ее дележе¹⁰⁶. И, ей-же-ей, пусть это будет словно бы сладкое, и подается оно пусть на десерт. Потому что подобием и заменой основного блюда тебе служат те более серьезные вещи, которые для тебя в изобилии из кладовых философии вытащили хоть Марсилио Фичино, толкователь Платона¹⁰⁷, хоть византиец Аргиропул, толкователь Аристотеля¹⁰⁸. Ведь, что касается этого достойного особого удивления уж не Дятла¹⁰⁹, а, как я сам его обычно называю, Феникса, который нынче свивает гнездо на твоём лавре¹¹⁰, то от него я жду столь великих вещей, что готов пропеть вместе

¹⁰⁶ Полициано возвращается к исходному ряду кулинарных метафор («Смесь» в значении «смешанная баланда», см. примеч. 43, 47, 66).

¹⁰⁷ В качестве главного платоника при дворе Медичи Полициано избирает знаменитого переводчика платоновского корпуса Марсилио Фичино (1433–1499), центральную фигуру флорентийского неоплатонизма.

¹⁰⁸ Иоанн Аргиропул из Константинополя (ок. 1415–1487) преподавал Аристотеля во флорентийском Студии; на русском языке см.: *Иванова Ю. В.* Греки в Италии // История литературы Италии. Т. II. Кн. 1. С. 97–99.

¹⁰⁹ Обыгрывается значение фамилии Джованни Пико делла Мирандола (Picus = «Дятел»). Молодого яркого философа Пико (1463–1494) Лоренцо Медичи в это время укрывал от гонений, обрушившихся на того в результате осуждения некоторых из составленных им «900 тезисов» философско-богословского содержания, которые Пико предложил публично обсудить, пригласив для этого в Рим, к папскому двору, выдающихся ученых всей Европы. В «тезисах» обосновывалось отсутствие сущностных противоречий между различными философскими школами и оккультными доктринами с одной стороны и учением Католической Церкви — с другой. Папа Иннокентий VIII воспрепятствовал обсуждению сочинения Пико и подверг его преследованию; Лоренцо выступил посредником между мятежным философом и папой.

¹¹⁰ Лавр — символ Лоренцо Медичи, по созвучию с его именем (по-латински Laurentius). Лоренцо сам пользуется таким символом, например, в своих сонетах (*L'arbor che a Phebo già cotanto piacque*, «Древо, столь возлюбленное Фебом...»), переводячая при этом символический ряд сонетов Петрарки, у которого с лавром, по другому созвучию, связывалась возлюбленная поэта — Лаура.

с Проперцием: «Уступите первенство, римские писатели, уступите первенство, греки» <Проперций 2.34.65, об «Энеиде» Вергилия>.

Ты же будь здоров, о сладостнейший покровитель, и продолжай, как ты и делаешь, благоволять к ученым людям, поощрять науки, воскрешать из заброшенного состояния изучение латыни и из небытия — изучение греческого, тем самым надежно защищая память о своем имени от несправедливости забвения.

ГЛАВА 4

КАК МНОГО ВСЕГО НУЖНО ЧИТАТЬ КОММЕНТАТОРАМ ПОЭТОВ, И О ТОМ, ЧТО ПЕРСИЙ НАПИСАЛ САТИРУ ПО ОБРАЗЦУ ПЛАТОНОВСКОГО «АЛКВИАДА»

Кто берется комментировать поэтов, тот должен, что называется, «бдеть не только у лампы Аристофана, но и у лампы Клеанфа»¹¹¹ <Варрон, О латинском языке 5.9>. И нужно, чтобы взор охватывал не только семейства философов, но и семейства юристов, и медиков тоже, и диалектиков, и вообще всех, кто образует «тот круг наук, который мы называем *Encyclia*» <Квинтилиан, Воспитание оратора 1.10.1>¹¹². Но и филологов¹¹³ всех тоже. Однако нужно

¹¹¹ Имеются в виду александрийский грамматик Аристофан Византийский и философ-стоик Клеанф.

¹¹² У Квинтилиана речь идет о «том круге наук, который греки называют *ἐγκύκλιος παιδεία*» (*orbis ille doctrinae, quem Graeci encyclicion paedian vocant*), Полициано, может быть, цитирует попорченный текст (*doctrinae illum orbem, quae vocamus Encyclia*). *Ἐγκύκλιος παιδεία* — «начальное образование» (буквально «круговое», скорее, наверное, в смысле «повседневное», но Квинтилиан, кажется, понимает в смысле «круг (базовых) наук»), комплекс дисциплин, изучаемых ребенком до начала специализированного обучения (например, в школе ратора). Так, у Квинтилиана *ἐγκύκλιος παιδεία* включает в себя, дополнительно к разобранным отдельно грамматике, еще музыку, геометрию.

¹¹³ *Philologorum*. Сложно сказать, что это слово значит у Полициано: в классической латыни оно скорее значило просто «начитанный человек», «ученый», «эрудит» (может быть, с некоторым уклоном в сторону именно знания словесности, но примерно как *litteratus*; так, например, Никколо Перотти в своем «Рече изобилия» — опубликован в 1489 г., написан до 1480 г. — глоссирует слово *philologus* как *amator verborum* «любитель слов»); в Новое время оно постепенно начинает применяться конкретно к людям, профессионально изучающим словесность (наверно, первое достоверное употребление в таком значении — в диалоге Гийома Бюде «О филологии» 1532 г.: см.: *Mandosio J.-M. La représentation de la philologie chez Conrad Gesner // La philologie humaniste et ses représentations dans la théorie et dans la fiction. T. II / sous la dir. de P. Galand-Hallyn, F. Hallyn, G. Tournoy. Genève, 2005. P. 567–569; Kennedy W.J. Humanist Classifications of Poetry among the Arts and Sciences // The Cambridge History of Literary Criticism. Vol. III: The Renaissance / ed. by G. P. Norton. Cambridge, 1999. P. 92–93*). Судя по контексту, Полициано уже может иметь в виду это новое значение, но можно понять в его тексте слово «филологи» и просто как «эрудиты» («Ну и вообще всех эрудитов следует читать»). Согласия по поводу того, как понимать и переводить текст Полициано, у ученых нет: ср.: *Parenty H. Isaac Casaubon Helléniste: Des studia humanitatis à la philologie. Genève, 2009. P. 284 («érudits»), Mikkel H. The Aristotelian Classification of Knowledge in the Early Sixteenth Century // Renaissance Readings of the Corpus Aristotelicum / ed. by M. Pade. Copenhagen, 2001. P. 111 («philology»)*. Собственно, про тех авторов, которых Полициано, скорее всего, имеет в виду, — вроде Нония Марцелла, Варрона, Авла Гел-

даже не просто, чтобы взор их охватывал, но, скорее, чтобы этот взор проникал в самую их глубь; и нужно, как говорится, не с порога с ними здороваться¹¹⁴ и из прихожей, а звать их во внутренние покои дома и устанавливать с ними самые близкие отношения, ежели мы хотим принести пользу латинской науке и расправиться с тем невежеством, что набирает силу с каждым днем. Ведь без этого прилежание недоучек, сопровождаемое огромной самоуверенностью, будет приносить больше вреда, чем пользы.

Но особенно много можно найти такого, что используют в своих книгах наши¹¹⁵ поэты, в трудах философов. Вот пример из Персия, на который я уже указывал несколько лет тому назад, когда толковал этого поэта в публичных лекциях¹¹⁶. Пятая <на самом деле четвертая> сатира Персия, которая начинается словами «Ты занят политикой», словно бы сделана по образцу платоновского диалога под названием «Алкивиад первый». И ясно, что Персий не только с должной скромностью взял от того, что Сократ там говорит Алкивиаду о справедливом и несправедливом и о том, что каждый должен познать самого себя, — но Персий также позаимствовал оттуда же и отдельные места, если не очень существенные, то уж точно полные обаяния¹¹⁷.

К таким относится и это место: «Скажи-ка, воспитанник великого Перикла» <Персий, Сатира 4.3>, — поскольку Сократ тоже указывает, что для Алкивиа-

лия — вообще сложно сказать, кто они скорее, «эрудиты» или «филологи». В издании сочинений Полициано 1553 г. слово было просто исправлено на *philosophorum*, «философов» (Grafton A. Quattrocento Humanism and Classical Scholarship // Renaissance Humanism: Foundations, Forms, and Legacy. Vol. 3: Humanism and the Disciplines / ed. by A. Rabil Jr. Philadelphia, 1988. P. 64): видимо, слово *philologus* еще представлялось недостаточно понятным.

¹¹⁴ Имеется в виду пассаж из «Писем к Луцилию» младшего Сенеки (49.6): «Я не отрицаю, что все это взор должен охватывать, но только охватывать и приветствовать с порога».

¹¹⁵ Видимо, в смысле «латинские» (латинская литература римлян часто воспринималась латиноязычными итальянцами как свое национальное достояние — ср. примеч. 30 к главе 2 настоящей монографии, а также с. 250). Комментарии в Италии XV в. обычно пишутся к латиноязычным текстам, реже к италиязычным — итальянская эллинистика в это время еще вообще не занималась комментированием греческой литературы, а больше использовала греческие тексты для прояснения латинских (см.: Reeve M. D. Op. cit. P. 35).

¹¹⁶ Эти лекции Полициано читал, видимо, в 1484–1485 гг. Здесь, однако, он опять, скорее всего, идет по стопам Ландино (ср. выше примеч. 14). Ландино указывал на зависимость четвертой сатиры от «Алкивиада первого» в своих лекциях по Персию 1462 г., конспект которых сохранился в миланской рукописи Ambros. 1.26 inf. (цит. по: Cardini R. La critica del Landino. Firenze, 1973. P. 173, n. 50): «В этой сатире он <Персий> яростно ругает тех, кто, руководствуясь некой поспешностью, желает прежде достижения соответствующего возраста схватить в свои руки кормило власти, а также иных, которые суровейшим образом обрушиваются на промахи других, ни в малейшей степени не замечая собственных проступков. А взято все это из одной книги Платона, в которой тот изображает разговор Сократа с Алкивиадом, еще юношей, и Сократ убеждает Алкивиада не браться за то, что не соответствует силам юнца, — книга эта потому названа «Алкивиадом». Но Ландино, указывая параллель, как мы видим, интересуется прежде всего содержанием, а Полициано концентрируется на конкретных «обаятельных» аллюзиях.

¹¹⁷ *Veneris plenissimos*, букв. «полные Венеры» — может быть, с игрой на роли Венеры/Афродиты в философии самого Платона, ср. ниже примеч. 120.

да важнее всего, что его отец оставил ему наставником Перикла, сына Ксантиппа <Платон, Алкивиад I 104b3–6>. То же самое относится и к этому месту: «Я сын Диномахи» <Персий, Сатира 4.20>, — у Платона оно выглядит так: ὦ φίλε παῖ Κλενίου καὶ Δεινομάχης <«О милый сын Кления и Диномахи», Платон, Алкивиад I 105d2>. Точно так же и другие слова из той же сатиры, «Живи с самим собой» <Персий, Сатира 4.52, заключительная строка сатиры>, разве не проникают, как кажется, к самой сути¹¹⁸ этого диалога? Ведь, как подтверждает и комментатор Платона Прокл <Комментарий к Алкивиаду I, passim>, Платон имел в виду именно дельфийскую надпись, в которой говорится, чтобы каждый познал самого себя. Об этом также замечательно написал мой возлюбленный Пико делла Мирандола в своем «Гептапле», семичастном истолковании шести дней творения, которое он вскоре планирует издать¹¹⁹.

Вот это всё обнаружить и сопоставить одно с другим оказалось некогда для моих учеников не просто полезным делом — кроме пользы, это принесло им, я думаю, отнюдь не простонародное наслаждение¹²⁰.

ГЛАВА 6

КАК СЛЕДУЕТ ПОНИМАТЬ КАТУЛЛОВСКОГО «ВОРОБЬЯ»¹²¹, И, КРОМЕ ТОГО, УКАЗАНИЕ НА МЕСТО ИЗ МАРЦИАЛА

За этим самым катулловским «воробьем», я думаю, аллегорически (*allegoricos*) сокрыт некий обценный смысл: стыдливость не позволяет мне озвучить его. Думать так меня заставляет эпиграмма Марциала, которая заканчивается такими словами <11.6.14–16>:

¹¹⁸ *Voluntas* (букв. «цель», «намерение») — может быть, перевод прокловского термина σκοπός («цель», «установка»).

¹¹⁹ «Гептапл» вышел в том же 1489 году, что и «Смесь»; имеется в виду пассаж об «Алкивиаде первом» из пролога к 4 книге «Гептапла» (*Ioannis Pici, Mirandulae Concordiaeque comitis... Opera quae extant omnia...* <Т. I>. Basileae, 1601. P. 21).

¹²⁰ *Voluptatem peperit, minime vulgarem*: может быть, намек на платоническую терминологию. Слово *vulgaris* «простонародный» или его производные иногда используются для перевода на латынь эпитета платоновской «Земной Афродиты», Πάνδημος (например, Апулей, Апология 12): может быть, Полициано имеет в виду, что его ученики получили от обнаружения аллюзий наслаждение не плотской природы, а такое, которое приносит платоновская «Небесная Афродита» (ср. выше примеч. 117). То есть Полициано пытается описать на языке платоновской философии как обладающие самостоятельной ценностью аллюзии, которые, как он сам понимает, сами по себе вообще не являются частью ценного платонического смысла двух текстов.

¹²¹ Речь о двух стихотворениях Катутла (2 и 3), посвященных воробью, с которым сначала играет возлюбленная поэта (во 2 стихотворении) и который затем умирает и торжественно оплакивается Катутлом (в 3 стихотворении). Впрочем, Полициано, по-видимому, считал, что это одно стихотворение (разделены два текста были только в альдинском издании Джироламо Аванци 1502 г.: см.: *Poliziano A. How the Sparrow of Catullus is to Be Understood, and a Passage Pointed Out in Martial// Catullus/ ed. by J. H. Gaisser. Oxford, 2007. P. 305*).

Da mihi basia, sed Catulliana,
Quae si tot fuerint, quot ille dixit,
Donabo tibi passerem Catulli.

<«Одари меня¹²² поцелуями, но только катулловскими; если они будут в том количестве, о котором говорил Катулл¹²³, то я тебя одарю Катулловым воробьем»>. Ведь Марциал оказался бы уж совсем дубовым¹²⁴ поэтом (а так думать нечестиво), если бы имел в виду, что действительно подарит мальчику после поцелуев именно Катulloва воробья, а не что-то другое, в соответствии с моими подозрениями¹²⁵. Что конкретно, я, заботясь о стыдливости моего пера, оставляю каждому догадываться самому, учитывая природную похотливость воробьев¹²⁶.

¹²² Полициано цитирует текст Марциала в необычной форме (*da mihi*, «дай мне» вместо *da nunc*, «дай теперь»), очевидно, под влиянием текста Катулла (5.7: *da mi basia mille, deinde centum*, «Дай мне тысячу поцелуев, затем сотню»). Может быть, это просто ошибка, вызванная цитированием по памяти, или неоговориваемое исправление текста Марциала на основании сопоставления с Катуллом.

¹²³ Аллюзия на другую серию стихотворений Катулла (5; 7), в которой поэт просит у Лесбии фантастически большое число поцелуев.

¹²⁴ *Insubidus*, слово, употребляемое в классическом корпусе только Авлом Геллием.

¹²⁵ Противники теории Полициано обычно интерпретировали текст Марциала в том смысле, что речь идет о каком-то сборнике стихотворений Катулла под названием «Воробей»: дополнительным аргументом служило другое место из Марциала, 4.14.14, где выражение «воробей Катулла» действительно проще понять в таком смысле. Эта интерпретация появляется уже в комментарии Антонио Партенио да Лацизе к Катуллу (1485 г.), то есть еще до выхода «Смеси» (*C. Valerii Catulli Opera, ex recensione Isaaci Vossii cum ejusdem notis ac observationibus*. Lugduni Batavorum, 1691. P. 5; ср. сейчас: *Skinner M. B. Catullus' Passer: The Arrangement of the Book of Polymetric Poems*. New York, 1981). Домицио Кальдерини толковал Марциала иначе: «Одарю воробьем»: то есть напишу во хвалу тебе стихотворение, как то стихотворение под названием «Воробей», которое Катулл написал в утешение своей девушке, потерявшей воробья» (*Domitii Calderini Veronensis Commentarii in M. Valerium Martialem ad clarissimum virum Laurentium Medicen Florentinum Petri Medicis F. Venetiis*, 1485. Fol. q vī v).

¹²⁶ Стихотворения Катулла — один из текстов (наряду с «Сильвами» Стация, «Фастами» Овидия, сатирами Персия, «Девушкой с Андроса» Теренция, овидиевским посланием Сафо к Фаону), к которым от Полициано остались рукописные комментарии; однако их Полициано не публиковал, отдавая предпочтение жанру коротких заметок. Джулия Гессер (*Poliziano A. How the Sparrow of Catullus is to Be Understood, and a Passage Pointed Out in Martial*. P. 306) полагает, что интерпретацию Полициано предвосхитил Понтано в стихотворении 1.5 сборника «Партенопей», имитирующем Катулла, но этот текст тоже можно интерпретировать по-разному (*Cui vestrum niveam meam columbam/Donabo, o pueri? <...> Non vobis dabimus, mali cinaedi <...> Sed cuinam cupis, o columba, munus/Deferri? Scio: nam meam puellam/Amas plus oculis tuis <...>*, «Кому из вас мне подарить мою белую голубку, мальчики? <...> Не вам я отдам ее, дурные гомосексуалисты <...> А ты кому хочешь, чтобы тебя подарили, голубка? Знаю: мою девушку тылюбишь больше собственных очей <...>»). Полициано в своей интерпретации, видимо, опирался на пассаж из словаря Феста (О значении слов 410.17–21 Lindsay: «*Strutheum* называют, особенно в мимах, мужской срамной орган: то есть по причине похотливости воробья, который по-гречески называется στρουθός»); Полициано специально изучал Феста, иногда он цитирует его в связи с Катуллом в «Смеси» (глава 73), и в сохранившихся рукописных выписках Полициано из Феста напротив указанного места написано, скорее всего рукой Полициано, «воробей Катулла» (*Ibid*). Но почему-то в главе 6 «Смеси» о Фесте

ГЛАВА 9

НАСКОЛЬКО И В КАКОЙ СТЕПЕНИ СЛЕДУЕТ ПОЛАГАТЬСЯ
НА НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ДОМИЦИО, И О ЕГО ОЧЕВИДНОЙ
И ПОСТЫДНОЙ ОШИБКЕ ПО ПОВОДУ СЛОВА *ATTEGIAS*

Dirue Maurorum attegias <«Разрушь аттегии мавров»>. Давайте-ка, если у вас есть время, рассмотрим, насколько учен, насколько надежен или даже просто насколько понятен комментарий Домицио к этому полустушию Ювенала из четырнадцатой сатиры <14.196>. Но сперва скажем пару слов о самом человеке, если вдруг кому это интересно.

Итак, Домицио Кальдерини из Вероны, ушедший из жизни десять лет тому назад¹²⁷, был человек острого ума и к наукам весьма прилежный, с боль-

Полициано промолчал. Эта глава «Смеси» вызвала наиболее бурную реакцию (удобное собрание текстов — Catullus / ed. by J. H. Gaisser. Oxford, 2007. P. 305–340). Возмущенное стихотворение о ней написал Саннадзаро (см. выше вступление); Августин Кезенброт из Оломоуца в предисловии к «Поправкам к Катуллу» Джироламо Аванци (1495) оплакивал повторную гибель Катуллова воробушка от руки Полициано (см.: Gaisser J. H. Catullus and His Renaissance Readers. Oxford, 1993. P. 56); Пиерио Валериано, выступая в 1521–1522 гг. в Риме с лекциями о Катулле, говорил: «Это все <о похотливости воробьев> я знаю, но вот чтобы у Катулла и, может быть, еще у Марциала нужно было под именем воробья понимать (пусть простит меня ваш стыдливый слух) мужской член — этого я не знаю и знать не желаю» (Valeriano P. O factum male! O miselle passer! // Catullus / ed. by J. H. Gaisser. P. 312). Конкретная аргументация Пиерио сводилась к тому, что странно было бы, если бы под смертью воробья Катулл имел в виду импотенцию, ведь «писал он это в самом цвете юности». Это была лекция о втором стихотворении — на следующую лекцию Пиерио, посвященную третьему стихотворению, народу собралось вдвое больше, но Пиерио на протяжении всей лекции об общенной интерпретации ничего не говорил, и только в конце сказал, что воробьи потому и умирают быстро, что очень похотливы и часто спариваются, «а потому, если вы, юноши, чувствительны к сладости жизни, то ничто не будет вам более полезно, чем гнать прочь сексуальную жизнь и стрекала слепой любви» <Вергилий, Георгики 3.210>» (Ibid.; ср. при этом переведенную в главе 17 настоящей монографии, с. 505, главу 38 книги 20 «Иероглифики» Пиерио, где он признает за воробьем символическое значение «похотливой плодовитости»). Поклонники у теории Полициано, конечно, тоже были: в их число, например, иногда записывают английского поэта XVI в. Джорджа Гаскойна с его «Похвалой воробью Филипу» (*Of all the byrds that I doo know / Philip my Sparrow hath no peere: / For sit she high, or lye she low, / Be she far off, or be she neere, / There is no byrd so faire, so fine, / Nor yet so fresh as this of mine...*, «Из всех птиц, которых я знаю, у моей воробушки Филипа нет равных: сядет она высоко, или ляжет низко, далеко она, или близко, нет птицы такой прекрасной, такой изящной или такой живой, как эта моя...») В XX в. интерпретацию Полициано активно пытались возрождать (см. особенно: Hooper R. W. In Defence of Catullus' Dirty Sparrow // Greece and Rome. Vol. 32. 1985. P. 162–178).

¹²⁷ Домицио (Доменико) Кальдерини (ок. 1445–ок. 1478) был одним из самых влиятельных комментаторов конца XV в. В конце 1460-х гг. Кальдерини перебрался в Рим и стал секретарем кардинала Виссарииона (Кальдерини еще успел поучаствовать в спорах о платоновской философии на стороне Виссарииона и написать инвективу против Георгия Трапезундского в защиту Платона). Делая карьеру при папской курии, Кальдерини параллельно приблизительно с 1470 г. устраивал в Риме публичные лекции, посвященные Цицерону, Марциалу, Ювеналу, Силию Италику, «Сильвам» Стация, Квинтилиану. Эти лекции были крайне популярны: рассказывают, что слушатели уходили на лекции Кальдерини с лекций Помпония Лета; среди учеников Кальдерини были Альд Мануций и Маркантонио Сабеллико. Подробнее см.: Ramminger J. Calderini

шим тщанием занимавшийся латинским языком, не оставляя без внимания и греческий¹²⁸, неплохо писавший как прозу, так и стихи. Однако, как видно по его трудам, уж слишком он восхищался собственным дарованием, и, один раз заняв какую-то позицию, он, защищая ее, готов был с надменностью и упорством воевать хоть против самой истины. По этой причине он и писал неумеренно хвастливым тоном, и ко всем, кроме себя самого, относился с презрением, и придрататься ко всем норовил по малейшему поводу, и язвил надо всеми без разбора. Потому и ссор у него с ученышими людьми было просто через край, и они его не любили, вовсе этого не скрывая¹²⁹.

В народе авторитет его был очень велик: первая слава пришла к нему, когда он еще юношей¹³⁰ читал лекции в Риме. И именно для того, чтобы эту репутацию защитить и сохранить, я полагаю, он и набирался многократно в своих трудах бесстыдства и, всеми правдами и неправдами стараясь удержать славу, кое-что излагал ненадежно, а кое-что даже с увертками и подтасовками¹³¹, но так, чтобы на первый взгляд это все казалось истинным, замаскировывал непонятными фразами, в немалой степени подставляя веривших ему, и, что называется, пускал пыль в глаза. А когда попадалось место посложнее, то он «и отступления не начинал, и в бой не шел»¹³², обманывая надежды читателя. Поэтому, желая доказать, что нет такой вещи, которую он бы не знал, он иногда оказывается более лживым, чем парфяне и критяне¹³³.

Но примеру Домицио последовали и другие, и в результате (выражусь словами Варрона <цитируемыми Нонием Марцеллом, О кратком пути усвоения науки 117 Mercier>) «эта кровавая гангрена беды расплзлась по всем членам» науки, и всем ученым людям следует наперегонки ампутировать ее стирающей¹³⁴ стороной стилоса, чтобы она не дошла до жизненно важных органов.

(Domizio) (1446–1478) // *Centuriae latinae II: Cent une figures humanistes de la Renaissance aux Lumières* / réunies par C. Nativel. Genève, 2006. P. 167–174.

¹²⁸ В частности, Кальдерини принадлежит незавершенный перевод на латынь Павсания.

¹²⁹ При жизни у Кальдерини были громкие ссоры с Никколо Перотти (другим протеже кардинала Виссариона), Анджело Сани Сабина.

¹³⁰ Кальдерини, собственно, и умер, видимо, молодым, лет в 30–35.

¹³¹ *Male sollers et praestigiosus*, оба редких выражения взяты из Авла Геллия (Аттические ночи 10.12.8 – *male sollers*; 6.14.11, 8.10 – *praestigiosus*).

¹³² *Nec absistens, nec congregiendiens*, цитата из Тита Ливия, История Рима от основания города 22.18.7.

¹³³ Потому что «критяне всегда врут», согласно античной поговорке (Эпименид, фр. 1 Diels-Kranz, Каллимах, Гимн у Зевсу 1.8 и т.д.), а парфяне были знамениты в античности своей тактикой ложного отступления, использованной ими в битве при Каррах (ср.: Вергилий, Георгики 3.31, Гораций, Оды 1.19.11–12, Овидий, Наука любви 3.786 и т.д.).

¹³⁴ *Deletilis*, слово, известное только по еще одной цитате из Варрона у Нония Марцелла (О кратком пути усвоения науки 96 Mercier).

И Домицио издал несколько грамматических комментариев, например к поэтам Марциалу¹³⁵ и Ювеналу¹³⁶. Эти комментарии он даже посвящал моим драгоценным Медичи, братьям Лоренцо и Джулиано¹³⁷, и они в ответ почтили его очень дорогими подарками¹³⁸. Но издавал он также кое-что и про «Сильвицы»¹³⁹ Стация, и про «Послание Сапфо»¹⁴⁰ и «Ибиса»¹⁴¹ Назона. И там, конечно, много толковых мест, где он не хитрит и не насмехается над доверчивостью читателя.

А Джорджо Мерула — муж несомненно большой учености и прилежности и намного более осмотрительный в своих писаниях, чем Домицио, и чуть ли не первое лицо теперь в науке¹⁴², — налетев, что называется, не тихоходом, а на всех парусах, издал изобильные заметки по поводу комментария Домицио к Марциалу¹⁴³, в которых первым умирил уж прямо совсем разошедшуюся и всю разбушевавшуюся безответственность этого человека. Да и я сам затем тоже «в цвете первой юности»¹⁴⁴ не то что, конечно, едва прикоснувшись к его книгам, тотчас руки отдергивал, но, чтобы пробудить сонливую молодость, которая словно на оба уха дремлет, еще в годы моего ученичества в ремесле, иногда его вот так легонечко и как бы щадящей рукой чуть-чуть ударял. И сейчас я объявляю, что буду делать то же самое, чем бы там это ни обернулось, чтобы труд мой вышел честным и непредвзятым. Потому что, насколько у меня сил хватит, я не буду терпеть, чтобы доверчивую молодежь безнаказанно водили за нос и чтобы у простых умов выбивали почву из-под ног.

¹³⁵ Комментарий Кальдерини к Марциалу вышел в Риме в 1474 г., иногда говорят, что это был первый печатный гуманистический комментарий к классическому тексту.

¹³⁶ Комментарий Кальдерини к Ювеналу вышел в 1475 г. в Венеции.

¹³⁷ Комментарий к Марциалу был посвящен Лоренцо (Кальдерини передал ему посвятительную копию во время посещения Флоренции в 1473 г.), комментарий к Ювеналу — Джулиано.

¹³⁸ В частности, Медичи, среди прочего, посылали по просьбам Кальдерини в Рим некоторые ценные рукописи (Аполлония, Квинтилиана).

¹³⁹ Полициано производит от названия текста Стация (*Silvae* «Сильвы») уменьшительную форму (*Silvulae*).

¹⁴⁰ Комментарии к «Сильвам» Стация и «Посланию Сапфо к Фаону» Овидия были опубликованы в одном томе с некоторыми другими заметками Кальдерини в Риме в 1475 г.

¹⁴¹ Комментарий Кальдерини к «Ибису», основанный на его лекционном курсе, вышел в Риме в 1474 г.

¹⁴² Миланец Джорджо Мерула (1430–1494), ученик Филельфо и учитель Бальдассаре Кастильоне, также был очень важной фигурой среди комментаторов конца XV в. С Полициано Мерулу объединяло редкое в это время тонкое обращение с рукописями (Мерула исследовал рукописи монастыря Боббио, еще до Полициано он использовал в генеалогическом смысле термин «архетип»). После выхода «Смеси» Мерула поссорился с Полициано, обвинив его в плагиате.

¹⁴³ Речь идет о сочинении «Против комментариев Домицио Кальдерини к Марциалу», опубликованном Мерулой в 1478 г. в качестве приложения к собственному комментарию к Ювеналу.

¹⁴⁴ *Primae sub flore iuventae*, гекзаметрическая клаузула, но откуда это может быть цитата, сложно сказать.

А поскольку, как сказано у Плавта, «хорошо знать тому, за чьи знания в ответе другой»¹⁴⁵, то я и сам постараюсь по мере сил не допускать в эти мои книги ничего, что не подкреплялось бы авторитетными свидетельствами.

А каково мое мнение об этом человеке в общем, если соотнести его недостатки с его достоинствами, и в какой области я считаю его лучше всего проявившим свой талант, — об этом расскажет моя эпитафия, которую флорентиец Баччо Уголини¹⁴⁶ и веронец Анджело Маффеи, желая почтить память Домицио, почти девять лет назад приказали выбить на камне на берегу озера Гарда, на его родной земле. Приведу эту эпитафию и здесь:

Asta viator, pulverem vides sacrum,
 Quem vorticosi versat unda Benaci.
 Hoc mutat ipsum saepe Musa libethron
 Fontemque Sisyphi, ac viretta Permessi.
 Quippe hoc Domitius vagiit solo primum,
 Ille, ille doctus, ille quem probe nosti,
 Dictata dantem Romulae iuventuti,
 Mira eruentem sensa de penu vatum.
 Abi viator, sat tuis oculis debes.

<«Остановись, путник: ты видишь священную пыль, которую шевелит волна обильной водоворотами Гарды. Муза часто приходит сюда от Либетра и от источника Сизифа <то есть Пирены, потому что та находится рядом с Коринфом, царем которого был Сизиф> и от рощ Пермесса. Ведь на этой земле издал свой первый младенческий крик Домицио — тот самый, тот самый ученый человек, тот самый, который хорошо тебе известен: он читал лекции для Ромуловой <то есть римской> молодежи и извлекал удивительные смыслы из кладовых поэтов»¹⁴⁷. Иди дальше, путник: теперь ты в достаточной степени обязан своим глазам»>.

Но, наверное, я уже слишком долго говорю о самом человеке, особенно учитывая, что обещал я сказать о нем только вкратце. Но я сделал так с той целью, чтобы словно такую лепешку бросить¹⁴⁸ тем грошовым грамматикам, которые все видят словно через дымку и ни за что не признают истинным что-то

¹⁴⁵ Цитата из интерполированной сцены 7 акта 4 «Купца» Плавта (стих 40).

¹⁴⁶ Баччо Уголини (ум. в 1494 г.), придворный и дипломат при дворе Медичи, занимавшийся также пением, особенно известен тем, что играл заглавную роль в первой постановке «Сказания об Орфее» Полициано (см.: *Pirrota N. Studies in the Music of Renaissance Theatre // Pirrota N., Povoledo E. Music and Theatre from Poliziano to Monteverdi / tr. from It. by K. Eales. Cambridge, 1982. P. 3–36*).

¹⁴⁷ Последняя фраза, видимо, и есть ответ на вопрос, «в какой области Полициано считает Домицио лучше всего проявившим свой талант» — ответ очень характерный для автора «Смеси», см. вступление.

¹⁴⁸ Имеется в виду та лепешка (*offa*), которую нужно бросить Керберу, чтобы пройти мимо него (Вергилий, Энеида 6.420; Апулей, Метаморфозы 6.20.2).

другое, кроме тех давно затертых и затасканных идей, которые они сами понадергали из этих своих¹⁴⁹ профессорских комментариев.

А что касается слова *attegias*, то вот слова самого Домицио: «Иные считают, что на языке мавров слово *attegias*¹⁵⁰ означает “шалаша”¹⁵¹. Я скорее понимаю так, что это слово обозначает Мавританию в дальней части Ливии. Дионисий пишет вот что:

Ad summam Libyen habitant Attegias undas
Alcidae qua sunt statuae Maurusia plebes.

<“На краю Ливии, где стоят истуканы Алкида <то есть Геркулесовы столпы>, волны Аттегии (?) населяет мавританский народ”>».

Вот так написал Домицио: «хоть он и видел лучшее, но выбрал худшее» <Овидий, *Метаморфозы* 7.20–21>. И я бы, конечно, хотел ему верить, да вот птичка напела, что неправда все это. Вот Домицио ссылается на писателя Дионисия <Перизгета>. Если где-нибудь у того найдется упоминание этого слова, то хорошо, я признаю, что был не прав, даже руку тогда воздыму¹⁵² и не буду возражать, чтобы меня считали самым большим пустобрехом из всех людей.

Но отброшу уже всякие экивоки и обнажу самую суть дела: не Дионисия это строки, не его; это строки из Присциана, из той книги, в которой он переводит с греческого текст Дионисия <Присциан, *Перизгеза* 174–175>. И Домицио их еще искажает и уродует: текст Присциана был *ad Tethyos undas* <«у волн Тифии»>, а Домицио старый вариант стер и переделал, и написал вместо него *Attegias undas*¹⁵³. Полагаю, он не стал бы этого делать, если бы учел стихотвор-

¹⁴⁹ Латинский текст, наверное, не обязательно интерпретировать в том смысле, что комментарии, из которых грамматики извлекают общие места, ими же самими и написаны: фраза может значить просто «эти их любимые комментарии».

¹⁵⁰ Судя по переизданию 1487 г., Домицио вообще-то писал это слово как *atteias*: *Domitii Calderini Veronensis secretarii apostolici Commentarii in Satyras Iuvenalis ad clarissimum virum Iulianum Medicem Petri Cosmi filium Florentinum. Venetiis, 1487. Fol. i v v.*

¹⁵¹ Скорее всего, имеется в виду интерпретация из средневекового словаря Папия: «Аттегиями называются хибарки мавров, потому что они покрываются временными крышами (*ad tempus teguntur*)» (*Papias vocabulista. Venetiis, 1496. <P. 34>*); в древнейших схолиях к Ювеналу это слово не глоссировалось, а поскольку это гапакс (слово, нигде больше не встречающееся в корпусе классических текстов), то значение его можно было только домыслить из контекста и этимологии.

¹⁵² *Tollamque manum*: выражение *manum tollo* в значении «сдаю», «отступаю» взято из фрагмента Цицерона, сохранившегося у Лактанция, Божественные установления 3.28.9.

¹⁵³ Мог ли Полициано откуда-то точно знать, что Кальдерини именно вводит собственную конъектуру, а не цитирует экстравагантный текст какой-то рукописи? Вероятно, нет: такое можно было бы представить, если бы «Перизгеза» Присциана сохранилась в каком-нибудь небольшом числе рукописей, но это, наоборот, текст с большой рукописной традицией. В принципе, под «старым вариантом» Полициано может просто иметь в виду тот текст, который появился в печатных изданиях «Перизгезы». Может быть, Полициано делает вывод, что это именно конъектура, потому, что уж очень похоже на конъектуру и сложно-вато для случайного совпадения.

ный размер или подсчитал долготы и моры слогов. Ведь слово *attegias* он поставил так, что у него, во-первых, третий с конца слог должен быть долгим, что противоречит свидетельству того самого автора, которого он комментирует, а во-вторых, последний слог должен быть кратким, что противоречит всем авторитетным свидетельствам¹⁵⁴. Хорошо, что сохранился текст самого Дионисия; соответствующие греческие строки, я думаю, вот <Дионисий Периегет, Описание мира 184–185>:

Ἀλλ' ἦτοι πυμάτην μὲν ἐπὶ γλωχῖνα νέμονται
 Ἀγχοῦ στυλάων Μαυρουσίδος ἔθνεα γαίης.

<«А у дальнего края, вблизи столпов, обитают народы мавританской земли»>.

Да хоть целиком там все прочитай — увидишь, что нет у Дионисия ни малейшего намека ни на какие «аттегии», увидишь, что под именем одного писателя цитируется другой, что правильный текст выкидывается, что вместо него подсовывается подложный, что на долготу слогов и на размер никакого внимания не обращают. И кто-то еще будет колебаться в том, чтобы уже без всяких угрызений не соглашаться с этим человеком и разносить в пух и прах такого рода чушь? А то, что раньше было распространено предвзятое мнение о его уме и учености, должно только еще более ненавистным его сделать.

А сам я понимаю *attegias* как «палатки» или «шатры», или, если угодно, «шалаша», в которых обитают мавры, называемые у римлян нумидийцами, как свидетельствует историк Геродиан <История 7.9.1>¹⁵⁵. Слово это использует Руфин в седьмой книге «Об Иудейской войне» Иосифа <на самом деле 6.5.3>:

¹⁵⁴ То есть, согласно Полициано, Кальдерини допускает следующие ошибки: (1) у Ювенала второй слог слова *attegias* в принципе должен быть кратким, а в цитируемом Кальдерини тексте Присциана — долгим (проблему можно решить, если считать, что у Ювенала этот слог на самом деле долгий, а дальше следует синицеца и *-ias* читается в один слог) и (2) в окончании родительного падежа первого греческого склонения гласный а всегда долгий, а в цитируемом Кальдерини тексте Присциана он в принципе должен быть кратким (и эту проблему можно решить, если считать, что у Присциана тоже синицеца, *-ias* читается в один слог и стих спондеический). То есть при желании метрику двух рассматриваемых Кальдерини текстов все-таки можно совместить, но это потребует допущения сразу трех редких аномалий (две синицецы и спондеический стих), и больше похоже, что Кальдерини просто не подумал о метрике этого места. — Так предстает вопрос в изложении Полициано. Но если вспомнить, что Кальдерини вообще-то, по-видимому, писал это слово как *atteias* (см. выше примеч. 150) и, значит, считал трехсложным, то упреки Полициано оказываются некорректными и метрическая трактовка слова в двух пассажах идентична, безо всяких допущений. В данном случае, выходит, самого Полициано подвела аккуратность в цитировании. Может быть, причина в том, что к текстам современников Полициано не питает такого почтения, как к первоисточникам.

¹⁵⁵ *Qui Numidae a Romanis, ut historiae scriptor Herodianus est auctor*. Имеется в виду фраза Μαυρουσίωων τῶν ὑπὸ Ῥωμαίοις Νομάδων δὲ καλουμένων («мавров, подвластных римлянам, которых называют и нумидийцами»). Полициано сам перевел Геродиана на латынь (в 1487 г.). Соответствующее место в его переводе выглядит так: *Mauritaniae Romanis subiectae, quae ab ipsis Numidia appellatur* («Мавритания, подвластной римлянам, которую те называют Нумидией»). Выражение *a Romanis* в тексте «Смеси» выглядит довольно странно без глагола, в принципе, возможно, что это на самом деле калька с геродиановского ὑπὸ Ῥωμαίοις,

«Когда он прибыл в день праздника, на который принято возводить аттегии, чтобы почтить Бога». И дело в том, что то, что он по-латински называет «возведением аттегий», сам автор Иосиф по-гречески называл σκνυποποιεῖσθαι <«возведением кущей»>¹⁵⁶.

ГЛАВА 25

КАК СИЛЬНО В НЫНЕШНЕМ ТЕКСТЕ ПИСЕМ ЦИЦЕРОНА К БЛИЗКИМ НАРУШЕН ПОРЯДОК, И КАК ЕГО ВОССТАНОВИТЬ

Я нашел очень древний экземпляр писем Цицерона к близким¹⁵⁷, о котором я упоминал и выше¹⁵⁸, а также другой, списанный с того, как некоторые полагают, рукой Франческо Петрарки¹⁵⁹. А что второй списан с первого, явным образом следует из многих аргументов, которые я, пожалуй, не буду здесь приводить. Но этот кодекс, про который я сказал, что он более поздний, переплетался таким неаккуратным книгопродавцем, что можно заметить: один десяток страниц¹⁶⁰ поставлен не на том месте, которое ему полагается в соответствии с расставленными номерами¹⁶¹. Находится эта книга в публичной

и тогда надо переводить «мавры, они же нумидийцы, подвластные римлянам, как свидетельствует историк Геродиан».

¹⁵⁶ Таким образом, техника установления значения гапакса (слова, употребляемого в классическом корпусе только один раз) у Кальдерини и Полициано вообще-то одинаковая: они расширяют область поиска и ищут параллели вне классического корпуса, в самых изощренных текстах. Так совпало, что оба находят такие параллели в поздних переводах с греческого: Кальдерини использует перевод из Дионисия Периегета, приписываемый позднеантичному грамматiku Присциану (VI в.), а Полициано — перевод из Иосифа Флавия, приписываемый отцу церкви Руфину Аквилейскому (IV в., сам текст иногда считают более поздним, тоже приблизительно VI в.). В изданиях перевода Руфина обычно печатают другой гапакс (*aregias* — видимо, по рукописям, но при этом все равно непонятно, почему не исправить это слово на *attegias*, раз для *aregias*, похоже, вообще нет параллелей — вероятно, просто перевод Руфина довольно небрежно издан), а слово *attegia* в тексте Ювенала сейчас понимают в том же самом смысле, который защищал Полициано, но на основании другой параллели — из сохранившейся неподалеку от Страсбурга римской надписи, ученым XV в. еще не известной (к тому же существует еще много средневековых параллелей, но это менее релевантно).

¹⁵⁷ Рукопись M, Laurentianus 49.9, XI в.

¹⁵⁸ В не переведенной нами главе 18 (верное чтение *terrae filius* вместо *zerae filius* в письме к близким 7.9.2 «до сих пор сохранилось в очень древней копии, некогда принадлежавшей ученойшему мужу Филельфо, а теперь принадлежащей Лоренцо Медичи, покровителю наук, а также в другой копии, очевидно переписанной с той древней; эта вторая сейчас в публичной библиотеке семьи Медичи»).

¹⁵⁹ Рукопись P, Laurentianus 49.7, XIV в., принадлежала Салутати. На самом деле это не рука Петрарки: см. об аналогичном отождествлении примеч. 44 к главе 11 настоящей монографии.

¹⁶⁰ То есть одна тетрадка. «Десяток страниц» (*paginarum decuria*) — условное выражение, потому что на самом деле тетрадки в P содержат по 8 листов.

¹⁶¹ На самом деле с этой интерпретацией связана одна сложность: деление текста на тетрадки в M и P в точности совпадает (очевидно, при переписывании рукопись M была разобрана на отдельные тетрадки

библиотеке рода Медичи¹⁶². Вот из этого одного кодекса, насколько я могу предположить, словно из источника и первоначала (capite), произошли вообще все остальные экземпляры этих писем, и во всех них порядок неправильный и перевернутый¹⁶³; и мне следует сейчас этот порядок восстановить и словно бы отстроить заново. Поэтому будьте, пожалуйста, внимательны, все благосклонные читатели, которые добрались до этих моих писаний. Так вот.

В восьмой книге письмо Целия к Цицерону <8.2> начинается так: *Certe inquam absolutus est, me repraesentante, pronuntiatum est, et quidem omnibus ordinibus, sed et singulis in uno quoque genere sententiis. Vide modo inquis*, — до сих пор порядок еще правильный. Но слова, которые следуют сразу за этим, *Literis ostenderis* и т. д. <8.9.3>, как можно увидеть, с предшествующим совершенно не согласуются и относятся к другому письму. Отсчитай дальше от этого письма двадцать четвертое¹⁶⁴, которое начинается так: *Non me Hercules. Nihil unquam enim* <продолжение 8.2.1>. Оно должно идти за упомянутым выше, и читать надо так: *Certe inquam absolutus est, me repraesentante, pronuntiatum est, et quidem omnibus ordinibus, sed et singulis in uno quoque genere sententiis. Vide modo inquis. Non me Hercules. Nihil unquam enim*. И дальше остальное поставь вслед

и каждая тетрадка переписывалась отдельно: так делали, например, чтобы увеличить скорость переписывания, раздав разные тетрадки разным переписчикам). Сейчас и в М, и в Р восстановлен правильный порядок тетрадок. Во время Полициано в Р, видимо, был неправильный порядок, а в М — правильный. Но эту ситуацию можно было интерпретировать и иначе: порядок тетрадок мог быть нарушен уже в М, Р мог быть переписан с М с неправильно расставленными тетрадками, а потом порядок тетрадок в М мог быть исправлен при повторном переплетении (на самом деле так, по-видимому, и было: см.: Kirner G. Contributo alla critica del testo delle Epistolae ad familiares di Cicerone (l. IX–XVI) // Studi italiani di filologia classica. Vol. IX. 1901. P. 396–403). Можно было бы подумать, что Полициано не заметил совпадения в делении текста на тетрадки в двух рукописях, но тогда возникает одно противоречие. Нумерация тетрадок, о которой говорит Полициано, отсутствует в Р, но есть в М. Реалистичную интерпретацию слов Полициано, которая разрешает это противоречие, предлагает Джузеппе Кирнер: Полициано имеет в виду, что, поскольку Р переписывался с разобранных тетрадок М, после этого порядок тетрадок в обеих рукописях переплетчики восстанавливали по нумерации тетрадок в М (Ibid. P. 405–406). Единственное — не очень понятно тогда, почему Полициано называет переплетчика «книгопродавцем» (bibliopola), ведь переплет должен был в этом случае осуществляться прямо в мастерской переписчика. Может быть, Полициано просто отождествляет «конторы» переписчика и книгопродавца.

¹⁶² Имеется в виду не Biblioteca Medicea Laurenziana, открытая только в 1571 г., а библиотека флорентийского доминиканского монастыря Сан-Марко (см.: <Bandinius A. M.> Catalogus codicum Latinorum bibliothecae Mediceae Laurentianae... T. IV. Florentiae, 1777. P. XXXIX), собранная для монастыря по инициативе Козимо Старого (неофициального правителя Флоренции в 1434–1464 гг.). В коллекцию попали рукописи из собраний Никколо Никколи, Поджо Браччолини и других гуманистов. «Публичной» библиотека Сан-Марко названа в отличие от частной библиотеки самого Лоренцо Медичи, в которой как раз находилась рукопись М: пользоваться ей могли только лично допущенные Лоренцо люди вроде самого Полициано (Kirner G. Op. cit. P. 404).

¹⁶³ Логика Полициано в общем верна: за редкими исключениями, рукописи «Писем к близким», видимо, действительно происходят о Р (а не от М, правильный порядок в которой был быстро восстановлен).

¹⁶⁴ То есть пройди две тетрадки с текстом 8.9.3–9.5.15. За ними следует неправильно поставленная тетрадка с текстом 8.2.1–8.9.3.

за этим, пока от этого письма, которое, как я сказал, является частью второго письма <т. е. письма 8.2>, не дойдешь до письма, следующего далее десятым, которое начинается так: *Sic tu inquis Hircium?* <8.9>¹⁶⁵. Читай это письмо, пока не дойдешь до этих слов: *Si ullam spem* <начало 8.9.3>. Как только на них наткнешься, весь вот этот текст удаляй: *Aut in tecto vitii, caetera mihi probabuntur* <заключительные слова письма 9.15.5>. Это всё, повторяю, удали или сотри¹⁶⁶, потому что оно, конечно, в этом месте лишнее. А потом опять вернись к куску, неправильно вставленному в том письме Целия, про которое шла речь в начале, и продолжи текст так: *Si ullam spem literis ostenderis*. Дальше долго читай и дойдешь до письма, отсчитывая от этого, двадцать третьего¹⁶⁷, текст которого начинается так: *Duabus eius epistolis respondebo* <9.15>,— и дополни его конец так: *Si enim nihil est in parietibus, aut in tecto vitii, caetera mihi probabuntur*. И за этим письмом сразу должно следовать то, которое сейчас идет после него одиннадцатым¹⁶⁸, начинающееся словами *Delectaverunt me tuae literae* <9.16.1>.

Такой порядок, который я восстановил, подтверждают не только оба кодекса (что тот древний, что другой, вскоре им порожденный, на основании которого, очевидно, изуродованы по вине книгопродавца и все остальные копии), но и содержание и сам смысл текста, который стал яснее ясного, так что тот, кто захочет потщательней разобраться, обнаружит, что всякая темнота и двусмысленность отовсюду исчезла.

ГЛАВА 39

РАЗРЕШАЕТСЯ ГОЛОВОЛОМКА¹⁶⁹ ПОЭТА АВСОНИЯ О ДОЧЕРЯХ КАДМА, МЕЛОНЕ, КАРАКАТИЦЕ И КНИДСКИХ УЗЛАХ

Головоломку, которую изобретательный и не обделенный образованием поэт Авсоний предлагает в акаталектических ямбических диметрах грамматику Теону, я попытаюсь разрешить вот как. Но сперва процитирую сами строчки <Авсоний, Послание 13.71–77 Green>:

*Aut adsit interpres tuus,
Aenigmatum qui cognitor*

¹⁶⁵ Десять писем Полициано насчитал потому, что после письма 8.5 в рукописи повторено еще раз письмо 2.9, а после письма 8.8 — письмо 2.11, плюс текст 8.8.5 оформлен как начало нового письма (имя *M. Oppius M. f. Ter.* выделено рубрикой и после него вставлено *sal.* «желает здравствовать»).

¹⁶⁶ *Delebis aut induces*: либо это конкретизация, либо, скорее, под словом *deleo* («удалять») подразумевается зачеркивание (или, может быть, его средневековый аналог, когда вместо вычеркивания удаляемой буквы под ней просто ставится точка).

¹⁶⁷ То есть пройди еще раз две тетрадки с текстом 8.9.3–9.5.15.

¹⁶⁸ Потому что между ними вставлена лишняя тетрадка 8.2.1–8.9.3.

¹⁶⁹ *Scirpus*, редкий синоним для слова *aenigma* («загадка»), взятый из Авла Геллия (Аттические ночи 12.6.1).

Fuit meorum, cum tibi
 Cadmi nigellas filias,
 Melonis albam paginam,
 Notasque furvae sepiae,
 Cnidiosque nodos prodidit.

<«Или пусть тебе поможет твой толкователь, который был мастером разгадывать мои загадки, когда разъяснил тебе “черненьких дочерей Кадма”, “белую страницу Мелона”, и “знаки темной каракатицы”, и “книдские узлы”»>.

Из них последний стих в более распространенных книгах читается с ошибкой: там написано *modos* <«мотивы»?> или *teos* <«мои»> в том месте, где я написал *nodos* <«узлы»>. Такой текст я нахожу как в некоторых других копиях, так и в той, которая переписана рукой Джованни Боккаччо¹⁷⁰ и сейчас хранится во флорентинской библиотеке Санто-Спирито¹⁷¹. Да и размер не допускает ни того, ни другого, ни *modos*, ни *teos*, потому что в этой второй стопе должен быть ямб, а не пиррихий¹⁷².

Так вот, мне кажется, что под эти покровы (*involucra*) Авсоний запрятал буквы — дар финикийца Кадма, — нильский папирус, писчие чернила и писцовый калам¹⁷³ — подобающие орудия этого писателя.

Потому что Кадм первым привез буквы из Финикии в Грецию. Геродот утверждает это в «Терпсихоре» <История 5.58–59>, говоря, что «финикийцы, прибывшие в Грецию под предводительством Кадма», первыми доставили к грекам свои национальные и отеческие, то есть финикийские, буквы.

¹⁷⁰ Рукописи из библиотеки Боккаччо сейчас в основном в Biblioteca Medicea Laurenziana, но эту рукопись идентифицировать не удастся (The Works of Ausonius / ed. with introduction and commentary by R. P. H. Green. Oxford, 1991. P. xxxvi). У Боккаччо была прекрасная коллекция рукописей, среди частных библиотек XIV в. сопоставимая, наверное, только с собранием Салутати: через руки Боккаччо прошли очень важные и хорошие рукописи Тацита и Апулея (Laurentianus 68.2, XI в., F Апулея = MII Тацита, для Апулея архетип, для Тацита вторая по древности рукопись, архетип для большей части текста), Стация (Laurentianus 38.6, XII в., M Стация), Лукана (Laurentianus 35.23, XII в.). Если Апулея/Тацита было в принципе сложно найти в каких-либо рукописях (иногда говорят, что Боккаччо просто «выкрал эту рукопись из Монте-Кассино» — P. Cornelli Taciti Libri qui supersunt / post C. Halm — G. Andresen septimum ed. E. Koestermann. T. I. Lipsiae, 1952. P. III, — во всяком случае, именно в это время важные рукописи часто пропадают из Монте-Кассино и появляются во Флоренции, скорее всего не без участия знакомого с Петраркой и Боккаччо викария Дзаноби да Страда: см.: Reynolds L. D., Wilson N. G. Scribes and Scholars: A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature. Oxford, 1968. P. 133), то в случае с Луканом и Стацием нужно было, наоборот, суметь выбрать хорошую среди большого массива рукописей — в этой области гуманисты как раз не так часто достигали высот. О тенденции придавать особое значение рукописям, которыми владели авторитетные гуманисты прошлого, ср. прим. 159 к настоящей главе, а также примеч. 44 к главе 11 настоящей монографии.

¹⁷¹ В монастыре Санто-Спирито оказались книги, перешедшие по завещанию Боккаччо к местному монаху фра Мартино да Синья, исповеднику Боккаччо.

¹⁷² Пиррихий (два кратких слога) получается, если написать *-que mod-* или *-que te-*, ямб (краткий — долгий) — если написать *-que nod-*.

¹⁷³ Тростниковая палочка для письма.

«Но с течением времени, — говорит он, — вместе со звучанием постепенно изменились также и знаки». А первыми ими стали пользоваться ионийцы, поэтому буквы называются также φοινίκεια¹⁷⁴. А еще Геродот пишет, что он сам «видел Кадмовы буквы в святилище Аполлона Исмения в беотийский Фивах, выгравированные на неких треножниках» (он цитирует с них три надписи), и буквы эти, как он сам говорит, «были очень похожи на ионийские». Поэтому, если древние греческие буквы были не чем иным, как буквами финикийскими, а латинские — не чем иным, как греческими, как указывает и Плиний <Естественная история 7.210>, тоже цитируя надпись на треножнике (Delphica) (потому что фраза «на дельфийской табличке» (Delphica tabula) — это новодел и поправка, сделанная необразованными людьми)¹⁷⁵, — то очевидно, что латинские буквы и есть те самые, которым нас обучил Кадм. По этой причине Авсоний и называет их «дочерьми Кадма», а поскольку маленькие букочки выписываются чернилами, он остроумно назвал их «черненькими». По этой-то причине Зенон и пишет в эпиграмме:

Οἶδε πάτρα Φοίνισσα, τίς ὁ φθόνος; οὗ καὶ Κάδμος
Κεῖνος ἄφ' οὗ γραπτὰν Ἑλλάς ἔχει σελίδα.

<«Знает финикийская отчизна: какие могут быть упреки? Тут и Кадм — тот, от которого у Эллады писчая страница»>¹⁷⁶.

И пирронист Тимон, как мы читаем у Секста в четвертой книге «Пирроновых положений» <Секст Эмпирик, Против ученых 1.53>¹⁷⁷, написал так:

¹⁷⁴ Геродот имеет в виду, что буквы также называются ионийской диалектальной формой слова «финикийские». Сама эта ионийская форма, правда, скорее должна выглядеть как φοινικήια, но в греческой диалектологии Полициано, видимо, еще не разбирался.

¹⁷⁵ Текст Плиния *Delphica antiqui aeris* «треножник из древней меди» в некоторых изданиях исправлялся на *Delphica tabula antiqui aeris* «дельфийская табличка из древней меди». Полициано имеет в виду, что «необразованные люди» не знают, что слово *Delphica* «дельфийская» может также значить просто «треножник» (кроме Плиния, в этом значении его употребляет также Марциал, Эпиграмма 12.66.7).

¹⁷⁶ Обычно эта эпиграмма (эпитафия на смерть Зенона) атрибутируется Зенодоту (Диоген Лаэртский 7.30, Палатинская антология 7.117, ср. издание на русском языке: *Зенодот*. Эпитафия Зенону / пер. Ю. Шульца // Греческая эпиграмма / изд. подгот. Н. А. Чистякова. СПб., 1993. С. 220), Полициано, очевидно, цитирует ее по словарю Суды (κ21), где она приводится просто как «эпиграмма Зенона». При этом Полициано, по-видимому, меняет текст (либо использует экстравагантные рукописи): вместо οὗ καὶ Κάδμος в тексте Суды стоит ὅν καὶ Κάδμος (бессмыслица, которую Полициано, возможно, сам и исправил; сейчас обычно читают по тексту Палатинской антологии ἧν καὶ Κάδμος, то есть «И Кадм <подразумевается, хоть и финикиец> был тем, от кого у Эллады писчая страница»), а вместо οἶδε и у Суды, и в других источниках текста εἰ δὲ (получается «А если отчизна Финикия, то какие могут быть упреки в этом?» — в данном случае текст вполне внятный, значит, Полициано либо нашел οἶδε в своей рукописи, либо, может быть, он имел в виду, что такой исправленный вариант лучше подходит для начала эпиграммы — а в Суде это место выглядит именно как начало эпиграммы, и предшествующие четыре строки, содержащие прямое обращение к Зенону, опущены).

¹⁷⁷ В «Пирроновых положениях» на самом деле три книги. Ошибка Полициано, видимо, вызвана тем, что он пользовался какой-то рукописью, где за «Пирроновыми положениями» шли книги «Против ученых», но место, где начиналось новое произведение, не было отмечено.

Γραμματικὴ τῆς οὐτὶς ἀνασκοπῇ οὐδ' ἀνάθρησις
Ἀνδρὶ διδασκομένῳ Φοινικικὰ σήματα Κάδμου.

<«Грамматика, которую не нужно изучать и рассматривать тому, кто обучен финикийским знакам Кадма»>. «Финикийскими знаками Кадма» он называет буквы.

Я не буду говорить о том, что и Суда <φ787>, и Зопирион¹⁷⁸ утверждают, что буквы, скорее, называются φοινίκεια; я пропускаю свидетельства Плиния <Естественная история 7.192> и многих других, что в Грецию буквы привез Кадм. Ведь, хоть разные авторы и повторяют периодически то, что они прочли у Геродота, мне кажется, что я сделал достаточно, просто вернув ему имя источника этих сведений. Потому что важно, я полагаю, не столько перечислять свидетельства древних, сколько оценивать их значимость.

А «белая страница Мелона» он сказал в том смысле, что Нил производит папирус, из которого получаются белые страницы. А Нил древние латиняне, когда они еще не привыкли к греческому языку, называли Мелоном, как объясняет Помпей под словом *alumento* <Помпей Фест, О значении слов 16.29 Lindsay>. Хотя в большинстве копий не «Мелон», а «Милон», ошибочно и невежественно. Поэтому я подкреплю слабый (если он кому покажется таковым) авторитет Феста, сославшись на Сервия, который в комментариях к первой книге «Энеиды» <1.741> пишет так: «“Атлант”, конечно, греческое слово, как и “Нил”. Ведь Энний пишет, что Нил называется Мелоном, а Атлант — Теломоном». Так у Сервия¹⁷⁹.

Наконец, в значении «чернила, которыми выведены буквы», я понимаю слово «каракатица» также у Персия <Сатиры 3.13>: «Что черная каракатица выцветает от разлития воды». Имеется в виду природа этой рыбы, про которую рассказывают, что она выбрасывает из себя черную жидкость. И из этой жидкости, может быть, раньше и делали чернила. Поэтому Марциан пишет <Марциан Капелла, О браке Филологии и Меркурия 3.224>: «А затем, как, нанося с помощью тростинок некую черненькую пыль, которая считается сделанной из сажи или из выделений каракатицы, исцелять их».

А *furvus* («темный») значит «черный»: Варрон считает, что и слово *fur* <«вор»> отсюда происходит <согласно Авлу Геллию, Аттические ночи 1.18.4, и Нонию Марцеллу, О кратком пути усвоения науки 50 Mercier>. Но и Гораций

¹⁷⁸ Вероятно, имеется в виду грамматик — персонаж «Застольных бесед» Плутарха (9.3). Правда, реплика о том, что «первые буквы названы “финикийскими” (φοινίκεια) из-за Кадма», в этой главе принадлежит не ему, а другому собеседнику, Гермею. Но Полициано здесь, вероятно, важнее назвать имя, которое уж точно никому не известно: если бы я захотел продемонстрировать всю свою ученость, имеет в виду Полициано, то там были бы такие авторы, о которых вы вовсе никогда не слыхали.

¹⁷⁹ Такого рода оговорки в конце цитат имеют техническую функцию: в изданиях «Смеси» не использовались кавычки, и конец длинной цитаты нужно было как-то обозначить.

по той же причине¹⁸⁰ говорит <Оды 2.13.21>: «Царство темной (*furvae*) Прозерпины». И Валерий Максим объясняет <Памятные деяния и высказывания 2.4.5> про «темных (*furvas*) жертвенных животных», приносимых в жертву отцу Диту, что это значит «черные» (но уже и до него то же самое объяснение дает Варрон <согласно Авлу Геллию, Аттические ночи 1.18.4, и Нонию Марцеллу, О кратком пути усвоения науки 50 Mercier>)¹⁸¹.

Ну а «книдские узлы» понимай в том смысле, что книдские каламы «считаются более качественными», как утверждает Плиний в шестнадцатой книге «Естественной истории» <16.157>. Это Авсоний все пытается подражать Персию, говоря «узлы», потому что и тот написал <Сатиры 3.11>: «В руки берешь бумагу и узловатую тростинку»¹⁸².

¹⁸⁰ Видимо, просто по той причине, что *furvus* значит «черный».

¹⁸¹ Возможно, Полициано имеет в виду, что текст Валерия Максима по поводу слова *furvus* вообще зависит от Варрона (так же как свидетельства о том, что алфавит привез Кадм, Полициано возводит к Геродоту). В тех пассажах, где у Авла Геллия и Нония Марцелла говорится, что Варрон глоссирует *furvus* как «черный», речи о жертвах не идет, но зато от Варрона сохранился у Цензорина (О дне рождения 17.8) очень похожий на текст Валерия Максима фрагмент о принесении «темных (*furvae*) жертвенных животных» «отцу Диту», правда, без упоминания о значении слова *furvus*: может быть, Полициано имел в виду, что два фрагмента Варрона исходно были одним текстом, и Валерий Максим просто пересказывает его. Иногда Полициано не излагает до конца свои аргументы и идеи (ср. примеч. 126 о не указанной в главе 6 параллели из Феста, наверняка известной Полициано), проявляя своего рода щедрость ученого (кое-что я оставляю читателям додумать и найти самим — у меня достаточно много других вещей, которые я могу рассказать, чтобы мне не нужно было мелочиться).

¹⁸² Эта глава удобна для рассмотрения специфики техники Полициано, потому что сохранился текст ровно на ту же тему, написанный (вроде бы) независимо от Полициано — глава из «Ста заметок» Филиппо Бероальдо Старшего (1488 г.; в этом собрании главы не нумерованы и их даже на самом деле не ровно сто, а 104). Естественно, такая близость к тексту Полициано (вплоть до жанра «сотни заметок» и содержания отдельных глав) выглядела подозрительно; Полициано (не называя имени) пишет о тексте Бероальдо в не переведенном нами послесловии к «Смеси» после того, как ответил на ходящие в народе обвинения в свой собственный адрес в присвоении славы еще не опубликованного «Рога изобилия» Никколо Перотти (когда в 1489 г. обросший легендами «Рог изобилия» наконец был опубликован, оказалось, что это просто комментарий к Марциалу). К Бероальдо Полициано, видимо, был настроен дружелюбно, поэтому пишет, что никакого плагиата со стороны Бероальдо не было, — ну, может, он разве что развил какие-то мысли, высказанные Полициано в лекциях. Но не исключено, что в этих словах Полициано следует видеть, наоборот, намек, что плагиат как раз был, и формулировки Бероальдо иногда наводят на эту мысль. Так или иначе, заметки двух авторов об этом месте из Авсония послужили удобным материалом для анализа Энтони Графтона (*Grafton A. On the Scholarship of Politian and its Context*); суть выводов Графтона в том, что, если Бероальдо просто бессистемно приводит множество свидетельств (и останавливается просто с оговоркой, что не будет приводить все имеющиеся свидетельства), то Полициано в сборе параллелей следует принципу, похожему на его метод обращения с рукописями: свидетельства также выстраиваются в иерархическую систему, выделяется исходный источник, а все остальное «элиминируется». Приведем для наглядности сам текст этой заметки Бероальдо: «У Авсония в послании к Теону есть загадка. В ней он символически и скрытым образом называет буквы «дочерьми Кадма», нильский папирус — «страницей Мелона», диакритики <*apices* — хотя, судя по дальнейшему тексту, Бероальдо, может быть, на основании какого-то неправильно понятого текста считал, что это слово значит «буквы», написанные чернилами, — «знаками черной каракатицы», а вместо «любовные стишки» говорит «книдские напевчики» <*Cnidios modulos* — видимо, альтернативная поправка Бероальдо вместо метрически невозможного *modos*>. А чтобы каждую загадку пояснить по отдельности и сделать понятными эти темные выражения, он называет буквы «дочерьми Кадма» потому, что про Кадма рассказывают, будто он был изобретателем букв.

ГЛАВА 100

ЧТО ОЗНАЧАЮТ У МАРОНА СЛОВА «МОЛЧАНИЕ ЛУНЫ»
И У ГОРАЦИЯ — «МОЛЧАЛИВАЯ ДЕВА», И ОПРОВЕРЖЕНИЕ МНЕНИЙ
СЕРВИЯ И АКРОНА ПО ЭТИМ ВОПРОСАМ

Вергилий говорит во второй книге «Энеиды» <2.255>: «При благоприятном молчании тихой луны». И Сервий пишет: «А нужно знать, что Троя была взята при седьмой луне¹⁸³. В Аргосе этой луне установлен памятник. Поэтому он и говорит <Энеида 2.340>: “Прибывшие при лунном свете”, — а в другом месте <2.397>: “Темною ночью”. Слова “тихой луны” либо, в согласии с поэтической манерой выражаться, обозначают ночь, либо же он так выразился, имея в виду естественную философию. В частности, существует семь сфер: Сатурна, Юпитера, Марса, Солнца, Венеры, Меркурия, Луны. И первая, то есть сфера Сатурна, издает очень громкий шум, остальные — чем дальше от Сатурна, тем меньше. То же самое явление мы встречаем и в кифаре, у которой последняя струна звучит слабее прочих». Это все Сервий.

Я бы хотел спросить у Сервия, почему это луна «благоприятна» для тех, кто старается остаться незамеченным и обмануть?¹⁸⁴ И еще — будет ли он выражение

Плиний в седьмой книге “О естественной истории” <7.192> рассказывает, что “Кадм привез из Финикии в Грецию шестнадцать букв”. Поэтому древние греки называли буквы “финикийскими”, как свидетельствует Геродот в “Терпсихоре” <История 5.59>. Тот же самый писатель сообщает, что “сам видел в храме Аполлона Кадмовы буквы, выгравированные на каких-то треножниках и по большей части похожие на ионийские”. И еще также Корнелий Тацит полагает, что изобретателем букв был Кадм, “когда греческие народы еще были дикими” <Тацит, Анналы 11.14>. Я не забыл и о том, что у других писателей есть иные сообщения о происхождении букв, но сейчас мы их опустим, поскольку к нашему делу они отношения не имеют. “Черненькими” он называет буквы, удачно выбрав эпитет, потому, что они состоят из писчих чернил. А “страницей Мелона” он именует папирус, поскольку тот “рождается прежде всего в болотистых местностях Египта, или когда воды Нила возвращаются в русло”, как сообщает Плиний в тринадцатой книге <Естественная история 13.71>. Поэтому достойные подражания писатели называют папирус нильским (*Niliaca et Nilotica*). А Мелон у древних латинян назывался Нил, как Атлант Теламоном, по сообщению Сервия <Комментарий к Энеиде 1.741> и Феста <О значении слов 16.29 Lindsay>. Под “знаками черной каракатицы” следует понимать сами буквы, выписанные чернилами: ведь у каракатицы вместо крови чернила. Когда она чувствует, что ее схватили, она обычно выпускает их и таким образом скрывается в окрашенной воде, как рассказывают Плиний <Естественная история 9.84> и Аристотель <История животных 9.147>. Поэтому под “каракатицей” мы понимаем чернила; так же употребляет это слово и Персий в этом стихе <Сатиры 3.13>: “Что черная каракатица выцветает от разлития воды”. А что он говорит “книдские напевчики”, то это следует понимать как “любовные стихи”, потому что Венера — “царица Книда и Пафа”, как говорит Гораций <Ода 1.30.1>» (*Marci Antonii Sabellici Annotationes veteres et recentes ex Plinio, Livio et pluribus authoribus; Philippi Beroaldi Annotationes centum; Eiusdem Contra Servium grammaticum libellus; Eiusdem Castigationes in Plinium; Eiusdem etiam Appendix annotamentorum; Joannis Baptiste Pii Bononiensis Annotationes; Angeli Politiani Miscellaneorum centuria una; Domitii Calderini Observationes quaedam; Eiusdem Politiani Panepistemon; Eiusdem Praelectio in Aristotelem, cui titulus est Lamia; Joannis Baptiste Egnatii Veneti Racemationes. <Venetiis?, 1503?> Fol. F. iii r–v*).

¹⁸³ То есть на седьмой день после новолуния.

¹⁸⁴ Рассматриваемое Полициано выражение употребляется Вергилием при описании ночного приближения греков к Трое перед взятием города. «Благоприятная» скорее должно значить «благоприятная для

«молчащая луна» у Марка Катона <О земледелии 29.1; 40.1; 50.1>, и еще у Плиния <Естественная история 16.190; 18.314; 18.318; 28.77>, также связывать с музыкой сфер?

А то, что он говорит про кифару, будто у нее последняя струна звучит слабее, то это будет правдой, только если считать последней не нижнюю, а верхнюю струну, которая по-гречески называется «гипата» <т. е. ὑπάτη «верхняя»>¹⁸⁵ и производит более низкий звук. А другая, нижняя, самая тонкая, которую я вообще с большей охотой назвал бы «последней», издает звук высокий, и кажется, что такой звук сильнее, потому что он устремляется прямо, как пишет Феофраст во второй книге «О музыке», согласно свидетельству Порфирия в комментариях, написанных им к «Гармонике» Птолемея <64.15–19 Düring>. А низкий звук, говорит он, хуже слышен потому, что рассеивается вокруг.

А утверждение, которое мы находим и у Макробия, и у других, — что сфера Сатурна вращается быстрее всего и поэтому издает самый низкий звук¹⁸⁶, — я думаю, не найдет никакого одобрения у Платона¹⁸⁷ ни в «Тимее» <39a2–3>, ни в «Государстве» <617a7–b3>: Платон пишет, что сфера Сатурна — самая медленная, хотя это, может быть, связано с большей длиной окружности, по которой Сатурн движется. Но уж Аристотель-то точно во второй книге «О небе» <291a34–b10> говорит, что внешние сферы движутся медленнее, потому что их больше замедляет встречное движение восьмой сферы, сферы звезд¹⁸⁸. Так вот, чтобы не излагать мнения Александра, Симпликия¹⁸⁹ и других, более поздних, авторов по этому поводу, — если читателю угодно принять за совершеннейшую истину теорию Макробия, то нужно считать, что речь идет о дневном обороте, который без всякого сомнения на самом верху окажется самым быстрым и поспешным¹⁹⁰.

греков». Полициано имеет в виду, что для греков было бы как раз благоприятнее, если бы ночь нападения на Трои была безлунной (и еще, возможно, не была тихой).

¹⁸⁵ Подразумевается, что в древнегреческой музыкальной терминологии не она, а именно нижняя струна называлась *υᾤατή*, букв. «последняя».

¹⁸⁶ Это действительно был достаточно распространенный взгляд, может быть связанный с пифагореизмом (см.: *Burkert W. Lore and Science in Ancient Pythagoreanism* / tr. by E. L. Minar Jr. Cambridge (Massachusetts), 1972. P. 336), но Макробию эту идею Полициано приписывает, как кажется, просто по ошибке (ср.: Макробий, Комментарий к сну Сципиона 21.6: «Известно, что никакая из сфер не движется быстрее или медленнее других»).

¹⁸⁷ Независимо от того, насколько корректно считать платоником самого Полициано (см. вступление), к Платону он всегда относился с большим пиететом: ср. с настоящим пассажем письмо Полициано к Бартоломео Скала «в защиту стоика (!) Эпиктета» (1479), где аргументацию против утверждения Скалы, что человек — это и тело, и душа (а значит, он властен над своим телом, и поучения Эпиктета ему не нужны), Полициано основывает исключительно на том, что Платон же считает, что человек — это только душа, но не тело (см.: *Полициано А. Письмо Анджеоло Полициано в защиту стоика Эпиктета*).

¹⁸⁸ Полициано не оговаривает, что Аристотель при этом отрицает существование музыки сфер.

¹⁸⁹ Александр Афродисийский и Симпликий — позднеантичные комментаторы Аристотеля.

¹⁹⁰ Поскольку древние замечали годовое движение солнца по зодиакальному кругу, в геоцентрической системе оборот солнца вокруг земли происходит за год, и для объяснения смены дня и ночи нужно вво-

Но, разделившись с ошибочной, как я полагаю, и совершенно ненужной сервиевской демонстрацией, какой он тонкий знаток, я скорее выступаю за то, чтобы понимать «молчание тихой луны» в том самом смысле, в котором говорят о «молчащей луне»: то есть что конкретно в этот момент луна совсем не светила, чтобы хитрости проще было остаться незамеченной. Получается такой очень красивый и изящный перенос образа со слуха на зрение. Ведь как при молчании ничего не слышно, так в темноте ничего не видно.

Вот Плиний и пишет в шестнадцатой книге «Естественной истории» <16.190>, что день схождения луны с солнцем «одни называют днем молчащей луны, а другие — новолунием»; и он же пишет в восемнадцатой книге <18.314>: «А сеять его рекомендуют при молчащей луне». И Марк Катон также в книге «О земледелии» советует то «вывозить навоз при молчащей луне» <29.1>, то, опять же, «при молчащей луне прививать фиговые деревья, оливы, яблони и груши» <40.1>, то наконец еще «луга удобрять ранней весной» при все той же «молчащей луне» <50.1>. И было бы смешно относить эти слова Катона и Плиния к музыке светил или в совершенно древнем и давно ставшим общепринятым выражении искать такого рода хитрости значения.

И я лично, как я сказал, и в этом месте тоже понял бы «молчащую луну» в том смысле, что в этот момент луна совсем не светила — а грекам как раз и была нужна безлунная ночь. Но я не хочу толковать место таким образом, чтобы резать по живому¹⁹¹ и считать, что имеется в виду прямо само схождение луны с солнцем, когда всю ночь стоит сплошная тьма¹⁹²: ведь такая гипотеза все-таки никак не выдерживает критики, потому что дальше поэт говорит <Энеида 2.340>: «Прибывшие при лунном свете». Получается, луна еще не светила в тот момент, когда они вечером подплывали с Тенедоса, а стала светить тогда, когда они уже заняли город. Так что, я думаю, это была не поздняя луна¹⁹³ и не луна, которая светит всю ночь, и уж совсем не схождение луны с солнцем, но думаю, что скорее это просто был отрезок времени, на протяжении которого луны не было видно¹⁹⁴.

дить дополнительное объяснение: либо вращение земли вокруг своей оси (эту идею защищал, например, Николай Орезмский в XIV в.), либо дополнительное общее обращение небесной сферы целиком вокруг земли, так что все сферы совершают полный оборот за одно и то же время (этот вариант предпочитали Аристотель и Птолемей). Полициано имеет в виду второй вариант; тогда получается, что точка на внешней сфере проходит за то же самое время больший путь, чем точки более близких к земле сфер, и значит, внешняя сфера автоматически движется быстрее. Но Полициано, возможно, при этом имеет в виду, что музыка сфер производится не общим обращением неба, а самостоятельным движением отдельных сфер, а значит, утверждение Сервия оказывается ошибочным даже при такой интерпретации.

¹⁹¹ *Ad vivum reseces*: в таком значении фразеологизм взят из Цицерона, О дружбе 18.

¹⁹² То есть новолуние.

¹⁹³ Видимо, в смысле «поздно взошедшая», хотя не очень понятно, чем Полициано не устроил этот вариант.

¹⁹⁴ Эта интерпретация Полициано (также появляющаяся в комментарии Ландино — см. выше примеч. 14) тоже имела скандальную славу (Иосиф Скалигер писал о ней, что «ученейший Полициано в этом месте, против своего

Ведь часто у поэтов какое-нибудь слово означает больше, чем кажется. Вот по этой причине я и написал в «Селянине» <461>: «Что значит Феба молчащая, что значит Феба новолунная»¹⁹⁵.

Но не будет глупостью, если, кроме значения, относящегося ко времени¹⁹⁶, кто-то захочет увидеть в эпитете такой смысл: «молчание луны благоприятно» потому, что при гадании тоже, как пишет Цицерон <О дивинации 2.72>, «молчанием» называется отсутствие неблагоприятных знамений.

А как Акрон изыскан и находчив! Он пишет, разъясняя вот это место Горация из второй книги «Од» <на самом деле Оды 3.30.8–9>: «Пока на Капитолий будет всходить жрец с молчаливою девою», — что «молчаливая дева» значит «сияющая (clara) благородством жреческого сана», и, чтобы убедить в этом дураков¹⁹⁷, он еще и некорректно ссылается на авторитет Марона: что, мол, Марон сказал «При благоприятном молчании тихой луны». Как будто и тут «тихую луну» нужно понимать как «сияющую» (clara). Видимо, не читал Акрон хотя бы у Дионисия, автора римской истории <Дионисий Галикарнасский, Римские древности 2.66.2>, и у Плутарха <Нума 9, Камилл 20>, и у многих других, что совершенно от всех скрыто, какие такие все-таки обряды или священные изображения были предметом попечения весталок: так что за само за то, что не выдавала тайн, и названа «молчаливой» та дева, «которой одной только дозволено видеть троянскую Минерву» <Лукан, Гражданская война 1.598>.

обыкновения, пускается в какие-то гадания на кофейной гуще по поводу молчания луны», *Iosephi Scaligeri Iuli Caesaris F. Opus de emendatione temporum... Coloniae Allobrogum, 1629. P. 378C*; немецкий ученый XVII в. Каспар фон Барт писал по поводу этого места Вергилия, что «зря утруждают те, кто выискивает слишком глубоко спрятанные смыслы», *Publii Papinii Statii Quae exstant: Caspar Barthius recensuit, et animadversionibus locupletissimis illustravit. Cygneae, 1664. P. 281*). В XX в. к этой идее Полициано периодически предлагали вернуться, в первую очередь *Cram R. V. On a Verse in Vergil Aeneid II.255 and the Post-Homeric Tradition Concerning the Capture of Troy // Classical Philology. Vol. XXXI. 1936. P. 253–259*, который указал, что аналогичный троп также встречается два раза у Данте (Ад 1.60 *là dove 'l sol tace* («туда, где солнце молчит»)) и Ад 5.28 *loco d'ogne luce muto* («место, немое в отношении всякого света»), и предположил, что Данте предвосхитил полициановскую интерпретацию этого места у Вергилия и делает аллюзию на пассаж из «Энеиды». Но эта гипотеза, пожалуй, не выглядит особенно убедительной.

¹⁹⁵ Разобрав хитрый троп, Полициано тут же указывает на место в собственных стихотворениях, где он делает отсылку к этой самой интерпретации. В силлье «Селянин» речь идет о том, что умудренный сельской жизнью человек знает множество вещей, и среди них знает, «что значит Феба <т. е. луна> молчащая, что значит Феба новолунная» (*quidque silens moneat, quidque intermenstrua Phoebe*) — имеется в виду: какую погоду новолуние предвещает и на необходимость каких хозяйственных действий оно указывает селянину. На первый взгляд это просто такая отсылка к Вергилию (Георгики 1.353: чтобы люди могли предсказывать погоду, Юпитер постановил, «что значит меняющаяся по ходу месяца луна», *quid menstrua luna moneret*). Но на самом деле, «что значит «Феба молчащая»», если вставить кавычки, — это как раз тема настоящей главы «Смеси» Полициано; получается, что настоящая мудрость связана и с более глубоким знанием скрытого за поверхностью вещей, и в этом смысле Полициано сам оказывается «мудрым селянином».

¹⁹⁶ То есть «благоприятная» в смысле «выполняющая в нужный момент желаемые действия».

¹⁹⁷ *Ut hoc ineptis persuadeat*: может быть, текст стоит поправить и читать *ut hoc ineptius persuadeat* («чтобы его аргументация выглядела еще более нелепой»).

ЧАСТЬ IV

ГЕРМЕНЕВТИКА

Глава 17

«Иероглифика» Пиерио Валериано: египтомания, не ставшая египтологией

(М. В. Шумилин)

В 2005 г. вышла в свет достаточно резонансная монография египетского ученого О. Эль Дали, в которой доказывалось, что средневековые арабы, вопреки существующему стереотипу¹, активно интересовались египетскими древностями, изучали памятники, писали руководства по расхищению гробниц и даже чуть ли не расшифровывали иероглифическое письмо². Формулировка «чуть не расшифровали», по-видимому, выдает желаемое за действительное³, но, во всяком случае, какие-то попытки расшифровки действительно предпринимались.

Поскольку Эль Дали приводит страницы из средневековых арабских рукописей с таблицами, соотносящими иероглифы и арабские буквы, но не разбирает конкретное содержание таблиц, стоит рассмотреть пару примеров поподробнее. Так, один из алфавитов, используемых в XIII в. алхимистом Абу аль-Касимом аль-Ираки в его «Книге стран» (*Kitab al-Aqalim*), представлен на Fol. 21v рукописи British Library, MS Add. 25724. В верхней и нижней части страницы некие иероглифические (по крайней мере, отчасти) знаки соотносятся с арабскими буквами, однако записан не алфавит как система, а некое подобие текста на нем (звуки и буквы повторяются, причем одному звуку могут соответствовать несколько разных букв); прочесть его как арабский текст, впрочем, не удастся. Аль-Ираки — алхимист, и его, конечно, скорее просто интересовала возможность составить лишний тайный язык на основе иероглифов. Любопытное совпадение, как кажется, только одно, и то приблизительное: знак соотнесен с h (ларингалом), в то время как его явный иероглифический источник обозначал звук ħ (фарингал). Очевидно, ни о какой расшифровке тут речи нет. Показательно, что в другом месте аль-Ираки, по-видимому, пользуется уже другим «египетским» алфавитом.

¹ Некоторые арабские тексты, описывающие, например, египетские пирамиды, конечно, были известны и ранее, на русском языке см.: *Томсинов В. А.* Краткая история египтологии. М., 2004. Гл. 3, § 1; ср. также: *Haarmann U.* Medieval Muslim Perceptions of Ancient Egypt // *Ancient Egyptian Literature: History and Forms* / ed. by A. Loprieno. Leiden, 1996. P. 605–627.

² *El Daly O.* Egyptology: The Missing Millennium. *Ancient Egypt in Medieval Arabic Writings*. London, 2005.

³ См.: *Eyma A. K.* <Review of> *El Daly O.* Op. cit. // *Egyptologists' Electronic Forum*. 2005 (<http://www.egyptologyforum.org/reviews/Missing1000.html>).

Обратимся к более древнему и более «научнообразному» примеру – алфавиту из «Книги о страсти неистового энтузиаста разобраться в загадках древних письмен» (*Kitab Shawq al Mustaham fi ma'rifat rumuz al-aqlam*) иракского ученого Ибн Вахшии (рубеж IX–X вв.), по Fol. 92v–93v рукописи Paris, Bibliothèque Nationale, MS Arabe 6805⁴. На этот раз перед нами уже система, одному звуку обычно соответствует одна буква. Здесь, по-видимому, «чистых» совпадений нет вообще (кроме, может быть, звука q: у Ибн Вахшии он обозначается знаком , а в древнеегипетском письме –). Их станет немного больше, если считать, что путаются похожие арабские буквы (иероглиф, подобранный Ибн Вахшией для *ج* «z» ()), на самом деле должен соответствовать *ج* «g»; уже знакомый нам иероглиф , подобранный Ибн Вахшией для *ح* «h», на самом деле должен соответствовать *ح* «h»). В одном случае выбранное соответствие, возможно, мотивировано сходством иероглифа с соответствующей арабской буквой: знак , явно подразумевающий иероглиф «*ḏ*/s», оказывается соотнесен с буквой *خ*, обозначающей глухой увулярный спирант.

Эль Дали связывает наличие некоторых совпадений с интересом Ибн Вахшии к коптскому языку, с помощью которого в XIX в. Франсуа Шампольон расшифрует египетское письмо. Но как вообще можно представить «частичную» расшифровку алфавита? Смог ли Ибн Вахшия «за кадром» установить соответствие между именами собственными в какой-то билингве, как впоследствии Томас Юнг? Или до времени иракского ученого дожила какая-то устная традиция о значениях отдельных иероглифов? Все это звучит очень неправдоподобно. Конечно, речь практически наверняка идет просто о совпадениях.

Так или иначе, некоторые важные вещи, необходимые, хотя и недостаточные для дешифровки иероглифов⁵, арабы, как мы видим, сделали:

1. предположили, что часть иероглифов имеет фонетическое значение;
2. поняли, что для понимания языка иероглифов может быть полезен коптский.

Оптимистическая интерпретация в духе Эль Дали добавит еще третий пункт – «правильно восстановили значение некоторых иероглифических знаков».

Что же мы обнаружим, если теперь обратим свой взгляд на латиноязычную Европу (ведь Эль Дали, конечно, имеет в виду, что арабы во всех этих отношениях «обскакали» европейцев Средних веков и эпохи Возрождения, которые не видели в иероглифах ничего кроме аллегорических картинок)?

⁴ Доступен английский перевод текста Ибн Вахшии начала XIX в.: *Ancient Alphabets and Hieroglyphic Characters Explained; with an Account of the Egyptian Priests, Their Classes, Initiation, and Sacrifices, in the Arabic Language by Ahmad bin Abubekr bin Wahshih; and in English by J. Hammer*. London, 1806. Обсуждаемый нами алфавит («буквы гермесянцев») в этом издании можно найти на с. 119–121 арабского текста и на с. 43–46 перевода. Стоит посмотреть в этом издании и на другие описываемые Ибн Вахшией алфавиты.

⁵ О том, как подготавливалась аналогичная теоретическая почва для расшифровок Т. Юнга и Ф. Шампольона в Европе XVIII в., см. на русском языке: *Лившиц И. Г. Дешифровка египетских иероглифов Шампольоном // Шампольон Ж.-Ф. О египетском иероглифическом алфавите / пер., ред. и коммент. И. Г. Лившица. М., 1950. С. 98–241.*

Конечно, мы найдем, что интерес к Египту в Европе начинается значительно позднее⁶; но это, в общем, и естественно. Однако, если мы приглядимся внимательнее, то увидим, что представления Эль Дали о неуспехе европейцев Возрождения в изучении иероглифики тоже упрощенны и стереотипны.

(1) Гадательные фонетические соответствия некоторым иероглифам в Европе XVI–XVII вв. также предлагались⁷. В частности, им посвящены переведенные

⁶ Умберто Эко (Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / пер. с ит. А. Миролюбовой. СПб., 2007. С. 151) объясняет это прохладным отношением к Египту, свойственным Аристотелю (в отличие от неоплатоников). О восприятии Египта в средневековой Европе см.: Curran B. *Egyptian Renaissance: The Afterlife of Ancient Egypt in Early Modern Italy*. Chicago; London, 2007. P. 15–64. Долгое время в египетских древностях, многие из которых сохранялись в Риме и в Средние века, просто вообще не опознавали памятников иноземного происхождения. Если раннее Средневековье еще помнило названия «obelisk» и «пирамида», то веке в двенадцатом обелиски обычно будут называть просто *agulia* («игла») (латинизированный вариант итальянского слова (*a*)*guglia*, восходящего к классическому латинскому *acus*); стилизованную «под Египет» пирамидальную гробницу Гая Цестия считали могилой Рема, другую пирамиду, стоявшую в Средние века вблизи замка Сант-Анджело, — могилой Ромула, Ватиканский обелиск (не иероглифический) считали могилой Цезаря, прах которого заключен в шарике на верхушке (по одной из версий, колонну для этого обелиска доставил из Соломонова храма колдун Вергилий), а еще один обелиск, в XIV в. поставленный на Капитолии (иероглифический), — могилой Августа. В таком духе трактовал египетские древности Рима еще Петрарка (в Письмах о делах повседневных 6.2 он пишет о «камне удивительного размера, опирающемся на спины бронзовых львов и посвященном божественным императорам, на верхушке которого, согласно молве, покоится прах Юлия Цезаря»; в Африке 8.928 римский проводник, перейдя вместе с карфагенскими посланцами с Марсова поля на этрусский берег Тибра, то есть на Ватиканское поле, *Romuleum immensa designat mole sepulchrum*, «показывает им чудовищную глыбу могилы Ромула»). Идентифицировать в египетском материале египетский (и, в частности, в египетских иероглифах египетские иероглифы) начинают где-то вскоре после 1420 г. Как раз примерно в это время стал доступен ряд важных древних текстов, говорящих о Египте и об иероглифике, — францисканский монах Кристофоро Буондельмонти на рубеже 1420-х привез во Флоренцию с Андроса рукопись «Иероглифики» Гореполлона, Поджо Браччолини в 1417 г. нашел в Фульде рукопись «Истории» Аммиана Марцеллина, а вскоре после того (в 1430–1450-е гг.) занялся переводом на латынь первых книг «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского. Плюс к тому, «опознанию» египетских древностей наверняка помогли путешественники — одним из них был гуманист Чириако из Анконы, который в 1436 г. даже взялся зарисовать иероглифы, в то время еще сохранявшиеся на поверхности какой-то из пирамид в Гизе (к сожалению, эта прорисовка не сохранилась), хотя сам еще все время называет иероглифы «финикийскими буквами» (*Phoenices characteres*, см.: Ibid. P. 59); но Чириако, конечно, был далеко не единственным европейцем XV в., бывавшим в Египте.

⁷ У Климента Александрийского (Строматы 5.4.20.3) есть даже прямое указание на то, что некоторые из иероглифов имеют фонетическое значение; впрочем, это, видимо, был не настолько читаемый текст, чтобы представление о существовании иероглифов с фонетическим значением быстро закрепилось (ср.: Curran B. Op. cit. P. 182 — о том, что Климента не учитывает особенно начитанный в вопросах иероглифики Филиппо Фазанини, и ниже примеч. 45 о том, что даже Валериано, похоже, не использует Климента, хотя и заявляет его в списке своих древних источников; о пассаже из Филиппо Бероальдо Старшего, создающем, по-видимому, ложное впечатление, что он использует Климента, см. ниже примеч. 49; ср. также примеч. 91). Периодические утверждения Б. Каррена (Curran B. Op. cit.) о разных итальянских авторах XIV–XV вв., что они признавали за иероглифами фонетическую функцию, все время основываются на неочевидных интерпретациях текстов (чаще всего речь идет всего-навсего о слове *litterae* («буквы»), которое, вероятно, на самом деле совсем не обязательно понимать как «буквы с фонетическим значением»). Из одного фрагмента египетского жреца и в то же время грекоязычного философа I в. н. э. Херемона, сочинения которого, к сожалению, не сохранились (Херемон, фрагмент 12 Horst = Иоанн Цец, Истолкования Илиады 1.97: «В другом месте, если вы захотите, я расскажу по Херемону и об эфиопском произношении (ἐκφωνήσεις

ниже главы 24–30 книги 47 главного свода XVI в. по иероглифике, «Иероглифики, или О священных письменах египтян» (1556) Пиерио Валериано (1477–1558)⁸. Вот что выходит у Валериано:

звук	предлагаемые иероглифические соответствия	должно быть
a	ибис (= Λ?)	 (египетский коршун)
b	овца	
g	сerp	 (подставка для сосудов)
d	Δ? (= три звезды?)	

Αἰθιοπικῶς) этих букв»), иногда делают вывод, что Херемон разбирал иероглифы с фонетическим значением (см. напр. *Crevatin F., Tedeschi G. Ideologia e scrittura: L'enigma dei geroglifici e la suprema resistenza di una cultura in estinzione*// *Horapollon l'Egiziano. Trattato sui geroglifici / testo, traduzione e commento a cura di F. Crevatin e G. Tedeschi. Napoli, 2002. P. 16*), но в принципе о «произношении» пиктограмм (то есть о том, как звучали соответствующие слова) тоже, наверное, можно говорить, и уж текст Цеца, конечно, был в эпоху Возрождения также не очень популярен.

⁸ Валериано, уроженец Беллуно, начинал как текстолог и издатель Лактанция и Вергилия. Его настоящее имя было Джампьеро Валериано Больцани; прозвище *Pierius*, буквально «Пиерийский» или «Пиериец» («Пиериды» — один из эпитетов муз, иногда связываемый с топонимом «Пиерия»), произвел от венецианского произношения его второго имени Пьетро — *Piero* — знаменитый венецианский гуманист Маркантонио Сабеллико, учитель Валериано. В своем сборнике «Любовные стихотворения» (*Amores*, 1524) Валериано напечатал эпиграмму Сабеллико по этому поводу: *Petrus eras, cum te tot Norica Saxa tenebant; / Pierus ad Venetae dictus es Urbis aquas. / At postquam Cyrrha superata Antra illa subisti / Adscribi Aoniis ut mereare choris, / Iam mihi nec Petrus neque Pierus; ista facessant, / Sed fueris vero nomine Pierius*, «Ты был Пьетро, когда жил среди бесчисленных скал Норика; у вод города венецов <= Венеции> ты получил имя Пьеро. После же того, как ты вскарабкался на Кирру и вошел в те пещеры, чтобы добиться причастности хороводам Аонии, ты для меня уже не Пьетро и не Пьеро — эти имена пусть сгинут прочь, а ты будешь носить правдивое имя Пиерио» (цит. по: *Gaisser J. H. Pierio Valeriano on the Ill Fortune of Learned Men: A Renaissance Humanist and His World. Ann Arbor, 1999. P. 282*). Беллуно, родной город Пиерио, действительно расположен в Альпах, примерно на границе римской провинции Норик; ср. во «Второй речи о древностях Беллуно» Валериано (*Ioannis Pierii Valeriani Bellunensis Hieroglyphica... Francofurti ad Moenum, 1678. P. 95* третьей пагинации): «Нет нигде такого города, который можно было бы отнести одновременно и к Италии, и к Нориду, кроме одного только нашего Беллуно». В этой эпиграмме любопытна в свете иероглифических интересов Валериано тема «правдивого языка»; Сабеллико как будто восстанавливает «истинный язык» вопреки языку конвенциональному. Ср. также: Лудовико Ариосто, Сатира 6.62–66: *altri Pietro in Piero, altri Giovanni / in Iano o in Iovian va riconciando; / quasi che 'l nome i buon giudici inganni / e quel meglio t'abbia a far poeta / che non farà lo studio de molti anni* «Один переделывает Пьетро в Пиерио, другой Джованни в Яна <речь, видимо, о Паррасии, см. примеч. 148> или Иовиана <очевидно, Понтано, см. примеч. 14 к главе 2 настоящей монографии>, как будто имя обманет добрые умы и это сделает тебя поэтом лучше, чем многолетние труды». О Валериано в целом см.: *Pellegrini P. Pierio Valeriano e la tipografia del Cinquecento: Nascita, storia e bibliografia delle opere di un umanista. Udine, 2002. Tervarent G. de. Un humaniste: Pierio Valeriano // Journal des savants. 1967. Vol. 3. P. 162–171*; о еро «Иероглифике» см.: *Rolet S. Les Hieroglyphica (1556) de Pierio Valeriano: Somme et source du langage symbolique de la Renaissance. Tours, 2000*.

Это, конечно, не такая цельная система, как у Ибн Вахшии, но зато в одном случае Валериано, возможно, даже был на верном пути – если верно предположение Ф. Сэндбека, что под ибисом Плутарх в используемом Валериано пассаже имел в виду именно египетского коршуна (см. ниже примеч. 157). Если говорить, немного упрощая, то в основе «реконструкции» Валериано лежат: 1. одно прямое указание Плутарха (а); 2. идея «естественного соответствия» звука и буквы (b); 3. идея, что греческие буквы, напоминающие иконические изображения, могут восходить к иероглифам (a, g, d – ср. интерпретацию иероглифа у Ибн Вахшии). Иезуит Атанасиус Кирхер в XVII в. разовьет третий принцип Валериано (греческие буквы происходят от похожих на них коптских, а те от египетских иероглифов) уже до цельной системы из 21 (по счету Кирхера) знака, куда он включит и пару предположений предшественника (ср. a и b у Валериано)⁹:

греческая буква	предлагаемые иероглифические соответствия	должно быть
Α		
Γ		
Δ		
Υ		-
Ο		
Λ		

⁹ *Athanasii Kircheri e Soc. Iesu. Obeliscus Pamphilius, hoc est, Interpretatio nova et hucusque intentata obelisci hieroglyphici, quem non ita pridem ex Veteri Hippodromo Antonini Caracallae Caesaris, in Agonale Forum transtulit, integritati restituit, et in Urbis Aeternae ornamentum erexit Innocentius X. Pont. Max.; In quo post variae Aegyptiacae, Chaldaicae, Hebraicae, Graecanicae Antiquitatis, doctrinaeque qua Sacrae, qua Profanae monumenta, Veterum tandem Theologia, hieroglyphicis involuta symbolis, detecta e tenebris in lucem asseritur. Romae, 1650. P. 130–132.* Для простоты в графе «должно быть» мы приводим только иероглиф, соответствующий фонетическому значению греческих букв по «эразмовскому» произношению, в фонетике коптского соответствующие звуки несколько отличаются. См. о Кирхере: *Marrone C. I geroglifici fantastici di Athanasius Kircher. Viterbo, 2002; Donadoni S. I geroglifici di Kircher// Athanasius Kircher. Il Museo del mondo/ a cura di E. Lo Sardo. Roma, 2001; Eco U. Perché Kircher?// Iconismi e mirabilia da Athanasius Kircher/ a cura di E. Lo Sardo. Roma, 1999.*

X		-
Σ/Ω		∏/-
Q (коптская б)		△ (коптская буква на самом деле восходит к иероглифическому ∩ k)
B		└
Z		—○—
Θ		-
Φ		↘
M		
Ξ		∩ ∏
N		~~~~~
P		◊
Σ		∏
T		∩

(Не нужно пояснять, что совпадений здесь снова нет.)

(2) Идея, что для понимания египетских иероглифов могут быть полезны другие языки, европейцам XVI–XVII вв. тоже приходила в голову. Иосиф Юст Скалигер (как в XVIII в. Жозеф де Гинь) считал таким языком китайский¹⁰; Атанасиус Кирхер, глав-

¹⁰ «Если и другие будут заниматься ими, возможно, в конце концов мы сможем понять иероглифы, написанные на обелисках (pyramides) в Риме. Китайское письмо – это не что иное, как иероглифы»

ный «дешифровщик» египетских иероглифов XVII в., параллельно с ними изучал как китайские иероглифы, так и коптский язык, считая первые производными от египетского письма, а второй – от египетского языка¹¹. Когда стали известны «мексиканские» (т.е. ацтекские) письмена, в качестве типологического аналога стали привлекать и их¹².

(*Scaligerana ou Bon mots, rencontres agreables, et remarques judicieuses et sçavantes de J. Scaliger*. À Cologne, 1695. P. 312). Сведения о китайском и японском письме стали поступать в Европу на рубеже XVI–XVII вв.: *Simone R. The Early Modern Period // History of Linguistics*. Vol. III: Renaissance and Early Modern Linguistics / ed. by G. Lepschy. London; New York, 1998. P. 160–161. Впервые воспроизведены в европейской печати китайские иероглифы были в: <*Mendoça J. G.*> *Historia de las cosas mas notables, ritos y costumbres, del gran reyno dela China, sabidas assi por los libros delos mesmos Chinas, como per relacion de religiosos y otras personas que an estado en el dicho reyno / hecha e ordenada por el muy R. P. Maestro Fr. Ioan Gonzalez Mendoça dela Orden de S. Agustin...* En Roma, 1585. P. 104–107. О влиянии китайских иероглифов на европейскую мысль см.: *Pinot V. La Chine et la formation de l'esprit philosophique en France: 1640–1740*. Paris, 1932; *Marrone C. Le lingue utopiche*. Viterbo, 2004. P. 85–92.

¹¹ См.: *Godwin J. Athanasius Kircher: A Renaissance Man and the Quest for Lost Knowledge*. London, 1979. P. 50–65.

¹² Стоит процитировать подробнее замечательную книгу Микеле Меркати (1541–1593), знаменитого врача и минералога и, среди прочего, специалиста при дворе папы Сикста V по установке найденных в Риме египетских обелисков. Меркати излагает в этом тексте весьма экстравагантные для своего времени, но в то же время и показательные, взгляды на иероглифику. Речь идет о том, что распространение придуманной Адамом еврейской письменности (и производных от нее письменностей) не затронуло некоторые народы, поэтому в некоторых из открытых португальцами земель письма вообще нет, как в области мыса Доброй Надежды или на Сокотре. «И можно думать, – пишет Меркати, – что таких народов в прошлом было больше. И тогда некоторые, понимая, как велика необходимость найти какой-нибудь способ передавать свою мысль тем, кого нет рядом (но так, чтобы никто другой не узнал ее), или же оставлять своим потомкам память о событиях прошлого, – понимая это, они стали вместо букв использовать изображения, как природных вещей, так и рукотворных. И в простоте своей они руководствовались самой природой в изображении того, что было у них на уме. Так было принято делать у некоторых народов Скифии <ср.: Геродот, История 4.131>, а также у эфиопов, именуемых троглодитами, о которых пишет Диодор Сицилийский <ср.: Историческая библиотека 3.4.1; ср. также: Гелиодор, Эфиопика 4.8.1>; а в наше время то же самое было обнаружено в Новом Свете у обитателей Мехико, столицы Новой Испании <то есть Теночтитлана, на месте которого в 1521 г. был построен Мехико>. Поскольку им показалось слишком трудным делом рисовать фигуры целиком, или потому что так эти фигуры занимали бы слишком много места, у них вошло в привычку изображать только головы многих животных. И когда они хотели передать что-то, что этими фигурами выразить не получалось, они находили другой способ: например, желая выразить качества характера, они изображали человеческую голову, лицо которой указывало при помощи некоторых физиогномических знаков либо на доброту, либо на противоположную человеческую природу. Смерть изображали в виде человеческого черепа, и для любой другой подобной вещи у них были соответствующие изображения, которые им всем были известны, как можно видеть по двум книгам Ватиканской библиотеки, скопированным с самих мексиканских образцов <речь, видимо, об ацтекских кодексах Vaticanus 3738 и Vaticanus 3773>. И поскольку такая манера письма была грубой и простой, то и понимать написанное было очень легко, ведь каждая картинка обозначала то, что и изображала, например головы тигра, собаки, кролика, орла или ворона обозначали самих этих животных, которым принадлежали. <...> По этой причине такое письмо было очень несовершенным: и картинок много, и образовывать их трудно, и полностью выразить мысль ими часто не получается, ведь материальными предметами можно представить глазам только вид да индивида с некоторыми акциденциями. Но этого было достаточно для народов, у которых до того (как у многих других, перечисленных выше) не было вообще никакого письма, а природный инстинкт (*instinto naturale*) не позволял им дойти до боговдохновенного изобретения наших букв, слагающихся в слова. Поэтому первым, что напрашивалось для удовлетворения их

Более того, так вышло, что европейцы даже знали через коптский значение одного египетского слова¹³. В начале главы про знаки «образования» (*institutio*) у египтян (2 глава 38 книги), Валериано пишет: «Если имеющиеся у нас рукописи исправны, образование у египтян определенно называлось *SBO*». Эти сведения он почерпнул из «Иероглифики» Гореполлона (1.38). Таким словом (*sbō*) действительно называлось обучение в коптском, и оно правда восходит к египетскому слову *sb3* «обучать»¹⁴.

Итак, что же у нас выходит? Что «подготовительный этап» дешифровки иероглифов и арабами, и европейцами XVI–XVII вв. был в общем пройден — ведь «формальные показатели» примерно те же, что и накануне открытий Юнга и Шампольона (за иероглифами готовы признавать фонетические значения, к их расшифровке привлекают другие языки, и в частности коптский)? Что, появившись у тех или тех розеттский камень, и они могли бы и расшифровать иероглифику?

практических потребностей, был описанный выше способ писать картинками; и, начав им пользоваться, они останавливались на этом и уже не искали альтернативы. Так что такой способ письма — исходный и самый универсальный в соответствии с природой, а также самый простой и самый легкий для понимания. Он не предполагает никакого языка и никакого другого посредника, чтобы быть понятным, но достаточно простого представления вещей, непосредственно следующего за понятиями (*concetti*) и общего для всех людей, которое вот таким простым образом воплощается в рисунки. А потому если бы у нас не было упомянутых выше сведений, доказывающих, что наш способ письма самый древний и что его использовали первые прародители, то нам пришлось бы признать, что в соответствии с природой первым письмом, возникшим среди людей, было вот это (рисовать сам предмет, на который хочешь указать) и что всюду делали именно так, пока в результате внушения свыше (*per instincto sopranaturale*) не был изобретен более совершенный способ письма, такой, как наши буквы. <...> Нет оснований сомневаться, что египтяне первыми после потопа унаследовали истинную и совершенную манеру письма. Поэтому у них не было необходимости изобретать с помощью природного инстинкта или заимствовать у эфиопов этот другой способ письма, настолько менее совершенный, через изображение подразумеваемых вещей. Однако способ, который использовали египтяне, называемый по-гречески иероглифами, все же, как мы сейчас покажем, очень сильно отличался и по своему происхождению, и по тому, как надо читать получающиеся тексты. <...> <Желая скрыть тайное знание от народа, жрецы> решили, что нужно придумать новый способ письма, понять которое будет очень сложно и которое будет, как мы сказали, недоступно для разума черни. Это письмо в основном состояло из изображений предметов природных, а также некоторых рукотворных, как было принято у эфиопов. Но значение у этих изображений было совсем иное: для понимания их требовалось некое рассуждение, зависящее от знания разных наук» (*Mercati M. De gli obelischii di Roma. In Roma, 1589. P. 96–102*). С иероглифами сопоставляли ацтекское письмо и другие: Джон Селден в начале XVII в. написал «Кодекс Мендоса» названием «История Мексики, изложенная в изображениях, похожих на иероглифы»; Ганс Георг Гертварт фон Гогенбург в некоторых из прорисовок египетских иероглифов в своем «Тезаурусе иероглифов» (ок. 1610 г.), как кажется, старается придать им сходство с ацтекскими изображениями; обращался к ацтекским кодексам и Кирхер. Ацтекское письмо иногда классифицируют как протописьмо, оно в основном пикто- и идеографическое и плохо приспособлено для записи сложных высказываний. В некоторых кодексах оно сопровождалось записью текста на латинице или переводом (в частности, в упоминаемом Меркати кодексе *Vaticanus 3738* прилагается итальянский перевод пояснений); сопоставление такого текста с рисунками, конечно, подкрепляло и без того распространенное в Европе Возрождения представление, что иероглифы обходятся без морфологии и синтаксиса.

¹³ *Donadoni S. I «Geroglifici» di G. Pierio Valeriano // L'Egitto in Italia: Dall'Antichità al Medioevo / a cura di N. Bonacasa, M. C. Naro, E. C. Portale, A. Tullio. Roma, 1998. P. 773.*

¹⁴ *Vycichl W. Dictionnaire étymologique de la langue copte. Louvain; Paris, 1983. s.v.*

Именно на розеттском камне мы привыкли фокусировать наше внимание. «В XVII в. еще не был известен Розеттский камень», — пишет Умберто Эко, оправдывая Кирхера¹⁵. Подразумевается, что для расшифровки нужна была билингвическая надпись. Но так ли мы уверены, что у Кирхера не было своего «розеттского камня»? Про арабов говорить сложнее (где во время их власти в Египте был розеттский камень, не очень понятно — в стену крепости вблизи Розетты он был вмонтирован в конце XV в.¹⁶, — но обелиск острова Филы, второй билингвический текст, использованный Шампольоном, был в 1815 г. явно найден Джованни Бельцони на поверхности, а не раскопан¹⁷, хотя к нему, конечно, нужно было плыть 900 км по Нилу на юг из Каира). Но когда европейцам впервые стал доступен египетский текст вместе с переводом, мы можем точно сказать, и это совсем не такая поздняя дата — уже в 1589 г., когда в Риме был извлечен из земли и установлен на Пьяцца дель Пополо обелиск, получивший название «Фламиниева» (по своему новому расположению — на Пьяцца дель Пополо начинается Фламиниева дорога), некогда поставленный Августом в Большом цирке.

Этот обелиск не двуязычный, но греческий перевод его египетского текста, составленный неким Гермapiоном, приводит Аммиан Марцеллин, рассказывая о втором обелиске Большого цирка, установленном в 357 г. императором Констанцием II (История 17.4). Описываемый Аммианом в новонайденном обелиске опознали сразу же¹⁸; более того, можно предполагать, что и ранее было в общем понятно, где он находится. В описании Рима XII в. (Чудеса города Рима 638.3–4, 639.4–6 Jordan) о Большом цирке говорится следующее: «Цирк Тарквиния Древнего был удивительно красив. <...> Посередине было два обелиска (*agulie*), меньший размером в 87 футов, больший — более 122 футов». Это может значить, например, что обелиски в XII в. лежали на земле. А в 1575 г., незадолго до извлечения и установки обоих обелисков, Этьенн Дюперак отмечал на своем рисунке, изображающем место Большого цирка, точку «С. Здесь под землей лежит сломанный обелиск, который стоял посередине указанного цирка»¹⁹. Скорее всего, это значит, что работники сада, расположенного на месте Большого Цирка, периодически натыкались на куски ушедшего со временем в землю обелиска, и, скорее всего, известно об их местонахождении было и между этими двумя временными точками²⁰. Текст же Аммиана стал распространяться по Италии с 1420-х гг. Конечно, извлечь из земли города обелиск, даже если

¹⁵ Эко У. Указ. соч. С. 161.

¹⁶ Fant C. E., Reddish M. G. *Lost Treasures of the Bible: Understanding the Bible through Archaeological Artifacts in World Museums*. Grand Rapids, 2008. P. 35.

¹⁷ Ср.: Wallis Budge E. A. *Cleopatra's Needles and Other Egyptian Obelisks*. London, 1926. P. 231.

¹⁸ Mercati M. *Op. cit.* P. 387–392.

¹⁹ <Dupérac É.> I vestigi dell'antichità di Roma, raccolti e ritratti in prospettiva con ogni diligentia da Stefano du Perac Parisino... In Roma, 1621. <Tab. 11>.

²⁰ Во всяком случае, так часто бывало с другими обелисками Рима: ср.: Curran B. *Op. cit.* Passim.

ты знаешь о его местонахождении, не так просто, но в XVI в., при условии заинтересованности Папы Римского, это было технически вполне возможно. Часто этой возможностью просто пренебрегали.

Греческий перевод Германиона, конечно, не совсем буквальный, хотя конкретных соответствий между текстами все-таки достаточно много²¹. Возможно, информации все же оказалось бы недостаточно для дешифровки и наши претензии некорректны. Но пытались ли европейские ученые того времени хотя бы это проверить?

Реакция Атанасиуса Кирхера на эту идею просто полярно противоположна тому, что мы бы ожидали от исследователя иероглифов. В 1633 г. Никола-Клод Фабри де Пейреск (1580–1637) послал ему текст Аммиана, указывая в прилагаемом письме на значение перевода Германиона²². Кирхер, по-видимому, ничего не ответил Пейреску, а спустя 17 лет написал в своем «Памфилийскомobeliske»: «Аккуратно сопоставив перевод Германиона с иероглифами, изображенными на Фламиниевомobeliske, я обнаружил только то, что давно подозревал, — что перевод этот совершенно не выдерживает никакой критики»²³. И всё. Потенциальный ключ к расшифровке оказывается надменно отвергнут даже без попыток применить его.

Еще в середине XV в., на заре интереса к иероглифам, Леон Баттиста Альберти писал: «Египтяне <...> говорили, что каждый народ знает только свои письмена, и когда-нибудь знание о них будет утеряно: так произошло с нами этрусками <Альберти отождествляет этрусков с тосканцами>. Я видел раскопанные среди развалин городов или на кладбищах по Тоскане могилы, на которых были надписи, по общему мнению, этрускими буквами. Эти буквы похожи на греческие, похожи и на латинские, но вот что написано, никто не понимает. Вот египтяне и считали, что и с прочими народами произойдет то же самое, а их египетское письмо ученые мужи всего мира — а ведь только до таких имеет смысл доносить самые ценные знания — всегда смогут легко разобрать»²⁴. Две сотни лет после этого изучением столь «легкой для понимания» иероглифики занимались фактически лучшие умы Европы, а этрускологией — весьма сомнительные персонажи. И все равно даже этрускологии удалось сделать за это время несколько пусть небольших, но явных шагов вперед в де-

²¹ См. сопоставление фрагментов двух текстов в: *Wallis Budge E. A. The Mummy: A Handbook of Egyptian Funerary Archaeology*. Cambridge, 1925. P. 133.

²² *Stolzenberg D. Egyptian Oedipus: Antiquarianism, Oriental Studies and Occult Philosophy in the Work of Athanasius Kircher*. Stanford, 2003. P. 334–336.

²³ *Athanasii Kircheri Op. cit.* P. 151. Как Кирхер поясняет далее, не нравится ему в переводе Германиона не только то, что нет очевидной регулярности соответствий между текстом и иероглифами, но в особенности панегирическое содержание, не подобающее, на взгляд Кирхера, сакрально-философским иероглифическим надписям.

²⁴ *De re aedificatoria libri decem Leonis Baptistae Alberti viri clarissimi, et architecti nobilissimi, quibus omnem architectandi rationem dilucida brevitate complexus est; Recens summa diligentia capitibus disiuncti, et a foedis mendis repurgati, per Eberhardum Tappium Lunensem; Quanti hoc opus Angelus Politianus acerrimi iudicii vir fecerit, in sequenti pagina reperies*. Argentorati, 1541. Fol. 118v.

шифровке забытой письменности²⁵, а вот специалисты по иероглифам, несмотря даже на перечисленные выше «формальные показатели», оказались настолько неспособны выработать хотя бы однозначный способ читать египетские тексты, что распространившиеся на рубеже XVII в. скептики вроде Микеле Меркати уже переворачивают вверх ногами тезис Альберти: в принципе, иероглифы — особенно простой для понимания род письма, но вот египетские иероглифы, наоборот, — особенно сложный²⁶. Как так должна была развиваться эта наука, чтобы даже не опознать свой «розеттский камень»?

На самом деле уже даже из цитированных текстов видно, какая проблема стоит за этими сложностями. Дело в том, что увлечение Египтом очень быстро связалось с поиском высказываний «первомудрецов»²⁷. Идея, что язык или, например, мифология подвержены порче, существовала еще в Античности. Не может же быть, чтобы пестрые картины мифологии были «просто так», без всякого смысла. Наверно, исходно люди, придумывавшие мифологические сюжеты, закладывали в них философский смысл,

²⁵ Главным «этрускологом» Возрождения был знаменитый мистификатор и фальсификатор Анний из Витербо (Джованни Нанни, ок. 1432–1502). В частности, этруские надписи, которые он даже взялся перевести в трактате «О мраморных досках Вольтурры» (ок. 1492), были, по всей видимости, им же самим и подделаны (см.: *Curran B.* Op. cit. P. 123–124, *Collins A.* Renaissance Epigraphy and Its Legitimizing Potential: Annii of Viterbo, Etruscan Inscriptions, and the Origins of Civilisation//The Afterlife of Inscriptions: Reusing, Rediscovering, Reinventing and Revitalizing Ancient Inscriptions / ed. by A. E. Cooley. London, 2000. P. 57–76; в переводе одна из этих надписей стала свидетельством, что родной город Анния Витербо основал Ной, принявший имя Януса). Но даже несмотря на это в расшифровке этрусского Аннию удалось чего-то добиться: он правильно опознал в этрусской букве в форме О соответствие греческой Θ, разобрал повторяющееся в надписях этрусское слово *larth*, которое он считал обозначением царя, на самом деле имя собственное; см.: *Rowland I. D.* The Scarith of Scornello: A Tale of Renaissance Forgery. Chicago; London, 2004. P. 148. Свою итальянскую фамилию Нанни он перевел на латынь как «Анний», по-видимому, потому, что правильно опознал в этом имени этрусское (*Wilkinson R.* Orientalism, Aramaic and Kabbalah in the Catholic Reformation: The First Printing of the Syriac New Testament. Leiden, 2007. P. 33, *Commentaria fratris Ioannis Annii Viterbensis ordinis praedicatorum Theologiae professoris supra opera diversorum auctorum de antiquitatibus loquentium confecta. Romae, 1498. Fol. f5 r*; ср.: Псевдо-Плутарх, Малые параллельные жизнеописания 315E).

²⁶ См. текст, переведенный выше в примеч. 12. Другие яркие скептики в вопросе об успехах ренессансной дешифровки иероглифов — Лоренцо Пиньориа (1571–1631), опубликовавший в 1605 г. в Венеции трактат «Столешица Исиды», позднее Лейбниц (*Лейбниц Г. В.* Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления / предисл., пер. и примеч. В. М. Яковлева. М., 2005. С. 176–177); Джамбаттиста Вико выступал против идеи о том, что иероглифы создали философы, скрыв в них тайную мудрость (см.: *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций / пер. с ит. А. А. Губера. М.; Киев, 1994. С. 161–163); аналогичную критику находят и у Фрэнсиса Бэкона (см.: *Singer T. C.* Hieroglyphs, Real Characters, and the Idea of Natural Language in English Seventeenth-Century Thought//Language and the History of Thought/ed. by N. Struever. Rochester, 1995. P. 61–67, ключевой пассаж взят из английской версии «Достоинства и преумножения наук» (1605 г.), 2.4.3, соответствующее место в русском переводе Н. А. Федорова, сделанном по латинской версии 1623 г., — *Бэкон Ф.* Сочинения / сост. А. Л. Субботина. Т. 1. М., 1971. С. 186–187).

²⁷ Причиной послужило, кроме неоплатонической традиции, еще и само название *ἱερογλυφικά*, букв. «священнорезные (буквы)», которое на самом деле, скорее всего, просто переводит египетское название *šš nj mdw.w nṯr*, букв. «письмена божественного слова».

а уже потом поэты нарастили на этом каркасе всякую трудно поддающуюся аллегорезе «ерунду»²⁸. Язык и письмо тоже должны были придумать какие-то особенно мудрые люди — значит, в «исходной» версии эти знаковые системы должны были быть особенно разумно устроены; они должны были основываться не на случайной договоренности, а на установлении идеально разумных соответствий между знаками и сутью соответствующих им вещей. Поэтому «исходный» язык можно изучать с целью извлечь из него знания об устройстве мира. В похожей форме эти идеи были вполне знакомы и эпохе Возрождения. И изучение иероглифов обычно воспринимали именно в этом контексте. Например, «Иероглифика» Горapolлона была впервые опубликована в издательстве Альда Мануция в 1505 г. вместе вот с какими текстами: басни Эзопа и Бабрия (басня похожа на миф — тоже зашифрованная мудрость); собрание греческих пословиц (еще одна форма сохранения «в народе» мудрости «первых философов»); трактаты, содержащие аллегорические толкования мифов, — «Компендий греческой теологии» Корнута, «Гомеровские вопросы» Гераклита Аллегориста и «О невероятном» Палефата; отрывки из древних авторов, содержащие теоретические рассуждения о басне. Очевидно, что это была просто такая антология по «зашифрованной мудрости древних». Точно так же и создатель первого перевода «Иероглифики» Горapolлона на латынь (1517), Филиппо Фазанини, за два года до того опубликовал перевод того же самого Палефата²⁹ — Палефат явно воспринимался как текст «из одного набора» с Горapolлоном.

Если ищешь спрятанную в «исходном», «неиспорченном» языке (или письме) мудрость, то приходится отвечать на вопрос — какой же язык «исходный»? Проще всего, разумеется, искать ее в собственном языке; на этом принципе основывается, например, излюбленная и в античности, и в Средневековье манера объяснять «первоначальное», «правильное» значение слова через этимологию. Позднесредневековое грамматическое учение модистов делало даже более глобальные обоб-

²⁸ Этот взгляд, в частности, связывают со стоиками, см.: Long A. A. *Stoic Readings of Homer* // *Homer's Ancient Readers: The Hermeneutics of Greek Epic's Earliest Exegetes* / ed. by R. Lamberton and J. J. Keaney. Princeton, 1992. P. 41–66; ср. на русском языке: Торшилов Д. О. Композиция трактата Корнута и соотношение аллегории с этимологией // Труды Русской антропологической школы. Вып. 5. 2008. С. 522–535. В версии Валериано тоже есть такие информанты-искажители, хотя роль их могут играть уже не поэты, а другие персонажи, например философы (Иероглифика 11.4 «Падкий на кражу»: «Поэтому многие считали годным и подходящим иероглифом, чтобы человек вороватый и падкий на кражу изображался волком; и это совершенно не чуждо учению древних, и на этом особенно сходятся те философы, которые постулировали переселение душ, укрывая то более глубокое учение, которое они получили от египтян, на основании новых выдумок в оболочку сказок такого рода».

²⁹ Drysdall D. L. Filippo Fasanini and His «Explanation of Sacred Writing» // *Journal of Medieval and Renaissance Studies*. Vol. 13. 1983. P. 128–129. В принципе, похожий контекст задавался обычно уже и составом греческих рукописей Горapolлона: под одной обложкой с ним обычно оказывались тексты вроде «Картины Кебета», «Жизни Аполлона Тианского» Флавия Филострата, «Истолкования халдейских оракулов» Гемиста Плифона, разных сочинений неоплатоников (см.: *Horapollinis Niloi Hieroglyphica* / ed. ... C. Leemans. Amsterdam, 1835. P. XXV–XXVIII); если верно предположение К. Леманса, что Валериано использовал рукопись Горapolлона Vaticanus gr. 871 (см. ниже примеч. 132), то там, например, также содержатся словарь Гарпократиона и те же самые «Гомеровские вопросы» Гераклита.

щения об устройстве мироздания на основе изучения категорий латинской грамматики (*modi significandi* «способы обозначения», которые должны соответствовать *modi essendi* «способам бытия» вещей)³⁰. Например, различие в роде между латинскими словами *lapis* и *petra* (оба слова значат «камень») выделяет в реальности две различные вещи: камень, характеризующийся активным действием (поскольку слово мужского рода *lapis* этимологизируется через выражение *laedit pedem* «ударяет по стопе»), и камень, характеризующийся пассивным действием (поскольку слово женского рода *petra* этимологизируется через выражение *pede trita*, «потертая стопой»)³¹. Получается, что распределение существительных по родам содержит дополнительное знание о природе обозначаемого предмета. Но очевидно, что существительные по-разному распределяются по родам в разных языках. Что же, мы исходим из того, что Адам давал названия двум типам камней *на латыни*?

Идея, что «естественная» мудрость «первых философов» могла лучше сохраниться у других народов — у не испорченных классической культурой варваров, — также была известна уже античности³². В Средние века «другими народами» был прежде всего Восток. Наиболее естественное следствие из соображения об Адаме — увидеть «первомудрецов» в евреях, а «первоязык» — в еврейском. Действительно, еврейская культура и стала (наряду с арабской) главным объектом «первой волны» европейского интереса к Востоку, начавшейся где-то в конце двенадцатого — тринадцатом веке³³, и Возрождение часто будет тоже видеть «источник культуры» в еврейской традиции. В частности, идею, что греческое и латинское письмо происходит от еврейского (а не от финикийского, как у Геродота в Истории 5.58–59 и вслед за ним

³⁰ См. главу 5 настоящей монографии. У античных стоиков учение о грамматике тоже было тесно связано с логикой и физикой, см. на русском языке: Брюнсвиг Ж. Философия в эпоху эллинизма / пер. с фр. В. П. Гайдамака // Греческая философия / под ред. М. Канто-Спербер. М., 2008. С. 572–585.

³¹ Пример из «Модусов обозначения» Мартина Дакийского (ум. в 1304 г.; см.: Orme N. Medieval Schools: From Roman Britain to Renaissance England. New Haven, 2006. P. 96–97), над которым впоследствии будет издеваться Джованни Понтано в своем «Хароне» (ок. 1470 г., опубли. в 1491 г., Ioannis Ioviani Pontani Opera omnia soluta oratione composita. Pars II. Venetiis, 1519. Fol. 63r: «Теан. Скажи-ка мне, Меницелл, раз ты так много о себе думаешь: почему мы говорим, что *lapis* — «он», а *petra* — «она»? Меницелл. Ну, *lapis* имеет активное значение, ведь он ударяет по стопе (*laedit pedem*). А *petra*, поскольку стирается стопой (*pede teritur*), переходит в пассивный залог. Меркурий. Нет ничего глупее, чем грамматик; посмотри, какую чушь несут. На самом-то деле ведь *petra* — греческое слово, а *lapis* происходит от слова *labi* («поскальзываться») с заменой третьей буквы, поскольку на нем поскальзываются стопы идущих. Теан. Если ты так думаешь про *lapis* и *petra*, что ты мне скажешь о слове *manus* («рука») <женского рода>? Меницелл. Разве же рука не претерпевает все время что-то, будучи используемой при выполнении дела? Теан. Но вот сейчас-то она выполняет активное действие, когда я тебя бью. На, получай. Меницелл. Ох я несчастный! Теан. Чего ты несчастный? Давай объясняй, почему сведенная в кулак и наносящая удар рука не переходит в мужской род!»).

³² См., например: Momigliano A. Alien Wisdom: The Limits of Hellenization. Cambridge, 1971.

³³ См.: Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристике до конца XIV века / пер. с фр. А. Д. Бакулова. М., 2004. С. 278–295, Dahan G. Les intellectuels chrétiens et les Juifs au Moyen Age. Paris, 1990.

у большей части античных авторов), можно было найти уже, например, у Исидора Севильского (Этимологии 1.3.4)³⁴.

Когда где-то в первой половине XV в. интерес к Востоку вспыхивает снова, объектами его становятся уже и другие народы — египтяне, халдеи³⁵. Египтяне очень хорошо подходили на роль создателей первого письма — таковыми их и называет, например, Тацит (Анналы 11.14); Геродот пишет, что египтяне первыми стали «вырезать на камнях изображения» (История 2.4)³⁶. Правда, эта концепция вынуждает делать некоторые рискованные утверждения. Адам, допустим, не пользовался никакими письменами; но вот две колонны, поставленные, согласно Иосифу Флавию (Иудейские древности 1.70), потомками Сифа еще до потопа, что же, были расписаны иероглифами? Пиерио Валериано в переведенном ниже отрывке из вступительного послания к «Иероглифике» решает ответить на этот вопрос утвердительно. Собственно, это, быть может, и не звучало таким уж противоречием: ведь, если иероглифы — действительно идеально разумное письмо «первомудрецов», оно не является на самом деле «эксклюзивно» египетским. С одной стороны, обладая равной мудростью, другие народы должны в принципе быть способны

³⁴ Из упомянутых нами персонажей эпохи Возрождения эту идею будут воспроизводить, например, Меркати (см. выше примеч. 12) и — что более неожиданно — Анний из Витербо (см. выше примеч. 25), который, хотя и пытается выстроить историю, в которой Витербо будет колыбелью мировой цивилизации, делает царствовавших там этрусков (тождественных египтянам) все же только потомками евреев. Соответственно, этруское письмо (как и язык) у Анния восходит к еврейскому, и для пущей «гладкости» перехода он вводит в своих подделках два «переходных варианта» между еврейскими и этрускими буквами, которым дает имена «араратского» и «меонийского» письма (см.: Collins A. Op. cit.). Еврейский язык тоже часто называли источником греческого и латыни — подробнее см.: Эко У. Указ. соч. С. 80–123. Это был уже довольно простой логический ход, учитывая, что за еврейским, греческим и латынью постепенно закрепилась репутация трех важнейших языков для изучения, а идея, что латынь происходит от греческого (и является чем-то вроде особого греческого диалекта, наиболее близкого к эолийскому), была известна уже Античности (см.: Maltby R. Varro's Attitude to Latin Derivations from Greek // Papers of the Leeds International Latin Seminar. Vol. 7. 1993. P. 47–60). Бывали, конечно, и другие экстравагантные национальные версии генеалогии письма: например, швед Иоанн Магнус (Юхан Монссон, 1488–1544), вдохновляясь текстами Анния, доказывал, что находимые на камнях скандинавские руны (которые он называл готским алфавитом, *alphabetum Gothicum*) — ужасно древнее письмо, уж точно древнее латиницы (*Gothorum Suenonumque historia, ex probatis antiquorum monumentis collecta, et in xxiiii. libros redacta, autore Io. Magno Gotho, Archiepiscopo Upsalensi. Basileae, 1558. P. 30–32*). Магнус прилагает дешифровку рун, основанную на сходствах с латинскими буквами, в целом неправильную. В Ирландии еще в Средние века сформировалась традиция, согласно которой еврейские, греческие, латинские письмена и ирландский огам придумал после разделения языков при постройке Вавилонской башни мудрец Фениус Фарсайд (эпоним ирландских фениев), и огам «является самым правильным (*certiū*) письмом, поскольку он был придуман последним» (Учебник ученых 1134–1135).

³⁵ Dempsey C. Renaissance Hieroglyphic Studies: An Overview // Interpretation and Allegory: Antiquity to Modern Period / ed. by J. Whitman. Leiden; Boston; Köln, 2000. P. 365.

³⁶ Иногда, конечно, идея, что Египет — колыбель наук, проскакивала и в Средние века; в XII в. Оттон Фрейзингенский писал в Хронике, или Истории о двух городах 1.прол.: «Тщательный исследователь истории обнаружит, что оттуда <из Египта> наука была перенесена в Грецию, далее к римлянам и последними к французам и испанцам».

прийти к таким же знакам; с другой стороны, и египетские письма должны вмещать мудрость других народов. Авторы Возрождения особенно любили цитировать указание христианских писателей (прежде всего Руфина, Церковная история 2.39), что среди иероглифических знаков египтян был крест. Значит, нет противоречия в том, чтобы в египетских иероглифах было христианское содержание. Что «будущая жизнь» должна обозначаться именно крестом — это просто «объективное» и «естественное»³⁷ соответствие, поэтому до него мог додуматься даже языческий мудрец, если он только действительно мудрец.

У такого представления есть две важные импликации. Во-первых, границы понятия «иероглиф» размываются вплоть до включения вообще всех «естественных знаков». Собственно, за счет этого «размывания» Валериано и сделал из коротенькой книжки Горapolлона многотомную громаду своей «Иероглифики». Если он обнаруживает «естественное соответствие» между знаком и предметом, то автоматически записывает этот знак в иероглифы. (Естественно, в итоге у знаков получается часто много разных, в том числе противоречивых, значений; впрочем, эта черта была в какой-то степени свойственна уже своду Горapolлона.) Но при этом Валериано вообще не подразумевает, что отказывается от идеи разбирать *египетские* иероглифы и переключается на «иероглифы вообще». В его представлении это все равно письмо Египта: если знак «естественный», как его могло не быть в «естественном языке»?³⁸ Более того: в число «естественных знаков» должны входить и нерукотворные знаки — просто природные объекты, в которых мы можем увидеть какое-то символическое значение (можно, например, сказать, что это знаки, подаваемые Богом, — тогда это, разумеется, тоже должен быть «идеально разумный» язык). Получается, что, в сущности, весь мир — это такое иероглифическое письмо³⁹.

³⁷ Иероглифы обычно воспринимаются в XV–XVII вв. как «естественные» знаки в специфическом смысле: они подобраны «в соответствии с естеством» и поэтому правильны. Например, мы знаем, что самая быстрая птица — ястреб, и на основании этого знания природы устанавливаем, что «быстрота» должна «в соответствии с природой» обозначаться изображением ястреба. В результате «естественность» оказывается тождественна «правильности», «разумности» знаковой системы. Меркати (примеч. 12 выше), как впоследствии Фрэнсис Бэкон и Джамбаттиста Вико (см. ссылки в примеч. 26), разведет понятия «естественности» и «разумности», разрешая именно эту путаницу: «естественные» знаки — это знаки, которые возникают у людей «сами собой» в естественных условиях, что не мешает им быть очень несовершенными; скорее такая «естественность», понятая теперь как «первобытность», даже, наоборот, способствует собой примитивности.

³⁸ Правда, это не мешает ему иногда говорить, например, об иероглифе, «добавленном латинянами» (*Donadoni S. I. «Geroglifici» di G. Pierio Valeriano. P. 774, пример из главы 11.26 «Иероглифики»*). Возможно, на самом деле Валериано подразумевает, что описываемый им язык «иероглифов вообще» — *идеальный* вариант естественного языка, которому язык египетских иероглифов в принципе должен был соответствовать полностью, но на практике бывают и отступления (ср.: *Ibid. P. 775* — о формулировках вроде «говорить по-египетски» применительно к иероглифике в широком смысле слова).

³⁹ Эту идею буквально формулирует, кроме Валериано, еще, например, англичанин Джон Уэбстер в XVII в. (*Webster J. Academiarum Examen, or The Examination of Academies...* London, 1654. P. 19: «<Бог> устроил все эти вещи как такие многочисленные значимые и живые буквы (characters), или же иероглифы

Из этой формулировки вытекает и «во-вторых». Если иероглифы египтян — это примерно такие же высказывания, какие мы увидим, оглядевшись и просто посмотрев на окружающие нас сотворенные Богом предметы, то вообще, строго говоря, язык ли это? Есть ли у этих предметов какие-то аналоги морфологии и синтаксиса, можно ли самому пользоваться ими для однозначной передачи какой-то информации?⁴⁰ Конечно, это не совсем корректный вопрос, потому что Бог просто оставляет сообщения совсем иного рода, чем те, что скорее всего могут понадобиться мне. Бог, как его представляла себе традиция средневековой европейской аллегорезы, обычно закладывает в предметы какие-то высказывания об истинах Веры: например, в пеликане, раздирающем себе грудь, чтобы прокормить детей, заложено сообщение о страстях Христовых, и т.п. Синтаксисом же для таких образов может, наверное, служить просто мир в целом, он что-то вроде большой фразы из множества маленьких предложений очень похожего содержания. И обычно в этой фразе никакой специальной связи между знаками не требуется⁴¹. А вот могу ли я на аналогичном языке успешно передать что-нибудь вроде «Ушел подышать свежим воздухом, вернусь поздно»?

Оптимистично настроенные иероглифисты Возрождения ответили бы на этот вопрос положительно. Геродот (История 4.131–132) рассказывает о том, как персидский царь Дарий I получил от скифов послание, состоящее из птицы, мыши, лягушки и пяти стрел (это, собственно, уже даже не пиктография, а «предметное письмо», но его часто тоже трактовали как разновидность иероглифов). Дарий перевел это послание примерно так: «Мы отдаем тебе во власть себя самих и нашу землю (= мышь), и нашу воду (= лягушка), и отказываемся от военного сопротивления (= отдаем птицу, “которая наиболее похожа на лошадь”, и стрелы)». Тогда мудрец Гобрий поправил его, предложив следующий (как оказалось, правильный) перевод: «Если вы, персы, не улетите в небо, превратившись в птиц, или не уползете под землю, обернувшись мышами, или не упрыгаете в болота, став лягушками, то вы домой не вернетесь и падете от этих стрел». Получает-

(Hieroglyphicks) Его невидимой власти, провидения и божественной мудрости, столь легко читаемые, что те, кто откажется читать их, и через них Его Самого, не будут иметь оправдания...)» и Анри Этьенн IV в книге 1645 г. «Искусство придумывать девизы» (см.: *Singer T. C. Op. cit.* P. 61); ср. также: *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / пер. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб., 1994. С. 62–66.

⁴⁰ Ср. идею С. Донадони (*Donadoni S. I* «Geroglifici» di G. Pierio Valeriano. P. 775), что тенденция к расширительному пониманию «иероглифов» связана с установкой на то, чтобы скорее *писать*, чем *читать*.

⁴¹ Еще одним источником представления, что иероглифы — это знаки, которые могут иметь значение «автономно», вне связи с другими знаками, были изображения на древних монетах, прежде всего на монетах Римской империи. Римская нумизматика выработала специальный язык символов, которым Возрождение очень интересовалось и который оно часто трактовало как разновидность иероглифов. Из подписей на монетах можно было узнать, например, что «Свобода» (*Libertas*) изображается как женщина с шапкой вольноотпущенника в руке, а «Удача» (*Fortuna*) — как женщина с рогом изобилия. При этом «высказывания» римских реверсов (если их вообще считать «высказываниями») обычно устроены, скорее, как назывные предложения — например, просто «Свобода Августа», и все. Это опять знаки, которым не нужен синтаксис.

ся, мудрец все-таки способен однозначно и правильно проинтерпретировать такой набор на первый взгляд никак не связанных знаков — назывных предложений. Во всяком случае, так могли воспринимать этот рассказ ренессансные читатели: на самом-то деле внутри геродотовской «Истории» он, как кажется, соотносится скорее с анекдотами про неправильно понятые пророчества, а пророчества ведь как раз должны быть заведомо непонятными.

Посмотрим, как читают такие иероглифические тексты в эпоху Возрождения; начнем опять с Кирхера, которого по праву считают чем-то вроде итога иероглифических штудий Ренессанса. Обычно приводят использованный Шампольоном пример — кирхеровскую трактовку картуша «император». Картуш выглядит так (слева — прорисовка из Кирхера, справа — прорисовка из Шампольона):

У Шампольона этот текст читается так (будем использовать для указания на конкретные знаки нумерацию Кирхера): ${}_{20}A_{21}O_{22-1}T_{22-2}K_{23-1}R_{23-2}T_{24}L = \alpha\upsilon\tau\omicron\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\omega\rho$, греческое соответствие титулу «император».

А вот как выглядел перевод Кирхера: « ${}_{20}$ Осирис — ${}_{21}$ податель плодородия и всяческого произрастания, чью ${}_{22}$ силу порождения с ${}_{23}$ неба в свое царство священный ${}_{24}$ Мофта увлекает»⁴². Довольно очевидно, что некоторым словам перевода соответствий среди иероглифов просто нет (вряд ли, например, иероглиф 23 всегда значит «небо в свое царство священный»). Разобравшись в других расшифровках Кирхера, мы установим, что он читает текст примерно таким образом: « ${}_{20}$ Осирис ${}_{21}$ плодородие ${}_{22}$ сила порождения ${}_{23}$ небо ${}_{24}$ Мофта», а отсюда фраза достраивается в уже известное нам « ${}_{20}$ Осирис — ${}_{21}$ (податель) плодородия и всяческого произрастания, (чью) ${}_{22}$ силу порождения (с) ${}_{23}$ неба (в свое царство священный) ${}_{24}$ Мофта (увлекает)». Связь между элементами просто домыслена (и явно можно ее домыслить и иначе). При этом в I разделе своей «Новой и всеобщей полиграфии» (1663), предлагая искусственный общечеловеческий язык знаков, Кирхер все-таки делает знаки двухчастными — одна часть отвечает за значение, вторая соответствует латинской флексии⁴³. В его иероглифах аналогичной морфологической составляющей почему-то нет.

⁴² Athanasii Kircheri Op. cit. P. 557. Мофта — якобы египетское божество воды, изображавшееся в форме льва. Кирхер узнал о нем из некоего загадочного использованного им арабского автора, называемого по-латински Барахия Абенефий (Ibid. P. 283). Шампольон писал, что Мофта изобретен самим Кирхером (Champollion Le Jeune <J.-F.> Précis du système hiéroglyphique des anciens Égyptiens... Paris, 1828. P. 436), видимо имея в виду, что и Абенефий — мистификация, но это, кажется, было бы как раз очень не в духе Кирхера (ср.: Stolzenberg D. Op. cit.). По крайней мере, из использованных Кирхером арабских авторов «Абенвашия» явно реален и соответствует уже упоминавшемуся нами Ибн Вахшии (ср.: Gutschmid A. von. War Ibn Wahshijah ein nabatäischer Herodot? // Berichte über die Verhandlungen der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaft zu Leipzig. Philologisch-historische Classe. 1856. Bd. I–II. S. 75).

⁴³ Saussy H. Magnetic Language: Athanasius Kircher and Communication // Athanasius Kircher: The Last Man Who Knew Everything / ed. by P. Findlen. New York; London, 2004. P. 263–264.

A *Nescimus*
 B *Senescimus*
 C *Vivimus*
 D *Morimur*
 E *Natura deficio.*

Обратимся теперь к Валериано; если Кирхер — итог, то Валериано, вероятно, следует назвать точкой расцвета иероглифики Возрождения. Валериано вообще редко разбирает реальные надписи (в этом отношении наукообразные установки Кирхера уже удалились от практик XVI в.). На самом деле надписей (причем взятых не с материальных объектов, а из описаний)⁴⁴ в его своде приведено всего три. Одна из них воспроизведена ниже в переводе главы 29.17: Осирис (= ястреб) + власть (= змея) + Тифон (= гиппопотам) => «Нечестивость подчиняется добродетели». Вторая прилагается к главе 31.6 (см. рис. слева): «Мы рождаемся (= голова ребенка), мы стареем (= голова старца), мы живем (= коршун), мы умираем (= рыба) в результате разлада природы (= гиппопотам)»⁴⁵. Третий пример — из главы 34.21, реконструкция описываемой Геродотом стелы Сесостриса⁴⁶ (см. рис. на следующей странице): Подпись гласит «Победил сильных оружием, а слабых — славой», читается, видимо, примерно так: «Сесострис

⁴⁴ Визуальный ряд «Иероглифики» Валериано — это, таким образом, набор реконструкций. Теоретически за иллюстрации мог отвечать издатель, но похоже, что в данном случае иллюстратор тесно контактировал с автором (см.: Curran B. Op. cit. P. 231). Вообще работа с иероглифами, в которой всегда важен визуальный ряд, явно все время подразумевала особо тесное взаимодействие ученого и иллюстратора, от «Гипнэротомии Полифила» до трудов Кирхера.

⁴⁵ Согласно Клименту Александрийскому (Строматы 5.7.41–42), этот иероглифический текст был изображен на пилоне в Диосполе, а согласно Плутарху (Об Исиде и Осирисе 363F–364A) — высечен у входа в храм Афины в Саисе. Однако, как отмечает Б. Каррен (Curran B. Op. cit. P. 368, п. 17), по этому примеру хорошо видно, что Валериано, похоже, не использует текст Климента (ср. выше примеч. 7). Последнее изображение Валериано вслед за Плутархом описывает как гиппопотама, в то время как у Климента на этом месте упомянут крокодил. При этом у обоих авторов приводится «перевод» надписи, к которому Валериано, однако, почему-то не обращается. Очевидно, причина в том, что в тексте Плутарха этот «перевод» сильно попорчен и его приходится восстанавливать на основании Климента. Значит, Климента Валериано, скорее всего, действительно не использует. Толкование Климента и Плутарха выглядит так: «О рождающиеся (= ребенок) и умирающие (= старик), бог (= коршун) ненавидит (= рыба) бесстыдство (= крокодил/гиппопотам)». (Crevatin F., Tedeschi G. Op. cit. P. 12 реконструируют такой стоящий за этими описаниями иероглифический текст — бессмысленный, но состоящий из реальных иероглифических знаков:).

⁴⁶ На самом деле у Геродота (История 2.102) говорится о Сесострисе вот что: «Когда он сталкивался с народами сильными и отчаянно сражающимися за свободу, то ставил на их земле стелы, на которых было написано его имя, имя его родины, и что он покорил эти народы своею силой. А чьими городами он овладевал без сопротивления и легко, у тех он ставил такие же стелы, что и у мужественных народов, но только еще дополнительно изображал на стелах женский срам, чтобы всем было ясно, что они слабы». Валериано достраивает фразу до симметричной (сила = мужские гениталии), в результате становится не совсем понятно, что это — вторая из описываемых Геродотом стел или какой-то синтетический вариант, замещающий обе стелы сразу?

(= орел) победил (= лук) сильных (= пенис) оружием (= нож), а слабых (= влагалище) — славой (= молния?)⁴⁷».

Есть ли в таких текстах указания на то, как именно знаки относятся друг к другу? Последние лет сорок ученые, занимающиеся иероглификой Ренессанса, стали часто подчеркивать, что некоторые такие указания, некие подоби́я синтаксических элементов, в иероглифах эпохи Возрождения все-таки были⁴⁸. Например, из сопоставления иероглифических текстов романа «Гипнэротомехия Полифила» (вероятно, Франческо Колонны) с прилагающимися расшифровками можно установить, что функцию сочинительного союза, по-видимому, выполняют ленточки⁴⁹, связывающие соседние знаки, а множественное число обозначается удвоением изображения⁵⁰. Еще один знаменитый пример — текст,

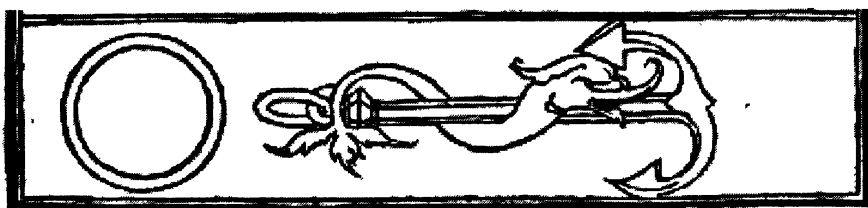
⁴⁷ Как молнию интерпретирует предпоследнее изображение С. Донадони (*Donadoni S. I «Geroglifici» di G. Pierio Valeriano. P. 774*); Валериано указывает, что молния имеет значение «слава», в главе 43.27. Альтернативных интерпретаций этого знака на материале «Иероглифики» построить не получается.

⁴⁸ См.: *Dempsey C. Op. cit., Russell D. Emblems and Hieroglyphics: Some Observations on the Beginnings and the Nature of Emblematic Forms // Emblematica. Vol. 1. 1986. P. 227–243, Wittkower R. Hieroglyphs in the Early Renaissance // Developments in the Early Renaissance / ed. by B. S. Levy. Albany, 1972. P. 58–97.*

⁴⁹ Ч. Демпси (*Dempsey C. Op. cit. P. 372*) считает, что этот знак взят из комментария Филиппо Бероальдо Старшего к Апулею, *Метаморфозы* 11.22, однако неочевидно, что Бероальдо считает упоминаемые там «густые закорючки, наподобие усиков», сочинительными союзами (*Commentarii a Philippo Beroaldo conditi in Asinum aureum Lucii Apuleii. Venetiis, 1501. Fol. O ii r*). Вот текст Бероальдо: «Он описывает форму иератических букв (*ieraticarum litterarum*), которые соединялись и сцеплялись наподобие усиков, чтобы любопытство непосвященных неспособно было читать такой текст. Об иероглифах писал философ Херемон. Такие буквы до сих пор можно видеть в Риме на обелиске поменьше <согласно Б. Каррену, обелиск Сан-Макуто> и еще некоторые другие рядом с Пантеоном Агриппы <согласно Б. Каррену, на пьедесталах статуй львов Нектанеба I>. *a capreolatim* <«наподобие усиков»> — наречие, которое означает «сцепленно и связанно». (Чтобы получилась интерпретация Ч. Демпси, можно разве что считать, что «сцепленно и связанно» относится уже не к буквам, а к словам — но Бероальдо прямо этого не говорит.) Б. Каррен (*Curran B. Op. cit. P. 181*) полагает, что, хотя на памятниках, указываемых Бероальдо, конечно, используется обычный иероглифический шрифт, Бероальдо все же думает о каком-то теоретическом описании курсивного «иератического» шрифта. Главный кандидат тогда — это, по-видимому, Климент Александрийский, *Строматы* 5.4.20.3, однако из Климента вообще не так просто понять, что иератический шрифт должен быть курсивным (не говоря уже про «усики»), и, главное, написание *ieraticus* вообще скорее указывает, что Бероальдо знает это слово не из Климента, а из латинских глоссариев (ср., напр., глоссарий кодекса *Sangallensis* 912, VII–VIII в., i 16: «Иератические (*ieraticas*) — жреческие буквы у египтян»). Скорее всего, на самом деле у Бероальдо речь не идет ни о сочинительных союзах, ни об иератическом письме и даже Климента он вряд ли использует, ср. примеч. 7. Под «иератическими буквами» Бероальдо явно имеет в виду просто иероглифы, а «obelisk поменьше» выделяет по понятной причине — на «obelisk побольше», Ватиканском, иероглифов просто вообще не было.

⁵⁰ См.: *Curran B. Op. cit. P. 148.*

расшифрованный Полифило как ἀεὶ σπεῦδε βραδέως «Всегда спеши медленно» («де-виз» Августа, ср.: Светоний, Август 25.4)⁵¹:

Круг явно обозначает «всегда», а дельфин, обвившийся вокруг якоря (который после выхода «Гипнэротомехии» моментально стал эмблемой издательства Альда Мануция)⁵², — соответственно, скорость и замедление. Это изображение вообще взято с римских монет, вот, например, реверс денария императора Тита (RIC 2.26)⁵³:

Тем не менее можно, в принципе, сказать, что, как и в случае с ленточками, обвивание дельфина вокруг якоря в данном случае должно обозначать более тесную связь между этими двумя элементами и выделенность третьего, то есть «всегда* (спеши+медленно)», а не «(всегда+спеши)*медленно»⁵⁴.

В общем-то, хотя разновидностей всяческих других ребусов похитрее в эпоху Возрождения было достаточно⁵⁵, вот этот тип «синтаксиса» — фактически соединение элементов в «картинку» — был, наверное, самым распространенным. В сущности, он используется и у Валериано — на «стеле Сесостриса» направление лука помогает понять, кто во фразе субъект, а кто объект (получается как

⁵¹ Hypnerotomachia Polyphili, ubi humana omnia non nisi somnium esse docet, atque obiter plurima scitu sane quam digna commemorat. Venetiis, 1499. Fol. d vii r.

⁵² Эразм Роттердамский в *Adagia* (опубликованных в том же издательстве Альда в 1508 г.), глава 2.1.1, ссылается на это изображение из «Гипнэротомехии», видимо предполагая, что его автор каким-то образом использовал несохранившийся текст Херемона (Ibid. P. 157–158); в выражениях, похожих на эразмовские («Еще я видел некий рисунок...»), на то же самое изображение ссылается и Фазанини в послесловии к Гореполлону 1517 г. (Drysdall D. L. Op. cit. P. 146).

⁵³ Римляне, в свою очередь, тоже заимствовали этот символ, происходит он, видимо, из восточного Средиземноморья (Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938. P. 329) и на самом деле, скорее всего, обозначал просто что-то связанное с мореплаванием; Тит, считается, стал чеканить этот тип в связи с извержением Везувия, подразумевается, ради умиротворения Нептуна (Mattingly H., Sydenham E. A. The Roman Imperial Coinage. Vol. II: Vespasian to Hadrian. London, 1926. P. 114). И Альд, и Эразм, как следует из эразмовского текста, об этих римских монетах знали (и считали, что там «написано» «Спеши медленно»).

⁵⁴ Вероятно, другой пример такой «скобки» — рамка в иероглифическом тексте Hypnerotomachia Polyphili... Fol. c i r: выражение «жертвой богу природы» изображается как алтарь, служащий рамкой для глаза (= «бог») и коршуна (= «природа»), ср.: Pucci G. Il linguaggio dei segni. Geroglifici e semiologia delle arti visive nel Settecento // L'Egitto in Italia: Dall'Antichità al Medioevo. P. 795.

⁵⁵ См.: Dempsey C. Op. cit.

будто картинка: коршун навел лук на мужской срам), и точно так же на надписи из главы 29.17 коршун летит вниз на повернутого в противоположную сторону гипопотама — понятно, кто тут «агенс», кто «пациенс». Так же, по сути дела, устроены и многие из просто иллюстраций к «Иероглифике» Пиерио — мы не воспринимаем их как иероглифические тексты, поскольку нет изображения краев обелиска и знаки не выстраиваются в ряд, но в представлении Валериано-то это, скорее всего, тоже были иероглифы. Например, на двух иллюстрациях к главе 1.25 изображены лев, склонивший голову перед совой, с подписью «Сила отступает перед мудростью», и лев, склонивший голову перед кадуцеем, с подписью «Сила отступает перед красноречием». Такая «логика картинки»⁵⁶ возвращает нас не только к римским монетам, но и к эмблеме, которая с самого начала, конечно, зависела от теоретического осмысления иероглифов⁵⁷.

Чем больше иероглифическая надпись становится похожа на «картинку», тем ее, в общем, проще понять⁵⁸. Но как тогда быть с реальными надписями или хотя бы с теми иероглифическими текстами, которые воспроизводят модель реально-иероглифического ряда отдельных друг от друга образов? Могут ли они быть прочитаны в рамках ренессансного подхода как однозначные тексты?

Чарльз Демпси доказывает, что да — элементы «синтаксиса» плюс большая степень договоренности о значениях должны позволять это. В качестве примера он разбирает иероглифическую надпись, помещенную братьями Джентиле и Джованни Беллини на обелиске на полотне «Проповедь св. Марка в Александрии» (1504–1515)⁵⁹. Репродукция этой части картины помещена на обложке настоящей монографии. Похоже, что Беллини, хотя и не оставили никакой расшифровки надписи, подразумевали какое-то однозначное прочтение (иначе неясно, зачем вставлять среди иероглифов непонятную аббревиатуру VL).

Основываясь на сопоставлении с разными текстами об иероглифах, Демпси расшифровывает текст так: «Серapis (= извилина наверху обелиска, которую Демп-

⁵⁶ Показательно, что Анний из Витербо расшифровывал как надпись из «египетских иероглифов» просто-таки буквально картинку — некий рельеф XII–XIII вв., изображающий дерево с сидящими на нем птицами и саламандрой: *Curran B.* Op. cit. P. 123–126.

⁵⁷ Андреа Альчато (Альчати, Альциат, 1492–1550), выпустивший в 1531 г. первый сборник «Эмблем», до того в Болонье успел поучиться у упоминавшегося нами Филиппо Фазанини. Подробнее о влиянии иероглифов на эмблемы см.: *Giehlow K.* Die Hieroglyphenkunde des Humanismus in der Allegorie der Renaissance, besonders der Ehrenpforte Kaisers Maximilian I // *Jahrbuch der kunsthistorischen Sammlungen des allerhöchsten Kaiserhauses.* Bd. XXXII. 1915. S. 1–232.

⁵⁸ Возможно, с этим надо связать рассуждения Кирхера о том, что смысл в иероглифическом языке, в отличие от обычного языка, разом мудреца постигает «одним взглядом» (*uno obtuitu*), разом (*Athanasii Kircheri Fuldensis Buchonii e Soc. Iesu Prodomus Coptus sive Aegyptiacus... Romae, 1636. P. 261*); ср. также примеч. 66 и 106. См.: *Pucci G.* Op. cit. P. 797.

⁵⁹ *Dempsey C.* Renaissance Hieroglyphic Studies and Gentile Bellini's Saint Mark Preaching in Alexandria // *Hermeticism and the Renaissance: Intellectual History and the Occult in Early Modern Europe* / ed. by I. Merkel and A. G. Debus. Washington; London, 1988. P. 342–365.

си считает курсивной записью скипетра с глазом, согласно Макробию, Сатурналии 1.21.12, обозначающего Осириса, в данном случае в ипостаси Сераписа, поскольку похожее на собор Сан-Марко здание на заднем плане полотна американский ученый идентифицирует как александрийский Серапеум) своим подданным (= две ступни, знак из «Гипнэротомехии») охотно дал обет (= VL — Демпси считает, что это такой странный вариант аббревиатуры *VLS votum libens solvit*, «охотно исполнил обет», из римской эпиграфики, но только в значении *vovit libens*), что его фортуна (= полумесяц на фоне полной луны, так Демпси интерпретирует нижний знак) придет в упадок (= сова, которая в одном месте в «Гипнэротомехии» может иметь значение «смерть») в будущей жизни (= *сгux ansata*, согласно христианским интерпретациям; так Демпси понимает второй знак снизу) по причине людской злобы (= угорь, обычно интерпретируемый в античных источниках как «зависть»). Убедительная ли это интерпретация? Вряд ли — какой вообще смысл в этой фразе? Если подразумевается, что Серапис предсказал какой-то упадок (мудрости?), то при чем тут «дал обет»? Если речь о том, что на смену язычеству придет христианство, то почему «по причине людской злобы»?

Фюллис Леман⁶⁰ предлагала другую интерпретацию, в которой содержание надписи оказывается все-таки не языческим и речь идет про современные авторам полотна события. Она указывает, что V на подписях к венецианским портретам обычно значит *vivus* («живой») или *vivere* («жить»), а L может обозначать имя тогдашнего дожа Венеции, Леонардо Лоредана: получается *vivo Loredano* («при жизни Лоредана»). А стопы, в соответствии с «Гипнэротомехией», могут тогда означать «подданных», и в тексте что-то говорится про «подданных Лоредана». Но тогда при чем тут «при жизни»?

Можно еще придумать, например, такую интерпретацию (просто в качестве интеллектуального эксперимента, не претендуя на то, чтобы правильно решить задачу). VL явно должно использоваться для восполнения чего-то, с чем плохо в структуре иероглифической записи (в интерпретации Демпси аббревиатура образует сказуемое и таким образом задает синтаксис, у Леман восполняется другой отсутствующий в иероглифике элемент — запись имен собственных). Можно еще допустить, что VL задает структуру фразы путем указания на то, что из структуры выпадает — например, в остальной фразе может быть прямой порядок слов (для итальянской фразы без местоимений это скорее подлежащее–сказуемое–дополнение), а VL — это обстоятельство, которое в этом порядке не учитывается. Из фраз, слова в которых начинаются на V и L, в латинских надписях, наверное, чаще всего встречается выражение *victoria laeta* «радостная победа»; аббревиатуры такой, правда, не зафиксировано, но по отдельности V может значить *victoria*, а L — *laetus*. Тогда две ступни должны быть глаголом — получается, не «подданные» (*subiecti*), а «подчинил»

⁶⁰ Lehmann P. W. Cyriacus of Ancona's Egyptian Visit and Its Reflections in Gentile Bellini and Hieronymus Bosch. Locust Valley, 1977. P. 8.

(subiecit). Выходит *subiecit victoria laeta* «подчинил в результате радостной победы», начало записи о победах в духе стелы Сесостриса. О чьих победах должно быть написано в Александрии? Логично было бы, чтобы первый знак тогда по какой-то причине обозначал Александра Македонского⁶¹. Кого подчинил Александр? Сова тогда явно должна ассоциироваться с изображением на афинских монетах (= Афины). Змея может, наверное, обозначать Африку, пустыни которой в античных источниках постоянно описываются как царство змей (можно еще вспомнить, что во фрагменте 12 Horst Херемона, сохранившемся у Иоанна Цеца, «змея, выползающая из некоей норы», обозначала Восток, но Беллини вряд ли знали об этом тексте). Что изображает предпоследний знак, непонятно, но если в конце действительно луна, обведенная кругом, то можно домыслить такую фразу: «Александр Македонский радостными победами покорил Грецию (= Европу), Африку и Азию, весь подлунный мир». Обелиск с этим текстом расположен в центре левой части полотна, а на соответствующем месте справа располагается знаменитая александрийская «колонна Помпея». Александр таким образом как бы оказывается параллелен Помпею: еще Петрарка отмечал, что в Александрии похоронено два выдающихся полководца, оба из которых получили прозвище «Великий» (Петрарка, Итинерарий к могиле Господа нашего Иисуса Христа 20.2). Но у этих полководцев есть еще одна общая черта – не только Александр, но и Помпей, как отмечала риторика античных источников (например, Плутарх, Помпей 45; Веллей Патеркул, Римская история 2.40.4), фактически «победил и Европу, и Африку, и Азию» (поскольку три триумфа, которых он удостоился, отмечали соответственно победы в Нумидии, в Испании и на Востоке). Для Венеции, которая благодаря перенесению мощей св. Марка оказывалась как бы наследницей Александрии, конечно, выгодно было подчеркнуть, что в ее «метрополии» находятся могилы (obelisk вполне может восприниматься как могила Александра) двух «Великих» дохристианской древности, оба из которых покорили весь мир. То же самое содержание может стоять и за непонятными шарами, которые Беллини добавили на верхушке колонны Помпея (шар = «весь мир»).

Но не стоит, конечно, воспринимать эту гипотезу как настоящее разрешение проблемы – мы скорее хотели просто указать на возможность разных интерпретаций. Так или иначе, во-первых, тексты вроде надписи Беллини все равно не получается читать однозначным образом; а во-вторых, когда в какой-то степени они читаются как фразы, то за счет «нарушения правил» нормальной египетской иероглифики – в данном случае за счет введения латинской аббревиатуры.

В целом проблема иероглифических штудий Возрождения, таким образом, в том, что описывается все-таки не система знаков. Описываются отдельные знаки, которые могут быть самодостаточны, а могут прибегать к каким-то небольшим хитро-

⁶¹ Что александрийский обелиск содержит надпись об Александре, действительно полагал, например, Андре Теве в «Космографии Леванта» 1554 г. (Dempsey C. Renaissance Hieroglyphic Studies: An Overview. P. 372).

стям для достраивания набора «назывных знаков» до фразы. Но все равно эти знаки не образуют полноценной системы.

А когда дело все же доходит до того, чтобы восстанавливать знаки именно в виде системы, итог оказывается очень показательным. И в этом смысле особенно интересен Валериано. Мы начинали наш обзор с реконструкций алфавита, которые необходимы для нормальной дешифровки иероглифов. Алфавит — это тоже система. Валериано, как мы видели, включает его в свое представление об иероглифах, хотя восстанавливает, в отличие от арабов или Кирхера, только несколько букв. Но если мы приглядимся внимательнее к переведенному ниже тексту, мы поймем, что буквы ведь интересуют Валериано не сами по себе. Буква для него не просто знак, обозначаемым которого служит звук; буквы (в совокупности, хотя и отфильтрованные правильным образом, чтобы их стало нужное число) одновременно являются знаками «второго порядка», символами музыки/муз и музыки, и интересуют Валериано прежде всего как раз в этой своей второй ипостаси⁶². Другая знаковая система, которую реконструирует Валериано, — система обозначения чисел с помощью жестов (см. ниже перевод главы 37.1) — также на самом деле нужна ему не сама по себе, а потому, что у чисел (и, соответственно, у жестов) тоже есть значения «второго порядка» — например, число 30 вместе с соответствующим жестом обозначает замужество, а число 60 вместе с соответствующим жестом — вдовство⁶³. Более того — стремление сделать из системы гармоническое и «естественное» целое, соответствующее значениям «второго порядка», оказывает влияние и на реконструкцию системы. Мы уже видели, что некоторые буквы Валериано восстанавливает исключительно на основе идеи «естественного соответствия». Соображения числовой гармонии (ведь буквы «символизируют» музыку) заставляют его к тому же совершенно чудовищным образом восстановить систему гласных египетского (см. ниже перевод главы 47.25). Точно так же и систему жестов Валериано переделывает вопреки источникам, руководствуясь идеей, что «естественная» система должна быть симметричной. Вообще, хотя Пиерио и воспроизводит модели научного письма и демонстрирует порой почти фантастическую эрудицию, научный уровень «Иероглифики» даже для своего времени, даже просто при сопоставлении с любыми другими текстами, переведенными в настоящей книге, оказывается крайне низок — подтасовка на подтасовке, промах на промахе. Дело не в том, что плох Валериано (его комментарии к Вергилию, например, написаны как раз очень качественно) — дело в том, что сама проблематика заставляет его руководствоваться в оценке своей деятельности очень специфическими критериями. Эта глава — может быть, не лучшая в истории ренессансной науки, но важная, поскольку

⁶² Фуко (Фуко М. Указ. соч. С. 73) приводит другой пример того, как письмо становится «знаком второго порядка»: Клод Дюре пишет, что направления письма разных народов — слева направо, справа налево, сверху вниз, снизу вверх и «по спирали» — в совокупности образуют символическую фигуру креста (*Duret C. Trésor d'histoire des langues de cest Univers... À Yverdon, 1619. P. 990*). Такого рода знаки для мышления в духе средневековых bestiaries, конечно, гораздо приятнее, нежели знаки исключительно фонетические.

⁶³ Эти значения подробно разбираются в последующих главах 37 книги, не переведенных нами.

ку объясняет, почему из увлечения египетскими древностями тогда в общем-то не получилось науки о Египте, а вместо нее получились бесконечные игры с разного рода символами и эмблемами.

Далее мы приводим отрывок из вступительного послания к «Иероглифике» Пиерио Валериано и некоторые из глав этого свода. Перевод выполнен по изданию: *Hieroglyphica sive De sacris Aegyptiorum literis commentarii*, Ioannis Pierii Valeriani Bolzanii Bellunensis. Basileae: <Apud Michaellem Isengrinium>, 1556. Нумерация глав была введена в позднейших изданиях, не всегда логичным образом, но для удобства мы все же воспроизводим ее по изданию: *Ioannis Pierii Valeriani Bellunensis Hieroglyphica, sive De sacris Aegyptiorum aliarumque gentium litteris commentariorum libri LVIII...* Coloniae Agrippinae: Apud Ioannem Wilhelmum Friessem Bibliopolam, 1685. По тому же изданию мы исправляли некоторые опечатки и сверяли примечания Жана Писсевича к «Иероглифике». Современного научного издания «Иероглифики», насколько нам известно, не существует (осуществленное в *Georg Olms Verlag* издание 2005 г. является репринтом editio princeps: *Valeriano G. P. Hieroglyphica sive De sacris Aegyptiorum literis commentarii / mit einem Nachwort von D. Peil*. Hildesheim; Zürich; New York, 2005).

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

Его Сиятельству Козимо Медичи, герцогу Флоренции и государю Тосканы, несравненному герою, Джованни Пиерио Валериано желает крепкого здоровья.

<...> По просьбам разных друзей, которым я не мог и не имел права отказать, я решил теперь опубликовать в твою честь достаточно большое количество заметок о священных египетских письменах, объединив эти заметки словно бы в одно тело. А что я затратил на описание и толкование этих письмен немало старания и усердия, легко поймут все добрые люди, которые снизойдут к тому, чтобы прочесть мой труд. Насколько успешно мое предприятие, пусть судят другие; но уж точно невероятно велики были усилия, затраченные мной на разъяснение всех этих вещей, которые настолько затемнены непонятностью и многообразием их природы и путь к смыслу которых настолько загражден всякими трудностями, что они заставляли сомневаться и колебаться умы многих самых ученых людей. И я также надеюсь поэтому, что читатель станет ко мне более благосклонен, когда поймет, что я первым взялся, несмотря на все многообразие, количество и сложность материала, со всем моим усердием и напряжением духа потрудиться над этим вопросом, чтобы мой благородный пример побудил изучать эти вещи и многих других.

Впрочем, и здесь нашлись такие, кто пытался еще на самом пороге отговорить меня от столь трудоемкого начинания и даже бросал мне в лицо упреки и обвинения в наглости или неблагоразумии: что я, мол, возомнил, будто из такого множества ученых мужей я один особенный и могу наконец найти некое однозначное решение для этих столь темных вопросов, и уверен в своей способности извлечь на свет из тайников египетских жрецов столь длинную вереницу запряженных секретов. Рассмотрев внимательно всю сложность этой затеи, они склонялись к тому, что следует отказаться от работы над этим бескрайним замыслом, особенно учитывая, что немало латинских, греческих и варварских авторов положило на разгадывание такого рода загадок все свое усердие и все свои силы, и все без толку, ведь труд этот должен охватить логику и природу практически вообще всех существующих вещей и наук. А кроме того, поскольку большая часть древних памятников, использующих эти письмена, утеряна, отчасти из-за бесцеремонного обхождения времени, отчасти из-за бесцеремонного обхождения людей, то работать придется, говорили они, в условиях столь сильной нехватки источников информации, что, если даже зрелости, ума и всего прочего у меня хватит, все равно я, по их мнению, до конца этот чудовищный труд не доведу, да и сам предмет настолько стерся — просто-таки сгинул — из памяти людской, что никому и пользы не будет от этих истолкований. И ведь сейчас вообще нет ни одного такого человека, сколь бы глубоко учен он ни был, чтобы понимал или мог истолковывать обелиски, которые до сих пор можно видеть в Риме или в других местах⁶⁴, или эту удивительную столешницу Бембо⁶⁵. А это, говорили они, пустая тра-

⁶⁴ Некоторое количество египетских обелисков было ввезено в Рим, в основном при Августе (в итоге в Риме обелисков сохранилось больше, чем даже в самом Египте, так что ресурсы для изучения настоящей иероглифики у гуманистов в принципе были). В XV–XVI вв. некоторые из этих обелисков еще стояли, некоторые лежали на земле в виде обломков, некоторые периодически обнаруживались под землей, см.: *Platner S. B. A Topographical Dictionary of Rome/compl. and revised by T. Ashby. Oxford, 1929. P. 366–371.* Под «другими местами» Валериано, скорее всего, имеет в виду Стамбул и Александрию.

⁶⁵ «Столешница Бембо», «Доска Иисиды», «Таблица Иисиды» (*Mensa/Tabula Bembi/Bembina/Isiaca*) — приобретенная Пьетро Бембо в 1527 г. (скорее всего, выкупленная у человека, у которого она оказалась после разграбления Рима в том же году, см.: *Leospo E. La mensa Isiaca di Torino. Leiden, 1978. P. 14–17*) бронзовая доска с изображением в духе египетских настенных росписей с отдельными иероглифическими подписями (ныне хранится в Туринском Египетском музее). Сейчас считается, что это римское изделие I в. н. э. (возможно, изготовленное для храма Иисиды на Марсовом поле в связи с его перестройкой при Калигуле или при Домициане), представляющее собой стилизацию под египетские росписи с бессмысленным декоративным набором иероглифических знаков вместо подписей. Во вступительном письме к 33-й книге «Иероглифики» Валериано пересказывает разговор со своим дядей Урбано Больцани (ок. 1440–1524) о значении иероглифа, изображающего глаз, и венецианец Даниэле Раньери (или Реньер, 1458–1535) говорит Урбано: «Причиной того, что мы обсуждали эту тему, был образец <exemplum; возможно, речь о копии?> некой доски, замечательной своей древностью, который прислал мне из Рима мой Бембо, а также многие рисунки на обелисках, которые можно найти в Риме; а поскольку ясно, что привезены они из Египта, а ты обошел весь Египет, где много таких надписей, и всегда с тщанием, интересом и прилежанием разбирался во всяческих древностях, то мы полагаем, что ты эти знаки знаешь» (*Manning J. The Emblem.*

та времени — с несоразмерным упорством направлять силы своего ума на то, в чем у тебя вообще нет надежды когда-либо достигнуть результата.

Этим людям я хочу ответить вот что. Мне известно, что большая часть вещей, о которых идет речь, погибла вместе с царством египтян, их ученостью, образованием и чуть ли не всяким вообще их именем, так что если бы даже ожил сам Гераиск, про которого рассказывают, что он некогда с первого взгляда понимал все памятники и тайные письма этих жрецов и сразу же истолковывал все это⁶⁶, то теперь у него уже ничего не вышло бы, если бы он взялся за такое предприятие. Но пусть не способен ни я, ни кто-то другой охватить взором всю эту святыню целиком — разве же стоит отступаться от столь славного и трудного дела из-за того, что один человек не в силах справиться со всем делом сразу?

Что же нам тогда, монеты древних и столь искусно сработанные статуи, которые мы с таким трудом ищем, с таким тщанием раскапываем, с такими затратами стараемся восстановить, если где недостает ноздри, или руки, или ноги, или какой-нибудь еще части тела, — что же нам, все их отправить в печное пламя на известку? Ведь как же нам ими наслаждаться или восхищаться, если они не во всех отношениях совершенны, раз эти люди не считают ни достойным, ни ценным ничего, кроме только самого совершенства? Давай тогда, Козимо, если ты разделяешь их мнение, выброси из своих великолепных покоев стоящие там несколько памятников — и древних, и новых; позаботься убрать из храма Сан-Лоренцо те статуи, что с таким поразительным мастерством

London, 2002. P. 66 видит в этом эпизоде отголосок жанра диалога; «Иероглифика» готовилась на протяжении многих лет, в принципе можно допустить, что сначала Валериано планировал написать ее в диалогической форме. Giehlow K. Op. cit. S. 110–112 рассуждает на основании этого эпизода о существовании в Венеции начала XVI в. чего-то вроде египтологических семинаров — но это явно преувеличение, в пассаже Пиерио Урбано вообще-то читает лекцию о Пиндаре). Урбано (воспитывавший Пиерио с его восьмилетнего возраста) действительно очень активно путешествовал по всему Средиземноморью, сопровождая будущего венецианского дожа Андреа Гритти, и бывал, среди прочего, в Египте, а кроме того, опубликовал в издательстве Альда Мануция первую латиноязычную грамматику греческого языка («Наставления в греческой грамматике», 1497) и, по-видимому, участвовал в подготовке альдинского издания Гореполлона. Во вступительном послании к книге 20 «Иероглифики» Валериано пишет, что сам в гостях у Бембо рассматривал вместе с Якопо Саннадзаро эту столешницу, «на которой золотыми и серебряными линиями начертана вся древнейшая история Египта». Ср.: Danzi M. La biblioteca del cardinal Pietro Bembo. Genève, 2005. P. 41–44.

⁶⁶ Гераиск — неоплатоник египетского происхождения, ученик Прокла. Валериано, кажется, имеет в виду текст словаря Суды (η450): «И вот этот Гераиск сам научился чувствовать различие между живыми и не живыми священными изображениями. Как он смотрел на них, так сразу его сердце пронзал божественный дух и он воспринимал телом и душой, как будто одержимый божеством. А если на него не находило такое возбуждение, то это значило, что это изображение лишено души и что божество не вдохнуло в это изображение частичку себя. Так он понял, что в неназываемом изображении Эона обитает бог, почитаемый у александрийцев, который одновременно и Осирис, и Адонис, по мистическому, чтобы правдиво выразиться, богосмешению». Выражение «с первого взгляда» звучит в латинском тексте как *uno statim obtuitu*; ср. по поводу него примеч. 58.

изготовил Микеланджело Буонарроти⁶⁷ — ведь и в них все же кое-чего не хватает, и им все же недостает финального штриха мастера⁶⁸.

Или, чтобы ограничиться теми, кого я охотно взял проводниками в написании череды своих заметок, пусть никто не держит у себя книги Плиния — ведь он заявляет, что напишет естественную историю или историю всего мира, а сам-то при этом знает не все, не все выискал, в описании мира многое пропускает, горы некоторые не включил в списки, множество рек не назвал, сказал не обо всех крупных городах того времени, неточно описывает свойства и качества четвероногих, рыб, птиц, растений и некоторых других вещей.

Что я буду называть Плутарха, Элиана, Афиней, Павсания — а ведь из них никто не сказал всего, что можно было сказать про обсуждаемые ими предметы? Что я буду поминать Паоло Джовио⁶⁹, исторические сочинения которого принесли ему такую славу, что она затмила славу большинства древних авторов и поставила его в один ряд с первейшими среди тех? Что мы, отвергнем писания этого несравненного мужа только из-за того, что в этой череде времен некоторым годам он уделит меньше места?

Думаю, никто бы этого не одобрил, кроме разве человека, совсем незнакомого с культурой⁷⁰. И у нас у самих под носом пример такого неодобрения — ты, Козимо. Ведь ты со всем своим тщанием восстанавливаешь все, что можно восстановить, и старательно отыскиваешь изображения и произведения тех людей, чьи достоинства ты воспроизводишь в себе или даже превосходишь.

Но, чтобы не затягивать это рассуждение, скажу, что труд по составлению данных заметок кажется мне больше всего похожим на ту работу по выкапыванию и восстановлению статуй, о которой я говорил выше. Какими бы покалеченными эти статуи ни были, они все равно доставляют удовольствие; так и мой труд (если только меня не обманывает предвзятость по отношению к своему предприятию) хоть и не всё охватит, но все же в нем будет нечто приятное для людских умов. Так что пусть у меня не будет ничего общего с теми,

⁶⁷ Речь идет о базилике Сан-Лоренцо во Флоренции, в частности о «Новой Сакристии» (усыпальнице Медичи), которую в 1521–1534 гг. оформлял Микеланджело. Там, среди прочего, расположены скульптуры Микеланджело «День», «Ночь», «Утро» и «Вечер», а также «Мадонна с младенцем».

⁶⁸ Может быть, намек на то, что Микеланджело уехал из Флоренции в 1534 г., не доведя до конца оформление сакристии и впоследствии перестав сотрудничать с Медичи. Знаменитая эпитафия от имени статуи «Ночи», скорее всего написанная Микеланджело в 1545 или 1546 г. и делающая выпад непосредственно против режима герцога Козимо (*De Tolnay C. Michelangelo. Vol. 3. Princeton, 1948. P. 135*), звучит вполне бескомпромиссно: *Caro m'è 'l sonno, e più l'esser di sasso, / mentre che 'l danno e la vergogna dura...* («Я рада спать и еще более рада быть сделанной из камня, покауда всюду преступление и стыд...»).

⁶⁹ Паоло Джовио (1483–1552), гуманист из Комо, епископ диоцеза Ночера-деи-Пагани, занимавшийся в основном натуральной философией и историей; среди прочего, написал «Историю своего времени» (1550–1552), а также много биографических и хорографических сочинений.

⁷⁰ *Rerum humanarum imperitus*; слово *humanus* здесь, видимо, употребляется в том значении, от которого позднее будет произведено слово «гуманизм», то есть *res humanae = humanitas* («культура», «культурность»).

кто, «поскольку не надеются приобрести непобедимые члены Гликона, пренебрегают и тем, чтобы защищать тело от узловатого артрита» <Гораций, Послания 1.1.30–31, Гликон — пергамский атлет I в. до н.э.>. Мне известно, что силам человеческим положен предел и что «продвинуться куда-то — уже кое-что, если дальше не позволено» <Гораций, Послания 1.1.32>. А потому, кто же, в конце концов, будет ругать человека, который тратит свои труды и старания, чтобы принести умам смертных удовольствие и пользу, как бы он это ни делал? Ведь, захоти я говорить столько, сколько подобает по праву, о приятности своего предмета или о пользе, которую приносит разъяснение и познание таких вещей, я бы вообще никогда не закончил.

В частности, если древность придает любой вещи немало благородства, то ведь буквы те, которыми с тех пор пользовались египтяне, по мнению авторов <Иосиф Флавий, Иудейские древности 1.70>, впервые были придуманы тогда, когда, еще до потопа, оные древние мужи⁷¹, про которых рассказывают, что они первыми среди смертных исследовали законы небесных материй⁷², поставили два столпа из разного материала, один кирпичный, а другой каменный, и на этих столпах записали все тайное знание об устройстве мира⁷³. Некоторые утверждали, что это описание состояло из изображений животных и всяких других вещей, в каковых изображениях, однако же, как понимали философы, поэты и историки, были скрыты и высказывания о божественном знании⁷⁴.

⁷¹ У Иосифа Флавия речь идет о потомках Сифа, которых Валериано, видимо, смешивает с «первомудрецами» аллегористов: см. подробнее вступление.

⁷² *Rerum coelestium rationem*; Chevrolet T. L'idée de fable: Théories de la fiction poétique à la Renaissance. Genève, 2007. P. 99 переводит *l'essence des choses divines* «сущность божественных материй», но текст Валериано можно понять и таким образом, чтобы речь шла об астрономии, которую, скорее всего, имеет в виду Иосиф Флавий (у него речь идет о σοφία ἡ περὶ τὰ οὐράνια καὶ τὴν τοῦτων διακόσμησιν «знании о небесных вещах и их организации»). Впрочем, Валериано мог, действительно, понять текст Иосифа и в том смысле, что потомки Сифа были «первыми теологами».

⁷³ *De consummatione mundi*, «об устройстве всего мира»; теоретически это может значить также «о конце света», хотя не похоже, чтобы Валериано говорил о чем-то таком.

⁷⁴ Столпов, согласно Иосифу, было два для того, чтобы каменный выстоял и донес информацию до потомков в случае гибели кирпичного во время всемирного потопа (ср. также: Георгий Кедрин, Краткое изложение истории 1.16 Bekker; Псевдо-Евстафий, Комментарий на Шестоднев 752 Migne). Обычно эти столпы связывают с иероглифическим письмом и Египтом, но у Иосифа никаких указаний на такую связь нет. Видимо, она появилась просто из того, что столпы проассоциировали с обелисками. Иногда еще их отождествляют со стелами, которые «Тот, первый Гермес» исписал «священнописными (ἱερογραφικοῖς) буквами», и о которых пишет Георгий Синкелл в Извлечениях из Хронографии, 40.31–41.9 Mosshammer (видимо, на основании Манефона). Главная причина отождествления — тот факт, что у Иосифа и Кедрина говорится, будто один из столпов сохранился в некоей Сириде, Σ(ε)ρίς, у Псевдо-Евстафия Сеириаде, Σηριεῖδ, а у Синкелла стелы находятся в некоей Серидиаке, Σηριδιακή (Валериано, впрочем, еще не знает о тексте Синкелла). Впоследствии эти два столпа, смешавшись со столбами Иахин и Воаз, стоявшими перед Соломоновым храмом (3 Цар. 7:15–21), стали важным оккультным символом, см.: MacPherson J. Jachin and Boaz and the Freemasons // The European Emblem / ed. by B. F. Scholz, M. Bath and D. Weston. Leiden, 1990. P. 129–152 (впрочем, эзотерические трактовки сюжета, видимо, древнее — существует, например, коптский гностический апокриф

Ведь молва неустанно разносила сведения о том, что египетские жрецы заявляют, будто столь ясно знают все самые темные вопросы природы, что знание это словно бы из рук в руки им передано по наследству. Подвигнут этой самой славой, Пифагор, тот достойный величайшего восхищения мудрец, решил отправиться в Египет и изучить египетскую мудрость, и там от самих жрецов получил такие наставления в тайном знании⁷⁵, что вполне уместно о нем было сказано: «Он разумом добрался до богов и то, что природа не позволила видеть человеческим глазам, впитал в себя глазами сердца» <Овидий, *Метаморфозы* 15.63–64>. И такое великое восхищение вызывал этот муж, что кротонцы и метапонтийцы (у которых он, как передают, и ушел из жизни) сделали из его дома храм и почитали его как божество <Диоген Лаэртский, *Жизнеописания философов* 8.14–15 (метапонтийцы); Валерий Максим, *Памятные деяния и высказывания* 8.15.иностр.1.9 (кротонцы)>.

Или Платон — разве он не египетской своей поездке <см., напр., Диоген Лаэртский, *Жизнеописания философов* 3.6> обязан тем, что его почитают и именуют первым по уму и учености и богом среди философов?

Или сам Моисей, которого усыновила и воспитала и обучила наравне с царями дочь фараона, пригласив ученых египетских наставников <Деян. 7:21–22>, — разве мы не почитаем его великим и мудрым человеком?

Но, чтобы мне не отыскивать множество примеров, и наше Божественное Писание, на мой взгляд, тоже имеет нечто общее с иероглифическим способом наставления, настолько все вдохновленные Божественным Духом высказывания Моисея, Давида и прочих пророков написаны с некоторого рода мистическим смыслом. А в Новом Законе и Новом Наставлении, когда наш Спаситель говорит: «Отверзу в притчах уста мои <Мф. 13:35 = Пс. 77:2> и произнесу гадания (aenigmata) из древности <Пс. 77:2>», — то разве он не хочет сказать: «Буду говорить иероглифически, и аллегорически изложу древнюю память о мире»? Или вот этот стих: «Иисус говорил народу притчами» <Мф. 13:34, ср. Мк. 4:33> — разве не значит: «Окутывал свои речи словно бы неким покровом тайны»? Точно так же, как мы видим, и апостолы говорили необычным образом, дабы священные речения о Господе отличались от прочих текстов как подобающим им достоинством, так и некой особой формой, чтобы величие божественных тайн

«Три стелы Сифа»). В этой традиции постройка столпов стала приписываться Еноху (можно так понять текст Кедрина), который на одном из столпов записал иероглифами информацию о науках и ремеслах, а на другом — инструкции по нахождению тайного подземного храма, в котором хранилась уже настоящая запись тайного знания; а строители Соломонова храма снова находят этот подземный храм и снова ставят столпы (Brooke J. L. *The Refiner's Fire: The Making of Mormon Cosmology, 1644–1844*. Cambridge, 1994. P. 100).

⁷⁵ Это общее место античной биографической традиции о Пифагоре — ср., например, Порфирий, *Жизнь Пифагора* 6; Теологумены арифметики 52 De Falco; Исократ, *Бусириис* 28; Валерий Максим, *Памятные деяния и высказывания* 8.7.иностр.2.6.

не открывалось кому попало и без разбора и чтобы «не давать святыни псам и не бросать жемчуга перед свиньями» <Мф. 7:6>.

Во всяком случае, Деметрий Фалерский заявлял царю Александрии Филადельфу в присутствии множества слушателей, что грекам не дозволено касаться еврейской истории и что даже некоторые знаменитые писатели, отваживавшиеся на это, оказывались поражены болезнями души и недугами тела до тех пор, пока не отступались от намерения, как будто гнев божества очевидным образом запрещал нечистым народам приближаться к этому таинству <Послание Аристея Филократу 312–316, Иосиф Флавий, Иудейские древности 12.110–114>⁷⁶. Многие и сегодня, если бы помнили об этом, вели бы себя несколько посперданнее.

Так что понятно, какие вещи из человеческих и божественных наук она древность скрывала под покровами неких предметов и слов, и понятно, что все ученышние люди, общаясь между собой, имели обыкновение пользоваться этими как будто бы своего рода загадками. А потому и мне пусть никто не ставит в вину, что я все свои труды и все свое усердие бросил на объяснение таких штук, раз мы знаем, что их всегда в таком почете держали все выдающиеся мужи.

Анджело Полициано, Пьетро Кринито и Филиппо Бераальдо⁷⁷ удостоились высочайших похвал за то, что первыми истолковали то или иное из таких мест.

⁷⁶ «Послание Аристея» (Иосиф Флавий зависим от него в изложении этого эпизода и прямо признает это) — текст, согласно которому создание Септуагинты (греческого перевода Ветхого Завета) было организовано египетским царем Птолемеем II Филадельфом (царь в 283–246 гг. до н.э.) по просьбе знаменитого Деметрия Фалерского (ок. 350 — ок. 280 гг. до н.э.), александрийского библиотекаря, поскольку тот обнаружил, что в библиотеке недостает книг еврейского закона. Обычно этот текст считают хотя и ранним (середины II в. до н.э.), но псевдэпиграфическим (в том смысле, что его автором на самом деле не является Аристей, придворный Птолемея, и, соответственно, описываемые в нем события скорее всего вымышлены). Сейчас, впрочем, иногда высказывают и мнение, что у описываемых событий могли быть исторические прообразы (см., напр.: *Guillaume P. Alexandria as Cradle of Biblical Historiography // Ptolemy II Philadelphus and His World / ed. by P. McKechnie and P. Guillaume. Leiden, 2008. P. 248–249*). Так или иначе, ко времени написания «Иероглифики» сомнения в аутентичности «Послания Аристея» уже успел высказать Хуан Луис Вивес (*Absolutissimi doctoris Aurelii Augustini, Opus absolutissimum, de Civitate Dei, magnis sudoribus emendatum ad priscae venerandaeque vetustatis exemplaria, per virum clarissimum et undequaque doctissimum Ioan(nem) Ludovicum Vivem Valentinum... Basileae, 1522. P. 620*: «У Иосифа в XII книге «Древностей» приводится текст писем Птолемея к первосвященнику Елеазару и Елеазара к царю по этому поводу <о переводе Септуагинты>, и текст взят у Аристея, не того самого Аристея из Проконесса, а некоего птолемеевского придворного, который утверждает, что он был в числе послов Птолемея в Египет <как указывается в работе: *Wasserstein A., Wasserstein D.I. The Legend of the Septuagint: From Classical Antiquity to Today. Cambridge, 2006. P. 242*, «в Египет» — явно просто описка Вивеса вместо «в Иерусалим»>. Под именем этого Аристея ходит книжица о переводчиках Септуагинты, но написана она, мне кажется, кем-то более поздним). Валериано, судя по всему, имеет в виду, что текст Аристея исторически достоверен.

⁷⁷ Скорее всего, Валериано выбирает трех авторов знаменитых сборников «всякой всячины», мелких замечаний на разные темы: о «Смеси» Полициано (1489) и «Ста заметках» Бераальдо Старшего (1488) см. в настоящей монографии главу 16 (особенно примеч. 182); из трудов Пьетро Кринито (Пьетро Бальди дель Риччо, 1475–1507),

Почему же и мне нельзя взяться за то же самое дело? Я, конечно, не тот человек, чтобы спорить с ними в учености (ведь они были из «тех, к кому благосклонен справедливый Юпитер» <Вергилий, Энеида 6.129–130>)⁷⁸. Но, если что-то могут сделать неустанный труд и упорство в листании редких книг, то, коли я не заблуждаюсь, потомки с некоторой признательностью скажут, что благодарны мне — ведь я не одно-два места разобрал, а многие тома написал о таких тайнах, и соображения приятности и пользы при этих разборах не упускал из виду.

Без сомнения, и удобств, и пользы мы получим массу, если будем извлекать из бессловесных и неразумных животных поучительные примеры как добродетелей, за которыми следовать, так и грехов, которых избегать. И тем, кто с правильным настроением захочет приложить эти примеры к нашей вере и изъяснить применительно к ней, будет открыто большое поле для деятельности. Да и принять во внимание деревья и травы не будет пустым делом, ведь блаженный Павел <Рим. 1.19–20> и прежде него Давид <напр., Пс. 18.2–5> говорили, что познание твари помогает понять величие и достоинство Господа. А если дело обстоит так, то у кого же из нас душа окажется настолько зачерстневшей и увязшей в мирской скверне, чтобы не признать себя обязанным Господу бесчисленными благодеяниями, ибо Он сотворил нас людьми, а всё, что вмещают небо, воздух, вода и земля⁷⁹, создано ради человека⁸⁰, и мы не просто наблюдатели небесных явле-

флорентийского гуманиста и ученика Полициано, имеется в виду аналогичное собрание всякой всячины под названием «Заметки о благородной науке» в 25 книгах (*Commentarii de honesta disciplina*, 1504), которое впоследствии активно использовал Нострадамус (см.: *Nostradamus. Les première centuries ou Propheties* (édition Macé Bonhomme de 1555)/ed. et comm. de l'Épître à César et de 353 premiers quatrains par P. Brind'Amour. Genève, 1996. Passim). *Curran B.* Op. cit. P. 180 интерпретирует данное место «Иероглифики» иначе и считает, что Валериано перечисляет «важнейших ученых раннего периода, исследовавших египетские письмена»: Бероальдо написал о египетских иероглифах знаменитый пассаж в комментариях к Апулею, см. выше примеч. 49; Кринито писал об иероглифах в «Заметках о благородной науке» и даже правильно разгадал значение иероглифа «вода», не упоминаемого в античных источниках — см.: *Ibid.* P. 179–180. Однако, во-первых, Полициано тогда лишний — он занимался разве что «иероглифами в расширительном смысле» (например, изображениями на римских монетах); во-вторых, «высочайших похвал» Бероальдо и Кринито удостоивались, конечно, не за коротенькие пассажи об иероглифах. Мы полагаем, что проблема разрешается проще: жанр маленьких заметок, в котором прославились все трое, вообще в принципе посвящен «разгадыванию загадок» древних текстов (см. главу 16), а понятие «иероглиф» в том расширенном до предела значении, в котором его употребляет Валериано в данном тексте, все такие «загадки» автоматически включает в себя.

⁷⁸ У Вергилия речь о том, что лишь «немногие, к кому был благосклонен справедливый Юпитер», смогли пробраться при жизни в загробный мир и вернуться оттуда обратно; задача по проникновению в тайны древних символов, таким образом, ставится у Валериано на одну планку с «катабасисами» какого-нибудь Энея или Орфея.

⁷⁹ Вариант античного списка «четырёх элементов», в который «небо» и «воздух» попали одновременно по той причине, что «небо» замещает «эфир».

⁸⁰ Вальтер Беньямин (*Беньямин В.* Происхождение немецкой барочной драмы /пер. с нем. С. Ромашко. М., 2002. С. 177), комментируя этот пассаж, поясняет, что у Валериано все в мире создано «ради человека» не в смысле «телеологии Просвещения», а в смысле «телеологии барокко», дело которой — «не земное и не нравственное блаженство тварей Божьих, а одно только таинственное их наставление». Может

ний, но еще и господа всего того, что мир обнимает своими пределами? Если бы мы в такой же степени осмыслили это силами своего ума, в какой различаем очами, то в результате чувствовали бы великую любовь к Господу.

Но пришло уже время мне все то, что я, по единодушным просьбам друзей, охватил в отдельных заметках, выставить словно бы на обозрение, так чтобы все это можно было объять одним взглядом⁸¹. Посылаю же я эти заметки тебе, великолепный государь, чтобы тем услужением, которое мне доступно, явить мою верность тебе и неизменную готовность трудиться для тебя. И я вновь и вновь усиленно прошу тебя, чтобы ты не пренебрег этими книгами, этим скромным даром твоего Пиерио, с помощью коего он изъявляет желание почитать твою редкостную добродетель вечной памятью, — прими же, окружи заботой и сохрани и сами книги, и их автора.

Начать, я решил, следует со льва, первейшего и сильнейшего среди живых существ: ведь, когда я повнимательнее пригляделся к нему, то сразу же заметил блеск ярчайшего пыла твоей души⁸². Поэтому я счел, что именно тебе следует лично посвятить это животное. И сделать так меня побудила немалая надежда, что в городе твоём, всегда вскармливавшем львов, и мой лев, недавно оторванный от груди, будет у тебя изобильно откормлен ученостью⁸³. Ибо ему нужно

быть, корректнее было бы сказать, что Валериано просто развертывает импликацию христианской телеологии, в которой все, что творится в мире, на самом деле «про человека» (и в этом смысле «ради него»). Конец фразы про то, что мы «не просто наблюдатели», Беньямин характерным образом обрезает.

⁸¹ Речь о следующем после посвятельного письма оглавлении, которое должно служить своего рода аннотацией содержания книги (ср. аналогичное предуведомление о содержании в предисловии Полициано к «Смеси», переведенном в главе 16 настоящей монографии).

⁸² Привязка выбора льва в качестве первой темы к посвящению «Иероглифики» Козимо Медичи явно вторична, поскольку бестиарии (к традиции которых примыкает и «Иероглифика»: первая 31 книга в ней почти исключительно посвящена значениям животных) практически всегда начинались именно со льва еще со времен «Физиолога». Ср. о связи книг эмблем с бестиариями: *Cohen S. Animals as Disguised Symbols in Renaissance Art. Leiden, 2008.*

⁸³ Кого Валериано имеет в виду под «своим львом» (*Leo meus*), мне неизвестно. Если не найдется более простых объяснений, то теоретически можно допустить, что, поскольку образ «льва» связывался с семьей Медичи в целом, речь идет о каком-то ее юном представителе, которого Валериано называет «своим» просто в виде конвенционального знака личной привязанности к семье Козимо. Имя Льва Х получил, став папой римским в 1513 г., Джованни Медичи (1475–1521), а потому «львами» иногда стали символически обозначаться и другие представители семьи Медичи (см.: *Tacconi M. S. Cathedral and Civic Ritual in Late Medieval and Renaissance Florence: The Service Books of Santa Maria del Fiore. Cambridge, 2005. P. 187*; об увлечении самого Льва символами в виде львов ср.: *Lazzaro C. Animals as Cultural Signs: A Medici Menagerie in the Grotto at Castello // Reframing the Renaissance: Visual Culture in Europe and Latin America 1450–1650 / ed. by C. Farago. New Haven, 1995. P. 203–205*). самого будущего Льва Х некогда обучал древнегреческому языку Урбано Больцани, дядя Пиерио (*Picotti G. B. La giovinezza di Leone X. Milano, 1927. P. 17–18*), благодаря чему сам Пиерио пользовался покровительством Медичи и, в частности, выполнял аналогичную функцию наставника для Ипполито и Алессандро де Медичи в 1520-е гг. (см.: *Gouwens K. Remembering the Renaissance: Humanist Narratives of the Sack of Rome. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 143–167*), так что те были в более буквальном смысле «его львами». О периодических отсылках к понтификату Льва Х

немало пищи, а я не знаю сегодня никого, кто щедрее и охотнее тебя пошел бы на эти траты по своей просвещенности, тем более что у тебя более чем в достатке того, чем моего льва следует питать. А после, когда он в достаточной степени наберется сил, выкормлен до отказа трудами и заботой твоих ученых, тогда можно будет без всякого нашего стыда от твоего счастливого имени выпускать его на театральную сцену в любом общественном представлении.

Будь же здоров.

Книга 1.

ЛЕВ. <ГЛАВА 28>. ИИСУС, ЧЕЛОВЕК И БОГ⁸⁴

Наконец, чтобы и иначе нам пофилософствовать, передняя часть у льва небесная⁸⁵ — так что это удивительные дела Христовы являют нашим очам Его истинную божественную природу. Ведь «никто, кроме пришедшего от Бога, — как сказал Никодим, — не мог бы творить того, что Он творил» <Ин. 3:2>. Задняя же часть льва напоминает землю: она тоже холодная, и потому лев пугается мельчайших вещей и убегает от них, в частности от крика петуха <Плиний, Естественная история 8.52, Солин, Собрание достопамятных вещей 27.20>, от показанного ему факела <Гомер, Илиада 11.554 = 17.663; Аристотель, История животных 9.225; Гореполлон, Иероглифика 2.75>, от брошенных перед ним тонких тряпиц⁸⁶, и даже

в «Иероглифике» см.: *Rolet S. Une Hieroglyphicomachia végétale: La succession des papes Léon X, Adrien VI et Clément VII dans les Hieroglyphica (1556) de Pierio Valeriano // Flore au paradis: Emblématique et vie religieuse aux XVIe et XVIIe siècles / présent. de P. Choné et B. Gaulard. Glasgow, 2004. P. 195–208.* «Недавно оторван от груди» из наследников Козимо в 1556 г. был Пьетро (1554–1604), который в итоге как раз совсем не впитал интерес к словесности и учености и впоследствии прославился как безнадежный мот и убийца своей первой жены Элеоноры ди Гарсия Толедской.

⁸⁴ Лев постоянно трактуется как символ Христа в Средние века, ср. уже Физиолог 1. Стоит обратить внимание, что Валериано вполне допускает христианские трактовки «иероглифов»; он реконструирует не совсем египетский язык знаков, а истинный язык знаков, который по идее должен быть тождествен египетскому (см. подробнее вступление), но в случае вот такого конфликта христианская истина, разумеется, оказывается предпочтительнее египетской.

⁸⁵ Идея, что у льва различаются передняя и задняя части, видимо, взята из Гореполлона, Иероглифика 1.18: «Желая изобразить силу, рисуют переднюю часть льва, поскольку эти члены у него более сильные». Идея о «небесности», может быть, также связана с Иероглификой 1.17, где говорится, что голова льва похожа на солнце.

⁸⁶ *Levis obiectum amictus*, не вполне понятный пункт. Скорее всего, подразумевается пассаж из Сенеки, О гневе 3.31: «Быка выводит из себя красный цвет, аспид становится в боевую стойку, когда видит тень, медведей и львов провоцирует платок». Ср., впрочем, также Раймунда Луллия, Новая риторика 2.4.8: «Лев из-за силы своей столь самоуверен, что не боится никаких людей, нападающих на него с копьями, мечами или дротиками любого рода. Но если кто-то пойдет на него с одной только длинной веревкой, волоча ее по земле, то лев очень быстро убежит, охваченный ужасным страхом».

от обезьян⁸⁷, от дубовых листьев <Элиан, О природе животных 1.36>, и еще от морского лука⁸⁸. И Христос-Человек тоже боится смерти, хотя и знает, что после нее навсегда станет бессмертным; Он пытается избежать мук и молит Отца, чтобы горчайшая чаша миновала Его <Мф. 26:42; Мк. 14:36; Лк. 22:42>; и был Он так слаб, что от страха не мог стоять на коленях⁸⁹. Так что, если в Христе совмещаются две природы и лев устроен так же, то правильно Божественное Писание соотносит его⁹⁰ то со смертными, то с Богом.

⁸⁷ Похоже, какое-то развитие той темы, что лев приходит в ярость от кривляния обезьян (Плиний, Естественная история 8.52) или питается обезьянами во время болезни (Гораполлон, Иероглифика 2.76, Элиан, Пестрые рассказы 1.9, Абердинский бестиарий Fol. 8r и вообще бестиарии «второй семьи», см.: Clark W. B. A Medieval Book of Beasts: The Second-Family Bestiary: Commentary, Art, Text, and Translation. Woodbridge, 2006. P. 122); эти сообщения иногда следуют непосредственно за списками страхов льва, что могло послужить причиной путаницы. Ср.: *Ulyssis Aldrovandi patricii Bononiensis. De quadrupedibus digitatis viviparis libri tres et De quadrupedibus digitatis oviparis libri duo...* Bononiae, 1645. P. 23: «Наконец, из четвероногих у львов очень ожесточенная вражда с обезьяной, поскольку, как только обезьяна видит льва с какого-нибудь дерева и находит возможность прыгнуть на него, то сразу же хватается за его хвост и цепляется за ягодицы, всевозможными издевательствами оскорбляя своего царя. Поэтому, как отмечает Пиерио, лев, злясь на это, враждует с оным животным».

⁸⁸ Это утверждение взято из той же самой главы Элиана, что и предыдущее (О природе животных 1.36), где, однако, на самом деле говорится уже не о львах, а о волках («Лев же наступает ногой на листья дуба — и впадает в ступор. <...> <испорченное место> и волк, стоит ему только приблизиться к листьям морского лука»). Идея, что на морской лук так реагирует и лев (возможно, основанная на понимании текста Элиана в том смысле, что морского лука боятся оба, и лев, и волк? или на тексте Элиана, в котором было пропущено слово «волк?»), восходит к латинскому пересказу Элиана, изданному Пьером Жилем (1490–1555): «И не следует упускать из виду, что, как лев наступит на листья дуба, так его одолевает ступор; и точно так же, стоит ему только наступить на листья травы морской лук или даже просто приблизиться к ним, его охватывает ступор» (Ex Aeliani Historia per Petrum Gyllium Latini facti, itemque ex Porphyrio, Heliodoro, Oppiano, tum eodem Gyllio luculentis accessionibus aucti libri XVI. De vi et natura animalium; Eiusdem Gyllii Liber unus, De Gallicis et Latinis nominibus piscium. Lugduni, 1535. P. 81). Ср. в XVII в. «Новое руководство по выяснению тайных причин симпатии и антипатии» Сильвестра Рэттрэя (Theatrum sympatheticum auctum, exhibens varios auctores; De pulvere sympathetico quidem: Digbaeum, Straussium, Papinium, et Mohyum; De unguento vero armario: Goclenium, Robertum, Helmontium, Robertum Fluddum, Beckerum, Borellum, Bartholinum, Servium, Kircherum, Matthaeum, Sennertum, Wechtlerum, Nardium, Freitagium, Conringium, Burlinum, Fracastorium, et Weckerum; Praemittitur his Sylvestri Ratray, Aditus ad sympathiam et anti-pathiam. Norimbergae, 1662. P. 17: «Если лев и волк наступят на листья дуба или морского лука, то впадают в ступор») и «О четвероногих с пальцами» Улиссе Альдрованди, также разбирающего «симпатии и антипатии» льва (*Ulyssis Aldrovandi* Op. cit. P. 23: «Также лев плохо переносит, если из земли растет морской лук, поскольку, если он неосторожно наступит на листья этого растения, то сразу же его охватывает ступор, как пишет Жиль в комментариях к Элиану, добавляя к морскому луку листья дуба: наступив на них, лев сразу ослепневает и некоторое время оказывается неспособен бежать»).

⁸⁹ Не вполне понятно, о чем речь; возможно, о том, что, раз в Лк. 22:43 Ангел приходит укрепить Иисуса, когда тот стоит на коленях и молится, то значит, Ему даже на коленях стоять трудно было?

⁹⁰ Из формулировки Валериано не до конца понятно, кого «его» (Христа или льва), но скорее подразумевается лев.

КНИГА 1

ЛЕВ. <ГЛАВА 37>. ЧТО ТАКОЕ СФИНКСЫ

А тех сфинксов с человеческими головами и львиным телом, которых повсюду можно видеть стоящими у дверей храмов⁹¹, некоторые считают совершенно иероглифической выдумкой: в том смысле, будто они сообщают нам, что человеческая природа превосходит прочих животных. Ведь, как я написал в другом месте⁹², под головой подразумевается первенство. А что лев царь всех зверей, очевидно; и вот он оказывается подчинен власти человека, а вместе с ним и все остальные. И мы читаем в Божественном Писании <Быт. 1:28>, что человеку дана власть надо всеми зверьми. А про то, что сфинкс — это наполовину чудище, а наполовину он выглядит как девушка, Адамантий сообщает, что это выдумка греков <Ориген, Против Цельса 1.42>⁹³. Другие толкуют в том смысле,

⁹¹ Примечание Жана Писсевича (1602): «Причем издревле, у ворот египетских храмов, согласно Клименту в пятой книге "Стромат" <5.5.31.5>. Значение этих изображений объясняется там же». Климент Александрийский в указанном месте пишет вот что: «По той же причине и египтяне перед своими храмами ставят изображения сфинксов, как зашифрованное и непонятное сообщение о богах, видимо, в том смысле, что божество нужно и любить, и бояться: любить, поскольку оно милостиво и благосклонно к благочестивым, а бояться, поскольку оно неумолимо в своей справедливости к нечестивцам. Ведь сфинкс образует загадку, соединяя в себе образ зверя и человека». Однако Валериано вряд ли использовал Климента, по-видимому, еле-еле привлечшего внимание иероглифистов только к началу XVII в. (ср. выше примеч. 7 и 45). Это объясняет, почему не упоминается описываемое Климентом значение; более странно, что Валериано не упоминает более распространенную идею, что сфинкс — это такое иероглифическое изображение самой природы загадок-иероглифов (вслед за Плутархом, Об Исиде и Осирисе 354С, эту интерпретацию воспроизводит Пико делла Мирандола в «Речи о человеческом достоинстве» и в «Комментарии к канцоне Бенивьени», см.: Curran B. Op. cit. P. 93–94). Валериано, по-видимому, вообще предпочитает скорее самостоятельно вычислять значения «иероглифов» на основании «естественных соответствий», чем следовать за толкованиями предшественников (он, в частности, периодически — в главах 33.7, 48.26 и 56.37 — отвергает толкования, появляющиеся в «Гипнэротомехии Полифила», см.: Ibid. P. 150). Что сфинксы сидят у ворот храмов, Валериано мог узнать, например, из указанного места Плутарха или из Страбона, География 17.1.28.

⁹² Голове посвящена книга 32 «Иероглифики».

⁹³ Ср. подпись к изображению сфинкса в эмблеме Андреа Альчато «О том, что следует бороться с невежеством» (*Andreae Alciati Emblematum libellus. Parisiis, 1534. P. 50*): *Quid monstrum id? sphinx est. cur candida virginis ora/Et volucrum pennas, crura leonis habet?/Hanc faciem assumpsit rerum ignorantia, tanti/Scilicet est triplex caussa, et origo mali./Sunt quos ingenium leve, sunt quos blanda voluptas,/Sunt et quos faciunt corda superba rudes./At quibus est notum quid Delphica litera possit,/Praecipitis monstri guttura dira secant./Namque vir ipse, bipesque tripesque et quadrupes idem est,/Primaque prudentis laurea, nosse virum*, «Что это за чудище? Это сфинкс. Почему у него лицо девушки, птичьи перья и ноги льва? Такой образ приняло невежество, ведь причин и источников у этого зла три. Одних делает невеждами легкомыслие ума <= перья>, других — сладость удовольствий <= девичий лик>, а третьих — надменность сердца <= лев>. Те же, кто знает смысл дельфийского речения <«Познай самого себя»>, перерубают ужасную глотку бросающегося со скалы чудища. Ибо «одно и то же двуногое, трехногое и четвероногое» — это сам человек, и первейший почет для мудрого — знать человека». Валериано делает процедуру толкования более наукообразной (сперва надо уточнить, не вторичное ли это изобретение, что сверху сфинкс девушка?), однако толкование Валериано

что власть надо всей землей принадлежит вере, и все сколь угодно дикие животные подчиняются ей и принимают ее владычество⁹⁴.

Книга 3

О том, что обозначают бык и всяческие части тела быка.

<Глава 18>. Первая гласная

Но вернемся к нашему предмету. Также и финикийцы почитали быка: будучи, согласно молве, изобретателями букв, они называли быка именем первой гласной, поскольку в этом животном человек в особенности нуждается. А что является необходимым, то, как говорит Гесиод, должно быть не на втором и не на третьем месте, но должно следовать прямо сразу первым⁹⁵. Первая же буква — А, которая по своей природе свободно сама произносится из глубины утробы, не нуждаясь ни в каких орудиях вроде языка, зубов или губ, и это первый членораздельный звук, который мы различаем у младенцев. Но и земля, которую символизирует бык, первой из всех пришла на помощь людской слабости, первой подала пропитание, первой щедро подарила все нужные и полезные вещи тем, кто у нее просил.

Книга 5

О том, что обозначает пес. <Глава 12>. АНУБИС

Добавим, что и бога Анубиса те же самые египтяне изображают в виде пса. Некоторые древние историки сообщают о нем, что он вместе с Осирисом

в общем оставляет место для интерпретации Альчато: сфингу-полудевушку придумали невежды, поэтому ей все вещи были в доме наготове, чтобы не вышло, что тебе придется просить другого, а он откажет, и ты останешься с пустыми руками, а время пройдет, и дело не выйдет. И не откладывая на завтра и на послезавтра: ведь не наполняет свою хижину ни бестолково работающий муж, ни откладывающий; делу помогает старание; откладывающий работу муж вечно борется с бедами. Не очень корректная ссылка на Гесиода получилась, видимо, из неаккуратного цитирования (через вторые руки?) Эразма Роттердамского, О правильном произношении 52.249–251 Cytowska: «Некоторые говорят, что Кадм отдал альфе первое место по той причине, что на финикийском языке “альфа” называется бык, а Гесиод ставит в устройстве домашнего хозяйства на первое место после дома и жены βοῦν ἀρότjρα <“быка землелашца”>». Может быть, Валериано запутался в эразмовском выражении *primo loco secundum domum et uxorem ponit* и понял его как «ставит на первое место (а на второе <ставит> дом и жену)?»

⁹⁴ Curran B. Op. cit. P. 198 полагает, что в последнем из указываемых Валериано значений образ сфинкса мог использовать Рафаэль, расписывая в 1516–1519 гг. Ватиканский дворец (тогда надо, видимо, полагать, что Рафаэль при дворе Льва X уже познакомился с какой-то ранней версией «Иероглифики» Валериано? или что Валериано использует какую-то устную традицию толкования «иероглифов», может быть идущую от Урбано Болъцани?).

⁹⁵ Ср., вероятно, Труды и дни 405–413: «Первым делом заведи дом, жену и быка землелашца... и чтобы все вещи были в доме наготове, чтобы не вышло, что тебе придется просить другого, а он откажет, и ты останешься с пустыми руками, а время пройдет, и дело не выйдет. И не откладывая на завтра и на послезавтра: ведь не наполняет свою хижину ни бестолково работающий муж, ни откладывающий; делу помогает старание; откладывающий работу муж вечно борется с бедами. Не очень корректная ссылка на Гесиода получилась, видимо, из неаккуратного цитирования (через вторые руки?) Эразма Роттердамского, О правильном произношении 52.249–251 Cytowska: «Некоторые говорят, что Кадм отдал альфе первое место по той причине, что на финикийском языке “альфа” называется бык, а Гесиод ставит в устройстве домашнего хозяйства на первое место после дома и жены βοῦν ἀρότjρα <“быка землелашца”>». Может быть, Валериано запутался в эразмовском выражении *primo loco secundum domum et uxorem ponit* и понял его как «ставит на первое место (а на второе <ставит> дом и жену)?»

изгнал из Италии гигантов⁹⁶. А что у него была собачья голова, придумали потому, что он сторожил тела Исиды и Осириса <Диодор Сицилийский, Историческая библиотека 1.87.2>, а сторожить, как было сказано выше <Валериано, Иероглифика 5.3>, особенно свойственно псам; и по этой причине собачье изображение часто помещают на шлемах, как я видел на многих старинных монетах⁹⁷.

КНИГА 17

О том, что обозначают аист, птица пчелоед, удод, ибис и журавль. <РАЗДЕЛ «ОБ ИБИСЕ». ГЛАВА 23>. ПЕРВАЯ ГЛАСНАЯ

Был и ибис символом первой буквы: ведь Плутарх пишет <Застольные беседы 738E>, что Меркурий, который первым принес египтянам буквы, сделал, чтобы первой буквой был ибис⁹⁸. Но буквы алфавита содержали нечто иероглифическое не только у египтян, но и у греков и римлян: например, буква

⁹⁶ Под таким уклончивым обозначением скрывается текст «Трудов разных авторов, писавших о древностях», собрания поддельных древних исторических текстов в эвгемерическом духе, изданных в 1498 г. доминиканским монахом Аннием из Витербо (см. выше примеч. 25 и 34). Среди текстов, приписанных Аннием вавилонскому историку Берозу, есть такое место: «На следующий же год италийцы были побеждены тиранами-гигантами на трех Палленских полях и призвали Осириса, который к тому времени вывел колонии у находящихся поблизости истоков Истра. Осирис овладел всей Италией и десять лет правил ей, и назвал ее своим именем в честь триумфа <*a se nominavit in triumphum*>; вероятно, подразумевается тот сюжет, что Италия была названа Апенниной по имени Аписа, который тождествен Осирису, ср. Fol. 127v и 172r». И, приведя гигантов к повиновению, он оставил править над детьми Януса гиганта Лестригона, своего внука, рожденного сыном Осириса Нептуном» (*Berosi Sacerdotis Chaldaici Antiquitatum libri quinque, cum commentariis Ioannis Annii Viterbensis sacrae Theologiae professoris...*; Reliquorum antiquitatum Authorum catalogum, sequens indicabit pagella. Antverpiae, 1545. Fol. 66r). Эти сведения комбинируются с утверждением Диодора Сицилийского (которое Анний цитирует в примечаниях, Ibid. Fol. 65v), что Осириса в его военном походе по всему миру «сопровождали два сына, Македон и Анубис», причем геральдическим животным первого был пес, а второго — волк, потому что Анубис был трусливый, а Македон — храбрый (Историческая библиотека 1.18.1). После публикации подделок Анния довольно быстро появились скептики в вопросе об их подлинности, но в то же время довольно долго многие относились к этим текстам как к достоверным документам (см.: *Grafton A. Traditions of Invention and Inventions of Tradition in Renaissance Italy: Anniius of Viterbo* // *Grafton A. Defenders of the Text: The Traditions of Scholarship in an Age of Science, 1450–1800*. Cambridge (Massachusetts), 1991. P. 76–103). Валериано вообще очень некритично относится к своим источникам в «Иероглифике» (ср., напр., примеч. 76 выше; это совсем не было универсалией для науки середины XVI в. — см. подробнее главу 11 настоящей монографии).

⁹⁷ Скорее всего, подразумеваются разные греческие монеты с изображениями головы Афины, на шлеме которой могут помещаться разные животные; Валериано мог принять за собак, например, грифонов или гиппокампов. Менее вероятно, что он принял надетую вместо шлема львиную шкуру за собачью.

⁹⁸ Из названия главы ясно, что уже здесь Валериано автоматически принимает за первую букву египетского алфавита гласную А, по образцу латыни и греческого; см. подробнее ниже перевод главы 27 книги 47 («А»). Ср. объяснение о естественной «первичности» звука А в главе 3.18, переведенной выше. Плутарх, очевидно, имел в виду под Гермесом (= Меркурием) египетского бога Тота, священное животное которого — ибис.

А была знаком оправдательного приговора (*absolutio*), буква С — знаком осуждающего приговора (*condemnatio*), а сочетание NL — знаком откладывания дела на два дня: это значило, что «ничего не ясно» (*non liquet*)⁹⁹. Ведь все судьи, как сообщает Педиан <Асконий Педиан, Комментарий к речи против Верреса 2.1.26>, одновременно клали в ящик таблички, на которых писали каждый одну букву. А иногда они еще подписывали свои основания, почему кто голосовал за осуждающий или оправдательный приговор.

КНИГА 20

О ТОМ, ЧТО ОБОЗНАЧАЮТ ФЕНИКС,
ПЕЛИКАН И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ПТИЦЫ.

<РАЗДЕЛ «О ВОРОБЬЕ». ГЛАВА 38>.

ПЛОДОВИТАЯ ПОХОТЛИВОСТЬ¹⁰⁰

Те же самые египетские священники, если хотели обозначить человека плодovитого и неумеренно преданного распутству, изображали воробья *πυρίτην* <«огненного»>, то есть рыжего и красного, как медь, а не *πυρούτην*, что некоторые толкуют как «обитающего в башнях», хотя рукописные копии Гора указывают, что надо читать *πυρίτην*¹⁰¹. Ибо воробей, возбуждаем неумеренной похотью и изобилием семени, хоть семь раз в час может совокупляться с самкой, и его порождающая способность никогда не истощается. А поскольку за ним замечали такую похотливость, то врачи стали добавлять в пищу воробьиное мясо или яйца для поддержания ослабевающей сексуальной потенции, и по той же причине авторы мифологических текстов придумали, что воробьи запряжены в колесницу Венеры. Вот и Терсикл говорит, что потребление воробьев в пищу очень благоприятно влияет на сексуальную потенцию¹⁰².

⁹⁹ Общее у двух случаев то, что буква, кроме звука, обозначает еще некий предмет или понятие (является «иероглифом»), хотя механизм на самом деле противоположный: у египтян изображение ибиса обозначает исходно ибиса, а уже вдобавок к этому еще и звук А; у римлян буква А исходно обозначает звук, а уже за счет этого приобретает дополнительное значение как аббревиатура.

¹⁰⁰ Эта глава любопытна тем, что тридцатью пятью годами ранее Валериано очень резко отзывался об идее Полициано, будто именно такое непристойное значение нужно видеть в образе воробья у Катул-ла; см. главу 16 настоящей монографии, примеч. 126.

¹⁰¹ Валериано обсуждает, какое чтение следует принять в тексте Гореполлона, Иероглифика 2.115 (сейчас предпочитают вариант *πυρούτην*, поскольку такое обозначение вида воробья также встречается у Галена, напр., О свойствах пищи 6.700.15 Kühn, О заботе о здоровье 6.435.11 Kühn, и у других медиков; видимо, «обитающий в башнях» нужно понимать просто как «домашний»): «Желая обозначить человека плодovитого, изображают домашнего воробья; ибо он, возбуждаем неумеренным желанием и изобилием семени, совокупляется с самкой по семь раз за час, изобильно извергая сперму» (Валериано почти дословно переводит эту фразу, вставляя в нее свое пояснение).

¹⁰² Имеется в виду Терпсикл, сочинение которого «О любовных средствах» цитируется в «Пире мудрецов» Афиней, 9.46, и в комментарии Евстафия к «Одиссее», 1.49 Stallbaum.

VIRTVTI CEDIT
improbitas.

КНИГА 29

О ТОМ, ЧТО ОБОЗНАЧАЮТ КРОКОДИЛ
И НЕКОТОРЫЕ ЗЕМНОВОДНЫЕ.
<РАЗДЕЛ «О ГИППОПОТАМЕ». ГЛАВА 17>.
УКРОЩЕНИЕ НЕЧЕСТИВОСТИ

А еще очень знаменито то изображение, которое когда-то можно было повсюду увидеть в Гермополе, то есть та картина, где изображается гиппопотам, а над ним ястреб, сражающийся со змеей¹⁰³. Знатоки египетских письмен говорят, что значение этого сюжета такое: они полагают, что речь идет о покорении Тифона Осирисом, когда они сразились за власть, и что под гиппопотамом подразумевается Тифон, покоренный Осирисом, а под змеей, как они разъясняют, власть, и получается скрытый смысл, что нечестивость, пытаясь одержать верх, в конце концов уступает добродетели.

По той же самой причине, устраивая священнодействия на праздник возвращения Исиды из Финикии, в связанного гиппопотама в насмешку кидали лепешками¹⁰⁴. И не буду здесь умалчивать, что в Инсубрии у моста Понтироло¹⁰⁵ сохранилась

¹⁰³ Плутарх, Об Исиде и Осирисе 371C–D: «А в Гермополе показывают статую Тифона в виде гиппопотама, на которого опустился ястреб, сражающийся со змеей. Под гиппопотамом подразумевается Тифон, а под ястребом — сила и власть, которые Тифон часто, захватив силой, не отдает, притом что и его самого терзает его злонравие, и он сам терзает других». Толкование, на которое ссылается Валериано, устроено иначе; что же это тогда за «знатоки египетских письмен»? Возможно, Урбано Больцани? Ср. примеч. 65 и 94.

¹⁰⁴ *Fluvialem equum religatum libis incessere per ludibrium cosuerant*. Подразумевается Плутарх, Об Исиде и Осирисе 371D, где Валериано, по-видимому, читал такой текст: ἐπιπλάττουσι τοῖς ποπάνοις ἵππον ποτάμιον δεδεμένον; на самом деле первое слово, вероятно, надо читать как ἐπιπλάττουσι, и тогда получается «вылепливали на лепешках изображение связанного гиппопотама». В единственном опубликованном на тот момент латинском переводе «Об Исиде и Осирисе» (*Curran B. Op. cit. P. 89–90*) это место было переведено правильно (*Caelii Calcagnini Ferrariensis, protonotarii apostolici, Opera aliquot; Ad illustrissimum et excellentissimum principem D. Herculem secundum, ducem Ferrariae quartum. Basileae, 1544. P. 242: in placentalis hippopotamum ligatum efformant*); в альдинском *editio princeps* греческого текста также был напечатан правильный текст (*Plutarchi Opuscula LXXXXII. Venetiis, 1509. P. 409: ἐπιπλάττουσι*). По-видимому, Валериано пользуется даже для своего времени необычным — и необычно плохим — текстом Плутарха.

¹⁰⁵ Понтироло, по-латински *pons Aureolus*, место и город в итальянской провинции Бергамо (на реке Адда), где в 268 г. н. э. император Клавдий убил узурпатора («тирана» в терминологии «Истории Августов») Авреола, в честь чего и названо место, как сообщает (Псевдо-)Треbelлий Поллион в «Жизнеописании три-

могила тирана Авреола, которую цезарь Клавдий почтил эпитафией из 6 элегических строк. На передней стороне этой могилы высечен гиппопотам, обвитый змеей, кусающей саму себя за хвост. Я полагаю, это означает, что «тирания в конце концов с течением времени оказалась повергнута»¹⁰⁶. А об Авреоле, который во время Галлиена вместе со многими другими присвоил себе власть тирана, можно прочесть подробнее у Требеллия Поллиона и Юлия Капитолина. Эпиграмма, написанная на могиле императором Клавдием, как сообщают, такова:

Κλαύδιος Αύρεολῶ μετὰ δῆιον Ἄρεα Καῖσαρ
Τὰ κτέρεα θνητῶν ὡς θέμις ἐνδιδόει.

дцати тиранов», 11.4–5. Там приводится и текст греческой эпитафии, написанной на этой могиле, но только в латинском переводе. Греческий оригинал Валериано и другие ученые раннего Нового времени цитировали по одной рукописи, в которой Андреа Альчато выписывал тексты древних надписей. Там же Альчато приложил свой альтернативный латинский перевод (иногда тоже перепечатававшийся в Новое время) и нарисовал изображение, которое описывает Валериано, с подписью ΑΥΡΕΟΛΟΣ и сверху с аббревиатурой ΘΚ (=θεοῖς καταχθόνιους «духам загробного мира», аналог латинского сокращения D(is) M(anibus), стандартного начала надгробных надписей), как будто воспроизводится изображение с реальной могилы; кроме того, Альчато подписал еще какое-то толкование из Гореполлона. В Понтироло никто такого надгробия, конечно, не видел, но текст эпиграммы все равно долго включался в собрания греческих надписей, пока Теодор Моммзен не указал (*Corpus Inscriptionum Latinarum*. Vol. V / ed. T. Mommsen. Pars II. Berolini, 1877. P. 60*), что на самом деле Альчато, по-видимому, просто сам перевел на греческий текст из «Истории Августов». Это доказывается тем, что существует еще другая рукопись Альчато, где он, приведя латинский текст эпиграммы из «Истории Августов», далее пишет: «Текст этот, конечно, я, как усердно ни искал у греческих эпиграмматистов, не нашел; но, чтобы он не пропал совсем, я позаботился приписать из Поллиона, что от него сохранилось. Хотя можно было приписать как-то так...» — и дальше цитируется тот же самый греческий текст с некоторыми отличиями (более близкий к тексту «Истории Августов»).

¹⁰⁶ Одно из значений змеи, кусающей хвост («уробороса»), — «время» (или иногда еще «вечность», «год»); см. у Валериано главу 4 книги 14 «Иероглифики» (ср.: Гореполлон, Иероглифика 1.2, 1.59, где тот же символ означает «мир» и «властителя»), а также: *Dempsey C. Renaissance Hieroglyphic Studies and Gentile Bellini's Saint Mark Preaching in Alexandria*. P. 354. Тому же самому значению посвящен знаменитый и традиционно цитируемый в связи с представлениями об иероглифах комментарий Марсилио Фичино к «Эннеадам» Плотина, 5.8.6 (заголовок гласит «Египетские жрецы, чтобы обозначить божественные тайны, пользовались не мелкими буквами, а целыми изображениями трав, деревьев и животных, очевидно по той причине, что знание Бога о вещах — это не набор отдельных мыслей о каждой вещи, но словно бы простой и цельный образ этой вещи»: «Время ты представляешь в виде набора отдельных и непостоянных мыслей: говоришь, что оно быстро течет и что обращение его некоторым образом соединяет начало с концом; что оно учит мудрости, что-то приносит, что-то уносит. Египтянин же весь этот бег охватывает сразу в неком едином и цельном изображении, рисуя крылатую змею, которая держит свой хвост в зубах; и прочие вещи он тоже обозначает подобными картинками, которые описывает Гор» (*Marsilio Ficini, Philosophi, Platonici, Medici atque Theologi omnium praestantissimi, Operum...* T. II. Basileae, 1576. P. 1768, ср.: Плотин, Эннеады 5.8.6). Этот символ был распространен и в алхимии, например знаменитое его изображение есть в греческом алхимическом кодексе Marcianus gr. 299 X–XI в. (см.: *Hornung E. The Secret Lore of Egypt: Its Impact on the West* / tr. from the German by D. Lorton. Ithaca, 2001. P. 13); название οὐροβόρος (гр. «хвостоглотатель») тоже происходит из греческих магических и алхимических текстов. Текст Клавдиана, О консульстве Стилихона 2.427–430, как кажется, проясняет, как надо представлять себе эту змею, чтобы связь со временем выглядела естественнее: она не просто держит хвост во рту, а все время заглатывает все больше и больше, так что голова ее все продвигается вперед и вперед на кольцеобразном хвосте, но сколько бы она ни заглатывала, впереди остается столько же, сколько было.

Τῷ γὰρ καὶ ζωὴν, ἀλλ' οὐκ ἐθέλησε φρόνημα
 Πᾶσιν ἐπὶρήτοισ τοῦ στρατοῦ ἀντίβιον.
 Κεῖνος δ' οἰκτίρων καὶ σώματος ἔσχατ' ὀπίζων
 Αὐρεόλου, γέφυραν εἶσατο τήνδε ταφὴν.

<«Цезарь Клавдий после жестокой войны предоставляет Авреолу подобающие мертвым почести. Он дал бы ему и жизнь, но этого не позволила воля войска, враждебная всем преступникам. Но он милостив и тем, что отдал последние почести праху Авреола и воздвиг этот мост в качестве могилы»¹⁰⁷.

КНИГА 37

О ЧИСЛАХ И ЗНАЧЕНИЯХ ПАЛЬЦЕВ.

<ГЛАВА 1>. РАЗЛИЧИЕНИЕ ПАЛЬЦЕВ

Как кажется, разумно будет сперва провести различия между пальцами и объяснить, какая область отведена каждому из них, дабы подвести к тому, чтобы затем изложить их значения. Ведь если их по-разному расположить, если согнуть, если распрямить, то на той руке, то на этой, то, как мы сказали, они каждый раз будут выражать разные вещи и охватят практически все числовые значения. Много таких жестов можно найти у древних статуй, и упоминания о них постоянно встречаются у писателей. Такие места введут читателей в немалое замешательство, если им не объяснить что-то вроде логики этих жестов: что мы и намереваемся сделать. В целом система счета разделяется на три части: первая называется «палец» (*digitus*), вторая — «сустав» (*articulus*), третья — «сложное число» (*numerus compositus*)¹⁰⁸. «Пальцы» — это все цифры, которые меньше десяти; эти точки, от одного до девяти, также все называются просто «цифрами» (*numeri*)¹⁰⁹, некоторым образом зарезервировав для себя это имя. А «сустав» — это то, что без остатка делится на десятку. А вместе «пальцы»

¹⁰⁷ Конец текста у Валериано искажен, у Альчато было Αὐρεόλου γέφυραν εἶσατο τήν τε ταφὴν («и воздвиг мост и могилу Авреола»).

¹⁰⁸ Эта классификация, впервые появляющаяся в пассаже, приписывавшемся Боэцию (атрибуция которого, однако, спорна: Наука геометрии 395.3–17 Friedlein), и распространенная в трактатах по математике Средних веков и Возрождения (см.: *Smith D. E. History of Mathematics. Vol. II. Boston, 1925. P. 11–25*), подразумевает, по-видимому, другую систему счета на пальцах, противоречащую той, которую излагает далее Валериано. Понятие «сложное число» трактовалось по-разному, один из вариантов дал современное русское терминологическое значение. Валериано использует трактовку, которую проще связать со счетом на пальцах.

¹⁰⁹ К системе Псевдо-Боэция Валериано присоединяет еще одну противоречащую ей терминологическую схему, внося дополнительную путаницу. *Numeri* — буквально вообще даже скорее «числа», для «цифр» (т.е. единиц) существовало специальное слово *cifra*. В математических трактатах XIII в., например, числа от 1 до 9 обозначаются термином *numeri simplices*, «простые числа» (см.: *Busard H. L. L. Über zwei Algorismus-Schriften aus dem 13. Jahrhundert//Sic itur ad astra: Studien zur Geschichte der Mathematik und*

и «суставы» дают «сложное число», когда, то есть к «суставам», или десяткам, присоединяется та или иная цифра. Место цифр — три нижних пальца¹¹⁰, а «суставов» — сплетение большого и указательного¹¹¹. А для обозначения сложных чисел распрямляют или сгибают (в зависимости от того, что нужно показать в данном случае) и те и те пальцы вместе.

Разобравшись с этими положениями, стоит изложить, какие числа обозначаются разными пальцами и разными движениями пальцев. И прежде всего бесспорно вот что: на левой руке показываются все точки от единицы до девяти и до девяноста, а на правой — от, так сказать, «сотенной» до девятисот. А вот какими пальцами обозначать тысячу, так чтобы она отличалась от сотни, — об этом у ученых мужей большой спор: одни следуют за Бедой, мужем, конечно, немалой учености, другие же предпочитают некое более логичное решение¹¹². В частности, Беда (если только это действительно он так написал) говорит, что сотня переходит с левой на правую руку таким образом, что та же комбинация пальцев, которой мы на левой обозначаем 10, на правой изображает 100¹¹³; а уже далее мы спускаемся¹¹⁴ к тысячам и какими комбинациями на левой показывали цифры до девяти, теми же самыми комбинациями на правой руке мы обозначаем соответствующее число тысяч. Другие же следуют естественному порядку и как меньшие числа находятся ниже¹¹⁵ больших чисел на левой, так же считают, что меньшие суммы находятся ниже больших и на правой: ведь цифры относятся

Naturwissenschaften/hgb. von M. Volkerts und M. Lorch. Wiesbaden, 2000. S. 91–137), Валериано мог понять это выражение как «просто числа» и вывести название *numeri* отсюда.

¹¹⁰ То есть средний, безымянный и мизинец. Валериано представляет ладонь, повернутую к себе, у которой сверху окажется большой палец.

¹¹¹ Далее Валериано описывает античную систему счета на пальцах. Она сформировалась примерно в таком виде, вероятно, по крайней мере к рубежу нашей эры, но подробное ее изложение сохранилось только в двух раннесредневековых текстах — в приписывавшемся Бедой Достопочтенному сочинении «Римский счет» (конец VII в.) и первой главе сочинения самого Беды «О счете времени» (начало VIII в.). См.: Williams B. P., Williams R. S. Finger Numbers in the Greco-Roman World and the Early Middle Ages // Isis. Vol. 86. 1995. P. 587–608. Валериано воспроизводит систему этих текстов.

¹¹² На самом деле все античные свидетельства единодушно говорят в пользу «системы Беды» (см. Ibid.); примеры, приводимые Валериано в пользу защищаемой им «более естественной системы», все до одного очень слабы, как легко увидеть из дальнейшего текста. Тем лучше видно, что Валериано предпочитает не ту модель, которая хорошо зафиксирована документально, а ту, которая «соответствует самой природе». Именно такая система, на его взгляд, должна была использоваться в иероглифике: иероглифы мыслятся не как конвенциональная знаковая система, а как набор «естественных» соответствий между означаемыми и означающими. Для удобства понимания следующего далее текста лучше сразу обратиться к графической схеме, которую Валериано приводит в середине главы (с. 512).

¹¹³ И соответственно, подразумевается, вообще «те комбинации, которые на левой обозначают десятки, на правой изображают соответствующие сотни».

¹¹⁴ *Descendamus*, поскольку совершается переход к «нижним пальцам» (*digiti inferiores*), см. примеч. 110.

¹¹⁵ См. примеч. 110.

к десяткам точно так же, как сотни к тысячам. Так что подобает, чтобы и образы оных иероглифов следовали вот этим вторым правилам.

Поэтому, отбросив сложности, которые запутывают и смущают умы в писаниях, приписываемых Беде, следует располагать руки так, чтобы как на левой мы начинали с мизинца¹¹⁶ для обозначения единицы и следующих за ней цифр, так и на правой начинать с того же пальца, двигаясь от сотни к девяностам. А тысячи будем изображать большим и указательным пальцами. И как на левой руке по трем нижним пальцам мы поднимались к «суставам», так и на правой руке нам следует по тем же нижним пальцам подниматься от сотен к тысячам. И, таким образом, какой комбинацией пальцев мы обозначаем на левой руке 10, с такой и на правой будем начинать отсчет тысяч, которым гораздо уютнее и удобнее обитать на большом и указательном пальцах. А свидетелем, что надо делать так, мне будет из древних богослов Ириней, муж учености высочайшей и многосторонней, который был славен за несколько поколений до Беды¹¹⁷: он прямо пишет, что комбинация, обозначающая 1 на левой руке, при перенесении на правую руку дает сто. Но лучше я приведу его собственные слова об этой комбинации пальцев, из тринадцатой главы первой книги против валентинианцев: что «от числа девяносто девять, которое было на левой руке, через обозначение единицы совершается переход на правую и там получается сотня»¹¹⁸.

Его мнение принято греками, а среди новейших авторов — и общим согласием. Несомненное первенство среди последних принадлежит Луке Минориту¹¹⁹,

¹¹⁶ (*Digitus*) *auricularis*, средневековое обозначение для мизинца (откуда фр. *auriculaire*; в литературном итальянском возобладало название *mignolo* («маленький»), но название *auriculare* тоже существовало), букв. «ушной палец», в том смысле, что им ковыряются в ушах.

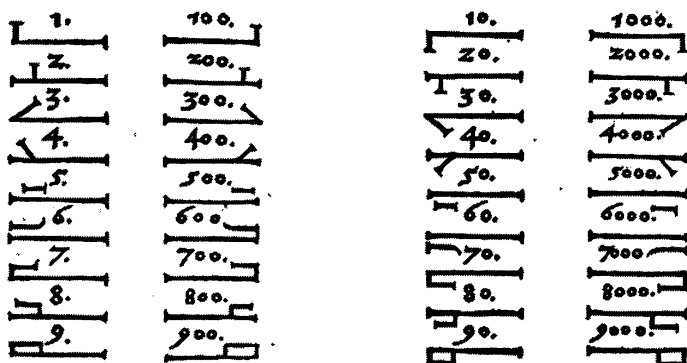
¹¹⁷ В «Хронике» Иеронима время деятельности Ириней отнесено к концу II в.; хронологические выкладки о времени жизни Беды делались в издании Иоанна Неймегенского (Joannes Noviomagus, Ян Бронкхорст) 1537 г. (*Bedae* Opuscula complura de temporum ratione diligenter castigata atque illustrata veteribus quibusdam annotationibus una cum scholiis in obscuriores aliquot locos, auctore Joh. Noviomago; Nunc primum inventa ac in lucem emissa. Coloniae, 1537. Fol. A iiii r — A iiii r), у которого получалось, что Беда умер в 732 г. Иосиф Юст Скалигер позднее, неправильно приписав Беде один из опубликованных Иоанном Неймегенским отрывков, будет считать, что Беда был жив еще в 778 г. (Grafton A. Joseph Scaliger: A Study in the History of Classical Scholarship. Vol. 2. Oxford, 1993. P. 97–98). Так или иначе, срок получается слишком большой, чтобы говорить о «нескольких поколениях»; скорее всего, Валериано просто не стал особенно разбираться в вопросах хронологии и как-то прикинул «на глаз», что Беда жил позднее.

¹¹⁸ Валериано достаточно вольно переводит на латынь греческий текст Ириней (Против ересей 1.9.2 Harvey): «Поэтому они <маркосиане> бегут с помощью гнозиса от земли девяноста девяти, то есть от недостаточности, образа левой руки; а следуют они за единицей, и, если ее добавить к девяноста девяти, то она переносит их на правую руку». Из этого текста Валериано делает вывод, что сотня обозначалась так же, как единица (загнутым мизинцем), однако оригинал совсем не обязательно так трактовать: возможно, единица является посредником в переходе к правой руке и к сотне только в математическом смысле, $99+1=100$.

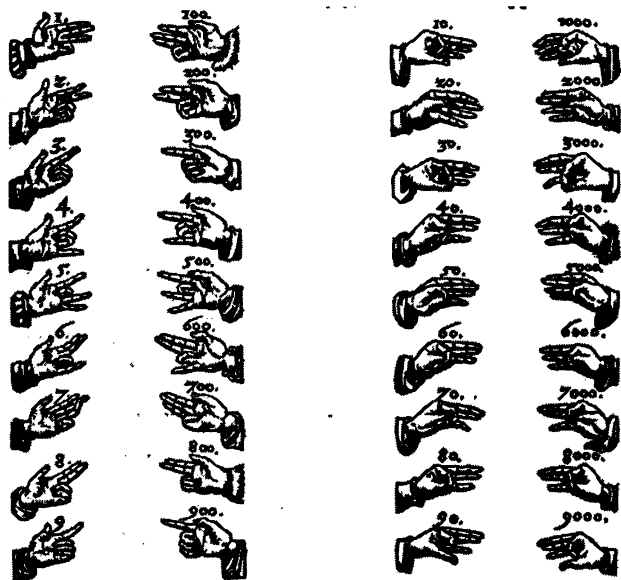
¹¹⁹ Подразумевается францисканский монах фра Лука Пачоли из Борго Сансеполькро, автор итальянскоязычного сочинения «Сумма арифметики, геометрии, отношений и пропорций» (*Summa de arithmetica, geometria, proportioni e proportionalità*), впервые опубликованного в Венеции в 1494 г.

который довел до полного совершенства изложение арифметики и ее разделов, и труд его, удостоившийся единодушного признания, уже много лет назад стал достоянием публики и считается одним из лучших. Были и другие, которые в книгах, предназначенных для обучения смертных, изображали руки, сложенные по той системе, которую излагает Ириней.

А кроме того, вся эта система в точности соответствует халдейской и поразительно совпадает с ней¹²⁰. В частности, халдеи все эти тонкие правила счета воплотили в начертание линий, и различия между этими линиями таковы, что одно только добавление неких черточек и одно только различение их положения позволяет изобразить весь набор чисел. Но черточек четыре группы, и устроены они так, что первая группа обозначает «пальцы», вторая — «суставы», третья — сотни, а четвертая — тысячи, причем в таком порядке, что черточка, которая, поднимаясь слева, указывает на единицу, справа будет обозначать сотню; а если те же самые черточки повернуть вниз, то левая будет обозначать десять, а правая — тысячу, как показано на следующей странице:

¹²⁰ Систему «халдейских цифр» Валериано знает, по-видимому, по главе «О неких астрологических, или халдейских, числовых знаках» сочинения того же Иоанна Неймегенского «О числах» (опубл. в Париже и Кёльне в 1539 г.). Тот заимствует описание у Агриппы Неттесгеймского (О сокровенной философии 2.19, *Henrici Cor. Agrippae ab Nettesheyem, De occulta philosophia libri III...* Lugduni, <ca. 1531>. P. 211), перевернув значки из вертикальных в горизонтальные. Агриппа же под названием «некоторые другие знаки магов» воспроизвел (с некоторыми изменениями) систему обозначения чисел, разные варианты которой ходили по средневековой Европе с XIII в. (появились они, видимо, в Англии, где тогда еще, вероятно, не были широко известны арабские цифры, а потребность в более компактной системе, чем римские цифры, уже была; но, поскольку они остались знанием для немногих, эти самодельные цифры со временем стали восприниматься как шифр и ассоциироваться с тайнами и магией). См.: *King D. A. The Ciphers of the Monks: A Forgotten Number-Notation of the Middle Ages.* Stuttgart, 2001. Незадолго до этого Агриппа упоминает халдейские цифры (под «халдейским» языком в XVI в. понимали арамейский, в котором для обозначения цифр использовались буквы обычного алфавита, как и указывал Агриппа); возможно, в этом причина ошибки Иоанна Неймегенского. Ср. также: *Henrici Cor. Agrippae ab Nettesheyem* Op. cit. P. 210–211: «Есть свои знаки для обозначения чисел и у египтян, и у эфиопов, и у халдеев, и у арабов, и они тоже часто встречаются среди магических символов, так что, кто захочет в них <т. е. обозначениях чисел указанных народов> разобратся, пусть обратится к знатокам таких <т. е. магических> символов». Совпадение с описываемой Валериано системой жестов получается довольно приблизительное, и его, вероятно, следует считать случайным.

Так что и мы под образец халдеев подстроим счет на пальцах рук, изобразив ладони разных рук протянутыми с разных сторон, чтобы единицы оказались напротив сотен, а десятки — напротив тысяч, как в изображенных выше иероглифах.

А что касается высказывания Оронта, зятя царя Артаксеркса, из-за какой-то немилости этого царя оказавшегося лишенным почестей и ввергнутым в презренное состояние, — высказывания, что, «как пальцы счетоводов то выдают мириады, то единицы,

так и друзья царя — то обладают всяческой возможной властью, то совсем никакой»¹²¹, — то ничего не выйдет, если кто-то захочет истолковать это в пользу логики Беды, как будто Оронт говорил о мизинцах правой и левой руки, показывающих с одной стороны единицы, а с другой — тысячи. Ведь это неудачная идея: Оронт по обыкновению ораторов ради амплификации без разбору сказал «мириады» не потому, чтобы он думал, будто иероглифы отдельных мириад расположены напротив соответствующих единиц, но просто в общем обозначил с одной стороны пальцы левой руки, с другой — правой.

Возражая халдеям, персам, Иринию и прочим, можно было бы сослаться на Квинтилиана — некоторые цитируют его одиннадцатую книгу, вот это место: «Жесты человека, просящего подать ему чашу, или угрожающего плетью, или обозначающего загнутым большим пальцем число пятьсот (некоторые авторы ругают за всякие такие вещи), — этого я не видел даже у совсем деревенщины» <Воспитание оратора 11.3.117>. Но те же самые люди, которые хотят

¹²¹ Анекдот взят из Плутарха, Изречения царей и полководцев 174В (Валериано переводит Плутарха практически слово за слово — возможно, в том числе чтобы подчеркнуть, что «мириады» — это, строго говоря, не тысячи, а десятки тысяч). Речь идет о событиях начала IV в. до н.э., Артаксеркс — это персидский царь Артаксеркс II (404–358 гг. до н.э.), Оронт — персидский сатрап Армении, строивший во второй половине 380-х гг. до н.э. при дворе интриги против полководца Тирибаза. Судя по Диодору Сицилийскому, Историческая библиотека 15.11.2, немилость, о которой говорит Плутарх, последовала как раз за этими событиями (когда выяснилось, что Оронт оклеветал Тирибаза).

в этом месте писать «пятьсот», вынуждены признать, что большинство ученых мужей в этом месте, скорее, читают «пятьдесят»¹²².

Но я знаю, конечно, что существуют и защитники варианта Беды, а именно того, что какими пальцами на левой руке обозначаются десятки, теми же самыми на правой должны обозначаться сотни и что таким образом с помощью указательного и большого пальцев, воспроизводя ряд десятков, мы должны доходить до 900. Затем же, когда нам нужно будет показать тысячи, нам придется спуститься к нижним пальцам той же самой руки, хотя даже сама природа, как кажется, противится этому.

Да и Иероним вот что пишет: «Далее, число сто (читатель, следи, пожалуйста, внимательно) переносится с левой руки на правую, и теми же самыми пальцами (но только на другой руке), которыми обозначались на левой замужние женщины и вдовы, это число, обводя круг, изображает венец девственности» <Против Иовиниана 1.32>¹²³. Вот к каким мыслям меня приводят эти слова: что Иероним, если я не ошибаюсь, излагает то же самое, что и Ириней, если только в этом предложении правильно расставить запятые. Иероним сам говорит — «следить внимательно». За чем следить? За тем, как число сто переносится с левой руки на правую и, теми же самыми пальцами на другой руке обводя круг, изображает венец девственности. «Да он понятней объяснил, — говорят они, — когда сказал: “Которыми обозначались на левой замужние женщины и вдовы”». Нам действительно известно, что, если нежно приложить на левой руке ноготь большого пальца к ногтю указательного, как будто они целуются, то это будет, согласно оному ученому мужу, иероглиф бракосочетания <Иероним, Против Иовиниана 1.3, Послания 48.2>, о чем я написал подробнее в соответствующем месте <вероятно, речь о главах 37.36 и 37.37 «Иероглифики»>. Вдовы же обозначаются числом 60 <Иероним, Против Иовиниана 1.3,

¹²² Валериано, по-видимому, имеет в виду замечание Йоссе Баде (Бадия Асцензия, Jodocus Badius Ascensius) в его издании Квинтилиана, что в его рукописи на месте слова «пятьсот» сначала был какой-то неразборчивый числовой знак, потом было написано словами «пятьдесят» и только потом исправлено на «пятьсот» (см.: *M. Fabii Quintiliani De institutione oratoria libri duodecim, cum notis et animadversionibus virorum doctorum, summa cura recogniti et emendati per Petrum Burmannum*. Lugduni Batavorum, 1720. P. 1024 и *Marcus Fabius Quintilianus. De institutione oratoria... cum integris commentariis G. L. Spalding quibus novas lectiones et notas adjecit J. J. Dussault*. Vol. IV. Parisiis, 1823. P. 367). Валериано, конечно, искажает картину: в произвольной выборке из десятка изданий Квинтилиана XV — начала XVI вв. чтение «пятьдесят» не встретилось мне ни разу, своды «вариантов» тоже не упоминают о нем (кроме как в связи с записью Йоссе Баде), похоже, что оно вообще ни в одном издании в текст принято не было, и уж во всяком случае оно точно не предпочиталось «большинством ученых мужей».

¹²³ Из более подробного параллельного пассажа в Против Иовиниана 1.3 становится понятно, что речь идет о числах 30 (= брак), 60 (= вдовство) и 100 (= девственность) и о соответствующих им жестах. «Те же самые пальцы» явно должны обозначать указательный и большой, у Валериано так и не получается толком выкрутиться из этой очевидной проблемы (он, видимо, пытается доказать что-то вроде того, что «теми же самыми пальцами, только на другой руке» нужно понимать просто как «тоже пальцами, только пальцами другой руки»).

Послания 48.2, Кассиодор, Изложение псалма 60> и число это изображается тем, что указательный палец той же самой левой руки тесно обхватывает последний сустав большого пальца. Это все признают. Но чтобы мы не запутались, Иероним делает пояснение: «число сто переносится с левой руки на правую». Подразумевается, что тот палец и тот жест, который на левой образует единицу, на правой дает сотню, и остальные числа образуются соответствующим образом. И вот что он говорит: «Но только на другой руке». О какой он руке? Он имеет в виду ту, которой мы не пользуемся, обозначая сотни, и на которой пальцы обозначают замужних женщин и вдов, — иероглифы этой руки он остроумнейшим образом объяснил и истолковал выше. Но как это, спросит кто-нибудь, мизинец сможет очертить такой венец? Отвечаю: если загнуть этот палец таким образом, чтобы ноготь этого пальца словно ломился в холмик, находящийся посреди ладони. Тогда получится такое же изображение венца, как если веточку какого-нибудь дерева нагнуть концом к тому месту, откуда она начала свой рост. Ибо жест этот (по необходимости повторю в который уже раз) на левой обозначает «один», на правой — «сто»; подробнее о каждом из этих чисел будет сказано в соответствующих местах¹²⁴.

Теперь же, поскольку я, быть может, утомил читателя тягостным и въедливым разбором, неплохо будет немного расслабить уши и разум, усладив их изящной эпиграммой Никарха по поводу этих жестов. Он здесь насмехается над многолетней старушкой Котиттаридой, которая — хотя голова ее уже совсем седа, и она ужасно болтлива, и при сравнении ее с Нестором оказывается, что тот не такой уж и старик, поскольку до ее возраста даже олени не доживают¹²⁵, и она начинает отсчитывать свой возраст на левой руке, скрывая, сколько ей на самом деле лет — все-таки еще жива, все-таки еще не ослепла, и шаг ее еще тверд, как будто она до сих пор девочка. А потому возникает серьезное беспокойство — не стряслось ли чего нехорошего с Плутоном? Но послушаем самого Никарха, которого некоторые ошибочно называют Никандром <Палатинская антология 11.72>¹²⁶:

¹²⁴ То есть в дальнейшем тексте той же самой книги 37 Валериано, порядок глав в которой подчеркнута соответствует защищаемой им системе обозначения на пальцах: 1–100–2–200–3–300, и т. д. Вместе с числами разбираются и соответствующие им жесты.

¹²⁵ В древности считалось, что олени (как и вороны) особенно долго живут — см., напр.: Цицерон, Tusculanские беседы 3.69 (со ссылкой на Феофраста), Аристотель, История животных 6.172, Плиний, Естественная история 8.119 (по Плинию, некоторые олени проживают более 100 лет, Валериано явно имеет в виду именно эту цифру).

¹²⁶ Эта эпиграмма сохранилась в Палатинской антологии под именем Басса Смирнского (которого иногда отождествляют с Lollium Bassum, поэтом рубежа I в. до н.э. и I в. н.э., но, скорее всего, неправильно, см.: The Greek Anthology: The Garland of Philip and Some Contemporary Epigrams / ed. by A. S. F. Gow and D. L. Page. Cambridge, 1968. P. 191–192, 196), а в «Антологии Плануда», другом собрании греческих эпиграмм — под именем Никарха. Скорее всего, имеется в виду Никарх — поэт I в. н.э.,

Ἡ πολὺὴ κροτάφοισι Κοτυτταρίς ἢ πολὺμυθος
 γραῖα, δι' ἣν Νέστωρ οὐκ ἔτι πρεσβύτατος,
 ἢ φάος ἀθρήσας' ἐλάφου πλέον, ἢ χερὶ λαίῃ
 γῆρας ἀριθμεῖσθαι δεύτερον ἀρξαμένη,
 ζῶει, καὶ λεύσουσα, καὶ ἀρτίπος οἷά τε Νύμφη
 ὥς τέ με διστάζειν μῆτι πέπονθ' Αἴδης.

А если кто потребует, чтобы эпиграммы ему читали только по-латински, то смысл в ней такой:

Многоболтливая старуха Котиттарида, у которой вся голова седая, из-за которой Нестор больше не самый старый человек, которая живет дольше, чем олени, и которая на левой руке заново начинает считать дни своей жизни¹²⁷ — она до сих пор живая, зрячая, шаг ее тверд, как у девочки, так что я уж думаю, не случилось ли чего серьезного с Плутоном.

И, раз уж речь зашла о возрасте Нестора, *synepείa* <т. е. гр. συνέπεια, «принцип последовательности речи»> требует привести еще четыре строки из Ювенала <Сатиры 10.246–249>:

Rex Pylius, magno si quicquam credis Homero,
 Exemplum vitae fuit a cornice secundae.
 Felix nimirum, qui tot per secula vitam¹²⁸
 Distulit, atque suos iam dextera computat annos.

<«Царь Пилоса (если ты хоть сколько-то веришь великому Гомеру) был примером жизни, второй по длине после жизни вороны. Уж точно блажен, у кого жизнь растянулась на столько веков, и его годы уже считает правая рука»>.

автор многих «скоптических» («ругательных») эпиграмм из Палатинской антологии и «Антологии Планиды». Валериано воспроизводит текст из «Планудовой антологии». Вариант имени «Никандр», скорее всего, появился из-за того, что в каком-нибудь печатном сборнике эпиграмм имя Никарха по ошибке оказалось заменено на имя более известного поэта (от Никандра Колофонского сохранились две поэмы — «Териака» и «Алексифармака», — которые были опубликованы уже в 1499 г., поэтому его имя, конечно, было в большей степени на слуху).

¹²⁷ Из предшествующего пересказа стихотворения понятно, что Валериано, по-видимому, неправильно понял греческий текст: он считает, что старуха считает свои годы по левой руке, где расположены числа от 1 до 99, чтобы скрыть, что ей на самом деле больше ста (не очень понятно, что тогда значит «заново начинает считать»? после того как сбилась со счета?); в греческом же тексте речь, скорее, о том, что ей уже не хватает пальцев и на правой руке (где находятся сотни и тысячи) и поэтому она начинает считать на левой «по второму кругу», то есть счет уже идет на десятки тысяч лет.

¹²⁸ Необычный вариант вместо вульгаты *mortem*.

КНИГА 47

О ТОМ, ЧТО ОБОЗНАЧАЮТ ЛИРА И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ
ИНСТРУМЕНТЫ. <ГЛАВА 24>. О СЕМИ БУКВАХ

Но вернемся к музыке. Ее изображают и другими знаками, не только ее собственными инструментами. Поэтому нам остается рассказать, что у египтян обозначал ряд семи гласных, и таким образом подвести к финалу наши музыкальные ряды.

КНИГА 47

<ГЛАВА 25>. МУЗА

Ведь они¹²⁹, изображая два пальца рядом с семью буквами, обозначали, как говорит Гор <Гораполлон, Иероглифика 2.29>, Музу¹³⁰.

В этом вопросе стоит заметить, что сильно попорчены расхожие копии Гора, в которых говорится о семи *прáу̀мáтá* <«делах»> вместо семи *урá̀мáтá* <«букв»>¹³¹. Причиной же того, что мы сочли более исправным текст экземпляра из Ватиканской библиотеки¹³², в котором написано *урá̀мáтá* *э̀птá* <«семь букв»>, а не *прáу̀мáтá* <«дел»>, послужили найденные нами у древних сообщения о значении семи гласных: что семью гласными принято было обозначать все музыкальное искусство.

В частности, Деметрий Фалерский в заметках *περί ἑρμηνείας* <«О стиле»> сообщает, что у египтян было принято хвалить богов, произнося нараспев семь гласных <Псевдо-Деметрий Фалерский, О словесном выражении 71>. Далее, Плутарх

¹²⁹ Египтяне.

¹³⁰ Книга 47 «Иероглифики» посвящена музыке; связь с настоящей темой обсуждения в том, что музыка по-латински называется *musica*, буквально «мусическое искусство», «искусство Музы/Муз».

¹³¹ Речь идет о следующем пассаже из Гораполлона: «Семь *урá̀мáтá*, охваченные двумя пальцами, обозначают Музу, или бесконечность, или судьбу». Гораполлон, скорее всего, имеет в виду египетскую богиню письма и счета Сешат, которая изображалась со сложным головным убором (иногда выступавшим по отдельности как монограмма Сешат) с семью лучами, окруженными двумя изогнутыми линиями, наверху; вероятно, об этом головном уборе и идет речь, и *урá̀мáтá* тогда надо понимать как «черточки», а не «буквы». Постоянный эпитет Сешат был *Šu* или *Šzu* «первозданная», а из-за созвучия этого эпитета с *Šzu* «судьба» она отождествлялась с судьбой, откуда и отождествление с судьбой (Мойрой) у Гораполлона (The Ancient Egyptian Book of Thoth/ed. by R. Jasnow, K.-T. Zauzich. Vol. I. Wiesbaden, 2005. P. 20). Отождествление с бесконечностью, возможно, связано с тем, что Сешат ассоциируется со счетом времени (см.: Boylan P. Thoth, The Hermes of Egypt: A Study of Some Aspects of Theological Thought in Ancient Egypt. London, 1922. P. 212).

¹³² Это, скорее всего, кодекс Vaticanus gr. 871, XV в. (согласно работе: *Horapollinis Niloi Hieroglyphica*/ed. ... C. Leemans. Amstelodami, 1835. P. XXVI; правда, как указывается в: *Crevatin F., Tedeschi G.* Op. cit. P. 31, есть еще другая Ватиканская рукопись Гораполлона, Vaticanus gr. 1011, XV в., которая не была известна Лемансу).

соотносит семь гласных с семью музыкальными нотами¹³³. И Фурнут говорит на основании писаний древних, что некогда вся музыка образовывалась семью тонами <Корнут, Краткое изложение греческой теологии 15.8–9 Lang, в рамках объяснения, почему муз семь>. Да и у самого гласного звука есть семь состояний: акут, грав, циркумфлекс, с густым придыханием (*densa*), с тонким придыханием (*tenuis*), долгий, краткий¹³⁴. И, как указывает Филон <О сотворении мира 95–96>, «отношения (*proportio*) числа семь очень музыкальны, а именно шесть к одному дает шестерное соотношение¹³⁵, а шестерное соотношение образует в этой сфере наибольший интервал, отделяющий самый высокий звук от самого низкого¹³⁶. И пять к двум также очень гармоничное соотношение, почти не уступающее самой τῷ διαπασῶν <“октаве”>». И, короче говоря, семерка, поскольку состоит из тройки и четверки, «включает в себя всякую гармонию, а именно διατεσσάρων <“кварту”>, διαπέντε <“квинту”> и διαπασῶν <“октаву”>, и все отношения: арифметическое, геометрическое и музыкальное» <Филон, О сотворении мира 107>¹³⁷.

¹³³ Вероятно, речь о пассаже из Плутарха, О букве Е в Дельфах 386А, где, однако, число гласных соотносится с числом небесных сфер (минус сфера неподвижных звезд); возможно, Валериано имеет в виду, что отсюда автоматически следует связь с числом нот, которое, в свою очередь, определяется образом «музыки сфер».

¹³⁴ Валериано соединяет вместе три оппозиции греческой грамматической теории (обозначения ударений акут–грав–циркумфлекс и густого–тонкого придыхания дают в сумме полный набор греческих надстрочных знаков, а чтобы получилась семерка, Валериано добавляет сюда еще оппозицию долготы–краткости). Греческие классификации постоянно проецировались на римскую грамматику (теорию трех ударений позднеантичные грамматики применяли к латыни, а оппозиция долготы–краткости просто действительно существовала в латыни исторически), так что могло сложиться впечатление, что они описывают не греческую фонетику, а универсальную фонетику всех языков.

¹³⁵ *Sexcuplaris ratio*, выражение, которое в Средние века вообще-то обозначало соотношение 3:2 (*Philips N. Music // Medieval Latin: An Introduction and Bibliographical Guide* / ed. by F. A. C. Mantello and A. G. Rigg. Washington, 1996. P. 299–300, так употребляется уже, например, у Халкидия, Комментарий к Тимею 95.9 Waszink); Валериано, видимо, переосмысливает его на основании этимологии и использует для перевода филоновского ἑξάπλασιος λόγος «шестерное соотношение».

¹³⁶ *Acutissimum a gravissimo*, получается, что оппозиция высокого и низкого звука у Валериано уже вписана в упомянутую выше оппозицию акута и грава.

¹³⁷ Как поясняет Филон, кварта – соотношение 8:6 (или 4:3), квинта – 9:6 (или 3:2), октава – 12:6 (или 2:1), арифметическая пропорция (ἀναλογία ἀριθμητική) – 6:9–9:12, геометрическая пропорция (ἀναλογία γεωμετρική) – 6:8–9:12, гармоническая пропорция (ἀναλογία ἁρμονική) – 6:8–8:12. В каком смысле они все «содержатся в семерке», не вполне понятно (ср.: *Attridge H. W. What Gnostics Knew // The Early Church in Its Context* / ed. by A. J. Malherbe, F. W. Norris and J. W. Thompson. Leiden; Boston; Köln, 1998. P. 11–12: «Филон привязал арифметическую теорию числовых прогрессий к своим размышлениям о семерке, хотя математическая теория, в сущности, не вписывается в эти рассуждения»; 7=4+3 дает кварту, 7=4+2+1 дает дважды повторенную октаву, но остальные соотношения нужно привязывать к семерке каким-то еще образом, вероятно, через тот набор чисел, на которых приводятся примеры (6, 8, 9 и 12). А. В. Вдовиченко (*Филон Александрийский*. Толкования Ветхого Завета / пер. и коммент. А. В. Вдовиченко, М. Г. и В. Е. Витковских, О. Л. Левинской; вступит. ст. Е. Д. Матусовой. М., 2000. Ad loc.) объясняет связь этого ряда с семеркой тем, что 6+8+9+12=35=7×5 и если взять по два крайних числа ряда, то 6+8=14=7×2 и 9+12=21=7×3, но проще, кажется, другое объяснение – что все числа этого ряда раскладываются как суммы (или произ-

А чтобы не удивлялись те, кто не знает греческого языка, что я сказал на основании Плутарха, будто эти буквы, которыми пользовались египтяне, наверно были гласными, следует таким людям знать, что гласные Е и О в латыни обозначаются каждая одной буквой, но на самом деле подразумевают по два звука, различающихся звучанием, долготой и произношением. Поэтому у греков для каждого из этих четырех звуков есть отдельный знак, и в итоге гласных в сумме семь, если придумывать их в соответствии с возможностями самого человеческого голоса¹³⁸.

Из них А, как известно, располагается в самой глубине груди, и если мы, произнося ее, приложим ладонь к груди, то почувствуем там вибрацию¹³⁹.

ведения) разных комбинаций чисел 3 и 4 без остатка, а $3+4=7$ (*Schmidt-Biggemann W. Philosophia perennis: Historical Outlines of Western Spirituality in Ancient, Medieval and Early Modern Thought. Dordrecht, 2004. P. 217*). Валериано, во всяком случае, явно имеет в виду это объяснение и потому и добавляет, что семерка состоит из тройки и четверки.

¹³⁸ Валериано пытается разрешить очевидную проблему, возникающую при допущении, что египтяне обозначали музу и славил богос семью гласными: идея, что гласных семь, очевидным образом предполагает использование греческого алфавита. В латыни, например, гласных 5 (или, вместе с заимствованным Y, 6). Почему же мы должны считать, что у египтян гласных было 7? Валериано для ответа на этот вопрос опять обращается к идее «естественного языка»: система гласных древнегреческого является естественной для любого человеческого языка, а у латыни просто несовершенный алфавит (латынь использует одну и ту же букву Е для долгого и краткого звука, у греков же для них отдельные буквы ε и η; латынь использует одну и ту же букву О для долгого и краткого звука, у греков же для них отдельные буквы ο и ω). Это, конечно, совершенно абсурдная идея, поскольку точно так же и в греческом буквы α, ι и υ обозначают каждая одновременно и долгий, и краткий звук: значит, в «соответствующем природе» языке по той же самой логике гласных должно быть никак не меньше 10. Вероятно, для того, чтобы сгладить эту неровность, Валериано описывает оппозиции ε/η и ο/ω не через долготу (ср.: Эразм Роттердамский, О правильном произношении 54.345 *Cytowska*: «Также и ω ничем не отличается от ο, кроме того, чем α долгая отличается от краткой α»), а через какие-то описательные характеристики звучания (как «высокий» и «низкий» варианты, *acutus* и *gravis* — в результате терминология становится противоречивой, поскольку выше те же самые слова описывали «состояния» (*qualitates*) любого гласного звука в одном наборе с «циркумфлексом», а значит, речь шла о греческих ударениях — но тогда «высокий» (*acutus*) омикрон может с точки зрения ударения «находиться в состоянии *gravis*», а «низкая» (*gravis*) омега может «находиться в состоянии *acutus*»). Вероятно, имеется в виду, что ε и η, например, — два разных звука, в отличие от долгой и краткой α, которые все-таки один и тот же звук, только разной долготы. Этот вывод можно было сделать, например, из того, что по правилам некоторых из позиционных «удлинений» греческого языка ε и ο дают не η и ω, а ει и ου, подробнее см.: *Allen W. S. Vox Graeca: A Guide to the Pronunciation of Classical Greek. Cambridge, 1968. P. 63–79*. С другой стороны, итальянские грамматики начала XVI в. — Джанджорджо Триссино в «Послании о включении новых букв в итальянский язык» 1524 г., Клаудио Толемеи в диалоге «Полито» 1525 г., Нери Дортеллата в «Замечаниях о флорентийском произношении» 1544 г., Пьерфранческо Джамбуллари в «Правилах флорентийского языка» 1552 г. — считают разными звуками закрытые и открытые варианты ο и ε, иногда даже рекомендуется употреблять для них разные буквы, см.: *Гордина М. В. История фонетических исследований (от античности до возникновения филологической теории). СПб., 2006. С. 48–51*. Валериано мог иметь в виду, что противопоставления ε/η и ο/ω отражают именно эту оппозицию. Но даже так 7 гласных не получается, поскольку латинская u не входит в греческую систему (получается, есть еще восьмая возможность), если ее не отождествлять искусственным образом с υ; поэтому Валериано и обсуждает отдельно отношения этих двух букв.

¹³⁹ Обычно в сочинениях по артикуляции начиная с античности образование гласных локализуется всегда в ротовой полости (см.: *Гордина М. В. Указ. соч.*); необычная идея, что А образуется в груди, встречается также в латинском грамматическом трактате рукописи XII в. *Montepessulanus 322*: «А» звучит в груди...» (*Rand E. K.*

Е располагается в глотке, как можно определить аналогичным образом с помощью руки. И бывает она двух видов, высокая и низкая (*acuta, et gravis*). А именно низкая эта гласная (как мы покажем чуть позже, говоря о букве В¹⁴⁰, древние произносили ее как латинскую букву Е)¹⁴¹ слышится тогда, когда кажется, что дыхание исходит из какого-то несколько более низкого места, и звук произносится как-то придавленно¹⁴². Высокая же обозначается у греков знаком ε, у латинян — Е или е, и получается она тогда, когда звук протягивается к самым открытым губам и выходит из них более звучным.

И, подобно некому столпу, который она и изображает своим начертанием, располагается на середине нёба и как будто бы поддерживает его.

О тоже бывает двух видов — высокая и низкая. Высокая — когда останавливает в области зубов исходящее из глубины груди дыхание и позволяет ему зазвучать из открытого рта, низкая — когда уводит дошедшее до зубов дыхание внутрь и несколько задерживает его¹⁴³, что греки хотели показать и самим ее начертанием, некоторым образом удвоенным: ω или Ω.

У¹⁴⁴, без сомнения, полностью расположена на губах. У греков такой гласной нет¹⁴⁵, но на месте соответствующего звука они пишат дифтонг ou;

A Friend of the Classics in the Times of St. Thomas Aquinas// *Mélanges Mandonnet: Études d'histoire littéraire et doctrinale du Moyen Âge*. T. II. Paris, 1930. P. 264, n. 1). Остальные гласные звуки Валериано описывает более или менее традиционным образом для древних описаний, хотя конкретный его источник определить трудно (местами, возможно, Дионисий Галикарнасский?). Как обычно бывает в античных и средневековых текстах по артикуляции, предполагается, что язык совсем не участвует в образовании гласных (*Гордина М. В.* Указ. соч. С. 16).

¹⁴⁰ См. ниже перевод главы 47.28.

¹⁴¹ Чтобы не вышло бессмыслицы («низкую Е древние произносили как латинскую Е») нужно понять, что речь уже идет конкретно о греческом «низком» (в интерпретации Валериано) варианте звука Е — о греческой η, которая в XVI в. произносилась греками как i, но, как верно восстанавливает Валериано в главе про букву В, в древнегреческом читалась как е (долгая). Этот факт — не открытие Валериано. Реконструированное древнегреческое произношение, в котором η читается как е, принято называть «эразмовским» (потому что Эразм Роттердамский описал его в «О правильном произношении»), противопоставляя «рейхлиновскому»; однако еще до Эразма испанский гуманист Антонио де Небриха (1444–1522) и члены альдинского кружка (см. главу 9 настоящей монографии) уже понимали, что древние греки читали буквы иначе, чем новые, и сам Эразм, скорее всего, воспринял эту идею во время своего пребывания в Венеции, см.: *Reynolds L. D., Wilson N. G. Scribes and Scholars: A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature*. Oxford, 1968. P. 159.

¹⁴² *Cum spiritus aliquanto inferius contrahi videtur, et suppresso quodammodo sono enuntiatur*. Ср. описание звука η у Дионисия Галикарнасского, О соединении слов 14.57–59 Usener–Rademacher: «Когда она выдавливает (ἐρείδει) звук вниз (κάτω) в области основания языка, а не вверх (ἄνω), и рот при этом умеренно открыт». Валериано, видимо, понял греческий текст, скорее, как «внизу, а не вверх».

¹⁴³ Ср.: Дионисий Галикарнасский, О соединении слов 14.60–62 Usener–Rademacher: «Третья ω; при ее произнесении рот округляется, губы оборачиваются вокруг, и дыхание ударяет в край рта (τὸ ἄκροστομίον)».

¹⁴⁴ То есть U; мы записываем здесь эту букву в орфографии оригинального текста, поскольку дальше Валериано объясняет ее начертание.

¹⁴⁵ В смысле «у греков нет буквы, обозначающей эту гласную»: следуя античной традиции, Валериано не различает буквы и звуки. Впрочем, можно понять текст Валериано иначе, если считать, что он не допускает далее еще одной неточности и действительно считает, что ou — дифтонг (то есть сочетание двух разных звуков); тогда в настоящем месте он может действительно иметь в виду, что звука u в древнегрече-

латиняне же, заметив, что дифтонг этот часто обозначается одним значком V ¹⁴⁶, и образовав из нижней части заострение, сделали свою V для обозначения этого своего очень употребимого специфического звука. Но также и многие слова, которые греки пишут через υ , латиняне стали писать через V, например $\delta\upsilon\omicron$ — *duo*, $\text{P}\acute{\upsilon}\rho\rho\omicron\varsigma$ — *Purrus* (так писали в древности, как следует из некоторых старинных надписей; мы же вернулись к греческому написанию и стали писать *Pyrrhus*)¹⁴⁷. А чтобы это не звучало слишком голословно, вот что замечает Веррий Флакк <цитируемый Велием Лонгом, Об орфографии 7.49.7–9 Keil>¹⁴⁸: «Их слово $\kappa\upsilon\mu\iota\nu\omicron\nu$ мы передаем как *cuminum*, их слово $\kappa\upsilon\pi\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\sigma\omicron\varsigma$ — как *cupressus*, их слово $\kappa\upsilon\beta\epsilon\rho\nu\eta\tau\eta\varsigma$ — как *gubernator*». И я не стал бы вместе со Сквавром отрицать, что многие греческие слова, вошедшие в наш язык, сохранили звучание и написание $\tau\omicron\upsilon\theta\ \psi\iota\lambda\omicron\upsilon$ <«непридыхательного звука»>, например *hymnus*, *hyacinthus*, *Satyrus*; подробнее об этом пишет Викторин¹⁴⁹.

ском вообще не было и греки просто использовали на письме похожий на него дифтонг (примерно как в современном английском *go*?) для передачи υ в заимствованиях. В частности, полноценным дифтонгом, звучащим как голландское *ou* в словах *oud*, *koud* или *goud*, считал греческую комбинацию $\omicron\upsilon$ Эразм Роттердамский (О правильном произношении 58.468–469 Cytowska), хотя в принципе такая теория должна была выглядеть крайне уязвимой даже в XVI в. (почему тогда при записи собственно греческих слов на латыни $\omicron\upsilon$ все равно передается через *u*, как в слове *Musa*?).

¹⁴⁶ Лигатура для $\omicron\upsilon$, употребляемая в греческом минускуле (и сохранявшаяся в ранних печатных греческих шрифтах). На самом деле латинская V, конечно, значительно старше греческого минускула и восходит к начертанию греческой Y. Если бы Валериано до этого додумался, это было бы для него выгодным соображением.

¹⁴⁷ В архаической римской орфографии греческий υ действительно передавался как *u* (конкретно имя Пирра Энний, согласно Цицерону, Оратор 160, записывал как *Burrus*). Однако имя *Purrus*, периодически встречающееся в латинских военных дипломах и надписях, скорее всего, на самом деле отражает не греческое имя $\text{P}\acute{\upsilon}\rho\rho\omicron\varsigma$, а фракийское имя *Purrus*: Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957. S. 386; Roman military diplomas IV/ed. by M. Roxan and R. A. Holder. London, 2003. P. 578.

¹⁴⁸ В 1556 г. Велий Лонг еще не был опубликован (он выйдет только в 1587 г.). Пиерио Валериано периодически цитировал его еще в своих «Исправлениях и вариантах к тексту Вергилия» (1521 г.) по какой-то рукописи, скорее всего, по рукописи миланского гуманиста Яна Паррасия (Neapolitanus IV A 11, конца XV в.); в 1521 г. Ян Паррасий (Джан Паоло Паризио, 1470–1522) был еще жив и, по-видимому, дал Валериано попользоваться своей копией (Keil H. <Praefatio> // Grammatici Latini / ex rec. H. Keilii. Vol. VII. Lipsiae, 1880. P. 40); Валериано в это время близко общался с Паррасием при папском дворе (Grafton A. Joseph Scaliger: A Study in the History of Classical Scholarship. Vol. 1. Oxford, 1983. P. 48). В 1556 г. логичнее, наверно, предположить, что Валериано пользуется старыми выписками из той же рукописи.

¹⁴⁹ Скорее всего, подразумевается пассаж из Теренция Сквавра, Об орфографии 7.22.17–23.2 Keil, где говорится, что некоторые грамматики рекомендуют не писать H перед Y, поскольку Y не бывает непридыхательным (речь, видимо, о какой-то позднеантичной манере произносить, в которой для подчеркивания греческости звука ему обязательно придавалась дополнительная греческая черта — придыхание). Тогда смысл высказывания Валериано в том, что он не согласен, будто Y не бывает непридыхательным и фактически обозначает сочетание звуков HY, а ссылка на Мария Викторина подразумевает фразу из его Науки грамматики 6.12.5–6 Keil: «Также и Y может обозначать свой звук, а может соединяться с H». Но тогда не очень понятно, что иллюстрируют первые два примера Валериано (они не могут служить аргументом против высказывания Сквавра, поскольку в них Y как раз оказывается придыхательным — разве что если Валериано имеет в виду, что, раз H все-таки пишется, то буква Y обозначает не сочетание звуков HY, а только звук Y?) и почему сказано, что Викторин говорит об этом «подробнее» (разве что подразумеваются те места у Викторина, где речь просто про употребление H без связи с Y?).

Но вернемся к нашему исходному предмету. Девять немых букв (греки считают, что их столько)¹⁵⁰, согласно тому же самому Плутарху, посвящены девяти музам <Застольные беседы 738C13–E 2>. Восемь же полугласных вместе с семью гласными¹⁵¹ отвечают полному списку остальных¹⁵² музыкальных высот, которые может удобным образом чередовать сама природа, поднимаясь до пятнадцатой ступени. И я не учитываю здесь мнения софистов и не включаю в этот список педантские потуги многих людей, которые доказывают, что возможно подняться до двадцать первой ступени: но это будет уже какой-то писк, а не звук человеческого голоса¹⁵³. Мне же достаточно того, чтобы оказаться в согласии с Жоскеном¹⁵⁴, славнейшим сочинителем музыки нашего времени, который тончайшим образом разобрал этот предмет в своих теоретических сочинениях в полном соответствии с тем, что мы находим у египтян, Плутарха и Марона¹⁵⁵.

¹⁵⁰ *Mutae*, перевод греческого ἄφωνα: подразумеваются взрывные согласные, β γ δ κ π τ θ φ χ (см.: Дионисий Фракийский, Грамматика 12.2 Uhlig).

¹⁵¹ Полугласные (=остальные согласные, кроме немых: ζ ξ ψ λ μ ν ρ σ) + гласные (α ε η ι ο υ ω).

¹⁵² То есть тех восьми, которых не хватает до пятнадцати, если взять семь гласных; фраза построена несколько нелогично, «отвечают» этим восьми, конечно, «восемь полугласных», а вместе с семью гласными они образуют соответствие «полному списку».

¹⁵³ 15 ступеней в двухоктавном звукоряде получается, если игнорировать различие двух b, так называемого b-круглого и b-квадратного, то есть, в современной латинской буквенной нотации, AHcdefghahc'd'e'f'g'a', две чисто диатонические октавы, охватывают акkurat 15 ступеней. Критикуемые же Валериано «педанты» (не в буквальном смысле софисты, конечно) насчитывают две с половиной миксодиатонические октавы (если использовать ту же нотацию, AHcdefga b/h (NB!) c'd'e'f'g'a' b'/h' (NB!) c"d"e""). В реальности претензии Валериано надуманны: в его время уже вовсю использовали музыкальные инструменты. Я благодарю С. Н. Лебедева за помощь в составлении данного примечания и в интерпретации и переводе связанных с музыкой разделов настоящей главы.

¹⁵⁴ Речь, видимо, идет о франко-фламандском композиторе Жоскене Дебре (ок. 1450–1521), которого уже в XVI в. постоянно называют лучшим творцом музыки своего времени и которого его ученик Адриан Коклико (1499–1562) в своем «Кратком изложении музыки» (1552) называл основателем новой *Musica reservata* «сдержанной (?) музыки» (см.: *Apel W. Harvard Dictionary of Music. Cambridge (Massachusetts), 1969. P. 552–553*, сам термин более поздний). Однако тот же самый Коклико писал о нем: «Также и мой учитель Жоскен Дебре никогда не читал лекций и не писал сочинений по музыке, однако же в короткое время в совершенстве обучал ей своих подопечных, поскольку не мучил их длинными мелочными наставлениями, но, сразу начиная петь, обучал правилам на примере и на практике, давая только краткие пояснения» (*Compendium musices descriptum ab Adriano Petit Coclico, discipulo Iosquini de Pres. In quo praeter caetera tractantur haec: De Modo ornate canendi, De Regula Contrapuncti, De Compositione. Norimbergae, 1552. Fol. F ii v*). Вероятно, Валериано имеет в виду какое-то ошибочно приписанное Дебре произведение.

¹⁵⁵ Марон мог появиться здесь в связи с упоминаниями в следующей главе (пропущенной нами в переводе) его символической трактовки числа 9 (в Энеиде 6.439 и Георгиках 4.480 Стикс девятикратно обтекает Поля плача, а в Энеиде 6.596 тело Тития в загробном мире простирается на девять югеров), но число 9 как раз, как кажется, не имеет отношения к настоящему рассуждению Валериано. Может быть, речь о том, что, согласно Сервию, в Энеиде 6.646 под семью струнами и в Эклогах 2.31 под семью трубочками, из которых состоит свирель, подразумеваются семь планет и, таким образом, роль числа 7 в музыке соотносится с его универсальным символическим значением. Впрочем, это тоже довольно искусственное объяснение; возможно, скорее «Марон» — просто описка вместо «Филон»?

КНИГА 47 <ГЛАВА 27>. А

Если же кто спросит, как у египтян выглядели буквы, то я бы предположил, что часть из них была изображением некоторых орудий, а в основном это были изображения животных¹⁵⁶. Ведь из Плутарха известно <Застольные беседы 738E>, что Меркурий, который первым принес египтянам буквы, сделал первой буквой ибиса¹⁵⁷. А когда ибис шагает, то выглядит как треугольник, раздвигая соответствующим образом ноги, как мы говорили в соответствующем месте <Валериано, Иероглифика 17.18>. И та буква, которая идет первой в нашем алфавите и у греков, тоже вписывается в фигуру равнобедренного¹⁵⁸ треугольника. И отсюда мы можем заключить, что и остальные буквы (15, или сколько их было)¹⁵⁹ выглядели как изображения или части тела каких-нибудь животных. А за такое долгое время, прошедшее с тех пор, они вышли из употребления, в особенности же с того момента, как Птолеми привезли в Египет греческую письменность. Начертания же египетских букв практически все канули в Лету, за исключением одной только этой.

КНИГА 47 <ГЛАВА 28>. В

Ведь, если настаивать на такого рода примерах, буква В, наверно, могла изображаться рисунком в виде овцы или какой-нибудь ее части тела или какой-нибудь ее позы, по которой было бы видно, что это овца. Ведь именно овце свойственно членораздельно произносить такой звук. Это признают толкователи этимологий <Подлинный этимологик β103; Большой этимологик 196.8–10 Kallierges>, цитируя при этом «Дионисалександра» Кратина, вот этот стих:

¹⁵⁶ О явном доминировании животного мира в «Иероглифике» Валериано см. выше примеч. 82.

¹⁵⁷ См. выше перевод глав 3.18 и 17.23. Валериано принимает за самоочевидное, что первая буква алфавита — А, хотя у Плутарха далее следует замечание, которое можно понять двояко — что египтяне нелогичным образом отдают первенство в алфавите либо «непроизносимому и немому звуку», либо «бессловесному и немому существу» (ἀνάδφ καὶ ἀφθόγγω). Возможно, Валериано принимал вторую интерпретацию. Идею, что ибис обозначал у египтян именно звук А, вслед за Валериано будет по умолчанию принимать и Атанасиус Кирхер (*Athanasii Kircheri... Obeliscus Pamphilus*. cit. P. 324). На самом деле речь могла идти о «горловой смычке», которая обозначалась изображением египетского коршуна; гласных в записи египетских слов вообще не было, но при транслитерации греческих слов для передачи α использовался как раз тот же самый знак. Ф. Сэндбач предполагал, что Плутарх просто принял коршуна за ибиса (*Plutarch's Moralia*. Vol. IX / with an English transl. by E. L. Minar, F. H. Sandbach and W. C. Helmbold. London, 1961. Ad loc.); если это так, то в каком-то смысле европейцы даже были «на верном пути» в разгадывании значения этого иероглифа.

¹⁵⁸ *Isosceles*, греческое слово, буквальное значение которого — «с двумя ногами одинаковой длины».

¹⁵⁹ Число 15, очевидно, выводится из нумерологических выкладок главы 25 (то есть логика в том, что, сколько нот в идеальном звукоряде, столько же букв должно быть в «соответствующем естеству» египетском языке). Поскольку выше Валериано принял, что гласных в египетском 7, то цифра 15 в контексте тех выкладок должна, видимо, подразумевать, что кроме них в египетском были только 8 «полугласных», а 9 взрывных почему-то отсутствовали. Но в следующей же главе Валериано противоречит этому, предполагая, что в египетском был звук б. Сообщением Плутарха (Об Исиде и Осирисе 374А), что у египтян было 25 букв, Валериано пренебрегает.

ὁ δ' ἡλίθιος ὥσπερ πρόβατον βῆ βῆ λέγων βαδίζει.
«Дурак как овца, ходит и говорит: “бээ, бээ”».

И некоторые, как я указывал выше, вот так передают звук буквы η, третьей греческой гласной, через низкую (gravis)¹⁶⁰ E¹⁶¹, подражая природному звуку овцы; это было принято и у латинян, как в словах *Penelope*, *Anchises*, *Aristoteles*¹⁶².

КНИГА 47 <ГЛАВА 29>. Γ

И буква Γ также имеет некоторые свойства иероглифического изображения. Ведь греческие авторы <Большой этимологик 219.3 Kallierges, Схолии к Дионисию Фракийскому 321.14–16 Hilgard, Псевдо-Зонара, Словарь 421.22–24 Tittmann> производят эту букву παρὰ τὸ ἄμᾱν <«от слова ἄμᾱν»>, то есть «собира́ть жатву», и изображают ее в виде серпа¹⁶³.

КНИГА 47 <ГЛАВА 30>. Δ

Дельту же, без сомнения, изображают в виде трех звезд, расположенных на приблизительно одинаковом расстоянии друг от друга и вписанных в треугольник¹⁶⁴. И по этой причине созвездие, расположенное между небесным экватором и летним тропиком над головой Овна¹⁶⁵, называют Δελτωτὸν, и Египту тоже греки дали имя по его треугольной форме <Плиний Старший, Естественная история 5.48, Схолии к Эсхилу, Прометей 813>¹⁶⁶. Но разбираться во всем этом оставим более пытливым; я же только скажу, что у знака этого две стороны равные, а третья покороче, но почти такой же длины, как остальные.

¹⁶⁰ См. выше примеч. 138.

¹⁶¹ Подразумевается, «в отличие от тех, кто по-византийски читает η как i».

¹⁶² Валериано верно выводит античное фонетическое значение буквы из латинских правил транслитерации греческих имен: *Penelope* соответствует греческому Πηνελόπη, *Anchises* – греческому Ἀγχίσις, *Aristoteles* – греческому Ἀριστοτέλης. О том, как Валериано представлял себе артикуляцию η, см. выше главу 25. В целом, однако, он, делая по своему обыкновению лишнее замечание «между прочим», опять противоречит сам себе: если η тоже передает звук блеяния овцы, то на каком основании мы предполагаем, будто иероглиф «овца» должен скорее иметь фонетическое значение b, а не e?

¹⁶³ На самом деле во всех этих греческих текстах название «гамма» (γάμμα) производится от выражения γῆν ἄμᾱν «собира́ть жатву плодов земли». Мы воспроизводим в тексте неправильное написание глагола (с густым придыханием), как в первом издании «Иероглифики» (в последующих изданиях ошибка была исправлена), поскольку Валериано мог считать, что это слово пишется так (хотя может речь идти и просто об опечатке).

¹⁶⁴ Ход мысли Валериано устроен так, что уже непонятно, говорит ли он о возможных формах букв египтян или уже просто перешел к рассуждениям об иконичности греческих букв.

¹⁶⁵ То есть созвездие Треугольника.

¹⁶⁶ Речь о том, что Египет можно назвать «Дельтой» в честь дельты Нила.

Глава 18

Чезаре Рипа. «Иконология». В поисках универсального языка культур

(Н. Ю. Чамина)

Благодаря теориям Аби Варбурга¹ и Эрвина Панофского² понятие «иконалогия» связано в нашем представлении с началом XX века и методом всестороннего проникновения в значение произведений искусства. Между тем этот термин приобрел хождение в конце XVI в. благодаря известнейшему сборнику аллегорий перуджинского литератора и эрудита Чезаре Рипы, который сразу нашел почитателей³ не только в литературной, но и в художественной среде последующих столетий.

Культура Чинквеченто, подпитанная античностью, всесторонне интерпретировала ее образное наследие, живо интересуясь миром знаков и символов, при этом подчеркивая воспитательную силу аллегории в контексте христианства. К концу XVI в. назревает необходимость наглядного современного представления философских и нравственных категорий. Виллы, городские дворцы, сады и парки наводняются статуями богов и богинь, фресковыми и рельефными изображениями слав, добродетелей и гениев. Праздники и триумфы требуют сложных программ и аллюзий, где сплетаются мифы и иероглифы, история и современность. На волне интереса к древним письменам и их интерпретации зарождается эмблематика, изучающая

¹ О зарождении и применении иконологического метода в искусствоведческих трудах Аби Варбурга (диссертация о Боттичелли и исследование фресок Палаццо Скифанойа в Ферраре с астрологической программой) см., в частности: *Schmidt P., Wuttke D. Aby M. Warburg und die Ikonologie*. Bamberg, [1989] 1993; *Гинзбург К.* От Варбурга до Гомбриха // *Гинзбург К.* Мифы — эмблемы — приметы. М., 2004. С. 51–132.

² См.: *Panofsky E. Studies in Iconology: Humanistic Themes in the Art of the Renaissance*. New York, [1939] 1972, издание на рус. яз.: *Панофский Э.* Этюды по иконологии. СПб., 2009.

³ Впервые сочинение вышло в 1593 г. в Риме без иллюстраций, затем в 1603 г. с гравюрами (большая часть принадлежала мастеру по имени Кавальер д'Арпино). Кодекс переиздавался много раз, включая наиболее известный перуджинский вариант 1764–1767 гг. в пяти томах, с добавлением новых гравюр и комментариев аббата Чезаре Орланди. О взаимоотношениях этого сочинения и художественной традиции существует подробное исследование Эмиля Маля. «С Рипой в руках, — писал Маль — можно объяснить большую часть аллегорий, которыми украшены дворцы и храмы Рима». См.: *Mâle É. L'Art religieux après le Concile de Trente*. Paris, 1932. Об источниках «Иконологии» см., в частности: *Mandowsky E. Ricerche intorno all'Iconologia di Cesare Ripa*. Firenze, 1939 (перевод с немецкого, оригинальное название — *Mandowsky E. Untersuchungen zur Iconologie des Cesare Ripa*. Hamburg, 1934).

символы и знаки (принадлежности, собственности и пр., кроме гербов и печатей) и порождающая новые тексты. Речь идет о варианте зашифрованного языка (в литературе или изобразительном искусстве), подразумевающим пространное толкование. Эмблема черпает вдохновение в баснях и исторических сказаниях, аллегориях и пословицах, необычных историях и афоризмах. Просвещенное сплетение слова и образа в период между 1540 и 1600 г. находит выход в массе теоретических и классификационных текстов самого разного уровня. К середине XVI в. выходит в свет наибольшее число символических энциклопедий. Издательскими очагами здесь выступают Венеция и Базель, однако впоследствии эти труды ждут многочисленные переиздания по всей Европе. С 1544 по 1556 г. именно в Базеле выходят *Opera aliquot* феррарского гуманиста Челио Кальканьини (1479–1541) с комментариями к египетским мифам, рассуждениями о иероглифике и толкованием сновидений, классификационный труд о божествах, их значениях и именах, этимологических рассуждениях о переводе с греческого и пр. — *De deis gentium varia et multiplex historia* Лилио Грегорио Джиральди (1479–1552), а также *Geniales Dies* Алессандро Дельи Алессандри (1461–1523), *Hieroglyphica*⁴ (в 58 книгах, позже дополненная) Пиерио Валериано (1477–1558) и *Symbolicae quaestiones* Акилле Бокки (1488–1562). Между 1556 и 1571 г. впервые публикуется реестр богов древности *Le Imagini de i dei de gli antichi* Винченцо Картари (1531 — после 1571), *Le pitture* Антона Франческо Дони (1513–1574), второе издание мифографического труда Натале Конти⁵ (ок. 1520– ок. 1580) *Mythologiae* и переиздание реестра Картари. С 1571 по 1583 г. создается трактат художника и эрудита Пирро Лигорио (1513/14–1583) *Trattato sugli dei* и, наконец, с 1593 по 1625 гг. выходит в свет обобщающий искания предыдущих столетий энциклопедический труд — «Иконология» Чезаре Рипы (ок. 1555–1622). Как видим, границы научных и художественных жанров постоянно расширяются. В дворянской среде крайне востребованы *эмблемы* (где аллегорический образ предстает в сопровождении изречения или поэтической строчки — краткого смыслового девиза) и *импрезы* (символическая композиция, полная мифологических аллюзий и тайных знаков, чаще всего с подписью на латыни). Для художников и заказчиков создаются целые кодексы таких образов, в которых мастера слова, иллюстраторы и издатели затейливо сплавляют разнообразные знания и профессии.

⁴ Полное название труда Пиерио Валериано (Джован Пьетро Далле Фоссе) — *Hieroglyphica, sive de sacris Aegyptiorum aliarumque gentium litteris commentariorum libri LVIII*. К 58 книгам затем Челио Агостино Курионе добавил еще две. Каждый из разделов содержал описание образа, взятого из растительного, животного или человеческого мира, и посвящался важнейшим представителям гуманистической культуры (Акилле Бокки, Паоло Джовио, Джироламо Фракасторо, Виттории Колонна и пр.) и широко использовал отсылки к греческим и латинским источникам, с упоминанием 435 авторов. Литературными ориентирами для автора стали «Иероглифика» Гореполлона (IV в.), а также «Книга эмблем» Андреа Альчиато (1531–1534, Париж) и «Гипнэротомехия Полифила» (издание Альда Мануция, 1499). Произведение Валериано пережило 34 переиздания.

⁵ В отличие от других авторов, Конти внимательнее относится к греческим источникам аллегорий и эмблем, в частности к эпиграммам.

В аллегорической виньетке или эмблеме суть понятия предстает емко, затрагивает воображение и апеллирует к разуму. Поэтому для авторов книг эмблем, импрез и сборников иконологий было важно сосредоточиться на сжатой передаче идеи на языке физических категорий, на первый взгляд доступном, хотя зачастую понятном лишь кругу избранных. Сила подобного жанра в простоте и близости эстетическим нормам времени. К рубежу XVI–XVII вв. сформирован потребитель данного жанра – зритель и читатель из придворного кружка эрудитов. Создаются новые разветвленные ученые программы, авторами которых выступают прославленные писатели и философы. Вместе с тем кодексы аллегорий несут в себе междисциплинарный подход, который освещает и проливает свет на многие жизненные и новаторские стороны культуры XVI в. Наряду с остальными труд Рипы традиционно почитался среди дворянства, литераторов и художников XVII–XVIII вв., ибо обладал известной символической ясностью и доходчивостью объяснений. Автор с истинным благоговением к традиции собрал и частично проиллюстрировал основные понятия, чья иконография восходила к античности, раннему христианству и Средневековью. Вот его полное название: *Iconologia, overo Descrizione dell'Imagini universali cavate dall'antichità et da altri luoghi. Opera non meno utile che necessaria à Poeti, Pittori, & Scultori, per rappresentare le virtù, vitij, affetti & passioni humane* («Иконология или Универсальное описание образов, почерпнутых из античности и прочих мест. Произведение сколь нужное, столь полезное для поэтов, живописцев и скульпторов для изображения добродетелей, пороков, чувств и человеческих страстей»).

Данные о жизни самого Чезаре Рипы весьма скудны. В предисловии к позднему перуджинскому изданию «Иконологии» 1764 г. Чезаре Орланди⁶ упоминал о недостатке биографических данных об авторе сборника, в том числе в современных Рипе источниках XVII в. Несмотря на широкую известность «Иконологии», портрет Рипы остается довольно размытым, вплоть до сомнений в существовании автора с таким именем. В одной из рукописей XVII в. под редакцией Уберто Бенвольенти⁷, об академиках Сиенского университета, содержалось предложение считать имя Чезаре Рипа псевдонимом ученого Джованни Кампани. Однако эти предположения были опровергнуты Кьярой Стефани⁸, обнаружившей реестр прихожан храма Санта-Мария-дель-Пополо в Риме (*Stati d'anime*)⁹, где фиксировано присутствие писателя в городе с 1611 по 1620 г.

⁶ См.: *Orlandi C. Memorie del Cavalier Cesare Ripa // Ripa C. Iconologia. Perugia, 1764. P. XV.*

⁷ Вопрос изучен также Эрной Мандовски в: *Mandowsky E. Ricerche intorno all'Iconologia di Cesare Ripa // La Bibliofilia. Vol. 41. 1939. P. 283–285.*

⁸ См.: *Stefani C. Cesare Ripa: New Biographical Evidence // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 53. 1990. P. 311–312.*

⁹ См.: *Stati d'anime, 1605–1621, Archivio Storico del Vicariato, S. Maria del Popolo, Roma.*

Нам известно, что Чезаре Рипа родился в Перудже около 1555 г. и умер в 1622 г.¹⁰ в Риме, в нищете. Об образовании и учителях эрудита нет данных, тем не менее можно проследить его связи с некоторыми литературными академиями, в частности Филомати и Интронати в Сиене и Инсенсати в Перудже. Это были свободные объединения интеллектуалов, где занимались изучением греческого, латыни, литературы и искусства древности. Связи с ними продолжались и после отъезда Рипы из родного города. Молодым человеком он попадает в Рим и сразу поступает на службу к кардиналу Антонио Мария Сальвиати, в должности *trinciante* (букв. с ит. — «нарезчик»)¹¹, занимаясь разделкой дичи во время банкетов. Однако отметим, что, кроме этих обязательств, нарезчик должен был занимать просвещенных гостей приятной беседой во время приема пищи, выказывая известную эрудицию и красноречие. При кардинале Сальвиати, который в первый год понтификата Клементы VIII¹² стал личным советником папы, Рипа назначается мажордомом, ответственным за хозяйство своего патрона, а в свободное от дел время посвящает себя наукам и литературе, погружается в составление «Иконологии». В этот период важен факт вхождения Рипы в просвещенные круги и членство в литературных академиях. Вероятно, эти связи и обусловили его интерес к иероглифике (в частности к Гореполлону, предполагаемому автору сочинения о египетских иероглифах, дошедшего в греческом переводе некоего Филиппа под названием «Иероглифика», IV в.), эмблематике (в особенности к Андреа Альчиато (1492–1550), автору «Книги эмблем», 1531) и мифографии (античной и позднего времени). Именно оттуда он извлекает массу своих аллегорий. В годы пребывания у Сальвиати Рипа получает доступ к фондам богатой кардинальской библиотеки.

Благодаря связям своего влиятельного покровителя Рипа общается с интеллектуалами и любителями древности. Среди них: Дзаратино Кастеллини, Фульвио Мариоттелли, Пьер Леоне Казелла, Марцио Милези, Порфирио Феличиани и др. Во введениях к разным изданиям «Иконологии» Рипа упоминает их и понтифика Климента VIII, от которого он получил 30 марта 1598 г. титул Кавалера Большого креста ордена Святых Маврикия и Лазаря. Это изменение статуса автора фиксируется на титульном листе иллюстрированного издания 1603 г.: *Opera di CESARE RIPA Perugino/Cavalliere de' Santi Mauritio, et Lazzaro*. Как доказал К. Виткомб¹³, титул был

¹⁰ Stefani C. Op. cit. P. 307–312.

¹¹ См.: Stefani C. Cesare Ripa «trinciante»: Un letterato alla corte del Cardinal Salviati // Sapere e/è potere. Discipline, dispute e professioni nell'Università Medievale e Moderna. Il caso Bolognese a confronto. Atti del IV convegno (Bologna 13–15 aprile 1989). Vol. II: Verso un nuovo sistema del sapere / a cura di A. Cristiani. Bologna. P. 257–266.

¹² См.: Von Pastor L. Storia dei papi dalla fine del Medioevo: Compilata col sussidio dell'Archivio segreto pontificio e di molti altri archivi / versione italiana di Mons. Prof. A. Mercati e Mons. Prof. P. Censi. Roma, 1926–1933. Vol. XI. P. 34.

¹³ Подробнее см.: Witcombe C. Cesare Ripa and the Sala Clementina // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 55. 1992. P. 277.

пожалован Рипе за вклад в сочинение программы декораций Клементинского Зала (Sala Clementina) Ватиканского дворца (росписи Керубино и Джованни Альберти).

После смерти кардинала Антонио Мария Сальвиати 28 апреля 1602 г. Рипа продолжал сотрудничество с его наследником, маркизом Лоренцо Сальвиати и посвятил ему издание «Иконологии» 1603 г. Из завещания кардинала¹⁴ видно, что Рипа получил в наследство 300 скудо. Ту же сумму определили конюху (maestro di stalla) и управляющему домом (maestro di casa). Соответственно, положение Рипы оказалось незавидным, ему было уготовано место среди прислуги бывшего патрона. Разница ощутима по сравнению с прочими членами «малого кардинальского двора», секретарем Порфирио Феличиани (получившим 500 скудо) и Джулио Бениньо (завладевшим 800 скудо)¹⁵. Рипа остался в Риме до 1620 г., как подтверждает перепись населения тех лет, снимая жилье в более чем скромных домах, и умер в глубокой нищете 22 января 1622 г., работая над очередным переизданием своего прославленного сборника (выпуск в типографии Кастеллини, 1625).

Как видим, судьба текста Рипы, подчиняясь иронии Колеса Фортуны, отразила перипетии жизни самого автора.

Пути «иконологии»

Первое римское издание «Иконологии» Рипы 1593 г.¹⁶ снискало успех и впоследствии пережило многочисленные трансформации, переводы и дополнения, постоянно обрастая комментариями и иллюстрациями. Это касается в том числе и заглавия, в котором каждый раз уточняются адресаты сочинения. При этом декларируется его прикладное значение. Например, титульный лист первого издания гласит: *OPERA NON MENO UTILE, / che necessaria a Poeti, Pittori, et Scultori per rappresentare le virtù, vitii, affetti, / et passioni humane* (Труд столь же полезный, сколь необходимый Поэтам, Художникам и Скульпторам, чтобы изображать добродетели, пороки, чувства и человеческие страсти). Миланский вариант 1602 г. добавляет: *Opera utilissima et necessaria a gli Historici, et Poeti, et a desi-/derosi d'intendere l'occulta sapienza de gli antichi* (Труд крайне нужный и необходимый Историкам и Поэтам, а также желающим разбираться в тайном знании древних). Иллюстрированное издание 1611 г. обращается уже к более широкой аудитории, что говорит о возросшей популяр-

¹⁴ Опубликовано Кьярой Стефани в: *Stefani C. Cesare Ripa: New Biographical Evidence*. P. 310–311 (appendix I).

¹⁵ См.: *Lista della famiglia*, 1602, Archivio Salviati, Pisa, ramo II, filza 61, fascicolo 27, fol. 161r–164r.

¹⁶ Текст «Иконологии» был выпущен в типографии наследников Джованни Джиллиотти и посвящался автору и его покровителю, кардиналу Сальвиати. В отличие от последующих редакций, римская не содержала иллюстраций. Число представленных в ней аллегорий тоже было довольно ограничено (699). Тем включал 325 страниц, из которых 24 отводились предисловиям и именному указателю. Подробнее см. сайт проекта Университета г. Бергамо, где собрана информация относительно всех изданий Ч. Рипы: <http://dinamico2.unibg.it/ripa-iconologia/index.html>

ности текста среди представителей различных творческих профессий: *Opera di CESARE RIPA Perugino/ Cavaliere de' Santi Maurizio, et Lazzaro./Fatica necessaria ad Oratori, Predicatori, Poeti, Formatori d'Emblemi/et d'Imprese, Scultori, Pittori, Dissegnatori, Rappresentatori, Architetti et Divisatori d'Apparati;/Per figurare con i suoi proprii simboli tutto quello,/che può cadere in pensiero humano* (Сочинение Чезаре Рипы из Перуджи,/Кавалера орденов св. Маврикия и Лазаря./Труд, необходимый для Ораторов, Проповедников, Поэтов, Создателей Эмблем/и Импрез, Скульпторов, Живописцев, Рисовальщиков, Актеров, Архитекторов и Декораторов церемоний,/чтобы показать среди своих символов все то,/что может прийти в голову человеку). Эта формулировка с небольшими исключениями сохраняется и в последующих переизданиях.

Неиссякаемым источником для сочинения Рипы послужило изобразительное искусство. Он исследовал не только фресковые циклы и живопись современников (например, Ватиканские залы), но и античную пластику, монеты и гравюры. Принимая во внимание то, как сложно найти пример для конкретного понятия или абстрактной идеи (например, «Академия», «Бдительность»), Рипе приходилось самому составлять многие аллегории, отсюда — редкие ссылки на авторитетные тексты и источники. Тем сложнее исследователям определить заимствование тех или иных тем, поскольку часто целое является плодом синтетической фантазии автора. Аллегии у Рипы всегда связаны с изобразительной традицией человеческой фигуры, это персонификации. Если то или иное понятие в итальянском прочтении имеет женский род (ср. nobiltà, ит. «благородство»), чаще всего оно представляется женщиной, соответственно термин мужского рода рисуется мужчиной (ср. merito, ит. «достоинство»). По необходимости (и в соответствии с античной и средневековой традициями и с расхожими современными убеждениями) Рипа снабжает свои образы облачениями и атрибутами, подчеркивающими характер описаний (петух у Бдительности, коса у Времени).

Невероятному успеху труда Рипы способствовало не в последнюю очередь его простое и компактное построение, с расположением аллегорий в алфавитном порядке и по группам: Пороки, Добродетели, Чувства, Человеческие страсти, Небесные тела, Части Света и т.д. (Virtù, Vitij, Affetti, Passioni humane, Corpi celesti, Mondo e sue parti... есс.). В каждом разделе давалось точное описание особенностей образа того или иного явления, а также определение, имеющее корни в классических и современных автору текстах. При этом «Иконология» может быть охарактеризована как «живой текст», предполагающий постоянное развитие. С момента первого выхода в свет в 1593 г., он претерпевает кардинальные изменения и постоянные

расширения. Иллюстрации вводятся в текст начиная с издания 1603 г. Стоит отметить падуанское издание 1611 г. — истинный образец культуры барокко, с ее верой в символы и традицией приписывать «фигуре» с определенными атрибутами идеи, чувства и настроения. Важно, чтобы аллегорические персонификации были узнаваны, а названия — доходчивы. С этого момента берет отсчет фигуративная история «Иконологии», ее образы множатся и развиваются параллельно с текстом. Сам Рипа смог подготовить пять прижизненных переизданий труда¹⁷ (он умирает 22 января 1622 г.), последнее из которых выходит в падуанской типографии Тоцци в 1625 г. Восемнадцать увидели свет в XVII в. и пятнадцать — в XVIII. Заключительной в ряду переизданий можно считать мексиканскую редакцию XIX в. (L. C. Pastor, 1866).

Несомненно, растущий интерес к произведению в области изобразительного искусства обеспечили именно иллюстрации, что проявилось в немедленном переводе текста на основные европейские языки уже в первой половине XVII в. Эти сборники становятся иллюстрированными энциклопедиями аллегорий, где картины часто вытесняют текст. Характерным примером является французская редакция Рипы Жана Бодуэна¹⁸, состоящая исключительно из изображений. В первой французской редакции Рипы (Париж, 1636) содержатся 174 гравюры, во второй редакции их уже 447.

В «Иконологии» Рипа сразу ориентирует читателя на простую и практическую структуру восприятия символических изображений, где на первом месте стоит общедоступный пласт образа. Точка зрения автора объединяет в единой перспективе древние и современные контексты в едином обобщенном комментарии.

Не случайно в обращении к зрителю, как отметил Э. Гомбрих¹⁹, Рипа формулирует принципы, которые руководят им при формировании аллегорического образа:

¹⁷ Ряд данных о судьбе различных изданий Рипы приводятся, в частности, в исследовании С. Маффеи: *Maffei S. Per una concordanza diacronica dell'Iconologia di Cesare Ripa//Repertori di parole e immagini. Esperienze cinquecentesche e moderni data bases/a cura di P. Barocchi e L. Bolzoni. Pisa, 1997. P. 99–118.*

¹⁸ Полное название издания следующее: *Iconologie ou Explication nouvelle de plusieurs images, emblemes et autres figures hyeroglyphiques des vertus, des vices, des arts, des sciences, des causes naturelles, des humeurs differentes, et des passions humaines, oeuvre augmentee d'une seconde partie necessaire a toute sorte d'esprits et particulièrement a ceux qui aspirent a estre ou qui sont en effet orateurs, poetes, sculpteurs, peintres, ingenieurs, auteurs des medailles, des divises, de ballets, et de poëmes drammatiques, tirée des recherches et des figures de Cesar Ripa, Moralisees Par I. Baudoin. Paris, 1644.* Том стал первой и единственной вышедшей частью из двух предполагаемых.

¹⁹ См.: *Gombrich E. H. Icones Symbolicae: The Visual Image in Neo-Platonic Thought//Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 11. 1948. P. 163–192.*

это метод визуального переосмысления аристотелевских идей риторики и логики. Аллегорический образ строится посредством рациональной комбинации атрибутов, по аналогии с литературным приемом метафоры²⁰. Интересно отметить, что для Рипы эта кодификация для изображений не только рациональна, но и лишена эзотерической привлекательности и абсолютно свободна. «Мне показалось необходимым подписывать имена <...>, потому как без знания имени нельзя проникнуть в понимание обозначаемой вещи»²¹.

Однако, по наблюдению Элизабет МакГрат²², не стоит искать в эклектичном и во многом компилятивном материале «Иконологии» буквальное применение теорий Аристотеля о метафоре и иных концепций, обозначенных в предисловии к книге. Важнее подчеркнуть, что обращение Рипы, в частности, к Аристотелю можно считать расхожим приемом, который восходит к теоретическим выкладкам Шипионе Баргальи в его трактате *Dell'imprese* (1-е изд. 1578). Баргальи использовал и цитировал комментарии к Аристотелю Алессандро Пикколомини (1575). А тот, в свою очередь, отстаивал признание силы и качеств метафоры в поэзии. В унисон с этой полемикой предисловие к «Иконологии» использует те же отсылки к тексту Аристотеля, чтобы перенести дискуссию в область изобразительного языка символов.

Успех «Иконологии», несомненно, связан, с одной стороны, с потребностью XVI века в систематизации и канонизации, которая привела в середине века к успеху «Иероглифики» Пиерио Валериано и потом приведет к выходу в свет словаря Академии Круска (*Vocabolario degli accademici della Crusca*, 1612)²³. С другой стороны, «Иконология» обеспечила себе будущее элементарной формулой текста с простой и повторяющейся структурой. Кроме того, творение Рипы обретает форму словаря с жесткой организацией статей-лемм по алфавиту.

²⁰ Метафора — один из ключевых приемов барочной литературы, черпающих вдохновение из окружающей действительности и кардинально трансформирующих ее. Согласно теоретику слова эпохи барокко Эмануэле Тезауро (1591/1592–1675), метафора — не просто риторическая фигура или внешнее украшение фразы. Она обладает первостепенной ролью в познании, поскольку устанавливает новые связи между словами и открывает новые связи между вещами. Пользуясь аналогией, метафоре удастся связать различные по природе вещи. Как и Рипа, в своих сочинениях Тезауро опирается на авторитет Аристотеля. Для теории литературы барокко трактат Тезауро «Подзорная труба Аристотеля» столь же важен, как «Поэтическое искусство» Буало для французского классицизма. О позиции Тезауро см., в частности: *Голенищев-Кутузов И. Н.* Буало барокко: Эмануэле Тезауро // *Голенищев-Кутузов И. Н.* Романские литературы: Статьи и исследования. М., 1975. С. 326–333.

²¹ *Et mi par cosa da osservarsi il sottoscrivere i nomi <...> perché senza la cognitione del nome non si può penetrare alla cognitione della cosa significata.* Цит. по: <http://dinamico2.unibg.it/ripa-iconologia/iconologia.html#note> (дата обращения 09.09.2013).

²² См.: *McGrath E.* Personifying Ideals. Review of Werner G. Ripa's *Iconologia*, *Quellen Methode Ziele*. Utrecht 1977 // *Art History*. Vol. VI. 1983. P. 363–368.

²³ Речь идет о выходе первого в истории полного словаря итальянского языка при Академии Круска во Флоренции (организация существовала с 1583 г.). Словарь декларировался также как первоисточник современного на тот момент итальянского языка, отбирающий из творений XIV в. только лучшие, тосканские формы.

Итак, Рипа отвечает новым требованиям времени, связанным с интересом к образно-символической стороне понятия и систематизации знаний, которые произрастают на той же почве коллекционирования экзотики, что и «кабинеты древностей и чудес» и кунсткамеры. Доказательством подобного интереса является, в частности, переиздание в XVII в. нравственной энциклопедии «Полиантея» («Многоцвет») Нани Мирабелли¹, (1503), которая после издания под редакцией Йозефа Ланга 1608 г. в новом тематическом подборе цитат обретает два новых раздела: «Иероглифика» и «Эмблемата». В них включаются списки знаков и аллегорических аналогий к различным понятиям, с целью актуализации известного труда в свете новых символических ориентиров времени.

«Иконология» стоит в ряду работ в жанре псевдоученого комментария, порожденного атмосферой игры во всеохватную начитанность, которая на протяжении всего XVI века питает культуру просвещенного цитирования. Новизна труда состоит в том, что Рипа открывает возможности компиляции в неизведанной ранее области аллегорической картины. Это становится своеобразным зеркалом процесса формирования протосемиотической теории художественного образа, когда символы признаются полноценным языком (на фоне художественной полемики об *ut pictura poesis*, то есть «поэзии как живописи» (согласно изречению Горация) и оспаривания, в свою очередь, повествовательных качеств изображения)². Отсюда, казалось бы, рукой подать до структуралистского восприятия живописи как текста. Труд Рипы ценен, поскольку предполагает постоянное развитие внутренней структуры, благодаря чему он сумел на протяжении столетий отвечать все новым и новым требованиям различных эпох и культур.

Для перевода использовалось издание: *Ripa C. Iconologia / a cura di Pietro Buscaroli*. [Roma, 1605] Vicenza, 2000.

¹ См.: Nova Polyanthea, hoc est opus suavissimis floribus celebriorum sententiarum tam graecarum quam latinarum refertum, per Dominicum Nanum Mirabellium, Bartholomaeum Amantium, et Franciscum Tortium ex innumeris fere autoribus et veteribus et recentioribus summa fide olim collectum, nunc vero studio et opera Josephi Langii Caesaremontani poetae laureati, omni confusione sublata, miro ordine digestum et plurimis cum sacris tum prophanis sententiis, apophthegmatis, similitudinibus, adagiis, exemplis, hieroglyphicis, emblematis et apologis auctum locupletatum et illustratum, theologis, concionatoribus, philosophis oratoribus poetis ac demum caeteris artium et scientiarum professoribus et studiosis pernecessarium, superiorum permissu et privilegio. Venezia, 1608.

² О развитии теории *ut pictura poesis* в полемике художников и литераторов XVI–XVII вв. см., в частности: Lee W. *Ut Pictura Poesis: The Humanistic Theory of Painting*. New York, 1967.

ОБРАЗЫ «ИКОНОЛОГИИ»

Время²⁶

Старец в разноцветном одеянии со звездами, потому как светила время от времени управляют всеми текущими делами. Голова его увенчана розами, колосьями, фруктами и сухими ветками, потому что Время — господин года и времен года. Старец восседает на зодиакальном круге, ибо его сила находится высоко на небесах. Он размечает нам движение солнца и других планет, определяет и отмеряет месяцы, годы и возрасты. В руке у него зеркало, дающее понять, что у времени мы видим лишь быстротечное настоящее, подобное лишь искаженному отражению в зеркале.

С одной стороны от старца — тощий младенец, а с другой — тучный. У обоих по зеркалу. Первый означает Время прошедшее, что истощается в памяти людской, а второй — Время будущее, питаемое надеждами.

У ног старца — огромная книга, в которой чертят еще два мальчика. Один из них — День, с солнцем на голове, а другой — Ночь, с луной²⁸.

Tempo²⁷

Huomo vecchio, vestito di cangiante color vario et diverso, sarà detto vestimento riccamente a stelle, perché di tempo in tempo esse sono dominatrici alle cose corrottibili, sarà coronato di rose, di spighe, di frutti et di tronchi secchi, come Re et signore dell'anno et delle stagioni; starà a sedere sopra il circolo del Zodiaco, perché la sua virtù è là su nel Cielo altamente collocata, et misurando a noi moti del Sole et de gli altri pianeti, ci distingue et estingue i mesi, gl'anni et l'età; terrà un specchio in mano, il quale ci fa conoscere che del tempo solo il presente si vede et ha l'essere, il quale per ancora è tanto breve et incerto, che non avanza la falsa imagine dello specchio. A canto haverà un fanciullo magro et macilente da una banda et dall'altra un altro bello et grasso, ambidue con lo specchio, et sono il Tempo Passato, che si va consumando nelle memorie de gl'huomini, et il Futuro, che accresce le speranze tuttavia. A' piedi sarà un libro grande nel quale due altri fanciulli scrivano, tendendo l'uno, significato per lo Giorno, il Sole in testa, et l'altro, per la Notte, la Luna.

³ Приводим более полное из двух описаний, данных Рипой.

⁴ У художников XVII–XVIII вв. при изображении Времени часто опускался ряд устрашающих атрибутов (змея, железные зубы, руины и колесо). Змею заменяла коса, поскольку ему надлежит косить дни.

⁵ Рипа традиционно дает еще три варианта образа Времени: лысый старик в зеленом покрывале (в знак смены времен года и покрова из зелени на нагой земле) со змеей, свернутой в кольцо (символ годового цикла); крылатый старик (*Volat irreparabile tempus* — неумолимый полет времени) на развалинах, с железными зубами и кольцом в руке (в знак того, что все возвращается на круги своя); крылатый старец с весами (время все исправляет), попирающий правой ногой колесо (Колесо Фортуны — знак круговорота судьбы). Подробнее см.: *Ripa C. Iconologia* / a cura di Pietro Buscaroli. [Roma, 1605] Vicenza, 2000. P. 438.

<p>Истина²⁹</p> <p>Прекрасная нагая дева. В правой руке она держит Солнце, в которое всматривается. В другой руке — открытая книга и пальмовая ветвь, а под правой пятой земной шар. Истина — свойство души, не позволяющее речи сбиться с прямого пути, уйти от истинного бытия вещей, о которых она говорит и пишет, утверждая лишь то, что есть, и отрицая неверное, не колеблясь мыслью.</p> <p>Нагота означает простоту, естественно присущую Истине. Солнце в руке говорит, что истина — подруга света. Открытая книга напоминает, что в книгах содержится истинная суть вещей. Пальмовая ветвь, как известно, может означать ее силу. Как пальма не гнется под тяжестью, так и истина не переносит противных ей вещей. Несмотря на то что многие ее осаждают, она выпрямляется и растет ввысь. <...> Земной шар под ногами указывает на то, что истина превышает всех мирских вещей.</p>	<p>Verità</p> <p>Una bellissima donna ignuda, tiene nella destra mano alta il Sole, il quale rimira, & con l'altra un libro aperto, e un ramo di palma, e sotto al destro piede il globo del mondo. Verità è un'abito dell'animo disposto a non torcere la lingua dal dritto, & proprio essere delle cose, di che egli parla, e scrive, affermando solo quello che è, & negando quello, che non è senza mutar pensiero.</p> <p>Ignuda si rappresenta, per dinotare, che la semplicità le è naturale. Tiene il Sole, per significare, che la verità è amica della luce. Il libro aperto accenna, che ne' libri si truova la verità delle cose. Il ramo di palma ne può significare la sua forza, perciocche, si come è noto che la palma non cede al peso, così la verità non cede alle cose contrarie, & benché molti la impugnano, nondimeno si solleva, & cresce in alto. <...> Il mondo sotto i piè, denota, che ella è superiore à tutte le cose del mondo.</p>
<p>Достоинство</p> <p>Муж на пустынной возвышенности, в богатых одеждах. Глава увенчана лавровым венцом. В правой руке в доспехе он держит жезл, в обнаженной левой — книгу. Достоинство, согласно св. Фоме (св. Фома Аквинский, <i>Сумма теологии</i> 3.45.6) — это благое действие, за которое полагается щедрая награда.</p>	<p>Merito</p> <p>Huomo sopra d'un luogo erto, & aspero; il vestimento sarà sontuoso, ricco il capo ornato d'una ghirlanda d'alloro, terrà con la destra mano & braccio armato un scettro, & con la man sinistra nuda un libro. Il Merito secondo <i>San Tomaso nella 3. parte della somma questione 45. artic.6.</i> è attione virtuosa, alla quale si deve qualche cosa pregiata in ricognitione.</p>

²⁹ Рипа дает два довольно пространных варианта определения Истины. Подробнее см.: Ibid. P. 463–464.

<p>Изображается на дикой скале, показывая трудность, которую необходимо преодолеть человеку, чтобы достичь уважения. Пышные облачения означают открытые намерения и одевания добродетели. Правая рука, зашитая в доспех, и левая с книгой говорят о двух различных сторонах общественного достоинства: одно основано на военной доблести, другое — на учении и гуманитарном знании <...>.</p>	<p>Si dipinge sopra il detto luogo aspro, per la difficoltà, per mezzo della quale l'uomo perviene à meritare qualche cosa. Il ricco vestimento, significa la disposizione e l'habito della virtù. La destra mano, & braccio armato, & la sinistra con il libro, dimostrano due generi di merito civile, l'uno dell'attione di guerre, & l'altro dello studio, & opere delle lettere <...>³⁰.</p>
<p>Благородство³¹</p> <p>Женщина в тяжелых одеждах, с пикой³² в правой руке и изображением Минервы в левой, как на медали Геты³³ <...>.</p>	<p>Nobiltà</p> <p>Donna di abito grave, con un'asta nella mano destra, & sinistra col simulacro di Minerva, come si vede nella medaglia di Geta <...>.</p>
<p>Бдительность (Дальновидность)</p> <p>Жена в белых одеждах, с петухом и светильником в руке³⁵. Поскольку петух бодрствует в ночные часы, упражняясь в своем пении, он ни на миг не дает поддаться темным воззваниям природы, чем подает людям урок бдительности. Светильник указывает на то же. Когда Демосфена спросили, как сумел он достичь славы достойного оратора, мудрец ответил, что тратил больше масла,</p>	<p>Vigilanza³⁴</p> <p>Donna vestita di bianco, con un Gallo, e con una Lucerna in mano, perche il gallo si desta nell'hore della notte, all'esercitio del suo canto, ne tralascia mai di obbedire alli occulti ammaestramenti della Natura, cosi insegna al'huomini la vigilanza. E la lucerna mostra questo medesimo, e però si legge che Demostene interrogato come haveva fatto à diventare valente Oratore, rispose di havere usato più olio</p>

³⁰ См.: Ibid. P. 272–273.

³¹ Это — одно из трех описаний Благородства. Кроме него у Рипы предлагается образ пожилой дамы. Подробнее см.: Ibid. P. 315.

³² Пика и статуэтка Минервы несомненно указывают на то, что благородство достигается как в науках, так и военном деле при покровительстве мудрой богини-воительницы.

³³ Речь идет о медали римского императора Септимия Геты, брата Каракаллы (189–211). На гравюре в издании «Иконологии» у ног Благородства находятся две короны (согласно одному из трех определений этой добродетели у Рипы — золотая и серебряная), в знак ее двуединой природы: духовной и телесной.

³⁴ Подробнее см.: Ibid. P. 476.

³⁵ Также Рипа предлагает еще варианты атрибутов Бдительности — дама с цаплей с камнем в лапе и с бдящим львом. Ibid. P. 476.

нежели вина, предпочитая бдение учения сонному дурману развлечений.	che vino, in rendendo con quello la vigilanza degli studi con questo la sonnolenza delle delitie.
<p>Сон³⁶</p> <p>1) Отяжелевший тучный муж, одетый в шкуру барсука³⁷, распростерт на ложе из маковых цветов в тени виноградника со зрелыми гроздьями. Неподалеку виден грот со струящейся водой.</p> <p>2) Крылатый расслабленный юноша. В правой руке держит дымящийся рог изобилия и облачен до пояса в белое, а ниже — в длинное и черное³⁸. В левой руке жезл, подобный тому, что имел Меркурий <«кадуцей»>, чтобы наводить на людей сон или смерть³⁹ <...></p>	<p>Sonno</p> <p>1/Huomo corpolento, & grave, vestito di pelle di Tasso, stando sopra un letto di papaveri, & una vite carica d'uva matura gli farà ombra, & haverà una grotta vicina, ove si veda un zampollo d'acqua.</p> <p>2/Un giovane con l'ali alle spalle, che con la destra mano tenghi un Cornucopia onde esca fumo, sarà languido, con due vesti, una bianca di sopra, che cuopra sino alla cintura, et l'altra di sotto nera et lunga, nella sinistra mano terrà una verga <...> di Mercurio con la quale dispensava a' mortali o il sonno o la morte <...></p>

³⁶ В образе Сна предлагается также видеть мужчину, дремлющего среди двух барсуков и множества сурков как символов забытья.

³⁷ До сих пор в итальянском языке сохранилось расхожее выражение «спать как барсук».

³⁸ Рипа апеллирует к описанию Сна у Картари, цитирующего, в свою очередь, Сенеку в труде *Imagini de i dei de gli antichi*. См.: Le Imagini de i dei de gli antichi, nelle quali si contengono gl'idoli, riti, ceremonie, et altre cose appartenenti alla religione de gli antichi, raccolte dal Sig. Vincenzo Cartari... Lione, 1581. P. 276–277.

³⁹ Во втором определении Рипа также приводит описание Сна у Вергилия (Энеида 5.854–855), где Меркурий ввергает в сон кормчего Палинура:

«Ветвью, летейской водой увлажненною, силы стигийской
Полною, бог над его головой взмахнул — и немедля
Сонные веки ему сомкнула сладкая дрема»

(Пер. С. А. Ошерева. Текст приводится по изданию: *Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979), — а также строчки Сенеки из «Геркулеса в безумье» (1065–1076):

«Сон, отрадный покой усталой души,
Жизни людской наилучшая часть,
Астреи сын, окрыленный бог,
Смерти смиренный брат, жестокой сестры
Ты, правду и ложь смешавший вождь
По грядущим дням, прозорливый слепец,
Скитаний приют, гавань жизненных бурь,
Покой после дня, тихой ночи друг».

(Перевод С. А. Ошерева. Текст приводится по изданию: *Луций Анней Сенека*. Трагедии. М., 1991).

<p>3) Женщина с обнаженной грудью, плечами и руками держит в правой руке полуобнаженную фигурку с венком и пальмовой ветвью в руках. В левой руке она держит сферу со знаками Зодиака. Именно так она <Слава> изображается на многих монетах и в свидетельствах древних.</p>	<p>3) Donna che mostra le mammelle et le braccia ignude, nella destra mano tiene una figuretta succintamente vestita, la quale in una mano porta una ghirlanda et nell'altra una palma, nella sinistra poi della gloria sarà una Sfera, co' segni del Zodiaco. Et in questi quattro modi si vede in molte monete et altre memorie de gli antichi.</p>
<p>Зависть</p> <p>Тощая и уродливая старуха с кожей синюшного цвета. Левая грудь у нее обнажена и терзаема змеей, которая несколько раз обвилась вокруг груди. Рядом с ней — гидра, на которую та опирается рукой.</p> <p>Зависть закладывается в радости за невзгоды других и в получении удовольствия от страданий, разрушающих и пожирающих человека изнутри. Истощение и сизый цвет кожи указывают на то, что, как человек синеет от холода, также и зависть леденяща и гасит в себе любой огонь и благой порыв.</p> <p><...>⁴⁴</p>	<p>Invidia</p> <p>Donna vecchia, magra, brutta, di color livido, havrà la mamella sinistra nuda e morsicata da un serpe, il qual sia ravvolto in molti giri sopra di detta mamella et a canto vi sarà un'hidra, sopra della quale terrà appoggiata la mano.</p> <p>Invidia non è altro che allegrarsi del male altrui et attristarsi del bene con un tormento che strugge e divora l'huomo in se stesso. L'esser magra e di color livido dimostra che il livore nasce communemente da freddo e l'Invidia è fredda et ha spento in sè ogni fuoco et ardore di charità.<...></p>
<p>Правосудие</p> <p>Женщина в белом, с завязанными глазами. В правой руке держит пучок веточек, связанных вместе с топориком, в левой руке у нее столп пламени, а рядом — страус, либо держит меч и весы.<...>⁴⁵</p>	<p>Giustizia</p> <p>Donna vestita di bianco, habbia gli occhi bendati; nella destra mano tenga un fascio di verghe, con una scure legata insieme con esse, nella sinistra una fiamma di fuoco, & a canto haverà uno struzzo, overo tenga la spada, & le balance.</p> <p><...></p>

⁴⁴ Подробнее см.: Ibid. P. 200.

⁴⁵ Подробнее: Ibid. P. 162.

Времена года. Осень

Дама в зрелом возрасте, тучная и богато одетая. На голове у нее — венец из плодов и листьев винограда, в правой руке — рог изобилия с множеством фруктов. Она изображается в расцвете лет, потому что Осень называют зрелостью года. Земля готова принести нам спелые плоды, взращенные угасшим теплом, и сбросить семена и листья, словно устав от порождения. Так пишет Овидий в «Метаморфозах» <15.209–211>⁴⁶.

«Осень наступит затем, отложившая
юную пылкость,
Зрелая, кроткая; год — не юноша,
но и не старец —
Станет умерен, — меж тем виски сединою
кропятся».

Тучность и дорогие одежды говорят о том, что Осень — самое богатое время года. Венец из винограда и рог изобилия с фруктами означают, что Осень щедра на вина, плоды и всяческие благие дары для смертных. <...>

Также можно изображать Осень в виде Вакха с виноградом и тиграми, вырывающими у него из рук гроздь, либо как Вакханку или Помону⁴⁷.

Stagioni. Autunno

Una Donna di età virile, grassa et vestita riccamente, haverà in capo una ghirlanda d'uve con le sue foglie, con la destra mano tenghi un cornucopia di diversi frutti. Dipingesi di età virile, perciocché la stagione dell'Autunno si chiama la virilità dell'anno per essere la terra disposta a rendere i frutti già maturi dal calore estinto et diporre i semi et le foglie, quasi stanca del generare, come si legge in Ovidio lib. xv. Metamorf.:

Excipit autumnus posito fervore iuventae
Maturus mitisque inter iuvenemque
senemque
Temperie medius sparsus quoque tempora
canis.

Grassa et vestita riccamente si rappresenta, perciocché l'Autunno è più ricco dell'altre stagioni. La ghirlanda di uve et il cornucopia pieno di diversi frutti significano che l'Autunno è abundantissimo di vini, frutti et di tutte le cose per l'uso de' mortali. <...>

Si può anco rappresentare per l'Autunno
Bacco carico d'uve, con la Tigre che
saltando li voglia rapire l'uve di mano,
overo dipingerassi una Baccante nella
guisa che si suole rappresentare, come
anco Pomona.

⁴⁶ Текст Овидия дается в переводе С. В. Шервинского. См.: *Публий Овидий Назон. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии* / пер. с лат. С. В. Шервинского. М., 1983.

⁴⁷ Подробнее: Ibid. Р. 420.

<p>Месяцы согласно сельскохозяйственному календарю⁴⁸. Март</p> <p>Юноша с заступом в руке окапывает виноградные лозы. Рядом с ним конь. Март изображается молодым, поскольку работать лопатой — великий труд, и также потому, что в этом месяце начинают окапывать виноградники, как говорится, «верхом». Стоит позаботиться, чтобы окопать лозы раньше, чем начнут распускаться почки. Иначе можно потерять надежду на урожай и сбросить все виноградные завязи на землю. Рядом стоит конь, поскольку, как пишет Плиний в кн.8, гл. 42., во время весеннего равноденствия лошади начинают брачные игры.</p>	<p>Mesi secondo l'Agricoltura. Marzo</p> <p>Un giovane con una vanga in mano et mostri di scalzare le viti et da un lato sia un cavallo. Si dipinge giovane per esser l'opera della vanga di gran fatica e perché in questo mese si comincia a scalzare le viti, come si dice a cavallo; conviene avvertire che non si scalzi più tardi, perché la vite potrebbe germogliare et perdere assai speranza della vindemia, buttando gl'occhi della vite per terra. Vi si mette a canto il cavallo, perciocché in questo mese, come narra Plinio libro 8. cap. 42. vanno in amore nello Equinottio della Primavera.</p>
---	--

⁴⁸ У Рипы дается три варианта описания месяцев года: хронологическое (с января по декабрь, в образах юношей с сезонными и астрологическими атрибутами), согласно античным авторам (начиная с марта — главы года, как, по словам Рипы, описано в сочинениях Евстафия Каппадокийского, IV в.), а также и в рамках сельскохозяйственного календаря (начиная с января). См.: Ibid. P. 281.

Глава 19

Украшения, смыслообразы, поучительные фигуры: немецкая эмблематика XVI–XVII веков в контексте изобразительного искусства, поэтики и благочестия

(П. А. Серкова)

Рассуждения о предмете данной статьи – «немецкой эмблематике», представляются возможными только с одной существенной оговоркой: несмотря на тот факт, что примерно треть всех изданных в XVI и XVII вв. эмблематических книг приходилась на германские земли¹, типологизация этого явления с помощью геополитических или лингвистических критериев кажется довольно проблематичной. Эмблематика раннего Нового времени является комплексным феноменом европейской культуры, всеохватным и универсальным явлением, находящимся над национальными, языковыми, конфессиональными или социальными границами. Это явление, которое без преувеличения можно назвать оптикой или универсальным образным языком эпохи, свидетельствует о ее стремлении к синтезу, будь то синтез наук, искусств или чувственного восприятия.

О стремлении к универсальности и всеохватности свидетельствует не только преимущественное использование латинского языка в первых книгах эмблем и их позднейшее многоязычие. Сам процесс возникновения такой книги показывает стремление к синтезу. Примером тому может служить книга *Emblematum liber*, увидевшая свет в 1531 г. в типографии Генриха Штайнера в Аугсбурге. Заказчиком и адресатом посвящения был аугсбургский гуманист и советник императора Конрад Пойтингер, иллюстрации принадлежат ученику Ганса Гольбейна Старшего Йоргу Брою Старшему, издателем выступил миланский правовед Андреа Альчиати², под чьим именем эта книга, стоящая у истоков эмблематической традиции, и вошла в историю.

На примере *Emblematum liber* видно, что, хотя традиция библиографического описания ориентируется на имя издателя, все же книги эмблем можно считать коллективным трудом, вклад каждого – будь то заказчик или издатель, типограф или

¹ Henkel A., Schöne A. Vorbemerkungen der Herausgeber // *Emblemata. Handbuch zur Sinnbildkunst des XVI. und XVII. Jahrhunderts* / hrsg. v. Arthur Henkel u. Albrecht Schöne. Stuttgart, 1967. S. XVII.

² Подробно о первом издании *Emblematum liber* см.: Scholz B. B. The 1531 Augsburg Edition of Alciato's *Emblemata*: A Survey of Research // *Emblematica*. Vol. 5. 1991. P. 213–254.

гравер — неоценим. Зачастую эти участники процесса производства книг эмблем происходили из разных регионов.

Также не менее важными факторами возникновения книг эмблем, наряду с развитием гуманизма с его интересом к античной традиции, были как развитие изобразительного и прикладного искусства, так и не в последнюю очередь развитие технических возможностей, прежде всего книгопечатания. Именно оно лежало в основе широкого, поистине массового распространения эмблематики и позволило ей стать одним из основополагающих культурных феноменов раннего Нового времени.

Вскоре после первого аугсбургского издания книги Альчиати последовали комментированные и дополненные издания, многочисленные переводы на национальные языки. С 1536 г. в Париже вышел первый французский перевод, за которым последовали многочисленные французские издания. Вторым национальным языком, на который была переведена *Emblematum liber*, был немецкий. Юрист и переводчик Вольфганг Хунгер дополнил французскую версию Ле Февра немецкими эпиграммами и издал эту книгу в Париже в 1542 г. в издательстве Кристиана Вехеля. Второе немецкоязычное издание вышло в 1567 г. во Франкфурте-на-Майне. Издателем и переводчиком был Иеремиас Хельд, медик из Нёрдлингена. По титульному листу видно, как расширился круг адресатов эмблематической книги. Если книга Альчиати, судя по его высказываниям, была предназначена для небольшого круга избранных гуманистов, то книга Хельда, как следует из названия, предназначалась «всем любителям свободного искусства, как художникам, так и золотых дел мастерам, шелкошвеям и скульпторам»³. С помощью перевода Хельд стремится сделать *Emblematum liber* доступной и полезной не только образованным, знающим латынь людям, но и «простому человеку»⁴.

Большое количество изданий и переводов книги Альчиати повлекло за собой множество подражаний, перенимавших эмблемы у предшественников, добавлявших свои, предлагавших новые толкования. Вся эта совокупность различных изданий, переводов, подражаний составила, по приблизительным подсчетам, поток миллионного порядка⁵. Увеличивающееся число различных тем привело, в свою очередь, к тому, что книги эмблем, в XVI в. еще претендовавшие на универсальность полигисторского свода знаний, в XVII в. окончательно дифференцировались: появились книги, посвященные отдельно духовной, моральной, придворно-политической тематике.

Такая дифференциация свидетельствует о стремлении к практическому приложению эмблематики в той или иной области. Но надо отметить, что в поле культурных

³ Liber emblematum D. Andreae Alciati... Kunstbuch Andree Alciati von Meyland.../allen Liebhabern der freyen Künst/ auch Malern/ Goldschmiden/ Seidenstickern vnd Bildhauwern/ jetzund zu sonderm nutz vnd gebrauch verteutscht vnd an tag geben/ durch Jeremiam Held von Nördlingen... Gedruckt zu Franckfurt am Mayn/1566.

⁴ Daß er bey uns Teutschen auch under dem gemeinen Mann unverhindert wandern kündte und vilen nutz sey (Ibid. Fol. B. iij).

⁵ Ср.: Henkel A., Schöne A. Op. cit. S. XVII.

практик раннего Нового времени конкретное применение эмблематики сопровождалось теоретической рефлексией о самой сути эмблемы и оправданности ее использования в той или иной области. Примерами такой теоретической рефлексии являются тексты, переведенные в настоящей монографии. На их материале в пределах данной статьи будет произведена попытка рассмотреть несколько аспектов самопонимания и самоопределения эмблематики в контексте различных культурных практик.

ЕМБЛЕМА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФОРМАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ

Возникновению эмблематики в XVI в. предшествовал интерес раннего гуманизма к египетским иероглифам, импульсом к которому была книга эллинистического автора Горапполона «Иероглифика», выпущенная предположительно в V в. н. э., появившаяся в Италии в греческом переводе в начале XV в. и в течение XVI в. получившая широкое распространение в латинском переводе. Представленные в книге изображения имели мало общего с настоящими египетскими иероглифами, скорее это был эллинистический язык тайных знаков, но это не мешало им занимать умы ученых и художников Ренессанса, связывавших их с пифагорейскими символами, с метафорами и аллегориями античных авторов, а также пытавшихся усмотреть связь с библейской символикой и средневековыми bestiariaми и травниками. Таким образом, эмблематика в своих истоках представляет собой смешение египетского знакового письма и пифагорейской символики, античной мифологии и каббалистической мистики цифр, ветхозаветных мотивов и средневековых аллегорий. Интерес к криптографии, к загадкам и разгадкам тайных знаков, присущий Ренессансу, отражается в самом факте возникновения формы эмблемы. Ее принцип заключается в обнаружении того, что не лежит на поверхности, но сокрыто и нуждается в разгадке. Одновременно эмблема отличается от иероглифов тем, что сама предлагает эту разгадку в виде текстового сопровождения к изображению.

Книга Альчиати, в которой изображения впервые сопровождаются подписями, следует этому принципу и тем самым является новым словом в длинном ряду примеров связи визуального и вербального начал. В ней впервые эмблема предстает в своей трехчастной форме, отличающей ее от предшествующих форм, таких как, например, импреза. Обязательными частями эмблемы, если следовать идеальному типу⁶, являются *inscriptio*, *pictura*, *subscriptio*.

Pictura (Icon, imago) представляет собой небольшое изображение, чаще всего гравюру на дереве или на меди. Предметы изображения (res) — растения, животные, предметы и ситуации человеческой деятельности, библейские или античные фигуры. Мотивы эмблематики разнообразны, так же как и их источники: это могут быть Библия,

⁶ См., напр.: Schöne A. Emblematic und Drama im Zeitalter des Barock. 3. Aufl. München, 1993. S. 18–26.

античная мифология, в том числе и адаптированная в Средневековье, исторические и литературные сюжеты, современные достижения естественных наук, иероглифика, нумизматика, гербарии и бестиарии.

Inscriptio (motto, devise, lemma) представляет из себя короткую надпись, находящуюся над изображением или включенную в поле изображения. Она, как правило, лаконична: иногда это одно слово, иногда фраза из Библии, предложение из античных авторов или пословица.

Под изображением находится *subscriptio*, подпись, объясняющая или интерпретирующая изображение, а также его связь с девизом, и представляющая его мораль. Объем и форма подписи может варьироваться от краткой эпиграммы до обширного прозаического текста.

Отдельного внимания заслуживает этимология слова «эмблема», которая во многом проясняет и вопрос происхождения самого феномена эмблематики. Словом *emblemata* в его изначальном смысле обозначалось в греческом и латинском языках некое нанесенное на основу дополнительное украшение. Употреблялось это слово применительно к таким видам прикладного искусства, как, например, мозаика или инкрустация.

Первые книги эмблем вполне осознают истоки слова «эмблема». Так, Альчиати, посвящая книгу Конраду Пойтингеру, однозначно указывает на практическое предназначение книги⁷. Эту тему развивает в своем немецком издании *Emblematum liber* и Иеремиас Хельд: здесь прикладной аспект подчеркивается как в самом названии книги, так и в переводе посвящения Пойтингеру. Согласно этому переводу книга Альчиати выходит для того, «чтобы каждый мог украсить свое одеяние, щит, шлем, ковер и стену»⁸. В предисловии к читателю Хельд сравнивает свою книгу с кладовой или оружейным складом и тем самым представляет ее как некий свод, из которого читатели могли бы брать не только образцы для украшения своего дома и одежды⁹, но и «черпать наставления, учиться морали, благопристойности, хорошим нравам и всему, что подобает честному гражданину»¹⁰.

Таким образом, в идее эмблемы с самого начала были тесно связаны друг с другом представления о морали и о прикладном искусстве. Эту связь можно найти и в кни-

⁷ *Dum pueros iuglans, iuvenes dum tessera fallit | Detinet & segnes chartula picta viros. | Haec nos festiuis emblemata cudimus horis, | Artificum illustri signaque facta manu. | Vestibus ut torulos, petasis ut figere parmas, | Et ualeat tacitis scribere quisque notis.* Цит. по: Hoffmann K. Alciato and the Historical Situation of Emblematics // Andrea Alciato and the Emblem Tradition / ed. by P. M. Daly. New York, 1989. P. 19. «Мальчиков обманывает греческий орех и кости, нарисованная картинка удерживает ленивых мужей, а вот мы в досужие часы выковываем эти эмблемы и знаки, сделанные славной рукой мастеров, чтобы каждый мог приделывать их украшениями к платьям и кокардами к шляпам, и писать молчаливыми знаками».

⁸ *Damit ein jeder kündt sein Gewandt | Schilt/Helm/zieren Teppich vnd Wandt* (Liber emblematicus D. Andreae Alciati... Frankfurt am Mayn, 1566. unpag.).

⁹ *Darauß auch ein jeder sein Haußbraut/Gewand/Teppich/Schilt/Wappen/Helm/Bitschier/Wend/Pfosten/Küssin un ander ding mehr zeichen und zieren kann* (Ibid. Fol. B. ij).

¹⁰ Ibid.: *Darauß man Lehr/Vermahnung/Zucht/Tugend/gute Sitten und alle Bürgerliche ehrlichkeit lehren und nehmen kann.*

ге *Emblematum Tyrocinia*, изданной Маттиасом Хольцвартом в Страсбурге в 1581 г. и предназначенной, согласно названию, «равно как для улучшения нравов, так и для искусной работы»¹¹. Эта книга занимает особое место в истории немецкой эмблематики. Если до нее существовали лишь немецкие издания книги Альчиати, сделанные Хельдом и Хунгером, то применительно к книге Хольцварта можно с большой вероятностью говорить о первой самостоятельной немецко-латинской книге эмблем¹².

Предисловие к *Emblematum Tyrocinia* заявляет о далеко идущем намерении — первой попытке разработать терминологию, которая сделала бы возможным возникновение немецкоязычного теоретического дискурса об эмблемах. Неслучайным является тот факт, что эта миссия пришлось на долю Иоганна Фишарта, активного публициста и поэта того времени¹³, известного своей любовью к игре слов, к изобретению и введению в употребление неологизмов¹⁴.

Не в последнюю очередь сам факт наличия предисловия свидетельствует также о стремлении разрешить определенную проблему понимания, на которую Фишарт указывает в первом же предложении: по его словам, слово «эмблема» чуждо и непривычно для немецкого слуха, поэтому нуждается в пояснении. Свою задачу он видит в приближении к читателю, в объяснении сути эмблем. Это объяснение сути происходит двумя тесно взаимосвязанными путями: а) путем обращения к истокам эмблематики и б) путем экскурса в этимологию слова «эмблема» и попыток найти немецкий аналог слова.

Фишарт связывает возникновение эмблемы прежде всего с развитием прикладного искусства. При этом он вполне в духе Ренессанса сопоставляет античность и свое время. Современное ему искусство в своем разнообразии кажется ему ничуть не хуже античного, а в некоторых аспектах даже превосходящим его. С воодушевлением он описывает каждый вид искусства: ювелирное, граверное, текстильное мастерство, инкрустацию, гончарное дело, и не устает восхищаться тем, какой высоты достигло в его время умение мастеров.

В подкрепление своей теории он приводит этимологию слова «эмблема», означающего не что иное, как «накладные украшения», которые зачастую ценились больше, чем сама основа. То, что эмблемы не так далеки и чужды читателю, как кажется на первый

¹¹ Holtzward M. *Emblematum tyrocinia: Sive Picta Poesis Latino germanica. Das ist: Eingebäumete Zierwerck/oder Gemäldepoesy. Inhaltend Allerhand Geheymnußlehren/durch Kunstfündige Gemäl angepracht/vnd Poetisch erkläret. Jedermänniglichen/beydes zu Sittlicher Besserung des Lebens/und Künstlicher Arbeyt vurständig und ergetzlich...* Straßburg, 1581.

¹² Höpel I. *Emblem und Sinnbild: Vom Kunstbuch zum Erbauungsbuch.* Frankfurt am Main, 1987. S. 74.

¹³ Иоганн Фишарт, прозванный Менцером (1546(?)–1591). Прозвище Менцер, которое почти всегда сопровождает имя Фишарта, является дополнительным именем, указывающим на город, из которого происходил его отец (Майнц). Поэт и публицист. Сначала лютеранин, затем кальвинист, Фишарт принимал активное участие в антикатолической полемике середины XVI в. См.: Schmidt E. *Fischart, Johann*//Allgemeine deutsche Biographie. Bd. 7 (1878). Berlin, 1968. S. 31–47.

¹⁴ Sommerhalder H. *Johann Fischarts Werk: Eine Einführung.* Berlin, 1960. S. V–VII.

взгляд, Фишарт доказывает, как бы открывая глаза читателя на то, что уже давно окружало его, по-новому заставляя его взглянуть на известные ремесла и украшения.

Вторая часть предисловия, посвященная экскурсу в историю эмблем, представляет собой пересказ «Диалога об импрезах военных и любовных» (*Dialogo delle imprese militari e amorose*) теоретика XVI в. Паоло Джовио. При этом имя Джовио упоминается только тогда, когда Фишарту необходима ссылка на авторитет для подкрепления собственной аргументации, направленной на приписывание немцам (тевтонам) особых заслуг в области геральдики.

Фишарта можно рассматривать как первопроходца, который, помимо несомненных достижений, сталкивается на своем пути с немалыми трудностями. Так, объясняя ощущение чужеродности самого слова «эмблема» использованием латинской терминологии, Фишарт пытается на протяжении всего предисловия подобрать подходящий немецкий эквивалент этому термину. При этом он старается объединить принцип созвучия и принцип смыслового родства. Результатом его попыток является словосочетание *Eingeblomete Zierwerke* («искусные украшения») и другие неологизмы. Ни одно из словосочетаний, разработанных Фишартом, не получило впоследствии широкого распространения, и все они так и остались его поэтическим вымыслом. Термином для обозначения эмблемы в немецком языке было суждено стать другому слову, относящемуся скорее к сфере словесного творчества, чем прикладного или изобразительного искусства.

SINNBILD: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ О ФУНКЦИЯХ И СМЫСЛЕ ЭМБЛЕМ В СИСТЕМЕ ПОЭТИКИ

Уже в предисловии Фишарта в нескольких предложениях упоминается один важный аспект. Для него эмблематические «украшательства» носят не только эстетическую функцию. Они также побуждают задуматься. И в этом заложен фундамент позднейшей теоретической рефлексии, с полной силой развернувшейся в XVII в. Эмблематика, находящаяся на пересечении изобразительного и словесного творчества, делающая невидимое видимым, стала излюбленным жанром эпохи барокко с ее стремлением к синтезу искусств, воздействующему одновременно на разные органы чувств. При рассуждении о связи слова и изображения теоретики искусства эпохи барокко часто прибегают к известной формуле Горация *ut pictura poesis* («поэзия как картина»).

Рассуждения об эмблематике в XVII в. тесно связаны с теоретической рефлексией о поэтическом искусстве в целом. Взлет национального самосознания после Тридцатилетней войны повлек за собой стремление к возвышению немецкого языка, как в поэзии, так и в науке. Из длинного ряда деятелей, способствовавших этому возвышению, мы выделим два имени, важных в контексте развития теоретической рефлексии об эмблематике: Георг Филипп Харсдерфер и Юстус Георг Шоттель.

Георг Филипп Харсдерфер считается наряду с Мартином Опицом одной из главных фигур, внесших своими сочинениями большой вклад в развитие немецкого лите-

ратурного языка. Его трактат «Поэтическая воронка» (*Poetischer Trichter*, 1647) является суммой барочной поэтики. Не менее значимым было его восьмитомное сочинение «Беседы-игры дам» (*Frauenzimmer Gesprächsspiele*, 1644–1657), в котором эмблематике, как одной из важных частей поэтики, уделен раздел в первом томе.

Задачей Харсдерфера, как и Фишарта, является найти немецкоязычные эквиваленты понятия «эмблема». И здесь попытки Харсдерфера, в отличие от попыток Фишарта полувековой давности, увенчались успехом. Это отчасти объясняется вышеупомянутым взлетом национального самосознания и настоящей потребностью перевода на немецкий язык научных и эстетических терминов и их теоретического осмысления. Тот факт, что в XVII в. слово *emblemata* не было уже так чуждо и непривычно немецкому читателю, как во времена Фишарта, о чем свидетельствует реплика Раймунда¹⁵, еще более облегчал задачу ввода термина, освобождая от необходимости дополнительных объяснений самой сути феномена и экскурса в этимологию слова. Это же позволяло совершиться некоторым смысловым трансформациям, обусловившим возникновение специфического концепта: немецкое слово *Sinnbild*, которое Харсдерфер осторожно вводит в свое рассуждение, используя его наряду с термином *emblemata*, переводит дискурс об эмблематике с уровня прикладного искусства, из которого изначально произошло слово «эмблема», на языковой и когнитивный уровень, перенося акцент с проблематики производства эмблем на проблематику рецепции смыслов.

Изображение или девиз, начертанные на бумаге, не могут, согласно Харсдерферу, сами по себе являться эмблемой, также как нотную запись нельзя еще назвать музыкой. Именно в восприятии, в сопоставлении рецепиентом изображения и девиза, в постижении «души», вложенной автором в эмблему, заключается для Харсдерфера смысл эмблемы¹⁶.

Однако следует заметить, что, опираясь на итальянскую теорию импрез, Харсдерфер не проводит четкого различия между «изображениями на знаменах» и эмблемами, а также не уделяет большого значения *subscriptio*. Не прибегает он и к дальнейшим рассуждениям о терминологии, не стремится легитимировать и объяснить употребление слова *Sinnbild* для обозначения эмблемы.

Современник Харсдерфера, знаменитый ученый-грамматист того времени Юстус Георг Шоттель, более четко сформулировал теорию эмблем в своем изданном в 1663 г. сочинении «Детальное исследование главного немецкого языка».

Шоттель, упоминая о происхождении самого термина «эмблема» из прикладного искусства, в то же время указывает на то, что именно метафорическое значение

¹⁵ «Можно задаться вопросом, а не лучше ли было бы сохранить слово *emblemata*, ибо его сейчас понимает почти каждый, чем вводить неизвестное слово “смыслообразы”?».

¹⁶ «Это сопоставление есть душа смыслообраза, чьим толмачом является девиз, а телом является само изображение или фигура. Также сходными по духу с таким сочетанием могут быть названы присущее музыкальному искусству созвучие голосов и движение зубчатых колес в часах, однако не ноты и не числа, на которые указывает стрелка часов».

этого слова нашло повсеместное употребление¹⁷. Шоттель предлагает в своем сочинении развернутую, основанную на формальных критериях легитимацию слова *Sinnbild*.

Немецкий композитум *Sinnbild*, по убеждению Шоттеля, превосходно подходит для обозначения такого метафорического употребления эмблемы. Он обосновывает это, прибегая к разбору семантической структуры слова:

«Посему слово “смыслообраз” указывает на такой образ, при котором необходимо что-либо осмыслить или помыслить. “Образ” — часть слова, находящаяся в его конце и тем самым обуславливающая направление наших мыслей прежде всего на образ, то есть на все, что образно представлено. “Смысл” же, являющийся приставной или передней частью этого слова, указывает на то, что сей образ содержит в себе особый смысл, особое суждение и толкование»¹⁸.

Приведенная цитата является, пожалуй, наиболее четкой формулировкой и обоснованием употребления немецкого слова *Sinnbild* для обозначения эмблемы, которое вполне целесообразно и удачно и в русле семантического анализа Шоттеля передается в русском языке калькой «смыслообраз».

Такой же четкостью отличается формальное определение эмблемы, представленное Шоттелем. Здесь Шоттель, как и Харсдерфер, пользуется метафорой души и тела, однако, в отличие от Харсдерфера, у Шоттеля эмблема имеет явную трехчастную форму: «Тело смыслообраза, как нечто красивое, благообразное и внешнее, состоит в изображении или картине, которая должна давать намек на то, что ею обозначается, что за нею скрывается, то есть на ее смысл. <...> Душа смыслообраза, которая как бы заставляет тело говорить, состоит в словах, а именно в изречениях смыслообраза и их толкованиях. Изречение смыслообраза есть краткая надпись, посредством которой делается намек на <...> смысл изображения. <...> Толкование смыслообраза может по усмотрению изобретателя и по потребности состоять в различных виршах, самое малое — в двух рифмованных строках»¹⁹.

¹⁷ ...Ist auch das Wort Emblema in solcher seiner Metaphorischen Deutung bekannt und überall gebraucht worden (Schottelius J. G. Ausführliche Arbeit von der Teutschen HauptSprache (1663)/hrsg. v. W. Hecht. Teil II. Tübingen, 1995. S. 1105).

¹⁸ Das Wort Sinnbild demnach zeigt <...> ein solches Bild an/dabey man etwas müsse zu Sinne fassen: Bild ist das letzte im Worte und also Grund/darum Hauptsachlich unser nachdenken auf ein Bild ist/das ist/auf jedes/so Bildweis vorgestellt wird/gehen muß: Sinn aber/das beygefügte oder vorderste Worttheil deutet an/das solches Bild in sich einen sonderlichen Sinn/sonderliche Meynung und Deutung habe (Ibid. S. 1106).

¹⁹ Der Leib des Sinnbildes/als etwas schönes/ansehnliches und eusserliches/besteht in einem Bilde oder Gemälte/welches auff dasselbe/was darunter angedeutet und verborgen wird/das ist/auf seinen Sinn/muß deuten. <...> Die Seele des Sinnbildes/welche gleichsam den Leib redend machet/besteht in Worten/nehmlich in des Sinnbildes Deutsprüche und in dessen Auslegung. Der Deut-Spruch des Sinnbildes ist die kurze Überschrift/dadurch <...> angedeutet wird des Bildes Sinn. <...> Die Auslegung des Sinnbildes vermag nach belieben des Erfinders/und erheischender Nohturft in unterschiedlichen Versen bestehen/zum wenigsten in einem Reimschlusse (Ibid. S. 1106).

Таким образом, подпись для Шоттеля является неотъемлемой частью полноценной эмблемы. Без подписи эмблема, по выражению Шоттеля, «нема»²⁰. Именно наличие текстуальной части отличает эмблему от изображений, таких как геральдические знаки или картины. Такие изображения, не сопровождающиеся текстом, хранят свой смысл в себе, не выдавая его, и тем самым, по мнению Шоттеля, являются загадкой. Задача же эмблемы – не скрыть смысл, а, наоборот, раскрыть его²¹.

Заслуга Шоттеля в формальном определении и в разработке терминологии эмблематики и в укоренении их в системе немецкого языка нисколько не умаляет заслуги его современника Харсдерфера, в особенности в том, что касается практического применения эмблематики. В «Беседах-играх дам» Харсдерфер придает большое значение примерам, показывая на практике, как могут строиться смыслообразы. И именно в этих примерах проявляется вся гибкость и подвижность этого жанра. Так, к одному и тому же изображению, как показывает Харсдерфер, может быть подобрано несколько девизов, в зависимости от того, какой смысл вкладывает в него автор. С таким же правом можно и к одному и тому же девизу подобрать несколько изображений. Подбор девизов и изображений, в которых участвуют несколько действующих лиц, превращается в увлекательную «игру-беседу» (*Gesprächsspiel*), что полностью соответствует названию труда Харсдерфера. Однако в этой игре соблюдаются границы, так как, как уже было упомянуто выше, эмблемы не должны быть слишком темными. Они должны не затемнять смысл, а, наоборот, прояснять его, выявлять новые его оттенки, представлять вещи в новом свете и, таким образом, служить поучению, воспитанию, назиданию. И в этом состоит еще один важный аспект эмблематики.

ДУХОВНО-НАЗИДАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА XVII ВЕКА ОТ КНИГ ДУХОВНЫХ ЭМБЛЕМ К ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОМУ СТИЛЮ ПРОПОВЕДИ

Морально-дидактический аспект, присущий эмблематике, был уже в XVI в. поставлен на службу религиозному назиданию. Но если в XVI в. книги эмблем издавались в основном гуманистами, то в XVII в. подавляющее большинство издателей относится к духовному сословию. Концепция визуального восприятия, развитая иезуитами, сделала эмблему распространенным жанром у католиков.

²⁰ *Wiewohl etzliche meynen/es könne zuweilen ein Sinnbild redlos/das ist/ohn Deutspruch und auch ohn Auslegung seyn; Solches aber möchte ein stummes Sinnbild heissen/und mit einem gemahlten Rätzel oder blossen Gemahlte übereinkommen* (Ibid). «Хотя некоторые считают, что иногда смыслообраз может быть неговорящим, то есть обходиться без пояснительного изречения и также без истолкования. Подобное должно тогда называться немим смыслообразом и быть тождественно с нарисованной загадкой или простой картиной».

²¹ *Ein Rätzel <...> ist aber vom Sinnbilde gantz unterschieden/weil solches nicht also dunkel/sondern klarer/nicht Rätzelweis/sondern Lehrweis wird vorgestellt* (Ibid. S. 1109–1110). «Загадка <...> же совершенно отличается от смыслообраза, ибо оный представляется не таким темным, но яснее, не в загадочной, но в поучительной манере».

Здесь надо заметить, что в католицизме употребление эмблем представляется логическим продолжением традиции визуализации христианского учения, традиции, которая никогда не прерывалась и проявляла себя как в богатом украшении церквей фресками и статуями святых, так и в использовании изображений в домашних религиозных практиках.

Иначе обстояло дело в протестантизме, которому изначально было присуще отрицательное отношение ко всякого рода украшениям и стремление к рациональному постижению учения. Однако уже в XVII в., в эпоху барокко, стала ощущаться потребность чувственного восприятия содержания учения, нашедшая свою реализацию в двух тесно связанных друг с другом оплотах протестантской религиозности: проповедях и книгах. Именно через повышение образности в сфере устного и печатного слова протестантские теологи стремились восполнить нехватку визуального восприятия в церковном пространстве²². Этим же обусловлено широкое применение эмблематики в протестантизме.

Уже в 20-е гг. XVII в. можно говорить о возникновении протестантской религиозной эмблематической книги²³, задачей которой было поставить эмблематику на службу назиданию. Книги таких авторов, как Даниель Крамер, Иоганн Зауберт, Иоганн Манних, положили начало целому жанру *sacra emblemata* в протестантской литературе.

Отличительной чертой этих книг является использование эмблемы в качестве зримого воплощения теологических *loci*, лежащих в основе проповеди. Таким образом, эмблемы выполняют функцию краткой суммы проповеди, позволяющей реципиенту воочию увидеть перед своими глазами ее содержание.

Еще одной особенностью духовной эмблематики является то, что ее традиция, и тем самым легитимация, выводится не из развития искусства или языка, а из Библии и церковного Предания, а декларированной целью эмблематики является трансляция слова Божьего. Эмблема, несущая в себе как репрезентативную, так и герменевтическую функции, являлась в этом смысле идеальным средством такой трансляции: она как позволяла наглядно представить содержание учения, так и предлагала определенное толкование теологических общих мест.

Пример использования репрезентативного и герменевтического потенциала эмблематики можно наблюдать, например, в «Эмблематическом катехизисе», вышедшем в 1683 г. Он состоит из кратких вопросов и ответов, за которыми следует развернутое объяснение эмблемы, предваряющей каждый раздел. Отдельного внимания заслуживает предисловие к данной книге, написанное, с большой вероятностью, Иоганном Людвигом Прашем²⁴. Праш, уважаемый современниками поэт, а также ученый-полигистор и политический деятель, в первую очередь пытается подобрать чисто библей-

²² См.: Höpel I. Op. cit. S. 212; Wex R. Ordnung und Unfriede: Raumprobleme des protestantischen Kirchenbaus im 17. und 18. Jahrhundert in Deutschland. Marburg, 1984.

²³ Höpel I. Op. cit. S. 210.

²⁴ Иоганн Людвиг Праш (1637–1690): поэт, ученый, политик, занимавший высокие административные посты в своем родном городе Регенсбурге. Список его трудов включает работы, посвященные немецкой

скую основу для применения эмблематики к такому вроде бы простому и конвенциональному жанру теологических текстов, как катехизис.

Следует заметить, что Прашу не приходится прилагать особенных усилий для легитимации применения эмблематики с целью назидания. По его словам, такое применение в его время является повсеместной и общепотребительной практикой. Поэтому предисловие Праша можно рассматривать как типичный образец аргументации, широко использовавшийся в духовно-назидательной литературе того времени, когда речь заходила об использовании эмблем.

По словам Праша, эмблематическая манера поучения воздействует как на эмоции, так и на разум реципиента: она «влечет к себе глаза и душу, вдохновляет и воспаляет дух, истолковывает и облегчает понимание предмета». Таким образом, Праш сознательно указывает на пользу уже упомянутой выше двойной (репрезентативной и герменевтической) функции эмблематики.

Дважды, в начале и в конце предисловия, Праш подчеркивает особую пользу такой манеры поучения для простых людей. Этот аргумент о пользе изображения для неграмотных является одним из самых распространенных в духовной эмблематике. Однако и образованным людям, которые, как указано в начале предисловия, наиболее негативно настроены по отношению к катехизису, он может быть полезен для «назидания христианского бытия». Таким образом, Праш представляет «Эмблематический катехизис» как многослойный труд, многоуровневость которого делает его доступным и интересным для всех, вне зависимости от возраста, образования или социального положения²⁵.

Такая сознательно создаваемая многоуровневость характерна для духовно-назидательных книг, использующих эмблематику. В них присутствует не только уровень дидактической наглядности, но и более высокий уровень интеллектуальной игры, призванной повысить интерес у образованных и знатных слоев населения. Эти две функции служат одной цели: цели запоминания, запечатлевания предмета «в сердце и памяти». Тем самым эмблематика в духовных сочинениях может рассматриваться в качестве одной из важных для того времени мнемонических техник²⁶.

В то же время заметное доминирование в книге текста свидетельствует о нахождении «Эмблематического катехизиса» в русле трансформаций, которые эмблема претерпевает в контексте духовной литературы XVII в. Эти трансформации

и латинской грамматике, поэтике, политике и, не в последнюю очередь, теологии. Биографию Праша см. в: *Jacoby D. Prasch, Johann Ludwig // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 26 (1888). Berlin, 1970. S. 505–509.*

²⁵ «Данный же труд предназначен для того, чтобы служить как молодым, так и старым, как простым людям, так и высокородным, как неученым, так и ученым. Первые могут улаждать себя созерцанием гравюры, читать текст и его меткое истолкование, принадлежащее перу нашего блаж. Лютера, и постепенно учиться размышлять над ним, постоянно повторяя его, а также все это следует не только понимать, но и верно и усердно претворять в действие. <...> Что же касается образованных, высокородных и знатных, а также искушенных в науках и латыни, то пусть они воспримут наше объяснение представленных здесь эмблем и используют их для назидания своего христианского бытия».

²⁶ Ср.: *Strasser G. F. Emblematic und Mnemonik der Frühen Neuzeit im Zusammenspiel: Johannes Buno und Johann Justus Winckelmann. Wiesbaden, 2000.*

касаются соотношения в эмблеме текста и изображения и состоят в постепенном переходе от собрания религиозных эмблем к эмблематическим проповедям.

Творчество уже упомянутого нюрнбергского теолога Иоганна Зауберта (1592–1646) представляет собой яркий пример такой трансформации. Если его раннее сочинение ΔΥΟΔΕΚΑΣ *Emblematum Sacrorum* («Дюжина священных эмблем», 1625–1630) является собранием духовных эмблем, имеющих традиционную форму и состоящих из изображения, надписи и стихотворной подписи, то в его отдельно изданной проповеди *Spes Nova Pacis* («Новая надежда на мир», 1646 г.) под эмблемами, в отличие от воплощенных в гравюрах «духовных фигур», подразумеваются образы текстуального характера, которые могут сопровождаться гравюрой, а могут и не сопровождаться²⁷. Наконец, в посмертно изданной книге «Духовные картины» (*Geistliche Gemaelde*, 1658 г.) видно понимание Заубертом эмблемы как исключительно умпостижаемого образа. Провозглашенной целью книги является представить то, что повествуется в воскресных Евангелиях «в картине, но не внешне или перед глазами, а внутренне в сердцах через слух»²⁸.

Таким образом, в основу постижения эмблемы положено синтетическое чувственно-интеллектуальное восприятие, в котором импульс, полученный внешними органами чувств, будь то уши или глаза, преобразуется во внутренний образ, для которого «зрение» становится всего лишь метафорой.

На этом понимании эмблемы основан возникший в середине XVII в. эмблематический стиль проповедей. Он заключался в сознательном применении эмблематического наследия в текстах проповедей, без участия конкретных изображений. В противоположность мнению Альбрехта Шене, видевшего в текстуализации эмблемы симптом заката эмблематической формы²⁹, можно видеть в этом процессе другую форму существования эмблематики, логически следующую из накопления и трансфера знаний и образов в XVII в. Эмблематические предметы, которыми, как и прежде, могли служить животные, природные явления, ситуации из повседневной жизни, библейские персонажи и истории, возникали в тексте проповеди, апеллируя к уже накопленному эмблематическому опыту. Аллюзии на эмблемы вплетались в отдельные пассажи проповеди в качестве части аргументации или же лежали в основании целого духовно-

²⁷ *Emblema vero proprie est omne id, quod aliis rebus inseritur, injicitur, interjicitur. Itaque non picturae modo, sed & verba verbis aliis ac sententiis inserta, emblematum nomine veniunt* (Saubert J. *Spes nova pacis*... Nürnberg, 1646. S. 59, цит. по: Jöns D. W. Die emblematische Predigtweise Johann Sauberts // *Rezeption und Produktion zwischen 1570 und 1730: Festschrift für Günther Weydt zum 65. Geburtstag* / hrsg. v. W. Rasch, H. Geulen, K. Haberkamm. Bern; München, 1972. S. 144). «Эмблема же в собственном смысле – это все то, что вставляется, встраивается и вмонтируется в другие вещи. Таким образом, не только изображения, но и слова, вставленные в другие слова и выражения, носят имя эмблем».

²⁸ *Saubert J. Geistliche Gemälde über die Sonn- und hohe Festtägliche Evangelia... Erster Theil. Nürnberg, 1652. Bl. VIIIr.: [In] einem Gemähd/nicht zwar äusserlich/oder vor Augen/sondern innerlich in die Hertzen durch das Gehör [darstellen]*. Цит. по: Jöns D. W. Op. cit. S. 146.

²⁹ *Schöne A. Emblematic und Drama im Zeitalter des Barock. München, 1968. S. 19.*

го размышления. Для читателей или слушателей таких проповедей, живущих в XVII в., тренированных в восприятии и истолковании эмблем, не составляло труда представить их перед своим внутренним взором. Таким образом, воспринимаемая глазами картинка становилась излишней. Немаловажным фактором в текстуализации эмблемы было и то, что книги без гравюр были гораздо дешевле в производстве и, соответственно, лучше продавались.

Примером эмблематических проповедей, основанных целиком на эмблемах, может служить книга Кристиана Скривера «Готтхольдовы размышления по случаю», изданная в промежутке между 1663 и 1671 гг. Скривер в предисловии четко указывает, что его книга – эмблематическая, «ибо что иное суть названные произведения искусства и природы, как не живые эмблемы?»³⁰. Он выводит эмблематическую манеру проповеди из традиции наблюдений за природой, которые «взяли свое начало с началом мира»³¹, и чтения «книги природы», ссылаясь при этом на Библию и Предание, называя имена Адама, Ноя, Авраама и других библейских персонажей. Учителя церкви, такие как Василий Великий, Иоанн Златоуст, Августин и Лютер, также практиковали, по словам Скривера, такую манеру истолкования и проповеди.

По словам Скривера, не только «различные творения Божьи, как то: небо, земля, огонь, вода, животные, птицы, рыбы, металлы и др., – но также и различные случаи, события, дела и занятия человеческой жизни»³² могут дать пищу к духовному размышлению и молитве. Эти ситуации, дела, занятия человеческой жизни Скривер берет в качестве эмблематических *res* для своих 400 кратких размышлений.

В самой структуре размышлений просматривается трехчастная эмблематическая форма: в заглавии называется предмет размышления, он же кратко описывается в начале размышления. В качестве девиза выступает мысль, приходящая герою Скривера – благочестивому Готтхольду при созерцании предмета и являющаяся моралью размышления. Основная часть размышления посвящена объяснению связи морали с предметом³³.

³⁰ *Denn was sind die <...> benannte Wercke der Kunst und Natur anders als lebendige Sinnbilder?* Цит. по: *Scriver C. Gottholds zufälliger Andachten Vier Hundert/bey Betrachtung mancherley Dinge der Kunst und Natur/in unterschiedenen Veranlassungen zur Ehre Gottes/Besserung des Gemüths und Übung der Gottseligkeit geschöpffet...* Leipzig, 1686. Vorrede 2, unpag.

³¹ *Mit der Welt ihren Anfang genommen* (Ibid.).

³² *Ich habe darinnen/wie bewußt/nicht allein die mancherley Geschöpfe Gottes/als Himmel/Erde/Feuer/Wasser/Thiere/Vögel/Fische/Metallen/u. a. m. sondern auch allerley Wercke der menschlichen Hände/und dann auch die mancherley Zufälle/Begebenheit/Händel und Geschäfte des menschlichen Lebens in gottselige Betrachtung genommen/und allenthalben zum Gebet/zum Trost/zur geistlichen Freude und Traurigkeit/zu Erweckung deß Glaubens/der Liebe/der Geduldt/zur Verachtung deß Zeitlichen und Verlange nach dem Ewigen <...> Anlas gegeben* (Ibid.).

³³ См. переводы двух размышлений из «Готтхольдовых размышлений по случаю» Скривера в приложении к статье: *Серкова П. А.* «Евангелие есть лишь комментарий к нашему сердцу»: *Applicatio* и *meditatio* в духовно-назидательной литературе немецкого протестантизма XVII века // Культура интерпретации до начала Нового времени / под ред. Ю. В. Ивановой, А. М. Руткевича. М., 2009. С. 383–404.

Эмблематическая форма (и тут Скривер повторяет общее место в книгах духовной эмблематики) может сделать сложный материал более доступным читателю, излагая его «изящно и радостно»³⁴. Вместе с этим эмблематика является не просто забавой, а преследует в данной книге цель утешения и усовершенствования христианского образа жизни читателей. Она должна подвигать его к молитве, утешать в печали, пробуждать веру, любовь, терпение, презрение к временному и стремление к вечному³⁵.

Иоганн Готтфрид Гердер, одна из главных фигур немецкого Просвещения XVIII в., определяя в своих «Разрозненных фрагментах» предшествующее его времени столетие как «эмблематическую эпоху»³⁶, вкладывал в это определение отнюдь не позитивную оценку. Чрезмерное увлечение аллегориями и символами как в изобразительном, так и в словесном искусстве XVI и XVII веков, по мнению Гердера, стесняло искусство, не давая ему свободно разворачиваться³⁷. Констатируя факт широкого распространения эмблематических книг в XVI и XVII вв., Гердер одновременно признается, что любовь предшествующих поколений к эмблематике остается для него такой же загадкой, как и сама эмблематика. «История этого времени и этих вкусов,— пишет он,— все еще находится в потемках»³⁸.

Таким образом, эмблематическая форма уже столетие спустя перестала отвечать эстетическим идеалам, перестала быть понятной стремящемуся к ясному, рациональному языку Просвещению, от которого и последующие эпохи унаследовали представление об эмблеме как о темной загадке. Представленная выше попытка рассмотрения эмблематики, исходящая из анализа текстов авторов XVI и XVII вв., призвана была противопоставить этому представлению взгляд из перспективы самой «эмблематической» эпохи, взгляд, в котором эмблематика выступала не в качестве загадки, затемняющей смысл, но, наоборот, толковательной матрицы, проясняющей суть предмета, в качестве оптики и универсального языка эпохи, нашедшего свое применение как в изобразительном искусстве, так и в поэзии и теологии.

³⁴ Sriver C. Op. cit. (unpag.): *Anmuthig/erfreulich*.

³⁵ *Ich möchte gern/mein Christ <...> dir/nach meiner Eifalt/zeigen/wie du dir allerhand Fügniß und Begebenheit/zum Andenken deines Gottes/zum Trost und Besserung deines Christenthums zu nutz machen kanst* (Ibid. Vorrede, unpag.). «Я хочу, мой христианин, <...> показать тебе в простоте моей, как ты можешь использовать всевозможные случаи и события для размышления о твоём Боге, ради твоего утешения и для усовершенствования твоего христианского бытия».

³⁶ *Herder J. G. Zerstreute Blätter* (Gotha, 1793) // *Herders sämmtliche Werke* / hrsg. v. B. Suphan. Bd. 16. Berlin, 1887. S. 230: *Daher ich dies Zeitalter beinahe das emblematische nennen möchte*.

³⁷ *...Eine Liebhaberei an Symbolen, bedeutenden Attributen, Allegorien u.f. <...> die, um die Wahrheit zu gestehen, den menschlichen Geist zwar erweiterte, aber die Kunst verengte* (Ibid. S. 161).

³⁸ *Eine große Menge symbolisch-emblematischer Bücher und Verzeichniße erschien zu Ende des sechzehnden und im Anfange des siebenzehnden Jahrhunderts. — Warum? Die Geschichte dieser Zeit und dieses Geschmacks liegt noch sehr im Dunkeln* (Ibid).

Иоганн Фишарт

**КРАТКОЕ И ДОБРОПОЛЕЗНОЕ ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
О ПРОИСХОЖДЕНИИ, НАЗВАНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ
ЭМБЛЕМ, ИЛИ ИСКУСНЫХ УКРАШЕНИЙ
(EINGEBLÖMETEN ZIERWERCKEN)³⁹**

Предполагая, что и у многих сведущих людей титул или название этой книжки, чуждое и в наше время у немцев непривычное, породит некоторое изумление и ввергнет их в раздумья, я счел необходимым внести свою лепту и предпослать ей сопроводительное разъяснение о происхождении и использовании эмблем.

В первую очередь, я полагаю, что название «эмблема» изначально не воспринималось греками как присущее только лишь возвышенным материям, то есть поэтическим таинственно-поучительным изображениям, но было позаимствовано из других ремесел, а затем приложено и привлечено к названным поучительным изображениям. Мы же в настоящее время именно те искусства, из которых они черпали и брали материал для сравнения, равным образом имеем у нас в обычном повседневном употреблении, и нам тем более надлежит пользоваться подобной свободой брать из ныне процветающих у нас искусств слова и названия и присваивать их произвольным вещам.

То же, что такие остроумные искусства, какими они были у греков, у нас также в ходу, легко доказать. Подобно тому, как, например, в эпоху расцвета ионического, тосканского, коринфского и римского зодчества, здания были редкостно украшены достойными похвалы стараниями умелых зодчих всякого рода витиеватыми произведениями искусства: нарядными сводами, триумфальными арками, капителями, желобками, венками, рельефами в виде листьев, резными виноградными лозами, вьющимся плющом, подвешенными плодами, перемежающимися изваяниями, изображениями зверей и барельефами, все эти украшения и пилястры, как высеченные в камне, так и добавленные и надставленные, они называли *Emblemata*, то есть высеченная или лепная работа и искусное узорочье (*Eingeblümete Kunststücklin*)⁴⁰.

³⁹ Предисловие к книге: *Emblematum Tyrocinia: Sive Picta Poesis Latino germanica. Das ist. Eingeblümete Zierwerk/ oder Gemälpoesy... Durch M. Holtzwardt... Straßburg, 1581.* Перевод сделан по изданию: *Holtzwardt M. Emblematum Tyrocinia/hrsg. v. P. von Duffel und K. Schmidt. Stuttgart, 2006. S. 7–18.*

⁴⁰ Здесь, как и в самом заглавии предисловия, Фишарт обыгрывает созвучие латинского слова *Emblemata* с изобретенным им неологизмом *Einblümungen* и его производными, пытаясь таким образом найти немецкий эквивалент латинскому слову. Перевод на русский язык слов и словосочетаний *Einblümungen, Eingeblümete Kunststücklin, Eingeblümete Zierwerke* не передает созвучия со словом «эмблема», которое хотел подчеркнуть автор, поэтому мы оставляем их в соответствующих местах в оригинале.

Это проявляется в наше время еще больше, ибо не только различное мастерство перенимается у древних, но и новые искусства изобретаются и превращаются даже в целую науку. Так, существует не только вышеупомянутое искусство зодчества со всеми вышеназванными изысканными и искусными витиеватыми украшениями, что могут показать и доказать присутствующие почти в каждом городе всякого рода общественные и частные здания, которые, кроме того, что они хорошо и удобно построены, еще и снабжены и отделаны высеченными, пристроенными и выпуклыми частями: эркерами, изображениями и картинами; но каждодневно мы убеждаемся в том, в какой мере также и другие изящные ремесла не столько подражают зодчеству, сколько дополняют и превосходят его в подобных дополнительных украшениях.

Притом что я умалчиваю о скульпторах, поскольку они в наши дни считаются заодно с плотниками и каменотесами, можно посмотреть на золотых дел мастеров с их гравировкой, литьем, резьбой и прессованием, в коих они достигли такого мастерства, которое вряд ли можно превзойти в работе с металлом. И, воистину, в наше время они далеко превзошли искусства *divinus*, или «божественного», Алкимедонта у Вергилия⁴¹ с его прославленным кубком.

Далее, какая твердость камня, железа и стали может устоять перед прилежной, кропотливой и неустанной рукой гравера? Не способны ли они, как козлиная кровь алмаз⁴², всеми способами, которыми им заблагорассудится, гравировать, точить, протравливать, смягчать, подсушивать, долбить их, и, подобно глине, воску и тесту, к общему восхищению превращать, изменять, трансформировать и метаморфизировать их в таинственные изображения? И тем самым подражать опытному полководцу Ганнибалу, который мог с помощью укуса взорвать, раздробить, расщепить альпийские горы.

И более того, кто бы мог когда-либо подумать, что из всевозможной крашеной шерсти, пряжи, швейных нитей и шелка могло бы быть расшито, связано, сшито, соткано, сплетено такое сукно, саржа, гобелен, гардина, полотно или ковер, которые своими яркими изображениями способны были бы устыдить художника с его искусством каменных красок? Где сегодня нельзя воочию убедиться в этом, глядя на княжеские и господские дворы?

Далее, какие только удивительные и занимательные вещи не решаются инкрустаторы пригнать, нарисовать или прилепить на стены, ограды, потолки, колонны, а также на каменный пол, мостовую, оружие?

Также, в каких только формах и живых красках не исполняли свои глиняные изделия в наше время нидерландские кирпичники и гончары во Франции? Насколько не менее удивительно смотреть, как эмблематично и цветисто они украшают снаружи и изнутри стены, в которые заключены колодцы, ручейки и речушки с яркими рыбками, улитками, раковинами, водными зверушками

⁴¹ Эклога 3.35–48.

⁴² Плиний, Естественная история 37.59.

и другими украшениями. Также и столяры в Аугсбурге и в других городах инкрустируют свои работы разного рода цветным деревом, которым они отделывают и украшают деревянные панели, карнизы, кромки, столы, бортики, ставни и прочее, словно бы это было нарисовано.

Все эти названные искусства, когда имеется в виду дополнительное украшение вещей, которое в основном состоит из искусных находок и знаков, греки называли *Emblemata*, драгоценными подвесками и узорочьем (*Einblümungen*) и зачастую уделяли больше внимания сему внешнему дополнению, чем основному содержанию. Ибо они были обыкновенно много прекраснее, чем вещь, которую они украшали, из-за содержащейся в них загадки. Как мы постоянно убеждаемся, глядя на изображения в картушах, эти дополнения зачастую оказываются более многоговорящими, располагающими к размышлению и наполненными смыслом, чем сама вещь, на которой они изображены. Подобно тому, как зачастую индейский драгоценный камень, украшение, кованое изделие или медаль, подвешенная к золотому шнуру или цепочке, превосходит сам этот шнур или цепочку по ценности, красоте и почету.

От того же, что украшения эти в большинстве своем вызывают прекрасные, поучительные, глубокие, нужные и улаждающие мысли и побуждения для наставления людей, имя это было впоследствии присвоено остроумным изобретениям, поэтическим сочинениям, изобразительным мистериям и изображениям со скрытым поучительным смыслом, которым подобные содержатся в этой книжице. Поэтому и мы ныне в нашем языке, подобно грекам, присвоили себе это право и приложили особые слова и названия из вышеупомянутых искусств к обсуждаемым материям, в полной уверенности, принимая в расчет все вышесказанное, что нам приличествует не восхищаться чужому, но радоваться ясности и богатству нашего языка.

Далее, что же касается происхождения эмблем, то об этом существует несколько мнений. По моему убеждению, нельзя найти более верного, чем вышеупомянутое искусство зодчества. При этом же необходимо знать, что такие истолковательные картины или картины-толкования, как это можно увидеть у поэтов, пользовались уважением и были в большом ходу у древних. Отсюда несколько позже произошли щитовые знаки или отличительные знаки на оружии (которые называют гербами). <...>

Ибо никто не должен думать, что наши дорогие честные предки, которые были скупы на слова и речи, но страшны в бою, были так невнимательны и небрежны, что они напрасно и случайно присвоили и посвятили себе и своим потомкам такие каждодневно находящиеся пред их очами знаки чести и защиты, но что они это сделали скорее для напоминания и побуждения к преумножению унаследованной и завоеванной их предками добродетели.

Однако нельзя не упомянуть, что существуют некоторые ученые, которые, напротив, убедительно доказывают, что эмблематические витийства и украше-

ния произошли от вышеупомянутых гербов или знаков воинских отличий, исходя из рассуждений, что вскоре после потопа мир наполнился распрями. <...>

О том же, чем были подобные украшения или изображения у первых внуков, племянников и потомков Ноя, показывают *Commentatores* древнего *Historicus Berosus*⁴³. А именно что они в память о всемирном потопе, от которого они убереглись в корабле <...>, впоследствии носовую часть корабля или галеонную фигуру несли и изображали на своем оружии, на карабинах, флагах, праздничных украшениях, парусах, зданиях. Это же является причиной изображения всякого рода рыб и морских чудовищ, также изображения оливковой ветви в память о посланном из ковчега голубе, который принес оную как знак схлынувшей воды, и также прочих подобных вещей, напоминающих о потопе. В равной мере и другие народы присвоили себе иные знаки, чтобы с их помощью сохранить память о счастье и грехопадении своих предков. Подобно тому, как у фригийцев — свинья, у франков — три жабы; эти земные животные напоминают им о том, как после того, как разразился всемирный потоп, земля была их единственным укрытием и прибежищем <...>. Персы же использовали для этого солнце, афиняне — сову, египтяне — собаку. И так почти каждая страна обрела свой особенный знак: подобно тому, как древний поэт Гомер, повествуя о греческих народах, сошедших с кораблей у Трои, описывает особенный знак на щите и гребень на шлеме почти каждого предводителя.

Также и Вергилий, когда он вспоминает об оружии народов, поддерживавших Турна против троянцев. Царь Амфиарай в фиванской войне (как пишет Пиндар) несет на щите изображение дракона, Капаней — изображение многоголового змея гидры — оба делают это в память о драконе, побежденном их предком Кадмом. Полиник использует пророческое чудовище Сфинкса, памятуя об истории своего отца царя Эдипа, Кир — петуха, Юлий в память о своем родственнике Марии — орла, Август — козла, Помпей — льва с мечом. И другие народы и властители используют еще больше знаков, о чем здесь было бы слишком долго рассказывать.

Но ни одна нация так не усердствовала в этих военных знаках, как немцы, как сам Комский епископ Иовий в *Dialogo dell'Imprese*⁴⁴ доказывает это не только на примерах из римских историков с немецкими *Cimbris*, которые всяческих живущих в их стране животных изображали на щитах, камзолах герольдов, на латах и на шлемах, но еще и на примере франконских графов и рыцарей Круглого

⁴³ Имеется в виду сочинение *Antiquitatum libri V cum Commentariis Johannis Anni*, изданное в Риме в 1498 г. и принадлежащее перу Анния из Витербо, выдававшего опубликованные отрывки, которые он комментировал, за оригинальные сочинения в том числе и вавилонского историка Бероса (III в. до н.э.).

⁴⁴ Фишарт говорит о произведении Паоло Джовио *Dialogo dell'impresa militari et amorose*, выпущенном в Риме в 1555 г. Несмотря на то что имя Джовио появляется в тексте только сейчас, Фишарт, излагая вторую версию происхождения эмблем, прибегает частично к вольному пересказу с дополнениями и собственными примерами, а частично к дословному переводу отрывков из вышеуказанного сочинения Джовио.

стола. Ибо двор короля Артура <...> не может считаться целиком выдумкой, даже если он на самом деле и не существует. <...>

То же, что подобные знаки беспорядочно и без всякой *gratia*, или благоприятности, безмерно разрослись и не поддавались верному применению, побудило рыжебородого императора Фридриха вновь привести оные у благородных родов в порядок, утвердить уже существующие старые знаки, а неутвержденные улучшить; тех же, кому до тех пор один лишь знак на щите служил постоянным родовым отличием, но кои по своему произволу привыкли менять украшение на шлеме, он приказал снабдить одним передающимся по наследству и постоянным украшением на шлеме, распределить цвета, назначить герольдов, которые бы несли их на турнирах, и так различать один род от другого. Оный прекрасный и нужный труд так понравился впоследствии другим народам, что они стали повсеместно подражать немцам. <...>

Это побудило некоторых высокочтимых особ рядом со своим фамильным знаком, подражая древним римским императорам, изобрести особые искусные значки и придуманные символы, вместе с сопровождающими их, несущими и проясняющими смысл краткими изречениями, стихами, девизами и инициалами и публично изобразить оные в память о себе или о других людях. Из этих соображений произошли впоследствии знаки отличия рыцарских орденов, которые подражали артуровскому союзу Круглого стола. <...>

Но не только князья и властители усвоили и распространили этот обычай, но также и ученые мужи, перенявшие его от них, некоторыми книгами указали путь к правильному представлению истинных *Emblemata*, как это показывают книги *Alciati*, *Sambuci*, *Iovij*, *Paradini*, *Ioannis Pierij*, *Goropij*, *Guilhelmi Perrerij*, *Costalij*, *Bartholomaei Anuli*, *Achilis Bochij*, *Caelij Calcagnini*, *Heroldi*, *Cittolini*, *Simeonis*, *Hadriani Iunij*⁴⁵.

Впоследствии же книгопечатники, которые, конечно, содействовали работе ученых и даже походили на них, с помощью четких печатей, зачастую лучших, чем у нотариусов, умножили их число. <...>

Чтобы и мы опять вернулись к нашему началу и змеиная голова поглотила бы хвост, мы желаем остановиться на этом вышеизложенном доказательстве происхождения эмблем и на показанном их употреблении, как в древнем, так и в современном мире. Хотя мы задумывали сказать еще о двух вещах, а именно о раз-

⁴⁵ Здесь Фишарт перечисляет имена издателей наиболее популярных в его время книг, касающихся эмблематики, иероглифики и искусства импрез: *Andrea Alciati: Emblematum liber*. Augsбург, 1531; *Johannes Sambucus: Emblemata*. Antwerpen, 1564; *Paolo Giovio: Dialogo dell'Imprese militari et amorose*. Roma, 1555; *Claude Paradin: Devises Heroïques*. Lyon, 1551; *Giovanni Pierio Valeriano Bolzani: Hieroglyphica*. Basel, 1556; *Johannes Goropius Becanus: Hieroglyphica*. Antwerpen, 1580; *Guillaume de La Perrière: La Morosophie*. Lyon, 1553; *Petrus Costalius: Pegma*. Lyon, 1555; *Barthélemy Aneau: Picta Poesis*. Lyon, 1552; *Achilles Bocchius: Symbolicarum quaestionum libri*. Bologna, 1555; *Celio Calcagnini: De rebus Aegyptiacis*. Basel, 1544; *Johann Herold: Heydenwelt und irer Götter anfäncklicher ursprung...* Basel, 1554; *Alessandro Cittolini: La Tipocosmia*. Venezia, 1561; *Hadrianus Junius: Emblemata*. Antwerpen, 1565.

личии эмблем и о том, что требуется от истинных эмблем. Но поскольку мы и без этого слишком пространно высказались, мы желаем оставить этот трактат для будущего уже начатого отдельного труда о немецком гербовом праве. Да будет милостиво Бог содействовать и направлять все человеческие замыслы.

Iove Fovente Gignitur

*Minerua*⁴⁶

Георг Филипп Харсдерфер

ИСКУССТВО СМЫСЛООБРАЗОВ⁴⁷

В.: Эту беседу-игру в смыслообразы можно вести весьма различными способами:

I. Когда задается нечто, из чего изобретается смыслообраз.

II. Когда выбирается некое изображение и общим советом подыскивается к нему девиз.

III. Когда представляется девиз и изобретается подходящее к нему изображение или фигура.

IV. Когда изобразительно представляется целая глава из Св. Писания.

V. Когда можно пройти в уме все природные явления и произвести из них смыслообразы, как это сделали Камерарий и Альдровандий с животными, или можно сделать из всего, на что упадет взор, один или несколько смыслообразов.

VI. Когда выбираются из творчества какого-либо поэта все пригодные для смыслообразов девизы <...>.

Рисунки же и надписи эти называются смыслообразами, ибо они составлены из изображения и нескольких слов, в коих заключается смысл, замысел и разумение того, кто их изобрел. Они указывают на большее, чем то, что изображено или написано, и тем самым дают уместный повод к дальнейшему размышлению.

Р.: Можно задаться вопросом, а не лучше ли было бы сохранить слово *emblema*, ибо его сейчас понимает почти каждый, чем вводить незнакомое слово «смыслообразы»? <...>

В.: В этом случае я не стремлюсь никому предписать закон или правило, но с благодарностью перенимаю их у сведущих людей: и если мы должны избегать чуждых немецкому языку неблагозвучных слов, употребление которых и по сей день навязывается нам подобно вредной привычке, то все же при изуче-

⁴⁶ Словосочетание (букв. «Минерва рождается выпестованной Юпитером») представляет собой своего рода подпись-криптограмму, в которой заглавными буквами обозначены инициалы автора предисловия: «Йоганн Фишарт, прозванный Менцером» (Johann Fischart, genannt Mentzer)

⁴⁷ Перевод отрывков из книги: *Harsdörffer G. P. Frauenzimmer Gesprächspiele... Teil 1. Nürnberg, 1644. XI. Die Sinnbildkunst. S. 50–70.* В начале книги представлены действующие лица, между которыми ведется беседа: Ангелика, Раймунд, Юлия, Веспасиан, Кассандра, Дегенверт. В дальнейшем они обозначены заглавными буквами.

нии иностранных наук мы не должны гнушаться перенимать из них некоторые доселе неизвестные слова и даже стремиться использовать их для усовершенствования нашего благородного языка, и для того, чтобы не сведущие в других языках не боялись бы обретать всяческие нужные сведения. <...>

Мне, правда, известно, что (*emblemata* или) смыслообразы отличаются от (*Symbolis heroicis* или) знаков на знаменах, но все же, поскольку это различие не имеет большой важности и часто не соблюдается, я понимаю как под тем, так и под другим иносказание, которое с помощью фигуры и надписи раскрывает для понимания замысел автора и придает ему особый облик.

А.: И все же, какое еще различие делается между ними?

В.: Написавшие об этом, коих число весьма велико⁴⁸, полагали, что знаки на воинских знаменах (*Symbola heroica*) всегда должны указывать на какую-либо благодетель или геройское мужество. Другие же имеют своим предметом какую-нибудь историю о любви, надежде, верности, постоянстве, желании и тому подобном.

Далее, правила, которые можно найти у указанных сочинителей, в совокупности таковы:

I. Каждый смыслообраз должен состоять из фигур и нескольких сопровождающих их слов;

II. Фигур должно быть самое большее три, самое меньшее — одна. Ибо даже если и находятся некоторые смыслообразы, не имеющие фигуры, то это не может опровергнуть данное всеобщее правило. <...>

III. Фигуры в их указующем облике должны быть красиво и ясно представлены.

IV. Фигуры не должны быть совершенно неизвестными и не должны изображать человека. Причина же этого в первую очередь заключается в том, что неуместно быть сравниваемому и сравнивающему одного и того же свойства. Если же автор хочет сравнить себя с другим человеческим образом, это позволительно для назидательного примера, но не для смыслообраза.

V. Надпись должна состоять из немногих слов и быть взята из известных сочинителей или, в крайнем случае, должна быть обоснованно придумана автором смыслообраза, но таким образом, чтобы она не превосходила бы половины стиха, но содержала бы по меньшей мере два, реже одно-единственное слово.

VI. Надпись не должна говорить ни от какого другого лица, но всегда лишь от первого или от третьего. В особенности необходимо избегать прямого указания на подразумеваемое иносказание, которое обычно создается с помощью слов «так», «таким образом», «не иначе», «равным образом» и так далее.

⁴⁸ Здесь Харсдерфер перечисляет в маргиналиях избранные имена ученых и писателей эпохи Возрождения, внесших вклад в становление европейской эмблематики: Паоло Джовио, Шипионе Баргальи, Стефано Гуаццо, Диего Сааведра, Камилло Камилли, Иоганн Самбукус, Иохим Камерарий и др.

Ибо эти словечки излишни и подразумеваются сами собой, потому что между смыслообразом и замыслом автора (как уже упоминалось) должно быть установлено сопоставление. Это сопоставление есть душа смыслообраза, чьим толмачом является девиз, а телом является само изображение или фигура. Также сходными по духу с таким сочетанием могут быть названы присущее музыкальному искусству созвучие голосов и движение зубчатых колес в часах, однако не ноты и не числа, на которые указывает стрелка часов.

VII. Изящнейшими девизами являются те, которые были взяты из поэтов: ведь следует помнить о том, что между живописью и искусством поэтического сочинительства есть точное и чарующее сочетание.

VIII. Фигуры и надписи должны быть связаны друг с другом таким образом, чтобы одно не могло быть понято без другого. Далее надо заметить, что смыслообразы, не изображенные на бумаге, но только лишь рассказанные для развлечения, не должны так точно придерживаться этих правил. Тут можно пойти на уступки, и зачастую также и ученые люди считали, что можно не соблюдать названные правила, но нужно все время помнить о них, чтобы знать, какие качества требуют мастера искусства от совершенного смыслообраза.

A.: Теперь предмет кажется мне еще более сложным.

B.: Надо в первую очередь знать, что мы желаем дать понять, подобно тому, кто пишет письмо и перед этим постигает его содержание в уме, а затем составляет вместе слова, которые он считает подходящими. Таким образом, можно легко выдумать что-либо, так или иначе соотносящееся с нашим намерением.

R.: Я на днях выдумал эмблему, или, как выражается господин, смыслообраз, и, поскольку я не могу отдать предпочтение ни одному девизу, я обращаюсь к достойному обществу с просьбой любезно предоставить мне свой благоразумный совет. Я рисую закрытую книгу, на которой лежит открытая книга, на которой, в свою очередь, лежит перевернутая открытая книга.

B.: Если господин соизволит подразумевать под этими тремя книгами три факультета, изучающие Св. Писание, право и медицину, или имеет в виду под числом три достижение совершенного мастерства, то я бы хотел от себя приписать:

«Я учусь и умираю»,
*Moriar doctior*⁴⁹.

D.: Поскольку наш господин не пояснил, что он соизволил подразумевать под закрытой и открытыми книгами, то мы едва ли сможем это угадать. Но предполагаю, что под этими разными примерами подразумевается нечто особенное. Если же понимать это как разного рода науки, то можно было бы, вероятно, написать к этому:

⁴⁹ Латинское изречение (букв. «Пусть я умру более ученым») приведено здесь Харсдерфером не столько в качестве перевода, сколько в качестве эквивалента немецкому девизу.

«Из советов мертвых — благие дела».

Р.: Поскольку всякие науки, без сомнения, состоят из чтения, бесед и размышлений, то я понимал под верхней книгой чтение, под второй — беседу, с помощью которой выученное усваивается и углубляется, под третьей, неоткрытой — размышление.

А.: И потому можно было бы написать над этим:

«Источники мудрости».

Р.: Поскольку мы в чтении общаемся с мертвыми, в беседе — с живыми, а в мыслях — с самими собою, и упражняемся в этом неустанно, то, по моему мнению, следовало бы приписать:

«Умножает или уменьшает».

В.: Находка господина достойна похвалы, ибо чтение, несомненно, имеет своим началом урок, преподаваемый умершими, как добрыми учителями, разговор же является лучшей школой, в которой мы вместе с живыми повторяем пройденное и можем воплотить его в делах. Однако и то и другое изначально должно быть взято из наставлений, раздумий и размышлений.

Д.: Подобно тому, как некто спросил царя Пиона, каким образом он может выпить море, и тот ему ответил, что нужно удержать все реки, впадающие в него: таким же образом высыхает море всевозможных искусств и наук в нашей памяти, если в него ежедневно не вливаются реки усердия (если можно так выразиться) с помощью чтения, слуха и размышления. Никто не может отрицать, что такие прилежные старания являются единственным средством, с помощью которого даже и люди, не наделенные от природы большим умом и способностями, могут достичь достойного славы мастерства.

Сию же игру в смыслообразы можно повернуть таким образом, чтобы задавать надпись и спрашивать, что можно было бы к ней нарисовать.

Ю.: Пусть господин дополнит свой рассказ примером.

В.: Я полагаю, мы должны придумать что-либо на тему долгожданного мира⁵⁰, и надпись пусть будет:

«Войны невзгодам радостный конец»

И теперь я спрашиваю, что можно под этим изобразить.

Ю.: У меня постоянно на слуху, что оливковое дерево и оливковая ветвь означают мир, ибо о них в Св. Писании говорится, что голубь принес Ною в ковчег оливковую ветвь как свидетельство мира между Богом и обновленным в то время миром. Потому я хотела бы предложить изобразить под надписью голубя с оливковой ветвью, указывающего на то, что волны бушующей повсеместно войны

⁵⁰ Первый том книги Харсдерфера был издан в 1644 г., за четыре года до конца Тридцатилетней войны.

утихомирятся и Божьей милостью в дальнейшем потеряют свою силу и будут обходить нас стороной.

Р.: В таком случае этому изображению было бы лучше предпослать такую надпись:

«Мир — творение Божие».

А.: Если бы я должна была придумать изображение к этим словам, которые непонятны без изображения (как эта надпись, предложенная господином Раймундом), то я считаю, что не было бы неуместным нарисовать несколько кустов увядшей вербены, промеж них же — высоко вознесшийся цветок, называемый кивичей⁵¹.

Р.: По моему мнению, к вышеупомянутым словам должно вполне подойти изображение портала Храма Мира в Риме, в особенности если принять во внимание известный стих Вергилия или таким образом изменить надпись, чтобы она выглядела так:

Compagibus arcis

«Прочно железо сомкнет».

Подразумеваю при этом продолжение этих слов:

*Claudentur belli portae, & pax missa per orbem
Ferreā belligeri compescet limina Jani*⁵².

Д.: Наряду с уже благопридуманным может иметь место и то, что мне недавно пришло на ум, а именно: цветущее и зеленеющее оливковое дерево, над которым парит корона, стоящее посреди ржавого и сломанного оружия, сопровождаемое изначально задуманной надписью, или, памятуя об избрании царя дерев, описанном в девятой главе книги Судей, можно написать так:

«Царствуй над нами!»⁵³—

указывая этим на то, что и мы, находясь уже долгое время под тиранической властью войны, желаем, чтобы впредь повсюду над нами милостиво властвовал бы любезный сердцу мир.

⁵¹ Цветок, о котором говорит здесь Харсдерфер (в оригинале *Friedelar*) долгое время считался его выдумкой, однако, согласно новейшим исследованиям, речь с большой вероятностью идет о рябчике шахматном, чье латинское название *Fritillaria meleagris*, созвучное с немецким словом *Frieden*, дало повод считать его символом мира. См.: *Bramenkamp H. Krieg und Frieden in Harsdörffers «Frauenzimmer Gesprächspielen» und bei den Nürnberger Friedensfeiern 1649–1650. München, 2009. S. 135.*

⁵² Произведенное здесь Харсдерфером объединение в одном девизе цитаты из «Энеиды» Вергилия «Войны проклятые двери / Прочно железо сомкнет», Вергилий, Энеида 1.293–294 (пер. С. Ошерова), с цитатой из «Гражданской войны» Лукана: «И мир, по вселенной разлившись, / Да заградит навсегда железные Януса двери», Гражданская война 1.61–62 (пер. Л. Остроумова), является ярким примером барочной комбинаторики.

⁵³ Суд. 9:8.

Иоганн Людвиг Праш

ПОСЛАНИЕ ⁵⁴

Всем любителям мудрости и стремящимся достигнуть истинной благодати шлет создатель этого небольшого произведения свой покорный привет

Хотя образованные люди и ученые в наши дни относятся к Катехизису весьма неуважительно и бросают его в темный угол, подобно вызубренной до конца детской книге, однако подобное поведение отнюдь не достойно похвалы и, возможно, причина его в том, что, к сожалению, в наши дни весьма не по-христиански обстоят дела во всех сословиях. Нужно также опасаться того, что если мы не обратимся и не станем как дети, что означает, если мы не обнаружим в Катехизисе начала христианской религии и основания всей человеческой мудрости и благодати, то христианский мир в конце концов придет в упадок, и тем самым навлечем на себя гнев Всевышнего, который Он уже во многих местах явил и которым Он угрожает нам каждодневно. Бог как будто хочет сказать нашему отечеству: «Имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою» (Откр. 2:4). Да будет мне дозволено считать якобы изощреннейшие государственные законы и разумнейшие действия сегодняшнего немецкого мира некоторым образом противными Катехизису. Можно ясно видеть, насколько грубо и безрассудно он нарушается. Поэтому Лютер и другие лучше судили об этих вещах и придерживались мнения, будучи притом великими учеными мужами, что они должны все же каждодневно упражняться в постижении Катехизиса и что они никогда не достигнут в этом упражнении совершенства. По этой же причине и я не постыдился над оным поработать, сопроводив его краткими, но глубокомысленными, собранными из сокровищниц ученых мужей истолкованиями и украсив его гравюрами.

Ибо такая эмблематическая манера поучения, которая сейчас стала почти повсеместной, придает к тому же особое изящество, влечет к себе и глаза и душу, вдохновляет и воспаляет дух, истолковывает и облегчает понимание предмета, также лучше запечатлевает его в сердце и в памяти, как и все, что можно увидеть глазами. К тому же Священное Писание и его сердце — Катехизис порой сами являют такую манеру, не без большой пользы и для простых людей.

Первая заповедь, являющая истинный предмет духовного поклонения и обращения, объясняет его с помощью противопоставления его кумирам. Вторая заповедь, которая учит внутреннему служению Богу, использует для этого

⁵⁴ Предисловие к книге: *Emblematischer Catechismus/oder Geist- und Sinnreiche Gedancken über die Hauptstücke Christlicher Lehre*. Nürnberg, 1683. Составителем книги и автором предисловия, скрывающимся за инициалами J. L. P., является поэт Иоганн Людвиг Праш (Johann Ludwig Prasch, 1637–1690).

имя Божие. Третья заповедь о внешнем служении Богу являет нам образ *дня субботнего*. Четвертая заповедь, повествующая обо всех вышестоящих, включая и самого императора, рисует перед нами образ *отца и матери*. Пятая заповедь, которая призвана прекратить всякую ненависть и раздоры, являет перед нами всю полноту греха *смертоубийства*. Шестая заповедь, которая клеймит всякий разврат, указывает на ужасающий поступок *прелюбодеяния*. Седьмая заповедь, которая противостоит всякому мошенничеству и разбою, говорит о гнусной *краже*. Восьмая заповедь, которая наказывает всякую неправду и злословие, ставит нас пред судом и показывает нам *лжесвидетелей*. Девятая заповедь, которая отвращает наши мысли от того, чтобы присвоить все в совокупности имущество и владение нашего ближнего, являет нам образ *дома*. Десятая заповедь, которая запрещает нам желать отдельных частей имущества ближнего, указывает на его *жену, раба, рабыню, вола, осла*.

Четвертая и пятая части «Отче наш» являют нам надлежащие эмблемы, дабы мы их всегда придерживались, ибо нет для нас ничего лучшего.

Крещение и причастие являются истинными эмблемами (однако не только лишь эмблемами), которые проявляются в своем осуществлении. Ибо крещальная вода есть образ Святого Духа, освященный хлеб и вино суть образы тела и крови Христовой. Под «властью ключей» подразумевается нечто другое, чем то, о чем говорит нам название само по себе.

Данный же труд предназначен для того, чтобы служить как молодым, так и старым, как простым людям, так и высокородным, как неученым, так и ученым. Первые могут услаждать себя созерцанием гравюры, читать текст и его меткое истолкование, принадлежащее перу нашего блаж. Лютера, и постепенно учиться размышлять над ним, постоянно повторяя его, а также все это следует не только понимать, но и верно и усердно претворять в действие. И тогда, несомненно: «Не всякий, говорящий Мне: “Господи! Господи!”, войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного»⁵⁵. И Он не взирает на лица. Что же касается образованных, высокородных и знатных, а также искушенных в науках и латыни, то пусть они воспримут наше объяснение представленных здесь эмблем и используют их для назидания своего христианского бытия.

Я не сомневаюсь в том, что более высокоумные и более ученые превзойдут меня, изобретя и введя в обиход лучшие способы прославления Бога, в чем я желаю им божественного вдохновения и щедрого благословения. Мы же хотим поблагодарить Бога за оные, и да пребудет Благодать Всевышнего (в случае если эта книга предстанет пред благосклонные очи) с христианским читателем в его теле и душе.

J. L. P.

⁵⁵ Мф. 7:21.

Указатель имен и произведений¹

- А**беляр, Пьер (Abaelardus, 1079–1142) 370
Абенефий, Барахия (Barachias Abenephius) 483
Аванци, Джироламо (Avantius, ум. после 1534 г.) 225–226
 Поправки к Катутллу (Emendationes in Catullum, 1495) 448
 Издание Катутлла (1502) 446
Август, римский император с 27 г. до н. э. по 14 г. н. э. (63 до н. э.–14 н. э.) 193, 335, 341, 347–352, 376, 396, 401–411, 469, 475, 486, 492, 558
Августин, Аврелий (354–430) 27, 156, 440, 553
 О Граде Божиим 136, 181, 386
 О порядке 434
 О христианской науке 440–441
 Проповедь на пятидесятый псалом 27
Авена, Антонио (Avena, 1882–1967) 336
Авентин, Иоганн (Иоганн Георг Турмайр, Turmair, 1477–1534) 173, 193
 Баварские анналы (Annales Boiorum, 1517–1522, опубли. в 1554 г.) 193
Аверроэс (ибн Рушд, 1126–1198)
 Арабский перевод «Поэтики» Аристотеля 44
Авиценна (ибн Сина, ок. 980–1037) 396
 Канон врачебной науки 409
Аврелий Виктор — см.: Псевдо-Аврелий Виктор
Аврелиан, римский император с 270 по 275 г. 37
Авреол (ум. в 268 г.) 506–508
Авсоний, Децим Магн (IV в.) 360
 О греческих и латинских односложных буквах 103
 Послания 456–461
Авторы истории Августов (Scriptores historiae Augustae) — см. *История Августов*
Агрикола, Рудольф (Рулоф Гейсман, Roelof Huesman, ок. 1443–1485) 145
Агриппа, Марк Випсаний (ок. 63–12 до н. э.) 485

¹ Полу жирным шрифтом выделены номера страниц, на которых переведены отрывки из указываемого произведения или из текстов, сопровождающих указываемое издание (комментариев, предисловий). Имена собственные в оригинальном написании указываются только в тех случаях, когда они не соответствуют русскому написанию имен регулярным для данного иностранного языка образом. Курсивом выделены номера страниц, на которых имя или произведение упоминается в примечании.

- Агриппа Неттесгеймский, Генрих Корнелий (ab Nettesheym, 1486–1535)
О сокровенной философии (De occulta philosophia, 1531–1533) 511
- Аделунг, Иоганн Кристоф (1732–1806)
Митридат, или Всеобщее языкознание (совм. с И. С. Фатером, Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde, 1806–1817) 171–172
- Адриан, римский император со 117 по 138 г. (76–138) 30, 36
- д'Азола — см.: Торрезано д'Азола
- Аккольти, Бенедетто Ст. (Benedictus Aretinus, 1415–1464) 23–24
- Аккорамбони, Виттория (1557–1585) 318
- Акрон — см.: Псевдо-Акрон
- Акций (II–I вв. до н. э.) 325–326
- Александр Афродисийский (II–III вв.) 462
Проблемы (spurium) 221
- Александр из Вильдьё (de Villa Dei, de Villedieu, ок. 1175–1240) 107, 141–142
Доктринал (*Доктринале*, Doctrinale puerorum, между 1199 и 1209 г.) 9, **73**, 102–103, **104**, 105–107, 109, 128, 141, 145–149, 154, 160, 161–162, 164–167
- Александр Македонский (356–323 до н. э.) 193, 489
- Александр Север, римский император с 222 по 235 г. (208–235) 36–37
- дельи Алессандри, Алессандро (также д'Алессандро, лат. de Alexandro, ab Alexandro, 1461–1523)
Веселые дни (Geniales dies, 1522) 525
- Алигьери, Данте — см. Данте Алигьери
- Алигьери, Пьетро (Aligherius, 1300–1364) 337
Комментарий к «Божественной комедии» Данте (1340–1358) 337
- д'Алифе Никколо (de Aliphia, ум. 1367) 353
- Алкивиад (ок. 450–404 до н. э.) 445–446
- Алкиной (иногда также Альбин, II в.)
Учебник 299
- Алкуин (ок. 731–804)
Грамматика (также *Искусство грамматики*) 120, 149
- дельи Альбанцани, Донато ди Лоренцо (до 1328 — после 1411) 367
Итальянский перевод «О знаменитых женщинах» Боккаччо 367
Комментарий к буколикам Петрарки (spurium) 367
- Альберт Великий (ок. 1200–1280)
О софистических опровержениях (De sophisticis elenchis, ок. 1264 или позднее) 63
О модусах обозначения (spurium, вероятно, ок. 1285) 144
- Альберти, Джованни (1558–1601) 528
- Альберти, Керубино (1553–1615) 528
- Альберти, Леон Баттиста (1404–1472) 477
Филодокс (Philodoxus, ок. 1426) 275
О зодчестве (De re aedificatoria, 1452) **476**
- Альберто III Пио, князь Карпи (1475–1531) 224
- Альбрехт, Лоренц (лат. Laurentius Albertus, ок. 1540 — ок. 1583)
Немецкая грамматика (Deutsch Grammatik oder Sprachkunst, 1573) 170
- Альварес де Толедо и Колонна, Леонора — см.: Элеонора ди Гарсия Толедская
- Альд — см.: Мануций, Альд Ст.

- Альдрованди, Улиссе (1522–1605) 7, 560
О четвероногих с пальцами живородящих и яйцекладущих (De quadrupedibus digitatis viviparis... et... oviparis, опубл. в 1637 г.) **501**
- Альдхельм Малмсберийский (ок. 639–709)
О размерах (= *Письмо к Ацирцию*) 403
- аль-Ираки, Абу аль-Касим (XIII в.)
Книга стран (Kitab al-Aqalim) 467
- Альчато, Андреа (Альчати, Альчиато, Альчиати, Андрей Альциат, 1492–1550) 487, 507–508
Эмблемы (Emblemata, = *Книга эмблем*, Emblematum liber, 1531) 487, **502**, 525, 527, 537, 541–543, **544**, 545, 559
- Амвросий Медиоланский (ок. 340–397) 156, 440
- Аммиан Марцеллин (IV в.)
Деяния (= *История*) 192–193, 469, 475–476
- Аммоний, сын Гермия (ок. 440 – ок. 520) 371
Комментарий к «Категориям» Аристотеля 371
- Амон, Пьер (лат. Нато, ок. 1530–1569)
Завещание Цезаря (ок. 1566) 275
- Амьо, Жак (Amyot, Amiotus, 1513–1593) 289
- Анакреонтика* (*Анакреонтеа*, *Анакреонтические стихотворения*, I в. до н. э. – VI в. н. э.) 240, 264, 274–275
- д'Андели, Анри (d'Andeli, XIII в.)
Битва семи искусств (La bataille des .vii. arts) 138
- Андреа да Фиреце (Андреа Фьокки, лат. Andreas Florentinus, Andreas Floccus, ум. не позднее 1452 г.) 17
- Андрей Венгерский, герцог Калабрийский (1327–1345) 360
- Андроник, Ливий – см. Ливий Андроник
- Анний из Витербо, Иоанн (Джованни Нанни, ок. 1432–1502) 174, 176, 477, 480, 487
О мраморных досках Вольтурры (De marmoreis Volturrhenis tabulis, ок. 1492) 477
Труды разных авторов, писавших о древности (Opera diversorum auctorum de antiquitatibus loquentium, 1498) **189–190**, 275, **504**, 558
- Ано, Бартельми (Анеау, лат. An(n)ulus, ок. 1510–1561)
Рисованная поэзия (Picta poesis, 1552) 559
- Ансельм Ланский (Magister Ansellus, Anselmus, Anselme de Laon, ум. в 1117 г.) 370
Комментарий к Лукану 401
- Антоний, Луций (81–39 до н. э.) 401–402
- Антоний, Марк (83–30 до н. э.) 30, 193, 401–402, 404
- Антонио да Леньяго (Antonius de Le(m)niaco, ум. ок. 1385 г.) 204, 206–207, 210
Рукописная запись Tu, lector (1375, spurium) 206, 208, **209**
Письмо к Пьетро да Равенна от 5 декабря 1378 г. 207, **207**
Письмо к Вацлаву IV от 24 октября 1382 г. 207
- Антонио да Ро (лат. Antonius Raudensis, итал. da Rho, ок. 1398 – между 1450 и 1453 г.)
Подражания латинскому языку (Imitationes linguae Latinae, = *О подражании красноречию*, De imitatione eloquentiae, ок. 1430–1434) 19
- Антонио делла Скала, правитель Вероны с 1375 по 1387 г. (1362–1388) 207
- Апиций (I в. до н. э. – I в. н. э.) 355
- Аполлодор (также Псевдо-Аполлодор, I–II вв.)
Мифологическая библиотека 236

Аполлоний Родосский (III в. до н. э.) 457

Аргонавтика 280

Аполлоний Тианский (I в.) 37

Апулей (II в.) 96, 98

Апология 446

Метаморфозы 451, 457, 485

О мире 431

Арат (III в. до н. э.) 440

Аргиропул, Иоанн (1415–1487) 419–420, 443

Аретино, Карло — см.: Марсуппини, Карло

Аретино, Леонардо — см.: Бруни, Леонардо

Ариосто, Лудовико (лат. Areostus, 1474–1533)

Неистовый Роланд (Orlando furioso, первая версия 1516, полная версия 1532) 137

Сатиры (Satire, 1517–1525) 470

Аристей из Проконесса (VII–VI в. до н. э.) 497

Аристоксен (IV в. до н. э.)

Смешанные заметки 430

Аристотель (384–322 до н. э.) 52, 61, 100, 105, 112, 140, 142, 144, 220, 224, 239, 248, 271, 307
380, 386, 408, 418, 420–422, 443, 463, 469, 531

Вторая аналитика 221, 385

Евдемова этика 52

История животных 461, 500, 514

Категории 99, 371

Метафизика 52, 372, 381–382, 396

Никомахова этика 21, 61, 299–300, 393

О возникновении и уничтожении 371

О душе 221

О небе 371, 462

Политика 299, 382, 393

Поэтика 41, 43–44, 61, 262, 266–268, 325–326, 364, 368, 421–422

Риторика 318

Физика 221, 372, 386–387

Экономика (spurium) 393

Аристофан Афинский (444 — ок. 380 до н. э.) 191, 225

Облака 193

Птицы 194

Аристофан Византийский (III–II вв. до н. э.) 304, 444

Аркадий Антиохийский (II в. н. э.)

Об удареиях (spurium) 304

Арно, Антуан (Arnauld, 1612–1694) 103

Грамматика Пор-Рояля (Grammaire générale., в соавторстве с К. Лансло, 1660) 103,
142

Логика Пор-Рояля (La logique, в соавторстве с П. Николем, 1662) 103

Арнобий Ст. (IV в.) 318

Арульф Орлеанский (Arnulfus Aurelianensis, XII–XIII в.)

Глосочки к Лукану (Glosule super Lucanum) 401, 404

Глосочки «Фаст» Овидия (Glosule Fastorum Ovidii) 362

- Артаксеркс II, персидский царь с 404 по 358 г. до н. э. 512
 Артемидор из Тарса (I в. до н. э.) 349
 Асконий Педиан, Квинт (I в.)
 Комментарии к речам Цицерона 28, 505
 Асцензий, Бадий — см.: Баде, Йоссе
 Аттал II, пергамский царь с 169 по 138 г. до н. э. (220–138 до н. э.) 109
 ван Аудендорп, Франс (Oudendorpius, 1696–1761)
 Издание Лукана (1728) 312–313
 Ауриспа, Джованни (1376–1459) 259
 Аурифабер, Иоанн (ок. 1295–1333)
 Определение о модусах обозначения (Determinatio de modis significandi, ок. 1330)
 143–144, 155
 Афиней (II–III в.) 256, 316, 494
 Пир мудрецов 505
 Афраний (II в. до н. э.) 437
 Афтоний, Элий Фест (IV–V вв. н. э.)
 О размерах (De metris, часто считалось частью «Грамматики» Мария Викторина) 44–
 45, 53, 56, 210, 242
 Аччайуоли, Донато (Аччайоли, Accaiolus, 1429–1478) 269
 Аччайуоли, Никколо, великий сенешаль королевства Неаполитанского (Аччайоли, 1310–
 1365) 361
- Бабрий, Валерий** (II в.) 478
 Баде, Йоссе (Бадий Асцензий, лат. Iodocus Badius Ascensius, 1462–1535) 284
 Комментарий к Горацию (1500) 326
 Комментарий к Квинтилиану (1516) 513
 Бадий Асцензий — см.: Баде
 де Баиф, Жан Антуан (1532–1589) 239
 Бальб, Луций Корнелий Ст. (I в. до н. э.) 27–28
 Бальби, Джованни (Balbus, Iohannes Ianuensis de Balbis, ум. в 1298 г.)
 Католикон (Catholicon, = *Сумма грамматическая*, Summa grammaticalis, 1286) 141,
 159, **396**
 ди Бандино, Доменико (Бандини, ок. 1335–1418)
 Источник памятных вещей мира (Fons memorabilium universi, 1374–1418) 397–398,
 406
 Барахия Абенефий — см. Абенефий, Барахия
 Барбадоро, Бартоломео (Барбадори, XVI в.) 267, 281
 Барбаро, Франческо (1390–1454) 23, 205
 Барбаро, Эрмолао Мл. (1453/1454–1493) 139, 216, 219–220, 246, 257, 421
 Латинский перевод Фемистия (1472–1473, опубл. в 1481 г.) 220–221
 Письмо к Джованни Пико делла Мирандола (1485) 139, 219
 Исправления к Плинию (Castigationes Plinianaе, 1492) 219
 Барбато да Сульмона (Barbatus Sulmonensis, ок. 1300–1363) 344–345, 352
 Баргальи, Шипионе (1540–1612) 561
 Об импрезах (Dell'imprese, 1578) 531
 Барон, Ганс (Baron, 1900–1988) 21
 Барриле, Джованни (Баррили, XIV в.) 352

- фон Барт, Каспар (Barthius, 1587–1658) 464
 Бартоломео II делла Скала, правитель Вероны с 1375 по 1381 г. 207
 Барцицца, Гаспарино (Gasparinus de Bergamo, Gasparinus Barzizius, Gasparino Barizziza, ок. 1360 — ок. 1431) 18–19
 Словарь (Vocabularium, ок. 1417–1418) 19
Батрахомиомахия — см.: *Война мышей и лягушек*
 Бахтин, Михаил Михайлович (1895–1975) 114
 Бебель, Генрих (Bebelius, 1472–1518) 157
 Беда Достопочтенный (Досточтимый, ок. 672–735; см. также: Псевдо-Беда) 509–510
 О семи чудесах света (spurium) 384–385
 О счете времени 509
 Беер, Иоганн (Beer, 1655–1700)
 Музыкальная война (Bellum musicum oder Musikalischer Krieg, 1701) 100
 Бейл, Джон (Bale, Balaeus, 1495–1563) 172
 Бекан — см.: Горопий Бекан
 ван дер Беке, Герман (ван Беек, ван Бек, Hermannus Torrentinus, ум. ок. 1520 г.)
 Комментарий к «Доктриналу» Александра из Вильдьё (впервые опублик. в 1504 г.) 106, 146, 166, 168
 де Беккари, Антонио (1315–1371/1374) 207
 Беккер, Август Иммануэль (Bekker, 1785–1871) 271
 Беллини, Джентиле (ок. 1429–1507) 487–489
 Беллини, Джованни (ок. 1430–1516) 487–489
 Бельцони, Джованни Баттиста (1778–1823) 475
 Бембо, Бернардо (1433–1519) 415
 Бембо, Пьетро (1470–1547) 227, 229–230, 240, 246–247, 250, 255–257, 306, 309, 415, 492–493
 О «Комаре» Вергилия и комедиях Теренция к Эрколе Стротии (Ad Herculem Strotium de Virgilii Culice et Terentii fabulis, ок. 1505, опублик. в 1530 г.) 245–247, 256–257
 Рассуждения в прозе о народном языке (Prose nelle quali si ragiona della volgar lingua, 1525) 250
 Бенвенист, Эмиль (Benveniste, 1902–1976) 188
 Бенвольенти, Уберто (1668–1733) 526
 Бенвенуто Рамбальди да Имола (Benvenutus Imolensis, ок. 1320–1388) 336, 338, 375
 Комментарий к «Божественной комедии» Данте 336–337
 Комментарий к буколикам Петрарки 336, 340, 343, 344, 348, 367
 Комментарий к Валерию Максиму 336
 Комментарий к Вергилию 336, 340
 Комментарий к Лукану 336–337, 338, 354
 Бенедетто, персонаж «Застольных бесед» Поджо Браччолини — см.: Аккольти, Бенедетто
 Бенивьени, Джироламо (1453–1542)
 Канцона о любви небесной и божественной (Canzona dell'Amor celeste e divino, ок. 1486) 502
 Бениньо, Джулио (XVI–XVII в.) 528
 Бентин, Михаэль (Bentinus, также Bentius, Bentinius, ок. 1495–1527) 168
 Бентли, Ричард (Bentley, Bentleius, 1662–1742)
 Издание Теренция (1726) 244, 258
 Беньямин, Вальтер (Benjamin, 1892–1940) 498–499

- Берли, Уолтер (Burley, Burleigh, Burl(a)eus, ок. 1275 – после 1344)
О жизни и нравах философов и древних поэтов (De vita et moribus philosophorum poetarumque veterum, spurium, не позже 1341 г.) 384–385
- Бернард Клервоский (1091–1153) 156
- Бернард Морланский (XII в.)
О презрении к миру (De contemptu mundi) 45
- Бернард Сильвестр (Bernardus Silvestris, XII в.)
Комментарий к первым шести книгам Энеиды (Commentum super sex libros Eneidos Virgilii, spurium) 361, 375
- Бернард Шартрский (Bernardus Carnotensis, ум. ок. 1124 г.) 371–372
- Бернартс, Ян (Bernaerts, Bernartius, 1568–1601)
Издание Стация (1595) 312
- Бероальдо, Филиппо Ст. (1453–1505) 336–337, 469, 497–498
Сто заметок (Annotationes centum, 1488) 426, **460–461**, 497
Комментарий к «Метаморфозам» Апулея (1500) **485**, 498
- Бероальдо, Филиппо Мл. (1472–1518)
Издание Тацита (1515) 419
- Бероз (Берос) – см.: Анний
- Берсман, Грегор (1538–1611)
Издание Лукана (1589) 312–313
- Берсюр, Пьер (Berchorius, ок. 1290–1362) 350
Морализованный Овидий (Ovidius moralizatus, = XV книга Reductorium morale) 350
- Билланович, Джузеппе (Billanovich, 1913–2000) 206, 208
- Бирр, Антон (1693–1762) 321
- Блуждания Энея* (ирл. Imtheachta Aeniasa, XII в.) 375, 387
- Бодуэн, Жан (Baudoin, ок. 1590–1650) 530
- Боккаччо, Виоланта (1348–1355 или 1355–1362) 366
- Боккаччо, Джованни (Ioannes Boc(c)atius (Boccaccius) de Certaldo, 1313–1375) 12, 267, 335–336, 345, 352, 457
Письмо к Франческо Петрарке от 1339 г. 406
Буколическая песнь (Buccolicum carmen, ок. 1346–1367) 335, 344, 346, 360–367
Декамерон (Il Decamerone, 1352–1354) 346
Генеалогия языческих богов (Genealogia deorum gentilium, 1360–1374) 363
Комментарий к «Комедии» Данте (Esposizioni sopra la Comedia di Dante, 1373–1374) 366
О знаменитых женщинах (De mulieribus claris, 1374) 367
Письмо к фра Мартино да Синья (ок. 1374) 9, 344, **359–367**
- Бокки, Акилле (лат. Bocchius, 1488–1562) 525
Символические вопросы (Symbolicae quaestiones, 1555) 525, 559
- Бокх I, царь Мавритании (II–I в. до н. э.) 34, 61
- Больцани, Урбано (также Далле Фоссе, Больцанио, Urbanus (Bolzanus) Bellunensis, ок. 1440–1524) 492–493, 499, 503, 506
Наставления в греческой грамматике (Institutiones Graecae grammaticae, 1497) 493
- Большой Этимологик* (Etymologicum Magnum, XII в.) 182, 522–523
- Бонифаций VIII, папа римский в 1294–1303 (Бенедетто Каэтани, ок. 1235–1303) 381
- Бопп, Франц (1791–1867) 55
- Боттичелли, Сандро (Алессандро ди Мариано ди Ванно Филипепи, ок. 1445–1510) 414

- Бозций, Аниций Манлий Торкват Северин (VI в.; ср.: Псевдо-Бозций) 42, 107, 145, 266
Комментарий к «Исагоге» Порфирия 371
О Троице 440
Утешение философией 97, 385, 397
- Бозций Дакийский (Boethius de Dacia, Boethius Dacus, ум. ок. 1284 г.)
Модусы обозначения, или Вопросы к Большому Присциану (Modi significandi, sive Quaestiones super Priscianum Maiorem, ок. 1270) 142, **394**
- Боярдо, Маттео Мария (ок. 1441–1494)
Итальянские пастушеские стихи (Pastorali) 346
Латинские пастушеские стихи (Pastoralia) 346
- Брандолини, Аурелио Липпо (ок. 1454–1497) 137
- Брандолини, Рафаэле Липпо (также Raphael Lippus Florentinus, ок. 1465–1517) 137
- Бранка, Витторе (Branca, 1913–2004) 420
- Брой, Йорг Ст. (ок. 1475–1537) 541
- Бруни, Леонардо (также Леонардо Аретинский, Аретино, ок. 1370–1444) 17–24, 33, 269
Латинский перевод «Этики» Аристотеля (1417–1418) 21
О науках и изящной словесности (De studiis et litteris, 1424) 21
Письмо к Бьондо от 7 мая 1435 г. (= Разговаривали ли в Риме простой народ и образованные люди одинаково и на одном языке, An vulgus et litterati eodem modo et idiomate Romae locuti sint) 17–18, 20, 23–24, 33, 36–39
- Брут Альбин, Децим Юний (ум. в 43 г. до н. э.) 401
- Брут Цепион, Марк Юний (85–42 до н. э.) 401–402, 404
- Буало-Депрео, Никола (Boileau-Despréaux, 1636–1711)
Поэтическое искусство (L'Art poétique, 1674) 531
- Буллокар, Уильям (Bullokar, XVI в.)
Краткая грамматика английского (Bref Grammar for English, 1586) 170
- Буонарроти, Микеланджело — см. Микеланджело Буонарроти
- Буондельмонти, Кристофоро (Bondelmontius, de Bondelmontibus, 1386 — ок. 1430) 469
- Буркхардт, Якоб (Burckhardt, 1818–1897) 9
- Бурман, Питер Ст. (1668–1741) 225, 313
- де Бусбек, Ожье (Ogier Ghiselin de Busbecq, Augerius Gislenius Busbequius, 1522–1592)
Турецкие письма (Turcicae epistolae, впервые опубл. как Itinera Constantinopolitanum et Amasianum, 1581) 199
- де Бусси, Джованни Андреа, епископ Алерии с 1469 по 1475 г. (Andreas Aleriensis, 1417–1475) 337
Предисловие к письмам св. Иеронима (1468) 212
- фон дем Буше, Герман (Buschius, 1468–1534; см. также: *Письма темных людей*) 145
- Бьондо, Флавио (Флавио Форливианский, Flavius Blondus, Flavius Foroliviensis, 1392–1463) 23
О глаголах наречия римского (De verbis Romanae locutionis, 1435) 17, 21
Прославленная Италия (Italia illustrata, 1448–1458, опубл. в 1474 г.) 19
- Бэкон, Фрэнсис (лат. Васо, 1561–1626) 481
Достоинство и преумножение наук (Of the Advancement and Proficiency of Learning, 1605) 477
- Бюде, Гийом (Budaeus, 1467–1540) 239, 245, 271, 289
О филологии (De philologia, 1532) 444

Валериан I, римский император с 253 по 260 г. (ок. 200 — ок. 264) 37

Валериано, Пиерио (Джампьеро Валериано Больцани Далле Фоссе, лат. Pierius Valerianus, 1477–1558) 264, 266, 469–470

Исправления и варианты к тексту Вергилия (Castigationes et varietates Virgilianae lectionis, 1521) 50, 63, 68, 75, 490

Лекции о Катутле (1521–1522, не опубл., Vaticanus lat. 5215) **448**

Любовные стихотворения (Amores, 1524) 470

Иероглифика, или О священных письменах египтян (Hieroglyphica sive De sacris Aegyptiorum literis, 1556) 9, **448**, 470–471, 474, **478**, 480–481, **484–485**, 486–487, 490, **491–523**, 525, 531, 559

Четыре речи о древностях Беллуно (Antiquitatum Bellunensium sermones quatuor, опубл. в 1620 г.) 470

Валерий Максим (I в.) 93, 216, 321, 336, 361, 363

Памятные деяния и высказывания 460, 496

Валерий Флакк, Гай (I в.) 204, 213, 268, 309–310

Аргонавтика 416

Валла, Джорджо (ок. 1447–1500)

Латинский перевод «Поэтики» Аристотеля (1498) 41, 44

О том, к чему нужно стремиться и чего избегать (De expetendis et fugiendis rebus opus, 1501) 41, 210

Валла, Лоренцо (также Laurentius Vallensis, ок. 1407–1457) 7, 17–18, 21, 119, 156, 164, 167–168, 204, 253, 337

Исправления к шести книгам Тита Ливия о Второй Пунической войне (Emendationes sex librorum Titi Livii de Secundo Bello Punico, 1440-e) 205

Элегантии (= *Красоты латинского языка, Об изяществе латинской речи*, Elegantiae linguae Latinae, 1441) **81**, 85, 140, 159, **167–168**, 288, **440**

Энкомий св. Фоме Аквинскому (Encomium sancti Thomae Aquinatis, 1457) 143

Исправление некоторых мест у грамматика Александра (Emendationes quorundam locorum ex Alexandro grammatico, spurium) **168**

Валла, Никколо (также делла Валле, де Валле, ок. 1451–1473)

Арифметрика (Arismetrica, опубл. ок. 1500 г.) 43

ди Ванноццо, Франческо (лат. de Vanotio, de Vanocis, Vanotius, ум. ок. 1389 г.) 207

Варбург, Аби (Aby Warburg, 1866–1929) 524

Варий Руф, Луций (ок. 74–14 до н. э.) 69, **402**, **406–407**

Варки, Бенедетто (1503–1565)

Эрколано (1564, изд. 1570) **178**, 179

Варо, Франсиско (1627–1687)

Учебник мандаринского языка (Arte de la lengua mandarina, 1703) 170

Варрон, Марк Теренций Реатинский (116–27 до н.э.) 20, 39, **81**, 159, **433**, **444**, 449, 459–460

О латинском языке 33–34, 159, 434, 438, 444

Сельское хозяйство 269

Василий Великий (Кесарийский, ок. 330–379) 440, 553

Ваутерс, Корнелис (Wouters, Gualterus, XVI в.) 313

Вацлав IV, король Германии с 1376 по 1419 г., король Чехии с 1378 по 1419 г. (1361–1419)

207

Веджо, Маффео (Marphaeus/Matthaeus Vegius, 1407–1458)

О значении слов (De verborum significatione, 1433) 19

Вейерс, Ольга (Weijers) 157–158

Велий Лонг (II в. н. э.)

Об орфографии 321, 520

Веллей Патеркул, Гай (I в. до н. э. — I в. н. э.)

Римская история 489

Вергилий Марон, Публий (70–19 до н. э., см. также: *Приложение к Вергилию*, Псевдо-Вергилий) 36, 46, 49, 53, 63, 72, 75, 83, 105, 142, 146, 156, 219, 226–230, 240, 245–246, 257, 264–265, 303, 305, 309, 319, 335–336, 346–349, 351, 370, 372–376, 380–413, 418–419, 425–426, 469, 490, 520

Буколики (также *Буколика*, *Vicholica*; = *Эклоги*) 12, 68, 83, 160–161, 220, 335, 339–342, 347–351, 354, 359–361, 364, 367, 374, 385–386, 392–393, 395, 397, 400, 402–403, 406–408, 437, 521, 556

Георгики (также *Георгика*) 56, 58–59, 65–68, 77, 83, 92, 146, 236, 242, 340, 349, 354, 360, 374, 383–384, 386–387, 392–393, 395–397, 402, 406–408, 448–449, 521

Энеида 12, 44, 54–59, 63–65, 67–69, 75–79, 81, 88, 92, 113, 198, 228, 236, 257, 273, 318, 338–340, 348–349, 351–352, 354, 356, 360, 373–378, 386–397, 404–413, 418, 421, 444, 451, 461–464, 498, 521, 536, 558, 564

Верджерио Старший, Пьер Паоло (1370–1445)

Павел (Paulus, ок. 1390) 42

О метрике (De arte metrica, совм. с Ф. Дзабареллой, ок. 1395) 42

Веронские схолии к буколикам Вергилия (V в.?) 347

Веррий Флакк, Марк (I в. до н. э. — I в. н. э.) 520

Веттори, Пьер (также Пьеро Веттори, Victorius, 1499–1585) 241–245, 255, 266–271, 274, 277–278, 282, 284, 287–288, 291, 293, 295–296, 298–299, 306–307, 419

Позднейшие исправления к письмам, которые называют «К близким» (Postiores castigationes in Epistolas, quas vocant Familiares, 1541) 325–326

Объяснения своих исправлений к Катону, Варрону, Колумелле (Explicationes suarum in Catonem, Varronem, Columellam castigationum, 1543) 269

Разные чтения (Variae lectiones, 1553) 241, 256, 274, 288

Письмо к Гульельмо Сирлето от 13 ноября 1556 г. 278

Издание Эсхила (совм. с А. Этьенном, 1557) 243, 267–271, 277–279, 279–282

Письмо к Гульельмо Сирлето от 24 апреля 1557 г. 278

Комментарий к «Поэтике» Аристотеля (1560) 268

Объяснения своих исправлений к Цицерону (Explicationes suarum in Ciceronem castigationum, 1560) 269

Новые книги разных чтений (Variarum lectionum novi libri, 1568) 263

Издание писем Цицерона к Аттику, Бруту и брату Квинту (1571) 270

Ветхий Завет 132, 181, 184, 318, 334, 384, 440–441, 496–498, 502, 565

Вехель, Кристиан (ум. ок. 1554 г.) 542

Вивес, Хуан Луис (1492–1540)

Издание «О Граде Божиим» Августина (1522) 497

фон Визер, Франц Риттер (von Wieser, 1848–1923) 101

Вико, Джамбаттиста (1668–1744) 481

Основания новой науки об общей природе наций (Principi di scienza nuova d'intorno alla comune natura delle nazioni, впервые опубл. в 1725 г.) 477

- Викторин, Гай Марий (IV в.; см. также: Афтоний) 161
Наука грамматики (Ars grammatica) 70, 320, 322, 520
- фон Виламовиц-Мёллендорф, Ульрих (нем. Ulrich von Wilamowitz-Moellendorff, 1848–1931) 8
- Вимпфелинг, Якоб (Vimpfelingus, 1450–1528) 141
Германский исидоней (Isidoneus Germanicus, 1497) 141
- Вине, Эли (Élie Vinet, Elias Vinetus, 1509–1587)
О логистике (De logistica, 1573) 302
- Винсент из Бове (Vincent de Beauvais, Vincentius Bellovacensis, XIII в.)
Историческое зеркало (Speculum historiale) 385
- да Винчи, Леонардо — см.: Леонардо да Винчи
- Виперано, Джованни Антонио (1555–1610) 379
- Виргилий Марон Грамматик (VII в.) 113–114
Письма 114
Эпитомы 114
- дель Вирджилио, Джованни — см. Джованни дель Вирджилио
- Виссарион Никейский, кардинал (также Василий Виссарион, лат. Bessario, 1403–1472) 119, 448–449
- де Вита, Джованни (XVIII в.)
Тезаурус древностей Беневенто (Thesaurus antiquitatum Beneventanarum, 1754) 70
- Витрувий Поллион, Марк (I в. до н. э.) 256
- Витторино да Фельтре (де Рамбальдони, Victorinus Feltrensis, ок. 1378–1446) 105
- Война мышей и лягушек* (также *Батрахомиамахия*, V в. до н. э. — I в. н. э.) 276–277
- Вольпи, Газтано (Caietanus Vulpus, 1689–1761) 229, 234
- Вольпи, Джованни Антонио (1686–1766) 229, 234
- Вописк, Флавий — см.: *История Августов*
- Вопросы по поводу «Никомаховой этики» Аристотеля*, Parisinus lat. 16110 (кон. XIII в.?) 393
- Вулканий, Бонавентура (де Смет, 1538–1614)
О буквах и языке гетов, или готов (De literis et lingua Getarum, sive Gothorum, 1597) 199
- Г**
- Гажюэн, Робер (Gaguin, Guaguin, 1433/1434–1501)
Искусство стихосложения (Ars versificatoria, De arte metrificandi, 1473) 43, 48
- Газа, Феодор (ум. ок. 1475 г.) 221
Латинский перевод «Проблем» Александра Афродисийского (1452–1453) 221
- Гален (II в. н. э.) 100, 105, 404, 409
Истолкование глосс Гиппократов 182
Комментарий к «Эпидемиям» Гиппократов 286–288, 290
О заботе и здоровье 505
О свойствах пищи 505
- Галл, Корнелий (ок. 70–26 до н. э.) 335, 402
- Галланд, Пьер (Gallandius, 1510–1559) 308
- Галлиен, римский император с 253 по 268 г. (ок. 218–268) 507
- Ганнибал Барка (247–183 до н. э.) 34–35
- Гаргилий Марциал, Квинт (III в. н. э.)
О садах 269
- Гарет, Бенедетто (также Каритео, Харитей, Gareth, Chariteo, Charitheus, ок. 1450–1514) 72

Гарпократион (II в.?)

Словарь десяти ораторов 478

Гаскойн, Джордж (Gascoigne, ок. 1535–1577)

Похвала воробью Филипу (The Praise of Philip Sparrow, 1575) 448

Гаспаров, Михаил Леонович (1935–2005) 46

Гварино да Верона (Веронезе, Гварини, ок. 1374–1460) 105, 418, 440

Грамматическая правила (Regulae grammaticales, ок. 1418) 119–120, 211

Гварна, Андреа (лат. Andreas Guarna, итал. Andrea Guarna) 100

Грамматическая война (Grammaticale bellum, 1511) 12, 100–101, 110–113, 118–121, 122–138

Обезьяна (Simia, 1517) 138

Гвиберт из Турне (de Tournai, de Tornaco, ум. ок. 1284 г.)

Воспитание королей и государей (Eruditio regum et principum, 1259) 404

Гегий, Александр (Hegius, ок. 1433–1498) 145, 148, 154

Смесь (Farrago, 1480) 143, 150, 155

Инвектива против модусов обозначения (Invectiva in modos significandi, частично опубл. в 1480 г., полн. публ. в 1503 г.) 140–141, 143–145, 147, 148–160, 161

Комментарий к «Доктриналу» Александра из Вильдьё (1486, опубл. в 1490–1495 гг.) 9, 141, 145–148, 161–168

Гез де Бальзак, Жан-Луи (Guez de Balzac, 1597–1654) 108

Гейнзий, Даниэль (Heinsius, 1580–1655) 175

Гейнзий, Николай Ст. (1620–1681) 175, 213, 235–236, 309, 311, 313

Издание Овидия (впервые 1652) 311

Гелений, Сигизмунд (чешск. Zikmund Hrubý z Jelení, лат. Gelenius, 1497–1554) 193, 196

Чешский перевод «Похвалы глупости» Эразма (1513) 196

Издание «Перипла Эритрейского моря» (1533) 196

Симфонный лексикон, в котором указывается на согласие и созвучие четырех семей языков Европы, то есть греческой, латинской, германской и славянской (Lexicon symphonum, quo quatuor linguarum Europae familiarum, Graecae scilicet, Latinae, Germanicae ac Sclavinicae concordia consonantiaque indicatur, 1537) 196

Издание Тертуллиана (1550) 196

Гелиодор (III–IV в.)

Эфиопика 473

Геллий, Авл (II в.) 85, 444–445, 447

Аттические ночи 32, 35–36, 55, 66, 68, 75, 82, 93, 204, 250, 288, 293, 426, 430–432, 434, 438, 449, 456, 459–460

Геллий, Гней (II в. до н. э.)

Анналы 255

Гельденхувер, Герард (Geldenhouwer, Gerardus Noviomagus, 1482–1542) 145

Гемист Плифон, Георгий (Γεμιστὸς Πλήθων, ок. 1360–1452)

Истолкования халдейских оракулов (Μαγικὰ λόγια τῶν ἀπὸ Ζωροάστρου μάγων ἐξηγηθέντα παρὰ Πλήθωνος) 478

Генрих II Валуа, французский король с 1547 по 1559 г. (1519–1589) 240, 273, 324

Генрих VIII Тюдор, английский король с 1509 по 1547 г. (1491–1547) 110

Георгий Трапезундский (1395–1472/1473) 448

Гераиск (V в.) 493

Гераклид Понтийский (IV в. до н. э.) 379

Гераклит Аллегорист (I в. н. э.)

Гомеровские вопросы 379, 478

Герасимов, Дмитрий (лат. Demetrius Erasmus, ок. 1465 — ок. 1535) 194

Герберштейн, Зигмунд (Herberstein, Sigismundus Liber Baro, 1486–1566) 193

Герварт фон Гогенбург, Ганс Георг (Herwart von Hohenburg, Hervart ab Hohenburg, 1553–1622) 474

Тезаурус иероглифов (Thesaurus Hieroglyphicorum, ок. 1610) 474

Гердер, Иоганн Готфрид (Herder, 1744–1803)

Разрозненные фрагменты (Zerstreute Blätter, 1793) 554

Гермапион (не позднее IV в.) 475–476

Геродиан (II–III в.)

История 453–454

Геродот (ок. 484–425 до н. э.) 417

История 183, 236, 457–461, 473, 479–480, 482–484

Герольд, Иоганн (Herold, также Basilius, XVI в.)

Мир язычников (Heydenwelt, 1554) 559

Герт из Зютфена (Gerardus de Zutphania, XV–XVI в.)

Glosa notabilis 168

Гесиод (VIII–VII в. до н. э.) 276, 302–303, 349

Теогония 291–292

Труды и дни 503

Щит Геракла (spurium) 302–303

Геснер, Конрад (1515–1565)

Каталог растений (Catalogus plantarum, 1542) 171

Издание Стобея (1543) 187

Всеобщая библиотека (Bibliotheca universalis, 1545–1549) 181

История животных (Historia animalium, 1551–1558) 171

Митридат (Mithridates de differentiis linguarum, 1555) 171–175, **172, 180–196**

Обо всех родах ископаемых (De omni rerum fossilium genere, 1565) 171

Гессер, Джулия (Gaisser) 50, 447

Гета, римский император в 211 г. (189–211) 535

Гзел, Петр (XVI в.)

Чешская грамматика (Grammatyka Czeska, совм. с Б. Оптатом и В. Филоматесом, 1533) 196

де Гиз, Шарль, кардинал Лотарингский (1524–1574) 261

Гизелинк, Виктор (Ghysselinck, Giselinus, 1539–1591)

Издание «Метаморфоз» Овидия (1566) 271

Гийом Бретонский (Guillelmus Brito, ок. 1165 — ок. 1225) 159

Сумма Бретонца, или Объяснения библейских слов (Summa Britonis, sive Expositiones vocabulorum Bibliae) 159

Гийом Коншский (de Conchis, ок. 1090 — ок. 1154) 371–372

Гильберт Порретанский (de la Porrée, de Poitiers, также Porreta, Pictaviensis, ок. 1080–1154; см. также: *Комментарий к Ювеналу рукописи Parisinus Lat. 2904*) 370

Гилла Мо Дуту уа Касиде (ирл. Gilla Mo Dutu Úa Caiside, XII в.)

Генеалогия женщин (Banshenchas) 190

Гипнэротомачия Полифила (Hypnerotomachia Polyphili, 1499) 484–486, 488, 502, 525

Гиппократ (V–IV вв. до н. э.) 182, 295

Эпидемии (частично spurium) 286

- Гирций, Авл (ум. в 43 г. до н. э.; см. также: Псевдо-Цезарь) 402
- ван Гиффен, Хубрехт (также Хуберт, Obrechtus Giphanius, 1534–1604) 299, 301–302
Издание Лукреция (1565?) 301–302
- Глареан, Генрих (также Лорити, 1488–1563) 266
Комментарии к «Запискам о Галльской войне» Цезаря (1538) **191**
- Глика, Михаил (Γλυκάς, XII в.)
Хроника (Βίβλος χρονική) 404
- Глоссарий кодекса Sangallensis* 912 (VII–VIII в.) 485
- Гольбейн, Ганс Старший (ок. 1465 – ок. 1524) 541
- Гольдберг, Александр Львович (1922–1982) 194
- Гомбрих, Эрнст (Gombrich, 1909–2001) 530
- Гомер (ср.: *Война мышей и лягушек*) 68, 97, 159, 229–230, 240, 276, 292, 302–303, 329–333, 376, 379–380, 408, 410–411
Илиада 181, 276, 288, 293, 299, 303, 323, 351, 379, 408, 411–412, 439, 500, 558
Одиссея 9, 276, 288, 329–333, 351, 379, 408, 411–412
- Гораполлон (IV–V в. н. э.)
Иероглифика 469, 474, 478, 481, 500–501, 505, 507, 516, 525, 527
- Гораций Флакк, Квинт (65–8 до н. э.) 9, 42, 48, 83, 90, 92, 134, 142, 156, 213, 230, 239, 244, 265, 273, 298–301, 303, 306–307, 309, 311–312, 315–326, 372, 380, 418, 432, 532, 546
Оды 83, 92, 228, 323, 326, 354, 365, 383, 418, 438, 449, 459–461, 464
Послание к Пизонам (= *Наука поэзии, Искусство поэзии*) 44, 52–53, 77, 91–92, 262, 307, 325–326, 343, 384, 394
Послания 92, 228, 263, 325, 385, 404, 495
Сатиры 87, 92, 94–95, 209, 324–325, 430–431, 437
Эподы 67, 306, 322, 324
- Горопий Бекан, Иоанн (Ян ван Горп, 1519–1572)
Антверпенские корни (Origines Antwerpianae, 1569) 176–177, 191
Иероглифика (Hieroglyphica, опубл. в 1580 г.) 559
- ван Горп — см.: Горопий
- Готфрид Витербский (Godefridus Viterbiensis, ок. 1125 – ок. 1191)
Пантеон (Pantheon, 1187–1191) 404
- Гракх, Гай Семпроний (154–121 до н.э.) 21, 26, 31, 35
Речь перед цензорами 33
- Гракх, Тиберий Семпроний (ок. 169/164 – ок. 133 до н.э.) 21, 26, 31, 35
Речь перед народом (ошибочно приписана Поджо Браччолини Гаю Гракху) 35
- Грамматика Пор-Рояля* — см.: Арно, Лансло
- Грамматическая певица* (La cantatrice grammairienne, 1788) 103
- Грамматические упражнения для мальчиков, распределенные по дням недели* (Exercitium Puerorum..., 1485) 103, **105**, 106, 115
- Графтон, Энтони (Anthony Grafton, р. 1950) 243–244, 268, 278, 298, 417, 419, 426, 460
- Граций, Ортуин (Hardwin von Grätz, 1475–1542) 145
- де Грегори, Джованни (de Gregoriis, ок. 1450 – ок. 1517) 418
- Греческая антология* — см.: *Палатинская антология*
- Григора, Никифор (Γρηγόρις, ок. 1295 – ок. 1360) 329
Краткое изложение гомеровского повествования о странствиях Одиссея, содержащее этическое истолкование (Ἐπίτομος διήγησις εἰς τὰς καθ' Ὅμηρον πλάνας τοῦ Ὀδυσσεύς, μετὰ τινος θεωρίας ἠθικωτέρας) 9, 329–331, **331–333**

Григорий I Великий, папа римский с 590 по 604 г. (ок. 540–604) 156

Проповеди 367

Григорий IX, папа римский с 1227 по 1241 г. (Уголино деи Конти, ок. 1145–1241) 381

Григорий Назианзин (Григорий Богослов, ок. 329–390) 318, 440

Григорий Нисский (ок. 335 — ок. 394) 440

Гритти, Андреа, дож Венеции с 1523 по 1538 г. (1455–1538) 493

Грифиус, Себастьян (Gryphius, ок. 1492–1556) 255

Грифоли, Якопо (XVI в.)

Издание «Науки поэзии» Горация (1550) 326

Гриффо, Пьетро (ок. 1450–1518) 225

Гроций, Гуго (Huig de Groot, 1583–1645) 175

Грутер, Ян (de Gruytere, 1560–1627)

Издание Тацита (1607) 271

Гуаццо, Стефано (1530–1593) 561

де Гувейя, Антонио (Goveanus, 1510–1566) 240, 255

Издание Теренция (1541) 255

Гуде, Марквард (Gudius, 1635–1689) 370

Гус, Ян (Hus, 1369–1415) 195

Гутенберг, Иоанн (Генсфлейш, ок. 1400–1468) 211

фон Гуттен, Ульрих (Hutten, 1488–1523) — см.: *Письма темных людей*

Даванцати, Бернардо (1529–1606) 177

Данте Алигьери (Дуранте дельи Алигьери, лат. Dantes Alagherius, Aligherius, ок. 1265–1321) 19, 207, 267, 338

Божественная комедия (Commedia, Divina commedia, ок. 1308–1320) 230, 336–337, 366, 397, 464

Пир (Convivio, 1304–1307) 248

Эклоги (Egloge, 1319–1321) 345

Дарет Фригийский (V–VI в.)

История о разрушении Трои 375

Дарий I, персидский царь с 522 по 486 г. до н. э. 482

Дарий III, персидский царь с 336 по 330 г. до н. э. 168

Дверь (Iapua, XI–XII в.) 119, 126

де Гинь, Жозеф (Дегин, de Guignes, 1721–1800) 472

Декрет Грациана (XII в.) 409

Декреталии (см. также: *Книга декреталий Григория IX*) 212

Дельфины, Джентиле (ум. в 1559 г.) 318

Деметрий Фалерский (ок. 350 — ок. 280 г. до н. э.; см. также: Псевдо-Деметрий Фалерский) 497

Демосфен (384–322 до н. э.) 136, 286, 299, 535

О венке (В защиту Ктесифонта) 299

Олифские речи 299

Филиппики 299

Денорес, Джазон (Denores, de Nores, ок. 1530–1590)

Комментарий к «Науке поэзии» Горация (1553) 326

Депре, Жоскен (де Пре, des Prez, лат. Iodocus Pratensis, losquinus de Pres, ок. 1450–1521) 521

Дечембрио, Пьер Кандидо (1399–1477)

Грамматикон (Grammaticon, вскоре после 1433) 19

- Джамбуллари, Пьерфранческо (1495–1555) 176
Правила флорентийского языка (Regole della lingua fiorentina, 1552) 518
- Джаннотти, Донато (Iannocius, 1492–1573) 306, 317, 323
- Джелли, Джованни Баттиста (1498–1563) 176
- Джилиотти, Джованни (Gigliotti, XVI в.) 528
- Джиральди, Лилио Грегорио (Gyraldus, 1479–1552)
История греческих и латинских поэтов (Historia poetarum tam Graecorum quam Latinorum, 1545) 368
Разнообразная и многосоставная история о богах язычников (De deis gentium varia et multiplex historia, 1548) 525
- Джирарденго, Никколо (XV–XVI в.) 253
- Джованна I, королева Неаполя с 1343 по 1382 г. (1326–1382) 361
- Джованни ди Герардо да Прато (1360/1367–1442/1446) 440
- Джованни дель Вирджилио (de Virgilio, XIII–XIV в.) 345
Эклоги (Egloge, 1319–1321) 345
Пересказ «Метаморфоз» Овидия 345
- Джовио, Паоло (Иовий, 1483–1552) 494, 525, 561
О посольстве московитов (De legatione Moschovitarum, 1532) **193–194**
История своего времени (Historiae sui temporis, 1550–1552) 494
Диалог об импрезах военных и любовных (Dialogo delle imprese militari e amorose, 1551, опубл. в 1555 г.) 546, 558–559
- Джонс, Уильям (Jones, 1746–1794) 170
- Джорджевич, Варфоломей (Bartol Đurđević, Bart(h)olemaeus Gyurgievits, Georgevitz, Georgevitus, 1506–1566)
Об угнетении как плененных, так и живущих под властью турок христиан (De afflictione tam captivorum quam etiam sub Turcae tributo viventium christianorum, 1545) 195
- Дзабарелла, Франческо (Zabarellus, 1360–1417)
О метрике (De atre metrica, совм. с П. П. Верджерио Ст., ок. 1395) **42**
- Дзагата, Пьер (XV в.)
- Дзамбеккари, Алессандро (Zambec(h)arius, XV–XVI в.) 138
- Дзаноби да Страда (Zanobius de Strata, 1312–1361) 115, 457
- Дзоно де Маньялис (также Чоне, да Маньяле, де Маньяли, лат. также Zone, Ciones, Çiones, Cionus, Conus, Zeno Florentinus, нач. XIV в.; см. также: *Комментарий к «В защиту закона Манилия» Цицерона рукописи Ambrosianus J 87 sup.*) 336–337, 373–374, 386
Комментарий к «Гражданской войне» Лукана 336–337, 373–375, **391–392**, 399
Комментарий к «Риторике к Гереннию» (spurium) 374
Комментарий к «Энеиде» Вергилия (1319–1336) 9, 146, 336, 372–377, **381–410**
Recollectae комментариев к Вергилию 374
- Диана, Франческо (XV в.) 253
Издание Теренция (1479) 253, 258
- Дигесты* (= *Пандекты*, 530–533 гг.) 263, 268, 416, 419
- Диндорф, Вильгельм (Dindorf, 1802–1883) 296
- Диоген Лаэртский (также Лаэртский, III в.) 276, 458, 496
- Диодор Сицилийский (I в. до н. э.)
Историческая библиотека 182–183, 469, 473, 504, 512
- Диомед, грамматик (IV в.) 85, 91, 128, 161
Наука грамматики 132, 395–396, 431, 433, 442

- Дионисий Галикарнасский (I в. до н. э.) 264
О соединении слов 519
Римские древности 392, 464
- Дионисий Перизет (II в.)
Описание мира 452–453
- Дионисий Фракийский (II–I вв. до н. э.)
Грамматика (spurium) 521
- Дионисий I Старший, тиран Сиракуз (V–IV до н. э.) 442
- Диоскорид, Педаний (I в.)
О лекарственных веществах 192
- Дистихи Корнута* (Disticha Cornuti, также Cornutus, Distigium, Distigius, XIII в.) 141
- Дистихи Катона* (Disticha Catonis, III–IV в.) 108
- Домициан, римский император с 81 по 96 г. (51–96) 492
- Донат, Клавдий Тиберий (IV–V в.)
Комментарий к «Энеиде» Вергилия 339
- Донат, Элий (IV в.; см. также: *Жизнеописание Вергилия*) 102, 104, 119, 126, 128, 137, 143, 160, 211, 320, 339, 352
Большая наука 128
Комментарий к Теренцию 39, 113, 209, 253, 255
Краткая наука о частях речи (= *Малый учебник*, Ars minor) 102, 128, 162
- Дони, Антон Франческо (1513–1574)
Картины (Le pitture, 1564) 525
- Дони, Джованни Баттиста (Donius, 1594–1647) 70
- Донизон Каносский (Donizo, XI–XII в.)
Жизнеописание Матильды (Vita Mathildis, ок. 1115) 403
- Дора, Жан (Жан Динеманди, Dorat, Auratus, 1508–1588) 175, 239, 307, 324
Комментарий к «Прометею» Эсхила (1548) 260–261, 291
Стихи (Poëmatia, опубл. в 1586 г.) **302–303**
- Дорнау, Каспар (Dornavius, 1577–1632)
Амфитеатр Сократовой шутивно-серьезной мудрости (Amphitheatrum sapientiae Socraticae ioco-seriae, 1619) 118
- Дортеллата, Нери (XVI в.)
Замечания о флорентийском произношении (Osservazioni per la pronunzia fiorentina, 1544) 518
- Дракенборх, Арнольд (Drakenborch, Dra(c)kenborchius, 1684–1748) 314
- Друз, Марк Ливий, консул 112 г. до н. э. (ум. в 109/108 г. до н. э.) 33
- Дюбуа, Симон (Bosius, 1536–1581) 308
- Дюперак, Этьенн (Dupérac, du Perac, ок. 1525–1604)
Следы римских древностей (I vestigi dell'antichità di Roma, 1575) 475
- Дюпюи, Клод (Puteanus, 1545–1594) 299, 313–314
Письмо к Х. ван Гиффену от 12 августа 1570 г. 299
- Дюпюи, Пьер (1582–1651) 313–314
- Дюпюи, Жак (1591–1656) 313–314
- Дюре, Клод (Duret, ок. 1570–1611)
Тезаурус истории языков этого мира (Thresor de l'histoire des langues de cest univers, опубл. в 1613 г.) 490

Евангел (IV в.) 340–342, 347, 349

Евгений IV, папа римский с 1431 по 1447 (Габриэле Кондольмер, 1383–1447) 17

Евгесипп (XI в.)

О расстояниях между местами Святой Земли 190

Еврипид (ок. 480–406 до н. э.) 224–225, 285, 311

Ипполит 248

Медея 248, 272–273

Электра 267

Евсевий Кесарийский (ок. 263–340) 277

Хроника 392

Евстафий Каппадокийский (IV в.) 540

Евстафий Солунский (XII в.)

Комментарий к Гомеру 329–331, 379, 505

Евтихий Александрийский (Саид ибн Батрик, 876–940)

Нить драгоценных камней (Назм ал-Джавахири) 404

Епифаний Кипрский (IV в.)

Панарион 181

Жак II де Лузиньян, король Кипра с 1464 по 1473 г. (ок. 1438/1440–1473) 227

Жамбоки, Янош (Zsámboky, Sambucus, 1531–1584) 309–310, 561

Эмблемы (Emblemata, 1564) 559

Жансон, Николя (Jenson, Iensonius, 1420–1480) 224, 381

Жантиль-Бернар (Пьер-Жозеф Бернар, Gentil-Bernard, 1708–1775) 104

Жемчужина слов (Gemma vocabulorum, впервые опублик. в 1493 г.) 159–160

Жемчужинка слов (Gemmula vocabulorum, впервые опублик. в 1484 г.) 159

Женетт, Жерар (Genette, р. 1930) 375

Жерсон, Иоанн (также Жан, Ioannes Gersonensis, Gerson, de Gerson, 1363–1429)

Об утешении теологии (De consolatione theologiae) 97

Жизнеописание Колы ди Риенцо, трибуна римского народа (La vita di Cola di Rienzo, tribuno del popolo romano, XIV в.) 357

Жизнеописание Вергилия

Донатовское жизнеописание (Vita Donatiana, = Vita Suetoniana, IV в.) 347–348, 360, 382, 393, 395, 397–402, 404–408

Сервиевское жизнеописание (Vita Servii, IV–V в.) 382, 399–400, 402, 406, 408

Жизнеописание Фоки (Vita Focae, IV–V в.) 398, 405

Первое филаргириевское жизнеописание (Vita Philargyriana I, IV–VI в.) 407

Жизнеописание Проба (Vita Probiana quae dicitur, V–VI в.) 398, 402

Вторая бернская перихоа (Periocha Bernensis II, IX в.) 347

Парижское жизнеописание (Vita Parisina, IX в.) 398, 407

Первое Гудианское жизнеописание (Vita Gudiana I, IX в.) 370, 398

Первое норикское жизнеописание (Vita Noricensis I, IX в.) 398

Фоссово жизнеописание (Vita Vossiana, IX в.) 398

Ватиканские перихоа (Periochae Vaticanae, X в.) 407

Первое мюнхенское жизнеописание (Vita Monacensis I, X в.) 398

Второе мюнхенское изложение (Expositio Monacensis II, XII в.) 383, 398

Эксерпты из Донатовского жизнеописания (Excerptum e vita Donatiana, XII в.) 382, 393, 395, 397–400, 404, 406–408

Accessus рукописи Palatinus lat. 1695 (XII в.) 347

Второе ватиканское жизнеописание (XIII–XIV в.) 348, 403

Второе мюнхенское жизнеописание (Vita Monacensis II, XIV–XV в.) 383, 397, 400–401

Лауренцианское жизнеописание (Vita Laurentiana, XIV–XV в.) 398

Жизнеописание расширенного Доната (Vita Donati aucti, XV в.) 347, 351–352, 400, 403

Жизнеописания поэтов из рукописи Laurentianus Plut. 53.15 (XV в.) 368

Жиль, Пьер (Gilles, Gyllius, 1490–1555)

О силе и природе животных по «Истории» Элиана (Ex Aeliani Historia... De vi et natura animalium, 1533) 501

Законы двенадцати таблиц (V в. до н. э.) 93, 97

Зауберт, Иоганн Старший (1592–1646) 550, 552

Дюжина священных эмблем (ΔΥΟΔΕΚΑΣ Emblematum Sacrorum, 1625–1630) 552

Новая надежда на мир (Spes Nova Pacis, 1646) 552

Духовные картины (Geistliche Gemaelde, опубл. в 1658 г.) 552

Зелигенштадтская латинская педагогика (Seligenstädter Lateinpädagogik, ок. 1478) 121

Зендерс, Виллем (Zenders, XV–XVI в.)

Малый труд об обеих частях «Доктринала» (Opus minus utrarumque, опубл. ок. 1488–1490 гг.) 160

Зенодот (IV–III в. до н. э.)

Эпиграммы 458

Зенон Китийский (IV–III в. до н. э.) 458

Зихард, Иоганнес (Sichardus, 1499–1552)

Издание «Об орфографии» Мария Викторина (1527) 320

Золотая грамматика (Aurea gram(m)atica, ок. 1483) 146, 166

Ибн Вахшия (Абу Бакр Ахмад ибн Али ан-Набати, IX–X в.) 483

Книга о страсти неистового энтузиаста разобратся в загадках древних письмен (Kitab Shawq al Mustaham fi ma'rifat rumuz al-aqlam) 468, 471

Ибн Рушд — см. Аверроэс

Ибн Сина — см. Авиценна

Ив из Вильдьё (Yvo, Yves, кон. XII в.) 107

Идульфас (Ydulfas, также Adulphus, Alpheus, XII–XIII в.) 107

Иероним, Софроний Евсевий (342–419/420) 156, 190, 193, 197, 440

О положении и именах еврейских мест 190

Послания (= Письма) 212, 440, 513–514

Против Иовиниана 513–514

Хроника 382, 392, 397, 406, 510

Изенгрин, Михаэль (1500–1557) 213

Иларий Пиктавийский (ок. 315 — ок. 367) 440

Индекс запрещенных книг (Index librorum prohibitorum, в Риме с 1559 г.) 181

Ингирами, Томмазо (также Федр, Федра, Phaedrus Volaterranus, 1470–1516) 137, 246

Иннокентий VIII, папа римский с 1484 по 1492 (Джамбаттиста Чибо, ок. 1432–1492) 246, 443

- Иоанн Гарландский (de Garlandia, также de Garlandria, XIII в.) 141
Краткое изложение всей грамматики (Compendium (totius) gramatice) 63
- Иоанн Дакийский (de Dacia, Dacus)
Разделение наук (Divisio scientie, 1280) **382**
О модусах обозначения (Tractatus de modis significandi, не позднее 1297) 382
- Иоанн Златоуст (ок. 349–407) 440, 553
- Иоанн из Меры (de Mera, у Эразма Breviloquus, XIV в.)
Брахилог (Brachylogus, 1354) 141
- Иоанн Креститель 123
- Иоанн Неймегенский (Ioannes Noviomagus, Ян (ван) Бронкхорст, 1494–1570)
Издание сочинений Беда о времени (1537) 510
О числах (De numeris, 1539) 511
- Иоанн Скот Эриугена (ок. 810 — ок. 877) 370
- Иоанн Солсберийский (Iohannes Saresberiensis, John of Salisbury, ок. 1120–1180)
Металогик (Metalogicon, 1159) 348
Поликратик (Policraticus, 1159) 404
- Иоанн Филопон (490–570) 371
- Иовий — см. Джовио
- Иордан Саксонский (Iordanus de Saxonia, Iordanus de Eberstein, ум. в 1237 г.)
Комментарий к Малому Присциану (ок. 1220) 393
- Иосиф Флавий (I в. н. э.)
Иудейская война 453–454
Иудейские древности 190, 480, 495, 497
- Иринеи Лионский (II в.) 510
Против ересей 510–513
- Исидор Севильский (Hispalensis, ок. 560–636)
Этимологии (Etymologiae, = *Начала*, Origines) 117, 174, 180–181, 185, 367, 399, 480
- Исократ (436–338 до н. э.)
Речи 496
- История Августов* (Historia Augusta, IV в.) 30, 36–37, 94, 506–507
- Й**оссе из Марвиля, Иоанн (Iohannes Iusse/Iosse de Marvilla/Maricolensis, XIV в.)
Изложения модусов обозначения (Expositiones modorum significandi, 1322) 148, 157
- де Кабассоль, Филипп (Philippus Caval(l)icensis episcopus, 1305–1372) 47
- Кавальер д'Арпино (Джузеппе Чезари, 1568–1640) 524
- делла Каза, Джованни (1503–1556) 317
- Казелла, Пьер Леоне (ок. 1540–1620) 527
- де Казобон, Исаак (Casaubonus, 1559–1614) 276–277, 325
Комментарий к Диогену Лаэртию (1583) **276–277**
О греческой сатирической поэзии и римской сатире (De satyrica Graecorum poesi, et Romanorum Satira, 1605) 368
- Каландра, Джанджакомо (ок. 1480–1543) 236, 238
- Калигула, римский император с 37 по 41 г. (также Гай, 12–41) 492
- Каллимах (III в. до н. э.) 240, 265, 304
Гимны 262, 274, 292, 304, 449

- Каллист, Андроник (ум. между 1476 и 1487 гг.) 420
- Кальвин, Жан (1509–1564) 273, 289
- Кальдерини, Домицио (Доменико, 1446–1478) 218, 419, 424, 426, 428–429, 442, 448–454
Письмо к Франческо Бароцци против Георгия Трапезундского в защиту Платона (1470, не опубл., Verona, Bibl. Capitolare 257, fol. 286r–317v) 448
Комментарий к Марциалу (1473, опубл. в 1474 г.) 447, 450
Комментарий к «Ибису» Овидия (1474) 450
Комментарий к «Посланию Саффо к Фаону» (1475) 450
Комментарий к «Сильвам» Стация (1475) 450
Комментарий к Ювеналу (1475) 450, 452
Латинский перевод Павсания 449
- Кальдьеры, Джованни (лат. Calderia, ок. 1400 — ок. 1474)
Согласия между поэтами, философами и теологами (Concordantiae poetarum philosophorum et theologorum, 1447–1455) 378
- Кальканьини, Челио (1479–1541)
Латинский перевод «Об Исиде и Осирисе» Плутарха (= *О делах египетских*, De rebus Aegyptiacis, опубл. в 1544 г.) 506, 559
Несколько сочинений (Opera aliquot, опубл. в 1544 г.) 525
- Кальфурний, Иоанн (Джованни Планца де Руффинони, ок. 1443–1503) 216–219, 231
Издание Овидия (1474) 218
Комментарий к Теренцию (1476) 218, 253
Издание Сервия (1479) 218
Стихотворение к Иоганну Хиндербаху, епископу Тренто, во хвалу оному, и о кончине блаженного Симеона Младенца, умерщвленного иудеями (Carmen ad Ioannem Inderbachium pontificem Tridentinum de laudibus eius et de interitu beati Simonis infantis a Iudeis mactati, опубл. в 1481 г.) 218–219, 223
Издание Катутла, Тибулла, Проперция и «Сильв» Стация (1481) 9, 215–216, 219–223, 235, 251, 298
- Камерарий, Иоахим Ст. (Либхард, Каммермейстер, 1500–1574) 245, 254, 266, 310
Издание Мария Викторина (1537) 320
Комментарий к Плавту (полн. изд. 1552) 254
- Камерарий, Иоахим Мл. (1534–1598) 560–561
- Камилл, Марк Фурий (ок. 446–365 до н. э.) 94
- Камилли, Камилло (ум. в 1615 г.) 561
- Кампани, Джованни (XVI в.) 526
- Кампезани, Бенвенуто (также de Campexanis, Campigena, ок. 1250–1323) 208
- Кансиньорио делла Скала, правитель Вероны с 1359 по 1375 г. (1340–1375) 206
- Канталичо, Джамбаттиста (Cantalycius, также Валентини, ок. 1450 — ок. 1514)
Каноны метрики (Canones metrices, 1493) 43
- Кантер, Виллем (Canterus, 1542–1575) 302
Издание Элия Аристида (1566) 262
Свод о методе правки греческих писателей (De ratione emendandi scriptores Graecos, syntagma, 1566) 262, 265
Издание Еврипида (1571) 311
Издание Софокла (1579) 311

Издание Эсхила (1580) 295, 311

Капер, Флавий (II в. н. э.)

Об орфографии 321

Каракалла, римский император с 211 по 217 г. (188–217) 171, 535

Караффа, Оливьеро (также Карафа, 1430–1511) 131

Карбон Арвина, Гай Папирий (ум. в 82 г. до н. э.) 33, 39

Карбоне, Джироламо (ум. в 1528 г.) 72

Кардано, Джироламо (1501–1576) 261

Каритео — см.: Гарет

Карл IV Люксембургский, император Священной Римской империи с 1355 по 1378 г. (1316–1378) 362–363

Карл VIII Валуа, французский король с 1483 по 1498 г. (1470–1498) 227, 428

Карл IX Валуа, французский король с 1560 по 1574 г. (1550–1574) 302

Карло, персонаж «Застольных бесед» Поджо Браччолини — см.: Марсуппини, Карло

Каро, Аннибал (Аннибале, 1507–1566) 273, 317–318

Каррион, Луи (Carrío, 1547–1595) 309–310

Издание Валерия Флакка (впервые 1565) 213, **309–310**

Картари, Винченцо (1531 — после 1571)

Изображения богов древних (Le Imagini de i dei de gli antichi, 1556) 525, 536

Картина Кебета (Tabula Cebetis, I–II в. н. э.) 478

Карузо, Никола (Charisius, XV в.) 48

Кассиан из Имолы, св. (III–IV в.) 116

Кассий Гемина, Луций (Hemina, II в. до н. э.) 168

Кассий Лонгин, Гай (ум. в 42 г. до н. э.) 401–402, 404

Кассий Пармский — см.: Телезио, Антонио

Кассиодор, Флавий Магн Аврелий (VI в.)

Изложение псалмов 514

Об орфографии 403

Разное 381

Кастеллини, Джованни Дзаратино (1570–1641) 527

Кастельветро, Лодовико (Castelvetrius, ок. 1505–1571) 267, 273

«Поэтика» Аристотеля, изложенная на народном языке и истолкованная Лодовико

Кастельветро (Poetica d'Aristotele vulgarizzata, e sposta per Lodovico Castelvetro, 1570) 267

Кастильоне, Бальдассаре (1478–1529) 22, 450

Катилина, Луций Сергий (ок. 108–62 до н. э.) 356

Катон, Дионисий — см.: *Дистихи Катона*

Катон Цензор, Марк Порций (234–149 до н. э.; ср.: *Дистихи Катона*; Анний из Витербо) 34–35, 92–93, 138, 439

О земледелии 245, 269, 418, 462–463

Речь перед всадниками в Нуманции 35

Катон Утический, Марк Порций (95–46 до н. э.) 108 (?), 401

Речь против участников заговора Катилины 27

Катул, Квинт Лутаций (ок. 150–87 до н. э.) 29

Катулл, Гай Валерий (ок. 84 — ок. 54 до н. э.) 47–48, 95, 204–206, 209–210, 215, 218–219, 221–223, 226, 229, 241–242, 245–246, 265, 304, 319, 325, 347, 422, 424–426, 446–448, 505

- Квальолини, Лоренцо (Laurens Quagliolinus)
Метрика (Metrica, 1488?) 43
- Квинтилиан, Марк Фабий (I в.) 38, 85, 89, 211, 216, 431, **448**, 450
Воспитание оратора (= *Наставления для оратора*) 19, 26–27, 41, 53, 59, 66, 80, 83, 86, 90–91, 94, 96, 128, 149–150, 216, 220–221, 230, 236, 254, 293–294, 305, 415, 429–433, 442, 444, 512–513
- Кедрин, Георгий (Κεδρήνός, XI–XII в.)
Краткое изложение истории (Σύνοψις ἱστοριῶν) 495–496
- Кезенброт, Августин (Käsenbrot, Augustinus Olomucensis, 1467–1513) 448
- Кемнер, Тиманн (Kemenerus, ок. 1470 – ок. 1535)
Золотая сердцевина (Medulla aurea, ок. 1500) 147, 160, **160–161**
- Кенни, Эдвард Джон (Kenney, p. 1924) 264, 284, 312, 314
- Киприан Карфагенский, Тасций Цецилий (ум. в 258 г.) 156, 318, 440
Послания 434
- Кириак из Анконы – см.: Чириако из Анконы
- Кирилл, св. (Константин, 827–869) 193
- де Кирхен, Медард (фон (дер) Кирхен, XVI в.) 157
- Кирхер, Атанасиус (Атанасиус, 1602–1680) 472–476, 484
Продром коптский, или египетский (Prodromus Coptus sive Aegyptiacus, 1636) 487
Памфилийский обелиск (Obeliscus Pamphilius, 1650) 471–472, **476**, **483**, 522
Новая и всеобщая полиграфия (Polygraphia nova et universalis, 1663) 483
- Кифер, Герман (Kiefer) 49–50, 68
- Клавдий, римский император с 41 по 54 г. (10 до н. э. – 54 н. э.) 97
- Клавдий II Готский, римский император с 268 по 270 г. (ок. 214–270) 506–508
- Клавдиан, Клавдий (IV–V в.) 213, 245, 312
О консульстве Стилихона 507
О похищении Прозерпины 74–77
- Клеанф (IV–III в. до н. э.) 444
- Кледоний (V в.)
Наука грамматики 347
- Клеопатра VII Филопатор, царица Египта с 51 по 30 г. до н. э. (69–30 до н. э.) 193, 404
- Климент Александрийский (II–III в.) 277
Строматы 181–182, 185–186, 430, 484–485, 502
- Климент VII, папа римский с 1523 по 1534 г. (Джулио Медичи, 1478–1534) 194
- Климент VIII, папа римский с 1592 по 1605 г. (Ипполито Альдобрандини, 1536–1605) 527
- Климентины* (1314) 381
- Клодий Пульхер, Публий (ок. 93–52 до н. э.) 28
- Книга декреталий Григория IX* (также Liber extra, 1234) 381
- Книга захватов Ирландии* (Lebor Gabála Érenn, XI в.) 189–190
- Книга пяти ключей мудрости* (Liber quinque clavium sapientiae) 385
- Кодекс Юстиниана* (VI в.) 381
- Козимо I де Медичи, великий герцог тосканский с 1569 по 1574 г. (1519–1574) 309, 491, 493–494, 499–500
- Коклико, Адриан Пети (Adrianus Petit Coclicus, 1499 – ок. 1562)
Краткое изложение музыки (Compendium musices, 1552) **521**
- Кола ди Риенцо (Никола ди Лоренцо Габрини, лат. Nicolaus Laurentii, ок. 1313 – 1354) 352–353

- Коломбен, Жан (Colombinus, XVI в.) 308
 Колон, Эрнандо (1488–1539) 212
 Колонна, Виттория (ок. 1490–1547) 525
 Колонна, Джованни, кардинал (ок. 1295–1348) 352
 Колонна, Франческо (1433/1434–1527) — см.: *Гипнэротомехия Полифила*
 Колумб, Христофор (также Колон, 1451–1506) 52
 Коммандино, Федерико (1509–1575) 317
Комментарий к буколкам Вергилия рукописи Laurentianus Plut. 52.33 (XIV в.) **340–342, 348, 349**
Комментарий к «Речи в защиту закона Манилия» Цицерона рукописи Ambrosianus J 87 sup. (XIV в.) 374
Комментарий к «Изложениям модусов обозначения» Иоанна Йоссе из Марвиля рукописи Berolinsensis Theol. Q 26, fol. 107–148 (XIV–XV в.) 148
Комментарий к Лукану рукописи Montepessulanus H 362 (XI в.?) 401
Комментарий к Лукану рукописи Laurentianus Plut. 35.8 (XIII в.) 401
Комментарий к Ювеналу рукописи Parisinus Lat. 2904 (XII в.) 371
 Компаретти, Доменико (Comparetti, 1835–1927) 384
 Конингтон, Джон (Conington, 1825–1869) 335
 Константин I, римский император с 306 по 337 г. (272–337) 190
 Констанций II, римский император с 337 по 361 г. (317–361) 475
 Конти, Натале (Natalis Comes, ок. 1520 — ок. 1580)
 Мифология, или истолкования мифов (Mythologia, sive Explicatio fabularum, 1551) 379, 525
 де Конти, Федерико (de Comitibus, XV в.) 211
 Корнаро, Катерина (Корнер, лат. Cornelia, 1454–1510) 227
 Корнелия, мать Тиберия и Гая Гракхов (II в. до н.э.) 21, 26, 31
 Корнифиций, Квинт (ум. в 42 г. до н.э.) 342, 347–349, 403
 Корнут, Анней (также Форнут, Фурнут, I в. н.э.; см. также: *Дистихи Корнута*) 330
 Компендий греческой теологии 379, 478, 517
Корпус латинских надписей 70
 Кортези, Паоло (также Кортезе, Cortesius, 1465–1510) 48
 Письмо к Анджело Полициано (1480-е) 415
 Диалог об ученых мужах (De hominibus doctis dialogus, ок. 1489) **47**
 Комментарии к «Сентенциям» Петра Ломбардского (1504) 21
 Крамер, Даниэль (Cramer, Candidus, 1568–1637) 550
 Красс, Луций Лициний (140–91 до н.э.) 30
 Красс, Марк Лициний, консул 70 и 55 гг. до н.э. (115–53 до н.э.) 397, 404
 Кратет Маллосский (ум. ок. 145 г. до н.э.) 109
 Кратин (VI–V в. до н.э.)
 Дионисалександр 522–523
 Кринито, Пьетро (Пьетро Бальди дель Риччо, 1475–1507) 428, 497–498
 Заметки о благородной науке (Commentarii de honesta disciplina, 1504) 498
 О латинских поэтах (De poetis Latinis, 1505) 368
 Кристеллер, Пауль Оскар (Kristeller, 1905–1999) 374
 далла Кроче, Якопо (также Джакомо, Крочи, Кристиани, Iacobus a Cruce, Crucius, Cruceus, ок. 1460–1526) 237

Крузей, Пьер (Crouzeil, Crusellius, XVI в.) 308
 ван Крук, Якоб (также Крёйке, Жак де Крюк, Cruquius, ок. 1520–1584) 309

Издание Горация (1565) 213

Крумбахер, Карл (Krumbacher, 1856–1909) 118

Ксенофонт, *Многозначные слова* — см.: Анний

Курион, Гай Скрибоний (ум. в 53 г. до н. э.) 31

Курионе, Челио Агостино (1538–1567) 525

Курций Руф, Квинт (I в. н. э.?)

История Александра Великого 168

Кусто, Пьер (Coustaui, лат. Costalius, Costus, XVI в.)

Книжный шкаф (Pegma, 1555) 559

Лаберий, Децим (ок. 105–43 до н. э.) 35, 168

Лактанций, Луций Цецилий Фирмиан (III–IV в.) 156, 440

Божественные наставления 452

Лактанций Плагид (также Псевдо-Лактанций, IV в.)

Схолии к «Фиваиде» Стация 236

Ламбек, Петер (Lambecius, 1628–1680) 108

Ламбен, Дени (Lambin, Lambinus, ок. 1520–1572) 232, 243, 245, 257, 298–303, 306–310, 315–316

Латинский перевод «Никомаховой этики» Аристотеля (1558) 300

Письмо к М.-А. Мюре от 1 августа 1559 г. 300–301

Издание Горация (впервые 1561) 244, 273, 298–301, 303, 306–307, 308, 311–312, 315, 316–326

Речи (1562–1572) 299–300

Издание Лукреция (впервые 1563) 299, 301–302, 308

Причитание на смерть Адриана де Турнебу, славнейшего королевского профессора философии (In Adr. Turnebi, Regii Philosophiae Professoris clarissimi, obitum, Naenia, 1565) 299

Издание Демосфена (1570) 312

Ламола, Джованни (ок. 1405–1449/1450) 418

Лампридий, Элий — см.: *История Августов*

делла Лана, Якопо (ок. 1278 — ок. 1358)

Комментарий к «Божественной комедии» Данте (1324–1328) 337

Ланг, Йозеф (также Ланге, Langius, ок. 1570–1632) 532

Ландино, Кристофоро (1424–1498) 418, 420–421, 425–426

Лекции о Персии (1462, конспект в рукописи Ambros. 1.26 inf.) 445

Камальдолийские беседы (= *Камальдульские беседы*, *Камальдольские беседы*, Disputationes Camaldulenses, 1473–1474) 378, 421

Комментарий к Горацию (опубл. в 1482 г.) 326, 418

Комментарий к Вергилию (опубл. в 1487 или 1488 г.) 418, 463

Ландриани Капитани, Джерардо (ум. в 1445 г.) 18

Лансло, Клод (Lancelot, 1615–1695; см. также: *Сад греческих корней*) 103

Грамматика Пор-Рояля (Grammaire générale..., в соавторстве с А. Арно, 1660) 103, 142

де Ла Перрьер, Гийом (de La Perrière, Perreries, ок. 1500 — ок. 1565)

Морософия (La Morosophie, 1553) 559

- Лапо да Кастильонкьо Мл. (Lapus Florentinus, 1405–1438)
Перевод жизнеописаний Плутарха (1434–1438) 136
- Ласкарь Ян (Ианос Ласкарис, ок. 1445–1535) 225
- Латини, Латинио (Latinus Latinius, ок. 1513–1593) 307
- Латинская антология* 338, 400, 403
- Лауредано, Бернардино — см.: Сигонио, Карло
- Лауремберг, Петер (1585–1639)
Музомахия, то есть Музыкальная война (Musomachia, id est Bellum musicale, 1639) 100
- Лауро, Винченцо (1523–1592) 316
- Лаксман, Карл (Lachmann, 1793–1851) 269
- Лаций, Вольфганг (Laz, Lazius, 1514–1565)
О переселениях некоторых народов (De gentium aliquot migrationibus, 1557) 191
- Лев I, папа римский с 440 по 461 г. (390–461)
Проповеди 211
- Лев X, папа римский с 1513 по 1521 г. (Джованни Медичи, 1475–1521) 137, 317, 499–500, 503
- Лейбниц, Готфрид Вильгельм (Leibnitius, 1646–1716) 477
- Леклерк, Николя (Clericus, XVI в.) 308
- Лелий Мудрый, Гай (ок. 188 — 129/123 до н. э.) 29?
- Лелия, теща оратора Луция Лициния Красса, персонажа «Об ораторе» Цицерона (II–I в. до н. э.) 29
- Лемэр де Бельж, Жан (Lemaire de Belges, 1473–1524) 192
- Леола, Дионора (XV–XVI в.) 43
- Леонардо да Винчи (1452–1519) 119
- Лепид, Марк Эмилий (ум. в 12 г. до н. э.) 402
- Лесбия (I в. до н. э.) 208–209, 223, 425, 447
- Лет, Помпоний — см.: Помпоний Лет
- Лефевр Девентерский, Жак (лат. Faber, 1473 — после 1517 г.) 160–161
- Лефевр д'Этапль, Жак (лат. Faber Stapulensis, ок. 1455–1536) 160, 239, 271
- Ле Февр, Жан (XVI в.)
Французский перевод «Эмблем» Альчато (1536) 542
- Ливий, Тит (59 до н. э. — 17 н. э.) 135, 156, 269, 284, 319
История Рима от основания города 34–35, 133, 238, 391–392, 449
- Ливий Андроник (III в. до н. э.) 93, 164–165, 168, 205
- Лигорио, Пирро (1513/1514–1583)
Трактат о богах (Trattato sugli dei, 1571–1583, не опубл.) 525
- Лили, Уильям (Lily, Lylius, 1468–1522)
Кратчайшее наставление, или Способ познания грамматики (Brevissima institutio seu Ratio grammatices cognoscendae, первый печатный вариант опубл. в 1534 г.) 110
- Линакр, Томас (англ. Linacre, Lynaker, лат. Linacer, ок. 1460–1524) 224–225
Латинский перевод «О сфере» (Псевдо-)Прокла (опубл. в 1499 г.) 224
- Линденброг, Фридрих (также Линденбрух, лат. Tiliobroga, 1573–1648)
Издание Стация (1600) 264, 313–314
- де Линьямине, Джованни Филиппо (р. ок. 1428 г.) 211
- Липсий, Юст (Joost Lips, Joose Lips, Josse Lips, 1547–1606) 177, 299
Письмо Хендрику Схотти от 19 декабря 1598 г. 176–177
- Лиутпранд Кремонский (ок. 922–972)
Антаподосис 198

- Ллуйд, Эдвард (англ. Lhuud, валл. Llwyd, 1660–1709)
Archaeologia Britannica (1707) 199
- Логика Пор-Рояля — см.: Арно, Николь
- Лоллий Басс (I в. до н. э. — I в. н. э.) 514
- Ломбарди, Бартоломео (ум. в 1541/1542 г.)
Комментарий к «Поэтике» Аристотеля (совм. с В. Маджи, опубл. в 1550 г.) 266
- Лонг (ок. II в.) 318, 335
- де Лонгёй, Кристоф (Longolius, 1488–1522) 245, 250
Две речи в защиту от обвинений в предательстве отечества (Perduellionis rei defensiones duae, опубл. ок. 1519 г.) 250
- Лопес Мадера, Грегорио (1562–1649) 176
- Лоредан, Леонардо, дож Венеции с 1501 по 1521 г. (также Лоредано, 1436–1521) 488
- Лоски, Антонио (Lusc(h)us, de Luschis, ок. 1368–1441) 17, 21, 23–24
- Лудольф из Люхова (Ludolphus de Luco, XIV в.)
Цветы грамматики, или Флорист (Flores artis grammaticae alias Florista) 141
- Луиджини, Франческо (также Луизини, Ловизини, лат. Luisinus, 1524 — после 1576)
Комментарий к «Науке поэзии» Горация (1554) 326
- Лук, Георг (Luck, 1926–2013) 232–234, 236–237
- Лукан, Марк Анней (39–65) 75, 225, 230, 245, 310, 312, 336–337, 354, 383, 391–392, 404, 430
Гражданская война (= *Фарсалия*) 127, 213–214, 236, 271, 321, 338–339, 373–374, 387, 399, 401, 457, 464, 564
- Лукиан (II в.)
Суд гласных 118
- Лукреций Кар, Тит (ок. 99 — ок. 55 до н. э.) 71, 204, 230, 265, 299, 301–302, 308, 312, 319, 397–398, 414
О природе вещей 19, 79, 81, 222
- Луллий, Раймунд (Рамон Льюль, ок. 1235 — ок. 1315)
Новая риторика (Rhetorica nova, 1301) 500
- Луп Феррьерский, Серват (IX в.) 203
- Луцилий, Гай (II в. до н. э.) 93, 431, 434–435
- Людвик Тарентский (Анжуйский), король Неаполя в 1347 г. и с 1348 по 1362 г. (1320–1362) 360–362
- Людвик I Великий, король Венгрии с 1342 по 1382 г. (также Лайош I, 1326–1382) 360–361
- Лютер, Мартин (1483–1546) 551, 553, 565–566
- Магнус, Иоанн** (Юхан Монссон, Johan Månsson, 1488–1544)
История обо всех королях готов и шведов (Historia de omnibus Gothorum Sueonumque regibus, 1554) 480
- Маджи, Винченцо (Madius, ок. 1498 — ок. 1564) 266
Комментарий к «Поэтике» Аристотеля (совм. с Б. Ломбарди, 1550) 266
О смешном (De ridiculis, 1550) 266
- Мадзони, Якопо (Mazonius, 1548–1598) 379
- Макиавелли, Никколо (Макьявелли, Maclavellus, 1469–1527) 427
Государь (Il Principe, = De principatibus, ок. 1513, опубл. в 1532 г.) 427
- Макробий, Амвросий Феодосий (V в.) 85, 462
Комментарий к Сну Сципиона 384–385, 462
Сатурналии 75, 342, 347, 350, 487–488

- Максим Тирский (II в.) 287–288
 Максимиан Этруск (VI в.) 107–108
 Маллий Теодор, Флавий (консул 399 г.)
 О размерах (De metris) 67
 Маль, Эмиль (Måle, 1862–1954) 534
Маммотрепт — см.: Маркезини
 Манефон (III в. до н. э.?) 495
 Манилий, Марк (I в. н.э.) 8
 Астрономика 205
 Манних, Иоганн (1591–1661) 550
 Мантуано, Баттиста (также Мантовано, Баттиста Спаньоли, 1447/1448–1516)
 Буколики, или Отрочество (Bucolica sive Adulescentia, 1460-e – 1470-e) 346
 Мануций, Альд Ст. (Тебальдо Мануччи, 1449–1515) 12, 104, 106, 135, 224–226, 230–231, 241, 250, 260, 428, 449, 478, 486, 493, 525
 Латинская грамматика (Grammatica Latina, Institutiones grammaticae, первая версия 1493) 104, **105**, 128
 Мануций, Альд Мл. (1547–1597) 275, 307
 Эпитома орфографии (Epitome orthographiae, 1575) **305**
 Мануций, Павел (1512–1574) 241–243, 245, 251, 253, 265–266, 275, 278, 280, 309, 317, 325
 Комментарий к письмам Цицерона (1540) 241
 Издание Аскония Педияна (1547) 266
 Манчинелли, Антонио (1452–1505) 109, 264
 Стихослов (Versilogus, 1488?) 41, 43, 222
 Комментарий к Горацию (1492/1493) 326
 Маньякутиа, Никола (Maniacutia, XII в.) 265
 Мариано да Дженаццано (Marianus Genazanensis, ум. в 1498 г.) 441
 Марий, Гай (ок. 157–86 до н. э.) 34, 558
 Марино, Джамбаттиста (1569–1625)
 Муртолеида (La Murtoleide, 1619) 52
 Мариоттелли, Фульвио (1559–1639) 527
 Марк, апостол 487, 489
 Маркезини, Джованни (XIII–XIV в.)
 Маммотрепт (Mammothreptos super Bibliam, также Mammotrectus, кон. XIII в.) 141, 157
 Марсо, Пьетро (ок. 1441–1511) 137
 Марсуппини, Карло (также Карло Аретино, 1399–1453) 23–24, 39
 Мартеллотти, Гвидо (1905–1979) 49, 52, 67, 69 340, 344, 348
 Мартин Дакийский (ум. в 1304 г.)
 Модусы обозначения (Modi significandi, ок. 1250–1270) **148**, 479
 Мартино да Синья (ум. в 1387 г.) 9, 359, 457
 Марулл Тарханиота, Михаил (Μάρουλος, Μαρούλης, ок. 1458–1500) 226, 420
 Марцелл II, папа римский в 1555 г. (1501–1555) 317
 Марцелл Бордоский (Марцелл Эмпирик, IV–V вв. н. э.)
 О лекарствах 192
 Марциал, Марк Валерий (ок. 40 – ок. 104) 47, 95, 204, 226, 229, 446–448, 450
 Марциан Капелла (V в.) 96
 О браке Филологии и Меркурия 459

- Масе, Жан (Masaеus, ум. ок. 1588 г.) 307
- Массими, Пачифико (Pacíficus Maximus, Pacificus Magnificus, ок. 1410 – не позднее 1506)
О сочинении гекзаметров и пентаметров (De componendis hexametris et pentametris, 1485) 43, 57
- Матуранцио, Франческо (также Mataratius, 1443–1518) 223
О сочинении гекзаметрических и пентаметрических стихов (De componendis versibus hexametris et pentametris, 1481) 43, 64
- Маффеи, Анджело (Maffeus, XV в.) 451
- Маффеи, Бернардино (также Маффео, Marphaeus, 1514–1553) 274
Комментарий к письмам Цицерона (не опубл.) 274
История о надписях и изображениях на древних монетах (Historia de inscriptionibus et imaginibus veterum numismatum, не опубл.) 274
- Махон (III в. до н. э.) 256
- Мацей Меховский (Мацей Карпиго, также Матвей, Maciej Miechowita, лат. Matthias a Michau, a Michou, de Miechow, 1456–1523) 193
- де Медичи, Алессандро, герцог флорентийский (по прозвищу il Moro, 1510–1537) 499
- де Медичи, Козимо I – см.: Козимо I
- де Медичи, Джулиано, фактический правитель Флорентийской республики с 1469 по 1478 (лат. Medices, 1453–1478) 450
- де Медичи, Ипполито (1511–1535) 499
- де Медичи, Козимо Старый, фактический правитель Флорентийской республики с 1434 по 1464 г. (1389–1464) 455
- де Медичи, Лоренцо Великолепный, фактический правитель Флорентийской республики с 1469 по 1492 г. (1449–1492) 317, 419, 429, 438, 443, 450, 454–455
Сельвы (Selve, = Selve d'amore, Stanze, 1473–1492) 430
- де Медичи, Пьетро (1554–1604) 500
- Меи, Джироламо (Meius, 1519–1594) 267
- Мейе, Поль-Жюль-Антуан (Meillet, 1866–1936) 188
- ван дер Мейль, Абрагам (van der Mijl, van der Myl, van der Mijle, van der Myle, Mylius, Milius, Vander-Milius, 1558–1637)
Бельгийский язык (Lingua Belgica, 1612) 178
- Меланхтон, Филипп (Шварцердт, 1497–1560) 181, 245, 254
- Меммий, Гай (ум. ок. 49 г. до н. э.) 222
- Менандр (IV–III в. до н. э.) 266, 440
- де Мендоса, Хуан Гонсалес (Mendoza, Mendoza, 1545–1618)
История... великого китайского королевства (Historia... del gran reyno dela China, 1585) 473
- Меркати, Микеле (1541–1593) 473, 477, 480–481
Об обелисках Рима (De gli obelischi di Roma, 1589) 473–474
- Мерула, Джорджо (Джорджо Мерлано ди Неро, также Georgius Alexandrinus, ок. 1430–1494) 417–418, 420, 450
Издание Плавта (1472) 417–418
Против комментариев Домицио Кальдерини к Марциалу (Adversus Domitii Calderini commentarios in Martialem, 1478) 450
- Мессала Корвин, Марк Валерий (64 до н. э. – 8 н. э.) 431
О букве s 431
- Метелл Нумидийский, Квинт Цецилий (ок. 160–91 до н. э.) 35

- Меттий Фуфетий 34
 Меценат, Гай Цильний (70–8 до н. э.) 93, 341, 402, 406–407
 Микеланджело Буонарроти (лат. Michaël Angelus Bonarotus, 1475–1564) 494
 Микон из Сен-Рикье (IX в.)
 Opus prosodiacum 41
 Милези, Марцио (ок. 1570–1637) 527
 Милон Папиан, Тит Анний (I в. до н. э.) 28
 Мимнерм (VII в. до н. э.) 263
 Миннис, Алистер (Alastair Minnis) 370, 373
 Митридат VI Евпатор, понтийский царь с 121 по 63 г. до н. э. (134–63 до н. э.) 171, 182
 Минтурно, Антонио Себастьяно (1500–1574)
 О поэте (De poeta, 1559) 52
 Михаил из Марбе (de Marbasio, de Morbosio, XIII в.) 141
 Вопросы на Малоге Присциана (Quaestiones super Priscianum minorem) 157
 Сумма модусов (Summa modorum) 157
 Сумма о модусах обозначения (Summa de modis significandi) 150, 157
 Трактат о грамматике (Tractatus super grammaticam) 157
 Михаил Скот (ок. 1175 — не позднее 1236) 158
 Вводная книга (Liber introductorius, ок. 1230) 158
 Латинский перевод комментария Аверроэса к «О душе» Аристотеля (spurium) 158
 Латинский перевод комментария Аверроэса к «О небе» Аристотеля 158
 де Молина, Алонсо (1513/1514–1579/1585)
 Словарь кастильского и мексиканского языка (Vocabulario en lengua castellana y mexicana, 1571) 170
 Учебник мексиканского и кастильского языка (Arte de la lengua mexicana y castellana, 1571) 170
 де Мольд, Франсуа (de Maulde, Modius, 1556–1597) 309
 Новодревние чтения (Novantiquae lectiones, 1584) 271, 309
 Момильяно, Арнальдо Данте (Momigliano, 1908–1987) 8, 171
 Моммзен, Теодор (Mommsen, 1817–1903) 8, 507
 де Монтень, Мишель (Montaigne, 1533–1592)
 Опыты (Essais, 1570–1592, впервые опубл. в 1580 г., полн. публ. 1595) 239
Морализованный Овидий (Ovide moralisé, несколько версий XIV–XV вв.) 334, 378
 Мосх (II в. до н. э.) 335
Музыкальная война (Bellum musicale, 1564) 100
 де Мулен, Гюйяр (Guyart des Moulins, 1251 — ок. 1322)
 Библия историческая (Bible historique, 1291–1297) 366–367
 Мурмеллий, Иоанн (Мурмеллинг, ок. 1480–1517) 145, 161
 Каша для детей (Pappa puerorum esui atque usui percocta, 1513) 103
 Комментарий к «Утешению философии» Бозция (1514) 145
 Мусей, легендарный поэт 276–277, 302–303
 Мусей (VI в. н. э.) 276–277
 Геро и Леандр 276–277
 Муссато, Альбертино (1261–1329) 208
 Мусур, Марк (ок. 1470–1517) 224–226
 Издание Аристофана (1498) 225
Мученичество св. Екатерины (Seinte Katerine, XIII в.) 350–351

Мюнстер, Себастьян (1488–1552) 172, 181

Общая космография (Cosmographia universalis, 1544) 52, **191–192**

Мюре, Марк-Антуан (Muret, Muretus, 1526–1585) 175, 232, 239–245, 265, 268, 270, 273, 277, 297–298, 300–302, 307, 309, 316–317

Комментарий к «Девушке с Андроса» Теренция (1551) 240

Юношеские стихи (Iuvenilia, опубли. в 1552 г.) 240, 255

Юлий Цезарь (Iulius Caesar, 1540е, опубли. в 1552 г.) 240

Комментарий к «Любовным стихам» Ронсара (1553) 240

Комментарий к Катуллу (1554) 241, 325

Издание Теренция и комментарий к нему (1555) 9, 242–244, 245–247, **248–258**, 300

Комментарий к Горацию (1555) 263

Разные чтения (Variae lectiones, 1559) 241–242, 288, 300–301

Издание «Филиппик» Цицерона (1562) 322

Письмо к Паоло Сакрати от 30 декабря 1580 г. **254**

Наваджеро, Андреа (Naugerius, 1483–1529) 12, 226–233, 245, 251, 260, 270

Издание Квинтилиана (1514) 230

Издание Вергилия (1514) 230

Издание Лукреция (1515) 230

Издание сочинений Овидия (1516) 225, 230–233, **234–238**

Предисловие к Теренцию (1517, от имени Франческо д'Азоли) 228, 245

Издание Горация (1519) 230

Издание речей Цицерона (1519) 230

Путешествие по Франции и Испании (Il viaggio fatto in Spagna et in Francia, 1524–1526, опубли. в 1563 г.) 229

Забавы (Lusus, опубли. в 1530 г.) 226–227, **228, 235–236**

Сонеты 229

Нани Мирабелли, Доменико (Nanus Mirabellius, XV–XVI в.)

Полиантея (Polyanthea, 1503) 532

Нанни, Джованни — см.: Анний из Витербо

де Небриха, Антонио (также де Лебриха, Антонио Мартинес де Кала и Арана дель Охо, Nebrija, Lebrija, Aelius Antonius Nebrissensis, 1441–1522) 519

Объясненное введение в латынь (Introductiones Latinae explicitae, 1481) 121

Невий, Гней (ум. ок. 201 г. до н. э.) 29, 93

Неккам, Александр (англ. Neckam, лат. Nequam, 1157–1217)

О природе вещей (De naturis rerum) 385

Нектанеб I, египетский фараон с 380 по 362 г. до н. э. 485

Непот, Корнелий (I в. до н. э.) 256, 299

Нерон, римский император с 54 по 68 г. (37–68) 96, 163, 176, 416

Нигидий Фигул, Публий (I в. до н. э.) 432

Низар, Шарль (Nisard, 1808–1889) 108–109

Никандр Колофонский (III или II в. до н. э.) 514–515

Никарх (I в. н. э.) 514–515

Никита, митрополит Гераклеи (Νικήτας ὁ Σερρών, XI в.)

Грамматические стихи (Στίχοι περὶ γραμματικῆς, ок. 1100) 118

Никколи, Никколо (лат. Nicolaus noster, ок. 1364–1437) 25, 205, 416, 455

Никколо из «Застольных бесед» Поджо — см.: Никколи, Никколо

- Нико, Жан (Nicotius, 1530–1600) 308
 Николай V, папа римский с 1447 по 1455 г. (Томмазо Парентучелли, 1397–1455) 22, 119
 Николай Кузанский (Кребс, 1401–1464) 418
 Николай Орезмский (Орем, XIV в.) 463
 Николь, Пьер (Nicole, 1625–1695) 103
 Логика Пор-Рояля (La logique, 1662, в соавторстве с А. Арно) 103
 Ниццоли, Марио (Nizolius, 1488–1566)
 Цицероновский тезаурус (Thesaurus Ciceronianus, впервые опубл. как Observationes in M. Tullium Ciceronem в 1535 г.) 241
 Ницше, Фридрих (Nietzsche, 1844–1900) 420, 426
 Новати, Франческо (Novati, 1859–1915) 373, 387
Новеллы Юстиниана (535–565) 289
Новый Завет 115, 123–124, 163, 180–181, 184, 311, 381, 440, 496–498, 500–501, 552, 565–567
 Нодо, Франсуа (Nodot, Nodotius, ок. 1650–1710)
 Дополнения к «Сатирикону» Петрония (1693) 275
 де Нольяк, Пьер (Nolhac, 1859–1936) 260
 Ноний Марцелл (IV в.) 81, 159, 168, 444
 О кратком пути усвоения науки (De compendiosa doctrina) 432, 435, 437, 439–441, 449, 459–460
 Нонн (V в. н. э.)
 Деяния Диониса (= Дионисиаса) 277
 Нострадамус (Мишель де Нотрдам, 1503–1566) 498
 Ньютон, Исаак (1642/1643–1726/1727) 314
- О** 12 книгах «Энеиды» (Латинская антология 634 Riese²) 389
О возвышенном (I–III в. н. э.) 262
 О'Моллой, Фрэнсис (лат. O Molloy, ирл. Froinsias Ó Maolmhuaidh, ок. 1606–1677)
 Латинско-ирландская грамматика (Grammatica latino-hibernica, 1677) 80
 Обсеквенс (Обсеквент), Юлий (IV в.)
 О знаменях 135
 Овидий Назон, Публий (43 до н. э. — ок. 17 н. э.) 75, 82–83, 108, 142, 146, 199, 218, 225, 230–233, 363, 378, 383
 Героиды (частично spurium) 447, 450
 Ибис 450
 Лекарство от любви 219
 Любовные элегии 162
 Медея 83
 Метаморфозы 83, 216, 225, 228, 231–238, 248, 271, 300, 317, 334, 363, 379, 436, 452, 496, 539
 Наука любви 82–83, 142, 226, 365, 449
 Послания с Понта 162
 Скорбные элегии 343
 Фасты 238, 362, 447
- Октавиан — см.: Август
 Оливер, Педро Хуан (Olivarius, ум. ок. 1533 г.) 229

- де Ольмос, Андрес (ок. 1485–1571)
Учебник для понимания мексиканского языка (Arte para aprender la lengua mexicana, 1547, опубл. в 1875 г.) 170
- Онг, Уолтер (Ong, 1912–2003) 115
- Оньибене да Лониго (Omnibonus Leonicensis, 1412–1474) 223
Об искусстве метрики (De arte metrica, ок. 1471) 43
Комментарий к Лукану (опубл. в 1475 г.) 213–214
Комментарий к Теренцию (не опубл.) 218
- Опиц, Мартин (Opitz, 1597–1639) 546
- Оптат, Вацлав Бенеш (Václav Beneš Optát, ум. в 1559 г.)
Чешская грамматика (Grammatyka Czeska, совм. с П. Гзелом и В. Филоматесом, 1533) 196
- Орделаффи, Франческо — см.: Франческо II Орделаффи
- Ориген (Адамантий, II–III в.)
Против Цельса 502
- Орланди, Чезаре (1734–1779) 524, 526
- Оронт I, сатрап Армении (V–IV в. до н. э.) 512
- Орсини, Лодовико (лат. Ursinus, XVI в.) 318
- Орсини, Фульвио (1529–1600) 306, 309, 317–318
- Орфей (и Орфический корпус) 276, 302–303
- Оттон Фрейзингенский (ок. 1114–1158)
Хроника, или История о двух городах (Chronica sive Historia de duabus civitatibus, 1143–1145) 404, 480
- Павел, апостол** 386, 440, 498
- Павел II, папа римский с 1464 по 1471 г. (Пьетро Барбо, 1417–1471) 212
- Павел III, папа римский с 1534 по 1549 г. (Алессандро Фарнезе, 1468–1549) 280, 317
- Павел IV, папа римский с 1555 по 1559 г. (Джанпьетро Караффа, 1476–1559) 181
- Павсаний (II в.) 316, 494
Описание Эллады 236, 277
- Паджелло, Бартоломео (Paiellus, 1464–1525) 223
- Пакувий, Марк (III–II в. до н. э.) 93, 96, 323
Илиона 323
- Палатинская антология* 349, 458, 514–515
- Палефат (IV в. до н. э.?) 330
О невероятном 478
- Пандекты* — см.: *Дигесты*
- Панетий (II в. до н. э.) 326
- Панормита, Антонио (Беккаделли, 1394–1471) 46–47, 51, 84, 204–206, 226
Гермафродит (Hermaphroditus, 1425) **205–206**
- Панормитано (Николо де Тудески, Panormitanus de Tudeschis, 1386–1445)
Комментарии к Декреталиям (Lectura super libros Decretalium) 212
- Панофский, Эрвин (Panofsky, 1892–1968) 524
- Паннартц, Арнольд (ум. в 1476 г.) 213
- Панса Цетрониан, Гай Вибий (ум. в 43 г. до н. э.) 402
- Папий* (Papianus, XI в.) 208–210, 350, 365–366, 452
- Параден, Клод (Paradin, ок. 1510–1573)
Героические девизы (Devises Heroiques, 1551) 559

- Парацельс (Филипп Аврелий Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, 1493–1541) 7
- Пардо, Джованни (ум. после 1512 г.) 50–51, 53, 71–72, 82
- Паррасий, Ян Авл (Джан Паоло Паризио, 1470–1522) 223, 269, 470, 520
- Партенио да Лацизе, Антонио (Parthenius, 1456–1506) 222
Комментарий к Катуллу (1485) 447
- Парфений Никейский (ум. после 14 г. н. э.) 68
- Пасквино, прозвище эллинистической статуи Менелая на совр. Пьяцца Пасквино в Риме 131
- Пасхальная хроника* (Chronicon Paschale, VII в.) 181
- ван Паутерен, Ян (также де Спаутер, Despauterius, ок. 1480–1520)
Грамматические комментарии (Commentarii grammatici, между 1506 и 1519) 73
Комментарий к «Доктриналу» Александра из Вильдьё (1520) 146–147, 166
- Паффрат, Рихард (Raffraet, XV–XVI в.) 145, 161
- Пачоли, Лука Бартоломео (также Пачоло, 1445–1517) 510
Сумма арифметики, геометрии, отношений и пропорций (Summa de arithmetica, geometria, proportioni e proportionalità, 1494) 510
- де Пейреск, Никола-Клод Фабри (Peiresc, Peyresc, Peirescius, Perescius, 1580–1637) 476
- Пергер, Бернард (Perger, словенск. Pergerl, 1440–1501)
Новая грамматика (Grammatica nova, 1497) 102
- Периохи Тита Ливия* (IV в. н. э.) 269
- Перикл (V в. до н. э.) 446
- Перипл Эритрейского моря* (I–III вв. н. э.) 196
- Перотти, Никколо (также Перотто, 1429–1480) 119, 216, 449
Латинский перевод Полибия (1452–1454) 119
О размерах (De generibus metrorum, 1471) 42–43, 64, 222
О метрах Горация Флакка и Северина Бозция (De Horatii Flacci ac Boethii Severini metris, 1471) 42–43
Азы грамматики (Rudimenta grammatices, 1468, опубл. в 1473 г.) 102, 119, **120**, 121, 125–126, 128, 132
Рог изобилия (Cornu copiae, опубл. в 1489 г.) 127, 444, 460
- Персивал, У. Кейт (W. Keith Percival) 102, 121
- Персий, Авл Флакк (34–62) 216, 431–432
Сатиры 95, 163, 436, 444–447, 459–461
- Перьон, Жоашен (Périon, Ioachimius Perionius, 1498/1499–1559) 174
Четыре книги диалогов о происхождении галльского языка и его родстве с греческим (Dialogorum de linguae gallicae origine, eiusque cum graeca cognatione libri quattuor, 1555) 191
- Пето, Дени (Pétau, Petavius, 1583–1652) 314
- Петр, апостол 138, 163, 362, 364
- Петр Блуаский (Blesensis, ок. 1135 — ок. 1211) 156
- Петр Гелийский (Helias, Eliae, XII в.) 151
Сумма о Присциане (Summa super Priscianum) 366
- Петр Испанский (нач. XIII в.) 151
- Петр Коместор (XII в.)
Схоластическая история (Historia scholastica) 190
- Петр Ломбардский (ок. 1096 — ок. 1164)
Сентенции (Sententiae) 21, 409
- Петрарка, Франческо (1304–1374) 12, 19, 47–48, 114–115, 204–205, 207, 225, 240, 267, 269–270, 283, 309, 335–336, 338–339, 345, 361, 365, 367, 376, 406, 443, 454, 457

- Книга песен* (Canzoniere, 1327–1368) 346, 357
Африка (Africa, 1338–1343) 338, 469
 Заметки о буколиках Вергилия (кон. 1330-х — 1340-е гг.) 339–343, **347–351**
Буколическая песнь (Bucolicum carmen, 1346–1366) 335, 343–344, 346, **348**, 352–360, **356–357**, 364, 366–367
Итинерарий к могиле Господа нашего Иисуса Христа (Itinerarium ad sepulchrum domini nostri Yhesu Christi, 1358) 489
О противоядиях от обеих судеб (De remediis utriusque fortune, 1360–1366) 406
Письма без имени (Sine nomine) 344, 346, **357–359**
Письма вне корпуса (Epistole extravagantes) **352–357**
Письма о делах повседневных (Epistole de rebus familiaribus, Epistole familiares) **47**, 344, **366**, 469
Разные письма (Epistole varie) **352–357**
Разные стихотворения (Carmina varia) **47**
 Петроний Арбитр (ум. в 66 г.) 97
Сатирикон 275
 Пизон Цезонин, Луций Кальпурний, консул 58 г. до н. э. 222
 Пий II, папа римский с 1458 по 1464 г. (Энеа Сильвио Пикколомини, 1405–1464)
О взятии Константинополя (De captione urbis Constantinopolitanae) 211
 Пикар, Жан (Picard, XVI в.)
Пять книг о древней кельтопайде (De prisca Celtopaedia libri quinque, 1556) 191
 Пикассо, Пабло (1881–1973) 140
 Пикколомини, Алессандро (1508–1578)
Комментарий к «Поэтике» Аристотеля (1575) 531
 Пикколомини, Энеа Сильвио — см.: Пий II
 Пико дела Мирандола, Джованни (Pico Mirandulensis, 1463–1494) 139, 219, 224, 419–420, 443–444
Письмо к Эрмолао Барбаро (1485) 139, 219
900 тезисов (Conclusiones philosophicae, cabbalisticae et theologicae sive theses DCCCC, 1486) 443
Комментарий к «Канцоне о любви» Бенивьени (Commento sopra una canzona de amor composta da N. Benivieni, 1486) 502
Речь о достоинстве человека (Oratio de hominis dignitate, 1486) 502
Гептапл (Heptaplus, 1489) 446
 Пикториус, Георг (Maler, ок. 1500–1569)
Мифологическая теология (Theologia mythologica, 1532) 379
 Пилат, Понтий, префект Иудеи с 26 по 36 г. 180
 Пиндар (VI–V в. до н. э.) 75, 309, 493, 558
 Пио, Джованни Баттиста (также Pius Bononiensis, ок. 1460 — ок. 1540) 432
Издание Нония Марцелла (1510) 432
 Пиньориа, Лоренцо (ит. Pignoria, лат. Pignorius, 1571–1631)
Столешница Исиды (Mensa Isiaca, 1605) 477
 Пиркхеймер, Виллибальд (1470–1530) 193
 Пирр (ок. 318–272 до н. э.) 520
 Писсевен, Жан (Pissevinus, XVI–XVII в.) 491, 502
Письма темных людей (Epistolae obscurorum virorum, 1515–1517; ср.: фон Гуттен, фон дем Буше) 168
 Пифагор (VI–V в. до н. э.) 496

Плавт, Тит Макций (ум. в 184 г. до н. э.) 20, 29, 36, 88, 90, 105, 245, 254, 258, 267, 299, 319, 378, 417–418, 432, 451

Амфитрион 132, 134

Грубиян 429

Канат 429

Комедия ящичка 241, 439

Купец 451

Куркулион 442

Ослиная комедия 434

Пленники 241

Псевдол 438

Пуниец 81, 442

Три монеты 438, 442

Хвастливый воин 113

Планк, Луций Мунаций, консул 42 г. до н. э. 359

Плантен, Кристоф (Plantinus, ок. 1520–1589) 311

Плануд, Максим (Πλανούδης, XIII — нач. XIV в.) 514–515

Греческий перевод «Метаморфоз» Овидия 233, 236–238, 300

Платон (ок. 428 — ок. 348 до н. э.) 240, 267, 271, 412, 420–422, 439–440, 443, 445–446, 448, 462, 496

Алкивиад I 444–446

Государство 123–124, 351, 364, 462

Кратил 185–186

Пир 421

Протагор 248

Тимей 351, 462

Плезан, Жан-Леон (Plaisant, Placentius, ум. ок. 1550 г.)

Побоище поросят (Pugna porcorum, 1530) 118

Племиний, Квинт (конец III — начало II в. до н. э.) 35

Плиний Секунд Ст., Гай (23–79) 94, 219, 321, 426, 431, 438

Естественная история 68, 91, 93, 171, 182, 190–191, 252, 203, 354–355, 359, 433, 439, 458–463, 494, 500–501, 514, 523, 540, 556

Плиний Цецилий Секунд Мл., Гай (I–II в.) 94

Письма 293

Плотин (III в.)

Эннеады 507

Плутарх (I–II в.; см. также: Псевдо-Плутарх) 271, 471, 494, 516, 518

Застольные беседы 459, 504, 521–522

Изречения царей и полководцев 512

О букве Е в Дельфах 517

Об Исиде и Осирисе 484, 502, 506, 522

Сравнительные жизнеописания 136, 401, 464, 489

Утешение к Аполлонию 294–295

Подерико, Франческо (ум. в 1528 г.) 50, 84

Поджо Браччолини, Джанфранческо (1380–1459) 7, 12, 17–19, 22–24, 109, 119, 204, 216, 455, 469

Письмо к Франческо Барбаро от 1417 г. 205

О жадности (De avaritia, 1428–1429) **378**

Застольные беседы (Historia disceptativa convivialis, 1450) 10, 17, 19, 21, **23–39**

Подлинный этимологик (Etymologicum Genuinum, IX в.) 522

Пойтингер, Конрад (Пейтингер, 1465–1547) 541, 544

Полара, Джованни (р. 1944) 114

Полентон, Сикко (также Полентоне, Сикко Риччи или Сикко Рицци, Polentonius, 1375–1447)

Славные писатели латинского языка (Scriptores illustres linguae Latinae, 1420-е – 1430-е) 368, 397, 400, 403, 406

Полибий (II в. до н. э.) 119

Полициано, Анджело (Амброджини, Politianus, 1454–1494) 219, 221, 231–232, 237–238, 241, 243, 245, 247, 257, 263–264, 266, 268–270, 278, 298, 300, 311, 379, 399, 414–422, 424–428, 497–498, 505

Стансы на турнир (Stanze per la giostra, 1475–1478) 414

Письмо в защиту стоика Эпиктета (Pro Epicteto Stoico epistola, 1479) 439, 462

Речь о Фабии Квинтилиане и «Сильвах» Стация (Oratio super Fabio Quintiliano et Statii Sylvis, 1480) 415

Письмо к Паоло Кортези (1480-е) 415

Речь о толковании Гомера (Oratio in expositione Homeri, 1485–1486) 379–380

Сильвы (Silvae, 1482–1486) 52, 379, 430, 464

Латинский перевод «Истории» Геродиана (1487) 453–454

Смесь (Miscellanea, первая центурия – 1489) 9, 10–11, 68, 241, 257, **269**, 288, 304, 379–380, 414–415, 417–422, 424–428, **429–464**, 497, 499

Греческие стихи 300, 414

Танцевальные песни (Canzoni a ballo) 427

Поллион, Гай Азиний (75 до н. э. – 4 н. э.) 335, **341**, 359, 402–403

Помпей Магн, Гней, консул 70, 55 и 52 гг. до н. э. (106–48 до н. э.) 397, 399, 401, 489, 558

Помпей Магн Пий, Секст (ок. 67–35 до н. э.) 401

Помпилио, Паоло (1455–1491)

О слогах (De syllabis, также Syllabae, 1488) 43

Помпонации, Пьетро (Pomponatius, 1462–1525) 226

Помпоний Лет, Юлий (также Лэт, Джулио Помпонио Лето, Pomponius Laetus, Pomponius Infortunatus, 1425/1428–1497/1498) 137, 245–246, 257, 337, **448**

Латинская грамматика (1466) 121

Жизнеописание Лукана (1469) 213

Комментарий к Лукану (1469–1470) 213, 339

Комментарий к Вергилию (опубл. в 1487 г.) 336

Понтано, Джованни (также Джовиано Понтано; Ioannes Pontanus, Iovianus Pontanus, 1429–1503) 42, 46, 51, 53, 60, 63, 72, 204, 470

Партенопей (Parthenopeus sive Amorum libri, 1455–1458) **48**, **447**

Харон (Charon, ок. 1470, опубл. в 1491 г.) 51, **479**

Уrania (Urania sive De stellis, 1476–1479, опубл. в 1505 г.) 60–62

Небесные явления (Meteora, 1490; не путать с De rebus coelestibus) 62–63

Акций (Actius, 1490-е, опубл. в 1507 г.) 9, 43–44, 46, 48–49, **50–84**, 305

Порто, Франческо (1511–1581) 325

Порфирий Тирский (III–IV в.)

Жизнь Пифагора 496

Заметки о «Гармонике» Птолемея 430, 462

- Исагога 371
 О воздержании 186
- Порфирион, Помпонию (III–IV в.)
 Комментарий к Горацию 343
- Послание Аристия (II в. до н. э.) 497
- Поссевино, Антонио (1534–1611)
 Избранная библиотека (Bibliotheca selecta, 1593) 181
- Постель, Гийом (Postellus, 1510–1581) 172, 175–176
 Алфавит, введение и самый простой способ чтения для двенадцати языков, различающихся письменностью (Linguarum duodecim characteribus differentium alphabetum, introductio, ac legendi modus longe facilimus, 1538) 187, **189**, 192
 Об истоках, или О древности еврейского языка и народа и о родстве разных языков (De originibus, seu De Hebraicae linguae et gentis antiquitate, deque variarum linguarum affinitate, 1538) **189**, 192
 О письменах финикийцев, или О древнем письме латинского и греческого языка, и его древнейшем происхождении и использовании (De Foenicum literis, seu de prisco Latinae et Graecae linguae caractere, eiusque antiquissima origine et usu, 1552) 192
 Памятная история о странствиях галлов, или французов, после потопа... (L'Histoire mémorable des expéditions depuis le deluge faictes par les Gauloys ou François, 1552) 192
- даль Поццо, Франческо — см.: ПUTEOLANO, Франческо
- Прассичо, Паоло (XV–XVI в.) 52
- Праш, Иоганн Людвиг (1637–1690) 550–551
 Предисловие к «Эмблематическому катехизису» (1683) 9, 550–551, **565–567**
- Приапеи (также Приапея, ок. I в.) 95, 226
- Прибоевич, Винко (Vincentius Priboevius, XV–XVI вв.)
 Речь о происхождении и достижениях славян (Oratio de origine successibusque Slavorum, 1532) 307
- Приложение к Вергилию (Appendix Vergiliana) 246, 402
 Каталептон (Catalepton, также Catalecton) 400
 Комар (Culex; также = Киликийцы, Cilices?) 245, 247, 400
 Моретум (Moretum) 400
 Приапея (Priapea, Priapeia) 246, 400
 Проклятья (Dirae) 400
 Трактирщица (Cora) 400
 Этна (Aetna) 400
- Присциан (V–VI в.) 104, 119, 128, 137, 143, 161, 163, 167, 209, 366, 393
 Большой Присциан (Priscianus Maior, = Грамматические наставления, кн. 1–16) 142, 394, 410
 Грамматические наставления 55, 69, 102, 107–108, 151, 164–165, 168, 226, 321, 410, 431
 Малый Присциан (Priscianus Minor, = Грамматические наставления, кн. 17–18) 149
 Перизгега 452, 454
- Проб — см.: Жизнеописание Вергилия
- Прокл Диадок (412–485) 224, 493
 Комментарий к Платону 446
- Проперций, Секст (I в. до н. э.) 215, 219, 221, 223, 319

- Элегии* 134, 444
- Пруденций Клемент, Аврелий (348 – после 405)
Перистефанон 116
- Псевдо-Аврелий Виктор
Эпитама о цезарях (IV в.) 193
- Псевдо-Акрон
Комментарии к Горацию (V в.) 343, 362, 418, 464
- Псевдо-Аристотель
Большая этика 382
- Псевдо-Беда
Римский счет (Romana computatio, VII в.) 509
- Псевдо-Бозций
Наука геометрии (Ars geometriae, VIII–IX в.) 508
Обучение школяров (Disciplina scolarium, XIII в.) 140–141, 147, 157–158, **158–159**
- Псевдо-Вакка
Жизнеописание Лукана 430
- Псевдо-Вергилий (см. также: *Приложение к Вергилию*)
Латинская антология 250 Shackleton Bailey (Nocte pluit tota...) 403
Латинская антология 251 Shackleton Bailey (Hos ego versiculos...) 403
Эпитафия Баллисты (Латинская антология 255 Shackleton Bailey) 400
- Псевдо-Деметрий Фалерский (III в. до н. э.? II в. н. э.)
О словесном выражении 274, 516
- Псевдо-Евстафий Антиохийский
Комментарий на Шестоднев (IV–V в.) 495
- Псевдо-Зонара
Словарь (Lexicon, Συναγωγή λέξεων, XIII в.) 523
- Псевдо-Овидий (см. также: *О 12 книгах «Энеиды»*)
Про старушку (De vetula, XIII в.) 383
Четверостишия о каждой из книг Вергилия (не позднее VI в.) 146, 354, 381, 383–386
- Псевдо-Плутарх
Жизнеописание Гомера 379–380
Малые параллельные жизнеописания 477
О реках 187
- Псевдо-Проб (V–VI в.) – см.: *Жизнеописания Вергилия*
- Псевдо-Филаргий (= Адамнан Ионский, VII в.)
Комментарии к Вергилию 351, 406
- Псевдо-Фульгенций
Аллегореза «Фиваиды» Стация (XII в.) 378
- Псевдо-Цезарь
Африканская война (I в. до н. э.) 440
- Пселл, Михаил (XI в.) 329–331
Аллегория к гомеровской итакийской пещере (Ἀλληγορία τοῦ παρ' Ὀμήρῳ Ἰθακησίου ἄντρου) 329
Описание и аллегория к Кирке, желающей изменить облик Одиссея (Ἐκφρασις ἡ ἀλληγορία εἰς τὴν Κίρκην βουλομένην τὸν Ὀδυσσεῆα μεταμορφοῦν) 329

Птолемей, Клавдий (I–II в.; см. также: *Слослов*) 463

Алмагест (= *Большой трактат, Математический трактат*) 408

Гармоника 430, 462

Птолемей II Филадельф, царь Египта с 283 по 246 г. до н. э. (ок. 308–246 до н. э.) 497

Пульман, Теодор (Poelman, Pulmannus, ок. 1510–1581)

Издание Лукана (1564) 312–313

Издание Горация (1566) 312

Издание Клавдиана (1571) 312

Путеолано, Франческо (даль Поццо, ум. в 1490 г.) 218

Издание Катутла и «Сильв» Стация (1473) 218

Пфайффер, Рудольф (Pfeiffer, 1889–1979) 260, 336–337

Пьендибени да Монтепульчано, Франческо (Franciscus de Montepolitiano, ум. в 1397 г.)

Комментарий к буколикам Петрарки 362

Пьетро ди Парма (XIV в.)

Комментарий к Лукану 338–339

Пьетро да Равенна (XIV в.) 207

Рабле, Франсуа (Rabelais, ок. 1494–1553)

Гаргантюа и Пантагрюэль (La vie de Gargantua et de Pantagruel, 1533–1564) 112, 379

Разрушение Трои (ирл. Togail Troí, XI–XII в.) 387

Радульф Бретонский (Brito, ок. 1270–1320)

Вопросы на Малого Присциана (Quaestiones super Priscianum minorem, ок. 1300) 149

Комментарий к «Метафизике» Аристотеля (Quaestiones super librum Metaphysicae) 395–396

Райдуолл, Джон (Ridvalensis, XIV в.)

Комментарий к Фульгенцию 366

де ла Раме, Пьер — см.: Рамус, Петр

Рамус, Петр (также Пьер де ла Раме, de la Ramée, 1515–1572) 115, 289

Грамматика (Grammatica, 1559) 102, 169

Ранальди, Федерико (ум. в 1590 г.) 317

де Ранконе, Эмар (Aimar de Ranconet, Aemarus Ranconetus, 1498–1559) 261

Поэтический словарь (Dictionarium poeticum, 1553) 261

Раньери, Даниэле (Реньер, лат. Ranerius, 1458–1535) 492

«Расширенный Сервий» (VII в.) 347

Рат-Вег, Иштван (Ráth-Végh, 1870–1959) 100

Рафаэль Санти (1483–1520) 137, 503

Регалиан — см.: Регилиан

Регилиан, римский полководец, провозглашенный императором и убитый в 260 г. 36–37

Реджо, Раффаэле (Reggio, Regius, ок. 1440–1520) 216–218

Письмо к венгру Жигмонду от 26 июня 1489 г. 216

Рассуждение против некоторых ошибок некоего Кальфурния Бестии (= *Рассуждение о некоторых местах Персия, Валерия Максима и Цицерона*, In nonnullos errorum cuiusdam Calfurnii Bestiae disputatio, 1490) 216, 217–218

Диалог с неким Кальфурнием Бестией о четырех местах Квинтилиана (De quatuor Quintiliani locis cum quodam Calfurnio Bestia dialogus, 1490) 216

Комментарий к «Метаморфозам» Овидия (1492 или 1493) 216, 235, 237

- Комментарий к Квинтилиану* (1493) 216
- Рейхлин, Иоганн (Reuchlin, 1455–1522) 519
- Рейхлинг, Дитрих (1845–1921) 109
- Ремигий Осерский (Autissiodorensis, ок. 841 – ок. 908, см. также: *Жизнеописание Вергилия > Первое Гудинское жизнеописание*) 370
- Ренан, Беат (Беат Бильд, Rhenanus, 1485–1547) 191, 266
- Рив, Майкл (Reeve) 213, 415–416
- Ридольфи, Никколо (Rodolphus, 1501–1550) 317
- Риккобальдо Феррарский (ок. 1246 – после 1318)
- Померий равеннской церкви* (ок. 1297–1300) **392, 401**
- Компендий римской истории* (1308–1318) **392**
- Рингманн, Маттиас (Philesius Vogesigena, 1482–1511)
- Грамматика в фигурах* (Grammatica figurata, 1509) 101
- дель Ринкон, Антонио (del Rincón, 1566–1601)
- Мексиканский учебник* (Arte mexicana, 1595) 170
- Рипа, Чезаре (ок. 1555–1622) 526–528
- Иконология* (Iconologia, впервые опубл. в 1593 г.) 524–532, **533–540**
- Риторика к Гереннию* (также *Новая риторика*) 18–19, 66, 85, 94, 216, 267, 283, 373, 385
- Риччи, Бартоломео (1490–1569) 230
- де Ришелье герцог, Арман Жан дю Плесси, кардинал (лат. Richelius, 1585–1642) 313
- да Ро, Антонио – см.: Антонио да Ро
- Роберт Мудрый, король Неаполя с 1309 по 1343 г. (1277–1343) 344, 352, 360
- Робортелло, Франческо (также Робортелли, 1516–1567) 243, 245, 260, 262, 268, 273–274, 281
- Комментарий к «Поэтике» Аристотеля* (1548) 262, 326
- Перифраза «Науки поэзии» Горация* (1548) 262, 326
- Толкование всего, относящегося к искусству комедии* (Explicatio eorum omnium, quae ad comoediae artificium pertinent, 1548) 262
- Издание Эсхила* (1552) **260**, 261–262, **264**, 266, **267**, 279, 284–285, 291, 296
- Издание «Тактики» Элиана* (1552) 262
- Издание «О возвышенном»* (1554) 262
- Издание гимнов Каллимаха* (1555) 262
- Издание схолий к Эсхилу* (1557) **260**
- Рассуждение о науке, или методе, исправления книг древних* (De arte sive ratione corrigendi antiquorum libros disputatio, 1557) 262–266, 274, 285
- Роман об Александре* 193
- де Ронсар, Пьер (Ronsard, 1524–1585) 239
- Оды* (Les Odes, 1550–1555) **274**
- Любовные стихи* (Les Amours, 1552) 240
- Франсиада* (La Franciade, 1572) 307
- Росси, Джан Витторио (Ianus Nicius Erithraeus, 1577–1647) 307
- Росси, Никколо (лат. Erythraeus, XVI в.)
- Указатель к Вергилию* (1539) 63
- Роттендорф, Бернард (Rottendorff, 1594–1671) 313
- де Рустичи, Ченчо (Cincius/Cintius Romanus, Cincius de Rusticis, ок. 1390 – не ранее 1445) 17
- Рулл, Публий Сервилий (трибун 63 г. до н. э.) 27
- Руссар, Луи (Russardus, XVI в.) 308

- Руфин Аквилейский, Тиранний (340/345–410)
Латинский перевод Иосифа Флавия (spurium, VI в.?) 190, 453–454
Церковная история 481
- Рэттрэй, Сильвестр (Ratray, XVII в.)
Новое руководство по выяснению тайных причин симпатии и антипатии (Aditus novus ad occultas sympathiae et antipathiae causas inveniendas, 1658) 501
- де ля Рю, Шарль (Rueus, 1643–1725)
Комментарий к Вергилию (1675) 63, 297
- де Сааведра Фахардо, Диего (de Saavedra Fajardo, 1584–1648) 561
- Саббадини, Ремиджо (1850–1934) 18
- Сабеллико, Маркантонио (Коччо, Коччи, ок. 1436–1506) 226, 449, 470
История Венеции (Historia rerum Venetarum, 1487) 227
Заметки о Плинии (Annotationes in Plinium, ок. 1488, опубл. в 1502 г.) 426
- Сабино, Анджело Сани (также Angelus de Curibus Sabinis, ум. после 1474 г.) 449
- Савелло, Мариано (ум. в 1599 г.) 267
- Савонарола, Джироламо (1452–1498) 440–441
- Сад греческих корней* (Le Jardin des racines Grecques mises en vers françois, 1657) 103
- Сакрати, Паоло (1514–1590) 254
- Саллюстий Крисп, Гай (86 — ок. 35 до н. э.) 93, 304, 319
О заговоре Катилины 356
Югуртинская война 34, 96
- Салутати, Лино Колуччо ди Пьеро (также Колуччо Салютати, 1331–1406) 204, 208, 269–270, 454, 457
О подвигах Геркулеса (De laboribus Herculis, 1391) 43–46, 57, 378
Буколическая песнь (Carmen bucolicum) 346
Письма 337, 346
- Сальвиати, Антонио Мария, кардинал (1537–1602) 527–528
- Сальвиати, Лоренцо (1568–1609) 528
- Саннадзаро, Якопо (Sannazzarius, также Акций Синцер, Actius Syncerus, 1458–1530) 46, 49–52, 71–72, 82, 84, 420, 425–426, 448, 493
Рыбачьи эклоги (Eclogae piscatoriae, опубл. в 1526 г.) 346
О дитяти Девы (De partu Virginis, 1526) 51
Эпиграммы (Epigrammata) 422–424
- Санти, Рафаэль — см.: Рафаэль Санти
- де Санто Томас, Доминго (de Santo Tomás, 1499–1570)
Грамматика, или учебник общего языка индейцев королевств Перу (Grammatica o Arte de la lengua general de los Indios de los Reynos del Peru, 1560) 170
- Санчес де лас Бросас, Франсиско (Sanctius Brocensis, 1523–1600)
Минерва, или О причинах латинского языка (Minerva sive De causis linguae latinae, 1562) 108, 128, 169–170
- Сапфо (VII–VI в. до н. э.) 266, 364, 447, 450
- Сарди, Алессандро (также Сардо, 1520–1588)
О поэзии Данте (Della poesia di Dante, 1586) 379
Происхождение божеств и героев (Numinum et heroum origines, опубл. в 1775 г.) 379
- Сарторий, Эразм (1577–1637)
Беллигерасм, то есть История войны, начавшейся в царстве музыки (Belligerasmus, id est Historia belli exorti in regno Musico, 1622) 100

- Сассетти, Филиппо (1540–1588)
Письмо к Бернардо Даванцати 1586 г. 177
- Сацердот, Марий Плоций (Плотий, IV в.)
Грамматика (Ars) 67, 321
- Свейнхейм, Конрад (Sweinheim, Sweynheym, ум. в 1477 г.) 213
- Светоний Транквилл, Гай (ок. 70 – ок. 122) 94, 211, 406
Жизнеописания двенадцати цезарей 96, 196, 401, 416, 486
О грамматиках и риториках 109
- Секст Эмпирик (II–III в. н. э.)
Пирроновы положения 458
Против ученых 458–459
- Селден, Джон (1584–1654) 474
- Семпроний Азеллион, Публий (ок. 160 – после 91 до н. э.) 35
- де Сен-Рави, Жан (Saint-Ravy, Sanravius, XVI в.)
Латинский перевод трагедий Эсхила (1555) 291
- Сенека Ст., Луций Анней (I в. до н. э. – I в. н. э.)
Контroversии 220
- Сенека Мл., Луций Анней (ум. в 65 г.) 91, 207, 310
Агамемнон 228
Апоколокинтоз божественного Клавдия 97
Геркулес в безумии 207, 536
Естественные вопросы 442
О благодеяниях 378
О гневе 500
О постоянстве мудреца 442
О спокойствии духа 252
Письма к Луцилию 318, 439, 445
Утешение к Гельвии 321
Федра 137
- Серват Луп – см.: Луп, Серват
- Сервий Гонорат, Мавр (IV–V в.; см. также: *Жизнеописания Вергилия*) 137, 160–161, 211, 218, 236, 337, 342–343, 356, 359, 370–371, 376, 386, 409, 418, 425
Комментарии к Вергилию 54–56, 69, 75, 335, 339–340, 342, 347–350, 359–360, 362–364, 369, 371, 390–396, 402, 405–406, 408, 459, 461–463, 521
Комментарий к «Большой науке» Доната 128
- де ла Серда, Хуан Луис (de la Cerda, ок. 1558–1643)
Комментарий к Вергилию (1608–1617) 297
- Сигонио, Карло (также Бернардино Лауредано, ок. 1524–1584) 245, 253, 266, 322, 325
Издание Тита Ливия (1555) 253, 266
Утешение, или Об успокоении скорби (Consolatio, vel De luctu minuendo, 1583, опубл. под именем Цицерона) 253, 275
- Сидоний Аполлинарий, Гай Соллий (также Сидоний Аполлинарис, V в.) 96, 360
Письма 199
- Сизенна (Сисенна), Луций Корнелий (ок. 120–67 до н. э.) 31, 36, 91, 430
- Сикст V, папа римский в 1585–1590 г. (Феличе Перетти ди Монтальто, 1521–1590) 307, 473
- Силий Италик (I в.) 309–310, 448
Пуника 205
- Симеон Богоприимец (*Песнь Симеона Богоприимца* = Лк. 2.29–32) 172

- Симеон Младенец (1473–1475) 218–219, 223
 Симпликий (ок. 490 — ок. 560) 371, 462
 Синкелл, Георгий (Συνκέλλος, VIII–IX в.)
 Извлечения из Хронографии (Ἐκλογὴ χρονογραφίας) 495
 Синтхейм, Ян (Sintheim, Synthen, Sinthis, Zinthius, ум. ок. 1493 г.) 145
 Комментарий к «Доктриналу» Александра из Вильдьё (ок. 1477) 145–147, **149, 154, 161, 163, 165–166, 168**
 Сирлето, Гульельмо (1514–1585) 278, 281, 317
 Сирлето, Джироламо (ум. в 1576 г.) 317
 Скавр, Квинт Теренций (II в.)
 Об орфографии 305, 520
Сказание о князьях владимирских (XVI в.) 193–194
 Скала, Бартоломео (1430–1497) 420, 462
 делла Скала — см.: Антонио делла Скала; Бартоломео II делла Скала; Кансиньорио делла Скала; Скалигер, Юлий Цезарь
 Скалигер, Иосиф Юст (также Жозеф Жюст Скалигер, 1540–1609) 7–8, **44, 510**
 Издание Феста (1575) 175
 Издание Катутла, Тибулла и Проперция (1577) 175
 Письмо к Юсту Липсию от 12 февраля 1577 г. 299
 Издание Манилия (1579) 175
 Об исправлении хронологии (De emendatione temporum, 1583) 175, **463–464**
 Диатриба о языках европейцев (Diatriba de Europaeorum linguis, 1599, опубл. в 1610 г.) 9, 175, 177–178, **196–199**
 Скалигерана (Scaligerana, опубл. в 1666–1669 г.) **472–473**
 Скалигер, Юлий Цезарь (Джулио Чезаре делла Скала, 1484–1558) **44, 75, 108–109, 175, 239**
 О первоосновах латинского языка (De causis linguae Latinae, 1540) 142
 Поэтика (Poetice, 1561) **45, 50, 54–56, 59, 78–79, 226**
 Скот, Михаил — см.: Михаил Скот
 Скривер, Кристиан (Scriver, 1629–1693)
 Готтхольдовы размышления по случаю (Gottholds zufälliger Andachten, 1663–1671) **553–554**
 Скримджер, Генри (шотл. Scrymgeour, лат. Scrimgerus, ок. 1505–1572) 289
 Издание «Новелл» Юстиниана (1558) 289
Словарь Академии Круска (Vocabolario degli accademici della Crusca, 1612) 531
 де Смет, Бонавентура — см.: Вулканий, Бонавентура
 Созомено да Пистойя (Дзомино да Пистойя, Sozomenus Pistoriensis, 1387–1458) 121
 Сократ (ум. в 399 до н. э.) 351, 421, 445–446
 Солин, Гай Юлий (III в.)
 Собрание достопамятных вещей 500
 Солон (VII–VI в. до н. э.) 136
 де Сомез, Клод (Saumaise, Salmasius, 1588–1653) 311
 Софиан, Михаил (ум. в 1565 г.) 267, 276–277, 284
 Софокл (V в. до н. э.) 280, 286, **311, 325**
 Спаньоли, Баттиста — см.: Мантуано, Баттиста
 Спартиан, Элий — см.: *История Августов*
 Спиноза, Бенедикт (Барух, 1632–1677) 139, 158

- Стаций, Ахилл (Акилеш Эштасу, 1524–1581) 265
Комментарий к «Науке поэзии» Горация (1553) 326
Издание Катулла (1566) 265
- Стаций, Публий Папиний (I в. н. э.) 219, 229, 264, 310, 312–313, 457
Ахиллеида 228, 387
Сильвы 205, 215, 218–219, 221, 223, 227–228, 268, 415–416, 430, 447–448, 450
Фиваида 36, 236, 264, 338, 355, 378
- деи Стефанески, Лелло ди Пьетро (также дельи Стефанески, Lellus Petri Stephani, Laelius, XIV в.) 345, 352
- Стобей, Иоанн (V в. н. э.) 316
Антология 187, 263
- Стослов* (Centiloquium, = *Китаб аль-Тамара*, Liber Fructus, не позднее X в.) 408
- Страбон (I в. до н. э.) 185, 228
География 288–289, 502
- Строци, Эрколе (Strotius, 1473–1508) 245
- Суда (X в.) 304, 316, 458–459, 493
- Сульпицио Веролано, Джованни (также да Вероли, Sulpitius Verulanus, Verolensis, XV в.) 106, 109
Метрика (Metrica, 1476) 43
Комментарий к Лукану (1493) 213–214
- Суммарий Генриха* (Summarium Henrici, XI в.) 167
- Суммонте, Пьетро (Summontius, 1463–1526) 72
- Суриано, Якопо (также Джакомо, XVI в.) 248–249, 252
- Схолии к Аристофану* 293
- Схолии к Дионисию Фракийскому* (поздняя античность – IX в.) 182, 523
- Схолии к Персию* (IV–IX в.) 163
- Схолии и метрические разборы к Эсхилу* 295–296, 523
- Схотти, Хендрик, антверпенский синдик в 1598 г. (Hendrik Schotti, Schottus) 176
- Схут, Энгельберт (Schut Leydensis/de Leydis, ок. 1420–1503)
О науке письма (De arte dictandi, 1454) 156
- Сципион Африканский (Африкан) Старший, Публий Корнелий (ок. 235–183 до н. э.) 35, 114 (?)
- Сципион Эмилиан Африканский (Африкан) Младший, Публий Корнелий (185–129 до н. э.)
Речи к народу в защиту себя против Тиберия Клавдия Азелла 35
- Т**
- Тавони, Мирко (р. 1949) 171, 175, 191
- Тарквиний Древний, Луций, римский царь (также Тарквиний Приск) 475
- Тацит, Корнелий (I–II в.) 94, 245, 271, 310, 419, 457
Анналы 480
История 461
- Теве, Андре (Thevet, 1516–1590)
Космография Леванта (Cosmographie de Levant, 1554) 489
- Тезауро, Эмануэле (1591/1592–1675) 531
Подзорная труба Аристотеля (Il Cannochiale aristotelico, 1654) 531
- Телезио, Антонио (Thylesius, 1482 – ок. 1534)
Орфей (Orpheus, от имени Кассия Пармского, опубл. в 1565 г.) 275
- Теодул (X в.) 341
Эклога 335

Теологумены арифметики (приписывались Ямвлиху; III–IV в.) 496

Теренциан Мавр (II в. н. э.?) 210

Теренций Афр, Публий (II в. до н. э.) 9, 20, 36, 39, 42, 88, 105, 113, 125, 218, 228, 242, 244–248, 250–258, 264, 267–268, 306, 309, 312, 317, 319, 378, 396, 415

Братья 243–244, 257–258, 306, 442

Девушка с Андроса 92, 209, 240, 243, 252–255, 359, 439, 447

Евнух 39, 113, 125, 251, 255–256

Самоистязатель 247, 252, 256–257, 300

Свекровь 258

Формион 96, 247, 252, 258

Терпсикл (не позднее III в. н. э.)

О любовных средствах 505

Тертуллиан, Квинт Септимий Флорент (ок. 160 – ок. 225) 196

О плоти Христовой 434

Тиберий, римский император с 14 по 37 г. (42 до н. э. – 37 н. э.) 93 – 94

Тибулл, Альбий (I в. до н. э.) 215, 219, 221, 223, 265, 319

де Тийе, Жан (также дю Тийе, Tillet, Tilius, ум. в 1570 г.) 261

Тик, Людвиг (Tieck, 1773–1853)

Виттория Аккоромбона (Vittoria Accorombona, 1840) 318

Тимон Флиунтский (IV–III в. до н. э.) 458–459

Тимосфен Родосский (III в. до н. э.) 182

Тимпанаро, Себастьяно (1923–2000) 232

Тирибаз (IV в. до н. э.) 512

Тиррено, Бенедетто (Tyrrhenus, XV–XVI в.)

Издание Страбона (1516) 289

Тит, римский император с 79 по 81 г. (39–81) 486

Толомеи, Клаудио (ок. 1492–1556)

Полито (Il Polito, 1525) 518

Торелли, Лелио (Laelius Taurellus, 1489–1576) 243

Издание «Пандект» (1553) 419

делла Торре, Джамбаттиста (Turrius, ум. в 1534 г.) 229, 235

Торрезано д'Азола, Андреа (также Торрезани, д'Азола, Азолано, Andreas Asulanus, 1451–1528) 224, 230, 260

Предисловие к Овидию (1516) **230–231**

Предисловие к Эсхилу (1518) **231**

Торрезано д'Азола, Джованни Франческо (Franciscus Asulanus, ок. 1498–1557/1558) 228, 230, 260

Торрезано д'Азола, Федерико (Federicus Asulanus, ум. в 1561/1562 г.) 230, 260

Тортелли, Джованни (Tortellius, 1400–1466) 159

Об орфографии (De orthographia, 1449) 159

Торти, Баттиста (de Tortis, ум. ок. 1536 г.) 211

Треbellий Поллион — см.: *История Августов*

Тревет Николас (Тривет, XIII–XIV в.)

Комментарий к «Буколикам» Вергилия 398

Триклиний, Димитрий (XIV в.) 259, 269–270, 281

Триссино, Джанджорджо (1478–1550) 22

Послание о включении новых букв в итальянский алфавит (Epistola de le lettere nuovamente aggiunte ne la lingua Italiana, 1524) 518

- Трифидор (III в.) 276
 де Ту, Жак-Огюст (de Thou, Thuanus, 1553–1617)
 История своего времени (Historiae sui temporis, опубл. в 1604–1620 гг.) **261**
 де Тудески — см.: Панормитано
 Тукка, Плоций (также Tuchus, I в. до н. э.) 69, 406–407
 Тулл Гостилий, римский царь 34, 391
 де Турне, Жан, Ст. (Torn(a)esius, 1504–1564) 306–308, 318, 323
 де Турнебу, Адриан (Turnebus, Tournebu, также Тюрнеб, Turnèbe, Tournebeuf, 1512–1565) 175, 245, 261, 273, 281, 299, 308–309
 Издание Эсхила (1552) **260–262**, 279, 291, 296
 Заметки (Adversaria, 1564–1565) 257
 де Турнон, Франсуа (Turnonius, 1489–1562) 301
 Турпилий, Секст (II в. до н. э.) 440
 Турций Руфий Апрониан Астерия, Флавий, консул 494 г. 264
 Турын, Александр (Aleksander Turyn, 1900–1981) 260–261
 Тюрнеб — см.: де Турнебу
 Тшуди, Эгидий (нем. Aegidius Tschudi или Gilg Tschudi, лат. Aegidius Tshudus, Schudus или Scudus, 1505–1572) 191–192
- У**голини, Баччо (Бартоломео, ум. в 1494 г.) 451
 Угуччоне Пизанский (Ugutio, Hugutio, ок. 1140–1210) 159
 Большие деривации (Magnaе derivationes = Liber derivationum) 159, 362, 388
 Ульфила (также Вульфилла, IV в.) 199
 Готский перевод Евангелий 199
 Урбан VI, папа римский с 1378 по 1389 г. (Бартоломео Приньяно, 1318–1389) 207
 Утенхове, Шарль, Мл. (Utenhove, Utenhovius, 1536–1600) 324
 Эпитафия на смерть христианнейшего французского короля Генриха, второго короля этого имени (Epitaphium in mortem Herrici Gallorum regis christianissimi, eius nominis secundi, 1560) 324
 Учебник ученых (ирл. Auraicept na n-Éces, VII–XII в.) 480
 Уэбстер, Джон (1610–1682)
 Academiæ Examen (1654) **481–482**
- Ф**абриций, Георг (Голдшмидт, 1516–1571) 310
 Фазанини, Филиппо (Phasaninus, ум. в 1531 г.) 469, 487
 Латинский перевод Палефата (1515) 478
 Латинский перевод «Иероглифики» Гореполлона (1517) 478, 486
 Фарнаби, Томас (Farnabius, ок. 1575–1647) 236
 Фарнезе, Алессандро (Farnesius, 1468–1549) — см.: Павел III
 Фарнезе, Алессандро (1520–1589) 280
 Фарнезе, Рануччо (Rainutius Farnesius, 1530–1565) 306, 317–318, 323–324
 Фатер, Иоганн Северин (Vater, 1771–1826)
 Митридат, или Всеобщее языкознание (совм. с И. К. Аделунгом, Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde, 1806–1817) 171–172
 Фаэрно, Габриэлло (ум. в 1561 г.) 241–245, 247, 255, 268, 298, 306–307, 312, 317, 323
 Письмо к Пьеру Веттори от 30 ноября 1556 г. 242
 Письмо к Павлу Мануцию от 1557 г. 242
 Комментарий к Теренцию (опубл. в 1565 г.) 244, 247, **256**, 258, 306, 312, 317

Феличиани, Порфирио (1554–1634) 527–528

фон Фельдеке, Генрих (XII в.)

Энеида 387

да Фельтре, Витторино — см.: Витторино да Фельтре

Фемистий (ок. 317 — ок. 390) 220–221

Парафразы Аристотеля 221

Феокрит (III в. до н. э.) 334–335, 349, 356, 359

Идиллии 324, 348–349

Феофраст (IV–III в. до н. э.) 514

О музыке 462

Феррари, Джироламо (Ferrarius, ум. в 1543 г.) 266

Исправления к «Филиппикам» Цицерона (Emendationes in Philippicas Ciceronis, 1543) 266

Феспис (VI в. до н. э.) 325

Фест, Секст Помпей (II в.) 159

Эпитома «О значении слов» Веррия Флакка 191, 447–448, 459–461

Физиолог (II–IV в. н. э.) 499–500

Филаргий (также Филагрий) — см.: Псевдо-Филаргий; *Жизнеописания Вергилия*

Филельфо, Франческо (Philadelphus, 1398–1481) 21, 108, 450, 454

Письмо к Чириако из Анконы от 21 декабря 1427 г. 376–378, **410–413**

Письмо к Чириако из Анконы от 1443 г. 378

Письмо к Федерико Сфорца от 1451 г. 21

Письмо к Лоренцо Медичи от 1473 г. 21

Филипп II Габсбург, испанский король с 1556 по 1598 г. (1527–1598) 170

Филиппо, архиепископ Трани в 1344–1348 гг. 352

Филоксен (V–IV в. до н. э.) 442

Филоматес, Вацлав (р. ок. 1490 г.)

Чешская грамматика (Grammatyka Czeska, совм. с Б. Оптатом и П. Гзелом, 1533) 196

Филон Александрийский (I в. до н. э. — I в. н. э.) 521

О сотворении мира 517–518

Филострат, Флавий Ст. (также Филострат II, II–III в.)

Жизнь Аполлония Тианского 478

Финли, Моузес (Finley, 1912–1986) 171

да Фиренце, Андреа — см.: Андреа да Фиренце

Фичино, Марсилио (1433–1499) 419–420, 443

Комментарий к Плотину **507**

Фишарт, Иоганн (ок. 1546–1591) 545–547

Предисловие к «Эмблематическому ученичеству» М. Хольцварта (1581) 545–546, **555–560**

Фламинин, Тит Квинций, консул 123 г. до н. э. 31

Фока (IV–V в.) — см.: *Жизнеописания Вергилия*

Фольетта, Оберто (Foglietta, Ubertus Folietta, 1518–1581)

Об использовании и превосходстве латинского языка (De linguae Latinae usu et praestantia, 1574) 179

Фома Аквинский (ок. 1225–1274) 143, 393, 396

Комментарий к «О Троице» Бозция (1257–1258) 440

Сумма теологии (Summa theologiae, 1265–1274) 534

Комментарий к «Метафизике» Аристотеля (1271–1273) 396

- Фома Эрфуртский (Erfordiensis, de Erfordia, XIII–XIV в.)
Новые модусы обозначения (Novi modi significandi, = De grammatica speculativa, не позднее 1310 г.) **149, 386–387**
- делла Фонте, Бартоломео (также Фонцио, Fontius, 1446–1513) 420
- Фосс, Исаак (Vossius, 1618–1689) 313
- Фракасторо, Джироламо (Fracastorius, ок. 1478–1553) 525
Навгерий (Nauigerius, ок. 1540, опубл. в 1555 г.) 229
- Франциск I Валуа, французский король с 1515 по 1547 г. (1494–1547) 273
- Франческо II Орделаффи, синьор Форли с 1333 по 1359 г. (ок. 1300–1374) 360–361
- Фридрих I Барбаросса (Гогенштауфен), император Священной Римской империи с 1155 по 1190 г. (1122–1190) 559
- Фридрих III, император Священной Римской империи с 1452 по 1493 г. (1415–1493) 119
- Фридрих III, курфюрст Пфальца с 1559 по 1576 г. (1515–1576) 313
- Фробен, Иоганн (Frobenius, ок. 1460–1527) 255
- Фронтон, Марк Корнелий (II в.) 294
- Фуггер, Ульрих (Huldric(h)us Fugger, ок. 1526–1584) 296
- Фукидид (V в. до н. э.)
История 442
- Фуко, Мишель (Foucault, 1926–1984) 7, 490
- Фульвио Сабино, Андреа (ок. 1470 — ок. 1527)
Искусство метрики к госпоже Дионоре Леоле, ученице (Ars metrica ad dominam Dionoram Leolam discipulam) 43
- Фульгенций Планциад, Фабий (V–VI в.) 362, 366, 408
Изложение содержания Вергилия в соответствии с моральными философами 377–378, 405
- Фурий Бибакул, Марк (I в. до н. э.) 94
- Фуфетий, Меттий — см.: Меттий Фуфетий
- Фьокки, Андреа — см.: Андреа да Фиренце
- Хаверкамп, Сигеберт** (Haverkampius, 1684–1742)
Издание Лукреция (1725) 312–313
- Халкидий (IV–V вв.)
Латинский перевод «Тимея» Платона и комментарий к нему 351, 517
- Харисий, Флавий Сосипатр (IV в.)
Грамматика (Ars grammatica) 70, 255
- Харитей — см.: Гарет
- Харсдерфер, Георг Филипп (Harsdörffer, 1607–1658) 546–547
Беседы-игры дам (Frauenzimmer Gesprächsspiele, 1644–1657) 9, 547–549, **560–565**
Поэтическая воронка (Poetischer Trichter, 1647) 547
- Хаусмен, Альфред Эдвард (Housman, 1859–1936) 8
- Хельд, Иеремиас (XVI в.)
Немецкий перевод «Эмблем» Альчато (1567) 542, **544**, 545
- Херемон (I в. н. э.) 469–470, 485–486, 489
- Хиндербах фон Раушенберг, Иоганн (Inderbachius, 1418–1486) 218–219, 223
- Холт, Джон (ум. в 1504 г.)
Молоко для детей (Lac puerorum, ок. 1497) 103

Хольцварт, Маттиас (Holtzward, ок. 1530 — ок. 1580)

Эмблематическое ученичество (Emblematum tyrocinia, 1581) 545

Хомский, Ноам (Chomsky, p. 1928) 169–170

Христос, Иисус 116, 180–181, 364, 386, 401, 404, 441, 496, 500–501, 566

Хунгер, Вольфганг (XVI в.)

Немецкий перевод «Эмблем» Альчато (1542) 542, 545

Хэллам, Генри (Hallam, 1777–1859) 307, 325

Цезарь, Гай Юлий (100–44 до н. э.; см. также: Псевдо-Цезарь) 108, 191, 250, 275, 319, 401, 405, 431, 469, 558

Записки о Галльской войне 191–192, 264

Об аналогии 431

Целер, Цвинт Цецилий Метелл (ок. 100–59 до н. э.)

Письмо к Цицерону 92

Целий Антипатр, Луций (II в. до н. э.) 29

Цензорин (III в. н. э.) 209

О дне рождения 460

Цестий Эпулон, Гай (I в. до н. э.) 469

Цец, Иоанн (Τζέτζης, XII в.) 276, 489

Аллегории к «Одиссее» (Ἀλληγορίαι εἰς τὴν Ὀδύσσειαν) 330

Комментарий к Гомеру 329, 469–470

Цецилий, Стаций (III–II в. до н. э.) 251

Цинна, Гай Гельвий (ум. в 44 г. до н. э.?) 343

Смирна 343

Цицерон, Марк Туллий (106–43 до н. э.) 19–22, 33, 38–39, 59, 82, 85, 87–88, 93–94, 105, 108, 140, 156–157, 159, 203, 216, 228, 230, 239–241, 245–246, 250–251, 254, 265, 277, 287, 299, 304–305, 308, 317, 319, 356, 418–419, 431–433, 435, 448, 452

Брут 18, 30–31, 53, 81, 91, 250

Вторые академические исследования 250

Гортензий 441

О дивинации 214, 288, 323, 464

О дружбе 105, 463

О законах 97, 256

О нахождении материала (De inventione) 18–19, 51

О пределах блага и зла 33, 250

О старости 105, 436

Об обязанностях 211

Об ораторе 18, 21, 28–30, 81, 82, 94, 250, 252, 254, 431–432

Оратор 18, 30, 32–33, 54, 66–67, 160, 249, 254, 286, 293, 435, 520

Ораторские разделения (Partitiones oratoriae) 67

Парадоксы стоиков (также De paradoxis) 105

Письма к Аттику 251, 269–270, 287, 292, 442

Письма к близким 92, 105, 168, 252, 268, 325, 416–417, 439, 454–456

Речи 27–28, 38, 87–88, 245, 249–250, 266, 374, 429, 433, 537

Тускуланские беседы 274, 288, 294, 430–431, 434, 514

Чезари, Джузеппе – см.: Кавальер д'Арпино

Челенца, Кристофер (Celenza) 8–9

Ченнини, Бернардо (1414–1498) 211

Четверостишия на каждую из книг Вергилия – см.: Псевдо-Овидий

Чириако из Анконы (также Кириак, Kyriacus Anconitanus, 1391 – ок. 1449) 376, 378, 410, 469

Читолини, Алессандро (также Читтолини, ок. 1500 – ок. 1582)

Письмо в защиту народного языка (Lettera in difesa de la lingua volgare, 1540) 179

Типокозмия (La Tipocosmia, 1561) 559

Чофано, Эрколе (ум. в 1592 г.)

Заметки о «Метаморфозе» Овидия (In P. Ovidii Nasonis Metamorphosin... observationes, 1575) 317

Чудеса города Рима (Mirabilia Urbis Romae)

«Старейшая версия» (XII в.) 404, 475

Шампольон, Жан-Франсуа (Champollion, 1790–1832) 468, 474–475, 483

Шампье, Симфорьен (Champier, Symphorianus Champerius, 1471–1538)

Медицинская война между Галеном и Аристотелем (Medicinale bellum inter Galenum et Aristotelem gestum, ок. 1516–1517) 100

Шекспир, Уильям (1564–1616)

Юлий Цезарь (1599) 401

Шестая книга Бонифация VIII (1298) 381

Шкловский, Виктор Борисович (1893–1984) 387

Шоппе, Каспар (Sciorpius, 1576–1649) 108–109

Замечка о науке критики, и особенно о второй ее части, эмендационной, каким методом следует пользоваться при правке латинских писателей из головы (De arte critica, et praecipue de altera eius parte emendatrice, quae ratio in Latinis scriptoribus ex ingenio emendandis observari debeat, commentariolus, 1597) 262, 265

Шоттель, Юстус Георг (Schottelius, 1612–1676) 546

Детальное исследование главного немецкого языка (Ausführliche Arbeit von der Teutschen HaubtSprache, 1663) 547–549

фон Шпейер, Венделин (de Spira, ум. не ранее 1477 г.) 212, 221

фон Шпейер, Иоганн (ум. в 1470 г.) 212

Штайнер, Генрих (Heynricus Steynerus, ум. в 1548 г.) 541

Шухардт, Гуго (Schuchardt, 1842–1927) 18, 209

Эберхард Бетюнский (ум. ок. 1212 г.)

Грецизм (Graecismus, ок. 1212) 141, 167

Эзоп 108, 395, 478

Эйзевейн, Йозеф (Jozef Ijsewijn, 1932–1998) 148, 150, 156, 160–161

Эко, Умберто (1932–2016) 469, 475

Элеонора ди Гарсия Толедская (Леонора Альварес де Толедо и Колонна, 1553–1576) 500

Элерс, Виду-Вольфганг (Ehlers, р. 1941) 310

Элиан, Клавдий (II–III в.) 494

О природе животных 501

Пестрые рассказы 430, 501

Элиан Тактик (I–II в.)

Тактика 262

Элий (также Элиас, Helias, VI в.) 371

Элий Аристид (II в.) 262

Элмсли, Питер (Elmsley, 1773–1825) 261

Эль Греко (Доменикос Теотокопулос, 1541–1614) 318

Эмблематический катехизис (Emblematischer Catechismus, 1683) 550–551

Энний, Квинт (III–II в. до н. э.) 32, 34–36, 90, 93, 164, 302–303, 326, 459, 520

Александр 323

Анналы 35–36, 69, 165, 303

Эпиктет (I–II в.) 439

Эпименид (VII–VI в. до н. э.) 440, 449

Эпитафия Лукана (Corduba me genuit..., не позднее VIII в.) 383

Эразм Дезидерий Роттердамский (Gerrit Gerritszoon, Geert Geerts, Gerhard Gerhards, 1466–1536) 142, 143, 145, 224–225, 229, 245, 266, 324, 471

Парафразы «Элегантций» Лоренцо Валлы (ок. 1488) 85

Антиварвары (Antibarbari, 1494, опубли. в 1520 г.) **141–142**, 156

Краткое наставление о богатстве стиля (Brevis de copia praeceptio, не позднее 1499, опубли. в 1518 г.) 85

Adagia (первая версия 1500, финальная версия 1536) **145**, 224, 486

Латинский перевод трагедий Еврипида (опубли. в 1507 г.) 224

Похвала глупости (Μωρίας ἐγκώμιον, id est Stultitiae laus, = Moriae encomium, 1509, опубли. в 1511 г.) 196

О способе обучения (De ratione studii, 1511) 119

Об избытке слов и предметов (De duplici copia verborum ac rerum, 1512) 19, 85, **86–99**

О написании писем (De conscribendis epistulis, авторская версия 1522) 85, 157

Компендий жизни Эразма (Compendium vitae Erasmi, 1524) 145

Цицеронианец (Ciceronianus, 1528) 22

О правильном произношении латинского и греческого языка (De recta Latini Graecique sermonis pronuntiatione, 1528) **46**, 86, 503, 518–520

Синод грамматиков (Synodus grammaticorum, 1529) **157**

Сходка, или Мердард (Concio, sive Merdardus, 1531) 157

Издание Теренция (1532) 254–255

Эротиан (I в.)

Собрание слов, употребляемых у Гиппократа 295–296

Эсхил (525–456 до н. э.) 8, 9, 230, 243, 259–262, 266–267, 269–270, 279–296, 311, 325

Агамемнон 259–260, 267, 269–270, 280, 284, 295–296

Персы 259, 267, 293

Прометей освобожденный 286–291

Прометей пламеносец 288

Прометей скованный (= *Прометей прикованный*, spurium) 259–260, 267, 284, 286–288, 290–295

Просительницы 259, 284, 286, 296

Семеро против Фив 259, 267, 295

Хоэфоры 259–260, 267, 269–270, 280, 284

Эвмениды 270, 284

Эсхин (ок. 389 — ок. 314 до н. э.) 299

О предательском посольстве 300

Против Ктесифонта 286, 299

Этьенн, Анри I (ум. в 1520/1521 г.) 271

Этьенн, Анри II (Estienne, Henricus (Erricus) Stephanus, 1528?–1598) 245, 264, 266, 268, 271–278, 280, 299–300, 307, 325

Издание «Анакреонтики» (1554) 264–265, 274–275

Издание малых произведений Дионисия Галикарнасского (1554) 264

Издание Максима Тирского (1557) 287, **288**

Издание Эсхила (совм. с П. Веттори, 1557) 243, 265, 267–271, 277–279, **282–296**, 325

Греко-латинский словарь Цицерона (Ciceronianum lexicon Graeco-Latinum, 1557) 277, 288

Издание «Медицинского словаря» (1564) 295–296

Трактат о сходстве французского языка с греческим (Traité de la conformité du langage françois avec le grec, 1565) 272, **277–278**

Издание «Древнейших греческих поэтов» (1566) **272–273**, **276**, 277, 283

Тезаурус греческого языка (Thesaurus Graecae linguae, 1572) 272

Моральные пародии (Parodiae morales, 1575) 273

Этьенн, Анри IV (XVI–XVII вв.)

Искусство придумывать девизы (L'Art de faire les devises, 1645) 482

Этьенн, Робер Ст. (также Робер I, 1503–1559) 273–274

Словарь, или Тезаурус латинского языка (Dictionarium seu Latinae linguae thesaurus, 1531) 272, 321

Издание Нового Завета (1550) 311

Этьенн, Робер Мл. (Робер II, 1530–1570) 324

Этьенн, Шарль (1504–1564) 261

Эфор (IV в. до н. э.) 181

Юба, царь Нумидии (ум. в 46 г. до н. э.) 401

Ювенал, Децим Юний (I–II в.) 371, 431–432

Сатиры 36, 210, 359, 372, 429–430, 441–442, 448, 450, 452–454, 515

Югурта, царь Нумидии (ок. 160–104 до н. э.) 34

Юлиан, позднантинский корректор Стация 264

Юлий II, папа римский с 1503 по 1513 г. (Джулиано делла Ровере, 1443–1513) 137

Юлий Целсус Константин, позднантинский корректор Цезаря 263–264

Юнг, Томас (Янг, Young, 1773–1829) 468, 474

Юний, Адриан (Adriaen de Jonghe, 1511–1575)

Книги заметок (Animadversorum libri, 1556) 191

Эмблемы (Emblemata, 1565) 559

Батавия (Batavia, 1587) 191

Юстин (II–IV в.)

История Филиппа (= *Эпитама Помпея Трога*) 365

Юстиниан I, византийский император с 527 по 565 г. (ок. 482–565) 289, 416

Якоб из Бреды (XV–XVI в.) 149

Ямбул (III в. до н. э.?) 182–183

Aelius Antonius Nebrissensis — см.: де Небриха, Антонио
Albertus, Laurentius — см.: Альбрехт, Лоренц
de Alexandro, ab Alexandro, Alexander — см.: дельи Алессандри, Алессандро
Andreas Aleriensis — см.: де Бусси, Джованни Андреа
Angelus de Curibus Sabinis — см.: Сабино, Анджело Сани
An(n)ulus, Barptolemaeus — см.: Ано, Бартельми
Antonius Nebrissensis — см.: де Небриха, Антонио
Antonius Raudensis — см.: Антонио да Ро
Appendix Vergiliana — см.: Приложение к Вергилию
Areostus, Ludovicus — см.: Ариосто, Лудовико
Asulanus — см.: Торрезано д'Азола
Augustinus Olomucensis — см.: Кезенброт, Августин
Auraicept na n-Éces — см.: Учебник ученых
Auratus, Ioannes — см.: Дора, Жан
Aurea grammatica — см.: Золотая грамматика
Avantius, Hieronymus — см.: Аванци, Джироламо

Barthius, Caspar — см.: фон Барт, Каспар
Basilius, Iohannes — см.: Герольд, Иоганн
Berchorius, Petrus — см.: Берсьюр, Пьер
Bernartius, Iohannes — см.: Бернартс, Ян
Blondus, Flavius — см.: Бьондо, Флавио
Bocchius, Achilles — см.: Бокки, Акилле
Bosius, Simeo — см.: Дюбуа, Симон

Calderia, Iohannes — см.: Кальдьера, Джованни
Candidus, Daniel — см.: Крамер, Даниэль
Centiloquium — см.: Стослов
Champerius, Symphorianus — см.: Шампье, Симфорьен
Cincius/Cintius Romanus — см.: де Рустичи, Ченчо
Clericus, Nicolaus — см.: Леклерк, Николя
Comes, Natalis — см.: Конти, Натале
de Comitibus, Federicus — см.: де Конти, Федерико
Cornelia, Catherina — см.: Корнаро, Катерина
Costalius, Petrus — см.: Кусто, Пьер
Costus, Petrus — см.: Кусто, Пьер
a Cruce (Crucius, Cruceus), Iacobus — см.: делла Кроче, Якопо
Crusellius, Petrus — см.: Крузей, Пьер
Cruquius, Iacobus — см.: ван Круке, Якоб

Despauterius, Ioannes — см.: ван Паутерен, Ян
Distigium, Distigius — см.: Дистихи Корнута
Domitius — см.: Кальдерини, Домицио

Erasmus, Demetrius — см.: Герасимов, Дмитрий
Erithraeus, Ianus Nicius — см.: Росси, Джан Витторио
Erythraeus, Nicolaeus — см.: Росси, Никколо
Etymologicum Genuinum — см.: Подлинный этимологик
Exercitium Puerorum... — см.: Грамматические упражнения...

Faber, Iacobus — см.: Лефевр Девентерский, Жак
Faber Stapulensis, Iacobus — см.: Лефевр д'Этаплъ, Жак
Flavius Foroliviensis — см.: Бьондо, Флавио
Franciscus de Montepolitiano — см.: Пьендибени ди Монтепульчано, Франческо

Gasparinus de Bergamo — см.: Барцицца, Гаспарино
Georgius Alexandrinus — см.: Мерула, Джорджо
Gerardus de Zutphania — см.: Герт из Зютфена
Gerardus Noviomagus — см.: Гельденхувер, Герард
Giphanius, Obrechtus — см.: ван Гиффен, Хубрехт
Giselinus, Victor — см.: Гизелинк, Виктор
Glos(s)a notabilis — см.: Герт из Зютфена
Goveanus, Antonius — см.: де Гувейя, Антонио
Gudius, Marquardus — см.: Гуде, Марквард
Gyllius, Petrus — см.: Жиль, Пьер

Hermannus Torrentinus — см.: ван дер Беке, Герман

Iannoctius, Donatus — см.: Джаннотти, Донато
Ianua — см.: Дверь
Inderbachius, Ioannes — см.: Хиндербах фон Раушенберг, Иоганн
Ioannes Gersonensis — см.: Жерсон, Иоанн
Iohannes de Virgilio — см.: Джованни дель Вирджилио
Iohannes Maricolensis — см.: Йоссе из Марвиля
Iohannes Ridovalensis — см.: Райдуолл, Джон
Iodocus Pratensis — см.: Депре, Жоскен
Iordanus de Eberstein — см.: Иордан Саксонский
Iosquinus Pratensis — см.: Депре, Жоскен

Lapus Florentinus — см.: Лапо да Кастильонкьо Мл.
Liber Baro, Sigismundus — см.: Герберштейн, Зигмунд
Liber quinque clavium sapientiae — см.: Книга пяти ключей мудрости
Longolius, Christophorus — см.: де Лонгёй, Кристоф
Ludolphus de Luco — см.: Лудольф из Люхова
Luisinus, Franciscus — см.: Луиджини, Франческо
de Luschis, Anthonius — см.: Лоски, Антонио
Lusc(h)us, Antonius — см.: Лоски, Антонио

Macaeus, Ioannes — см.: Маче, Жан
Maclavellus, Nicolaus — см.: Макиавелли, Никколо
Madius, Vincentius — см.: Маджи, Винченцо
Magnificus, Pacificus — см.: Массими, Пачифико
Mammothrectus, Mammothreptos — см.: Маркезини
Maphaeus, Bernardinus — см.: Маффеи, Бернардино
Mataratius, Franciscus — см.: Матуранцио, Франческо
Matthias a Michau (a Michou, de Miechow) — см.: Мацей Меховский
Maximus, Pacificus — см.: Массими, Пачифико
Meius, Hieronymus — см.: Меи, Джироламо
Milius, Abraham — см.: ван дер Мейль, Абрагам
Mirabilia Urbis Romae — см.: *Чудеса города Рима*
Modius, Franciscus — см.: де Мольд, Франсуа
Mylius, Abraham — см.: ван дер Мейль, Абрагам

Naugerius, Andreas — см.: Наваджеро, Андреа
Nequam, Alexander — см.: Неккам, Александр
Nizolius, Marius — см.: Ниццоли, Марио

Olivarius, Petrus Iohannes — см.: Оливер, Педро Хуан
Omnibonus Leonicensus — см.: Оньибене да Лониго
Oudendorpius, Franciscus — см.: ван Аудендорп, Франс

Paiellus, Bartholomaeus — см.: Паджелло, Бартоломео
Perescius, Nicolaus Claudius Fabricius — см.: де Пейреск Николя-Клод Фабри
Perrerus, Gulielmus — см.: де Ла Перьер, Гийом
Petavius, Dionysius — см.: Пето, Дени
Phaedrus Volaterranus — см.: Ингирами
Philesius Vogesigena — см.: Рингманн, Маттиас
Philippus Caval(l)icensis episcopus — см.: де Кабассоль, Филипп
Pierius — см.: Валериано, Пиерио
Pius Bononiensis — см.: Пио, Джованни Баттиста
Placentius, Ioannes Leo — см.: Плезан, Жан-Леон
Pomponius Infortunatus — см.: Помпоний Лет
Priboevius, Vincentius — см.: Прибоевич, Винко
Puteanus — см.: Дюпюи

Ranerius, Daniel — см.: Раньери, Даниэль
Raphael Lippus Florentinus — см.: Брандолини, Раффаэле Липпо
Rodolphus, Nicolaus — см.: Ридольфи, Никколо
Ruæus, Carolus — см.: де ля Рю, Шарль

Salmasius, Claudius — см.: де Сомез, Клод
Sambucus, Iohannes — см.: Жамбоки, Янош
Sanctius Brocensis, Franciscus — см.: Санчес де лас Бросас, Франсиско
Sc(h)udus, Aegidius — см.: Тшуди, Эгидий

Seligenstädter Lateinpädagogik — см.: *Зелигенштадтская латинская педагогика*

Servius Auctus, Servius Danielis — см.: «*Расширенный Сервий*»

Sinthis, Iohannes — см.: Синтхейм, Ян

de Spira — см.: фон Шпейер

Stephanus — см.: Этьенн

Summarium Henrici — см.: *Суммарий Генриха*

Syncerus, Actius — см.: Саннадзаро, Якопо

Synthen, Iohannes — см.: Синтхейм, Ян

Taurellus, Laelius — см.: Торелли, Лелио

Thuanus, Iacobus Augustus — см.: де Ту, Жак-Огюст

Tiliobroga, Fredericus — см.: Линденброг, Фридрих

Tilius, Iohannes — см.: де Тийе, Жан

Torn(a)esius, Iohannes — см.: де Турне, Жан

Turnebus, Adrianus — см.: де Турнебю, Адриан

Turrius — см.: делла Торре

Urbanus Bellunensis — см.: Больцани, Урбано

Ursinus — см.: Орсини

Victorius, Petrus — см.: Веттори, Пьер

Vulpus — см.: Вольпи

Zeno Florentinus — см.: Дзоно де Маньялис

Zinthus, Iohannes — см.: Синтхейм, Ян

Указатель предметов и понятий¹

Албанский язык 198

Аллегория, аллегореза 12, 329–367, 372–375, 377–380, 408, 412–413, 421–422, 425, 446, 518–540, 543

Аллитерация 49, 80–81

Аллюзия, интертекстуальность, параллельное место 97, 277, 302–303

Английский язык 135, 170, 173–174, 183, 191–192, 194, 197–198

Анжамбман 49, 73–77

Арабский язык 176, 180, 189

Арамейский язык 324, 512

Армянский язык 174–175, 186–190

Архетип 232, 243, 268–270, 417, 454–456

Африканские языки 32, 71

Аффикс 169

Ацтекские письма 473–474

Баскский язык 199

Бретонский язык 199

Валлийский язык («древний британский») 172–174, 183, 191, 194, 199

Венгерский язык 198

«Вопрос о языке» 17, 22, 178–179

Галлы 32, 94, 174–176, 191–193, 194, 199

Германские языки 179, 191–192, 197–198

Германцы 32, 174–175

Готский язык 199

Готы 73, 183, 198, 199

«Гражданский гуманизм» 21–22

Грузинский язык 187

Датский язык 198

Диалог (жанр) 49–50, 246–247

¹ Курсивом выделены номера страниц, на которых понятия упоминаются в примечании.

Еврейский язык 104, 162, 175, 178, 180, 183–184, 187, 189, 273, 324, 479
Естественный знак 481
Естественный язык 19–20, 189

Заимствования 32, 90, 153
Звук и буква – см.: littera

Импреза 525, 543
Ирландский язык 172, 199
Исландский язык 198
Испанский язык 24, 25, 135, 173–174, 176, 179, 183, 197
Испанцы (древние) 32, 176
Итальянский метод обучения 105–106, 150
Итальянский язык 19, 24, 173–174, 178–179, 183, 196–198, 277–278, 307, 518

Кельтские языки 177, 199
Кечуа 170
Киммерийцы 176
Кириллица и глаголица 179
Китайский язык 170, 472–473
Колляция 415
Конъектуры, ренессансные 63, 65, 74, 168, 204, 216, 222, 226, 231, 236–238, 240, 242–244, 247, 252, 254–258, 261, 263, 265, 267, 281, 284, 286, 296, 324–325, 432, 447, 452, 458, 460
Коптский язык 468, 471–474
Корень 169

Литовский язык 193
Логика 137, 146, 151

Мертвый язык 179
Метрика 30, 33, 39–84, 209–210, 222, 242–243, 252–254, 257–258, 325–326
Модусы обозначения, модисты 141–144, 148–160, 478–479
Мэнский язык 172

Науатль 170
Немецкий язык 24, 153–155, 170, 185, 188, 196–197, 199, 546–547
Новогреческий язык 173
Номинализм 18
Норвежский язык 198
Нумизматика 274, 438, 482, 486, 493, 498, 504, 529, 538, 544

Окончание 162
Орфография 154, 159, 303–305, 319–322
Оскский язык 32, 94

Палеография 246, 263–264
Персидский язык 94, 177, 186, 189

Плагиаг 214, 218, 263, 277, 300–303, 429, 442–443, 460–461

Поговорки и пословицы 90, 97, 478

Польский язык 179, 193, 195, 197, 324

Префикс 169

Природа 21, 53, 68, 82, 431

Прозиметр 97

Происхождение языка 52

Регистры языка 20–21, 91–98

Римская комедия (постановка) 39

Риторика 19, 21, 25–33, 35–38, 41–42, 52, 58, 82–83, 85–99, 115, 137

Романские языки 70, 175, 179, 196–198

Румынский язык 25

Руны 199, 480

Русский язык 179, 193–194, 197

Саамский язык 198

Санскрит 170, 177

Синтаксис 109, 138, 150–152, 154–156

Скандинавские языки 197–198

Скифы 176

Славянские языки 179, 188, 191, 193–197

Словенский язык 197

Социолект 22

Спондеи/дактили (чередование) 43, 48, 53, 57–60, 62, 76, 78–79, 82

Способы обозначения – см.: модусы обозначения

Суффикс 169

Схоластика 139, 143–144, 158, 220

Татарский язык 186–187, 189, 198

Текстология 203–326, 414–417, 419, 454–456

Тосканский диалект итальянского языка 22, 176

Турецкий язык 186–187, 189

Угро-финские языки 177, 198

Умбрский язык 32

Универсальная грамматика 142

Фалеков одиннадцатисложник 209–210, 222

Философия 21, 52, 111, 115, 122, 124, 139, 143, 371–373, 378, 409, 426, 434, 477–478

Финский язык 198

Французский язык 24, 87, 154, 173–174, 176–177, 179, 183, 189, 191–192, 194, 197–198, 277–278, 307

Фризский язык 197

Хорватский язык 197

Цезуры 44, 66

Церковнославянский язык 179
 Цицеронианство 22, 46, 229–230, 239–241, 244–245, 277, 310, 415, 419

Чешский язык 179, 193–195, 197

Шведский язык 198
 Шотландский язык (германский) 197–198, 324
 Шотландский язык (кельтский) 199

Эксперимент 52
 Элизия 49, 64–71
 Эмблема 487, 524–527, 541–567
 Этрусский язык, этруски 32, 176, 190–191, 476–477
 Эфиопский язык, эфиопы 71, 172, 182–183, 188

Языки жестов 183

Absoluti, modi significandi 149
 Accentus ecclesiastici 73
 Accessus ad auctores 369–373
 Accidentalіs, modus significandi 144, 149
 Activi, modi significandi 144
 Actus 394–396
 Acutus/gravis 66, 73, 517–519
 Admiratio 51–54, 59, 76, 82–84 (ср.: 52)
 Allusio 97
 Anomali 127, 131
 Appositum, appono 151
 Ars dictandi/dictaminis 154
 Artificialis, ordo 375
 Auctor 370, 372

Boatus 67–68

Capitulum 354, 394
 Causa mota 409
 Characteres dicendi 364, 395
 Characteristica, littera 320
 Circumflexus, accentus 66, 73
 Collisio 53, 58, 66, 80
 Commune, genus 128
 Communes syllabae 73 (Примеч.)
 Communia, verba 127
 Communicatio, communicata verba 30
 Complicatio 73
 Complosio 67–68, 80
 Composita, figura 118, 126, 133

Comunis, actus 395–396
 Concursum (vocalium) 66
 Congruitas 143, 155
 Connexio 76
 Consignifico 144
 Constructio, construo 20, 120, 151–152, 155
 Copia 19, 20, 41, 85–99

Decomposita, figura 133
 Densus в значении «с густым придыханием» 517
 Disticus 395–396
 Diversitatis, pronomina 128
 Divisio 354, 386

Epicoenon, genus 128
 Essentialis, modus significandi 144, 149
 Excellentia 51, 52
 Exceptae actionis, verba 138
 Explosio 67, 80

Figura (грамматический термин) 118, 126, 133
 Forma tractandi, forma tractatus 393–394
 Formalis, modus significandi 148
 Futurum secundum 169

Gravitas 53–54, 61–64, 76, 82

Herous в значении «дактиль» 222
 Heteroclitica, nomina 132–133, 136
 Heterosis 98
 Hiatus 64, 66
 Historia 375, 387, 391–392 (ср. также: 182)

Identitatis, pronomina 128
 Inclinatae, particulae 55
 Inscriptio 544

Latinitas 153
 Littera 55, 320, 519

Materialis, modus significandi 148
 Matrices (о языках) 178, 196–199
 Mixtus, actus 395–396
 Moderatus, accentus 73
 Modi essendi 142
 Modi intelligendi 142
 Modi significandi – см.: Модусы обозначения

Modus scribendi, modus tractandi, modus agendi 370
 Monastica, monostica 393

Narratio 75

Neutra, verba 127, 134
 Neutra passiva, verba 131
 Nexus 73
 Numeri 53

Obiectum 151

Oratio в значении «предложение» 122, 155
 Ordo 120

Particula 55

Passivi, modi significandi 144
 Perfectio 143
 Philologus 444–445
 Praeteritum, tempus 132–133

Qualitas carminis 369, 394

Quintus, casus (звательный) 165

Rectus, casus 33–34, 104, 164

Regimen 138, 155–156
 Relatio 99
 Relativa, pronomina 128, 131, 151
 Respectivi, modi significandi 149
 Rota Virgilii 360, 395

Sacra emblemata 550

Sextus, casus (отложительный) 165
 Simplex, figura 126
 Solutio 77–79
 Species 126–128, 133
 Subiectum 151
 Subscriptio 544, 547
 Substantiva, pronomina 128
 Suppositum, suppono 138, 151, 155
 Syncategoremata 185

Tenor 62

Tenuis в значении «с тонким придыханием» 517
 Teutonica lingua 153–155 (154)
 Translata 30

Varia lectio 210

Versus hypermetrus 65

Сведения об авторах

Составители

Иванова Юлия Владимировна — канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева НИУ ВШЭ, доцент Школы филологии Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, доцент Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, член редколлегии международного электронного журнала по гуманитарной теории «Enthymema» (Миланский университет).

Шумилин Михаил Владимирович — канд. филол. наук, старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, старший преподаватель кафедры классической филологии Института восточных культур и античности РГГУ.

Авторы

Мостовая Вера Геннадьевна — канд. филол. наук, доцент кафедры классической филологии Института восточных культур и античности РГГУ.

Самохвалова Наталия Евгеньевна — преподаватель Школы филологии Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

Серкова Полина Алексеевна — PhD (Университет Дуйсбурга-Эссена), независимый исследователь (Франкфурт-на-Майне).

Соколов Павел Валерьевич — канд. филос. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А. В. Полетаева НИУ ВШЭ, преподаватель Школы философии Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

Степанцов Сергей Александрович — канд. филол. наук, доцент кафедры классической филологии Филологического факультета МГУ, член редколлегий журналов «Вестник древней истории» и «Аристей. Вестник классической филологии и античной истории».

Хаутала Светлана — PhD (Университет Сиены), исследователь при Центре междисциплинарных исследований «Антропология античного мира», Университет Сиены.

Чамина Надежда Юрьевна — PhD (Болонский университет), кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории художественной культуры Художественно-графического факультета Московского педагогического государственного университета (МПГУ).

Научное издание

Заказное издание

НАУКИ О ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ В ЕВРОПЕ XIV–XVI ВЕКОВ

Выпускающий редактор *Е. В. Попова*

Редактор *О. В. Черкасова*

Художник *В. П. Коршунов*

Оригинал-макет *О. З. Элоева*

Верстка *Т. Г. Ситниковой*

Подписано в печать 27.05.2016. Формат 70×100¹/₁₆.

Гарнитура РТ Serif Pro. Усл. печ. л. 39,5.

Тираж 1000 экз. Изд. № 1257. Заказ 3262.

Издательский дом «Дело» РАНХиГС

119571, Москва, пр-т Вернадского, 82

Коммерческий центр— тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02

delo@ranepa.ru, www.ranepa.ru

**Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.**

www.oaompk.ru, www.оаомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В то время, когда Христофор Колумб открывал Америку, а Николай Коперник описывал устройство Солнечной системы, европейской гуманитарной науке тоже открывались бескрайние неизведанные миры: миры чужих языков и созданных иными традициями текстов, отделенных временем и пространством культур — от все лучше узнаваемой классической древности до загадочного и все еще очень плохо известного Востока.

На полотне «Проповедь св. Марка в Александрии» Джентиле и Джованни Беллини, фрагмент которого помещен на обложке, условный восточный колорит интересует художников не сам по себе. Венеция считала себя наследницей Александрии, откуда она получила мощи св. Марка. Поэтому Беллини изображают в Александрии площадь, похожую на Пьяцца Сан-Марко, и населяют ее венецианцами. На заднем плане художники в духе интереса своей эпохи к иероглифике изображали обелиск. Иероглифы на нем столь же условны: они выдуманы в духе тех, что описывались в знаменитом аллегорическом романе «Гипнэротомехия Полифила». Картины Востока больше говорят о самой Европе.

Настоящая книга подробно разбирает и комментирует этот и подобные ему случаи причудливого взаимодействия мира ренессансной Европы со все расширяющимся знанием о языках и культурах, погружая читателя в атмосферу интеллектуальной жизни эпохи. Статьи сопровождаются переводами источников.

